ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

271

ТОМЪ CCLXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Бассейная, № 2).
1883.

Digitized by Google

БОЛОТНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Городъ Несвенцяны, переименованный въ 1863 г. въ Александрійскъ, лежалъ долгое время въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, да и теперь къ нему съ ближайшей станціи надо ѣхать сосновымъ лѣсомъ верстъ сорокъ. Онъ окруженъ болотами. Десять лѣтъ тому назадъ, болота эти, служившія когда-то повстанцамъ, послѣ пораженія ихъ полковникомъ Новоселовымъ, мѣстомъ убѣжища — иныхъ засосала грязь, другихъ съѣли волки, а сдавшіеся были казнены—болота эти хотѣлъ осушить какой-то инженеръ; но, издержавъ много денегъ (казенныхъ), пришелъ къ убѣжденію, что если осушить болота, то край лишится многихъ рѣкъ, берущихъ здѣсь начало. Болота были оставлены въ покоѣ, и городъ Несвенцяны, онъ же Александрійскъ, мѣсяцевъ шесть въ году, попрежнему бываетъ почти совсѣмъ отрѣзанъ отъ остальнаго міра, и только зимою, когда морозъ скуетъ необозримыя и непроходимыя трясины, съ городомъ устанавливается безопасное сообщеніе.

Населенъ городъ свѣтлоглазымъ и бѣловолосымъ народомъ—поляками, литовскаго происхожденія, евреями и немногими русскими. Къ послѣднимъ причисляютъ себя и бѣлоруссы православнаго исповѣданія. Въ городѣ обывателей считалось не болѣе пяти тысячъ. Стоитъ онъ на плоскомъ бугрѣ, дома въ немъ, за исключеніемъ двумъ-трехъ казенныхъ зданій, да заброшеннаго пàлаца (зàмка), принадлежавшаго погибшему въ возстаніи графу Хршонщу, неказисты; даже въ чертѣ города попадаются курныя избы, съ черными ветхими крышами и безъ трубъ, и грязь на улицахъ невылазная. Весною и осенью, когда грязь дѣлалась даже опасною, къ услугамъ желающихъ перейти ту или другую особенно грязную улицу являлись жидки—тощіе и

Digitized by Google

бѣлолицые, съ громадными черными или рыжими пейсами — и переносили пѣшеходовъ на себѣ, и иногда даже дамъ, полковыхъ дамъ, что̀ весьма скандализировало чопорныхъ по̀лекъ.

Въ описываемое время городъ Александрійскъ находился подъ управленіемъ майора Бриллiантова. Это былъ высокій старикъ, съ мутно-синими глазами и сѣдыми, по-николаевски закрученными усами. На груди у него было два ордена. Онъ держался молодцовато, любилъ поѣсть, выпить; потихоньку отъ взрослой дочери, Лепочки, ухаживалъ за польками и еврейками («еврейчками»); распекалъ подчиненныхъ; игралъ на флейтѣ; бралъ съ жидковъ взятки, и всю свою начальственную энергію тратилъ на то, чтобъ заставить горожанъ «уважать русскую власть», для чего требовалъ, чтобъ обыватели, всѣ безъ исключенія, когда онъ проѣзжалъ съ конвойными казаками по городу, низко кланялись ему. Онъ сдѣлалъ много жесткихъ дѣлъ, въ борьбѣ съ польскимъ «го̀номъ», и таки-добился своего, и о немъ до сихъ поръ вспоминаютъ въ Несвецянахъ какъ о звѣрѣ, хотя звѣремъ онъ не былъ, а только пользовался властью, какъ могъ и какъ умѣлъ. Самъ онъ считалъ себя хорошимъ человѣкомъ и ежегодно просилъ себѣ наградъ. Если же его обходили, то онъ искренно удивлялся и ропталъ на несправедливость начальства.

Впрочемъ, неограниченною властью онъ располагалъ недолго и долженъ былъ раздѣлить ее съ предводителемъ дворянства (по назначенію отъ правительства), Петромъ Алибеевичемъ Терюхановымъ, который былъ родомъ изъ Казани, и съ другими лицами, и, наконецъ, сталъ обыкновеннымъ русскимъ исправникомъ, хотя и продолжалъ ѣздить съ казаками.

Онъ жилъ въ большомъ домѣ, который украшенъ дорогой мебелью и картинами, перенесенными изъ упраздненнаго замка графа Хршонща. Бриллiантовъ купилъ за безцѣнокъ у казны конфискованную движимость графа, и значительную часть ея перепродалъ съ большихъ барышемъ евреямъ, а часть оставилъ у себя. Домъ семи-оконнымъ фасадомъ выходилъ на главную улицу города, *Маршалкóву* (переименованную потомъ въ *Терюхановскую*). Изъ своей комнаты дочь майора Бриллiантова могла видѣть очень много грязи, брызги которой летѣли на окна, ставни и заборы, могла видѣть солдатъ, возвращавшихся съ ученья и залихватски горланившихъ «Черную галку» или другую непристойную пѣсню, сопровождаемую свистомъ, могла видѣть по субботамъ евреевъ, прогуливающихся въ новыхъ длинныхъ кафтанахъ, и евреекъ въ атласныхъ капотахъ. Грязь высыхала по серединѣ улицы только въ іюнѣ и іюлѣ. Въ остальное время

Digitized by Google

пользовались тропинками, которыя прокладывались, послѣ долгаго и упорнаго труда, пѣшеходами на томъ мѣстѣ, гдѣ должны быть тротуары. Но такъ какъ дожди въ Несвенцянахъ очень часты, то и пользованіе тропинками было непродолжительное. Грязь вдругъ устремлялась на тротуары, заливала протоптанныя мѣста и, какъ лава, побѣдоносно текла по злополучному городу.

Заднимъ фасадомъ домъ выходилъ въ садъ. Это былъ фруктовый садъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ яблоней, грушевыхъ деревъ, кустовъ черной и красной смородины, липъ, которыя стояли въ самомъ концѣ сада. Въ немъ было чисто, передъ окнами цвѣли георгины и левкои, и онъ разбитъ былъ на пригоркѣ, на берегу *Крулевскаго Болота* (оно теперь носитъ названіе *Бриліантовскаго*). Леночка любила гулять въ саду. Ей нравились сѣренькіе дни, когда нѣтъ ни дождя, ни солнца, небо покрыто свѣтло-свинцовыми тучами, и вѣтеръ не колеблетъ ни вершинъ деревьевъ, ни меланхолическихъ камышей Крулевскаго Болота, мѣстами заросшаго желто-зеленой ряской, мѣстами чистаго и всюду невозмутимо-спокойнаго. Вдали, на томъ берегу болота, среди высокихъ темныхъ сосенъ, въ полупрозрачномъ туманѣ, рисуются очертанія заброшеннаго и раззореннаго пàлаца, съ узенькими окнами, съ готическими башенками...

Леночкѣ было двадцать лѣтъ. Ей кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣзжала въ Несвенцяны, окончивъ одинъ изъ провинціальныхъ институтовъ, прошло много времени—цѣлая вѣчность. На самомъ дѣлѣ, прошло три года. Ей также кажется, что она ужь старуха и что она нехороша собой. Но Леночка была очень моложавое существо, и можно было пари держать, что ей лѣтъ семнадцать, не больше. Каштановые волоса ея, матовые и ровнаго цвѣта, падали двумя тяжелыми и длинными косами на узкія плечи. Кожа у ней была бѣлая съ молочнымъ оттѣнкомъ и длинные пальцы тонкихъ рукъ оканчивались красивыми розовыми ногтями. Леночка была высока и граціозна, но какъ-то застѣнчиво-граціозна. Она любила ходить въ свѣтлыхъ, легкихъ платьяхъ, и когда бродила по саду, вглядываясь въ даль, то соломенная шляпка ея, съ широкими полями и всегда отдѣланная свѣжими блѣдно-голубыми лентами, висѣла у ней на рукѣ, а въ другой рукѣ была книжка французскаго романа, и непремѣнно въ чистенькой несмятой обложкѣ. Она, когда еще была въ институтѣ, всегда воображала себя, въ будущемъ, въ видѣ блѣдной женщины, въ бѣломъ платкѣ и съ книжкой, съ распущенными волосами и съ тоской во взорѣ. Теперь она осуществляла свой идеалъ. Иногда и волосы распускала, но не на-

Digitized by Google

долго. Было у ней также легонькое золотое pince-nez на тонкомъ черномъ шнуркѣ, которое она изрѣдка надѣвала, но такъ, чтобъ никто не видѣлъ, въ особенности «папочка», и находила, что оно къ ней идетъ, хотя была увѣрена, что носить pince-nez неприлично.

Леночка ни съ кѣмъ не сходилась, даже рѣдко съ кѣмъ была знакома. На вечерахъ, которые изрѣдка давалъ ея отецъ, роль хозяйки играла жена ротнаго командира Юскевича, полная и расторопная дама, съ румянами щеками, собственноручно бившая деньщиковъ. Леночка не любила ее, смутно догадываясь объ отношеніяхъ ея къ отцу. Двѣ-три польскихъ семьи, гдѣ были молодыя дѣвушки, держались въ сторонѣ, съ ужасомъ глядя на «москалей». Это были порядочныя и зажиточныя семьи. Леночка была въ костелѣ и видѣла красивыхъ бѣлокурыхъ дѣвушекъ, въ черныхъ траурныхъ платьяхъ съ бѣлыми каймами. У нихъ были братья — они всѣ пали за «ойчизну». Съ другими польками Леночка сама не хотѣла сближаться. Онѣ были очень бѣдны или держались слишкомъ униженно. Молодые офицеры успѣли какъ-то быстро переженится въ «замиренномъ» краѣ, но жены ихъ не хотѣли говорить порусски, и Леночка чувствовала себя неловко въ ихъ обществѣ. Русскія полковыя дамы походили на мадамъ Юскевичъ. Была одна, жена военнаго врача, повидимому, не чета другимъ, молодая дама, Діаконова, но отецъ былъ въ ссорѣ съ Діаконовымъ, и Леночка не могла поддерживать это знакомство. Въ послѣдствіи, она узнала, что настоящая фамилія Діаконовой была другая, и что это была гражданская жена доктора, а не законная, съ которой онъ не жилъ. Услышавъ объ этомъ, Леночка сдѣлала строгіе глаза, но всю ночь не могла заснуть и до разсвѣта думала о Діаконовой, съ которой теперь ужь ни въ какомъ случаѣ нельзя сойтись—неприлично, даже еслибы Діаконовъ и помирился съ отцомъ... Немногіе молодые люди, которые были не женаты, не нравились Леночкѣ. Они были слишкомъ грубы, пьянствовали и дебоширили, и самъ майоръ Бриллiантовъ находилъ, что чиновники эти только «омрачаютъ русское имя». Польскіе юноши исчезли во время повстанья. Такимъ образомъ, Леночка была одинока и у ней не было большой надежды выйти замужъ.

Нѣжность свою она изливала на отца. Послѣ обѣда, когда старикъ дремалъ въ вольтеровскомъ креслѣ (украшенномъ чеканеными бронзовыми гербами Хршонщей), она подходила къ нему и съ улыбкой смотрѣла на него. Онъ открывалъ глаза и тогда она бросалась къ нему на шею, точно дѣвочка, съ ла-

Digitized by Google

сковымъ вскрикомъ, и цѣловала морщинистыя щеки майора. И майоръ снова засыпалъ подъ эти поцѣлуи. Однако, она продолжала сидѣть возлѣ отца, сторожа его сонъ, обмахивая мухъ, потому что ей нравилась роль любящей дочери. Она сидѣла до тѣхъ поръ, пока не являлась, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, мадамъ Юскевичъ.

Поцѣлуями и ограничивались, впрочемъ, всѣ отношенія Леночки къ отцу. Майоръ рѣдко разговаривалъ съ нею. Если же и начиналъ разговоръ, то всегда въ томъ тонѣ, въ какомъ бесѣдуютъ взрослые съ дѣтьми. Онъ не былъ скупъ, давалъ Леночкѣ иногда по бѣленькой на булавки и хотя считалъ Леночку ребенкомъ, но не прочь былъ бы выдать ее за «порядочнаго» человѣка. Когда онъ говорилъ ей объ этомъ, она краснѣла и произносила:

— Ахъ, папочка, я ужь старуха!

Одно время Петръ Алибеичъ Терюхановъ серьёзно ухаживалъ за Леночкой. Петръ Алибеичъ былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, приземистый, широкоплечій, скуластый татаринъ, всегда въ пестрыхъ брюкахъ, безукоризненномъ бѣльѣ и черномъ сюртукѣ. Онъ широко улыбался, обнажая крупные бѣлые зубы и велъ себя развязно, пристально поглядывая на Леночку, причемъ его черные маслянистые глаза умѣли смотрѣть какъ-то отдѣльно на каждую часть тѣла, такъ что Леночкѣ, подъ этими взглядами, становилось иногда невыразимо стыдно. Человѣкъ онъ былъ, по общему мнѣнію, умный, былъ даже въ университетѣ, но могъ бесѣдовать только о самыхъ незначительныхъ вещахъ и любимою фразою его было: «А какая *мнѣ* изъ того польза»? Онъ все [illegible]водилъ къ себѣ и ему казалось, что весь міръ существуетъ исключительно для него. Майоръ снисходительно посматривалъ на Петра Алибеича и повидимому охотно выдалъ бы за него Леночку. Леночка съ удовольствіемъ отдала бы свою руку кому-нибудь получше. Но и Петръ Алибеичъ, былъ не послѣдній женихъ. Леночка стала задумываться и ее начало интересовать, что будетъ, если она выйдетъ замужъ—не за Петра Алибеича, а *вообще*. Петръ Алибеичъ улыбался чуть не до ушей, носилъ за Леночкой шаль, ходилъ съ нею въ лѣсъ за грибами, говорилъ о своихъ казанскихъ земляхъ (хорошія земли!), лошадяхъ (хорошія лошади!), но въ любви не объяснялся, а только все *по своему* смотрѣлъ на Леночку, и преимущественно на ея бедра. Ухаживаніе продолжалось цѣлый мѣсяцъ и каждый разъ мѣста для прогулокъ Петръ Алибеичъ выбиралъ уединеннѣе и уединеннѣе...

Бриллiантовъ, добывъ секретно изъ предводительской канцеля-

Digitized by Google

ріи копію съ послужного списка Терюханова, чтобъ удостовѣриться, имѣется ли у будущаго зятя его приличная недвижимость, узналъ, что Петръ Алибеичъ женатъ, хотя съ женой и не живетъ. Это было большой неожиданностью. Съ Петромъ Алибеичемъ вышло крупное объясненіе. Леночкѣ папочка нарвалъ уши и сказалъ нѣсколько такихъ словъ, которыхъ въ институтѣ ей слышать не приходилось. Леночка была оскорблена; она горько плакала и не понимала, въ чемъ она провинилась; смыслъ папочкиныхъ словъ былъ сначала не ясенъ для нея; но когда мадамъ Юскевичъ растолковала въ чемъ дѣло, съ Леночкой сдѣлалась истерика.

Это произошло въ первый годъ по выходѣ ея изъ института. Она давно помирилась съ папочкой, избѣгаетъ встрѣчаться съ Петромъ Алибеичемъ и вообще съ мужчинами, и ей кажется, что она старуха, потому что съ тѣхъ поръ у ней на многое открылись глаза.

Даже на папочку открылись глаза...

Но она старается не замѣчать, не видѣть. И папочка убѣжденъ, что она ничего не видитъ; онъ продолжаетъ смотрѣть на нее, какъ на дѣвочку, и только иногда, встрѣтивъ загадочно устремленный на него взглядъ большихъ синихъ глазъ Леночки, вдругъ смутится и спроситъ себя: «Ужь не знаетъ ли она чего на счетъ *того* дѣла? Не познакомилась ли она съ Діаконовыми? Наконецъ, Мунька, и Францишка—въ сосѣдней комнатѣ»... Походитъ, покуритъ, ласково потреплетъ Леночку по щекѣ и успокоится. «Невинна какъ ангелъ»! «Ну, ступай себѣ, скажетъ, въ свою комнату, не мѣшай мнѣ... А, да отстань съ своими поцѣлуями... Ну, ну, цѣлуй... На, вотъ тебѣ на булавки»... Леночка выйдетъ, бродитъ, раскраснѣвшаяся, по саду, и къ любви ея къ отцу примѣшивается горькое чувство. Сырой воздухъ вѣетъ ей въ лицо, Крулевское болото тоскливо разстилается передъ Леночкой, и ей кажется, что лучше всего быть одной.

II.

Весна 1868 года была поздняя. Въ мартѣ были снѣжныя бури. Лежали цѣлыя горы снѣгу. Волки были люты и кидались иногда на людей, даже въ чертѣ города. По низко-нависшему небу мчались тучи, холодный вѣтеръ зловѣще раскачивалъ сосны. Городъ Александрійскъ заметало снѣгомъ. Въ половинѣ марта стало легче. Небо засинѣло, выглянуло солнце. Но вдругъ пронесся ураганъ, поломалъ деревья, сорвалъ съ церкви всѣхъ

Digitized by Google

Святыхъ (передѣланной изъ костела) желѣзные листы, разметалъ на многихъ домахъ крыши. Послѣ этого съ юга подуло тепломъ, снѣгъ сталъ быстро таять, небо угомонилось. Мягкій, сырой туманъ повисъ надъ городомъ, надъ болотами; въ двухъ шагахъ ничего нельзя было видѣть, и только слышно было, какъ журчитъ вода. Постепенно журчаніе превратилось въ глухой ропотъ. Наконецъ, вода заревѣла, вздулись болота, слились съ рѣками, затопили окрестныя и дальнія мѣстечки и деревушки, и городъ сталъ островомъ, затерявшимся среди океана грязи и талой воды.

Ежедневно изъ затопленныхъ деревень пріѣзжали въ городъ, на поромахъ, высокіе свѣтлоглазые люди въ бѣлыхъ войлочныхъ шапкахъ (*мачержахъ*), съ дѣтьми и женами, обутые въ худые лапти. За плечами у нихъ были кошели, изъ древесной коры, и они медленно ходили по городу, по колѣно въ грязи, прося милостыни подъ окнами. Леночка нѣсколько разъ подавала этимъ людямъ по копейкѣ, по двѣ. Ночевали они въ старыхъ заброшенныхъ городскихъ баняхъ, но скоро наплывъ ихъ сталъ такъ великъ, что имъ негдѣ было помѣщаться, и на одной только площади, возлѣ церкви Всѣхъ Святыхъ расположилось болѣе двадцати семействъ. Горожане волновались — они боялись, что начнутся кражи. Ворота и калитки были вездѣ на запорѣ.

Въ одинъ особенно туманный, но теплый апрѣльскій день, Леночка надѣла мѣховую кофточку и вышла въ садъ. Въ саду было грязно, но главная дорожка была устлана досками. Она стала ходить по доскамъ. На ней были варшавскіе башмаки и стукъ ихъ высокихъ каблуковъ привлекъ вниманіе майора Брилліантова. Вскорѣ онъ присоединился къ дочери.

— Здравствуй, Леночка!

— Здравствуй, папочка. Ты вышелъ тоже погулять?

Она поцѣловала у него руку и посмотрѣла ему въ лицо.

— Ты, папочка, здоровъ?

— Надѣюсь, что здоровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, лицо у майора было красное, даже смугло-красное, что̀ составляло странный контрастъ съ бѣломолочной пеленой тумана, висѣвшей вокругъ и отъ которой рѣдко когда совсѣмъ освобождался городъ. Повидимому, майоръ съ годами не старѣлъ. Только глаза становились мутнѣе, да все замѣтнѣе серебрилась сѣдина на вискахъ.

— Папочка, въ этомъ году мнѣ хотѣлось бы пунцовыхъ розъ. А тутъ я хочу посѣять душистый горошекъ. Слышишь?

— Пунцовыхъ розъ?.. А сказать тебѣ новость, Леночка?

— Скажи.

Digitized by Google

Она улыбнулась и, взглянувъ на отца, увидѣла, что лицо у него ласковое, но смотритъ онъ какъ-то разсѣянно.

— У Петра Алибеича жена умерла, сказалъ онъ. — Это я навѣрно узналъ. Онъ будетъ у насъ на праздникахъ, а можетъ и раньше. Можетъ, сегодня. Пріодѣнься.

Леночка вдругъ забыла о розахъ и душистомъ горошкѣ, и шла, потупивъ въ землю глаза... У ней вспыхнули уши и загорѣлось лицо.

— Конечно, я тогда хорошо сдѣлалъ, что вмѣшался, началъ майоръ.—Правда, я поступилъ жестоко, Леночка. Я солдатъ, Леночка, и всѣхъ этихъ деликатностей не понимаю. Я прямо рублю, Леночка. Ты была тогда дѣвочка, неопытная и мало ли что могло выйти. Мы мущины—намъ пальца въ ротъ не клади!

Онъ усмѣхнулся.

— Но теперь, Леночка, продолжалъ онъ:—дѣло переносится на другую почву. Ты ужъ взрослая...

— Старуха, папочка! машинально произнесла дѣвушка.

— Ну, хорошо—старуха, которой двадцать лѣтъ. Петръ Алибеичъ тебѣ нравится...

— Папочка!

— Хорошо, я буду скроменъ. Скажу только, что Петръ Алибеичъ чудесная партія. Жениховъ тутъ не скоро дождешься. Надо пользоваться случаемъ... А?

Леночка молчала.

— Увѣренъ, впрочемъ, что ты поступишь такъ, какъ прикажетъ тебѣ сердце.

Онъ лукаво прищурился. Леночка сказала:

— Вы можете быть увѣрены, папочка.

— И, конечно, не захочешь огорчить меня! заключилъ онъ и самъ поднесъ Леночкѣ руку.

Леночка ничего не сказала, но въ первый разъ ей бросилось въ глаза, что у «папочки» некрасивая жилистая рука, съ плоскими неопрятными ногтями.

Въ тотъ день она все послѣ обѣда не выходила изъ своей комнаты, украшенной портретомъ папочки въ круглой золотой рамѣ и двумя межигорскими фарфоровыми вазами съ гербами Хршонщей. Изъ дальнихъ комнатъ слышалась флейта майора, подъ окномъ, почти надъ самымъ ухомъ Леночки, просили хлѣба мужики. Она плотно закрыла дверь и форточку, потому что ее раздражали и флейта, и нищіе.

Вечеромъ, къ Бриллiантову собрались гости. Въ залѣ были зажжены лампы, симметрично висѣвшія на бронзовыхъ кронштейнахъ вдоль стѣнъ, выкрашенныхъ свѣтло-розовой краской. Пе-

Digitized by Google

редъ окнами, съ филейными гардинами и темнаго бархата подзорами, стояли въ зеленыхъ кадкахъ большіе фикусы, пальмы, олеандры. Мебель была вѣнская, недавно выписанная изъ Вильно.

Когда Леночка, по требованію папочки, вышла къ гостямъ, она прежде всего увидѣла, что Петра Алибеича нѣтъ. Она съ облегченіемъ перевела духъ. Поздоровавшись съ гостями, она сѣла возлѣ дамъ, и на вопросъ капитана Юскевича, какъ она поживаетъ? отвѣтила:

— О! Отлично... Благодарю васъ!

Майоръ искоса посмотрѣлъ на нее—ему не понравилось, что она надѣла простенькое платье, и продолжалъ прерванный ея появленіемъ разговоръ.

Рѣчь шла о мужикахъ.

— Представьте, побросали въ деревняхъ стариковъ и старухъ! Будетъ масса мертвыхъ тѣлъ! говорилъ онъ.

— Жиды бѣгутъ тоже, замѣтилъ помощникъ исправника Дейкуновъ.

— Вотъ что, произнесъ майоръ:—надо бы насчетъ паспортовъ. Нѣтъ паспорта—вонъ! проваливай назадъ, въ болота. Паспорты не у всякаго есть и этакимъ способомъ мы хоть немного очистимъ городъ...

Майоръ говорилъ авторитетно, какъ говорятъ люди, власть имѣющіе. Помощникъ исправника кивалъ головой. Но когда майоръ заговорилъ о паспортахъ, онъ пересталъ кивать головой.

— Гм!??

— Мертвыхъ тѣлъ тогда будетъ еще больше, съ улыбкой сказалъ молодой человѣкъ, сидѣвшій поодаль, одѣтый во все черное, съ бритымъ блѣднымъ лицомъ и красивыми свѣтлыми волосами. Когда Леночка вошла, онъ всталъ. Но майоръ не представилъ его. Теперь она невольно посмотрѣла въ его сторону. Майоръ тоже посмотрѣлъ въ его сторону, съ любезной гримасой.

— Господинъ Михольскій едва ли свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ, сказалъ онъ.—Вы извините, господинъ Михольскій, это ужь у меня такая натура: всѣмъ говорю правду-матку въ глаза. Я солдатъ.

— Я не въ претензіи, холодно произнесъ Михольскій.

Бриллiантовъ слегка покраснѣлъ. Онъ подтянулся и сталъ въ полголоса говорить съ судьею.

Черезъ нѣкоторое время Дейкуновъ вернулся къ прежней темѣ.

— Во всякомъ случаѣ, надо что-нибудь предпринять. Конечно, Егоръ Егорычъ лучше меня знаетъ что. Онъ начальникъ уѣзда. А я такъ только говорю—личное мнѣніе. Тифъ начался...

Digitized by Google

— Голодъ, замѣтилъ Михольскій.

— И голодъ. Слѣдовало бы приказать головѣ позаботиться о народѣ. Вотъ и Діаконовъ говоритъ: прежде всего размѣстить по домамъ, какъ солдатъ, а потомъ, разумѣется, донести по начальству...

— Діаконовъ сумасбродъ и опасный человѣкъ, сказалъ майоръ.

— У него маленькая квартира, возразилъ Михольскій, окидывая взглядомъ залу:—и однако же онъ пріютилъ у себя дѣтей этихъ несчастныхъ.

На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ удареніе. Майоръ на этотъ разъ совсѣмъ не остановилъ вниманія на Михольскомъ, но Леночка опять посмотрѣла на него. У Михольскаго былъ нѣжный, но самоувѣренный голосъ и онъ сидѣлъ, сложа руки по-наполеоновски, заложивъ ногу за ногу.

— «Кто это»? подумала она.

— Это актеръ, шопотомъ сказала ей молоденькая жена помощника исправника, какъ бы въ отвѣтъ на ея мысль.

— «Актеръ»!

Леночка никогда не видѣла такъ близко актеровъ.

Дейкунова наклонилась къ ней и продолжала:

— Зимой онъ игралъ въ Вильнѣ. О, очень извѣстный актеръ! Здѣсь онъ пробудетъ весну. Вы знаете, милочка, актеры весной всегда кладутъ зубы на полку. Егоръ Егорычъ предлагалъ ему устроить здѣсь театръ. Ахъ, это было бы недурно! Русскій театръ здѣсь необходимъ! Мы начинаемъ разучиваться по-русски. Недавно я своего муженька «галганомъ» назвала. Въ другой разъ—«лайдакомъ». Мы полонизируемся! Кромѣ того, Егоръ Егорычъ получилъ бы благодарность отъ начальства. Но, конечно, Михольскому невыгодно. Глушь, какіе тутъ сборы!

Помолчавъ она опять наклонилась къ Леночкѣ.

— Надо вамъ знать, этотъ Михольскій какой-то родственникъ, или просто братъ Діаконовой, то-есть не Діаконовой, а какъ бы вамъ сказать... ну, да вы знаете! жены Діаконова.

Леночка въ третій разъ взглянула въ сторону Михольскаго. Онъ сидѣлъ въ той же позѣ, и глаза его встрѣтились съ глазами Леночки. Она потупилась.

Прошла мадамъ Юскевичъ, шумя шолковымъ платьемъ бураковаго цвѣта. Двѣ горничныя внесли на подносахъ чай и сухари. Егоръ Егорычъ съ нетерпѣніемъ взглянулъ на двери; Петра Алибеича нѣтъ, а между тѣмъ онъ обѣщалъ быть. Майоръ пожалъ плечами, молча взялъ стаканъ и подлилъ коньяку. Дамы, за исключеніемъ Леночки, тоже подлили себѣ коньяку.

Несмотря на интересъ, какой могло внушать несвѣцянскимъ

Digitized by Google

чиновныхъ тузовъ, собравшихся на вечеръ къ Бриліантову, наводненіе, о немъ говорили недолго. Эта тэма была исчерпана быстро. Вяло поговорили о перемѣнахъ въ составѣ виленскаго генералъ-губернаторства, о томъ, что поляки опять, кажется, начинаютъ шевелиться, объ интригахъ французскаго двора, о протопопѣ, которому жена измѣнила. И весьма оживились, когда были предложены карты.

Въ кабинетѣ майора разложили ломберный столикъ, по угламъ поставили двѣ свѣчки въ мельхіоровыхъ подсвѣчникахъ. Началась игра. Къ пулькѣ приняли участіе помощникъ исправника, судья, капитанъ и самъ Бриліантовъ. Въ кабинетъ горничныя то и дѣло носили пунши.

Въ залѣ остались только дамы и Михольскій. Дамы ѣли варенье. Дейкунова взяла стаканъ, наполнила его до половины вишневымъ сиропомъ и разбавила ромомъ.

— Я такъ люблю, пояснила она Леночкѣ.

Глаза у этой барыни съузились и носикъ покраснѣлъ. Она не стѣснялась и быстро опорожнила стаканъ.

— Присаживайтесь къ намъ! крикнула она Михольскому.

Михольскій всталъ, подошелъ и сѣлъ недалеко отъ Леночки.

— Хотите, я и вамъ варенья съ ромомъ сдѣлаю? спросила его Дейкунова.

— Нѣтъ, благодарю. Я, вы знаете, не пью.

Леночка сидѣла, опустивъ глаза. Михольскій курилъ. Онъ видѣлъ, что у ней большія темныя рѣсницы, слабый румянецъ, крошечный подбородокъ и мягкія очертанія груди.

— Дайте мнѣ папиросу! сказала Дейкунова.

Михольскій раскрылъ портсигаръ и протянулъ его Дейкуновой. Она, прищурившись, смотрѣла на Михольскаго и улыбалась. Въ головѣ у ней уже слегка шумѣло. И едва она дотронулась до портъ-сигара, какъ портъ-сигаръ наклонился и папиросы посыпались на колѣни Леночки.

Леночка смутилась. Она сидѣла неподвижно.

— Позволите? произнесъ Михольскій.

Она молчала, и онъ сталъ собирать папиросы. Было мгновеніе, когда ей показалось, что она чувствуетъ легкое прикосновеніе его пальцевъ. Но это только показалось. Вдругъ она вскочила, двѣ-три папиросы упали на полъ. Жена помощника исправника смѣялась и говорила:

— Ахъ, что я надѣлала, что я надѣлала!

Михольскій ловко нагнулся, не вставая со стула, и поднялъ папиросы.

— Простите, сказалъ онъ Леночкѣ:—я васъ потревожилъ.

Digitized by Google

Она покраснѣла. Въ этомъ обращеніи ей послышалось приглашеніе занять прежнее мѣсто. Она сѣла и одной рукой поправляла волосы, хотя они были въ порядкѣ.

— Послушайте, продекламируйте что-нибудь! сказала Михольскому Дейкунова, закуривая папироску.—Нѣтъ, душечка, какъ онъ декламируетъ!

— Вы будете очень любезны... почти прошептала Леночка.

Она думала, что онъ станетъ отказываться, ломаться, ссылаться на то, что нѣтъ расположенія, въ родѣ жандармскаго капитана Буханцева, который, ежели бываетъ у нихъ, то всегда поетъ, и недурно, но зато предварительно всѣхъ истомитъ тѣмъ, что заставляетъ себя упрашивать чуть не на колѣняхъ. Она терпѣть не могла этого капитана.

Но Михольскій какъ будто даже обрадовался.

— Очень хорошо, сказалъ онъ.

Леночка этого не ожидала. Она еще сильнѣе покраснѣла, но перестала чувствовать себя неловко. Майоръ торопливо вошелъ въ залу и, посмотрѣвъ на дверь, опять ушелъ въ кабинетъ. Леночка поняла, зачѣмъ выбѣгалъ папочка. «Нѣту Петра Алибеича, нѣту!» подумала она и улыбнулась.

— Э, да здѣсь вамъ будутъ мѣшать, замѣтила мадамъ Юскевичъ.—Пойдемте, господа, въ ту гостинную! Прасковья Ивановна! Леночка!

Впереди пошла она съ Дейкуновой, позади Леночка съ Михольскимъ.

— Вы знаете, что я актеръ? спросилъ Михольскій, когда они проходили по узенькой комнатѣ, увѣшанной гравюрами и картинами и слабо освѣщенной синимъ фонаремъ.

— Знаю... Мнѣ сказали.

Слѣдующая комната была больше. Тутъ стояло фортепьяно, мебель была старинная, кожанная, съ золотыми тисненіями, въ углу стояло огромное зеркало, въ которомъ, при свѣтѣ единственной свѣчи, горѣвшей въ высокомъ бронзовомъ шандалѣ, Леночка увидѣла свое отраженіе — увидѣла и пожалѣла, зачѣмъ не къ лицу одѣта.

Михольскій обратился къ ней.

— Вы любите Некрасова? спросилъ онъ.

Она читала Некрасова, но многое забыла. Она сказала:

— Стихи? Люблю.

— Я прочитаю вамъ «Парадный Подъѣздъ», сказалъ Михольскій, закладывая руку за бортъ сюртука.

Дамы сѣли. Прасковья Ивановна полулегла на низкомъ диванчикѣ и, прищурясь, съ восторгомъ смотрѣла на молодого чело-

Digitized by Google

вѣка. Мадамъ Юскевичъ пытливо глянула на Леночку. А та сидѣла на стулѣ и сначала слушала, потупивъ глаза.

Михольскій сталъ читать. Онъ читалъ по-актерски, кругло выговаривая каждое слово. Леночка удивилась, что это такіе стихи. Вдругъ ей стало казаться, что рѣчь идетъ о папочкѣ и о мужикахъ, которые уже цѣлую недѣлю бродятъ по городу, въ лаптяхъ, съ голодною тоскою поворачивая направо и налѣво худыя мрачныя лица. Не думаетъ ли Михольскій, что вельможа, о которомъ говорится въ стихахъ, похожъ на папочку? Она подняла глаза. Теперь она все смотрѣла на Михольскаго, на его блѣдное лицо, вдругъ сдѣлавшееся очень красивымъ. Когда Михольскій кончилъ читать, Леночка не могла удержать слезъ. Онѣ сверкали на ея рѣсницахъ, она улыбалась и протягивала ему руку, молча благодаря его.

Прасковья Ивановна осталась, однако, недовольна. Она стала просить Михольскаго еще что-нибудь «исполнить». Михольскій отказался.

— Что-нибудь веселенькое!

— Въ самомъ дѣлѣ, панъ Михольскій! сказала мадамъ Юскевичъ.

— Ну, что-нибудь противъ правительства!

Михольскій взглянулъ на Прасковью Ивановну.

— У, бука! проворчала она.

Мадамъ Юскевичъ выразила надежду, что Михольскій потомъ будетъ любезнѣе. Михольскій поклонился. Онъ велѣла перенести въ эту комнату варенье и ромъ и ушла хлопотать объ ужинѣ.

Леночкѣ нравилось, что Михольскій не захотѣлъ больше читать...

Прасковья Ивановна ѣла варенье, поливая его ромомъ. Иногда она вмѣшивалась въ разговоръ Михольскаго съ Леночкой. Глазки у ней посоловѣли, носикъ совсѣмъ сталъ алымъ и она оттопыривала нижнюю губу. Скажетъ что-нибудь, увидитъ, что Михольскій или Леночка на нее смотрятъ, оттопыритъ нижнюю губу и вдругъ расхохочется.

Михольскій все время говорилъ. Леночка потомъ не могла припомнить, какъ завязался этотъ разговоръ. Она думала, что Михольскому было скучно съ ней и старалась показать, что цѣнитъ его вниманіе. Она слушала, улыбаясь, и когда онъ справлялся о литературныхъ вкусахъ ея, торопливо отвѣчала, опасаясь, чтобъ онъ не принялъ ее за круглую дуру. Шекспиръ великій драматургъ, Тургеневъ достоинъ похвалы. Михольскій говорилъ о новыхъ книгахъ, журналахъ, о провинціальной скукѣ. Заговорилъ о «новыхъ» людяхъ. «Вотъ, напримѣръ, Діаконовы». Ле-

Digitized by Google

ночка слушала и глядѣла на него. Онъ любилъ закладывать руку за бортъ сюртука и говорилъ не громко, чуть не въ полголоса, но это еще больше заставляло Леночку слушать—точно Михолькій не говоритъ, а сговаривается съ нею. Глаза у него были добрые, темно-сѣрые, выпуклые. Ему было не больше двадцати семи лѣтъ. Но вокругъ глазъ уже легли морщины. Щеки были худыя, губы тонкія и острый подбородокъ.

О себѣ онъ ничего не сказалъ. Но нѣсколько разъ возвращался къ Діаконовымъ и, наконецъ, спросилъ:

— Вѣдь вы не знакомы?

— Когда-то я видала m-me Діаконову...

— Познакомьтесь.

Леночка помолчала.

— Мелкое дѣло—взять нищихъ ребятишекъ, обмыть, обчесать, одѣть, накормить... Да вѣдь здѣсь никого въ городѣ не найдется, кто бы на это рѣшился. А они рѣшились, себя стѣснили... Нѣтъ, знаете, это люди!

— Мнѣ хотѣлось бы принять участіе въ этихъ дѣлахъ, сказала Леночка въ волненіи.

— Превосходно. Вы вотъ съ Діаконовой на этомъ и сойдитесь. Хотите, я завтра приду съ ней?

— Къ намъ?

— Къ вамъ. Она мнѣ близкій человѣкъ. Ей тяжело одной. И будетъ хорошо, если вы раздѣлите съ ней матеріальныя заботы....

Леночка колебалась. Но Михольскій пристально смотрѣлъ на нее. И Леночка сказала:

— Хорошо.

— Не бойтесь, добавилъ Михольскій съ улыбкой: — возиться съ дѣтьми придется не долго. Черезъ нѣсколько дней, вода начнетъ убывать. Родители возвратятся къ своимъ пепелищамъ и, разумѣется, дѣтей не бросятъ.

— Я не боюсь... этого, отвѣчала Леночка.

Пулька была сыграна рано. И пока Юскевичъ, контролируемый помощникомъ исправника, выводилъ мелкомъ на зеленомъ сукнѣ цифры, сосчитывая проигрышъ и выигрышъ, майоръ озабоченно прошелъ въ третью комнату, туда, гдѣ бесѣдовали молодые люди. Онъ спросилъ, гдѣ мадамъ Юскевичъ. Леночка машинально указала на боковую дверь. По уходѣ отца, она страшно покраснѣла. Сердце ея билось отъ неопредѣленнаго испуга. Она подсѣла къ Прасковьѣ Ивоновнѣ и обняла ее. Та дремала. Но вдругъ проснулась, тупо взглянула на Леночку, на Михольскаго и, потянувшись, сказала:

Digitized by Google

— Ахъ, какая скука! Когда же у васъ ужинаютъ?!

Черезъ нѣкоторое время въ залѣ былъ накрытъ столъ большой бѣлой скатертью. Старое серебро, граненый хрусталь и голубая сталь ножей сверкали при свѣтѣ лампъ. Въ графинахъ переливались топазами и рубинами меды и наливки. Въ красивой суповой вазѣ, расписанной пестрыми мѣками, дымился уже супъ. Всю эту трапезную обстановку Леночка хорошо знала—это была торжественная обстановка, и дорогая посуда выносилась только для рѣдкихъ и дорогихъ гостей. Очевидно, папочка ждалъ Петра Алибеича до послѣдней минуты. Теперь папочка стоитъ и сердито крутитъ усъ. Но надо быть гостепріимнымъ. Вотъ онъ вѣжливо приглашаетъ судью, помощника исправника, Михольскаго, капитана. Мадамъ Юскевичъ занимаетъ мѣсто хозяйки передъ суповой вазой. Прасковья Ивановна, слегка пошатываясь, помѣщается между мужемъ и Михольскимъ. «Садись, Лена», говоритъ папочка. И Леночка садится возлѣ мадамъ Юскевичъ. Налѣво отъ Леночки—никѣмъ не занятое мѣсто. На этомъ стулѣ, вѣроятно, сѣлъ бы Петръ Алибеичъ, еслибы пришелъ. Черезъ столъ Леночка могла видѣть, какъ Михольскій подноситъ ко рту ложку. Ѣстъ онъ съ большимъ аппетитомъ и Леночка сама находитъ, что супъ вкусный.

За ужиномъ Михольскій мало говорилъ. Онъ молча съѣлъ супъ, жаркое. И только тогда сказалъ нѣсколько словъ, да и то сосѣдкѣ. Папочка спорилъ о чемъ-то съ судьею и нельзя было разслышать, что̀ такое сказалъ Михольскій. И почему Прасковья Ивановна закрыла молодому человѣку ротъ рукой? Странныя отношенія. Въ свою очередь, Прасковья Ивановна сказала Михольскому что-то на ухо и онъ улыбнулся и отрицательно покачалъ головой. Тутъ Леночка въ первый разъ замѣтила, что Прасковья Ивановна была бы хорошенькой, еслибъ не красненькій носикъ ея и не эти манеры.

Ужинъ кончился и мужчины перешли въ кабинетъ майора, гдѣ сѣли за новую пульку, снявъ сюртуки. Михольскій взялся за шапку. Прасковья Ивановна тоже собралась домой. Мужъ игралъ и некому было бы проводить ее, еслибъ не Михольскій.

— Намъ вмѣстѣ, сказалъ онъ.—До свиданія, Елена Егоровна!

Прасковья Ивановна долго цѣловала Леночку.

— Приходите, душечка, къ намъ, говорила она заплетающимся языкомъ. — Какъ будетъ весело! А его заставимъ сказать что-нибудь этакое...

Она подмигнула и расхохоталась.

— Не правда ли?

Digitized by Google

Михольскій стоялъ и скучающее лицо его выражало нетерпѣніе.

Леночка льстиво сказала Михольскому:

— Никогда не забуду вашего чтенія.

Онъ вскинулъ на нее глаза, большіе и добрые, но ничего не сказалъ въ отвѣтъ. Кажется, онъ самъ не сомнѣвался, что читаетъ хорошо.

Затѣмъ онъ помогъ Прасковьѣ Ивановнѣ завязать сзади оренбургскій платокъ и, надѣвъ барашковое пальто, изрядно поношенное, еще разъ простился съ Леночкой. Горничная свѣтила имъ въ передней.

Въ залѣ мадамъ Юскевичъ суетилась возлѣ стола. Эта комната вдругъ опустѣла. Леночка прошла по ней лѣнивой поступью. Въ слѣдующей комнатѣ догоралъ синій фонарь, и стекла гравюръ и золоченыя рамы картинъ то вспыхивали, то потухали въ волнахъ трепетнаго сумрака. Тамъ, гдѣ читалъ Михольскій, слышался еще запахъ табаку. На полу бѣлѣла папироса и Леночка вспомнила, какъ просыпалъ папиросы Михольскій. У ней щеки загорѣлись. Она подняла папиросу и спрятала ее въ карманъ.

Въ ея спальнѣ было темно. Шгора была опущена. Но лунный свѣтъ острыми полосками пробивался по бокамъ шторы, изъ щелей. Леночка услышала шумъ голосовъ, доносившихся съ улицы. Она быстро откинула штору и, отворивъ форточку, стала смотрѣть на улицу. Легкій туманъ серебрился, разстилаясь по землѣ. Было свѣжо. Вправо темнѣлъ силуэтъ медленно удалявшихся дрожекъ, съ двумя сѣдоками, и слышался смѣхъ Прасковьи Ивановны, добрый, безсмысленный, странно звучавшій среди ночного безмолвія, въ которое былъ погруженъ городъ.

Леночка нѣсколько минутъ смотрѣла въ ту сторону. И когда все стихло, она оставила окно и сѣла на кровать. Пришла горничная со свѣчей, чтобъ раздѣть барышню. Барышня машинально дала себя раздѣть. Потомъ легла. Но долго не могла заснуть.

III.

Леночка встала поздно. Майора уже не было — онъ уѣхалъ въ свое управленіе. Горничная принесла ей чай въ спальню, но Леночка до чая не дотронулась. Она расчесала передъ зеркаломъ волосы и вынула изъ шкафа свѣтлое платье. Она сама пришила къ нему чистенькій воротничекъ, и когда одѣлась, то долго смотрѣлась въ зеркало. День былъ пасмурный. Леночка

Digitized by Google

осталась довольна осмотромъ. У ней сегодня очень блѣдное лицо. Приказавъ горничной уйти, Леночка заперла на ключъ дверь и достала изъ шкатулки пэнснэ. Она примѣрила его. Пэнснэ странно измѣняло выраженіе ея лица. Это задумчивое лицо вдругъ дѣлалось безпечнымъ. Голова закидывалась назадъ. Леночка улыбнулась.

— Христа ради... раздался подъ окномъ жалобный возгласъ.

Сердце у Леночки тревожно забилось. Онъ сбросила пэнснэ и стала искать денегъ. Но мелкихъ не было, и въ серебряномъ портмонэ лежали все крупныя деньги. Десятирублевая бумажка, три зелененькихъ, сотенная и два полуимперіала. Былъ, впрочемъ, серебряный пятачокъ. Но она пожалѣла пятачка. Леночка схватила крендели и сдобный хлѣбецъ съ лоточка и подала нищему.

Послѣ чего она спрятала пэнснэ и отперла дверь.

— Если кто придетъ съ дамой... сказала она горничной, потупивъ глаза:—то проси прямо въ маленькую гостинную и сейчасъ же мнѣ доложи... Слышишь—сейчасъ же?! Мнѣ!

Подойдя къ окну, она долго смотрѣла въ открытую форточку. Въ лужахъ мутной воды отражалось сѣрое небо, по которому вѣтеръ гналъ облака. Гуськомъ, вооруженные длинными палками, переходили улицу мужики въ своихъ бѣлыхъ свитахъ и магеркахъ. Вдругъ, разбрызгивая грязь и звеня наборной сбруей, показалась тройка; лошади были всѣ въ мылѣ. Мужики построились. Въ бричкѣ сидѣлъ Петръ Алибеичъ. Увидѣвъ Леночку, онъ фамильярно поклонился ей. Она откинулась назадъ, лицо у ней вспыхнуло. «Что онъ, мимо проѣдетъ?» задала она себѣ вопросъ. Нѣтъ, Петръ Алибеичъ, очевидно, пріѣхалъ къ нимъ. Бричка остановилась и лошади храпятъ у самаго крыльца. Вотъ звонокъ. Леночка приложила руку къ сердцу и испуганно смотрѣла на дверь.

Вбѣжала горничная.

— Терюхановъ!

— Скажи ему, начала Леночка шопотомъ: — что папочка въ канцеляріи....

— Они говорятъ, что васъ хотятъ видѣть...

Леночка встала, сдѣлавъ строгое лицо. Она выпила полстакана холоднаго чаю. Затѣмъ, поправивъ волосы, произнесла:

— Иду.

Но она не сейчасъ вышла. Ее кидало въ жаръ и въ холодъ.

Терюхановъ сидѣлъ въ залѣ и игралъ толстой золотой цѣпочкой часовъ. Онъ не сразу поднялся при видѣ Леночки. Она подошла къ нему, и тогда онъ, улыбаясь и медленно осматривая

Digitized by Google

ее съ ногъ до головы, всталъ и пожалъ ея ручку долгимъ пожатіемъ.

— Давно не видались съ вами, Лена Егоровна, говорилъ онъ.—Страхъ какъ похорошѣли, но только надо пополнѣть.

Онъ сѣлъ и движеніемъ руки заставилъ ее сѣсть возлѣ себя.

— Вы меня ждали вчера и вашъ папенька гостей созывалъ, началъ онъ:—однакоже я не могъ быть, оттого, что нездоровилось, и вы ужь, пожалуйста, Лена Егоровна, не сердитесь на меня.

Онъ самодовольно посмотрѣлъ на нее.

— Болѣзнь не шутка! Теперь здѣсь эпидемія, и такъ у меня голова горѣла весь вечеръ, и даже всю ночь, а сердцу было холодно, что я подумалъ: навѣрное, это горячка...

— Сегодня здоровы?

— Какъ васъ увидѣлъ, то сейчасъ сдѣлался здоровъ! любезно сказалъ онъ.

Леночка почувствовала, что онъ смотритъ на ея талію. Она покраснѣла.

— Теперь голова стала холодна, продолжалъ онъ:—а сердце горячее... Ха-ха!

Леночка молчала.

— Беречься надо, сказалъ Терюхановъ серьёзно.—Когда живешь, то радуешься, пьешь вино и кушаешь бифштексъ, а умрешь, то черви тебя будутъ кушать. Отчего вы не полнѣете? спросилъ онъ, помолчавъ, и взглянулъ на Леночкины ноги.

— Папочка еще не скоро, сказала дѣвушка въ смущеніи.

— Я не про это васъ спрашиваю, объяснилъ Петръ Алибеичъ съ улыбкой. — Я зналъ, что вашъ папенька теперь въ канцеляріи дѣломъ занятъ. Я васъ спрашиваю...

— Мнѣ кажется, что это праздный вопросъ.

— Почему же это праздный вопросъ?

— Такъ...

Петръ Алибеичъ помолчалъ.

— О! Вотъ вы какъ научились теперь говорить!

Онъ крутилъ золотую цѣпочку.

— Былъ я недавно, началъ онъ: — въ имѣніи, которое мнѣ пожаловано отъ казны. Хорошее имѣніе! Три тысячи десятинъ! Лѣсъ! Озеро! Рыба — такая! Недалеко отсюда. Надѣялся, что вотъ въ маѣ мѣсяцѣ вы бы съ папенькой пріѣхали ко мнѣ въ гости... Не то и безъ папеньки... Безъ папенки и въ качествѣ...

Но онъ не договорилъ и сталъ барабанить пальцами по столу.

— Ну, да успѣемъ еще потолковать! сказалъ онъ, вставая.— Теперь—до свиданія!

Digitized by Google

Онъ взялъ Леночку за обѣ руки и долго держалъ ихъ въ своихъ. Она нахмурила брови, но онъ держалъ такъ крѣпко, что неловко было вырывать. Онъ говорилъ:

— Папенька позвалъ. Я ему опять другъ. Баальшой другъ!! Не могъ вчера быть—пускай не сердится на меня. Чѣмъ больше себя беречь, тѣмъ больше пользы можно получить. А что съ вами дольше не сижу, то и у меня служба. Но не безпокойтесь. Часто къ вамъ буду теперь навѣдываться. Вы мнѣ опять понравились. Только повторяю — надо пополнѣть, молоко надо пить, сыворотку; надо ѣсть сметану, бифштексъ, на конѣ верхомъ ѣздить.

Когда онъ уходилъ, то на крыльцѣ встрѣтился съ Михольскимъ. Молодой человѣкъ снялъ передъ Терюхановымъ свой цилиндръ. Но Терюхановъ не узналъ его, хоть и встрѣчался съ нимъ. Узкіе глаза его самодовольно блестѣли изъ-подъ круглой куньей шапки и, при помощи лакея, онъ важно сѣлъ въ бричку. Михольскому показалось, что онъ нарочно не узналъ его. Онъ побѣдовѣлъ, челюсть его затряслась отъ гнѣва и, глядя ему въ слѣдъ, онъ громко проворчалъ:

— Psia krew.

Леночка еще не ушла изъ залы. Она увидѣла Михольскаго и удивилась, что онъ одинъ. Но она не стала спрашивать его о сестрѣ. Она указала ему на кресло, въ которомъ сейчасъ сидѣлъ Терюхановъ, а сама сѣла поодаль. Она ждала, что онъ скажетъ.

— Діаконова страшно занята, началъ онъ.—Вы простите ее. Въ самомъ дѣлѣ, ей нельзя отлучиться. У ней теперь цѣлая дюжина дѣтворы. Очень маленькихъ, правда, нѣтъ, но все же возни много.

Волненіе его еще не совсѣмъ прошло, и когда онъ закуривалъ папиросу, то пальцы его, желтые отъ табачнаго дыма, дрожали.

Леночка подумала, что еслибы папочка засталъ ее съ Михольскимъ, то не очень былъ бы доволенъ; и что благоразумнѣе было бы пригласить его въ маленькую гостиную, куда папочка рѣдко заходитъ. Но она это только подумала. Она спросила:

— Вы говорили вчера о матеріальной помощи. Много надо?

— Сколько можете?

Леночка раскрыла серебряный бумажникъ и подала Михольскому три зелененькихъ.

— Этого мало, сказалъ Михольскій.—Кромѣ дѣтей, которыхъ Діаконова пріобрѣла, есть много другихъ; о тѣхъ позаботиться слѣдуетъ. Увѣряю васъ, умираютъ съ голоду!

Digitized by Google

Леночка покраснѣла и къ тремъ зелененькимъ прибавила десятирублевую бумажку.

Михольскій поблагодарилъ и спряталъ деньги.

«Ну, что? какъ Прасковья Ивановна?» съ улыбкой хотѣла спросить Леночка. Но слова не шли съ языка. Михольскій тоже молчалъ. У обоихъ лица были оффиціальныя.

— Очень жаль, что Діаконова должна будетъ отложить на нѣкоторое время визитъ къ вамъ, началъ Михольскій. — Но еслибы—вы къ ней?..

Леночка робко произнесла:

— Со временемъ.

Михольскій закурилъ новую папиросу и сказалъ:

— Хотѣлось бы въ пользу этихъ несчастныхъ устроить какой-нибудь вечеръ. Я говорилъ съ Егоромъ Егорычемъ, и онъ разрѣшаетъ — но на праздникахъ. А теперь, говоритъ, вербная недѣля, потомъ страстная—нельзя... Скандалъ!

— Ужь папочка такой... замѣтила Леночка.

— Набожный?

— Да, чуть слышно сказала Леночка.

Михольскій посидѣлъ еще нѣкоторое время.

— Имѣю честь кланяться.

— Куда же вы?

— Надо уходить. Во-первыхъ, передать Діаконовой деньги, а во-вторыхъ—Прасковья Ивановна взяла съ меня слово, что не опоздаю къ завтраку. Есть, впрочемъ, и въ-третьихъ: желаніе не надоѣдать вамъ.

Леночка встала. Она его не удерживала. Ей хотѣлось пожелать ему хорошаго аппетита. Но она ничего не сказала. Она не улыбалась. Можно сказать, что она была холодна. Только когда она протянула на прощанье руку молодому человѣку, взглядъ ея красивыхъ глазъ безпокойно загорѣлся.

— Конечно, мы еще увидимся, сказалъ Михольскій.

— Вы не скоро уѣзжаете? спросила она несмѣло.

— Не такъ скоро.

— До свиданія... ласково сказала она.

Онъ ушелъ. Она глазами проводила его. Потомъ забралась въ свою комнату и цѣлый часъ сидѣла въ раздумьи. Она была недовольна своимъ поведеніемъ. Ей было стыдно вспомнить, какъ фамильярно обращался съ нею Петръ Алибеичъ. И ей было досадно, что она такъ непривѣтлива была съ Михольскимъ. Можно было бы совсѣмъ иначе говорить съ нимъ. Она представляла себѣ, какъ именно можно было бы иначе говорить. Вчера же говорила... Наконецъ, ей было совѣстно, что она такъ

Digitized by Google

мало дала денегъ. У ней мелькнула мысль положить въ конвертъ радужную и, при коротенькомъ письмѣ, послать Михольскому. Но жаль стало. Эту сторублевку она ужь полгода бережетъ.

Папочка за обѣдомъ узналъ, что пріѣзжалъ Петръ Алибеичъ. Онъ обрадовался.

— А, татаринъ! губа не дура! сказазъ папочка и ущипнулъ Леночку за подбородокъ.

— Папочка! безсовѣстный!

— Вотъ сегодня—одѣта. Ты премило одѣта, Леночка, замѣтилъ папочка, любуясь нарядомъ дочери.

— Барышни знаютъ, когда и что надѣть, сказала мадамъ Юскевичъ значительно.

Леночка вспыхнула и низко наклонила лицо надъ тарелкой.

Но майоръ былъ человѣкъ опытный. Отъ него нетолько не ускользнуло, что Леночка покраснѣла, но онъ поторопился даже объяснить себѣ причину этого смущенія. Онъ подмигнулъ мадамъ Юскевичъ и сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

IV.

Прошло нѣсколько дней. Надъ Несвенцянами продолжалъ стоять легкій туманъ; было сыро, но тепло. Люди умирали отъ тифа и, можетъ быть, отъ голода. Прогнанные съ улицъ и площади, что возлѣ церкви Всѣхъ Святыхъ, мужики почти насильно расположились на еврейскихъ дворахъ и заняли всѣ помѣщенія, какія только могли: амбары, сараи, пустыя лавки. Послѣднія, впрочемъ, были предоставлены имъ самимъ городомъ. На базарѣ мужики собирались большими кучками противъ лавокъ и столиковъ съ съѣстными товарами и жадно смотрѣли на хлѣбъ, рыбу, лукъ, соль, крупу. Торговцамъ казалось, что въ томъ, какъ смотрятъ мужики, есть что-то угрожающее. Тѣмъ не менѣе, торговля велась бойко и, по случаю наводненія, все продавалось въ три-дорога.

У евреевъ наступали праздники Пасхи. Тѣсно и особенно грязно было въ той части города, гдѣ сосредоточивались евреи. Изъ затопленныхъ деревень въ городъ прибыло болѣе пятидесяти еврейскихъ семействъ, съ дѣтьми и перинами. Мужики, которыхъ было тысячи полторы, страшно стѣсняли и безъ того тѣсненное населеніе еврейскаго квартала. Евреи роптали, бранили и даже били мужиковъ, хотя и умудрялись взимать съ нихъ какіе-то гроши за постой. Мужики вздыхали, или угрюмо

Digitized by Google

молчали, апатично глядя на своихъ бабъ, прижимавшихъ къ груди зевернутыхъ въ тряпку младенцевъ. Ломиться въ дома они не рѣшались, да и мысль эта, кажется, не приходила имъ въ голову.

Однако, не было дома, гдѣ бы не боялись мужиковъ или «хлоповъ». Думали, что они станутъ «пошаливать». И евреи, какъ встревоженные муравьи, снуя по городу, поддерживали это опасеніе.

Дня за три до еврейскихъ праздниковъ, вдругъ пропала крестьянская дѣвочка, и слухъ объ этомъ съ странной быстротой облетѣлъ городъ. Она пропала утромъ, а ужь на другой день было извѣстно, что она пропала безслѣдно. Описывали приметы дѣвочки. Ей было тринадцать или четырнадцать лѣтъ, хорошенькая, волосы у ней были бѣлые, глаза сѣрые, на щекѣ двѣ родинки. Была она глухонѣмая. Леночка вспоминала, что она видѣла точно такую дѣвочку наканунѣ, и подала ей копейку, а папочка, который былъ приэтомъ, сказалъ еще: «какая миленькая». Леночка напомнила ему объ этомъ. Но папочка былъ занятъ, сдѣлалъ гримасу и, махнувъ рукой, уѣхалъ. Ему надо было спѣшить, потому что слухъ о пропажѣ дѣвочки начиналъ сильно тревожить городъ.

Между тѣмъ кто-то, глядя на огромную партію *мацы*, которую везли евреи черезъ базарную площадь, сказалъ: «можетъ, жиды убили дѣвочку, потому что безъ крови имъ нельзя печь мацу, и кровь должна быть невинная». Сказалъ онъ это зря, хотя и былъ убѣжденъ, наравнѣ съ другими несвенцянскими обывателями, что въ мацу евреи кладутъ христіанскую кровь, которую проливаютъ, впрочемъ, гдѣ-то очень далеко. Но сказанное зря сейчасъ же подхватилось всѣми и дошло до Леночки уже въ утвердительной формѣ. Многіе повѣрили разсказу. Наводненіе помѣшало евреямъ добыть крови въ другомъ мѣстѣ... Дѣвочку истыкали иглами... И этому въ особенности, повѣрилъ майоръ Бриллiантовъ.

Вечеромъ, къ нему явились представители мѣстнаго еврейскаго кагала. Они стояли въ передней у порога и, при свѣтѣ стѣнной лампочки, можно было видѣть, какъ блѣдны и вытянуты ихъ лица. Они вздыхали и, пока майоръ сидѣлъ въ кабинетѣ и вдумчиво пилъ чай изъ большой фарфоровой чашки, евреи въ полголоса совѣщались между собой, пожимая плечами.

Наконецъ, вышелъ майоръ. Леночка, сидѣвшая въ это время въ залѣ, слышала, какъ папочка сталъ кричать на евреевъ. Она замерла; ей всегда дѣлалось страшно, когда папочка закричитъ.

Digitized by Google

Въ отвѣтъ на какую-то угрозу папочки, одинъ изъ евреевъ сказалъ:

— Ваше высокое высокородіе. Мы ничего больше не хочемъ, какъ, чтобы и сдѣлали слѣдствіе.

Потомъ всѣ вдругъ загалдѣли, и папочка, и евреи; и Леночка поняла, что они просятъ папочку распечатать синагогу. Папочка затопалъ ногами; но черезъ нѣкоторое время сдѣлался кротче. А еще минутъ черезъ пять онъ вдругъ вошелъ въ залу съ высокимъ лысымъ евреемъ; онъ былъ блѣденъ, брови его были нахмурены. Еврей, мокрый отъ пота, отправилъ руку въ боковой карманъ. Но тутъ папочка увидѣлъ Леночку и нетерпѣливо сказалъ:

— Уйди, пожалуста!

На другой день съ утра въ городѣ началось необычное движеніе. Обыватели и мужики торопливо шлепали по грязи. Слышались громкіе крики, оживленные разговоры. Какая-то жидовка голосила. Что это такое? Прошла рота солдатъ, подъ командой капитана Юскевича. Онъ держалъ саблю на-голо. У него былъ испуганной видъ. Вдали затрещалъ барабанъ. Въ сѣромъ воздухѣ, точно снѣгъ, носились бѣлыя пушинки, медлительно падая въ грязь.

Майора не было дома. Леночка еще не одѣвалась. Накинувъ на плечи платочекъ, она смотрѣла въ окно. Возлѣ нея стояла горничная и разсказывала, что мужики взбунтовались и «разбиваютъ» жидовъ. У Леночки стали дрожать губы, руки.

Народъ валилъ. Ударили въ набатъ. Горничная захлебывалась отъ страннаго восторга.

— Барышня! Побѣгу я!

Леночка не успѣла отвѣтить, какъ она уже исчезла. Всѣ разбѣжались изъ дома. Не было ни дежурнаго полицейскаго, ни дворника. Кухарка старуха и та ушла. Леночка осталась одна.

Въ домѣ было пусто, шумъ на улицахъ росъ. Это былъ отвратительный глухой шумъ, похожій на стонъ. Мимо окна проносились картузы, бѣлыя магерки, кепи, грязныя брызги летѣли на стекла. Слышались отдѣльныя фразы, восклицанія, и сейчасъ же пропадали въ общей путаницѣ звуковъ. Страшно и ничего не поймешь. Точно кошмаръ.

Черезъ нѣкоторое время, однако, улица стала пустѣть. Шумъ прекратился какъ-то сразу. Напряженная тишина. Вдругъ, раздался жидкій трескъ выстрѣловъ, и шумъ возобновился. Теперь онъ былъ протяжнѣе. Опять зашлепала грязь, и опять повалилъ народъ, но уже назадъ. Зазвенѣли стекла. Въ залѣ разбито окно. У Леночки подкосились ноги, она упала.

Digitized by Google

Когда она очнулась, то увидѣла Петра Алибеича съ стаканомъ въ рукѣ и въ шапкѣ. Онъ усердно брызгалъ на нее водой. Грудь у ней была раскрыта и она чувствовала холодъ въ плечахъ. Первымъ ея движеніемъ было закрыть грудь платочкомъ, потому что было холодно.

— Ради Бога, что̀ съ папочкой? спросила она, вздрагивая.

— О, ничего! произнесъ Терюхановъ и, улыбаясь, пожалъ руку дѣвушкѣ.— Не безпокойтесь, придите въ себя; выпейте воды...

Леночка глотнула воды.

— Ахъ, Боже мой! что̀ же случилось? Насъ ограбили?

— Нѣтъ, нѣтъ. Все благополучно. Только Лена Егоровна испугалась. Пейте воды.

Леночка еще глотнула.

— Мужиковъ убили?

— Одного—убили, а могли бы многихъ убить, и меня тоже могли бы убить, хотя я не бунтовалъ.

Онъ улыбался. Леночка машинально взглянула на него. Онъ былъ весь въ грязи. Она содрогнулась отъ непріятнаго чувства, которое внушалъ ей этотъ человѣкъ. И тутъ только она вспомнила, въ какомъ видѣ была сама. Изъ мертвенно-блѣдной она сдѣлалась красной; и, закрывъ лицо обѣими руками, стыдливо прошептала:

— Уйдите, Петръ Алибеичъ.

Петръ Алибеичъ, въ свою очередь, покраснѣлъ. Ему не хотѣлось уходить. Нерасчесанные волосы Леночки темной гривой падали на ея плечи и спину; и изъ-подъ вышитаго подола бѣлоснѣжной юпки виднѣлся кончикъ желтой туфельки. Но когда Леночка повторила приглашеніе, онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе и повиновался.

— Буду по залѣ ходить, сказалъ онъ, осклабляясь: — буду вашъ часовой...

По улицѣ гуськомъ шли люди. Кто несъ узелъ съ добромъ; у иного лицо было въ крови. Дождь сталъ накрапывать. Вскорѣ онъ зачастилъ, забарабанилъ по крышамъ, по стекламъ.

Этотъ дождь положилъ конецъ неурядицѣ.

Разсказывали, что несвенцянскіе мѣщане первые сдѣлали нападеніе на евреевъ. Еще не разсвѣло, когда окна и двери въ домѣ *цадика*, еврейскаго «святого», были выломаны и произведенъ тщательный обыскъ, причемъ многое было испорчено и перебито, а перины распороты и пухъ изъ нихъ выпущенъ. Все искали дѣвочку, или ея трупъ. Потомъ было такимъ же манеромъ обыскано еще нѣсколько домовъ. Распространился слухъ,

Digitized by Google

что евреи подкупили Брилліантова, который уже велѣлъ снять печати съ синагоги. Послѣднимъ сами евреи хвастались еще до распоряженія Брилліантова, и раздражили народъ, увѣряя, что они всемогущи: захотятъ, такъ самого губернатора купятъ, а не то и «скинутъ». Утромъ къ мѣщанамъ присоединились мужики. Дѣвочка была ихняя. Бросились они, впрочемъ, главнымъ образомъ, на базаръ, куда влекли ихъ лавки и кабаки. Лавки они разбили, и что нашли въ нихъ съѣстного—рыбу соленую, муку, конопляное масло, все похватали. Рыбу они съѣли тутъ же, потому что были голодны. Въ кабакахъ выпили всю водку. Площадь бѣлѣла отъ муки, смѣшавшейся скоро съ грязью. Брилліантовъ пріѣхалъ часовъ въ восемь, сначала съ двумя конвойными, но былъ встрѣченъ насмѣшками, бранью, свистками. Тогда онъ послалъ за военной командой. Юскевичъ увѣряетъ, что солдаты стрѣляли холостыми зарядами, самъ же Брилліантовъ выстрѣлилъ два раза изъ револьвера, и убилъ мужика. Толпа дрогнула, всѣ бросились «утекать». По дорогѣ не мало валялось сушеной рыбы и «пляшекъ» съ масломъ. Нѣкоторые бѣжали, обвѣшанные лукомъ, «таранью», и нашлись храбрые евреи, которые все это отнимали у нихъ по дорогѣ. Интереснѣе всего, что къ вечеру, когда все уже успокоилось и еврейки перестали голосить, по городу, лишь только стихъ дождь, пронесся слухъ, что пропавшая глухонѣмая дѣвочка отыскана и находится въ квартирѣ исправника. Этому также быстро повѣрили, какъ раньше повѣрили противоположному слуху. А на другой день въ этомъ убѣдились окончательно. Самъ майоръ досадовалъ на себя, что «раздѣлялъ суевѣріе черни». Дѣвочку онъ велѣлъ пустить по городу просить милостыню, чтобы всѣ могли ее видѣть, и принялся составлять донесеніе по начальству, причемъ выставлялъ себя и свою распорядительность «съ отличной стороны», такъ-какъ «быстрымъ натискомъ и не щадя живота», «можно сказать, личнымъ мужествомъ своимъ», подавилъ опасное «возстаніе», «почти безъ пролитія крови». Почта не ходила, по случаю половодія, и въ ожиданіи пока можно будетъ послать краснорѣчивую бумагу, майоръ прочитывалъ ее близкимъ людямъ. Онъ не сомнѣвался, что получитъ награду или, по крайней мѣрѣ, благодарность, и Леночка радовалась за него.

Но ей было непріятно, что папочка убилъ человѣка. Вотъ эта самая рука, которую она цѣлуетъ... убила!..

Въ страстной четвергъ Леночка поѣхала къ Прасковьѣ Ивановнѣ. Ей казалось, что надо побывать у этой дамы, которая такъ къ ней расположена. Простое приличіе требуетъ. Помощникъ исправника жилъ въ небольшомъ каменномъ домѣ, съ очень

Digitized by Google

толстыми стѣнами и маленькими окнами. Во дворѣ, въ деревянномъ флигелѣ, жили Діаконовы. Леночка не могла достучаться, звонокъ былъ оборванъ; она отворила калитку и вошла въ домъ черезъ какія-то сѣни, грязныя и неопрятныя. Грязная служанка, съ бѣльмомъ на глазу, провела ее, темнымъ и вонючимъ корридоромъ, въ гостинную. Леночка въ первый разъ была у Прасковьи Ивановны. При тускломъ свѣтѣ дня, она увидѣла самоваръ и неубранную посуду на преддиванномъ столѣ. Михольскій въ сѣренькомъ пиджакѣ поднялся ей на встрѣчу. Прасковья Ивановна лежала, положивъ на ручку дивана босыя ноги. На скрипъ двери, она повернула голову, чтобъ посмотрѣть, кто вошелъ. Леночка смутилась. Она стояла, въ нарядномъ бурнусѣ, въ мѣховой шапочкѣ, и не знала, раздѣваться ей, или, можетъ быть, уходить. Но Михольскій, улыбаясь, взялъ ее за руку, а Прасковья Ивановна стала кричать:

— Ахъ, Боже, Леночка, это вы? Вотъ сюрпризъ!

Леночка сняла пальто и шапочку. Щеки ея горѣли. Въ своемъ свѣтломъ платьѣ, стройная, свѣжая, она рѣзко выдѣлялась на грязномъ фонѣ душной комнаты, гдѣ все было гадко и пахло табакомъ и пивомъ. Михольскій смотрѣлъ на Леночку. Онъ не могъ оторвать отъ нея глазъ.

Прасковья Ивановна трещала:

— А мы по домашнему! Не хотите ли чаю? Холодненькаго? Впрочемъ, можно подогрѣть. Ахъ, какая же вы душечка! Цвѣточекъ! Гдѣ вы были во время этихъ ужасовъ? Представьте, мужъ, гадкій мужъ не пустилъ меня посмотрѣть! Говорятъ— простите, душечка—васъ таки помяли? Но Терюхановъ спасъ? Неправда? Да я и не вѣрила. Знаете, въ чай можно подлить ложечку чего-нибудь. Это лучше, чѣмъ подогрѣвать. Какъ вы находите, Осипъ Антонычъ? О, да вы извѣстный аскетъ! Леночка, мнѣ отъ него житья нѣтъ... Постоянно съ замѣчаніями, съ выговорами. Зачѣмъ дочку бью, зачѣмъ то да сё. Противный!

Она сдѣлала гримасу, оттопыривъ губку.

— Грубитъ, а живетъ у насъ, продолжала она.—Вотъ его комната. Вы этого не знали? Не краснѣйте, милочка, тутъ ничего такого нѣтъ. Ему тѣсно у своихъ. Главное, не подумайте, что мы въ близкихъ отношеніяхъ.

— Едвали кому-нибудь это пришло бы въ голову, сказалъ Михольскій грубо.

— Пожалуста! произнесла Прасковья Ивановна, махнувъ рукой.—Всякому! Но только на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Если что услышите, Леночка, не вѣрьте.

Digitized by Google

— Послушайте, что̀ это вы городите? сказалъ Михольскій, хмуря брови.

— Можете не слушать... Леночка, пекутъ у васъ *пасхи?* Я ужь начала. Спекла бабу. Но сегодня половину съѣли. Осипъ Антонычъ, а гдѣ-жь другая половина?.. Вотъ она... Кушайте, Леночка. Не хотите? Ну, такъ выковыривайте изюмъ и ѣшьте. Я нарочно много кладу изюму.

Черезъ нѣкоторое время она начала:

— Мука вздорожала. Слыхали, что мужики разсыпали пропасть муки? Осипъ Антонычъ увѣряетъ, что вышло просто тѣсто. И бабы приходили и собирали. Съ грязью!

Леночка посмотрѣла на Михольскаго.

— Да, это вѣрно, сказалъ онъ.—Я самъ видѣлъ.

— Только онъ часто вретъ...

Михольскій пожалъ плечами.

— На той недѣлѣ онъ далъ Діаконовой на бѣдныхъ девятнадцать, кажется, рублей, и увѣрялъ, что это отъ васъ... Правда?

Леночка покраснѣла. Молодой человѣкъ бросилъ Прасковьѣ Ивановнѣ холодный взглядъ.

— Да, я просила Осипа Антоныча — передать, сказала Леночка. Она въ первый разъ произносила его имя, и при этомъ слегка повернула къ нему лицо.

— А правда, что дѣвочка, которую сначала жиды зарѣзали, а потомъ она воскресла—все время у васъ жила?

Леночка широко раскрыла глаза.

— Душечка, это сплетня, но всѣ говорятъ, что Егоръ Егорычъ держалъ эту дѣвочку у себя въ кабинетѣ за перегородкой. Ужь нечего грѣха таить, онъ извѣстный...

Прасковья Ивановна подмигнула.

— Теперь дѣвочка больна. Діаконовъ лечитъ. Осипъ Антонычъ думаетъ, что тутъ, впрочемъ, какое-нибудь недоразумѣніе.

Леночка сидѣла, блѣдная, какъ полотно. Неужели папочка могъ это сдѣлать? и хотя не было никакихъ прямыхъ уликъ противъ папочки, однако она не находила словъ въ защиту его, да и стыдно было говорить объ этомъ. Она могла только прошептать:

— Я не люблю сплетенъ...

Глаза ея были потуплены. Прасковья Ивановна напрасно старалась развеселить ее. Она разсказала нѣсколько смѣшныхъ анекдотовъ, которые слышала отъ Михольскаго. Леночка улыбалась напряженной улыбкой и, наконецъ, встала, чтобъ уходить.

Digitized by Google

Цѣлуясь съ Прасковьей Ивановной, она замѣтила, что у той подъ глазами очень синё и лицо неумытое. И вмѣсто губъ, она подставила Прасковьѣ Ивановнѣ щеку.

— А къ Діаконовой не зайдете? спросилъ Михольскій.

Леночка подумала и сказала:

— Нѣтъ.

— Когда разнеслось, что вы больны, я сейчасъ же навѣдался. Но слухъ оказался ложнымъ. Тѣмъ не менѣе, я не смѣлъ потревожить васъ.

Въ тонѣ его голоса было что-то и ласковое, и оффиціальное.

— Благодарю васъ, сказала Леночка.

На обратномъ пути, она, сидя на дрожкахъ, все думала о папочкѣ. Ей хотѣлось плакать отъ досады. Ей было стыдно. Если это правда, значитъ папочка во всемъ виноватъ. *Онъ* вызвалъ бунтъ. Потому что изъ-за чего же другого стали бунтовать мужики? Тутъ у ней снова мелькнула мысль о ста рубляхъ, которые лежали у ней въ карманѣ, о мукѣ, превратившейся въ грязное тѣсто, которое собирали съ земли бабы, о человѣкѣ, котораго убилъ папочка. Папочку наградятъ, и тогда онъ дастъ ей на платье пятьдесятъ рублей. Онъ ужъ обѣщалъ. И она, вѣроятно, возьметъ. Какъ это все согласить? Думала она и о Михольскомъ. Думы были неясныя. Она оборачивалась и смотрѣла назадъ. Въ туманѣ бѣлѣли дома. Грязь блестѣла, какъ рѣка. Людей не было видно.

V.

Свѣтлый праздникъ весело былъ встрѣченъ въ Александрійскѣ. На тротуарахъ тамъ и сямъ были постланы мостки и по нимъ ходили солдаты съ *крашенками* въ рукахъ, и христосовались, собираясь иногда въ кучки и зубоскаля. Дѣвки въ пестрыхъ платкахъ протискивались между ними, отвѣчая на ихъ заигрыванія смѣхомъ или скромно краснѣя. Русскій мастеровой, съ гармоникой и въ шапкѣ на бекрень, пьянымъ голосомъ воспѣвалъ свою любовницу и, въ знакъ особенной нѣжности, называлъ ее «шельмой». Чиновные обыватели ѣздили другъ къ другу съ визитами. Леночка видѣла изъ окна, какъ эти господа, мертвецки пьяные, клевали носомъ, сидя на дрожкахъ, иногда безъ шапокъ. На первый день даже папочка нарѣзался. Онъ со всѣми цѣловался, кричалъ, что онъ русскій, игралъ на флейтѣ «Коль славенъ» и былъ такъ веселъ и счастливъ, что Леночка подумала: «кажется, я напрасно папочку виноватила». Когда

Digitized by Google

онъ крикнулъ «Поцѣлуй меня, дрянь»!—*дрянь* это было самое нѣжное у папочки слово, Леночка бросилась къ нему и горячо поцѣловала. Но черезъ нѣкоторое время невольно сравнила ласкательное слово папочки съ ласкательнымъ словомъ мастерового, которое слышала не такъ давно. Потомъ папочкѣ сдѣлалось дурно. Онъ сталъ икать. Глаза безсмысленные, улыбающіяся губы. Его тошнило, онъ ругался, какъ солдатъ. Леночка грустно смотрѣла на него, подавала ему воду и, въ оправданіе его, говорила себѣ: «Чтожъ, папочка русскій человѣкъ».

Въ залѣ былъ накрытъ длинный столъ большими, бѣлыми, какъ снѣгъ, скатертями, спускавшимися до земли. На столѣ высились бабы съ темными выпуклыми горбушками. Баранъ изъ масла, окорока, поросята, индѣйка, всевозможныя закуски, вина въ бутылкахъ съ раззолоченными ярлычками, сыры, цвѣты, маленькія шелковыя знамена, горѣвшія алыми и синими пятнами въ косомъ лучѣ блѣднаго апрѣльскаго солнца—все это было разставлено со вкусомъ и свидѣтельствовало о большихъ хозяйственныхъ способностяхъ мадамъ Юскевичъ. Однако, роль хозяйки пришлось на первый день играть Леночкѣ, потому что у мадамъ Юскевичъ былъ свой домъ и, слѣдовательно, свои гости, которыхъ надо же было принимать. Леночка чрезвычайно стѣснялась, въ особенности, когда папочка напился. Она просила гостей ѣсть и пить весьма робко, почти сухо. Но, слава Богу, гости не церемонились.

Къ часу дня Леночка замѣтила, что гостей становится все меньше и меньше. Папочка залегъ спать. Въ это время, вѣроятно, весь городъ спитъ, утомленный безсонной ночью и пьяный отъ розговѣнныхъ возліяній. Визиты повидимому, кончились. Послѣдній гость ушелъ.

Леночка вздохнула съ облегченіемъ. Чтобъ не разбудить папочку, она ходила на цыпочкахъ. Ей было скучно. Но такъ какъ впереди была еще цѣлая недѣля праздниковъ, то ей казалось, что потомъ будетъ веселѣе. Подойдя къ столу, она вооружилась ножомъ и отрѣзала крыло индѣйки.

Только что принялась она ѣсть, какъ звонокъ въ передней возвѣстилъ, что визиты еще не совсѣмъ кончились. Она съ досадой отодвинула тарелку.

Но она покраснѣла отъ смущенія, смѣшаннаго съ удовольствіемъ, когда увидѣла Михольскаго. Онъ былъ во фракѣ и свѣжихъ свѣтлыхъ перчаткахъ.

— Осипъ Антонычъ! произнесла она въ полголоса, улыбаясь.

Они сѣли на диванъ и стали разговаривать. Михольскій не

Digitized by Google

спросилъ ничего о папочкѣ и, должно быть, сообразилъ самъ, что тотъ спитъ, потому что, какъ и Леночка, старался говорить не громко.

— Дѣлать визиты на праздникахъ, сказалъ онъ:—отличный обычай. Благодаря ему, я имѣю удовольствіе видѣть васъ.

Леночка опустила глаза.

— Притомъ, я не могу не воспользоваться случаемъ вручить вамъ отчетъ о тѣхъ девятнадцати рубляхъ, которые вы, помните, пожертвовали на голодныхъ дѣтей.

Онъ досталъ изъ бокового кармана аккуратно сложенный листокъ почтовой бумаги и подалъ Леночкѣ.

— Зачѣмъ? сказала она.

— Ничего, прочитайте. Полезно узнать, на что пошли ваши деньги.

— Это вы писали? спросила Леночка, и щеки ея зарумянились.

— Діаконова.

Леночка спрятала бумагу въ карманъ.

— Можетъ, еще надо?

— Теперь всѣ мужики *водворены*. Дѣти тоже. Экстренная надобность прошла.

— Не хотите ли закусить? спросила она.

— О, нѣтъ!

Наступило молчаніе. Леночка украдкой взглянула на Михольскаго. Его бѣлокурые волосы слегка золотились на солнцѣ, и глаза были устремлены на нее. Она снова потупилась.

— А что Прасковья Ивановна? сказала она, послѣ паузы.

— Прасковья Ивановна, какъ Прасковья Ивановна, отвѣчалъ Михольскій.

— Здорова?

— Должно быть.

— Вы развѣ ее не видѣли!

— О, даже христосовался! Но это было рано утромъ, а съ тѣхъ поръ много воды утекло... Она такъ пила, что дѣйствительно, могла заболѣть.

— Бѣдная!

Михольскій пристально посмотрѣлъ на Леночку и закурилъ папиросу.

— Едва ли вы искренно жалѣете ее, сказалъ онъ.

— Это почему? спросила Леночка съ улыбкой.

— Не знаю, такъ показалось мнѣ. Вообще съ нѣкоторыхъ поръ въ вашемъ голосѣ звучитъ что-то неискреннее.

Леночка пожала плечами.

Digitized by Google

— Можетъ быть. Но вѣдь вы не знаете меня... Такъ скоро нельзя узнать человѣка, а мы рѣдко видимся.

— Я дорого далъ бы, чтобъ это *рѣдко* превратилось въ *часто*. Все-таки я васъ немного уже знаю.

— Немного, прошептала Леночка и покраснѣла.

— Вы какъ будто желѣете? Но отъ васъ зависитъ, чтобъ я узналъ васъ ближе.

Леночка затруднялась что̀ сказать. Михольскій курилъ, съ ласковой снисходительностью глядя на нее.

— Я тоже васъ совсѣмъ не знаю, произнесла, наконецъ, Леночка, поднимая на него свои красивые, безпокойные глаза.

— Чтожъ, ежели интересно, постарайтесь узнать, сказалъ Михольскій.

Но въ передней зазвенѣлъ колокольчикъ и разговоръ молодыхъ людей былъ прерванъ появленіемъ Терюханова.

Леночка въ замѣшательствѣ встала. Михольскій сильно затянулся и прищурился на гостя.

Рядомъ съ тонкой граціозной Леночкой, въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлыми шелковыми лентами, короткая плотная фигура Петра Алибеича, въ просторномъ фракѣ и узкихъ темно-кофейныхъ брюкахъ съ лампасами, показалась ему карикатурной. Голова Терюханова, низко остриженная, рельефно выдѣлялась на свѣтломъ фонѣ филейныхъ занавѣсокъ, пронизываемыхъ солнцемъ, и его скуластое лицо пріятно улыбалось.

— Какая вы сегодня нимфа! началъ Петръ Алибеичъ, разсматривая Леночку и держа ее за руку.—Похристосуемся?

— Нѣтъ...

— Отчего нѣтъ?

— Такъ. Я ни съ кѣмъ не христосуюсь.

— И со мной не хотите? Ежели хорошенькія барышни не будутъ христосоваться, то какая намъ, мужчинамъ, польза отъ свѣтлаго праздника? произнесъ онъ съ хохотомъ и, притянувъ къ себѣ дѣвушку, хотѣлъ поцѣловать ее въ губы; но она отвернулась; тогда Петръ Алибеичъ, послѣ небольшого сопротивленія, звонко чмокнулъ ее пониже уха.

Михольскій видѣлъ напряженно улыбающееся лицо Леночки; пальцы его затряслись, и онъ едва могъ удержать папиросу.

Вырвавшись изъ рукъ Петра Алибеича, Леночка продолжала улыбаться. Вдругъ губы ея нервно передернулись; она заплакала и убѣжала.

Терюхановъ пожалъ плечами и растерянно взглянулъ на Михольскаго. Тотъ, въ свою очередь, взглянулъ на него — холод-

Digitized by Google

нымъ рѣжущимъ взглядомъ. Нѣкоторое время они молчали и смотрѣли другъ на друга.

— Вы нехорошо поступили, началъ Михольскій, вставая. Петръ Алибеичъ побагровѣлъ.

— Какъ вы это можете мнѣ говорить?! Вы... актеришка??! Ничтожный человѣкъ!!?

— Увѣряю васъ, вы поступили, какъ негодяй, сказалъ Михольскій и подошелъ къ нему.

Блѣдное лицо его испугало Терюханова. Онъ раскрылъ ротъ и ничего не могъ сказать. Они стояли другъ противъ друга и локти ихъ дрожали, кулаки были сжаты.

— Подожди, я съ тобой раздѣлаюсь! прошепталъ Петръ Алибеичъ послѣ паузы и, повернувшись, исчезъ въ передней.

Михольскій посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, улыбнулся и, овладѣвъ собой, успѣлъ выкурить папироску, въ ожиданіи Леночки. Но Леночка выслала горничную съ извиненіемъ, что не можетъ больше выйти. Михольскій спросилъ, здорова ли барышня, и узналъ, что не такъ здорова. Онъ взялъ шляпу, подарилъ горничной денегъ, прошелся по залѣ, что-то обдумывая, и уѣхалъ.

VI.

До 23-го апрѣля Леночка никуда не показывалась. Прасковья Ивановна пріѣзжала къ ней; пріѣзжали и другія дамы, которымъ надо было сдѣлать дочери исправника оффиціальный визитъ; но Леночка визитовъ не отплатила.

Она боялась встрѣчи съ Терюхановымъ; и не столько съ Терюхановымъ, сколько съ Михольскимъ. Ей казалось, что онъ, какъ увидитъ ее, то какъ-то странно посмотритъ. Непремѣнно *странно*. Она мучительно краснѣла, представляя себѣ этотъ «странный» взглядъ.

Но хотя она боялась встрѣтиться съ Михольскимъ, однако, сама не прочь была бы увидать его. Только такъ, чтобы онъ не замѣтилъ. По цѣлымъ часамъ просиживала она у окна, подъ прикрытіемъ шторы, и глядѣла на улицу. Терюханова она видѣла, но Михольскій ни разу не проѣхалъ и не прошелъ. Леночка грустила, вздыхала, задумывалась, плохо спала по ночамъ.

23-го апрѣля, въ день папочкиныхъ именинъ, рано утромъ, когда еще папочка спалъ — наканунѣ онъ былъ въ гостяхъ и игралъ въ карты—Леночка, взявъ горничную, поѣхала на Кожелевку. Такъ называлась часть города. Накрапывалъ дождь. Вонючая грязь плескалась кругомъ, и еврейскіе дома, которыхъ

Digitized by Google

много на Кожелевкѣ, представляли жалкій видъ. Возлѣ одного изъ нихъ, сильно покосившагося и печально глядѣвшаго въ лужу маленькими тусклыми окнами, дрожки остановились. Леночка приказала горничной сойти и вызвать поскорѣе переплетчика Лейбу. Сама она осталась сидѣть на дрожкахъ, подъ большимъ шолковымъ зонтикомъ. Капли дождя уныло барабанили по зонтику и Леночка злилась, что Лейба не идетъ. Изъ низкихъ темныхъ сѣнецъ, выходившихъ на улицу, никто не показывался. Мокрая спина кучера, облекшагося съ головой въ кожаный плащъ, тяжелой, плотной массой выдѣлялась на зыблющемся фонѣ дождливаго утра, и рядъ низенькихъ домовъ туманной полосой уходилъ въ неопредѣленную даль. Но вонъ тамъ показался какой-то силуэтъ. Леночка вскорѣ различила тарантасъ. Онъ приближается. Леночка надвинула капюшонъ своего непромокаемаго бурнуса и закрылась зонтикомъ.

Вышла, наконецъ, горничная. Храбро ступая по грязи, она подошла къ Леночкѣ и подала ей завернутую въ сахарную бумагу вещь. Леночка быстро спрятала вещь подъ полой бурнуса. Лейба выбѣжалъ. Онъ извинялся, что не успѣлъ сдѣлать работу раньше, и подобострастно смотрѣлъ на Леночку. Она махнула рукой, горничная сѣла рядомъ, и кучеръ повернулъ лошадь.

Въ это время подъѣхалъ тарантасъ, маленькій, паршивенькій, извѣстный всему городу, потому что въ немъ, въ ненастную погоду, разъѣзжаетъ докторъ Діаконовъ. Однако, Леночкѣ показалось, что въ тарантасѣ мелькнуло чье-то знакомое лицо съ бѣлокурыми волосами. Она еще больше ушла въ свой капюшонъ. Но неудержимое любопытство заставило ее оглянуться. Тарантасикъ остановился и она видѣла, какъ Михольскій, въ коротком пальто и высокихъ сапогахъ, выскочилъ изъ экипажа и подошелъ къ Лейбѣ, послѣ чего повернулъ голову въ ея сторону. Между тѣмъ, дождь пошелъ сильнѣе. Предметы расплылись въ сѣренькой полупрозрачной мглѣ. Михольскій исчезъ. И Кожелевка утонула въ туманѣ.

Вернувшись домой, Леночка торопливо пріодѣлась. Было десять часовъ, но майоръ продолжалъ еще спать. Освободивъ отъ сахарной бумаги узкій черный футлярчикъ, на которомъ золотыми буквами было изображено: «Папоцкѣ отъ Леноцки» и, мысленно побранивъ Лейбу за такое небрежное обращеніе съ Ч, Леночка вложила въ футляръ массивный серебряный карандашъ, давнымъ давно купленный для сегодняшняго случая, и вышла съ своимъ подаркомъ въ залу ждать пробужденія папочки. Въ кабинетъ его или въ спальню она безъ зова ни за что не вошла бы. Въ залѣ она застала мадамъ Юскевичъ. Капитанша подала

Digitized by Google

ей руку; лицо у ней было сырое, слегка заспанное, а глаза не то насмѣшливо, не то ласково прищуренные.

— Спитъ нашъ папочка, сказала она:—спитъ, *для того*, что такая погода! Съ папочкинымъ ангеломъ, Леночка, поздравляю васъ!

Леночкѣ слѣдовало поцѣловать мадамъ Юскевичъ, и та уже приготовилась къ этому; но Леночка отъ поцѣлуя уклонилась.

Мадамъ Юскевичъ слегка усмѣхнулась. Засучивъ рукавъ и обнаживъ по локоть жирную и бѣлую, какъ тѣсто, руку, украшенную золотымъ браслетомъ, она протянула ее къ серебряной сахарницѣ и принялась осторожно бросать въ стаканы сахаръ, дѣлая это граціозно и съ достоинствомъ нѣсколько оскорбленной, но все же доброй женщины. Въ сущности, она замѣняетъ Леночкѣ мать, но Леночка не хочетъ этого видѣть. Нѣкоторое время она сидѣла молча.

Леночка почти непріязненно смотрѣла на нее. Мадамъ Юскевичъ открыто у нихъ не жила, но верховная власть въ домѣ принадлежала ей. Она все умѣла, а Леночка ничего. Она знала, какъ дѣлаютъ польскій борщъ, бигосъ, колдуны, здобныя печенья, а Леночка не знала. Да и не старалась знать. Ибо не это одно знаніе закрѣпляло за капитаншей власть въ домѣ. Капитанша вечеромъ, обыкновенно, уходила домой, вмѣстѣ съ своимъ маленькимъ пузатенькимъ *мужемъ*. Но для Леночки было загадкой, когда же мадамъ Юскевичъ вновь приходила къ нимъ. И всякій разъ, какъ по утру она встрѣчалась съ капитаншей въ залѣ или на черной половинѣ, она не могла не потупить глазъ съ выраженіемъ легкаго отвращенія.

— Вы сегодня, Леночка, рано встали, начала мадамъ Юскевичъ.—Чтожь! Кто рано *встае*, тому пàнъ-Богъ *дае*.

Леночка подумала, что пословицу эту капитанша могла бы съ успѣхомъ примѣнить къ себѣ. Но она вспомнила, что видѣла Михольскаго, и слегка покраснѣла.

— Подарокъ папочкѣ? спросила мадамъ Юскевичъ и указала глазами на футляръ въ рукахъ Леночки.

— Да.

Мадамъ Юскевичъ съ любопытствомъ смотрѣла на футляръ. Она ожидала, что Леночка, по крайней мѣрѣ, покажетъ, что такое въ футлярѣ. Но Леночка положительно избѣгала сближенія съ мадамъ Юскевичъ. Она прикрыла футляръ чайной салфеточкой.

Капитанша сжала губы.

— Что у васъ, душечка, вышло съ Терюхановымъ? спросила она вдругъ.

Digitized by Google

— Ничего...

— Ой??

Леночка молчала. Уши ея загорѣлись, она наклонила лицо.

— Леночка, я все знаю, а папочка еще ничего не знаетъ. Правда, что не вышло особеннаго, но дурно то, что Михольскій съ Терюхановымъ изъ-за васъ поругались въ вашемъ же домѣ. Злые языки...

— Какъ, поругались? вскричала Леночка, которая въ первый разъ слышала объ этомъ.

Мадамъ Юскевичъ недовѣрчиво посмотрѣла на нее и разсказала, что произошло между Петромъ Алибевичемъ и Михольскимъ.

Леночка слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, красная, и глаза ея странно блистали.

— А вы откуда же узнали?

Мадамъ Юскевичъ улыбнулась.

— То уже мое дѣло. Первѣе всего, надо скрыть это отъ папочки. А потомъ я вамъ сказала-бъ, что за человѣкъ Михольскій.

Но Леночка потрясла головой.

— Нѣтъ, мнѣ... не интересно, произнесла она, закрывая глаза рукой.

За стѣной послышался голосъ папочки. Онъ ходилъ и кого-то бранилъ. Дамы притихли. Леночка стала смотрѣть на дверь.

Вошелъ черезъ минуту майоръ въ мундирѣ. Мундиръ былъ разстегнутъ, и изъ подъ него виднѣлся бѣлый жилетъ. Леночкѣ всегда нравилось, когда папочка надѣвалъ бѣлый жилетъ. Но лицо у него было недовольное и онъ сухо взглянулъ на дочь.

— Bonjour, папочка... начала она, нерѣшительно подходя къ нему. — Вотъ...

— Что?

— Это тебѣ... съ ангеломъ...

Майоръ взялъ футляръ.

— Очень благодаренъ, сказалъ онъ. — Но еще благодарнѣе былъ бы, еслибъ ты чѣмъ свѣтъ не разъѣзжала по городу! Ты лошадь совсѣмъ заморила. Знаешь, какъ я люблю эту лошадь? Больше тебя люблю.

Онъ сѣлъ къ столу и подвинулъ къ себѣ свою огромную фарфоровую чашку. Футляра онъ не раскрылъ и не полюбопытствовалъ, что въ немъ такое. Мадамъ Юскевичъ сидѣла, и ея большія вѣки были опущены. Леночка была уничтожена.

Ей хотѣлось уйти; но она боялась оставить капитаншу и папочку вмѣстѣ. Теперь, когда онъ не въ духѣ, больше всего надо, чтобы онъ не узналъ о ссорѣ Михольскаго съ Терюхано-

Digitized by Google

вымъ, если только ссора эта, дѣйствительно, произошла, въ чемъ, повидимому, нельзя сомнѣваться. Пожалуй, Михольскому этого папочка не проститъ. Леночка старалась не обижаться и робко ласкалась къ папочкѣ. Она разсказала, зачѣмъ ей такъ рано понадобилась лошадь. Майоръ слушалъ разсѣянно. Выпивъ чай, онъ вынулъ изъ футляра карандашъ. Леночка тревожно слѣдила за нимъ, за выраженіемъ лица мадамъ Юскевичъ, и губы ея слабо улыбались.

Въ двѣнадцать часовъ начались визиты. Пріѣзжали чиновники, офицеры, священники и поздравляли майора. Появлялись и евреи, съ осклабленными лицами, но дальше передней не шли. Иныхъ гостей Брилліантовъ приглашалъ на вечеръ, двухъ — Юскевича и Дейкунова—оставилъ обѣдать. Терюханова не было.

Майоръ завезъ къ нему на праздникахъ карточку. Вчера также заѣзжалъ къ нему, хотя опять не засталъ. «Если Терюхановъ сегодня не явится, значитъ онъ просто свинья, и чортъ съ нимъ».

Однако, передъ обѣдомъ майоръ послалъ Петру Алибеичу любезную записочку и просилъ его вспомнить, что сегодня 23-го апрѣля. Онъ будетъ очень счастливъ, если Петръ Алибеичъ заѣдетъ хоть вечеркомъ...

Отправивъ записку, Егоръ Егорычъ почувствовалъ нѣжность къ Леночкѣ. Онъ потрепалъ ее по щекѣ, далъ ей поцѣловать руку. И за обѣдомъ вынулъ серебряный карандашъ и показалъ гостямъ, какой подарокъ сдѣлала ему дочь. Гости ничего не подарили Брилліантову. Имъ стало неловко. Но они хвалили карандашъ, съ улыбкой смотрѣли на Леночку, и усердно ѣли. Щеки у Леночки горѣли, она радовалась, что папочка больше не сердится.

Для виду она подносила ко рту ложку. Погрызла крылышко цыпленка. Глядя, какъ звѣрски ѣстъ капитанъ Юскевичъ, какъ у Дейкунова вытягиваются губы, покрытыя черными неопрятными волосами, она теряла аппетитъ и съ отвращеніемъ думала о мущинахъ. И только мысль о Михольскомъ примиряла ее съ ними.

Гдѣ онъ обѣдаетъ? У сестры или у Прасковьи Ивановны?

Когда перемѣнили тарелки и гости, въ ожиданіи слѣдующаго блюда, молча посматривали на гладкій бѣлый фаянсъ и слегка отдувались, Леночка робко справилась у Дейкунова о здоровьи его жены.

— Благодарю васъ — нездорова, отвѣчалъ онъ, наливая стаканъ вина.

— Какъ, неужели? Что же съ нею?

Digitized by Google

— Нервы.

Онъ замолчалъ.

— У насъ Михольскій жилъ, обратился онъ къ Бриллiантову:— а вчера повздорилъ съ Прасковьей Ивановной, да и съѣхалъ Онъ славный малый и образованный. Но зазнался.

Леночка затаила дыханіе. Глаза у ней повеселѣли. Подали пончки съ кремомъ. Она набрала ихъ столько, что не могла съѣсть, и подняла за здоровье папочки цѣлый бокалъ донского.

— Полячокъ должно быть этотъ вашъ Михольскій, брезгливо сказалъ майоръ и чокнулся съ Леночкой.

Затѣмъ онъ чокнулся съ мадамъ Юскевичъ, съ ея мужемъ, съ Дейкуновымъ.

— Нѣтъ, онъ православный, возразилъ помощникъ исправника, осушивъ бокалъ.

— Все равно, бунтовщикъ! сказалъ Бриллiантовъ и налилъ новые бокалы.

— Теперь позвольте съ вами чокнуться, Елена Егоровна, и пожелать нашему дорогому имениннику поскорѣе увидѣть васъ замужемъ! сказалъ, вставая, Юскевичъ.

Леночка должна была протянуть свой бокалъ. Поднялся Дейкуновъ, встала мадамъ Юскевичъ, даже папочка всталъ. Руки перепутались, стекло звенѣло, вино проливалось на столъ.

— Ураа! гаркнули мужчины.

Въ блѣдныхъ сумеркахъ, сгустившихся вокругъ нея, она увидѣла круглыя донышки бокаловъ, опрокидываемыхъ въ черные рты. Она едва прикоснулась къ вину губами. Мужчины сѣли, съ красными, счастливыми лицами. Опять изъ оконъ на скатерть свободно упалъ тусклый свѣтъ дня. Подошла мадамъ Юскевичъ и поцѣловала Леночку въ лобъ.

— Вышло, что я именинница, сказала ей Леночка, съ застѣнчивой улыбкой.

Гости и папочка громко разговаривали. Деньщикъ принесъ ящикъ съ сигарами. Стали курить. Обѣдъ кончился.

Леночка все не покидала отца. Наконецъ, онъ предложилъ гостямъ идти въ кабинетъ—валяться на софѣ и пить кофе съ коньякомъ. Оставшись одна съ мадамъ Юскевичъ, Леночка вопросительно посмотрѣла на нее.

— Держитесь меня, Леночка, и ничего не бойтесь, дружелюбно произнесла мадамъ Юскевичъ, закупоривая недопитыя бутылки.

Леночка стояла въ нерѣшимости. Можетъ быть, слѣдуетъ подойти и пожать руку доброй женщинѣ. Но она не могла этого сдѣлать. Она робко вздохнула и ушла.

Дождь нагонялъ тоску. То онъ переставалъ, то опять прини-

Digitized by Google

мался хлестать по стекламъ. Леночка сидѣла въ креслѣ и смотрѣла въ окно. Мало-по-малу, небо изъ блѣдно-оловянаго стало темно-свинцовымъ. «Смеркается», подумала Леночка. «Скоро опять гости». Въ послѣдній разъ хлынулъ дождь. По ту сторону улицы дома слились въ черную массу. Въ окнѣ, что̀ напротивъ, сверкнулъ огонь яркой звѣздой, и капли дождя играли въ его лучахъ, достигавшихъ до Леночки. Въ гостинной послышались голоса. Леночка вздрогнула. Она различила голосъ Терюханова.

VII.

Леночку долго упрашивали выйти и папочка, и мадамъ Юскевичъ. Она говорила, что у ней голова болитъ. Увѣряла, что выйдетъ черезъ часъ. Наконецъ, повиновалась.

Она думала, что когда войдетъ въ гостинную и увидитъ Петра Алибеича, то съ ней Богъ знаетъ что̀ сдѣлается. Но вошла, увидѣла Петра Алибеича и не испытала даже того волненія, какое прежде при немъ испытывала. Онъ былъ ей противенъ, и щеки ея были блѣдны.

По обѣимъ сторонамъ дивана, на палисандровыхъ тумбахъ, горѣли высокія бронзовыя лампы и ихъ свѣтъ умѣрялся матовыми шарами. При этомъ свѣтѣ фигура Терюханова не особенно много выигрывала въ глазахъ Леночки.

Но зато Леночка показалась Терюханову удивительно красивой. Больше всего, однако, нравилось ему, что она ступаетъ застѣнчиво.

Онъ, по обыкновенію, не сейчасъ всталъ. Онъ до боли сжалъ руку Леночки и, когда она сѣла, то смотрѣлъ на нее во всѣ глаза. Майоръ оставилъ ихъ вдвоемъ и пошелъ въ кабинетъ, гдѣ его ожидалъ Буханцевъ.

— О чемъ грустите? справился Петръ Алибеичъ.

Леночка молчала.

— Вы не должны сердиться на меня, сказалъ Петръ Алибеичъ. — Мало ли что̀! Во всякомъ случаѣ, у меня честныя намѣренія.

Онъ выпятилъ грудь и его широкое лицо смотрѣло открыто.

— Позвольте мнѣ, Лена Егоровна, сказать вамъ нѣсколько словъ, началъ онъ.—Рѣчь моя будетъ очень серьёзная.

Леночка подняла голову и смотрѣла на него. Терюхановъ сильно потянулъ воздухъ и, упершись въ колѣни кулаками, причемъ дугой изогнулъ руки, сталъ говорить.

Digitized by Google

— Я не глупъ, я учился въ университетѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ. Мое сочиненіе всѣ профессора очень хвалили. Затѣмъ я поступилъ на службу и черезъ пять лѣтъ получилъ орденъ Станислава третьей степени. Я былъ женатъ. Я былъ очень несчастливъ съ женою. Потомъ жена заболѣла, я не могъ быть ея мужемъ. Тутъ меня назначили въ Несвенцяны. Я познакомился съ вами и очень заинтересовался вами. Но мы поругались съ вашимъ папочкой, оттого что жена еще не умерла. Однако же, теперь, когда жена умерла, мы опять съ нимъ большіе друзья. Между тѣмъ, я получилъ Станислава на шею, Анну, *аграмадное* имѣніе, у меня должность первая въ уѣздѣ. Еслибъ я не имѣлъ ума, то ничего не имѣлъ бы и никакой пользы не получилъ бы ни откуда. Теперь. Мнѣ тридцать-три года. Я не пьяница, не картежникъ, я не уродъ. Многія прекрасныя и знатныя барышни не отказали бы мнѣ въ своей рукѣ, и я могъ бы жениться даже съ большущей для себя выгодой и взять приданаго, можетъ, двадцать, а можетъ и тридцать тысячей рублей серебромъ. Но у меня были и есть другія намѣренія. Женись на дочери небогатаго человѣка, сказалъ я себѣ, и даже если пять тысячей онъ тебѣ дастъ въ приданое, то это ничего не значитъ, а главное, чтобъ была нѣжная, изящная и цѣломудренная дѣвушка, дабы она могла украсить тебѣ жизнь. Не все одна польза, есть кое-что и кромѣ пользы: есть еще и удовольствіе Правда, Лена Егоровна?

Леночка молчала. Въ простѣночномъ зеркалѣ она видѣла Петра Алибеича, освѣщеннаго матовыми шарами. У него былъ смѣшной видъ. Она потупилась.

— Скажите же?!

— Я, право, не знаю, къ чему вы это все говорите, робко сказала Леночка.

— Дѣвушки никогда ничего не знаютъ, а когда дойдетъ до дѣла, то оказывается обыкновенно, что онѣ и нашего брата научатъ, возразилъ Петръ Алибеичъ съ легкой досадой. — Ахъ, Лена Егоровна! Вы должны догадаться, какую дѣвушку я имѣю въ виду. Только эта одна дѣвушка, милая и граціозная, можетъ доставить мнѣ истинное удовольствіе. Лена Егоровна!

— Что, Петръ Алибеичъ?

— Ежели вы не хотите со мной ссориться, то догадайтесь, кто эта дѣвушка?

Леночка пожала плечами. Но улыбка скользнула по ея губамъ. Петръ Алибеичъ захохоталъ съ торжествомъ и схватилъ ее за руку. Однако, замѣтивъ, что Леночка ужасно поблѣднѣла, онъ пустилъ ее и сказалъ:

Digitized by Google

— Вы какая-то странная... Ну, хорошо! Даю вамъ на отвѣтъ три дня сроку!

Леночка хотѣла уйти. Ей было стыдно.

— Нѣтъ, нѣтъ, я прошу васъ остаться, произнесъ Петръ Алибеичъ.—Есть маленькое обстоятельство, и мнѣ хочется его выяснить. Мнѣ кажется, я имѣю на это право. Лена Егоровна, пока вы будете ломать голову надъ тѣмъ, кто эта особа, которая мнѣ такъ нравится — онъ самодовольно улыбнулся—будетъ большая польза для насъ *обѣихъ*, ежели вы теперь дадите мнѣ слово честной дѣвушки, что никого не любите, кромѣ *одного* человѣка.

У Леночки заблистали глаза. Она сказала:

— Прекратимъ этотъ разговоръ.

— Ни за что въ мірѣ! произнесъ Терюхановъ.—Я съ этимъ разговоромъ давно ношусь. Я весь обдумалъ его, какъ шахматную игру. И такъ, слово честной дѣвушки, что сердце ваше...

— Послушайте...

— Лена Егоровна, это не болтовня на вѣтеръ, это не смѣхъ, это не *шуры-муры*, это очень и очень серьёзная вещь, наставительно сказалъ Терюхановъ.—Дѣло въ томъ, что я здѣсь видалъ одного молодого негодяя и не хотѣлъ бы, чтобы онъ сталъ мнѣ поперекъ дороги. Я говорю о господинѣ Михольскомъ, который, не знаю почему, посмѣлъ мнѣ тогда сдѣлать замѣчаніе... Я бы его уничтожилъ, но что̀ пользы? И такъ, Лена Егоровна, что вы мнѣ скажете о вашемъ сердцѣ?

Леночка гнѣвно молчала.

— Я понимаю, для васъ оскорбительно мое подозрѣніе, но я и не подозрѣваю ничего такого... Я просто хочу знать: это—онъ фамильярно указалъ на грудь дѣвушки:—вздыхаетъ о комъ-нибудь, или нѣтъ?

Леночка молчала.

— И если вздыхаетъ, продолжалъ Терюхановъ, понизивъ голосъ:—то кто счастливецъ?

Онъ улыбался. Леночка продолжала молчать.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ №*).

Максимъ Бѣлинскій.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

LVI.

Въ 1848 году, подъ впечатлѣніемъ февральской революціи, начался періодъ крайней реакціи, продолжавшійся до вступленія на престолъ императора Александра II. Но реакція эта была не какимъ-либо скачкомъ и внезапнымъ поворотомъ вспять, а лишь послѣднимъ шагомъ, увѣнчаніемъ того зданія, которое строилось съ 1830 года. Все время управленія гр. Уваровымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія было подготовкою къ этому шагу. Уже тогда была усилена бдительность за журналами, всѣдствіе постоянныхъ доносовъ на ихъ зловредное направленіе, и министръ употреблялъ всѣ усилія, чтобы отстранить ихъ отъ всякаго участія въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ, хотя-бы въ благонамѣренномъ духѣ. Такъ циркуляромъ 1847 года онъ предписываетъ спб. цензурному комитету, чтобы было «обращено вниманіе цензоровъ на журнальныя и другія статьи объ отечественной исторіи, для предотвращенія въ оныхъ разсужденій о вопросахъ государственныхъ и политическихъ, которыхъ изложеніе должно быть допускаемо съ особенною осторожностью и только въ предѣлахъ самой строгой умѣренности. *Особливой внимательности требуетъ тутъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, стремленіе, становящееся иногда, если не опаснымъ, то по крайней мѣрѣ неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть*» [1].

Такимъ образомъ уже въ 1847 году начали смотрѣть, какъ на непозволительное, на всякое одушевленіе въ прессѣ, даже и патріотическое.

Въ то же время гр. Уваровъ снова озаботился усиленіемъ

[1] Сборн. постановл. по ценз., стр. 240.

Digitized by Google

бдительности за переводною беллетристикою, на что онъ обращалъ уже вниманіе въ началѣ своей министерской дѣятельности. Такъ распоряженіемъ 5 іюня 1847 г. по спб. цензурному комитету были предписаны имъ слѣдующія правила: 1) обращать впредь ближайшее и строжайшее вниманіе на представляемые въ комитетъ переводы съ иностранныхъ языковъ, особенно современныхъ французскихъ писателей, коихъ имена болѣе или менѣе извѣстны публикѣ, обязавъ гг. цензоровъ, чтобы по окончательномъ разсмотрѣніи ихъ переводовъ, каждый изъ нихъ предварительно доводилъ до свѣдѣнія предсѣдателя Цензурнаго Комитета, которому предоставляется или разрѣшить изданіе подобнаго перевода, или представить на разсмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія и 2) въ издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ журналахъ наблюдать, чтобы цѣлыя книжки оныхъ, вопреки программѣ, не были составлены изъ однихъ почти переводныхъ въ цѣлости романовъ или повѣстей».

Годомъ же позже, именно 6 и 24 марта 1848 г., по докладу гр. Уварова было сдѣлано распоряженіе не дозволять русскимъ журналамъ и газетамъ помѣщать переводы иностранныхъ романовъ, помѣщаемыхъ въ фельѣтонахъ иностранныхъ газетъ, въ «Revue Etrangère» и «Messager», пока эти романы не будутъ изданы въ цѣлости, пропущены иностранною цензурою и разрѣшенъ Главнымъ Управленіемъ цензуры вопросъ о возможности переводить ихъ на русскій языкъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было обращено тогда уже вниманіе и на чрезмѣрное развитіе сатирическаго отношенія съ русской жизни, на такъ называемую «натуральную школу», и въ томъ же циркулярѣ 5 іюня 1847 г., гр. Уваровъ поставляетъ на видъ цензорамъ, «что съ нѣкоторыхъ поръ оригинальныя изданія, въ родѣ повѣстей и романовъ, наполнены выходками противъ чиновниковъ, представляя этотъ классъ въ самыхъ гнусныхъ и смѣшныхъ видахъ», и на этомъ основаніи предписываетъ «неослабно наблюдать, чтобы подобныя изображенія не выходили изъ предѣловъ благопристойности и вкуса, и были вообще допускаемы тогда только, когда цензура убѣдится въ чистотѣ намѣренія сочинителя и его безпристрастіи» [1].

На дѣло петрашевцевъ смотрятъ обыкновенно, какъ на прямой результатъ паники, произведенной февральской революціей. Но уже въ 1846 году Петрашевскій успѣлъ обратить вниманіе начальства, какъ человѣкъ вольнаго образа мыслей. Въ какой-то сборникъ предназначалась статья его «Организація промышен-

[1] Ibid., стр. 241—245.

Digitized by Google

ности», и цензоръ, разсматривавшій сборникъ, доносилъ: «главное затрудненіе проистекало изъ общаго направленія статей противъ существующаго порядка въ общественной жизни. Редакція (сборника) видитъ во всемъ *ненормальное*, какъ она выражается, положеніе, и напрягается всѣми силами развивать способы къ приведенію общества въ другое положеніе — *нормальное*. Для редакціи кажется, что въ христіанскомъ обществѣ должно быть равенство, потому что религія христіанская есть религія братской любви». Цензора поражало также и слово «организація», и это выраженное авторомъ желаніе все организовать; «послѣ организаціи производства и торговли, разсуждалъ цензоръ, можетъ появиться статья подъ заглавіемъ: организація войска, организація труда... на чемъ можетъ остановиться этотъ рядъ организацій, угадать трудно». [1]

Въ 1845 и 46 годахъ были изданы Петрашевскимъ два выпуска «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ, входящихъ въ составъ русскаго языка» до буквы *о* включительно, подъ псевдонимомъ Кирилова. Хотя второй выпускъ этого словаря и былъ пропущенъ цензурою, и успѣлъ уже выйти въ свѣтъ, тѣмъ не менѣе, цензурный комитетъ спохватился и распорядился отобрать его изъ книжныхъ лавокъ. Вотъ что говоритъ Липранди объ этомъ въ своей запискѣ, поданной имъ въ комиссію по дѣлу петрашевцевъ:

«Издатель имѣлъ дерзость напечатать между безчисленнымъ множествомъ наполненныхъ ядомъ соціализма, коммунизма и прочихъ современныхъ безумствъ, слѣдующія небывалыя на русскомъ языкѣ строки (стр. 294): «Ученіе Христово въ первобытной чистотѣ своей нанесло сильный ударъ всевозможнымъ писателямъ и прорицателямъ, изобличило ихъ хищничество, коварство и деспотизмъ, и въ противоположность тому, являя примѣръ безкорыстія, братолюбія, имѣя основнымъ догматомъ милосердіе *а цѣлію водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности* (подчеркнутыя слова въ подлинникѣ напечатаны курсивнымъ шрифтомъ), съ каждымъ днемъ привлекало къ себѣ новыхъ сподвижниковъ. Какъ ни прекрасно начало сего ученія, но оно еще не получило нормальнаго развитія...» [2].

Наконецъ, уже въ самомъ началѣ 1848 года былъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Ширинскаго-Шихматова и подъ руководствомъ самого министра, комитетъ для пересмотры цензурнаго устава и начертанія «наказовъ» цензорамъ. Результатомъ работъ этого комитета былъ проектъ, предполагавшій

[1] Ibid., стр. 53—54.
[2] «Рус. Стар.», № 7, стр. 73 и 83.

Digitized by Google

устранить отъ исправленія цензорскихъ обязанностей ученое сословіе, соединить оба петербургскіе цензурные комитеты въ одинъ департаментъ, обложить пошлиной иностранныя книги.

Но Государственный совѣтъ призналъ ненужною предполагаемую организацію цензурнаго управленія, а предлагаемыя проэктомъ средства къ сообщенію литературѣ направленія, соотвѣтствующаго видамъ правительства, недостаточными, и потому проэктъ былъ возвращенъ гр. Уварову. Изъ всѣхъ его предположеній осуществилось только два, именно: объ увеличеніи содержанія цензорамъ и о назначеніи чиновниковъ особаго порученія при Главномъ Управленіи цензуры для чтенія всего, что выходило изъ печати въ Россіи, и наблюденій такимъ образомъ, какъ за направленіемъ литературы, такъ и за дѣйствіемъ цензоровъ [1].

Но если 1848 годъ не могъ много прибавить по части реакціонныхъ мѣръ, такъ-какъ и безъ того уже онѣ всѣ стояли на чеку, за то онъ оказалъ приверженцамъ реакціи двѣ важныя услуги: во-первыхъ, далъ уважительный поводъ ко всѣмъ ихъ мѣрамъ въ томъ революціонномъ движеніи, которое распространилось по всей Европѣ; во-вторыхъ, что самое главное, онъ раскрылъ имъ глаза, и направилъ ихъ дѣйствія совершенно въ другую сторону. Въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, какъ мы неоднократно могли убѣдиться изъ всего предъидущаго, правительство наше руководилось самыми смутными и неопредѣленными воззрѣніями на то, что ему слѣдуетъ допускать и чего опасаться. Это были традиціонные призраки краснаго якобинизма въ духѣ 1793 года, и съ этими давно отжившими призраками отождествлялись вещи, не имѣвшія съ ними ничего общаго, въ родѣ вдругъ философіи Гегеля, или, еще лучше, скабрезныхъ стишковъ русскихъ недоучившихся баричей. И въ то время, какъ въ малѣйшемъ оппозиціонномъ намекѣ, невинной сатирической колкости видѣли колебаніе всѣхъ основъ, на страницахъ журналовъ свободно и незамѣтно проскальзывали порою жгучія идеи, которыя волновали передовые умы на Западѣ. Теперь же правительство въ своихъ преслѣдованіяхъ сразу переходитъ съ чисто политической на экономическую почву, становится вполнѣ au courant современныхъ идей и событій. Эта новая точка зрѣнія отлично выражается въ «Наставленіи ректору и деканамъ юридическаго и перваго отдѣленія философскаго факультета», данномъ 24-го октября 1849 г. Документъ этотъ, вполнѣ выражающій новую правительственную программу, считаемъ не лишнимъ привести цѣликомъ:

[1] Ист. свѣд. о ценз. въ Рос., стр. 54—55.

Digitized by Google

1) «Въ инструкціи ректору и деканамъ изложены ихъ обязанности и порядокъ дѣйствій въ надзорѣ за университетскимъ преподаваніемъ. Между тѣмъ современныя политическія обстоятельства и господствующія въ западной Европѣ идеи требуютъ особеннаго въ этомъ отношеніи предостереженія, которое, по самому существу своему, не подлежитъ гласности и должно быть извѣстно только лицамъ, имѣющимъ ближайшее наблюденіе за ходомъ образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

«2) Ректоръ университета и деканы факультетовъ, будучи обязаны имѣть постоянный и дѣятельный надзоръ за преподаваніемъ всѣхъ вообще предметовъ, входящихъ въ кругъ университетскаго ученія, обращаютъ особенное и самое бдительное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыхъ изложеніе, по предосудительному духу настоящаго времени, можетъ подавать неблагонамѣренности болѣе случаевъ ко внушенію молодымъ людямъ неправильныхъ и превратныхъ понятій о предметахъ политическихъ. Таковы, напримѣръ, государственное право, политическая экономія, наука о финансахъ и всѣ вообще историческія науки, возможность злоупотребленія коихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

«3) При предварительномъ разсмотрѣніи программъ этихъ наукъ, которыя, по своей важности, утверждаются министерствомъ народнаго просвѣщенія, при посѣщеніи лекцій и во время испытаній, ректоръ и деканы строго наблюдаютъ за неприкосновенностью начала, служащаго основою нашего государственнаго быта. Оно состоитъ въ томъ, что Россія, какъ по мѣстному своему положенію, правамъ народнымъ и потребностямъ всѣхъ сословій, такъ и по вѣковымъ историческимъ событіямъ, упрочившимъ ея благоденствіе, не можетъ и не должна имѣть иного образа правленія, кромѣ монархическаго самодержавнаго, въ которомъ государь, какъ покровитель церкви и отецъ отечества, есть не только средоточіе, но и соединеніе всѣхъ властей въ государствѣ: законодательной, судебной и исполнительной. По сему въ университетскомъ преподаваніи ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допускаемо не только порицаніе нашего образа правленія, но даже изъявленіе сомнѣнія въ пользѣ и необходимости самодержавія въ Россіи.

«4) Въ настоящее смутное время, когда большая часть такъ называемой просвѣщенной Европы, забывъ евангельскую заповѣдь о повиновеніи законнымъ властямъ, поколебала и отчасти ниспровергла престолы царей съ провозглашеніемъ верховнаго властительства народа — болѣе, нежели когда-либо, надлежитъ ограждать университетское юношество отъ чуждыхъ намъ поня-

Digitized by Google

тій о мнимомъ превосходствѣ республиканскаго или конституціоннаго правленія, объ ограниченіи монархической самодержавной власти, о равенствѣ всѣхъ состояній и тому подобнаго. Не довольствуясь отстраненіемъ этихъ зловредныхъ мнѣній, ректоръ и деканы не дозволяютъ въ программахъ и преподаваніи рѣшительно ничего могущаго ослабить чувства преданности, вѣрности и покорности высочайшей власти и законамъ отечественнымъ.

«5) Въ ректорѣ и деканахъ предполагается ясное понятіе о возникшихъ въ наше время, преимущественно во Франціи, разныхъ политико-экономическихъ системахъ, каковы сенъ-симонисты, фуріеристы, соціалисты и коммунисты, въ особенности о двухъ послѣднихъ, играющихъ столь важную роль въ современныхъ событіяхъ на западѣ Европы. Основная мысль ихъ, какъ извѣстно, есть достиженіе всѣми возможными средствами безусловнаго равенства. Объявивъ непримиримую войну всему, что возвышается надъ безземельною и бездомною чернью, коммунизмъ нагло подводитъ подъ свой желѣзный уровень всѣ состоянія, съ уничтоженіемъ всякихъ отличій породы, заслугъ, богатства и даже ума. Слѣдя внимательно за развитіемъ столь гибельнаго и, по несчастію, преуспѣвающаго мнѣнія въ Европѣ, ректоръ и деканы будутъ тщательно отсѣкать въ разсматриваемыхъ ими программахъ и воспрещать въ устномъ преподаваніи съ кафедръ все, что можетъ, даже и косвенно, содѣйствовать къ распространенію у насъ этихъ разрушительныхъ началъ или служить имъ нѣкоторою опорою. Къ сему относятся разсужденія, имѣющія цѣлію унизить достоинство и пользу какого бы то ни было сословія въ государствѣ, или поколебать установленныя законами отношенія между разными состояніями, двусмысленные или сомнительные намёки на счетъ несбыточныхъ теорій объ общности капиталовъ и недвижимыхъ имуществъ, однимъ словомъ, всякаго рода попытки притязанія пролетаріевъ къ общественной и частной собственности.

«6) Съ этимъ же намѣреніемъ и въ видахъ охраненія внутренняго въ Россіи спокойствія, ректоръ и деканы не дозволяютъ въ лекціяхъ профессоровъ изъявлять, въ неумѣренныхъ выраженіяхъ, сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, говорить съ преувеличеніемъ о злоупотребленіи власти помѣщиковъ, или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ была бы полезна для государства. Тов. мин. нар. просв. кн. Ширинскій-Шихматовъ [1].

---

[1] «Русская Старина», 1872 г., № 10, стр. 448.

Digitized by Google

Этой же самой программѣ, выражающей не одни туманныя и смутныя опасенія, а опредѣленный и ясный кругъ требованій, держалось правительство наше и по отношенію къ прессѣ во все время, начиная съ 1848 и до 1856 года. Здѣсь, впрочемъ, требованія эти еще болѣе расширялись и осложнялись вслѣдствіе большей широты круга вліянія, захватывающаго прессой. Кафедра имѣла дѣло съ одною учащуюся молодежью. Пресса же могла оказывать непосредственное вліяніе не на одну только интеллигенцію, но и на самыя массы народы, на всѣ слои населенія. По этому главная забота правительства по отношенію къ прессѣ съ 1848 года заключалась нетолько въ томъ, чтобы интеллигенція не заразилась вредными идеями, бродившими на Западѣ, но чтобы идеи эти не проникли въ народъ. Этимъ и объясняется, какъ увидимъ ниже, особенно тщательный и строгій надзоръ за газетами, книгами для народнаго чтенія и всякаго рода популярными изданіями, проникающими въ народныя массы.

Подъ первымъ впечатлѣніемъ февральской революціи былъ учрежденъ въ началѣ 1848 года, подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова, особый комитетъ съ обязанностью «разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому журналу программы».

Вслѣдъ затѣмъ, 12-го марта была объявлена министромъ слѣдующая высочайшая воля: «вслѣдствіе обстоятельствъ, обратившихъ вниманіе Государя Императора на направленіе нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: 1) начальству цензуры созвать цензоровъ, объявивъ имъ, что правительство обратило вниманіе на предосудительный духъ многихъ статей, съ нѣкотораго времени появляющихся въ періодическихъ изданіяхъ, и предупредить ихъ, что за всякое дурное направленіе статей журналовъ, хотя бы оно выражалось въ косвенныхъ намекахъ, цензура, сіи статьи пропустившая, подвергнется строгой отвѣтственности. 2) Главному Управленію строго взыскивать, по предоставленной начальству власти, за упущенія цензоровъ въ этомъ случаѣ. 3) Теперь же поставить цензорамъ въ непремѣнную обязанность не пропускать въ печать выраженій, заключающихъ намеки на строгость цензуры. 4) Пояснить, что запрещеніе цензурою выпускать въ Россію нѣкоторыя иностранныя книги, заключаетъ въ себѣ и запрещеніе говорить о ихъ содержаніи въ журналахъ, а тѣмъ болѣе печатать отрывки изъ нихъ въ подлинникѣ или переводѣ [1].

[1] Сборн. постанов. по ценз., стр. 244.

Digitized by Google

Около того же времени были созваны по Высочайшему повелѣнію въ министерство редакторы всѣхъ издаваемыхъ въ Петербургѣ періодическихъ изданій и имъ было объявлено, что долгъ ихъ нетолько отклонять всѣ статьи предосудительнаго направленія, но содѣйствовать своими журналами правительству въ охраненіи публики отъ зараженія идеями, вредными нравственности и общественному порядку. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Высочайшаго имени они предупреждались, что за всякое дурное направленіе статей ихъ журналовъ, хотя бы оно выражалось косвенными намеками, они лично подвергнутся строгой отвѣтственности, независимо отъ отвѣтственности цензуры [1].

Но этихъ мѣръ казалось недостаточно для окончательнаго обузданія прессы, и вотъ взамѣнъ комитета кн. Меншикова, 2-го апрѣля 1848 г., былъ учрежденъ особенный комитетъ для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ за духомъ и направленіемъ книгопечатанія, подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Дмитрія Петровича Бутурлина (автора французскаго сочиненія о войнѣ 1812 г.). Комитетъ этотъ, въ продолженіе своего восьмилѣтняго существованія (до 1856 г.), оффиціально носилъ названіе «комитета 2-го апрѣля 1848 г.» въ обществѣ же называли его «Совѣтомъ пяти», по числу членовъ его, такъ-какъ въ немъ, кромѣ предсѣдателя, засѣдали генералъ-адъютанты Н. Анненковъ, Я. Ростовцевъ, Л. Дубельтъ и кн. Ширинскій-Шихматовъ. Дѣлопроизводителемъ этого «Совѣта пяти» былъ Михаилъ Михайловичъ Михайловъ.

Съ учрежденіемъ этого комитета пресса была положительно со всѣхъ сторонъ окружена бдительнымъ надзоромъ начальства. Каждую книгу, выходившую въ свѣтъ, разсматривали сначала узаконенные цензора и чиновники какого нибудь вѣдомства, смотря по ея содержанію, затѣмъ чиновники особыхъ порученій при министерствѣ народнаго просвѣщенія, и наконецъ Бутурлинскій комитетъ. Въ то время, какъ министерскіе чиновники докладывали министру о всѣхъ опущеніяхъ цензуры, Бутурлинскій комитетъ въ свою очередь входилъ съ докладомъ къ Государю и затѣмъ сообщалъ министру Высочайшую резолюцію. Курьёзнѣе всего здѣсь было то, что кн. Ширинскій-Шихматовъ, бывшій въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ тѣмъ засѣдавшій въ Бутурлинскомъ комитетѣ, являлся такимъ образомъ жалобщикомъ на своего непосредственнаго начальника.

Въ то время какъ по смыслу устава 1828 года цензора были

[1] Ibid, стр. 245.

Digitized by Google

обязаны принимать за основаніе лишь явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія въ другую сторону, Бутурлинскій комитетъ, напротивъ того, вмѣнялъ себѣ въ обязанность читать между строкъ, обращать вниманіе на предполагаемую цѣль автора и не ограничиваться одною «дозволительностью» статей, а слѣдить затѣмъ, на сколько онѣ приличны и умѣстны сообразно обстоятельствамъ времени. Такое радикальное отклоненіе отъ устава 1828 года, по всей вѣроятности, совершилось подъ вліяніемъ записки кн. Вяземскаго о недостаточности цензуры, представленой имъ на Высочайшее усмотрѣніе именно въ это самое время. Въ запискѣ своей кн. Вяземскій особенно ставитъ на видъ междустрочность, сильно развившуюся въ послѣднее время въ прессѣ, въ которой, по его словамъ: «каждое слово есть обинякъ. Литература наша, и особенно нѣкоторые изъ петербургскихъ журналовъ, наполнены этихъ обиняковъ и намековъ, прозрачныхъ для смышленыхъ читателей» [1]. И вотъ чтобы искоренить эту междустрочность, «все туманное, неопредѣленное, дающее поводъ къ предположеніямъ и толкованіямъ», было тотчасъ же указываемо комитетомъ министру. Такъ напримѣръ, по поводу какой-то поэмы Бутурлинъ писалъ гр. Уварову: «Хотя означенная поэма была разсмотрѣна цензурою еще прежде происшествій на Западѣ, но какъ проявленія подобныхъ мыслей не слѣдовало допускать въ нашей литературѣ, то комитетъ полагалъ предоставить вашему сіятельству сдѣлать цензору за пропускъ означенныхъ стиховъ строгое замѣчаніе. О таковомъ заключеніи комитета, удостоенномъ Высочайшаго утвержденія, имѣю честь сообщить вашему сіятельству для зависящаго распоряженія».

Подобныхъ указаній съ выраженіемъ Высочайшей воли въ одномъ іюнѣ 1848 г. было сообщено Бутурлинымъ шесть. Надзоръ комитета производился нетолько по текущей литаратурѣ, но, какъ видно изъ предшествовавшаго примѣра, и по сочиненіямъ, изданнымъ ранѣе; онъ простирался на губернскія вѣдомости, на изданія спеціальныя и мѣстныя, какъ напримѣръ, на описаніе пятидесятилѣтняго юбилея наборщика Нёберта, напечатанное въ Митавѣ, на нѣмецкій словарь, въ которомъ замѣчены были нѣкоторыя неприличныя слова, и т. д.

Къ тому же, наблюденіе комитета не ограничивалось одною литературою; онъ обращалъ вниманіе и на механизмъ самаго цензурнаго управленія и указалъ министру на случавшіяся въ ономъ вѣдомствѣ неисправности, какъ напримѣръ, на то, что

[1] Истор. св. о ценз. въ Россіи, стр. 53.

Digitized by Google

«Journal d'Odessa» выходилъ безъ подписи цензора. Комитетъ же сообщилъ ему Высочайшую волю, чтобъ авторы непремѣнно выставляли свои имена подъ статьями; по Высочайшему же повелѣнію потребовалъ списокъ всѣхъ журнальныхъ сотрудниковъ по редакціямъ [1].

Но не одинъ Бутурлинскій комитетъ, иногда и III отдѣленіе дѣлало доклады Государю и затѣмъ относилось къ министру о неисправности цензоровъ. Такъ въ маѣ 1848 года гр. Орловъ отнесся къ гр. Уварову, что «писатели нерѣдко представляютъ къ разсмотрѣнію сочиненія самаго преступнаго содержанія и цензора часто воспрещаютъ вполнѣ такія сочиненія, или уничтожаютъ въ нихъ многія мѣста. Поставленные въ затруднительное положеніе въ отношеніи къ писателямъ, которые ропщутъ и негодуютъ на строгость цензоровъ, послѣдніе иногда какъ бы принуждены бываютъ пропускать сочиненія съ сомнительными мѣстами. Цензоры объясняютъ, что еслибъ Правительству извѣстны были всѣ сочиненія или мѣста въ статьяхъ, которыя ими воспрещены къ напечатанію, то оно, усмотрѣвъ, сколько вредныхъ книгъ и мыслей остановлено, отдало бы еще похвалу усердію и предусмотрительности цензоровъ. Объясненія эти показываютъ, что дѣйствія цензоровъ ограничиваются единственно тѣмъ, что они возвращаютъ писателямъ преступныя сочиненія, или уничтожаютъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, а сами писатели остаются нетолько безъ взысканія, но даже въ неизвѣстности Правительству, тогда какъ многіе изъ нихъ въ сочиненіяхъ своихъ обнаруживаютъ самый вредный образъ мыслей. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ, Высочайше повелѣть изволилъ, дабы тѣ изъ воспрещаемыхъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное, въ политическомъ и нравственномъ отношеніи, направленіе, были представляемы отъ цензоровъ, негласнымъ образомъ, въ III отдѣленіе собственно Его Величества канцелярія, съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ наблюденіе» [2].

Естественнымъ результатомъ этого закона была паника, овладѣвшая всѣми литераторами, такъ-какъ они увидѣли теперь себя подъ дамокловымъ мечомъ III отдѣленія, грозившаго имъ всевозможными карами, начиная съ ареста на гауптвахтѣ или въ части и кончая ссылкою въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя за каждое

[1] Истор. свѣд. о ценз. въ Россіи, стр. 55—56.
[2] Сборн. постан. по ценз., стр. 247—248.

Digitized by Google

неосторожное слово. Возникшее въ томъ же 1848 году дѣло Петрашевскаго еще болѣе усилило эту панику, такъ-какъ въ числѣ привлеченныхъ къ этому дѣлу и арестованныхъ находилось нѣсколько литераторовъ. Особенное вниманіе было обращено при этомъ на нѣкоторыхъ сотрудниковъ «Современника» и беллетристовъ «Натуральной школы». Такъ къ этому времени относится внушительное приглашеніе Бѣлинскаго къ Дубельту для «знакомства», заставшее великаго критика на смертномъ одрѣ. Даже И. И Веденскій, добродушный и мирный педагогъ, критикъ и переводчикъ англійскихъ беллетристовъ, подвергся въ это время подозрѣнію, и Ф. Ф. Вигель не замедлилъ разразиться противъ него доносомъ, который онъ передалъ черезъ Н. С. Алексѣева Липранди во время слѣдствія, производившагося по дѣлу Петрашевскаго (28-го апрѣля 1849 г.).

«Не увидитесь ли вы, писалъ Вигель:—съ почтеннѣйшимъ Ив-Петр. Липранди, единственнымъ человѣкомъ, который, съ желаніемъ истребленія зла, соединяетъ тонкій умъ, къ тому способствующій. Не скажете ли ему хоть отъ меня, что нечаянный случай далъ мнѣ по заочности узнать объ одномъ Веденскомъ, поповичѣ, говорятъ съ чрезвычайнымъ умомъ и съ изумительными правилами безнравственности и безбожія, и ce qui s'en suit. Онъ задушевный другъ Петрашевскаго (sic), но такъ благоразуменъ, что не принадлежитъ ни къ какому обществу. Привлечь его къ отвѣтственности была бы совершенная несправедливость. Но онъ преподаетъ науки въ Павловскомъ и въ другихъ кадетскихъ корпусахъ; не жалко ли будетъ оставить такую отраву среду возрастающаго юношества? и какъ про это не знаетъ генералъ Ростовцевъ? Мы съ вами не доносчики и не наше бы дѣло, еслибы мы не были знакомы съ Иванъ Петровичемъ. Что-то совѣстно не указать на то, среди благонамѣренныхъ видовъ добраго знакомаго» [1].

Обыски у арестованныхъ лицъ по дѣлу Петрашевскаго, и особенно у самого Петрашевскаго открыли обращеніе къ публикѣ массы иностранныхъ книгъ, запрещенныхъ цензурою. Тогда принялись за книжные магазины. Вотъ что говоритъ по этому поводу Липранди въ своей запискѣ:

«Случай доставилъ мнѣ поводъ учредить наблюденіе за однимъ только книгопродавцемъ (Лури), и у него найдено 2,500 томовъ подобныхъ книгъ, и гдѣ? просто на полкахъ въ магазинѣ! Изъ корреспонденціи же его и изъ конторскихъ книгъ, взятыхъ за десять лѣтъ, видно, что всѣ эти запрещенныя книги

[1] «Русская Старина», 1871 г., № 12, стр. 697.

Digitized by Google

требовались и разсылались въ знатномъ количествѣ по всему пространству государства. И это только отъ одного книгопродавца, а сколько ихъ и гораздо значительнѣйшихъ въ одномъ С.-Петербургѣ? Изъ полученныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній отъ губернаторовъ видно, что запрещенныя книги въ провинцію высылались прямо по почтѣ: изъ Риги и Дерпта. Сдѣланный тамъ обыскъ у книгопродавцевъ равномѣрно открылъ знатное же количество таковыхъ книгъ въ ихъ магазинахъ. Утвердительно можно сказать, что едва ли не каждый изъ этихъ торговцевъ промышляетъ этимъ ядомъ, чему цензура, при существующихъ постановленіяхъ, не вправѣ противодѣйствовать» [1].

LVII.

Наибольшее число всякаго рода внушеній и распоряженій приходилось, конечно, на долю газетъ и журналовъ, не исключая даже и оффиціальныхъ. Такъ въ первый же мѣсяцъ своего существованія бутурлинскій комитетъ обратилъ вниманіе на «Русскій Инвалидъ», редакторомъ котораго былъ въ это время Ѳедоръ Ѳедорычъ Корфъ, авторъ салонныхъ театральныхъ піесъ. Впрочемъ, военный министръ Чернышевъ, вѣдомству котораго принадлежалъ «Русскій Инвалидъ«, ранѣе Бутурлина уже замѣчалъ неисправность цензуры по отношенію къ этой газетѣ и 20-го апрѣля 1848 г. отнесся къ предсѣдателю военно-цензурнаго комитета съ бумагою слѣдующаго содержанія:

«Неоднократно замѣчено, что редакція газеты «Русскій Инвалидъ» не слѣдуетъ общимъ установленнымъ для цензуры правиламъ, и что въ газетѣ сей часто проявляются описанія извѣстій въ томъ превратномъ видѣ, въ какомъ выставляютъ ихъ иностранныя газеты. Я поручилъ уже дежурному генералу главнаго штаба его императорскаго величества объясниться о семъ съ директоромъ канцеляріи комитета, выс. учрежд. 18-го августа 1814 г.; но и за симъ редакція помянутой газеты обнаруживаетъ тѣ же превратныя правила. Такъ, напримѣръ, въ газетѣ 16-го апрѣля, № 82, въ статьѣ «Иностранныя извѣстія», австрійскія войска названы *непріятельскими*; предводительствующимъ полками инсургентовъ расточается названіе *храбрыхъ*; а статья изъ Киля *о студентахъ вовсе не должна имѣть мѣста* въ газетѣ. Считая долгомъ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство обратить особенное вниманіе на редакцію га-

[1] «Русская Старина», 1872 г., № 7, стр. 84.

Digitized by Google

зеты «Русскій Инвалидъ», какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, поставляю обязанностью присовокупить, что наблюденіе за духомъ и направленіемъ сей газеты останется на отвѣтственности комитета, предсѣдательствуемаго вашимъ высокопревосходительствомъ. Военный министръ князь Чернышевъ» [1].

Вслѣдъ затѣмъ и Бутурлинъ обратилъ вниманіе на «Русскій Инвалидъ» и 25-го апрѣля отнесся къ кн. Чернышеву съ слѣдующею бумагою:

«М. Г. князь Александръ Александровичъ! Государь Императоръ изволилъ замѣтить, что если настоящія событія на западѣ Европы возбуждаютъ во всей мыслящей и благоразумной части нашей публики одно справедливое омерзеніе, то необходимо всячески охранять и низшіе классы отъ распространенія между ними круга идей, нынѣ, благодаря Богу, совершенно имъ чуждыхъ, а въ семъ отношеніи нельзя не обратить вниманія, что русскія газеты читаются и всѣми мелкими чиновниками, и на гостиномъ дворѣ, и въ трактирахъ, и въ лакейскихъ, разсыпаясь такимъ образомъ между сотнями тысячъ читателей, для которыхъ все это свято, какъ законъ, по тому уже одному, что оно *печатное*. Въ такомъ смыслѣ нѣтъ, безъ сомнѣнія, никакой пользы и надобности, чтобы эти многочисленные читатели, изъ коихъ самая большая часть стоитъ на низшей степени образованія и общественной лѣстницы, знали, напримѣръ, что въ Парижѣ тронъ выброшенъ въ окно и всенародно сожженъ, или читали тѣ коммунистическія выходки, тѣ опасныя лжеумствованія, которыми теперь такъ обилуютъ заграничные журналы.

«Между тѣмъ, Его Императорское Величество изволилъ усмотрѣть, что въ политической части нашихъ газетъ являются иногда такія статьи, которыя, хотя онѣ и не содержатъ въ себѣ ничего прямо противнаго существующимъ цензурнымъ правиламъ, лучше и осторожнѣе было бы, при сихъ особенныхъ обстоятельствахъ времени, стоящихъ выше силы закона, не оглашать на русскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, въ 84 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (14-го апрѣля) переведено изъ французскихъ журналовъ письмо, гдѣ разсказывается разговоръ одного с[illegible]ента съ коммисаромъ временнаго правительства и, между [illegible]имъ, помѣщены слѣдующія слова послѣдняго: «Пусть банкирскія дома падаютъ; пусть погибаетъ торговля; тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе достигнемъ мы своей цѣли. Покуда останутся богаче, надобно будетъ стараться раззорить ихъ; теперь богачи—

[1] «Русская Старина», 1870 г., № 10, стр. 416.

Digitized by Google

горсть людей безъ энергіи, которые страдаютъ и ничего не дѣлаютъ; ихъ нечего слушать. Да развѣ вы думаете, что работники не страдаютъ такъ же, какъ и богачи? Нѣтъ, потому что все у нихъ въ рукахъ, и еслибы они страдали, то страдали бы не долго». Такъ и въ 82 № «Русскаго Инвалида» (16-го апрѣля), при описаніи шлезвигъ-гольштинскаго возстанія противъ Даніи, напечатано: «Доказательства храбрости, представленныя студентами, принесли бы честь самымъ старымъ солдатамъ. Юноши, никогда не обращавшіеся съ оружіемъ, дрались, какъ львы. Вокругъ нихъ падали товарищи, скошенные картечью датчанъ, но они не отступали, пока неравенство силъ не заставило отложить въ сторону всякую мысль объ удержаніи позиціи. Храбрость студентовъ, поистинѣ, пристыдила кильскихъ егерей». По мнѣнію его величества, статьи, въ родѣ первой, могутъ способствовать постепенному вторженію и въ наше простонародіе того губительнаго образа мыслей, который обтекаетъ теперь Францію и Германію; а хвалебные возгласы студентамъ, въ родѣ помѣщенныхъ въ «Инвалидѣ», могутъ опасно воспалять страсти и ложное любочестіе и въ нашемъ юношествѣ, хотя воспитываемомъ въ другихъ правилахъ, но не болѣе опытномъ и разсудительномъ, нежели вездѣ. Отсюда ясно, какъ желательно бы было, чтобъ подобные случаи не могли уже болѣе повторяться.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ, обозрѣвая подлежащій вопросъ со всѣхъ сторонъ, убѣдиться изволилъ, что едва ли возможно предуказать какія-нибудь общія, положительныя правила или постоянную раму для политическихъ статей въ русскихъ газетахъ. Ибо хотя главный вредъ заключался бы, конечно, въ передачѣ читателямъ такихъ разсужденій или подробностей, которыя даютъ, или могутъ дать поводъ къ превратнымъ идеямъ, или опаснымъ примѣненіямъ, но иногда и простое сообщеніе голыхъ фактовъ (напримѣръ, упомянутый выше о тронѣ), даже еслибы изображать ихъ и въ яркихъ краскахъ того омерзенія, коего они заслуживаютъ, оказалось бы не менѣе вреднымъ и предосудительнымъ. Вслѣдствіе сего его императорское величество изволилъ полагать, что здѣсь можно и должно ожидать всего лишь отъ собственной прозорливости, отъ высшаго, такъ сказать, такта тѣхъ лицъ, коимъ предоставлено предварительное одобреніе политической части русскихъ газетъ, въ прозорливости и тактѣ которыхъ, конечно, невозможно и усомниться, когда лица сіи вполнѣ ознакомлены будутъ съ образомъ воззрѣнія на сей важный предметъ Его Величества и увидятъ притомъ приведенные выше примѣры такихъ статей, которыя признаются предосудительными.

Digitized by Google

«Для достиженія сей цѣли Государь Императоръ, имѣя въ виду, что цензура политическихъ въ газетахъ статей сосредоточивается въ главномъ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: сообщить г. государственному канцлеру иностранныхъ дѣлъ объ изложенныхъ здѣсь мысляхъ Его Величества, для поставленія ихъ въ виду тѣхъ лицъ, на коихъ упомянутая цензура возложена съ тѣмъ, чтобы они имѣли впредь самое строгое, въ указываемомъ смыслѣ, наблюденіе.

«О сей Высочайшей волѣ, объявленной мною съ симъ вмѣстѣ графу Нессельроде, Государю Императору благоугодно было повелѣть мнѣ увѣдомить и ваше сіятельство для обращенія особаго на сей предметъ вниманія» [1].

Въ сентябрѣ того же 1848 года обрушилась подобная же гроза на «Вѣдомости С.-Петербургской городской полиціи». Въ фельетонѣ № 174 этой газеты (9-го августа) было помѣщено увѣдомленіе Л. Покорлинскому, что статьи его не могутъ быть напечатаны по причинамъ отъ редакціи независящимъ, между тѣмъ, въ мартѣ того же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе не пропускать въ печать выраженій, заключающихъ въ себѣ намеки на строгость цензуры. Вслѣдствіе этого министръ потребовалъ, 5-го сентября 1848 г., отъ дозволившаго этотъ № газеты цензора Лангера объясненія, на какомъ основаніи онъ пропустилъ вышеозначенное объявленіе, вопреки Высочайшаго повелѣнія.

По представленіи Лангеромъ объясненія, гр. Уваровъ представилъ объ этомъ дѣлѣ докладъ на Высочайшее усмотрѣніе, и Императоръ повелѣлъ: «Сдѣлать Лангеру надлежащее вразумленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердить вообще по всему цензурному вѣдомству, чтобы впредь не были дозволяемы къ напечатанію такія объявленія и статьи, которыя двусмысленною формою своего выраженія, могли бы подать поводъ къ толкованію ихъ въ видѣ намека на строгость цензуры». Къ этой резолюціи Государь собственноручно прибавилъ: что «отказы, подобные вышеприведенному, не слѣдуетъ и печатать, такъ какъ это дѣло частное между редакторомъ и сочинителемъ, и отнюдь не касается до публики» [2].

Въ томъ же сентябрѣ, 16-го числа, послѣдовало отъ министра попечителю учебнаго округа предложеніе вновь по поводу «Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи». На этотъ разъ дѣло шло объ отчетѣ «Общества посѣщенія бѣдныхъ». Вотъ что писалъ министръ въ своей бумагѣ:

---

[1] «Русская Старина», 1872 г., № 5, стр. 784—786.

[2] Сборникъ постановл., стр. 252 и 255.

Digitized by Google

«Въ № 169 «Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи» (2-го августа) и въ № 188 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (22-го августа) помѣщено окончаніе отчета Общества посѣщенія бѣдныхъ. При изложеніи дѣйствій Общества по доставленію бѣднымъ работы и изслѣдованію о причинахъ, почему эта мѣра, повидимому, столь благодѣтельная, не имѣла въ самомъ дѣлѣ тѣхъ успѣшныхъ послѣдствій, какихъ отъ нея ожидали, сказано, между прочимъ: «это явленіе показываетъ, что въ Петербургѣ до сихъ поръ милостыня выгоднѣе работы». Причиною сему явленію поставляется неразборчивость и небрежность, съ какою милостыня раздается частными лицами, и въ подтвержденіе приводится далѣе нѣсколько примѣровъ плутовства, коими ложные бѣдные исторгаютъ, такъ сказать, подаяніе.

«Не останавливаясь на томъ, что въ дѣлаемыхъ Обществомъ посѣщеніяхъ бѣдныхъ, для самого себя и для правительства, замѣчаніяхъ и изслѣдованіяхъ можетъ заключаться благонамѣреннаго, справедливаго и полезнаго, едва ли полезно печатать въ газетахъ, обращающихся во всѣхъ классахъ народа, всѣ безъ изъятія упомянутыя замѣчанія и наблюденія. Такъ, напримѣръ, между простолюдинами, держащимися болѣе буквы, нежели внутренняго смысла, упомянутое выше выраженіе: *что въ С.-Петербургѣ милостыня выгоднѣе работы*, легко можетъ породить ложныя понятія и направленія, и приведенные въ отчетѣ Общества примѣры замысловатыхъ и ловкихъ обмановъ, употребляемыхъ ложными бѣдными для полученія помощи, точно также могутъ служить вреднымъ указаніемъ и завлеченіемъ для людей легкомысленныхъ и недобросовѣстныхъ.

«Въ основаніи Высочайшей воли, по сему предмету воспослѣдовавшей, покорнѣйше прошу ваше правосходительство предложить с.-петербургскому цензурному комитету, чтобы впредь въ статьяхъ подобнаго рода цензоры поступали со всею осмотрительностью, дабы въ печать не могло прорываться ничего, могущаго имѣть даже и косвеннымъ образомъ вредное на общенную нравственность вліянія» [1].

Если оффиціальные органы возбуждали подобнаго рода замѣчанія и предписанія, то можно себѣ представить, какъ строго относились къ прессѣ неоффиціальной. Всякое участіе въ обсужденіи правительственныхъ мѣръ и распоряженій было здѣсь устранено безусловно; Высочайшимъ повелѣніемъ 20-го іюня 1848 года было положено «не допускать въ печать никакихъ, хотя бы и косвенныхъ порицаній дѣйствій или распоряженій

[1] Ibid., стр. 252—253.

Digitized by Google

правительства и установленныхъ властей, *къ какой бы степени сіи послѣднія ни принадлежали* [1]. Въ силу этого указа нельзя было порицать дѣйствій даже будочника, не говоря же о квартальномъ надзирателѣ. До какой степени каждая мелочь самаго, повидимому, невиннаго и безобиднаго свойства совершенно неожиданно могла въ то время быть заподозрѣна въ колебаніи основъ, мы можемъ судить по слѣдующему случаю:

Въ № 91 фельетона «Сѣверной Пчелы» (26-го апрѣля) былъ помѣщенъ слѣдующій анекдотъ: «Одинъ чиновникъ, въ донесеніяхъ начальству, нерѣдко дозволялъ себѣ ироническія замѣчанія касательно дурного теченія дѣлъ и ошибочныхъ разсужденій. Начальникъ, полушутя, полусерьёзно, сказалъ ему: «Любезный другъ, не пишите такимъ острымъ перомъ, не то мы его должны будемъ притупить». — Что же? отвѣчалъ чиновникъ: — тогда я буду писать «грубо». И вотъ цензурный комитетъ получилъ замѣчаніе, что подобные мнимо-остроумные разсказы могутъ дать поводъ къ ослабленію понятій о подчиненности, и въ такомъ смыслѣ должны быть почитаемы прямо продосудительными, и при этомъ Высочайше повелѣно было принять надлежащія мѣры, дабы впредь ничего подобнаго не могло повториться [2].

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года, обратила на себя вниманіе Дерптская газета «Das Inland» статьею о собраніи Лифляндскаго Провинціальнаго Синода въ Валкѣ. Въ статьѣ этой была пересказана рѣчь генералъ-суперинтендента, произнесенная имъ при открытіи собранія, и въ этомъ пересказѣ начальству особенно не понравилось слѣдующее мѣсто: «Упомянувъ о евангелическо-лифляндской церкви, генералъ-суперинтендентъ увѣщевалъ ее упорствовать въ вѣрности, рвеніи и молитвѣ. Какія бы ни постигли ее испытанія, но духовенство ея должно утѣшаться мыслію, что ея сила и слава зависятъ не отъ людей, а отъ Бога, и помнить слова Лютера: Богъ — наша незыблемая твердыня, наша защита и оружіе. Профессоръ докторъ Филиппи привѣтствовалъ синодъ отъ имени дерптскаго теологическаго факультета, благодаря за этотъ призывъ, и указывая на единодушіе въ претерпѣваемыхъ испытаніяхъ и на тѣсную связь науки съ жизнію церкви, и ему отвѣчали братскимъ спасибо».

По поводу этого мѣста состоялся докладъ государю и въ результатѣ этого доклада послѣдовало конфиденціальное предложеніе гр. Уварова цензурному комитету, отъ 29-го іюня 1848 г., въ которомъ министръ, приводя вышеприведенное мѣсто изъ дерптской газеты, пишетъ: «Какъ въ приведенныхъ словахъ за-

[1] Ibid., стр. 246.
[2] Ibid., стр. 247.

Digitized by Google

ключаются сѣтованія о какихъ-то претерпѣнныхъ будто бы скорбныхъ испытаніяхъ, нигдѣ въ рѣчи ближе необъясненныхъ, сѣтованія, могущія, по самой неопредѣлительности своей, породить тревожное чувство въ многочисленномъ классѣ читателей этой газеты, то Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, предписать по вѣдомству цензуры, не пропускать впредь въ печать подобныхъ статей, которыя своею таинственностью могутъ лишь наводить на однѣ ложныя или произвольныя предположенія и догадки [1].

Въ началѣ 1849 года возникло дѣло по поводу статьи «О назначеніи русскихъ университетовъ», напечатанной въ мартовской книжкѣ «Современника», дѣло, знаменитое по своимъ послѣдствіямъ, такъ какъ оно повело за собою отставку гр. Уварова.

Статья эта, напечатанная безъ подписи, была написана въ самомъ, повидимому, благонамѣренномъ тонѣ, какого только требовало въ то время правительство. Объ этомъ можно судить по слѣдующему вступленію ея:

«Съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго просвѣщенія, въ особенности университетовъ. На западѣ страсть къ преобразованіямъ, недовольство своимъ состояніемъ, пренебреженіе къ преданіямъ — общій недугъ людей безъ прошедшаго и будущаго, живущихъ для одного настоящаго. Для такихъ людей не существуютъ ни вѣра, ни законъ, ни права, ни обязанности; они пользуются смутами, въ чаду властолюбія и своекорыстія. Но въ православной и боголюбимой Руси благоговѣніе къ Провидѣнію, преданность государю, любовь къ Россіи — эти святыя чувствованія никогда не переставали питать всѣхъ и каждаго; ими спасены мы въ годины бѣдствій; ими возвышены на степень могущественнѣйшей державы, какой не было въ мірѣ историческомъ. Въ благодарственномъ умиленіи къ Подателю всѣхъ благъ и Самодержцу, намъ остается лишь только наслаждаться этими благами. Ложныя лишь только понятія о томъ, что совершается въ нашихъ глазахъ, производятъ недовольство существующимъ и несбыточныя мечты о нововведеніяхъ. Достаточно показать *назначеніе* и благотворное *участіе русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи*, чтобы обнаружить легкомысліе поверхностныхъ мечтателей и уличить ихъ въ несправедливости. За правое дѣло будутъ говорить исторія и статистика».

Между тѣмъ, несмотря на этотъ ультра-благонамѣренный тонъ, статья эта по своему времени имѣла оппозиціонный характеръ.

---

[1] Ibid, стр. 251.

Digitized by Google

Дѣло въ томъ, что въ то время вопросъ о характерѣ воспитанія и образованія юношества дѣлилъ людей на партіи совершенно отличныя отъ нашего времени, если не прямо противоположныя: между тѣмъ какъ люди либеральнаго образа мыслей стояли за общее и вмѣстѣ съ тѣмъ классическое образованіе, полагая вѣнцомъ такого образованія университетскіе курсы, реакціонеры напротивъ того ратовали за образованіе реальное, техническое, спеціальное, въ общемъ же и классическомъ образованіи видѣли источникъ всѣхъ революціонныхъ золъ, и доводили свое преслѣдованіе общаго образованія до отрицанія университетовъ. Извѣстно, что въ то время комплектъ студентовъ въ университетахъ былъ доведенъ до крайняго минимума, доступъ въ университеты былъ чрезвычайно затрудненъ; носились слухи и о совершенномъ упраздненіи университетовъ. Статья, о которой идетъ рѣчь, и была написана именно въ защиту университетскаго образованія противъ излишняго рвенія реакціонеровъ.

Послѣ краткаго историческаго очерка всѣхъ предшествовавшихъ мѣропріятій правительства въ пользу развитія университетскаго образованія въ Россіи, начиная съ утвержденія перваго Московскаго университета, и по исчисленіи всѣхъ заслугъ, какія оказали Россіи университеты, авторъ приступаетъ къ главному предмету своей статьи: «Вотъ, говоритъ онъ:—бѣглый очеркъ участія русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи. Несмотря на столь очевидныя и осязательныя указанія на благотворныя дѣйствія ихъ, люди легкомысленные обвиняютъ университеты въ образованіи будто поверхностномъ и ничтожномъ. То, что за сто почти лѣтъ считалось необходимымъ, что въ продолженіи почти вѣка произвело столь благодѣтельное вліяніе на всю Россію, то нынѣ считаютъ преждевременнымъ! Полагаютъ, что у насъ можно съ пользою имѣть одни только спеціальныя училища, каковы: Военная Академія, Инженерное и Артиллерійское, Морской корпусъ, Институтъ Путей Сообщенія, Горный институтъ, Училище Правовѣдѣнія. Но кѣмъ дышать и питаются всѣ эти заведенія? Профессорами и наставниками университетовъ. Да иначе и быть не можетъ: наука во всей обширности преподается только въ университетахъ; профессорское пре[illegible]аваніе, какъ общее образованіе, приготовляетъ учащихся ко в[illegible]мъ частнымъ занятіямъ; безъ универсальнаго ученія не можетъ б[illegible]ъ и спеціальнаго. Самые факультеты университетскіе развѣ н[illegible]спеціальныя училища правовѣдѣнія, медицины. математики, ф[illegible]логіи?..

Иные возстаютъ на обученіе въ университетахъ и университ[illegible]ихъ заведеніяхъ греческому и латинскому языкамъ. Новая

Digitized by Google

борьба тьмы со свѣтомъ! Осмѣливаются увѣрять несвѣдущихъ, будто самые кровожадные изверги французской революціи были глубоко-ученые латинисты и располагали свои замыслы и дѣйствія по урокамъ, вычитаннымъ ими въ римскихъ писателяхъ, что въ этихъ писателяхъ почерпается лишь безбожіе, безначаліе, мятежъ, развратъ! Такъ могутъ говорить не читавшіе латинскихъ писателей: для нихъ Робеспьеры, Мараты, Равальяки кажутся глубокими учеными латинистами! Нынѣшніе заговоры и смуты на западѣ представляютъ намъ въ числѣ кровожадныхъ мятежниковъ и философовъ, и юристовъ, и историковъ, и медиковъ, и астрономовъ, и химиковъ; но станемъ ли осуждать за это и ученіе вѣры, и науку? Развѣ виновна религія или наука въ томъ, что фанатики, во зло употребляя ихъ имя, безтрепетно попираютъ ногами все для человѣка священное?..

«Возстающіе противъ русскихъ университетовъ не имѣютъ о нихъ надлежащаго понятія, называя ихъ подражаніемъ нѣмецкимъ университетамъ. Между нашими университетами и германскими нѣтъ никакого сходства, кромѣ того только, что науки преподаются въ одинаковомъ объемѣ, но одинаковымъ способамъ... Такъ у насъ ученіе православнаго исповѣданія и отечественныхъ законовъ составляетъ общій предметъ всѣхъ факультетовъ; а въ германскихъ университетахъ одно относится къ богословскому факультету, а другое къ юридическому; прочіе студенты этими предметами не занимаются. Въ нашихъ университетахъ надъ студентами наблюдается надзоръ инспекторами съ нѣсколькими чиновниками, имъ подчиненными; а въ германскихъ университетахъ студенты внѣ всякаго надзора. Въ нашихъ университетахъ студенты по экзамену переходятъ изъ одного курса въ другой; а въ германскихъ университетахъ никакой отчетливости отъ студентовъ не требуется. Въ нашихъ университетахъ студенты носятъ одноообразную одежду, ихъ всякой въ обществѣ узнаетъ; а въ германскихъ университетахъ студенты одѣваются въ блузы; ихъ нельзя узнать въ толпѣ отчаянныхъ пролетаріевъ. Въ нашихъ университетахъ профессора въ чтеніяхъ своихъ подлежатъ отвѣтственности; въ германскихъ университетахъ профессора читаютъ на лекціяхъ что имъ вздумается...

«Порицатели университетовъ не знаютъ даже и того, изъ какого состоянія нынѣшніе студенты въ нихъ обучаются. За двадцать пять лѣтъ передъ симъ еще поступали въ университеты воспитанники духовныхъ семинарій и академій, и составляли большинство студентовъ; но въ наше время ежегодные отчеты Министерства Просвѣщенія показываютъ, что большая часть студентовъ дворяне и дѣти чиновниковъ. Такъ въ здѣшнемъ Пе-

Digitized by Google

тербургскомъ университетѣ изъ 653 студентовъ 405 дворянъ, 77 сыновей чиновниковъ, и лишь только 19 изъ духовнаго званія. Точно также въ Казанскомъ университетѣ изъ 325 студентовъ дворянъ 141, сыновей чиновниковъ 78, изъ духовнаго званія 18. Во всѣхъ университетахъ студентовъ 3,937: въ этомъ числѣ дворянъ и сыновей чиновниковъ 2,506, а изъ духовнаго званія 279. Лучшіе студенты нынче въ университетахъ не воспитанники духовныхъ семинарій и академій, а питомцы гимназій, лицеевъ, дворянскихъ институтовъ. Между профессорами даже половина дворянъ...»

Вотъ какими невинными, вполнѣ благонамѣренными и съ точки зрѣнія нашего времени консервативными аргументами отстаивалъ авторъ существованіе университетовъ. Тѣмъ не менѣе, статья произвела переполохъ въ реакціонномъ лагерѣ. Бутурлинскій комитетъ призналъ ее неприличною, вошелъ о ней съ докладомъ къ Государю и объявилъ гр. Уварову Высочайшій выговоръ за пропущеніе статьи. Гр. Уваровъ былъ задѣтъ за живое, такъ какъ по существовавшимъ тогда законамъ пропускъ статьи этой зависѣлъ не отъ одного цензора или отъ цензурнаго комитета, а отъ самого министра, такъ какъ статья касалась вопроса, подлежащаго вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, и гр. Уваровъ самъ ее просматривалъ и допустилъ къ печати. И вотъ онъ обратился къ Государю съ всеподданнѣйшею докладною запискою, въ которой излагалъ, что «статья эта написана съ благонамѣренностью, съ нелицемѣрною преданностью правительству, съ знаніемъ предмета и настоящаго положенія учебной части; наконецъ съ любовію къ просвѣщенію истинному и благотворному...» «Комитетъ 2-го апрѣля, продолжалъ онъ:—самъ принужденъ сказать, и говоритъ, что статья эта, по ея изложенію, ничего не имѣетъ предосудительнаго, что напротивъ, вездѣ говорятся въ ней о приверженности и благодарности къ правительству, о преданности къ Государю, о любви къ Россіи и пр. При всемъ томъ, комитетъ, *вникнувъ*, какъ сказано въ отношеніи д. т. с. Бутурлина, *во внутренній смыслъ* ея, видитъ въ ней неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства... Какой цензоръ или критикъ можетъ присвоить себѣ даръ, недоставшійся въ удѣлъ смертному, даръ всевидѣнія и проникновенія внутрь природы и человѣка, даръ въ выраженіяхъ преданности и благодарности открывать смыслъ, совершенно тому противный? Я вижу себя принужденнымъ откровенно замѣтить на это, что стремленіе, не довольствуясь видимымъ смысломъ, прямыми словами и честно высказанными мыслями, доискиваться какого-то внутренняго смысла, видѣть въ нихъ одну лживую

Digitized by Google

обстановку, подозрѣвать тайное значеніе, что это стремленіе неизбѣжно ведетъ къ произволу и несправедливымъ обвиненіямъ...» Излагая затѣмъ содержаніе статьи объ университетахъ, гр. Уваровъ замѣчаетъ, что комитетъ 2-го апрѣля не порицаетъ мыслей автора, но находитъ только, что онѣ, вмѣсто того, чтобъ заявить ихъ въ печати, *могли бы быть представлены на усмотрѣніе высшаго начальства.* «Опять нахожусь въ необходимости сказать откровенно, что статья благонамѣренная—и комитетъ самъ двукратно призналъ ее такою—не можетъ оттого только, что она напечатана, сдѣлаться внезапно столь преступною, какою потомъ она выставляется... «Государь, продолжалъ гр. Уваровъ:—статья въ «Современникѣ» была представлена мнѣ и мною одобрена. Если за нее кто-либо долженъ подлежать отвѣтственности, то эта отвѣтственность по совѣсти и закону, должна единственно пасть на меня».

Въ заключеніе гр. Уваровъ переходитъ на общую почву щекотливыхъ и подчиненныхъ отношеній, въ какія онъ поставленъ къ комитету 2-го апрѣля (въ которомъ, еще разъ повторяемъ, засѣдалъ подчиненный ему кн. Ширинскій-Шихматовъ), и обращается къ государю съ предложеніемъ, не благоугодно ли будетъ Его Величеству вовсе отдѣлить цензуру отъ министерства народнаго просвѣщенія, подчинивъ ее исключительно комитету 2-го апрѣля, или же комитету этому совмѣстно съ III-мъ отдѣленіемъ собственной канцеляріи».

Вскорѣ послѣ этого представленія гр. Уваровъ оставилъ министерство [1].

Конечнымъ результатомъ исторіи со статьею «Современника» были два распоряженія по Высочайшему повелѣнію: 24-го марта 1849 г. было повелѣно впредь не пропускать ничего насчетъ нашихъ правительственныхъ учрежденій, а въ случаяхъ недоумѣній испрашивать разрѣшенія; 21-го же апрѣля было объявлено, «что всѣ статьи въ журналахъ за университеты и противъ нихъ рѣшительно воспрещаются въ печати [2].

LVIII.

Мѣсто гр. Уварова занялъ бывшій товарищъ министра кн. Ширинскій-Шихматовъ. Новому министру не приходилось вступать ни въ какія пререканія ни съ комитетомъ 2-го апрѣля,

[1] Ист. свѣд. о ц. въ Р., стр. 56—58.
[2] Сборн. пост. и расп. по ценз., стр. 258.

Digitized by Google

гдѣ онъ теперь являлся уже жалобщикомъ на самого себя, ни съ III-мъ отдѣленіемъ; князь вполнѣ соотвѣтствовалъ духу времени и былъ солидаренъ во всѣхъ отношеніяхъ и съ Бутурлинымъ и съ гр. Орловымъ. Очень понятно, что со вступленіемъ его въ министерство цензура сдѣлалась еще строже и подозрительнѣе. Между тѣмъ правительство все-таки продолжало быть недовольнымъ ею и измышляло мѣры къ еще большему ея изощренію. Такъ вслѣдъ за кн. Вяземскимъ была подана на Высочайшее усмотрѣніе записка бар. Медема о томъ же предметѣ. Бар. Медемъ, въ свою очередь, признавалъ несостоятельность существующей цензуры, но не отчаявался придать ей болѣе силы и дѣйствительнаго значенія. Средство, предлагаемое имъ для достиженія этого, заключалось въ томъ, чтобы снабдить, какъ редакторовъ, такъ и цензоровъ весьма подробными инструкціями относительно ихъ обязанностей, а главное дѣло, чтобы цензора не ограничивались однимъ откидываніемъ мѣстъ, неудобныхъ къ печати, но измѣняли ихъ и замѣняли своими собственными мыслями, приводя въ представляемыхъ имъ статьяхъ взгляды и понятія, согласныя съ видами правительства.

Комитетъ 2-го апрѣля остался очень доволенъ этою запискою, вполнѣ одобрилъ ее и препроводилъ на заключеніе министра иностранныхъ дѣлъ. Гр. Нессельроде, въ свою очередь, отозвался съ похвалою къ стремленіямъ автора, но выразилъ сомнѣніе въ исполнимости его проэкта. «Для этого надо, замѣтилъ онъ:— чтобы редакторы и ихъ ближайшіе сотрудники проникнуты были духомъ самаго автора записки; чтобы всѣ они смотрѣли на политическія событія съ одной и той же точки зрѣнія, имѣли самыя полныя понятія о государственныхъ формахъ, законахъ, управленіяхъ, какъ у насъ, такъ и въ чуждыхъ краяхъ; наконецъ, чтобы они могли все это объяснить нетолько съ совершеннымъ знаніемъ предмета, но еще съ краснорѣчивымъ убѣжденіемъ. Если всѣ эти условія окажутся соединенными въ поименованныхъ лицахъ, въ такомъ случаѣ — но только въ такомъ—вновь составленныя инструкціи будутъ соблюдены въ совершенной точности и въ ихъ настоящемъ духѣ. Я предоставляю комитету судить, легко ли достигнуть сочетанія этихъ условій и можно ли даже требовать и ожидать его иначе, какъ отъ людей государственныхъ и вмѣстѣ первостепенныхъ писателей».

Не болѣе успѣха ожидалъ канцлеръ и отъ участія цензоровъ въ редактированіи статей. «Указать редактору газеты, какъ надо передѣлать политическую статью, какое ей надо дать направленіе, на что въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе, чтобы окончательно сдѣлать полезное заключеніе, и все это въ виду

*

Digitized by Google

основныхъ началъ нашего государственнаго управленія и общественнаго мнѣнія, все это требуетъ зрѣлости, вѣрной точки зрѣнія, наконецъ истинной опытности—достоинства, которыя весьма трудно найти въ одномъ лицѣ... Передѣлывать статьи было бы также трудно, какъ написать новыя, а статьи подобнаго рода не должны быть написаны посредственно: надо, чтобы критика, даже словесная, не могла ихъ оспорить и опровергнуть. Иначе онѣ нетолько не принесутъ пользы, но будутъ рѣшительно вредны. Весьма понятно, что на эти статьи и у насъ, и въ чужихъ краяхъ будутъ смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣній правительства, отчего и въ отношеніи дипломатическомъ могутъ возникнуть разныя затрудненія».

По всѣмъ этимъ причинамъ гр. Нессельроде совѣтовалъ ограничиться тѣмъ, чтобы обязать редакторовъ: «разсказывать событія просто, избѣгая, если возможно, всякихъ разсужденій, но сопровождая иногда извѣстія выраженіями одобренія, сочувствія, или же негодованія и насмѣшки, на подобіе, какъ это дѣлаетъ иногда «Сѣверная Пчела», вовсе или почти не упоминать о представительныхъ собраніяхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, объ ихъ конституціяхъ, выборахъ, утверждаемыхъ законахъ, депутатахъ: однимъ словомъ, не обращать на нихъ никакого вниманія. Избѣгать говорить о народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ, о безпорядкахъ, произведенныхъ иногда своеволіемъ студентовъ, о поданіи голосовъ солдатами и пр.» [1].

Этотъ совѣтъ гр. Нессельроде произвелъ свое вліяніе, проэктъ бар. Медема былъ отстраненъ, и 3-го ноября 1852 года было сдѣлано распоряженіе, въ которомъ буквально были переданы только-что приведенныя слова канцлера, съ прибавленіемъ лишь вмѣненія редакторамъ въ обязанность, «чтобы при статьяхъ, переведенныхъ или извлекаемыхъ изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ, они всегда, надъ каждою изъ сихъ статей обозначали: изъ какой именно газеты или журнала она переведена или извлечена», причемъ цензорамъ было поручено наблюдать за исполненіемъ этого [2].

Мы уже видѣли выше, что слѣдствіе по дѣлу Петрашевскаго раскрыло продажу въ большомъ количествѣ книжными магазинами запрещенныхъ цензурою книгъ. Въ 1849 году, гр. Орловъ обратился объ этомъ съ особеннымъ докладомъ къ Государю, и ему было поручено войти въ соображеніе съ министромъ вну-

[1] Ист. св. о ц. въ Р., стр. 58—61.
[2] Сборн. постанов. по ценз., стр. 285.

Digitized by Google

тренних дѣлъ о мѣрахъ къ предотвращенію подобныхъ злоупотребленій. Во исполненіе этой Высочайшей воли графы Орловъ и Перовскій пришли къ слѣдующимъ предположеніямъ: а) отнять у университетовъ и ученыхъ обществъ право получать иностранныя книги, цензурою неодобренныя; это основывалось на томъ соображеніи, что «отъ ученыхъ людей запрещенныя книги, или вредныя мысли изъ этихъ книгъ могутъ переходить и къ другимъ лицамъ»; б) принять болѣе строгія мѣры относительно раскупорки тюковъ съ иностранными книгами и между прочимъ производить ее на границахъ и таможняхъ, причемъ книги, неодобряемыя къ ввозу внутрь страны, сожигать.

Предположенія эти были Высочайше одобрены и Государь повелѣлъ войти въ ближайшія соображенія съ кн. Шихматовымъ и гр. Блудовымъ. Кн. Шихматовъ нашелъ, что для людей, спеціально занимающихся какою-либо наукою, необходимо слѣдить за всею, безъ исключенія, литературою этой науки, за всѣми возникающими въ ней здравыми, какъ и ложными мыслями; относительно же осмотра иностранныхъ книгъ въ таможняхъ, онъ возражалъ лишь съ точки зрѣнія матеріальныхъ затрудненій и новыхъ расходовъ, которые повлечетъ подобная мѣра.

Напротивъ, гр. Блудовъ возсталъ противъ истребленія запрещенныхъ книгъ: «Сожиганіе книгъ, писалъ онъ: — было бы мѣрою и ненужною, и весьма неблаговидною. Такая публичная казнь книгъ, эстамповъ и пр. ни въ какое время и ни въ какой странѣ не производила полезнаго дѣйствія». Притомъ, замѣчалъ гр. Блудовъ, германскіе книгопродавцы присылаютъ сюда большею частью книги на комиссію, слѣдовательно, до самой ихъ распродажи онѣ составляютъ собственность не русскихъ подданныхъ: наказывать ли сихъ послѣднихъ за неисполненіе правилъ, которыя они, можетъ быть, не знаютъ или не поняли? и не поведетъ ли сіе къ непріятнымъ объясненіямъ и разсчетамъ съ другими правительствами?» [1]

Всѣ эти пренія повели къ установленію слѣдующаго правила, предписаннаго министромъ народнаго просвѣщенія комитету иностранной цензуры предложеніемъ отъ 23-го февраля 1850 года: «Иностранныя запрещенныя книги раздѣляются на два разряда: однѣ, не заключающія въ себѣ особенной предосудительности, могутъ быть выдаваемы, по разрѣшенію Главнаго управленія цензуры и министра народнаго просвѣщенія, нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, съ росписью о храненіи для собственнаго употребленія; другія-же, какъ совершенно вредныя, не должны

[1] Ист. св. о ценз. въ Р., стр. 60—62.

Digitized by Google

быть выдаваемы никому, безъ особеннаго Высочайшаго повелѣнія. Согласно съ тѣмъ, въ донесеніяхъ о первыхъ, цензоры полагаютъ *запретить* ихъ *для публики*, а о послѣднихъ *запретить безусловно*».

При этомъ возникъ вопросъ, какъ быть съ книгами, выписываемыми для Особъ императорскаго дома, должны ли онѣ подлежать общему съ прочими цензурному разсмотрѣнію или быть изъяты изъ него. Кн. Ширинскій-Шихматовъ обратился объ этомъ съ докладомъ къ Государю, высказавъ съ своей стороны мнѣніе, что такія книги слѣдуетъ выдавать безъ замедленія и разсмотрѣнія, но по надлежащемъ удостовѣреніи въ томъ, что эти изданія дѣйствительно присланы изъ-заграницы для особъ императорской фамиліи. Императоръ Николай, 23-го ноября 1850 г. положилъ слѣдующую резолюцію: «Не исключать изъ цензуры, но при выдачѣ прописывать, какія сочиненія цензурою не пропускаются» [1].

Въ тоже время было обращено вниманіе на книги, издаваемыя для народнаго чтенія. Здѣсь, конечно, болѣе всего дѣйствовало опасеніе, какъ бы не проникли въ среду народа соціальныя идеи, бродившія въ народныхъ массахъ западной Европы. Уже въ 1848 г. обратила на себя вниманіе Государя вышедшая въ Москвѣ повѣсть, подъ заглавіемъ: «Похожденія и приключенія гостиннодворскихъ сидѣльцевъ или поваливай! наши гуляютъ!» Государь замѣтилъ, что «она, будучи, по дешевизнѣ своей, доступною низшему классу народа, для котораго естественно и содержаніемъ своимъ, и самымъ заглавіемъ предназначена, нетолько не можетъ приносить никакой пользы по нелѣпому и безнравственному ея содержанію, но даже можетъ почитаться вредною по нѣкоторымъ встрѣчающимся въ ней неумѣстнымъ выходкамъ». Вслѣдствіе этого по Высочайшему повелѣнію было предписано цензорамъ обращать самое строгое вниманіе на мелкія сочиненія этого рода, не допуская въ нихъ ничего безнравственнаго и особенно могущаго возбуждать непріязнь или завистливое чувство однихъ сословій противъ другихъ [2].

Затѣмъ въ 1850 году Государь обратилъ вниманіе на недостатокъ простонародныхъ книгъ, соотвѣтствующихъ видамъ правительства и замѣтилъ это новому министру народнаго просвѣщенія. Кн. Шихматовъ немедленно представилъ докладъ, въ которомъ подробно разсматривалъ цѣль, которую должны подобныя книги имѣть въ виду, и склонялся къ тому мнѣнію, что въ

[1] Сборн. постанов., стр. 263, 267.
[2] Сборн. постан., стр. 249.

Digitized by Google

нихъ долженъ быть употребляемъ церковно-славянскій шрифтъ. Вслѣдъ за этимъ докладомъ были утверждены слѣдующія правила, которыми должны были руководиться цензора при разсмотрѣніи книгъ для народнаго чтенія:

1) Разсматривая книги такого рода цензоръ наблюдаетъ съ особенною строгостью, чтобы въ нихъ не было нетолько никакого неблагопріятнаго, но даже и неосторожнаго прикосновенія къ православной церкви и установленіямъ ея, къ правительству и ко всѣмъ постановленнымъ отъ него властямъ и законамъ. Онъ не дозволяетъ также соблазнительныхъ разсказовъ и неблагопристойныхъ выраженій, допуская, впрочемъ, соотвѣтствующія обычаямъ и образу жизни читателей, хотя и грубыя, но невинныя шутки.

2) Цензоръ не долженъ дозволять описанія особенныхъ бѣдствій или нуждъ того состоянія, къ которому принадлежитъ многочисленный классъ читателей этого рода книгъ, ни современныхъ происшествій, сильно дѣйствующихъ на простонародье съ невыгодной стороны. Здѣсь онъ обязанъ мысленно ставить себя на мѣсто читателя и, примѣняясь къ его понятіямъ, опредѣлять, какое впечатлѣніе будетъ на него сдѣлано нетолько господствующимъ въ сочиненіи мнѣніемъ или чувствомъ, но и каждою отдѣльною мыслью и, такъ сказать, каждымъ словомъ. [1]

3) Охраняя семейственное согласіе, какъ залогъ общественнаго благополучія, цензоръ, ни подъ какимъ видомъ, не пропускаетъ ничего, что бы могло ослабить въ мнѣніи простолюдиновъ уваженіе къ святости браковъ и повиновеніе власти родительской.

4) Сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ, или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простого народа [2]».

Первою жертвою этихъ правилъ было московское изданіе «Магазинъ всѣхъ увеселеній, или полный и подробнѣйшій оракулъ и чародѣй». Книга эта уже раньше успѣла выдержать нѣсколько изданій. По поводу же новаго изданія 1850 года, былъ сдѣланъ всеподданнѣйшій докладъ и послѣдовала Высочайшая резолюція: «Не вижу препятствія подобныя сочиненія впредь вовсе запрещать». На основаніи этой резолюціи министръ предложилъ

[1] Истор. свѣд. о ценз. стр. 58.
[2] Сборн. постанов., стр. 265.

Digitized by Google

спб. цензурному комитету», чтобы книга «Магазинъ всѣхъ увеселеній» и подобныя ей гадательныя книги, не были впредь разрѣшаемы къ печатанію» [1].

Одновременно съ этимъ Бутурлинскій комитетъ вновь обратилъ вниманіе на лубочную народную литературу. Оказалось, что, несмотря на то, что въ 1839 г. лубочныя картины и сказки были процензурованы по распоряженію гр. Уварова, у заводчиковъ все-таки еще оставалось множество старыхъ досокъ, ускользнувшихъ отъ цензуры, и заводчики продолжали печатать этими досками свои изданія. Поднялась по поводу этого длинная переписка между различными вѣдомствами, и всѣ они пришли къ убѣжденію, что новаго издавать ничего не слѣдуетъ, а предписать народныя картинки представлять въ цензуру на общихъ основаніяхъ; относительно же старыхъ картинъ обязать полицію представить о тѣхъ изъ нихъ, которыя предусмотрѣны въ 1311 ст. Уложенія о наказаніяхъ, для опредѣленія мѣръ къ ихъ уничтоженію. Вслѣдствіе этого рѣшенія московскій генералъ-губернаторъ гр. Закревскій приказалъ заводчикамъ уничтожить всѣ доски, не имѣвшія цензурнаго дозволенія. Заводчики собрали всѣ мѣдныя доски, изрубили ихъ, при участіи полиціи, въ куски и продали въ ломъ въ колокольный рядъ. Этимъ и былъ положенъ конецъ безцензурной народной литературѣ [2].

LIX.

Между тѣмъ статьи, появляющіяся въ періодической прессѣ, не переставали возбуждать неудовольствіе въ высшихъ цензурныхъ сферахъ и навлекать непріятности, какъ на цензоровъ, такъ и на редакторовъ.

Такъ въ 1849 году въ № 1 «Современника» обратила на себя вниманіе статья Соловьева о смутномъ времени; о статьѣ этой былъ сдѣланъ докладъ Государю, и въ результатѣ этого доклада послѣдовало слѣдующее предложеніе министра народнаго просвѣщенія предсѣдателю спб. цензурнаго комитета:

«Не входя въ критическій разборъ самой статьи и не встрѣчая въ ней ничего предосудительнаго по духу ея изложенія, нельзя, однако, не остановиться на слѣдующихъ, помѣщенныхъ въ ней цитатахъ:

«Мы видѣли, какой былъ характеръ возстанія сѣверной страны,

[1] Ibid. стр. 279—280.

[2] Сборн. отд. рус. яз. и слов. имп. ак. н., т. 27, стр. 33—34.

Digitized by Google

и кто стоялъ подъ знаменами Болотникова; пришедши подъ Москву, Болотниковъ тотчасъ объявилъ цѣль и характеръ своего возстанія; въ столицѣ явились отъ него листы, съ воззваніями къ самому низшему слою народонаселенія: *И велятъ, пишетъ московское духовенство къ областному, боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ; и шпынямъ и безыменнымъ воramъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ и хотятъ имъ давать боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество*». Далѣе: «Послѣ этого успѣха самозванецъ и Лисовскій пошли далѣе, приближаясь къ столицѣ, и вездѣ находили союзниковъ: они находили ихъ въ черни, *объявивъ крестьянамъ, что они вольны захватывать земли господъ своихъ, служившихъ Шуйскому, вольны даже жениться на дочеряхъ господскихъ*».

«Подобныя подробности, составляя достояніе Исторіи, могутъ, конечно, въ такомъ смыслѣ входить въ составъ спеціальныхъ трудовъ по сей части, имѣющихъ свой особый кругъ читателей, но помѣщеніе ихъ въ журналѣ, расходящемся въ большомъ количествѣ и во всѣхъ классахъ народа, нельзя не признать ни полезнымъ, ни соотвѣтствующимъ цѣли подобныхъ изданій. Въ исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать пропустившему означенную статью цензору соотвѣтственное вразумленіе.» [1]

Здѣсь замѣтимъ кстати, что пять лѣтъ спустя, именно 7-го октября 1854 года, было сдѣлано слѣдующее общее распоряженіе касательно статей о смутномъ времени: «сочиненія и статьи, относящіяся къ смутнымъ явленіемъ нашей исторіи, какъ-то ко временамъ Пугачева, Стеньки Разина и т. п., и напоминающія общественныя бѣдствія и внутреннія страданія нашего отечества, ознаменованныя буйствомъ, возстаніями и всякаго рода нарушеніями государственнаго порядка, при всей благонамѣренности авторовъ и самыхъ статей ихъ, неумѣстны и оскорбительны для народнаго чувства, и оттого должны быть подвергаемы строжайшему цензурному разсмотрѣнію и не иначе быть допускаемы въ печать, какъ съ величайшею осмотрительностью, избѣгая печатанія оныхъ въ періодическихъ изданіяхъ». [2]

Въ томъ же 1849 году обратила на себя вниманіе майская книжка «Отечественныхъ Записокъ» и о ней послѣдовало слѣ-

[1] Сборн постанов., стр. 256—257.
[2] Ibid, стр. 298.

Digitized by Google

дующее конфиденціальное предложеніе предсѣдателю цензурнаго комитета со стороны министра народнаго просвѣщенія:

«Въ майской книжкѣ журнала «Отечественныхъ Записокъ», хотя и не находится ничего прямо противнаго цензурнымъ правиламъ, однако, нельзя не обратить вниманія на нижеслѣдующія мѣста»:

«Въ критической статьѣ о литературной дѣятельности Богдановича встрѣчаются слѣдующіе афоризмы: «Человѣкъ, нерѣдко жадный къ фантастическимъ утѣшеніямъ и надеждамъ, богатъ надеждой истинной, утѣшеніемъ несомнѣннымъ. Хотя онъ часто и затворяетъ слухъ на ихъ воззваніе, но сила истины беретъ свое. Не зная ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ причинъ бѣдствій, онъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло. Постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ, неизмѣнное совершенствованіе — вотъ его обязанность и величіе».

«Очевидно, что это мѣсто напоминаетъ духъ прежней туманной философіи и, если позволено такъ выразиться, напыщенной галиматьи сего журнала, дававшей преднамѣренною неясностью идей и наборомъ словъ широкое поле къ произвольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ. Фразы, напримѣръ, «человѣкъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло», или «постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ; вотъ его обязанность и величіе!» Фразы сіи не могутъ ли, въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ, или въ понятіяхъ неопытныхъ юношей, сдѣлаться поводомъ къ самымъ двусмысленнымъ, превратнымъ и даже преступнымъ толкованіямъ?

«При разборѣ дѣтской книжки «Колокольчикъ», критика разсуждаетъ объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ и къ сему приводитъ мѣсто изъ другой книги, гдѣ сочинителемъ, г. Булгаринымъ, описывается, какъ, пріѣзжая съ родителями своими къ старой бабушкѣ, они должны были преклонить передъ нею колѣни, цѣловать ей ноги, садиться не иначе, какъ по ея приказанію и пр.; затѣмъ критикъ пишетъ: «Неужели чувство должно выражаться подобнымъ поклоненіемъ? Неужели самое вліяніе родителей, имѣющихъ на своей сторонѣ опытъ и власть, должно выражаться какимъ-то чванствомъ передъ сыномъ?.. Согласны, что при этихъ отношеніяхъ довѣренности быть не можетъ, какъ со стороны родителей, такъ и со стороны дѣтей: первые будутъ представляться чѣмъ-то недоступнымъ для послѣднихъ, а послѣднія непремѣнно будутъ лукавить и обманывать первыхъ; вмѣсто того, чтобъ чтить память ихъ, дѣти и по смерти роди-

Digitized by Google

телей будутъ, не стѣсняясь ничѣмъ, не краснѣя, разказывать о о нихъ вещи, о которыхъ внутреннее чувство должно было бы заставить ихъ молчать. И все отъ того, что сами родители болѣе всего обращали вниманіе на соблюденіе внѣшняго уваженія къ нимъ, на форму, а форма ничего не значитъ, если одушевляющее ею чувство утрачено».

«Эту выходку трудно признать приличною. Во-первыхъ, при патріархальномъ образѣ мыслей и дѣйствій, господствующемъ еще во многихъ у насъ семействахъ, подобныя разсужденія всѣми получаемаго журнала, попавъ въ руки молодыхъ читателей, могутъ внушить имъ такія новыя понятія, которыя послѣ легко поведутъ къ разстройству мира семейнаго. Въ-вторыхъ, возстаніе, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, вообще противъ внѣшней формы, легко также можетъ способствовать къ отнесенію сего понятія и на другой кругъ вещей, который, при нашемъ общественномъ устройствѣ, долженъ быть неприкосновенъ частнымъ разсужденіямъ. Въ предметахъ сего рода, двусмысленность нерѣдко столько же опасна, какъ и прямо выраженная мысль, иногда даже и болѣе, потому что прямо вредному не даетъ мѣста цензура.

«Во исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу ваше превосходительство поставить цензорамъ, разсматривающимъ журналъ «Отечественныя Записки», въ обязанность дѣйствовать, при пропускѣ статей въ ономъ, съ самою величайшею осмотрительностью, не допуская ничего двусмысленнаго, а тѣмъ болѣе, могущаго имѣть смыслъ предосудительный». [1]

Въ началѣ слѣдующаго 1850 года, было обращено вниманіе на № 45 газеты «Rigasche Stadtblätter» за 1849 годъ, гдѣ была перепечатана изъ гамбургскихъ періодическихъ листовъ статья Отчета тамошняго библейскаго общества. Въ статьѣ этой описываются случаи, въ которыхъ люди низшихъ сословій, съ презрѣніемъ и насмѣшкою отвергали святость Божьяго слова.

«Хотя, по видимой цѣли и намѣренію, писалъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія въ своемъ отношеніи къ предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета:—не находится ничего неблагонамѣреннаго со стороны издателей газеты, но, во всякомъ случаѣ, осторожнѣе и соотвѣтственнѣе слабости природы человѣческой, людей, незнакомыхъ со зломъ, оставлять въ прежнемъ о немъ невѣдѣніи, нежели знакомить съ оннымъ, даже посредствомъ порицаній и опроверженій. Напечатаніе означен-

[1] Ibid, стр. 259.

Digitized by Google

ной статьи представляется неумѣстнымъ потому еще болѣе, что она помѣщена въ такой газетѣ, которая, по самой формѣ и дешевизнѣ ея изданія, какъ будто бы назначена предпочтительно для низшаго сословія, болѣе податливаго, по невѣжеству, къ воспріятію соблазнительныхъ мыслей и правилъ, нежели способнаго понимать нравственные доводы и убѣжденія.

«Во исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу ваше превосходительство, предложить с.-петербургскому цензурному комитету о должномъ наблюденіи, чтобы впредь въ перепечатываніи извлеченій изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ, и вообще въ статьяхъ подобнаго рода, цензура поступала со всевозможною осмотрительностью, дабы въ печать не могло прорываться ничего могущаго имѣть, даже косвеннымъ образомъ, вредное вліяніе на общественную нравственность». [1]

Изъ этого примѣра мы видимъ, что правительство озабочивалось нетолько о томъ, чтобы въ прессѣ не было пропаганды какихъ-либо предосудительныхъ идей, но чтобы о нихъ не упоминалось даже и въ отрицательномъ, полемическомъ духѣ, какъ будто этихъ идей совсѣмъ не существовало. Это же самое побужденіе въ слѣдующемъ 1851 году заставило министра обратиться къ предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета съ новымъ предложеніемъ слѣдующаго рода:

«Въ нѣкоторыхъ изъ выходящихъ у насъ повременныхъ изданіяхъ замѣчены были статьи и разсужденія, заимствованныя изъ иностранныхъ газетъ и сочиненій, заключающія въ себѣ большею частію потворенія тѣхъ утопій, которыя проповѣдывались на *мирныхъ конгрессахъ*: парижскомъ 1849 и франкфуртскомъ 1850 годахъ. Въ предупрежденіе распространенія у насъ предосудительныхъ мыслей и понятій, которыя могутъ быть возбуждены изложеніемъ вреднаго и ложнаго ученія такъ-называемыхъ *мирныхъ конгрессовъ*, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить с.-петербургскому цензурному комитету не допускать въ повременныхъ изданіяхъ и въ сочиненіяхъ никакихъ статей и разсужденій, относящихся къ мирнымъ конгрессамъ и ихъ ученію». [2]

Пуританская заботливость о томъ, чтобы въ печать не проникло ничего, могущаго хоть сколько-нибудь смутить нравственность публики, простиралась до того, что преслѣдовались такія вещи, какъ нѣкоторыя народныя поговорки, пословицы, пѣсни

[1] Ibid, стр. 261—262
[2] Ibid, стр. 291.

Digitized by Google

и т. п., несмотря на то, что онѣ и безъ того уже были распространены въ народныхъ массахъ раньше, чѣмъ попадали въ печать. Такъ, въ 1853 году, было обращено вниманіе на № 11-й «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ которомъ была напечатана XII статья матеріаловъ, подъ заглавіемъ: «Народныя игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанскаго и Рыльскаго уѣздовъ».

«Собраніе и обнародованіе подобныхъ матеріаловъ, писалъ министръ предсѣдателю спб. цензурнаго комитета:—живыхъ памятниковъ старины и преданій—весьма полезно и достойно всякаго поощренія, такъ какъ, кромѣ занимательности своей, они иногда объясняютъ обычаи, нравы и нерѣдко самыя историческія событія, но при всемъ этомъ едва ли слѣдуетъ допускать печатаніе безъ разбора, а тѣмъ болѣе въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, всего, что сохранилось въ изустномъ преданіи, въ особенности же, если имъ нарушаются добрые нравы и можетъ быть данъ поводъ къ легкомысленному или превратному сужденію о предметахъ священныхъ.

«Въ сихъ видахъ, при чтеніи вышеупомянуой статьи, вниманіе остановилось на слѣдующихъ загадкахъ: 1) Родился — не крестился, умеръ — не спасъ, богоносцемъ былъ (оселъ); 2) На свѣтѣ жилъ и Богу служилъ, а умеръ ни въ святыхъ, ни въ грѣшныхъ (тоже); 3) Вышелъ дѣдъ, семьдесятъ лѣтъ, вынесъ внучку старше себя (евангеліе).

«Хотя эти загадки дѣйствительно въ народѣ существуютъ и собираются съ полезною цѣлью; но по неприличію ихъ, въ 15-й день сего апрѣля, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: принять зависящія мѣры къ отклоненію на будущее время пропуска цензурою преданій подобнаго рода, которыхъ, конечно, нѣтъ никакой пользы сохранять въ народной памяти черезъ печать. Вслѣдствіе сего, я покорнѣйше прошу В. П. предложить какъ цензурующимъ неоффиціальную часть Губернскихъ Вѣдомостей ввѣреннаго вамъ, м. г., округа, такъ и спб. цензурному комитету, чтобы при допущеніи въ печать народныхъ преданій, они руководствовались вышеизложенными соображеніями» [1].

По тому же поводу было обращенно вниманіе на книгу Ѳ. Буслаева «Русскія пословицы и поговорки», въ 1854 г.

«Въ этомъ, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ и достойномъ уваженія трудѣ, писалъ министръ:—найдены, однако же, совершенно неумѣстными въ печати слѣдующія пословицы: 1) Дѣти отца бьютъ—въ запасъ пасутъ (стр. 90). 2) Мила жена,

[1] Ibid., стр. 288.

Digitized by Google

какъ къ вѣнцу ведутъ, да какъ вонъ несутъ (стр. 112). 3) Слава Богу! батюшку съ матушкой схоронилъ, какъ съ поля убралъ (стр. 159).

«Во исполненіе объявленнаго мнѣ по этому случаю Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 20-й день сего мая, я покорнѣйше прошу В. Пр. вмѣнить себѣ въ обязанность внушить цензорамъ ввѣреннаго вамъ, м. г., учебнаго округа, чтобы впредь они не пропускали въ печать подобныхъ поговорокъ, которыя, едва ли имѣя какое нибудь общее въ народѣ распространеніе, столь противны общему патріархальному чувству нашего народа, и которыя, если онѣ и существуютъ дѣйствительно въ какой-нибудь мѣстности, не можетъ, конечно, быть полезно, оглашать и вводить черезъ печать какъ бы въ общее употребленіе» [1].

Несмотря на это распоряженіе, министръ нашелъ, что въ нѣкоторыхъ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ все еще встрѣчаются народныя преданія, не согласующіяся съ его требованіемъ; таковы, напримѣръ, «заговоры, наговоры и заклятія», напечатанные въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣденій Калачова» (книги второй, полов. первая, отд. VI, стр. 50—57).

И вотъ, 5-го августа 1854 г., онъ отнесся къ предсѣдателю спб. цензурнаго комитета съ новымъ предложеніемъ, подтверждая «о строгомъ исполненіи вышеозначеннаго Высочайшаго повелѣнія, въ особенности же при разсмотрѣніи повременныхъ популярныхъ изданій, съ изъясненіемъ при этомъ, что подобные вышеозначеннымъ *наговоры и волшебныя заклятія*, какъ остатки вреднаго суевѣрія, неимѣющіе и въ ученомъ отношеніи никакого значенія, вовсе не должны быть допускаемы къ печати, нетолько въ періодическихъ изданіяхъ, доступныхъ большому и разнообразному кругу читателей, но даже и въ сборникахъ и книгахъ, составляемыхъ съ ученою цѣлію и предназначаемыхъ для образованнаго класса публики» [2].

Наконецъ, 24-го сентября 1854 г., было объявлено, что «народныя пѣсни, предаваемыя печати, должны быть подвергаемы столь же осмотрительной цензурѣ, какъ и всѣ другія произведенія словесности: не должны быть допускаемы такія, въ которыхъ воспѣвается развратъ, позорящій и разрушающій семейный бытъ, ибо желательно, чтобы подобныя пѣсни, если онѣ точно живутъ въ народѣ, искоренялись даже въ самыхъ его преданіяхъ, а не поддерживались и обновлялись въ памяти появле-

[1] Ibid., стр. 294.
[2] Ibid., стр. 296.

Digitized by Google

ніемъ ихъ въ печати, въ особенности въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» [1].

Подобными распоряженіями правительство того времени совершенно выходило изъ предѣловъ чисто политической цензуры, не ограничивалось уже одними опасеніями, чтобы въ народъ не проникла какая-нибудь западная зараза, а вступало на почву патріархальной заботливости о нравственности народа, о томъ, что̀ слѣдуетъ народу помнить и о чемъ забывать.

Около того же времени, именно въ 1850 г., обрушился погромъ на «Журналъ Вольно-экономическаго общества». Журналъ этотъ въ 1850 году былъ отданъ въ аренду Бурнашеву съ субсидіей въ 3,000 р. ежегодно. Бурнашеву повезло, и въ февралѣ уже число подписчиковъ простиралось до 6,500. Враги Бурнашева (между прочимъ, Булгаринъ) исполнились зависти и начали интриговать. Въ это время нѣкто Сердюковъ, хохолъ, приподнесъ кн. В. В. Долгорукову описаніе своего витебскаго имѣнія, усовершенствовавшагося посредствомъ перевода туда изъ черниговскаго хутора украинскихъ бугаевъ, рѣшетиловскихъ барановъ, нѣжинскихъ кабановъ, битюгскихъ жеребцовъ и, наконецъ, нѣсколькихъ душъ крестьянъ. Князь такъ былъ очарованъ лестью Сердюкова, что настоялъ, чтобы статья была напечатана въ февральской книжкѣ. Сердюковъ получилъ 100 экземпляровъ оттисковъ и развозилъ ихъ вельможамъ при рекомендательныхъ письмахъ князя, который былъ въ восторгѣ отъ статьи и повсюду ее расхваливалъ. Булгаринъ, прочтя статью, нашелъ, что въ ней бугаи, кабаны, бараны, жеребцы и «крѣпостные» мужчины-малороссы были сопоставлены въ такія близкія между собою связи, что, очевидно, авторъ статьи, писавшій, и редакторъ-помѣстившій ее, того мнѣнія, что въ Россіи «крѣпостной человѣкъ» есть не что иное, какъ «быдло». Проведеніе такой идеи въ народъ посредствомъ двухрублеваго журнала вольно-экономическаго общества ясно доказываетъ, что они, т. е. авторъ, редакторъ и даже цензоръ (Ал. Лук. Крыловъ), очевидно, революціонеры, имѣющіе злое намѣреніе произвести въ русскомъ народѣ чувство самой жестокой горечи противъ помѣщиковъ и правительства, показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ иностранцамъ (которые непремѣнно переведутъ эту книгу на языки французскій, нѣмецкій, англійскій), до какой степени оскотиненія дошло любезное наше отечество.

Донось этотъ подѣйствовалъ, и Бутурлинскій комитетъ составилъ всеподданнѣйшій докладъ съ проэктомъ слѣдующей резолюціи:

[1] Ibid., стр. 297.

Digitized by Google

1) автору Сердюкову воспретить личное управленіе имѣніемъ, отдавъ оное въ опеку и подвергнуть личность его полицейскому надзору съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы и обязавъ подпискою ни въ какія періодическія изданія статей не отдавать, о чемъ и поставить въ извѣстность всѣ цензурные комитеты; 2) цензора исключить изъ службы и впредь никуда не принимать; 3) редактору воспретить всякое изданіе, редактированіе и писаніе, взявъ его личность подъ строжайшій надзоръ полиціи; 4) Вольному же экономическому обществу поставить на видъ, чтобы оно органомъ своей гласности, пользующимся отъ правительства правомъ безвозмездной почтовой пересылки, болѣе дорожило и не допускало въ свои члены и редакторы людей неблагонадежныхъ и явно стремящихся къ ниспроверженію общественнаго благоустройства и спокойствія.

Но Государь значительно смягчилъ этотъ грозный приговоръ и далъ другую резолюцію, сущность которой заключалась въ томъ, что въ статьѣ Сердюкова онъ «никакого злого умысла не усматриваетъ, а находитъ лишь нѣкоторую неловкость въ самомъ изложеніи факта, самого по себѣ, впрочемъ, интереснаго, о чемъ сообщить Вольно-экономическому обществу, редакторъ коего, какъ лицо подначальственное, собственно за эту статью, напечатанную имъ по распоряженію вице-президента общества, отвѣтственности ни въ какомъ случаѣ подлежать бы не могъ» [1].

Когда началась крымская война, были употреблены всѣ наистрожайшія мѣры, чтобы въ печать не проникло никакихъ частныхъ свѣдѣній съ театра войны, кромѣ оффиціальныхъ объявленій, печатаемыхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ». Впрочемъ, еще до войны, 1 ноября 1850 года, по поводу дѣйствій русскихъ войскъ на Кавказѣ, было уже сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ войскъ нашихъ не были помѣщаемы въ газетахъ и журналахъ, доколѣ они не будутъ напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ». Достаточно было вслѣдъ за тѣмъ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» и «Сѣверной Пчелѣ» перепечатать изъ №№ 4 и 5 газеты «Кавказъ» за 1851-й годъ нѣсколько приказовъ о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ на Кавказѣ, и тотчасъ же военный министръ отнесся объ этомъ къ министру народнаго просвѣщенія, а послѣдній обратился къ предсѣдателю С.-Петербург. ценз. комитета съ требованіемъ «представить объясненіе, кѣмъ изъ цензоровъ и на какомъ основаніи допущено это отступленіе отъ предписаннаго порядка» [2].

---

[1] «Биржевыя Вѣдомости» 1872 г. № 355.

[2] Сборн. распор. по ценз. стр. 272.

Digitized by Google

Конечно, во время разгара крымской компаніи правительство еще строже и неустаннѣе соблюдало это правило, и каждая строка о военныхъ дѣйствіяхъ въ періодической прессѣ подвергалась цензурѣ военнаго министра. Цензурное вѣдомство приняло на себя заботу даже и о томъ, чтобы сдержать въ границахъ и умѣрить то патріотическое одушевленіе, которое, овладѣвъ всѣмъ обществомъ, прорывалось и въ печати при всей крайней сдержанности послѣдней. Такъ 11 февраля 1854 г. послѣдовало слѣдующее циркулярное предположеніе товарища министра народнаго просвѣщенія: «По случаю настоящихъ событій представляется въ цензуру множество различныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ, съ изъясненіемъ патріотическихъ чувствованій. Всѣ они выражаютъ тройкое направленіе умовъ: глубокую преданность престолу и вѣрѣ, чувство національной гордости, готовое на всякую борьбу съ врагами и пожертвованія, и порывы негодованія противъ посягательства чуждыхъ народовъ на величіе и благоденствіе Россіи. Уважая столь возвышенныя и прекрасныя начала, и имѣя въ виду настоящую потребность общества въ ихъ обнаруженіи, я долгомъ почелъ испросить Высочайшее указаніе, *до какихъ предѣловъ можетъ быть допущено изъясненіе подобныхъ чувствованій*. Государь Императоръ въ 8-й день сего февраля высочайше соизволилъ разрѣшить безпрепятственное печатаніе вышеизложенныхъ сочиненій, съ тѣмъ только, чтобы въ нихъ не заключалось *брани*» [1].

Тѣмъ не менѣе вопросъ о предѣлахъ патріотизма неоднократно подымался и помимо брани. Такъ въ мартовской книжкѣ «Современника» за 1854 годъ были напечатаны стихотворенія Ѳ. Тютчева, въ которыхъ находились слѣдующіе стихи:

И своды древнія Софіи
Въ возобновленной Византіи
Вновь осѣнятъ святой алтарь.
Пади предъ нимъ, о царь Россіи,
И встань, какъ всеславянскій царь!

Государь, прочитавъ это стихотвореніе, послѣдніе два стиха собственноручно зачеркнулъ и написалъ: «Подобныя фразы не допускать» [2].

Въ томъ же году была напечатана въ Петербургѣ брошюра, и дъ заглавіемъ: «Паденіе Турціи», содержащая въ себѣ: 1) Пр р чество, найденное на гробѣ Константина Великаго; 2) Пред с званіе Султана Солимана и арабскаго астронома Муста-Эддина и 3) Предсказанія Мартина Зедеки.

---

[1] Ibid 292, 293.
[2] Ibid 292, 293.

Digitized by Google

По поводу этой книги министръ писалъ предсѣдателю с.-петерб. ценз. комитета:

«Въ прежнее время подобныя статьи, какъ не содержащія въ себѣ ничего противнаго правиламъ цензуры, проходили незамѣтно, не останавливая на себѣ вниманія. Нынѣ же, по возникшему недоумѣнію, можно-ли и должно-ли, по видамъ правительства, статьи сего рода предназначаемыя, разумѣется, болѣе для простонароднаго чтенія, пропускать въ печать и при настоящихъ обстоятельствахъ, упомянутая брошюра была повергнута на благоусмотрѣніе Государя Императора, съ испрашиваніемъ Высочайшихъ по сему предмету указаній. По сему послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества резолюція: «Лучше избѣгать, ибо пользы отъ сего нѣтъ» [1].

Въ томъ же году были сдѣланы еще два распоряженія по поводу войны:

1) «Отклонять впредь отъ печатанія похвалы будущимъ, т. е. несостоявшимся еще, дѣйствіямъ нашего флота, и положительно не допускать похвалы и одобренія дѣйствіямъ и намѣреніямъ Его Императорскаго Высочества Генералъ-адмирала».

2) «Государь Императоръ, въ разрѣшеніе возникшаго вопроса: могутъ ли быть печатаемы въ газетахъ сообщаемыя въ частныхъ письмахъ свѣдѣнія о подвигахъ. совершаемыхъ въ сраженіяхъ отдѣльными лицами? Высочайше повелѣть соизволилъ: по полученіи частныхъ свѣдѣній о подвигахъ въ сраженіяхъ сноситься предварительно съ надлежащимъ начальствомъ и тогда печатать о нихъ въ газетахъ, когда будетъ получено удостовѣреніе о дѣйствительности сихъ подвиговъ» [2].

А. Скабичевскій.

---

[1] Ibid. 292, 293.
[2] Ibid, стр. 294.

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ.

I. СКОРБНЫЙ ПУТЬ.

ОЧЕРКЪ Д. ВЕРГА.

Матильда, зайдя въ швейную мастерскую, отыскала глазами Сантину и, подойдя къ ней, тихо произнесла:

— Знаешь? Польдо-то вѣдь женится?

У Сантины лицо сначала вспыхнуло пожаромъ, потомъ она точно помертвѣла и опустила голову къ работѣ. Она ничего не отвѣтила, можетъ быть, даже не повѣрила, но у ней вставали передъ глазами мелкія, отрывочныя воспоминанія, разрывавшія ея сердце мрачными предчувствіями. Она силилась удержать слезы, и губы у ней дрожали.

Только что ей удалось выдумать предлогъ, чтобы отлучиться изъ мастерской, она побѣжала къ думѣ, гдѣ вывѣшивались объявленія о предстоящихъ бракахъ. Тутъ она прочитала своими собственными глазами: «Леопольдъ Беттони на Эрнестинѣ Мирелли, собственницѣ». И когда она вернулась въ мастерскую съ глазами, красными отъ слезъ, то хозяйка задала ей знатную головомойку, зачѣмъ такъ долго шляется.

Вечеромъ Сантина хотѣла во что бы то ни стало съ нимъ переговорить. Ужь онъ давно по вечерамъ сталъ приходить къ ней позднѣе или совсѣмъ не приходилъ, отговариваясь, что на заводѣ есть спѣшная работа. Однажды Рено, золотильщикъ, который работалъ съ нимъ на одномъ заводѣ, услышавъ эти отговорки, расхохотался.

— Не вѣрьте ему, Сантина. Выдумки все! Что онъ, малыхъ ребятъ что ли надувать хочетъ?

Вечеромъ, только что она вернулась домой, какъ опять кинулась на улицу. Мать, обезпокоенная ея встревоженнымъ видомъ, схватила ее за юбку.—Куда ты опять бѣжишь? Въ этакую пору!

Digitized by Google

Но она, уставивъ въ одну точку обезумѣвшіе глаза, твердила одно:

— Пустите меня; ради Христа, пустите!

Всякій, кто ей попадался навстрѣчу, удивленно поглядывалъ на нее: бѣжитъ безъ оглядки, почти что ночью, лицо словно у помѣшанной. Прохожіе отпускали ей въ лицо шуточки, либо посвистывали, идя за ней слѣдомъ. Но она ничего не видѣла и не слышала. Наконецъ, она увидѣла Польдо въ глубинѣ трактира Пяти угловъ; онъ сидѣлъ съ пріятелями и задумчиво глядѣлъ на стоявшій передъ нимъ стаканъ вина. Когда онъ вышелъ на улицу, то продолжалъ оглядываться кругомъ, подозрительно, изъ-подлобья, какъ воръ, словно у него совѣсть была нечиста. Она схватила его за локоть, когда они свернули въ переулокъ.

— Правда, что ты женишься?

Онъ крестился, складывалъ руки, поднималъ ихъ къ небу, клялся, что неправда. Наконецъ, воскликнулъ, видя, что отъ нее не отдѣлаешься:

— Да пойми ты! У меня ничего нѣтъ, и у тебя ничего. Ну, какую бы мы съ тобой кашу заварили, кабы женились... Обоимъ бы хуже.

Онъ не то ей говорилъ прежде, когда, влюбленный, ухаживалъ за ней. Говорилъ онъ ей тогда коварныя, но сладкія рѣчи, отъ которыхъ у дѣвушки сердце въ груди, какъ цвѣтокъ, раскрывалось. Поддалась она этимъ словамъ, въ памятной комнаткѣ въ остеріи Горлà. На стѣнѣ висѣли портреты короля и Гарибальди; эти портреты у ней въ памяти словно отпечатались. А теперь онъ другое говоритъ, и тихонько удаляется отъ нея, волоча ноги и сгорбивъ спину.

Сначала ей показалось, что сердце у нея замерло, перестало биться. Но мало-по-малу она заставила себя не поддаваться отчаянію. Матильда ее утѣшала:

— Дура ты этакая, сотню найдешь не хуже, чѣмъ Польдо. Не бойся.

Товарки въ мастерской перешучивались и хохотали цѣлый день, въ особенности въ субботу, когда пошла рѣчь о томъ, какъ бы воскресенье повеселѣе провести. Изъ оконъ видно было какъ яркій свѣтъ солнца обливалъ красныя крыши домовъ и терраски верхнихъ этажей, заставленныхъ цвѣтами. Тогда особенно болѣзненно сжималось у нея сердце; всѣ нѣжныя рѣчи, которыя ей прежде говаривалъ Польдо, словно пронизывали ее. Тоскливо проходили для нея воскресенья: она просиживала цѣлый день, опершись обоими локтями на подоконникъ, глядѣла на скучную улицу Арморати, на лавки съ наглухо запертыми дверями и окнами.

Digitized by Google

Ренно жилъ выше ея въ томъ же домѣ, и тоже не выходилъ по воскресеньямъ, а глядѣлъ въ окно. Но онъ больше глядѣлъ туда, откуда виднѣлся затылокъ и бѣлая шея Сантины. Когда ему надоѣдало глядѣть, онъ начиналъ бросать въ нее маленькіе камешки. Она оборачивалась, подымала голову кверху и усмѣхалась. Только въ эти минуты и улыбалась она. Разъ вечеромъ, когда свѣтила полная луна, и на самый чердакъ долетали звуки уличной пѣсни, Ренно спустился на площадку нижняго этажа. И случилось такъ, что Сантина въ то же самое время спустилась за водой. Онъ взялъ ее за обѣ руки, которыми она перебирала веревку колодца, и дѣвушка, вся освѣщенная луной, только опустила голову, но рукъ отъ парня не отнимала.

Однако, все-таки она не хотѣла... о нѣтъ! ни за что! Правда, мало-по-малу она расположилась къ нему, даже, пожалуй, полюбила его, какъ и того... но... Только она боялась любить. Что потомъ будетъ? Но Ренно зналъ, что она была прежде любовницей Польдо и безпрестанно напоминалъ ей объ этомъ въ глаза. И, наконецъ, Сантина, чтобы доказать, что она и его въ самомъ дѣлѣ любитъ, покорилась ему. Это случилось на островѣ Белла; они тамъ позавтракали, голова у ней была словно свинцомъ налита. Когда она нѣсколько пришла въ себя, ей показались такъ мрачны, такъ непривѣтливы блѣднѣвшіе въ сумеркахъ огороды и луга. А Ренно спокойно курилъ трубку у окна, снявъ съ себя кафтанъ.

И онъ ей тоже вскорѣ сказалъ: «надѣлали мы съ тобой, дѣвушка, дѣла». Потому что ему былъ извѣстенъ нравъ ея братца; бѣда коли узнаетъ, что у него за спиной надъ нимъ подшутили. Имѣя это въ виду, Ренно сталъ полегоньку охлаждать свои отношенія къ дѣвушкѣ.

— Ты, право, ужасно неосторожна, говаривалъ онъ ей:—такъ ты все дѣлаешь, что слѣпой развѣ не замѣтитъ.

Сантина жалась и молчала. А Ренно пристально ее осматривалъ съ ногъ до головы.

— Да что съ тобой такое? допрашивалъ онъ ее.—Лицо у тебя какое-то необыкновенное! Съ чего ты такъ? и дѣло-то наше пустое!

Вскорѣ она замѣтила, что онъ помаленку перетаскиваетъ куда-то свои пожитки изъ комнаты, которую занималъ наверху и подкараулила его на лѣстницѣ, когда онъ какъ разъ спускался съ сундукомъ за спиной.

— Ты переѣзжаешь? бросить меня хочешь?

И онъ тоже, какъ тотъ, первый, сталъ креститься, божиться, клясться, что и не думаетъ. Однако, она и его вывела изъ терпѣнія.

Digitized by Google

— Ну, что же... Ну, нечего дѣлать. Сама знаешь: не я первый.

Она подбѣжала къ окну и хотѣла броситься; но страшно показалось...

Хозяйка мастерской всегда носъ морщила, когда Сантина приходила повѣся голову, съ распухшимъ, заплаканнымъ лицомъ, съ мѣшками подъ глазами. Она, какъ и Ренно, осматривала дѣвушку съ головы до ногъ, словно хотѣла прочесть тотъ стыдъ, которымъ было проникнуто все ея существо. Наконецъ, когда для нея не оставалось болѣе сомнѣнія, хозяйка исполнила свой долгъ, т. е. въ одну изъ субботъ подозвала Сантину къ конторкѣ, выдала ей 5 лиръ 60 сантимовъ и объявила, что она можетъ не возвращаться. Сантинѣ казалось, что смерть пришла, а хозяйка съ кисло-сладкой улыбкой твердила:

— Что-жъ теперь плакать! Раньше должна была подумать.

А дома мама рвала на себѣ волосы, и причитала.

— Что ты надѣлала! что ты надѣлала, несчастная! Ну, какъ братъ узнаетъ?..

И дѣйствительно, какъ только братъ узналъ, такъ отыскалъ на улицѣ Ренно и вцѣпился ему въ шиворотъ.

— Я тебѣ печенку всю выложу! Измѣнникъ, проклятый! грозилъ онъ ему.

Однако, его въ тотъ вечеръ самого принесли домой съ разбитой головой; стали за нимъ ухаживать, увязывать, обмывать.

— Оставьте, пусть течетъ. Кровью хочу смыть позоръ этой несчастной. Коли она изъ дому не уйдетъ, я ее убью.

И бѣдняжка убѣжала изъ родительскаго дома, какъ была, не успѣвъ ничего съ собою захватить. А дѣло было какъ разъ въ рождественскій сочельникъ. Поутру Беппо, братъ, еще незнавшій ничего, купилъ панетоне [1] и принесъ его домой. На другой день мама потихоньку отъ сына послала Сантинѣ узелъ съ ея вещами и положила туда немного денегъ и кусокъ панетоне. Ея подруги, швеи, долго ничего о ней не знали. Только черезъ три мѣсяца Матильда нечаянно встрѣтила ее и ужаснулась. Сантина была кожа да кости. Она искала работы.

— Работы? отвѣчала ей Матильда.—Трудно ее найти. Наша хозяйка, ты знаешь...

— Нѣтъ. Я къ ней бы и не пошла.

— Такъ гдѣ же искать? Я ужь и не знаю. Ишь, бѣдная, какъ ты исхудала! Что ты дѣлать-то станешь?

— И сама не знаю.

— А Польдо не видала?

— Ничего не знаю.

---

[1] Куличъ.

Digitized by Google

— Ну, не унывай. Опять похорошѣешь и раздобрѣешь попрежнему. Вотъ ужо увидишь.

Сантинѣ нечего было больше сказать, она пошла дальше своей дорогой, опустивъ голову. Матильда ее окликнула.

— Да куда ты пойдешь-то теперь?

— Не знаю.

— Ты послушайся меня: коли опять свяжешься съ кѣмъ, гляди въ оба. А то опять загубитъ.

И въ самомъ дѣлѣ у ней скоро явился любовникъ. Но на этотъ разъ молодой красавчикъ, богатый, какъ князь. Ей просто не вѣрилось такому счастію; ей казались сномъ ихъ свиданія подъ портиками Торсовой площади, гдѣ она проходила каждый день, относя свою работу въ сосѣднюю улицу. Онъ ее всегда тутъ ждалъ, и потомъ шелъ рядомъ съ нею.

— Ангелъ ты мой, ласкалъ онъ ее:—златокудрая ты бѣляночка моя.

— Нѣтъ, баринъ голубчикъ, пожалуйста! оставьте вы меня! просила она его сначала.

Наконецъ, однажды, ему удалось проводить ее по лѣстницѣ дома, въ которомъ она жила и проникнуть въ ея чердачекъ. Онъ былъ влюбленъ по-уши. Она, однако, наученная опытомъ, подвергла его любовь испытанію. Онъ тратилъ на нее кучу денегъ; заставилъ ее перестать шить рубашки на продажу; нанялъ ей хорошенькую квартирку въ улицѣ Манара, и часто возилъ ее за городъ. Чудесно гулять въ паркѣ Монца: кругомъ повсюду зелень и лазурь, фіалки и розы мечтательно дремали въ тѣни большихъ густыхъ деревъ. Когда они возвращались домой, звѣзды беззвучно проходили надъ ними, коляска ихъ убаюкивала; она прислонялась головой къ его плечу, къ его груди, или даже къ его колѣнямъ. И все это казалось сновидѣніемъ. Она старалась прочесть въ его глазахъ, чѣмъ она заслужила это райское существованіе. Но и онъ тоже началъ дѣлаться задумчивъ, разсѣянъ, словно во снѣ двигался; и онъ задумчиво вглядывался въ ея лицо, и когда она спрашивала, что съ нимъ, онъ отвѣчалъ: такъ, ничего, не стоитъ обращать вниманія. Маленькія непріятности.

Но разъ, какъ будто шутя, онъ сказалъ ей, что его отецъ ужасно сердится на нее. Затѣмъ, его улыбка становилась все холоднѣе, и холоднѣе, а потомъ онъ и совсѣмъ пересталъ улыбаться. Онъ часто очень поздно приходилъ къ ней, и еще чаще въ дурномъ расположеніи духа. Но крѣпко обнималъ ее, словно желая дать ей понять, что онъ, попрежнему, крѣпко любитъ ее. Однако-жь, однажды, въ минуту откровенности, онъ при-

Digitized by Google

знался, что его мучатъ заботы о какихъ-то векселяхъ; что кредиторы не соглашаются дольше ждать; что отецъ сердится и говоритъ, что гроша не дастъ больше, покуда онъ не женится. Саитина, слушая это признаніе, опускала голову. Она трепетала потерять его любовь, потому что, конечно, ей и въ мысль не приходило, чтобы онъ могъ жениться на ней. Ему надо было съѣздить на два, на три дня въ Геную, устроить какія-то дѣла. Когда она прощалась съ нимъ подъ стеклянной крышей дебаркадера, онъ успокоивалъ ее: «Не бойся, пожалуйста, не тревожь себя». И въ голосѣ его еще слышались искренность и любовь. Онъ обѣщалъ ей писать каждый день. И каждый день, въ теченіи цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, она ходила на почту за его письмами до тѣхъ поръ, покуда не получила послѣдняго.

«Что же дѣлать, писалъ онъ ей въ этомъ письмѣ:—отецъ настаиваетъ, чтобы я непремѣнно женился». Въ томъ же письмѣ онъ прислалъ ей 1,000 франковъ. Когда она возвращалась домой съ почты, какой-то встрѣчный господинъ долженъ былъ подхватить ее за руки, чтобы она не упала подъ мимо проѣзжавшій омнибусъ.

Тогда она, конечно, носила уже модныя широкополыя шляпы съ перьями и высокіе каблуки, какъ Матильда. И вскорѣ ее увидѣли въ закрытомъ ландо, а рядомъ съ ней сидѣлъ кавалерійскій офицеръ. Въ маскарадѣ театра дель-Верме, она выиграла въ томболу первый призъ, и на другой день послала потихоньку мамѣ 50 франковъ. Въ день статута [1] на соборной площади около нея прошелъ Польдо; онъ пристально поглядѣлъ на нее и что-то сказалъ на ухо женѣ. Та расхохоталась и большой животъ ея при этомъ заколыхался.

Несомнѣнно, на ея долю выпадали счастливые дни. Одинъ иностранецъ щедро оплатилъ ей цѣлый мѣсяцъ веселой жизни. Конечно, онъ, своевременно уложивъ свои чемоданы, уѣхалъ, но оставилъ ей нѣсколько тысячъ франковъ иностранными золотыми монетами, которыя у нея скоро всѣ съѣлъ безбородый хорошенькій прикащикъ. Нашелся чахоточный учитель музыки, умиравшій съ голоду, который, вообразивъ, что сблизясь съ молоденькой дѣвушкой, онъ продлитъ свое существованіе, привлекъ ее къ своему сердцу и обѣщалъ на ней жениться. Хотя она болѣе не вѣрила въ подобныя обѣщанія, однако, вела себя безупречно, покуда оставалась съ нимъ на чердакѣ, и ночи на пролетъ мучила свои глаза надъ работой, чтобы имѣть возможность покупать ему лекарства. Случалось, что по двое сутокъ они оба ни-

[1] Праздникъ объединенія Италіи.

Digitized by Google

чего не ѣли и дрожали отъ холода, укутавшись въ единственный плащъ. Наконецъ, она праводила-таки его на кладбище; проводила одна, съ измученнымъ сердцемъ, на которое унылый февральскій день, съ своимъ сѣрымъ небомъ, и снѣговой пѣленой производилъ удручающее впечатлѣніе. Вечеромъ, она отправилась въ танцкласссъ, въ надеждѣ поужинать.

Потомъ она опять стала выходить на улицу; стала совершать свой мучительный скорбный путь, подъ аркадами галлереи и по проспекту святой Маргариты, охотясь за обѣдомъ. Она дрожала отъ холода подъ своимъ шолковымъ бурнусомъ; пудра на щекахъ скрывала голодную блѣдность лица; иногда улыбкой она старалась замаскировать свой голодный взглядъ и опухшими отъ ходьбы ногами, въ щегольскихъ ботинкахъ, старалась задѣвать мужчинъ, которые вскидывали на нее презрительно глазами. Она не чувствовала ни отвращенія, ни расположенія ни къ чему; не ощущала усталости, и безсонныя ночи не истощали ее. Красоты, которой бы она могла назвать своею, у ней оставалось мало. Однажды, ночью на масляницѣ, Польдо встрѣтился съ ней въ водоворотѣ публичной арки и пожелалъ на деньги жены купить поцѣлуй Сантины. Она была выпивши, и дала ему этотъ поцѣлуй.

Погода была еще холодная. Подъ крышей въ ея каморкѣ, вода застывала въ ведеркѣ. Если она заходила въ какое-нибудь кафе, чтобы погрѣться, слуга въ бѣломъ галстухѣ приближался къ ней, что-то шепталъ на ухо, и она должна была встать и удалиться. На улицѣ, въ яркомъ свѣтѣ магазинныхъ оконъ, гуляли по тротуару подобно ей тѣни женщинъ въ шолку и бархатѣ, въ широкополыхъ шляпахъ, съ большими перьями. За ними, медленно передвигая ноги, слѣдили полицейскіе. Мужчины проходили быстро, съ поднятыми воротниками, съ сигарами въ зубахъ и она старалась улыбаться имъ своими воспаленными губами.

Вотъ соборная площадь, вся бѣлая подъ снѣгомъ, вотъ улица С-та Маргарита со своимъ длиннымъ рядомъ блестящихъ оконъ магазиновъ Бокони. Женщины по долгу останавливаются у этихъ магазиновъ, потому что изъ подвальныхъ этажей, сквозь отдушины, выходящія на тротуаръ, пышетъ слегка теплomъ. А люди проходятъ мимо и подсмѣиваются. Дальше площадь Ла-Скала, точно кладбище. Театръ сіяетъ газомъ, свѣтъ многочисленныхъ кафе словно окутанъ туманомъ. Потомъ, опять галлерея, высокая, широкая; шаги въ ней раздаются звонко; въ противоположномъ концѣ огромная арка раскрываетъ свою пасть на другую площадь, тоже покрытую бѣлой пеленой снѣга. А сзади все тѣ же

Digitized by Google

мѣрные, медленные шаги полицейскихъ; эти шаги словно погоняютъ ее: впередъ, впередъ, безъ остановки!

Повстрѣчался сутуловатый старикашка, ухмыльнулся ей и сталъ покручивать свои крашеные усы. Она тоже отвѣтила вѣчной форменной улыбкой своихъ блѣдныхъ губъ. Потомъ она приблизилась къ одной изъ подобныхъ ей тѣней и что-то спросила у нея въ полголоса. Та только плечами пожала. Какой-то баринъ прошелъ, онъ слышалъ нѣсколько словъ, сказанныхъ этими женщинами. Сначала онъ какъ будто не обратилъ вниманія, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вернулся и что-то положилъ ей въ руку. Она плотнѣе укуталась въ свой шолковый бурнусъ; надвинула свою шляпу съ перьями на лобъ, чтобы закрыть напудренное лицо, и пошла купить хлѣба.

Мальчишка въ лавкѣ подсмѣялся надъ ней изъ-за газеты, а она, схвативъ свою булку, удалялась величавой походкой королевы.

II. ВЪ ТРАКТИРѢ «ДОБРЫХЪ ДРУЗЕЙ».

ОЧЕРКЪ ВЕРГА.

Тонино попался впервые въ лапы полиціи, какъ разъ въ послѣдній день масляницы. Дѣло вышло все изъ-за бабенокъ, которыхъ Орбо захватилъ съ собою ради развлеченія. Видно за недѣлю онъ наработалъ-таки шальныхъ денегъ. Къ счастію, что полиція, обыскавъ Тонино, не нашла на немъ увѣсистаго ключа, которымъ онъ угостилъ лавочника Маньаки, такъ что тотъ чуть было Богу душу не отдалъ.

Орбо еще прихватилъ съ собой по дорогѣ Батиста и Марка; всѣ они ѣли и пили въ трактирѣ «Добрыхъ друзей». Расплачивался за всѣхъ Тонино; онъ расчванился и разгулялся.

— А что бы намъ въ Каркано сходить! предложилъ онъ:— тамъ сегодня Вельоне [1].

Сказалъ онъ это и тотчасъ же спохватился, потому что, опустивъ руку въ карманъ, насчиталъ тамъ всего на всего нѣсколько копеекъ. А товарищи, подмѣтивъ его колебаніе, стали надъ нимъ подсмѣиваться.

— Что? или матки своей боишься! Или своей сестры Вари; она тебя треплетъ-таки, какъ младшаго братишку! какъ мальчишку треплетъ!

---

[1] Вельоне (ночь безъ сна), нѣчто въ родѣ масленичныхъ общественныхъ баловъ маскарадовъ. Здѣсь рѣчь идетъ о простонародномъ вельоне.

Digitized by Google

Всѣ трое отправились-таки на Вельоне; заплатили за билеты, едва протолкавшись къ кассѣ; Тонино, заломивъ шапку на бекрень, съ окуркомъ копеечной сигары въ зубахъ, важно прошелъ мимо стоявшаго у дверей полицейскаго. Въ залѣ что-то представляли на маленькой сценѣ; кругомъ бѣгали маски; парни имъ отпускали шуточки, пощипывали ихъ. Маскамъ это было любо. Батиста и Маркъ затерялись въ толпѣ, а Тонино подхватилъ какую-то дѣвчонку, одѣтую дикаркой, которая все бранилась съ франтами изъ фабричныхъ и изъ лакеевъ, задѣвавшими ея коротенькую юпочку, убранную перьями. Онъ предложилъ ей угоститься; они усѣлись въ кафе около столика, оперлись на него локтями и говорили другъ другу всякія глупости. Дѣвочка хохотала, какъ сумасшедшая, и ея полныя груди то и дѣло выбивались изъ-подъ низкаго корсета. До того разожгли Тонино эти черные, какъ уголь, плутовскіе глаза, этотъ красный цвѣтокъ въ волосахъ, что парень опьянѣлъ отъ нихъ. И будь у него побольше денегъ въ карманѣ, кажись, онъ все бы заведеніе откупилъ, чтобы угостить ее на славу. Онъ ей и то предлагалъ, и этимъ подчивалъ. Онъ служилъ половымъ въ одномъ маленькомъ трактирчикѣ «Unione» и зналъ порядки въ кафе. Орбо, падкій угощаться на чужой счетъ, тоже явился и сталъ расхваливать дикаркѣ Тонино. Дескать, у матери его первая во всемъ городѣ зеленная лавочка, для Тонино, дескать, деньги плевое дѣло. Но дѣвушка не поддавалась; она говорила, что еще хочетъ поплясать. А то какъ же? Не даромъ же она на Вельоне пришла. Потомъ, ей и не хотѣлось пить; спасибо, въ другой разъ. Эти отказы еще больше разжигали Тонино.

— Ну, хоть еще разокъ покружимся, красавица ты моя! просилъ онъ.

Онъ пустился въ плясъ, стараясь держаться заправскимъ щеголемъ, безпечнымъ завсегдатаемъ кафе. Кудри у него на головѣ подпрыгивали, плечи раскачивались, ноги заплетались съ ногами дикарки, а подъ самымъ его носомъ трепетали ея бѣлыя груди, съ которыхъ на его сюртукъ сыпалась пудра.

— Честное слово, просила она:—довольно! Отпустите вы меня. У меня вонъ тамъ танцоръ есть; онъ меня сюда привелъ, за мой костюмъ заплатилъ. Видите вонъ тамъ: туркомъ наряженъ, и глаза все въ мою сторону таращитъ. А коли захотите меня видѣть, такъ я живу въ Санъ-Витторелло. Спросите Асунту.

Тонино вспыхнулъ, какъ индѣйскій пѣтухъ; онъ такъ бы и откусилъ носъ этому проклятому турку. Чортъ бы его побралъ! Орбо все терся около него и отъ нечего дѣлать старался успокоивать пріятеля:

Digitized by Google

— Да полно, брось, твердилъ Орбо.—Пойдемъ лучше выпьемъ.

На улицѣ ихъ поджидали Батиста и Маркъ. Чтобы разогрѣться, всѣ направились въ остерію Гайна. У Тонино кровь вскипала ключемъ и отъ выпитаго вина, и отъ ревности, и отъ шутокъ пріятелей, дразнившихъ его, что онъ у сестры «подъ башмакомъ». «Я вамъ вотъ ужо покажу, гуси вы лапчатые, поросята вы этакіе, какъ я подъ башмакомъ!» Онъ хотѣлъ непремѣнно, на зло бородатому турку, пойти въ Санъ-Витторело и ждать Асунту у ея крыльца. Маркъ и Батиста хохотали ему прямо въ носъ.

Онъ старался не сердиться, чтобы доказать пріятелямъ, что былъ въ своемъ умѣ.

— Да брось, говорили они! Поздно теперь. Стучись не стучись, намъ не отопрутъ. Пойдемъ лучше къ Малакарно, у него вино лучше здѣшняго.

Тонино былъ добрый товарищъ. Повременамъ, ради товарищества, онъ забывалъ свои собственныя бѣды и шелъ съ пріятелями куда имъ хотѣлось, веселый, какъ рыба въ водѣ. Навстрѣчу имъ попадались маски, которымъ они кричали вслѣдъ всякія глупости.

Къ несчастію, Маркъ былъ такой человѣкъ, что вино располагало его душу къ женщинамъ. И сталъ онъ опять заговаривать объ Асунтѣ: «Знатная дѣвка! одѣта въ перья, какъ дикая—очень ей эти перья пристали». Эти разговоры опять вскипятили Тонино и онъ сталъ ругать пріятелей, зачѣмъ они не пускаютъ его туда, куда ему хочется. Крича и бранясь, они незамѣтно миновали Санъ-Чельзо, прошли по улицѣ Мадалено; на углу Тонино бѣгомъ свернулъ въ улицу Санъ-Витторело, нашелъ домъ Асунты и требовалъ, чтобъ ему отперли дверь, потому что въ одномъ окнѣ онъ видѣлъ свѣтъ. Женщины, заслышавъ, что онъ кидаетъ каменья въ стѣну, а въ дверь ногами колотитъ, подняли съ перепугу крикъ.

Маньоки былъ еще въ этомъ домѣ съ своими товарищами и вышелъ на улицу.

— Чего вамъ надо! вскричалъ онъ:—или съ пьяну захотѣлось, чтобъ кровь вамъ пустили. Я тѣ пущу кровь, Варвара!

Началась свалка; послышался крикъ: батюшки! убили! Орбо только-что успѣлъ швырнуть подальше огромный ключъ, которымъ Тонино пробилъ голову несчастному, какъ послышались шаги полицейскихъ.

Тонино былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, и не зналъ, куда скрыться.

Родные узнали объ этомъ на другой день, когда Гнеза, мать Тонино, убирала свой ларь, а Варвара, стоя на крыльцѣ, без-

Digitized by Google

покойно глядѣла во всѣ стороны, ожидая, не появится ли откуда братъ. Хозяинъ кафе «Unione», въ которомъ служилъ Тонино, присылалъ уже спрашивать о немъ, такъ какъ утромъ Тонино не явился на работу. Имъ сказала объ этомъ Адель, дочь цирульника; она прибѣжала купить на двѣ копейки красной рединки и по дорогѣ услыхала въ другой лавочкѣ о случившемся. Убили Маньоки, лавочника, что торгуетъ краснымъ товаромъ въ улицѣ Санъ-Витторело; свалка была; Тонино въ ней участвовалъ. Къ счастію, Маньоки не умеръ, но все-таки и мать, и дочь принялись плакать и причитать, что Тонино сгубилъ ихъ. Черезъ нѣсколько минутъ, все мѣстечко Верціере пришло въ волненіе. Варя, подобравъ рукой юпки, бѣгомъ пустилась за отцомъ, который отдыхалъ отъ масляницы въ гостяхъ у своего первороднаго сына Амвросія, торговавшаго свининой и сосисками въ улицѣ Синіора.

— Тонино въ полицію взяли, въ Санъ-Витторело схватили, запыхавшись сообщила она отцу.

Матвей поднялся на свои еще не окрѣпшія послѣ масляницы ноги, взялъ шляпу и рѣшился идти въ полицію. Амвросій тоже пошелъ съ отцомъ; онъ строго наказывалъ сестрѣ не очень-то кудахтать, а то и ему срамъ, и для торговли его вредъ. Въ полиціи отца съ сынкомъ какъ собакъ встрѣтили. Велѣли подождать. Сѣли они на лавочку и никто на нихъ никакого вниманія не обращалъ. Шутка ли, у колбасника цѣлый день пропадалъ. Приходилось вертѣть шапку въ рукахъ, вмѣсто того, чтобы рѣзать покупателямъ ветчину. Наконецъ, жандармскій унтеръ-офицеръ, съ которымъ онъ былъ знакомъ, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Приходите завтра утромъ навѣдаться. Нечего сказать, золото у тебя братецъ!

Однако, въ тотъ же день, подъ вечеръ, Тонино выпустили и онъ пришелъ домой, заломивъ шапку на бекрень. Мать его, Гнева, то плакала, то бранила его.

— Да ладно! Перестань, мама, ворчать! окрысился онъ на старуху:—смерть надоѣло, ей-Богу.

И онъ раскурилъ трубочку. Но сестра Варя не переставала его пронимать. И палачъ-то онъ и разбойникъ-то, кричала она ему; они тутъ гніютъ на работѣ, чтобы содержать въ тюрьмѣ братца, а онъ бариномъ жить намѣренъ. Развратничаетъ только на ихъ счетъ. До того она приставала къ брату, что тотъ собрался-было изъ ея физіономіи салатъ сдѣлать. Замахивался даже. Но пришелъ отецъ, опустился на лавку, медленно спряталъ въ карманъ потухшую носогрѣйку и тоже сталъ его ругать.

— Разбойникъ ты! началъ Матвей. — Негодяй! Не видишь, что ли, какъ мы всѣ надъ работой ломаемся, и матка твоя, и

сестра, и Амвросій. Что ты думаешь, припасли мы денегъ на твои пакости? Да прежде, чѣмъ ты въ лапы полицейскимъ попадешься, я тебя самъ вотъ этими руками удавлю! Кости тебѣ всѣ переломаю.

— Ну, ну! отзывался Тонино, блѣдный, какъ полотно, отстраняя локтями руки отца: — вы, тятя, рукамъ воли не давайте! Лучше не давайте.

Гнеза раскричалась, что твои гуси; на крики Варвары все Верціере сбѣжалось! Батька всѣмъ свое объяснялъ. Чтобы пристроить сына, онъ его помѣстилъ въ кафе «Unione», одно изъ первыхъ. Хозяинъ его старый знакомый. Когда бы онъ обучился ремеслу, то и самъ бы могъ заведеньице устроить; вотъ всѣ бы дѣти у дѣла были. Жена съ дочерью зеленью торговали, Амвросій — колбасникъ, самъ Матвей счетами завѣдуетъ. И вдругъ этотъ негодяй все прахомъ раззоряетъ! Желчь душила Матвея. Чтобы чего худого не надѣлать, онъ ушелъ изъ дому и вернулся къ Амвросію.

Амвросій сходилъ къ хозяину харчевни «Unione» и попросилъ его опять взять къ себѣ Тонино, потому что парень каялся и обѣщалъ хорошо себя вести.

— Другъ ты мой любезный! отвѣчалъ трактирщикъ: — невозможное это дѣло. Въ моемъ ремеслѣ это очень важная штука. Полиція попробовала парня, во вкусъ вошла. Ужь она за нимъ по пятамъ будетъ ходить. Скажите, какая мнѣ радость видѣть, какъ полицейскій около моего заведенія будутъ похаживать, а не то и прямо ко мнѣ на кухню за нимъ придутъ. Это вѣдь, другъ мой любезный, и торговлю мою можетъ раззорить. Что бы вамъ его въ свою лавочку взять. Чего бы лучше кажется: братъ родной!

А Амвросій не хотѣлъ, чтобы его братъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ въ полицейскихъ лапахъ, даже и носъ-то въ его лавочку показывалъ.

Никому Тонино не сталъ нуженъ; и женщины, и отецъ, словомъ, всѣ обрушились упреками на этого негодяя, который у семьи даромъ хлѣбъ ѣлъ. Дома его содержали такъ, чтобы только душа въ тѣлѣ держалась; у него иногда не хватало необходимаго.

— Ишь вѣдь! какъ вошь какую поганую держатъ! серчалъ парень:—только и хорошъ былъ, покуда деньги имъ носилъ изъ харчевни, что на чай давали посѣтители. Родные тоже называются!

Разъ онъ, бродя по рынку, наткнулся на Батисту.

— Э! сколько лѣтъ, сколько зимъ! Что ты здѣсь дѣлаешь? Угости, братъ, стаканчикомъ.

Digitized by Google

Тонино отвѣтилъ, что у него въ карманѣ ни гроша не было. Родные ему до сихъ поръ не хотѣли простить скандала, который онъ надѣлалъ въ Витторелло. Когда они проходили мимо лавки Гнезы, Батиста пристально поглядѣлъ на Варю, которая чистила рѣпу: пухлыя розовыя руки ея, обнаженныя выше локтя, были очень аппетитны.

— Перестань, пойдемъ прочь! Я не люблю, когда надъ сестрой подсмѣиваются! замѣтилъ Тонино.

— Ишь ты какой сталъ, какъ въ полиціи-то побывалъ. Я у тебя не съѣмъ сестры! Вотъ какъ ты съ друзьями обходишься.

Онъ предложилъ парню повидать другихъ пріятелей; всѣ они соскучались, давно его не видавши. Но Тонино отказывался.

— Дуракъ ты. Право, дуракъ. Кабы со мной этакъ родные обращались, плюнулъ бы я на нихъ, да и все тутъ. Ей-ей! говорилъ Батиста.

Въ трактирѣ «Добрыхъ друзей» они нашли Орбо. Онъ въ углу игралъ въ три листика съ извощиками, и тоже былъ радъ видѣть Тонино.

— Я, братецъ, нынче не хожу больше въ Верціеро, объяснилъ Орбо: — потому что Гнеза, твоя мать, упрекаетъ меня, будто я тебя съ пути сбиваю. А Варвара такъ меня просто съѣсть хочетъ, такъ и лается. Жандармъ, а не дѣвка.

Троимъ пріятелямъ непремѣнно захотѣлось четвертаго—Марка—отыскать. Маркъ пересталъ нынче ходить въ харчевню «Добрыхъ друзей», потому что хозяинъ не сталъ ему вѣрить въ долгъ.

Прежде чѣмъ отыскать трактиръ, въ который Маркъ перенесъ свою резиденцію, имъ пришлось обойти съ полдюжины заведеній. Маркъ, съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ «Добрыхъ друзей», жилъ въ родѣ птицы небесной: не сѣялъ, не жалъ, но сытъ бывалъ. Орбо выигралъ съ извощиковъ въ три листика и поэтому два раза заплатилъ за все выпитое пріятелями. Съ Маркомъ они обнимались и цѣловались, словно всѣ только-что изъ тюрьмы вышли. И въ третій разъ выпили; заплатилъ Маркъ.

— А вы все ходите къ «Добрымъ друзьямъ»? Охота позволять себя грабить! Нечего сказать, друзья тамъ собираются! Переодѣтые полицейскіе сыщики только и ходятъ по вечерамъ.

Они вышли на улицу. Фонари уже были зажжены. Батиста долженъ былъ оставить пріятелей; онъ работалъ у обойщика, хозяинъ велѣлъ приходить ему въ квартиру одного барина ковры прибивать, а Батиста днемъ не успѣлъ.

— Эка! замѣтилъ Маркъ: — велика важность! просидятъ и безъ ковровъ. А хозяинъ твой и подождетъ, не бѣда. Я своего хозяина бросилъ. Ну, его. Когда какая столярная работишка

подвернется, такъ на домъ къ себѣ беру. Не разбогатѣю, а по крайности самъ себѣ господинъ.

Орбо тоже не очень заботился о работѣ. Особенно сегодня, когда выигралъ въ карты. У него не было опредѣленнаго ремесла. Иногда онъ нанимался таскать тяжести, иногда лошадей стричь или собакъ; иногда въ конюхи нанимался; иногда срывалъ грошъ, другой, сводя мелкихъ торговцевъ съ мелкими покупщиками.

— Да здравствуетъ свобода! воскликнулъ Батиста:—вотъ ужъ будетъ республика, ни ковровъ этихъ, ни хозяевъ не будетъ!

И всѣ четверо шатались по бастіону, распѣвали во все горло пѣсню, и тѣшились, толкая другъ друга внизъ по скату рва. Приближаясь къ воротамъ Рима, [1] они увидили, что въ потьмахъ свѣтятся арматуры солдатъ. Имъ навстрѣчу шелъ патруль карабинеръ. Карабинеры ихъ опросили. Пріятели отвѣтили, что съ работы домой возвращаются. И дѣйствительно, Тонино простился съ пріятелями.

— Ступай домой, дитятко малое! скорѣй бѣги, не то смотри Варя тебѣ уши надеретъ, кричали ему вслѣдъ товарищи.

— Съ тѣхъ поръ какъ, посидѣлъ въ полиціи, замѣтилъ Орбо:— этотъ парень сталъ хуже мокрой курицы.

Орбо все время поддразнивалъ Тонино; но Тонино не смущался; разъ такъ пихнулъ Орбо, что тотъ чуть на самое дно рва не скатился.

Тонино старался примириться со своимъ положеніемъ. Дома онъ помогалъ женщинамъ справляться съ ихъ торговлей. Вставалъ по ночамъ, чтобы принимать зелень отъ огородниковъ, ставилъ ларь и полотняный навѣсъ, разводилъ огонь въ жаровнѣ чтобы калить орѣхи, бобы, горохъ, и поджаривать каштаны. Потомъ шутки шутилъ съ рыночными сосѣдями, торговавшими тутъ же на ларяхъ; давалъ волю рукамъ, когда мимо проходили молоденькія кухарки, подмигивалъ прохожимъ бабамъ; потомъ позѣвывалъ, и потягивался. Каждый день онъ бранился съ сестрой изъ-за копейки, которая ему была нужна на табакъ.

Варя знала свое дѣло. Она на грошъ капусты не повѣрила бы въ долгъ даже сытому лавочнику Доменику, торговавшему на углу, даромъ что Доменико былъ степенный, зажиточный мужикъ, даромъ что онъ былъ даже ея женихомъ. Дѣвка вся была погружена въ свою торговлю. Даже Доменику иногда было жалко ея брата; и когда Тонино приносилъ ему на домъ купленную зелень, Доменико, какъ будто въ шутку, давалъ ему нѣсколько копеекъ на чай. Тонино краснѣлъ какъ кумачъ, но

[1] Porta Romana.

Digitized by Google

бралъ деньги, потому что, дескать, не сегодня, завтра, Доменико будетъ зятемъ. Однакожь, все нутро у него жгла эта подачка.

— Работай! наставлялъ сына Матвей:—работай, какъ всѣ мы, грѣшные! Лѣнтай ты эдакой!

А самъ старикъ сидѣлъ цѣлые дни, опершись на палку у прилавка своего первороднаго сына, колбасника Амвросія, и за сто франковъ не сдвинулся бы съ мѣста.

Пріятели каждый разъ, когда встрѣчали Тонино, подзадоривали его.

— Дуракъ ты, право, дуракъ! говорили они:—не видишь развѣ, что тебя хуже щенка держатъ. Мы бы на твоемъ мѣстѣ, бросили ихъ. Хлѣба не стали бы ѣсть, за который они изъ тебя по три пота выпибаютъ.

Орбо обыкновенно прибавлялъ, что онъ однако не намѣренъ вмѣшиваться, потому что Варвара пообѣщала ему глаза выцарапать, коли увидитъ, что онъ ея брата смущаетъ. «Бѣдовая эта дѣвка».

Орбо тоже пытался остепениться. Онъ нанялся рабочимъ, носильщикомъ и разсыльнымъ въ москательную лавку. Мѣсто хорошее, дѣла мало; перепадаетъ на чай. Тонино увѣрялъ, что онъ готовъ сестрѣ, какъ кошкѣ, морду истолочь кулаками. Вотъ ужо увидятъ.

У «Добрыхъ Друзей» его всегда стыдъ одолѣвалъ, потому что все за него пріятели расплачивались. Пробовалъ онъ играть, такъ вѣдь хорошо если выиграешь, а нѣтъ — такъ запиши угломъ на носу долгъ; а денегъ нѣтъ. Онъ проигрывалъ, горячился; доходило до кулаковъ. Хозяинъ харчевни всѣхъ ихъ на улицу тогда выгонялъ, чтобы не срамили заведенія. И дѣйствительно, полиція за заведеніемъ присматривала, благодаря не совсѣмъ благополучнымъ личностямъ его посѣщавшимъ. Каждый разъ, когда надо были искать воришекъ, полиція начинала свои поиски съ харчевни «Добрыхъ Друзей».

Маркъ не ошибался, увѣряя, что въ этотъ трактиръ ходить хуже, чѣмъ къ волкамъ въ лѣсъ. Коли вечеръ тамъ проведешь, такъ не божись, что ночью дома выспишься. Однако и самъ Маркъ туда сталъ похаживать, потому что скучно было отъ пріятелей отставать. Туда ходилъ и Батиста, и Орбо, и остальные друзья-собутыльники; иногда даже съ женщинами. И веселились тамъ.

Часто къ Батисту заходила Липа, еще совсѣмъ молоденькая смуглянка, но пребѣдовая дѣвчонка. Поговаривали, что Батисту не миновать съ ней вѣнца. Батиста всегда ворчалъ, когда приходилось кормить ее ужиномъ; но она безъ церемоніи лезла

Digitized by Google

съ пальцами въ его тарелку. Мало этого; она съ собой иногда приводила товарку, которую звали Бѣлянкой. Бѣлянка была длинная, худощавая, робкая; ее въ трактиръ силой надо было втаскивать. Она придетъ, сядетъ и глядитъ на чужія тарелки, словно глазами все съѣсть хочетъ, а боится спросить. Тонино стало ее жалко; встрѣтивъ разъ ее на бастіонѣ, онъ пригласилъ ее прогуляться съ нимъ; съ тѣхъ поръ они познакомились, и часто гуляли вмѣстѣ.

— Сестра понять не можетъ, что не мальчишка же я, что невозможно мнѣ жить безъ гроша! ворчалъ себѣ подъ носъ Тонино:—она думаетъ, что всѣ, какъ она со своимъ лавочникомъ, ни о чемъ другомъ, кромѣ лавки, не могутъ думать.

— А ты самъ не плошай! возражалъ ему Орбо.

Маркъ умудрился тоже лавочку завести, и всегда у него карманы были полны денегъ. Всяко толковали, откуда онъ бралъ деньги, да толковали-то втихомолку. Полицейскіе, если имъ случалось заходить въ трактиръ, замѣчали, что при ихъ появленіи пріятели перемѣняли разговоръ, и не разъ, похлопывая Тонино по плечу, блюстители порядка шутя говорили ему:

— Ты, парень, смотри! опять къ намъ въ гости не попадись!

Тонино былъ ревнивъ и поэтому во время прогул къ по бастіону, у него съ Бѣлянкой не разъ ссоры затѣвались. Она блѣднѣла и плакала.

— Ты правду говоришь, соглашалась она: — да что же мнѣ дѣлать! я бѣдная дѣвушка, надо хлѣбъ ѣсть.

Эти спокойныя рѣчи, этотъ ровный голосъ, эти сѣрые глаза, глядѣвшіе на него при свѣтѣ уличнаго фонаря, приводили его въ еще пущую ярость. Часто, когда они вчетверомъ: онъ, Орбо, Маркъ и Бѣлянка, пьяные, бродили по бастіону, Тонино казалось, что подвернись только случай, и онъ бы не задумался убить человѣка. И никогда изъ головы у него не выходило, что совѣтовали и сестра Варя, и друзья: надо самому о себѣ думать.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ выдумалъ. Конечно, Варя не подозрѣвала, что онъ придумаетъ прежде всего забраться въ ея шкатулку. А онъ забрался. Ночью, когда всѣ спали въ лавкѣ, онъ прокрался къ прилавку и кривымъ гвоздемъ отомкнулъ выручку. Сдѣлавъ свое дѣло, онъ распахнулъ настежъ уличную дверь, и давай кричать:

— Воры! воры! Держи вора!

Какъ будто можно было этимъ провести Варю!

Она прибѣжала въ одной рубашкѣ, какъ спала, схватила брата за горло, и какъ онъ ни клялся, ни божился, что ничего не знаетъ—она не вѣрила и тоже клялась, и божилась, что упрячетъ его въ каторгу. Прибѣжали: мама, Амвросій и Батистъ

Digitized by Google

заставили его отдать украденное, и выгнали вонъ. Голъ, какъ соколъ, прибѣжалъ онъ блѣдный къ своей Бѣлянкѣ; та испугалась, но не имѣла духу не дать ему пріюта у себя. И онъ пріютился у нея.

Орбо скоро сдѣлался, нѣкоторымъ образомъ, ихъ другомъ дома, и читалъ ему наставленія.

— Послушай, если ты задумалъ жить на шеѣ у этой бѣдной дѣвки—такъ вѣдь ты, братецъ, свинья.

Да и ей тоже надоѣдало, что онъ отъ ея юбки не отходилъ, покоя ей своей ревностью не давалъ. Она его тоже посылала искать работы, а онъ подозрѣвалъ, что она хочетъ отдѣлаться отъ него, чтобы гулять съ Орбо.

— Да ей-Богу же, я только тебя одного люблю, отвѣчала она.—Что же намъ подѣлать! капиталовъ у меня нѣтъ...

Онъ уходилъ, а на сердцѣ у него кошки скребли.

Въ одинъ прекрасный день, въ москательной лавкѣ пропало нѣсколько фунтовъ свѣчей. По подозрѣнію арестовали Марка и Батиста, да кстати прихватили и Тонино, потому будто бы, что онъ караулилъ на углу, покуда пріятели воровали въ лавкѣ. На судѣ онъ и его адвокатъ распинались, объясняя, что онъ совсѣмъ ради другого, весьма обыкновеннаго дѣла остановился у угла, его все-таки приговорили къ тюрьмѣ. А въ тюрьмѣ толковали, что въ сущности его подвела Бѣлянка, стакнувшись съ Орбой, и дала возможность полиціи подкараулить его. За это она получила слѣдуемые доносчику 3 франка.

Тонино, конечно, этому не хотѣлъ вѣрить. Однако, и тятя, и мама, и Варя, и братъ Амвросій, даромъ, что какъ съ собакой обращались съ нимъ прежде, навѣщали его въ тюрьмѣ, хотя и упрекали, что «вотъ, дескать, мы тебѣ предсказывали». А все-таки приходили, и онъ плакалъ съ ними вмѣстѣ, и легче его сердцу становилось. А Бѣлянка ни разу не навѣстила его.

Разсказывали, что видали какъ Орбо гулялъ въ клѣтчатой жакеткѣ Тонино, той самой, которая лежала въ сундукѣ Бѣлянки, когда Тонино арестовали.

III. ЕГО ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

ОЧЕРКЪ Д. ВЕРГА.

Поѣздъ мчался между Миланомъ и Комо. Вдругъ что-то сильно встряхнуло вагонъ перваго класса, шедшій впереди остальныхъ. Старая маркиза, попавшая, къ вящшему своему неудоволь-

Digitized by Google

ствію, въ купе, въ которомъ сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ и хорошенькая женщина, изъ тѣхъ, которыя даже въ дорогѣ носятъ широкополыя шляпы съ огромными страусовыми перьями— старая маркиза испуганно вытаращила глаза и слезливо наморщила носъ.

У молодого франта былъ великолѣпный плэдъ, подбитый мѣхомъ, которымъ онъ, не взирая на теплый весенній день, предложилъ младшей сосѣдкѣ покрыть колѣни вмѣстѣ съ его собственными колѣнями.

Онъ былъ очень вѣжливый молодой человѣкъ. Она не то отказывалась, не то соглашалась; между ними только что завязался пріятный разговоръ, игривая, любезная борьба изъ за пледа, и вдругъ поѣздъ всколыхнуло. Къ счастью старой маркизы, ее знало лично начальство станціи Монца, и поэтому старуху пересадили въ отдѣльное купэ.

Въ вечернихъ миланскихъ газетахъ того дня было напечатано слѣдующее краткое извѣстіе.

«Сегодня утромъ, около станціи Асто, на рельсахъ желѣзнодорожнаго пути, былъ найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка, раздавленнаго поѣздомъ. Производится разслѣдованіе».

Больше газеты ничего не знали. Толпа поселянъ, возвращаясь съ приходскаго праздника, набрела неожиданно на этотъ трупъ; онъ лежалъ на глинистомъ полотнѣ желѣзной дороги, между рельсами. Трупъ окружили и стали разсматривать. Одинъ изъ прохожихъ замѣтилъ, что «покойникъ послѣ праздника—дурная примѣта». Большинство подбирало по этому случаю нумера для лотереи.

Желѣзнодорожный сторожъ, чтобы очистить путь, оттащилъ трупъ на лугъ, въ кусты, нарѣзалъ травы, покрылъ его лицо, до того обезображенное, что на него страшно было взглянуть. На мѣсто происшествія пріѣхала полиція; побывал[illegible]ователь; и такъ какъ день былъ праздничный—Вознес[illegible] на зеленомъ просторѣ полей время отъ времени появ[illegible]ь красные султаны карабинеровъ и группы разодѣтыхъ по праздничному любопытныхъ мѣстныхъ жителей.

На покойникѣ были надѣты донельзя изношенныя штаны и старая суконная куртка; въ карманѣ былъ лотерейный билетъ; на ногахъ—едва державшіеся на ошмыганной дратвѣ башмаки. Его широко раскрытые глаза гладѣли съ посинѣлаго обезображеннаго лица въ ясное голубое небо. Онъ лежалъ на спинѣ, когда его нашли. Начальство старалось разузнать отъ чего послѣдовала смерть: было ли это самоубійство или убійство? И, если убійство, то съ какой цѣлью, корыстною или безкорыстною? Трупъ и все одѣяніе тщательно осмотрѣли, составили аккурат-

Digitized by Google

ный протоколъ, словно нашли на покойникѣ бумажникъ съ сотнями тысячъ франковъ. Потомъ, стали добиваться, кто онъ такой? отъ куда взялся? Пытались разузнать его имя, его родину, собрать свѣдѣнія о его родителяхъ, о его ремеслѣ. Примѣтъ смерть оставила не много: рыжую бороду, дней десять не бритую, да грязныя страдальческія руки, которыя, очевидно, давно не работали.

Нѣкоторые прохожіе, впрочемъ, узнали человѣка по этимъ примѣтамъ. Между прочимъ, узнала его веселая толпа молодыхъ парней и дѣвушекъ, проходившая мимо.

— Ну, онъ не будетъ больше плясать, конченъ балъ! рѣшили парни.

Они разсказывали, что видѣли, какъ этотъ человѣкъ шелъ по большой дорогѣ, безсильно болтая руками, волоча ноги, едва тащившія растоптанные, развалившіеся сапоги. Однажды, онъ даже остановился на нѣсколько минутъ послушать шарманку и казалось, что въ самомъ дѣлѣ былъ непрочь поплясать. Онъ оглядывался кругомъ, но ничего не говорилъ. Потомъ, онъ пошелъ дальше по дорогѣ, спустился въ долину, уходившую далеко, далеко. Шелъ онъ съ правой стороны дороги, подъ деревьями, въ землю глядѣлъ. Конка проходила; и онъ подъ нее чуть не подвернулся: кучеръ обругалъ его и даже, кажется, огрѣлъ хлыстомъ. Тогда онъ вдругъ отскочилъ въ сторону, словно испугался грозившей ему опасности быть раздавленнымъ.

Потомъ, его видѣли около одного поля; онъ сидѣлъ на землѣ въ какой-то подозрительной позѣ: не то гадалъ по колыхавшейся около кукурузѣ, не то камни въ придорожной канавѣ считалъ. Парень, стороживший поле, вооружась здоровой дубиной, потихоньку подкрался къ нему, желая узнать, что такое дѣлалъ этотъ бродяга. Воровать онъ не могъ; зеленые султанчики кукурузы только что распустились и на грошъ ничего нельзя еще было утянуть: зернышка зрѣлаго не было, хоть все поле пройди. Когда парень подошелъ къ прохожему, оказалось, что тотъ просто на просто сидѣлъ разувшись, упершись подбородкомъ въ ладони. Сторожъ, однако, прача дубинку за спиной, спросилъ его, что онъ тутъ около чужого поля дѣлаетъ, и подозрительно осмотрѣлъ его руки. Прохожій, что-то невнятно бормоталъ; очевидно, не зная что отвѣтить; потомъ сталъ медленно, медленно обувать свои башмаки. Потомъ, всталъ и опять пошелъ дальше, сгорбившись и какъ будто крадучись, точно что укралъ.

Шелъ онъ по глинистому завальчику около канавы, подъ тутовыми деревьями, которыя только что стали одѣваться листвой. Луга, и вправо и влѣво, были зеленые-презеленые. Вода канавы въ тѣни была темная, почти черная, а, выбѣгая на солнце, свѣ-

Digitized by Google

тилась и искрилась. Солнце было яркое, веселое, весеннее солнце; въ его свѣтѣ птицы такъ и заливались пѣснями.

Парень, разсказавшій все это, прибавилъ, что онъ самъ послѣ того съ часъ просидѣлъ въ засадѣ, подъ кустомъ, поджидая, не вернется ли бродяга. «Мнѣ и въ вѣкъ не догадаться бы, что онъ экія штуки продѣлывалъ, собираясь покончить съ собой подъ машиной». Парень прежде всего призналъ его по башмакамъ, изъ которыхъ ноги лезли наружу. Онъ еще утромъ запримѣтилъ эти башмаки. Впрочемъ, когда трупъ нашли на рельсахъ, башмаки у него были свалившись съ ногъ, вѣроятно, отъ полученнаго толчка.

— Надо полагать, что какъ колеса-то по немъ проѣхали, такъ онъ еще ногами вздрыгнулъ! замѣтилъ лакей ближайшаго трактира, въ своей черной курткѣ съ салфеткой на рукѣ, тоже привлеченный трупнымъ запахомъ, какъ черный воронъ. Онъ тоже видѣлъ, какъ мимо трактира въ полденъ проходилъ этотъ неизвѣстный человѣкъ; лицо у него было тогда жадное, голодное, глаза такіе, что за ними гляди—не то украдутъ, что подъ руку попадется, украдутъ даже похлебку, которая кипитъ въ котлѣ. Даже собаки чуяли недоброе, и лаяли на его башмаки, разѣвавшія свои несытыя дыры, черпавшія дорожную пыль.

День проходилъ въ этихъ разговорахъ.

Солнце опускалось ниже; тѣнь отъ покойника становилась все ниже, длиннѣе, особенно тѣнь его разутыхъ ногъ. Глядѣть было страшно. Даже птицы безмолвно отлетали отъ этого мѣста. Изъ предмѣстья города, изъ окрестныхъ трактировъ доносились веселые звуки человѣческихъ голосовъ, доносилась разгульная пѣсня. Сквозь жидкую зелень садовъ видно было какъ на дворахъ плясали дѣвушки съ растрепанными волосами. И когда вечеромъ телега, съ трупомъ самоубійцы, проѣзжала мимо ярко освѣщенныхъ оконъ, толпы любопытныхъ, бросившіяся къ окнамъ, затмили свѣтъ, падавшій на улицу изъ горницъ.

А на улицѣ шарманка продолжала наигрывать свой вальсъ изъ «Madame Angot».

Вскорѣ узнали кое-что о несчастномъ. Хозяйка ночлежнаго дома въ Порто Теналья, предмѣстьи города, вспомнила, что мѣсяцъ тому назадъ она видѣла этого человѣка съ рыжей бородой. Онъ пришелъ къ ней вечеромъ въ проливной дождь, изможденный до смерти, съ узелкомъ подъ мышкой; узелокъ былъ такой маленькій, что его не трудно было таскать съ собой хоть на край свѣта. Незнакомецъ попросился ночевать. Хозяйка, прежде чѣмъ дать согласіе, взвѣсила глазами узелокъ, дабы опредѣлить, найдутся ли въ немъ тѣ пять копеекъ, которыя ей

Digitized by Google

слѣдовало съ него получить за ночлегъ. Впрочемъ, онъ и самъ предварительно освѣдомился о размѣрѣ платы.

Онъ прожилъ у этой хозяйки нѣсколько дней. Каждый божій день онъ ждалъ какого-то письма; вставалъ съ зарей и отправлялся въ городъ за этимъ нетерпѣливо ожидаемымъ письмомъ; ходилъ онъ всегда согнувшись, видъ имѣлъ измученный, усталый, съ самаго утра усталый. Наконецъ, онъ получилъ письмо, марочка была городская, въ письмѣ ему писали, что на фабрикѣ для него нѣтъ мѣста, и что другой работы не предвидится. Хозяйка узнала о содержаніи этого письма, потому что нашла его на постели. Бѣднякъ, получивъ его, долго держалъ его въ рукахъ и сидѣлъ, не двигаясь съ мѣста и опустивъ голову; потомъ всталъ и ушелъ.

Больше о немъ ничего никто не зналъ. Должно быть, онъ дальній. Нѣкоторые добрые люди давали ему совѣты: «Сходилъ бы ты въ Миланъ; недалеко, городъ большой, тамъ, поди, найдется работа».

Однако, онъ не вѣрилъ, что найдетъ; тѣмъ не менѣе, искалъ работы неустанно, покуда у него хоть грошъ остался за душой. Онъ нанимался тесать камни, жечь угли, подносить кирпичъ и извѣстку на постройки. Но постоянной работы не было; силы раньше куда-то ушли, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, неизвѣстно когда, сломалъ себѣ руку. Прикащики посылали его съ одной работы на другую, чтобы только отвязаться отъ него. Наконецъ, когда онъ выбился изъ силъ, пытаясь безуспѣшно отыскать подходящую работу, то взялъ и легъ поперегъ рельсовъ.

О чемъ онъ думалъ, лежа на спинѣ на этихъ рельсахъ, глядя на ясное небо, на вершины зеленыхъ деревъ? Кто знаетъ? Знаютъ только, что наканунѣ вечеромъ, когда онъ пришелъ въ свою ночлежную берлогу, онъ едва передвигалъ ноги, и, ложась въ постель, произнесъ: «Ну, такъ значитъ завтра»...

Передъ тѣмъ, онъ ходилъ въ Миланъ и, ложась спать, припоминалъ, какъ провелъ вечеръ.

Это было въ субботу вечеромъ. Всѣ трактиры около фаро Бонапарте [1] сіяли газовымъ свѣтомъ и кишѣли народомъ; около балагановъ, около лотковъ разнощиковъ тоже кишѣли толпы народа, конца не было этому народу, его группы терялись постепенно въ тѣни ближайшихъ загородныхъ рощъ.

Дѣвушка въ розовомъ трико, стоя подъ ярко размалеванной вывѣской балагана, что есть мочи колотила въ барабанъ.

Счастливая парочка, обнявшись, сидѣла подъ кустомъ, прислонясь къ стволу дерева.

[1] Предмѣстье Милана.

Digitized by Google

Разнощикъ «грушъ и яблоковъ поваренныхъ» надрывалъ жилы, выкрикивая во все горло свой товаръ.

Нашъ бродяга возвращался изъ города. Онъ прошелъ мимо маленькой мелочной лавочки; двери были притворены, на порогѣ мужчина безъ сюртука курилъ трубку, а внутри, около прилавка, женщина кормила грудью ребенка.

Онъ проходилъ мимо всего этого, все видѣлъ, но нигдѣ не смѣлъ остановиться. Ему казалось, что его гнали, гнали отовсюду, гнали куда-то впередъ. Казалось, крещенные уже чуяли покойника и избѣгали его. Только одна старуха какъ будто не сторонилась отъ него. Старуха, что-то бормоча себѣ подъ носъ, брела, согнувшись подъ тяжестью огромной корзины, нагруженной хлѣбомъ—она разносила хлѣбъ изъ пекарень по лавкамъ—и присѣла отдохнуть около дороги. Она сѣла рядомъ съ нимъ и сейчасъ же завела разговоръ, то есть стала жаловаться на свое горькое житье. Старые люди любятъ жаловаться на судьбу. Она перебрала всѣ свой бѣды: дочь у ней лежала въ больницѣ, а зять заставлялъ ее, старуху, работать, какъ вола. Она съ такой-то вотъ ношей за спиной должна чуть не въ Монцу каждый день таскаться, а поясница у ней такъ и ноетъ, словно собаки ее рвутъ. Старуха охотно болтала съ нимъ, но и она ушла своей дорогой варить поленту зятю, ожидавшему ее дома.

Все это онъ припомнилъ, ложась спать.

На другое утро онъ всталъ поздно.

На селѣ пробило полдень. На всѣхъ колокольняхъ зазвонили колокола, насталъ праздникъ Вознесенья. Когда колокола смолкали, вся окрестность воистину погружалась въ глубокую тишину.

Вдругъ раздался рѣзкій, угрожающій свистокъ и показался поѣздъ. Онъ несся съ быстротой молніи.

Солнце стояло высоко и сильно жгло. Съ той стороны чугунки зеленые луга уходили вдаль, теряясь въ тѣнистыхъ купахъ тутовыхъ деревьевъ; индѣ просвѣчивались воды канала, обсаженнаго тополями.

— Ну, надо идти! Пора кончать!

Между тѣмъ, онъ не двигался съ мѣста и сидѣлъ скорчившись, положивъ голову на руки.

Пробѣжалъ песъ, тощій, голодный; это былъ единственный песъ, который не лаялъ на него. Животное нерѣшительно, боязливо остановилось передъ человѣкомъ, поглядѣло и стало слегка помахивать хвостомъ. И, наконецъ, видя, что подачки не будетъ, тоже удалилось. Въ царившей окрестъ тишинѣ слышно было, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, какъ четвероногій, бездомный бродяга, поджавъ хвостъ и пустое брюхо, ступалъ по дорогѣ.

Digitized by Google

Вечеромъ, его трупъ провезли мимо веселыхъ трактировъ. Шарманки продолжали гудѣть, въ трактирахъ пированіе длилось далеко за полночь. Когда горла охрипли отъ пѣсенъ и говору, а у дѣвушекъ ноги устали плясать, начались разговоры о самоубійствѣ, случившимся около полудня. Одна дѣвушка разсказывала, что у нея была подруга, прелестная, какъ ангелъ, которая удушила себя угаромъ; отъ любви удушилась, такъ ее и нашли мертвою; она прижимала къ губамъ портретъ своего милаго, негоднаго измѣнника, который бросилъ ее и женился на богатой лавочницѣ. Разсказчица знала до тонкости всѣ подробности; онѣ цѣлыхъ два года шили за однимъ столомъ.

Одинъ изъ парней объяснилъ, что еслибы ему измѣнили, такъ онъ задалъ бы праздникъ обоимъ, и *ей*, и *ему*, задалъ бы вотъ этимъ самымъ ножемъ, который всегда носилъ въ карманѣ. Нельзя не носить ножа: мало ли что можетъ случиться.

Парень бахвалился, а дѣвушки внимательно его слушали; онъ былъ такой красавчикъ, съ густыми курчавыми волосами и съ маленькой франтовской шапочкой, надѣтой набекрень.

Половой притащилъ еще нѣсколько бутылокъ вина, и всѣ, сидя кругомъ стола, положивъ руки на скатерть, принимали участіе въ оживленномъ разговорѣ о пріятныхъ предметахъ. Изрѣдка подъ столомъ доходило до дружескихъ рукопожатій.

На этомъ свѣтѣ всѣмъ житье собачье. Одно утѣшенье—дружба, любовь. Лучше дружно жить, не ссориться. Viva l'allegria.

Двое юношей сцѣпились было другъ съ другомъ за черныя очи одной изъ красавицъ. Срамъ просто! пріятели стали ихъ разнимать и мирить.

— Все это отъ вина. Охъ, все отъ вина!

— Viva l'allegria.

Потомъ, сами миротворцы чуть было не сцѣпились съ хозяиномъ харчевни, приписавшемъ на счетѣ нѣсколько лишнихъ бутылокъ вина. Однако, все обошлось благополучно. Всѣ высыпали на свѣжій воздухъ: ночь была глубокая.

Хозяинъ повозился еще съ добрый часъ, запирая окна и двери, подводя итоги въ своей засаленной книгѣ и подсѣлъ къ женѣ, давно дремавшей въ углу съ грудянымъ ребенкомъ на колѣ[illegible]хъ.

Голоса постепенно отдалялись и смолкали, изрѣдка долеталъ [illegible]ный веселаго смѣха.

Подъ большимъ шатромъ звѣзднаго неба водворилась величав[illegible] и тишина, и только пѣвунъ-сверчокъ трещалъ около рельсовъ, [illegible]мо самаго того мѣста, гдѣ утромъ человѣкъ убилъ самого [illegible]я.

Digitized by Google

IV. ДОНЪ-КАРЛИНО.

РАЗСКАЗЪ К. ДЕ-МАРКИ.

Черезъ годъ, никакъ не позже, по окончаніи курса богословія, донъ Карлино получилъ бы возможность совершить мессу. Графъ Маурицio, владѣлецъ великолѣпнѣйшаго дворца въ Качилаго, человѣкъ вліятельный, камергеръ папы [1], обѣщалъ лично отрекомендовать юношу мѣстному архіепископу. Можно себѣ вообразить съ какимъ нетерпѣніемъ ожидало приближенія этого событія все семейство Мальгаши, не останавливавшееся ни передъ какими жертвами, чтобы только достойно подготовить донъ-Карлино къ духовной карьерѣ. Онъ былъ предпослѣдній изъ пяти дѣтей у отца. Трое были мужскаго пола, двое женскаго. Послѣднія славились своимъ безобразіемъ, пользовались призваніемъ «двухъ смертныхъ грѣховъ»; и конечно, никакому деревянному чурбану никогда во вѣки вѣковъ не вздумалось бы жениться ни на которой изъ нихъ. Мать давно уже умерла; но отецъ былъ живъ. Онъ былъ мужичина крупный, строгій и грубый, привыкшій ругательски орать на своихъ муловъ, и невыносившій ослушанія.

Мальгаши торговали рисомъ, и другими зерновыми хлѣбами на базарахъ Монцы, Лекко и Санта-Маріа. Но, частію вслѣдствіе нѣкоторыхъ семейныхъ несогласій, частію по упрямству старика, который знать не хотѣлъ новыхъ порядковъ, немного по причинѣ разроставшейся американской конкурренціи, дѣла за послѣднее время шли плохо, и приходилось вынимать изъ кубышки гроши, отложенные на черный день.

Старикъ теперь часто бывалъ дома; обыкновенно онъ задумчиво сидѣлъ съ потухшей трубкой въ зубахъ въ обширной кухнѣ, передъ очагомъ, на которомъ всегда кипѣла или разогрѣвалась похлебка, на случай, если кто изъ домашнихъ вернется домой и захочетъ ѣсть. Потому что мущины возвращались домой во всякое время дня и ночи, во всякую погоду и непогоду. Подъѣдутъ ко двору, отпрягутъ лошадей, перетащатъ мѣшки изъ телегъ въ сарай, съѣдятъ чашку похлебки, да кусокъ мяса съ томатомъ, зальютъ ѣду бутылкой вина, завалятся спать и захрапятъ на мѣшкахъ въ углу, иногда не раздѣваясь и не снявъ даже сапоговъ. Иногда на старика находила блажь; онъ требовалъ, чтобы ему отдали отчетъ, показали росписки и счеты; тогда между отцомъ и сыновьями начиналась музыка, которую

[1] Разсказъ относится до нашихъ дней.

Digitized by Google

далеко нельзя было назвать гармоничной. Онъ былъ подозрителенъ, скупъ, придирчивъ. Они дерзки, падки до вина; часто просто пьяны. Всѣ они надѣляли другъ друга самыми, что ни на есть непечатными титулами, орали, и наконецъ, начинали размахивать кулаками съ довольно опасной энергіей. Тогда считали необходимымъ вмѣшаться въ концертъ Тана и Гита, двѣ «родныя сестры смертнаго грѣха». Дѣвки голосили кларнетомъ и флейтой. Гамъ долеталъ до комнатки верхняго этажа, въ которой донъ Карлино силился согласовать доводы С. Ѳомы съ философіей Аристотеля. Старая бабушка Меренціана просыпалась отъ шума. Бабушкѣ было 80 лѣтъ; душевная она была старушка, любящая и богобоязненная; семья только ею еще и держалась, какъ держится иногда старый разваливающійся башмакъ, благодаря тому, что не лопнула одна, но зато лучшая, дратва.

Съ тѣхъ поръ, какъ дѣла пошли подъ гору, можно сказать, что въ домѣ никто покоя не зналъ. Женщины, чуткія на предчувствія, предвидѣли близость горькой нужды, и съ ужасомъ помышляли о томъ, что̀ съ ними станется, когда, похоронивъ своихъ стариковъ, имъ придется жить Христа ради на хлѣбахъ у Бисто и Джакомо. Къ счастію, у нихъ былъ еще третій братъ, донъ-Карлино. Считалось дѣломъ рѣшеннымъ, что когда его посвятятъ въ попы, и поставятъ на мѣсто, то одна изъ сестеръ переѣдетъ жить къ нему въ домъ, чтобы заниматься хозяйствомъ. Подразумѣвалось, что, спустя нѣсколько времени, и другая сестра переберется къ нему же.

Никто не могъ сказать, чтобы донъ-Карлино не былъ даровитъ, либо неученъ, никто не могъ упрекнуть его въ недостаткѣ усердія къ своему дѣлу. Въ семинаріи его считали свѣтлой головой, особенно по части богословскихъ споровъ. Газета Civilta Cattolica напечатала нѣсколько его статей, замѣченныхъ внимательными читателями.

Для бабушки Меренціаны донъ-Карлино былъ самымъ великимъ на свѣтѣ человѣкомъ; она ему, какъ святому, была готова молиться. Съ самаго того дня, когда она начала вязать для него первую пару чулокъ изъ черной бѣли, до сегодняшняго дня, когда она вязала уже 34-ю пару такихъ чулокъ, у старухи не было на сердцѣ пущаго страха, какъ умереть, не успѣвъ помолиться у первой обѣдни, которую будетъ служить ея внукъ. По правдѣ сказать, не взирая на этотъ изнуряющій страхъ преждевременной кончины, бабушка, день за день, день за день, да и дожила до 80 лѣтъ, не зная, ни лекаря, ни лекарства. А все-таки жизнь наша въ рукѣ Божіей, и длитъ ее Господь, когда жить не хочется, а возьметъ ее, когда умирать неохота. Дожить до

Digitized by Google

этого желаннаго дня, то есть до будущей пасхи, пріобщиться святыхъ таинъ изъ рукъ внука, осѣниться крестнымъ знаменіемъ въ церкви, когда онъ благословляетъ паству, и потомъ склонить голову передъ вѣчностію, заснуть навсегда — это для нея не казалось смертію, а торжественнымъ вступленіемъ во врата рая. Блаженство есть цѣлебная трава, которую можно найти во-время и повсюду, надо только умѣть отличать ее отъ множества другихъ схожихъ съ нею травъ.

Бабушка была увѣрена, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который такъ хорошо читалъ бы по-латыни, какъ ея донъ-Карлино. Бѣдняга курато [1], выросшій и прожившій весь свой вѣкъ тоже въ старой вѣрѣ, не имѣлъ возможности даже прожевать латинскія слова, потому что у него всѣ зубы уже повыпали. Но ея внукъ сладостно распѣвалъ на этомъ языкѣ, словно зналъ весь требникъ наизусть.

А проповѣди! онъ нетолько сыпалъ обильно цитатами священнаго писанія — словно у него всѣ карманы были полны текстами—но доводилъ до слезъ даже тѣхъ, у кого въ груди на мѣстѣ сердца былъ вложенъ сухой каштанъ. Это было до того справедливо, что докторъ Делла-Рокка, закоснѣлый франмасонъ, который чуть не двадцать лѣтъ алтаря не видалъ, всегда приходилъ въ церковь слушать проповѣди донъ-Карлино, и любилъ вести съ нимъ философскіе споры. И юноша постоянно, какъ говорится, затыкалъ его за поясъ, потому что онъ былъ въ философіи чуть ли не сильнѣе самого Карло Биромео.

Вотъ какого мнѣнія о своемъ внукѣ была бабушка Меренціана. И чѣмъ только ни старалась она угодить ему! Когда онъ, во время вакансій, пріѣзжалъ мѣсяца на три, на четыре домой, ему каждое утро подавали чашку шоколату, нѣсколько ломтиковъ поджаренной булки, и кружочикъ свѣжаго-свѣжаго масла. Въ полдень для него всегда была готова тарелка супу, и куриное крылышко, и только для одного него ставилась на столѣ бутылка вина. А если Бисто или Джакомо начинали ворчать и сердиться на этого куроѣда, который никогда не помогалъ имъ перетаскивать мѣшки съ зерновымъ хлѣбомъ, то бабушка, энергично потрясая лентами своей повязки, возражала, что возиться съ огромными книгами, за которыми онъ сидѣлъ цѣлый день, куда труднѣе, чѣмъ нагружать возъ мѣшками съ рисомъ, и что если они, Бисто и Джакомо, утаптываютъ въ потѣ лица большую дорогу въ Бріанца, такъ и онъ въ свою очередь подготовляетъ добрымъ людямъ пути въ царствіе небесное и отмаливаетъ грѣхи ближняго.

---

[1] Приходскій священникъ.

Digitized by Google

Сестры соглашались съ бабушкой. Бѣда, коли кто задѣнетъ ихъ братца-патера! Всѣ онѣ предчувствовали, что онъ явится якоремъ спасенія въ ту минуту, когда домъ и семья дойдутъ до окончательнаго распаденія. Несомнѣнно, что онъ скоро получитъ хорошій приходъ, будетъ даже назначенъ благочиннымъ, и тогда въ его домѣ на всѣхъ хватитъ и хлѣба, и похлебки.

— Когда я умру, говаривала ему иногда бабушка, усѣвшись около него:—когда я умру, Господь знаетъ, что у насъ въ домѣ подѣется. И, попомни мое слово, донъ-Карлино, что ты, только ты одинъ можешь спасти ихъ души и плоти ихъ не дать погибнуть. Старикъ (бабушка своего сына всегда звала старикомъ), старикъ усталъ, и ропщетъ на провидѣніе. Братья твои до кабака стали падки. Мало стало вѣры, мало страха Господня. Одинъ ты—попомни это—можешь спасти утопающую ладью. Коли Господь сподобитъ меня предстать предъ него, я о всѣхъ стану молиться... Ну, да его святая воля... Вотъ, лишь бы до Христова дня мнѣ дожить.

Слушая такія рѣчи, донъ-Карлино поникалъ головой, и словно трепетъ, отъ котораго онъ не былъ въ силахъ воздержаться, пробѣгалъ по всему его существу.

Часто онъ ничего не отвѣчалъ бабушкѣ, вставалъ и уходилъ изъ дому съ книгой подъ мышкой, и брелъ по первой попавшейся ему тропинкѣ, уводившей его въ горы. И что-то восторженное свѣтилось въ его глазахъ, устремленныхъ въ даль. Во время такихъ прогулокъ, онъ нерѣдко встрѣчался съ докторомъ Делла-Рокка. И они просиживали жаркіе полуденные часы въ тѣнистой рощѣ, увлекаясь своими философскими спорами.

Доктору было лѣтъ подъ пятьдесятъ, и, конечно, онъ не былъ чернокнижникомъ, какъ увѣряли окрестныя кумушки. Но у него былъ свой взглядъ на вещи, взглядъ, который онъ любилъ излагать, всегда готовый добродушно внимательно выслушать и чужое мнѣніе. Мягкость его обращенія, искреннее добродушіе и снисходительность къ ближнему дѣлали его настолько пріятнымъ, что его собесѣдникъ охотно прощалъ ему даже его еретичество.

Надо правду сказать, что прежде, чѣмъ познакомиться съ докторомъ, донъ-Карлино, привыкшій въ семинаріи относиться къ подобному «вольнодумству» съ великимъ негодованіемъ, не безъ нѣкотораго ужаса представлялъ себѣ Делла-Рокка. Но чортъ оказался не такъ страшенъ, какъ его малюютъ, и бесѣды съ докторомъ постепенно смягчали предубѣжденія молодого человѣка. Докторъ былъ далекъ отъ того, чтобы порицать набожныхъ людей. Онъ нетолько не мѣшалъ дочери усердно посѣщать

Digitized by Google

церковь, но ежегодно дарилъ ей изображеніе Мадонны, фотографическую или гравированную копію съ картины какого-либо великаго художника. Когда его Терезина возвращалась домой послѣ причастія, ясная, спокойная, ласковая и нѣжная къ отцу, онъ, какъ самъ признавался молодому человѣку, обыкновенно бывалъ тронутъ до слезъ. Но, отеревъ свои сладкія слезы, отвѣтивъ своему ангелочку-дочуркѣ поцѣлуями на поцѣлуи, ласками на ласку, онъ опять погружался въ свое спокойное философское міросозерцаніе, допускающее присутствіе въ мірѣ и зла и добра, и искавшее средствъ умалить зло и увеличить добро.

Донъ-Карлино не затруднило опроверженіе софистическихъ доводовъ эпикурейцевъ, манихеевъ, аріанъ, и пантеистовъ. Но обыкновенно, когда послѣ спора съ Делла-Рокка, молодой человѣкъ возвращался домой, то ощущалъ въ головѣ тяжесть и смуту, запирался на верху въ своей комнаткѣ и усердно искалъ въ писаніяхъ св. Августина и въ Анджелико отвѣтовъ на изложенныя докторомъ заблужденія. И когда Джакомо, подымавшійся до зари, запрягалъ своего мула въ телегу, собираясь ѣхать на рынокъ, то видѣлъ свѣтъ въ окнѣ брата-патера, и ворчалъ себѣ подъ носъ: «ишь сжетъ масло! не самъ покупаетъ, отъ того и не жалѣетъ».

Иногда они спорили съ докторомъ, продолжая прогулку, и незамѣтно доходили до самаго домика Делла-Рокка. Докторъ жилъ почти въ концѣ городка; прогулка и споръ ихъ утомляли, добродушный хозяинъ считалъ необходимымъ предложить гостю освѣжиться стаканомъ вина, или, по крайней мѣрѣ, чашкой кофею, который Терезина спѣшила для нихъ сварить.

Эта хорошая дѣвушка была очень довольна, что ея отецъ сближался съ молодымъ патеромъ. Хоть она очень мало смыслила въ эмпиризмѣ, пантеизмѣ и матеріализмѣ, но сердце побуждало ее держать всегда сторону донъ-Карлино, и она иногда рѣшалась поддерживать его, то просто выраженной здравой мыслью, то жестомъ, то взглядомъ; такимъ хорошимъ, ласковымъ взглядомъ, что въ немъ иногда даже затеривались сухіе доводы и самый предметъ спора.

Подавая донъ-Карлино сахаръ къ кофею, она взглядывала на него и ея глаза словно говорили:

— Не покидайте моего бѣднаго папу! его надо убѣдить, и я на вашей сторонѣ.

Выходило какъ въ сказкѣ о гнилыхъ грушахъ, попавшихъ въ корзину съ добрыми грушами.

Каждый разъ, когда донъ-Карлино приходилъ домой отъ док-

Digitized by Google

тора, онъ чувствовалъ какое-то изнеможеніе, нравственное и физическое. Даже ноги ломило у него. Словно его ночью дьяволъ палкой поколотилъ. Наступилъ октябрь, вечера стали дивные, одинъ лучше другого. Бесѣды доктора захватывали часть ночи, и врерывались только изрѣдка игрой Терезины на фортепьяно.

На возвратномъ пути, донъ-Карлино заглядывался на луну, которая, какъ свѣтлый парусъ, плыла надъ садами и рощами, надъ домами и надъ стройной колокольней. Его мысль, какъ и его глаза переносились отъ звѣзды къ звѣздѣ, уносились въ безконечное пространство; а въ душѣ вставало какое-то недовольство, которое испытываетъ путникъ, сбившійся съ дороги во мракѣ, среди пустынныхъ полей. Онъ опускалъ глаза на бѣлѣвшую въ свѣтѣ луны дорогу, онъ видѣлъ, какъ колыхалась его собственная тѣнь, съ тонкими ногами, плотно охваченными длинными чулками, съ узкими, доходившими только до колѣнъ панталонами, съ очертаніями сутаны... Некрасивая, смѣшная тѣнь! И вдругъ ему становилось противно. А что противно—онъ самъ не могъ сказать. Съ нѣкоторыхъ поръ, онъ пересталъ читать свои любимыя книги, лѣниво работалъ, несмотря на горечь сознательнаго недовольства самимъ собой, недовольства, которое знаютъ только чуткія души, когда не исполняютъ принятаго на себя долга. Его душа походила на орла съ пораненнымъ молніею крыломъ. Онъ лежитъ въ ущельи, безсильно жаждетъ возможности ринуться въ пространство, и не можетъ шевельнутся. Когда онъ входилъ на дворикъ своего родного жилища мысли его становились еще мрачнѣе. На этомъ дворѣ почти всегда шла дѣятельная работа; мускулистые люди возились съ тяжелыми мѣшками, нагружали телеги, или разгружали ихъ. Масляный фонарь, привѣшенный къ подоконнику красновато освѣщалъ мужиковъ, скинувшихъ рубахи и ходившихъ по двору, подъ гнетомъ грузныхъ мѣшковъ. Бисто и Джакомо смазывали телеги, либо подколачивали гвозди у расхлябавшейся подковы мула, и непремѣнно кричали, ругались, волновались. А волосы лезли имъ на глаза...

Разъ Джакомо нарочно показалъ видъ, что не замѣтилъ вошедшаго брата, здорово толкнулъ его кузовкомъ съ бобами, и донъ-Карлино растянулся на земь.

— Кабы ты помогалъ работать добрымъ людямъ, вмѣсто извиненія пробормоталъ Джакомо:—такъ тебя бы видно было. А то чортъ тебя знаетъ, что ты тутъ бродишь ночью, только подъ ноги суешься...

А мужики расхохотались, когда патеръ шлепнулся.

Донъ-Карлино заперся въ своей комнатѣ, въ потемкахъ. Во

Digitized by Google

рту у него было горько, желчь подступила. Прежде, онъ умѣлъ прощать обиды, т. е. когда его призваніе было живо въ сердцѣ его. Теперь, его самолюбіе вопіяло, вопіяло грубо, рѣзко. Онъ испытывалъ какое-то дикое ощущеніе.

Отчего замерло въ сердцѣ его это призваніе? что это—софизмы доктора, или глаза Терезины?

Онъ не умѣлъ отвѣчать себѣ на эти вопросы. Но онъ испытывалъ, что эти дѣвственные, невинные глаза не могли быть для него источникомъ пагубныхъ сомнѣній. А между тѣмъ, его собственное сердце и разсудокъ словно вступили въ союзъ—что случается такъ рѣдко—и указывали ему какой-то новый жизненный путь.

Но когда онъ преодолѣвалъ себя, когда старушка бабушка приносила ему обычную чашку кофею, или наполняла его стаканъ старымъ Бароло, [1] когда въ концѣ октября начали падать съ деревьевъ листья, и приблизился день возврата въ семинарію—что тогда сталось со всѣми доводами этихъ коварныхъ союзниковъ: сердца и разсудка? Развѣ они не должны были смолкнуть передъ правами, пріобрѣтенными надъ нимъ всей его прошлой жизнью, передъ упованіями, которыя возлагала на него вся семья? Близкіе бичевали его, правда, но развѣ они могли поступать иначе? Развѣ въ самомъ дѣлѣ онъ не питался плодами ихъ неустаннаго труда? Развѣ его не воспитали на деньги добытыя трудомъ? [2] За нимъ ухаживали, ему услуживали, какъ принцу какому. Все потому, что уповали на него, какъ на будущаго патера, опору семьи. И вдругъ, онъ имъ объявитъ: «извините пожалуйста, я раздумалъ быть патеромъ»! Это будетъ безчеловѣчно. Не хочешь быть патеромъ, такъ работай, какъ крестьянинъ. Въ семействѣ Мальгаши никто не понималъ, чтобы можно было иначе добывать хлѣбъ насущный. А между тѣмъ работать, какъ братья... Какое отношеніе можетъ имѣть его философія съ мулами и вьючными ослами. Однимъ словомъ, онъ не считалъ себя въ правѣ оторваться отъ интересовъ, которыми жила его семья.

Разъ къ нимъ заѣхалъ графъ Маурицio, чтобы позвать къ себѣ обѣдать семинариста. Старикъ отецъ воспользовался случаемъ и попросилъ у его сіятельства въ займы триста франковъ, потому что, того и гляди, у него домъ опишутъ и продадутъ. Кредиторы сдѣлались недовѣрчивы, и лезли изо всѣхъ щелей, какъ крысы послѣ землетрясенія: всѣ надежды, всѣ обѣщанія опирались на будущаго патера. Всѣ взоры были обращены къ нему.

---

[1] Ломбардское вино.

[2] Всякій зажиточный итальянскій крестьянинъ мечтаетъ о томъ, чтобы хоть одного сына воспитать для должности патера.

Digitized by Google

— Вотъ какъ только донъ-Карлино мѣсто получитъ, такъ я и расчитаюсь съ вами.

Это была обычная пѣсня стараго Мальгаши, которую выслушивалъ всякій, кто приходилъ къ нему за деньгами.

— Потерпите маленько; въ будущемъ году дѣла поправятся: донъ-Карлино посвятятъ, прибавлялъ иногда старикъ.

Бабушка желала видѣть своего донъ-Карлино патеромъ потому, что она видѣла въ немъ будущаго молитвенника и спасителя семьи; она благоговѣйно ждала Пасхи. Остальные семейные были тоже проникнуты нетерпѣніемъ, но нетерпѣніемъ животнымъ, можно сказать: имъ хотѣлось поскорѣе зарѣзать агнца, сожрать его мясо, высосать его кровь, согрѣться въ его шерсти.

Такъ прошелъ октябрь, и наступилъ ноябрь, со своимъ унылымъ небомъ и безконечными дождями. Вода съ шумомъ сбѣгала съ застрѣховъ на дворъ, журчала въ канавахъ; небо, все обложенное тучами, лило дождемъ, опускалось на землю туманами.

Извощикъ уже два или три раза приходилъ за чемоданчикомъ донъ-Карлино, а чемоданчикъ все еще не былъ уложенъ. Вернуться въ семинарію—это послѣдній шагъ, сдѣлавъ который, былю бы еще затруднительнѣе отказаться отъ духовнаго званія. Онъ теперь почти не выходилъ изъ своей комнаты, отговаривался нездоровымъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ ничего не ѣлъ, и сталъ походить на покойника.

Разъ вечеромъ, бабушка Меренціана, сердце которой всегда было полно имъ однимъ, проходя мимо дверей его комнаты, прислушалась. Ей показалось, что донъ-Карлино плачетъ. Она вошла. Юноша стоялъ у кровати на колѣняхъ; руки были раскинуты по одѣялу; губы прижаты къ лежавшему передъ нимъ распятію; лицо было смочено слезами.

— Что съ тобой? Что случилось?

Онъ пытался отвернуть отъ нея лицо, подавить свои рыданія. Сказать ей правду невозможно. Это все равно, что убить ее. Онъ, какъ могъ, постарался ее успокоить, но нѣсколько дней послѣ этой сцены онъ пролежалъ въ постели: у него едва не развилась горячка. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, онъ всталъ, сѣлъ на извощика и уѣхалъ.

Графъ далъ старику въ займы триста франковъ, и старуха довязала послѣднюю пару черныхъ чулокъ для внука.

Съ ноября до Пасхи донъ-Карлино написалъ домой только четыре или пять писемъ, и то весьма краткихъ и несодержательныхъ. Одна изъ сестеръ изрѣдка тоже отвѣчала ему и сообщала о домашнихъ невзгодахъ. Пришлось продать мула и заложить

Digitized by Google

полоску земли. Отецъ заболѣлъ лихорадкой. Джакомо собирался жениться, и т. д. Всѣ эти новости, словно молотомъ ударяли донъ-Карлино по сердцу.

Въ post-sriptum одного изъ писемъ сестры онъ однажды прочелъ: докторъ Делла-Рокко уѣзжаетъ изъ нашего города; его дочь выходитъ замужъ за какого-то господина, который живетъ въ Бергамо.

Это было окончательнымъ ударомъ.

— Amen, произнесъ донъ-Карлино, сжимая въ кулакѣ роковое письмо, и побѣжалъ на хоры, гдѣ пѣли пѣвчіе: Solitarius ut passer in tecto.

Наконецъ, наступили давно желанные, давно жданные праздники Пасхи. Еслибы кому-нибудь случилось наканунѣ зайти въ домъ Мальгаши, онъ тотчасъ же понялъ бы, что семья готовится къ какому-то необычайному событію. Курато заходилъ къ нимъ два или три раза; заходилъ и дьячокъ за приказаніями. Дворецкій отъ графа Маурицію тоже появлялся нѣсколько разъ съ разными порученіями. Сестры то и дѣло бѣгали вверхъ и внизъ по лѣстницѣ. Старикъ Мальгаши сидѣлъ цѣлый день на крыльцѣ, отогрѣвалъ на солнцѣ мучившую его лихорадку и тупо глядѣлъ на всю эту суету.

Да, это былъ канунъ того великаго дня, дожить до котораго такъ жаждала бабушка Меренціана, того дня, въ ожиданіи котораго бабушка прочитывала Богородицу съ каждымъ новымъ рядомъ вязавшагося ею чулка.

День всталъ веселый и ясный. Весна обѣщала быть роскошной. Живыя изгороди покрывались цвѣтами; въ бурыхъ бороздахъ полей начинали зеленѣть густо и дружно хлѣбные всходы. Садикъ Мальгаши былъ до того полонъ цвѣтами, что ихъ ароматъ поднимался къ окну комнатки донъ-Карлино, и врывался въ комнату. Около 9 часовъ утра, курато послалъ пономаря ударить въ колоколъ. Благовѣстъ пріятно отзывался въ сердцѣ каждаго, кто зналъ молодого патера. Но когда колоколъ замолкъ, молодого патера уже не было на свѣтѣ.

Двѣ недѣли тому назадъ, онъ вернулся домой, одержимый, какимъ-то неопредѣленнымъ, но видимо мучившимъ его недугомъ. Вся семья Мальгашей заливалась слезами.

Не плакала только бабушка, потому что она постигла тайну своего любимца.

Digitized by Google

МОЛОДЕЖЬ ВЪ ЯМѢ.

ОЧЕРКЪ.

На дворѣ у Лунинихъ происходило нападеніе и оборона. Это была просто семейная непріятность. Нападалъ, имѣя нѣсколько грустный видъ, отецъ Лунинъ. Оборонялся, сверкая глазами, какъ волчонокъ, припертый въ уголъ сынъ его, Михайло. Дѣдушка сидѣлъ на порогѣ сѣнной двери и бросалъ на обоихъ дѣйствующихъ лицъ взгляды, полные негодованія. Отецъ держалъ въ рукахъ обрывокъ веревки, который долженствовалъ служить орудіемъ наказанія, и говорилъ:

— Мишка! Лучше сдайся. Все одно, ухвачу же я тебя за волосья...

— Не касайся. За что ты меня хочешь бить? Не подходи! говорилъ сынъ. Онъ стоялъ въ углу двора и держалъ обѣими руками колесо. Собственно у него не было намѣренія именно колесомъ пустить въ отца; онъ поднялъ его, какъ первую попавшуюся оборону и держалъ для всякаго случая. Наружность его показывала, что онъ дѣйствительно не дастся. Лицо его поблѣднѣло. На немъ не отражалось ни тѣни страха, но дикость; глаза мрачно блестѣли.

— Мишка! не дури. Я тебя чуть-чуть только поучу! Ей-ей, парень, худо будетъ, ежели не покоришься отцу родному! Схвачу вотъ за виски...

— Не схватишь. Не подходи! возражалъ сынъ, угрожая колесомъ.

— Мишка! да ты что это, пёсъ, вздумалъ? Говори—отецъ я бѣ или нѣтъ?

— Что-жь, что отецъ... Безъ дѣла не дамся... Не подходи! не касайся!

— Да ты только дайся, небось! я только раза два по спинѣ... не то грозилъ, не то упрашивалъ отецъ, ругаясь довольно вяло.

— Не дамся...

Digitized by Google

— Это отцу-то ты говоришь? Ну ладно, погоди, дай срокъ, ухвачу я тебя.

Сынъ только еще больше озлился, не сводя глазъ съ отца и готовый во всякую минуту обороняться съ отчаяніемъ.

Дѣдъ не вмѣшивался. Онъ молчалъ. Только голая голова тряслась, какъ осиновый листъ, да нѣсколько безсвязныхъ словъ срывалось изъ его беззубаго рта.

— Мишка! продолжалъ между тѣмъ отецъ.—Покорись, шельмецъ, брось колесо!

— Что ты пристала! Скажи, за что ты на меня накинулся? спросилъ сынъ, едва переводя духъ отъ волненія.

— А не лайся—вотъ за что. Я тебѣ слово, а ты десять. Развѣ такъ можно съ отцомъ разговаривать!

— Что-жь, развѣ я не правду сказалъ? хорошій хозяинъ овцу со двора не понесетъ—и сейчасъ это скажу!

— Да развѣ я въ кабакъ овцу-то стащилъ? Что? ты лаешь! закричалъ отецъ, снова разгорячаясь такъ, какъ въ то время, когда ссора только что началась.

— Мнѣ нечего лаять. Я говорю правду. Хорошій хозяинъ овцу со двора не понесетъ, упрямо твердилъ сынъ.

— Ахъ, ты пустая голова! да развѣ я овцу-то пропилъ? кричалъ отецъ, и бросилъ въ сторону веревку. Вслѣдъ за нимъ и сынъ оставилъ колесо, и они начали горячо спорить, забывъ, что сію минуту стояли въ угрожающихъ позиціяхъ. — Вѣдь надо же было отдать хоть малость сборщику, заткнуть ему ротъ!

— А ты посуди самъ: овца безъ малаго стоитъ четыре рубля, а ты провалилъ ее Трешникову за рубль...

— За рубль... какъ же мнѣ сдѣлать, коли лѣзутъ съ ножомъ къ горлу?

— Подождалъ бы. Не очень я испугался бы.

— То-то что не ждетъ! Ужь я кланялся.

— И кланяться не зачѣмъ. Не отдалъ бы—и все.

— Погляжу я, какой ты дуракъ. Меня бы сборщикъ подвелъ подъ секуцію, ежели бы я не сунулъ...

— Да, конечно, ежели самъ дашься на секуцію, такъ и отхлестаютъ. А ты взялъ бы да не давался.

— Фу, ты Боже мой! глупая голова! Какъ же ты не дашься?

— Я бы убѣгъ... сказалъ сынъ рѣшительно.

Отецъ развелъ руками и расхохотался.

— А, да песъ съ нимъ! развѣ съ такимъ дуралеемъ можно говорить! сказалъ онъ, обращаясь къ дѣдушкѣ, и пошелся со двора.

Digitized by Google

Этимъ всегда кончались споры отца и сына. Первый каждый разъ бросалъ разговоръ и умолкалъ, увѣряя, что Мишку нельзя переспорить. Отецъ Лунинъ какъ бы признавалъ свое безсиліе передъ сыномъ, который во всякую минуту выглядѣлъ колючей травой, тогда какъ его самого жизнь сильно трогала, такъ много трогала, что въ немъ, кажется, мѣста живого не осталось.

Только что описанная сцена происходила въ то время, когда отцу было слишкомъ сорокъ лѣтъ, сыну безъ малаго шестнадцать. Когда споръ окончательно былъ забытъ, отецъ пошелъ выпить. Грустно какъ-то ему стало отъ упрековъ сына. Вспомнилъ онъ много нехорошаго и печаленъ показался ему этотъ день.

Но въ это же самое время сынъ принялся работать за троихъ, какъ бы желая загладить чѣмъ-нибудь грубость свою передъ отцомъ. Онъ скидалъ на повѣть возъ соломы, перетащилъ на другое мѣсто двадцатипудовую колоду, вычистилъ въ хлѣвѣ навозъ, и когда отецъ пришелъ обѣдать, сынъ сѣлъ за столъ, мокрый отъ пота; видно было, что онъ усталъ.

Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Несмотря на кажущуюся тишину и досадную медленность деревенскаго прозябанія, жизнь идетъ все-таки впередъ, съ тою же неумолимостью, какъ растетъ трава или дерево, незамѣтно поднимаясь вверхъ. Кажется, тише деревеньки Ямы трудно и отыскать. Поистинѣ это была «яма», со всѣхъ сторонъ закрытая какими-то пригорками, оврагъ, лишенный воздуха и свѣта; не было въ ней ни торговыхъ, ни промышленныхъ заведеній; отъ ближайшаго города она стояла слишкомъ на двѣсти верстъ; подлѣ нея не пролегалъ никакой трактъ, и она, повидимому, была забыта и Богомъ и людьми Но, существуя на свой страхъ, Яма все-таки думала же о чемъ-нибудь? Это неизвѣстно. Вѣрно только то, что она измѣнилась и не была уже тѣмъ, чѣмъ была пять лѣтъ назадъ. Новыя обстоятельства—новые нравы.

Эти новыя обстоятельства всего болѣе отразились на молодомъ поколѣніи, не знавшемъ крѣпостного права, между прочимъ и на Михайлѣ. Воспитаніе онъ получилъ особенное.

Какъ всякаго деревенскаго мальчика, воспитывали Мишку не
оди, не родители и учителя, а природа и обстоятельства. Степь,
съ, прудъ, дождь, снѣгъ, лошадь, корова—таковы были неиз-
жные учителя и воспитатели Мишки. Въ этомъ смыслѣ жизнь
льчика не отличалась отъ другихъ ребяческихъ жизней. Если
бенокъ, лучше сказать, «пострѣлъ», не утонетъ въ пруду, не
детъ ушибленъ лошадью, не замерзнетъ въ буранѣ, то остается жить. Нѣкоторыя изъ этихъ несчастій съ Мишкой случа-

Digitized by Google

лись. Разъ его ударилъ въ грудь, подъ сердце, поповскій козелъ, отъ чего Мишка упалъ безъ чувствъ; въ другой разъ онъ слетѣлъ съ воза сѣна подъ колесо; а еще разъ его лягнула рыжка въ затылокъ. Но Мишка остался живъ.

Но если воспитаніе природы шло обычнымъ порядкомъ, то обстоятельства, дѣйствовавшія на Мишку, не были тождественны съ обстоятельствами другихъ временъ и иныхъ людскихъ отношеній. Не очень счастливо было дѣтство Мишки. Съ самаго ранняго возраста онъ долженъ былъ видѣть и слышать много неправды, а еще больше непонятнаго.

Первое непонятное обстоятельство состояло въ томъ, что, несмотря на аппетитъ Мишки, ему мало давали ѣсть. Это ему ужасно не нравилось; онъ готовъ былъ цѣлый день бѣгать съ кускомъ, а мать отказывала. Мало того. Хлѣбъ въ сущности былъ въ семействѣ Лунинихъ только въ продолженіи полугода; остальную часть года ѣли какую-то выдумку, которую Мишка терпѣть не могъ. Онъ не иначе называлъ этотъ хлѣбъ, какъ «штукой», и питалъ къ нему отвращеніе.

— Дай-ка, мама, мнѣ штуки! говорилъ онъ, показывая на хлѣбъ, когда бывалъ голоденъ.

Онъ не могъ любить этого, но не понималъ, почему его плохо кормятъ. И бьютъ больно, въ особенности мать, подъ руку которой онъ постоянно подвертывался. Не видалъ онъ ласки отъ матери; ей вѣроятно, самой приходилось худо. Никогда она не засмѣется! Черты ея лица всегда несчастныя, а скорѣе жалкія. Жалкое горе, горе изъ-за горшковъ, изъ-за ковша муки такъ исказило женщину, что она къ дѣтямъ относилась равнодушно. «Хоть бы вы подохли»! Но такъ какъ Мишка и тогда уже отличался неуступчивостью, то равнодушіе матери переходило часто въ жалкую несправедливость къ нему. Для него это была злая—презлая женщина. То и дѣло въ голову ему попадала скалка, а не скалка, такъ вѣникъ. Не любилъ онъ мать; въ сердцѣ его и тогда уже воцарился холодъ. Впослѣдствіи онъ понялъ, что мать не виновата—ея собственная жизнь не ласкала ее—но сдѣланнаго не воротишь. Мишка не видалъ ласкъ и сердце его замерло.

И во всемъ этомъ виновата была, пожалуй, «штука».

Продолжалась она не мѣсяцъ и не годъ, а какъ Мишка только что началъ помнить себя. Это не была случайность, изъ ряда вонъ выходящее явленіе, а обстоятельство, неразлучное съ нимъ. На глазахъ его случилось только одно необыкновенное явленіе, поразившее его ужасомъ и мало понятное ему. Тогда ему было четыре года.

Digitized by Google

Съ ранняго утра того дня, въ Ямѣ происходило необычное движеніе, говоръ, кое-гдѣ бабій плачъ. Всѣ собрались на площади возлѣ часовни, не исключая бабъ, дѣвокъ и малыхъ, даже грудныхъ ребятъ. И Мишка, конечно, присутствовалъ, близко прижимаясь къ подолу матери. Мужики жарко о чемъ-то разговаривали; старики, мрачно потупившись въ землю, молчаливо чего-то ждали. На крышѣ одной избы стоялъ парень и смотрѣлъ въ разныя стороны, куда только направлялись дороги. Большинство съ напряженіемъ слѣдило за этимъ парнемъ. Вдругъ онъ благимъ голосомъ заоралъ: «Идутъ»! и упалъ съ крыши. Мишкѣ такъ сдѣлалось страшно, что онъ готовъ былъ убѣжать куда-нибудь, но скоро любопытство его остановило. На бугрѣ, стоявшемъ за деревней, показались солдаты. Впереди ѣхалъ верхомъ начальникъ. Мишка въ особености его испугался. Когда солдаты спустились въ оврагъ и расположились на другой сторонѣ площади, поднялся такой шумъ, что хоть уши затыкай. Начальникъ долго говорилъ что-то мужикамъ. Чаще всего онъ спрашивалъ: «Ну что, согласны»? А мужики отвѣчали: «согласія нашего нѣтъ»! Начальникъ сердился. — Ну, не сдобровать вамъ, канальи! «Ребята! кричалъ Мишкинъ дѣдушка: — будемъ помирать! Господи Благослови! ложись на земь»! Начальникъ отъѣхалъ къ солдатамъ; началась «экзекуція». Мужики пали на колѣни. Бабы съ ребятами побѣжали. Мишка какъ-то потерялъ мать въ суматохѣ и самъ, на свой страхъ, задалъ стрекача Онъ прилетѣлъ къ себѣ на зады и схоронился въ сѣно, гдѣ и оставался до вечера.

Впрочемъ, когда солдатъ размѣстили по избамъ, и все утихло въ деревнѣ, Мишка вылѣзъ изъ своего убѣжища и увидалъ, что въ ихъ избѣ также сидитъ солдатъ. Солдаты прожили въ деревнѣ съ мѣсяцъ, въ продолженіи котораго Мишка нетолько пересталъ бояться Филатыча, какъ звали ихъ солдата, но близко сошелся съ нимъ. Солдатъ былъ смирный. Только онъ много ѣлъ, такъ много, что даже жадный Мишка удивлялся. Для Филатыча ничего не стоило выхлебать котелъ щей, съѣсть чугунъ каши, проглотить въ самое короткое время коровай хлѣба. Но это былъ добродушный, работящій человѣкъ. Своимъ хозяевамъ онъ таскалъ на коромыслѣ воду, рубилъ дрова, задавалъ корму коту, а Мишкѣ передъ уходомъ изъ деревни сдѣлалъ деревянную свистульку.

Послѣ этого, воспитательное дѣйствіе на Мишку имѣло другое обстоятельство. Самъ Мишка на себѣ не испыталъ его. Оно касалось его родныхъ, знакомыхъ и въ особенности отца. Но впечатлѣніе было сильное, глубокое. Одинъ разъ, играя съ дру-

Digitized by Google

гими ребятами на улицѣ противъ сборной избы, гдѣ собирались мужики и куда пріѣзжало начальство, какъ это случилось и въ этотъ день, Мишка вдругъ услыхалъ ревъ, раздававшійся со двора этой избы. Онъ захотѣлъ полюбопытствовать, и вздумалъ было съ пріятелями проникнуть во дворъ, полный народа. Но въ самыхъ воротахъ ему дали хорошій подзатыльникъ, послѣ котораго онъ убѣдился, что лучше всего посмотрѣть сквозь плетень. Онъ живо проковырялъ дыру въ плетнѣ и посмотрѣлъ... Посреди двора лежалъ въ растяжку какой-то мужикъ, котораго держали за голову и за ноги. Но Мишка скоро широко раскрылъ глаза, и сердце его екнуло. На мужикѣ надѣтъ былъ желтый чапанъ, а на спинѣ чапана сидѣла треугольная заплата, такая же самая, какъ у его отца! Онъ хотѣлъ крикнуть: «батька!» но голосъ у него пропалъ. Глаза его были устремлены въ одну точку, всѣ члены замерли. Но чтобы не заревѣть, онъ впился зубами въ руку и закусилъ ее до тѣхъ поръ, пока отецъ не поднялся. Тогда Мишка со всѣхъ ногъ бросился бѣжать, оставивъ игру.—Мишка! Мишка! куда ты! кричали товарищи, но онъ, не переводя духу, улепетывалъ.

Во весь этотъ день онъ боялся поднять глаза на отца. Ему казалось, что отцу стыдно, какъ было стыдно ему. Къ удивленію его, отецъ—ничего... Вечеромъ выпилъ сороковушку и съ непонятнымъ для Мишки благодушіемъ разсказывалъ, какъ давеча его «отчехвостили». Онъ не выказывалъ ни злобы, ни горечи. Этого Мишка никогда не могъ въ толкъ взять. Онъ въ эти дни, съ ребяческимъ любопытствомъ, наблюдалъ за отцомъ, но всякій разъ, видя его благодушіе, чувствовалъ пренебреженіе къ нему. Въ его еще нетвердую душу прокрадывалось уже недовѣріе.

— Послушай, батька, неужели тебѣ не совѣстно? спросилъ однажды Мишка отца, котораго только-что «отчехвостили».

Отецъ сконфузился.

— Ничего, братъ Мишка, не подѣлаешь... И радъ бы... да никакъ невозможно! возразилъ отецъ въ замѣшательствѣ.

Никогда больше Мишка не предлагалъ отцу вопросовъ. Онъ сталъ уходить въ себя. Онъ мечталъ и думалъ одинъ, безъ всякой помощи со стороны отца, недовѣріе къ которому быстрыми шагами шло дальше. Мишка уже въ малолѣтствѣ инстинктивно старался поступать обратно тому, какъ поступалъ отецъ. Это былъ явный признакъ разрыва сына съ отцомъ.

Время шло. Мишка росъ. Семейныя неурядицы рано поставили его въ ряды самостоятельныхъ работниковъ. Семнадцати лѣтъ Мишка сталъ во главѣ управленія домомъ. Отецъ каждый

Digitized by Google

годъ уходилъ на заработки, пропадая изъ дому иногда по девяти мѣсяцевъ. Дѣдушка былъ слабъ. А больше въ семействѣ и мужиковъ не было. Старшій братъ его навсегда ушелъ изъ деревни, окончательно развелся съ отцомъ и жилъ при какомъ-то пивоваренномъ заводѣ. Такимъ образомъ, Мишка почти круглый годъ оставался въ домѣ хозяиномъ и невольно раздумывался о томъ, что видѣлъ. Невольно приходили ему на умъ самыя неожиданныя сравненія. Воля... и отчехвостили! Свободное земледѣльчество... и «штука»!

Онъ дѣлался угрюмымъ.

Что касается собственно «штуки», то она отразилась на молодомъ Лунинѣ съ явной рѣзкостью. Это подтвердилось въ рекрутскомъ присутствіи, куда его привезли, чтобы забрить лобъ. Старшій сынъ ушелъ годами отъ воинской повинности и солдатская доля пала на Михайлу. Родители плакали, провожая его. Отецъ былъ такъ мраченъ, и въ тоже время такъ ласковъ, какъ никогда. Но самъ Михайло не плакалъ. Его обычная угрюмость нисколько не измѣнилась. Кажется, онъ думалъ, что все равно въ солдатахъ или въ мужикахъ жить. Мать и отецъ, дѣдушка и сестры не услыхали отъ него ни одного слова сожалѣнія о потерѣ крестьянской свободы, которую, вѣроятно, онъ не признавалъ существующею. Онъ только сдѣлался за эти дни злой. Холодно онъ простился съ родными, механически снялъ шапку и перекрестился, когда они съ отцомъ выѣзжали за околицу Ямы. Въ концѣ-концовъ, оказалось, что Михайло въ солдаты не годится. Раздѣтый въ рекрутскомъ присутствіи, онъ обнаружилъ всю свою физическую несостоятельность. Смѣряли его ростъ—малъ; измѣряли и выслушали грудь—плоха и узка. Ноги оказались выгнутыми снаружи; позвоночный столбъ кривой. Брюхо большое. Малокровіе. Въ другое время его взяли бы въ солдаты затѣмъ, чтобы варить крупу, или садить капусту въ гарнизонномъ огородѣ. Но докторъ, дѣлавшій осмотръ, рѣшительно воспротивился, высказавъ мнѣніе, что такого бутуза лучше оставить въ покоѣ. Во всей фигурѣ въ исправности были только—лицо, холодное, но выразительное, и глаза, сверкающіе, но темные, какъ загадка.

Отецъ Лунинъ обезумѣлъ отъ радости, узнавъ, что его Мишка уродъ. Во-первыхъ, съ радости онъ напился до того, что потерялъ шапку; во-вторыхъ, цѣлый день лѣзъ къ сыну цѣловаться; въ-третьихъ предложилъ ему жениться, назвавъ и имена сватовъ. Михайло, въ отвѣтъ на это, положилъ отца поперекъ саней и поѣхалъ домой.

Сколько было непріятностей въ семьѣ изъ-за одной этой же-

Digitized by Google

нитьбы! Избавившись отъ солдатчины, Михайло, однако, имѣлъ свое мнѣніе о женитьбѣ, что сильно раздражало отца. Онъ безпрестанно твердилъ сыну о женитьбѣ.

— Ужь это мое дѣло... возражалъ сынъ.

— Какъ твое? а отца-то позабылъ? волновался отецъ.

— Не забылъ, а говорю, не суйся въ чужое дѣло.

— Какъ въ чужое! Возьму вотъ я хорошую палку, да начну тебя жарить!..

Послѣ этого между отцомъ и сыномъ обыкновенно происходила распря, никогда не прекращавшаяся. Отецъ доказывалъ, что онъ имѣетъ право учить своего сына, а сынъ опровергалъ.

— Не вижу я проку въ твоемъ ученьи... Ты напередъ скажи, учили ли тебя-то? глухо замѣчалъ сынъ.

— Меня... учили! волновался отецъ.

— Палкой-то?

— Палкой ли, чѣмъ ли, а учили. Ужь это, братъ, сдѣлай милость, безъ ученья насъ не оставляли.

— Да какой-же прокъ отъ этого? насмѣшливо спрашивалъ Михайло.

— Прокъ? А вотъ какой прокъ: Б-боже тебя сохрани, бывало, сказать супротивное слово отцу! Бывало, дѣдушка-то твой привяжетъ меня къ столбу, да и деретъ. И баловства этого духу у насъ не было!

— Слыхалъ я это. Да какой же тебѣ-то прокъ въ битьѣ?

— Не баловался—больше ничего!

— Ну, мало же объ васъ оббили дубья! Надо больше... говорилъ сынъ, злобно смѣясь.

— Мишка! Лучше замолчи, не гнѣви меня! Ей-ей, схвачу я тебя за волосья...

И такъ далѣе. Отецъ грозилъ. Михайло пренебрижительно отворачивался. Но когда дѣло заходило далеко, онъ вспыхивалъ, какъ порохъ, обнаруживая страшную свирѣпость.

— Развѣ я неправду говорю? спрашивалъ онъ, какъ бы готовясь запустить въ отца смертельную стрѣлу, которая ранитъ того и заставитъ заревѣть отъ боли.—Развѣ неправда? Ну, скажи на милость, хороша ли твоя участь? Ладно ли живешь ты? А вѣдь, кажись, дубья-то получилъ въ полномъ размѣрѣ!..

— Что-же... крестьянинъ я настоящій. Слава Богу! честный крестьянинъ! говорилъ отецъ, едва сдерживая себя отъ боли.

— Какой ты крестьянинъ! Всю жизнь шатаешься по чужимъ странамъ, бросилъ домъ, пашню... Ни лошади путной, ни кола! Въ томъ только ты и крестьянинъ, что боками здоровъ одду-

Digitized by Google

ваться!.. Пойдешь на заработки—ногу тебѣ тамъ переломятъ, а придешь домой—тутъ тебя высѣкутъ!..

— Не говори такъ, Мишка... съ страшной тоской огрызался отецъ.

— Развѣ не правда? Барщина кончилась, а тебя все лупятъ!

— Мишка! оставь!

Но Михайло злобствовалъ до конца.

— Да есть ли въ тебѣ хоть единое живое мѣсто? Неужели ты меня думаешь учить эдакъ же маяться! Не хочу!

— Живи, какъ знаешь, Богъ съ тобой! стоналъ отецъ.

Тогда Михайлѣ дѣлалось жалко отца, такъ жалко, что и сказать нельзя.

Такого рода разговоры происходили безпрестанно, всегда оканчиваясь тѣмъ, что отецъ Лунинъ опускалъ голову все ниже и ниже, сознавая, съ одной стороны, свое слабосиліе, а съ другой—пораженный непонятнымъ озлобленіемъ сына. Отецъ Лунинъ на самомъ дѣлѣ не имѣлъ прочной точки опоры, не имѣлъ настоящаго дома и настоящей цѣли, жилъ изо-дня въ день, добывая хлѣбъ на сегодня и не зная, будетъ ли онъ у него завтра, жилъ безучастно, равнодушный ко всему на свѣтѣ, кромѣ обыденныхъ потребностей. Собственно онъ и не жилъ, а маялъ себя. Рѣдкій годъ онъ возвращался съ заработковъ цѣлымъ и невредимымъ. У него была цѣлая масса приключеній, всегда оканчивавшихся тѣмъ, что его били. Однажды на желѣзной дорогѣ ему переломили ногу и хотя онъ ее починилъ, но остался хромымъ. Въ другой разъ, подъ новостроющимся домомъ, съ высоты десяти сажень на него упали два-три кирпича, отчего онъ потомъ никогда уже не разгибался. Всякія происшествія непремѣнно ложились на его бока. И когда онъ возвращался домой въ Яму, его или сажали въ холодную, или сѣкли. Чтобы найти какую-нибудь одну опредѣленную черту Лунина, можно сказать, что по жизни это былъ поломанный человѣкъ, а по характеру межеумокъ. И поразительная его честность, и несомнѣнный умъ, и способность безъ устали работать—все это было развѣяно прахомъ.

Надъ нимъ смѣялись съ двухъ сторонъ: сынъ Мишка и дѣдушка. Дѣдушка называлъ его дуралеемъ, безпутнымъ человѣкомъ и ветошкой. Постоянная нужда въ семьѣ еще болѣе вооружала старика, сваливавшаго всю вину на «ветошку». Дѣдушка обыкновенно лежалъ на печкѣ, или на завалинкѣ, если было тѣпло и солнце припекало, и когда узнавалъ о какой-нибудь новой бѣдѣ, стряслшейся надъ сыномъ, то злобно плевался. Тьфу

Digitized by Google

Тьфу! Выражать инымъ образомъ свои критическія мысли онъ уже не могъ. Старикъ давно потерялъ счетъ своимъ лѣтамъ, живя въ безконечномъ пространствѣ. Голова его была голая и походила на дыню, руки тряслись, ротъ уже не закрывался. Глаза постоянно дремали, ничего не видя. Кажется, все въ этомъ существѣ вымерло: мысли, воспоминанія, чувства и сознаніе, кромѣ ощущенія печки или солнца, которыя давали ему теплоту. Но въ этомъ полуживомъ человѣкѣ остались какія-то безсвязныя воспоминанія, но всего болѣе раздраженіе, злоба противъ нехорошей жизни, въ которой все было для него глупо, безпутно, и противъ сына, въ которомъ онъ видѣлъ воплощеніе всякой бѣды. Въ избѣ Луниныхъ жило три поколѣнія, положительно не понимавшихъ другъ друга.

Иногда Михайло дразнилъ дѣдушку.

— Дѣдушка! кричалъ онъ что есть мочи. — Что ты все сердишься?

Дѣдушка начиналъ трясти своей дыней, приходя въ раздраженіе.

— На кого ты сердишься, дѣдушка? продолжалъ Михайло.

— Уйди! Всѣ вы—поганцы!

— За что такъ, дѣдушка?

Старикъ собирался съ мыслями, что-то шепталъ.

— За все. Умѣй жить... Поганцы!

— Какъ же жить, дѣдушка? коварно спрашивалъ Михайло.

— По божецки... отвѣчалъ старикъ гнѣвно.

— Не понимаю! Разскажи, какъ у васъ жили?

Старикъ припоминалъ. Дыня его тряслась. Лицо дѣлалось энергичнымъ и гнѣвнымъ.

— Скажи, дѣдушка! какъ это по божецки?

— У насъ поганцевъ не было! У насъ коли ты родился, такъ держись! Стой! Крѣпись! говорилъ старикъ, мало по малу воодушевляясь и подогрѣвая себя собственными словами.

— А какъ же на счетъ притѣсненія у васъ было?

— У насъ былъ согласъ... Коли, бывало, притѣсненіе — молчимъ. Стой! Крѣпись! Грудью выноси!

— Стало быть, были же притѣсненья-то... коварствовалъ Михайло.

— Мы не стали бы плакать по бабьи. Стой грудью!.. А ежели силъ нѣтъ терпѣть—помирали. Эй, ребята! Ложись, помирай!

— И что же, всѣ помирали, которые ложились?

— Поганцевъ у насъ не было. У насъ дружба... Который слабосильный мужиченко, и тотъ не былъ по бабьи... У насъ, бы-

Digitized by Google

вало... путался старикъ, припоминая старыя времена и не подозрѣвая насмѣшки внука.

— А можетъ, вы только ложились, а не помирали?

Дѣдушка всматривался во внука и затѣмъ разражался плевками. Если въ его рукахъ находился батогъ, онъ яростно стучалъ имъ.

Нечего и говорить, что Михайло не серьёзно заводилъ бесѣды съ дѣдомъ. Дѣдушку, дожившаго до потери сознанія времени, онъ очень уважалъ, но чтобы учиться у него — это внуку и въ голову не приходило. Иногда старикъ, наскучивъ молчаніемъ, принимался безсвязно, какъ ребенокъ, разсказывать о старинныхъ временахъ, безъ всякой мѣры хвастаясь тогдашними людьми, но Михайло слушалъ этотъ наборъ чудесъ, какъ сказку. Онъ понималъ только, что тогда было одно мученье. Тогдашнимъ людямъ дѣйствительно ничего не оставалось дѣлать больше, какъ молчать: стой! крѣпись!!! А когда притѣсненіе выходило за-границы человѣческаго терпѣнія, надо было ложиться и помирать, ибо это былъ единственный исходъ. Страданіе до того было непрерывно, что каждый старался выработать въ себѣ непрерывное терпѣніе. Въ концѣ-концовъ, страданіе стало въ одно и тоже время средствомъ и апоѳеозомъ существованія.

Молодой Лунинъ не желалъ ни быть битымъ зря, подобно отцу, ни ложиться и помирать, подобно дѣду. Онъ съ теченіемъ времени совсѣмъ отбился отъ рукъ. Хозяйничая одинъ каждую зиму, онъ рѣшительно никого не спрашивался. У него были свои дѣла, пристрастія и друзья. Изъ семьи никто не зналъ, что онъ будетъ дѣлать завтра.

Одно изъ его пристрастій обитало въ худой избенкѣ, съ виду похожей на баню, гдѣ, однако, жили двѣ женщины — старуха Марѳа съ дочерью Пашей. Самъ Михайло никогда не выражалъ словами своего пристрастія къ этой избенкѣ и не показывалъ виду, что имѣетъ нѣкоторыя намѣренія на дочь Марѳы. Объясненіе его состояло лишь въ томъ, что раза два въ недѣлю онъ забѣгалъ мимоходомъ въ избенку и освѣдомлялся, не надо ли что сдѣлать по хозяйству? По большей части, надо было наколоть дровъ, напоить корову, которая была, если не считать избенки, единственнымъ имуществомъ двухъ сиротъ, задать ей корму, что-нибудь починить. Михайло сдѣлаетъ все это, вспотѣетъ и уйдетъ. Ни однимъ намекомъ кому бы-то ни было не выразилъ онъ намѣренія жениться.

По воскресеньямъ онъ иногда покупалъ осьмушку чая и какого-то рыжаго сахару, и относилъ къ Пашѣ, которая поила чаемъ свою больную старуху. Вотъ всѣ подарки, какіе онъ дѣлалъ

Digitized by Google

Пашѣ. Всякій другой гостинецъ онъ считалъ какъ бы обидой для нея. Какъ ни были бѣдны женщины, но кормились на свой счетъ. Собственно работала одна дочь, потому что старуху зиму и лѣто душилъ кашель. Паша была деревенская швея. Она тачала рубахи, порты, поддевки, женскія платья и т. д. И нигдѣ не свѣтился такъ упорно огонекъ, какъ въ ея избушкѣ. Пока она была еще здорова, вѣчное сидѣнье не изнуряло ее. Напротивъ, она желала больше тачать и питала мечту когда-нибудь купить такую же машину, какую ей довелось видѣть у попадьи смежнаго села. Объ этомъ узналъ Михайло.

Годъ онъ ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ бы достать денегъ на машину. Самая плохенькая, по его справкамъ, машинка стоитъ двадцать пять рублей—даже выговорить трудно! Но Михайло былъ фанатикъ. Онъ озлился и принялся сколачивать деньги. И черезъ годъ сколотилъ. Только половину онъ вычелъ изъ счета податей. Когда въ извѣстное время пришелъ сборщикъ, Михайло свирѣпо сказалъ: — нѣтъ! — Какъ?—Что же ты оглохъ? Говорю, нѣтъ! Когда онъ принесъ машину къ Пашѣ, то замѣтно было, какъ похудѣлъ Михайло: глаза его ввалились, лицо постарѣло и осунулось, во всей уродливой фигурѣ замѣчалась лихарадочность, измученное состояніе нервовъ...

У этого бутуза нервы? Надо признаться, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только утвердительнымъ. Онъ почему-то тосковалъ, ему были знакомы уже страданія, неудовлетворенность, сомнѣнія, словомъ, въ бутузѣ шла неумолкаемая работа, не позволявшая ему глядѣть весело. Въ двадцать два года онъ уже порядочно измучился.

Нѣсколько разъ по праздникамъ онъ уходилъ къ пруду на мельницы Трешникова, гдѣ по берегу росли тощіе кусты. Туда приходила и Паша. Здѣсь, среди полыни, тальника и чилиги, они проводили праздники, отдыхая. Говорили мало. Паша была задумчивая, тихая дѣвушка, не любившая шумныхъ бесѣдъ, а Михайло просто не умѣлъ говорить. Иногда ему и хотѣлось что-нибудь сказать повеселѣе, и скажетъ, но тутъ же и обозлится— до такой степени шутка его выходила уродлива, словно вмѣсто языка у него сидѣлъ во рту деревянный клинъ. Ограничивался онъ самыми неизбѣжными словами. Спроситъ, много ли она за недѣлю нашила? Есть ли у нихъ со старухой дрова? Не надо ли чего починить въ избѣ?

— А когда же мы съ тобой въ церковь? спросилъ однажды Михайло, выражая на лицѣ своемъ волненіе.

— Когда хочешь. Только скажи — и пойду... отвѣчала Паша.

Digitized by Google

— Да нѣтъ! нечего пока и думать объ этомъ! вскричалъ со злобой Михайло, самъ себя перебивая.

— Отчего же?

— Да какое же у насъ тебѣ удовольствіе? Солому-то жрать? Вѣдь у насъ бѣднота... тоска беретъ!

— Не горюй... Только скажи—и пойдемъ къ попу! успокоивала Паша.

— Все бѣднота, ничего больше, какъ бѣднота! такая, что ни есть страшная жизнь, что даже совѣстно! продолжалъ, почти не слушая, Михайло, и злоба горѣла въ его глазахъ.

— Что подѣлаешь, Миша?

— Про то и говорю... Ничего не придумаешь. Какъ жить?

— Какъ люди, Миша! замѣтила робко дѣвушка.

— Какіе люди? Это наши старые-то? Да неужели же это настоящая жизнь: побои принимать, срамъ... солому жрать! Человѣкомъ хочется жить... а какъ? Не знаешь ли, Паша, ты? Скажи, какъ жить? спросилъ оживленно Михайло.

— Не знаю, Миша... Голова-то моя худая. Я могу только идти, куда хочешь, хоть на край свѣта съ тобой...

— Какъ же намъ быть?.. Чтобы честно, безъ сраму... не какъ скотина какая, а по человѣчьему... Михайло говорилъ спутанно, съ невѣроятными усиліями ворочая своимъ деревяннымъ клиномъ. Но въ глазахъ его сверкали слезы.

Онъ не разъ, видно, уже задавалъ себѣ такой мудреный вопросъ. Но, къ несчастію его, обстоятельства такъ сложились, что онъ, какъ свои пять пальцевъ зналъ, чего *не надо* дѣлать, а когда старался придумать, какъ же надо жить, то былъ немощенъ, и чувствуя это, ненавидѣлъ свою жизнь!

Подъ давленіемъ этого, Михайло бросался изъ одной крайности въ другую. Нерѣдко на него находило какое-то равнодушіе. Онъ по недѣлѣ ничего не дѣлалъ, кромѣ самаго необходимаго въ хозяйствѣ; лежалъ въ конопляникѣ; глядѣлъ на небо; спалъ, валялся подъ плетнемъ огорода; ходилъ мрачный. Ни съ кѣмъ не говоритъ; глядитъ на всѣхъ въ домѣ, какъ на лютыхъ своихъ враговъ; волосы не чешетъ, не умывается, и сопитъ. Но вдругъ какъ съ цѣпи сорвется! За недѣлю, проведенную въ безпечности, старался наверстать въ двое, выказывая лихорадочную дѣятельность, придумывалъ новыя работы, и съ какимъ-то остервенѣніемъ работалъ.

Такъ онъ постоянно затѣвалъ со своими товарищами разныя предпріятія, не очень мудрыя, но хлопотливыя и новыя. Главное — новыя. Никогда съ пожилыми мужиками онъ не связы-

Digitized by Google

вался, ибо ихъ умъ-разумъ ставилъ ниже гроша, и дѣла ихъ всѣ фактически отрицалъ.

Товарищами его были такіе же безусые, какъ и онъ самъ. Между ними лучшими друзьями считались двое. Одинъ былъ Щукинъ, другой назывался Шаровъ. Съ ними онъ безпрестанно совѣтовался и велъ общія дѣла, хотя между ними было мало общаго. Въ то время, какъ Михайло выглядѣлъ затравленнымъ волченкомъ, молчаливый, недовѣрчивый и погруженный въ себя, Иванъ Шаровъ былъ живой, какъ ртуть и болтливый, какъ балалайка. Онъ давно уже оставался самостоятельнымъ хозяиномъ въ домѣ; всѣ его родные перемерли, кромѣ матери, и онъ, парень двадцати пяти лѣтъ, чрезвычайно ловко вертѣлся въ темной жизни Ямы. Одно время онъ завелъ было лавочку, гдѣ продавались лапти и сахаръ, дуги и пряники, махорка и сухой лещъ, словомъ, все, что требовалось въ Ямѣ. Хотя съ лавочкой ему не удалось укрѣпиться, но и тутъ онъ, какъ вьюнъ, ускользнулъ отъ банкротства, ловко выбравъ неблежащее время для прекращенія торговли. Изобрѣтательный на добываніе хлѣба насущнаго, онъ не оставался сложа руки никогда. Нюхъ у него былъ замѣчательный. Прослѣдить, что за десять верстъ одинъ человѣкъ долженъ заколоть больную свинью, которой переломалъ кто-то ноги—и уже тамъ! покупаетъ больную свинью и везетъ продавать. Какъ ни былъ далекъ отъ Ямы городъ, но Иванъ Шаровъ и тамъ завелъ пріятелей, съ помощью которыхъ всегда могъ найти себѣ занятіе. Онъ постоянно былъ въ разъѣздахъ по какимъ-то важнымъ дѣламъ, въ бѣготнѣ и суетѣ. Жизнь его походила на мельканіе. Еслибы мрачная судьба Ямы когда-нибудь вздумала захватить его въ свои объятія, онъ непремѣнно ускользнетъ, какъ кусокъ мыла. Онъ давно женился. И жена его какъ разъ приходилась ему въ пору. Она могла косить и жать, сидѣть кабатчицей, жить въ кухаркахъ — на всѣ руки.

Михайло питалъ родъ удивленія къ Ивану, часто сидѣлъ у него, выслушивалъ его, хотя самъ рѣшительно не способенъ былъ вертѣться такимъ кубаремъ. Природа надѣлила его неповоротливостью и тѣмъ древнимъ мужицкимъ свойствомъ, которое выражается такъ: думаетъ затылкомъ. Схватить на вилы копну сѣна, воткнуть на поларшина въ землю соху, поднять колоду—это онъ понималъ и могъ, несмотря на явное слабосиліе свое, но чтобы всю жизнь крутиться, ускользать, ловить случаи—это было не по его характеру. Въ другое время, болѣе правильное, изъ Михаилы вышелъ бы дѣльный, довольный собой и своимъ хозяйствомъ крестьянинъ, для котораго достаточно хлѣба и навозу, хоро-

Digitized by Google

шаго мерина и толстобревной избы, пары свиней и съ десятокъ барановъ, чтобы онъ считалъ себя счастливымъ.

— Не понимаю, какъ это ты все вертишься? спрашивалъ онъ не разъ Шарова.

— Безъ этого нельзя, пропадешь! возражалъ послѣдній:—надо ловить случай, безъ дѣла сидѣть—смерть...

— Да развѣ ты работаешь? По моему, ты только бѣгаешь зря.

— Можетъ и зря, а иной разъ и подвернется счастье, а ужь тутъ... На боку лежа ничего не добудешь. За счастіемъ-то надо побѣгать.

Шаровъ былъ душой между своими товарищами, Михайломъ и Щукинымъ. Одинъ годъ, по его остроумной мысли, товарищи сняли нѣсколько надѣловъ несостоятельныхъ мужиковъ и посѣяли ленъ. Штука немудреная, но Шаровъ сдѣлалъ ее чрезвычайно замысловатою. Дѣло въ томъ, что несостоятельный мужикъ бѣжитъ отъ своей земли не потому, что именно земля ему наскучила, а потому, что ему надоѣло платить за нее, и онъ радъ, когда находится человѣкъ, который беретъ, вмѣстѣ съ удовольствіемъ владѣть лишнимъ участкомъ, и непріятность платить за нее деньгами, или спиной. Но Шаровъ рѣшилъ, что можно въ одно и тоже время взять свое удовольствіе и отдѣлаться отъ непріятности, т. е. взять надѣлы съ условіемъ платить за нихъ, но на самомъ дѣлѣ не платить. Онъ разсуждалъ основательно, что если онъ и не возьметъ землю, все равно подати несостоятельный хозяинъ не уплатитъ, а между тѣмъ земля пропадетъ даромъ. На этомъ основаніи товарищи взяли нѣсколько участковъ на имя Щукина. Почему на имя Щукина—это также изобрѣтеніе Ивана Шарова. Вѣдь ихъ потянутъ, если они не станутъ платить? Надо было прогнать силой сборщика податей, и сдѣлать это способенъ былъ Щукинъ. Въ деревнѣ его боялись.

Въ обыкновенныя минуты Щукинъ былъ смирный и недалекій человѣкъ. Полное, круглое лицо его ничего не выражало. Уши висѣли, зубы торчали наружу—самый обыкновенный деревенскій парень и несмышленный человѣкъ. Но достаточно было ничтожнаго случая, чтобы вызвать съ его стороны необузданный поступокъ. Такіе парни, въ минуты сознанія обиды, или просто неудовлетворенности, дрались, бывало, въ кулачные бои, разносили въ дребезги избушку какой-нибудь вѣроломной солдатки и пр. Но у Щукина уже рано явилась въ поступкахъ опредѣленная точка, преднамѣренность. Онъ питалъ ненависть къ сельскимъ властямъ, но въ особенности къ Трешникову, мѣстному богачу, который полгода давалъ жителямъ Ямы свой хлѣбъ, а другіе

Digitized by Google

полгода сосалъ изъ нихъ кровь. Щукинъ съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ былъ сдѣлать ему какую угодно пакость.

Между другими подданными Трешниковъ владѣлъ и отцомъ Щукина. Въ отцѣ это не вызывало протеста, но сынъ поступилъ иначе. Ему тогда было менѣе восемнадцати лѣтъ. Въ отместку за все, онъ выбралъ темную ночь, залѣзъ къ Трешникову въ конюшню и обрѣзалъ подъ самый корень хвостъ лучшей лошади. Позоръ былъ до такой степени чувствителенъ, что Трешниковъ взвылъ отъ боли. Щукинъ не скрывалъ, что откарналъ хвостъ именно онъ самъ и сулилъ и на будущее время еще какое-нибудь посрамленіе. Трешниковъ, въ свою очередь, выместилъ на отцѣ, пересталъ давать ему хлѣба, а кровь сосать продолжалъ, вслѣдствіе чего тотъ окончательно отощалъ и померъ гдѣ-то на чужой сторонѣ на заработкахъ. Сына Трешниковъ не тронулъ, пугаясь его угрозы.

У Щукина былъ другой подобный случай. Нѣкоторое время послѣ смерти отца онъ служилъ ямщикомъ на станціи земскихъ лошадей. Никто изъ проѣзжающихъ на него не жаловался. Свое дѣло онъ справлялъ аккуратно, водки никогда въ ротъ не бралъ, «на чай» просилъ стыдливо. Но вышло такъ, что онъ оплошалъ. Ѣхалъ съ нимъ мѣстный становой. Дни стояли ненастные. Лилъ дождь. Дорога превратилась въ сплошное тѣсто, въ которомъ колеса тонули по самую ступицу. Лошади измучились. Самъ кучеръ оббилъ всѣ руки, понукая ихъ. Немудрено было разинуть ротъ отъ инеможенія. И Щукинъ прозѣвалъ. На косогорѣ, почти подъ самой деревней, куда ѣхалъ становой, экипажъ его повернулся бокомъ, повисѣлъ нѣсколько на воздухѣ и перевернулся, увлекая пассажира, его вещи и кучера. Щукинъ воткнулся головой въ лужу, сильно расшибся, но живо выскочилъ и уже совсѣмъ принялся-было хлопотать вокругъ барина, какъ послѣдній, неистово ругаясь, съѣздилъ ему по головѣ... Это значило показать быку красную тряпку, или ударить по рогамъ козла. Щукинъ освирѣпѣлъ. Глаза у него помутились, зубы выставились наружу, и онъ бросился на барина съ поднятыми кулаками. Тотъ счастливо ускользнулъ и пошелъ на утекъ. Щукинъ за нимъ. Къ счастью, становой черезъ недѣлю захворалъ, возбуждать дѣло было некогда, а потомъ его перевели въ другое мѣсто.

Съ этой поры Ѳедьку Щукина всякій зналъ. Для дѣла, придуманнаго Шаровымъ, онъ какъ разъ годился. Дѣйствительно, лишь только сборщикъ явился къ нему, онъ безцеремонно выпроводилъ его вонъ. Произошло замѣшательство. Земля должна быть оплачена, а между тѣмъ никто не платилъ. Потянули тѣхъ самыхъ несостоятельныхъ хозяевъ, которые отдали Щуки-

Digitized by Google

ну свои надѣлы. Тѣ опять указывали на Щукина. Эта путаница отразилась въ концѣ-концовъ на самомъ безотвѣтномъ мужикѣ. Съ него неожиданно потребовали уплаты за его надѣлъ. но такъ какъ денегъ у него не нашли, то его выдрали безъ всякихъ отговорокъ. Чрезвычайно удивленный такой несправедливостью, онъ поочередно обошелъ всѣхъ трехъ товарищей, ругая каждаго на чемъ свѣтъ стоитъ. Щукинъ отдѣлался отъ него, вытолкавъ его въ шею. Шаровъ заговорилъ ему зубы. Но Михайло не могъ слова сказать.

Въ тотъ же день одинъ Михайло заговорилъ объ этомъ съ товарищами.

— А вѣдь жалко бѣднягу... сказалъ онъ, сидя у Ивана въ избѣ, гдѣ находился и Щукинъ.

— Кого жалко? спросилъ послѣдній.

— Да тово... мужиченка-то, Трофимова...

— Самъ онъ дуракъ! А ты тетеревъ, презрительно засмѣялся Щукинъ.

— Да вѣдь онъ поплатился ни за что.

— Прямой тетеревъ! подтвердилъ Щукинъ.

Михайло все-таки стоялъ на своемъ, думая, что тотъ мужикъ безвинно потерпѣлъ. Но вмѣсто Щукина возразилъ Шаровъ. Онъ говорилъ резонно, съ убѣжденіемъ.

— Видишь ли, другъ Михайло, сказалъ онъ: — жалости онъ, дѣйствительно, достоинъ. Отчего не пожалѣть дурака, который не умѣетъ самъ защищать себя? Вреда отъ жалости нѣтъ. Но, скажи мнѣ, пожалѣлъ ли бы кто насъ? Ты вотъ объ этомъ подумай. Худо нынче тому, кто самъ не умѣетъ обороняться. Но жалѣть дурака можно... вреда отъ этого нѣтъ.

На лицѣ Михайлы появилось жесткое выраженіе. Въ душѣ онъ согласился съ товарищемъ.

У него на этотъ счетъ не было опредѣленныхъ мыслей. Ему постоянно казалось, что во всемъ мірѣ онъ сирота, брошенный человѣкъ, забитая тварь. Но это было настроеніе. Съ колыбели, когда его кормили жеванымъ хлѣбомъ, набитымъ въ соску, до послѣдняго дня, когда онъ сталъ во главѣ разрушеннаго дома, онъ ни разу не испыталъ той нѣжности, которая смягчаетъ обозленное сердце. Мякина изуродовала его тѣло; безчеловѣчье, среди котораго онъ росъ, сдѣлало его жесткимъ. Умственной пищи никто не думалъ дать ему, а ту умственную мякину, которою питались его прадѣды, онъ не считалъ уже годной. И онъ выросъ столь же темнымъ, какъ его родители, но болѣе несчастнымъ, чѣмъ они, потому что желанія его были широки, а средства все такія же грошовыя. Онъ жаждалъ счастія и видѣлъ,

Digitized by Google

что въ Ямѣ никто не знаетъ его. Онъ сталъ тогда ненавидѣть и отрицать всю Яму. Онъ иногда желалъ убѣжать изъ этого бездольнаго мѣста. Яма, воспитавъ его, показала ему свои язвы— безчеловѣчье, мякину, розги — и онъ насквозь пропитался отрицаніемъ. Мало-по-малу, онъ убѣждался, что разсчитывать въ жизни ему не на кого, кромѣ себя. Если желать что нибудь получить, то это возможно не иначе, какъ силой. Въ противномъ случаѣ останешься въ дуракахъ. Отца его били, но онъ живьемъ не дается. На всякое притѣсненіе онъ станетъ огрызаться. На безчеловѣчье онъ отвѣтитъ собственнымъ звѣрствомъ. Онъ ничего не знаетъ, но тѣмъ хуже, потому что всѣмъ своимъ сердцемъ онъ чувствуетъ, что жить худо.

Стоитъ сказать нѣсколько словъ о вещественномъ наслѣдствѣ, доставшемся Михайлѣ. Не очень оно было велико.

Отецъ его собирался на заработки. Назначенъ былъ день его отхода. Но прежде, чѣмъ уйти, онъ рѣшилъ сдать на руки сыну все движимое и недвижимое имущество, такъ какъ сынъ сдѣлался настоящимъ мужикомъ. Совершилъ онъ это торжественно. Помолился Богу. Купили для такого торжества сорокоушку и сказали рѣчь, приличную случаю.

— Мишка! вотъ я тебѣ препоручаю! владай всѣмъ имѣніемъ... Живи честно, работай какъ слѣдуетъ, въ кабакъ не тащи...

Михайло слушалъ-слушалъ и засмѣялся.

— Да чѣмъ тутъ владать-то! ничего нѣтъ! сказалъ онъ.

Но отецъ разсердился на такое замѣчаніе и повелъ сына по двору съ намѣреніемъ показать все, что тамъ находилось. Но въ концѣ-концовъ онъ самъ, къ удивленію, убѣдился, что «владать» нечѣмъ. Сараи были раскрыты; заплоты падали. Хозяйственныя и земледѣльческія орудія были однимъ прахомъ. Вмѣсто лошади подъ сараемъ стояло чучело лошади, набитое соломой. Михайло съ нескрываемымъ презрѣніемъ указалъ на всѣ эти провалы и ничтожество въ хозяйствѣ. Отецъ заволновался. Кажется, онъ только въ эту минуту разглядѣлъ свое нелѣпое житье. Не найдя у себя въ дѣйствительности ничего, онъ съ чрезвычайной торопливостью принялся сочинять небылицы. Водя сына по двору, онъ показывалъ видъ, что ищетъ много вещей, которыя были, но которыя теперь куда-то запропастились...

— А гдѣ желѣзная лопата? спрашивалъ онъ озабоченно, какъ настоящій хозяинъ.

— Что ты врешь! никакихъ лопатъ нѣтъ. Одно разоренье. И зачѣмъ ты затѣялъ эту канитель? сказалъ Михайло, которому надоѣло слушать сочиненіе небылицъ.

Digitized by Google

— Мишка, не обижай меня!... грустно выговорилъ вдругъ отецъ.

— Да развѣ я самъ не знаю, что у насъ есть? Небось, не растрачу! Все сберегу въ лучшемъ видѣ.

— Ты укоряешь меня бѣднотой? спросилъ еще тоскливѣе отецъ.

— Ну, пошелъ!.. Ты лучше скажи-ка, сколько долженъ Трешникову?

— Трешникову? Песъ его знаетъ... Никакъ, немного... сказалъ смущенный отецъ и почесалъ животъ.

— Надо думать! Чай, и голова-то у него въ закладѣ? безпощадно допрашивалъ сынъ.

Отецъ положительно затосковалъ. Такъ вдругъ внутри у него засосало, что онъ едва слышалъ колкія слова сына. Потомъ ему показалось, что онъ что-то чуетъ недоброе...

— Чуетъ мое сердце не къ добру! сказалъ онъ.

— Еще что выдумалъ?

— Вѣрно тебѣ говорю. Чуетъ сердце, что не надо бы уходить мнѣ изъ дому...

— Что же можетъ случиться?

— Кто знаетъ... Сохрани Богъ! Либо не вернусь я, умру, либо тутъ дома какая ни на есть бѣда... Чую, худо будетъ!

— А ты сегодня вороны не видалъ?

Но отецъ ничего не отвѣчалъ на это. У него все еще сосало. Мысленно онъ уже прощался съ избой, со старухой, съ дѣдушкой, съ дѣтьми и съ буркой, и такая жалость напала на него, что на глазахъ у него показались слезы, и онъ только вздыхалъ. Чтобы потушить такое невыносимое чувство, онъ съ глубокой печалью выпилъ стаканъ изъ сорокоушки, купленной для торжества.

Бурную зиму провелъ Михайло послѣ ухода отца. Онъ запальчиво принялся хлопотать, чтобы поправить дѣла семьи, да и самому ему надоѣло ждать той минуты, когда онъ можетъ, безъ страха за свою участь, жениться. Прежде всего, онъ постарался привести въ извѣстность отцовскія дѣла. По отношенію къ хозяйству это не трудно было сдѣлать. Дѣло было ясное: домъ со всѣми принадлежностями неумолимо разваливался. Стоило ли хлопотать вокругъ него? Сперва этотъ вопросъ Михайло рѣшилъ утвердительно. Онъ жарко принялся работать на поправку, надѣясь сначала прикупить скота, а потомъ положить на избу заплаты, а другія части выстроить заново. Первое не удалось. Какъ онъ ни горячился, изнемогая въ работахъ, изобрѣтаемыхъ его товарищами, какъ ни крутился въ кучѣ дѣлъ,

Digitized by Google

но денегъ на покупку скота не заработалъ; ежедневныя потребности семьи съѣдали всѣ плоды его дѣлъ. Свою лошадь онъ возненавидѣлъ; его раздражалъ одинъ видъ этой барабанной шкуры; онъ пересталъ ее почти кормить. Мать съ какимъ-то страхомъ слѣдила за поступками сына.

Второе желаніе — положить заплаты, скоро стало еще ненавистнѣе для него. Долгое время онъ съ утра до ночи стучалъ по дому топоромъ, пилилъ, долбилъ и наклалъ множество заплатъ. На это у него хватило терпѣнія и силы. Но когда онъ однажды увидалъ, что починенный имъ сарай имѣетъ наклонность все-таки пасть, имъ овладѣлъ припадокъ бѣшенства. Онъ схватилъ топоръ, наперся грудью и брюхомъ — и сарай палъ. На трескъ выбѣжали домашніе, даже дѣдушка, но Михайло просто объяснилъ, что надъ такой подлостью не стоитъ и мучиться. Съ этихъ поръ, что бы ни дѣлалось на дворѣ, онъ не обращалъ вниманія.

Михайло сталъ заботиться лишь о томъ, чтобы накормить семью, и любимое его время провожденіе состояло въ томъ, что онъ ложился подъ сараемъ на солому и мечталъ до поздней ночи. Странныя это были мечты! Чаще всего онъ видѣлъ съ какимъ-то замираніемъ сердца всеобщее крушеніе ненавистнаго для него мѣста. Видѣлъ, что вотъ эта изба, созерцаемая имъ, сію минуту хлопнется и разсыпется въ безобразную кучу. И отъ души желалъ, чтобы это такъ вышло. Пускай сдохнетъ шкура... падетъ амбаръ... сгніетъ какъ старый грибъ погребица... пускай на этомъ мѣстѣ ничего не будетъ, все мигомъ пропадетъ — лучше! Онъ снова все заведетъ. Дѣлать заново все до чисто лучше, чѣмъ класть заплаты на старье. Пусть все сгинетъ, какъ сонъ. Тогда онъ новую жизнь начнетъ, и можетъ быть доля ему выпадетъ счастливѣе отцовской. Онъ бы вотъ все раскаталъ по бревну, но это гнилье не его, а отцовское. Хоть бы громомъ и молніей спалило все это ненавистное, мучительное жилье!

Михайло зналъ, что главное его наслѣдство отъ отца — долги, отъ которыхъ нѣтъ нигдѣ спасенья. Но приходили мимолетныя минуты, когда онъ думалъ объ отцѣ съ сожалѣніемъ. Жалко и обидно становилось за этого поломаннаго человѣка. Михайло желалъ чѣмъ нибудь удружить ему, помочь, усладить его горькую долю. Къ нему приблизилась уже старость, силы его видимо слабѣли; отъ всего сердца Михайло придумывалъ способы успокоить его на концѣ жизни. Въ эти мгновенія Михайло дѣлался спокоенъ, почти нѣженъ; ласково говорилъ съ семействомъ, непривыкшимъ вообще слушать его разговоры. Дѣдушку онъ

Digitized by Google

переставалъ дразнить, сестрамъ покупалъ гостинцы, въ видѣ платковъ. Съ матерью обходился въ особенности хорошо, старался всѣми силами услужить ей, и разъ купилъ ей кожанные башмаки. Когда мать растрогалась отъ такой ласки, онъ почувствовалъ себя на минуту счастливымъ.

Но такія минуты улетали, какъ дымъ, разгоняемыя дѣйствительностью. Внутри его снова поселялся волкъ.

Долго онъ не могъ собраться сходить въ волость и къ Трешникову, чтобы узнать количество отцовскихъ долговъ, но наконецъ нашелъ время. Сперва онъ отправился въ волость. Тамъ ему показали все. Сказанная цифра была такъ велика, что даже онъ съ невольнымъ страхомъ проговорилъ: «Ухъ, какая прорва!» Впрочемъ, черезъ минуту успокоился. Этотъ долгъ не очень пугалъ его и не много онъ думалъ о немъ. Выходя изъ правленія онъ сказалъ: — Чортъ съ нимъ!

Не то вышло у него съ Трешниковымъ. Михайло чувствовалъ ко всей этой семьѣ непреодолимый страхъ, несмотря на свою смѣлость и негодованіе. Еще мальчишкой онъ дрался до крови съ сыномъ Трешникова, сверстникомъ своимъ. Онъ не любилъ этого плаксу и тогда уже Гаврюшка, какъ его звали, всегда возбуждалъ въ его кулакахъ зудъ. Бывало, Мишка то дастъ ему въ носъ хорошаго тумака, то повалитъ на землю и прибьетъ. Гаврюшка былъ однако коварный мальчишка; онъ ревѣлъ, когда на него насѣдалъ свирѣпый Мишка, но, улучивъ минуту, изъ за угла пускалъ въ голову послѣдняго камнемъ. Сколько разъ Мишка приходилъ отъ него съ разбитой рожей! Теперь они, конечно, не дрались, но ихъ взаимная антипатія еще болѣе усилилась. Михайло видѣть не могъ этого выхоленнаго и наглаго сынка, державшаго себя заносчиво съ сознаніемъ, что онъ наслѣдникъ разбогатѣвшаго мельника. Лѣнтяй и шелопай, онъ уже стыдился черной работы, день деньской слонялся по дому отца и покрикивалъ на рабочихъ. Онъ принадлежалъ къ той еще немногочисленной, но безпутной деревенской молодежи, которая въ Ямѣ и подобныхъ ей мѣстахъ играли роль золотой молодежи. Онъ былъ отлично знакомъ со всѣми окрестными увеселительными мѣстами, умѣлъ пить виноградныя вина, курилъ папироски и ходилъ въ смазныхъ сапогахъ. Въ праздничные дни онъ выходилъ на улицу затѣмъ только, чтобы показать деревенскимъ парнямъ и дѣвкамъ свою великолѣпную фигуру, плисовый пиджакъ, смазные сапоги и цѣпочку отъ часовъ. Къ играмъ и разговорамъ молодежи онъ, конечно, не прикасался, смотря на всѣхъ гордо, какъ гусь. Отчего это у всякаго разжирѣвшаго мужика, энергіею проложившаго себѣ путь къ бо-

Digitized by Google

гатству, дѣти почти всегда выходятъ дохлыми и съ зачатками идіотизма? Несомнѣнно, что Гаврила Трешниковъ былъ дохлый идіотъ, которому предстояло послѣ смерти отца наполнить окрестность скотскими поступками.

Михайло, встрѣчаясь съ нимъ и его отцомъ, нарочно не сдвигалъ шапки со лба. Его отецъ былъ крѣпко связанъ съ Трешниковымъ, но въ Михайлѣ это возбуждало только дикія чувства, но не раболѣпство. Онъ явился къ Трешникову поговорить зубъ-за-зубъ. Безъ всякихъ околичностей, онъ спросилъ, въ какой суммѣ повиненъ ему отецъ? Трешниковъ велѣлъ подождать на дворѣ. Это ожиданіе продолжалось очень долго. Наконецъ, мельникъ вынесъ зажатыми въ горсти кучу замазанныхъ и рыжихъ клочковъ бумаги, изображавшихъ векселя.

— Вотъ гдѣ сидитъ твой отецъ! Вотъ ихъ эсколько, векселько-въ-то! сказалъ Трешниковъ.

Михайло съ недоумѣніемъ оглядѣлъ горсть засаленныхъ бумажекъ.

— Да ты не хочешь ли наняться ко мнѣ въ батраки, можетъ, затѣмъ и пришелъ? спросилъ мельникъ.

— Въ батраки къ тебѣ я не пойду, а хочу знать, сколько на отцѣ ты считаешь? возразилъ Михайло.

— Ты хочешь платить за отца? не больно ли ты прытокъ, парень?

— А сколько годовъ ты еще будешь мучить отца? спросилъ сдержанно Михайло.

— Ахъ, ты молокососъ! Да ты бы долженъ въ ноги поклониться мнѣ, что я кормилъ твоего отца! Да я и говорить съ тобой не стану, рвань ты эдакая!

Михайло дико озирался, слушая это.

— Жирный песъ! наконецъ проворчалъ онъ: — больше я тебѣ ничего не скажу. Прощай, туша! Попался бы ты мнѣ въ другомъ мѣстѣ... Ну, да прощай!

Михайло вышелъ со двора, не оглядываясь. Онъ понялъ, что отецъ его пропалъ. И поправить его нельзя. Онъ воочію видѣлъ, какъ отецъ помираетъ, задавленный худыми дѣлами. Тогда въ его груди появилось новое чувство, до этой поры неизвѣданное имъ: месть.

Съ этого дня онъ уже не любилъ оставаться дома. Появляясь домой, онъ глядѣлъ волкомъ, и всѣ семейные боязливо обращались съ нимъ. Достаточно было перваго случая, чтобы сдѣлать его окончательно чужимъ семьѣ.

Какъ-то весной, когда со дня-на-день въ домѣ Лунинихъ ждали отца съ заработковъ, въ деревнѣ оповѣстили всѣхъ до-

Digitized by Google

мохозяевъ, что пріѣхалъ старшина изъ волости и приказываетъ всѣмъ собраться на съѣзжую. Домохозяева собрались, но молодежи собралось больше, чѣмъ пожилыхъ мужиковъ. Многіе еще не вернулись съ заработковъ. Пожилые стояли особой кучкой, въ ожиданіи выхода начальства. Они держали себя степенно. Ожидая нагоняя, они заранѣе какъ бы подготовлялись къ своей участи. Въ то же время молодежь обнаруживала всѣ признаки недовольства и роптала, что людей безъ дѣла держатъ столько времени. Пожилые и смирные уговаривали ропщущихъ замолчать, потому что старшина и такъ, сказываютъ, пріѣхалъ сердитый и очень гнѣваться будетъ, если ему станутъ досаждать. Молодежь не унималась и ругала во всеуслышаніе начальника, пока тотъ не вышелъ.

Онъ дѣйствительно сердито оглядѣлъ собравшуюся на дворѣ толпу. Затѣмъ сказалъ краткую, но сильную рѣчь.

— Ей, вы, идолы! знаете ли, гдѣ я вчерася сидѣлъ?

Старшина замолчалъ. На лицахъ молодыхъ отразилось недоумѣніе. Но смирные боязливо возразили.

— Какъ же мы можемъ, ваше степенство, знать, гдѣ вы сидѣли?

— «Какъ же мы можемъ знать!!!» передразнилъ старшина.— Въ кутузкѣ я сидѣлъ вчерась — это, чай, можно сообразить!

Въ толпѣ молодежи послышался сдержанный смѣхъ. Но пожилые жалостливо покачали головой.

— Сохрани Богъ! сказали они.

— Въ кутузкѣ сидѣлъ, въ кутузкѣ, идолы! А черезъ кого? спросилъ старшина.

— Сохрани Богъ, ежели черезъ насъ...

— Черезъ васъ. Нѣ черезъ кого больше, какъ черезъ васъ!

Въ средѣ молодежи смѣхъ сдѣлался общимъ.

Старшина разъярился.

— Вы надъ чѣмъ зубы-то скалите, а? Погоди ужо, я вамъ пропишу смѣхъ... Эй, ребята, заприте ворота! Не смѣть выходить!

Ворота заперли. Лица собравшихся вытянулись.

— Неси, ребята, хворосту! Начнемъ, Господи благослови!

Пожилые сдавались безропотно, но молодежь заволновалась. Послышались рѣзкія возраженія.

— Что же это мы, ребята, глядимъ, разиня ротъ! сказалъ кто-то.

— Мы, ваше степенство, на это не согласны! сказалъ другой.

— Взыскивайте съ отцовъ, а мы неповинны! замѣтилъ Михайло.

Digitized by Google

— Руки еще коротки, ваше степенство! сказалъ Щукинъ, ухмыляясь.

— Ахъ, вы, молокососы! Ребята, хватай сперва вотъ этихъ двухъ сорванцовъ! Слава Богу вспомнилъ: на этого Мишку Лунина уже давно жаловался Трешниковъ. Вотъ ихъ!

Но тутъ вышло невообразимое смятеніе. Михайло съ Ѳедькой вырвались послѣ отчаянной борьбы и бросились къ воротамъ. Вслѣдъ за ними хлынула, какъ буйное стадо, остальная толпа. Ворота сшибли, и бросились въ разсыпную, кто куда могъ. Черезъ мгновеніе на дворѣ осталось пять-шесть мужиковъ, да множество шапокъ, рукавицъ и кушаковъ, въ безпамятствѣ брошенныхъ бѣжавшими. Старшина на зналъ, что̀ предпринять ему и рѣшилъ ѣхать жаловаться.

И выдался же этотъ денекъ для Ямы! Скромная, тихая, почти мертвая деревенька взволнована была неслыханными происшествіями. Послѣ паническаго бѣгства изъ съѣзжей избы, ночь всѣми проведена была тревожно. И вдругъ на слѣдующее утро разнеслись изъ конца въ конецъ вѣсти, одна другой изумительнѣе. Одна касалась старшины. Онъ вечеромъ поѣхалъ въ волость, разгнѣванный. но больше удивленный окончаніемъ сходки въ Ямѣ, и рѣшалъ въ умѣ, какую награду припасти для сорванцовъ, устроившихъ ему такую пакость. Дорога его шла по кустарникамъ, продолжающимся, вплоть до мельницы Терешникова. Свѣтила луна, виднѣлись звѣзды. Вдругъ, уже возлѣ мельницы, изъ кустовъ съ противоположныхъ сторонъ дороги выскакиваютъ разомъ два страшныхъ человѣка. Они были одѣты въ вывороченные шерстью вверхъ тулупы. Лошади, увидавъ такихъ чудовищъ, рванулись въ сторону, тележка опрокинулась, кучеръ полетѣлъ въ одну сторону, старшина въ другую. И лишь только онъ палъ на землю, какъ почувствовалъ, что на него кто-то насѣлъ. Онъ безропотно ждалъ своей участи. Но разбойники помяли его немного и слѣзли, сказавъ: «Помни это. Худо тебѣ будетъ, если эти глупости не оставишь, помяни слово!» Вслѣдъ затѣмъ тулупники скрылись въ кустахъ.

Старшина долго не могъ придти въ себя; но опамятовавшись, однимъ махомъ вскочилъ въ тележку и поскакалъ дальше, со страхомъ оглядываясь назадъ. Онъ сообразилъ, конечно, что съигранная съ нимъ пакость дѣло рукъ кого-нибудь изъ давишнихъ сорванцевъ, и полетѣлъ во весь духъ домой. Прискакавъ къ себѣ, онъ рѣшительно ничего путнаго не объяснилъ домашнимъ. Всѣмъ было ясно, что онъ чего-то испугался, но на вопросы отвѣчалъ только, что теперь ничего не можетъ рѣшить.

Въ то же утро, но еще съ бо̀льшимъ страхомъ, проснулся

Digitized by Google

Трешниковъ. У него за ночь спустили прудъ. Весеннее половодье прошло; плотина была поправлена и мельница начинала ужь работу. Трешниковъ взвылъ. Онъ бросился верхомъ на мельницу. Тамъ было полное разрушеніе. Одно мельничное колесо было сорвано съ вала. По берегамъ рѣки валялись кучи хворосту, лѣса, балокъ, камней. Дернъ весь уплылъ. Обширное водное пространство превратилось въ мелкій ручей, который можно было перейти съ одного берега на другой. Работники при мельницѣ ничего не знали. Засыпка лишился языка и ходилъ по берегу, какъ помѣшанный. Онъ нашелъ двѣ длинныя заостренныя жерди, да одинъ вывороченный шерстью вверхъ тулупъ, и молча указывалъ на эти вещи. Дѣло было ясное. Плотину прокопали этими жердями, сдѣлавъ большую дыру снизу плотины, пока, наконецъ, не образовался огромный провалъ. Тогда вода съ ревомъ устремилась въ него, но сдавленная его боками, разорвала скрѣпы, и вся громадная масса дерну, лѣса и булыжника рухнула. Трешниковъ увидѣлъ, что работа многихъ лѣтъ уничтожена.

Онъ поскакалъ обратно въ деревню и началъ созывать народъ дѣлать плотину. Однихъ онъ умолялъ, другимъ обѣщалъ простить ихъ долги, третьимъ сулилъ хорошія деньги. Многіе согласились. Они забыли обиды мельника, его притѣсненія, его жадность. Видѣли въ немъ только человѣка въ несчастіи и изъявляли готовность навозить ему гору земли, камней, лѣсу.

Къ этому времени мало-по-малу подходили люди съ заработковъ, между прочимъ и отецъ Лунинъ. Приходящіе, узнавъ о случившихся происшествіяхъ, покачивали головами. Никто не спрашивалъ, кто и зачѣмъ это сдѣлалъ? Большинство догадывалось и молчало. Но все-таки дѣло само по себѣ оставалось темнымъ. Надъ Ямой повисло какое-то новое преступленіе.

Черезъ нѣсколько дней вернулся домой Щукинъ. Раньше его пришелъ Михайло. Въ суматохѣ ихъ не замѣчали. Михайло прежде всего побывалъ въ избенкѣ Паши. Онъ сказалъ ей, что надо уходить вонъ изъ деревни. Та ни минуты не задумалась. Больная старуха Марѳа жалобно застонала, когда узнала, что дочь ее бросаетъ. Ей оставалось только поскорѣе умереть.

Когда Михайло появился дома, худой, какъ будто нѣсколько дней лежалъ въ тяжкой болѣзни, сестры и мать, отецъ и дѣдушка смутились. Но чтобы предупредить всякіе распросы, онъ немедленно заявилъ, что уходитъ изъ деревни пока вонъ, и просилъ отца выслать ему паспортъ. Эти слова пали камнемъ на всѣхъ. Михайло видѣлъ, какъ всѣ замерли отъ его словъ. Отецъ сидѣлъ неподвижно и смотрѣлъ въ полъ. Дѣдушка свѣсилъ свою

Digitized by Google

дыню съ печи и даже не шепталъ, остановивъ безжизненный взглядъ на внукѣ. Сестры жались къ углу. Эта нѣмая сцена произвела тяжелое впечатлѣніе на Михайлу. «Мертвые»! подумалъ онъ. Всѣ сидящіе въ избѣ показались ему мертвецами, и это еще скорѣе погнало его вонъ. Пускай мертвые живутъ какъ знаютъ!..

Ему было жалко только мать. Сутки, которыя онъ провелъ дома, онъ говорилъ только съ ней. Никогда онъ не любилъ ее, но теперь почувствовалъ стыдъ, жалость и сочувствіе въ виду этой дряхлой старухи. Онъ сознался ей во всемъ. У него своя жизнь—зачѣмъ же ему связывать себѣ руки? Это онъ такъ прямо и сказалъ.

— А когда самъ по себѣ буду жить, можетъ и придетъ мнѣ счастье, заключилъ онъ.

Старуха не понимала этого своеобразнаго эгоизма. Она вздыхала не о себѣ, а о сынѣ. Какъ будетъ онъ жить одинъ на свѣтѣ? Есть ли у него какія средства?

Средствъ Михайло не имѣлъ никакихъ. Голыя руки, темная голова, полное мести сердце — вотъ все, чѣмъ онъ обладалъ. Но едва лишь мать напомнила ему ничтожность его силъ, онъ засверкалъ глазами. Онъ вѣрилъ въ себя. Она прислушивалась къ его словамъ, какъ бы желая запомнить всякую мелочь въ сынѣ, и гладила рукой по его лицу, ощупывала его голову. Михайло уговаривалъ ее не горевать, говоря, что издалека онъ вѣрнѣе поможетъ имъ.

Старуха уже вечеромъ отпустила его. Она вышла съ нимъ на дворъ, потомъ на улицу, и смотрѣла и прислушивалась, стараясь понять, куда онъ пошелъ; но она ничего не видала по своей слѣпотѣ и не слыхала его шаговъ, потому что была глуха. Да и безъ того, надъ деревней повисла ночь.

Каронинъ.

Digitized by Google

ВТОРАЯ ПРАВДА.

Изъ сибирской жизни.

Разсказъ.

Если вы думаете что на свѣтѣ всего одна «правда» — вы рискуете, по увѣренію Кожина, понести разочарованія и впасть въ большія ошибки въ жизни. Онъ думаетъ что ихъ двѣ и, что̀ самое главное, онѣ находятся будто бы въ вѣчномъ противорѣчіи другъ съ другомъ.

Правъ онъ или не правъ—это не мое дѣло: я простой разсказчикъ, и не намѣренъ говорить ни pro, ни contra. Во-первыхъ, это завело бы насъ слишкомъ далеко, а я инстинктивно, по свойственной всѣмъ обывателямъ привычкѣ, боюсь всякой «дали»; во-вторыхъ, я и не адептъ «двухъ правдъ». Что̀ бы я ни говорилъ, какъ бы ни доказывалъ, что̀ бы ни приводилъ въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, Кожинъ будетъ стоять на своемъ и на всѣ мои аргументы будетъ совать мнѣ «свой личный опытъ».

Вотъ объ этомъ-то «опытѣ» я и хочу разсказать вамъ.

Понятно, было время, когда Кожинъ, какъ и всѣ, имѣлъ только «одну» правду въ своемъ распоряженіи. Онъ былъ тогда веселъ, смѣялся, волосы его вились, глаза метали искры, такъ что дамы только складывали ручки въ сладкой истомѣ при одномъ его приближеніи. Этотъ періодъ обнималъ всю его университетскую жизнь и первые мѣсяцы службы городовымъ врачемъ въ N-скомъ округѣ, куда его послали «отбывать» университетскую стипендію. «Правда», единственная «правда»—заклю-

Digitized by Google

чалась для него тогда въ наукѣ и въ строгомъ исполненіи своихъ обязанностей. Онъ зналъ, что у насъ въ Сибири царитъ произволъ, и горѣлъ жаждой все «обличить», все «раскрыть», вездѣ дать возможность «добру» всплыть наверхъ, какъ маслу. Его честное, правдивое сердце билось въ груди для всѣхъ и меньше всего для него самого, потому что о себѣ собственно онъ никогда не думалъ.

— О-б-о-тре-тся! По-хо-ло-дѣетъ! дайте срокъ! говорили болѣе опытные, глядя, какъ сломя голову летѣлъ онъ въ распутицу «на вскрытіе» какого-нибудь «скоропостижнаго», или торопился къ какой-нибудь бабѣ, которой «подкатило», забывая и ужинъ, и дамъ, и начатой разговоръ.—Обот-ррр-ется! надоѣстъ!

И онъ дѣйствительно обтерся, похолодѣлъ, но только не оттого, что «надоѣло». Его сломила обрѣтенная имъ «вторая» правда. Если и съ одной правдой, говорятъ, жить иногда туго и во всякомъ случаѣ хуже, чѣмъ безъ всякой, то отсюда отнюдь не рискованно заключить, что съ двумя, пожалуй, и еще туже. Да къ тому же, если обѣ онѣ еще находятся въ противорѣчіи другъ съ другомъ, такъ вѣдь положеніе человѣка сильно смахиваетъ уже на то, въ какомъ долженъ находиться двоеженецъ въ моментъ встрѣчи обѣихъ женъ. По крайней мѣрѣ, неудивительно, что съ обрѣтеніемъ второй правды Кожинъ поблѣднѣлъ, осунулся, сталъ мраченъ и золъ, волосы его вылѣзли, глаза потухли, а дамы перестали находить его интереснымъ. Онъ отъ всѣхъ заперся, захандрилъ, а иные увѣряли, что даже «запилъ». Но это оказалось вздоромъ, пущеннымъ старымъ аптекаремъ въ отместку за штрафъ, которымъ поплатился этотъ милѣйшій партнеръ «въ винтъ», по настоянію Кожина, за черезчуръ высокую оцѣнку медикаментовъ. Жена начальника мѣстнаго батальона, танцовавшая въ молодости кадриль съ губернскимъ психіатромъ, и считавшая себя поэтому компетентной нѣкоторымъ образомъ въ психіатріи, таинственно увѣряла, что у Кожина неладно «тутъ». Она тыкала бѣленькими, пухлыми пальчиками въ свой крошечный, съ двумя красивыми «ковами», лобикъ. Боже меня избави возставать противъ «авторитетовъ»; но я думаю, что сердце у Кожина осталось прежнее; онъ попрежнему готовъ былъ лѣчить всѣхъ безвозмездно и что, не наткнись онъ только на эту проклятую «вторую» правду, то не было бы ни его насмѣшливости, ни раздражительности, ни хандры, ни нелюдимости и онъ попрежнему оставался бы въ глазахъ всего нашего избраннаго N-скаго общества «весьма пріятнымъ человѣкомъ».

Digitized by Google

Исторія этой «второй» правды начинается съ темнаго, зимняго вечера. Зима была лютая, снѣжная; недѣлю дулъ уже не уставая «сиверко» и на дворѣ все стояло 40° по спиртовому термометру Реомюра. Кожинъ сидѣлъ въ своемъ скромномъ кабинетѣ и внимательно перечитывалъ засѣдательскій рапортъ о «найденномъ, несомнѣнно замерзшемъ тѣлѣ», на вскрытіе котораго онъ собирался завтра утромъ. Окружный врачъ, пользуясь «рьяностью» Кожина, часто отлынивалъ по болѣзни, и тотъ съ жаромъ, нисколько не тяготясь, исполнялъ его обязанности по округу.

— Что за чортъ! отчего онъ такъ категорически утверждаетъ: «несомнѣнно замерзшемъ»? подумалъ Кожинъ, и недовѣрчиво покачалъ головой.

Онъ пожилъ уже достаточно въ Сибири, чтобы понимать тайный смыслъ всѣхъ этихъ «бумагъ», «рапортовъ», «отношеній» и т. д., иногда не совсѣмъ согласныхъ съ истиной. Личный опытъ, разныя «столкновенія» точно нашептывали ему, что всѣ эти продукты канцелярской риторики нужно понимать всегда наоборотъ, чтобы не попасть въ просакъ. Онъ перечиталъ еще разъ, собралъ затѣмъ свой «секціонный» наборъ, осмотрѣлъ его, уложилъ въ крохотный чемоданчикъ и принялся пить чай.

Въ дверь постучали.

— Не помѣшаю-съ? спросилъ чей-то вкрадчивый, сиплый голосъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, войдите!

Вошелъ осторожно, какъ-то крадучись по кошачьи, засѣдатель, пріятно улыбаясь всей своей хитрой, лисьей физіономіей.

— Чай пьете-съ?..

— Пьемъ!.. И вамъ стаканчикъ?

— Съ благодарностью! Засѣдатель по офицерски щелкнулъ каблуками.

Докторъ налилъ.

— Такъ завтра рано думаете отправляться? освѣдомился гость, точно такъ себѣ, «для разговору», мѣшая ложечкой чай.

— Чуть свѣтъ... А что?

— Да такъ собственно, зашелъ справиться, не вмѣстѣ ли поѣхать? Я вѣдь тоже ч-у-у-ть свѣтъ.

— Ладно! Конечно, вмѣстѣ лучше, согласился докторъ: — далеко это?

— Н-ѣ-ѣтъ! Верстъ такъ сорокъ, не больше.

— Часовъ въ шесть доѣдешь?

— До-ѣ-дешь!

Digitized by Google

— То-то, какъ бы засвѣтло, а то вѣдь дни короткіе, вскрытіе трудно производить, сказалъ докторъ.

Засѣдатель какъ-то успокоивающе улыбнулся и махнулъ рукой.

— Эхъ! Да что и вскрывать-то тамъ, напрасный трудъ, право-съ! Вы и такъ работой убиваетесь, даже жалко васъ—засѣдатель выразилъ на лицѣ сожалѣніе:—право жалко! Дѣло тамъ чистое, замерзъ! Шелъ и замерзъ! Видите, какая стужа! Онъ ткнулъ въ термометръ.

— «Взялъ, покрываетъ, стянулъ!» мелькнуло въ головѣ Кожина и онъ чуть даже вслухъ не высказалъ своей догадки.

— Одна формальность! продолжалъ между тѣмъ гость:—для формы! Посельщикъ, знаете, воръ! Сколько про него дѣлъ у меня перебывало, покою не было просто! Въ тюрьмѣ сколько разъ сидѣлъ, да за недостаткомъ уликъ.... Засѣдатель сдѣлалъ выразительную гримасу и щелкнулъ пальцемъ.—Знаменитый воръ! Смирновъ!..

— Въ больницѣ тюремной былъ у меня какой-то Смирновъ, вспомнилъ докторъ.

— Ну, ну, вотъ, вотъ! Черный такой, высокій! Первый разбойникъ! подхватилъ засѣдатель.—Чуть попадетъ въ тюрьму, сейчасъ: охъ, охъ... въ больницу! а тамъ, за недостаткомъ уликъ, и на волюшку. Знаете наши суды? подмигнулъ онъ доктору.

— Неужто такъ ловко концы пряталъ?

— А-а-ррр-тистъ! Одно слово, артистъ, ей Богу! Изъ рукъ лошадей уводилъ, и чистъ выходилъ... Зам-мѣ-ча-тельный артистъ!

Докторъ легъ спать въ убѣжденіи, что вскрытіе произвести нужно весьма тщательно.

Трупъ замерзшаго «артиста» былъ найденъ въ глухомъ лѣсу, на небольшой, круглой полянкѣ; но его заранѣе еще, по распоряженію засѣдателя, перенесли въ деревню, отстоявшую на добрую версту отъ того мѣста, и помѣстили въ пустой избушкѣ. Когда пріѣхали докторъ съ засѣдателемъ, день клонился уже къ концу; хотя былъ всего второй часъ пополудни, наступили густые, сѣрые, зимніе сумерки. Кожинъ всю дорогу мысленно проклиналъ засѣдателя, который сначала долго собирался — такъ что они, вмѣсто пяти часовъ утра, какъ было условлено, выѣхали только въ половинѣ восьмаго, а затѣмъ, при каждой «перепряжкѣ» подолгу бесѣдовалъ, точно нарочно, о какихъ-то

Digitized by Google

«дѣлахъ» съ мужиками. Къ тому же и верстъ оказалось не сорокъ, какъ увѣрялъ засѣдатель, а пятьдесятъ слишкомъ.

— Трудно, знаете, сказать навѣрное, оправдывался засѣдатель: — не почтовая вѣдь дорога — просёлокъ! Кто его мѣрилъ? Одни такъ считаютъ, другіе иначе.

Но такое объясненіе мало дѣйствовало на подозрительнаго Кожина, все болѣе убѣждавшагося, что засѣдатель хитритъ и нарочно подгоняетъ дѣло къ сумеркамъ, когда легче ошибиться. Въ ожиданіи пока засѣдатель собиралъ «понятыхъ», докторъ нервно прохаживался изъ угла въ уголъ по чистой, свѣтлой горницѣ избы, въ которой они вмѣстѣ остановились. Въ горницѣ, кромѣ Кожина, сидѣлъ еще, мрачно насупившись, самъ хозяинъ, бодрый, крѣпкій старикъ, лѣтъ шестидесяти, съ чрезвычайно умнымъ, энергическимъ лицомъ.

— Твое это ружье, дѣдушка? спросилъ вдругъ докторъ, самъ не зная почему, останавливаясь передъ стоявшимъ въ углу ружьемъ.

— Мое! глухо отвѣтилъ старикъ, и доктору показалось, будто онъ вздрогнулъ и перемѣнился немного въ лицѣ.

— А далеко бьетъ?

— Хватаетъ! неохотно отвѣтилъ старикъ, нахмурясь и подозрительно оглядывая доктора.

Тотъ, впрочемъ, не придалъ этому ни малѣйшаго значенія, и даже совсѣмъ забылъ этотъ короткій разговоръ. Прійдя въ «покойницкую», онъ засталъ тамъ уже фельдшера и понятыхъ, занятыхъ раздѣваніемъ покойника, въ которомъ онъ сразу призналъ лежавшаго нѣкогда въ тюремной больницѣ Смирнова.

— Тотъ самый, сказалъ онъ засѣдателю:—узнаю! Былъ у меня въ больницѣ!..

— Какъ же, какъ же! какъ-то убѣждающе подхватилъ засѣдатель. — Извѣ-ѣ-стный воръ! сколько разъ сидѣлъ!

— Грѣха отъ него что было! точно про себя произнесъ кто-то изъ понятыхъ.

— Шибко обижалъ! вздохнувъ, поддержалъ другой.

Докторъ внимательно слѣдилъ за процедурой раздѣванья.

— Есть на тѣлѣ что-нибудь... знаки? спросилъ онъ фельдшера.

— Ничего-съ, чисто! отчеканилъ тотъ.

— Пам-милуйте, какіе знаки! очевидно, замерзъ! точно обился засѣдатель:—на промыселъ, поди, шелъ — ну, а Богъ-то ей пристукалъ! Не земнымъ судомъ, такъ небеснымъ!

Понятые перекрестились.

— И ничего подозрительнаго на мѣстѣ не было... никакихъ

Digitized by Google

слѣдовъ? обратился докторъ къ засѣдателю, начиная колебаться въ своихъ подозрѣніяхъ.

— Какіе слѣды!.. Ничего, ни пятнышка! Лежитъ на снѣгу и только...

Покойника раздѣли, наконецъ. Засѣдатель сѣлъ у окна писать протоколъ.

— «Лѣта»? диктовалъ докторъ, внимательно разсматривая трупъ.—По наружному виду?.. За тридцать, а? обратился онъ къ понятымъ.

— Будетъ, будетъ, въ самый разъ! согласились тѣ.

— «Ростъ»?

Фельдшеръ прикинулъ тесемку.

— «Два семь вершковъ»! продолжалъ диктовать докторъ.

Засѣдатель записалъ.

— Знаковъ насилія «нѣтъ»? поспѣшилъ онъ уже самъ, готовясь записать «нѣтъ».

— Постойте! Докторъ окинулъ трупъ взглядомъ и провелъ рукой отъ ногъ до головы.

— Кажись, нѣтъ... Поверните! сказалъ онъ фельдшеру.

Фельдшеръ сталъ противъ доктора, по другую сторону стола. Онъ приподнялъ отъ себя трупъ съ натугой, точно подымая нивѣсть какую тяжесть и, оглядѣвъ, крикнулъ: «нѣтъ».

Засѣдатель быстро, но четко написалъ «нѣтъ».

Подозрѣнія Кожина разсѣялись; онъ самъ думалъ, что Смирновъ замерзъ и потому только слегка приподнялъ трупъ съ своей стороны и оглядѣлъ часть спины; тамъ, дѣйствительно, какъ говорилъ фельдшеръ, ничего не было. Онъ ощупалъ голову и затылокъ—голова цѣла.

— Ну, вотъ видите, несомнѣнно замерзъ! весело вскочилъ засѣдатель:—что тутъ возиться за вскрытіемъ! поѣдемъ-ка лучше! одна пустая формальность!

— Что тормошить покойника понапрасну! степенно перекрестились понятые.

— Дѣло чистое-съ! равнодушно какъ-то зѣвая, поддержалъ фельдшеръ.

Кожинъ колебался; дѣйствительно, одна пустая формальность. Въ протоколѣ можно написать, что вскрывали; это часто практикуется.

— Поздно, вѣдь... Когда въ городъ вернемся!? убѣждалъ засѣдатель.

— Какъ же такъ? нерѣшительно спросилъ докторъ.

— Пустяки! засѣдатель махнулъ рукой.

Digitized by Google

Но въ докторѣ почему-то шевельнулись прежнія подозрѣнія; онъ снова подошелъ къ трупу; пощупалъ ребра — цѣлы, осмотрѣлъ шею, все какъ слѣдуетъ... Дѣйствительно, замерзъ!

— Поверните-ка спиной! сказалъ онъ фельдшеру такъ, «для очистки совѣсти».

Тотъ покраснѣлъ.

— Поверните!

Фельдшеръ нерѣшительно и робко приподнялъ трупъ.

— Ничего нѣтъ! сказалъ онъ, оглядѣвъ.

— Поверните совсѣмъ! И докторъ обѣими руками повернулъ трупъ.

Все, кажется, было ладно.

На дворѣ начинались уже сумерки, къ тому же засѣдатель почти совсѣмъ заслонялъ собою окно.

— Свѣту мало, отодвиньтесь-ка отъ окна! сказалъ ему докторъ.

Тотъ неохотно подвинулся.

— Все ладно, дѣйствительно! говорилъ Кожинъ, поводя глазами по трупу:—все... только...

Фельдшеръ покраснѣлъ и насторожился; засѣдатель вскочилъ и точно нечаянно закрылъ собою окно.

— Позвольте! крикнулъ ему докторъ:—отодвиньтесь!.. Это что? указалъ онъ пальцемъ на спину у позвонковъ.

— Чирей-съ! глухо и робко отозвался фельдшеръ.

— Какой чирей! докторъ наклонился и пощупалъ пальцемъ:—какой чирей! Это рана!

Всѣ вздрогнули. Понятые какъ-то потоптались на мѣстѣ, засѣдатель разнялъ руки и покраснѣлъ, бормоча:—Гдѣ, гдѣ, какая рана? Фельдшеръ глухо и робко кашлялъ въ сжатый кулакъ.

Докторъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, онъ уже держалъ въ рукахъ ножъ и щипцы.

— Вотъ какъ замерзъ... вотъ! крикнулъ онъ торжествующимъ голосомъ, вытаскивая пулю:—вотъ!

Эффектъ былъ ужасный; всѣ, кромѣ доктора, стояли какъ пораженные громомъ.

— Рубашку... гдѣ рубашка? кричалъ между тѣмъ Кожинъ, изъ доставая снятую съ покойника рубашку и осматривая ее:—тѣды смыты, это несомнѣнно, да и крови было мало; поди всего нѣсколько капель... малопулька!

— Я-съ... право-съ... не знаю-съ... не подозрѣвалъ! бормоталъ растерянно засѣдатель.

*

Digitized by Google

— Не подозрѣвали! презрительно улыбнулся Кожинъ:—ну, да все равно, всплыло... теперь не скроешь!

Засѣдатель вдругъ разразился гнѣвомъ и рьяностью.

— О-о-о! Я имъ дамъ! Я все открою... Кто тутъ? неистово грозилъ онъ неизвѣстно кому пальцемъ.—Я... помилуйте... преступленіе, а я и не подозрѣвалъ! ахъ, ты! Спасибо вамъ, что открыли... а-ахъ ты!

— Господи помилуй! крестились понятые.

Докторъ лихорадочно бѣгалъ изъ угла въ уголъ въ ожиданіи пока подадутъ лошадей и ликовалъ, что не далъ засѣдателю «скрыть концы». Что, въ самомъ дѣлѣ, еслибы всѣ поступали какъ должно, по совѣсти—какъ хорошо жилось бы на свѣтѣ! Ни убійствъ, ни грабежа... враговъ бы не было.

Засѣдателя не было, онъ о чемъ-то говорилъ на дворѣ съ мужиками, «слѣдовъ искалъ», какъ выражался онъ; въ горницѣ сидѣлъ, кромѣ доктора, только старикъ хозяинъ все въ той же мрачной, неподвижной позѣ, нахмуривъ брови и тяжело по-стариковски сопя. Докторъ, впрочемъ, его не видѣлъ, онъ все ликовалъ, все носился съ своими думами.

— Баринъ, а баринъ... не губи!

Прямо передъ докторомъ стояла строгая фигура старика хозяина.

— Кого... что? удивился онъ.

— Насъ—міръ не губи, не путай... Скрой это дѣло!.. Затягаютъ насъ, въ конецъ разворятъ! И старикъ повалился въ ноги.

— Богъ съ тобой, дѣдушка, что ты! растерялся, весь вспыхнувъ докторъ и дѣлая усилія поднять старика.

— Не губи, баринъ! пожалѣй! продолжалъ тотъ глухо, кланяясь въ землю, причемъ сѣдая борода его расползалась по полу вѣеромъ:—не губи! не корысть, а какъ передъ Богомъ, мірское дѣло тутъ... Скрой!

Докторъ понялъ, что его просятъ «скрыть» и возмутился.

— Я не могу скрыть преступленія! Тебѣ-то что же тутъ?

— Отъ «міра» прошу, продолжалъ старикъ:—потому мірское, слышь, дѣло было... Міромъ дѣло рѣшили, по правдѣ... по жеребью—кому выйдетъ. Баринъ, не губи міра!

Докторъ въ первый разъ за всю жизнь слышалъ подобное. Преступленіе—не преступленіе, «безъ грѣха», «не корысть», «мі-

Digitized by Google

ромъ, по жеребью». Что это такое? Онъ и понималъ и не понималъ въ тоже время.

— Кто же убилъ? спросилъ онъ, самъ не зная зачѣмъ.

— Никому этого міръ не скажетъ, баринъ; развѣ Богу одному... Міръ убилъ, по жеребью, слышь... Воръ онъ былъ, разбойникъ, житья отъ него не было, управы... Грабилъ, обижалъ.

Докторъ все больше терялъ почву подъ ногами.

— Вы могли жаловаться! нерѣшительно, точно оправдываясь процѣдилъ онъ сквозь зубы и самъ покраснѣлъ сейчасъ же.

— Богу что ли? съ горечью подхватилъ старикъ:—жаловались, молились, чтобъ уберегъ, но знать прогнѣвили Господа, не было сладу! Начальнику сколько разъ представляли! посадятъ и выпустятъ!.. Онъ только пуще грабилъ.

Докторъ дрожалъ отъ волненія. Что-жь онъ такъ ликовалъ глупо?

— Засѣдатель — добрый баринъ! продолжалъ старикъ, точно желая этимъ ободрить доктора: — уломали, сто рублей міромъ собрали...

— А-а! протянулъ докторъ, понявъ теперь роль засѣдателя.

— И тебѣ не постоимъ, соберемъ! подхватилъ старикъ, по своему объяснивъ восклицаніе доктора: — послѣднее отдадимъ, рубаху снимемъ, не губи только міра, не обижай мужиковъ.

— Я... я... мнѣ не нужно, не продаюсь! то блѣднѣлъ, то краснѣлъ докторъ, растерянный, взволнованный:—встань... полно!..

— Больше дадимъ, не постоимъ! умолялъ старикъ, не вставая:— съ ребятъ снимемъ, съ бабъ! не губи, баринъ!

Этого было слишкомъ для Кожина. Онъ дрожалъ, растерялся, голова его закружилась... Что-то новое, неизвѣстное до сихъ поръ въ одно и тоже время туманило и освѣщало мозгъ... Мысли путались и кружились какъ пчелы на солнцѣ; онъ самъ готовъ былъ разрыдаться... Минута, двѣ и онъ бы, можетъ быть, разорвалъ свой протоколъ, но тутъ какъ нарочно вошелъ засѣдатель.

— Что тутъ у васъ? раздался его лисій голосъ.

Чары исчезли; докторъ опомнился. Старикъ быстро поднялся на ноги.

— Поди, просятъ «замять»? подмигивая, продолжалъ засѣдатель и вдругъ, перейдя въ жалобный, просительный тонъ, добавилъ тихо:—что-жь, люди, знаете, бѣдные... судъ разворитъ... Да ничего не выйдетъ, убійцу не выдадутъ... Міръ вѣдь тутъ, знаете... Одна проволочка только; все равно придется предать тѣло волѣ Божіей!

Digitized by Google

И онъ вздохнулъ.

Докторъ опять дрожалъ, но уже отъ негодованія.

— Много вы получили «добавочнаго» къ полученнымъ уже ста рублямъ за это ходатайство? рѣзко спросилъ онъ, глядя на него въ упоръ.

— Я... я... что вы? Какіе сто рублей... развѣ я бралъ отъ кого-нибудь? обернулся засѣдатель къ старику.

— Не слыхалъ! отвѣтилъ тотъ.

Докторъ посмотрѣлъ на старика и встрѣтилъ такой злобный, полный ненависти взглядъ, что невольно опустилъ глаза. Онъ понялъ, что старикъ отопрется отъ всего. Блѣдный, разстроенный шагалъ онъ изъ угла въ уголъ, не обращая вниманія на засѣдательское ворчаніе. Неужели ему участвовать въ сдѣлкѣ съ этимъ... Онъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на засѣдателя. Ни за что!.. Понесъ же его чортъ вскрывать, пусть бы вскрывалъ «окружной»! Докторъ плюнулъ и, выбѣжавъ на крыльцо, закричалъ: лошадей! но ихъ какъ нарочно не подавали. Онъ вернулся въ горницу и снова зашагалъ нервно, ни на кого не глядя.

Засѣдатель ворчалъ о какихъ-то «врагахъ», по злобѣ распускающихъ про него «клеветы»... Упомянулъ, что могъ бы жаловаться «за оскорбленіе», но не хочетъ «дразнить» и т. д., а затѣмъ сталъ проявлять необычайную энергію и рьяность. Схватилъ протоколъ, пробѣжалъ его, погрозилъ, что онъ кому-то «здастъ» и, замѣтивъ вдругъ среди вещественныхъ доказательствъ пулю, подбѣжалъ съ ней, вѣроятно, въ безотчетной рьяности, къ стоявшему въ углу ружью.

— Пришлась! не своимъ голосомъ закричалъ онъ, примѣряя пулю къ дулу, причемъ глаза его хищно заблистали:—глядите! пришлась!

Докторъ невольно остановился; пуля замѣчательно приходилась.

— Пришлась! а!

Засѣдатель просто захлебывался. Онъ напалъ на «слѣдъ» и покрывать было уже не зачѣмъ.

— Эй, ты, борода! гляди, видишь? Твое дѣло? сверкая глазами, обратился онъ къ старику.

Старикъ стоялъ смертельно блѣдный.

— Сознавайся, говорррри! наступалъ засѣдатель, сжимая кулаки:—говор-р-ри!

Старикъ стоялъ молча, точно обдумывая что-то.

— Заккуй!

— Закуй! степенно и медленно отвѣтилъ вдругъ старикъ:—

Digitized by Google

закуй! Только за что? Всѣ ружья у насъ одинаковы и пули однѣ!

Наступило молчаніе.

— Правда! грустно вздохнулъ засѣдатель:—эти «малопульки» всѣ одного калибра, чортъ возьми!

Но вдругъ онъ опять оживился и сталъ осматривать пулю. Онъ вспомнилъ, что сибирскіе охотники часто мѣтятъ свои пули.

— Стой! закричалъ онъ, найдя мѣтку: — покажи-ка свои пули!..

Старикъ снова поблѣднѣлъ и не двинулся съ мѣста.

— Покажи, гдѣ? кричалъ засѣдатель, обводя уголъ глазами и самъ сорвалъ съ гвоздя простой охотничій мѣшокъ.

Онъ высыпалъ на ладонь всѣ пули — всѣ оказались съ тѣми же мѣтками.

— А-а-а! радостно закричалъ онъ.—Кандал-лы!!

. . . . . .

Когда докторъ уѣзжалъ—онъ уѣхалъ одинъ—его провожали визгъ и вой сбѣжавшейся родни старика. Старикъ молчалъ, только набожно крестился и тихо плакалъ. Какой-то туманъ заволакивалъ глаза Кожина всю дорогу, такъ что онъ почти не различалъ ничего; за то слухъ его былъ напряженъ чрезвычайно. Даже, подъѣзжая къ городу, онъ, казалось, явственно слышалъ плачъ и рыданія деревни.

Докторъ сдѣлался какой-то мрачный, такъ что всѣ невольно спрашивали его при встрѣчѣ: «что съ вами» или «какъ ваше здоровье». Онъ поблѣднѣлъ, осунулся, никуда не ходилъ, а все возился въ своей больницѣ. На пятый день его зачѣмъ-то потребовали въ полицейское управленіе для какого-то освидѣтельствованія. Онъ явился, быстро сдѣлалъ все, что требовалось, и взялся-было за шапку, какъ его вдругъ остановилъ исправникъ.

— А знаете, тотъ старикъ-то ни причемъ! сказалъ онъ, наклонясь къ нему:—убійца—другой.

— Какъ? удивился докторъ.

— Да! самъ пришелъ и повинился. Къ тому же, и свидѣтели показали, что старикъ нѣсколько дней подрядъ не выходилъ изъ дома.

Digitized by Google

Докторъ почувствовалъ что-то въ родѣ облегченія и удовольствія.

— Какъ же пули-то?

— А очень просто. Убійца взялъ ружье у старика. Все обнаружилось; да вотъ читайте!

И онъ обязательно подсунулъ ему дѣло.

Докторъ прочиталъ протоколъ допроса. Парень, сирота, 19 лѣтъ, Романъ Петровъ, самъ добровольно сознавался въ убійствѣ поселенца Смирнова. Ружье онъ выпросилъ у старика «пострѣлять», подстерегъ Смирнова въ лѣсу и убилъ его, имѣя на него злобу за уворованныхъ у него лошадей. Въ заключеніи стояло, что никто его не подговаривалъ, не училъ, не просилъ, а онъ самъ, по своей волѣ, совершилъ преступленіе. Подъ протоколомъ стояли написанные каракулями: «Романъ Петровъ».

— Ну? спросилъ исправникъ.

Докторъ не отвѣтилъ, а только пожалъ плечами.

— Сомнѣваетесь? Я и самъ, признаться, того... думаю, не подставной ли. Бываетъ. Я слышалъ, что у нихъ тамъ дѣло міромъ было, по жребію, да что подѣлаешь! Сознаніе, да и показаніе свидѣтелей... Впрочемъ, я еще спрошу его. Приведите арестанта! крикнулъ исправникъ.

Ввели молодого парня, высокаго, стройнаго, съ блѣднымъ, правильнымъ лицомъ. Онъ вошелъ смѣло, свободно, безъ всякой робости, съ какой обыкновенно входятъ арестанты. Глаза его, не то голубые, не то сѣрые, свѣтились такой добротой и мягкостью, что какъ-то странно было видѣть его съ конвоемъ.

— Послушай! обратился къ нему исправникъ:—правду ли ты говоришь? Не берешь ли ты на себя чужую вину? Вѣдь это грѣхъ.

Лицо парня передернуло, глаза его какъ-то безпокойно забѣгали, онъ точно вздрогнулъ, но быстро оправился.

— Мой грѣхъ, мое дѣло!

«Нѣтъ!» промелькнуло молніей въ головѣ доктора.

— Вонъ докторъ говоритъ — исправникъ указалъ рукою на доктора:—что слышалъ, будто это у васъ мірское дѣло было, по жребію.

Докторъ не спускалъ глазъ съ парня. Парень вздрогнулъ, сильно перемѣнился въ лицѣ, но голосъ былъ спокоенъ, только глаза блестѣли страшной, глубокой ненавистью, когда онъ повернулся къ доктору.

— Зачѣмъ міръ путать, баринъ, одна напраслина. Никакого мірского дѣла не было; самъ я, мое дѣло. Не путай!

Его увели въ острогъ.

Digitized by Google

Какъ ни старался докторъ разсѣяться, ему часто вспоминались и мольбы старика: «міръ тутъ», «мірское дѣло», «безъ грѣха» и т. д., и блѣдное лицо Романа Петрова, съ его полнымъ ненависти взглядомъ. Сколько разъ ни подъѣзжалъ онъ къ тюремной больницѣ, всегда казалось ему, что Романъ Петровъ смотритъ на него сквозь рѣшотчатое окно второго этажа. Было ли это дѣйствительно его лицо или другого арестанта, не докторъ былъ увѣренъ, что это непремѣнно онъ. Ему становилось жутко, и онъ быстро перебѣгалъ тюремный дворъ.

Стоя вѣчно у окна, неудивительно, что Романъ Петровъ достоялся до чахотки. Разъ, когда докторъ былъ въ тюремной больницѣ, четыре человѣка внесли его въ палату, обезсиленнаго, исхудалаго, блѣднаго, съ запекшейся на губахъ кровью.

Докторъ наклонился къ нему, чтобы изслѣдовать.

— Оставь... не мучай! глухимъ голосомъ прошепталъ больной.—Оставь.

Доктора покоробило отъ этихъ словъ, но онъ все-таки выслушалъ его; оказалась чахотка.

— Отдѣльную палату ему! сказалъ онъ фельдшеру.

— Баринъ, пусти назадъ меня, пусти! взмолился больной.

— Зачѣмъ? вѣдь ты боленъ?

— Нѣтъ... такъ только хворость... Перемогусь я тамъ.

— Не могу. Тебѣ лучше будетъ здѣсь, увидишь.

Докторъ говорилъ блѣдный; его что-то мучило, давило и онъ чувствовалъ себя неловко.

Весь день и всю ночь не давалъ ему покоя блѣдный призракъ Петрова.

На другой день, придя въ больницу, онъ узналъ, что больному хуже, что онъ ничего не слушаетъ, выливаетъ потихоньку лекарства и, чуть отвернется сторожъ, карабкается къ окну.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? мягко спросилъ его докторъ.

Петровъ молчалъ, только изъ больной груди его выходили съ каждымъ вздохомъ глухіе хрипы.

— Хуже тебѣ?

Докторъ взялъ его руку.

— Оставь, баринъ! зарыдалъ больной и изъ глазъ его неудержимо покатились слезы:—оставь... пусти!

Докторъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ.

— Успокойся! заговорилъ онъ мягко:—успокойся! Тебѣ нужно лечиться.

— Зачѣмъ? глухо спросилъ Петровъ:—все равно пропадешь... горѣй бы только... Ахъ!..

Digitized by Google

— Слушай! наклонился къ нему докторъ, самъ весь дрожа и ничего не видя отъ какого-то тумана въ глазахъ: — слушай! прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Я все сдѣлаю, все, что могу; я... я... слушай!.. вѣдь не ты убилъ? Тебя выпустятъ...

Больной вздрогнулъ. Слезы застыли на глазахъ, блеснувшихъ враждой и злобой.

— Баринъ! Его голосъ прерывался хрипами и глухимъ кашлемъ. — Баринъ! не смущай... Не путай! поправился онъ, приподнимаясь:—мое дѣло это, мое!..

И обезсиленный онъ упалъ на подушку.

. . . . . .

Докторъ пустилъ въ ходъ все свое искуство, все знаніе. Не жалѣя собственныхъ средствъ, онъ окружилъ его самымъ тщательнымъ уходомъ, почти изысканнымъ комфортомъ. Но ничто не помогло.

Былъ тихій, лѣтній вечеръ. Сквозь рѣшетчатое окно доносилось, замирая, послѣднее щебетанье птичекъ и чей-то разговоръ на тюремномъ дворѣ. Слышались мѣрные, ровные шаги часового. Розовые лучи близкаго заката багрили и золотили бѣлыя стѣны больничной палаты. Докторъ, блѣдный, взволнованный, чуть не плачущій стоялъ надъ Петровымъ, зорко всматриваясь въ него, и щупалъ пульсъ. Петровъ лежалъ, тяжело дыша, глядя вверхъ безцѣльно, безучастно.

— Не нужно ли чего? спросилъ докторъ.

— Попа бы! отрывисто, сухо отвѣчалъ больной, не глядя.

— Я приказалъ... Нѣтъ, для тебя... можетъ еще что-нибудь? И дрожащей рукою докторъ взялъ его холодную, костлявую руку.

— Ты? удивленно спросилъ больной.

— Да, я! Я сдѣлаю; скорѣй! но что нужно сдѣлать?..

Напоминаніе ли обо всемъ, что сдѣлалъ для него докторъ, близость ли смерти, или въ тонѣ голоса и глазахъ Кожина было теперь что-нибудь особенное, только больной въ первый разъ за все время взглянулъ на него безъ вражды, мягкимъ, добрымъ взглядомъ.

— Спасибо! Богъ тебѣ... чуть слышно проговорилъ онъ.

Докторъ сжалъ его руку и сѣлъ, потому что ноги его подкашивались.

Digitized by Google

— Что же?

Худой, костлявой рукой больной вытащилъ изъ-подъ подушки горсточку родной, деревенской земли, завернутую въ грязную тряпочку и положилъ ее доктору на руку.

— Въ могилку! чуть слышно прохрипѣлъ онъ.

Кожинъ взялъ ее машинально. У него захватывало дыханіе, а въ глазахъ пошли темные круги.

Петровъ закашлялся. Онъ отвернулъ полу халата и сталъ шарить длинными, худыми пальцами въ подкладкѣ.

— Я помогу! сказалъ докторъ: — постой! И онъ вытащилъ изъ-подъ подкладки двѣ рублевыя бумажки и бѣлый бумажный платокъ.

— Это?

Больной кивнулъ скорѣй глазами, чѣмъ головой.

— Въ деревнѣ... у насъ... глухо хрипѣлъ онъ съ тяжелой одышкой:—Аннушкой звать... Се-ли-фон-то-ва...

— Ей? спросилъ докторъ.

Петровъ опять кивнулъ.

Оба они сидѣли молча, не глядя другъ на друга... Больной смотрѣлъ куда-то въ даль, тупымъ, безучастнымъ взглядомъ, докторъ держалъ его руку и не видѣлъ ничего, слезы туманили его глаза. Вечеръ догоралъ, стѣны окрашивались въ темный пурпуръ; больной зашатался въ безпокойствѣ.

— Попа бы!..

Опять наступило молчаніе; больной сталъ спокойнѣе и дышалъ легче, ему точно лучше становилось. Вдругъ онъ повернулъ къ доктору глаза и посмотрѣлъ на него долго и внимательно.

— Слышь! прошепталъ онъ.

Докторъ нагнулся.

— Его безъ грѣха, слышь, безъ корысти убили...

Докторъ понялъ кого.

— Міромъ, продолжалъ шепотомъ больной, точно исповѣдуясь и дыша легче, безъ хриповъ: — міръ порѣшилъ, потому обида отъ него была!

Тотъ наклонился еще ниже.

— Не я... не мое дѣло... Я за міръ пошелъ, чтобъ не тянули...

Кожинъ сжалъ его холодную руку.

— За міръ!.. Старика жалко было... Семья большая, а я одинъ... только Ан-нуш-ка...

Digitized by Google

Умирающій заметался, усиленно глотая воздухъ. Докторъ, вскочивъ, приподнялъ его голову, которая уже плохо держалась на шеѣ.

— За міръ, правдой... лепетали холодѣвшія губы.

Докторъ очнулся, когда явившійся священникъ сталъ читать отходную.

Г.

Digitized by Google

КРѢПОСТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ Курскѣ проживала одна «несчастная» барыня. Ее зналъ и жалѣлъ весь городъ. Несчастье ея состояло въ странной болѣзни, которую современная медицина никакъ не могла понять и излечить. Время отъ времени на эту барыню нападала тоска и она не знала чѣмъ заглушить ее. И вдругъ счастливый случай открылъ ей лекарство. Разъ, когда она такъ тосковала, «одна изъ крѣпостныхъ ея дѣвокъ принесла ей какую-то неоконченную работу, весьма дурно сдѣланную; бывъ въ волненіи, она, вмѣсто выговора, дала ей двѣ пощечины и, странное дѣло! черезъ нѣсколько минутъ почувствовала, что ей какъ будто сдѣлалось получше...

Съ этихъ поръ она постоянно прибѣгала къ такому легкому средству. Какъ только являлась тоска, она шла въ дѣвичью, придиралась къ первой попавшейся на глаза «дѣвкѣ» и лечилась пощечинами.

Разъ какъ-то эта «несчастная» является къ одной изъ своихъ курскихъ знакомыхъ — графинѣ Волькенштейнъ — и начинаетъ жаловаться, что «дѣвка Машка хочетъ ее въ гробъ положить»...

— Не могу найдти случая дать ей пощечину. Ужь я нарочно задавала ей разныя порученія: все сдѣлаетъ и выполнитъ такъ, что не къ чему придраться... Она, правду сказать, чудная дѣвка и по работѣ, и по нравственности, да за что же я страдаю: вѣдь отъ пощечины она бы не умерла!..

Дня черезъ два, опять пріѣзжаетъ Марья Александровна веселая и какъ будто бы въ какомъ торжествѣ обнимаетъ графиню, цѣлуетъ, смѣется и плачетъ отъ радости.

— Графинюшка! сегодня Машкѣ двѣ пощечины дала!

Графиня спросила:—За что? Развѣ она что нашалила?

— Нѣтъ, за ней этого не бываетъ. Но вы знаете, что у меня кружевная фабрика, а она кружевница; такъ я ей такой урокъ

Digitized by Google

задала, что не хватитъ человѣческой силы, чтобы его выполнить...

— И вамъ это не совѣстно?

— Ахъ, ваше сіятельство! Что же мнѣ умереть изъ деликатности къ холопкѣ? а ей вѣдь это ничего, живехонька—какъ ни въ чемъ не бывало!

Такой разговоръ происходилъ въ воскресенье, а во вторникъ, гораздо ранѣе назначеннаго времени для визитовъ, Марья Александровна пріѣзжаетъ къ графинѣ, разстроенная и почти въ отчаяніи и, входя на порогъ, даже не поздоровавшись съ хозяйкой, кричитъ, что дѣвка Машка непремѣнно хочетъ ее уморить. Графиня спрашиваетъ, что такое случилось?

— Какъ же, графиня! представьте себѣ, вчера такой же урокъ задала — что же? мерзавка не спала, не ѣла, а выполнила, и все только, чтобы досадить мнѣ! Это меня такъ разсердило, что я не стерпѣла и съ досады дала ей три пощечины; спасибо, нашла причину: а, мерзавка! говорю ей, значитъ ты и третьяго дня могла выполнить, а по лѣности и изъ желанія сдѣлать непріятность, не выполнила, такъ вотъ же тебѣ! И вмѣсто двухъ, дала три пощечины, а со всѣмъ тѣмъ не могу до сихъ поръ придти въ себя, и странное дѣло: обыкновенное средство употребила, а страданія не прекращаются!..

По отъѣздѣ этой дамы, графиня стала сожалѣть объ ней [1].

При этихъ сценахъ присутствовалъ «дворовый мальчикъ». Онъ смирно слушалъ, срисовывая для своей барыни узоръ, а потомъ записалъ все это на память и въ назиданіе потомству. Этотъ мальчикъ былъ М. С. Щепкинъ, впослѣдствіи гордость русской сцены, другъ Гоголя, Бѣлинскаго, и другихъ свѣтилъ сороковыхъ годовъ.

Щепкинъ былъ одною изъ тысячъ душъ, принадлежавшихъ графу Волькенштейну. Уже четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ поражалъ всѣхъ своимъ талантомъ, играя на домашнемъ театрѣ графа. Щепкина скоро узналъ весь городъ, всѣ восхищались имъ и звали не иначе, какъ «милый Миша, умный Миша». Его стали выпрашивать у графа оффиціантомъ и почти ни одно торжество въ Курскѣ не обходилось безъ него. И вотъ тутъ-то ему приходилось переживать минуты, о которыхъ онъ потомъ говорилъ: «я обезумѣлъ», «я старался скрыть свое волненіе», «у меня разлилась желчь». Вотъ одинъ изъ такихъ эпизодовъ:

«Когда кончилась компанія 12-го года, ополченные возвратились домой, а крѣпостные—къ своимъ господамъ; за тѣхъ, кото-

[1] Записки и письма М. С. Щепкина. Со статьей С. Т. Аксакова, стр. 138—142.

Digitized by Google

рые не возвратились, правительство выдало рекрутскія квитанціи, и одна дама, очень образованная по времени и обществу (даже крѣпостные отзывались о ней, какъ о доброй женщинѣ), у графини на именинахъ, за обѣдомъ, не краснѣя, позволила себѣ сказать въ разговорѣ о прошедшей кампаніи: «Вообразите какое счастье Ивану Васильевичу: онъ отдавалъ въ ополченіе 9 человѣкъ, а возвратился всего одинъ, такъ что онъ получилъ 8 рекрутскихъ квитанцій и всѣ продалъ по три тысячи, а я отдавала 26 человѣкъ и на мою бѣду всѣ возвратились — такое несчастіе!» При этихъ словахъ, ни на одномъ лицѣ не показалось даже признака неудовольствія противъ говорившей. Всѣ согласились, а нѣкоторые даже прибавили: «да, такое счастіе, какое Богъ даетъ Ивану Васильичу, немногимъ дается»!..

Что долженъ былъ чувствовать при всемъ этомъ Щепкинъ, смирно перемѣнявшій тарелки господамъ? Онъ былъ крѣпостнымъ, но въ немъ уже горѣлъ тотъ огонь, что черезъ нѣсколько лѣтъ заставлялъ тысячи зрителей и скорбѣть, и смѣяться, и ненавидѣть, и плакать... Такова одна изъ драмъ крѣпостного быта.

Крѣпостное право рухнуло. Но этимъ оно не вычеркивается изъ предметовъ, подлежащихъ изученію. Напротивъ, какъ явленіе вполнѣ законченное, оно должно быть и изучено вполнѣ. Благодаря именно этой законченности и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкой опредѣленности отношеній, въ которыя крѣпостное право ставило властителей и рабовъ, оно всегда останется удобнымъ пробнымъ камнемъ для провѣрки самыхъ разнообразныхъ научныхъ законовъ, а въ томъ числѣ и такъ мало еще изслѣдованныхъ законовъ душевной жизни. Химикъ, производя въ своей лабораторіи опытъ, старается устранить всѣ условія, осложняющія или затемняющія ожидаемый результатъ. Врачъ дорожитъ особенно рѣзко, чисто выраженной формой болѣзни. Всякій, интересующійся явленіями общественной жизни, долженъ такъ же дорожить крѣпостнымъ правомъ, какъ огромнымъ экспериментомъ, сдѣланнымъ исторіей, какъ особенно рѣзко выраженной формой болѣзни общественнаго строя. Отношенія крѣпостного быта — отношенія полнѣйшей зависимости и безправія, съ одной стороны, и неограниченнаго господства — съ другой. Съ паденіемъ юридическаго рабства, зависимость и господство не исчезли; они существуютъ и до сихъ поръ, во всемъ мірѣ, но приняли гораздо болѣе мягкія, сложныя, замаскированныя формы. И эта-то сравнительная мягкость, сложность, замаскированность мѣшаютъ оцѣнить истинный характеръ отношеній зависимости, которыя, напротивъ, съ такой полнотою и яркостью выступаютъ въ рабствѣ, юридически оформленномъ.

Digitized by Google

Въ современной жизни самыхъ цивилизованныхъ націй вовсе не рѣдкость, что человѣкъ, обладающій «искрой Божіей», въ видѣ какого-нибудь сильнаго дарованія, человѣкъ, по природѣ своей, призванный «глаголомъ жечь сердца людей», волновать ихъ созданіемъ высокихъ мыслей или художественной передачей высокихъ чувствъ, затерывается въ толпѣ, находясь въ зависимости отъ людей, недостойныхъ развязать ремень у сапога его. Не рѣдкость и противоположный случай, что человѣкъ не внутреннимъ влеченіемъ, а посторонними обстоятельствами приковывается къ какой-нибудь умственной дѣятельности, не имѣя и тѣни нужнаго для этого дарованія. Онъ и радъ бы бросить дѣло, которое ему не по плечу и къ которому онъ не чувствуетъ склонности, но нужда, сплетеніе мелкихъ случайностей не даютъ ему выхода. Оба эти столкновенія свободнаго духа съ гнетомъ обстоятельствъ очень трагичны и въ современной жизни, но никогда этотъ трагизмъ не можетъ достигнуть такой яркости, какой онъ достигалъ во времена крѣпостного права. Здѣсь ходъ драмы не затемнялся ничѣмъ. Не безличное стеченіе обстоятельствъ держало свободный духъ въ черномъ тѣлѣ или напротивъ вытягивало его оттуда, гдѣ его не было, а живые, облеченные страшною властью люди. И эта-то рѣзкая опредѣленность драмы, эта ея ясность и очевидность дѣлаютъ крѣпостное право неисчерпаемымъ источникомъ для художника и человѣка науки.

Щепкинъ, съ горѣвшей уже въ немъ искрой таланта и, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, безсознательнаго чутья правды и неправды, свѣта и мрака, присутствовалъ при возмутительныхъ сценахъ и разговорахъ, и, по своему положенію, долженъ былъ «стоять, молчать и слушать». Но еще лично Щепкину жилось сносно. Господа его были «примѣрной доброты», его не били, не притѣсняли, хотя и продали всю его семью князю Репнину. Другимъ не такъ приходилось. И не мѣшаетъ припомнить нѣкоторыя изъ этихъ подробностей «добраго стараго времени».

Щепкинъ выступилъ въ одной изъ тѣхъ крѣпостныхъ труппъ, которыми была усѣяна Россія въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Екатеринѣ II пришла въ голову мудрая мысль, что «народъ, который поетъ и пляшетъ, зла не думаетъ», И она, руководствуясь этой мыслью, стала всѣми путями развивать художественные вкусы въ русской публикѣ. Она поощряла театры, покровительствовала оперѣ и даже сама писала комедіи и либретто. Стоило государынѣ показать, что она любитъ искуство, чтобы общество полюбило его сейчасъ же. Ея вельможи тратятъ сотни тысячъ на картинныя галлереи, оркестры и свои *собственныя* труппы изъ

Digitized by Google

крѣпостныхъ. Дома такихъ богачей, какъ Строгановы, князья Бѣлосельскіе, Щербатовы, Нарышкины и многіе другіе становятся разсадниками русскаго искуства. Современный театральный лѣтописецъ упоминаетъ о театрахъ графа П. Б. Шереметева, князя П. М. Волконскаго, графа З. Г. Чернышева, гдѣ ставились оперы. Нѣкоторые меломаны заводили нетолько собственныхъ исполнителей, но и собственныхъ композиторовъ. Напримѣръ, къ оперѣ Хераскова «Милена» музыка была написана крѣпостнымъ человѣкомъ кн. П. М. Волконскаго, имя котораго такъ и осталось неизвѣстнымъ.

Между всѣми этими любителями музыки и театра были навѣрное и искренніе цѣнители того и другого. Но въ большинствѣ случаевъ ими руководилъ обычай, мода. За богачами и вельможами потянулся и второй слой общества—богатые дворяне; за вторымъ и третій—помѣщики средней руки, «не то что особенно богатые». И у нихъ неизбѣжно заводятся актеры и музыканты, «ну, хоть понемногу, а все-таки человѣкъ по десяти... Тогда такъ было принято и... казалось... что иначе и быть не могло». (Разсказы бабушки. «Рус. Вѣст.» 1878 № 4 стр. 714).

Дворянство, развлекавшее себя до тѣхъ поръ охотою, шутами и шутихами, вдругъ нашло новую забаву въ *своихъ* театрахъ и оркестрахъ. При восточной обрядности тогдашней русской жизни, эта новая забава вошла въ обычай, въ правило. Ни одно семейное торжество не обходилось безъ музыки или театральнаго представленія. Гостей считали долгомъ «угостить» музыкантами или актерами. «Мы были *угощены* оперою и балетомъ», разсказываетъ гр. Комаровскій про свое пребываніе въ имѣніи гр. Ильинскаго. (Рус. Арх. 1867)... По вечерамъ «бабушка *угощала* насъ доморощенными музыкантами и пѣвцами», говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» Е. А. Хвостова (Вѣст. Евр. 1869 № 8). А по торжественнымъ днямъ «въ семействѣ, въ большой залѣ съ колоннами и хорами устраивались домашніе театры; актерами были тѣже пѣвцы и пѣвицы, музыканты тоже зачастую перебѣгали изъ оркестра на сцену, перемѣняя по обстоятельствамъ смычокъ на шпагу или на палку. Покойный мужъ бабушки ввелъ въ ея домѣ всѣ эти полубоярскія затѣи, а бабушка, несмотря на свою скупость, продолжала начатое имъ...» (стр. 694).

И вотъ у насъ создается нѣчто подобное древнему Риму. Какъ тамъ господа имѣли труппы актеровъ-рабовъ, держали рабовъ ученыхъ и воспитателей, такъ и у насъ заводятся крѣпостныя труппы, крѣпостные художники и нерѣдко учителя выбираются также изъ крѣпостныхъ.

Digitized by Google

Въ Римѣ театръ былъ достояніемъ грека-раба. Въ продажѣ имѣлись цѣлыя сформированныя труппы артистовъ. Тотъ, кто покупалъ ихъ—становился полнымъ ихъ властелиномъ. Онъ заставлялъ актеровъ потѣшать себя, когда только ему этого хотѣлось; иногда перепродовалъ, иногда возилъ изъ города въ городъ и давалъ представленія съ разрѣшенія мѣстныхъ властей. «Рабъ долженъ былъ олицетворять благородныя чувства трагедіи или свободный юморъ комедіи. Рабъ изображалъ высокомѣрнаго властелина, продажная женщина—цѣломудренную дѣвушку. Рабы-артисты смѣялись, но, вглядѣвшись въ нихъ, всякій увидѣлъ бы подъ этой маской напускной веселости, по свидѣтельству Луціана, трагедію, полную горя и слезъ [1]»...

У насъ, въ Россіи, является тоже самое. Рабъ выступаетъ на сцену. Изъ забитаго мужика—онъ становится властелиномъ, полнымъ благородныхъ порывовъ; раба превращается въ повелительницу и неприступную весталку. И тотъ, и другая, когда было нужно—смѣялись, но въ нихъ, какъ и въ грекахъ-рабахъ, можно было подмѣтить «трагедію, полную горя и слезъ»... Эта трагедія, порою, была ясна даже и не для чуткаго человѣка, такъ какъ давала себя знать просто вещественными признаками. Вигель, въ своихъ «воспоминаніяхъ», разсказываетъ про театръ Г. Г. въ Пензѣ: «Въ немъ все было какъ водится, и партеръ, и ложи, и сцена. На эту сцену выгонялъ онъ всю дворню свою, отъ дворецкаго до конюха и отъ горничной до портомойки. Онъ предпочиталъ трагедіи и драмы, но для перемѣны заставлялъ иногда играть и комедіи. Послѣднія шли хуже первыхъ, если могло быть только что-нибудь хуже первыхъ. Все это были какія-то страдальческія фигуры, все какъ-то отзывалось побоями и нѣкоторые увѣряли, будто на лицахъ, сквозь румяна и бѣлилы, были иногда замѣтны синія пятна.»

Но современной публикѣ была видна только одна сторона медали—забава, и никому не приходило желанія знать оборотную сторону ея. Мѣсто всѣхъ этихъ *своихъ* музыкантовъ, актеровъ, живописцевъ, *своихъ* архитекторовъ и учителей въ праздничной сторонѣ барской жизни; о нихъ вспоминается, въ большинствѣ случаевъ, съ казоваго конца, въ разсказахъ, какъ весело «въ старину живали дѣды». Роскошныя барскія палаты выстроены *своимъ* архитекторомъ, портреты всей семьи пишутся *своимъ* живописцемъ, лукуловскіе обѣды, приготовленные *своими* поварами, съѣдаются подъ аккомпаниментъ *своего* оркестра. Дѣти учатся у своего крѣпостного учителя и сами господа распоряжаются

[1] Wallon. Histoire de l'esclavage. T. II. P. 122, 123.

Digitized by Google

ученостью, талантами и знаніемъ раба, какъ своею собственностью. Это сознаніе чувства собственности и было главнымъ элементомъ въ наслажденіи искуствомъ русскаго барина. «Это все мои дворовые ребята!» кричалъ одинъ помѣщикъ зрителямъ въ лучшій моментъ представленія [1]. Другой помѣщикъ — Кологривовъ не ходилъ въ общественные театры, потому что не могъ имѣть тамъ значенія хозяина, властелина... «А у меня на сценѣ, говорилъ онъ:—когда я приду, всѣ актеры раскланиваются...» Для такого удовлетворенія, онъ, пріѣзжая въ Петербургъ, привозилъ изъ деревни, вмѣстѣ съ псарней, и свой оркестръ и всю театральную труппу. Римлянинъ, покупая образованнаго грека, былъ полнымъ властелиномъ его знаній и считалъ себя ученымъ человѣкомъ, имѣя у себя ученаго раба. Такъ богачъ Сабиній имѣлъ претензію на большую образованность, хотя самъ не могъ запомнить даже имена Ахилла, Улисса и Пріама. Онъ за дорогую плату купилъ раба, знающаго наизусть Гомера, другого, знающаго Гезіода, и еще девять рабовъ, выучившихъ девять разныхъ поэтовъ. Онъ заплатилъ за нихъ очень дорого [2], потому что готовыхъ съ такими познаніями въ природѣ не имѣлось и ихъ надо было приготовить на заказъ. Рабы стояли за стуломъ Сабинія и подсказывали ему стихи, вставляемые имъ на каждомъ шагу въ рѣчь, почти всегда не впопадъ и очень часто въ искаженномъ видѣ. И все-таки онъ имѣлъ внутреннее убѣжденіе, что вся эта ученость была его собственностью и гордился ею. Нашъ помѣщикъ поступалъ почти также. Онъ иногда покупалъ готоваго артиста, иногда давалъ образованіе своему крѣпостному, развивалъ въ немъ какой-нибудь талантъ и потомъ распоряжался какъ своимъ собственнымъ образованіемъ или своимъ собственнымъ талантомъ. Заводчикъ Твердышевъ своего крѣпостного человѣка, Дороѳея Серебрякова, обучалъ въ славяно-греко-латинской академіи латинской и русской словесности, а потомъ у лучшихъ московскихъ докторовъ врачебному искуству. Многіе господа посылали своихъ музыкантовъ за-границу и образовывали изъ нихъ композиторовъ. Но и ихъ творчество поступало въ полное владѣніе барина. Помѣщикъ, владѣя «душами», имѣлъ право и на всѣ ихъ порывы, на всѣ вдохновенія; онъ могъ заставить ихъ служить ему на потѣху или на выгоду. Очень часто помѣщики просто спекулировали талантами своихъ крѣпостныхъ. Такъ, разорившійся кн. Одоевскій жилъ на счетъ своего оркестра. Его крѣпостные музыканты, ходя въ разныя

[1] Журналъ драматическій, 1811 г. Ч. II, стр. 236.

[2] По свидѣтельству Сенеки, Сабиній далъ по 100,000 сестерцій за штуку.

Digitized by Google

мѣста играть и получая плату, содержали его сіятельство. Многіе помѣщики отпускали своихъ актеровъ и музыкантовъ наниматься въ городскихъ театрахъ (конечно, въ пользу барина); нѣкоторые сами содержали труппы въ городахъ и давали представленія за деньги. Бо́льшая же часть подчиняла всѣ дарованія раба себѣ на потѣху и на удовлетвореніе мелкаго тщеславія. А для этого, если настоящихъ талантовъ не было—ихъ приготовляли. Помѣщикъ, по своему желанію, могъ создать изъ пахаря артиста, какъ изъ артиста пахаря. Производство въ артисты дѣлалось, въ большинствѣ случаевъ, такъ, какъ забриваніе въ солдаты. Палка, конечно, играла тутъ главную роль. Изъ Прошки или Сидорки «выбивался» скрипачъ; изъ Матрешки—трагическая королева или исполнительница pas de châle. Понятно, что сплошь и рядомъ приходилось наталкиваться на бездарность. «Святое искуство», какъ выражались, можетъ быть, помѣщики въ пріятныхъ бесѣдахъ съ барышнями, терзалось безъ всякой пощады. Бездарность насильно втягивалась въ «храмъ искуства», подгоняемая кнутомъ, на потѣху людей съ азіатскими вкусами. Прошка, ходившій спокойно за сохой, попадалъ почему-нибудь въ «жрецы искуства» и проклиналъ его. Онъ портилъ роль или фальшивилъ въ оркестрѣ, его пороли, онъ проклиналъ, опять фальшивилъ, его опять пороли...

И такъ безъ конца. Можно себѣ представить, каково было искуство съ такими антрепренерами, режиссерами и артистами. Первый теноръ въ извѣстной труппѣ графа Каменскаго въ Орлѣ былъ, по словамъ графа Бутурлина, «чистый холопъ», пѣлъ, не разставаясь ни на минуту съ носовымъ платкомъ, который онъ комкалъ въ рукахъ и въ который поминутно плевалъ; басъ «пѣлъ брюхомъ», а примадонна пронзительно пищала [1]. У одного помѣщика во время представленія аллегорическаго балета «Амуръ и Психея» рослый Амуръ и дородная Психея, ободряемые всеобщими рукоплесканіями, такъ скакали на сценѣ, что головами задѣли «ребятъ», висѣвшихъ на веревкахъ и изображавшихъ *радости, смѣхъ, игры*... Ребята разревѣлись, а публика осталась въ восторгѣ. У другого барина собака чуть не порвала въ клочки актера, изображавшаго роль медвѣдя... Артисты бросились къ нему на помощь и еле-еле спасли его, а зрители смѣялись на весь театръ. Когда «медвѣдя» выручили, баринъ закричалъ: «Продолжайте, дураки! Собаку повѣсить, а между тѣмъ мы досмотримъ, чѣмъ кончится опера»... [2] У третьяго актеры серьёзно передрались на сценѣ.

---

[1] «Русск. Арх.», 1869, № 10.

[2] «Журн. Драмат.», 1811 г. II, стр. 238.

Digitized by Google

Но это только комическая сторона, хотя и въ ней смѣшного мало. Съ ней почти всегда тѣсно сплеталась сторона трагическая, такъ что порой нельзя было разобрать, гдѣ кончалась одна и гдѣ начиналась другая. У гр. Каменскаго въ театрѣ, гдѣ подвизался басъ, «пѣвшій брюхомъ», висѣла на стѣнѣ громадная плеть; въ антрактахъ графъ снималъ ее, «шелъ за кулисы и разсчитывался съ виновнымъ собственноручно, такъ сказать публично, потому что вопли наказуемыхъ отчетливо слышались зрителями». И этотъ графъ Каменскій слылъ за неистоваго меломана; онъ не щадилъ денегъ на театръ; у него было два оркестра музыки, человѣкъ по сорока въ каждомъ, роговой и инструментальный; у него ставились, постоянно мѣняясь, комедіи, драмы, оперы и балеты. Въ одномъ «Калифѣ Багдадскомъ» «шелку, бархату, вышитаго золотомъ, ковровъ, страусовыхъ перьевъ и турецкихъ шалей было болѣе, чѣмъ на тридцать тысячъ рублей». Но отъ всего этого его артистамъ не было легче. Они все-таки были въ совершенной зависимости отъ его взбалмошной, дикой натуры. Актрисы у него содержались въ заперти, въ четырехъ стѣнахъ, какъ бы въ гаремѣ и кромѣ какъ въ театръ никуда не выходили. И когда графъ Бутурлинъ и одинъ офицеръ, Тѣлесницкій, захотѣли поухаживать за одной изъ premières amoureuses и послали ей записку — у графа Каменскаго разлилась желчь, вслѣдствіе чего онъ распорядился патріархально съ несчастной «première amoureuse», т. е. высѣкъ ее. Кромѣ того, и на сценѣ артистъ ни на минуту не освобождался отъ графской власти; графъ на каждомъ шагу предъявлялъ свои требованія и исполнители должны были безпрекословно подчиняться имъ. Такъ, напримѣръ, у графа явилась фантазія, чтобы актеры вызубривали свои роли слово въ слово и играли бы безъ суфлера. Онъ тщательно слѣдилъ за всякой ошибкой актера, вписывалъ всѣ малѣйшія отступленія въ книжку и въ ближайшемъ антрактѣ производилъ собственноручную расправу за нихъ.

И какъ бы ни были нелѣпы требованія барина—исполненіе ихъ было обязательнымъ. Для него самого это безусловное подчиненіе было одною изъ главныхъ сторонъ наслажденія; для исполнителей угожденіе барину, его вкусу, его капризамъ было единственнымъ мѣриломъ, а страшный призракъ «конюшни»— единственнымъ двигателемъ въ искуствѣ. Все сводилось только тому: барину такъ угодно, не угодишь — выдерутъ. И потно, что всѣ помыслы, все вдохновеніе и всѣ стремленія поднялись желанію не прогнѣвить барина и избѣжать конюшни. Передъ самой «эмансипаціей» жилъ въ Россіи нѣкій господинъ Б. По наслѣдству отъ отца, онъ, вмѣстѣ съ крѣпостными

Digitized by Google

душами, получилъ и страсть къ пѣнію и музыкѣ. Отецъ его пріобрѣлъ извѣстность своими музыкантами, пѣвчими и шутами. Къ нему гости наѣзжали толпами, зная его умѣнье веселиться и веселить другихъ. Бывало сядутъ обѣдать и начинается потѣха... «Позади барина И. Н—ча станетъ старикъ Ѳ., въ кафтанѣ изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ. Баринъ ѣстъ, а старикъ сзади каркаетъ по вороньи: «каръ! каръ!» Баринъ черезъ плечо броситъ ему кусочекъ, тотъ и старается схватить его ртомъ. Какъ схватитъ, то и начнетъ глотать его, а самъ «ку-ку», какъ бы давится. Всѣ гости и баринъ забьютъ въ ладоши и захохочутъ. Если же не поймаетъ, то долженъ взять его съ полу ртомъ. Лишь только станетъ нагибаться, а баринъ щелкъ его ложкой по лбу. Нагнется, станетъ губами брать кусочекъ, а баринъ и пхнетъ его ногой, онъ нарочито перевернется на спину и начнетъ мотать и руками, и ногами, а самъ все «каръ, каръ»... Только станетъ подниматься, а его еще пхнетъ сосѣдъ барина, опять вверхъ ногами и опять «каръ, каръ»... Ну, всѣ и хохочутъ до упаду—распотѣшили!..» Иногда на помощь старику Ѳ. приходила къ обѣду и старуха-шутиха. «Только войдетъ она, имъ баринъ и броситъ на полъ кусочекъ хлѣба или мяса. Они кинутся и начнутъ отнимать другъ у друга. Вцѣпятся другъ другу въ волосы, исцарапаютъ одинъ другому до крови лица, валяются, пихаютъ одинъ другого, а бары-то хохочутъ, а бары-то хохочутъ...» [1]

Сыну И. Н—ча стало уже неприлично веселиться такимъ образомъ. Неприлично—не по существу, а просто оттого, что мода на шутовъ и шутихъ прошла. Баре стали потѣшать себя болѣе «цивилизованными» потѣхами, хоть и на подкладкѣ того же необузданнаго деспотизма и циничной грубости. Вмѣсто шутовъ, сынъ И. Н—ча завелъ себѣ домашній театръ и оркестръ. Кромѣ того, у него остался еще отцовскій хоръ пѣвчихъ, гдѣ бо́льшая часть дискантовъ, альтовъ и теноровъ были дѣвушки и женщины. Когда собирались гости, вмѣсто старика, каркавшаго по-вороньи, являлись пѣвчіе или музыканты и забавляли господъ. Разъ какъ-то пріѣхалъ къ нему, въ числѣ прочихъ гостей, и сельскій священникъ, авторъ цитируемыхъ «Записокъ». Началось угощеніе. «Позвали пѣвчихъ. Н. И—чъ (хозяинъ) и гость его Т. всею душею впились въ пѣніе, сидятъ, слушаютъ, не шевельнутся, не дышатъ...» Настоящіе любители! «Вдругъ Н. И—чъ самымъ нѣжнымъ, самымъ отеческимъ, преисполненнымъ ласки тономъ протяжно сказалъ: «Ахъ, Ѳединька!» Одинъ изъ теноровъ покрас-

[1] *Записки сельскаго священника.* «Русск. Старина». 1880. Январь. 66.

Digitized by Google

нѣтъ и незамѣтно попятился назадъ; потомъ дальше и дальше, тихонько, наконецъ, совсѣмъ вышелъ. Минутъ черезъ пятнадцать этотъ теноръ, красный уже совсѣмъ, пришелъ опять, незамѣтно пробрался на свое мѣсто и сталъ пѣть снова. Вечеромъ братъ мой спросилъ одного изъ прислуги: «Что это значитъ, что баринъ вашъ сказалъ: «Ѳединька», одинъ изъ теноровъ покраснѣлъ, незамѣтно вышелъ и потомъ красный совсѣмъ уже пришелъ опять и опять сталъ пѣть?»

— Это у насъ значитъ, что Ѳединька ходилъ на конюшню, тамъ ему задали двадцать пять горячихъ, вотъ онъ и покраснѣлъ.

— Но вѣдь баринъ не видитъ, можно и не сѣчь?

— Нѣтъ, у насъ этого не бываетъ. И кучера, и розги для насъ всегда готовы, и тамъ сидитъ такой Іуда, что онъ отъ себя еще прибавитъ, не то чтобъ убавить. А чтобъ вовсе не сѣчь! Да баринъ на смерть запоретъ всѣхъ.

— Ну, а если кто ошибется два-три раза?

— Такъ что-жь? Развѣ у барина лѣсу на розги не достанетъ? Отпорятъ и два, и три раза. У насъ и баринъ, и управляющіе люди добрые—лѣсу для насъ не жалѣютъ...»

Эти ужасныя слова, сказанныя такъ просто, отзываются цинизмомъ. И въ нравахъ крѣпостного права сплошь и рядомъ можно было натолкнуться на подобный тонъ. Рабство, уничтожающее въ человѣкѣ человѣка, обезличивающее его до нуля, отнимало у него зачастую и сознаніе своего унизительнаго положенія, и возможность возмущаться имъ. Ѳединькѣ двадцать пять горячихъ кажутся совершенно естественными, онъ покорно пошелъ за ними, получилъ, покраснѣлъ только и, какъ ни въ чемъ не бывало, пришелъ снова пѣть. И его собратьямъ не кажется это противоестественнымъ; а главное, не кажется это уродливымъ и цивилизованному Н. И—чу, котораго уже не удовлетворяютъ грубыя развлеченія шутами и шутихами. Онъ былъ страстнымъ любителемъ музыки и пѣнія, онъ совершенствовалъ свой оркестръ и хоръ всѣми способами, не задумываясь о чудовищности ихъ. Онъ стремился, напримѣръ, удивлять всѣхъ своими пѣвчими и впродолженіи всей обѣдни не пропускалъ безъ вниманія ни одной ноты. «Каждая ошибка на полтона, говоритъ сельскій священникъ:—замѣчалась имъ: «Ты, Саша, опять сфальшивила въ «Достойно» ля—дізное, а ты, Даша, въ концертѣ, въ «Пріидите» — ди-фисъ...» Регентъ сейчасъ долженъ былъ сказать объ этомъ управляющему, а тотъ вписывалъ и Сашѣ, и Дашѣ уже безъ всякой фальши. Цѣна и дізовъ, и бемолей была извѣстна: 25. Вечеромъ эти же и Саша, и Даша должны были играть въ

Digitized by Google

домашнемъ театрѣ на сценѣ и разыгрывать какихъ-нибудь княгинь и графинь. Въ антрактѣ баринъ входилъ за кулисы и говорилъ: «Ты, Саша, не совсѣмъ ловко выдержала свою роль: графиня NN должна была держать себя съ бо́льшимъ достоинствомъ». И 15 – 20 минутъ антракта Сашѣ доставались дорого: кучеръ поролъ ее съ полнымъ своимъ достоинствомъ!.. Затѣмъ опять та же Саша должна была или держать себя съ полнымъ достоинствомъ графини, или играть въ водевилѣ и отплясывать въ балетѣ.

Трудно понять, какимъ образомъ люди могли наслаждаться удовольствіями, построенными на такомъ уродливомъ фундаментѣ. Приведенное свидѣтельство сельскаго священника стоитъ вовсе не одиноко. Массу подобныхъ же разсказовъ можно встрѣтить у иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Съ повѣствованіями объ удовольствіяхъ русскихъ баръ фатально сплетаются разсказы о всевозможныхъ униженіяхъ, какимъ подвергались люди, предназначенные увеселять своихъ властелиновъ. Иностранцамъ, привыкшимъ ставить искуство на высокій пьедесталъ и относиться съ полнымъ уваженіемъ къ жрецамъ его, казалось чудовищнымъ то, что̀ имъ приходилось видѣть у насъ на каждомъ шагу. Одинъ французъ, долго жившій въ Россіи—De Passenans—попалъ въ деревню къ нѣкоему помѣщику Б. Тотъ угостилъ его, конечно, спектаклемъ. Де-Пассенанса не могло не поразить какъ «самъ Б. во время представленія, съ трубкой во рту, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ, ходилъ между кулисами, подбадривая словами и *жестами* своихъ крѣпостныхъ артистовъ». Въ первый вечеръ моего пріѣзда, разсказываетъ де-Пассенансъ, играли *Дидону*. Каска Энея, съ пѣтушиными перьями, мнѣ казалась великолѣпной; корона Дидоны изъ золотой бумаги съ разноцвѣтными стеклами была превосходна. Въ одной сценѣ г-ну Б. не понравилась игра актрисы, исполнявшей роль Дидоны. Онъ быстро идетъ на сцену и хлещетъ по щекѣ несчастную Дидону, со словами: «Я говорилъ, что поймаю тебя на этомъ. Послѣ представленія ступай на конюшню за заслуженной наградой». Дидона, поморщившись отъ пощечины, приняла снова гордый видъ и продолжала свою арію какъ ни въ чемъ не бывало». [1]

О свободномъ творчествѣ, о вдохновеніи художника тутъ, понятно, и рѣчи быть не можетъ. Здѣсь должно только удивляться выносливости человѣка. Дидонѣ даютъ пощечину, а она продолжаетъ пѣть, какъ ни въ чемъ не бывало. Ѳединьку порятъ

[1] *De Passenans.* La Russie et l'esclavege, II, 140—141.

Digitized by Google

на конюшнѣ, а онъ также сейчасъ же возвращается въ хоръ, «какъ ни въ чемъ не бывало». «Ни одна сталь, никакой камень не выдержали бы того, что должна была выносить и выносила человѣческая натура!» говоритъ очевидецъ. Сельскій священникъ, оставившій намъ свои «записки», стоялъ близко къ помѣщичьей жизни, видѣлъ ее безъ прикрасъ и безъ прикрасъ нарисовалъ ее. «Какъ ни бьешься, какъ не стараешься, говоритъ онъ:—но никакъ не можешь представить себѣ, чтобы люди, да еще дѣвицы, послѣ розогъ и вдобавокъ разогъ кучерскихъ, забывая и боль и срамъ, могли мгновенно превращаться или въ важныхъ графинь «съ достоинствомъ» или прыгать, хохотать отъ всей души, любезничать, летать въ балетѣ и т. п., а между тѣмъ дѣлать были должны и дѣлали, потому что онѣ опытомъ дознали, что если онѣ не будутъ тотчасъ изъ-подъ розогъ вертѣться, веселиться, хохотать, прыгать, то опять кучера... Онѣ знаютъ горькимъ обытомъ, что даже за малѣйшій признакъ принужденности ихъ будутъ сѣчь опять и сѣчь ужасно. Представить ясно такое положеніе невозможно, а однакожь все это было. Еслибъ понадобилось, то эти и Саши, и Даши, и Маши еще живы, и могли бы увѣрить всякаго лично... Я думаю, что такія усилія, чтобы тотчасъ изъ-подъ кучерскихъ розогъ хохотать и плясать можетъ дѣлать человѣкъ только или при непомѣрномъ страхѣ, или когда онъ доведенъ до скотоподобія. Какъ шарманщики палками и хлыстами заставляютъ плясать собакъ, такъ и помѣщики, подобные хорошему моему знакомому Н. И—чу, розгами и кнутьями заставляли смѣяться и плясать людей...»

Во всѣхъ этихъ Машахъ, Сашахъ и Ѳединькахъ человѣческаго оставалось, конечно, очень мало; человѣкъ систематически вышибался изъ нихъ безъ борьбы, безъ сопротивленія. Да и какая борьба была возможна, когда у барина были въ рукахъ всѣ средства для укрощенія строптивыхъ. Даже Болотовъ, терзавшій самъ крѣпостныхъ, свидѣтельствуетъ, что для помѣщиковъ бить своихъ людей сдѣлалось просто потребностью. Кто стоялъ ближе къ барину, тотъ чаще и подвергался мучительствамъ; надъ дворовыми, назначенными для забавъ барина, вѣчно висѣла палка. Тотъ же Де-Пассенансъ говоритъ, что какъ ни старался онъ не быть свидѣтелемъ истязаній — они такъ часты, такъ обычны въ деревняхъ, что невозможно не слышать сплошь и рядомъ криковъ несчастныхъ жертвъ безчеловѣчнаго произвола. Эти унизительные вопли преслѣдовали его даже во снѣ. «Сколько разъ, говоритъ онъ:—проклиналъ я мое знаніе русскаго языка, когда слышалъ, какъ отдавали приказы о наказаніяхъ».

И никакой талантъ, никакое искуство не освобождали чело-

Digitized by Google

вѣка отъ послѣднихъ степеней позора—все было въ рукахъ барскихъ. Одно сознаніе этого уже отнимало всякую возможность бороться и доводило, большей частью, крѣпостныхъ до того счастливаго скотоподобія, съ помощью котораго только и возможно было смириться и продолжать существованіе. Хорошо говорить, что лучше быть недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольной свиньей. Дѣйствительно лучше, но не тогда, когда лучше быть свиньей, которая не можетъ взглянуть на небо и тѣмъ гарантирована отъ «милліона терзаній», знакомыхъ Сократу.

И такимъ-то забитымъ, потерявшимъ нравственный человѣческій образъ созданіямъ было отдано искуство и служеніе ему. Бездарность гналась кнутомъ въ храмъ творчества и мысли. Тысяча тупоумныхъ, забитыхъ людей, разсыпанныхъ по Россіи, уродовали искуство и топтали его въ грязь безсознательно, по чужому приказанію.

Число прислуги въ помѣщичьихъ домахъ начинаетъ расти съ половины XVIII вѣка и доходитъ иногда до чудовищной цифры. Такъ у гр. Орлова, по свидѣтельству Клэркэ, было до пятисотъ слугъ. Въ это число входили, конечно, и всѣ домашніе артисты. У гр. П. Б. Шереметева въ составѣ дворовaго штата числились: архитекторъ, лекарь, живописцы, актеры, актрисы, пѣвицы и учителя. У гр. В. Орлова, въ его имѣніи Отрада, были, кромѣ своихъ музыкантовъ, актеровъ, архитекторовъ и живописцевъ, даже крѣпостной астрономъ и крѣпостной богословъ (онъ же и камердинеръ).

И все это зависѣло лишь отъ мановенія волшебнаго жезла помѣщика. Барину стоило приказать и дворовый—послѣ извѣстной подготовки — являлся передъ нимъ въ видѣ музыканта, актера или учителя. А то и вся дворня могла превратиться въ оперную труппу и кучера должны были разучивать каватины, какъ у извѣстнаго графа П. М. Скавронскаго. Этотъ богачъ любилъ музыку почти до сумасшествія. Онъ требовалъ отъ своихъ слугъ, чтобы они говорили съ нимъ не иначе, какъ речитативомъ. Выѣздной лакей, приготовившись по нотамъ, сочиненнымъ его господиномъ, докладывалъ пріятнымъ сопрано, что карета его сіятельства подана. Метръ д'отель объявлялъ гостямъ торжественнымъ напѣвомъ, что подано кушать, кучеръ объяснялся съ бариномъ густыми октавами протодьяконовскаго basso profundo. Во время парадныхъ обѣдовъ и баловъ графскіе слуги составляли дуэты, тріо и хоры, такъ что гостямъ казалось, будто они пьютъ и ѣдятъ въ оперной залѣ. И самъ графъ отдавалъ приказанія своимъ слугамъ не иначе какъ пѣніемъ. [1]

[1] Михневичъ. Исторія музыки въ Россіи.

Digitized by Google

Съ такою же легкостью каждый изъ этихъ импровизированныхъ артистовъ могъ попасть и на амплуа воспитателя господскихъ дѣтей. Иногда учителю приходилось дѣлать наставленія, чтобы онъ «избѣгалъ брани, клятвы, божбы, клеветы, лжи, сквернословія, особенно же гнуснаго порока пьянства, обхожденія съ непотребными женщинами»... (инструкція, данная Лунинымъ).

За богачами потянулись и помѣщики средней руки. Страсть къ роскоши обуяла всѣхъ и у нѣкоторыхъ дворянъ 10% крестьянъ были обращены въ дворовыхъ. Бывали и обратные случаи перевода крѣпостныхъ со двора на пашню. Такъ Генералиссимусъ Суворовъ, много хлопотавшій объ устройствѣ хороша го оркестра въ своемъ имѣніи Колчанскомъ, велѣлъ посадить на пашню, между другими дворовыми, пятерыхъ музыкантовъ, вслѣдствіи донесенія управляющаго о неурожаѣ.

Очень можетъ быть, что въ данномъ случаѣ такая мѣра была благодѣяніемъ для «Герасима Васильева» или «Наума Соколова». Въ большинствѣ случаевъ пашенному крестьянину жилось гораздо легче, чѣмъ дворовому. Во-первыхъ, чѣмъ дальше отъ глазъ барина, тѣмъ дышалось свободнѣе; во-вторыхъ, тамъ «Наумъ Соколовъ» дѣлалъ несомнѣнно *свое* дѣло, чего отнюдь не было въ роли первой скрипки, или героя классической трагедіи, при всемъ желаніи помѣщика «обучить» его этому—чуждому ему дѣлу.

Обученіе искуству происходило обыкновенно очень просто. «Ивановъ обучаетъ пѣвчихъ съ прилежаніемъ по моему наставленію, пишетъ Суворовъ своему управляющему. Николай—управитель музыкантовъ, у него подъ предводительствомъ музыка; Ерофѣевъ имѣетъ обучить трагедіямъ и комедіямъ свой штатъ... Помни музыку нашу — вокальный и инструментальный хоры и чтобъ не уронить концертное. А простое пѣніе всегда было дурно и больше кажется его испортилъ Бочкинъ великимъ гласомъ съ кабацкаго. Когда они въ Москвѣ пѣвали съ Голицынскими пѣвчими сіе надлежало давно обновить и того единожды держаться. Театральное нужно для упражненія и невиннаго веселія. Всѣмъ своевременно и платье надѣлать. Васька комикомъ хорошъ. Но трагикомъ будетъ лучше Никитка. Только должно ему научиться выраженію, что легче по запятымъ, точкамъ: двоеточіямъ, восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ риѳмахъ выдетъ легко. Держаться надобно каданса въ стихахъ, подобно инструментальному такту, безъ чего ясности и сладости въ рѣчи не будетъ, ни восхищенія, о чемъ ты все сіе подтвердительно растолкуй»... [1]

[1] Генералиссимусъ Суворовъ. Н. Рыбкинъ. Стр. 64.

Digitized by Google

По такому простому рецепту Никитка становится трагикомъ, не чувствуя къ этому нетолько призванія, но часто и простой охоты. Послѣ того, какъ онъ достаточно выучится «ясности и сладости въ рѣчи», его выпускаютъ на сцену въ королевской мантіи или въ костюмѣ какого-нибудь трагическаго героя. Онъ, разумѣется, почти навѣрное, не понимаетъ того, что говоритъ: слова, хоть и не всѣ, пожалуй знакомыя, но совокупность ихъ, изъ которой слагается величественная рѣчь короля, или язвительная реплика злодѣя пьесы, или трогательное утѣшеніе наперсника—совсѣмъ ему чужая. Притомъ же онъ весь отдался страху наказанія и желанію не прогнѣвить барина. Опускается занавѣсъ и любящій искуство помѣщикъ, возмущенный плохимъ исполненіемъ трагика, влетаетъ на сцену, угощаетъ «героя» пощечинами и отсылаетъ его на конюшню. Трагикъ подбираетъ свою мантію, и идетъ расплачиваться за служеніе искуству. Конечно, онъ сотни разъ завидуетъ своимъ братьямъ, которые косятъ сѣно, пашутъ поля и знать не знаютъ королевскихъ мантій. Точно также и та Дидона, о которой говоритъ Де-Пассенансъ, навѣрно была гораздо счастливѣе, работая въ огородѣ, чѣмъ расхаживая по сценѣ «въ бумажной коронѣ съ разноцвѣтными стеклами» и ожидая каждую минуту какъ выскочитъ баринъ и начнетъ «хлестать ее по щекамъ». Или та Сапна, которая, по разсказу сельскаго священника, не могла изобразить графиню съ истинно графскимъ достоинствомъ.

При такомъ ходѣ дѣла, изо всѣхъ искуствъ подневольнымъ артистамъ легче всего доставалась музыка. Ей обучали какъ ремеслу и часто достигали очень удачныхъ результатовъ. «Если у генерала, разсказываетъ Веберъ:—остался какой-нибудь молодой парень, или уже и пожилой, котораго нужно обучить полковой музыкѣ, то такого, хотя бы онъ никогда не слыхивалъ никакой музыки, и не имѣлъ къ ней ни малѣйшей способности, отдаютъ на извѣстное время къ учителю для обученія церковному пѣнію, менуэтамъ и пр. Если же учащійся въ это время не успѣлъ, то его бьютъ батогами, ради исправленія, до тѣхъ поръ и такъ часто, пока онъ не научится и не станетъ играть...» [1]

По этому рецепту приготовлялись и сотни помѣщичьихъ оркестровъ. «Когда русскій баринъ, говоритъ Де Пассенансъ:—хочетъ сформировать у себя оркестръ, онъ призываетъ къ себѣ дѣтей и распредѣляетъ между ними инструменты. И музыкантъ, завѣдующій оркестромъ, обязанъ ихъ выучить играть въ нѣсколько мѣсяцевъ. Всякому придетъ въ голову, что музыкантъ,

[1] Записки Вебера. Рус. Арх. 1873. ст. 117.

Digitized by Google

выученный изъ подъ палки, не можетъ быть хорошимъ артистомъ. Но однако, въ частныхъ оркестрахъ встрѣчаешь иногда положительные таланты». [1]

И дѣйствительно, изъ числа многихъ тысячъ, разсыпанныхъ по Россіи музыкантовъ и другихъ артистовъ, попадались иногда очень даровитые люди. Говоря о римскихъ рабахъ, какъ и у насъ насильственно вытянутыхъ въ сферѣ искуства и науки, Валлонъ приходитъ къ заключенію, что въ Римѣ только тѣ отрасли мысли и творчества процвѣтали, куда рабы не допускались, что вся масса рабской интеллигенціи не причемъ въ созданіи римскаго права, римскаго ораторскаго искуства, римской исторіографіи. «Благородныя искуства не поддаются рабской рукѣ», замѣчаетъ Валлонъ. Въ общемъ и относительно цѣлыхъ отраслей искуства это, конечно, справедливо. Такъ было и у насъ. Выше всего въ области искуства стояла у насъ, во времена крѣпостного права, литература и въ ней крѣпостные составляли рѣдкое исключеніе; ниже всего драматическое искуство, и огромную часть его представителей составляли крѣпостные. Но если смѣшно даже и доказывать, что крѣпостные трагики и комики не могли двигать свое искуство впередъ, способствовать его процвѣтанію, то все-таки нельзя не признать, что и между ними могли быть крупныя дарованія. Природа никогда не теряетъ своихъ правъ. Среди мрака бездарности вдругъ, то здѣсь, то тамъ, прорывался яркій лучъ таланта. Случалось, что какой-нибудь Никитка, самъ того не подозрѣвая, таилъ въ себѣ зерно драматическаго дарованія. Оно, попадая на сколько-нибудь благопріятную почву, принялось и готово развиться. Никитка можетъ понять роль, онъ весь въ ней, весь преисполненъ сильныхъ порывовъ и благородныхъ чувствъ. Онъ забылъ нетолько о конюшнѣ и розгахъ, но и о томъ, кто онъ, и гдѣ онъ... И вдругъ какой-нибудь жестъ или слово, или быть можетъ даже самое увлеченіе ролью и игнорированіе барина вызовутъ помѣщичій гнѣвъ и опять явятся и пощечины, и розги, и сознаніе полнаго своего ничтожества. За минуту царь, онъ вдругъ становится безсловеснымъ скотомъ, котораго бьютъ сколько хотятъ.

Случалось, что и въ какой-нибудь Матрешѣ—Дидонѣ вдругъ, Богъ вѣсть откуда, проявлялось дарованіе. Она выходила на сцену не какъ раба, а какъ человѣкъ, съ свободнымъ чувствомъ, которому понятенъ особый міръ—міръ искуства, гдѣ царятъ кра-

[1] La Russie et l'esclavage. II P. 92.

Digitized by Google

сота и правда. Ей, какъ артисту, присуще художественное увлеченіе. Она забываетъ на сценѣ все... И вдругъ тяжелая пощечина отрезвляетъ ее. Она снимаетъ бумажную корону и должна покорно идти на конюшню за заслуженной наградой.

Тутъ уже начинается та страшная драма, о которой говоритъ Шевченко:

«Изъ-за куска насущной пищи
«Глупцу могучему годить—
«И мыслить, чувствовать и жить:
«Вотъ драма страшная, святая...

Пока Матреша или Саша, Никитка или Фединька не «мыслятъ» и «не чувствуютъ» — имъ страшна только физическая боль тѣлесныхъ наказаній. Но разъ въ нихъ пробудился артистъ — являются сейчасъ же гораздо болѣе сложныя и мучительныя страданія. Съ болью отъ пощечины связывается сознаніе оскорбленія человѣческаго достоинства и полнаго своего безсилія. Все существо возмущается, требуетъ протеста. Но надо молчать и знать, что никакое дарованіе не можетъ застраховать его отъ этихъ страданій. Напротивъ, почти всегда случалось такъ, что чѣмъ больше было дарованіе — тѣмъ болѣе приходилось выносить. Англійскій путешественникъ Клэркэ вынесъ изъ Россіи убѣжденіе, что здѣсь «геній является злымъ рокомъ, а умъ—паспортомъ въ Сибирь. [1]

Клэркъ путешествовалъ по Россіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія и «палка, господствовавшая по всему огромному государству»—возмущала его; объ униженіи артистовъ онъ не можетъ говорить спокойно. А графъ Вл. Орловъ-Давыдовъ, пять лѣтъ тому назадъ, издалъ біографію своего дѣда гр. Вл. Григ. Орлова, гдѣ мы встрѣчаемъ хладнокровное упоминаніе о приказѣ, данномъ дворецкому высѣчь крѣпостного архитектора за то, что «онъ снялъ кружало изъ подъ свода и вторично уронилъ сводъ въ кузницѣ». [2] Если въ 1878 году внуку не пришло даже въ голову выбросить этотъ позорный фактъ изъ біографіи дѣда, то можно себѣ представить, съ какою спокойною совѣстью распорядился съ своимъ архитекторомъ дѣдъ.

Графъ Орловъ-Давыдовъ говоритъ, что въ числѣ дворовыхъ были «престранныя личности», и что «вообще знатные дворовые отличались крайнимъ самолюбіемъ: богословъ былъ чрезвычайно заносчивъ, такъ что одному изъ зятьевъ графа, которому онъ

[1] Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie par M. Ed. Don. Clark P. 122.

[2] Біографическій очеркъ гр. Владиміра Григорьевича Орлова, составленный внукомъ его Гр. Вл. Орловымъ-Давыдовымъ т. II. стр. 2.

Digitized by Google

не захотѣлъ поклониться, далъ поводъ сдѣлать ему замѣчаніе на улицѣ съ угрозою, что въ другой разъ сниметъ самъ съ него шапку съ волосами вмѣстѣ» [1].

Рабу богослову, архитектору, артисту—кто бы онъ ни былъ—приходилось трепетать нетолько передъ барином, но и передъ всѣми чадами, домочадцами и любимцами его. Де-Пассенансъ приводитъ одну исторію, разсказанную какой-то Madame de Nerekoff. Г-жа Б. отпустила на нѣсколько мѣсяцевъ своего капельмейстера, и, чтобы музыканты не теряли времени, она приказала своему управляющему, не знавшему ни одной ноты, присутствовать на репетиціяхъ и при упражненіяхъ музыкантовъ. Иванъ принялся за обязанности капельмейстера. Онъ строгимъ взглядомъ окинулъ оркестръ и увидалъ, что первый басъ положилъ смычекъ и не играетъ. Капельмейстеръ, взбѣшенный ничего недѣланіемъ музыканта, *избилъ его своею дирижерской палкой*. Несчастный басъ уже послѣ игралъ не переставая и не обращая вниманія на паузы. А Иванъ остался очень доволенъ своимъ талантомъ дирижера. Присутствующія дамы смѣялись отъ души надъ этимъ «занимательнымъ» разсказомъ г-жи Нериковой.

Гдѣ было, при подобныхъ обстоятельствахъ, развиться настоящему художнику—неизвѣстно. А между тѣмъ встрѣчалось не мало примѣровъ, что изъ самой пучины этого мрака и жестокости вдругъ, какъ огонь изъ подъ земли, прорывался истинный талантъ, настоящее творчество. Если обстоятельства складывались хоть сколько-нибудь благопріятно—случайно заброшенное, Богъ вѣсть откуда, зернышко таланта развивалось въ роскошное растеніе, какъ напримѣръ, Щепкинъ. Въ большинствѣ же случаевъ оно засыхало съ первыхъ листковъ.

«Многіе русскіе художники, рожденные, повидимому, на славу своему отечеству, своимъ дарованіемъ къ скульптурѣ, живописи, гравюрѣ и другимъ искуствамъ кончали тѣмъ, что мѣняли культъ музъ на культъ Бахуса и изъ храма Аполлона отправлялись въ кабакъ», свидѣтельствуетъ Де-Пассенансъ.

Пьянство, какъ возможность забыться — было естественнымъ исходомъ для крѣпостного «артиста». Кто не могъ отъ побоевъ и нравственныхъ пинковъ оскотиниться—тотъ неизбѣжно пилъ «горькую», а кто не могъ и пить—кончалъ самоубійствомъ. Случаевъ самоубійства было очень много. «Контрастъ души свободной» съ цѣпями и ужасами рабства былъ невыносимъ. И стоило только крѣпостному человѣку вырваться на свободу хоть

[1] Тамъ же стр. 16.

Digitized by Google

ненадолго, чтобы онъ потомъ уже не ужился со своей неволей. Помѣщики часто отсылали своихъ крѣпостныхъ обучаться ремесламъ или искуствамъ въ Петербургъ, а иногда и за-границу. Тамъ, подъ руководствомъ учителей, подъ вліяніемъ другой жизни—талантъ могъ развиться во весь свой ростъ. Вырвавшійся на свободу артистъ попадаетъ въ свѣтлый міръ дорогого ему искуства, ему хочется совершенствоваться. Онъ работаетъ, трудится, достигаетъ извѣстныхъ результатовъ, наслаждается ими. А тутъ «баринъ» пишетъ: «возвращайся домой». Артистъ безпрекословно собираетъ свои пожитки и ѣдетъ къ «барину». Его встрѣчаетъ дома та же обстановка, тѣ же «дворовые флигиля», тѣ же обитатели этихъ флигилей и тѣ же нравы, все такое знакомое и привычное. Но теперь, послѣ того, другого нравственнаго воздуха, жизнь въ этой обстановкѣ кажется невыносимою. И для художника нѣтъ спасенія даже въ сферѣ его искуства, какъ бы онъ не прилѣпился къ нему душой. Напротивъ, тутъ его ждутъ страданія еще болѣе невыносимыя: его искуство не принадлежитъ ему, оно—барская собственность. Помѣщикъ, по своему произволу, заставляетъ знаменитаго живописца—красить колодезь, скрипача потѣшать публику...

Одинъ русскій баринъ, разсказываетъ Де-Пассенансъ, имѣвшій у себя громадный оркестръ изъ крѣпостныхъ, послалъ самаго талантливаго изъ своихъ музыкантовъ въ Италію учиться. Черезъ нѣсколько лѣтъ, онъ уже удивлялъ итальянцевъ своимъ громаднымъ дарованіемъ. «Боярину», гордый репутаціей своего виртуоза, приказалъ ему вернуться въ Россію. Артистъ сейчасъ же поспѣшилъ исполнить волю своего господина. Въ одинъ изъ первыхъ дней его пріѣзда его заставили играть при огромномъ обществѣ, и для каждаго вновь прибывшаго онъ долженъ былъ повторять блестящій концертъ Віоти. Послѣ трехъ-часовой игры онъ очень усталъ и просилъ своего барина позволенія отдохнуть. «Нѣтъ, играй, отвѣтилъ тотъ:—а если будешь капризничать, то вспомни, что ты мой рабъ; вспомни о палкахъ...» Молодой человѣкъ, въ отчаяніи, выбѣжалъ изъ залы, спустился въ кухню, схватилъ топоръ и отрубилъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ, воскликнувъ: «Будь проклятъ талантъ, если онъ не можетъ избавить меня отъ рабства...» [1]

И сколько проклятій сыпалось и сыплется на таланть въ эпоху, когда онъ является дисгармоніей съ извѣстными условіями, когда онъ долженъ идти на службу невѣжеству, проявляться на потѣху или въ угоду власти. Разбуженный, вызванный къ дѣятель-

1 La Russie et l'esclavage. P. 92.

Digitized by Google

ности талантъ вводитъ человѣка въ міръ особыхъ наслажденій и страданій, искуство вызываетъ новыя желанія, новыя требованія. И когда условія жизни нетолько не отвѣчаютъ, а прямо противорѣчатъ имъ—начинается борьба. Борьбы внѣшней при крѣпостномъ правѣ быть не могло. Всякій протестъ велъ за собой наказанія, убѣждавшія человѣка, что лбомъ стѣну прошибить невозможно. Они связывали его по рукамъ и по ногамъ въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ. Оставался протестъ пассивный, давнымъ давно практикуемый русскимъ человѣкомъ—побѣгъ. Но страхъ передъ отвѣтственностью за укрывательство бѣглаго заставлялъ почти всегда выдавать его, а возвращенному бродягѣ жизнь становилась каторгой. Всякій зналъ это, и рѣшался на побѣгъ уже какъ на послѣднее средство. Слѣдовательно, приходилось терпѣть и убивать въ себѣ какіе бы то ни было зачатки протеста. Эта внутренняя борьба приводила неизбѣжно или къ безпробудному пьянству, или къ самоубійству. Даровитый человѣкъ былъ непремѣнно горькій пьяница и къ концу-концовъ пропивалъ свой талантъ.

Случаи самоубійства были также вещью очень обыкновенной. Ими полны лѣтописи крѣпостного права. Забитые и загнанные люди топились, вѣшались, рѣзались. Иногда они дѣлали это передъ барскимъ домомъ, почти на глазахъ барина, какъ бы въ отмщеніе ему. Для талантливаго и безсильнаго человѣка самоубійство почти всегда являлось единственнымъ средствомъ спасенія. Г. Рамазановъ указываетъ на Тропинина, какъ на исключеніе изъ этого общаго правила, и приводитъ тутъ же (біографія Тропинина) нѣсколько примѣровъ самоубійствъ художниковъ. Такъ, по разсказу калужской помѣщицы, К. И. Карцевой, художникъ, которому пришлось выполнять разныя прихоти барина, унижающія его искуство, повѣсился въ барскомъ саду. Другой, по разсказу академика живописи Андрея Акимовича Сухихъ, бывшій его товарищемъ по академическимъ занятіямъ, утопился въ господскомъ пруду. Этотъ несчастный, съ истиннымъ призваніемъ къ искуству, за непокорность своему господину, вынужденъ былъ красить полы, крыши и, наконецъ, пасти свиней. Хорошъ переходъ изъ академическихъ залъ, наполненныхъ высокими художественными образцами. Третій, Поляковъ, по разсказу академика живописи Егора Яковлевича Васильева, крѣпостной человѣкъ г-на Бл., былъ ученикомъ отца выше названнаго академика — Якова Андреевича Васильева, который, понадѣясь на данное слово помѣщика относительно будущей участи мальчика, съ особенной заботливостью занимался художественнымъ образо-

Digitized by Google

ваніемъ его, такъ что Поляковъ оказалъ замѣчательные успѣхи, получилъ академическія медали, ознакомился съ образованнымъ обществомъ, писалъ портреты въ лучшихъ петербургскихъ домахъ и получалъ за нихъ въ то время по 400 рублей ассигнаціями. Но вдругъ баринъ потребовалъ къ себѣ Полякова навсегда. Добрѣйшій, довѣрчивый, но обманутый помѣщикомъ, Яковъ Андреевичъ Васильевъ пришелъ въ негодованіе; онъ перебѣгалъ отъ профессоровъ къ ректорамъ академіи и обратно, хлопоталъ объ освобожденіи своего даровитаго ученика, бранилъ и проклиналъ безсовѣстность и жестокость г-на Бл., наконецъ, подалъ, по этому случаю, прошеніе въ академическій совѣтъ; но въ собраніи совѣта могли лишь постановить правиломъ для всѣхъ членовъ академіи не принимать впредь въ ученики людей крѣпостнаго состоянія безъ обязательствъ отъ помѣщиковъ давать вольную, въ случаѣ полученія академическихъ наградъ; а развитой, образовавшійся художникъ Поляковъ, по настойчивому приказанію своего господина, сопровождалъ его на запяткахъ кареты по Петербургу, и ему случалось выкидывать подножки экипажа передъ тѣми домами, въ которыхъ произведенія его, красуясь въ богатыхъ золоченыхъ рамахъ на стѣнахъ, составляли утѣшеніе и радость семействъ и гдѣ самъ онъ прежде пользовался почетомъ, какъ даровитый художникъ. Поляковъ вскорѣ спился съ кругу и пропалъ безъ вѣсти [1].

Глумленіе и жестокость надъ крѣпостными, возвысившимися чѣмъ-нибудь надъ своей средой, доставляли, повидимому, особенное наслажденіе. У нѣкоторыхъ русскихъ вельможъ являются цѣлыя свиты приживальщиковъ, смѣнившихъ прежнихъ шутовъ; эти приживальщики большею частью были изъ бѣдныхъ дворянъ, и помѣщики чувствуютъ особенное наслажденіе въ третированіи ихъ. Князь Куракинъ, по свидѣтельству Вигеля, заводитъ у себя въ Надеждинѣ цѣлый штатъ и нанимаетъ бѣдныхъ дворянъ въ дворецкіе. Г. Бл. ѣздитъ по Петербургу, довольный, что можетъ унизить Полякова, поставивъ его на запятки кареты; графъ Морковъ заставляетъ Тропинина красить у себя въ деревнѣ колодцы, стѣны и каретныя колеса; а одинъ баринъ, какой-то Ч., который «о мужицкое рыло своихъ рукъ не маралъ», а «надрессировалъ свою лягавую собаку такъ, что она рвала всякаго, на кого онъ притравитъ, и рвала такъ, какъ онъ скажетъ: кого за икры, а кого повыше», распо-

[1] «Русскій Вѣстникъ» 1861, № 11, стр. 54.

Digitized by Google

рядился такъ со своимъ художникомъ-живописцемъ. Художникъ уѣхалъ въ сосѣднее село на базаръ, не спросясь барина. Г. Ч. «велѣлъ раздѣть его до нага, вывести на средину двора, подать себѣ кресло и начать сѣчь... И плечи, и руки, и ноги, и спина— все было изсѣчено; человѣкъ весь облитъ былъ кровью. Баринъ велѣлъ перестать сѣчь и заставилъ его идти домой. Едва живой поплелся было несчастный, но баринъ натравилъ собаку и та, тутъ же на мѣстѣ, изорвала его до смерти. Священникъ не сталъ хоронить» [1].

Невѣжество и пошлость раздражаются присутствіемъ выдающихся способностей ума и образованія. Это вѣковѣчное правило и подтвержденіе ему можно и теперь видѣть на каждомъ шагу. Какже должны были раздражаться они при столкновеніи съ умомъ и образованіемъ раба! Въ концѣ прошлаго вѣка и началѣ нынѣшняго, русскіе помѣщики были бо́льшею частью полуграматные, а порой и совсѣмъ неграматные. Такъ Романовичъ-Славатинскій (Дворянство въ Россіи) говоритъ, что «генералъ-аншефъ Чернышовъ, подобно прочимъ сенаторамъ, за необученіемъ другимъ наукамъ, кромѣ военной экзерциціи...» «Предсѣдатель Олонецкаго в. з. суда полковникъ Николай Тутолминъ, котораго зналъ Державинъ въ 1785 г., по свидѣтельству его, худо зналъ грамату». По словамъ статсъ-секретаря Екатерины II, Грибовскаго, «изъ всѣхъ», современныхъ ему вельможъ, только двое— князь Потемкинъ, да гр. Безбородко знали русское правописаніе. Что же было подальше отъ столицы, между дворянами «помельче»?

Въ XIX столѣтіи уровень образованія, конечно, поднимается, но все еще дворянское сословіе не могло похвалиться высокимъ просвѣщеніемъ. Всякій проблескъ мысли, всякое дарованіе было при этихъ обстоятельствахъ живымъ упрекомъ помѣщику, кололе глаза, хоть это дарованіе и служило ему же на забаву и удовольствіе. Выхватить изъ толпы любую «душу», поднять ее въ умственномъ отношеніи много выше себя и потомъ глумиться надъ этой высотой—каждый актъ этой мрачной трагедіи представлялъ источникъ своеобразнаго наслажденія для всемогущаго невѣжества и пошлости. Эта свирѣпая игра умомъ, талантомъ, образованіемъ доставляла гораздо болѣе полное наслажденіе, чѣмъ то, которое испытывалъ вандалъ, съ дикимъ глумленіемъ разрушая слѣды непонятной ему цивилизаціи. Вандалъ могъ только

[1] Записки сельскаго священника, «Рус. Стар.» 1880 г., мартъ, стр. 466.

Digitized by Google

разрушать, а тутъ дикость и грубость могли по произволу создавать и разрушать.

Замѣчательно, что помѣщики, имѣвшіе крѣпостныхъ артистовъ, очень часто держали ихъ въ тоже время при себѣ слугами. Де-Пассенансъ, говоря о помѣщикѣ Б., удивлялся, «какъ онъ умѣлъ пользоваться своими слугами. Его повара, лакеи, конюхи становились, въ случаѣ надобности, актерами, музыкантами, столярами, сапожниками и т. д. Его горничныя — актрисами и вышивальщицами. Онѣ въ одно и тоже время его любовницы, кормилицы и гувернантки его законныхъ и незаконныхъ дѣтей. Я часто бывалъ на его театральныхъ представленіяхъ. Музыканты появлялись въ оркестрѣ одѣтые въ костюмы тѣхъ лицъ, которыхъ они должны были представлять на сценѣ, и, какъ только по свистку поднимался занавѣсъ, они бросали фаготы, литавры, скрипки, контрбасъ, чтобы замѣнить ихъ скипетромъ Мельпомены, маской Таліи и лирой Орфея. Эти же руки управляли стругомъ, лопатою и метлой. У графа Орлова бо́льшая часть артистовъ исполняла служительскія обязанности: иной, работавшій въ столярной утромъ, являлся вечеромъ актеромъ въ театрѣ. Знаменитый Тропининъ, успѣвшій своими портретами и картинами уже пріобрѣсти извѣстность, служилъ въ качествѣ лакея за обѣденнымъ столомъ своего барина—графа Маркова [1]. Клэркэ говоритъ, что ему приводилось видѣть, какъ художника-живописца или скульптора заставляли чинить столы и стулья или красить стѣны. Затѣмъ онъ упоминаетъ объ одномъ замѣчательномъ копіистѣ — «рабѣ»: онъ шелъ отъ мольберта къ своему обычному занятію — чисткѣ сапоговъ и потомъ напивался (Voyages... P. 121 — 122). Вигель даетъ намъ описаніе крѣпостной труппы въ селѣ Юматовѣ, у нѣкоего Есипова. «Онъ (Есиповъ) употчивалъ насъ по своему... Къ ужину явилась цѣлая дюжина нарядныхъ молодыхъ женщинъ, которыя размѣстились между гостями. Приглашенія поболѣе пить сопровождались горячими лобзаніями дѣвъ, съ припѣвомъ: «обнимай сосѣдъ сосѣда, поцѣлуй сосѣдъ сосѣда, подливай сосѣдъ сосѣду». Оказалось, что всѣ эти дѣвы были крѣпостныя актрисы хозяйской труппы. На другомъ концѣ стола сидѣли актеры и музыканты Есипова, т. е. его слуги, которые смѣнялись, вставали изъ-за стола, служили гостямъ и потомъ опять садились за ужинъ. Послѣ того, какъ гости переночевали на грязныхъ постеляхъ,

[1] Василій Андреичъ Тропининъ. Біографія сост. Ромазановымъ «Рус. Вѣст.» 1861, № 11, ст. 60.

Digitized by Google

отнятыхъ на время у актеровъ и актрисъ, ихъ потѣшили на другой день оперой *Cosa rara* (Рѣдкая вещь). Играли и пѣли, какъ всѣ тогдашніе актеры, не хуже и не лучше» [1].

Нечего и спрашивать о томъ, кому тутъ было тяжелѣе — забитой ли, доведенной до скотоподобія «театральной дѣвкѣ» или таланту, закованному въ тяжелые кандалы. Отвѣтъ ясенъ, а изъ отвѣта слѣдуетъ и выводъ, страшный, уродливый выводъ.

Умъ, красота, талантъ, геній, жажда мысли и творчества все это—богатые дары природы, расточаемые ею лишь избраннымъ, любимымъ дѣтямъ своимъ. И вдругъ эти дары становятся карой, страшнымъ бѣдствіемъ. Человѣку всю жизнь приходится расплачиваться за то, что онъ случайно сталъ выше другихъ, за то, что онъ получилъ отъ природы непрошенный даръ. Неестественное положеніе порабощеннаго человѣка не могло не мстить за себя во всѣ стороны. Оно мстило рабовладѣльцу, развращая и ожесточая его; оно мстило и рабу, отнимая у него даже сознаніе своего унизительнаго положенія. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ оно убивало въ человѣкѣ человѣка. Но больше всего это мщеніе отражалось на «счастливцѣ», избранномъ судьбой. Тутъ ужь жизнь вступала въ открытую борьбу съ природой: она крѣпкими цѣпями сковывала крылья, данныя природой своему любимцу, и его, созданнаго парить подъ небесами, заставляла пресмыкаться въ грязи и тинѣ. Этотъ «счастливецъ» долженъ былъ существовать со скованными крыльями и сознавать, что такой же человѣкъ, какъ и онъ (но только не «счастливецъ»), имѣетъ право его продать, промѣнять, проиграть, отдать въ каторжную работу. Одно это сознаніе уже могло довести человѣка до отчаянія.

Понятно, что свобода была страстной мечтой всѣхъ этихъ счастливцевъ. Но и тутъ талантъ, этотъ даръ божій, являлся бичемъ. Онъ преграждалъ почти всякій путь къ волѣ. Помѣщикъ дорожилъ малѣйшимъ дарованіемъ своего крѣпостного и эксплуатировалъ его себѣ на потѣху, а иногда и на выгоду. Крѣпостные оркестры играли на ярмаркахъ, актеры *ломали комедь* въ городѣ и выручку отдавали своему барину. Кто не нуждался въ выгодѣ отъ своихъ артистовъ, тотъ держалъ ихъ у себя изъ тщеславія, и чѣмъ даровитѣе были эти артисты, тѣмъ больше удовлетворялось оно. А чѣмъ больше удовлетворялось тщеславіе, тѣмъ дороже цѣнился артистъ и тѣмъ труднѣе доставалась ему свобода. Волей-неволей приходилось вертѣться въ этомъ заколдованномъ кругу.

---

[1] Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, II ст. 133.

Digitized by Google

Если и случалось, что помѣщики отпускали своихъ артистовъ на оброкъ, то они назначали какую хотѣли цифру. Семевскій упоминаетъ объ одномъ художникѣ изъ крѣпостныхъ, платившемъ своему барину *пятьдесятъ* рублей въ годъ, тогда какъ его братья платили рубля два, три въ годъ [1]. Помѣщику не было никакого разсчета отпускать на волю даровитаго художника: онъ всегда могъ выгодно продать его и очень часто пользовался этой возможностью. Де-Пассенансъ говоритъ объ одной крѣпостной актрисѣ, купленной за 5,000 руб. При Екатеринѣ II правительство выкупило на свободу какого-то художника за 1,000 р. За актеровъ мужа и жену Кравченковыхъ съ шестилѣтнею дочерью, которая мастерски танцовала «качучу» и «тампетъ», графъ Каминскій уступилъ Офросимову цѣлую деревню въ 250 душъ. Романовичъ-Словатинскій упоминаетъ объ одномъ скрипачѣ, за котораго другой помѣщикъ предлагалъ владѣльцу 20 тысячъ рублей [2].

Фельдмаршалъ Разумовскій продалъ Потемкину оркестръ музыкантовъ за 40,000 рублей, по 800 руб. за каждаго.

Гдѣ же было взять такъ много денегъ крѣпостному, у котораго, кромѣ души, ничего не было собственнаго? Если не являлся случай, въ видѣ сочувствія добрыхъ людей, то на свободу не было никакой надежды. Но если вмѣшивались и добрые люди— дѣло не всегда улаживалось. Помѣщикъ сейчасъ же начиналъ дорожиться своимъ товаромъ и назначалъ какую угодно цѣну.

Въ «Русскомъ Архивѣ» (1873 г., № 4) напечатана статья неизвѣстнаго автора, написанная, по мнѣнію Бартенева, въ 1818 г. Въ ней говорится о «выкупѣ изъ крѣпостного состоянія стихотворца Ивана Сибирякова».

«Иванъ Сибиряковъ, говоритъ авторъ:—нынѣ крѣпостной человѣкъ Рязанской губ. дворянскаго предводителя, Дмитрія Николаевича М., можетъ по справедливости назваться *природнымъ стихотворцемъ*. Музы посѣтили его еще въ ранней юности и взысканный ими пребылъ вѣренъ имъ во всѣхъ превратностяхъ жизни своей. Въ народныхъ московскихъ школахъ (гдѣ обучался граматѣ), въ людскихъ избахъ (гдѣ терялся въ толпѣ дворовыхъ барскихъ людей) и въ кондитерской лавкѣ (куда отданъ былъ для обученія), Сибиряковъ считалъ первымъ сокровищемъ—книги, лучшимъ наслажденіемъ — поэзію. Онъ, сопровождая своего барина во всѣхъ походахъ 1812, 13 и 14 гг., писалъ стихи,

[1] В. И. Семевскій. Крестьяне при Екатеринѣ II, стр. 195.
[2] Дворянство въ Россіи, стр. 327.

Digitized by Google

выучился нѣмецкому языку. Но остаться за-границею, несмотря на разныя выгодныя предложенія, не захотѣлъ... Любовь къ отечеству превозмогла любовь къ независимости и онъ возвратился честнымъ, но *крѣпостнымъ человѣкомъ*»...

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1818 г., № 24, напечатаны стихи Сибирякова, гдѣ онъ жалуется:

«Могу ли жизнь еще сносить
«Съ растерзанной душею?
«Ужасна бѣдность, но сто крать
«Презрѣнье тяжелѣе:
«Съ нимъ жизнь не благо—лютый адъ,
«И ада мнѣ страшнѣе!..»

Тутъ же, въ «Вѣстникѣ Европы», напечатана и статья о Сибиряковѣ. Изъ нея видно, что помѣщикъ М. купилъ его у другого помѣщика, бывшаго директоромъ театра въ Рязани, и что Сибиряковъ былъ актеромъ.

Многіе литераторы (въ особенности В. А. Жуковскій) приняли участіе въ положеніи Сибирякова и захотѣли освободить его. Тогдашній генералъ-губернаторъ, графъ М. А. Милорадовичъ, написалъ помѣщику М. убѣдительное письмо. М. отвѣтилъ ему, что согласенъ отпустить на волю Сибирякова за 10 тысячъ рублей.

«Намъ остается только благодарить усердно, замѣчаетъ авторъ статьи:—г. М—ва за откровенность и довѣріе его къ щедрости и великодушію соотечественниковъ, ибо всякій, кто знаетъ русскихъ, не посмѣетъ усумниться, чтобы 10 тысячъ рублей показались для нихъ суммою чрезмѣрною, когда дѣло идетъ о счастьѣ человѣка».

Статья оканчивается сообщеніемъ, что уже многія «знаменитыя особы» желаютъ содѣйствовать предполагаемому искупленію и призывать къ пожертвованію.

«Свободная душа раба-поэта, говоритъ авторъ:—испытываетъ все бремя глубокой, медленной, продолжительной грусти, не растворенной надеждою, тоскуя съ каждымъ днемъ болѣе о томъ, что вмѣстѣ съ молодыми годами жизни исчезаютъ и лучшія надежды ея. Четыре слѣдующіе стиха Сибирякова прекрасно живописуютъ унылыя сѣтованія его о грустной долѣ своей:

«Увы! и я, и я рожденъ
«Въ послѣдней смертныхъ долѣ.
«Природой чувствомъ надѣленъ,
«Столь гибельнымъ въ неволѣ!..»

«Нѣтъ, заканчиваетъ свою статью авторъ:—неволя его не можетъ быть вѣчною. Состраданіе великодушныхъ готовитъ уже свободу и счастье печальному любимцу Музъ».

Digitized by Google

Неизвѣстно одного, оправдался ли разсчетъ на «состраданіе великодушныхъ». Вѣроятно, нѣтъ, потому что объ этомъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Изъ примѣра Сибирякова можно судить, какъ трудно было мало-мальски талантливому человѣку добиться свободы. За Сибирякова хлопотали важные люди и то не могли ничего сдѣлать. А безвѣстному человѣку приходилось еще тяжелѣе. О волѣ, въ большинствѣ случаевъ, и помышлять было нечего.

Кромѣ всего этого, артистъ, какъ человѣкъ, оторванный отъ земли, становился всегда очень удобнымъ предметомъ купли и продажи. И опять-таки чѣмъ больше былъ его талантъ, тѣмъ больше покупщиковъ привлекалъ онъ и долженъ былъ быть всегда готовымъ на то, что его продадутъ безъ жены, безъ дѣтей, не спросясь его, конечно. Для помѣщиковъ торговля артистами была всегда выгодной аферой. Они, замѣтивъ какое-нибудь дарованіе въ своемъ крѣпостномъ, часто развивали его и потомъ старались вернуть затраченное.

Продажа артистовъ у насъ была дѣломъ самымъ обыкновеннымъ: они продавались и по одиночкѣ, и «гуртомъ» — труппами или сформированными оркестрами. Въ газетахъ конца прошлаго столѣтія, среди множества объявленій о продажѣ людей, встрѣчается не мало объявленій и о продажѣ образованныхъ дворовыхъ или артистовъ. Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1801 г., № 5, объявляется, что «продается за излишествомъ дворовый, 27 лѣтъ, человѣкъ, *знающій читать и писать, ариѳметику* и способный къ другимъ домашнимъ услугамъ...» Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1787 г.) читаемъ: «Продается (тамъ-то) дворовый человѣкъ, умѣющій граматѣ и который *очень хорошо играетъ на флейтраверсѣ*... Продается *музыкантъ* 35 лѣтъ съ женою и дочерью, да крестьянинъ, обученный ткацкому мастерству... Продается *музыкантъ* и парикмахеръ мужской и женскій...»

Въ объявленіяхъ прибавлялось: «видѣть можно тамъ-то». Являлся покупщикъ, смотрѣлъ товаръ, дѣлалъ, конечно, «пробу», т. е. заставлялъ играть передъ собой, наконецъ, сговаривался съ хозяиномъ въ цѣнѣ и уводилъ свою живую покупку. Все это дѣлалось настолько часто, что не могло нетолько возмутить, но и удивить кого-либо.

Въ 1801 году былъ объявленъ указъ, запрещавшій публикаціи о продажѣ людей безъ земли, и съ этихъ поръ объявленія о продажѣ артистовъ исчезаютъ, но не исчезаетъ торгъ ими. Онъ продолжался, подъ тѣмъ или другимъ видомъ, вплоть до уничтоженія крѣпостного права. Помѣщики ухитряются обходить всѣ

Digitized by Google

запрещенія продавать людей на ярмаркахъ и безъ земли. Въ воспоминаніяхъ сельскаго священника мы находимъ разсказъ о знаменитой урюпинской ярмаркѣ, куда свозили на продажу крѣпостныхъ людей всѣхъ возрастовъ. Понятно, что сюда же попадали и артисты. И ихъ, какъ и остальныхъ, помѣщикъ продавалъ, отдавалъ въ приданое за дочерью, мѣнялъ на собакъ и проигрывалъ въ карты.

Литература того времени почти не пользовалась глубоко трагическимъ образомъ несчастнаго счастливца, одареннаго природой и скованнаго исторіей. Намъ, по крайней мѣрѣ, извѣстенъ только одинъ примѣръ талантливой, беллетристической обработки этого сюжета.

Въ повѣсти Павлова, писателя 30-хъ годовъ, озаглавленной «Именины», изображенъ крѣпостной музыкантъ. Его талантъ далъ ему нѣкоторыя привилегіи, но все-таки сознаніе ужаснаго положенія раба то и дѣло пробуждалось въ немъ различными случайностями, оставлявшими въ душѣ его неизгладимые слѣды.

«Мирно обѣдалъ я, говоритъ онъ: — вдали отъ хозяйки, на унизительномъ краю стола и, по какой-то особенной сметливости слугъ, каждое блюдо подавали мнѣ послѣднему. Но эти маловажныя обстоятельства не въ силахъ были раздражить моей щекотливости. Для нея готовилось другое истязаніе получше, подѣйствительнѣе. Недалеко отъ меня сидѣлъ какой-то господинъ съ молчаніемъ на устахъ, съ унынiемъ на лицѣ, худощавый и по виду пречувствительный. Подъ конецъ обѣда развязался его языкъ и онъ началъ съ кѣмъ-то разговаривать чрезъ столъ. Я не обращалъ туда никакого вниманія, завоеванный моимъ сосѣдомъ, какъ вдругъ мое сердце забилось, лицо вспыхнуло и глаза остановились, прикованные къ этому худощавому, чувствительному человѣку. Чуткій слухъ мой поймалъ его слова:

— А я сегодня обработалъ славное дѣло: продалъ двухъ музыкантовъ, по тысячѣ рублей за штуку...

Сосѣдъ мой замѣтилъ мнѣ на ухо:

— Тотчасъ видно не музыканта. Я ни за одного изъ своихъ и по двѣ не возьму.

Вы понимаете что я чувствовалъ, чего мнѣ хотѣлось, но не то было время... [1]».

Талантъ закрѣпощеннаго музыканта и его прекрасная душа вызвала сочувствіе къ нему въ лучшей женщинѣ того кружка, въ которомъ проводилъ онъ лучшіе часы своей жизни. Онъ от-

[1] Три повѣсти Павлова. Москва, 1835, стр. 64—87.

Digitized by Google

крылся этой женщинѣ, что онъ крѣпостной человѣкъ и вслѣдъ за этимъ признаніемъ узналъ, что баринъ его готовъ былъ отпустить на волю за десять тысячъ рублей, но проигралъ его вмѣстѣ со всею деревнею. Ошеломленный художникъ, въ первомъ приливѣ гнѣва, хотѣлъ убить проигравшаго его барина, но не нашелъ въ себѣ для этого достаточно силы воли и рѣшился бѣжать куда глаза глядятъ, что бы ни ожидало его впереди. Его поймали, судили, какъ непомнящаго родства, и приговорили въ арестантскія роты.

«Съ чѣмъ сравнить мой тогдашній восторгъ? говоритъ онъ.— Птица, выпущенная въ Благовѣщенье изъ клѣтки, преступникъ, прощенный подъ топоромъ палача — могли бы вамъ дать понятіе о чувствѣ, съ которымъ я надѣлъ сѣрую шинель! Никому жизнь солдата не представлялась въ такихъ очаровательныхъ краскахъ. Я дышалъ свободно, я смотрѣлъ смѣло, меня уже не пугала барская прихоть, я сдѣлался слугою не людей, но смерти; я узналъ, что она не выдастъ своей жертвы... И у меня наконецъ явилось будущее... Не разъ я цѣловалъ солдатскій мундиръ, обливая его слезами. Какъ ребенокъ повторялъ я себѣ: «Ты солдатъ!» — И сердце мое билось весело и смѣло улыбался я при мысли о своемъ баринѣ. Съ какимъ поэтическимъ трепетомъ увидѣлъ я въ первый разъ это поприще, гдѣ падаютъ люди не по выбору, а кто попадется, гдѣ презрѣніе къ жизни можетъ задушить человѣческое лицепріятіе и поставить нервымъ того, кто стоялъ послѣдній [1]».

Авторъ этой повѣсти самъ изъ крѣпостныхъ. Ему болѣе, чѣмъ кому-нибудь, знакомы всѣ муки неволи и онъ взялся описать ихъ. И въ 30-хъ годахъ, когда все кругомъ должно было стонать отъ несправедливости крѣпостного ига, повѣсть Павлова не вызвала не только одобренія, но напротивъ самый распространенный журналъ того времени—«Библіотека для чтенія» Сеньковскаго, отозвался объ «Именинахъ», между прочимъ, такъ: «Г. Павловъ будетъ писать хорошо. Но мы должны сказать ему тутъ же непріятную истину: въ этихъ повѣстяхъ *нѣтъ никакой идеи*. Что онѣ доказываютъ? Ничего».

Этотъ кусочекъ тогдашней критики лучше всего характеризуетъ отношеніе современнаго общества даже къ экстренно возмутительнымъ явленіямъ рабства. И ни одному изъ выдающихся писателей не пришло въ голову заняться этимъ. Жуковскій, принимавшій участіе въ освобожденіи Шевченко, Жуковскій, на

[1] Три повѣсти Павлова. Стр. 99—102.

Digitized by Google

глазахъ котораго прошло много драмъ, занимается «Алиной и Альсимомъ» и «Эльвиной и Эдвиномъ», а не подумаетъ проронить хотъ одно слово за этихъ мучениковъ дарованія.

Такое равнодушіе литературы можно отчасти объяснить тѣмъ, что и она сама была не изъ «вольныхъ». Повѣсти Павлова навлекли на себя гоненія: ихъ запретили перепечатывать. Но если, такимъ образомъ, молчаніе литературы о несчастныхъ счастливцахъ объясняется можетъ быть не однимъ равнодушіемъ, то этого, конечно, нельзя сказать о критикѣ Сеньковскаго: «никакой идеи», «ничего не доказываетъ»...

Всѣмъ извѣстно, чѣмъ была солдатчина въ тѣ времена. И если даже и она являлась спасеніемъ — значитъ жизнь, въ буквальномъ смыслѣ слова, была хуже каторги, и всякій исходъ изъ нея считался благомъ. Очень часто люди даже шли на какое-нибудь преступленіе, лишь бы избавиться отъ ига подчиненія ненавистному человѣку. Радищевъ, въ своемъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву», разсказываетъ, между прочимъ, о своей встрѣчѣ съ однимъ изъ мучениковъ образованія и «чувствительной души», попавшемъ въ солдаты. Подъѣзжая къ одной изъ станцій, Городнѣ, Радищевъ наткнулся на рекрутскій наборъ. Его ужь издали поразили звуки воплей женъ, дѣтей и стариковъ. Онъ увидалъ картины прощанія матери съ сыномъ, невѣсты съ женихомъ. Кругомъ — слезы, плачъ, отчаяніе... И вдругъ, среди всего этого, онъ замѣтилъ новобранца «лѣтъ пятидесяти, посредственнаго роста, стоящаго бодро и взирающаго на окрестъ стоящихъ весело». На разспросы Радищева, онъ разсказалъ ему свою повѣсть. Былъ онъ дворовымъ человѣкомъ, сыномъ дядьки бывшаго его господина. Старый баринъ, въ награду за службу отца, далъ ему «воспитаніе наравнѣ съ своимъ сыномъ». «Различія между нами не было; развѣ только то, что онъ на кафтанѣ носилъ сукно моего потоне. Чему учили молодого барина, тому учили и меня, наставленія намъ во всемъ были одинаковы и, безъ хвастовства скажу, что во многомъ успѣлъ я лучше молодаго своего господина».

«Ванюша, говорилъ мнѣ старый баринъ:—счастіе твое зависитъ совершенно отъ тебя. Ты болѣе къ учености и нравственности имѣешь побужденія, нежели сынъ мой»... На 17-мъ году возраста молодого моего барина, отправленъ былъ и я въ чужіе краи съ надзирателемъ, коему предписано было почитать меня»...

Старый баринъ обѣщалъ ему по возвращеніи дать свободу, но умеръ, не успѣвши исполнить обѣщанія. Молодой господинъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, влюбился въ «изрядную лицомъ

Digitized by Google

дѣвицу, но которая съ красотой тѣлесной соединяла скареднѣйшую душу и жестокое сердце». Онъ женился на ней и представилъ ей Ванюшу, какъ «сотоварища». Но въ первый же вечеръ, когда всѣ сѣли за ужинъ, она «сказала довольно громко своему мужу, если онъ хочетъ, чтобъ сидѣла она за столомъ съ гостями, то чтобъ *холопей* за оный не сажалъ». Ему стали носить обѣдъ и ужинъ въ его комнату. Скоро новая госпожа отняла у него и комнату, и ему отвели уголъ въ нижнемъ этажѣ, съ холостыми офиціантами. И наконецъ, она, «не находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи и надѣла на меня ливрею. Малѣйшее мнимое упущеніе сей должности влекло за собой пощечины, батожье, кошки. О, государь мой! Лучше бы мнѣ не родиться! Сколько разъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что онъ далъ мнѣ чувствительную душу. Лучше бы мнѣ было возрости въ невѣжествѣ, не думая никогда, что я человѣкъ, всѣмъ другимъ равный!». «Опредѣливъ себя сносить жребій мой терпѣливо, сносилъ я не токмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими уязвляла она мою душу». Но наконецъ онъ не выдержалъ. Когда его силой захотѣли женить на дворовой дѣвушкѣ, Маврушкѣ, которую выдавали замужъ «за наказаніе» — онъ отказался. «По повелѣнію госпожи моей отведенъ былъ на конюшню и сѣченъ нещадно кошками. На другой день, едва могъ я отъ побоевъ встать съ постели и паки приведенъ былъ предъ госпожу мою». Она опять повторила свое приказаніе жениться на Маврушкѣ. Онъ опять отказался; его отдали въ солдаты.

«Въ солдаты!» сказала она, и на другой день то было исполнено. Несмысленная! Она думала, что поступленіе въ солдаты, такъ, какъ поселянамъ, будетъ для меня наказаніемъ; но мнѣ оно было отрадой; и какъ скоро выбрили мнѣ лобъ, то почувствовалъ, что я переродился. Силы мои обновились, разумъ и духъ начали опять дѣйствовать. О надежда! Сладостное несчастному чувствіе! Предудіе во мнѣ!..»

«Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаянія выступила изъ глазъ его», прибавляетъ Радищевъ [1].

Тутъ солдатчина являлась изъ двухъ золъ меньшимъ. Хотя она была еще и очень недавно пугаломъ народа, но «тысячамъ сердецъ, чей идеалъ убавленное горе», и такой исходъ казался счастьемъ.

Грубость чувствъ, отсутствіе нравственнаго критеріума, извра-

---

1 Князь Щербатовъ и А. Радищевъ, 1858. Стр. 290—297.

Digitized by Google

щеніе естественныхъ понятій и отношеній, праздность, невѣжество и ничѣмъ не сдержанная власть — легли въ основу помѣщичьей жизни и изуродовали ее. Они пронизали эту жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ и печатью легли на всемъ, даже на забавахъ. Самое положеніе помѣщика, воспитаннаго въ убѣжденіи правоты рабовладѣнія, раздувало въ немъ задатки деспотизма и жестокости. Трудно, почти невозможно было побѣдить ихъ въ себѣ, а разъ попавъ на эту дорогу, помѣщикъ, ничѣмъ не сдержанный, шелъ по наклонной плоскости. Случаи жестокаго обращенія съ крѣпостными въ памятникахъ добраго стараго времени являются нетолько не исключеніями, но почти общимъ правиломъ. Исключеніемъ уже нужно считать обратныя явленія. И необходимо отмѣтить, что такія исключенія попадаются и въ исторіи крѣпостныхъ артистовъ. Бывали помѣщики, которые, замѣтивъ въ своемъ дворовомъ талантъ, давали ему возможность развиться и отпускали его на свободу. Такъ О. А. Кипренскій, профессоръ исторической живописи, одинъ изъ лучшихъ портретистовъ въ Россіи, былъ крѣпостнымъ бригадира Дьяконова. Баринъ, замѣтивъ въ будущемъ «русскомъ Вандикѣ» (какъ прозвали въ Италіи Кипренскаго) способности къ рисованію, отдалъ его въ 1788 году въ академію и отпустилъ его на волю. А еслибы у Дьяконова были взгляды гр. Моркова — Кипренскому бы не видать свободы, какъ своихъ ушей, и вмѣсто того, чтобы стать «русскимъ Вандикомъ и видѣть свои портреты въ музеѣ degl'Uffizi [1], Кипренскій долженъ былъ бы кротко красить колодцы, служить у стола, или пасти свиней.

Такіе примѣры, какъ Кипренскій, извѣстный архитекторъ Воронихинъ, Пожалостинъ, Сѣряковъ, Слѣпушкинъ, археологъ Голышевъ и др. — намекаютъ, что погибло много и много талантовъ, только благодаря тяготѣвшему надъ ними рабству, со всѣмъ его мракомъ и насиліемъ. И. А. Голышевъ, крестьянинъ-самоучка, археологъ, основатель литографіи въ слободѣ Мстерѣ, пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что одна мысль о томъ, что по окончаніи курса (онъ обучался въ Строгоновской рисовальной школѣ), останешься на вѣкъ рабомъ, будешь исполнять художественныя прихоти барина, всю жизнь влачить въ качествѣ дворовaго, «да такъ и гибнуть съ своими талантами, отнятыми

---

[1] Флорентинская академія пожелала имѣть портретъ его, писанный имъ самимъ и помѣстила его въ музеѣ degl'Uffizi," рядомъ съ портретами Рафаэля, Винчи, Тиціана, Рубенса, Альбрехта Дюрера и другихъ. *А. Андреевъ.* Живопись и живописцы. Стр. 552.

Digitized by Google

властной рукой помѣщика», одна эта мысль отнимала охоту учиться и приводила его въ отчаяніе. Да и было отчего придти въ отчаяніе. И это отчаяніе очень часто съ первыхъ же шаговъ губило дарованіе: оно отцвѣтало, не успѣвши расцвѣсть. Въ теченіи исторіи рабства было не мало такихъ погибшихъ безъ расцвѣта, потонувшихъ въ волнахъ неизвѣстности, не оставивъ по себѣ даже подобія того круга, какой оставляетъ на водѣ ключъ, когда идетъ ко дну. Другіе погибли въ непосильной борьбѣ, третьи смирились... Во всякомъ случаѣ, безъименныхъ сгинуло много. До сихъ поръ встрѣчаются разсказы о даровитыхъ музыкантахъ, или живописцахъ, или актерахъ—собственностяхъ того или другого барина [1]. Куда они всѣ дѣлись, что сталось съ ними — неизвѣстно. Передъ нами только тѣ, которые такъ или иначе выплыли. И вотъ по этимъ-то выбившимся счастливцамъ и можно прослѣдить, что приходилось испытать рабу, отмѣченному судьбой и одаренному непрошеннымъ талантомъ.

Три яркихъ представителя русскаго искуства: Щепкинъ, Тропининъ и Шевченко вышли изъ крѣпостныхъ и прошли всю «страшную, святую драму».

М. С. Щепкину выпалъ на долю необыкновенный успѣхъ; его талантъ былъ единогласно признанъ и оцѣненъ Россіей. Поэтому совершенно естественно, что онъ въ своихъ «Запискахъ» (которыя онъ писалъ уже въ эпоху славы)—все простилъ и почти все забылъ... Но и ему, какъ было сказано выше, приходилось переживать не мало страшно-горькихъ минутъ.

Василію Андреевичу Тропинину, талантливому, симпатичному художнику, товарищу Кипренскаго, учителю нашихъ лучшихъ живописцевъ — пришлось еще тяжелѣе Щепкина. Онъ вынесъ на плечахъ весь ужасный гнетъ рабства, все униженіе несвободнаго таланта.

Тропининъ родился крѣпостнымъ человѣкомъ гр. Миниха. Въ немъ съ дѣтства проявилась страсть къ рисованію. Но его еще мальчикомъ взяли въ барскій домъ на побѣгушки, и на его талантъ никто не обращалъ никакого вниманія. Позже Тропининъ попалъ къ гр. Моркову въ приданное за дочерью Миниха. Графъ Морковъ не былъ ни знатокомъ, ни любителемъ живописи и потому смотрѣлъ равнодушно на проявляющееся въ мальчикѣ дарованіе. Тропинина отдали въ ученье къ кондитеру. Здѣсь за его страсть къ живописи ему доставались потасовки и дранье

[1] Романовичъ-Славатинскій упоминаетъ, между прочимъ, о какомъ-то скрипачѣ Артемкѣ, какъ о «глубокомъ артистѣ».

Digitized by Google

за уши. Наконецъ, родственникъ гр. Моркова обратилъ вниманіе на талантъ Тропинина и отдалъ его на обученіе «къ совѣтнику академіи художествъ, С. С. Щукину». Тропининъ дѣлалъ чрезвычайно быстрые успѣхи и уже черезъ четыре года обратилъ на себя общее вниманіе выставленною картиной. Самъ Щукинъ поторопился предупредить графа о томъ, что «если онъ не желаетъ лишиться своего крѣпостного человѣка, то взялъ бы его къ себѣ поскорѣй». И Тропинина сейчасъ же отправили въ деревню, въ глушь, гдѣ заставляли его красить колодцы, стѣны и каретныя колеса. Послѣ громаднаго успѣха въ столицѣ, послѣ общества талантливыхъ товарищей, какъ Кипренскій и Варнекъ, Тропининъ очутился сразу опять въ положеніи «крѣпостной души». Когда вспыхнула война 12-го года, графъ поручилъ ему— какъ самому честному человѣку изо всей дворни — отвезти въ Москву обозомъ все свое имущество. Ѣзда по Россіи и укрывательство отъ непріятеля взяла у Тропинина цѣлый годъ. Но талантъ его все-таки не увядалъ. Онъ работалъ когда только было возможно и въ 1815 году написалъ большую картину (понятно въ собственность господина). Когда онъ работалъ надъ ней, графа Моркова «посѣтилъ какой-то ученый французъ, которому предложено было отъ хозяина взглянуть на трудъ художника. Войдя въ мастерскую Тропинина, бывшую во второмъ этажѣ барскаго дома, французъ, пораженный работою живописца, много хвалилъ его и одобрительно пожималъ ему руку. Когда въ тотъ же день графъ съ семействомъ садились за обѣденный столъ, къ которому приглашенъ былъ и французъ, въ многочисленной прислугѣ явился изъ передней, наряженный парадно, Тропининъ. Живой французъ, увидавъ вошедшаго художника, схватилъ порожній стулъ и принялся усаживать на него Тропинина за графскій столъ. Графъ и его семейство этимъ поступкомъ иностранца были совершенно сконфужены, какъ и самъ художникъ-слуга...»[1].

Тропининъ работалъ безъ стѣсненія. По приказанію барина, онъ написалъ портреты всей его семьи, писалъ картины, кромѣ того, училъ рисовать пятерыхъ дочерей и сыновей своего господина и дочь гувернантки, и самъ рисовалъ для нихъ оригиналы. За все это ему давалось съ женой и сыномъ жалованья 36 руб. и харчевыхъ 7 руб. ассигнаціями въ годъ.

И несмотря на то, что о талантѣ Тропинина говорили кру-

[1] В. А. Тропининъ. Біогр. сост. Рамазановымъ. «Руск. Вѣстн.», 1861 года, ноябрь, стр. 60.

Digitized by Google

гомъ, что въ немъ принимали участіе многіе вліятельные люди— онъ оставался крѣпостнымъ до сорока семи лѣтъ. Только въ 1823 году графъ Морковъ далъ ему волю, ему одному, безъ сына.

Не трудно себѣ представить, что пришлось испытать талантливому человѣку въ теченіи полувѣковаго рабства. Сколько мелкихъ униженій, сколько невидимыхъ слезъ, оскорбленнаго самолюбія — страшныхъ страданій далъ ему его талантъ. Вся молодость, всѣ лучшіе годы жизни прошли въ этихъ страданіяхъ, и утопили въ нихъ, можетъ быть, лучшія творенія.

Помѣщикъ нерѣдко отпускалъ подъ старость крѣпостного человѣка. Когда, все что можно было взять съ него, было взято— человѣку давалась воля. Но тутъ она, такъ сильно желанная когда-то, часто являлась какъ бы насмѣшкой судьбы. Такъ, въ началѣ 30-хъ годовъ, изъ академіи вышелъ одинъ крѣпостной юноша, собственность генерала Орлова, нѣкто Мирошниченко, которому конференція не благоволила дать медали (на званіе учителя, освобождавшее отъ крѣпостного состоянія), вслѣдствіе чего баринъ взялъ его къ себѣ во дворъ и заставлялъ его писать иконостасы и копіи съ картинъ великихъ художниковъ, и украшалъ ими залы своего палаццо въ с. Матусовѣ Кіев. губ. Въ 1852 г., разсказываетъ Чалый (біографъ Шевченко), мы съ Сошенкомъ нашли этого несчастнаго въ мужичьей хатѣ, женатаго, по приказанію помѣщика, на дворовой дѣвкѣ, съ кучею замурзаныхъ дѣтей. Онъ былъ глухъ, какъ дерево. Выжавъ изъ него лучшіе соки и сдѣлавъ его ни къ чему негоднымъ, генералъ далъ ему наконецъ свободу. Заплакалъ бѣдный труженикъ при такомъ сюрпризѣ и промолвилъ: «На що мини здалась теперь тая вола? Куды я зъ нею пійду и що робитему?.. [1]

Но если даже свобода приходила и не слишкомъ поздно, то все-таки неволя оставляла слѣдъ на всю жизнь человѣка.

Такъ Шевченко, уже много лѣтъ спустя по выкупѣ его на волю, когда онъ жилъ въ Петербургѣ, когда его баловали со всѣхъ сторонъ, когда онъ всюду былъ желаннымъ гостемъ, ни на минуту не могъ забыть, черезъ что̀ довелось пройти ему. Бывало, хмѣлѣя, Шевченко «бередилъ свое наболѣвшее сердце воспоминаніями о своемъ горькомъ дѣтствѣ, о вынесенномъ имъ крѣпостномъ состояніи, что доходило иногда до поэтическаго пафоса: библейскимъ пророчествомъ звучала его потрясенная и изстрадавшаяся душа». (id)

Самъ Шевченко—полный представитель той страшной драмы,

---

[1] *Чалый.* Жизнь и произведенія Тараса Шевченко, ст. 27.

Digitized by Google

о которой говоритъ онъ. Онъ мыслилъ и чувствовалъ, пока жилъ и прошелъ рыдая всю драму жизни. Рабство, тяготѣвшее надъ нимъ съ рожденія, дало ему всѣ страданія, какія только можетъ дать оно. Прежде всего и главнѣе всего, эти страданія были связаны съ талантомъ, проявившимся въ немъ съ ранняго дѣтства— съ талантомъ живописи. Онъ такъ любилъ рисовать, что гдѣ только было возможно: на стѣнахъ, на дверяхъ, на воротахъ — онъ постоянно малевалъ углемъ или мѣломъ... Его за это били, драли за уши. Онъ ни унимался. Отъ полуграматнаго дьячка, бившаго его, онъ попалъ къ пьяницѣ дьякону. Онъ также билъ мальчика и Тарасъ бѣжалъ отъ него къ маляру. Этотъ хоть и нашелъ его способнымъ къ живописи, но, боясь отвѣтственности за пристанодержательство крѣпостного мальчика безъ вида, посовѣтовалъ Тарасу выхлопотать сперва разрѣшеніе у помѣщика на свободное жительство и тогда уже поступить къ нему въ науку. Шевченко отправился къ управляющему своего помѣщика — Энгельгардта, Дмитренко, и сталъ просить у него видъ на жительство у Хлѣбновскаго маляра. Но Дмитренко, замѣтивъ смѣтливость мальчика, взялъ его въ число своей дворовой челяди и не далъ никакого вида. Шевченко тогда уже было 15 лѣтъ.

Помѣщикъ Энгельгардтъ, по словамъ г. Чалаго, наслѣдовавъ отцовское достояніе, задумалъ жить на широкую ногу и пожелать имѣть въ своей дворнѣ людей спеціально-подготовленныхъ: кучера, лакея, повара, комнатнаго живописца. Управляющему, Дмитренко, было предписано набрать изъ крестьянскихъ дѣтей около дюжины мальчиковъ и, испытавъ ихъ способности въ Ольшаной, препроводить въ Вильно. И вотъ однимъ почеркомъ пера всесильнаго самодура, у родителей отняты дѣти (не всѣ же были сироты, подобно Шевченко) и приведены въ центральное имѣніе, «до-двору»... Шевченко такъ же попалъ въ этотъ транспортъ въ должности поваренка, подъ команду главнаго повара-артиста. Его заставляли чистить кострюли, носить на кухню дрова и выносить помои. Но позже, въ «перечневой вѣдомости, онъ былъ отмѣченъ годнымъ на комнатнаго живописца. Вѣдомость эта, въ видѣ накладной, какая обыкновенно дается отправителями кладей извощикамъ, «приставляющимъ товары» въ разныя мѣста Россійской Имперіи, была препровождена къ барину, вмѣстѣ съ его движимой живностью»...

Но и тутъ Шевченко не попалъ въ живописцы. Баринъ велѣлъ нарядить его въ тиковую куртку и взялъ его къ себѣ въ казачки. Вся его обязанность состояла въ «молчаніи и не-

Digitized by Google

подвижности въ углу передней». Но душа Шевченко рвалась на просторъ и онъ постоянно нарушалъ барскій приказъ, напѣвая чуть слышнымъ голосомъ унылыя гайдамацкія пѣсни и срисовывая украдкой картины «суздальской школы». Какъ только выдавалась свободная минутка, Шевченко хваталъ карандашъ и начиналъ рисовать. Разъ, когда господъ не было дома, онъ засѣлъ за портретъ казака Платова. Пріѣхалъ баринъ, увидалъ это и наказалъ Тараса. «Онъ съ остервененіемъ выдралъ меня за уши, разсказываетъ Шевченко:—и надавалъ пощечинъ, не за мое искуство — нѣтъ! (на искуство онъ не обратилъ вниманія), а за то, что я могъ бы сжечь нетолько домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что и было исполнено съ достодолжнымъ усердіемъ»... [1]

Наконецъ, Шевченко удалось попасть въ науку къ комнатному живописцу въ Варшавѣ. Но здѣсь подготовлялось возстаніе, баринъ испугался, уѣхалъ въ Петербургъ и потребовалъ туда всю свою дворню. Тараса вмѣстѣ съ прочими дворовыми отправили въ Петербургъ *по этапу*.

Здѣсь Шевченко опять сталъ учиться живописи и рвался въ академію. Но, къ его несчастію, только-что передъ этимъ крѣпостнымъ людямъ былъ запрещенъ входъ въ это святилище свободнаго искуства. Мы уже упоминали выше, что рѣшено было требовать отпускной при пріемѣ въ академію художествъ. Отпускной Шевченко отъ барина не получилъ и не могъ поступить въ академію. Уже позже, К. П. Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго, разыгралъ его въ лотерею и на эти деньги выкупилъ Шевченко.

Страданія, черезъ которыя пришлось пройти Шевченко, пронизали все его творчество, всю его жизнь.

«Ахъ, лучше-бъ дѣти не росли,
«Которыя, родясь въ неволѣ,
«Позоръ себѣ же принесли...»

говоритъ онъ.

Эта неволя, этотъ позоръ не давали ему никогда покоя. Его молодость вспоминается ему, «какъ страшный сонъ, какъ гнетъ тяжелый»,

«И горькихъ слезъ потокъ невольный
«Едва удерживаю я...
«Въ трудѣ, въ слезахъ, въ тоскѣ безмолвной
«Минула молодость моя...»

---

[1] Автобіографія Шевченко, ст. 12.

Digitized by Google

Эти слезы, эта безмолвная тоска пріучили Шевченко искать забвенія въ винѣ. Онъ сталъ пить. Сколько хорошихъ твореній его затоплено виномъ—неизвѣстно. Извѣстно лишь одно, что вино сократило его жизнь. Еще за годъ до смерти (въ 1860 г.), Шевченко, желая написать полную автобіографію, не могъ хладнокровно отнестись ко всему, что пришлось ему испытать. Онъ скомкалъ автобіографію, прибавивъ, что и написанное имъ досталось ему дорогой цѣной.

«И что же я купилъ у судьбы, заканчиваетъ онъ автобіографію:—своими усиліями не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго... Оно ужасно! Оно тѣмъ болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестры, о которыхъ мнѣ тяжело было вспомнить въ моемъ разсказѣ, до сихъ поръ *крѣпостные*! Да, милостивый государь, они крѣпостные до сихъ поръ.» Шевченко умеръ наканунѣ освобожденія крестьянъ, такъ что и тутъ судьба не побаловала его: она не дала ему порадоваться на это освобожденіе, не загладила хоть сколько-нибудь страданій всей его жизни. Но и въ эпоху крѣпостного права, какъ и всегда, были свои пружины, и кто зналъ ихъ, а главное, кто умѣлъ и хотѣлъ ими пользоваться, тотъ и достигалъ извѣстнаго счастья... Каково время—таковы и пружины.

Древній рабъ напр. отличался хитростью и лживостью. Онъ пресмыкался передъ своимъ властелиномъ и оскорблялъ его за глаза. Пріученный своимъ господиномъ къ хитрости и лжи, рабъ противъ него же и обращалъ эту хитрость и ложь. Ярость и ненависть должны были постоянно прятаться подъ маску преданности и готовности положить жизнь за господина.

У насъ было тоже самое. «Вы наши отцы, мы ваши дѣти», говорили крѣпостные и при первомъ удобномъ случаѣ старались какъ-нибудь обойти этихъ отцовъ. Вѣчная маска лицемѣрія взростила подъ собой обманъ и подлость. Только подлостью, низкопоклонствомъ и лестью и можно было добиться чего-нибудь. Большой талантъ, конечно, не могъ идти на это (хотя нельзя установить правила, чтобы талантъ *всегда* исключалъ подлость) но посредственности очень часто выбивались, благодаря лицемѣрію, и тратили на него весь свой талантъ. Такъ, стихотворецъ Иванъ Майковъ, крѣпостной ярославскаго помѣщика Брянчанинова, добился свободы «для обозрѣнія россійскихъ городовъ и *сочиненія стихотворства*». Талантомъ онъ должно быть не обладалъ, потому что два архіерея отозвались, «что поднесенные имъ Розовымъ (Майковымъ) стихи по негодности ихъ уничтожены». И все-таки Майковъ могъ жить тѣмъ, что писалъ оды,

*

Digitized by Google

стихи и подносилъ ихъ разнымъ господамъ, получая за это деньги. Въ 1793 году, вышла цѣлая книжка его стихотвореній, подъ общимъ названіемъ «Живой источникъ».

Карьера другого писателя-самоучки—Слѣпушкина еще ярче представляетъ то, что требовалось у насъ для достиженія успѣха. Слѣпушкинъ былъ также крѣпостнымъ человѣкомъ (онъ принадлежалъ помѣщицѣ Ярославской губ. Ек. Вл. Новосильцевой) и «въ часы досуга занимался сочиненіемъ стиховъ и живописью». Слухъ о немъ дошелъ до издателя «Отечественныхъ Записокъ» П. П. Свиньина. Его заинтересовалъ крестьянинъ-рабъ со свободнымъ духомъ. «Могъ ли я видѣть безъ особеннаго удовольствія, пишетъ онъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1823 г., № 33):—русскаго поселянина, занимающагося упражненіями, требующими свободнаго духа, свидѣтельствующими благородство чувствъ? Извѣстно, что древніе не позволяли рабамъ заниматься свободными художествами; какъ же, русскій крестьянинъ, крѣпостной человѣкъ, посвящаетъ мирные часы досуговъ своихъ столь благородной страсти?»

Слѣпушкинъ сейчасъ же понялъ свое положеніе «чуда» и сталъ, какъ могъ, пользоваться имъ. Онъ записалъ расположеніе всего кружка «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ имъ интересовались, какъ «небывалымъ зрѣлищемъ и охотно прощали недостатки его произведеній во вниманіе къ его происхожденію». Онъ съумѣлъ заслужить золотую медаль съ надписью: «Приносящему пользу русскому слову» и снискать участіе многихъ знатныхъ особъ. А княгиня Татьяна Васильевна Юсупова даже помогла ему выкупиться на волю, собравъ для него три тысячи рублей.

Его «Досуги сельскаго жителя» извѣстны, какъ очень слабая, не стоющая печати вещь. Понятно, что не талантомъ дошелъ онъ до извѣстности и нажилъ себѣ состояніе. Только благодаря «почтительности и благонамѣренности поэта и умѣренности его таланта», онъ нашелъ себѣ покровителей. Многіе же поклонялись ради его покровителей...»

Слѣпушкинъ, какъ видно, умѣлъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы польстить и выдвинуться. Онъ добился представленія государю и государынѣ Маріѣ Ѳедоровнѣ, причемъ получилъ шитый золотомъ кафтанъ и золотые часы. Въ 1832 году, при открытіи Александровской колонны, Слѣпушкинъ не могъ пропустить такого случая, чтобы не написать восторженное, хоть и бездарное стихотвореніе, за что и получилъ, «по представленію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, князя

Digitized by Google

Ливена, золотую медаль съ изображеніемъ государя императора, для ношенія на Александровской лентѣ».

Барыня его—Новосильцева, конечно, хотѣла воспользоваться извѣстностью своего дворового и запросила за его свободу тридцать тысячъ рублей. Но и тутъ «знатные покровители» помогли Слѣпушкину и выторговали его за три тысячи. Онъ сейчасъ же записался въ купцы третьей гильдіи и «гордился своимъ новымъ состояніемъ». Когда ему приходилось проѣзжать черезъ заставу, гдѣ у него спрашивали объ его званіи, онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства и съ особеннымъ удовольствіемъ отвѣчалъ: «купецъ Слѣпушкинъ» [1].

Онъ писалъ постоянно акростихи, надгробія, надписи къ портретамъ и оды съ восхваленіями сильныхъ міра сего. А вмѣстѣ съ тѣмъ у него, не имѣвшаго прежде «въ закромахъ ни одного зерна», выросъ подъ Петербургомъ домъ и кирпичный заводъ.

А какой-нибудь Шевченко нетолько не заслужилъ никакой медали, но, напротивъ, долженъ былъ биться всю свою жизнь, какъ рыба объ ледъ. Его дралъ за уши баринъ, сѣкъ управляющій, таскалъ за волосы дьячекъ-учитель, билъ пьяница дьяконъ. И, выбравшись на свободу, онъ не съумѣлъ угодить...

Тѣ страшныя времена прошли безвозвратно. Страдальцы давно перестали страдать — зачѣмъ же вызывать эти мрачныя тѣни прошлаго?

Затѣмъ, что памятникъ стыда имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и памятникъ славы. Въ настоящее время, достаточно удаленное отъ эпохи крѣпостного права и достаточно больное своими новыми болѣзнями, все чаще и чаще раздаются голоса за то, что при крѣпостномъ правѣ народу жилось лучше, чѣмъ теперь, потому что собственный интересъ помѣщика заставлялъ его бережно относиться къ мужицкому хозяйству и дѣлалъ изъ «господъ» естественныхъ покровителей крестьянъ. Дѣйствительно, прямой интересъ помѣщика понукалъ его поддерживать источникъ своихъ доходовъ—крестьянское хозяйство. Но помѣщикъ, какъ и другіе люди, руководствовался въ жизни не однимъ интересомъ. Онъ искалъ и наслажденій, забавъ, а такъ какъ онъ былъ грубъ и невѣжественъ, то и наслажденія его

[1] Ярославскій крестьянинъ-стихотворецъ, Ѳедоръ Никифоричъ Слѣпушкинъ. *И. Ремезовъ.* Ст. 33.

Digitized by Google

были грубы. Все это порождало многочисленные штаты дворовыхъ, оркестры крѣпостныхъ музыкантовъ, труппы крѣпостныхъ актеровъ, перекидываніе людей изъ пахарей въ трагики, изъ трагиковъ въ свинопасы, и ложилось тяжелымъ гнетомъ какъ на духовную, такъ и на матеріальную сторону народнаго быта.

Мы держались рамки «крѣпостной интеллигенціи» въ буквальномъ смыслѣ слова. И внѣ юридически крѣпостныхъ порядковъ могутъ существовать и та монополія бездарностей, какая по необходимости существовала въ русскомъ искусствѣ времени крѣпостного права, и та драма, которую переживалъ крѣпостной талантъ, не на счастье, а на горе и проклятіе осыпанный дарами природы, талантъ, у котораго, какъ у сокола, «крылья связаны, и пути ему всѣ заказаны»; и то издѣвательство надъ умомъ, дарованіемъ и знаніемъ, которому предавалось помѣщичье самодурство. Но въ крѣпостномъ правѣ всѣ эти нерѣдкіе шипы жизни интеллигенціи были опредѣленнѣе, оформленнѣе, ярче, острѣе. И въ этомъ—ихъ высокая поучительность...

Ек. Лѣткова.

Digitized by Google

МЕДВѢДИ.

На степной рѣчкѣ Рохлѣ пріютился городъ Бѣльскъ. Въ этомъ мѣстѣ она дѣлаетъ нѣсколько крутыхъ излучинъ, соединенныхъ протоками; все сплетеніе, если смотрѣть въ ясный лѣтній день съ высокаго праваго берега долины рѣки, кажется цѣлымъ бантомъ изъ голубыхъ лентъ. Этотъ высокій берегъ подымается надъ уровнемъ Рохли сажень на пятьдесятъ и точно срѣзанъ огромнымъ ножемъ такъ круто, что взобраться отъ воды наверхъ, туда, гдѣ начинается безконечная степь, можно только хватаясь за кусты бересклета, дерезы и орѣшника, густо покрывающихъ склонъ. Оттуда, сверху, открывается видъ верстъ на сорокъ кругомъ. Направо къ югу и налѣво на сѣверъ тянутся холмы праваго берега Рохли, круто спускающіеся въ долину, какъ тотъ, съ котораго мы смотримъ, или отлогіе; нѣкоторые изъ нихъ бѣлѣютъ своими обнаженными отъ почвы мѣловыми вершинами и скатами; другіе покрыты по большой части чахлой и низкой травой. Прямо, на востокъ, тянется безграничная, слегка поднимающаяся степь, то желтая отъ сѣнокосовъ, на которыхъ густо разросся негодный молочай, то зеленѣющая хлѣбами, то лилово-черная отъ поднятой недавно цѣлины, то серебристо-сѣрая отъ ковыля. Отсюда она кажется ровною и только привычный глазъ разсмотритъ на ней едва уловимыя линіи отлогихъ невидимыхъ глубокихъ лощинъ и овраговъ, да кое-гдѣ виднѣется небольшимъ возвышеніемъ старый распаханный и просѣвшій въ землю курганъ, уже безъ каменной бабы, которая, можетъ быть, украшаетъ, въ качествѣ скиѳскаго памятника, дворъ харьковскаго университета, а, можетъ быть, увезена какимъ-нибудь мужикомъ и заложена въ стѣнку загона для скотины.

Внизу рѣка, изгибаясь голубой лентой, тянется съ сѣвера на югъ, то отходя отъ высокаго берега въ степь, то приближаясь и протекая подъ самою кручею. Она окаймлена кустами лозняка, кое-гдѣ сосною, а около города выгонами и садами. Въ

Digitized by Google

нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, въ сторону степи тянутся сплошной полосой почти по всему теченію Рохли сыпучіе пески, едва сдерживаемые красною и черною лозою и густымъ ковромъ душистаго лиловаго чабреца. Въ этихъ пескахъ, верстахъ въ двухъ отъ города, пріютилось и городское кладбище; съ высоты оно кажется маленькимъ оазисомъ съ возвышающеюся надъ нимъ деревянной колоколенкой кладбищенской церкви. Самъ городъ не представляетъ собою ничего особенно выдающагося и очень похожъ на всѣ уѣздные города; впрочемъ, онъ выгодно отличается отъ своихъ собратій удивительною чистотою улицъ, происходящею не столько отъ заботливости городского управленія, сколько отъ песчаной почвы, на которой выстроенъ городъ; почва эта всасываетъ рѣшительно всякое количество влаги, какое можетъ произвести разгнѣванное небо, и тѣмъ приводитъ въ большое затрудненіе городскихъ свиней, которыя должны отыскивать себѣ удобное помѣщеніе, по крайней мѣрѣ, за двѣ версты отъ города, въ грязныхъ, илистыхъ берегахъ рѣки.

Въ сентябрѣ 1875 года Бѣльскъ былъ необыкновенно взволнованъ. Обычная тишина жизни нарушилась; повсюду въ клубѣ, на улицахъ, на скамейкахъ у воротъ, въ домахъ происходили шумные разговоры. Можно было бы подумать, что происходившее въ это время земское собраніе съ выборами заставило такъ волноваться жителей, но бывали и прежде земскія собранія, и съ выборами, и со скандалами, и не производили никакого особеннаго впечатлѣнія на Бѣльчанъ. Иногда только встрѣтившіеся на улицѣ граждане обмѣняются короткими фразами:

— Были? спроситъ одинъ, указывая взорами на домъ, гдѣ помѣщалась земская управа.

— Былъ! отвѣтитъ другой и при этомъ махнетъ рукою. А привыкшій къ способу выраженія мыслей собесѣдникъ пойметъ безъ словъ въ чемъ дѣло, и промолвитъ:

— Кто?

— Иванъ Петровичъ!

— Кого?

— Ивана Парфеныча.

Посмѣются и разойдутся.

Но теперь было не то. Городъ шумѣлъ, какъ во время ярмарки. Толпы мальчишекъ бѣгали по направленію къ городскому выгону и назадъ; солидные люди въ широкихъ лѣтнихъ парусинныхъ и сырцевыхъ шелковыхъ костюмахъ направлялись туда же. Городскія барышни съ зонтиками, въ разноцвѣтныхъ «панье» (тогда ихъ носили) занимали собою всю ширину улицы, такъ что катавшійся въ кабріолетѣ на сѣромъ въ яблокахъ не конѣ,

Digitized by Google

а звѣрѣ молодой купецъ Рогачевъ долженъ былъ натягивать вожжи и почти прижиматься къ мазанымъ стѣнамъ домовъ. Барышенъ сопровождали мѣстные кавалеры въ сѣренькихъ пальто, съ черными бархатными воротниками, съ тросточками, въ соломенныхъ шляпкахъ, и—у кого были — въ фуражкахъ съ кокардами. Братья Изотовы, коноводы всѣхъ общественныхъ увеселеній, умѣвшіе во время кадрили кричать «гранронъ!» и «оребуръ!» неизмѣнно присутствовали здѣсь, если не бѣгали по городу, сообщая знакомымъ дамамъ свѣжія новости.

— Изъ Валуйскаго уѣзда пришли! Полвыгона заняли, до самой рѣки, говорилъ старшій—Леонидъ.

— Я обозрѣвалъ видъ съ вершины *пристьна*, прибавилъ младшій, Константинъ, любившій выражаться изысканно. — Картина замѣчательная!

Пристѣномъ назывался тотъ самый холмъ, откуда открывается видъ на городъ и окрестности.

— Ахъ, какая мысль! Представьте! Знаете что: прикажемъ заложить линейку и поѣдемъ на пристѣнъ. Это будетъ въ родѣ пикника. И посмотримъ оттуда.

Это предложеніе первой дамы Бѣльска, жены брата казначея (почти весь городъ звалъ ея мужа, Павла Ивановича, братомъ казначея), дамы, пріѣхавшей лѣтъ восемь тому назадъ изъ Петербурга и потому владычицы модъ и хорошаго тона, встрѣтило общее сочувствіе. Заложили толстаго гнѣдого въ экипажъ, который попадается только въ уѣздныхъ городахъ и состоитъ изъ длинныхъ дрогъ, съ двумя длинными подножками, такъ что ѣдущіе помѣщаются въ два ряда по шести-семи человѣкъ въ каждомъ и сидятъ другъ къ другу спиной; компанія человѣкъ въ двѣнадцать усѣлась не него и поѣхала по городу, обгоняя отряды мальчишекъ, ряды барышенъ и толпы всякаго иного народа, подвигавшіяся къ выгону. Линейка, проѣхавъ по песчанымъ улицамъ города, переѣхала черезъ мостъ и направилась къ высокому правому берегу рѣки. Гнѣдой упорнымъ шагомъ, морща лоснившуюся шкуру своихъ ляжекъ, взобрался на двухверстный подъемъ, и черезъ полчаса путешественники сидѣли на краю заросшаго кустами пятидесяти саженнаго крутого склона и смотрѣли на знакомый намъ видъ. Внизу, подъ ихъ ногами, подъ самой стѣной, тихо текла подошедшая въ этомъ мѣстѣ рѣка, а за нею разстилался выгонъ, на который и было устремлено общее вниманіе.

Онъ пестрѣлъ, какъ огромный коверъ изъ лоскутьевъ. Видны были грязно-бѣлыя палатки, множество повозокъ, толпа пестраго народа: темныя фигуры мущинъ въ кафтанахъ, сѣрыя грязныя

Digitized by Google

рубахи, яркія желтыя и красныя одежды женщинъ; толпа народа окружала всѣ собравшіеся таборы цыганъ. Былъ чудный, немного жаркій и совершенно тихій день; на высоту, гдѣ сидѣли зрители, доносился говоръ тысячной толпы, тяжелые удары молота о мягкое желѣзо, конское ржанье и ревъ десятковъ приведенныхъ изъ нѣсколькихъ уѣздовъ цыганскихъ пойльцевъ и кормильцевъ—ручныхъ медвѣдей.

Ольга Павловна смотрѣла на эту пестроту въ бинокль и восхищалась.

— Ахъ, какъ это интересно! Какой большой! Посмотрите, Леонидъ, какой большой медвѣдь, тамъ направо. И рядомъ съ нимъ молодой цыганъ—совершенный Адонисъ!

Она передала бинокль молодому человѣку и онъ увидѣлъ фигуру стройнаго и очень грязнаго юноши, который стоялъ около звѣря, переваливавшагося съ лапы на лапу, и ласкалъ его.

— Позвольте и мнѣ, сказалъ толстый бритый господинъ, въ парусинѣ и соломенной шляпѣ. Онъ внимательно смотрѣлъ нѣсколько времени и, обернувшись къ Ольгѣ Павловнѣ, сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Да-съ, Ольга Павловна, Адонисъ. Но какой, я вамъ доложу изъ этого Адониса конокрадъ выйдетъ—первый сортъ.

— Mon Dieu! вы непремѣнно стараетесь перевести на прозу всякую поэзію. Почему конокрадъ? я не хочу этому вѣрить. Онъ такъ хорошъ.

— Хорошъ-то хорошъ, но какъ ему прикажете поддерживать свое прекрасное тѣло безъ этого медвѣдя? Вотъ перебьютъ ихъ завтра и изъ этой тысячи цыганъ половина пойдетъ по міру.

— Они могутъ ковать, предсказывать...

— Предсказывать! Былъ у меня вчера Илья-коновалъ: вотъ поговорите съ нимъ. Хороши, говоритъ, у васъ, Ѳома Ѳомичъ, сѣрые, да только берегите отъ нашего брата.—А что, говорю, не ты ли стащишь?—Ухмыляется каналья! Предсказывать! вотъ у него прорицанія какія!

Отъ линейки отвязали большую корзину, изъ которой появились яства и питія и общество начало насыщаться, весело болтая и почти не обращая вниманія на разстилавшуюся у ихъ ногъ картину. Солнце садилось, огромная тѣнь отъ холма быстро бѣжала на выгонъ, на городъ, на степь; очертанія сглаживались и, какъ это бываетъ на югѣ, день быстро смѣнился ночью. Далекіе извивы рѣки заблестѣли холоднымъ луннымъ свѣтомъ; въ городѣ показались огоньки; въ цыганскомъ таборѣ зажгли костры, краснѣвшіе сквозь туманъ, подымавшійся съ уснувшей рѣки подъ пристѣномъ. А наверху Константинъ и Леонидъ на-

Digitized by Google

перерывъ разсказывали смѣшные анекдоты; Ольга Павловна изрѣдка снисходительно улыбалась; барышни громко хихикали и иногда прыскали. Зажгли свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ; кучеръ и горничная раздували въ кустахъ самоваръ, причемъ послѣдняя по временамъ отчего-то взвизгивала, впрочемъ, весьма осторожно. Толстый Ѳома Ѳомичъ долго молчалъ и, наконецъ, перебилъ анекдотъ Леонида на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Когда же, наконецъ, назначена эта медвѣжья казнь? спросилъ онъ.

— Въ среду утромъ, разомъ отвѣтили братья Изотовы.

Съ четырехъ уѣздовъ сошлись несчастные цыгане со всѣмъ своимъ скарбомъ, съ лошадьми и медвѣдями. Больше сотни косолапыхъ звѣрей, отъ маленькихъ медвѣжатъ до огромныхъ стариковъ въ посѣдѣвшихъ и выцвѣтшихъ шкурахъ, было собрано на городскомъ выгонѣ. Цыгане съ ужасомъ ждали рѣшительнаго дня. Многіе, пришедшіе первыми, жили на городскомъ выгонѣ уже недѣли двѣ; начальство ждало прихода всѣхъ переписанныхъ къ тому времени цыганъ, чтобы устроить разомъ большую казнь. Имъ было дано пять лѣтъ льготы послѣ выхода закона, прекратившаго промыселъ ручными медвѣдями, и теперь срокъ этой льготы истекъ: цыгане должны были явиться въ назначенные для сбора пункты и сами перебить своихъ кормильцевъ.

Они въ послѣдній разъ совершали свой походъ по деревнямъ съ знаменитою козою и ея барабанщикомъ, непремѣнными спутниками медвѣдей. Въ послѣдній разъ, завидѣвъ, какъ они спускаются со степи въ яръ, гдѣ обыкновенно расположены украинскія слободы, толпа мальчишекъ и дѣвченокъ бѣжала къ нимъ за версту навстрѣчу и съ ликованіемъ возвращалась вмѣстѣ съ ихъ нестройной толпой внизъ, въ слободу, гдѣ начиналось самое торжество.

Да, это было торжество! Они останавливались у кабака или у какой-нибудь хаты побогаче, а гдѣ была помѣщичья усадьба, то передъ панскимъ домомъ, и начиналось представленіе, леченье, торговля и мѣна, гаданье, ковка лошадей и починка телегъ; и чего-чего тутъ не было въ долгій лѣтній день до самаго вечера, когда цыгане уходили за слободу, на толоку, растягивали тамъ свои палатки или просто натягивали холстину на оглобли, зажигали костры и готовили себѣ ужинъ. И до поздней ночи вокругъ табора стояла любопытная толпа.

— Ну, пора, пора, говоритъ мнѣ, маленькому мальчику, отецъ.

— Еще немножечко, еще немножечко.

И отцу самому не хотѣлось уѣзжать. Мы сидѣли съ нимъ на

Digitized by Google

бѣговыхъ дрожкахъ; старый меринъ Васька, повернувъ голову къ огнямъ и настороживъ уши на медвѣдей, стоялъ смирно, изрѣдка фыркая; огни табора бросали дрожащій красный свѣтъ и неопредѣленныя колеблющіяся тѣни; легкій туманъ поднимался изъ лощины сбоку насъ, а за таборомъ разстилалась степь. Темныя крылья вѣтряной мельницы рисовались на небѣ; за нею уходило безграничное таинственное пространство, окутанное серебристо-сѣрымъ сумракомъ. Шумъ табора не заглушалъ тихихъ и чистыхъ звуковъ степной ночи: то донесется изъ далекаго пруда торжественный, звонкій хоръ лягушекъ, то звенящимъ трескомъ раздается мѣрный и торопливый крикъ дергача, то перепелы начнутъ кричать свое «пить пойдемъ! пить пойдемъ»! то откуда-то долетятъ непонятные, невѣдомые звуки, слабые и гармоничные; что это? звукъ ли далекаго колокола, принесенный легкимъ вѣтеркомъ или голосъ природы, языка которой мы не понимаемъ?...

Но въ лагерѣ все успокоивается; понемногу тушатъ ненужные огни; медвѣди, ворочаясь, звякаютъ своими цѣпями и изрѣдка глухо урчатъ подъ телегами, къ которымъ прикованы; цыгане укладываются спать. Одинъ изъ нихъ отошелъ въ сторону и горловымъ теноромъ запѣлъ странную пѣсню на родномъ языкѣ, не похожую на пѣсни московскихъ цыганъ и опереточныхъ пѣвицъ, своеобразную, дикую, заунывную, чуждую для уха, донесшуюся откуда-то изъ неизвѣданной темноты... Никто не знаетъ, когда сложена она, какія степи, лѣса и горы породили ее; она осталась живымъ свидѣтелемъ старины, забытой и тѣмъ, кто поетъ ее теперь подъ чужимъ горящимъ звѣздами небомъ, въ чужихъ степяхъ...

— Поѣдемъ, говоритъ отецъ. Застоявшійся Васька бодро трогается съ мѣста и дрожки катятся по извилистой дорогѣ внизъ, въ лощину; легкая пыль слабо взвивается изъ подъ колесъ и тутъ же, будто сонная, падаетъ на слегка росистую траву.

— Папа, знаетъ ли кто-нибудь по-цыгански?

— Сами они, конечно, знаютъ, а изъ другихъ я не видѣлъ никого, кто умѣлъ бы говорить съ ними.

— Я хотѣлъ бы научиться. Я хотѣлъ бы знать, что онъ пѣлъ... Папа, они язычники? Можетъ быть, онъ пѣлъ про своихъ боговъ: какъ они жили, какъ воевали...

Мы возвратились домой, и я лежу подъ одѣяломъ, а воображеніе все еще работаетъ и создаетъ странные образы въ маленькой головѣ, уже склонившейся на подушку.

Теперь по деревнямъ уже не водятъ медвѣдей. Да и цыгане стали рѣдко бродить: большею частью они живутъ въ тѣхъ мѣ-

Digitized by Google

стахъ, гдѣ приписаны, и только иногда, отдавая дань своей вѣковой привычкѣ, выбираются куда-нибудь на выгонъ, натягиваютъ закопченое полотно и живутъ цѣлыми семьями, занимаясь ковкою лошадей, коновальствомъ и барышничествомъ. Мнѣ случалось видѣть даже, что шатры уступали мѣсто на скорую руку сколоченнымъ досчатымъ балаганамъ. Это было въ губернскомъ городѣ: недалеко отъ больницы и базарной площади, на клочкѣ еще не застроенной земли, рядомъ съ почтовой дорогой, цыгане устроили цѣлый маленькій городокъ. Только смуглыя, глазастыя лица, курчавые волосы, грязная одежда мущинъ, грязныя яркія тряпки женщинъ и нагіе бронзовые ребятишки напомнили мнѣ былую картину вольнаго цыганскаго табора. Изъ балагановъ слышался лязгъ желѣза; я заглянулъ въ одинъ изъ нихъ: какой-то старикъ ковалъ подковы. Я посмотрѣлъ на его работу и увидѣлъ, что это уже не прежній цыганъ-кузнецъ, а простой мастеровой, взявшій заказъ и работающій, чтобы поскорѣе кончить его и навалить на себя новый. Онъ ковалъ подкову за подковой, отбрасывая ихъ одну за другой въ кучу, въ углу балагана; онъ работалъ съ мрачнымъ, сосредоточеннымъ видомъ, сильно торопясь; это было днемъ; проходя уже довольно поздно вечеромъ, я подошелъ къ балагану и увидѣлъ старика за тѣмъ же дѣломъ. Это былъ уже фабричный. И странно было видѣть цыганскій таборъ почти внутри города, между земской больницей, базаромъ, острогомъ и какимъ-то плацемъ, гдѣ учились солдаты, и поминутно раздавалось: на плечо! на краулъ!—рядомъ съ дорогой, съ которой вѣтеръ поднималъ тучи пыли, занося ею и досчатые балаганы, и костры съ котелками, въ которыхъ закутанныя пестрыми платками цыганки варили какую-то кашицу, и самихъ цыганъ, и ихъ голыхъ ребятишекъ.

Они шли по деревнямъ, давая въ послѣдній разъ свои представленія. Въ послѣдній разъ медвѣди показывали свое артистическое искуство: плясали, боролись, показывали, какъ мальчишки горохъ воруютъ, какъ ходитъ молодица и какъ старая баба; въ послѣдній разъ они получали угощеніе въ видѣ стаканчика водки, который медвѣдь, стоя на заднихъ лапахъ, бралъ обѣими подошвами переднихъ, прикладывалъ къ своему мохнатому рылу и, опрокинувъ голову назадъ, выливалъ въ пасть, послѣ чего облизывался и выражалъ свое удовольствіе тихимъ ревомъ, полнымъ какихъ-то странныхъ вздоховъ. Въ послѣдній разъ къ цыганамъ приходили старики и старухи, чтобы полечиться вѣрнымъ, испытаннымъ средствомъ, состоявшимъ въ томъ, чтобы лечь на землю подъ медвѣдя, который ложился на паціента брюхомъ, широко растопыривъ во всѣ стороны по землѣ свои четыре

Digitized by Google

лапы и лежалъ, пока цыганъ не считалъ сеанса уже достаточно продолжительнымъ. Въ послѣдній разъ ихъ вводили въ хаты, причемъ, если медвѣдь добровольно соглашался войти, его вели въ передній уголъ и сажали тамъ и радовались его согласію, какъ доброму знаку; а если онъ, несмотря на всѣ уговоры и ласки, не переступалъ порога, то хозяева печалились, а сосѣди говорили:

— Шось такѐ е! Бо винъ зна!

Большая часть цыганъ пришла изъ западныхъ уѣздовъ, такъ что имъ приходилось спускаться къ Бѣльску двухъ-верстнымъ спускомъ, и, завидѣвъ издали мѣсто своего несчастія, этотъ городокъ, съ его соломенными и желѣзными крышами и двумя-тремя колокольнями, женщины принимались выть, дѣти плакать, а медвѣди изъ сочувствія, а можетъ быть, кто знаетъ?—поняв изъ людскихъ толковъ свою горькую участь, такъ ревѣть, что встрѣчавшіеся обозы сворачивали съ дороги въ сторону, чтобы не слишкомъ перепугать воловъ и лошадей, а сопровождавшія ихъ собаки съ визгомъ и трепетомъ забивались подъ самые возы, туда, гдѣ хохлы привязываютъ дегтярную *мазницю* съ *квачемъ*.

У воротъ Бѣльскаго исправника собралось нѣсколько стариковъ цыганъ. Они пріодѣлись, чтобы представиться начальству въ приличномъ видѣ. На всѣхъ были черные или синіе суконные бешметы, съ наборными серебряными съ чернью поясами, шелковыя рубахи съ узенькимъ галуномъ по воротнику, плисовые шаровары, большіе сапоги, у нѣкоторыхъ съ расшитыми и прорѣзанными узоромъ голенищами, и, большею частью, барашковыя шапки. Это убранство надѣвалось только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

— Спитъ? спросилъ высокій, прямой, пожелтѣвшій отъ старости цыганъ выходившаго изъ двора городового, одного изъ одинадцати, обязанныхъ охранять порядокъ въ городѣ Бѣльскѣ.

— Встаетъ, одѣвается. Сейчасъ позовутъ васъ, отвѣчалъ городовой.

Старики, до тѣхъ поръ неподвижно сидѣвшіе и стоявшіе, зашевелились и начали тихо разговаривать между собою. Старшій вынулъ что то изъ кармана шароваръ; всѣ окружили его и смотрѣли на предметъ, находившійся въ его рукахъ.

— Ничего не будетъ, сказалъ онъ, наконецъ.—Развѣ онъ что можетъ? Развѣ это отъ него? Это изъ Петербурга, самъ министръ приказалъ. По всѣмъ мѣстамъ медвѣдей бьютъ.

— Попробуемъ, Иванъ, можетъ, какъ-нибудь... отвѣтилъ другой старикъ.

Digitized by Google

— Попробовать можно, отвѣчалъ уныло Иванъ.—Только и денежки онъ наши возьметъ, и ничѣмъ не поможетъ.

Ихъ позвали къ исправнику. Они вошли толпою въ переднюю и когда къ нимъ вышелъ усатый человѣкъ въ растегнутомъ полицейскомъ мундирѣ, изъ подъ котораго была видна красная канаусовая рубашка, старики упали ему въ ноги. Они просили его, предлагая ему деньги. Многіе плакали.

— Ваше высокоблагородіе, говорилъ Иванъ:—сами посудите, куда мы теперь подадимся? Были у насъ медвѣди — жили мы смирно, никого не обижали... Есть у насъ молодцы, что и лихимъ дѣломъ промышляютъ; да, ваше высокоблагородіе, развѣ конокрадовъ и русскихъ мало? Никому отъ нашихъ звѣрей обиды не было, всѣмъ утѣха. Теперь же что будетъ? По міру должны мы идти, а не то ворами, бродягами быть. Отцы наши и дѣды медвѣдей водили; земли мы пахать не умѣемъ; кузнецы мы всѣ, да вѣдь хорошо было кузнецами быть, за работой по всей землѣ ходя, а теперь работа къ намъ сама не пойдетъ. И будутъ наши молодцы ворами-конокрадами: некуда больше податься, ваше высоблагородіе. Какъ передъ Богомъ говорю, не скрываюсь: большое зло сдѣлали и намъ, и всѣмъ добрымъ людямъ, медвѣдей у насъ отнявши. Можетъ, вы намъ поможете; Богъ вамъ за то пошлетъ, господинъ добрый!

Старикъ упалъ на колѣни и въ ноги поклонился исправнику. Остальные сдѣлали тоже. Майоръ стоялъ съ мрачнымъ видомъ, поглаживая длинные усы и засунувъ другую руку въ карманъ синихъ рейтузъ. Старикъ досталъ довольно толстый кожанный бумажникъ и подалъ его.

— Не возьму, мрачно сказалъ исправникъ.—Ничего не могу сдѣлать.

— Да вы бы взяли, ваше в—діе, раздалось въ толпѣ. — Можетъ что-нибудь... Вы бы написали.

— Не возьму, громче прежняго сказалъ исправникъ. — Незачто. Ничего нельзя. Это законъ... Вамъ пять лѣтъ льготы было дано... Что ужъ тутъ дѣлать?..

И онъ развелъ руками.

Старики молчали. Исправникъ продолжалъ:

— Я самъ знаю, какая это бѣда и вамъ, и намъ. Теперь только и смотри за лошадьми; да что-жь я могу подѣлать? Ты, дѣдъ, спрячь деньги: я даромъ денегъ не беру. Вотъ попадутся мнѣ ваши ребята съ конями—не прогнѣвайтесь, но брать даромъ не въ моихъ правилахъ. Спрячь, спрячь, старикъ: вамъ деньги пригодятся.

— Ваше высокоблагородіе, сказалъ Иванъ, все держа бумаж-

Digitized by Google

никъ въ рукахъ:—дозвольте еще слово выговорить. Позвольте завтра... его голосъ задрожалъ:—позвольте завтра покончить. Истомились мы, измучились. Двѣ недѣли я, вотъ, пришелъ со своими, прожились вовсе...

— Еще одной партіи, старикъ, нѣтъ, надо подождать. У меня съ вами тутъ и такъ весь городъ съ ума сошелъ. Надо разомъ.

— Да пришли уже, ваше высокоблагородіе: какъ мы къ вамъ пошли—съ горы спускались. Сдѣлай такую милость, господинъ! не томи ты насъ.

— Ну, если пришли, такъ завтра, часовъ въ десять, я къ вамъ пріѣду. Ружья у васъ есть?

— Есть ружья, да не у всѣхъ.

— Хорошо, я попрошу полковника дать изъ команды. Съ Богомъ. Жаль мнѣ васъ, очень жаль.

Старики пошли къ двери, но исправникъ окликнулъ ихъ:

— Постойте, эй, вы! вотъ я вамъ что скажу: вы пойдите къ аптекарю, Ѳомѣ Ѳомичу—знаете аптеку, подлѣ собора?—пойдите, скажите, что я васъ послалъ. Онъ у васъ все сало медвѣжье скупитъ: ему оно въ мазь пойдетъ. И шкуры, можетъ быть. Хорошую цѣну дастъ; не пропадать же имъ такъ, въ самомъ дѣлѣ.

Цыгане поблагодарили и толпою отправились въ аптеку. Разрывались ихъ сердца; почти безъ торга продали они смертные останки своихъ друзей. Ѳома Ѳомичъ скупилъ все сало по четырнадцати копеекъ, а о шкурахъ обѣщалъ поговорить послѣ. Случившійся тутъ-же купецъ Рогачевъ, надѣясь сдѣлать хорошую аферу, сторговалъ всѣ медвѣжьи окорока по пятачку за фунтъ.

Вечеромъ того же дня, братья Изотовы прибѣжали запыхавшись къ казначееву брату.

— Ольга Павловна, Ольга Павловна, назначили на завтра! Всѣ пришли! Уже и ружья полковникъ далъ, говорили они наперерывъ.—Ѳома Ѳомичъ купилъ все сало по четырнадцати копеекъ фунтъ. Рогачевъ окорока...

— Постойте, постойте, Леонидъ, перебила Ольга Павловна:—зачѣмъ Ѳомѣ Ѳомичу медвѣжье сало?

— Для мазей; превосходная помада для рощенія волосъ.

И при этомъ Константинъ разсказалъ интересный анекдотъ о томъ, какъ нѣкоторый лысый господинъ, намазывая себѣ голову медвѣжьимъ жиромъ, выростилъ волосы на рукахъ.

— И долженъ былъ брить ихъ каждые два дня, заключилъ Леонидъ, причемъ оба брата разразились хохотомъ.

Digitized by Google

Ольга Павловна улыбнулась и задумалась. Она уже давно носила шиньонъ, и свѣденія о медвѣжьемъ салѣ пришлись ей по сердцу, и когда вечеромъ аптекарь Ѳома Ѳомичъ пришелъ съиграть пульку съ ея мужемъ и казначеемъ, она издалека завела разговоръ и ловко вынудила у него обѣщаніе прислать ей медвѣжьей помады.

— Непремѣнно-съ, непремѣнно-съ, Ольга Павловна. Даже съ духами. Вы что предпочитаете — пачули или иланъ-иланъ?

Настало пасмурное холодное, настоящее сентябрьское утро. Изрѣдка накрапывалъ мелкій дождь, но, несмотря на него, множество зрителей обоего пола и всѣхъ возрастовъ пришли на лугъ посмотрѣть интересное зрѣлище. Городъ почти опустѣлъ. Всѣ наличные экипажи: одна имѣвшаяся въ городѣ карета, нѣсколько фаэтоновъ, дрожекъ и линеекъ были заняты перевозкой любопытныхъ; они доставляли ихъ къ табору и возвращались въ городъ за новыми партіями. Къ десяти часамъ всѣ уже собрались.

Цыгане потеряли всякую надежду. Въ лагерѣ не было большого шума: женщины забились въ шатры, вмѣстѣ съ малыми ребятишками, чтобы не видѣть казни, и только изрѣдко изъ котораго нибудь изъ нихъ вырывался отчаянный вопль; мужчины лихорадочно дѣлали послѣднія приготовленія. Они откатывали къ краю становища телеги и привязывали къ нимъ звѣрей.

Исправникъ съ Ѳомой Ѳомичемъ прошлись вдоль ряда осужденныхъ. Медвѣди были не совсѣмъ спокойны: необыкновенная обстановка, странныя приготовленія, огромная толпа, большое скопленіе ихъ самихъ въ одномъ мѣстѣ—все приводило ихъ въ возбужденное состояніе; они порывисто метались на своихъ цѣпяхъ или грызли ихъ, глухо рыча. Старый Иванъ стоялъ возлѣ своего огромнаго кривого медвѣдя. Его сынъ, пожилой цыганъ, уже съ серебристой просѣдью въ черныхъ волосахъ, и внукъ, тотъ самый юноша—Адонисъ—на котораго обратила свое вниманіе Ольга Павловна, съ помертвѣвшими лицами и горящими глазами торопливо привязывали медвѣдя.

Исправникъ поровнялся съ ними.

— Ну, старикъ, сказалъ онъ:—прикажи ребятамъ, чтобъ начинали.

Толпа зрителей заволновалась, поднялся говоръ, крики, но скоро все стихло и среди мертвой тишины раздался не громкій, но важный голосъ. Это говорилъ старикъ Иванъ.

— Дозволь, господинъ добрый, сказать мнѣ слово. Прошу

Digitized by Google

васъ, братья, дайте мнѣ первому покончить. Старше я всѣхъ васъ: девяносто лѣтъ черезъ годъ мнѣ стукнетъ, а медвѣдей вожу я съ измала. И во всемъ таборѣ нѣту звѣря старше моего.

Онъ опустилъ сѣдую курчавую голову на грудь, горько покачалъ ею и вытеръ кулакомъ глаза. Потомъ онъ выпрямился, поднялъ голову и продолжалъ громче и тверже прежняго:

— Потому и хочу я первый покончить. Думалъ я, что не доживу до такого горя, думалъ, и медвѣдь мой любимый не доживетъ, да видно не судьба: своей рукой долженъ я убить его, кормильца своего и благодѣтеля. Отвяжите его, пустите на волю. Никуда не пойдетъ онъ: намъ съ нимъ, старикамъ, отъ смерти не бѣгать. Отвяжи его, Вася: не хочу убивать его, какъ скота на привязи. Не бойтесь, сказалъ онъ зашумѣвшей толпѣ:—не тронетъ онъ никого.

Юноша отвязалъ огромнаго звѣря и отвелъ немного отъ телеги. Медвѣдь усѣлся на заднія лапы, спустивъ переднія внизъ, и раскачивался изъ стороны въ сторону, тяжело вздыхая и хрипя. Онъ былъ дѣйствительно очень старъ; его зубы были желты, шкура порыжѣла и вылѣзла; онъ дружелюбно и печально смотрѣлъ на своего стараго хозяина единственнымъ маленькимъ глазомъ. Кругомъ была мертвая тишина. Слышно было только, какъ звякали о стволы и тупо стучали о пыжи шомполы заряжаемыхъ винтовокъ.

— Дайте ружье, твердо сказалъ старикъ.

Сынъ подалъ ему винтовку. Онъ взялъ ее и, прижимая къ груди, началъ говорить снова, обращаясь къ медвѣдю:

— Убью я тебя сейчасъ, Потапъ. Дай Боже, чтобы старая рука моя не дрожала, чтобы попала тебѣ пуля въ самое сердце. Не хочу я мучить тебя, не того ты заслужилъ, медвѣдь мой старый, товарищъ мой добрый. Взялъ я тебя маленькимъ медвѣжонкомъ, глазъ у тебя былъ выколотъ, носъ отъ кольца гнилъ, болѣлъ ты и чахъ; я за тобой, какъ за сыномъ ходилъ, и жалѣлъ тебя, и выросъ ты большимъ и сильнымъ медвѣдемъ; нѣтъ другого такого во всѣхъ таборахъ, что здѣсь собрались. И выросъ ты, и не забылъ добра моего: между людьми у меня друга такого, какъ ты, не было. Ты добръ и смиренъ былъ, и понятливъ, и всему выучился, и не видѣлъ я звѣря добрѣе и понятливѣе. Что я былъ безъ тебя? Твоею работою вся семья моя жива. Ты справилъ мнѣ двѣ тройки коней, ты мнѣ хату на зиму выстроилъ. Больше еще сдѣлалъ ты: сына моего отъ солдатчины избавилъ. Большая наша семья, и всѣхъ, отъ стараго до малаго младенца, ты въ ней до сихъ поръ кормилъ и берегъ. И лю-

Digitized by Google

билъ я тебя крѣпко, и не билъ больно, а если виноватъ въ чемъ передъ тобою, прости меня, въ ноги тебѣ кланяюсь.

Онъ повалился медвѣдю въ ноги. Звѣрь тихо и жалобно зарычалъ. Старикъ рыдалъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Бей, батюшка, сказалъ ему сынъ.—Не рви намъ сердце.

Иванъ поднялся. Слезы больше не текли изъ его глазъ. Онъ отвелъ со лба упавшую на него свою сѣдую гриву и продолжалъ твердымъ и звонкимъ голосомъ:

— И вотъ теперь я убить тебя долженъ... Приказали мнѣ старикъ, застрѣлить тебя своей рукой; нельзя тебѣ больше жить на свѣтѣ. Что же? Пусть Богъ на небѣ разсудитъ насъ съ ними.

Онъ взвелъ курокъ и твердой еще рукой прицѣлился въ звѣря въ грудь подъ лѣвую лапу. И медвѣдь понялъ. Изъ его пасти вырвался жалобный, отчаянный ревъ; онъ всталъ на дыбы, поднявъ переднія лапы и какъ будто закрывая ими себѣ глаза, чтобы не видѣть страшнаго ружья. Вопль раздался между цыганами; въ толпѣ многіе плакали; старикъ съ рыданіемъ бросилъ ружье о землю и безсильно повалился на него. Сынъ бросился подымать его, а внукъ схватилъ ружье.

— Будетъ! закричалъ онъ дикимъ, изступленнымъ голосомъ, сверкая глазами.—Довольно! Бей, братцы, одинъ конецъ!

И, подбѣжавъ къ звѣрю, онъ приложилъ дуло въ упоръ къ его уху и выстрѣлилъ. Медвѣдь рухнулъ безжизненной массой; только лапы его судорожно вздрогнули и пасть раскрылась, какъ будто зѣвая. По всему табору затрещали выстрѣлы, заглушаемые отчаяннымъ воемъ женщинъ и дѣтей. Легкій вѣтеръ относилъ дымъ къ рѣкѣ.

— Сорвался! сорвался! раздалось въ толпѣ. Какъ стадо испуганныхъ овецъ, всѣ кинулись въ разсыпную. Исправникъ, толстый Ѳома Ѳомичъ, мальчишки, Леонидъ и Константинъ, барышни—все бѣжало въ паническомъ страхѣ, натыкаясь на шатры, на повозки, падая другъ на друга и крича. Ольга Павловна едва не упала въ обморокъ, но страхъ придалъ ей силъ и она, поднявъ платье, бѣжала по лугу, не думая о безпорядкѣ въ костюмѣ, причиненномъ поспѣшнымъ бѣгствомъ. Лошади, запряженныя въ ожидавшіе господъ экипажи, начали бѣситься и понеслись въ разныя стороны. Но опасность была вовсе не такъ велика. Обезумѣвшій отъ ужаса звѣрь, не старый еще темнобурый медвѣдь, съ обрывкомъ цѣпи на шеѣ, бѣжалъ съ удивительной легкостью; передъ нимъ все разступалось, и онъ мчался, какъ вѣтеръ, прямо къ городу. Нѣсколько цыганъ съ ружьями бѣжали

Digitized by Google

за нимъ. Попадавшіеся на улицѣ немногіе пѣшеходы прижимались къ стѣнамъ, если не успѣвали спрятаться въ ворота. Ставни запирались; все живое попряталось; исчезли даже собаки.

Медвѣдь несся мимо собора, по главной улицѣ, иногда кидаясь въ сторону, какъ бы отыскивая себѣ мѣсто, куда бы спрятаться, но все было заперто. Онъ промчался мимо лавокъ, встрѣченный неистовымъ крикомъ прикащиковъ, которые хотѣли его испугать, пролетѣлъ мимо банка, прогимназіи, казармы уѣздной команды на другой конецъ города, выбѣжалъ на дорогу на берегъ рѣки и остановился. Преслѣдователи отстали, но скоро изъ улицы показалась толпа уже не однихъ цыганъ. Исправникъ и полковникъ ѣхали на дрожкахъ, съ ружьями въ рукахъ; цыгане и взводъ солдатъ поспѣвали за ними бѣгомъ. У самыхъ дрожекъ бѣжали Леонидъ и Константинъ.

— Вотъ онъ, вотъ онъ! закричалъ исправникъ. — Жарь, катай его!

Раздались выстрѣлы. Одна изъ пуль задѣла звѣря; въ смертельномъ страхѣ, онъ побѣжалъ быстрѣе прежняго. За версту отъ города, вверхъ по Рохлѣ, куда бѣжалъ онъ, находится большая водяная мельница, со всѣхъ сторонъ окруженная небольшимъ, но густымъ лѣсомъ; звѣрь направлялся туда. Но запутавшись въ рукавахъ рѣки и плотинахъ, онъ сбился съ дороги; широкое пространство воды отдѣляло его отъ густой дубовой заросли, гдѣ онъ, можетъ быть, могъ бы найти, если не спасеніе, то отсрочку. Но онъ не рѣшился плыть. На этой сторонѣ густо разросся странный кустарникъ, ростущій только въ Южной Россіи, такъ-называемый люціумъ. Его длинные, гибкіе, не вѣтвистые стебли ростутъ такъ густо, что человѣку почти невозможно пройти сквозь заросль; но у корней есть щели и прогалины, въ которыя могутъ пролѣзать собаки, а такъ какъ онѣ часто ходятъ туда спасаться отъ жары и понемногу расширяютъ проходъ своими боками, то въ густой заросли образуется современемъ цѣлый лабиринтъ ходовъ. Туда и кинулся медвѣдь. Мукосѣи, смотрѣвшіе на него изъ верхняго этажа мельницы, видѣли это, и когда прибѣжала запыхавшаяся и измученная погоня, исправникъ приказалъ оцѣпить мѣсто, гдѣ скрывался звѣрь.

Несчастный забился въ самую глубину кустовъ; рана его отъ пули, сидѣвшей у него въ ляжкѣ, сильно болѣла; онъ свернулся въ комокъ, уткнувъ морду въ лапы и лежалъ неподвижно, оглушенный, обезумѣвшій отъ страха, лишавшаго его возможности защищаться. Солдаты стрѣляли въ кусты, думая задѣть его и заставить заревѣть, но попасть наугадъ было трудно.

Его убили уже поздно вечеромъ, выгнавъ изъ убѣжища огнемъ.

Digitized by Google

Всякій, у кого было ружье, считалъ долгомъ всадить пулю въ издыхающаго звѣря, и когда съ него сняли шкуру, она никуда не годилась.

Недавно мнѣ случилось побывать въ Бѣльскѣ. Городъ почти не измѣнился: только банкъ лопнулъ, да прогимназія превратилась въ гимназію. Исправника смѣнили, давъ ему за распорядительность мѣсто частнаго пристава въ губернскомъ городѣ; братья Изотовы попрежнему кричатъ «гранронъ» и «оребуръ» и бѣгаютъ по городу съ разсказами о самыхъ свѣжихъ новостяхъ; аптекарь Ѳома Ѳомичъ потолстѣлъ еще больше и, несмотря на то, что сдѣлалъ выгодное дѣло, скупивъ медвѣжье сало по четырнадцати копеекъ, а продавъ его по восьми гривенъ фунтъ, что дало въ цѣломъ не малую сумму, до сихъ поръ съ большимъ неудовольствіемъ говоритъ объ избіеніи медвѣдей.

— Говорилъ я вотъ тогда Ольгѣ Павловнѣ, какой изъ этого Адониса конокрадъ выйдетъ.., Ну, и что же? Недѣли не прошло—свелъ мою пару сѣрыхъ, мерзавецъ.

— А вы знаете, что это онъ? спросилъ я.

— Какъ же не онъ? Вѣдь его судили въ прошломъ году за конокрадство и разбой. На каторгу пошелъ.

— Ахъ, какъ мнѣ было его жаль! грустно сказала Ольга Павловна.

Бѣдная дама порядочно постарѣла за эти годы и, несмотря на то, что, по словамъ Ѳомы Ѳомича (который сказалъ мнѣ это по секрету), она вымазала на свою голову фунта четыре медвѣжьей помады, волосы ея нетолько не стали гуще, но даже порѣдѣли. Впрочемъ, шиньонъ такъ хорошо закрываетъ ихъ, что рѣшительно ничего не замѣтно.

Всеволодъ Гаршинъ.

Digitized by Google

* * *

Если розы тихо осыпаются,
Если меркнутъ звѣзды въ небесахъ,
Объ утесы волны разбиваются,
Гаснетъ лучъ зари на облакахъ —
Это — смерть, но безъ борьбы мучительной,
Эта смерть, плѣняя красотой
Обѣщаетъ отдыхъ упоительный,
Лучшій даръ природы всеблагой.
У нея, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтобъ съ улыбкой кроткой и торжественной
Свой конецъ безропотно встрѣчать.

Д. Мережковскій.

Digitized by Google

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

IV. Бакинское повоище 81 г.—«Наши» евреи и татары.

Правильность и округленность въ описаніи такихъ неожиданныхъ и во многомъ непонятныхъ явленій, какъ такъ-называемые «безпорядки», особенно часто повторяющіеся на югѣ Россіи, правильность, ограниченная точнымъ указаніемъ «пунктовъ» волненій и заполненная не менѣе точнымъ перечисленіемъ разбитыхъ стеколъ, разломанныхъ домовъ и разграбленныхъ лавокъ, нисколько не погрѣшая въ топографіи и статистикѣ событія, тѣмъ не менѣе придаетъ этому событію совершенно неточный и неправильный видъ. Прочитавъ такое топографически и статистически точное описаніе, въ родѣ того, которое мы привели въ концѣ прошлой статейки, читатель видитъ передъ собой только грабящую и бушующую толпу, и невольно долженъ изумиться предъ вопросомъ о томъ, откуда могла взяться такая масса людей, жаждущихъ грабежа? Если даже читатель и не повѣритъ, несмотря на описаніе, существованію въ волновавшейся толпѣ исключительно грабительскихъ наклонностей, то все-таки онъ будетъ удивленъ необыкновенной цифрой ожесточенныхъ людей, вдругъ, внезапно, появляющихся на улицахъ того или другого города, иногда совершенно незначительнаго и малонаселеннаго. Откуда взялась такая масса буйнаго народа? Гдѣ она была прежде и, наконецъ, куда скрылась послѣ того, какъ побушевала два-три дня? А между тѣмъ, полицейски-опредѣленное описаніе (такого рода опредѣленностью, къ сожалѣнію, грѣшатъ и нѣкоторыя газетныя корреспонденціи), волей-неволей изображающее неизвѣстно откуда взявшуюся ожесточенную толпу, какъ разбойниковъ и грабителей, сулитъ и мѣропріятія противъ нихъ въ томъ же неизбѣжно правильномъ направленіи, то есть остроги, суды, и т. д. То есть сулитъ цѣлый рядъ, если не совершенныхъ неправдъ, то ужь навѣрное безплодно раздражающихъ и ничего недостигающихъ строгостей.

Digitized by Google

Не менѣе такой полицейской правильности взгляда на дѣло будетъ несправедлива и всякая другая «правильность», всякое другое однообразное освѣщеніе факта. Попробуйте, пожалуйста, посмотрѣть на «эти дѣла», какъ исключительно на войну «капитала и труда». Факты есть: 500 человѣкъ рабочихъ на желѣзной дорогѣ были разсчитаны передъ самыми бакинскими безпорядками и явились въ Баку безъ денегъ и безъ пристанища; нефтяной кризисъ, постоянно сопровождающій рабочихъ на нефтяныхъ заводахъ, наконецъ, просто неаккуратные платежи этими заводами денегъ и т. д., и вотъ ужь есть достаточной доводъ для того, чтобы объяснить это дѣло въ другомъ и совершенно опредѣленномъ направленіи. Но малѣйшаго вниманія къ дѣлу достаточно для того, чтобы видѣть, что правильность или, по крайней мѣрѣ, основательность такого объясненія сомнительна. Любой нефте-промышленникъ скажетъ вамъ, что это не такъ, и приведетъ такой примѣръ: «Рабочіе, приходя за разсчетомъ въ конторы заводовъ, говорятъ: «вы, господа, дайте намъ хоть что-нибудь на продовольствіе... А тамъ остальное, когда поправитесь; мы и сами знаемъ, что у васъ денегъ нѣтъ ни копейки. Чего ужь!» Ни желѣзная дорога, которая разсчитала 500 человѣкъ рабочихъ, ни заводы, которые ихъ постоянно разсчитываютъ и, стало быть, оставляютъ на улицѣ, да еще въ чужой сторонѣ—словомъ ни одинъ изъ прямыхъ виновниковъ увеличенія на улицахъ голоднаго народа не тронуты; всѣ здравы и невредимы, и не подвергаются ни малѣйшей опасности. Не подходитъ къ этому и окраска волнующейся толпы въ «пьяную чернь». Въ 1881 г. въ Баку происходили безпорядки во много разъ сильнѣйшіе, и главное зерно дерущихся были бондари, люди вполнѣ обезпеченные, выработывавшіе по сту рублей въ мѣсяцъ, наряжавшіе женъ въ парчевые душегрѣйки. Когда одного изъ такихъ бондарей, арестованнаго во время безпорядковъ, спустя долгое время, допрашивали у слѣдователя, то онъ, желая доказать свое отсутствіе во время безпорядковъ, говорилъ такія рѣчи:

— Гдѣ же вы были въ то время? спрашивали его.

— Я дѣлалъ визиты.

(Побоище было на Святой).

— А на слѣдующій день?

— А на другой день, само собой, долженъ былъ визиты принимать. Очень, кажется, понятно!

Какая же это чернь и голытьба!

Точно также не будетъ вполнѣ согласно съ истиной, если свести дѣло на національную вражду русскихъ и татаръ, какъ въ Баку, или русскихъ и евреевъ, какъ вообще на югѣ. Если читатель помнитъ письмо крестьянина, напечатанное нѣсколько лѣтъ

Digitized by Google

тому назадъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», онъ, вѣроятно, не забылъ, что въ письмѣ этомъ, рекомендующемъ «бить жидовъ», всего менѣе говорилось объ этихъ послѣднихъ, а, напротивъ, рѣчь автора особенно была оживленна и гнѣвна, когда касалась поведенія духовныхъ лицъ, судей, помѣщиковъ и т. д., все людей русскихъ; точно также въ безпорядкахъ бакинскихъ невозможно всего дѣла исчерпывать національною враждою русскихъ и татаръ. Ознакомившись весьма подробно съ исторіею волненій въ Баку въ 1881 году, я, къ великому моему удивленію, увидѣлъ, что изъ числа *трехъ* отмѣченныхъ полиціею (состоящею преимущественно изъ татаръ и, какъ утверждаютъ русскіе, мирволящею татарамъ) вожаковъ, которые особенно бунтовали и больше всѣхъ кричали: «пойдемъ, ребята, разбивать и бить!», былъ одинъ только русскій, бондарь, прозванный Скобелевымъ, который, однако, никакихъ возгласовъ не произносилъ—по крайней мѣрѣ, изъ дѣла этого не видно — а остальные два вожака *противъ татаръ*, какъ бы вы думали, кто были? Одинъ *татаринъ* Сякаевъ, а другой — даже невѣроятно сказать — *еврей* Ш—нъ! Вотъ вамъ и борьба русскихъ съ татарами!

Не подходитъ къ національной враждѣ также и такой фактъ, разсказываемый «подлинными» очевидцами безпорядковъ 1881 г.: «Толпа бондарей идетъ вдоль улицы и бросаетъ камнями въ убѣгающихъ татаръ и татарскіе дома. Одинъ изъ этихъ камней попадаетъ въ мечеть; татаринъ-сторожъ выходитъ изъ нея и говоритъ толпѣ враговъ: «Ребята! здѣсь мечеть!» И на эту *просьбу* (собственное показаніе татарина) русскіе отвѣтили тѣмъ, что прекратили побоище и ушли въ другое мѣсто».

И чѣмъ больше мы будемъ искать опредѣленности, тѣмъ неопредѣленность все будетъ становиться шире и шире. Послѣ перваго дня безпорядковъ (1881 г.), когда въ полиціи сидѣло множество арестованныхъ, толпа подвалила къ полицейскому зданію и стала требовать освобожденія. Пріѣхалъ полиціймейстеръ, потомъ прокуроръ; толпа молча дожидалась исполненія своихъ желаній, только одинъ вышеупомянутый *татаринъ* отрицалъ во всеуслышаніе пользу просьбъ и разговоровъ съ начальствомъ, крича: «чего тутъ разговаривать, пойдемъ разбивать!» Послѣ нѣкотораго времени терпѣливаго ожиданія, заключенные были выпущены и толпа разразилась громкими криками «ура!» «Казалось, разсказываетъ также вполнѣ подлинный очевидецъ: — что она была вполнѣ удовлетворена и благодарна. Ни малѣйшаго желанія затѣвать драку ни у кого не было; два бондаря, отправившись въ зданіе полиціи, осмотрѣли его во всѣхъ подробностяхъ и объявили во всеуслышаніе: «Никого нѣтъ! всѣхъ выпустили, ну, ребята, по домамъ!» И толпа повалила по домамъ. Но тол-

Digitized by Google

па татаръ, принявъ крики «ура» за воинственные возгласы, бросилась бѣжать отъ русскихъ, а русскіе, «для смѣху», бросились за ней... Мальчишки стали бросать камни, а напуганные татары, загнанные въ какой-то переулокъ, стали защищаться также камнями — и опять произошла драка. Одинъ поступокъ и хорошъ, и резоненъ, а другой—сейчасъ-же сущая «зрятина», для смѣху, безъ надобности и цѣли»...

Эта смѣсь нужнаго и ненужнаго, то-есть сколько-нибудь резоннаго и вовсе ни чѣмъ не объяснимаго—на каждомъ шагу. Окровавленный персъ вбѣгаетъ во дворъ одного обывателя, а за нимъ гонится толпа въ 300 человѣкъ.—«Что вы дѣлаете? обращается къ нимъ обыватель».—«Да вотъ, съ кинжаломъ поймали... вѣдь зарѣжетъ кого-нибудь, анаѳема».—«Вы вѣдь его убьете, и будете отвѣчать за убійство. Его надо отвести въ полицію и тамъ его накажутъ по закону».—«Ну, вези въ полицію! Тогда мы его и пальцемъ не тронемъ». — «Честное слово»? «Русскіе, разсказываетъ обыватель:—дали мнѣ честное слово и, дѣйствительно, оставили перса въ покоѣ, дождавшись, однако, пока я сѣлъ въ фаэтонъ и посадилъ съ собою перса... Толпа ушла. Но тотчасъ нахлынула другая и одинъ изъ этой толпы, ни съ того ни съ сего, ударилъ этого перса желѣзной палкой. Хорошо, что подоспѣли люди изъ той толпы, которая дала мнѣ слово не трогать, и битье прекратилось»!

При такихъ колебаніяхъ въ настроеніи волнующагося народа, «случайность», часто совершенно ничтожная, имѣетъ огромное значеніе. Въ нынѣшнимъ году, безпорядки начались изъ-за лампы, за которую хозяинъ потребовалъ 10 руб., а въ 1881 г. случай, изъ-за котораго возникло волненіе гораздо болѣе сильное, былъ еще удивительнѣе. Русскіе ходили по базару, заходили въ кабаки (праздничное время), а на базарѣ, въ какомъ-то пунктѣ, стоялъ татаринъ-полицейскій, и всякій разъ, когда мимо него проходилъ русскій, онъ издавалъ ртомъ какой-то звукъ. Что это былъ за звукъ—изъ дѣла нельзя понять. И почему именно этотъ звукъ обижалъ русскихъ—также объяснить невозможно. Только въ концѣ-концовъ русскіе «не вытерпѣли» и началась свалка, сопровождавшаяся и разбитіемъ лавокъ, и уничтоженіемъ безвредныхъ лотковъ съ пряниками, и бросаніемъ камней, и, такими великодушными требованіями, какъ освобожденіе заключенныхъ и «уваженіе» просьбы сторожа мечети, и совершенно безцѣльными мордобитіями и жестокостями.

Слово «вожакъ», при такомъ многосложномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленномъ направленіи мыслей толпы, также какъ-будто ничего не значитъ, а съ другой стороны—какъ-будто и означаетъ что-то. Вотъ, напримѣръ, хоть бы этотъ русскій вожакъ, которому

Digitized by Google

дали кличку Скобелевъ. По разсказамъ, это былъ «рыжій» бондарь, «предводительствовавшій» толпой. Встрѣтивъ это слово въ газетной корреспонденціи, читатель можетъ подумать, что толпа избрала себѣ предводителя, что предводитель понималъ и зналъ ея цѣли, иначе бы онъ и не былъ предводителемъ, что вообще у этой, какъ будто неорганизованной массы пьяницъ и грабителей, должна быть какая-то организація. Вѣдь вотъ есть «предводитель», да еще и кличка ему дана Скобелевъ. А между тѣмъ, на дѣлѣ выходитъ нѣсколько не такъ.

Этотъ рыжій бондарь, не имѣя никакихъ плановъ и цѣлей, просто-на-просто пришелъ изъ Балахановъ въ городъ на праздники, не зная, что тамъ идутъ драки, и, придя въ городъ, первымъ дѣломъ «на гулянкахъ» отправился въ кабакъ, нашелъ тамъ пріятеля и сталъ съ нимъ пить водку. Въ это время въ кабакъ вошла толпа солдатъ Ширванскаго полка, возвратившихся изъ ахал-текинской экспедиціи; солдаты также стали пить водку, и когда подгуляли, то начали провозглашать тосты за здоровье Скобелева. Громко орали они съ пьяну и, вѣроятно, до того громко, что въ кабакъ вошелъ городовой-татаринъ и сказалъ:

— Что за крикъ!

— За здоровье Скобелева-а-а!.. отвѣчали солдаты новымъ залпомъ криковъ.

Татаринъ не зналъ этого имени и сказалъ:

— Какой тутъ Скобелевъ? Гдѣ онъ тутъ?

— Да вотъ онъ! совершенно для смѣху сказали солдаты, указывая на бондаря.

— Я—Скобелевъ! гаркнулъ съ пьяну и бондарь, желая поддержать «своихъ» и разыграть изъ татарина дурака.

— Я тебя въ часть возьму!

— Какъ? Скобелева?

— Меня? Попробуй!

— Ребята, Скобелева не выдавай!

И съ криками «Скобелева не выдавай», толпа подгулявшихъ солдатъ высыпала на улицу.

— Скобелевъ! Гдѣ Скобелевъ!

— Я здѣсь!

И бондарь «для смѣху» вошелъ въ роль, и, попавъ въ двигавшуюся на татаръ толпу, гаркнулъ:

— За мной ребята!

— Валяй, Скобелевъ! Эво лошадь бѣжитъ! бери лошадь-то! Эво-эво!

И опять «для смѣху» бондарь вскочилъ на лошадь, которая, можетъ быть, убѣжала съ какого-нибудь растворенаго двора, испуганная криками и шумомъ, и почувствовалъ себя еще болѣе

Digitized by Google

Скобелевымъ. Сѣвъ на коня, ужь надо было «для картины» представить себя генераломъ.

— За мной, ребята! Скорымъ шагомъ, маршъ!

Хохотъ и смѣхъ. А тутъ, тоже «для смѣху», кто-то изъ толпы, только-что «зря» опрокинувшей ларь съ овощами, подхватилъ пучокъ зеленаго луку и кричитъ:

— Скобелевъ! Вотъ тебѣ султанъ!

— Воткни въ шапку то!

— Генералъ! Теперь полный генералъ!

И вотъ Скобелевъ на конѣ, и съ пучкомъ зеленаго луку на шапкѣ, замѣняющій генеральскій султанъ, недуманно-негаданно сталъ предводителемъ, и сначала «только для смѣху» идетъ впередъ, а потомъ пойдетъ туда, куда потянетъ волнующееся море народа, просто ли опрокидывать лотки, или освобождать заключенныхъ, или такъ «зря» нападать и гнать татаръ.

Я вовсе не хочу сказать, что «резонъ» играетъ во всемъ этомъ не первенствующую роль. Напротивъ, я теряюсь въ обилiи резоновъ. Безъ всякаго резона, напримѣръ, нѣсколько камней попало въ квартиру городского головы; такъ какъ онъ пользуется всеобщимъ уваженiемъ, то нѣсколько человѣкъ тотчасъ же явились къ нему и объяснили, что это случилось по ошибкѣ; но и въ этомъ случаѣ были въ толпѣ люди, которые даже къ явной ошибкѣ могли подыскать резонъ.—«Это за то, что мясо дорого, а онъ, голова, долженъ наблюдать»! Резонъ явился неизвѣстно откуда, и никакой дѣйствительной связи съ камнями, попавшими въ квартиру головы не имѣетъ, а резонъ. Или вотъ. Толпа русскихъ слѣдуетъ за татариномъ, который кричитъ: «пойдемъ разбивать»! Оказывается, что татаринъ этотъ, Сякаевъ, много разъ терпѣлъ отъ полиціи, былъ даже высылаемъ изъ Баку этою полиціею, и, воспользовавшись суматохой, кричитъ: «нечего разговаривать, пойдемъ бить и разбивать»! И толпа идетъ, потому что многіе изъ русскихъ потерпѣли отъ татарской полиціи не мало: татары не пьютъ, а русскіе частенько пьяны, и татары полицейскіе относятся къ нимъ не хорошо; отымаютъ деньги, смѣются. И вотъ толпа находитъ предложеніе татарина соотвѣтствующимъ своимъ мыслямъ. Какъ предводитель, онъ уже не татаринъ, а только ненавистникъ полицейскаго произвола; но разгромивъ полицію, толпа можетъ черезъ двѣ три минуты разгромить и этого самаго предводителя, только потому что онъ татаринъ. Крикнетъ кто-нибудь: «братцы! бей татаръ, они нашихъ бабъ на базарѣ обижаютъ»! и это будетъ достаточный резонъ, для того, чтобы измолотить Сякаева только за его татарскую національность.

Словомъ, какъ разношерстны элементы, изъ которыхъ слагаются

Digitized by Google

такія явленія, такъ разнообразны и резоны; нѣтъ той мелочи въ нихъ, которая бы не имѣла своего резона, и, еслибы мы пожелали сдѣлать изъ всѣхъ этихъ резоновъ экстрактъ, и, очистивъ явленіе отъ ненужныхъ случайностей, попытались опредѣлить самую суть этихъ резоновъ, то, право, не было бы большою ошибкою сказать, что двигатель, главный, существенный, всего этого дѣла заключается въ желаніи не дать въ обиду своего человѣческаго *достоинства*. *Не смѣй* обижать бабу! *Не смѣй* носить кинжала, когда я его не ношу! *Не смѣй* смѣяться, когда я пьянъ! *Не смѣй* хватать и сажать въ полицію народъ зря, кто попадетъ подъ руку. *Не смѣй* вообще надо мной важничать, *не смѣй* меня тащить пьянаго въ часть отъ товарищей, которые доведутъ меня до дому, и т. д. Словомъ, желаніе сказать во всеуслышаніе — «Не смѣй»! — И это «Не смѣй» во сто разъ больше относится къ нравственнымъ потребностямъ личности, чѣмъ къ матеріальнымъ невзгодамъ. Евреи, по словамъ крестьянина, все суютъ рубли въ руки мужику, а ненависть въ нихъ возбуждается потому, что этотъ рубль онъ суетъ съ тѣмъ, чтобы «соблазнить» человѣка работать въ воскресенье, т. е. испортить его совѣсть, заставить польститься на деньги и не пойти къ обѣдни, т. е. не выполнить того, что нужно для души.

Вотъ именно эта-то сторона дѣла и есть самая важная и любопытная. Откуда берется такая щепетильность по отношенію къ собственному достоинству, когда тотъ же самый бондарь, живя на родинѣ, въ Тульской или Орловской губерніи, далеко не такъ щекотливъ по отношенію къ своему или чужому человѣческому достоинству, а если сознаніе этого достоинства онъ и тамъ носитъ въ глубинѣ души, то во всякомъ случаѣ не выказываетъ милліонной доли той смѣлости въ проявленіи этого достоинства, какую обнаруживаетъ здѣсь. Вѣдь вотъ, напримѣръ, у всѣхъ на памяти псковскій процессъ одного кулацкаго савраса, который издѣвался самымъ безсовѣстнымъ образомъ надъ женщинами и дѣвушками множества деревень, «подверженныхъ» его отцу—кулаку. Въ этомъ отношеніи ни со стороны родителей, ни со стороны мужей ему почти не было отказа въ требованіяхъ—хотя безъ сомнѣнія они не могли считать [illegible]ъ иначе, какъ божескимъ наказаніемъ. Но они молчали и [illegible]лчали до тѣхъ поръ, пока саврасъ чуть-чуть было не задушилъ непокорявшуюся его требованіямъ дѣвушку, и когда сельскимъ властямъ уже нельзя было не вмѣшаться. А здѣсь, въ [illegible]ку, одинъ изъ мотивовъ побоища: «Не задѣвай *нашихъ* бабъ»! [illegible] притомъ *нашихъ*, когда у большей половины бушующей толпы и бабъ-то никакихъ нѣтъ. Здѣсь въ числѣ мотивовъ къ побоищу есть и такой: не смѣй меня пьянаго брать въ часть, тогда

Digitized by Google

какъ у насъ не рѣдкость отъ своего брата мужика быть выпоротымъ въ волости занапрасно, по капризу и не въ пьяномъ, а въ трезвомъ видѣ. Здѣсь цѣлая толпа приходитъ «освобождать» «своихъ», «нашихъ», посаженныхъ въ часть, а у насъ цѣлая деревня смотритъ, какъ пьяный мужикъ бьетъ возжами жену посреди улицы, и говоритъ, «свои собаки грызутся—чужая не приставай»! Здѣсь, онъ обижается на полицейскихъ, что они обираютъ у пьяныхъ деньги, но спрашивается: когда-же внутри отечества полицейскіе не обирали у него, у пьянаго деньги, не били его, зная, что послѣ этого онъ скажетъ: «пропадай и деньги совсѣмъ»! и улепетнетъ изъ части во всѣ лопатки? А тутъ хотъ онъ фордыбачитъ, и фыркаетъ, и дерется, разбиваетъ полицію... Обижается тѣмъ, что татаринъ надъ нимъ смѣется надъ пьянымъ, и бьетъ его камнемъ во имя этой обиды, а тамъ, на родинѣ, «наровитъ» въ праздничный день, возвращаясь изъ кабака, казаться гораздо пьянѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, ругается самыми безобразными словами, старается, чтобы думали люди:—эко нажрался-то! денегъ-то пропилъ чай сколько.» Ему именно хочется представить, что онъ «нажрался» и даже не напился. А тутъ вдругъ такая обидчивость, когда татаринъ засмѣется надъ этой самой чертой!

Эта щепетильность въ проявленіи своего человѣческаго достоинства есть, какъ я уже сказалъ ранѣе, самая любопытная и важная черта во всѣхъ этихъ безурядицахъ на югѣ Россіи. Щепетильность эта происходитъ здѣсь отъ особенныхъ, новыхъ условій жизни, въ которыя попадаетъ русскій человѣкъ, уроженецъ коренной Россіи, очутившись на югѣ, въ чужой сторонѣ. Чужая сторона даетъ ему рѣдкую возможность *думать принципіально*, сравнивать себя съ чужимъ человѣкомъ, думать о справедливомъ «по нашему» и справедливомъ «по ихнему». Живя въ глубинѣ Россіи въ сплошной массѣ однородно живущаго и однородно трудящагося народа, къ тому же въ образѣ и порядкахъ жизни *подчиненнаго*, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не своей волѣ, не своею волею создающаго радости и горести жизни, счастіе и несчастіе, русскій, коренный земледѣльческій человѣкъ живетъ въ извѣстныхъ формахъ жизни, не критикуя достоинствъ или недостатковъ этихъ формъ, всю жизнь такъ сказать говоритъ прозой, не зная этого. Народная школа, основанная на *сознательномъ* уваженіи благообразія формъ народной жизни, могла бы переработать безсознательное, по вѣтру случайностей колеблемое благообразіе въ благообразіе крѣпкое, сознательное, укрѣпленное сознаніемъ важности и справедливости этихъ благообразныхъ формъ. Но этого нѣтъ, и русскій земледѣльческій человѣкъ только на чужбинѣ, только въ походахъ,

Digitized by Google

только въ столкновеніяхъ съ формами жизни, нисколько къ формамъ его жизни неподходящими, начинаетъ *думать* о собственныхъ формахъ жизни, начинаетъ *цѣнить* ихъ и сравнивать себя съ другими.

Евреи и татары, такимъ образомъ, дѣйствуютъ на русскаго человѣка педагогически. Это «наглядное обученіе» ознакомляетъ съ самимъ собою. Русскій человѣкъ волнуется здѣсь не какъ чернь, голытьба, грабитель и т. д., а какъ человѣкъ, чувствующій, *ощущающій свою личность*, которую онъ начинаетъ находить вовсе не такой завалящей, какъ къ этому его пріучили «случайности» крестьянской обстановки. Здѣсь на югѣ онъ даже и бѣдствуетъ не такъ, какъ на Руси, напротивъ, какъ мы видѣли, занимается мордобитіемъ, знаетъ уже, что такое визиты; у него здѣсь больше досуга; какъ рабочій, получающій поденную или поштучную плату, онъ чувствуетъ себя независимымъ уже въ томъ отношеніи, что ему не надо смотрѣть «на небо» каждый день, и думать: дастъ Господь дождичка или не дастъ? Если дастъ — будетъ хорошо, и подати отдамъ и дочь выдамъ замужъ, если не дастъ, то старшина будетъ драть. На главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ лучше всего можно знать, когда у народа весело на душѣ и когда старшина говоритъ:—«Нуко, милашка, ложись! Снимай костюмъ-то!» Здѣсь въ чужой сторонѣ совсѣмъ не то: онъ нанятъ и деньги ему отдадутъ, или онъ увѣренъ, что должны отдать. Работа наемная—не своя, именно «работа», трудъ, трудъ на «чужого человѣка», трудъ съ требованіями и критикой. Такимъ образомъ, нѣкоторая свобода, нѣкоторый досугъ даютъ головѣ русскаго человѣка извѣстную возможность подумать, пообсудить, потолковать, «вообще» покритиковать порядки, людей, нравы и обычаи...

Двѣ такія національности, какъ евреи и татары, національности совершенно къ нашему великорусскому типу неподходящія, затрогиваютъ мысль россійскаго человѣка рѣшительно на всѣхъ пунктахъ, и справедливо это или несправедливо по отношенію самомнѣнія «нашихъ»—только наши начинаютъ внутренно чувствовать себя здѣсь, среди евреевъ и татаръ, и выше, и нравственнѣй, шире, и справедливѣй... «Нашъ», россійскимъ, и смѣшна, и жалка а фигура еврея, вѣчно чѣмъ-то встревоженнаго, вѣчно до ту рыщущая за копейкой, хватающаго копейку, какъ соломенку, точно погибающій. Хватаетъ-хватаетъ, а все у него томленное, скучное, озабоченное лицо, все онъ весь въ грязи; го лачужки въ кучахъ сора и хлама; его дѣти въ грязи и въ убищѣ. Хоть бы устроилъ уютъ, тепло, чистоту, а главное, не гался бы жить на свѣтѣ, не трясся бы такъ, не пугалъ бы

Digitized by Google

насъ своимъ лихорадочнымъ испугомъ жизни... «Что мы, аль ужь намъ смерть пришла?.. Чего ты трясешься, какъ мокрый заяцъ?» Ай, вай-вай! И какъ для «нашего брата» смѣшно это ай-вай во взрослом человѣкѣ! съ бородой! Эта фигура даетъ «нашимъ» возможность почувствовать въ себѣ много достоинствъ и сравненіе съ евреемъ сдѣлать въ пользу себя. Старческія черты много пережившаго племени ненавистны нашей если не молодости, то «вѣчной новизнѣ» существованія.

Еще болѣе развивающее, педагогическое вліяніе имѣетъ на русскаго человѣка «татарва». Въ татарскомъ строѣ жизни, въ татарской культурѣ все не столько мизерно, какъ кажется намъ въ еврейской испуганной жизни, сколько несправедливо, высокомѣрно, глупо. Возьмите хоть этотъ обычай носить оружіе. «Мы всѣ, вся «Расея» живемъ безъ всякихъ кинжаловъ, безъ всякихъ орудій, кромѣ палки для собакъ. Зачѣмъ же кинжалъ? Что это за *добавленіе* къ человѣку? Разъ человѣкъ *дополняетъ* себя въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ такимъ инструментомъ, онъ ужь не *полный* человѣкъ. «Полный» человѣкъ живетъ на свѣтѣ безъ всякаго искуственнаго дополненія: просто себѣ вышелъ изъ утробы матери, прожилъ весь вѣкъ безъ дополненій, за исключеніемъ необходимыхъ штановъ и рубахи, и померъ съ голыми руками, съ каковыми руками ходилъ даже противъ обуха. Такъ-то, съ голыми руками, татаринъ, пожалуй, не выдержитъ противъ нашего; такъ вотъ онъ, чтобы выдержать, искусничаетъ, заводитъ ножъ. Это не модель; ножомъ не хитро зарѣзать человѣка и отнять его имущество; нѣтъ, ты имущество *такъ* наживи, *безъ всего*. Вотъ это будетъ «по божьи».

А семейныя отношенія?

Тутъ ужь нашъ россійскій человѣкъ неизмѣримо выше татарина.

— Что пьешь-то? Что жрешь винище-то? говоритъ расейская бондариха своему мужу, который, пользуясь здѣсь и достаткомъ, и свободой, не покидаетъ расейскаго обычая посѣщать расейскій кабакъ.—Пріѣхали на чужую сторону, чѣмъ бы денегъ скопить, да домой убраться, нѣтъ, жретъ винище, какъ прорва, прости Господи! И что за жизнь каторжная! Всю-то жизнь только бѣдность, да пьянство! Поглядишь, поглядишь на татаръ — вѣдь не пьянствуютъ же, живутъ... И денегъ такихъ нѣтъ, какъ у насъ, а погляди-ко, какъ жену-то обряжаетъ... Намедни ѣхала со мной — такъ что у ней золота понавѣшано на лобу!

— На лобу! Дубье костромское! На лобу золото! Не хошь ли, поди къ татарину-то, онъ тебѣ на лобу повѣситъ золото, а состарѣешься, такъ онъ тебя въ поле выгонитъ на работу...

Digitized by Google

— Да хоть годокъ пожить бы въ спокоѣ, а съ тобой всю жизнь—одно тиранство!

— На лобу! Охъ, морда этакая! Мы съ тобой, глупая голова, живемъ по-христіански, по закону... какъ взялись, на вѣки вѣковъ, такъ и должны до кончанія жить. На лобу! Кабы я съ тобой, съ дурой, по-татарски-то жилъ, такъ вѣдь я бы тебя давно бы должонъ былъ прогнать. Вѣдь ты что? Ты думаешь, что я въ молоденькой скуса не сыщу? Напрасно. Очень просто могу розыскать, гдѣ скусъ — повѣрь! А Богъ-то гдѣ? Онъ вотъ не пьетъ, поганецъ, да четырехъ бабъ держитъ подъ замкомъ, онѣ на него и работаютъ, а онъ, подлецъ, на конѣ съ кинжаломъ разъѣзжаетъ; бабы его обшили въ золото, а лошадь онъ самъ раскрасилъ въ разныя краски и ѣдетъ, какъ идолъ... А ты мнѣ много-ль нашила золотыхъ штановъ-то, чучела безподобная? На лобу! Ну-ко, давай-ко я тебя въ погребъ-то посажу, да ротъ тебѣ тряпкой наглухо завяжу—скусно будетъ? А я тоже молчу, какъ ты горланить-то начнешь: пасть-то разинешь — небось въ Астрахани слышно! У нее на лобу повѣшено, такъ она и молчитъ, какъ удавленная! Само собой, тутъ и не подумаешь въ кабакъ идти! А какъ двѣ ваши сестры сойдутся, рты-то у васъ, у дуръ, мы, дураки, рты-то вамъ не завязываемъ, такъ вы вѣдь какъ трезвоните-то!.. А все вамъ худо! Каторга! Да вѣдь и мнѣ съ тобой тоже каторга! А ты, что думаешь? Мнѣ бы теперь по татарскому положенію давно бы надо тебя за ноги съ кровати-то стащить, да эво куда зашвырнуть, въ поле! копайся, матушка, ты мнѣ теперь ненужна, а я новенькую обновочку себѣ приспособилъ, да въ темненькій вертепикъ и заточилъ, да ротикъ-то ей горластинькій завязалъ тряпочкой, чтобы она не зѣвала, да дверочку-то на замочекъ заперъ, а въ окончаніе дѣла и на лобу ей повѣсилъ цѣлое даже голенище серебряное, али бы даже золотое, и сиди, милашка, пока нужна... Сиди да штаны намъ серебромъ вышивай, да помолчивай на заднемъ дворѣ!.. Вотъ какъ по-татарскому-то! А по нашему не такъ: по нашему мужъ-жена—аминь! Какой въ тебѣ скусъ? Никакого нѣтъ, повѣрь; а положено намъ съ тобой жить — и живи, не дури. У тебя нѣтъ ничего на лобу и у меня нѣтъ золотыхъ штановъ; ты своими руками и мнѣ и себѣ, и я своими руками и тебѣ и себѣ. И живи! Я пойду напьюсь — а ты орешь, какъ и белевскій паровикъ, а я тебѣ рта не завязываю. Ори, матушка хоть разорвись, изъ дурака умнаго не сдѣлаешь. А запирать тебя въ яму—этого въ законѣ нѣтъ. Такъ-то, сударыня. А то— «на лобу!» Эхъ ты, чучело гороховое! Хочешь что-ль въ кабакъ

Digitized by Google

сбѣгаю, увмѣстяхъ по рюмочкѣ выпьемъ, авось пасть-то закроешь?

Франтоватый, гордый, напыщенный, но основанный на рабствѣ, на кинжалѣ, на заточеніи и молчаніи цѣлой половины человѣчества—женщинъ—мусульманскій міръ представляется россійскому человѣку еще болѣе неправильнымъ, негармоничнымъ, несправедливымъ, чѣмъ міръ еврейскій, угнетенный какимъ-то разочарованіемъ, боящійся засмѣяться, дрожащій надъ копейкой, воющій въ синагогѣ, воющій такъ, точно его ведутъ на смертную казнь. У насъ и молятся-то весело. Посмотрите-ка какъ заголоситъ иной дьяконъ—любо-дорого смотрѣть!

— Ишь милый! весело думаетъ баба, принесшая причащать ребенка и слушая, какъ «выводитъ» дьяконъ.

— Отъѣлся! думаетъ мужикъ, и думаетъ съ удовольствіемъ. Онъ любитъ здоровье, силу, все румяное и веселое...

А тутъ — т. е. у евреевъ, у татаръ—нѣтъ тутъ намъ не «по скусу». И вотъ, когда на пьянаго россійскаго человѣка навалится полицейскій татаринъ и станетъ его тащить въ часть, то русскій начнетъ протестовать и отбиваться не отъ «городового», а отъ цѣлаго ненавистнаго ему міросозерцанія, узкаго, несправедливаго, ничтожнаго, даже сравнительно съ тѣми идеалами, которые воспитаны формами нашего труда, но которые выяснились и оцѣнились только здѣсь, на чужой сторонѣ.

— Эгакая-то сволочь (которая и т. д.), да *меня?* (который и т. д.) Ну, ужь нѣтъ!.. Ребята, бей!

Укладывать такимъ образомъ народные безпорядки въ полицейскія рамки, съ соотвѣтствующими имъ послѣдствіями, по малой мѣрѣ, непрактично. Кто тутъ виноватъ? (За исключеніемъ, разумѣется, дѣйствительныхъ охотниковъ до чужого добра). Десятка два высѣченныхъ въ полиціи изъ числа посаженныхъ въ нее «зря», т. е. безъ разбору—это два десятка новыхъ уличныхъ дѣятелей для другого случая, который можетъ представиться во всякое время. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы совершенно пустопорожняя переписка, неосновательные аресты, отрывающіе людей отъ дѣла и т. д., не играли въ такого рода дѣлахъ значительной, хоть и совершенно безплодной роли. Возьмите хоть этого «предводителя» толпы, Скобелева, и скажите по совѣсти, что можно съ нимъ сдѣлать по части справедливаго возмездія, не привлекая къ этому же возмездію всей толпы? Въ концѣ-концовъ, Скобелевъ, разумѣется, былъ выпущенъ на свободу, но полицейское крючкотворство все-таки напутало и наплело цѣлую уйму безпѣльнѣйшихъ пустяковъ. У насъ, на Руси,

Digitized by Google

образовался даже типъ, всецѣло поглощенный заботою сдѣлать изъ ничего кому-нибудь и какое-нибудь затрудненіе.

Окончивъ командованіе во время бакинскаго побоища, Скобелевъ этотъ получилъ изъ одного волжскаго города письмо, въ которомъ дядя его зоветъ на свадьбу дочери своей. Скобелевъ сѣлъ на пароходъ и поѣхалъ. На родинѣ онъ отпраздновалъ свадьбу; разсказывалъ о бакинскомъ побоищѣ и на свадьбѣ, и въ лавкѣ у купца, и въ трактирѣ, и въ полиціи, гдѣ у него были знакомые, словомъ, ничуть ни отъ кого не скрывался и не таился. Но вотъ, одинъ изъ слушателей, отлично знавшій, что этотъ мужикъ есть Скобелевъ, и проникнутый весьма модными въ то время стремленіемъ «хватать» и «представлять»— беретъ листъ бумаги, пишетъ на немъ собственнаго изобрѣтенія бланкъ: «Исправляющій должность полицейскаго письмоводителя» — и обращается куда слѣдуетъ: «не нужно ли, можь, вамъ Скобелева представить, такъ какъ, по примѣтамъ, этотъ Скобелевъ находится тутъ, въ нашемъ городѣ?» Волей-неволей приходится ему отвѣтить: «нужно» и просить представить по назначенію. И вотъ этотъ поэтъ кляузы начинаетъ строчить такія бумаги: «Сего числа, я, исправляющій должность письмоводителя, вслѣдствіе словеснаго предложенія управленія о производствѣ *негласнаго* дознанія о мѣстѣ жительства (имя рекъ), который заявилъ наканунѣ въ полиціи, что уѣзжаетъ изъ города (т. е. который и не скрывался, и не прятался), прибывъ къ мѣщанину (такому-то) съ цѣлью *какъ будто бы* купить щепъ, я дознался отъ рабочихъ, что (Скобелевъ) выѣхалъ на какой-то лодкѣ въ г. Астрахань. Затѣмъ отъ прикащика лавки *дознано*, что (Скобелевъ) до 27-го іюля часто проходилъ мимо лавки, а съ 27-го не проходилъ и относительно своего намѣренія ѣхать ничего не говорилъ. Имѣя въ виду, что (Скобелевъ) *скрылся* (?) въ 7 часовъ, т. е. ранѣе требованія о задержаніи его за полчаса времени и что, по словамъ прикащика лавки, наканунѣ отъѣзда онъ ничего о намѣреніи ѣхать не говорилъ, я, исправляющій должность письмоводителя, постановилъ (это слово написано огромными буквами): просить управленіе дозволить мнѣ произвести въ заведеніи, а равно и въ домѣ, гдѣ жилъ (Скобелевъ), обыскъ, и въ случаѣ по обыску означеннаго (Скобелева, котораго, какъ видите, уже уѣхалъ) не окажется, дозволить мнѣ выѣхать за нимъ въ погоню, о чемъ и записать въ протоколъ, который, какъ касающійся секретнаго дѣла, къ подписи лицъ не предлагать». Такимъ образомъ, преступникъ самъ заходилъ въ полицію объявить, что онъ ѣдетъ и уѣхалъ. Всѣ это знаютъ, но кляузная фантазія играетъ: сама создаетъ на пустомъ мѣстѣ затрудненія,

*

Digitized by Google

сама пишетъ себѣ предписанія, постановленія и производитъ по нимъ изслѣдованія. «Сего числа, я, исправляющій должность письмоводителя, производилъ обыскъ въ бондарномъ заведеніи мѣщанина такого-то, причемъ... не найдено. Постановилъ: записать въ протоколъ и къ подпису предъявить». Такъ какъ по обыску ничего найдено не было, то кляузная фантазія составила сама себѣ новую бумагу: «Предписывается исправляющему должность письмоводителя схватить и розыскать, и представить». И вотъ, пожираемый жаждою «схватить». этотъ новый Лекокъ принимается созидать новыя затрудненія на пустомъ мѣстѣ. Бумага, въ которой описаны эти подвиги, называется «представленіе»—что̀ весьма правдоподобно: «Имѣю честь донести, что я, отправившись въ погоню, но не могъ настигнуть на пути, почему, слѣдуя по его направленію, я прибылъ въ тоже время въ 8 часовъ вечера въ г. А. Тотчасъ же, явясь въ мѣстное управленіе, объяснилъ цѣль моего пріѣзда и въ ту же минуту, совмѣстно со мною, мѣстный приставъ отправился на пароходъ и, произведя тщательный осмотръ, причемъ ничего не оказалось, командировалъ съ однимъ изъ хорошо знающихъ (преступника) въ лицо въ мѣстность, населенную бондарями, а самъ отправился розыскивать чиновника —лева, пріѣхавшаго вмѣстѣ (съ преступникомъ) на одномъ досчаникѣ. Найдя онаго, командировалъ вмѣстѣ съ нимъ пристава для розыска, самъ же лично отправился въ другое направленіе для той же цѣли, всюду осматривая питейныя заведенія, гостинницы, баваріи и т. п. Затѣмъ, получивши свѣденія, что (преступникъ) не взялъ своихъ вещей изъ лодки, на которой пріѣхалъ, посадилъ двухъ *переодѣтыхъ* городовыхъ въ означенный досчаникъ, а самъ помѣстился на берегу. Такимъ образомъ, выслѣдивъ его приходъ, я замѣтилъ его шедшимъ по мосту, гдѣ онъ, по моему указанію, былъ *схваченъ* переодѣтыми городовыми».

Виноватый ничуть не больше и не меньше того, какъ были виноваты тысячи другихъ такихъ же бондарей—этотъ полководецъ, разумѣется, долженъ былъ выйти на свободу, что̀ въ концѣ-концовъ и воспослѣдовало. Но сколько тутъ напрасной и ненужной кляузы, и какая страсть къ этой кляузѣ, а главное какая полнота возможности осуществить на дѣлѣ любую кляузную фантазію! Какой-то «помощникъ письмоводителя» самъ пишетъ себѣ предписанія дѣлать обыски, производить негласныя дознанія, пускаться въ погоню, переодѣваться и хватать—и ничего! Не знаю, случается ли теперь что-нибудь подобное (вѣроятно, нѣтъ), но недавно еще кляузная фантазія господъ исправляющихъ должность помощника письмоводителя ужасно надоѣдала и досаждала мирному обывателю.

Глѣбъ Успенскій.

Digitized by Google

* *
*

Герой, пѣвецъ, отрадны ваши слёзы!
И ваша скорбь завидна, мудрецы!
Нетлѣнный лавръ, невянущія розы
Вамъ обовьютъ терновые вѣнцы.
Свѣтло горитъ звѣзда высокой цѣли,
Вамъ есть за что бороться и страдать;
И обо всемъ, что въ тайнѣ вы терпѣли
Должны вѣка вѣкамъ пересказать.
То выразятъ плѣнительные звуки
Пѣвучихъ струнъ, иль славныя дѣла;
Всѣ назовутъ святыми ваши муки,
Имъ загремитъ немолчная хвала.

Но тамъ, въ толпѣ страдальцы есть иные,
Тамъ скорби есть, терзающія грудь,
Безмолвныя, какъ плиты гробовыя,
Что не даютъ подняться и вздохнуть.
Тамъ безъ конца, безъ отдыха работа...
Въ тиши полей и въ грохотѣ столицъ
Горячихъ слёзъ, мучительнаго пота
Текутъ ручьи съ худыхъ и блѣдныхъ лицъ.
На нихъ — печать томительной кручины,
Глубокое уныніе — въ очахъ.
Болѣзненно-изогнутыя спины,
Въ груди — недугъ и злоба въ ихъ сердцахъ...
Отъ бѣдняка не требуй рѣчи страстной,
Ни славныхъ дѣлъ, ни вдохновенныхъ словъ:
Онъ сотни лѣтъ ярмо несетъ безгласно,
Угрюмъ и нѣмъ, все выстрадать готовъ.
И много ихъ, героевъ неизвѣстныхъ,
Непризнанныхъ, но твердыхъ до конца,
Что не щадятъ въ борьбѣ усилій честныхъ
И падаютъ, не требуя вѣнца.

Digitized by Google

Припомнимъ же хоть разъ, о люди-братья,
О тѣхъ бойцахъ, поверженныхъ въ пыли,
И руку къ нимъ для крѣпкаго пожатья,
Хотя на мигъ, протянемъ издали!..
Нѣтъ! Не однимъ лишь баловнямъ счастливымъ
Слѣпой судьбы, земнымъ полубогамъ,
И не однимъ владыкамъ горделивымъ,
Увѣнчаннымъ избранникамъ-пѣвцамъ,
Но всѣмъ равно, несущимъ крестъ покорно,
Всѣмъ бѣднякамъ, задавленнымъ нуждой,
Всѣмъ алчущимъ свободы животворной
И немощнымъ и презрѣннымъ толпой,
Когда-нибудь на свѣтлый праздникъ мира
Откроются широкія врата,
И всѣхъ сплотитъ за трапезою пира
Въ одну семью добро и красота!

Д. Мережковскій.

1883 г.

Digitized by Google

ПОШЕХОНСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Вечеръ четвертый.

ПОШЕХОНСКІЕ РЕФОРМАТОРЫ.

I.

Андрей Курзановъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ семьѣ пошехонскаго мѣщанина Тихона Гордѣева Курзанова проявилась личность, сразу обратившая на себя общее вниманіе. Это былъ сынъ стараго Тихона, Андрей, молодой человѣкъ 20—22 лѣтъ.

Семья Курзановыхъ была бѣдная, смирная и богобоязненная. Старый Тихонъ происходилъ изъ крѣпостныхъ и состоялъ въ дворнѣ помѣщика Беленицына, въ качествѣ «живописца». Все, что носило на себѣ слѣды масляной краски въ селѣ Верховомъ, начиная отъ половъ «подъ паркетъ» въ барской усадьбѣ, и кончая портретной галлереей баръ, барчатъ, и барышень, а также иконостасомъ сельской церкви—все это было дѣломъ рукъ Тихона Курзанова. Въ тогдашнее время, помѣщики любили украшать свои жилища произведеніями искуствъ, такъ что почти во всякомъ господскомъ домѣ можно было встрѣтить и «Иродіаду», держащую на блюдѣ голову Іоанна Крестителя, въ которую Иродъ тыкалъ вилкою, и «Сусанну», лежащую въ обнаженномъ видѣ, съ двумя старцами по бокамъ, и «Дѣвушку съ тазикомъ и графиномъ воды» и «Обѣдающихъ дураковъ», и т. д. Тихонъ и такія картины умѣлъ писать. Человѣкъ онъ былъ смирный и почтительный, а въ своей спеціальности положительно неутомимый. Съ

Digitized by Google

утра до вечера, онъ готовъ былъ «писать», но за то ко всякой другой работѣ выказывалъ рѣшительную неспособность. Ни на сѣнокосъ его, въ горячее время, послать было нельзя, ни даже въ лѣсъ за ягодами или за грибами—все равно, ничего не принесетъ. Да и господа были добрые, и хотя смутно, но понимали, что принужденіе можетъ только изнурить Тихона; поэтому, когда по дому не требовалось никакой масляной или живописной работы, его отпускали по оброку, который онъ и платилъ всегда аккуратно. Когда ему было уже лѣтъ около тридцати пяти, его женили на сѣнной дѣвушкѣ Аннушкѣ, которую тогда же обложили умѣренными тальками, а лѣтъ черезъ пять послѣ того, баринъ Беленицынъ скончался, и умирая, почему-то вспомнилъ о Тихонѣ и заказалъ барынѣ Аннѣ Семеновнѣ дать ему вольную.

Вышедши на волю, Курзановъ поселился въ Пошехоньѣ и жилъ, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ. Большой нужды не было, но не было и настоящей сытости. На недостатокъ заказовъ онъ не жаловался, но заказы были исключительно церковные, которые, какъ извѣстно, всегда оканчиваются словами: для Бога то, чай, можно и уступить? И Тихонъ уступалъ до самой крайности, потому что и самъ понималъ, что для Бога не уступить нельзя. Аннушку Тихонъ любилъ, но, по странной особенности всего своего душевнаго строя, какъ будто считалъ свое сожитіе съ нею дѣломъ грѣховнымъ, на которое онъ не рѣшился бы, еслибъ не тяготѣла надъ нимъ всевластная рука крѣпостного права. Съ своей стороны, и Аннушка любила его, однакожъ къ матеріальнымъ лишеніямъ относилась не совсѣмъ равнодушно, и нерѣдко-таки поговаривала:—только слава, что золотыя у Тихона руки, а круглый годъ мы съ нимъ по мытарствамъ ходимъ.

Андрей росъ тихо и одиноко. Это былъ мальчикъ впечатлительный, съ очень нѣжнымъ, почти болѣзненнымъ организмомъ. Съ ранняго дѣтства окруженный образами и книгами церковнаго обихода, онъ легко пристрастился къ божественному. Не пропускалъ ни одной церковной службы и въ особенности любилъ ходить на богомолья по сосѣднимъ пустынямъ и монастырямъ, гдѣ старый Тихонъ имѣлъ почти постоянные заказы. Тишина, окружавшая эти молитвенныя общежитія, умиляла его и растворяла его дѣтское сердце любовью. Тою тихою, ровною, не сознаваемою, но разлитою во всемъ организмѣ любовью *ко всему*, которая согрѣваетъ нетолько самого любящаго, но и весь окружающій его міръ. Не трепетомъ наполняли его вѣковые сосновые боры, служащіе какъ бы преддверіемъ къ обителямъ, а сладко волновали

Digitized by Google

все его существо смѣшаннымъ чувствомъ радости и жалѣнія. Ноги его утопали въ зыбучемъ пескѣ, а онъ чувствовалъ, что за плечами у него выростаютъ крылья, которыя несутъ его, несутъ... И сердце ширится и рвется, и глаза куда ни обратятся, вездѣ имъ на встрѣчу: свѣтъ, свѣтъ, свѣтъ... Потребность пасть на землю появлялась внезапно и неудержимо. Пасть, цѣловать ноги странныхъ и убогихъ, плакать, страдать, умереть...

Грамота далась ему легко, но ни къ какому другому ремеслу онъ охоты не проявилъ. Даже къ живописи отнесся равнодушно, потому что существо его было переполнено какимъ-то неизъяснимымъ просіяніемъ, которое не имѣло ни формы, ни очертаній, и слѣдовательно, не поддавалось ни слову, ни кисти. Впрочемъ, отецъ и не нудилъ его; онъ самъ имѣлъ природу, тождественную съ сыномъ, и ежели «писалъ», то лишь по привычкѣ и ради нужды. Мать тоже не огорчалась внѣшнимъ бездѣйствіемъ сына, потому что провидѣла въ немъ будущаго «богомола», который нетолько себя, но и ихъ, стариковъ, со временемъ прокормитъ.

«Богомолы», въ старые годы, составляли особую касту, которой жилось, сравнительно хорошо. Это были люди, посвятившіе себя странствованіямъ и молитвеннымъ подвигамъ. Были между ними искренніе, подвижничавшіе ради подвижничества, но были и такіе, которые смотрѣли на свои скитанія, какъ на выгодное ремесло. Послѣдняя категорія выдѣлялась чаще и была очень многочисленна. Ходили они обыкновенно въ полумонашеской одеждѣ, состоявшей изъ длиннаго чернаго полукафтанья, подпоясаннаго широкимъ расшитымъ поясомъ, застегнутымъ на крючки. Волосы подстригали рѣдко, на головѣ носили высокія шапочки на манеръ камилавокъ, и ходили, опираясь правой рукой на высокую трость, въ родѣ поповской. Старозавѣтные помѣщики (а преимущественно ихъ жены и вообще женскій полъ), рѣдко выѣзжавшіе изъ своихъ гнѣздъ, охотно ихъ принимали, и сажали за господскій столъ, успокоивали на гостиныхъ перинахъ и любили съ ними бесѣдовать. Предметомъ бесѣдъ обыкновенно служили разныя апокрифическія сказанія: о хожденіи души по мытарствамъ; о томъ, какъ нѣкто, бывъ по ошибкѣ отозванъ отъ міра сего, и потомъ вновь возвращенъ къ жизни, передавалъ сокровенныя подробности загробнаго существованія, коихъ былъ очевидцемъ; о томъ, что̀ будетъ на страшномъ судѣ, и какая кого и за что ожидаетъ кара. Но въ область непосредственныхъ обличеній не пускались, и кары, повидимому, сулили не весьма строгія, потому что домашній помѣщичій обиходъ отъ этихъ бесѣдованій не измѣнялся. Помѣщицы вздыхали, плакали, но

Digitized by Google

вслѣдъ за тѣмъ слезы высыхали и жизнь продолжала течь своей обычной колеей. Вели себя «богомолы», по большей части, скромно; сплетенъ не переносили, вещей плохо лежащихъ не утаивали, и только изрѣдко запутывались въ дѣвичьихъ, какъ бы во свидѣтельство, что и у нихъ, какъ у прочихъ смертныхъ, плоть немощна. Но это имъ извиняли, потому что какъ же съ этимъ быть? Но главное, что̀ въ нихъ восхищало и умиляло—это то, что большинство ихъ круглый годъ не вкушало скоромной пищи. Иные даже въ Свѣтлый праздникъ ограничивались тѣмъ, что поцѣлуютъ яичко, да и опять за рыбку, да за грибки. Отъ этого постояннаго воздержанія, нѣкоторые изъ нихъ входили въ экстазъ и пророцали. Предвѣщали вещи простыя, всѣмъ близкія и понятныя: неурожай или изобиліе плодовъ земныхъ, ненастье или вёдро, войну или мирное житье, угадывали полъ ребенка въ утробѣ матери и проч. Такіе пророцатели особенно чествовались.

Вотъ на такое-то привольное житье и расчитывала Аннушка для своего сына. Однакожь, ожиданія ея сбылись только отчасти. Изъ Андрея дѣйствительно выработался богомольный и набожный юноша, но въ то же время умственный складъ его сформировался съ такими своеобразными особенностями, которыя рѣшительно не допускали его оставаться на почвѣ простого богомола-ремесленника. Не міръ апокрифическихъ сказаній плѣнялъ его мысль, но міръ человѣческихъ злоключеній, начиная отъ матеріальной неурядицы и кончая страданіями высшаго разряда. Люди, не получившіе никакой воспитательной подготовки, но въ тоже время влекомые неудержимою силою къ свѣту, встрѣчаются нерѣдко въ низменныхъ слояхъ общества, но въ большинствѣ случаевъ эти личности впадаютъ въ экзальтацію и становятся чуть не душевно больными. Къ счастью, Андрей Курзановъ избѣжалъ этого. Онъ не сдѣлался ни юродивымъ, ни бѣсноватымъ, ни пророцателемъ, а остался обыкновеннымъ человѣкомъ, который наивно и безъ раздраженія развивалъ мысли, не имѣвшія никакихъ точекъ прикосновенія съ сложившимся типомъ жизни. Изъ всего вычитаннаго, слышаннаго и видѣннаго онъ извлекъ особый нравственный кодексъ, который коротко выражалъ словами: «жить по божески».

Выраженія такого рода настолько общи, что не даютъ повода для какихъ либо непосредственныхъ выводовъ, да врядъ ли и самъ Андрей подозрѣвалъ, что такіе выводы возможны. По краней мѣрѣ, онъ не настаивалъ на нихъ. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, выраженія эти остаются незамѣченными (не пе-

Digitized by Google

реведенными на культурно-чиновничій языкъ), или же сопричисляются къ массѣ тѣхъ мнимо-безсодержательныхъ афоризмовъ, которые, отъ времени до времени изрекаетъ «непросвѣщенная чернь». Въ сущности, однакожь, они далеко не безсодержательны и простыя сердца отлично угадываютъ ихъ таинственный смыслъ. «Жить по божески» значитъ жить по справедливости, никого не утѣсняя, всѣхъ любя и взаимно другъ друга прощая. Коли хотите непосредственныхъ примѣненій и въ этой расчлененной программѣ не видится, но для чуткаго сердца простеца она несомнѣнно исчерпываетъ всю сложность и все разнообразіе человѣческихъ отношеній.

Тѣмъ не менѣе, въ то время простыя сердца были слишкомъ задавлены, чтобы вслушиваться и вдумываться въ какія бы то ни было досужія рѣчи, и Андрею поневолѣ приходилось отыскивать для себя аудиторію исключительно среди представителей и представительницъ тогдашней пошехонской интеллигенціи, то есть, въ помѣщичьей и чиновничьей средѣ.

И тутъ, наибольшая доля вниманія шла со стороны женщинъ. Въ пользу Андрея говорила и его молодость, и мягкій, ласкающій голосъ, и задумчивые большіе глаза, и даже меланхолическое тѣлосложеніе. Онъ не говорилъ ни о пламени неугасимомъ, ни о червѣ неусыпающемъ, ни о раскаленныхъ щипцахъ и сковородахъ, а сладко волновалъ сердце «справедливыми» словами. Къ словамъ этимъ по временамъ прислушивался и мужской полъ, и хотя не умилялся по ихъ поводу, но, съ формальной стороны, тоже не могъ не находить «справедливыми». Такъ что за Андреемъ Курзановымъ, въ скоромъ времени, во всѣхъ захолустьяхъ пошехонской интеллигенціи, утвердилась репутація «справедливаго» человѣка.

Да иначе оно и не могло быть. Дѣлать какія-нибудь посылки изъ общихъ, и притомъ совершенно туманныхъ, положеній въ то время никому и на мысль не приходило, а что «справедливость» есть терминъ вполнѣ почтенный и непререкаемый — въ этомъ все-таки никто сомнѣваться не дерзалъ. Объ этомъ и помимо Андрея слыхали и въ церкви, и на школьной скамьѣ — какой же наставникъ позволилъ бы себѣ не отдать дани похвалы самоотверженности, любви къ ближнему и прочимъ элементамъ, изъ которыхъ составляется «божеское» житіе? и въ тѣхъ не частыхъ, но все-таки, по временамъ, прорывавшихся собесѣдованіяхъ, когда вдругъ невѣдомо откуда, налетало свѣжее чувство, просвѣтлявшее умы и умилявшее сердца.

Только вотъ въ глаза этой «справедливости» не видали, такъ

Digitized by Google

это, пожалуй, придавало еще больше цѣны устнымъ бесѣдамъ объ ней.

— Что̀ значитъ жить по божески? спрашивала Андрея добрая помѣщица Марья Ивановна, до которой палъ слухъ, что въ Пошехоньи объявился «блаженный», изрекающій «справедливыя» слова.

— А вотъ что̀: тебѣ кусокъ, и мнѣ кусокъ, и ему кусокъ, и всѣмъ прочимъ по куску! объяснялъ Андрей въ наивной увѣренности, что въ его объясненіи нетолько нѣтъ ничего угрожающаго, но что во истину, иного угоднаго Богу житья не можетъ существовать.

Марья Ивановна выслушивала это объясненіе и тоже никакихъ угрозъ въ немъ не находила. Напротивъ того, думала: вотъ кабы Богъ привелъ!

— А мы-то, жадныя! печаловалась она:—все наровимъ, какъ бы заграбастать да оттянуть, да все бы себѣ! все себѣ!

— Жадность, сударыня, тоже разная бываетъ. Иной отъ болѣзни жаденъ, другой отъ комплекціи. У насъ въ Пошехоньи купецъ есть, такъ онъ сколько ни ѣстъ, никакъ наѣсться не можетъ. И въ Москву отъ своей болѣзни лечиться ѣздилъ, и въ Кіевъ, по обѣщанью, пѣшкомъ ходилъ — не даетъ Богъ облегченья. Такую жадность нельзя вмѣнить въ грѣхъ. А вотъ ежели кто «отъ себя» жаденъ, того ограничить должно.

— Ахъ, Андрюша, Андрюша! какъ же ты его ограничишь, коль скоро и граница, и мѣра—все въ его собственныхъ рукахъ состоитъ? Ты ему: довольно, сударь! а онъ тебѣ: давай еще! Какъ ты *меня* ограничишь, коли всѣ кругомъ куски—всѣ мои? одинъ я отъ папеньки получила, другой — съ аукціона купила, собственныя денежки за него выложила? Какой хочу — тотъ возьму да и съѣмъ!

— И кушайте, сударыня! Я вѣдь не къ тому... Вы, сударыня, *по закону* кушаете, а я говорю какъ по божески. *По закону*, всякій около своего куска ходить, а *по божески* вотъ какъ: — тебѣ кусокъ, и мнѣ кусокъ, и прочимъ по куску. Всѣ чтобы сыты были.

— Хоть бы часокъ этакъ-то пожить! восклицала Марья Ивановна и сладко задумывалась.

Сердце ея переполнялось благоволеніемъ, а мысли разбѣгались во всѣ стороны. Отъ Аришки перебѣгали къ Ипатѣ, отъ Ипатѣ къ Антипкѣ... Всѣ сыты! Даже Максимка-пастухъ — и тотъ сытъ! А она смотритъ на нихъ и радуется...

Конечно, вспоминалось ей не разъ—и даже очень подробно вспо-

Digitized by Google

миналось, какъ однажды у нихъ на усадьбѣ, объ масляницѣ, «бунтъ былъ»... Уже *они* ли въ ту пору не ѣли! И блиновъ-то *имъ*! и судачины-то *имъ*! и толокна-то! и творогу! И что-жь, однако, подъ конецъ, мерзавцы, сдѣлали! Въ самый прощеный день дали имъ молочка похлебать... такъ чуть-чуть съ кислецой... а они взяли, всѣмъ кагаломъ привалили къ господскому крыльцу, да молоко-то въ снѣгъ и вылили... Вотъ вѣдь неблагодарность какая!

А можетъ, это и отъ болѣзни, или отъ комплекціи, какъ у того купца... Сколько въ него ни вали—все какъ въ прорву! Ну и Христосъ съ вами, коли такъ... кушайте, батюшки, кушайте! Лучше пускай ужь я... много ли мнѣ нужно?—сущу, да жарковца, да слатенькаго... У меня вѣдь «комплекціи-то» нѣтъ—вотъ я и сыта! А прочее—пусть ужь все имъ! И картофелю, и капусты, и хлѣба... всего! Пускай будутъ сыты... дармоѣды ненасытные! Вонъ Порфишка-то и сейчасъ поперекъ себя толще ходитъ! И все-то ему мало! *всѣмъ-то* онъ жалуется, что съ толокна у него животъ подвело... Вотъ такъ «комплекція»!

Какъ бы то ни было, но первая подробность «божескаго житья» выяснилась достаточно: тебѣ кусокъ и мнѣ кусокъ, и прочимъ всѣмъ по куску. Такъ слѣдуетъ жить «по справедливости». Но ежели «всѣ куски—мои», то «кушайте, сударыня»! Хоть это и не «по божески», но ничего съ этимъ не подѣлаешь. Тѣмъ-то и дорогъ былъ Андрюша, что «справедливыя слова» у него потокомъ текли, а никому отъ нихъ обидно не было...

Затѣмъ, постепенно выяснилась и другая подробность «божескаго житія».

— Коли кто хочетъ «по справедливости» жить, говорилъ Андрей:—тотъ долженъ кичливость оставить. Чтобы ни рабовъ, ни данниковъ, ни кабальныхъ людей — ничего такого, чтобъ не было. Всѣ въ равной другъ съ другомъ любви должны жить. Я тебѣ послужу, ты—мнѣ. У всѣхъ одинъ Богъ, и всѣхъ онъ одною любовью любитъ, и всѣхъ однимъ судомъ судить будетъ.

— А мы-то! а мы-то! грѣхи наши, грѣхи!

— Коли мы всѣ другъ друга въ равной любви содержать будемъ, то и огорченія наши прекратятся сами собой. И ненависть, и свара, и ропотъ — все исчезнетъ, потому что все это отъ нелюбви да отъ неравенства. Однимъ честь, а другимъ — пренебреженіе; однимъ веселіе, а другимъ—скорбь. Какъ тутъ огорченью не быть?

— Что говорить! ужь мы, дворяне, на что Богомъ и царемъ взысканы, а и то, другъ на дружку глядя, нѣтъ-нѣтъ, да и позавидуешь!

Digitized by Google

— Всѣ мы по естеству равны; всѣ Адамовымъ грѣхомъ въ адъ ввержены были, и всѣ Христомъ Спасомъ Истиннымъ изъ ада освобождены. А ежели всѣ равны — стало быть и одинаковая часть всѣмъ отъ Бога положена.

— Откуда же они взялись... рабы? робко спрашивала Марья Ивановна: — Богъ не повелѣлъ, а ихъ видимо-невидимо. Въ господскихъ домахъ — господа, въ людскихъ, да на скотныхъ — рабы... Господа приказываютъ, а рабы повинуются, тяготы носятъ...

— Встарину, сударыня, это сдѣлалось. Не всѣ люди равной комплекціи рождаются; одинъ покрѣпче, другой послабѣе, а третій и вовсе разслабленный. Сильный-то слабаго и покорилъ. Да покоривши, взялъ да узломъ завязалъ. Теперь, ни конца, ни начала этому узлу и не отыщешь!

— Ишь вѣдь что сдѣлалъ!

Марьѣ Ивановнѣ становилось жалко. Какъ это такъ? думалось ей: — Христосъ Спасъ Истинный всѣхъ изъ ада освободилъ, а «онъ» — ишь что сдѣлалъ! «Онъ»-то свое дѣло сдѣлалъ, да и ушелъ — ищи его да свищи! — а она, между прочимъ, съ аукціона купила — собственными денежками все до копейки заплатила... какъ теперь разсудить? «Ежели поступить «по божески», такъ неужто-жь *денежки мои* такъ-таки пропасть должны?.. Ежели же не по божески поступить»...

— Барыня! головку причесать пожалуйте! прерывала ея мечтанія горничная Анютка.

Перерывъ этотъ явился очень кстати, ибо давалъ ея мыслямъ новое направленіе.

— Вотъ, Андрюша, я какова! жаловалась она сама на себя: — и голову-то себѣ причесать сама не могу, все Анютка да Анютка! Анютка, прими! Анютка, подай! — а я сижу какъ царевна, да руки-ноги протягиваю! И знаю, что всѣ мы одной природы, а не могу... Ни я одѣться сама, ни я умыться... словомъ сказать, безъ Анютки, какъ безъ рукъ!

— Что-жь такое, сударыня! И пускай Анютка потрудится... это ей и по закону вмѣняется! Я вѣдь не противъ закона иду, а говорю, какъ по божески...

Марья Ивановна удалялась успокоенная, и отдавала свою голову въ распоряженіе Анютки. Но въ это же время она уносила новую подробность «божескаго житія»: всѣ мы Христомъ Спасомъ Истиннымъ изъ ада освождены, а «онъ» — ишь ты что сдѣлалъ! А она, между тѣмъ, съ аукціона купила... по закону!

Причесавшись, Марья Ивановна вновь возвращалась къ прерванной бесѣдѣ.

Digitized by Google

— Какъ же намъ душу-то спасти? вотъ ты мнѣ что̀ скажи! безпокоилась она.

— За други своя полагать ее надо — вотъ и спасешь! отвѣчалъ онъ, ни мало не затрудняясь.

Однакожь, Марью Ивановну отвѣтъ этотъ заставалъ неприготовленною.

— Какъ это... душу? сомнѣвалась она: — словно бы ужь... Хоть бы руку-ногу, что ли, а то... душу! Слыхала я, что въ пустыняхъ живали люди, которые... А чтобы въ мірѣ это было... не знаю!

— Въ пустынѣ молитва спасаетъ, а въ мірѣ—жертва душевная. Коли мы всѣ въ разнобойку по угламъ сидѣть, да за шкуру свою дрожать будемъ—откуда же добро-то въ міръ придетъ?

— Ужь и не знаю, какъ тебѣ сказать... Конечно, мало ли какія у людей «свои дѣла» бываютъ... иной на службѣ служитъ, другой по коммерческой части... но чтобы у кого такое «занятіе» было, чтобы «душу» полагать... не знаю! И не слыхала, и не видала... не знаю!

— Обиду ежели видите — заступитесь; нищету видите — помогите; муку душевную видите — утѣшьте. Вотъ это и значитъ душу за други своя полагать...

— И заступитесь, и утѣшьте, и помогите! уже дразнилась Марья Ивановна.—И помогите! и помогите! А коли помогалки-то, помогальщикъ, у меня нѣтъ?

— На нѣтъ, сударыня, и суда нѣтъ.

— Ну, хорошо. Пускай по твоему. Стало быть, какъ встала съ утра, такъ я и бѣги, вытараща глаза? За одного—заступись, другому — помоги, третьяго — утѣшь! А за меня-то кто безпокоиться будетъ?

— Другъ по дружкѣ, сударыня. Вы за всѣхъ, всѣ за васъ. Христосъ Спасъ Истинный крестное страданіе за насъ принялъ, а мы и побезпокоить себя не хотимъ!

— А ежели я... не могу! ежели я... ну, нѣтъ во мнѣ этого, нѣтъ?!

— А не можете, такъ и не нудьте себя, сударыня! Я вѣдь не то, чтобы что...

— И вотъ я тебѣ еще что скажу. Ну, положимъ! Положимъ, то я прытва. Туда — побѣгу, сюда — носъ суну, въ третьемъ ѣстѣ—пыль столбомъ подыму... ай да Марья Ивановна! вотъ акъ Марья Ивановна! А ну, какъ мнѣ самой за это носъ утъ? Откуда, скажутъ, помогальщица непрошеная выискалась? акой такой, скажутъ, законъ есть, чтобы въ чужое дѣло свой

Digitized by Google

носъ совать? А нутко, сказывай, какой я на эти слова отвѣтъ дамъ?!

— По закону, это дѣйствительно, такъ... По закону, каждый чтобъ самъ по себѣ—это лучше всего. Вѣдь и я противъ закона не иду, а только объясняю, что коли ежели по божески...

— Знаю я, что «по божески» хорошо... Ты вотъ по божьему, да по справедливому, а мы — по грѣшному да по человѣчьему! Ты слабость-то человѣчью ни во что не ставишь, а мы объ ней на всякъ часъ помнимъ! Куда ты ее, слабость-то нашу, дѣнешь?

Такимъ образомъ, выяснялась и еще подробность «божескаго житія»: душу за ближняго полагать. Правда, что Марья Ивановна такъ и осталась при своемъ мнѣніи на счетъ практическаго примѣненія этого правила, но благодаря взаимнымъ уступкамъ и разъясненіямъ дѣло все-таки слаживалось легко. Собственно говоря, Андрюша вѣдь никого не нудилъ, а только говорилъ: коли можете жить по божески, то и душу по божески спасайте, а коли не можете по божески жить — спасайте душу «по закону». Такъ она именно и поступаетъ. «Божеское житіе» имѣетъ «въ предметѣ», а душу спасаетъ... «по закону»!

Тѣмъ-то и дорогъ былъ Андрюша Марьѣ Ивановнѣ, что онъ нудить не нудилъ, а между тѣмъ «справедливыя слова» говорилъ. И говорилъ ихъ въ такое время, когда у всѣхъ и на умѣ, и на языкѣ только жестокія слова были. Сколько лѣтъ она за Кондратьемъ Кондратьичемъ въ замужествѣ живетъ, и ни одного-то «справедливаго» слова отъ него не слыхала! Все или водку пьетъ, или табачище куритъ, или сквернословитъ, или на конюшнѣ, арапникомъ щелкаетъ! А ночью придетъ пьяный и дрыхнетъ. Въ этомъ вся ея жизнь прошла. Только отъ Андрюши она и увидѣла свѣтъ. Поговоришь съ нимъ—словно какъ и очнешься. И объ душѣ вспомнишь и о Богѣ... чувствуешь, по крайности, что не до конца окоченѣла!

И не съ одною Марьей Ивановной бесѣдовалъ такимъ образомъ Андрей, а вообще любилъ по душѣ поговорить, и, разговаривая, нерѣдко касался такихъ предметовъ, о которыхъ тогда никто и въ помышленіи не имѣлъ. Такимъ образомъ, онъ уже въ сороковыхъ годахъ провидѣлъ и новые суды, и земство, и даже свободу книгопечатанія.

О судахъ онъ такъ выражался:

— Нынче, судья-то забьется въ мурью, да и пишетъ, что ему хочется. Хочетъ—завинитъ, хочетъ—бѣлѣе снѣга сдѣлаетъ. А какъ на міру-то его судить заставятъ, такъ правда-то сама изъ него выскочитъ!

Digitized by Google

О земствѣ:

— Какъ возможно сравнить: чиновникъ ли по уѣзду распоряжается, или самъ обыватель своимъ дѣломъ заправляетъ? Чиновнику—что? онъ пріѣхалъ, взглянулъ, плюнулъ и уѣхалъ! А у обывателя каждая копеечка на счету и объ каждой у него сердце болитъ!

И наконецъ, кратко, о свободѣ книгопечатанія:

— Помяните мое слово, ежели въ самой скорости волю книгопечатанью не объявятъ!

И дѣйствительно, такъ по его, впослѣдствіи, все и сдѣлалось.

Но что всего замѣчательнѣе, ни пошехонскій судья, ни пошехонскіе чиновники, ни цензурное вѣдомство—никто на Андрея не претендовалъ. Потому что всѣ понимали, что онъ никого не нудитъ, а только «по божески» разговариваетъ.

Словомъ сказать, въ самое короткое время молодой Курзановъ сдѣлался гордостью и украшеніемъ всего Пошехонскаго уѣзда. Самъ городничій, и тотъ любилъ послушать его. Призоветъ, бывало, и велитъ «справедливыя слова» говорить. Скажетъ Андрей: мнѣ кусокъ!—а городничій подтвердитъ: правильно! Скажетъ Андрей: и всѣмъ прочимъ по куску!—а городничій опять подтвердитъ: правильно! Да и нельзя было не подтвердить, потому что такія же, приблизительно, слова, городничій въ церкви по воскресеньямъ слыхалъ.

Этого мало: пріѣхалъ въ Пошехонье на ревизію губернаторъ, и тоже пожелалъ на Пошехонскую диковинку посмотрѣть. И когда Андрей ему, въ присутствіи всѣхъ уѣздныхъ чиновъ, свои «справедливыя слова» высказалъ, то онъ нетолько не нашелъ въ нихъ ничего предосудительнаго, но похвалилъ:

— Молодецъ Курзановъ!

Уѣздные же чины, преисполнившись радости, съ своей стороны, воскликнули:

— Это въ немъ, ваше превосходительство, божеское!

Долго ли, коротко ли такъ шло, а времена между тѣмъ измѣнялись. И все къ лучшему. Началъ Андрею во снѣ старецъ являться. Придетъ, скажетъ: эй Андрей! какъ бы тебя за «справедливыя-то слова» не высѣкли!—и исчезнетъ.

Но Андрей вѣрилъ въ правоту своего дѣла, и не боялся.

Наконецъ, наступилъ моментъ, когда просвѣщеніе, обойдя всѣ закоулки Россійской имперіи, коснулось и Пошехонья. Прежде всего, оно сочло необходимымъ обревизовать пошехонскую терминологію, и затѣмъ, найдя въ ней болѣе или менѣе значи-

Digitized by Google

тельныя неисправности, усердно принялось за очистку ея отъ ненужныхъ примѣсей. Въ числѣ прочихъ, подверглись тщательной ревизіи и ходячіе разговоры о «божескомъ житіи». Просвѣщеніе не отвергало прямо проповѣди о «божескомъ житіи», но отводило ей мѣсто въ церквахъ и монастырахъ, и притомъ, преимущественно въ воскресные и табельные дни. «Когда царство небесное сдѣлается общимъ достояніемъ», писалось по этому поводу въ «Уединенномъ Пошехонцѣ», получавшемъ внушенія чуть не изъ самаго городническаго правленія:—тогда и божеское житіе само собой возымѣетъ дѣйствіе. До тѣхъ же поръ, пошехонскіе обыватели обязываются, не предваряя времени, стараться онаго житія достигнуть не разговорами, а ревностнымъ исполненіемъ законнаго долга и возлагаемыхъ на нихъ начальствомъ порученій». А въ другой статьѣ, тотъ же «Уединенный Пошехонецъ» объяснялъ слѣдующее: «Между прочими баснями, смущающими нетвердые обывательскіе умы, распространяется и таковая, будто бы только тѣ люди живутъ «по справедливости», кои въ основаніе своей жизни полагаютъ правило: «мнѣ кусокъ, и тебѣ—кусокъ, и прочимъ всѣмъ—по куску». Не отрицая, съ своей стороны, удовольствія, которое можетъ доставить общая сытость, мы считаемъ, однакожь, не лишнимъ предупредить увлекающихся, что ежели ихъ мечтаніямъ и суждено когда-нибудь осуществиться, то, навѣрное, ни одинъ изъ нихъ даже приблизительно не въ состояніи опредѣлить момента таковаго осуществленія. А посему, представляется болѣе согласнымъ съ требованіями благоразумія, ежели обыватели, не предваряя событій, положатъ въ основаніе своихъ дѣйствій правило не столь «сытое», но болѣе соотвѣтствующее духу нашего просвѣщеннаго времени, а именно: какой у кого кусокъ есть, тотъ пусть при ономъ и останется. Не имѣющій же куска да потщится на свой собственный кошть пріобрѣсть таковой».

Это было уже не въ бровь, а прямо въ глазъ. Тѣмъ не мѣнѣе, Андрей нетолько не угомонился, но даже совершенно ничего не понялъ. Такова участь всѣхъ вообще недомолвокъ, полусловъ и полумѣръ. «Уединенный Пошехонецъ» и самъ видимо колебался. Съ одной стороны, онъ какъ будто иронизировалъ, но съ другой, не отрицалъ прямо ни «сытости», ни «божескаго житія». Вообще, какъ говорится, ходилъ кругомъ да около. Поэтому, обыватель, не весьма догадливый, нетолько не убѣждался его доводами, но находилъ ихъ положительно слабыми. «Это онъ для удобности городнической лукавитъ, говорили сторонники «божескаго житія»:—хочетъ, чтобъ городничему помыкать нами

Digitized by Google

легче было!» И, утвердившись на этомъ, продолжали упорствовать въ своемъ заблужденіи.

А времена, между тѣмъ, продолжали зрѣть. И все къ лучшему. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ пріѣхалъ на городничество майоръ Стратиговъ. Правой ноги у него не было, а отъ лѣвой руки осталась только небольшая часть. А сверхъ того, онъ и въ церковь рѣдко ходилъ, а слѣдовательно, и о «справедливыхъ словахъ» совсѣмъ позабылъ. Но зато, когда онъ бралъ въ правую руку костыль, то дрался имъ замѣчательно больно. Пріѣхавши на городничество, онъ вызвалъ Андрея Курзанова и велѣлъ ему «справедливыя слова» говорить. И когда послѣдній, въ наивной увѣренности, что въ этихъ словахъ ничего супротивнаго нѣтъ, высказалъ все, что у него было на душѣ, то Стратиговъ инстинктивно сжалъ въ рукѣ костыль, но, не предваряя событій, отъ немедленнаго боя воздержался, а только какъ-то загадочно метнулъ на него глазами и пробормоталъ:

— Гм...

А на другой день явилась въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» передовица, которая разъясняла дѣло уже въ болѣе рѣшительномъ тонѣ. «Въ городѣ Пошехоньѣ, говорилось въ этой статьѣ:—появились личности, которыя открыто присвоиваютъ себѣ право говорить такъ называемыя «справедливыя слова». Хотя, по существу, сіи слова представляютъ собой образчики похвальнаго умственнаго паренія, но тѣмъ не менѣе, самая сила производимаго ими впечатлѣнія съ достаточностью указываетъ на то, сколь значительный вредъ можетъ произойти отъ невѣжественнаго или неискуснаго съ ними обращенія. Исторія не даромъ свидѣтельствуетъ, что нетолько у насъ въ Пошехоньѣ, но и въ прочихъ странахъ образованнаго міра слова этой категоріи всегда находились и находятся въ вѣденіи подлежащихъ вѣдомствъ и особо препоставленныхъ на сей предметъ учрежденій. Ежели таково непререкаемое свидѣтельство исторіи, то не явствуетъ ли изъ онаго, что «справедливыя слова», по самой природѣ своей, должны считаться изъятыми изъ общаго обращенія, и что такое изъятіе должно быть принимаемо обывателями отнюдь не въ качествѣ стѣсненія ихъ въ выраженіи благородныхъ чувствъ, но лишь въ смыслѣ предостереженія, что и благородныя чувства могутъ имѣть послѣдствіемъ ссылку въ мѣста не столь отдаленныя. А посему, еслибы кто либо изъ обывателей и самъ приведенъ въ такое состояніе, когда отъ избытка чувствъ уста глаголютъ, то и въ такомъ случаѣ представлялось бы полезнѣйшимъ, дабы онъ потребность сію удовлетворялъ у себя въ квартирѣ (однако-жъ, не при гостяхъ) или въ другихъ цу-

*

Digitized by Google

стынныхъ мѣстахъ, публичное же распубликованіе «справедливыхъ» и тому подобныхъ чувствъ предоставилъ бы лицамъ и мѣстамъ особливо на сей конецъ уполномоченнымъ.

Однако-жь, Андрей и послѣ этого не смирился. Напротивъ, возъимѣвъ дерзкое намѣреніе проникнуть въ самое сердце полиціи, онъ началъ донимать «справедливыми словами» будочниковъ, и дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ настолько успѣшно, что въ одно прекрасное утро искали-искали по всему Пошехонью «шиворота», и только ужь на другой день самъ городничій, ходя по базару, едва успѣлъ его вновь осуществить.

Тогда Стратиговъ убѣдился, что наступило время истреблять «фанаберіи» посредствомъ выколачиванія. Онъ вновь призвалъ Курзанова и вновь велѣлъ ему «справедливыя слова» говорить. Когда же послѣдній, не подозрѣвая ловушки, съ обычной наивностью выложилъ все, что зналъ, то городничій, взявъ въ правую руку костыль, однократно ударилъ имъ Андрея между крылецъ, сказавъ:

— А остальное—за мною!

И что-жь! Андрей даже этимъ не отрезвился! Противъ всякаго ожиданія, онъ даже не вознегодовалъ, а весь проникся состраданіемъ къ Стратигову, убѣжденный, что это въ немъ дѣйствуетъ болѣзнь.

— Ноги у него нѣтъ, говоритъ:—руки вотъ съ эстолько осталось—ну, и можитъ его!

Черезъ день, Стратиговъ опять вызвалъ Андрея, и ударилъ его между крылецъ, уже двукратно. Еще черезъ день, ударилъ троекратно. И, наконецъ, сталъ бить безъ счету и нещадно. Но Андрей попрежнему продолжалъ говорить «справедливыя слова», и все больше и больше проникался состраданіемъ къ колченогому городничему, котораго болѣзнь вынуждала прибѣгать къ костылю. Даже тогда, когда въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» появилась статья, въ которой прямо требовалось, чтобы «справедливыя слова произносились только въ нарочито изготовленныхъ для сего помѣщеніяхъ, а отнюдь не на улицахъ и даже не въ частныхъ домахъ, гдѣ могутъ оныя слышать личности, къ уразумѣнію ихъ неприготовленныя»—даже тогда Андрей не понялъ, что и костыль городническій и журнальная передовица имѣютъ въ предметѣ дѣйствія имъ производимыя.

Самъ Стратиговъ изумился. «Ужь дойму же я тебя, балбесъ! кричалъ онъ въ изступленіи:—костыль объ тебя измочалю, а дойму!» И какъ сказалъ, такъ и поступилъ. И все-таки не донялъ. Не донялъ потому, что никакой костыль не могъ вразумить Андрея, что слова, которыя въ нарочито устроиваемыхъ

Digitized by Google

помѣщеніяхъ считаются «справедливыми», въ другихъ мѣстахъ могутъ превратиться въ опасныя и «несправедливыя».

Какъ бы то ни было, но теорія искорененія «фанаберій» посредствомъ выколачиванія оказывалась исчерпанною. На мѣсто ея потребовалась другая теорія, болѣе состоятельная, и она не замедлила заявить о себѣ.

То была теорія обращенія къ почтеннѣйшей публикѣ. Насадителемъ ея явился исправникъ Октавіанъ Феликсовичъ Язвилло, который, за упраздненіемъ городнической должности, соединилъ въ своемъ лицѣ высшую полицейскую власть по городу и по уѣзду.

Язвилло былъ человѣкъ ловкій. Въ церкви онъ ужь совсѣмъ никогда не бывалъ, а о «справедливыхъ словахъ» и не слыхивалъ. Взамѣнъ того, онъ принесъ съ собою какія-то особенныя, совсѣмъ новыя слова. Онъ первый произнесъ въ Пошехоньѣ выраженіе «основы», и первый же вполнѣ опредѣленно формулировалъ мысль, что «справедливыя слова» суть зло, направленное къ потрясенію «основъ».

И такъ какъ всѣ предпринимаемыя до тѣхъ поръ средства—въ формѣ вразумленія, и выколачиванія—съ цѣлью локализировать зло въ нарочито устроенныхъ помѣщеніяхъ, оказались безсильными, то Язвилло пришелъ къ заключенію, что въ этомъ дѣлѣ потребны пріемы гораздо болѣе сложные, чуждые той заскорузлой рутинности, которая шла напроломъ и напиралась на рожонъ.

Наиболѣе цѣлесообразнымъ изъ этихъ пріемовъ представлялось ему спасительное междоусобіе. Съ него онъ и началъ. Раздѣливъ обывателей на двѣ категоріи: благонадежныхъ и неблагонадежныхъ, онъ прежде всего въ яркихъ чертахъ обрисовалъ тѣ опасности, которыми угрожаетъ распространеніе въ публикѣ заблужденій (такъ называлъ онъ прежнія «справедливыя слова») и затѣмъ, призвалъ всѣхъ благонадежныхъ обывателей (на этотъ разъ онъ даже не усомнился употребить слово «граждане») къ содѣйствію. Это была съ его стороны штука очень рискованная—кто знаетъ, что могло втемяшится пошехонцамъ въ голову по случаю этого «призыва?»—но «Уединенный Пошехонецъ» и на этотъ разъ сослужилъ ему обычную службу. Въ обширной передовицѣ, растянувшейся на цѣлыхъ три номера, онъ разъяснилъ: во-первыхъ, кого слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ благонадежныхъ гражданъ, во-вторыхъ, что означаетъ выраженіе «основы» и почему оныя должны стоять незыблемо, въ-третьихъ, въ какомъ смыслѣ должны быть понимаемы слова: «содѣйствіе общества»; и въ-четвертыхъ, какія хитрости употребляетъ злоумыш-

Digitized by Google

леніе въ видахъ упраздненія основъ, и какіе пріемы необходимо этимъ хитростямъ противопоставить, чтобы пресѣчь зло въ самомъ корнѣ.

Отвѣты на эти вопросы вкратцѣ заключались въ слѣдующемъ: «Благонадежными» признавались лишь тѣ граждане, кои, «будучи довольны предопредѣленной имъ частью, благополучно подъ сѣнію начальственныхъ предписаній почиваютъ»; неблагонадежными же тѣ, кои, «по лѣности, пьянству, нерадѣнію или праздности, будучи приведены въ уныніе, вмѣсто того, чтобы принимать мѣры къ собственному исправленію, продолжаютъ завистливымъ окомъ вождѣлѣть». Изъ числа «основъ», «Пошехонецъ» въ особенности настаивалъ на собственности, и совѣтовалъ защищать ее всѣми средствами. И нетолько отъ воровъ, грабителей и разбойниковъ, а всего больше отъ распространителей развратныхъ мыслей, которыя за тѣмъ только «всѣхъ равными кусками потчуютъ, дабы собственную нерадивую праздность при семъ случаѣ угобзить». Что же касается до «основъ» прочихъ сортовъ, то авторъ передовицы скромно сознавался, что въ полицейскомъ управленіи имѣются объ нихъ лишь весьма скудныя свѣденія, но что въ ближайшемъ будущемъ отъ ярославскаго губернскаго правленія ожидается подробное по сему предмету разъясненіе. О «содѣйствіи» «Пошехонецъ» выражался такъ: «не для того оно нужно, чтобы г. исправникъ потребность въ ономъ ощущалъ, а для того, дабы сами обыватели въ полезныхъ упражненіяхъ время препровождали». Относительно же хитростей, употребляемыхъ для потрясенія основъ, «Уединенный Пошехонецъ» на первомъ планѣ ставилъ «льстивыя обѣщанія легкаго житія, сопровождаемыя возбужденіемъ дурныхъ страстей», и какъ противодѣйствіе этимъ ухищреніямъ рекомендовалъ откровенное обращеніе къ Октавіану Феликсовичу Язвилло.

Успѣхъ, достигнутый этой передовицей, былъ поразительный. Но надо сказать правду, что значительнѣйшею частью этого успѣха она была обязана упоминовенію о собственности. Такъ какъ рѣдкій изъ пошехонцевъ не сознавалъ себя обладателемъ хотя бы шила, то понятно какой страхъ подобный собственникъ долженъ былъ ощутить, узнавъ, что кто-то имѣетъ на это шило претензію, и сбирается его отнять. Поднялось галдѣніе неслыханное. Сначала теребили преимущественно Андрея Курзанова (по нѣкоторымъ признакамъ догадались, что передовица имѣла въ виду именно его), но потомъ, въ общей суматохѣ, объ немъ забыли, и стали побивать каждый каждаго. Обладатель большого шила слалъ доносъ на обладателя малаго шила; обладатель суконныхъ штановъ уличалъ въ потрясательныхъ намѣреніяхъ

Digitized by Google

обладателя штановъ нанковыхъ. Мирный дотолѣ городъ загудѣлъ и заволновался, а «благонадежные» толпами осаждали полицейское управленіе и требовали скорой и немилостивой расправы съ «неблагонадежными».

Но Курзановъ все-таки продолжалъ не понимать. Не понималъ онъ, какое отношеніе имѣютъ «справедливыя слова» къ этой неожиданной пошехонской сумятицѣ, да и сами пошехонцы врядъ ли это понимали. Тѣмъ не менѣе, житье Андрея въ эту пору было незавидное. Его періодически то сажали въ кутузку, то освобождали отъ нея. Но онъ и этому не удивлялся, а называлъ сажаніе въ кутузку «дѣйствіемъ по закону», а освобожденіе изъ нея—«дѣйствіемъ по справедливости».

— Я не противъ закона иду, говорилъ онъ Язвилѣ: — а говорю только, что коли ежели «по-божески»...

И такъ-таки на этомъ и устоялъ, несмотря на то, что, въ теченіи года, по крайней мѣрѣ, шесть мѣсяцевъ провелъ въ кутузкѣ.

Язвилло торжествовалъ и уже завелъ-было книгу, въ которую постепенно вносилъ обывателей, на которыхъ само «содѣйствіе» указывало, какъ на неблагонадежныхъ. Однако-жь, торжество это было недолгое. Главнымъ образомъ, ошибка Язвиллы заключалась въ томъ, что онъ никакъ не предполагалъ, чтобы ябеда достигла такихъ несказанныхъ размѣровъ и приняла столь разнообразныя формы. Пошехонцы до такой степени разревновались, что превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Вчерашній охранитель дѣлался сегодняшнимъ потрясателемъ, сегодняшній охранитель могъ быть увѣреннымъ, что сдѣлается потрясателемъ завтрашнимъ. Язвилло бѣгалъ по городу, какъ угорѣлый, ловилъ, хваталъ, но уже никакая лихорадочная дѣятельность не могла удовлетворить народной Немезидѣ. Въ одно прекрасное утро оказалось, что изъ всего пошехонскаго населенія только онъ, Язвилло, да негласный руководитель ябедническаго движенія, Беркутовъ (о немъ зри ниже), остались незавиненными. Даже непремѣнный засѣдатель—и тотъ оказался потрясателемъ, потому что, получивши съ почты казенныя деньги, «обронилъ» ихъ по дорогѣ въ полицейское управленіе.

Тогда Язвилло отправился съ докладомъ въ губернію, гдѣ и былъ немедленно уволенъ отъ должности.

На мѣсто Язвиллы пріѣхалъ въ Пошехонье капитанъ Груздевъ (новокрѣщенъ изъ черемиссъ), который вновь возвратился къ простымъ и удобопонятнымъ распоряженіямъ, съ тѣмъ лишь присовокупленіемъ, что разъ навсегда устранилъ всѣ колебанія

Digitized by Google

и неясности, которыя въ прежнее время парализовали успѣхъ принимаемыхъ мѣръ.

Прибывши на мѣсто, онъ, по примѣру своихъ предмѣстниковъ, велѣлъ привести Андрея Курзанова и приказалъ ему «справедливыя слова» говорить. Но едва началъ Андрей: «тебѣ—кусокъ, и мнѣ кусокъ»—какъ Груздевъ на первыхъ же словахъ его перервалъ:

— Довольно! сказалъ онъ твердо: — даю тебѣ два дня на исправленіе!

Черезъ два дня, Курзановъ явился вновь, но такъ какъ, повидимому, умъ у него окончательно заложило, то и на этотъ разъ онъ началъ: «тебѣ—кусокъ, мнѣ—кусокъ»...

— Фюить!

II.

Никаноръ Беркутовъ.

Въ тотъ же самый періодъ времени, такъ сказать, параллельно съ Андреемъ Курзановымъ, расцвѣлъ, по сосѣдству съ Пошехоньемъ, въ городѣ Тотьмѣ (Вологодской губерніи), другой реформаторъ, Никаноръ Беркутовъ.

Все въ этихъ людяхъ было разное: и отправная точка дѣятельности, и дальнѣйшія ихъ судьбы. Но одна черта была общая, которая и сообщала ихъ дѣятельности выдающійся характеръ: оба мыслили и говорили не такъ, какъ прочіе тотемцы и пошехонцы мыслятъ и говорятъ.

Беркутовъ былъ причетническій сынъ и родился въ одномъ изъ тотемскихъ захолустьевъ, гдѣ отецъ его служилъ пономаремъ при очень бѣдной приходской церкви. Въ дѣтствѣ, Никаноръ никогда досыта не ѣдалъ, но за то по горло былъ сытъ побоями и колотушками, которыми щедро одѣляли его отецъ и мать. По одиннадцатому году, сдали его въ тотемское духовное училище, гдѣ сытости не прибавилось, а тѣлесныя калѣчества, напротивъ, въ значительной мѣрѣ умножились. Учился онъ плохо, кончилъ курсъ въ училищѣ поздно, и отъ перехода въ семинарію уклонился, а прямо поступилъ на службу писцомъ въ тотемскій земскій судъ на рублевое мѣсячное жалованье. Лѣтъ десять сряду онъ мыкался то около суда, то по становымъ квартирамъ, подстерегая просителей, устраивая мелкія вымогатель-

Digitized by Google

ства, и кончилъ все-таки тѣмъ, что былъ, за пьянство и вздорный характеръ, выгнанъ изъ службы.

Принятые въ дѣтствѣ побои, а затѣмъ голодъ и дальнѣйшія преслѣдованія судьбы развили въ Беркутовѣ угрюмость, которая постепенно развилась въ открытое человѣконенавистничество. Всѣхъ и за все онъ ненавидѣлъ. Богатыхъ за то, что богаты, сильныхъ за то, что сильны, бѣдныхъ за то, что бѣдны, слабыхъ за то, что слабы. Въ первыхъ онъ видѣлъ угнетателей, во вторыхъ — массу ничтожныхъ существъ, которые ни ему, ни другимъ, ни даже самимъ себѣ не могли оказать ни защиты, ни поддержки. И всѣмъ, по мѣрѣ силъ, старался сдѣлать зло. Злоба ключемъ кипѣла въ его сердцѣ, злоба прокаженнаго человѣка, къ которому никто добровольно не хочетъ прикоснуться. И онъ несомнѣнно задохся бы отъ ненависти, еслибы не облегчалъ себя, всеминутно изрыгая потоки клеветническихъ и смрадныхъ словъ.

Тридцати лѣтъ отъ роду онъ уже имѣлъ наружность отживающаго старика. Сухой, словно изъѣденный невѣдомыми внутренними бактеріями, съ сгорбленною, какъ бы перешибленною спиною, съ трясущимися руками и ногами, съ морщинистымъ и желтымъ, какъ пергаментъ, лицомъ, онъ, казалось, всеминутно готовъ былъ разсыпаться въ прахъ. Но глаза свидѣтельствовали объ его живучести. Это были черные юношескіе глаза, которые горѣли въ своихъ глубокихъ впадинахъ сухимъ и горячимъ блескомъ, наводя на постороннихъ не страхъ и даже не унынie, а какую-то щемящую сухоту, какъ будто изъ этихъ глазъ изливался таинственный токъ, который и прочія сердца отравлялъ ненавистью, изсушившею самого Беркутова.

Съ утра до вечера бродилъ Беркутовъ по городскимъ улицамъ, грузно ступая ногами по грязи и опираясь на толстую суковатую палку, которою, повременамъ, онъ грозилъ, проходя мимо особенно-ненавистныхъ ему домовъ. Въ кабаки и харчевни онъ заходилъ охотно, но не для пьянства (хотя и выпить былъ не прочь), а для подстрекательства. Тамъ онъ снималъ съ присутствующихъ формальный допросъ, и, узнавъ о притѣсненіяхъ — все равно, дѣйствительныхъ или мнимыхъ — тутъ же начиналъ дѣло. За труды онъ бралъ, но умѣренно, и житейскія свои потребности довелъ почти до минимума, такъ что казалось даже удивительнымъ, какъ онъ и въ самомъ дѣлѣ не разсыплется въ прахъ.

Однакожъ, адвокатская спеціальность далеко не исчерпывала содержанія его дѣятельности. Самою существенною чертою этой дѣятельности, какъ сказано выше, являлась проповѣдь ненави-

Digitized by Google

сти къ сильнымъ и презрѣнія къ слабымъ. И то, и другое онъ высказывалъ громко и не стѣсняясь. Сильные тогдашняго тотемскаго міра вообще были нѣсколько позамараны. Это были или мѣстные дворяне, почти сплошь мелкопомѣстные, которые тянули силы своихъ крѣпостныхъ, выжимая изъ нихъ послѣдніе соки; или чиновники, которые въ то время во всей Россіи жили не столько казеннымъ жалованьемъ, сколько выдумками собственнаго изобрѣтенія. Это значительно облегчало Беркутову его пропаганду ненависти, такъ-что какъ ни горѣли представители мѣстной культуры желаніемъ допечь наглаго надругателя, но самая нерѣшительность и робость, которую они при этомъ выказывали, въ самомъ корнѣ парализировала ихъ усилія. Что же касается до презрѣнія къ слабымъ, то, конечно, въ этомъ отношеніи, ни съ какой стороны препятствій для Беркутова возникнуть не могло.

Замѣчательно, что, несмотря на несомнѣнную каверзность его наружнаго вида, никто надъ Беркутовымъ не издѣвался. Даже мальчишки не бѣгали за нимъ толпами, не кричали и не дразнились, какъ это дѣлалось въ отношеніи другихъ болѣе обыкновенныхъ пропойцевъ. Какъ будто они понимали, что въ этомъ трясущимся тѣлѣ заключена таинственная сила, которая можетъ въ одну минуту задавить и ихъ самихъ, и присныхъ ихъ, и то «праховое» устройство, около котораго лѣпилось ихъ существованіе. Взрослые же тотемцы почти поголовно снимали передъ Беркутовымъ картузы, что доставляло ему неизрѣченное наслажденіе, такъ какъ онъ зналъ, что не было той души во всемъ городѣ, которая не ненавидѣла бы его.

Ученіе Беркутова было очень просто и выражалось въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: всѣхъ привести къ одному знаменателю. Именно такъ онъ и говорилъ, какъ бы свидѣтельствуя этимъ, что былъ въ училищѣ и не забылъ о дробяхъ.

Никакихъ разъясненій и развитій это ученіе не требовало. Все оно исчерпывалось въ своей краткой гнусности. Кого нужно было привести къ одному знаменателю?—всѣхъ. По какимъ причинамъ?—по всѣмъ вообще. Что означало слово «знаменатель»?—все вообще, что заставляетъ человѣка страдать, корчиться отъ боли, изнывать. И плющильный молотъ, и «кошки», и плеть, и пресловутый «третій пунктъ», и клевета, и нравственныя мученительства и истязанія — все на потребу! все, въ большей или меньшей степени, равняетъ людей передъ лицомъ «знаменателя».

Для чего это нужно? — Беркутовъ никогда на этотъ вопросъ не отвѣчалъ; но видно было, что для него это вполнѣ ясно. Можетъ быть, ему представлялась безконечная пустыня, по ко-

Digitized by Google

торой рыскали звѣри и рвали другъ друга зубами. Или, быть можетъ, передъ глазами его мелькалъ наполненный атомами хаосъ, изъ темной глубины котораго выступалъ сатана... Во всякомъ случаѣ, едва ли даже лично самого себя онъ выдѣлялъ изъ той общей утрамбовки, которую долженъ былъ произвести «знаменатель», похаживая по обывательскимъ головамъ.

Повторяю, однакожъ: Беркутова весь городъ ненавидѣлъ, а въ томъ числѣ и лица, за которыхъ онъ, по наружности, заступался, и отъ имени которыхъ вчиналъ иски и дѣла. Но всего болѣе ненавидѣли его чиновники, несмотря на то, что теорія приведенія къ одному знаменателю, по существу, вовсе не противорѣчила вѣяньямъ того времени. Очевидно, что атмосфера уже до того была насыщена всевозможными знаменателями, что слышать это слово отъ какого-то случайнаго поганца становилось ужь совсѣмъ нестерпимымъ. Поэтому какъ ни боялись тотемскіе чины разоблаченій Беркутова, и какъ ни ошеломляюще дѣйствовала эта боязнь на ихъ отношенія къ «поганцу», тѣмъ не менѣе они все-таки всемѣрно старались его донять.

Тотемскій городничій не разъ призывалъ Беркутова и угрожалъ ему:

— И отъ кого ты, поганецъ, уродился? кричалъ онъ на него:—и какъ земля-то тебя, демона, носитъ? какъ не задохнешься ты въ паскудствѣ своемъ? Вотъ погоди ужо! сгною я тебя въ острогѣ! сгною, какъ пить дамъ!

И дѣйствительно, отъ времени до времени, изобрѣталъ какую-нибудь выдумку и сажалъ Беркутова въ острогъ. А однажды даже и впрямь едва не «сгноилъ» его въ тюрьмѣ. И вотъ по какому случаю.

Въ то время, относительно доносителей по первымъ двумъ пунктамъ, держались такого правила: коли любишь доносить, то люби и доказать свой доносъ (по пословицѣ «любишь кататься, люби и саночки возить»), а покуда не докажешь — сиди въ острогѣ. Правило это, мудрое и человѣколюбивое, налагало на доносчиковъ извѣстную узду и вполнѣ оправдывалось вакханаліями «слова и дѣла», которыя были еще у всѣхъ на памяти. Доносить было и сладко и жутко. Сладко потому, что доносъ, столь блестящій, сразу ставилъ доносчика въ мнѣніи согражданъ на недосягаемую высоту; жутко—потому что тотъ же доносъ, въ случаѣ неудачи, могъ низвергнуть своего автора на самое дно преисподней.

Начальство не любило блестящихъ доносчиковъ. Во-первыхъ, оно, по природѣ своей, охотнѣе утирало слезы, нежели извлекало ихъ; во-вторыхъ, оно отлично понимало, что въ какой нибудь

Digitized by Google

Тотьмѣ нетолько двухъ первыхъ, но и вообще никакихъ пунктовъ невозможно и предположить. Поэтому, обиліе подобныхъ доносчиковъ считалось карою и вреднымъ усложненіемъ административнаго механизма. Въ доносчикахъ тѣмъ охотнѣе видѣли безпокойныхъ и даже злонамѣренныхъ людей, что страсть къ доносамъ не ограничивалась какою-либо спеціальностью, но, распространялась вообще на все и на всѣхъ. Первые два пункта представляли собой какъ бы лакомство, обыкновенною же пищею для доносовъ служили заурядные поступки уѣздныхъ и губернскихъ чиновъ. Понятно, что послѣдніе пользовались всякимъ случаемъ, чтобы подловить хотя тѣхъ шустрыхъ негодяевъ, которые самонадѣянно пускались въ слишкомъ смѣлое плаваніе по безграничному океану ябедничества.

Именно такой грѣхъ случился и съ Беркутовымъ. Какимъ-то образомъ, онъ не расчиталъ себя, и вмѣсто пьедестала, очутился въ острогѣ. На этотъ разъ онъ засѣлъ тамъ уже не на недѣлю и не на мѣсяцъ, какъ прежде, а на цѣлые годы. Однако-жь, узы нетолько не пролили мира въ его озлобленную душу, но еще больше ожесточили ее. Ежели, съ одной стороны, ему періодически напоминали о представленіи доказательствъ, подтверждающихъ сдѣланный имъ доносъ, то съ другой стороны, онъ отвѣчалъ на эти напоминанія усугубленіемъ ябеднической дѣятельности. Каждый день онъ являлся въ смотрительскую и оттуда наводнялъ присутственныя мѣста доносами и кляузами. Власти смутились. Вышло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Заключеніе Беркутова въ острогъ нетолько не облегчило движенія административнаго механизма, но чуть было совсѣмъ не затормозило его. Беркутовъ на досугѣ, всѣхъ завинилъ; нетолько людей, находящихся у кормила, но ихъ женъ, свояченицъ и снохъ. Чувствовалась потребность, во что бы ни стало, развязать этотъ узелъ, и наконецъ, его развязали тѣмъ, что административнымъ порядкомъ водворили ябедника въ Пошехонье.

Здѣсь его встрѣтилъ тотъ самый городничій, который такъ благосклонно выслушивалъ Андрея Курзанова и дивился его разуму. И встрѣтилъ, надо сказать правду, неблагосклонно.

— Ты у меня смотри! кричалъ на Беркутова городничій: — ябедничать или доносы писать — и Боже тебя сохрани! У насъ здѣсь покудова было смирно, такъ ежели что... сгною, поганца, въ острогѣ! какъ пить дамъ, сгною!

Беркутовъ угрюмо выслушалъ эту угрозу и отвѣтилъ на нее тѣмъ, что съ первой же почтой на всѣ пошехонскія власти послалъ обстоятельный доносъ.

И въ Пошехоньѣ началась такая же суматоха, какъ въ Тотьмѣ

Digitized by Google

мѣ. Но такъ-какъ Беркутовъ былъ уже «ябедникъ завѣдомый», то на этотъ разъ административный механизмъ былъ не особенно затрудненъ его дѣятельностью. Прошенія и ябеды его оставались безъ разсмотрѣнія, и возвращались ему съ надписью. А городничій, узнавъ изъ этихъ прошеній, что онъ нетолько мздоимецъ, но и кровосмѣситель, возвращая ихъ доносителю, говорилъ:

— Ужь сгною я тебя въ острогѣ, поганецъ! убей меня Богъ, коли не сгною!

Беркутовъ задыхался и сохъ. Онъ сознавалъ себя въ положеніи пойманнаго волка, на которомъ всякій могъ срывать зло, а онъ — ни на комъ. Хотя же онъ и продолжалъ гремѣть по всѣмъ кабакамъ, что все и всѣхъ необходимо привести къ одному знаменателю, но пошехонцы, убѣдившись, что начальство относится къ нему немилостиво, нетолько не довѣряли его словамъ, но даже не разъ содѣйствовали его заключенію въ клоповникъ, какъ возмутителя.

Долго ли, коротко ли такъ шло, но мало-по-малу времена измѣнялись. И, разумѣется, къ лучшему.

На городничество прибылъ Стратиговъ, и, несмотря на свое калѣчество, сразу понялъ, что Беркутовымъ можно отлично воспользоваться, ежели взяться за дѣло умѣючи. Онъ велѣлъ привести его, и, указавъ на костыль, спросилъ:

— Видишь?

— Вижу, отвѣтилъ Беркутовъ, и что-то въ родѣ улыбки впервые скользнуло на его губахъ.

— Ну, такъ вотъ что. Если ты про меня хоть одно слово, хоть полслова — въ гробъ, поганца, заколочу! Ни подъ судъ отдавать не буду, ни въ острогъ не посажу — самъ, собственными руками... слышалъ?

— Слышалъ. Что кричишь! сфамильярничалъ Беркутовъ.

— А коли слышалъ, такъ и намотай себѣ это на усъ. Ну, съ Богомъ! Каждое утро будь здѣсь. И чтобъ все, что въ городѣ... понялъ?

На другой день, въ «Уединенномъ Пошехонцѣ» появилась передовая статья, въ которой доказывалось, что ошибочно мы называемъ ябедниками и доносчиками тѣхъ, кои отъ усердія о происходящихъ въ городѣ вредностяхъ извѣщаютъ; и что, напротивъ, «всемѣрно необходимо оное рвеніе поощрять, дабы злодѣи и прочіе развратные люди прежде, нежели умыслить въ сердцахъ свою пагубу, напередъ знали, что городническое правленіе объ оной уже увѣдомлено, и находится въ ожиданіи».

Передъ Беркутовымъ словно небеса разверзлись. Не то, чтобы

Digitized by Google

онъ изъялъ Стратигова изъ кипѣвшей въ его сердцѣ ненависти къ человѣчеству вообще, но онъ надѣялся доказать ему эту ненависть впослѣдствіи; теперь же рѣшился воспользоваться имъ, какъ подспорьемъ для осуществленія ученія о знаменателѣ. Въ теченіи какого-нибудь мѣсяца, благодаря его извѣстительному рвенію, Пошехонье переполнилось такими преступленіями, о которыхъ самое разнузданное пошехонское воображеніе никогда не смѣло мечтать. И что̀ всего важнѣе, открыватель этихъ фантастическихъ преступленій назывался уже не доносчикомъ, а извѣстителемъ. Но этого мало: постепенно Стратиговъ такъ распалился ревностью, что уже ни ссылался на свидѣтельство Беркутова, а просто говорилъ: «до свѣденія моего дошло» — и дѣло съ концомъ.

Тѣмъ не менѣе, дѣйствія Стратигова были на столько безтолковы и порывисты, что удовлетворить Беркутова не могли. Стратиговъ мздоимствовалъ, дрался и затѣмъ стихалъ, считая себя на время удовлетвореннымъ; Беркутовъ же стремился къ тому, чтобы постепенными мѣрами довести городъ до тоски. «Сухоту сердечную навести надо», говорилъ онъ, «мглу непросвѣтную, чтобы ни злакамъ, ни плодамъ земнымъ, ни людямъ — ни чему бы свершенія не было!»

Сверхъ того, Стратиговъ не зналъ, что̀ именно слѣдуетъ защищать и что̀ преслѣдовать; хотя же Беркутовъ понималъ въ этомъ случаѣ не больше Стратигова, но все-таки чувствовалъ, что въ дѣйствіяхъ городничаго существуетъ какой-то изъянъ. Что нѣтъ у него ни ясно сознанной цѣли, ни общаго плана, который устранялъ бы безплодную суматоху, а прямо указывалъ бы, куда и зачѣмъ нужно идти. Простая драка, простое мздоимство—развѣ за этимъ однимъ гнался Беркутовъ?

Настоящую суть дѣла взялъ на себя разъяснить Язвилло (см. предыдущій разсказъ). Онъ первый изъ представителей власти призналъ Беркутова благонамѣреннѣйшимъ гражданиномъ и сдѣлалъ его своимъ излюбленнымъ человѣкомъ. Съ непререкаемою послѣдовательностью развилъ онъ передъ нимъ и свои цѣли и свой планъ. Изъ этого изложенія, Беркутовъ убѣдился: 1) что, направляя свою дѣятельность преимущественно въ сторону первыхъ двухъ пунктовъ, онъ, въ сущности, только игралъ въ руку внутреннему врагу, ибо никакое самое придирчивое изслѣдованіе не въ состояніи было доказать, чтобы въ Пошехоньѣ могли существовать пункты, и слѣдовательно, всѣ попытки въ этомъ смыслѣ могли произвести только безплодное замѣшательство, которымъ внутренній врагъ и не преминетъ воспользоваться для своихъ цѣлей; 2) что идеалы первыхъ двухъ

Digitized by Google

пунктовъ суть вообще идеалы устарѣлые, бѣдные результатами и притомъ сопряженные съ личнымъ рискомъ, въ чемъ онъ, Беркутовъ, и имѣлъ случай убѣдиться лично на своихъ бокахъ; 3) что несравненно удобнѣйшимъ поводомъ для уловленій могутъ служить такъ называемыя «основы», какъ по растяжимости понятія, ими выражаемаго, такъ и потому, что «основы» затрогиваютъ не столько умъ и чувства человѣка, сколько его шкуру, вслѣдствіе чего человѣкъ мгновенно впадаетъ въ безуміе и лезетъ на стѣну; и 4) что оставивъ ябеду въ своей силѣ, необходимо дать ей другое наименованіе, и что наиболѣе подходящимъ въ этомъ смыслѣ терминомъ является «содѣйствіе общества», такъ какъ терминъ этотъ, независимо отъ благородства, которымъ оно отличается, еще въ значительной мѣрѣ расширяетъ предѣлы самой ябеды.

Беркутовъ въ совершенствѣ понялъ наставленія своего принципала, и въ особенности ту привилегію безнаказанности, которую они въ себѣ заключали. Не теряя времени, онъ отправился по всѣмъ кабакамъ, призывая къ содѣйствію всѣхъ, кои за шкаликъ готовы были продать свою совѣсть. Благодаря объявленной волѣ вину, кабаковъ расплодилось въ городѣ множество, и всѣ съ утра до вечера были полны народомъ. Обложенные со всѣхъ сторонъ винными парами, пошехонцы дѣлались необыкновенно нервны, чутки и проницательны. Поэтому, какъ только Беркутовъ объяснилъ, что въ Пошехоньѣ водворился внутренній врагъ, который у обладателей шила отниметъ шило, а у обладателей штановъ — штаны, всѣ пропойцы такъ и ахнули. Тогда Беркутовъ растолковалъ, что надо не медля идти навстрѣчу врагу, дабы пристигнуть въ самомъ его убѣжищѣ — и всѣ сейчасъ же ходко и горячо откликнулись на призывъ и огласили Пошехонье криками: «караулъ! грабятъ!»

Первою жертвою системы «содѣйствія общества» палъ судебный слѣдователь; второю — мѣстный акцизный надзиратель. Затѣмъ, жертвы начали попадаться массами. Беркутовъ съ утра разстилалъ сѣть и, запутавъ въ нее цѣлую уйму «неблагонамѣренныхъ», представлялъ ихъ въ полицейское управленіе на зависящее распоряженіе.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни ловокъ былъ Язвилло въ дѣлѣ подсиживанія обывателей и какъ ни усердно помогалъ ему Беркутовъ—въ результатѣ все-таки получилась сумятица. Перепетіи этой сумятицы описаны выше, здѣсь же слѣдуетъ прибавить, что Язвилло до того увлекся своимъ «предпріятіемъ», что самъ повѣрилъ обилію скопившихся въ Пошехоньѣ горючихъ матеріаловъ, и испугавшись могущаго послѣдовать отъ сего для Россій-

Digitized by Google

ской Имперіи ущерба, совершенно искренно испрашивалъ у начальства благомилостиваго разрѣшенія на срытіе города Пошехонья до основанія. Но на этотъ разъ Беркутовъ нетолько не раздѣлялъ мнѣнія Язвилло, но даже послалъ на него доносъ, обзывая своего милостивца полякомъ и измѣнникомъ и обвиняя его въ произведеніи безплодной суматохи, въ угоду «ржонду». Причемъ совершенно резонно присовокуплялъ, что ежели всѣхъ обывателей города Пошехонья безнужно истребить, то кого же на будущее время съискивать и на кого сухоту наводить будетъ?

Принятъ ли былъ во вниманіе Беркутовскій доносъ и даже былъ ли онъ разсмотрѣнъ — неизвѣстно; но Язвилло не долго наслаждался плодами произведеннаго имъ спасительнаго междоусобія. Начальство нетолько оставило безъ уваженія его ходатайство о срытіи Пошехонья, но его самого «за сію нелѣпую затѣю» уволило отъ должности.

На мѣсто Язвилло назначенъ былъ Груздевъ.

Прибывъ на мѣсто, онъ созвалъ пошехонцевъ, и молча погрозилъ имъ пальцемъ.

Затѣмъ, дабы познакомить обывателей съ программою будущихъ своихъ дѣйствій, немедленно истребилъ Андрея Курзанова, а Беркутову собственноручно поднесъ рюмку водки.

Н. Щедринъ.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
253780
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 190[illegible] L.

БОЛОТНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

ПОВѢСТЬ.

(*Окончаніе*).

VIII.

По освѣщенной ярко залѣ ходили гости — офицеръ, становой, какіе-то молчаливые молодые люди во фракахъ. Брилліантовъ вышелъ съ Буханцевымъ изъ кабинета, и лицо его, незадолго передъ тѣмъ веселое, было мрачно. Леночка видѣла его въ просвѣтѣ, образуемомъ драпировкою, что на дверяхъ. Папочка сгорбился и растерянно крутилъ усъ. Что случилось?

Буханцевъ влетѣлъ въ гостинную и расшаркался передъ Леночкой, пожалъ руку Терюханову, который посмотрѣлъ на него, однако, весьма недружелюбно. Жандармскій капитанъ сіялъ, шутилъ, былъ милъ и любезенъ, пріятно возбужденъ, можно сказать — счастливъ. Но то, что онъ былъ такъ веселъ, а папочка, побесѣдовавъ съ нимъ, сдѣлался угрюмъ, не нравилось Леночкѣ, и она тоже недружелюбно посмотрѣла на Буханцева.

Звонокъ. Въ передней женскій смѣхъ. Дамы пріѣхали. Леночка обрадовалась случаю уйти отъ Терюханова и Буханцева и стремглавъ бросилась туда. Прасковья Ивановна, въ ярко синемъ шолковомъ платьѣ, охорашивалась передъ зеркаломъ. Толстая мамаша и двѣ барышни съ скромными, нѣсколько испуганными лицами, осторожно снимали бурнусы. Лампочка съ многограннымъ металлическимъ рефлекторомъ освѣщала группу блѣднымъ свѣтомъ.

271
Digitized by Google

— Какъ я рада, что вы здоровы!

Поцѣлуи.

— Онъ здѣсь?

— Кто?...

— Михольскій!?

Леночка сжала руку Прасковьѣ Ивановнѣ, какъ бы приглашая ее замолчать, и застѣнчиво улыбаясь, повела дамъ въ залу. Молодые люди во фракахъ робко и низко поклонились. Майоръ, при видѣ барышенъ, сдѣлалъ любезную гримасу, но отъ Леночки не ускользнуло, что папочка притворяется. Взглядъ у него былъ грустный. И въ то же время вопросъ Прасковьи Ивановны еще звучалъ въ ея ушахъ и она волновалась при мысли о Михольскомъ.

— Нѣтъ? произнесла Прасковья Ивановна, глядя по сторонамъ.

Толстая барыня громко поздравляла майора. Леночка поспѣшила сказать полушопотомъ:

— Нѣтъ. Можетъ быть, папочка не пригласилъ его. Да и утромъ онъ не былъ.

Новый звонокъ.

— Вы знаете, милочка, мы теперь враги. Но все-же я съ удовольствіемъ встрѣтилась бы съ нимъ.

— Вашъ мужъ что-то говорилъ...

— Мой мужъ дуракъ! съ убѣжденіемъ сказала Прасковья Ивановна.

Вошелъ Юскевичъ. Прасковья Ивановна сдѣлала гримасу.

— Вообразите, я была убѣждена, что *онъ* явится. А за что мы поссорились? Этого никто не знаетъ.—За васъ!

У Леночки глаза загорѣлись. Она взяла Дейкунову подъ руку. Онѣ прошлись по залѣ и, черезъ гостинную, направились въ спальню. Прасковья Ивановна сѣла на кровать.

— За васъ, мой другъ! Я ему, знаете, что̀ брякнула? Вамъ, говорю, также мало дѣла до этихъ голодныхъ дѣтей, какъ и мнѣ. А девятнадцать рублей у Леночки вы взяли, чтобъ только познакомиться съ нею. Вотъ и вся гуманность. А между тѣмъ жениха у нея отобьете...

— Прасковья Ивановна, неужто вы это сказали!?

— Честное слово, сказала! Да мнѣ что̀! Да нѣтъ, выслушайте, что̀ онъ мнѣ на это. Я ему такъ, а онъ мнѣ: Прасковья Ивановна, у васъ вѣдь тутъ не хватаетъ. И на лобъ указалъ. Я ему все терпѣла, но тутъ меня взорвало. «Вонъ изъ моего дома»! Мнѣ, Леночка, стыдно теперь вспомнить, что я его такъ оскорбила...

Digitized by Google

Она закрыла лицо руками.

У Леночки щеки горѣли, и она съ недоумѣніемъ смотрѣла на молодую женщину.

— И онъ меня оскорбилъ, начала Прасковья Ивановна послѣ паузы:—но надо было простить ему. Можетъ быть, это было бы во *многихъ* отношеніяхъ лучше. А?

— Но о какомъ женихѣ говорили вы ему, Прасковья Ивановна? спросила Леночка съ тоской.

— О какомъ? Весь городъ... Разумѣется, объ этомъ... о татаринѣ...

Она указала рукой по направленію къ гостинной.

— Онъ мнѣ не нравится, прошептала Леночка, глядя на Дейкунову грустными глазами.

Дейкунова въ отвѣтъ подозрительно посмотрѣла на дѣвушку. Она долго молчала. Потомъ круто перемѣнила разговоръ.

— Что это такое въ вазахъ? Цвѣты изъ папиросной бумаги?

И, взявъ Леночку за талію, она поцѣловала ее, и онѣ пошли назадъ.

Гостей обоего пола было уже не мало. Дамы, въ пестрыхъ узкихъ платьяхъ, обступили Леночку, выдѣлявшуюся среди нихъ бѣлымъ цвѣтомъ своего наряда. Мужчины въ мундирахъ, фракахъ и черныхъ сюртукахъ, гнули спины. Леночка конфузилась и робко улыбалась гостямъ. Глазами она искала отца и Терюханова. Она увидѣла ихъ вмѣстѣ, въ корридорѣ, куда двери изъ залы были отворены. Этимъ корридоромъ можно было проникнуть въ кабинетъ. Бѣлыя стѣны корридора были залиты свѣтомъ и на ихъ фонѣ неподвижно выступала фигура папочки. Онъ говорилъ о чемъ-то съ Петромъ Алибенчемъ и держалъ его за пуговицу. Онъ хмурилъ брови.

Гостей было около двадцати душъ, но шумно не было. Бесѣдовали сначала солидно, и только иногда вырывалась рѣзкая нота молодого голоса, или кто-нибудь смѣялся. Тутъ группа дамъ. Молодыя перешептываются и стараются уединиться въ гостинную, или еще дальше, съ таинственными улыбками. Старухи уже сплетничаютъ. Тамъ мужчины стали въ кружокъ. У всѣхъ лица праздничныя, и въ комнатахъ жарко; пахнетъ табакомъ, одеколономъ, помадой.

Мадамъ Юскевичъ, въ своемъ бураковомъ платьѣ и золотыхъ аксетахъ, нѣсколько разъ проносилась по залѣ съ заботливымъ выраженіемъ лица. Толстая барыня, мать двухъ барышенъ, пожала ей руку и удивилась, что есть еще благородныя натуры. Потому что мадамъ Юскевичъ представляетъ рѣдкій образецъ

Digitized by Google

благородства. Она замѣнила неопытной институткѣ мать! Она смотритъ за чужимъ хозяйствомъ, какъ за своимъ собственнымъ! И обѣ взглянули въ сторону Леночки, съ выраженіемъ участія и даже любовно. Послѣ чего, мадамъ Юскевичъ, вздохнувъ, продолжала путь, а толстая мамаша сейчасъ же сдѣлала на ея счетъ женѣ судьи нѣсколько злыхъ замѣчаній.

Гости видѣли, что майоръ что-то скученъ. За чаемъ онъ хватилъ рому, и все-таки былъ пасмуренъ. Леночка чувствовала, что по временамъ онъ пристально смотритъ на нее. Кровь у ней стыла; ложечка, которою она ѣла варенье, дрожала, слабо звеня по блюдочку.

Но въ первый разъ, случилось, что Брилліантовъ ни для кого изъ гостей не служитъ центромъ. Его голоса не было слышно и мало-по-малу на него перестали обращать вниманіе. Ѣли, пили, играли въ карты — точно въ гостинницѣ. Душой общества былъ Буханцевъ. Терюхановъ напрасно ждалъ случая еще переговорить съ Леночкой безъ свидѣтелей. Когда онъ подходилъ къ ней, она вставала, брала подъ руку какую-нибудь барышню и исчезала. Красный и злой, онъ долго сидѣлъ въ кабинетѣ, не захотѣлъ играть въ карты и, наконецъ, ушелъ незамѣтно.

До сихъ поръ въ домѣ Брилліантова всѣ ходили по стрункѣ, и свои, и чужіе. Но эта струна вдругъ порвалась. И Брилліантовъ, когда Прасковья Ивановна сѣла за фортепьяно, а молодые люди стали танцовать, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на пестрый вихрь платьевъ, чуть не бившихъ его по лицу, на гостей, смѣявшихся уже непринужденно, споривщихъ, страшно много курившихъ. Онъ точно не былъ хозяиномъ дома, а въ первый разъ пришелъ самъ въ гости и робко затерялся въ толпѣ. Стыдъ жегъ его. Ему показалось, что всѣ узнали объ его несчастьи и радуются, какъ бѣсы.

А несчастье у него было большое. Первая догадалась мадамъ Юскевичъ.

Она ласково поманила къ себѣ Леночку и, уведя ее въ коридоръ, сказала опасливо: — Что это съ папочкой, Леночка?

— Я сама смотрю. Ему что-нибудь наговорили?..

— Ой, нѣтъ, не то! Ужь я знаю его натуру. Онъ вышелъ и руки сталъ ломать... Онъ никогда рукъ не ломалъ!

Обѣ помолчали. Изъ залы неслись звуки фортепьяно, голоса гостей. Голосъ Буханцева покрывалъ другіе голоса.

— Тутъ что-нибудь очень серьёзное! сказала мадамъ Юскевичъ, сосредоточенно глядя на Леночку.

Та стояла блѣдная и тоже сосредоточенно глядѣла на нее.

— Что-же?

Digitized by Google

Мадамъ Юскевичъ развела руками. Потомъ, увидѣвъ повара въ дверяхъ, она бросилась къ нему, а Леночка постояла и вернулась въ залу. И хотя неизвѣстное горе отца, какъ туча, висѣло теперь надъ нею, но ей стало легче. Руки у ней перестали дрожать и она смотрѣла смѣлѣе.

Безконечно тянулся вечеръ. Запахъ жаренаго мяса и тѣста проникалъ въ комнаты. Накрыли столъ. Явилась мадамъ Юскевичъ и попросила гостей садиться. Разговоры стихли.

На отдѣльномъ столикѣ блестѣло множество бутылокъ. Громадный пирогъ былъ поставленъ на большомъ столѣ. Вилки и ножи потянулись къ пирогу. Тутъ только гости вспомнили о Бриллiантовѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось ему. Онъ видѣлъ улыбающіяся лица, благодарные взоры. Мысленно онъ назвалъ гостей скотами: онъ становился уже философомъ.

Когда захлопали пробки и полилось шампанское, всѣ принялись кричать. По предложенію Буханцева, майора подняли на ура и качали. Мелкія деньги посыпались у него изъ кармана. Затѣмъ его пустили, онъ кланялся, долженъ былъ благодарить за честь.

Онъ много пилъ, но хмѣль его не бралъ. Послѣ ужина жандармскій капитанъ участливо пожалъ ему руку. Молодежь хотѣла еще танцовать, но дамы постарше стали прощаться. Ихъ не удерживали, примѣръ ихъ заразительно подѣйствовалъ на другихъ, и гости скоро разошлись.

Пьяный угаръ, табачный дымъ. Въ пыльномъ воздухѣ тускло догораютъ свѣчи, лампы. Стулья безпорядочно разбросаны.

Проводивъ въ переднюю Прасковью Ивановну, которая, одѣваясь, затянула пѣсню и потомъ стала плакать на груди у мужа, Леночка поспѣшила къ отцу. Онъ сидѣлъ на диванѣ и изъподлобья смотрѣлъ на дочь.

— Папочка, что съ тобою?

Мадамъ Юскевичъ подбѣжала. Подошелъ ея мужъ.

— Егоръ Егоричъ, что съ вами?

— Что со мною?

Онъ всталъ, выпрямился.

— Подъ судъ, съ устраненіемъ отъ должности! крикнулъ онъ истерически.

И видя, что всѣ замерли, пораженные новостью, онъ усмѣхнулся, укоризненно покивалъ головою передъ портретомъ генералъ-губернатора, занимавшимъ въ залѣ почетное мѣсто, ударилъ себя въ грудь и ушелъ въ кабинетъ, звеня шпорами.

Digitized by Google

IX.

На другой день вѣсть, которую Буханцевъ принесъ Бриллiантову на именины, разнеслась по городу и получила оффиціальное подтвержденіе. Изъ Вильно пришла бумага, по которой начальникъ несвѣнцянскаго округа предавался суду. Но отстраненіе отъ должности было временное. Узнавъ объ этомъ, Леночка хотѣла сказать папочкѣ, что вотъ и слава Богу! — есть возможность оправдаться и нечего особенно печалиться. Но папочка такъ посмотрѣлъ на нее, что она фразу свою не кончила.

Обидно было Бриллiантову. На улицѣ онъ чувствовалъ себя униженнымъ — ему вдругъ почти всѣ перестали кланяться, и даже еврей увѣрялъ, что это они «скинули» майора. Можетъ быть, въ этомъ и была доля правды. Дома его раздражали сочувственные взгляды Леночки. Дѣвчонка, которую онъ высѣчь можетъ, смѣетъ *сочувствовать*, «то-есть» заявлять какъ бы о своемъ нравственномъ превосходствѣ надъ отцомъ. Но когда онъ увидѣлъ, что Леночка взялась за книгу и, слѣдовательно, не все намѣрена сочувствовать, то опять возмутился. У отца горе, а дочь читаетъ! Онъ мучилъ прислугу и даже мадамъ Юскевичъ; но передъ послѣдней скоро смирился; та пригрозила ему какими-то векселями.

Нѣсколько часовъ провелъ онъ въ управленіи. Вдругъ, вернулся домой съ крикомъ и бранью. Леночка давно не видала его такимъ. Онъ прямо вбѣжалъ въ ея комнату и больно схватилъ за руку. Смеркалось. Но можно было различить, какъ зло горятъ его глаза.

— Папочка!

— Я тебѣ дамъ—«папочка»! Я тебѣ дамъ—«папочка«!!

Онъ задыхался. Полился потокъ словъ, которыя Леночка давно охарактеризовала названіемъ «папочкиныхъ словъ».

— Говори, какія шашни завелись у тебя съ Діаконовыми?

Леночка въ страхѣ молчала. Она не понимала вопроса. Папочка приблизилъ къ ея лицу свое лицо и выразительнымъ шопотомъ произнесъ:

— Шкуру спущу!

Леночка зарыдала.

— Слышишь? Ты знаешь, на что пошли твои деньги? На мою погибель! ты помогала копать мнѣ яму! Ты, моя дочь! Ты! Я тебя вскормилъ, воспиталъ...

Digitized by Google

Папочка на эту тему произнесъ цѣлую рѣчь. Весьма естественныя заботы, которыя обязательны по отношенію къ дѣтямъ, онъ выставлялъ, какъ акты высокой добродѣтели. Леночка находила, что, въ самомъ дѣлѣ, когда-то папочка былъ добръ къ ней.

— И чѣмъ ты мнѣ за все это заплатила? заключилъ папочка съ гнѣвнымъ презрѣніемъ, и потрясъ дочь за руку.

Леночка сквозь слезы спросила:

— Да въ чемъ дѣло, скажите ради Бога?

— Не притворяйся. Когда успѣла ты познакомиться съ Діаконовыми?

— Папочка, я нѣсколько лѣтъ не видѣла ихъ...

— Врешь.

— Папочка, я дѣйствительно передала немного денегъ черезъ Михольскаго мадамъ Діаконовой, но это на голодныхъ дѣтей... Право, это ужасно жестоко... такія обвиненія...

Она опять расплакалась. Майоръ затопалъ ногами, закричалъ. «Папочкины слова» перемѣшивались съ такими словами, какъ «гуманность», «нигилизмъ», «обличители», «развратъ». У Леночки въ головѣ шумѣло, глаза напухли, горло истерически сжималось, она чувствовала, что папочка несправедливъ, что онъ придирается, и ее оскорбляло, что онъ такъ грубъ. Она хотѣла возражать и не могла.

Бриллiантовъ, видя, что пронялъ Леночку, слегка стихъ. Онъ впалъ въ тонъ проповѣдника. Онъ говорилъ, что есть люди, цѣль которыхъ напакостить ближнему. Таковы всѣ эти Діаконовы, Михольскіе. Они «подвели» Леночку, и она—увы!—очутилась въ рядахъ заклятыхъ враговъ своего собственнаго отца. Голодные дѣти! Да вѣдь это ложь. Не было ни одного голоднаго случая. У мужиковъ деньги зарыты въ землѣ, а что они лопаютъ всякую гадость — «макуху, картошку цѣлыми корытами» (майоръ голосомъ старался изобразить, какая это гадость)—такъ кто же виноватъ? Скоты скотами всегда останутся. «Леночка! заключилъ онъ грозно, знай, что ты вооружилась противъ меня. И не забывай, что ты мнѣ дочь. Я не посмотрю на то, что у тебя длинное платье».

Съ этими словами онъ вышелъ.

Леночка была поражена не столько папочкиной угрозой—потому что знала, «папочка сдѣлать этого не посмѣетъ»—сколько обвиненіемъ, что она способствовала папочкиной «погибели». Это было нелѣпое явленіе. Онъ самъ во всемъ виноватъ. Развѣ она не понимаетъ? Слава Богу, ей двадцать лѣтъ. Нарыдавшись въ

Digitized by Google

волю, она стала соображать, какъ могъ узнать папочка о томъ, что она жертвовала деньги. Мадамъ Юскевичъ сказала? Эта дама все знаетъ. Леночка вспомнила о счетѣ, который принесъ ей на первый день Осипъ Антонычъ. Она бросилась къ шкафу и, открывъ его, стала искать въ карманахъ платьевъ тотъ счетъ. Она нащупала его и успокоилась. Или, пожалуй, Прасковья Ивановна сказала? Леночка терялась въ догадкахъ.

Совсѣмъ стемнѣло. Во мракѣ утонули всѣ предметы—и вазы съ гербами Хржонщей, и портретъ папочки, и туалетное зеркало, и постель, на которой чуть виднѣлись подушки. Леночка сидѣла печально въ креслѣ, уронивъ на колѣни руки, опустивъ голову. И вотъ точно также, какъ вчера, на противоположной сторонѣ улицы вспыхнулъ огонь. Леночка вздрогнула. Свѣтлый лучъ упалъ на ея колѣни и руки, и онѣ выступили изъ темноты. Она подняла голову. Огонь весело горѣлъ. Еслибы не запотѣли окна, можно было бы различить, кто тамъ сидитъ, при этомъ огнѣ. Леночка была увѣрена, что во всякомъ случаѣ—человѣкъ, который счастливѣе, чѣмъ она.

Въ тотъ вечеръ, за чаемъ — Леночка должна была выйти заварить чай, потому что мадамъ Юскевичъ ушла рано—папочка опять придирался. Онъ сдѣлалъ выговоръ, зачѣмъ бѣлый хлѣбъ покупаютъ. Теперь можно и черный ѣсть; нечего «пановать». И потребовавъ чернаго хлѣба, раскрошилъ цѣлый ломоть, но не съѣлъ. «На макуху сядемъ скоро, благодаря тебѣ», сказалъ онъ и хрустнулъ пальцами. Леночка, у которой лицо распухло отъ слезъ, съ недоумѣніемъ и упрекомъ взглянула на отца.

Онъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Чего смотришь!

И сдѣлалъ гримасу.

— Породилъ этакое чудовище! Это, видите ли, дочь честнаго солдата! Разъѣзжаетъ чуть свѣтъ, можетъ быть, чортъ знаетъ зачѣмъ! А я, старый дуракъ, не надышусь на нее! Невиннымъ ангеломъ считаю! Боже мой, вотъ времена!

Онъ прошелся по комнатѣ и, вынувъ вдругъ изъ бокового кармана сложенную какъ-попало газету, швырнулъ ее Леночкѣ.

— Читала?

Леночка подняла газету и боязливо покосилась на папочку.

— Читай, что отмѣчено синимъ карандашемъ, читай вслухъ!

Онъ сѣлъ и приготовился слушать, съ недоброй улыбкой.

Леночка развернула газету. Это были «С.-Петербургскія Вѣдомости». Она отыскала отмѣченное синимъ карандашомъ мѣсто. «*Александрійскъ (корреспонденція С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*»)... Буквы прыгали въ глазахъ, она не могла читать.

Digitized by Google

— Папочка, я потомъ... Но ему хотѣлось, чтобъ она теперь прочитала. Онъ настаивалъ, она отерла слезы и снова взяла газету. «Въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ разыгралась недавно одна изъ тѣхъ драмъ, которыя, къ счастію, будучи весьма рѣдки, наводятъ тѣмъ не менѣе на тяжелыя размышленія. Хотя, съ одной стороны, уединенное положеніе Александрійска, окруженнаго лѣсами и болотами, предохраняетъ его отъ слишкомъ частаго административнаго воздѣйствія центра, но съ другой, отсутствіе этого воздѣйствія даетъ черезчуръ много простора произволу мѣстныхъ предержащихъ властей. Нашъ александрійскій преторъ, майоръ*** давно уже возбуждаетъ справедливое негодованіе въ средѣ мѣстнаго населенія, какъ крайнею безцеремонностью своихъ воззрѣній на права личности и сопряженныя съ этими правами гарантіи, такъ и широкимъ примѣненіемъ этихъ воззрѣній на практикѣ. Въ текущемъ году наводненіе»... Тутъ слѣдовало описаніе наводненія и печальнаго пребыванія мужиковъ въ Несвѣцанахъ, кончившагося еврейскимъ погромомъ. «Въ городѣ всѣ увѣрены, читала Леночка, что вышеназванный преторъ, главнымъ образомъ, виновенъ въ возникновеніи безпорядковъ и осложненіи экономическихъ причинъ этого бунта религіозными. Утверждаютъ, что имъ была спрятана въ своей квартирѣ необыкновенной красоты дѣвочка и затѣмъ самолично пущенъ слухъ о закланіи ея евреями, результатомъ чего и было, между прочимъ, пріумноженіе преторскихъ сокровищъ, сдѣланное на счетъ еврейскихъ кармановъ. Дѣвочка была выпущена, но... въ такомъ состояніи, что многіе александрійскіе обыватели были до глубины души этимъ возмущены. Докторъ Д. и его жена приняли искреннее участіе въ несчастной, слишкомъ рано сдѣлавшейся жертвой сластолюбиваго произвола, а собственная дочь майора*** поспѣшила прислать въ пользу бѣднаго существа 19 р. Если послѣднее справедливо, то можно порадоваться этому, какъ утѣшительному явленію, доказывающему, что замѣчающаяся въ послѣднее время рознь между отцами и дѣтьми не всегда можетъ быть порицаема». «Будемъ надѣяться, во всякомъ случаѣ, продолжала читать Леночка:—что двусмысленная дѣятельность майора*** на поприщѣ управленія ввѣренною ему частью края, обратитъ на себя вниманіе начальства, и такимъ образомъ русская пословица: *не все коту масляница*, пріобрѣтетъ и у насъ право гражданства».

Окончивъ чтеніе, Леночка подняла глаза на отца.

— Ну, что, нравится? спросилъ онъ.

— Папочка, неправда, что я послала деньги *для этой* дѣ-

Digitized by Google

вочки, сказала она.— Я вообще послала. Объ ней я тогда и не знала...—Но, папочка, я этому не вѣрю!

Въ ея голосѣ послышалось раздражительная нотка. Майору показалось, что дочь скорѣе вѣритъ, чѣмъ не вѣритъ. Слишкомъ выразительно взглянула она на него своими большими заплаканными глазами. Такъ глядѣла когда-то покойница-жена.

— Значитъ, ты нехотя повредила мнѣ?

— Мнѣ жаль, что это напечатали, отвѣтила Леночка, беря чайникъ.

— Ну, а еслибы вся эта ложь... не была ложью? спросилъ майоръ и, взявъ Леночку за подбородокъ, поворотилъ къ себѣ ея лицо.—Какъ бы ты отнеслась?

— Папочка, не надо задавать такихъ вопросовъ...

Майоръ больно сдавилъ ей подбородокъ.

— Отвѣчай.

Она опять посмотрѣла на него. Но теперь ему стало совѣстно; онъ не выдержалъ этого взгляда и слегка оттолкнулъ ее.

Конечно, Леночка проплакала весь остальной вечеръ. Она достала изъ шкафа счетъ. Четыре посконныя сорочки... свитка... платки... на руки предполагается дать десять рублей»... Кому? Наоборотѣ приписано: «справедливо было бы, по нѣкоторымъ причинамъ, деньги ваши употребить исключительно въ пользу глухонѣмой дѣвочки, можетъ быть, не безъизвѣстной и вамъ. Но если вы противъ этого, то поспѣшите увѣдомить». Стыдно сдѣлалось Леночкѣ. «Можетъ быть, не безъизвѣстной и вамъ»... повторила она шопотомъ, и эта фраза показалась ей жестокой. Леночка не раздѣвалась, сидѣла до двухъ часовъ, устремивъ глаза въ пространство и прислушиваясь къ шуму шаговъ папочки, гулкихъ, мѣрныхъ, какъ ходъ тяжелаго маятника, утомительно-однообразно звучавшихъ въ ночной тишинѣ. Свѣча догорала и надо было потушить ее. Но мракъ едва окуталъ комнату, какъ изъ противоположнаго дома на Леночку опять упалъ лучъ свѣта. И странно—этотъ лучъ благотворно подѣйствовалъ на нее. Почудилось ей что-то ласковое въ немъ, дружеское. Она раздѣлась въ темнотѣ и не спускала глазъ съ привѣтливаго огонька. И мало-по-малу заснула.

X.

Потянулись тоскливые дни. Леночка боялась отца и радовалась, когда онъ не бывалъ дома. Она боялась и Терюханова. Онъ

Digitized by Google

былъ два раза, и хотя пріятно разочаровалъ ее, не заговоривъ о *томъ*, да и сидѣлъ, по обыкновенію, очень недолго («Что̀ пользы напрасно время тратить?»), однако, Леночка каждый разъ ждала, что вотъ сейчасъ выйдетъ какая-нибудь непріятность, потому что глаза его смотрѣли черезчуръ безстыдно и съ торжествомъ. Боялась Леночка и мадамъ Юскевичъ. Капитанша «полюбила» Леночку, о чемъ и заявляла ей при всякомъ случаѣ, и потихоньку осуждала папочку. Многое хотѣлось ей разсказать Леночкѣ. Пусть Леночка увидитъ, что мадамъ Юскевичъ всегда вела себя благородно, а папочка, разумѣется, какъ мужчина... Леночку жгло любопытство, но она мучительно краснѣла и отказывалась слушать.

Чтобы не раздражать отца, Леночка никуда не выходила. Онъ не могъ не видѣть, что вина ея ничтожна, хотя и ни за что не далъ бы ей этого понять. Впрочемъ, онъ скоро пересталъ относиться къ ней со злобой. Визиты Терюханова примирили его съ нею. Онъ даже иногда заговаривалъ съ нею, но холодно, и лично къ ней не обращаясь, хотя бы въ то время въ комнатѣ никого не было. Руку онъ ей не давалъ цѣловать.

Въ началѣ мая Брилліантовъ долженъ былъ ѣхать въ Вильно. Леночкѣ пришло въ голову, что папочка можетъ взять ее съ собою. Она молилась, чтобы этого не было. Но Брилліантовъ надѣялся, что безъ него Леночка съумѣетъ крѣпче привязать къ себѣ Терюханова. Присутствіе «папочки» стѣсняетъ ее. Онъ уполномочилъ мадамъ Юскевичъ смотрѣть за Леночкой «въ оба», оставилъ денегъ, расчиталъ лишнюю прислугу и цѣлый вечеръ приводилъ въ порядокъ бумаги и укладывался съ тѣмъ, чтобы рано утромъ тронуться въ путь.

Жаль было отца Леночкѣ, однако, она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала его отѣзда, все не вѣря, что она остается одна и будетъ на волѣ цѣлый мѣсяцъ, а можетъ и больше. Ранехенько вскочила она съ постели и, накинувъ старый бурнусъ, выбѣжала въ туфляхъ на крыльцо посмотрѣть, не закладываютъ ли уже лошадей. Въ мутномъ свѣтѣ занявшагося дня спокойно чернѣлъ среди двора дорожный тарантасъ, съ торчавшимъ къ верху дышломъ, и подъ нимъ, свернувшись въ клубочекъ, спала дворняшка. Было еще тихо.

Но вотъ зачирикали воробьи, скрипнули ворота. Пастухъ заигралъ на рожкѣ и громко хлопнулъ бичемъ. Вышелъ кучеръ и сталъ подмазывать тарантасъ. Потомъ повелъ поить лошадей, одѣтыхъ въ сѣрыя съ краснымъ попоны. Леночка сказала кучеру: «Здравствуй!» — Онъ важно снялъ картузъ, не глядя на

Digitized by Google

барышню. На востокѣ золотились облака, дулъ теплый вѣтеръ. Леночка радовалась. «Папочкѣ хорошо будетъ ѣхать».

Она сбѣгала въ кухню и увидѣла, что уже самоваръ шумитъ. Поваръ, получившій вчера отставку, сердито дулъ на блюдечко съ горячимъ кофеемъ. Но старая кухарка весело хлопотала возлѣ печи и жарила на вертелѣ цыплятъ. Она почтительно привѣтствовала Леночку.

— Скоро будетъ готово?

— Зàразъ, милая пани, зàразъ!

Леночка вернулась назадъ. Деньщикъ, съ рѣдкимъ усердіемъ, чистилъ на крыльцѣ папочкины ботфорты.

— Ты съ папочкой поѣдешь? спросила она.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ онъ.

Онъ иначе не называлъ ее. Это ее всегда забавляло. Теперь она разсмѣялась.

Но прошелъ еще цѣлый часъ, прежде чѣмъ отъѣздъ папочки сдѣлался несомнѣннымъ фактомъ.

Мадамъ Юскевичъ, въ шляпкѣ и шали, вбѣжала къ Леночкѣ и объявила, что уже лошади запряжены. Леночка поблѣднѣла.

— Папочка хочетъ съ вами, милочка, поговорить на прощанье.

Въ залѣ за чайнымъ столомъ, гдѣ кипѣлъ самоваръ, майоръ сидѣлъ въ патріоткѣ, въ высокихъ сапогахъ и съ сакъ-вояжемъ черезъ плечо. Увидѣвъ дочь, онъ протянулъ ей руку.

— Господь съ тобой, я на тебя не сержусь, сказалъ онъ.— Я, Леночка, солдатъ и привыкъ рубить прямо. Что было, то было—не исправить, а что будетъ—посмотримъ. Садись и мирно напьемся вмѣстѣ чаю.

Леночка нѣсколько разъ поцѣловала руку отца. Отъ папочкиной ласки и оттого, что папочка уѣзжаетъ, она улыбалась и, какъ ни старалась, не могла сдѣлать печальнаго лица.

— Ты, дрянь, радуешься, что я уѣзжаю? сказалъ добродушно папочка, который былъ проницателенъ.

— Я, папочка, радуюсь, что ты меня простилъ, отвѣчала Леночка, покраснѣвши.

Напившись чаю и позавтракавъ, Бриллiантовъ помолился на иконы и молча сѣлъ. Сѣла мадамъ Юскевичъ, Леночка. Позвали деньщика, горничную, и тѣмъ приказали сѣсть. Послѣ чего папочка стремительно всталъ и, поцѣловавъ у мадамъ Юскевичъ руку, крѣпко обнялъ Леночку, кивнулъ головой горничной и прибѣжавшей кухаркѣ и вышелъ на крыльцо. Всѣ пошли за нимъ. Леночка вспомнила, что папочка забылъ на окнѣ трубку и сама

Digitized by Google

бросилась за нею. Отецъ уже сѣлъ въ тарантасъ. Она, запыхавшись, подала ему трубку, ставъ на подножку. Изъ подъ военнаго козырька ласково посмотрѣли на нее папочкины глаза. Она заплакала. Папочка благословилъ ее и когда она соскочила съ подножки, приказалъ трогать.

Лошади мягко рванули экипажъ, зазвенѣлъ колокольчикъ. Бриліантовъ высунулся и нѣсколько разъ поклонился. Леночка побѣжала въ комнаты, къ своему окну и, раскрывъ его, смотрѣла въ слѣдъ удалявшемуся тарантасу.

Скоро онъ исчезъ изъ виду. Тогда Леночка вздохнула всей грудью.

Въ домѣ раздались шаги, безцеремонная суетня. Гдѣ-то была отворена дверь и струя свѣжаго воздуха пронеслась по комнатамъ. Леночка стояла на сквозномъ вѣтрѣ и пряди ея волосъ мягко, точно паутина, били ее по лицу. Пріятная слабость разлилась по тѣлу. Ей казалось, что она не ложилась еще спать. Она бросилась на кровать, голова кружилась, вѣки смыкались.

Вошла, стуча каблуками, мадамъ Юскевичъ. Она наклонилась къ Леночкѣ. Что съ Леночкой? Но Леночка сонно улыбнулась. Она не могла сказать ни слова. Мадамъ Юскевичъ улыбнулась въ отвѣтъ, о чемъ-то говорила, но уже нельзя было разобрать о чемъ. Наконецъ, она ушла, на цыпочкахъ, и свинцовый сонъ сковалъ Леночку.

Часа четыре спала она въ одной и той же позѣ, въ платьѣ, слегка закинувъ голову, полураскрывъ губы, блѣдная, и грудь ея дышала безшумно.

Когда она проснулась, виски и лобъ у ней были въ ноту. Солнце било прямо въ глаза. Который часъ? Скоро двѣнадцать.

Она вскочила и опустила штору. Еще хотѣлось спать; она чувствовала страшную усталость. Но она вспомнила, что папочка уѣхалъ и чувство усталости какъ-то разомъ исчезло. Она подошла къ зеркалу и причесала волоса. Умылась, переодѣлась. Она надѣла блѣдно-голубое барежевое платье. Горничной она приказала приготовить чай въ маленькой гостинной. Она сидѣла на диванѣ, пила чай, и думала, что теперь уже папочка сдѣлалъ, вѣроятно, верстъ пятьдесятъ. Окончивъ чай, она сѣла за фортепьяно и сыграла «Пробужденіе Льва». Она давно не играла. Потомъ, узнавъ, что мадамъ Юскевичъ придетъ только въ два часа—объ этомъ, должно быть, капитанша и говорила, когда являлась къ ней въ спальню — Леночка обрадовалась. Она захлопнула крышку, такъ-что струны зазвенѣли и побѣжала въ папочкинъ кабинетъ. Крѣпко ей хотѣлось осмотрѣть его. Она

Digitized by Google

больше двухъ лѣтъ не была здѣсь. Уходя, папочка всегда запиралъ двери. Но и теперь онѣ заперты. Леночка разочарованно постояла возлѣ нихъ. Двери обыкновенныя, но кажутся массивными, и мѣдныя части замка, вычищенныя мѣломъ, таинственно сіяютъ. Леночка нагнулась и стала смотрѣть въ замочную скважину. Въ кабинетѣ темно, ставни закрыты. Услышавъ шаги кухарки, Леночка покраснѣла и съ виноватымъ видомъ пошла назадъ.

Въ спальнѣ уже было прибрано. Штора была поднята и узенькая желѣзная кровать, застланная розовымъ одѣяломъ, кокетливо грѣлась въ лучахъ солнца. Въ вазахъ благоухали весенніе цвѣты. Старинное бѣлое кресло съ спинкой въ формѣ лиры, съ бронзовыми гвоздиками, обитое присиженнымъ алымъ бархатомъ, стояло у окна, и на простенькомъ кругломъ столикѣ, выкрашенномъ скверной буро-кирпичной краской, лежала голубенькая французская книжка.

— Надо почитать, подумала Леночка и сѣла въ кресло.

Но не читалось. Ей было досадно, что кабинетъ запертъ.

Затѣмъ она стала соображать, не поѣхать ли послѣ обѣда къ Прасковьѣ Ивановнѣ. Она отомкнула шкатулку и долго искала листикъ почтовой бумаги съ картинкой. У ней былъ такой листикъ. На немъ она хотѣла написать нѣсколько словъ Прасковьѣ Ивановнѣ и предупредить ее. Можно было и не предупредить, но въ этомъ, какъ ей казалось, было что-то «самостоятельное». Въ шкатулкѣ былъ большой безпорядокъ и отъ кучи писемъ, футляровъ съ цѣнными вещицами, ленточекъ, перчатокъ и хорошенькихъ коробочекъ пахло сухими цвѣтами и мускусомъ. Наконецъ, она нашла листикъ въ конвертѣ съ зелеными арабесками, и когда вынимала его, то изъ шкатулки выпало пенснэ. Леночка схватила пенснэ, и ею овладѣло неодолимое желаніе надѣть его.

Но послышался колокольчикъ. У ней затряслись руки. И на докладъ горничной, что пріѣхалъ Терюхановъ, она сердито сказала:

— Безъ папочки я никого не принимаю. Нѣтъ дома!

Горничная ушла, ключъ щелкнулъ за нею въ дверяхъ.

Леночка надѣла пенснэ и растерянно глядѣла на улицу. Она видѣла, какъ проѣхалъ, улыбаясь, Петръ Алибеичъ. Окно въ домѣ, что напротивъ, было открыто и казалось маленькимъ и искривленнымъ. Тамъ сидѣлъ Михольскій и, облокотившись на подоконникъ, пристально смотрѣлъ на Леночку.

Этого Леночка меньше всего ожидала. Жаркій румянецъ за-

Digitized by Google

лилъ ея лицо, сердце билось, какъ отъ испуга. Стремительнымъ движеніемъ руки она скинула пенснэ, опустила штору; и потомъ долго стояла посреди комнаты, не шевелясь, затаивъ дыханіе.

И стоя такимъ образомъ, съ стыдливо потупленными глазами, она думала о томъ, что теперь ужь не зачѣмъ ѣхать къ Прасковьѣ Ивановнѣ.

XI.

День этотъ былъ жаркій — первый жаркій день. Леночка вышла въ садъ. Молодые листочки на деревьяхъ ярко зеленѣли. Тамъ и сямъ пестрѣли цвѣты. Крулевское болото синѣло, точно озеро. И башенки на палацѣ Хржонща вырисовывались на блѣдной лазури безоблачнаго неба.

Леночка распустила зонтикъ и шла. Мотыльки кружились въ воздухѣ. Птицы кричали. Весна! И Леночка, съ блистающими глазами, съ разгорѣвшимся личикомъ, глядѣла вдаль, гдѣ хмурилась зелень сосноваго бора.

На берегу болота была устроена, подъ липами, скамейка со столикомъ. Леночка сѣла.

Мадамъ Юскевичъ издали увидѣла дѣвушку. Она долго смотрѣла на нее. Леночка сидѣла неподвижно, погруженная въ неопредѣленныя думы, и капитанша улыбнулась.

— Леночка!

Но та не слышала.

Мадамъ Юскевичъ улыбнулась.

— Леночка!

Леночка оглянулась и губы ея сложились въ холодную улыбку.

— О папочкѣ замыслилась? Ахъ, нашъ папочка! Гдѣ-то онъ теперь?

Мадамъ Юскевичъ сѣла рядомъ съ Леночкой и поднесла платокъ къ глазамъ.

— Хорошо, если все это кончится благополучно! А ежели же *нѣтъ*? Бѣдныя мои денежки—ищи вѣтра въ полѣ!

— Вамъ папочка долженъ?

— Восемь тысячъ, Леночка, ни гроша меньше.

Она задумчиво посмотрѣла вдаль.

— За что вамъ папочка долженъ? продолжала Леночка.

— Какъ за что! *Отъ* такъ вопросъ!

Она пожала плечами и не отвѣтила.

Молча просидѣли онѣ нѣсколько минутъ, Леночку мучило, что

Digitized by Google

папочка столько долженъ. И прежняя непріязнь ея къ капитаншѣ ожила съ новой силой.

Но мадамъ Юскевичъ, спрятавъ платокъ въ карманъ, посмотрѣла на Леночку съ нѣжностью. Она взяла ее за талію, и на ея нѣжномъ лицѣ, широкимъ розовымъ пятномъ, разлился румянецъ. Она стала говорить, что есть на свѣтѣ глупые люди, полагающіе все свое счастье въ заботѣ о ближнихъ. Къ такимъ людямъ принадлежитъ она. Папочка очень мало оставилъ денегъ. И чтобъ дешевле выходило, она придумала свое хозяйство соединить на время съ папочкинымъ. Завтра переберется къ нимъ и капитанъ, потому что ему скучно будетъ одному на квартирѣ. Она пытливо глядѣла на Леночку, та сконфуженно молчала.

— Леночка, сказала мадамъ Юскевичъ:—ежели-бъ вы знали, какъ я искренно желаю вамъ всего лучшаго. Повторяю—держитесь меня. Я опытнѣе *отъ* васъ. Что случится, то я первая выручу васъ изъ бѣды и папочку уговорю не сердиться.

— Хорошо, переѣзжайте, прошептала Леночка, бросивъ на мадамъ Юскевичъ недовѣрчиво-стыдливый взглядъ.

Та пожала ей руку.

Солнце грѣло по лѣтнему. Онѣ встали и пошли по направленію къ дому, между кустовъ смородины, которыми обсажена была дорожка. Дома ихъ ожидалъ обѣдъ. Проходя по коридору, Леночка почувствовала, какъ забилось ея сердце возлѣ кабинета. Она искоса глянула на двери. Пока онѣ заперты, она не можетъ считать себя совершенно свободной.

— Гдѣ ключъ отъ кабинета? спросила она, покраснѣвъ.

— Спрятанъ вонъ тамъ... Я вамъ дамъ его, милочка, отвѣчала мадамъ Юскевичъ.

Леночка повеселѣла. За обѣдомъ она думала о Михольскомъ. Вдругъ мадамъ Юскевичъ стала говорить, опустивъ свои большія вѣки, что напрасно Леночка отталкиваетъ отъ себя Терюханова. Конечно, Леночка не любитъ его, для нея это ясно. Но любовь одно, а замужество другое. Слѣдуетъ держать Петра Алибеича въ запасѣ, на всякій случай, по крайней мѣрѣ. Къ тому же надо подумать, въ какомъ положеніи папочка. Леночка оторвалась отъ мыслей о Михольскомъ и, нахмуривъ брови, слушала капитаншу.

— Можно, Леночка, любить, продолжала та, все не поднимая глазъ:—но случается нерѣдко такъ, что полюбишь кого, а замужъ за него никакъ нельзя выйти...

Тутъ она разсказала, какъ въ Минскъ пріѣзжалъ, лѣтъ десять

Digitized by Google

тому назадъ, красивый и богатый молодой человѣкъ. Одинъ у него былъ изъянъ: лобъ былъ покрытъ какою-то сыпью, и онъ носилъ шелковую повязку. Влюбляется онъ въ вице-губернаторскую дочку и та отвѣчаетъ ему взаимностью. Онъ добился свиданія, и дѣло у нихъ пошло такъ, что надо было поспѣшить свадьбой. Были сдѣланы всѣ приготовленія, но наканунѣ — женихъ исчезъ... Что же вы думаете? Онъ оказался бѣглымъ клейменымъ каторжникомъ. «Однимъ словомъ, Леночка, заключила она:—надо очень опасаться мужчинъ, прошлое которыхъ намъ неизвѣстно».

Дѣвушка молчала. Она вспомнила о восьми тысячахъ и подумала, что нѣкоторыя женщины тоже опасны.

Послѣ обѣда явился капитанъ Юскевичъ, съ худымъ молоденькимъ офицеромъ. Для нихъ опять былъ накрытъ столъ. Капитанъ велъ себя скромно, ходилъ на цыпочкахъ. Офицеръ краснѣлъ, но глядя на Леночку, побѣдительно крутилъ усики, и надувалъ грудь.

Когда они стали ѣсть, Леночка ушла въ садъ. Она долго бродила по дорожкамъ. Она не хотѣла бы встрѣтиться теперь съ капитаншей.

Эта женщина казалась ей безсовѣстной. «Я не стану съ ней церемониться», говорила она себѣ.—Она изъ всего хочетъ извлечь выгоду. Она, кажется, обѣщаетъ, что не будетъ доносить на меня. Но я ничего дурного и не дѣлаю».

Солнце было уже низко и отъ Крулевскаго болота вѣяло прохладой. Весенній ароматъ нѣжилъ грудь. Но Леночка не успокоивалась. Нервы ея, напротивъ, раздражала эта ласкающая обстановка. Утромъ она чувствовала усталость. Теперь кровь упруго струилась въ жилахъ и ей хотѣлось ходить безъ конца, щеки ея горѣли.

Но постепенно она забыла о капитаншѣ. Терюхановъ промелькнулъ тусклымъ, непріятнымъ воспоминаніемъ. Вспомнила она о папочкѣ, но безъ страха. Всѣ ея помыслы сосредоточились на человѣкѣ, съ бѣлокурыми волосами, съ пристально устремленнымъ на нее взглядомъ темносѣрыхъ глазъ.

Въ золотистомъ сумракѣ потухающаго дня ей чудились эти добрые глаза, и по мѣрѣ того, какъ блѣднѣли тѣни и небо становилось безцвѣтнѣе, усиливалось ея волненіе.

Солнце зашло. Леночка обернулась и смотрѣла на закатъ, гдѣ погасало желтое зарево. Вѣтерокъ поднимался. Страстная тоска овладѣвала ею.

Digitized by Google

Бѣлые сумерки долго стояли надъ садомъ. Похолодѣло и было уже темно, когда Леночка покинула садъ.

Въ корридорѣ горѣла лампочка. Но въ домѣ огня не было. Юскевичи ушли съ своимъ гостемъ. Леночка улыбнулась.

Она зажгла всѣ свѣчи, всѣ лампы. Горничная пришла съ самоваромъ и глазѣла на комнаты, принявшія праздничный видъ.

— Я тебя не люблю, сказала Леночка горничной.—Ты все передаешь мадамъ Юскевичъ.

— А что-бъ же я лопнула, барышня!

Напрасно барышня уличала ее. Горничная божилась, смотрѣла на иконы, плакала.

— Хорошо, я тебя когда-нибудь испытаю, Марися. Измѣнишь—прогоню и возьму другую, погрозила барышня пальцемъ, но видно было, что она не сердита. — Завари чай.

Марися заварила чай и, хлопоча возлѣ самовара, съ покорнымъ и невиннымъ видомъ, со слезами, сверкавшими еще на глазахъ, утащила нѣсколько кусковъ сахара и торопливо сунула ихъ за пазуху.

Леночка задумчиво ходила по залѣ. Яркій свѣтъ огней странно дѣйствовалъ на Леночку. Вотъ-вотъ сейчасъ придутъ гости и въ числѣ ихъ одинъ, которому она крѣпко пожметъ руку. Въ большомъ зеркалѣ, что въ маленькой гостинной, отражалась амфилада комнатъ съ синимъ фонаремъ и лампами. И эти комнаты казались призрачными, какъ и гости, которыхъ ожидала Леночка.

— Барышня, чай готовъ.

Леночка вернулась въ залу и приказала потушить свѣчи. Она выпила чашку чая, съ аппетитомъ съѣла кислаго молока. Зала была теперь полуосвѣщена, въ остальныхъ комнатахъ черный прозаическій мракъ.

— Неужели мы, Марися, одинъ съ тобой въ залѣ? сказала Леночка съ улыбкой.

У Марисы былъ ротъ набитъ булкой. Одна щека смѣшно раздулась. Марися сконфузилась и молчала.

— Мадамъ Юскевичъ обѣщала придти? спросила Леночка.

Марися кивнула головой.

Леночка встала, взяла свѣчку и пошла въ спальню. На голубенькой книжкѣ французскаго романа лежалъ ключъ. Конечно, это положила мадамъ Юскевичъ, и ключъ былъ отъ папочкинаго кабинета. Леночка схватила ключъ. Посидѣвъ немного и подумавъ, что мадамъ Юскевичъ бываетъ иногда милая, она застѣнчиво направилась къ кабинету.

Digitized by Google

Она нерѣшительно всадила ключъ въ замокъ. Когда онъ щелкнулъ съ двойнымъ звономъ, она вздрогнула. Дверь отворилась, и Леночка вошла въ кабинетъ.

Свѣтъ упалъ на письменный столъ, за которымъ стояла широкая софа съ пестрыми подушками. Надъ софой блестѣло продольное зеркало. Кресло, обитое краснымъ сукномъ, стояло въ сторонѣ. Въ шкафахъ, въ тяжелыхъ переплетахъ, тянулись толстые томы «Свода Законовъ», съ безчисленными «Приложеніями». У майора другихъ книгъ не было.

Леночка поставила на столъ свѣчку. Въ кабинетѣ — ничего особеннаго. Дверь изъ кабинета вела въ спальню майора, состоявшую изъ двухъ отдѣленій. На полуторной кровати лежалъ обнаженный матрацъ, неопрятный, съ красными бахромчатыми пуговицами. На стѣнѣ прибитъ стриженый коврикъ, а на немъ развѣшаны ружья, кинжалы, нагайки, сабли.

Но вотъ налѣво, въ простѣнкѣ, бѣлѣетъ что-то овальное. У Леночки сердце учащенно забилось. Она взяла свѣчу и увидѣла, что это картина, закрытая кисеею. На нее глянуло изъ-подъ стекла блѣдное, печальное лицо молодой женщины въ локонахъ, въ кружевной бѣлой мантильи.

Леночка ахнула. То былъ портретъ ея матери, которую она едва помнитъ. Онъ былъ писанъ акварелью, и краски слегка выцвѣли.

Зачѣмъ папочка закрываетъ его?

Она смотрѣла на портретъ и сравнивала эту красивую, граціозную женщину съ мадамъ Юскевичъ. И ей казалось, что портретъ печально улыбается.

. . . . . .

Она ушла изъ кабинета. Руки ея дрожали, когда она запирала двери.

Мадамъ Юскевичъ явилась поздно. Леночка молча возвратила ей ключъ.

— Была въ кабинетѣ?

— Нѣтъ.

— Значитъ папочкинаго альбома не видѣла?

— Какого альбома?

— Такого.

Капитанша спрятала ключъ и улыбнулась. Леночка покраснѣла густымъ алымъ румянцемъ и невольно закрыла глаза рукой, ладонью наружу.

— Хорошо, что не были, сказала капитанша, съ спокойнымъ вздохомъ.—Я вспомнила про альбомъ и боялась...

*

Digitized by Google

Разставшись съ мадамъ Юскевичъ, Леночка пошла въ свою спальню и сѣла у окна. Голова у ней кружилась, она жадно вдыхала холодный воздухъ ночи.

Пробилъ часъ. Она легла, и спать ей не хотѣлось. Странные образы толпились вокругъ ея постели. Бѣлье казалось ей горячимъ. Во мракѣ ей улыбались знакомые глаза и чудилось, что *онъ* наклоняется къ ней. И, закинувъ голову, она беззвучными губами, стыдясь самой себя, возвращала поцѣлуи милому призраку.

XII.

Леночка заболѣла. Болѣзнь была пустая, но Леночка не покидала спальню. Штора на окнѣ была все время опущена. Въ комнату свѣтъ проникалъ изъ стеклянныхъ дверей, выходившихъ въ садъ, на террасу. Зимою онѣ на глухо забивались, теперь же Леночка приказала ихъ открыть, а другія двери держать на замкѣ. Она сидѣла въ своемъ бѣломъ креслѣ, въ бѣлой кофтѣ, обшитой кружевами, въ туфляхъ, съ книгой въ рукѣ, лицомъ къ раскрытымъ дверямъ, и по цѣлымъ часамъ глядѣла на садъ. Садъ зеленѣлъ въ лучахъ майскаго солнца, и деревья шумѣли молодой листвой.

Мадамъ Юскевичъ поселилась въ домѣ съ мужемъ и деньщикомъ, и каждый день у капитана бывали гости. Леночка слышала ихъ голоса, и ей не нравилось, что мадамъ Юскевичъ обратила папочкинъ домъ въ какой-то трактиръ. Скоро она узнала, что гости эти, дѣйствительно, платятъ деньги капитаншѣ за столъ; мадамъ Юскевичъ была практическая женщина.

Деньщикъ капитана, Янъ, блѣдный заморенный солдатикъ, проходилъ иногда черезъ садъ, недалеко отъ террасы, и Леночка видѣла, какъ набрасывалась на него мадамъ Юскевичъ и какъ онъ трепеталъ передъ нею. У него смѣшно торчали вихры, пуговицъ на мундирѣ недоставало. Мадамъ Юскевичъ тыкала его кулакомъ куда попало и кричала, что онъ ничего не дѣлаетъ. Но Янъ работалъ безпрестанно, потому что политика у мадамъ Юскевичъ была такая, чтобъ руки деньщиковъ не оставались ни на минуту праздны. Янъ выбивалъ ковры, мылъ полы, бѣгалъ на базаръ, стиралъ, какъ баба, бѣлье, а по вечерамъ штопалъ чулки.

Прасковья Ивановна, узнавъ, что Леночка нездорова, пришла навѣстить ее. Она увидѣла почти цвѣтущія щеки дѣвушки, и

Digitized by Google

сдѣлала недовольное лицо. Леночка холодно приняла гостью. Прасковья Ивановна очень похудѣла и это къ ней шло. О Михольскомъ не было сказано ни слова, хотя, по выраженію глазъ Дейкуновой, Леночка заключила, что она хочетъ сообщить ей что-то, и именно о Михольскомъ. Прасковья Ивановна подержала руку Леночки въ своей рукѣ, перебирая ея пальцы; а затѣмъ вдругъ встала съ рѣшительнымъ видомъ и простилась. Впрочемъ, она скоро вернулась—забыла зонтикъ.

— А что, Леночка, сказала она при этомъ: — исторія-то съ глухонѣмой нищенкой?.. Я вѣдь говорила, а вы не вѣрили... Мнѣ жаль Егора Егорыча...

Леночка поблѣднѣла.

— Папочку вѣдь обвиняютъ въ превышеніи власти..

— Не въ одномъ превышеніи!

— Все равно, папочка оправдается.

Прасковья Ивановна потупила глаза, съ сдержанной улыбкой.

Въ тотъ же день, передъ вечеромъ, мадамъ Юскевичъ принесла Леночкѣ отъ Терюханова красивую коробку конфектъ и букетъ фіалокъ. Она не приняла. Мадамъ Юскевичъ долго уговаривала Леночку. Уговаривая, она ѣла конфекты и прихваливала. Леночка схватила букетъ фіалокъ и, покраснѣвъ отъ внезапнаго гнѣва, замахнулась, чтобъ бросить букетъ на полъ. Но капитанша спасла цвѣты отъ поруганія. Она въ первый разъ видѣла Леночку такой сердитой. Она думала, что Леночка неспособна на такія выходки. Она покачала головой и, нюхая фіалки, молча удалилась, съ оскорбленнымъ видомъ.

Но такъ какъ Леночка была больна, то она рѣшилась простить ей эту вспышку и вскорѣ опять пришла въ спальню.

Леночка протянула ей руку.

— Что значитъ—папочкина кровь! сказала капитанша, цѣлуя дѣвушку.

Леночка вяло улыбнулась.

Мадамъ Юскевичъ сѣла на кровать и цѣлый часъ провела у Леночки, жалуясь на трудныя времена, на то, что теперь командовать ротой не такъ выгодно, какъ прежде, что мужчины «поумнѣли» и не охотно женятся, и насплетничала на Прасковью Ивановну, поклявшись, что та постоянно измѣняетъ мужу.

Леночкѣ было стыдно, но она спросила:

— И теперь измѣняетъ?

— Конечно.

Леночка молчала.

— Можетъ, хотите знать, кто ея милый? Да это жъ..

Digitized by Google

Леночка замахала рукой и такъ посмотрѣла на капитаншу, что та ничего больше о «миломъ» Прасковьи Ивановны не сказала. Она взяла Леночку за талію и нѣжно обняла дѣвушку, улыбаясь. И, вздохнувъ, произнесла:

— Чтобъ вы знали, Леночка, я не виновачу мадамъ Дейкунову.

— Какимъ образомъ?!

— Да безъ всякаго образа. Она имѣетъ на то право. Женщина молодая, замужняя...

— Никакого права! горячо сказала Леночка.

Она стала говорить, что если разъ полюбишь, то ужь никого больше нельзя любить. Будь Прасковья Ивановна дѣвушкой... Сердце дѣвушки свободно... Но замужняя женщина! Она сдѣлала гримасу.

Споръ длился нѣкоторое время. Мадамъ Юскевичъ согласилась, что сердце дѣвушки свободно. Но дѣло не въ сердцѣ. Леночка упрямо стояла на своемъ.

Тогда мадамъ Юскевичъ запальчиво сказала:

— Да что вы мнѣ говорите, Леночка! Мы замужемъ, такъ ужь намъ свѣтъ завязаный! Ну, хорошо. А ежели дѣвушка да полюбитъ женатаго человѣка?

Она съ торжествомъ смотрѣла на Леночку. У той загорѣлись уши. И она вспомнила, какъ три года назадъ, папочка разрѣшилъ этотъ вопросъ.

— Никогда я не полюблю женатаго человѣка! сказала она.

— Не про васъ рѣчь...

— Никогда! Никогда! повторила Леночка, красная, съ блистающими глазами.

Споръ ничѣмъ не кончился. Леночка жестикулировала, топала ногой, дошла до слезъ. Мадамъ Юскевичъ сдерживала себя, приводила доказательства и внутри ея все клокотало. Наконецъ, она стремительно ушла.

Но и за этой ссорой послѣдовало примиреніе. Мадамъ Юскевичъ сама принесла Леночкѣ ужинъ. Обѣ женщины мирно поговорили о новыхъ модахъ и, разставаясь, капитанша пожелала молодой дѣвушкѣ «розовыхъ сновъ» и поцѣловала ее въ лобъ.

Черезъ недѣлю отъ папочки пришло письмо. Майоръ въ правописаніи былъ твердъ, но Леночка обратила вниманіе на множество прописныхъ буквъ и отсутствіе точекъ. Прежде въ его письмахъ, которыя онъ присылалъ иногда во время разъѣздовъ своихъ по округу, этого не замѣчалось. Папочка извѣщалъ, что утромъ

Digitized by Google

пріѣхалъ въ Вильно и тотчасъ же явился къ генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ принялъ его, нахмуривъ брови, и надежды на безпристрастіе и справедливость начальства мало. «Однако, Уповая, писалъ майоръ, На Господа Бога И Его Неисчерпаемую Милость». Онъ сообщалъ, что здоровъ; выйдя отъ генералъ-губернатора, правда, чувствовалъ головокруженіе, и въ глазахъ рябило, такъ что предметы были видимы только до половины; но вскорѣ это прошло. Онъ спрашивалъ, бываетъ ли Терюхановъ и просилъ напомнить ему, что онъ обѣщалъ прислать адресъ отъ несвѣнцянскихъ дворянъ и чиновниковъ «невинно страдающему» и «всѣми любимому и уважаемому» «начальнику и другу». «Адресъ Этотъ Очень Мнѣ Пригодился Бы». Въ заключеніе, онъ приказывалъ Леночкѣ вести себя какъ можно любезнѣе съ Петромъ Алибеичемъ.

Леночка спрятала папочкино письмо въ шкатулку, вздохнула, и скоро забыла о немъ. Леночка была уже совсѣмъ здорова. Въ этотъ день былъ праздникъ, и она нарядилась. Когда штора, наконецъ, была поднята, свѣтъ ослѣпительнымъ потокомъ устремился въ спальню, гдѣ все это время былъ сумракъ; и бѣлое платье Леночки сверкало на солнцѣ. Она надѣла шляпку, и, глядя на себя въ зеркало, удивлялась, что лицо у ней такое свѣжее, несмотря на то, что она «старуха». Ея глаза блистали и алый ротъ самодовольно улыбался.

Звонили къ обѣднѣ. Леночка бросила робкій взглядъ на окно противоположнаго дома. Оно было открыто. У окна никого не было. Михольскій могъ жить въ этомъ домѣ, но могъ и не жить, а лишь иногда приходить въ гости къ старичкамъ, которымъ принадлежалъ этотъ домъ. Такъ разсуждала Леночка. Но она чувствовала сердцемъ, что Михольскій въ этомъ домѣ живетъ.

Мадамъ Юскевичъ отправилась въ костелъ, а Леночка подумала, что надо пойти въ церковь. Она вышла изъ дома и, идя, все поглядывала на окно. Но она видѣла только, какъ чьи-то руки захлопнули его.

Солнце и люди, у которыхъ нѣтъ лошадей, сдѣлали тротуары Маршалковой улицы удобными для ходьбы. Солнце ихъ высушило, пѣшіе обыватели «утрамбовали» калошами и сапогами, но посрединѣ улицы грязи было много, блестѣли огромныя лужи, и небо, отражаясь въ нихъ, принимало желтозеленый оттѣнокъ. Половину дороги Леночка прошла благополучно и вдали уже бѣлѣлся соборъ Всѣхъ Святыхъ, съ невысокими колоколенками по обѣимъ сторонамъ огромнаго красноватаго купола, увѣнчаннаго маленькимъ крестомъ.

Digitized by Google

Но вдругъ тротуаръ сдѣлался такъ грязенъ, что Леночка остановилась. Тощій еврей переносилъ въ этомъ мѣстѣ офицера. Леночка улыбнулась и пошла назадъ.

Она не сдѣлала и десяти шаговъ, какъ встрѣтила Михольскаго. Ей показалось, что онъ застѣнчиво смотритъ на нее. Сердце у ней шибко забилось. Они подали другъ другу руку, и она стала объяснять, куда шла, и какая «ужасная» грязь.

Онъ не возражалъ. «Въ Несвянцинахъ какой хотите грязи много». И, въ свою очередь, объяснилъ, что вышелъ подышать чистымъ воздухомъ.

— Впрочемъ, сказалъ онъ послѣ паузы:—мнѣ больше всего хотѣлось встрѣтить васъ.

Онъ въ полъ-оборота глянулъ на Леночку. Тонкій профиль ея хорошенькаго личика былъ слегка наклоненъ, бѣлыя ленты шляпки оттѣняли блѣдный румянецъ ея щекъ. И Михольскій видѣлъ, какъ румянецъ этотъ сталъ ярче.

Они шли, и чѣмъ ближе подходили къ дому, тѣмъ шаги ихъ становились медлительнѣе. Наконецъ, они разстались. Но пожатіе руки, которымъ они обмѣнялись, было такое дружеское, что оба они почувствовали, какъ что-то ихъ сблизило. Стоя у калитки, Леночка хотѣла крикнуть ему, чтобъ онъ вернулся, и спросить, отчего онъ не заходитъ. Но сдѣлалось стыдно и она промолчала.

Весь день ходила она по саду, тревожно улыбаясь, иногда сбивая зонтикомъ бутоны съ цвѣтовъ и подолгу просиживая на своей любимой скамеечкѣ, на берегу Крулевскаго болота, слѣдя полетъ птицъ, исчезавшихъ въ голубой дали.

XIII.

Съ этихъ поръ, Леночка стала часто выходить изъ дома и передъ обѣдомъ ее почти всегда можно было встрѣтить на тротуарѣ одну или съ Михольскимъ. Однажды, возвратившись съ такой прогулки, розовая и необыкновенно похорошѣвшая, она застала въ маленькой гостинной Терюханова. Онъ сидѣлъ съ мадамъ Юскевичъ и пилъ кофе. При видѣ Леночки, онъ широко улыбнулся. Леночка сухо поклонилась и быстро прошла мимо. Однако, вспомнивъ, что папочка уже два раза просилъ ее напомнить Петру Алибеичу объ адресѣ, она сняла шляпку и вышла къ гостю. Мадамъ Юскевичъ бросила дѣвушкѣ дружескій взглядъ.

Digitized by Google

Леночка, краснѣя, объяснила Петру Алибеичу, что̀ ей надо. Онъ заложилъ руки въ карманы и устремилъ глаза на ея грудь.

— И самъ папенька, и Олимпія Михайловна (онъ кивнулъ головой въ сторону мадамъ Юскевичъ), и вотъ теперь вы просите объ этомъ адресѣ. Этотъ адресъ очень нуженъ, папенька пишетъ. Безъ этого адреса, какъ безъ двухъ рукъ! Сядьте, Лена Егоровна, и поболтаемъ объ этомъ адресѣ.

Леночка сѣла.

— Этотъ адресъ, Лена Егоровна, готовъ, продолжалъ Петръ Алибеичъ, немного опуская пристальные глаза: — и лежитъ у меня на столѣ. Сто одна подпись, какъ сто одинъ пушечный выстрѣлъ!

— Вотъ будетъ папочка благодаренъ!

— Но я не знаю, будетъ ли благодарна дочь...

— О! разумѣется, будетъ благодарна! сказала мадамъ Юскевичъ.

Леночка тревожно взглянула на капитаншу. Терюхановъ сухо засмѣялся.

— Испугались?

— Разумѣется, буду благодарна, сказала Леночка.

— Дайте поцѣловать ручку...

Леночка спрятала руку. Терюхановъ наклонился къ ней, но она встала, чтобъ уйти.

Тогда у Терюханова лицо исказилось. Онъ вскочилъ, загородилъ Леночкѣ дорогу и хриплымъ голосомъ сказалъ:

— Я знаю, на кого вы промѣняли меня... На полячишку, на мятежника!.. Ну, да онъ въ моихъ рукахъ... ха-ха!

Леночка смотрѣла на Петра Алибеича сверкающимъ взглядомъ. Она была блѣдна.

— Лена Егоровна! съ тоской произнесъ Терюхановъ.

Леночка молчала, замеревъ въ угрюмой позѣ. Терюхановъ отошелъ, она исчезла.

Мадамъ Юскевичъ бросилась къ Леночкѣ, но дверь уже была заперта и въ спальнѣ было пусто.

Такъ прошло до обѣда. Обѣдать Леночка не захотѣла. Она волновалась неизъяснимо. Она обошла садъ и затѣмъ, войдя въ домъ, взяла мадамъ Юскевичъ за руку и голосомъ, который казался ей твердымъ, объявила, что вечеромъ будутъ гости.

— Какіе гости?

— Михольскій и Діаконова.

У капитанши глаза округлились. Но въ послѣднее время Леночка ведетъ себя такъ странно, что она не стала возражать.

Digitized by Google

Впрочемъ, она упомянула о папочкѣ. Что, если вдругъ папочка пріѣдетъ?.. Леночкѣ предположеніе это показалось несбыточнымъ. И она, въ первый разъ обнявъ и поцѣловавъ мадамъ Юскевичъ, предложила ей денегъ.

Мадамъ Юскевичъ слегка обидѣлась; но согласилась, что если угощеніе будетъ, то деньги понадобятся; и взяла на этотъ предметъ у Леночки десять рублей.

О Терюхановѣ мадамъ Юскевичъ промолчала. Она «знала, что знала». И не хотѣла Леночкѣ «портить кровь».

Стало смеркаться. Леночка не спускала глазъ съ окна противоположнаго дома. Теперь ей навѣрно было извѣстно, кто тамъ живетъ.

По мѣрѣ того, какъ потухало майское небо, краски и очертанія предметовъ становились неопредѣленнѣе. И чтобы лучше видѣть, Леночка надѣла пенснэ.

На желтомъ фонѣ яркаго свѣта вырѣзывалась чернымъ крестомъ рама окна. Мелькала знакомая тѣнь. Сердце Леночки тревожно билось.

— Боже мой! Его надо предупредить! шептала она, вспоминая угрозу Терюханова.

Марися зажгла огонь въ залѣ, въ гостинной и суетилась, обращая иногда къ барышнѣ смѣющееся плутовское лицо. Янъ помогалъ ей ставить стулья на мѣсто, боязливо, какъ заяцъ, прислушиваясь къ голосу мадамъ Юскевичъ, гремѣвшему вдали.

Свѣтъ въ окнѣ Михольскаго потухъ. И вскорѣ въ передней прозвонилъ колокольчикъ.

Леночка выбѣжала навстрѣчу гостямъ.

Она пожала руку Діаконовой, маленькой дамѣ въ темномъ шерстяномъ платьѣ, въ подрѣзанныхъ завитыхъ волосахъ, черныхъ, какъ смоль, и съ покровительственной улыбкой на лицѣ, уже слегка увядшемъ. Другую руку она протянулъ Михольскому. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Какъ это хорошо, что вы пришли! сказала она торопливо.

Діаконова поцѣловала ее. Они, разговаривая, вошли въ гостинную, и тутъ Леночка, сравнивъ мелькомъ своихъ гостей, увидѣла, какъ мало они похожи другъ на друга.

Она нѣсколько разъ собиралась говорить и робѣла. Она играла пенснэ, которое висѣло у ней на груди, и не рѣшалась его надѣть. Эти гости казались ей высшими натурами, и она не знала, какъ вести себя съ ними. Авдотья Сергѣевна — такъ звали Діаконову—производила на нее впечатлѣніе женщины идеальной

Digitized by Google

и умной; и только на этомъ основаніи сожительство ея съ человѣкомъ, съ которымъ она не вѣнчана, было простительно въ глазахъ Леночки. Но, поставивъ себя мысленно на мѣсто Авдотьи Сергѣевны, Леночка покраснѣла и все время румянецъ игралъ на ея лицѣ ярче обыкновеннаго. Впрочемъ, она не могла дать себѣ отчета, почему у ней такъ горятъ щеки; сердце трепетало въ ея груди, не то отъ счастья, не то отъ ужаса. И когда она произносила короткія фразы въ отвѣтъ на длинныя и красивыя фразы Авдотьи Сергѣевны, губы ей плохо повиновались.

Авдотья Сергѣевна была деликатна и ничего не сказала о дѣлѣ Егора Егорыча. Михольскій, скрестивъ руки, смотрѣлъ на Леночку. Ея румянецъ, тревожный взглядъ ея блестящихъ глазъ приковывали его вниманіе.

Подали чай. Авдотья Сергѣевна не любила банальныхъ разговоровъ. Она сострадательно улыбнулась, когда Леночка сказала, что «погода, кажется, измѣняется». Она завела рѣчь о томъ, какая необразованность въ Несвяцянахъ. И отсюда перешла къ литературѣ. Авдотья Сергѣевна одобряла только тѣхъ писателей, которые сочувствуютъ женщинамъ.

— Женскій вопросъ, Елена Егоровна, сказала она съ горячимъ убѣжденіемъ:—выше всѣхъ вопросовъ...

Въ это время, Марися принесла подносъ съ апельсинами. Леночка испугалась. Что̀ если Авдотья Сергѣевна осудитъ угощеніе? Да и Марися явилась съ апельсинами некстати: перебиваетъ Авдотью Сергѣевну.

Но Авдотья Сергѣевна взяла апельсинъ и продолжала:

— Женщины Тургенева, женщины Шевченки, женщины Жоржъ-Зандъ, безсмертные женскіе типы Шекспира, наконецъ, Марка Вовчка...

— Крашевскаго, подсказалъ Михольскій.

— Крашевскаго, повторила Авдотья Сергѣевна, очищая апельсинъ:—ничто въ сравненіи съ тѣмъ великимъ женскимъ типомъ, который пока составляетъ достояніе будущаго. На нашей обязанности, Елена Егоровна, лежитъ...

Леночка не могла сосредоточиться долго ни на чемъ. Она продолжала дрожать всѣмъ тѣломъ. Схвативъ апельсинъ, она подала его Михольскому. Онъ поклонился и украдкой пожалъ ей пальцы. И Леночка не слышала, что̀ лежитъ на «нашей обязанности».

Но вскорѣ она поймала нить разговора. Авдотья Сергѣевна распространилась о мѣстномъ дамскомъ обществѣ и вернулась къ несвяцянской необразованности. «Помилуйте! здѣсь даже нѣтъ

Digitized by Google

библіотеки!» И она стала горячиться, ударила о поднос апельсинной коркой. «Слѣдуетъ похлопотать! Слѣдуетъ устроить библіотеку!» Она первая жертвуетъ всѣ свои книги. Михольскій съ доброй улыбкой посмотрѣлъ на нее. Леночка ревниво сказала:

— Я тоже...

И подала новый апельсинъ Осипу Антонычу. Онъ перевелъ глаза на нее и пальцы ихъ, какъ и тотъ разъ, встрѣтились.

Мысль о библіотекѣ заняла Авдотью Сергѣевну. Она говорила, какой подборъ книгъ надо сдѣлать и какъ написать уставъ библіотеки. Она попросила карандашъ и бумаги и стала набрасывать параграфы устава.

— Библіотека должна быть общественная...

И пока она соображала что̀ и ка̀къ, Леночка сѣла поодаль, бросивъ Михольскому выразительный взглядъ. Онъ подсѣлъ къ ней. Они бесѣдовали въ полголоса. Ихъ кресла раздѣлялъ высокій олеандръ, и тѣнь отъ листьевъ падала на лицо Леночки.

Бесѣдуя, они глядѣли другъ на друга. Михольскій протянулъ руку и его пальцы обняли стволъ дерева. Тоже сдѣлала Леночка. Они стали говорить еще тише, и имъ казалось, что деревцо дрожитъ и теплѣетъ

— Кто жъ вы такой? спрашивала Леночка. — Вы больше полякъ, чѣмъ русскій?

— Разумѣется. Но сердце мое не принадлежитъ къ старой Польшѣ. Есть русскіе, которые тоже не любятъ старой Россіи. Я слуга молодой Польши. И эта юная, обновленная Польша можетъ и должна быть въ мирѣ и дружбѣ съ молодой Россіей...

Леночка помолчала.

— Мнѣ нравится то, что̀ вы сказали...

— Скажу больше, продолжалъ Осипъ Антонычъ: — нетолько въ дружбѣ и согласіи, но и въ любви...

Леночка встрѣтила его взглядъ и не потупилась; лицо у ней было радостно. Она любила Михольскаго!

— Но послушайте! сказала она съ внезапной тоской и понижая голосъ до шопота:—вы участвовали въ мятежѣ?

— Зачѣмъ вамъ знать это?.. Впрочемъ, отъ васъ не стану скрывать.—Онъ глянулъ искоса по сторонамъ.—Да, я служилъ въ отрядѣ Езеранскаго... поручикомъ...

Тогда Леночка поблѣднѣла, какъ полотно.

— Вы?

— Я.

— Такъ вамъ надо бѣжать отсюда, Осипъ Антонычъ! слабо вскрикнула она, дотрогиваясь до его руки, и въ этомъ жестѣ

Digitized by Google

было что-то умоляющее: — скорѣе, сегодня, завтра! Я слыхала, прерывистымъ шопотомъ начала она: — Петръ Алибеичъ...

Глаза у Михольскаго потемнѣли.

— Этотъ... казанскій мурза?..

— Да, Терюхановъ... Онъ сегодня кричалъ... грозилъ... Я не подозрѣвала, что это такъ серьёзно! Осипъ Антонычъ, берегите себя!

Осипъ Антонычъ смотрѣлъ на нее расширеннымъ взглядомъ. Онъ былъ тоже блѣденъ.

— Скандалъ! произнесъ онъ, натянуто улыбаясь.

Но вдругъ онъ сдѣлалъ надменное лицо, выпрямился и спокойно сказалъ:

— Я не боюсь этого татарина...

Леночка крѣпко сжала деревцо.

— И вы не уѣдете!??

— Можетъ быть... Надо чрезъ Прасковью Ивановну навести справку у Буханцева... Она вхожа къ нему, замѣтилъ онъ съ непріятной улыбкой. — Во всякомъ случаѣ. *Елена*, намъ пора объясниться... объясниться серьёзно...

Онъ впервые назвалъ ее Еленой. У ней сердце загорѣлось. Она жадно прислушивалась.

— Утромъ, когда солнце взойдетъ, вы застанете меня на плотинѣ, отчетливымъ шопотомъ произнесъ онъ, наклонившись къ дѣвушкѣ.

Плотина раздѣляла Крулевское болото на двѣ неровныя половины и вела къ замку Хржонщей. Тамъ росли высокія вербы и мѣсто было пустынное. Леночка вспомнила это. Она стыдливо посмотрѣла на Михольскаго. Взглядъ у него былъ пристальный, повелительный.

Яркій румянецъ снова разлился на щекахъ Леночки. Деревцо трепетало въ ея рукѣ. И она молча кивнула головой.

— Вотъ, господа, главные параграфы нашего устава... обратилась къ нимъ Авдотья Сергѣевна, вставая и подходя съ бумагой въ рукѣ.

Они должны были прослушать проэктъ устава. «Членомъ библіотеки можетъ быть всякій». Леночка сдѣлала внимательное лицо. И такъ же внимателенъ былъ Михольскій. Но они почти ничего не слышали.

Около получаса длился затѣмъ скучный общій разговоръ. Изъ залы донесся голосъ мадамъ Юскевичъ и вѣжливый смѣхъ капитана. Авдотья Сергѣевна сложила проэктъ устава, спрятала его въ карманъ и поднялась уходить. Леночка смотрѣла на нее

Digitized by Google

съ прежнимъ почтеніемъ, но въ то же время и съ какимъ-то новымъ непріязненнымъ чувствомъ. Ужь не потому ли, что Леночка подозрѣвала въ ней автора корреспонденціи, погубившей папочку? Нѣтъ, это чувство зародилось сейчасъ, въ теченіи этого вечера, и факты, вызвавшіе его, сознаніе еще не уловило.

Когда Авдотья Сергѣевна подошла къ зеркалу, чтобы надѣть шляпку, Осипъ Антонычъ поцѣловалъ у Леночки руку. «Полно, не сонъ ли это?» Знойный трепетъ, охватившій ее, снова мѣшалъ ей говорить, снова не повиновались ей губы. И къ этому присоединился страхъ, что она видитъ любимаго человѣка, можетъ быть, въ послѣдній разъ.

Гости ушли.

Леночка, проводивъ ихъ, вернулась въ гостинную. По пути она машинально подала руку капитану. Въ залѣ былъ еще какой-то офицеръ и прилежно курилъ. Мадамъ Юскевичъ побѣжала за дѣвушкой.

— Выйдите, милочка, къ намъ!

Леночка потрясла головой.

— Не могу!

Держа на затылкѣ руки, она, въ истомѣ, счастливыми и разомъ тревожными глазами смотрѣла на капитаншу.

Та взглядомъ пронизала ее.

— Да... да... жаль, что не можете... А какъ же, Леночка, намъ съ адресомъ быть?

— Потомъ, Олимпія Михайловна, не сегодня!

— Бѣдный нашъ папочка!

Но Леночка улыбнулась. Мысли ея были далеко.

— Откуда у васъ очки, Леночка?

И на это Леночка не отвѣтила. Она все улыбалась, точно въ экстазѣ, и мадамъ Юскевичъ, нагнувшись и посмотрѣвъ на пенснэ, оставила ее.

Тогда Леночка вышла на террасу и долго стояла тамъ. Деревья шумѣли въ темнотѣ, на черномъ небѣ лишь тамъ и сямъ мерцали блѣдныя звѣзды. Ночь была холодная, Леночка жадно вдыхала сырой воздухъ. И когда мѣсяцъ блеснулъ изъ-за тучи, онъ освѣтилъ на минуту уже не улыбавшееся и счастливое, а задумчивое, съ широко раскрытыми глазами, лицо молодой дѣвушки.

Digitized by Google

XIV.

Раннее утро сѣрой мглой окутывало лѣны, и птицы еще молчали, когда Леночка проснулась и вышла въ садъ. Она такъ спѣшила, что не расчесала даже волосъ. Она, не оглядываясь, прошла по смородиновой аллеѣ и по берегу дымящагося болота. Столѣтнія вербы выступали изъ прозрачнаго тумана. Леночка шла по плотинѣ. И между стволами деревьевъ, бросавшихъ сумеречныя тѣни, виднѣлась даль, гдѣ, на востокѣ, блѣднорозовыми струями переливался мутный воздухъ.

Михольскій уже ходилъ по плотинѣ. Въ рукѣ у него бѣлѣла красивая водяная лилія, только что сорванная. Онъ былъ одѣтъ по дорожному, въ ботфортахъ съ сакъ-вояжемъ. Синяя трикова шапочка прикрывала его волосы.

Онъ взялъ Леночку за руку и глянулъ ей въ глаза, испуганно смотрѣвшіе, съ потемнѣвшими отъ безсонной ночи вѣками. Она была блѣдна, и даже губы ея были блѣдны, тревожно-сжатыя.

— Вы уѣзжаете? боязливо спросила она.

— Пришлось! произнесъ онъ съ торопливой улыбкой.

— Ахъ, Боже мой! сказала она: — значитъ, въ самомъ дѣлѣ... я не ошиблась?.. Я васъ больше не увижу? Осипъ Антонычъ! не увижу я васъ больше?..

— Успокойтесь, Елена, проговорилъ онъ съ улыбкой.

Взявъ ее рукой за талію, онъ въ другой рукѣ вертѣлъ цвѣтокъ, и они шли такъ вверхъ по плотинѣ, къ замку Хржонщей.

— Представьте, какая подлость... Я-таки узналъ вчера, уже поздно вечеромъ, что меня, дѣйствительно, хотятъ арестовать, подозрѣвая во мнѣ... совсѣмъ, впрочемъ, другое лицо... Сейчасъ за палацомъ ждетъ съ лошадьми знакомецъ вашъ Лейба. Онъ мой кредиторъ, слава-Богу, и изъ страха, чтобъ не пропали его *жербы*, взялся провезти меня до Дзѣганова, гдѣ я буду все равно, что дома... нѣкоторое время, разумѣется. Какъ вы дрожите, Елена!

Онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ блѣдный лобъ.

— Холодно, прошептала она.

— Вы такъ дрожите, что и я сталъ дрожать! сказалъ Михольскій.

И когда они проходили мимо чернаго остава водяной мельницы, давно заброшенной, заросшей зеленымъ мохомъ, Леночка кругъ прижалась къ Михольскому, и онъ не выдержалъ—рас-

Digitized by Google

цѣловалъ ее. Губы ея заалѣли, щеки покрылись неровнымъ румянцемъ.

— Я васъ люблю! прошептала она нѣжно.—Неужели мы больше не увидимся?

— Это зависитъ отъ васъ, сказалъ онъ загадочно, сжимая ея руку.

Они шли. Въ концѣ плотины показались каменныя стѣны палаца.

— Вотъ тутъ? спросила Леночка.

— Что̀ «тутъ»?

— Лошади...

— Да, недалеко...

У ней подкосились ноги. Михольскій посадилъ ее на скамейкѣ, возлѣ воротъ.

— Еще рано, сказала она, устремляя на него глаза, полные слезъ.

— Собственно говоря, пора, проговорилъ онъ. — Но минутъ пять куда ни шло.

— Слушайте, Осипъ Антонычъ, стыдливо начала она, сдерживая слезы:—вотъ сто рублей и еще... два золотыхъ... и вотъ (она вынула горсть серебра)... Возьмите, пожалуйста... Вамъ пригодится...

— Не надо, Елена, возразилъ онъ, съ доброй улыбкой, и отстранилъ деньги.—Можетъ быть, и вамъ пригодится...

— Мнѣ на что же?

— На то же, на что и мнѣ...

Она пытливо взглянула на него. Еще пытливѣе былъ его взглядъ.

— Уѣдемъ со мной, сказалъ Михольскій.

Сердце у Леночки болѣзненно забилось. Она улыбнулась, и эта улыбка застыла на ея лицѣ. Она молчала.

— Отвѣтьте же...

Она молчала—все молчала.

Михольскій поблѣднѣлъ.

— Знаете, началъ онъ:—вы похожи на эту лилію... Это милый, чистый цвѣтокъ, но онъ любитъ свое болото...

У Леночки слезы покатились изъ глазъ. Но она молчала.

Михольскій всталъ. Тогда она схватила его за руку и, глухо рыдая, покрыла ее поцѣлуями.

— Еще рано... шептала она.

Онъ наклонился къ ней и губы ихъ слились.

Опустившись снова на скамейку, онъ хотѣлъ, чтобъ Леночка сѣла къ нему на колѣни. Она закрыла глаза и тяжело дышала.

Digitized by Google

Онъ чувствовалъ тяжесть ея тѣла. Она отдавалась ему. Но ему казалось, что это бѣлое платье приросло къ ея ногамъ и что, въ самомъ дѣлѣ, она какой-то красивый болотный цвѣтокъ, съ своеобразной душой, которой онъ не понимаетъ. И онъ не смѣлъ ее тронуть.

Время шло. Солнце поднималось, красное, какъ рубинъ, и дулъ вѣтеръ, разгоняя утренній туманъ.

Михольскій нахмурилъ брови.

— Встаньте, Елена. И такъ—вы не ѣдете? Встаньте... Рѣшайте скорѣй.

Онъ держалъ ее за руку.

— Нѣтъ, сказала она чуть слышно.

Онъ обнялъ ее. Онъ долго цѣловалъ ее. Наконецъ, Лейба вышелъ изъ-за ограды, встревоженный и испуганный—надо было разстаться. Леночка плакала навзрыдъ.

— Не думайте обо мнѣ дурно, Осипъ Антонычъ...

Михольскій, стиснувъ зубы, сѣлъ въ таратайку и еврей погналъ лошадей, привставъ на козлахъ. Михольскій обернулся. Онъ видѣлъ, что Леночка стоитъ на одномъ мѣстѣ, закрывъ обѣими руками лицо. Розовые лучи туманнаго солнца слабо освѣщали ее. Но скоро они потухли. И въ печальной мглѣ сѣраго дня мало-по-малу навсегда исчезъ для него милый образъ «болотнаго цвѣтка».

Дождь сталъ накрапывать. Леночка пошла домой. Ей казалось, что она возвращается съ похоронъ. Слезы мѣшали ей видѣть. Старыя вербы шумѣли надъ головой и болото, зеленѣвшее мѣстами, какъ лугъ, опять покрывалось туманомъ.

Леночка думала о своемъ одиночествѣ. Ей было ненавистно это болото! Оно зіяло, какъ могила, отвратительная, но неизбѣжная. Леночка остановилась и смотрѣла на клубы тумана, медлительно ползущаго по его дремлющей поверхности, цѣпляющагося за кочки, за камыши. Руки у ней были холодны, она ломала ихъ; и сердце ныло отъ свинцовой тоски.

— Барышня, зонтикъ нате!

Леночка вздрогнула. Она обернулась и увидѣла Марисю.

— Ты подсматривала за мной? сказала она сердито.

— А чтобъ же меня разорвало! начала Марися и перекрестилась.—А чтобъ же...

— Хорошо, хорошо... Дай зонтикъ. Мадамъ Юскевичъ спитъ?

— Уже встали...

Леночка нахмурилась и торопливо зашагала по плотинѣ. Марися бѣжала за ней. Она что-то говорила, но Леночкѣ было не до нея.

Digitized by Google

Въ саду Леночку встрѣтила капитанша. Она была встревожена и дрожа обняла дѣвушку.

— Папочка пріѣхалъ.

Леночка не поблѣднѣла. Она и безъ того была блѣдна. Но она крѣпко оперлась на руку мадамъ Юскевичъ.

— Ему извѣстно, Леночка, про Михольскаго. Это штуки Прасковьи Ивановны. Ревнивая! Она, знаете, безъименнымъ письмомъ ему все донесла.

Леночка не повѣрила. Для нея Терюхановъ, одинъ Терюхановъ былъ источникомъ зла.

— Ахъ, Леночка, что-жъ это съ нами будетъ!

Она слезливо смотрѣла на дѣвушку.

— Леночка, я векселя подамъ на него—вотъ онъ и смирится, придумала капитанша.—Не бойтесь, вѣрьте мнѣ! Было бы дружить со мной—я-бъ вамъ все устроила, шито-крыто... Ну, да Богъ съ вами!

Она участливо пожала ей руку и, качая головой, съ какой-то странной радостью сказала:

— Леночка, Леночка! Какъ же это вы—съ женатымъ человѣкомъ!? Вы къ нему на свиданіе бѣгали?

Леночка съ недоумѣніемъ и тоской взглянула на нее.

— Въ бѣду попадетесь... Смотрите, чтобъ и васъ не взяли... Нѣтъ, Леночка, не ждала я отъ васъ этого. На меня, бывало, точно принцесса какая смотрите... а сами-то... Ахъ-ха-ха!

— Да что вы мнѣ говорите—на какое свиданіе... начала Леночка смущенно. И затѣмъ вдругъ прибавила, горячимъ шепотомъ.—Развѣ *онъ* женатъ?

Она остановилась и растерянно смотрѣла на торжествующее лицо мадамъ Юскевичъ.

— Женатъ, милочка, женатъ... отвѣчала та:—на Діаконовой женатъ... Діаконова—не сестра ему, а жена!!

Леночка оттолкнула руку мадамъ Юскевичъ. Искра надежды, теплившаяся въ ея сердцѣ, вдругъ погасла. Она стремительно взбѣжала на террасу.

Дождь пошелъ сильнѣе. Онъ хлесталъ по листвѣ сада, но окнамъ, но мѣрно, безъ порывовъ и, должно быть, зарядилъ надолго.

Въ спальнѣ Леночка застала отца. Онъ сидѣлъ въ ея креслѣ, мрачный, съ землистымъ лицомъ.

— Такъ вотъ отчего я не могъ д'ждаться адр'са? сказалъ онъ, вставая и подходя къ ней.

Она остановилась у порога, бѣлая, какъ воскъ, и глядѣла на отца. Лицо у него было зловѣщее, и правый глазъ сверкалъ

Digitized by Google

страннымъ блескомъ. Леночка опустила вѣки и слышала, какъ пересохшія губы ея сказали, силясь улыбнуться:

— Папочка...

Потомъ она почувствовала боль въ плечѣ; майоръ тряс ее. Онъ изступленно кричалъ, хрипѣлъ. Но что онъ говорилъ, она не могла разобрать. «Папочка все знаетъ», въ ужасѣ думала она и просила:

— Не убивай меня...

— Развр'тн... тв'рь... кричалъ отецъ, и голосъ его то возвышался до рева, то падалъ до шопота. Казалось, онъ выкрикивалъ только по одной начальной буквѣ изъ каждаго слова. И половина лица его была красная и смѣялась ужаснымъ беззвучнымъ смѣхомъ, а половина была мертвенно блѣдная. Пѣна выступила на посинѣвшихъ губахъ. И рука, поднятая на Леночку, безсильно упала.

Тогда Леночка испугалась за отца. Ей показалось, что онъ умираетъ. Отъ него вдругъ повѣяло, точно отъ трупа, холодомъ. Она стала звать на помощь: «Мариса! Сюда! Олимпія Михайловна! Кто тамъ!.. Ради Бога!» Пока прибѣжали, онъ упалъ на полъ, хрипя, неподвижный и жалкій.

Леночка голосила, цѣловала отца, и платокъ у нея былъ мокрый отъ слезъ.

Но когда пришелъ Діаконовъ и, утюжа свою бородку, сказалъ ей сквозь зубы: «Утѣшьтесь, онъ будетъ жить», Леночка встрепенулась и чуть не разсмѣялась отъ радости.

Діаконовъ, дѣйствительно, спасъ майору жизнь, но старикъ не могъ совершенно поправиться и едва черезъ мѣсяцъ сдѣлалъ по комнатѣ нѣсколько смѣшныхъ шаговъ, опираясь на руку дочери. Леночка все время не отходила отъ него, цѣловала у него руки, просила прощенія. Онъ молчалъ, гнѣвно устремляя на нее живой глазъ, бормоча что-то несвязное.

Слѣдствіе по дѣлу его затянулось. Мужиковъ таскали въ деревень, держали въ городѣ по недѣлямъ въ самый разгаръ полевыхъ работъ, и Леночкѣ опять пришлось услышать ихъ жалобные возгласы подъ окнами: «Христа ради!»

Всплыло еще одно дѣло... Когда майоръ принужденъ былъ выйти въ отставку, мадамъ Юскевичъ наложила запрещеніе на его домъ. Тогда Терюхановъ купилъ у ней «претензію». Имѣніе, раньше пожалованное майору за «отлично-усердную» службу, онъ уступилъ обратно казнѣ за пятнадцать тысячъ и эти деньги быстро теперь таяли, потому что надо было жить и поддерживать пріязненныя отношенія съ слѣдственными чиновниками и судьями.

*

Digitized by Google

Онъ къ осени почти выздоровѣлъ. Только лѣвая нога описывала полукругъ, прежде чѣмъ ступить, и искривленный ротъ не произносилъ ясно словъ. Правый глазъ иногда загорался былымъ огнемъ и когда Марися близко подходила къ его кровати, онъ, не стѣсняясь присутствіемъ Леночки, наровилъ ущипнуть ее за грудь, съ хриплымъ смѣхомъ.

Мало-по-малу опять сталъ бывать Терюхановъ. Онъ просиживалъ съ больнымъ вечера и игралъ съ нимъ въ шахматы. Онъ былъ вѣжливъ съ Леночкой, но она чувствовала, что онъ чего-то ждетъ, и не даромъ ликуетъ его взглядъ, сверкая изъ-подъ упрямыхъ полукружныхъ бровей.

Она сдѣлалась набожна. Передъ маленькими иконами, въ позолоченныхъ ризахъ, горѣла всегда лампадка въ ея комнатѣ, и когда настали темныя осеннія ночи и дождь шелъ безпрерывно, сырой и пронизывающій, или когда гудѣлъ снѣжный вихрь въ грозную зимнюю полночь и выли волки въ камышахъ Крулевскаго болота, Леночка молилась о *немъ*. *Онъ* представлялся ей безпріютнымъ, гонимымъ, блуждающимъ среди снѣжныхъ степей, одинокимъ, какъ она сама. И слезы катились по ея лицу.

XV.

Заключеніе.

Прошло лѣтъ четырнадцать. Весною, въ туманный теплый день, по новенькимъ рельсамъ недавно открытой —ской дороги шелъ почтовый поѣздъ. Пассажировъ было немного и вагоны летѣли стрѣлой по ровной мѣстности, однообразной до уныніи. Горъ не было, ни холмовъ, ни пригорковъ. Но попадались высокія насыпи, и тогда машинистъ замедлялъ ходъ. За недѣлю передъ этимъ, поѣздъ съ рабочими упалъ съ такой насыпи, размытой дождями, и исчезъ въ трясинѣ. Пассажиры читаютъ объ этомъ происшествіи въ газетахъ и посматриваютъ изъ оконъ на море жидкой грязи съ замираніемъ сердца.

По обѣимъ сторонамъ бѣгутъ лѣса. Все сосна, да сосна. Мѣстами, по колѣно въ водѣ, стоятъ въ бѣлыхъ *свитахъ* мужики, и нельзя разобрать, мужчины это или женщины. Они кланяются поѣзду, какъ привыкли кланяться становому, попу, пану. Мелькаютъ избы безъ трубъ, широкія рѣки съ низменными берегами, и всюду клубится туманъ. И дымъ паровоза стелется по землѣ, разрывается на клочки, бурыми завитками вертится въ сизомъ воздухѣ, пронизываемый красными искрами.

Digitized by Google

Пассажиры, проѣхавъ опасное мѣсто и оживившись на время сообщеніемъ другъ другу извѣстныхъ уже, впрочемъ, каждому подробностей о томъ, какъ погибъ несчастный поѣздъ, снова начинаютъ скучать, дремать, и только повременамъ тишина въ вагонахъ нарушается хлопаньемъ дверецъ и появленіемъ кондуктора или вѣжливаго контролера въ серебряныхъ жгутахъ и алюмъ поясѣ.

Михольскій одиноко сидѣлъ въ купэ и не могъ оторвать глазъ отъ печальныхъ картинъ, въ какихъ развертывалась передъ нимъ родная природа. Сердце его учащенно билось, онъ смотрѣлъ въ туманную даль и думалъ о Несвецянахъ.

Онъ постарѣлъ, щеки ввалились. Но бѣлокурые волосы все также хороши. На немъ бархатная куртка, свѣтлыя перчатки. Онъ ѣдетъ въ К. на гастроли. Онъ извѣстенъ теперь подъ фамиліей Громовскаго и имѣетъ успѣхъ на провинціальныхъ сценахъ.

Когда поѣздъ остановился на станціи «Несвецяны», подъ которой не слѣдуетъ разумѣть города Александрійска, отстоящаго отъ нея весьма далеко, пассажиры вышли на платформы. Сталъ моросить мелкій дождикъ, но онъ не мѣшалъ нѣкоторымъ юнымъ франтамъ—въ каждомъ поѣздѣ есть они—ходить взадъ и впередъ, въ модныхъ шапкахъ съ двумя козырьками, на манеръ шлема, и съ красивыми сакъ-вояжами черезъ плечо, и говорить молоденькимъ дамамъ разный вздоръ. По крайней мѣрѣ, Михольскому показалось, что говорятъ они вздоръ. Ему ужь было сорокъ лѣтъ и его раздражала эта молодежь, вносившая что-то безпечное и нахально веселое въ приниженную жизнь полумертваго края, съ косматыми соснами и курными хатами на первомъ планѣ, съ безплодной почвой, съ скучной, сердце надрывающей далью.

Встрѣчный поѣздъ опоздалъ и его пришлось ждать нѣсколько минутъ. Поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ Михольскій, перевели на запасный путь. Раздался хриплый свистокъ и подошелъ опоздавшій поѣздъ. Онъ выпустилъ пассажировъ на платформу и помѣнялся мѣстами съ почтовымъ поѣздомъ, стоявшимъ на запасномъ пути. Билъ звонокъ, франты въ шлемахъ усаживали въ вагоны дамъ и оберъ-кондукторъ выдѣлывалъ трель, какъ городовой. Поѣздъ тихо громыхнулъ и тронулся.

Платформа, мокрая отъ дождя, уходила назадъ съ ящиками, обитыми рогожей, съ десятичными вѣсами. Михольскій машинально глядѣлъ въ окно и курилъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ, въ кучкѣ другихъ пассажировъ, Петра Алексѣенча Терюханова въ черномъ обширномъ пальто съ бѣлыми

Digitized by Google

траурными полосками на отворотахъ. Терюхановъ держалъ за руку дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, въ непромокаемомъ плащѣ, собранномъ въ складки на таліи. Эта дѣвочка была похожа на Леночку. Тѣ же большіе, тревожные глаза, тотъ же складъ лица, та же застѣнчивость позы.

Поѣздъ пошелъ скорѣе. Терюхановъ и дѣвочка скрылись. Михольскій высунулся изъ окна, но за дождевой сѣткой могъ различить только чьи-то неопредѣленные силуэты. Колеса вагоновъ завертѣлись съ мѣрнымъ стукомъ и опять понеслись навстрѣчу печальные виды—поля, залитыя водой, убогія деревушки, вырубленные на-половину лѣса, съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ исполинскими соснами, хмурившимися въ туманѣ.

Михольскій нервно курилъ папиросу за папиросой. Сердце его ныло. И онъ жалѣлъ, что не взялъ счастья, которое само никогда давалось въ руки. Леночки нѣтъ. Или, можетъ быть, она жива?

Жива или нѣтъ! Леночка—все равно, для него она давно умерла.

На другой день ночью, поѣздъ пришелъ благополучно въ К. и Михольскій-Громовскій въ хлопотливыхъ приготовленіяхъ къ предстоящему дебюту забылъ вскорѣ объ этой встрѣчѣ и этихъ позднихъ сожалѣніяхъ.

Максимъ Бѣлинскій.

Digitized by Google

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ БЬЕРНСОНА.

Познакомивъ читателя съ Бьернсономъ, какъ съ поэтомъ, драматургомъ и политическимъ дѣятелемъ, а также съ его тремя романами: «Синнове Солбакенъ», «Рыбачьей дочерью» и «Магигильдой» [1], бросимъ бѣглый взглядъ на повѣсти и разсказы этого замѣчательнаго норвежскаго писателя, который представляетъ одинъ изъ немногихъ цвѣтущихъ оазисовъ среди безплодной пустыни современной изящной литературы.

За исключеніемъ двухъ послѣднихъ разсказовъ Бьернсона: «Капитанъ Мансана» и «Ныль», всѣ остальныя мелкія его сочиненія, представляютъ живыя, вѣрныя картины сельской жизни въ Норвегіи. Наибольшей популярностью на его родинѣ пользуются двѣ повѣсти перваго періода его литературной дѣятельности: «Арнъ» и «Счастливый Юноша». Это легко объяснить тѣмъ, что, отличаясь удивительной простотой, онѣ естественно пришлись по сердцу простому и безхитростному народу.

Незаконный сынъ дочери довольно состоятельнаго фермера, Маргитъ Кампенъ, и веселаго разгульнаго Нильса, по ремеслу портного, а по призванію скрипача и риѳмоплета, Арнъ воспитывался сначала матерью, а потомъ отцомъ, который, послѣ смерти родителей Маргитъ и своей продолжительной болѣзни, сдѣлавшей его неспособнымъ къ работѣ, женился на обезчещенной имъ дѣвушкѣ. Мать учила Арна читать и давала ему добрые совѣты, а отецъ училъ его играть на скрипкѣ и пѣть разгульныя пѣсни. Онъ водилъ его съ собою на сельскіе праздники и свадьбы, откуда всегда возвращался пьяный. Матери очень не

[1] «Отечественныя Записки», 1883 г., №№ 7 и 8.

Digitized by Google

нравилось, что мальчикъ привыкалъ съ раннихъ лѣтъ видѣть грубый разгулъ и она всячески старалась противодѣйствовать дурному вліянію отца. Пятнадцати лѣтъ, Арнъ началъ пасти скотъ на горныхъ откосахъ и проводилъ цѣлые дни, читая книги, думая и распѣвая пѣсни. Особенно онъ любилъ мечтать объ отдаленныхъ странахъ, и въ этомъ поддерживалъ его товарищъ по школѣ, которую онъ посѣщалъ зимою, Христіанъ, сынъ капитана. Онъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше Арна, тоже бредилъ путешествіями и давалъ Арну читать новыя книги. Послѣ конфирмаціи, Христіанъ поступилъ въ морскую службу и ушелъ въ море. Стремленія Арна принимали все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Онъ жаждалъ отправиться вслѣдъ за Христіаномъ, и обычная сельская жизнь казалась ему скучной, безцѣльной. Тревожныя впечатлѣнія его высказывались, по временамъ, въ стихахъ, которые онъ распѣвалъ, лежа подъ деревьями на зеленой муравѣ. Только мысль о матери удерживала его дома, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Нильсъ умеръ отъ удара, и она, оставшись вдовою, уговорила сына никогда не покидать ее. Борьба жажды впечатлѣній съ чувствомъ долга къ матери, а потомъ съ любовью къ красивой Эли, дочери фермера Баарда Бана, составляетъ сюжетъ романа, въ который вставлено много стихотвореній, выражающихъ чувства поэта. Любовь Арна спокойно, тихо развивается, безъ всякихъ перипетій, среди событій ежедневной жизни: сельскихъ работъ, сбора орѣховъ, болѣзни Эли и пр. Оканчивается романъ вполнѣ благополучно свадебнымъ пиромъ, такимъ образомъ, чувство долга къ матери и любовь къ женѣ одерживаютъ побѣду надъ тревожными стремленіями поэтической души Арна, и онъ впослѣдствіи воспѣваетъ лишь прелести семейнаго очага.

Нота спокойнаго довольства, которая звучитъ въ послѣднихъ страницахъ «Арна», слышится съ начала до конца въ «Счастливомъ Юношѣ». Эта мирная идиллія начинается прелестной сценой дѣтской ссоры изъ-за ягненка между героемъ и героиней романа Ойвиндомъ и Маритъ, которая кончается тѣмъ, что счастливый мальчикъ удерживаетъ за собой ягненка, котораго онъ продалъ дѣвочкѣ за пирожокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съѣдаетъ пирожокъ. Затѣмъ онъ счастливъ и дома у своихъ бѣдныхъ, но добрыхъ родителей, и въ школѣ, гдѣ онъ воспитывается вмѣстѣ съ Маритъ, и быстро дѣлается любимцемъ учителя, педагогическая система котораго вся основана на любви къ дѣтямъ. Сдѣлавшись взрослымъ юношей, онъ какъ будто перестаетъ быть счастливымъ, потому что дѣдъ Маритъ, богатый фермеръ, не хочетъ и слышать о бракѣ своей внучки,

Digitized by Google

первой невѣсты въ приходѣ, съ сыномъ бѣднаго поселянина. Но Ойвиндъ рѣшается силой завоевать себѣ счастіе, на которое, повидимому, взялъ привилегію, и поступаетъ въ земледѣльческій институтъ. Окончивъ курсъ съ отличіемъ, счастливый возвращается домой, получаетъ мѣсто приходскаго агронома съ хорошимъ содержаніемъ и нетолько оказываетъ помощь сосѣдямъ, научая ихъ новымъ, лучшимъ методамъ земледѣлія, но и *отцовскую землю превращаетъ* въ образцовую «игрушку-ферму». Дѣдъ Маритъ смотритъ съ завистью на благосостояніе сосѣдей, тогда какъ его ферма приходитъ въ упадокъ, и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ терпѣливаго ожиданія со стороны возлюбленной парочки, соглашается, на ихъ свадьбу. Счастливый юноша становится окончательно счастливымъ.

«Брачный Маршъ» — послѣдняя повѣсть изъ крестьянскаго быта, написанная Бьернсономъ. Конечно, въ ней также играетъ главную роль идиллическая любовь, но это любовь уже болѣе страстная выказывающая достаточно силы, чтобы спасти цѣлую семью отъ тяготѣющаго надъ нею злого рока.

Въ прошломъ столѣтіи жилъ въ одной изъ большихъ норвежскихъ долинъ, Оле Хаугенъ, бѣдный поселянинъ, но геніальный музыкантъ, игравшій на скрипкѣ и сочинявшій пѣсни и танцы. О немъ ходитъ въ народѣ много преданій, изъ которыхъ наибольшей популярностью пользуется легенда о «Брачномъ Маршѣ». У Оле Хаугена была дочь, Аслаугъ, красивая, даровитая молодая дѣвушка. Въ нее влюбился сынъ богатаго фермера Тингвольда и, послѣ долгой борьбы съ родителями, женился на Аслаугъ, которая, въ свою очередь, пламенно его любила. Для ихъ свадьбы Оле Хаугенъ написалъ великолѣпный свадебный маршъ, и, какъ говоритъ преданіе, сказалъ, что горе той невѣстѣ, которая пойдетъ въ церковь подъ звуки этого марша, не любя своего жениха. Первая чета, вернувшаяся домой подъ звуки этого прекраснаго, веселаго марша, вела самую счастливую жизнь. То же можно сказать и о дочери Аслаугъ, Астридѣ, которая сама избрала себѣ мужемъ Кнуда, смышленнаго парня, хотя безъ рода и племени. Родители, конечно, выказали сопротивленіе, но въ концѣ-концовъ согласились, и снова веселые звуки свадебнаго марша освятили счастливый бракъ. Кнудъ привелъ обширную тингвольдскую ферму въ такое цвѣтущее положеніе, въ какомъ она никогда не была, и пользовался общимъ уваженіемъ всего околодка. Астрида гордилась своимъ выборомъ, и свадебный маршъ, сдѣлавшійся любимымъ семейнымъ мотивомъ, напѣвался и насвистывался въ фермѣ съ утра до ночи. Старшій сынъ этихъ почтенныхъ родителей, Эндридъ, получилъ хорошее воспи-

Digitized by Google

питаніе въ земледѣльческомъ институтѣ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Это былъ скромный, не блестящій юноша, хотя очень хорошо велъ дѣла фермы, которую отецъ передалъ въ его завѣдываніе. Эндридъ любилъ уединеніе и долгое время не обращалъ никакого вниманія на молодыхъ дѣвушекъ; наконецъ, когда ему было уже тридцать одинъ годъ, онъ сдѣлалъ предложеніе семнадцати-лѣтней Рандѣ, дочери бѣдныхъ родителей. Она согласилась, хотя не любила его, и весь приходъ сталъ говорить, что она продала себя. При этомъ вспоминали легенду о свадебномъ маршѣ и не предсказывали ничего хорошаго новобрачнымъ. Свадьба произошла при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Дождь лилъ ливнемъ; скрипачи не могли играть свадебнаго марша, а если, по временамъ, и затягивали его веселый мотивъ, то онъ казался какимъ-то страннымъ, заунывнымъ. Всѣ гости были мрачны и громко вспоминали легенду. Невѣста много плакала передъ вѣнцомъ; но все-таки превозмогла себя и пошла въ церковь, хотя просила прекратить музыку. Проходя мимо могилы Оле Хаугена, находившейся подлѣ самой церкви, она задрожала, какъ въ лихорадкѣ, и подошла къ алтарю, громко рыдая. Свадебный пиръ былъ самый печальный и былъ прерванъ болѣзнью молодой.

Проклятіе стараго музыканта какъ бы преслѣдовало бѣдную женщину. Она осталась на всю жизнь болѣзненной и первыя двое дѣтей ея умерли въ раннемъ возрастѣ. Затѣмъ она родила дочь Мильдредъ, не родители не смѣли ее ласкать, изъ боязни, чтобъ небо не взяло ее, какъ первыхъ дѣтей, въ которыхъ они души не чаяли. Поэтому, дѣвочка росла на попеченіи дѣда и бабушки, а родители ея вели уединенную, мрачную, набожную жизнь, ни съ кѣмъ не знаясь и считая себя какъ бы отверженцами. Особенно они чуждались своихъ родственниковъ Хаугенъ, потомковъ Оле, и даже ихъ имя никогда не произносилось на фермѣ. Такому же остракизму подвергся и брачный маршъ. Но Мильдредъ съ дѣтства научилась ему отъ бабушки, которая ей разсказала и связанную съ нимъ легенду. Это произвело большое впечатлѣніе на нее и съ годами она стала часто спрашивать себя, сыграютъ ли для нея свадебный маршъ. Когда ей минуло шестнадцать лѣтъ, она случайно встрѣтила близъ сетера, гдѣ работала въ лѣтніе мѣсяцы съ сестрою—красиваго молодого человѣка, который оказался внукомъ Оле, Гансомъ Хаугеномъ. Молодые люди съ перваго взгляда полюбили другъ друга и ихъ любовь была такъ пламенна, что послѣ двухъ свиданій они рѣшились открыть свою любовь Эндриду и Рандѣ, хотя и предчувствовали оппозицію. Мильдредъ прямо объ-

Digitized by Google

явила, что уже помолвлена, и ея родители пришли въ ужасъ, узнавъ объ имени жениха; но любовь къ дочери взяла верхъ надъ предразсудкомъ и, познакомившись съ Гансомъ, который былъ примѣрнымъ и способнымъ юношей, они дали согласіе. При этомъ Гансъ настоялъ, чтобъ Мильдредъ жила на его бѣдной фермѣ, такъ какъ онъ женился на ней, а не на ея богатствѣ. Снова раздались звуки веселаго свадебнаго марша на свадьбѣ молодыхъ людей и, выходя изъ церкви, они зашли помолиться на могилу стараго Оле. И нетолько они лично были счастливы, но и сама Ранда преобразилась, какъ будто дочь искупила ея вину, выйдя замужъ по любви.

Прочіе мелкіе разсказы Бьернсона составляютъ бытовые очерки и эпизоды изъ деревенской жизни.

Въ первомъ разсказѣ, «Трондъ», выведенъ мальчикъ, умъ котораго пропитанъ норвежскими мнѣніями и потому всѣ обыкновенныя обстоятельства жизни принимаютъ въ его глазахъ сверхъестественный характеръ. Въ «Опасномъ ухаживаніи» содержаніе посвящено жаждѣ къ приключеніямъ. Старикъ Кнутъ старательно охранялъ отъ поклонниковъ свою внучку, къ которой должна была перейти его обширная ферма, и безжалостно билъ всѣхъ юношей, являющихся къ ней на сэтеръ. Той же участи подвергся молодой поселянинъ Торъ Нассетъ, но онъ не впалъ въ отчаяніе, а рѣшился достигнуть другимъ путемъ убѣжища, въ которомъ скрывалъ свою внучку жестокій Кнудъ. Онъ влѣзъ со стороны моря по крутому утесу на ту вершину, гдѣ находился сэтеръ его возлюбленной, и старый Кнудъ, стороживщій большую дорогу, воскликнулъ: «Изъ этого мальчишки будетъ толкъ; пусть его беретъ мою внучку». Совершенный контрастъ этому представляетъ «Орлиное гнѣздо». Тамъ также подвигъ силы и ловкости, но съ инымъ результатомъ. Въ одной горной долинѣ, на высокомъ утесѣ, свили себѣ гнѣздо орлы, бывшіе пугаломъ всего околодка, такъ какъ они похищали то ягненка, то барана, а однажды унесли ребенка. Всѣ въ приходѣ боялись орловъ, но никто не рѣшался взлѣзть на утесъ и разорить гнѣздо. Наконецъ, за это дѣло взялся смѣлый юноша, по имени Лейфъ. Онъ полѣзъ на утесъ при всѣхъ и почти достигъ гнѣзда, но оборвался и упалъ мертвый въ бездну. «Жаль, очень жаль, говорили старики:—но хорошо, что есть на свѣтѣ нѣчто, до чего не долѣзть никому». «Блаккенъ» и «Предательство» — страницы изъ личныхъ воспоминаній автора объ его дѣтствѣ. «Блаккенъ»—это лошадь его отца, чрезвычайно сильная и умная, которая не разъ дралась съ медвѣдями. «Предательствомъ» озаглавленъ разсказъ о четырехъ сыновьяхъ одной фер-

Digitized by Google

мерши, которые жили близь пасторскаго дома, въ которомъ родился Бьернсонъ. Они такъ были преданы матери, что одинъ изъ нихъ шестнадцать лѣтъ ждалъ ея смерти, чтобъ жениться на любимой дѣвушкѣ, потому что мать была стара и нуждалась въ постоянныхъ попеченіяхъ его невѣсты. «Медвѣжій охотникъ», вѣроятно, также эпизодъ изъ юности автора, который очень живо описываетъ, какъ цѣлая школа мальчиковъ и дѣвочекъ взбунтовалась и побѣжала смотрѣть на охотника, убившаго медвѣдя. «Отецъ» — не просто бытовая картина, какъ другіе разсказы Бьернсона, но выражаетъ опредѣленную философскую или религіозную идею о благотворномъ дѣйствіи горя на человѣка. Тордъ съ гордостью приходитъ къ пастору три раза: по случаю крестинъ, его конфирмаціи и свадьбы; въ четвертый же разъ онъ является смиренный, послѣ смерти сына, за нѣсколько дней до свадьбы, и жертвуетъ все свое состояніе на бѣдныхъ. «Наконецъ-то вы нашли счастіе въ сынѣ», замѣтилъ пасторъ, и Тордъ съ нимъ вполнѣ согласился.

Изъ всѣхъ сельскихъ разсказовъ Бьернсона наиболѣе интересенъ «Желѣзная дорога и Кладбище», который знакомитъ насъ съ той стороной народной жизни, до которой онъ не касается въ другихъ своихъ произведеніяхъ, именно, съ общественной дѣятельностью выборныхъ приходскихъ совѣтовъ, завѣдывающихъ мѣстными дѣлами сельскихъ общинъ. Разсказъ этотъ относится къ первому періоду литературной дѣятельноси Бьернсона и потому онъ совершенно объективно описываетъ борьбу между двумя передовыми людьми въ приходскомъ совѣтѣ. Оба они были фермеры, люди образованные, умные и приверженцы прогресса; одинъ изъ нихъ, Кнудъ, былъ другъ знаменитаго норвежскаго патріота Вергеланда; будучи предсѣдателемъ приходскаго совѣта, онъ завелъ школы, библіотеки, земледѣльческій институтъ и клубъ для обсужденія конституціи. Другой, Ларсъ Хогстадъ, былъ нѣсколько моложе и умственно развился, благодаря Кнуду, но, усвоивъ себѣ его идеи, сталъ въ свою очередь давать ему разумные совѣты, такъ что каждая благодѣтельная мѣра, проведенная Кнудомъ, была первоначально обдумана обоими друзьями, которыхъ всѣ сосѣди считали неразлучными. Но Ларсъ, хотя и былъ членомъ приходскаго совѣта, никогда не говорилъ въ его засѣданіяхъ. Впервые товарищи услышали его голосъ по вопросу о предложеніи продать приходскій хлѣбный магазинъ и основать на вырученныя деньги сберегательную кассу. Кнудъ, дѣдъ котораго пожертвовалъ хлѣбный магазинъ приходу, счелъ этотъ проэктъ для себя оскорбительнымъ и, не сказавъ ни слова объ этомъ Ларсу, предложилъ совѣту даже не входить въ

Digitized by Google

его разсмотрѣніе. Ларсъ, къ общему изумленію, возсталъ противъ своего друга, и происшедшая между ними бурная сцена послужила началомъ долголѣтней борьбы. Эта сцена разсказана такъ мастерски и составляетъ такую живую, бытовую картину, что мы приведемъ ее цѣликомъ:

«Ларсъ говорилъ дрожащимъ голосомъ, неизвѣстно отчего, отъ сожалѣнія ли, что вынужденъ противорѣчить своему другу, или изъ опасенія, что останется въ меньшинствѣ; но аргументы его были ясные и отличались такой логикой, какую рѣдко слыхали на засѣданіяхъ приходскаго совѣта. Опровергнувъ всѣ доводы Кнуда, онъ произнесъ въ заключеніе:

«— Какое намъ дѣло, что это предложеніе вноситъ представитель правительства? Это такъ же мало вліяетъ на сущность вопроса, какъ то соображеніе, кто выстроилъ это зданіе, и какимъ образомъ оно попало въ руки общины.

«Кнудъ покраснѣлъ, но все-таки отвѣчалъ тихо, сдержанно. По его мнѣнію, въ околодкѣ было много сберегательныхъ кассъ, даже слишкомъ много; но если община желала завести свою кассу, то, конечно, можно было сдѣлать это, не оскорбляя памяти мертвыхъ и не ссорясь съ живыми. Потомъ онъ перешелъ къ хлѣбному магазину и распространился объ его пользѣ. Ларсъ отвѣчалъ подробно на послѣднюю часть его рѣчи и прибавилъ:

«— Прежде всего надо разрѣшить вопросъ, управляется ли нашъ приходъ въ интересахъ живыхъ или мертвыхъ и чѣмъ намъ слѣдуетъ руководствоваться, пользой всего прихода, или привязанностями и предразсудками одного семейства.

«— Я не знаю, есть ли на свѣтѣ человѣкъ, который болѣе облагодѣтельствованъ своей семьей, чѣмъ предъидущій ораторъ! воскликнулъ Кнудъ.

«Эти слова относились до всѣмъ извѣстнаго факта, что могущественный дѣдъ Кнуда сохранилъ въ цѣлости ферму дѣда Ларса въ то время, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, по какому-то уголовному дѣлу.

«Но Кнудъ все-таки долженъ былъ сознаться въ глубинѣ своего сердца, что онъ никогда не смотрѣлъ на дѣло съ такой широкой и возвышенной точки зрѣнія. Невольно взглянулъ онъ на стоявшую передъ нимъ высокую, тяжелую фигуру Ларса. Его могучій лобъ и глубокіе глаза обнаруживали напряженную работу. Онъ выпрямился во весь ростъ, заложилъ руки за спину и голосъ его раздавался громко, но глухо, словно выходилъ изъ нѣдръ земли. Впервые Кнудъ понялъ, что это былъ за человѣкъ, и на него напалъ страхъ. Этотъ человѣкъ былъ выше его на цѣлую голову. Онъ извлекъ изъ Кнуда все, что было можно, позаим-

Digitized by Google

ствовалъ все, что Кнудъ зналъ и, отобравъ отъ плевелъ добрыя сѣмена, незамѣтно ихъ выростилъ. Кнудъ любилъ его и лелѣялъ, а теперь, сдѣлавшись гигантомъ, Ларсъ возсталъ на него. Почему это случилось, Кнудъ не могъ самъ себѣ объяснить, но, смотря на Ларса, онъ чувствовалъ, что это его антагонистъ.

«— Ларсъ! Ларсъ! воскликнулъ онъ, вскакивая:—что съ тобой случилось? Ты, котораго я... ты, который...

«Онъ не могъ произнести болѣе ни слова, а внѣ себя отъ волненія, опустился на свое мѣсто. При этомъ онъ изо всей силы ударилъ кулакомъ по столу, и глаза его гнѣвно заблистали.

«Ларсъ не выразилъ ни малѣйшаго смущенія, но спокойно произнесъ:

«— Если этотъ ударъ рѣшаетъ вопросъ, то намъ нечего болѣе и разсуждать.

«Кнудъ не могъ вынесть такого хладнокровія.

«— Что съ нами? воскликнулъ онъ:—до сихъ поръ мы руководились только любовью и преданностью къ общему дѣлу, а теперь насъ словно обуялъ духъ вражды.

«И онъ бросилъ гнѣвный взглядъ на Ларса, который холодно отвѣтилъ:

«— Вѣроятно, ты, Кнудъ, внесъ этотъ духъ въ наше собраніе, потому что я строго придерживался обсужденія стоящаго на очереди вопроса. Но ты никогда не хочешь допустить, чтобъ какое-нибудь дѣло могло быть полезнымъ для всѣхъ, если оно противорѣчитъ твоимъ личнымъ интересамъ; мы увидимъ, какъ ты любишь и преданъ общему дѣлу, когда рѣшимъ это дѣло, какъ мы хотимъ, а не какъ ты хочешь.

«— Такъ я дурно служилъ приходу? воскликнулъ Кнудъ.

«Никто не отвѣчалъ, и Кнудъ грустно понялъ головою.

«— Я думалъ, произнесъ онъ:—что сдѣлалъ кое-что полезное для прихода, но можетъ быть я ошибался.

«Онъ снова умолкъ, обуреваемый своей пылкой натурой и боясь сказать слишкомъ много.

«— Я знаю, отвѣчалъ Ларсъ: — что ты приписываешь себѣ честь всего, что сдѣлано въ приходѣ, и если судить по количеству словъ, произнесенныхъ на этихъ собраніяхъ, то, конечно, ты сдѣлалъ болѣе всѣхъ.

«— А! вотъ что! рѣзко произнесъ Кнудъ: — значитъ, тебѣ принадлежитъ вся честь этихъ полезныхъ мѣръ?

«— Если ужъ намъ приходится говорить о себѣ, отвѣчалъ Ларсъ:—то я не могу не сказать, что каждая изъ этихъ мѣръ

Digitized by Google

была обстоятельно обсуждена нами обоими прежде, чѣмъ ты предлагалъ ее совѣту.

«— Пусть за тобой остается вся честь, воскликнулъ Кнудъ:— я могу обойтись и безъ нея. Есть потери гораздо тяжелѣе.

«— Говоря по совѣсти, продолжалъ Ларсъ, не обращая вниманія на слова своего друга:—не великую честь дѣлаютъ всѣ эти мѣры. Конечно, пасторъ и школьный учитель очень довольны тѣмъ, что сдѣлано на ихъ пользу, но поселяне громко говорятъ, что приходскіе налоги растутъ съ каждымъ годомъ и становятся все тяжелѣе.

«Между членами совѣта и посторонними слушателями пробѣжалъ ропотъ одобренія.

«— Наконецъ, прибавилъ Ларсъ:—намъ предлагаютъ мѣру, которая хоть сколько-нибудь вознаградила бы приходъ за понесенные убытки, и она встрѣчаетъ энергичную оппозицію. Этотъ вопросъ касается прихода; нашъ прямой долгъ думать только о пользѣ прихода, и не допускать, чтобъ вопросъ сдѣлался личнымъ, или семейнымъ.

«Всѣ присутствующіе начали переглядываться и шушукаться; одинъ изъ членовъ совѣта непотомъ замѣтилъ, что уже много лѣтъ въ этомъ собраніи никто не говорилъ такой правды. Всѣ встали и разговоръ сдѣлался общимъ. Кнудъ одинъ остался на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ. Онъ чувствовалъ, что все пропало, пропало навѣки, и даже не старался спасти себя. Спустя нѣсколько минутъ, онъ молча всталъ, передалъ предсѣдательство своему товарищу и вышелъ изъ комнаты.

«Кнудъ пріѣхалъ на собраніе въ тележкѣ Ларса, но теперь онъ пошелъ домой пѣшкомъ, хотя идти было очень далеко. День былъ холодный, осенній, лѣсъ стоялъ обнаженный, сѣрозеленая трава носила слѣды первыхъ морозовъ. Кнудъ шелъ мрачный, убитый. Онъ сердился на себя, что сразу поставилъ все на карту, но изумленіе, горе, негодованіе взяли верхъ надъ всѣми другими чувствами. Онъ и теперь былъ внѣ себя отъ злобы. Вдругъ онъ услыхалъ за собою шумъ колесъ. Это былъ Ларсъ. Онъ быстро проѣхалъ мимо, на своей прекрасной лошади, копыты которой громко стучали о каменную дорогу. Кнудъ посмотрѣлъ ему въ слѣдъ. Онъ величественно сидѣлъ на тележкѣ и почти не правилъ лошадью. Она сама бѣжала куда слѣдовало. Это было картинное изображеніе его силы: онъ спокойно, величественно достигалъ своей цѣли».

Избранный въ предсѣдатели, Ларсъ вскорѣ доказалъ свои необыкновенныя способности, и дѣла въ приходѣ пошли съ такимъ успѣхомъ, что всѣ стали указывать на него, какъ на образцо-

Digitized by Google

вый во всей странѣ. И Ларсъ былъ избранъ благодарными согражданами въ члены Стортинга. Его самолюбіе было настолько удовлетворено оказываемыми ему повсюду почестями, что онъ даже, мало-по-малу, забылъ свою ссору съ Кнудомъ и хотя между ними не было прежней дружбы, но онъ открыто признавалъ, что многимъ былъ ему обязанъ относительно своего умственнаго развитія. Онъ даже помогъ новому избранію Кнуда въ предсѣдатели приходскаго совѣта. Но въ этомъ онъ вскорѣ раскаялся. Кнудъ сталъ въ главѣ оппозиціи, образовавшейся противъ Ларса, изъ боязни, что возбужденная имъ въ приходѣ лихорадочная коммерческая дѣятельность поведетъ къ раззоренію многихъ. Чтобъ дать исходъ этой жаждѣ къ наживѣ, Ларсъ задумалъ провести желѣзную дорогу черезъ приходъ, что, конечно, послужило бы источникомъ нескончаемыхъ благодѣяній для всѣхъ жителей и упрочило бы навсегда его славу. Но оказалось, что полотно желѣзной дороги надо было провести черезъ старое кладбище и Ларсъ предложилъ перенести могилы, въ томъ числѣ могилы своего дѣда и дѣда Кнуда въ новое кладбище, которое онъ уже прежде устроилъ вокругъ новой, воздвигнутой имъ же церкви. Снова возникъ прежній споръ между старыми друзьями и теперешними соперниками; Кнудъ отстаивалъ святость памяти умершихъ, а Ларсъ — современные интересы общины. Но на этотъ разъ Кнудъ одержалъ верхъ; узкіе, полные предразсудковъ умы поселянъ, побуждаемыхъ рыданіями женъ и матерей, пришли въ ужасъ отъ святотатственной мысли нарушить покой мертвецовъ изъ-за денежной прибыли. Видя, что всѣ его доводы ни къ чему не ведутъ, Ларсъ осыпалъ укоризнами членовъ совѣта за ихъ черную неблагодарность и отказался отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Кнудъ торжествовалъ, но не надолго; несмотря на отклоненіе приходскимъ совѣтомъ проэкта желѣзной дороги, онъ былъ принятъ въ высшихъ сферахъ, благодаря энергичной дѣятельности Ларса, и черезъ нѣсколько лѣтъ, первый паровозъ пробѣжалъ черезъ старое кладбище мимо самаго дома Ларса, передъ которымъ опять сталъ преклоняться весь приходъ, удивляясь его уму, упорству, вліянію и смѣлости. Но Ларсу не пришлось торжествовать своей побѣды; мертвые, сонъ которыхъ онъ нарушилъ, какъ будто составили заговоръ противъ него и искры перваго локомотива подожгли его домъ. Вся его ферма сгорѣла и онъ самъ былъ вынесенъ еле живой изъ огня. Его спасъ Кнудъ и это несчастіе примирило соперниковъ. Они стали друзьями болѣе, чѣмъ когда-либо; приходскій совѣтъ, цѣня великія заслуги, оказанныя всему околодку Ларсомъ, снова выбралъ его

Digitized by Google

предсѣдателемъ и выстроилъ ему ферму на общественный счетъ. Съ тѣхъ поръ дѣла въ приходѣ стали еще болѣе процвѣтать, но Ларсъ ничего не дѣлалъ безъ совѣта Кнуда, выбраннаго ему въ помощники.

Этотъ любопытный разсказъ, какъ мы уже сказали, изложенъ авторомъ такъ объективно, что трудно сказать, на чьей онъ стоитъ сторонѣ. То, кажется, онъ стоитъ за энергичную, полезную дѣятельность Ларса, то какъ будто не одобряетъ возбужденной имъ въ приходѣ коммерческими предпріятіями жажды къ наживѣ; повидимому, онъ въ одно и тоже время сочувствуетъ уваженію Кнуда къ памяти предковъ, и торжествуетъ побѣду современнаго прогресса, въ видѣ перваго локомотива, будящаго своимъ свисткомъ дремлющую страну.

Совершенно инымъ характеромъ отличаются два послѣднія произведенія Бьернсона; въ «Капитанѣ Монсана» и особенно въ «Пыли» онъ является смѣлымъ, краснорѣчивымъ защитникомъ новыхъ идей. «Капитанъ Монсана», единственная повѣсть Бьернсона, въ которой дѣйствіе происходитъ не въ Норвегіи и дѣйствующія лица не норвежцы. Это плодъ его пребыванія въ Италіи и, согласно его собственнымъ словамъ, разсказанный имъ эпизодъ изъ современной итальянской жизни — дѣйствительное событіе, и его герои — живые люди. Въ особенности капитанъ Монсана списанъ съ натуры и всѣ подробности его приключеній исторически вѣрны. Психологическое развитіе характера Монсаны представляетъ первую попытку Бьернсона въ этомъ родѣ и онъ совершенно правъ, говоря, что его Монсана въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ походитъ на Лассаля. «Конечно, замѣчаетъ Бьернсонъ въ своемъ предисловіи:—богатыя умственныя силы Лассаля, его могучая индивидуальность и великая дѣятельность возбуждаютъ болѣе интереса; но психологическое явленіе тоже самое и меня очень поразило то обстоятельство, что я и Брандесъ, въ его мастерской характеристикѣ Лассаля, обратили свое вниманіе на одинъ и тотъ же предметъ, въ одно и тоже время».

Въ первой главѣ своего разсказа Бьернсонъ очень сочувственно описываетъ торжественное перенесеніе бренныхъ останковъ Монсаны, одного изъ мучениковъ итальянской свободы, изъ [illegible]има въ его родной городъ, который въ одинъ день хоронилъ [illegible]воего знаменитаго патріота, и ставилъ ему памятникъ. Одинъ [illegible]ъ сыновей этого патріота, капитанъ берсальеровъ, Джіузеппе [illegible]онсана, герой разсказа, въ молодости прославился своей храб[illegible]стью; еще мальчикомъ, онъ сражался въ рядахъ гарибальдій-

Digitized by Google

невъ, а потомъ поступилъ въ регулярную армію. Не было конца анекдотамъ объ его отважныхъ подвигахъ и смѣлыхъ приключеніяхъ. Однажды, онъ спасъ цѣлый отрядъ отъ разставленной ему непріятелемъ ловушки, поймавъ переодѣтыхъ шпіоновъ; въ другой разъ онъ тайкомъ пробрался въ Римъ, тогда еще во власти папы, и вызвавъ на дуэль швейцарскаго офицера, презрительно отзывавшагося объ итальянской арміи, убилъ его на повалъ; въ третій—онъ съ двумя товарищами въ маленькой рыбачьей лодкѣ догналъ въ открытомъ морѣ контрабандистское судно и взялъ его въ плѣнъ, хотя на немъ было шестнадцать человѣкъ экипажа. Вообще, эта была натура пламенная, могучая, но увлекающаяся, нервная, поддающаяся минутнымъ впечатлѣніямъ. Въ то самое время, когда онъ присутствовалъ при позднемъ апоѳеозѣ героя-отца, въ душѣ его происходила жгучая борьба съ любовью, овладѣвшей всѣмъ его существомъ. Его полкъ стоялъ въ Анконѣ, и онъ часто видалъ на Корсо гордую красавицу, принцессу Терезу Ленэй, дочь австрійскаго генерала и одной изъ мѣстныхъ аристократокъ, которой Анкона никакъ не могла простить ея бракъ съ врагомъ отечества. Наслѣдовавъ отъ матери красоту, высокомѣріе и ненависть къ презиравшимъ ее соотечественникамъ, Тереза губила сотни сердецъ, сначала опьяняя ихъ надеждами, а потомъ сводя съума отъ отчаянія. Зимой она блистала въ аристократическихъ кружкахъ Рима, а лѣтомъ проводила нѣсколько времени въ своемъ родномъ городѣ, но не удостоивала мѣстное общество участіемъ въ его удовольствіяхъ, а только бѣшенно каталась по вечерамъ по Корсо, нарочно направляя своихъ кровныхъ лошадей на группы разговаривающихъ, которые со страхомъ разбѣгались. Монсана, съ своей смѣлой отвагой, рѣшился наказать гордую красавицу. Подкарауливъ, когда принцесса, въ одинъ прекрасный вечеръ, пошла лошадей за городомъ, передъ своимъ побѣдоноснымъ появленіемъ на Корсо, онъ бросился неожиданно къ лошадямъ и ударилъ ихъ бичомъ изо всей силы. Они понесли: два лакея, сидѣвшіе за кабріолетомъ, свалились на землю, компаньонка принцессы упала въ обморокъ. Тереза схватила возжи и старалась остановить лошадей. Но Монсана бѣжалъ за ними, и какъ только лошади уменьшали свою скорость, ударялъ ихъ снова бичомъ. Тереза сначала подумала, что это разбойникъ, но потомъ узнала молодого офицера и поняла, что онъ хочетъ прогнать ее такимъ образомъ вдоль Корсо. «Нѣтъ, нѣтъ, не туда»! воскликнула она, предвкушая весь ужасъ такого униженія. Отчаянная скачка продолжалась; сердце Терезы болѣзненно сжалось. «Пожалѣйте себя, воскликнула она:—я побѣждена». Онъ съ

Digitized by Google

трудомъ перевелъ дыханіе, и какъ только показалось Корсо, повернулъ въ сосѣднюю улицу.

Принцесса не выходила нѣсколько дней изъ дома, боясь сдѣлаться предметомъ общихъ насмѣшекъ, но, къ величайшему удивленію, она узнала, что никому въ городѣ неизвѣстно о случившемся, и всѣ думали, что ея лошади понесли. Сердце ея сильно забилось. «Вотъ человѣкъ! сказала она себѣ: — какой мужественный и какой благородный!» Въ тотъ же вечеръ она появилась снова на Корсо, но уже пѣшкомъ, сіяя обворожительной улыбкой и кокетливымъ туалетомъ. Она любезно подходила къ старымъ знакомымъ своей семьи, привѣтливо со всѣми разговаривала и въ этотъ вечеръ аристократическое общество Анконы помирилось съ своей первой красавицей. Встрѣтившись съ Монсаной, она бросила на него безмолвный, но такой краснорѣчивый взглядъ, что въ его сердцѣ вспыхнѣло пламя страсти. Они познакомились, но Монсана избѣгалъ ея. Онъ видѣлъ, какая бездна ихъ раздѣляла и тѣмъ болѣе росла его любовь, тѣмъ болѣе увеличивалось его отчаяніе. Наконецъ, онъ рѣшился покончить съ этой любовью. Однажды принцесса пригласила его попробовать новыхъ лошадей, приведенныхъ ей изъ Венгріи. Монсана поѣхалъ съ ней въ кабріолетѣ и, видя, что лошади дикія, не объѣзженныя, онъ задумалъ повторить бѣшеную скачку, но въ иномъ видѣ. Цѣлью его было теперь не наказаніе гордой красавицы, а смерть вмѣстѣ съ нею. Онъ до того хлопалъ бичемъ и дергалъ лошадей, что онѣ понесли. Остановить ихъ было невозможно; смерть была вѣрная. Онъ сіялъ счастіемъ. Тереза поняла все, поняла, что его гордая любовь жаждала смерти, лишь бы умереть вмѣстѣ съ нею. Она вскрикнула: «Монсана»!—но въ этомъ крикѣ слышался не страхъ, не укоръ, а жгучая радость. Онъ повернулся. Она стояла въ кабріолетѣ во весь ростъ и простирала къ нему руки. Онъ бросилъ бичъ и сталъ съ сверхъестественными усиліями удерживать лошадей. Онъ хотѣлъ теперь жить, жить съ ней. Бѣшеная скачка кончилась несчастіемъ. Экипажъ былъ сломанъ, Монсана раненъ въ руку и забрызганъ кровью, но лошади были остановлены и принцесса невредима. Она бросилась въ объятія Монсаны и черезъ нѣсколько дней, вся Анкона праздновала ихъ обрученіе. Но не долго продолжалось блаженство Монсаны; въ его впечатлительной душѣ быстро произошла реакція; послѣ напряженнаго чувства упоенія, наступило пресыщеніе. Онъ сталъ задумываться, хандрить. Тереза, видя эту странную перемѣну въ любимомъ человѣкѣ, подумала, что онъ просто утомился отъ длиннаго ряда празднествъ, и посовѣтовала ему отдохнуть въ уединеніи, въ го-

*

Digitized by Google

рахъ, а сама уѣхала въ Венгрію, въ свое помѣстье, для необходимыхъ приготовленій къ свадьбѣ.

Оставшись одинъ, Монсана впалъ въ мрачную апатію. Все, что произошло между нимъ и Терезой, казалось ему страннымъ сномъ. Онъ увѣрялъ себя, что вовсе не любитъ Терезы и что бракъ съ нею былъ бы позоромъ, такъ какъ свѣтъ скажетъ, что онъ женится изъ-за денегъ. Въ этомъ напряженномъ состояніи нервовъ, очерченномъ у Бьернсона съ замѣчательнымъ психологическимъ чутьемъ Монсана встрѣчаетъ молодую шестнадцатилѣтнюю дѣвушку, за которой ухаживаетъ ея двоюродный братъ, офицеръ. Невинное, юное существо магически дѣйствуетъ на утомленное въ борьбѣ сердце Монсаны. Онъ чувствуетъ къ ней какое-то инстинктивное влеченіе, а когда замѣчаетъ, что офицеръ перемигивается и перешептывается съ нею, то начинаетъ ихъ преслѣдовать и вызываетъ на дуэль офицера, съ которымъ, однако, мирится, почувствовавъ все неприличіе своего поведенія. Отецъ молодой дѣвушки увозитъ ее, изъ боязни Монсаны, котораго онъ принимаетъ за сумасшедшаго, но Монсана отправляется за ними въ погоню и приходитъ въ такое ненормальное волненіе, умственное и физическое, что готовъ жениться на этой дѣвушкѣ, чтобъ только отнять ее у офицера и доказать міру, что онъ въ женитьбѣ не ищетъ богатства и знатныхъ связей. Отъ этого шага его спасаетъ Тереза, которую выписываетъ одинъ изъ его пріятелей. Монсана кончаетъ лучше Лассаля; онъ женится на Терезѣ и становится, по словамъ этой пламенно любящей его женщины въ письмѣ къ матери Монсаны, которымъ оканчивается разсказъ, «самымъ добрымъ повелителемъ, самымъ внимательнымъ слугой, самымъ влюбленнымъ и преданнымъ мужемъ». «Онъ занимается хозяйствомъ и намѣренъ подать въ отставку, прибавляетъ Тереза:—но еслибъ Италія была когда-нибудь въ опасности, то онъ будетъ первымъ... первымъ во всемъ».

Если «*капитанъ Монсана*» представляетъ первый психологическій опытъ Бьернсона, то послѣдній его разсказъ «*Пыль*», появившійся въ прошедшемъ году, составляетъ философскій очеркъ. Это, въ сущности, не разсказъ, а страница великой книги человѣческой жизни, освѣщенная лучами современныхъ идей. Нигдѣ, быть можетъ, талантъ Бьернсона не выказывался въ такой силѣ, какъ въ этомъ простомъ, художественномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени патетическомъ разсказѣ. Поэтому, мы передадимъ его съ бо̀льшей подробностью, и приведемъ цѣликомъ лучшія его страницы.

Героями «Пыли» являются не поселяне, какъ почти во всѣхъ

Digitized by Google

произведеніяхъ Бьернсона, но зажиточный фермеръ и лѣсопромышленникъ Атлунгъ, человѣкъ образованный, передовой, горячій поклонникъ Спенсера, Бэна и другихъ новѣйшихъ мыслителей, и жена его, дочь пастора, наслѣдовавшая отъ отца самыя узкія, мистическія религіозныя убѣжденія. Эту чету, повидимому, очень счастливую, но не имѣющую ничего общаго между собою въ идеяхъ и стремленіяхъ, посѣщаетъ ихъ пріятель, отъ имени котораго ведется разсказъ. Съ самаго перваго шага въ домъ Атлунга, славившійся во всей Норвегіи своей громадностью, живописнымъ мѣстоположеніемъ, и обширнымъ паркомъ, онъ былъ изумленъ страннымъ зрѣлищемъ. Не найдя никого въ передней и войдя въ гостинную, отличавшуюся всѣми прихотями современнаго комфорта, онъ увидѣлъ передъ собою двухъ мальчиковъ, шести и семи лѣтъ, которые, стоя у окна, пѣли одинъ изъ заунывныхъ гимновъ Модда и Санки. Имъ тихо подтягивала бѣлокурая молодая женщина, двѣ капли воды похожая на Мадонну Карло Дольчи, которая, такъ же, какъ и пѣніе жалобной элегіи, представляла какой-то странный контрастъ съ веселой, роскошной обстановкой комнаты. Объявивъ, что хозяинъ на лѣсопильномъ заводѣ, а хозяйка пошла въ деревню навѣстить умирающаго, но оба вернутся къ обѣду, молодая женщина ушла изъ комнаты тихими, неслышными шагами. Гость остался съ дѣтьми и они тотчасъ съ нимъ разговорились. Послѣ небольшого вступленія, въ которомъ младшій братъ разсказалъ, что старшій отлично ходитъ на рукахъ, а старшій, что младшаго утромъ высѣкли за дурное поведеніе, они перешли къ разсказу о томъ, что, очевидно, наполняло ихъ маленькія головки. «По сосѣдству, въ хижинѣ одного поселянина, жилъ маленькій Гансъ, съ которымъ они часто играли. Но недѣли двѣ тому назадъ, въ сумеркахъ, идя домой по парку, онъ вздумалъ перейти черезъ замерзшій прудъ—дѣло было зимою—и, не замѣтивъ проруби, сдѣланной для ловли рыбы, упалъ въ воду. На его крики сбѣжался народъ и съ трудомъ его вытащили; но дѣтямъ его не показали, а только позволили присутствовать на его похоронахъ. Ганса похоронили на кладбищѣ и всѣ школьные ученицы и ученики проводили его. О, какъ хорошо тамъ пѣли! Ганса везла старая, гнѣдая лошадь; онъ лежалъ въ бѣломъ гробѣ, который отецъ Антона и Сторма купилъ въ городѣ, а мать и Стина—такъ звали молодую женщину, походившую на мадонну Карло Дольчи—убрали гробъ гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ. Всѣмъ дѣтямъ дали на дорогу вина и пирожковъ. Гансъ былъ очень бѣденъ, но теперь онъ ни въ чемъ не нуждается; онъ у Бога. Только гробъ опустили въ землю. Въ

Digitized by Google

немъ не былъ настоящій Гансъ, потому что Гансъ сталъ совершенно новымъ существомъ. Ангелы пришли къ нему въ прорубь и принесли ему новую одежду, чтобъ ему не было тамъ холодно, а потомъ ангелы его снесли на небо. Всѣ дѣти, которыя умирали, шли къ Богу и тамъ жили съ милліонами маленькихъ ангеловъ. Эти ангелы, и вмѣстѣ съ ними Гансъ, летаютъ на землѣ вокругъ людей; люди ихъ не видятъ, но ангелы очень добры къ нимъ, особливо къ дѣтямъ, и всегда берутъ къ себѣ несчастныхъ дѣтей. На небѣ гораздо лучше, чѣмъ на землѣ. Стина всегда это говорила и предпочла бы пойти къ ангеламъ, но остается на землѣ только потому, что не хочетъ оставить маму одну .Теперь отецъ Ганса также боленъ и въ этотъ самый вечеръ пойдетъ на небо къ Богу. Имъ бы хотѣлось очень посмотрѣть, какъ ангелы принесутъ отцу Ганса крылья и какъ онъ полетитъ, но мама ихъ не пускаетъ».

Этотъ странный разговоръ дѣтей такъ поразилъ гостя, что когда вышла къ нему хозяйка дома, онъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, осторожно навелъ разговоръ на воспитаніе и спросилъ, одобряетъ ли она тѣ мистическія сантиментальности, которыми Стина наполняла юныя головки ея дѣтей.

— Дѣтямъ надо говорить то, что вліяетъ на ихъ воображеніе, отвѣчала добрая женщина.

— Но вѣдь это мѣшаетъ имъ видѣть реальный міръ, мѣшаетъ правильному развитію ихъ способностей.

— Т. е. дѣлаетъ ихъ глупыми, вы хотите сказать?

— Если не дѣлаетъ совершенно глупыми, то во всякомъ случаѣ притупляетъ ихъ способности.

— Я васъ не понимаю.

— Если вы учите дѣтей, что жизнь на землѣ ничто въ сравненіи съ жизнью на небѣ, что все невидимое лучше видимаго, что смерть предпочтительнѣе жизни, то неужели вы думаете, что этимъ путемъ вы научите ихъ вѣрно смотрѣть на жизнь, любить ее, мужественно бороться съ преградами, энергично работать, быть хорошими людьми, хорошими гражданами.

— О! нашъ долгъ научить ихъ этому впослѣдствіи.

— Впослѣдствіи? Когда на ихъ юныя души уже насядетъ пыль?

— Что вы разумѣете подъ пылью?

— То, что было, но теперь разложилось, носится въ воздухѣ и осаждается въ каждой пустотѣ.

— Я слыхала, что пыль разноситъ сѣмена заразы отъ гніющихъ предметовъ. Вы говорите не объ этой пыли?

— Это зависитъ отъ того, на что именно падаетъ пыль; здо-

Digitized by Google

ровымъ людямъ она только затемняетъ зрѣніе туманной дымкой и мѣшаетъ ясно видѣть; но если пыль попадаетъ на чахлый организмъ, напоминающій стоячую воду, то организмъ перестаетъ работать.

Она задумалась и долго молчала. Только по временамъ ея губы шевелились и едва слышно произносили: «Однако, у бабочки на крыльяхъ прелестная пыль».

Потомъ она вдругъ спросила, не смотря на своего собесѣдника:

— А вы вѣрите въ безсмертіе?

Гость былъ озадаченъ этимъ вопросомъ и отвѣчалъ уклончиво:

— А какого мнѣнія вашъ мужъ объ этомъ предметѣ?

— Онъ не вѣритъ въ безсмертіе индивидуума. Мы увѣковѣчиваемъ себя въ своихъ дѣлахъ и главное, въ своихъ дѣтяхъ, и этого безсмертія, по мнѣнію мужа, достаточно.

Она говорила просто, спокойно, безъ малѣйшаго упрека, но глаза ея были полны слезъ.

— Однако, почему вы напали на мысль о пыли? вдругъ спросила она:—неужели потому, что вы видите здѣсь столько пыли?

Гость согласился, что онъ замѣтилъ много пыли и просилъ извиненія, если своими замѣчаніями непріятно затронулъ ея чувства.

— Трудно непріятно затронуть мои чувства послѣ того, какъ я прожила девять лѣтъ съ Альбертомъ, наивно отвѣчала она.

Очевидно, разладъ между мужемъ и женой былъ полный, по крайней мѣрѣ, въ области вѣрованій и идей. Но внѣшняя семейная ихъ жизнь отличалась самымъ невозмутимымъ, даже идилическимъ счастіемъ. Какъ только возвратился домой Атлунгъ, онъ съ любовью обнялъ жену, напомнилъ ей объ ихъ медовомъ мѣсяцѣ въ Друденѣ, когда она познакомилась съ своимъ гостемъ, и послѣ веселаго, оживленнаго разговора, предложилъ спѣть что-нибудь. Она съ улыбкой согласилась. Они помѣстились у фортепьяно и начали пѣть одинъ романсъ за другимъ. Всякій, кто за минуту передъ тѣмъ могъ бы спросить себя съ изумленіемъ, какъ соединились эти два столь разнородныя существа, теперь не предавался бы сомнѣнію. Имъ обоимъ было свойственно лирическое упоеніе чувствомъ, и если въ этомъ чувствѣ было какое-нибудь различіе, то они не обращали на это вниманія. Они наслаждались своимъ пѣніемъ, какъ дѣти, забывая обѣдъ, гостя и все прочее. Ея нѣжное, хотя нѣсколько глухое сопрано, пріятно сливалось съ его богатымъ баритономъ, а

Digitized by Google

въ глазахъ ея уже не виднѣлось ни сомнѣнія, ни тревоги: они блестѣли радостью, счастіемъ.

Наконецъ, пѣніе кончилось и Атлунгъ пригласилъ гостя въ столовую. Онъ молча, съ какой-то необыкновенной жадностью съѣлъ супъ и только, разрѣзывая мясо, спросилъ, гдѣ дѣти. Оказалось, что они уже отобѣдали.

— Вы ихъ видѣли? спросилъ онъ у гостя.

— Да, отвѣчалъ тотъ и прибавилъ, что они поразили его своей наивностью.

— Очень жаль, что у мальчиковъ слишкомъ много воображенія; они унаслѣдовали это отъ своихъ предковъ, какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери. Это вредный элементъ слабости. Недѣли двѣ тому назадъ, ихъ товарищъ потонулъ въ прудѣ. Трудно себѣ представить, что̀ мальчики сдѣлали изъ этого случая, конечно, съ помощью Стины. Я ничего не говорилъ; ихъ болтовня была очень забавна и я не хотѣлъ ссориться съ Стиной. Но это слишкомъ нелѣпо. Право, Амалія, ихъ надо отдать въ школу.

Жена не отвѣтила ни слова, а гость, желая перемѣнить разговоръ, спросилъ, читаетъ ли Атлунгъ Спенсера.

Онъ неожиданно оживился, забылъ ѣду, лежавшую на его тарелкѣ, и болѣе часа развивалъ педагогическія теоріи Спенсера; при этомъ онъ выразилъ, что не всякій можетъ воспитывать дѣтей, что на это надо особый талантъ и что онъ рѣшился отдать своихъ дѣтей, какъ только они подростутъ, къ знакомой дамѣ, пламенной поклонницѣ Спенсера и отлично знавшей педагогію. Жена слушала его безъ малѣйшаго удивленія, словно это былъ уже давно порѣшенный вопросъ.

Въ концѣ обѣда, Атлунгъ вдругъ вспомнилъ, что кто-то ждалъ его въ сосѣднемъ городѣ по важному дѣлу и, обѣщая вскорѣ вернуться, поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ, голосъ его раздался во дворѣ. Онъ бранилъ дѣтей за какія-то неприличныя слова, которыя они безсознательно произносили, и пригрозилъ ихъ высѣчь по возвращеніи домой. Плачъ дѣтей былъ покрытъ шумомъ выѣзжавшей со двора тележки. Потомъ все стихло.

Возвратясь въ гостинную, г-жа Атлунгъ спросила спокойно у гостя:

— А что̀ вы думаете о педагогической теоріи Спенсера? Какъ вы полагаете, можемъ мы ее примѣнить на практикѣ?

— Во всякомъ случаѣ практика вашего мужа не соотвѣтствуетъ теоріи Спенсера, отвѣчалъ гость.

Digitized by Google

— Практика мужа! Да у него нѣтъ никакой, произнесла она съ улыбкой.

— Вы хотите сказать, что онъ не интересуется своими дѣтьми?

— Нѣтъ, онъ, какъ всѣ мужчины, иногда забавляется съ дѣтьми, иногда сѣчетъ ихъ, когда они ему надоѣдаютъ—вотъ и все.

— Повидимому, отецъ и мать должны нести одинаковую отвѣтственность въ дѣлѣ воспитанія.

— Конечно; но даже въ этомъ отношеніи мужчины все устроили въ свою пользу. И вы еще хотите отнять у насъ вѣру въ безсмертіе души и все прочее, прибавила она неожиданно, но не поясняя, что разумѣла подъ прочимъ.—Возвращаясь домой изъ деревни отъ умирающаго поселянина, я думала, что снѣгъ, покрывающій обнаженныя деревья и землю, лучшая эмблема безсмертія. Онъ такой бѣлый и ниспосланъ намъ съ неба.

— Вы думаете, что снѣгъ падаетъ съ неба?

— Во всякомъ случаѣ, онъ падаетъ на землю.

— Да, но онъ и создается землей.

Она не обратила вниманія на эти слова и прибавила:

— Вы недавно говорили о пыли. Но эта бѣлая пыль на мерзлыхъ сучьяхъ и сѣрой землѣ—это поэтическое представленіе безсмертія; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется.

— А кто авторъ этой поэзіи?

— Каждое человѣческое существо это чувствуетъ въ своемъ сердцѣ, отвѣчала она, и въ глазахъ ея свѣтилась спокойная, непоколебимая вѣра.

Потомъ, перемѣнивъ разговоръ, г-жа Атлунгъ снова вернулась къ вопросу о воспитаніи, и стала просить гостя, чтобъ онъ переговорилъ съ ея мужемъ, но она не успѣла высказать, въ чемъ именно заключалось ея желаніе, какъ неожиданно вернулся ея мужъ. Онъ встрѣтилъ на дорогѣ человѣка, котораго ему надо было видѣть, и не поѣхалъ въ городъ. Онъ былъ не въ духѣ и, разсказавъ женѣ неприличную выходку дѣтей передъ его отъѣздомъ, воскликнулъ:

— Я обѣщалъ ихъ высѣчь, но тутъ необходима мѣра поэнергичнѣе. Мальчиковъ надо завтра же отправить въ школу. Ты, Амалія, довольно ихъ любишь, чтобъ, наконецъ, на это согласиться. Я до сихъ поръ тебѣ уступалъ, но ты видишь къ чему это ведетъ.

Слыша эти страшныя для нея слова, бѣдная женщина упала на диванъ. Теперь было очевидно, чего она желала, для чего просила помощи постороннихъ. Она закрыла лицо руками, но не плакала, а, по всей вѣроятности, молилась.

Digitized by Google

Вдругъ въ комнату вбѣжала Стина, внѣ себя отъ испуга, и объявила, что дѣти пропали, что ихъ не было ни на фабрикѣ, ни въ хижинахъ переселянъ. Въ послѣдній разъ ихъ видѣли, когда они бѣжали въ паркъ, оглашая воздухъ рыданіями послѣ угрозы отца ихъ высѣчь.

— Прудъ! сорвалось съ языка гостя, и это одно слово подѣйствовало на всѣхъ, словно надъ головами ихъ раздался громъ.

— Стина! воскликнулъ Атлугъ, но въ голосѣ его не слышалось упрека, а безутѣшное, отчаянное горе.

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты. За нимъ послѣдовали остальные. Начались поиски въ паркѣ съ фонарями.

Было не холодно, но шелъ снѣгъ. Дѣти могли пойти на прудъ въ надеждѣ найти тамъ Бога, ангеловъ и новую одежду, но чтобъ они оба прыгнули въ холодную воду—было невѣроятно и неестественно. Дѣйствительно, на прудѣ не оказалось ни одной трещины во льду. Но если дѣти не утонули, то они могли ждать гдѣ-нибудь подъ деревомъ ангеловъ и въ этомъ случаѣ могли замерзнуть, такъ какъ выбѣжали изъ дома безъ шапокъ и теплой одежды. Народу собралось много и всѣ бѣгали по парку, всѣ искали. Атлугъ быстро шагалъ и его громкій голосъ раздавался въ тишинѣ:

— Антонъ и Стормъ! вернитесь домой! Папа болѣе не сердится!

Жена слѣдовала за нимъ; повременамъ они останавливались и она со слезами бросалась къ нему на шею; потомъ, они снова продолжали свой путь. Стина громко молилась и всѣхъ просила слѣдовать ея примѣру.

— О чемъ молиться? сказалъ ей вполголоса гость:—о томъ, чтобы дѣти умерли, пошли на небо и стали бы ангелами?

Она взглянула на него съ ужасомъ и не промолвила ни слова. Ему стало жаль ея.

— Вотъ то-то, прибавилъ онъ:—мы толкуемъ о безсмертіи, а какъ только дорогому для насъ существу грозитъ безсмертіе, мы мечемся въ горѣ и отчаяніи.

— Это правда! Это правда! произнесла Стина, совершенно растерявшись.

— Вы научили дѣтей, что на небѣ лучше, чѣмъ на землѣ, и что ангелы уносятъ несчастныхъ дѣтей.

— Довольно, довольно!

— Развѣ вы не вѣрите въ это?

— Вѣрю... Но вы меня смущаете. У меня голова слабая.

Поиски продолжались. Грустный крикъ Атлунга, повторявшаго все тѣ же слова, уныло раздавался по лѣсу. Снѣгъ шелъ

Digitized by Google

попрежнему, покрывая все бѣлой пеленой. Вдругъ послышался голосъ, но не Атлунга: «Я слышалъ ихъ плачъ!» Это былъ голосъ женщины. Всѣ притаили дыханіе и поспѣшили на этотъ звукъ. «Стойте!» воскликнула какая-то молодая служанка, останавливаясь, и всѣ остановились. Дѣйствительно, въ дали слышались дѣтскія рыданія. Отецъ и мать бросились впередъ и когда остальные достигли того мѣста, откуда неслись рыданія, то уже отецъ и мать, стоя на колѣнахъ, безумно обнимали найденныхъ дѣтей. При свѣтѣ фонарей они казались синими, замерзшими; они не могли стоять на ногахъ и не отвѣчали ни слова на всѣ вопросы родителей. Они только плакали. Кругомъ раздавались также рыданія. Наконецъ, Атлунгъ всталъ и взялъ на руки старшаго сына. Жена его взяла меньшого и молча пошла по снѣгу, тихо утѣшая и цѣлуя его. Но не сдѣлала она и нѣсколькихъ шаговъ, какъ упала и выронила ребенка. Она приподнялась, подняла ребенка и пошла далѣе. Потомъ опять упала и опять встала, но все-таки никому не хотѣла отдать ребенка.

Гость слѣдовалъ за ними. Тяжелыя мысли смѣняли одну другую въ головѣ его. Всему виной пыль! Эта пыль, заволакивала прошедшія поколѣнія такими облаками, что они не узнавали другъ друга, и вотъ почему они воевали, вотъ почему убивали другъ друга милліонами. Ихъ постоянно засыпали пылью и между сыплющими пыль были люди добрые, возвышенные, полагавшіе, что они этимъ оказываютъ величайшую услугу человѣчеству. Если посмотрѣть поближе, то всѣ отношенія въ жизни, даже самыя здравыя и нормальныя, еще доселѣ засыпаны пылью, и попытка стряхнуть эту пыль будетъ величайшимъ переворотомъ, который потрясетъ въ корнѣ эти самыя отношенія. Къ счастію, дымка, застилающая свѣтъ, съ незапамятныхъ доисторическихъ временъ постоянно перемѣняетъ свою форму и при каждомъ видоизмѣненіи становится тоньше, скрываетъ меньше дѣйствительность, оставляетъ все бо́льшія и бо́льшія отдушины, пока, наконецъ, не разсѣется совершенно. Но когда это будетъ?»

Спустя два мѣсяца, свидѣтель этой патетической сцены вернулся въ Скогетадъ и узналъ отъ Атлунга ея трагическую развязку. Дѣти серьёзно занемогли и мать ухаживала за ними, спокойная, счастливая; она была увѣрена, что все это произошло по волѣ Бога, услышавшаго ея молитву. Она желала только одного и молилась только объ одномъ, чтобы дѣти остались при ней; еще въ лѣсу Атлунгъ далъ ей слово, что если дѣти найдутся, то онъ никогда не отдастъ ихъ въ школу. Поэтому она и Стина видѣли во всемъ, что произошло, прямое вмѣшатель-

Digitized by Google

ство Провидѣнія и были убѣждены, что дѣти выздоровѣютъ. Ихъ надежда исполнилась: дѣти выздоровѣли. Но мать занемогла отъ истощенія силъ, душевныхъ мукъ и простуды, которую она схватила во время поисковъ въ лѣсу. Неумолимая смерть унесла ее, и бѣдный Атлунгъ остался безутѣшнымъ вдовцомъ съ двумя дѣтьми. Сначала онъ совершенно поддался горю. Его терзало сознаніе, что онъ былъ во всемъ виноватъ. Онъ долженъ былъ развить слабый, забитый предразсудками умъ жены, а не дозволять ей вести свою мечтательную, мистическую жизнь. Онъ забавлялся ею, какъ игрушкой, и не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки, чтобы понудить ее къ общему умственному труду. Эти мысли долго мучили его. Но потомъ онъ мало-по-малу успокоился. Отказалась ли бы она отъ убѣжденій своего дѣтства и приняла ли бы его идеи? Не были ли они наслѣдіемъ цѣлыхъ поколѣній, такъ глубоко вкоренившится въ ней, что нельзя было бы вырвать ихъ, не сдѣлавъ ее навѣки несчастной? Какъ бы то ни было, отъ этой тяжелой нравственной борьбы онъ постарѣлъ и посѣдѣлъ въ нѣсколько недѣль. Онъ старался замѣнить бѣднымъ сиротамъ ихъ мать; но его попытки еще не удавались. Однако, онъ не унывалъ и былъ убѣжденъ, что со временемъ научится исполнять свой долгъ.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.

LX.

Всѣ разсмотрѣнныя нами цензурныя преслѣдованія конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ касались однихъ западниковъ. Но нельзя сказать, чтобы и противники ихъ, славянофилы, были пощажены цензурою того времени. Напротивъ того, они были заподозрѣны въ еще большей злонамѣренности и гоненіе, воздвигнутое на нихъ, простерлось до полнаго запрещенія пропаганды ихъ идей. Эта катастрофа обрушилась на нихъ въ 1852.

Въ 1852 году было предпринято московскими славянофилами изданіе ряда учено-литературныхъ сборниковъ подъ общимъ заглавіемъ «Московскій Сборникъ». Предполагалось сдѣлать это изданіе безсрочно-періодическимъ и въ теченіе года выпустить до четырехъ книгъ. Но предположенію этому пришлось ограничиться выпускомъ одного лишь перваго тома. Вслѣдъ за появленіемъ этого перваго тома, министръ народнаго просвѣщенія тотчасъ же обратилъ вниманіе на «предосудительность направленія «Московскаго Сборника», выражавшаго неудовлетворительность для русскихъ образованности западной и необходимость обратиться къ нашимъ собственнымъ началамъ просвѣщенія. Министръ полагалъ, что «хотя народность и составляетъ одну изъ главныхъ основъ нашего государственнаго быта, но развитіе понятія о ней не должно быть одностороннее и безусловное; иначе безотчетное стремленіе къ народности можетъ перейти въ крайность и вмѣсто пользы принести существенный вредъ». Въ числѣ статей сборника, особенное неодобреніе министра заслужила статья И. В. Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію въ Россіи», въ которой авторъ проводилъ параллель между просвѣщеніемъ западной Европы и

Digitized by Google

древней Россіи въ отношеніяхъ религіозномъ, нравственномъ, государственномъ, общественномъ и семейномъ, и, отдавая послѣднему предпочтеніе передъ первымъ, доказывалъ, что введенное Петромъ Великимъ европейское просвѣщеніе послужило, въ нравственномъ отношеніи болѣе ко вреду, чѣмъ къ пользѣ русскаго общества.

Признавъ направленіе «Московскаго Сборника» предосудительнымъ, министръ, 17 мая 1852 года, предложилъ попечителю московскаго учебнаго округа, по мѣрѣ разсмотрѣнія въ московскомъ цензурномъ комитетѣ предполагаемыхъ къ изданію, въ теченіи 1852 года, остальныхъ трехъ томовъ сборника, представлять ихъ въ рукописи въ Петербургъ, въ Главное управленіе цензуры, вмѣстѣ «съ заключеніемъ комитета объ общемъ направленіи каждаго тома вообще и о позволительности или непозволительности каждой статьи въ особенности».

Вслѣдъ за тѣмъ 27 мая 1852 г. было сдѣлано распоряженіе: «впредь всякіе вообще сборники подвергать тѣмъ правиламъ цензуры, какимъ подлежатъ журналы, и, между прочимъ, не разрѣшать выходы подобныхъ сборниковъ чаще, чѣмъ одинъ разъ въ годъ».

Такимъ образомъ славянофилы вмѣсто четырехъ книгъ въ 1852 году должны были ограничиться лишь одною книгою. Въ началѣ же 1853 года, редакторъ сборника, И. С. Аксаковъ, внесъ въ московскій цензурный комитетъ — сперва программу трехъ предполагаемыхъ томовъ, а затѣмъ и весь второй томъ въ рукописи. Комитетъ, согласно данной ему инструкціи, переслалъ его въ Главное управленіе цензуры. Послѣднее, разсмотрѣвъ представленную рукопись съ тою строгостью, которая была вмѣнена ему въ непремѣнную обязанность, нашло въ ней: «не мало статей, которыя, по предосудительности выраженныхъ въ ней мыслей, высказывающихъ недоброжелательство къ настоящему порядку вещей и косвенное неодобреніе предпринимаемыхъ правительствомъ мѣръ ко благу народному, нетолько не могутъ войти въ составъ второго тома «Московскаго Сборника», но и вообще не могутъ быть допущены къ печатанію и должны быть подвергнуты строгому запрещенію».

Въ приведенной при этомъ заключеніи запискѣ были подробно разобраны всѣ тѣ статьи, на которыя было обращено особенное вниманіе Главнаго управленія цензуры. Такова, напримѣръ, была статья Хомякова: «Нѣсколько словъ по поводу статьи Кирѣевскаго «О характерѣ просвѣщенія Европы». «Хомяковъ, читаемъ мы въ запискѣ:—не ясно говоритъ, но видно, что христіанство, по его мнѣнію, «требуетъ вольнаго дѣйствія личности,

Digitized by Google

равенства» Но это не достигло своей цѣли въ древности, отъ того, что въ римской жизни все, даже религія и просвѣщеніе, принимало видъ юридическій и государственный, и побѣжденные римлянами народы Западной Европы «были втиснуты силою въ желѣзныя формы административнаго просвѣщенія римскаго»... «Византіецъ не могъ дать *полнаго права равенства* съ собою тѣмъ народнымъ стихіямъ, которыя приливали къ нему съ сѣвера и готовы были своею свѣжею кровью укрѣпить составъ одряхлѣвшаго общества. Онъ пользовался славянами, онъ вполнѣ зависѣлъ отъ союза съ ними и въ то же время нетолько не хотѣлъ признать ихъ братьями, но постояннымъ коварствомъ, утѣсненіемъ и гордостью, болѣе оскорбительною, чѣмъ самыя утѣсненія, вселялъ въ нихъ вражду, которой еще не было». Сочинитель говоритъ, что Западная Европа приняла эти понятія древнихъ, смѣшала ихъ съ христіанствомъ и «тысячи лѣтъ было мало, чтобы обличить обманъ римскаго просвѣщенія; *но онъ обличенъ, онъ сознанъ, ими уже весьма близко время полнаго его сознанія;* прежніе признаки разсѣяны логикою разсудка...

«Приступая затѣмъ къ разсужденію о просвѣщеніи въ Россіи, Хомяковъ и тутъ болѣе углубляется въ мысли о политикѣ, нежели о просвѣщеніи. Обнаруживая вездѣ приверженность къ старинѣ, онъ выводитъ натянутыя заключенія о такомъ порядкѣ дѣлъ въ древней Россіи, который не могъ быть въ монархическомъ государствѣ. По его мнѣнію, нетолько до призванія Рюрика, но и послѣ того, до царя Іоанна Грознаго, *русскій бытъ*, по преимуществу, былъ *общинный*. Сочинитель называетъ этотъ бытъ *племенною общиною, сельскими общинами, племенными союзами, братствомъ*. Онъ говоритъ: «Великое слово: на землѣ миръ—есть высшее благоволеніе, ниспосланное небомъ новому человѣчеству; широкій миръ, *великое братство—таково признаніе для всѣхъ*; оно находило своихъ представителей въ князьяхъ, въ ихъ дружинѣ и въ духовенствѣ». «Въ земской душѣ сливалась мысль боярина съ мыслію гостя торговаго, и человѣка посадскаго, и обывателя сельскаго; судъ былъ общій, и губные старосты выбирались голосами всѣхъ жителей безъ исключенія». «*Общинный русскій бытъ* произвелъ дружину, въ которой *личная отдѣльность была доведена до крайности и узаконена. Мѣстная страсть требовала свободы своему произволу*». Начало государствованія Рюрикова дома въ Россіи Хомяковъ называетъ *союзомъ подъ княжескимъ правленіемъ, составившимся общею волею*».

«Нѣкоторыя мѣста статьи Хомякова показываютъ, что онъ отдаетъ преимущество древнему *общинному порядку дѣлъ* передъ го-

Digitized by Google

сударственнымъ правленіемъ и надѣется, что прежній порядокъ у насъ будетъ возстановленъ... Во всей статьѣ Хомяковъ показываетъ любовь свою къ отечеству; но онъ, по этой любви, не ищетъ въ нашей исторіи тѣхъ событій, которыя клонятся къ поддержанію величія нынѣшней Россіи, и старается открывать признаки какихъ-то общинъ, братства, въ родѣ общинъ коммунистовъ и фурьеристовъ; древнихъ государей нашихъ старается представить неимѣвшими самодержавной власти, и все склоняетъ къ надеждамъ и желаніямъ, чтобы порядокъ общинный былъ возстановленъ въ нынѣшней Россіи. Съ такою цѣлію славянофилы роются въ нашихъ древностяхъ! Хотя же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи своей Хомяковъ выражаетъ мысли и благонамѣренныя, но послѣднія остаются въ тѣни; и если онъ не имѣлъ возмутительной цѣли (ибо въ такомъ случаѣ не представилъ бы самъ сочиненія своего въ цензуру), то во всякомъ случаѣ умъ и занятія его получили направленіе весьма вредное».

При этой характеристикѣ статьи Хомякова были приложены слѣдующія свѣдѣнія и о его личности: «Хомяковъ отставной ротмистръ. Уже въ 1847 году было видно, что онъ принадлежитъ къ московскимъ славянофиламъ. Этотъ человѣкъ весьма ученый и поэтъ; убѣжденія его болѣе умственныя, нежели душевныя; любитъ пренія и готовъ спорить за и противъ, занимается хозяйствомъ, а въ Москвѣ живетъ только по зимамъ».

Затѣмъ слѣдуетъ характеристика статьи К. Аксакова «Богатыри временъ великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ». «Въ этой статьѣ, говорится въ запискѣ:—изображены характеръ и подвиги Добрыни Никитича, Ильи Муромца, Ставра, Рохдая и другихъ богатырей, а равно пиры и домашняя жизнь самаго Владиміра не такъ, какъ повѣствуетъ исторія, а какъ описывается въ древнихъ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ.

«Подобно Хомякову, К. Аксаковъ старается отыскивать въ сказкахъ и пѣсняхъ признаки того же, небывалаго въ Россіи, общиннаго порядка дѣлъ. Въ одной пѣснѣ сказано, что Владиміръ, дѣлая пиръ у себя, приказалъ брать со всякаго званаго по 10 рублей, и К. Аксаковъ говоритъ: «Весьма замѣчательное указаніе: и такъ, этотъ княжескій пиръ—складчина; пиры складчиною—явленіе совершенно русское и древнее; вспомнимъ *братчины*, напримѣръ, братчину Никольщину, гдѣ складочный пиръ и вмѣстѣ союзъ, въ которомъ выбирается и пировой староста, это также чисто *общинное явленіе*; это вольное видоизмѣненіе *самородной общины*, ея отпрыскъ... Къ такимъ же *общиннымъ явленіямъ*, возникшимъ изъ самой *коренной общины*, причисляемъ

Digitized by Google

мы *артель и даже казацкое устройство*». Этого мало, даже въ хороводѣ сочинитель видитъ образъ *русской общины*.

«Изъ другихъ пѣсней К. Аксаковъ выводитъ, что богатыри сидѣли у Владиміра не по аристократическому праву награды, и прибавляетъ, что «аристократическое понятіе, образовавшееся на западѣ рыцарствомъ, не существовало въ древней Руси; на богатырской скамьѣ сидѣли и Ставръ, богатый бояринъ, и Алеша, сынъ попа, и Иванъ, сынъ гостя (купца), и, наконецъ, Илья Муромецъ, крестьянинъ: *всѣмъ имъ равный почетъ*». «Отношенія богатырей къ великому *князю почтительны, но не подобострастны*; *они вольно собрались вокругъ него*, зовутъ его краснымъ солнцемъ, солнцемъ кіевскимъ, охотно служатъ ему службы, *но ни въ чемъ не выражается униженное или придворное ихъ отношеніе къ великому князю*; битвы, подвиги, свадьбы и пиры составляютъ внѣшній строй этой жизни, въ которой слышится *воля и приволье*».

«К. Аксаковъ указываетъ на мѣста въ пѣсняхъ, гдѣ *Соловей-разбойникъ* называетъ князя *воромъ*; богатырь *Тугаринъ-Змѣевичъ* цѣлуетъ великую княгиню въ уста сахарныя; а *Алеша Поповичъ* чуть не назвалъ ее *сукою*... Сверхъ того, К. Аксаковъ обращаетъ вниманіе на пѣсню, въ которой описывается нашествіе на Кіевъ татарскаго царя Калины. Хотя это и непріятельскій царь, но все неприлично, что сочинитель выписываетъ изъ пѣсни слѣдующіе стихи:

Собака, проклятый ты, Калинъ царь!
Васъ-то царей, не бьютъ, не казнятъ,
Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ!

Пѣсни и сказки, на которыхъ К. Аксаковъ основалъ статью свою, большею частію напечатаны; всѣ читали ихъ, относя безцеремонные поступки богатырей къ простотѣ древнихъ нравовъ или къ вымыслу составителей сказокъ; одинъ К. Аксаковъ могъ вывести изъ нихъ—небывалыя въ Россіи—общину, вольницу и дерзаетъ богатырей ставитъ противъ великаго князя!..

«Константинъ Аксаковъ написалъ еще «Примѣчанія къ статьѣ Шеннига: «Купало и Коляда». Въ этихъ примѣчаніяхъ онъ нѣсколько разъ опять упоминаетъ объ *общинной жизни* въ древней Россіи, утверждая, будто бы *общинное начало неотъемлемо соединено съ существомъ славянина*. Онъ говоритъ также: лѣсъ, поле, рѣка принадлежатъ всѣмъ; тамъ семья исчезаетъ». Мысль совершенно коммунистическая.

«Еще въ «Московскомъ Сборникѣ» находятся два стихотворенія К. Аксакова, ничтожныя по содержанію, но и въ нихъ есть

Digitized by Google

непонятныя мысли и говорится о человѣкѣ, котораго *духъ свободенъ и открытъ*.

И о Константинѣ Аксаковѣ мы находимъ въ запискѣ свѣдѣнія, характеризующія его личность слѣдующимъ образомъ:

«Константинъ Аксаковъ, магистръ московскаго университета, живетъ въ Москвѣ, пропитанъ славянофильствомъ. Въ 1846 году онъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статью: «Семисотлѣтіе Москвы». Въ этой статьѣ, сверхъ неумѣстныхъ доказательствъ о преимуществѣ Москвы, какъ столицы имперіи, передъ С.-Петербургомъ, высказывались вообще мысли, несообразныя съ монархическимъ правленіемъ. За эту статью и сочинителю, и цензору сдѣлано было строгое замѣчаніе. Этотъ молодой человѣкъ не безъ ума и образованъ, добросовѣстенъ и хорошей нравственности, но его, какъ фанатика, трудно убѣдить въ ложности его мнѣній».

«Издатель «Московскаго Сборника», говорится далѣе въ запискѣ:—Ив. Аксаковъ, помѣстилъ въ немъ нѣсколько и своихъ сочиненій, въ томъ числѣ два стихотворенія подъ заглавіемъ: «Подражанія Еврейской поэзіи». Въ нихъ сочинитель, обращаясь къ человѣку, пребывающему въ бездѣйствіи, укоряетъ его за равнодушіе, тогда какъ въ мірѣ «кипятъ задачи» и торжествуетъ зло; совѣтуетъ ему «стряхнуть ярмо благоразумія» и вызываетъ его «на дѣло общаго труда». Оба стихотворенія темны и отъ этой неясности смыслъ ихъ подозрителенъ».

«Князь Черкасскій помѣстилъ въ «Московскомъ Сборникѣ» статью: «О подвижности народонаселенія въ древней Россіи», въ которой сочинитель излагаетъ исторію крѣпостного состоянія въ нашемъ отечествѣ. Основная мысль кн. Черкасскаго та, что въ древней Россіи жизнь была *общинно-семейная*; что «русская волость есть ничто иное, какъ аггрегатъ безчисленнаго множества мелкихъ *общинъ*, составленныхъ изъ семей»; что «порабощеніе варягское (призваніе Рюрика) оставило волость *вольной общиною*, платившею только извѣстную дань». Потомъ кн. Черкасскій задаетъ себѣ вопросъ: «какимъ образомъ *вольные роды превратились въ подданныхъ смердовъ?*». Отвѣтъ на это тотъ, что въ «Россіи временъ Судебника (Іоанна III) *союзъ общины разорванъ, права собственности надъ землями отъ общины перешли къ отвлеченному лицу государя и великаго князя*, или по множеству частныхъ владѣльцевъ и помѣщиковъ; наконецъ, крестьянинъ, бездомный бобыль, вѣчно блуждая изъ края въ край по обширнымъ степямъ Россіи, *изъ прежней неограниченной свободы* сохранилъ одно право: разъ въ годъ по произволу мѣнять мѣстожительство и господина». Юрьевъ день, *изъ всѣхъ неограничен-*

Digitized by Google

ныхъ правъ свободы, даровалъ крестьянамъ худшую его сторону, безграничный произволъ бродяжничества. «Вспомнивъ, продолжаетъ кн. Черкасскій:—*независимое состояніе русской волости*, мы едва ли можемъ себѣ представить, что само-собою, естественно, могло развиться *подобное ограниченіе крестьянской свободы*, такъ явно носитъ оно на себѣ печать искуственнаго, положительнаго изобрѣтенія!.. Ясно, что всякое *стѣсненіе* въ этомъ отношеніи *свободы крестьянской* могло быть лишь мѣрой полицейской, основанной на произвольныхъ договорахъ князей». Послѣ же того, какъ царь Борисъ Годуновъ укрѣпилъ крестьянъ на землѣ, въ Россіи продавали крестьянъ врознь, дочь отъ матери, сына отъ отца, какъ *скотовъ*. Редакція сборника прибавила къ этому, что «обычай продавать крестьянъ врознь возникъ только со времени Петра I».

Въ заключеніи записки говорится, что московскій цензурный комитетъ, находя, что «въ статьяхъ Хомякова, Конст. и Ив. Аксаковыхъ замѣтно какое-то недовольство настоящимъ образованіемъ, образомъ жизни и даже учрежденіемъ правительства, и высказывается стремленіе выставить нашъ древній русскій бытъ въ преувеличенно лучшемъ видѣ, какъ заслуживающій безусловнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, одобренія и подражанія, полагаетъ, что означенныя статьи, какъ вредныя, по развиваемымъ въ нихъ началамъ, несогласнымъ съ видами правительства, должны быть подвергнуты запрещенію, порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ о цензурѣ; статьи же прочихъ писателей, даже кн. Черкасскаго, за исключеніемъ только мѣстъ въ сочиненіи послѣдняго, гдѣ говорится о свободѣ крестьянъ и вольной общинѣ, могутъ быть напечатаны».

Согласно этому заключенію, 3-го марта 1853 г., печатаніе второго тома «Московскаго Сборника» было воспрещено. Распоряженіе же о томъ, чтобы сочиненія московскихъ славянофиловъ отсылались для цензурованія въ Петербургъ, осталось во всей силѣ [1].

LXI.

Вся эта масса докладовъ, представленій и внушеній имѣла тѣ послѣдствія, что цензора, на отвѣтственности которыхъ всецѣло лежало каждое пропущенное слово, положительно теряли голову. Ежеминутно ожидая выговоровъ, арестовъ, отставокъ, они въ

[1] «Руск. Стар.» 1875 г. № 10, стр. 167—379.

Digitized by Google

тоже время бродили въ потемкахъ, не имѣя сколько нибудь яснаго представленія о томъ, что можно пропустить въ рукописи безъ всякихъ послѣдствій и за что налетитъ на нихъ неожиданный гнѣвъ начальства. Это дѣлало ихъ подозрительными и придирчивыми до того полнаго помраченія разсудка, которое обыкновенно сопровождаетъ панику, когда человѣку муха начинаетъ казаться со слона и наоборотъ слонъ съ муху. Этою паникою и объясняется, что цензора способны были вытравлять революціонный духъ даже изъ поварскихъ книгъ. Къ тому же, хотя проэктъ гр. Уварова объ устраненіи изъ числа цензоровъ людей ученаго званія и не былъ принятъ, фактически же онъ уже практиковался, такъ какъ цензоровъ-профессоровъ было очень немного. Предсѣдатель С.-Пб. цензурнаго комитета, Мусинъ-Пушкинъ не любилъ ученыхъ людей и съ бо́льшей охотой помѣщалъ на должности цензоровъ людей, не окончившихъ курса высшаго образованія, и потому большинство цензоровъ состояло изъ выслужившихся чиновниковъ, учившихся на мѣдные гроши и людей во всѣхъ отношеніяхъ темныхъ. Такъ О. А. Пржецлавскій, человѣкъ, близко знакомый съ составомъ цензурнаго вѣдомства того времени, прямо говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «цензоровъ, удовлетворявшихъ требованіямъ своего званія, было очень немного: они составляли исключеніе» [1]. И дѣйствительно, ни одна эпоха не представляетъ такой массы цензурныхъ анекдотовъ, какъ именно эта. Въ прежнія эпохи мы встрѣчали одну, много двѣ личности, оставившія по себѣ память своею анекдотичностью. Теперь же мы видимъ нѣсколько цензоровъ, прославившихся въ этомъ отношеніи. Такъ въ то время, какъ сквозь всю эту эпоху проходятъ подвиги незабвеннаго Красовскаго, предсѣдателя комитета иностранной цензуры, въ комитетѣ внутренней цензуры наиболѣе выдавались Корсаковъ, Крыловъ, Ахматовъ, Фрейгангъ; но всѣхъ ихъ превзошелъ Карлъ Станиславовичъ Обертъ.

Съ Корсаковымъ, занимавшимся не столько вычеркиваніемъ изъ рукописей подозрительныхъ мѣстъ, сколько, наоборотъ, вставкою своихъ собственныхъ сочиненій, и Крыловымъ, извѣстнымъ задерживаніемъ рукописей во время своихъ запоевъ, мы уже знакомы. Ахматовъ былъ именно тотъ самый знаменитый цензоръ, который, цензируя повареную книгу Авдѣевой, не допустилъ, чтобы пироги ставились на *вольный духъ*. Онъ же, цензируя «Записки археологическаго Общества», состоящаго подъ президентствомъ герцога Максимильяна Лейхтенбергскаго, на-

[1] «Р. Стар.», 1875 № 9, стр. 143.

Digitized by Google

ставилъ, чтобы въ описаніи медали петровскаго времени слово *царь* было замѣнено *императоромъ*, такъ какъ во время выбитія этой медали Петръ I былъ уже коронованъ императоромъ. Герцогъ обратился къ Ширинскому-Шахматову, и тотъ, черезъ предсѣдателя цензурнаго комитета, Мусина-Пушкина, приказалъ Ахматову «не умничать».

Андрей Ивановичъ Фрейгангъ былъ человѣкъ мягкій въ личныхъ отношеніяхъ и его легко было уговорить, но въ сношеніяхъ письменныхъ онъ былъ твердъ и непреклоненъ, какъ скала. Такъ, напримѣръ, въ «Дѣтскомъ журналѣ» А. Н. Очкина, во времена болѣе еще мягкія, т. е. до 1848 г., въ статейкѣ Бурнашова (подъ псевдонимомъ Виктора Бурьянова), онъ ни за что не дозволилъ бѣдному мальчику умирать голодною смертію, замѣнивъ ее простудною болѣзнію. Очкинъ, самъ бывшій цензоръ, обратился къ Фрейгангу, доказывая, что такое измѣненіе перековеркаетъ суть статьи и нарушитъ моральную идею. Но Фрейгангъ отвѣчалъ письменно: «Не могу, не могу, не могу! Согласенъ впрочемъ на голодную смерть мальчика, если авторъ перенесетъ дѣйствіе изъ Россіи, напримѣръ, въ снѣжныя долины и горы шведской Финляндіи за Тарнео, *такъ какъ въ Россіи никто съ голоду никогда не помретъ и не умираетъ, и у насъ голода никогда не бываетъ и не бывало*. Послѣднія слова были крѣпко подчеркнуты цензоромъ.

Неизвѣстно о какомъ цензорѣ разсказываетъ Бурнашовъ въ своихъ воспоминаніяхъ два слѣдующіе анекдота:

Когда Бурнашовъ въ концѣ 40-хъ годовъ редактировалъ журналъ «Экономъ», цензоръ то и дѣло вычеркивалъ самыя невинныя указанія на приготовленіе за границею того или другого предмета болѣе удачно, чѣмъ у насъ. Однажды Бурнашовъ сдѣлалъ указаніе на венгерскій способъ салотопленія, подробно описанный въ «Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ», и при этомъ сказалъ, что Россія, богатая саломъ, къ сожалѣнію, даетъ Европѣ свой сырецъ въ видѣ крайне неудовлетворительномъ, позволяя превосходить себя на всѣхъ рынкахъ Европы и Америки такой странѣ, какъ Венгрія. Цензоръ вычеркнулъ все это красными чернилами съ огромнымъ nota bene, и на полѣ настрочилъ слѣдующее:

«Сколько мнѣ извѣстно, г. редакторствующій за Ѳ. Булгарина, чиномъ не выше надворнаго совѣтника, почему членомъ комитета господъ министровъ едва ли можетъ быть; а туда же пускается въ совѣты правительству! Г. редакторъ! Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ! Вы забираетесь слишкомъ высоко! Берегитесь, на этой высотѣ какъ разъ голова закружится! Да и къ

Digitized by Google

тому же, милостивый государь, обратите вниманіе на то обстоятельство, что слова ваши о салѣ могутъ имѣть междустрочное значеніе—инсинуированія ненависти русской національности къ венгерской».

Въ 1848 году, во время холеры, кто-то доставилъ Бурнашову стихи, написанные еще по случаю холеры 1831 года, но нигдѣ не напечатанные. Въ медицинскомъ отдѣлѣ «Эконома» постоянно печатались въ то время наставленія и рецепты противъ холеры. Бурнашовъ, желая поразнообразить эту рубрику рецептомъ въ стихахъ, шутки ради, назначилъ эти стишки въ одинъ нумеръ августа мѣсяца 1848 г., именно въ то время, когда холера была очень сильна. Вотъ эти стихи:

Возьми разсудку восемь грановъ,
Пять лотовъ сердца доброты,
Шесть драхмъ сердечныхъ минераловъ,
И столько-жъ мыслей простоты.
Толки все это камнемъ вѣры,
Сквозь сито совѣсти просѣй
И въ чашу мудрости глубоку
Сто унцій умственнаго соку
На специи сіи налей.
Покрой игрой воображенья,
Молитвой теплою согрѣй —
Любви, покорнаго смиренья.
И въ этомъ можешь элексирѣ
Найти все то, что нужно въ мірѣ
Для жизни, счастія людей!
Садись предъ зеркаломъ природы,
Сочти лѣта свои и годы
И по немногу капли пей.

Цензоръ написалъ: «Уничтожаю эти злые стихи, которымъ нигдѣ не можетъ быть мѣста, а тѣмъ болѣе въ «Экономѣ», программа котораго стихотвореній не компортируетъ. Авторъ этихъ стиховъ, повидимому, имѣлъ зловредныя стремленія, постаравшись, съобща съ простонародіемъ, представить врачебный факультетъ въ несимпатичномъ видѣ».

К. Ст. Обертъ, если и не представлялъ изъ себя такого идеально-чистаго типа, какъ Красовскій, во всякомъ случаѣ, поражалъ массою эксцентрическихъ чудачествъ. Такъ, напримѣръ, паника его доходила до такой степени, что, живя на Васильевскомъ островѣ, въ 8-й линіи, онъ не развѣшивалъ занавѣсей на своихъ окнахъ, а онѣ у него лежали подъ окнами на полу и когда кто-нибудь приходилъ къ нему по дѣлу, и какой-нибудь писатель начиналъ выпрашивать о пропускѣ сомнительнаго мѣста, онъ указывалъ просителю на лежавшія на полу занавѣси и говорилъ: «вы видите, я и занавѣсей не развѣшиваю, не

Digitized by Google

стоитъ; того и гляди, что столкнутъ съ мѣста злачна въ тьму кромѣшную».

Между прочимъ знаменитъ онъ былъ вѣчными пререканіями съ типографіями изъ-за чинопочитанія. Онъ требовалъ, чтобы корректуры посылались ему не иначе, какъ въ запечатанныхъ конвертахъ съ обозначеніемъ полнаго его титула. Если же это не соблюдалось, онъ собственноручно дѣлалъ на текстѣ надпись: «Его Превосходительству Августу Станиславовичу Оберту», и затѣмъ отсылалъ листы непрочитанными въ типографію. Тамъ должны были сдѣлать новый пакетъ съ требуемою надписью, вновь прислать тѣже корректуры, и лишь тогда Обертъ приступалъ къ чтенію.

Доставалось отъ него и разсыльнымъ за неоказаніе ему должнаго почтенія. Бурнашовъ часто посѣщалъ его по дѣламъ сестры, издававшей «Часы досуга», журналъ для дѣтей. Разъ Обертъ пригласилъ Бурнашова очень рано для «конфиденціальнаго» объясненія. Оказалось, что Оберта обидѣлъ разсыльный, принесшій два листа корректуры и не пожелавшій ждать пять, шесть часовъ, а обѣщавшій придти послѣ. Бурнашовъ отказался быть посредникомъ между обиженнымъ цензоромъ и разсыльнымъ и посовѣтовалъ Оберту обратиться самому къ фактору типографіи Тиблена и К°. Факторъ явился. Между тѣмъ, Обертъ велѣлъ служанкѣ разложить въ залѣ на стульяхъ мундиръ, шпагу, шляпу съ витушкой, бѣлыя брюки, а самъ вышелъ къ фактору въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, неся всѣ ордена и медали свои въ рукахъ. Испуганный факторъ думалъ, что его превосходительство помѣшались, Обертъ же при свиданіи объяснилъ Бурнашову, что его «внушеніе» подѣйствовало.

Другой разъ Обертъ снова выговаривалъ Бурнашову за разсыльнаго, котораго онъ засталъ въ кухнѣ сладострастно цѣлующимъ кухарку Оберта, чухонку, далеко не красавицу и не молодую. Обертъ находилъ, что подобныя безнравственныя проявленія разсыльнаго, носящаго корректуры журнала, назначеннаго для дѣтскаго чтенія, могутъ вредно повліять на нравственность юныхъ читателей и читательницъ дѣтскаго журнала.

Однажды была представлена Оберту дѣтская сказка, переведенная съ иностраннаго журнала, подъ названіемъ «Кошачій міръ». Обертъ во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ сказки, котахъ, кошкахъ и котятахъ заподозрилъ тогдашнее высшее общество, и двѣ недѣли убѣждалъ его Бурнашовъ пропустить статью; наконецъ, Обертъ согласился, взявши формальное на гербовой бумагѣ обязательство, что въ случаѣ отставки его за эту сказку,

Digitized by Google

Бурнашовъ и сестра его обязуются кормить его ежедневно обѣдомъ.

Въ другой разъ Обертъ взъѣлся, что на политипажѣ, изображавшемъ ученую корсиканскую лошадь, былъ представленъ въ числѣ публики кадетъ. Присутствіе кадета на дачѣ въ то время, какъ всѣ корпуса находятся въ лагерѣ въ Петергофѣ, показалось Оберту неприличнымъ и политипажъ былъ препровожденъ къ военному цензору генералъ-маіору Гейроту, который, конечно, тотчасъ же пропустилъ политипажъ безъ малѣйшихъ затрудненій, и лишь выразилъ свое удивленіе: «Г. Обертъ, сказалъ онъ:— должно быть очень того, того»... и онъ повертѣлъ пальцемъ вокругъ лба [1].

Всѣ эти непредвидѣнные цензорскія придирки принуждали редакторовъ періодической прессы изощряться въ самой искусной, сложной и подчасъ унизительной политикѣ во всѣхъ отношеніяхъ къ цензорамъ, въ непрестанныхъ хлопотахъ сговариваться съ ними, обойти ихъ, если возможно, и провести въ печать хоть то немногое, что въ то время проходило. До какой виртуозности доходила эта печальная сторона редакторскаго дѣла, объ этомъ можно судить по слѣдующему факту. Редакторъ одного выдающагося журнала того времени какъ-то провѣдалъ, что цензоръ, читавшій его журналъ, страстный любитель гречневой каши, и что каша эта такъ дѣйствуетъ на него, что подъ ея вліяніемъ его старческое существо все уходитъ въ пищевареніе: онъ дѣлается мягокъ, сговорчивъ, теряетъ всякую способность вникать въ корректуры и подписываетъ ихъ, почти не читая. Узнавъ объ этомъ, можетъ быть, по неоднократному опыту, находчивый редакторъ обратился къ кухаркѣ цензора, закупилъ ее, и каждый разъ, когда цензору предстояло чтеніе какой-нибудь сомнительной статьи, на столѣ его появлялась любимая каша. Это не анекдотъ, а фактъ, вполнѣ характеризующій тѣ, хотя и печальныя, но добрыя и патріархальныя времена, когда гречневая каша могла имѣть такую рѣшающую роль въ судьбахъ нашей литературы.

Если же читатель, несмотря на всѣ мои утвержденія въ правдоподобности этого факта, все-таки усомнится въ немъ, то вотъ передъ нами свидѣтельство относительно трудности изданія журналовъ въ то время О. А. Пржецлавскаго, издававшаго въ Петербургѣ съ 1830 по 1859 г. польскую газету «Тыгодникъ» (еженедѣльникъ). Свидѣтельство этого издателя, тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, заслуживаетъ уваженія, что это былъ человѣкъ

[1] «Бирж. Вѣд.», 1872 г., № 355.

Digitized by Google

ультра-благонамѣренный, преданный вполнѣ русскимъ интересамъ. Что газета его въ политическомъ отношеніи была безупречна, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ его записокъ:

«Съ конца 1830 г. газета «Тыгодникъ», сдѣлалась органомъ самаго энергическаго осужденія преступнаго варшавскаго движенія и не переставала всѣми силами противодѣйствовать революціоннымъ доктринамъ, которыми, подъ знаменіемъ лже-патріотизма, значительная часть польскаго народа вовлечена была въ преступленіе и пагубу. Для такого противодѣйствія, какъ и для всякаго ратоборства за правду, въ виду господствовавшаго въ царствѣ и западномъ краѣ фанатизма, требовалось не мало нетолько гражданскаго мужества, но и самоотреченія, такъ какъ газета и ея редакторъ съ такимъ направленіемъ не могли нравиться тогдашней польской публикѣ. Въ 1832 году правительство присвоило нашей газетѣ названіе и права оффиціальной газеты Царства Польскаго. Почти одновременно, кажется, въ началѣ 1833 г., редакторъ, вмѣстѣ съ четырьмя товарищами его по университету, остававшимися, какъ и онъ, въ государственной службѣ, парижскимъ эмигрантскимъ трибуналомъ были приговорены къ смерти и казнены по портретамъ на Ботиньольскомъ полѣ» [1].

Изданіе въ такихъ благонадежныхъ рукахъ казалось бы не должно было внушать ни малѣйшихъ подозрѣній, и дѣйствительно, съ 1830 года по 1847, оно выходило безпрепятственно, не встрѣчая ни малѣйшихъ задержекъ и придирокъ со стороны цензуры.

«Съ 1830 по 1847 годъ, говоритъ Пржецлавскій: — газета находилась въ разсмотрѣніи людей умныхъ, образованныхъ и вполнѣ знающихъ польскій языкъ. Это были, одинъ послѣ другого, К. С. Сербиновичъ, Ѳ. И. Сенковскій, П. И. Гаевскій, Иг. Іак. Ивановскій; два изъ нихъ занимали профессорскія каѳедры въ университетѣ. Въ этомъ періодѣ «Тыгодникъ», не встрѣчая нераціональныхъ препятствій, помѣстилъ въ себѣ замѣчательнѣйшія статьи и цѣлыя сочиненія лучшихъ современныхъ писателей» [2].

Но съ 1848 года условія изданія «Тыгодникъ» совершенно измѣнились, и даже заочно разстрѣленный революціонерами Пржецлавскій оказался человѣкомъ, не заслуживающимъ довѣрія. Газета попала въ руки двухъ новыхъ личностей, вліяніе которыхъ

[1] «Русская Старина», 1875 г., № 9, стр. 136.
[2] Ibid., стр. 139.

Digitized by Google

отразилось на ней самымъ тяжелымъ образомъ. «Я и теперь удивляюсь себѣ, говоритъ Пржецлавскій:—какъ у меня достало настолько силы воли, чтобы въ такихъ обстоятельствахъ продолжать изданіе. Оно, лишенное всякаго литературнаго достоинства, всякой занимательности, должно было компрометировать меня въ глазахъ читателей, которые не могли уяснить себѣ причины такой внезапной перемѣны, которой я не могъ имъ объяснить.

«Причины такого неблагопріятнаго вліянія двухъ разновременно, но одинъ за другимъ, цензоровавшихъ «Тыгодникъ», были различны и чисто-личны, но отъ этого мнѣ было не легче. Первый, умный и ученый, не былъ оффиціальнымъ цензоромъ; онъ занималъ значительное положеніе въ ученой сферѣ и былъ имъ очень занятъ. Обязанность цензуровать мою газету была ему навязана сверхъ настоящаго его званія и навязана безъ всякаго за то вознагражденія, потому только, что онъ зналъ польскій языкъ. Онъ самъ откровенно признался мнѣ, что при отвѣтственности, которая въ тогдашнее время лежала на цензорѣ, и при своихъ занятіяхъ, едва ли онъ можетъ считать обязанностью давать себѣ трудъ вникать съ полнымъ цензорскимъ вниманіемъ въ смыслъ литературныхъ произведеній: трудъ былъ бы непроизводительный, а рискъ напрасный. Я и самъ не могъ не сознавать нѣкоторой основательности такого *реальнаго* взгляда, и долженъ былъ отказаться отъ всякой литературы, ограничась въ моей газетѣ оффиціальными внутренними, полуоффиціальными иностранными извѣстіями и самою невинною, безцвѣтною смѣсью. Такимъ образомъ осталась недоконченною въ «Тыгодникѣ» одна прекрасная повѣсть Крашевскаго.

«Я не былъ такъ близко извѣстенъ моему полу-цензору, чтобы пользоваться такимъ его довѣріемъ, какое имѣли ко мнѣ его предшественники, до такой степени, что одинъ изъ нихъ подписывалъ не читавши мои корректуры и ни разу въ этомъ не раскаявался.

«Другой, читавшій мое злополучное изданіе во второмъ періодѣ тяжелаго времени, былъ уже оффиціальнымъ цензоромъ. Но онъ, кромѣ чрезвычайной боязливости, имѣлъ одинъ маленькій недостатокъ: онъ не зналъ ни слова по-польски. При всемъ разсчетѣ времени на долю его мнительности, я не могъ не замѣтить, что мои корректурные листы онъ продерживалъ слишкомъ долго, часто до поздней ночи. Но я пересталъ удивляться этому, когда узналъ, что каждый разъ онъ посылаетъ за однимъ студентомъ, уроженцемъ западнаго края, который переводитъ ему устно каждое слово. По устраненіи этого лингвистическаго—вы-

Digitized by Google

ступали на сцену интеллектуальныя препятствія. Почти каждое слово, переведенное съ грѣхомъ пополамъ, возбуждало сомнѣніе, вызывало колебанія и нескончаемыя размышленія. Въ результатѣ, цензоръ многое самъ исключалъ, бо́льшую же часть статей останавливалъ для доклада цензурному комитету. Не производя самъ и не пропуская ничего даже сомнительнаго, я напрасно въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ старался постигнуть тотъ умственный процессъ, который моего цензора дѣлалъ такимъ, какимъ онъ былъ. И до сихъ поръ я остаюсь въ невѣдѣніи, чего онъ хотѣлъ, чего боялся, и чѣмъ можно было угодить ему? И при немъ я принужденъ былъ отказаться отъ всякой литературы, отъ всякихъ статей съ разсужденіями и заключеніями. Газета, бо́лѣе чѣмъ когда-нибудь, осуждена была на пошлую, прозябательную жизнь. Дабы никто не могъ заподозрить меня въ преувеличеніи и дабы дать понятіе о такомъ цензорѣ и о моемъ тогдашнемъ положеніи, приведу изъ многихъ слѣдующіе два примѣра:

«Отъ знаменитаго владѣльца сахарнаго завода, волынскаго помѣщика Зенона Головинскаго, я получилъ письмо изъ Брюсселя, которымъ онъ просилъ напечатать, что въ этомъ городѣ видѣлъ примѣненіе къ фабрикаціи сахара нововыдуманнаго процесса, по коему кристаллизованный рафинадъ получается въ одни сутки изъ свѣжаго свекловичнаго сока. Авторъ письма предостерегаетъ фабрикантовъ, чтобы они воздержались отъ всякихъ другихъ нововведеній до его возвращенія въ имѣніе, а тогда онъ всѣмъ сообщитъ новый способъ, которому теперь учится въ Бельгіи.

«Что могло быть цензурно-невиннѣе этой статьи? Это такъ казалось мнѣ, двуглазому простому смертному. Но мой стойкій Аргусъ высмотрѣлъ въ ней нѣчто такое, что заставило его отложить статью для внесенія ея въ комитетъ. Еслибы по этому случаю назначена была премія за догадливость, то и тогда, я увѣренъ, никто не нашелъ бы того, что затруднило моего цензора. Я отправился къ нему съ подлиннымъ письмомъ. Тутъ на мой вопросъ г. А., всячески извиняясь передо мною, сказалъ:

«— Помилуйте, я не могъ не усумниться: въ статьѣ говорится и о кристализаціи, и о центробѣжной силѣ, и о распространеніи новости въ краѣ. При томъ же изобрѣтатель—Руссо! Не ясно ли тутъ видна аллегорія?

«Я не зналъ что отвѣчать и, насилу удержавшись отъ смѣха, покорился, въ надеждѣ, что комитетъ разрѣшитъ статью. Не тутъ-то было, къ довершенію курьёза, письмо Головинскаго было окончательно запрещено. Но каково было удивленіе и первой, и апелляціонной инстанціи, осудившей его за коварную аллегорію,

Digitized by Google

когда, недѣли черезъ двѣ послѣ такого рѣшенія, въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» появилась испрошенная г. Руссо привилегія на его изобрѣтеніе. Тогда цензоръ наивно, и даже не покраснѣвши, сказалъ мнѣ, что теперь къ напечатанію письма Головинскаго «препятствія не имѣется».

«Другой курьёзъ былъ слѣдующій: въ химіи съ давняго времени оставался нерѣшеннымъ вопросъ: что такое кураре (curare), страшный ядъ, которымъ дикіе Южной Америки и нѣкоторыхъ острововъ напитываютъ свои стрѣлы, кинжалы и т. п., и который мгновенно причиняетъ смерть отъ малѣйшей раны. Наконецъ, Гумбольдтъ въ послѣднее свое путешествіе разрѣшилъ этотъ вопросъ; онъ видѣлъ и описалъ, какъ приготовляютъ ядъ. Это—экстрактъ корней дерева, растущаго въ гніющихъ водахъ тропическихъ странъ, изъ рода Strychnos, вида Strichnos toxifera. Къ экстракту дикіе прибавляютъ еще ядъ гремучей змѣи (Crotalus horridus) и другой Trigonocephalus Lacgesis. Найдя извѣстіе объ этомъ въ одномъ англійскомъ журналѣ, я повторилъ его въ отдѣлѣ смѣси. Неудивительно, что проницательный цензоръ, убоявшійся кристализаціи сахара, устрашился также и кураре. Онъ удержалъ статейку для представленія на разрѣшеніе своего ареопага. Когда я спросилъ его о причинѣ, то онъ, съ свойственною ему тонкостію соображенія, отвѣчалъ:

«— Это извѣстіе можетъ послужить злому человѣку рецептомъ для составленія такого смертоноснаго вещества.

«Напрасно я представлялъ, что для этого *злому человѣку* нужно бы совершить путешествіе въ тѣ страны, гдѣ растетъ дерево и гдѣ живутъ названныя змѣи, цензоръ былъ непреклоненъ. Комитетъ, однако-жъ, на этотъ разъ не раздѣлилъ съ нимъ его ультра-гуманныхъ опасеній.

«Я могъ привести множество подобныхъ примѣровъ, повторявшихся регулярно два раза въ недѣлю въ моихъ корректурахъ, но думаю, что и двухъ достаточно, чтобы дать понятіе о моемъ положеніи и о той грусти, которую я чувствовалъ, безъ всякой вины съ моей стороны, за упадокъ моего изданія, которое въ первые 16 лѣтъ занимало такое почетное мѣсто въ періодической литературѣ. Помочь же этому было по тогдашнимъ обстоятельствамъ невозможно; я зналъ навѣрно, что жалобы на цензора, а именно на моего цензора, не повели бы ни къ чему и еще къ плачевной неспособности его прибавилось бы личное ко мнѣ неудовольствіе.

«Начальнику моему и по службѣ, и по оффиціальности моей газеты, министру статсъ-секретарю Царства Польскаго, я не разъ объяснялъ причины упадка этого изданія и разсказывалъ стран-

Digitized by Google

ности цензора; но я замѣтилъ, что покойный Туркулъ какъ будто подозрѣваетъ меня въ преувеличиваніи. Мнѣ легко было подтвердить мои слова, показавъ ему искалѣченныя корректуры, и я хотѣлъ уже вытребовать ихъ изъ типографіи, но это оказалось ненужнымъ. Разъ министръ, возвращаясь изъ дворца отъ доклада, зашелъ въ книжный магазинъ Беллизара (теперь Мелье), гдѣ обыкновенно покупалъ книги; тогда издавался тамъ журналъ «Revue Etrangère».

Иги. Лавр. Туркулъ засталъ издателя въ страшно возбужденномъ состояніи. Въ припадкѣ своей furia francese, онъ бѣгалъ по комнатѣ и рвалъ себѣ волосы.

— Что съ вами? спросилъ Туркулъ.

— А вотъ, посмотрите, г. министръ, и Беллизаръ подалъ только-что полученную обратно корректуру.

«Тутъ, въ одной фразѣ Бальзака, слова «la majesté de la nature» были зачеркнуты и противъ нихъ красовалось слѣдующее поучительное замѣчаніе цензора г. П—ра: «Le mot majesté ne se dit que de têtes couronnées». (Величество говорится только о коронованныхъ головахъ).

«Туркулъ, разсмѣявшись отъ души, напрасно старался успокоить расходившагося француза. Возвратившись домой, онъ намъ, чиновникамъ, разсказалъ курьёзъ, а затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Извините меня, Пржецлавскій, я не совсѣмъ довѣрялъ вашимъ жалобамъ, теперь же вѣрю всему.

«Къ главнымъ начальникамъ III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, подъ наблюденіемъ котораго состояла моя газета, поступило на меня разновременно нѣсколько тяжкихъ доносовъ; но эти попытки были крайне неудачны. Каждый разъ призывали меня для объясненій и мнѣ слишкомъ легко было въ нѣсколькихъ словахъ выказать недоразумѣніе, а чаще, еще и грубое невѣжество доносчиковъ, въ родѣ пресловутой кристаллизаціи. Наконецъ, меня совсѣмъ оставили въ покоѣ. Въ послѣдствіи, когда я сдѣлался товарищемъ по Главному управленію цензуры Л. В. Дубельта, то узналъ отъ него, что по многимъ доносамъ, на меня поступавшимъ, даже не тревожили меня, и ни рѣшались совершаемымъ въ III-мъ отдѣленіи, по субботамъ, сженіемъ доносовъ, оставляемыхъ безъ послѣдствій. Равнымъ разомъ, не знаю почему, вѣроятно, по изданію мною газеты, риказано было на почтѣ вскрывать мои письма. Я, кромѣ покойной матери, не переписывался ни съ кѣмъ, но получалъ много чсемъ. Многія изъ нихъ, по вскрытіи, были очень неискусно рипечатаны; это было слишкомъ замѣтно, а между тѣмъ, не

Digitized by Google

мало писемъ было попорчено. Отдѣленіе почтамта, гдѣ это дѣлалось, называлось также *цензурой*. Я разъ обратился къ начальнику этого отдѣленія г. У—ву и просилъ его не давать себѣ труда припечатывать вскрытыя письма, а доставлять ихъ мнѣ въ особомъ пакетѣ. У—въ хотѣлъ увѣрить меня, что я ошибаюсь, но я легко уличилъ его имѣющимся со мною письмомъ. На немъ почтовый штемпель о полученіи былъ приложенъ такъ, что пришелся на складку конверта; онъ долженъ бы составлять правильный замкнутый кругъ, въ моемъ же случаѣ вышло два полукруга, не сходившіеся съ собою. По такомъ наглядномъ доказательствѣ, я узналъ, что приказаніе, касающееся моихъ корреспонденцій, было отдано давно, тотчасъ по возникновеніи польскаго мятежа 1830 года, но и до 1846 года не было отмѣнено. Съ тѣхъ поръ, однако же, я сталъ получать письма въ цѣлости» [1].

Въ 1853 году, Пржецлавскій былъ сдѣланъ членомъ главнаго управленія цензуры отъ Царства Польскаго. На этомъ мѣстѣ ему, конечно, пришлось наслушаться не мало всякаго рода курьёзовъ. Нѣкоторые изъ нихъ онъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ.

Такъ, когда въ Римѣ состоялся догматъ о непорочномъ зачатіи Божіей Матери и булла о немъ была напечатана, въ комитетѣ иностранной цензуры возникъ вопросъ: можетъ ли она быть пропущена? Въ Главномъ управленіи, гдѣ вопросъ разсматривался, спросили мнѣнія Пржецлавскаго, и онъ отвѣчалъ, что такъ какъ католическая вѣра въ россійской имперіи терпима, а новый догматъ со времени установленія его вошелъ въ число статей этой вѣры (article de foi), то запрещеніемъ буллы нарушена была бы вѣротерпимость въ ея полнотѣ. Этимъ доводомъ присутствіе убѣдилось и булла была пропущена. Затѣмъ нѣкоторые члены пожелали знать, въ чемъ заключается новый догматъ. Пржецлавскій объяснилъ имъ, и затѣмъ, обращаясь къ министру Норову, сенатору Митусову и генералу Дубельту, сказалъ:

— Не мнѣ бы вамъ, господа, объяснять значеніе догмата, а отъ васъ научиться, вѣдь вы кавалеры ордена непорочнаго зачатія.

— Какъ такъ? спросили они, крайне удивленные.

Пржецлавскій объяснилъ имъ, что такое было первоначальное названіе ордена Бѣлаго орла, учрежденнаго королемъ Владиславомъ. Кавалеровъ было всего двѣнадцать и каждый давалъ присягу, что вѣруетъ, какъ и самъ учредитель, въ непорочное зачатіе Богородицы и обязывается вѣрованіе это защищать до по-

[1] Ibid., стр. 140—146.

Digitized by Google

слѣдней капли крови. Современемъ орденъ перемѣнилъ форму и утратилъ первоначальное значеніе.

Въ одномъ магазинѣ въ Москвѣ продавались парижскія картинки съ изображеніемъ разныхъ святыхъ и съ французскими подписями ихъ именъ. Одна изъ нихъ показалась мѣстному духовному начальству несоотвѣтствующею религіознымъ преданіямъ и оно ходатайствовало о запрещеніи ея къ продажѣ. Картинка, присланная въ Главное управленіе, была слѣдующая: изображенъ красивый молодой человѣкъ, нѣжно обнимающій ребенка, лѣтъ 7—8; внизу подпись: «Saint Joseph Patriarche». Принявъ это за изображеніе св. Іосифа—супруга пресвятой Дѣвы, а ребенка за Христа-отрока, просители осуждали рисунокъ за то, что, вопреки церковной традиціи, святой представленъ молодымъ, «съ французской бородкой», и что вокругъ его головы и головы отрока нѣтъ сіянія. На вопросъ предсѣдателя о мнѣніи Пржецлавскаго, онъ отвѣчалъ, что жалоба есть слѣдствіе простой ошибки и анахронизма. Тутъ очевидно, какъ это и въ подписи значится, изображены не св. Іосифъ-супругъ и не Христосъ, а св. Іосифъ, ветхозавѣтный патріархъ, ласкающій младшаго изъ своихъ братьевъ, Веніамина. Въ изображеніяхъ святыхъ ветхаго завѣта, какъ извѣстно, сіянія не бываетъ, на томъ основаніи, что въ ихъ время «истинный свѣтъ» (lux vera) не нисходилъ еще на землю. Представленіе патріарха молодымъ и красивымъ согласно съ преданіемъ, присвоившимъ ему даже названіе «прекраснаго», а справедливость этого прилагательнаго доказывается эпизодомъ съ женою Пентефрія. По такомъ разъясненіи недоумѣнія картина была разрѣшена въ продажѣ.

Въ Главное управленіе прислано было изъ таможни нѣсколько фуляровыхъ носовыхъ платковъ съ портретами, очень похожими, императора австрійскаго, короля прусскаго, королевы англійской и папы Пія IX. Министръ Норовъ полагалъ запретить продажу этихъ платковъ, находя, по легко оцѣняемой причинѣ, крайне неумѣстнымъ ихъ назначеніе; что же касается до портрета папы, то онъ спросилъ мнѣнія Пржецлавскаго. Послѣдній отвѣчалъ, что, не касаясь даже католическаго вопроса, предметъ этотъ разрѣшенъ уже имъ самимъ, министромъ, изъ справедливаго уваженія къ изображеніямъ лицъ монарховъ, такъ какъ и папа (пользовавшійся тогда еще свѣтскою властью) также монархъ. Всѣ эти платки были запрещены.

Какая-то дама вошла въ главное управленіе съ прошеніемъ о разрѣшеніи ей издавать модный журналъ съ картинками и выкройками. Подписная цѣна назначалась очень умѣренная. Въ программѣ обѣщался и текстъ для легкаго чтенія, притомъ же

Digitized by Google

было въ ней сказано, что подписчикамъ предназначается нѣсколько премій, состоящихъ изъ дамскихъ платьевъ и другихъ уборовъ. Нумера подписныхъ билетовъ, по истеченіи каждой половины года, будутъ подвергнуты тиражу и преміи будутъ доставлены тѣмъ, чьи билеты выйдутъ. Просительница вручила министру письмо отъ одной высокопоставленной особы, ходатайствовавшей о скорѣйшемъ разрѣшеніи изданія. Предсѣдатель и члены высказывались уже въ томъ же смыслѣ, но Пржецлавскій, къ общему удивленію, запротестовалъ.

«Я это сдѣлалъ, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ:—по слѣдующимъ уваженіямъ. Предположеніе просительницы, по которому предоставлялись преміи вслѣдствіе тиража, есть ничто иное, какъ розыгрышъ ея журнала въ лоттерею; а подписные билеты—ничто иное, какъ лоттерейные билеты, которые многіе будутъ брать не столько для самаго изданія, сколько въ надеждѣ выигрыша, цѣнность котораго не много превосходитъ подписную плату. Если мы разрѣшимъ это одному изданію, то не будетъ основанія къ отказу въ томъ же и всѣмъ другимъ, а тогда большіе журналы, какъ академическая газета, «Сѣверная Пчела», «Библіотека для чтенія», имѣющія и безъ того тысячи подписчиковъ, станутъ назначать въ преміи цѣлые дома въ столицахъ или большія суммы денегъ, и, по извѣстному пристрастію общества къ азартной игрѣ, пріобрѣтутъ уже не тысячи и не десятки, а сотни тысячъ подписчиковъ; лоттерея, подъ предлогомъ подписки на журналы, распространится въ огромныхъ размѣрахъ, между тѣмъ, какъ частныя лоттереи запрещены и допускаются нашимъ законодательствомъ не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія высшей власти. Кромѣ того, въ Царствѣ Польскомъ существуетъ правительственная, такъ называемая «классная лоттерея», составляющая одну изъ статей казеннаго дохода, которому всякія частныя того же рода операціи не могутъ не принести ущерба. Я прибавилъ, что въ случаѣ разрѣшенія большинствомъ голосовъ моднаго журнала на просимомъ издательницею основаніи, я буду принужденъ, въ интересѣ казны царства и общаго закона, подать особое мнѣніе и объ этомъ случаѣ донести по начальству. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній кончилось тѣмъ, что модный журналъ былъ разрѣшенъ съ исключеніемъ выигрышныхъ премій. Проэктъ г-жи *** былъ хорошо придуманъ, съ разсчетомъ на порядочный доходъ; тайна нашихъ о немъ преній не была сохранена, и въ издательницѣ, и ея покровителяхъ я нашелъ себѣ сильныхъ враговъ...»

Digitized by Google

LXII.

Для довершенія характеристики разсматриваемаго нами періода приведемъ еще нѣсколько фактовъ, относящихся къ началу и серединѣ 50-хъ годовъ.

Вотъ что сообщаетъ г. Н. Путята на страницахъ «Бесѣдъ въ обществѣ любителей россійской словесности» [1].

«Въ пятидесятыхъ годахъ, нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ учебнаго заведенія Н. Н. Муравьева для колоновожатыхъ собрались вечеромъ у одного изъ товарищей своихъ В. Х. Христіани, тогда директора департамента въ контрольномъ вѣдомствѣ. Разговоры ихъ, весьма естественно, обратились на воспоминанія о времени, проведенномъ ими въ училищѣ, и о бывшемъ ихъ начальникѣ и наставникѣ, котораго всѣ они глубоко уважали и любили. Между прочимъ, они пришли къ тому сознанію, что слѣды полезной дѣятельности Н. Н. Муравьева и основаннаго имъ учебнаго заведенія, бывшаго разсадникомъ офицеровъ тогдашняго генеральнаго штаба, изглаживаются мало-по-малу изъ памяти современниковъ, такъ какъ никакихъ о томъ печатныхъ свидѣтельствъ не имѣется, а современемъ исчезнутъ и вовсе. Желая пополнить этотъ недостатокъ хотя до нѣкоторой степени, собравшіеся товарищи тутъ же положили составить краткое извѣстіе о жизни Н. Н. Муравьева и заслугахъ его на военно-учебномъ поприщѣ, и возложили этотъ трудъ на меня, только-что оставившаго службу и потому болѣе другихъ имѣвшаго на то досуга. Въ виду строгостей тогдашней цензуры, я ограничился въ составленной мною *Біографіи генералъ-маіора Николая Николаевича Муравьева* почти одними голыми фактами, подтверждавшимися оффиціальными документами. По прочтеніи моего труда въ томъ же кружкѣ товарищей, мы передали его для помѣщенія въ «Военномъ Журналѣ», одному изъ насъ, генералъ-маіору П. Болотову, бывшему профессоромъ геодезіи въ военной академіи и сотрудникомъ помянутаго журнала. Дня черезъ два Болотовъ сообщалъ мнѣ, что главные редакторы и цензоры статью мою въ «Военный Журналъ» не приняли. На вопросъ мой, по какой причинѣ, Болотовъ отвѣчалъ: «Да такъ, не угодно; ничего не нашли въ ней недозволеннаго, но положительно отказали напечатать». Тогда мы отдали статью И. И. Панаеву, издателю «Современника». Панаевъ изъявилъ полную

[1] Бес. въ общ. люб., вып. III, 1871 г., стр. 47.

Digitized by Google

готовность принять ее въ свой журналъ, но затруднился тѣмъ обстоятельствомъ, что статья, будучи военнаго содержанія, должна быть предварительно представлена въ военную цензуру, которая уже отвергла ее. Между тѣмъ, И. И. Панаевъ показалъ эту статью дядѣ своему, извѣстному сочинителю идиллій В. И. Панаеву, который былъ директоромъ канцеляріи министра двора, фельдмаршала князя П. М. Волконскаго, и слѣдовательно близкимъ къ нему человѣкомъ. Въ статьѣ упоминалось, что князь П. М. Волконскій, въ бытность свою начальникомъ штаба, озабочиваясь особенно наполненіемъ ввѣренной ему части хорошо приготовленными, образованными офицерами, обратилъ вниманіе на учебную дѣятельность Н. Н. Муравьева, поощрилъ его и доставилъ права службы его воспитанникамъ. В. И. Панаевъ прочелъ статью кн. Волконскому, который написалъ на ней: *очень хорошо и справедливо.* Съ такою подписью статья была представлена въ военную цензуру. Запретить ее становилось неловко, но начали въ ней вымарывать, измѣнять и искажать нѣкоторыя мѣста, такъ что заставили меня говорить совсѣмъ противное тому, что я хотѣлъ сказать. Въ борьбѣ съ этою цензурою я обратился, наконецъ, къ генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба, генералъ-адъютанту барону В. К. Ливену, также нашему товарищу по училищу и который принималъ участіе въ нашемъ дѣлѣ. Посредничество барона Ливена привело къ нѣкоторымъ соглашеніямъ и уступкамъ и статья была пропущена цензурою. При этомъ одна помарка цензуры представляла совершенный курьёзъ. Въ статьѣ было сказано, между прочимъ, что въ 1820 году, для образованія ученыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, курсы были пополнены потребными для того спеціальными предметами и учреждены при учебномъ заведеніи офицерскіе классы, въ которыхъ преподавались «*дифференціальное и интегральное вычисленія*»... Къ крайнему изумленію моему, исчисленія эти были зачеркнуты краснымъ карандашемъ и вмѣсто того поставлено: *продолженіе чистой математики*... Никакъ не могъ я понять, въ чемъ заподозрѣла цензура эти невинныя исчисленія! Печатный приказъ начальника главнаго штаба объ учрежденіи офицерскихъ классовъ, съ означеніемъ предметовъ преподаванія въ нихъ былъ у меня въ рукахъ, и я выписалъ изъ него въ мою статью правительственныя слова буквально... Болотовъ разрѣшилъ мое недоумѣніе. «Вотъ видишь, сказалъ онъ мнѣ:—въ военной академіи не преподаютъ дифференціальнаго и интегральнаго вычисленій, и такъ мы не хотимъ показать, что въ прежнее время въ Муравьевскомъ заведеніи курсъ наукъ былъ полнѣе и обширнѣе.

Digitized by Google

«Оспоривать это измѣненіе цензуры я почелъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что въ статьѣ были поименованы части чистой математики, преподававшіяся въ классахъ для колоновожатыхъ, и продолженіе этой науки въ офицерскихъ классахъ не могло заключаться въ иномъ, какъ въ помянутыхъ вычисленіяхъ. Статья моя, подъ заглавіемъ «*Генералъ-маіоръ Н. Н. Муравьевъ*», была, наконецъ, напечатана въ майской книжкѣ «Современника» 1852 года и въ ней остались слова: *продолженіе чистой математики*. Излагая этотъ разсказъ, я невольно вспомнилъ стихи Грибоѣдова:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

Въ томъ же 1852 году, въ концѣ октября, Главное управленіе цензуры, разсмотрѣвъ представленіе московскаго цензурнаго комитета о прозаическихъ переводахъ на русскій языкъ сочиненій Мильтона: «Потерянный Рай» и «Возвращенный Рай», обращающихся во множествѣ между отечественною публикою и въ особенности между простымъ народомъ, и имѣя въ виду неодобрительный о нихъ отзывъ духовной цензуры, опредѣлило: предложить циркулярно по цензурному вѣдомству, чтобы на будущее время принято было за правило допускать къ печати только такіе переводы Мильтона, которые, по изяществу слога, подходятъ близко къ достоинству подлинника, и притомъ не иначе какъ въ стихахъ [1].

Распоряженіемъ 7-го апрѣля 1853 г. было запрещено печатаніе русскихъ статей латинско-польскими буквами [2].

25-го іюля 1853 года Главное управленіе цензуры постановило—названіе русскихъ *москалями* допускать въ старыхъ сочиненіяхъ на польскомъ языкѣ, не распространяя этого снисхожденія на новыя книги; о чемъ было предложено комитету цензуры иностранной 17-го сентября 1853 года [3].

Надо ли и говорить о томъ, что въ томъ же 1853 году въ числѣ иностранныхъ книгъ, конечно, ужь былъ безусловно запрещенъ для русской публики романъ Бичеръ-Стоу «Хижина дяди Тома».

Въ № 6-мъ «Москвитянина» за 1854 годъ была напечатана статья М. Дмитріева «Мелочи изъ запаса моей памяти», въ которой описываются, между прочимъ, подробности удаленія отъ службы гр. Сперанскаго. Вслѣдъ за появленіемъ этой статьи, безъ сомнѣнія, по докладу Бутурлинскаго комитета, было объ-

[1] Сборн. постановл. по ценз., стр. 284.
[2] Ibid, стр. 288.
[3] Ibid, стр. 290.

Digitized by Google

явлено высочайшее повелѣніе не допускать въ печать ничего касающагося этого событія [1].

7-го октября 1854 года министръ народнаго просвѣщенія отнесся къ предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Въ журналѣ «Современникъ», за августъ текущаго года, напечатана повѣсть г. Писемскаго, подъ заглавіемъ «Фанфаронъ», въ которой выведенъ помѣщикъ, изъ ложнаго самолюбія губящій свое состояніе, семейство и службу. Повѣсть эта, имѣющая и литературныя и нравоучительныя достоинства, можетъ, въ цензурномъ отношеніи, подвергнуться замѣчанію за встрѣчающіяся въ ней сатирическія выходки противъ должностей и лицъ служебныхъ. Такимъ образомъ, неодобрительны: на стр. 157, выраженіе о судебныхъ мѣстахъ: «*Нельзя же, могутъ случиться дѣлишки по судамъ, лучше какъ прикормишь*, и на стр. 170 отзывающійся ироніею разсказъ о губернаторѣ, который посѣщаетъ помѣщика-мота, въ благодарность за подаренную имъ губернаторской женѣ дорогую собачку.

«Находя, что въ литературныя произведенія не слѣдуетъ вводить ничего могущаго вредить тому уваженію, которымъ должны быть облечены въ общемъ мнѣніи правительственныя мѣста и лица, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить о семъ с.-петербургскому цензурному комитету для руководства на будущее время» [2].

Въ №№ 9-мъ и 10-мъ «Отечественныхъ Записокъ» за 1854 годъ была помѣщена статья «Фантастическая зоологія», переведенная изъ «Revue des deux mondes». Въ статьѣ этой казалось бы нѣтъ ни сучка, ни задоринки въ цензурномъ отношеніи. Строго-научная, сухая, она трактуетъ о различныхъ миѳическихъ вѣрованіяхъ, относящихся къ древнимъ и особенно среднимъ вѣкамъ, сказаніяхъ о всевозможныхъ сфинксахъ, драконахъ, центаврахъ и тому подобныхъ чудовищахъ различныхъ миѳологій. Конечно ужь библейскія сказанія подобнаго рода тщательно обходятся въ статьѣ, прошедшей сквозь строгую цензуру того времени. Какихъ-либо обобщеній или выводовъ вы не найдете здѣсь и слѣда, одинъ голый наборъ фактовъ, и лишь въ концѣ статьи авторъ радуется, что «въ концѣ XVII-го вѣка науки, литература и художества положили конецъ прежней роли животныхъ, что теперь исторія животныхъ не принадлежитъ уже ни поэзіи, ни нравственности, ни судопроизводству, а положи-

[1] Ibid, стр. 298.
[2] Ibid, стр. 297.

Digitized by Google

тельной наукѣ и строгимъ наблюденіямъ; одни сельскіе жители, остающіеся подъ вліяніемъ преданій древности, сохранили еще нѣкоторыя изъ старинныхъ повѣрій; въ сельской жизни еще вѣрятъ предзнаменованіямъ филина, вороны, ласточки, разсказываютъ еще о пещерахъ, гдѣ живутъ крылатые змѣи, и беррійскій крестьянинъ увѣренъ, что быки его разговариваютъ между собою человѣческимъ языкомъ въ ночь на 25-е декабря. Наука, съ своей стороны, теперь только классифируетъ животныхъ, анатомируетъ ихъ, дѣлаетъ изъ нихъ чучелы, безжалостно устраняя всякую поэзію и повѣрья...»

Тѣмъ не менѣе высшія цензурныя власти заподозрили въ этой статьѣ колебаніе основъ, и вотъ 17-го декабря 1854 года было сдѣлано распоряженіе по с.-петербургскому цензурному комитету о томъ, что впредь «цензура обязана отстранять всякое разсужденіе, могущее поколебать вѣрованіе читателей въ непреложность церковныхъ преданій [1].

Въ началѣ слѣдующаго, 1855 года, настоятель Троицко-сергіевской пустыни, архимандритъ Игнатій, обратился съ жалобою къ министру народнаго просвѣщенія, что съ нѣкотораго времени въ столбцахъ различныхъ газетъ и ихъ фельетонахъ начали довольно часто появляться статьи о вышеозначенной Пустыни, въ особенности по поводу двухъ вновь устроенныхъ гостинницъ для богомольцевъ, посѣщающихъ монастырь. Одна изъ этихъ гостинницъ находится на землѣ монастырской и называется арендаторскою, а другая на землѣ генералъ-майора Толстого и называется «меблированныя комнаты». Нисколько не сомнѣваясь въ благонамѣренности побудительныхъ причинъ къ такимъ публикаціямъ, отецъ архимандритъ находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онѣ нерѣдко сообщаютъ публикѣ свѣдѣнія неправильныя о самомъ монастырѣ, каковою была публикація о закладкѣ церкви Преподобнаго Сергія 18-го іюля 1854 года, якобы высокопреосвященнымъ митрополитомъ, свѣдѣнія о гостинницахъ, которыми косвенно нарушается достоинство монастыря, къ соблазну для публики и ко вреду монастыря. Одна изъ такихъ статей напечатана въ фельетонѣ № 6-й «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», вышедшаго 9-го января текущаго года. Непосредственно вслѣдъ за объявленіемъ о теплomъ балаганѣ клоуна Віоля, фельетонистъ говоритъ:

«Загородныя поѣздки на тройкахъ въ обшевняхъ, съ русской упряжью, по прежнему, въ модѣ. Средняя Рогатка все еще служитъ цѣлію этихъ поѣздокъ, но у нея явилась опасная соперъ-

[1] Ibid, стр. 299.

Digitized by Google

ница: Арендаторская гостинница, недавно открытая за Сергіевскою Пустынею, на Петергофской дорогѣ». Слѣдуютъ подробности объ устройствѣ этой гостинницы, «въ которой стоитъ фортепьяно и можно, слѣдовательно, танцовать», о находящейся въ ней женской прислугѣ для дамъ и т. п.».

Вслѣдствіе этого заявленія архимандрита Игнатія, министръ народнаго просвѣщенія обратился, 10-го марта 1855 года, къ предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Соглашаясь съ мнѣніемъ высокопреподобнаго архимандрита о томъ, что по мѣсту нахожденія упомянутыхъ гостинницъ и преимущественному ихъ назначенію для богомольцевъ, подобныя статьи могутъ, хотя и косвенно, оскорблять достоинство св. обители, ко вреду ея и къ соблазну публики, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить с.-петербургскому цензурному комитету о строгомъ наблюденіи подобающаго приличія при одобреніи къ печати статей, касающихся первоклассной Троицко-Сергіевской Пустыни, въ особенности, по поводу двухъ вышеупомянутыхъ вновь устроенныхъ гостинницъ для богомольцевъ [1].

Въ томъ же году или въ началѣ слѣдующаго, вышла брошюра «Говоръ простого человчка: 1) Пѣтушинцы». Къ сожалѣнію, мы не могли нигдѣ достать этой брошюрки, даже въ публичной библіотекѣ. По поводу ея было сдѣлано слѣдующее распоряженіе по с.-петербургскому цензурному комитету, 5-го апрѣля 1855 г.:

«Изложеніе коммунистическихъ правилъ, хотя бы и сдѣланное иронически, признано неумѣстнымъ въ изданіи, назначенномъ для простонароднаго чтенія.»

Къ довершенію всего, тому самому А. С. Пушкину, который едвали не болѣе всѣхъ своихъ современниковъ пострадалъ отъ грознаго режима разсматриваемаго нами періода, едва не пришлось сдѣлаться послѣднею жертвою этого режима. Въ 1855 году предпринято было новое изданіе его сочиненій. Такъ какъ предвидѣли, что со стороны тогдашней цензуры трудно будетъ ожидать пощады опальному, хотя и чтимому всею Россіею поэту, то позаботились исходатайствовать высочайшее повелѣніе, предоставлявшее вдовѣ Пушкина, Натальѣ Николаевнѣ Ланской, попечительницѣ его дѣтей, право на повтореніе въ новомъ изданіи всѣхъ произведеній, напечатанныхъ въ посмертномъ изданіи 1838 года. Этимъ было ограждено отъ строгостей цензуры все то, что составляло содержаніе прежняго изданія. Но въ новое изданіе должно было войти множество стихотвореній Пушкина, разсѣян-

[1] Ibid, стр. 300.

Digitized by Google

ныхъ по старымъ журналамъ, начиная съ 1814 года и не попавшихъ въ изданіе 1838 года, а также статьи, отрывки и цѣлыя піесы, находившіеся до тѣхъ поръ въ рукописяхъ, въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти поэта. Кромѣ того, предполагалось приложить къ изданію «Матеріалы для біографіи Пушкина» и «Примѣчанія къ его произведеніямъ». Все это не находилось уже подъ охраною вышесказаннаго высочайшаго повелѣнія, и цензура могла безпрепятственно наброситься на эту оставшуюся на ея долю добычу, что и было сдѣлано въ лицѣ А. Фрейганга, которому было поручено разсмотрѣніе изданія.

Прежде всего, конечно, ужь досталось «Матеріаламъ для біографіи А. Пушкина», несмотря на то, что издатель употребилъ всѣ усилія, чтобы избѣжать всякихъ столкновеній съ цензурою. «Составитель ихъ, говоритъ г. Анненковъ въ своей статьѣ «Любопытная тяжба» [1]:—зналъ, при какой обстановкѣ и въ какихъ условіяхъ онъ работаетъ и могъ предпринять мѣры для огражденія отъ непосредственнаго вліянія враждебныхъ силъ. Оно такъ и было. Не трудно указать теперь на многія мѣста его біографическаго и библіографическаго труда, гдѣ, видимо, отражается страхъ за будущность своихъ изслѣдованій, и гдѣ бросаются въ глаза усилія предупредить и отвратить толкованія и заключенія подозрительности и напуганнаго воображенія отъ его выводовъ и сообщеній».

Несмотря на всѣ эти предосторожности, Фрейгангъ отмѣтилъ много мѣстъ, подлежащихъ къ исключенію. Вотъ эти мѣста:

1) Слѣдующіе отрывки изъ предисловія къ «Кавказскому плѣннику:

a) Когда *я погибалъ безвинный,* безотрадный,
И шопотъ клеветы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда кинжалъ измѣны хладной,
Когда любви тяжелый сонъ
Меня терзали и мертвили,
Я близъ *тебя*...

b) Я рано скорбь узналъ, *постигнутъ былъ гоненьемъ,*
Я жертва клеветы и мстительныхъ невѣждъ,
Но сердце укрѣпивъ надеждой и терпѣньемъ...

c) Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Младыми розами вѣнчалъ,
И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ...

2) Слѣдующія разсужденія Пушкина о своей трагедіи:

«Я такъ же намѣренъ возвратиться къ Шуйскому. Онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ пе-

[1] См. «Вѣст. Евр.» 1881 г., № 1, стр. 19

Digitized by Google

реходитъ на сторону Димитрія, первый начинаетъ заговоръ, и замѣтьте—онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ. Онъ уже близокъ къ казни, но Димитрій съ тѣмъ великодушіемъ вѣтренности, которая отличала этого пройдоху, даетъ ему помилованіе, изгоняетъ его и снова возвращаетъ ко двору своему, осыпая честью и щедротами. И что же дѣлаетъ уже стоящій разъ подъ топоромъ? Тотчасъ же принимается за новый заговоръ, успѣваетъ, захватываетъ престолъ, падаетъ и въ паденіи своемъ уже показываетъ болѣе достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіи всей своей жизни».

«Дмитрій сильно напоминаетъ Генриха IV. Онъ храбръ и хвастливъ, какъ тотъ. Оба перемѣняютъ религію для политическихъ видовъ, оба любятъ войну, удовольствія, оба наклонны къ необыкновеннымъ предпріятіямъ и оба служатъ цѣлью многочисленныхъ заговоровъ. Но Генрихъ не имѣлъ Ксеніи на совѣсти: правда, что это ужасное обвиненіе еще не доказано, и я считаю своей обязанностью ему не вѣрить».

«Грибоѣдовъ не доволенъ былъ Іовомъ».

Слѣдующія мѣста изъ письма Пушкина, тоже о своей трагедіи: 1) Ma tragédie est remplie de bonnes plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps-là... Quant aux grosses indécenses, n'y faites pas attention...» 2) Après avoir goûté de la royauté—voyez la (Марину Мнишекъ), ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier, partager tantôt le lit degoutant d'un juif, tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque qui peut lui présenter la faible espérance d'un trône qui n'existait plus»... 3) Гаврило Пушкинъ est un de mes ancêtres; je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. Il a eu de grands talents. Homme de guerre, homme de cour—c'est lui et Плещеевъ qui ont assuré le succès de Самозванецъ par une audace inouie».

3) Слѣдующее размышленіе Пушкина:

«Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея *секты* для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. *Обряды* и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть?

4) Слѣдующее мнѣніе Пушкина о Державинѣ въ письмѣ къ Дельвигу:

Digitized by Google

«По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего, и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской граматы, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія; вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ нетолько не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдерживать и строфы (исключая чего—знаешь). Что же въ немъ? Мысли, картины и движенія, истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что̀ мы знаемъ о немъ. У Державина должно будетъ сохранить одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ. Довольно о Державинѣ» [1].

5) Слѣдующее стихотвореніе Пушкина о собственной его жизни:

«Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ,
Мои утраченные годы!
Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды,
И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ
Неотразимыя обиды.
И нѣтъ отрады мнѣ—и тихо предо мной
Встаютъ два призрака младые,
Двѣ тѣни милыя—два данные судьбой
Мнѣ ангела во дни былые.
Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
И стерегутъ, и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
О тайнахъ вѣчности и гроба.

6) Слѣдующіе отрывки о *безсмертіи души*, написанные Пушкинымъ, какъ произведеніе Владиміра Ленскаго:

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
Могилу переживъ, уноситъ мысли вѣчны,
И память, и любовь въ пучины безконечны—
Клянусь! давно бы я покинулъ грустный міръ,
Узрѣлъ бы я предѣлъ восторговъ, наслажденій,

[1] Мѣсто это было выпущено цензоромъ, вслѣдствіе цензурнаго мѣропріятія, по которому не должна была допускаться къ обнародованію никакая критическая оцѣнка старыхъ классическихъ писателей, если она можетъ умалить ихъ авторитетъ. Распоряженіе это было вызвано доносами на критическіе разборы литературы В. Г. Бѣлинскаго, будто бы оскорбляющіе народную гордость и помрачающіе славу великихъ мужей Россіи.

Digitized by Google

Предѣлъ, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
Гдѣ мысль одна живетъ въ небесной чистотѣ;
Но тщетно предаюсь пленительной мечтѣ».

7) Слѣдующій отрывокъ изъ письма Пушкина о программѣ газеты, которую дозволено было издавать ему въ 1832 году:

«Онъ (Пушкинъ) получилъ дозволеніе на изданіе газеты, но почти на другой день писалъ съ досадой: «какую программу хотите вы видѣть: извѣстія о курсѣ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ: вотъ вамъ и вся программа. Я хотѣлъ уничтожить монополію... Остальное меня мало интересуетъ и пр.

8) Слѣдующія выраженія въ сказкахъ Ирины Родіоновны:

«Царь женился на меньшой и съ первой ночи она понесла».

«Одинъ изъ сыновей уродился чудомъ, ноги серебряныя, руки золотыя», и пр.

«Царь пьетъ изъ проруби; кто-то его хвать за бороду и не выпускаетъ... Царь взмолился... Задумался бѣдный царь».

«Царь (другой, подземнаго царства) повелѣваетъ Ивану Царевичу построить церковь въ одну ночь. Царевна, обратясь въ муху, является къ нему: не печалься, Иванъ Царевичъ, *сними портки, повѣсь на шестокъ* [1], да спи, а завтра возьми молоточекъ, ходи около церкви... Царевичъ думалъ, думалъ и, наконецъ, сказалъ: а нуже его! повѣситъ такъ повѣситъ, голова мнѣ не дорога... Поутру церковь готова».

«Марья Царевна превращаетъ Ивана Царевича въ церковь, а себя въ священника... церковь ветха, священникъ старъ».

9) Слѣдующіе подчеркнутые стихи въ различныхъ отрывкахъ и цѣльныхъ пьесахъ Пушкина:

a) Не женщины любви насъ учатъ,
А первый *пакостный* романъ...

b) Мой недочитанный разсказъ
Въ передней кончитъ вѣкъ позорный,
Какъ инвалидъ иль календарь...

c) Въ пещерѣ тайной, *въ день гоненья*
Читалъ я *сладостный* коранъ—
Внезапно ангелъ утѣшенья,
Взлетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ...

d) На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ,
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя...

Выраженіе объ александрійскомъ стихѣ (изъ «Домика въ Коломнѣ»):
«Растрепанъ былъ свободною цензурой».

Далѣе идутъ слѣдующія исключенія изъ прочихъ томовъ изданія:

---

[1] Слова, подчеркнутыя курсивомъ, остались выпущенными изъ изданія.

Digitized by Google

10) Изъ стихотворенія къ «Другу» стихотворцу:

«Въ деревнѣ помнится, съ мірянками простыми,
Отшельникъ [1] пожилой и съ кудрями сѣдыми,
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, въ довольствѣ жилъ
И первымъ мудрецомъ у нихъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы подъ вечеръ онъ шелъ немного пьяный;
Попался ему на встрѣчу мужики:
— Послушай, батюшка, сказали простяки,
Настави грѣшныхъ насъ: ты пить вѣдь запрещаешь,
Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь—
И вѣримъ мы тебѣ; да что-жь сегодня самъ?..
— Послушайте, сказалъ отшельникъ мужикамъ:
Какъ [2] васъ учу, такъ вы и поступайте;
Живите хорошо, а мнѣ не подражайте».

11) Окончаніе стихотворенія «Блаженство»:

«Счастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую;
Пьетъ ужь третью; но въ глазахъ —
Видъ окрестный потемнился
И несчастный—утомился.
Томно голову склоня.
— Научи, сатиръ, меня,
Говорить пастухъ со вздохомъ,
Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу счастливымъ быть?
Я не въ силахъ больше пить.
— Слушай, юноша, любезный,
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
Мигъ блаженства вѣкъ лови!
Помни дружбы наставленья:
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и счастья безъ любви;
Такъ поди-жь теперь съ похмѣлья
Съ Купидономъ помирись,
Позабудь его обиды,
И въ объятіяхъ Доріды
Снова счастьемъ насладись».

12) Цѣликомъ все стихотвореніе «Элегія», несмотря на то, что оно было напечатано недавно, въ «Современникѣ» 1850 г., почерпнувшемъ его изъ стараго альманаха «Сѣверная Звѣзда» 1829 г.:

«О ты, которая изъ дѣтства
Зажгла во мнѣ священный жаръ,
При коей сносны жизни бѣдства,
Безъ коей счастье тщетный даръ!
Я звучнымъ строемъ пѣсней новыхъ
Тебя привѣтствовать дерзалъ;

[1] Въ подлинникѣ *священникъ*.
[2] Пропущено издателемъ «въ церкви».

Digitized by Google

Будилъ молчанье скалъ суровыхъ
И слухъ ничтожныхъ устрашалъ.
Услышатъ пѣснь мою потомки
Средь отдаленнѣйшихъ вѣковъ
И лиры гордые обломки
Переживутъ вѣнки льстецовъ.

13) Окончаніе стиховъ «къ Н. Г. Л—ву»:

Когда-жъ пойду на новоселье
(Заснутъ вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: дай Богъ ему веселье!
Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ.

14) Слѣдующіе стихи изъ «Руслана и Людмилы»:

1) Ужели Богъ намъ далъ одно
Въ подлунномъ мірѣ наслажденье?
Вамъ остаются въ утѣшенье
Война, и музы, и вино...
2) Не правъ фернейскій злой крикунъ!
Все къ лучшему—теперь колдунъ
Иль магнетизмомъ лечитъ бѣдныхъ,
И дѣвочекъ худыхъ и блѣдныхъ,
Пророчитъ, издаетъ журналъ:
Дѣла, достойныя похвалъ!

15) Въ статьѣ «Замѣтка на сцену изъ Фонвизина: «Разговоръ у княгини Халдиной» Пушкинъ, разбирая характеръ Сорванцова, одного изъ дѣйствующихъ лицъ этой сцены, говоритъ:

«Она продаетъ крестьянъ въ рекруты и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно русскій баричъ прошлаго вѣка».

16) Слѣдующій отрывокъ изъ письма Пушкина къ Погодину и замѣчаніе послѣдняго по поводу стихотворенія «Герой»:

Письмо Пушкина: «Посылаю вамъ изъ моего Патмоса апокалипсическую пѣснь. Напечатайте гдѣ хотите, хоть въ «Вѣдомостяхъ»; но прошу васъ и требую именемъ нашей дружбы — не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропуститъ ее, то перешли Дельвигу, но также безъ моего имени и не моей рукою переписанную».

Замѣчаніе Погодина: «Я напечаталъ стихи тогда же въ «Телескопѣ» и свято хранилъ до сихъ поръ тайну. Кажется, должно перепечатать ихъ теперь. Разумѣется, не нужно припоминать, что число, выставленное Пушкинымъ подъ стихотвореніемъ послѣ многозначительнаго *«утѣшься»!* «29-го сентября 1830», есть день прибытія государя императора въ Москву, во-время холеры».

17) Слѣдующая выписка изъ предисловія къ поэмѣ «Руслань и Людмила», напечатаннаго при второмъ ея изданіи (1828 г.):

«Долгъ искренности требуетъ также упомянуть о мнѣніи одного изъ увѣнчанныхъ первоклассныхъ отечественныхъ писателей, ко-

Digitized by Google

торый, прочитавъ «Руслана и Людмилу», сказалъ: я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность. Другой (а можетъ быть и тотъ же) первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей первый опытъ молодого поэта слѣдующимъ стихомъ:

«Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть.
18-го февраля 1828».

18) Слѣдующая отдѣльная замѣтка:

«Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятія о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословныя распри. Юный Ѳедоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворанскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшались Іоаннъ III, ни терпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ».

19) Слѣдующія мѣста изъ антикритики Пушкина на статью Броневскаго объ «Исторіи Пугачевскаго бунта»:

а) «*Политическія и нравоучительныя размышленія*, коими г. Броневскій украсилъ свое повѣствованіе, слабы и *пошлы* и не вознаграждаютъ читателей за недостатокъ фактовъ, точныхъ извѣстій и яснаго изложенія происшествій»...

b) Цитата изъ Броневскаго, приводимая Пушкинымъ въ подстрочномъ примѣчаніи для примѣра пошлыхъ размышленій своего критика:

«Нравственный міръ, также какъ и физическій, имѣетъ свои феномены, способные устрашить всякаго любопытнаго, дерзающаго разсматривать оные. Если вѣрить философамъ, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ стихій, добра и зла—то Емелька Пугачевъ безспорно принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ, къ извергамъ, внѣ законовъ природы рожденнымъ, ибо въ естествѣ его не было и малѣйшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которыя разумное твореніе отъ безсмысленнаго животнаго отличаютъ. Исторія сего злодѣя можетъ изумить порочнаго и вселить отвращеніе даже въ самыхъ разбойникахъ и убійцахъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, какъ низко можетъ падать человѣкъ, и какою адскою злобою можетъ быть преисполнено его сердце. Если бы дѣянія Пугачева подвержены были малѣйшему сомнѣнію, я съ радостію вырвалъ бы страницу сію изъ моего труда»!

20) Въ статьѣ «Россійская Академія» слѣдующія два мѣста:

а) Выписка, которую Пушкинъ дѣлаетъ изъ журнала «Со-

Digitized by Google

бесѣдникъ любителей русскаго слова» 1783 г., гдѣ находились вопросы Фонвизина и отвѣты на нихъ императрицы Екатерины II, и которые гласятъ:

Вопросъ Фонвизина: Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе? *Отвѣтъ*: Предки наши не всѣ граматѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли».

«Сіи отвѣты, прибавляетъ Пушкинъ, писаны самой императрицей». [1]

b) Слѣдующее мѣсто о Карамзинѣ:

«Пребываніе Карамзина въ Твери ознаменовано еще однимъ обстоятельствомъ, важнымъ для друзей его памяти, неизвѣстнымъ еще для современниковъ. По вызову государыни великой княгини, женщины съ умомъ необыкновенно возвышеннымъ, Карамзинъ написалъ свои мысли «О древней и новой Россіи», со всею искренностію прекрасной души, со всею смѣлостью убѣжденія сильнаго и глубокаго. Государь прочелъ эти краснорѣчивыя страницы — прочелъ и остался попрежнему милостивъ и благосклоненъ къ прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оцѣнитъ и величіе государя, и благородство патріота». [2]

Всѣ эти выдержки наглядно показываютъ намъ, до какого крайняго умопомраченія дошла предварительная цензура въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ, въ лицѣ такихъ цензоровъ, какъ А. Фрейгангъ и комп. Это была мертвая, бюрократическая машина, отъ излишняго усердія совершенно истершаяся и до такой степени исказившаяся, что въ концѣ концовъ она уже не разбирала, что попадалось подъ ея поломанные зубья, мука ли, известка или пальцы владѣвшихъ ею мастеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить, что одинъ и тотъ же цензоръ однимъ и тѣмъ же карандашомъ въ цензируемомъ имъ изданіи на одной страницѣ вычеркнулъ слова Погодина, дѣлающія изъ стихотворенія Пушкина «Герой» оду въ честь императора Николая, а на другой не допустилъ безпощадную брань, которою осыпаетъ Броневскій Пугачева, то можно подумать, что это былъ цензоръ какого-нибудь революціоннаго трибунала, не желавшій допустить, чтобъ въ одномъ и томъ же изданіи прославлялся императоръ и поносился Пугачевъ. По словамъ г. Анненкова, такія антиправительственныя запрещенія дѣлались тогда сплошь и рядомъ.

---

[1] Мѣсто это осталось выпущеннымъ въ изданіи.

[2] «В. Евр. 1881 г., № 1, стр. 21—40.

Digitized by Google

Операція, произведенная Фрейгангомъ надъ изданіемъ Пушкина, была послѣднею каплею, переполнившею чашу. Само высшее начальство, въ лицѣ большинства членовъ Главнаго управленіе цензуры, отшатнулось отъ этой операціи. Когда издатель апеллировалъ приговоръ спб. цензурнаго комитета передъ Главнымъ управленіемъ цензуры пространною запискою, въ которой представилъ рядъ подробныхъ и обстоятельныхъ возраженій на каждое исключеніе цензора, напрасно гр. Мусинъ-Пушкинъ, вполнѣ соглашаясь съ Фрейгангомъ и убѣжденный въ политической необходимости всѣхъ его помарокъ, настаивалъ на томъ, чтобы записка издателя не была принята, что такая поблажка издателю могла бы послужить дурнымъ примѣромъ для авторовъ вообще, постоянно заявляющихъ нестерпимую претензію знать причины цензурныхъ распоряженій, до нихъ касающихся. Случись все это одинъ годъ назадъ, и голосъ гр. Мусина-Пушкина конечно имѣлъ бы рѣшающее значеніе. Но жизнь наша въ это время успѣла уже вступить въ новую эпоху, и въ воздухѣ, хотя и смутно еще, начинали чувствоваться совершенно новыя вѣянія... Ужь и министромъ народнаго просвѣщенія былъ теперь не кн. Ширинскій-Шахматовъ, а мягко-сердечный и литературно образованный ветеранъ 1812 года А. С. Норовъ, который первый подалъ голосъ за принятіе оправдательной записки издателя. И даже Дубельтъ, нѣкогда отзывавшійся о произведеніяхъ Пушкина, какъ о дряни, которой не стоитъ заниматься, присоединился къ мнѣнію Норова и съ своей стороны заявилъ, что онъ «не находитъ опасности для дѣйствующихъ по печати законовъ въ допущеніи «записки», ни для кого не обязательной при рѣшеніи спорныхъ пунктовъ».

Записка была такимъ образомъ принята, и нетолько прочитана большинствомъ членовъ правленія, но канцелярія снабдила ее поправками, ссылками на уставы и законодательство, что сдѣлало ее еще болѣе убѣдительною. Начались жаркія пренія, въ которыхъ рельефно выразилась вся та ожесточенная борьба отжившаго прошлаго съ зарождавшеюся новою жизнію, борьба, которая закипала въ то время во всѣхъ отрасляхъ государственнаго правленія. Напрасно гр. Мусинъ-Пушкинъ отстаивалъ съ пѣною у рта, что если помарки Фрейганга не будутъ утверждены, то Россіи угрожаетъ чуть-что не гибель. Кромѣ двухъ, вышеозначенныхъ нами въ подстрочномъ примѣчаніи, всѣ онѣ были отвергнуты большинствомъ собранія. Когда гр. Мусинъ-Пушкинъ удалялся изъ засѣданія, мрачный, какъ послѣдняя туча разсѣянной бури, онъ произнесъ въ раздраженіи замѣ-

Digitized by Google

чательное изрѣченіе, показывавшее все его недоумѣніе при видѣ новыхъ порядковъ:

— «Никогда еще не бывало, чтобы цѣлое вѣдомство пожертвовано было неизвѣстно откуда взявшемуся господину!»

Послѣ этого достопамятнаго засѣданія, въ которомъ новая эпоха одержала первую блистательную побѣду надъ отжившимъ режимомъ, министръ Норовъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ къ императору Александру II, и послѣдній утвердилъ рѣшеніе Главнаго управленія цензуры слѣдующею резолюціею: «печатать изданіе безъ всякихъ поправокъ и *неумѣстныхъ умничаній* по ихъ поводу».

Подчеркнутыя нами слова Высочайшей резолюціи повели Главное управленіе цензуры къ новому столкновенію партій. Поднялись пренія о томъ, какъ понимать эти слова. Враги изданія настаивали на томъ, что слова резолюціи должны относиться къ біографіи и примѣчаніямъ издателя и требовали, чтобы было отказано имъ въ пропускѣ. Приверженцы же изданія утверждали, что подъ *неумѣстными умничаньями* слѣдуетъ понимать критики и рецензіи, которыя могутъ появиться по выходѣ изданія въ свѣтъ. Министерство народнаго просвѣщенія и на этотъ разъ присоединилось къ прогрессивной партіи и приняло на себя отвѣтственность за выпускъ изданія въ полномъ его составѣ. [1]

Часъ стараго режима окончательно пробилъ.

А. Скабичевскій.

---

[1] Ibid стр. 41—43.

Digitized by Google

ГЛАДКІЯ ВЗЯТКИ[1].

(Замѣтки, очерки и наблюденія).

ДОРОГО, ДА МИЛО.

Въ ряду находящихся у меня подъ рукою фактовъ, доказывающихъ, что между оффиціальнымъ положеніемъ и капиталомъ существуютъ самыя тѣсныя, близкія отношенія, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ исторія, недавно разыгравшаяся на моихъ глазахъ въ Z—скомъ чрезвычайномъ уѣздномъ земскомъ собраніи, созванномъ управою «для изысканія средствъ къ покрытію текущихъ расходовъ земства, а также и для обсужденія мѣръ ко взысканію накопившейся за крестьянами земской недоимки».

Общая картина Z—скаго земскаго собранія была слишкомъ заурядна, чтобы долго останавливать на ней вниманіе читателя. Въ большой залѣ клуба, гдѣ разъ въ мѣсяцъ засѣдалъ мировой съѣздъ и четыре разъ въ годъ открывало свои засѣданія временное отдѣленіе окружного суда, вокругъ большого, такъ называемаго «присутственнаго», а въ клубные дни обѣденнаго, покрытаго на этотъ разъ зеленымъ сукномъ, стола, сидѣли крупные землевладѣльцы; второй рядъ креселъ занимали гласные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ и города и, наконецъ, нѣсколько поодаль, на стульяхъ, засѣдали гласные отъ крестьянъ, въ числѣ которыхъ можно было замѣтить волостныхъ старшинъ со знаками ихъ должности на шеѣ.

Подлежавшій разсмотрѣнію собранія вопросъ былъ столь первостепенной важности, что гласные, несмотря на начинавшій портиться санный путь—собраніе созывалось на 9 марта—съѣхались въ Z—скъ всѣ, за исключеніемъ трехъ священниковъ, задержанныхъ въ своихъ приходахъ великопостными требами. Даже Z—скіе обыватели, обыкновенно рѣдко посѣщавшіе очередныя

[1] См. «Отеч. Зап.» 1883 г., № 9.

Digitized by Google

земскія собранія—«развѣ когда выборы»—и тѣ пришли сюда, въ клубъ, послушать, «чѣмъ вся эта канитель у земства кончится и на чемъ порѣшатъ». Слухи о печальномъ положеніи земскаго хозяйства носились уже давно. Z—ское земство, какъ и многія изъ нашихъ уѣздныхъ земствъ, переживало тяжелые дни. Земская касса была совершенно пуста. За крестьянами числилась громадная недоимка, наросшая, въ особенности въ два послѣдніе года, до 87,000 руб., а поступленія шли такъ туго, что земству въ непродолжительномъ будущемъ грозило чуть ли не банкротство. Поставщики земскихъ больницъ и подрядчики по исправленію дорогъ и мостовъ осаждали земскую управу требованіями расчета и, получая отъ члена управы, распоряжающагося денежною частью, всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: «повремените! мы сами рады бы съ вами расплатиться, да нечѣмъ: крестьяне ничего не платятъ», грозили прекратить отпускъ товаровъ въ кредитъ и работу въ долгъ. Служащіе по земству не всегда въ свое время получали жалованье. Участковые мировые судьи, сами уѣздные гласные, чрезвычайно этимъ возмущались.

Вопросъ о недоимкѣ назрѣлъ не сразу. Еще осенью, на очередномъ собраніи прошлаго года, при обсужденіи бюджета на будущій годъ и отчета за истекшій отчетный, выяснилось, что земство, «если только крестьяне не начнутъ поплачиваться», должно будетъ просить у губернскаго земства краткосрочную ссуду. На томъ же собраніи былъ поднятъ вопросъ и о недоимкѣ, о причинахъ ея и средствахъ къ ея погашенію. Уѣздной управѣ досталось тогда-таки порядкомъ на орѣхи отъ гласнаго Самынина, участковаго мирового судьи, считавшагося лидеромъ оппозиціи управы и вообще партіи, два трехлѣтія подъ рядъ державшей земское хозяйство въ своихъ рукахъ. Онъ обвинялъ управу въ ничегонедѣланіи, въ непринятіи никакихъ мѣръ ко взысканію съ крестьянъ недоимки, которая, какъ видно было изъ отчетовъ управы за послѣднее время, росла не по днямъ, а по часамъ. Объ этой недоимкѣ толковали битыхъ два дня и, не прійдя ни къ какому результату, «оставили вопросъ открытымъ». Порѣшили на томъ, что собраніе поручаетъ уѣздной управѣ «всесторонне выяснить причины столь быстраго и ничѣмъ, повидимому, неоправдываемаго—такъ занесено было, по требованію, Самынина въ журналъ собранія—наростанія земской недоимки за крестьянами, а затѣмъ выработать проэктъ о мѣрахъ и способахъ къ скорѣйшему погашенію ея и, по изготовленіи доклада, созвать чрезвычайное собраніе».

Въ Z—скомъ земствѣ, съ первыхъ дней его существованія, образовались двѣ партіи гласныхъ: партія стоящихъ въ данную

Digitized by Google

минуту «у дѣлъ», или партія управы, и оппозиціонная ей партія гласныхъ, стремящихся стать «у дѣлъ» и забрать должности по земству въ свои руки. Случалось, что роли эти черезъ трехлѣтіе мѣнялись, но рѣзкое раздѣленіе партій существовало всегда, существуетъ и донынѣ. Надо замѣтить, что, кромѣ общности цѣлей и интересовъ, сторонниковъ той и другой партіи связывали и родственныя узы. Въ настоящее время, въ Z—скомъ земствѣ хозяйничала семья землевладѣльцевъ Акуловыхъ, уже два трехлѣтія подъ рядъ занимавшихъ большую часть должностей по земству. Понятно, что къ концу каждаго трехлѣтія отношенія той и другой партіи обострялись съ особенною силою.

Еще задолго до открытія экстреннаго собранія въ Z—скѣ было извѣстно, что оппозиція, съ лидеромъ ея, Самынинымъ, во главѣ, въ виду предстоящихъ осенью выборовъ, готовится дать управѣ и вообще партіи Акуловыхъ генеральное сраженіе и даже потребуетъ у собранія преданія управы суду за бездѣйствіе власти. Партія управы тоже приготовилась къ отпору и вызвала изъ уѣзда всѣ свои наличныя силы. Въ ожиданіи этой «битвы», Z—скіе обыватели биткомъ наполняли ту часть клубной залы, которая во время какихъ-либо засѣданій всегда отводилась для публики.

Звонокъ предсѣдателя собранія, уѣзднаго предводителя, собралъ разбредшихся по клубу гласныхъ въ залу засѣданія.

— Объявляю чрезвычайное собраніе открытымъ! провозгласилъ предводитель, послѣ того какъ гласные разсѣлись по мѣстамъ въ томъ порядкѣ, какъ я уже разсказалъ. Онъ не состоялъ въ числѣ гласныхъ и потому, не пользуясь «правомъ голоса», только по должности предводителя предсѣдательствовалъ въ собраніи, руководилъ преніями, индиферентно относясь къ борьбѣ партій за крохи обглоданнаго земскаго пирога.

По заведенному порядку собраніе тотчасъ же приступило къ избранію секретаря и членовъ редакціонной комиссіи. Члены ревизіонной комиссіи были избраны еще на осеннемъ очередномъ собраніи прошлаго года. Докладъ свой о состояніи кассы и денежныхъ книгъ управы они обязаны были представить къ экстренному собранію, такъ какъ предполагалось, что это собраніе болѣе одного дня не продлится. Въ редакціонную комиссію избрали по четыре члена изъ каждой партіи. Въ числѣ ихъ былъ и самъ Самынинъ. Его всегда выбирали въ эту комиссію.

Рѣшительная минута приближалась. Вяло, послѣ незначительныхъ дебатовъ, собраніе вотировало нѣсколько малозначащихъ биллей управы. Обѣ партіи, очевидно, берегли свои силы для

Digitized by Google

предстоящихъ дебатовъ по вопросу, послужившему поводомъ къ созванію чрезвычайнаго собранія. Самынинъ такъ и заявилъ, что «всѣ эти пустячки можно бы послѣ, а теперь пора бы послушать, что-то управа выдумала на счетъ недоимки».

— Да, да! согласился предводитель.—Нельзя ли ужь пустить эту бумажоночку, предложилъ онъ въ качествѣ руководителя порядкомъ совѣщаній предсѣдателю управы, докладывавшему собранію управскіе билли.

Миронъ Иванычъ Акуловъ, предсѣдатель управы и лидеръ управской партіи, встаетъ и громко читаетъ свой «интересный» докладъ. Гласные и публика, всѣ—вниманіе. Словечка боятся пропустить мимо ушей. Печальное положеніе земскаго хозяйства было обрисовано въ этомъ докладѣ слишкомъ ужь густыми красками. Привожу выдающіяся мѣста доклада со стенографическою точностью.

— «Еще въ прошломъ очередномъ уѣздномъ земскомъ собраніи, началъ такъ свой докладъ Акуловъ:—уѣздная управа, представляя смету раскладки земскихъ сборовъ и отчетъ за истекшій годъ, сочла долгомъ своимъ обратить вниманіе собранія на постоянно возростающую за крестьянами недоимку и просила...

— Вздоръ! Не управа, а мы, гласные, и въ особенности члены ревизіонной комиссіи обратили вниманіе на эту недоимку! скороговоркою перебилъ его Самынинъ.—Управа-то наспала и проспала эту недоимку...

— Позвольте-съ! рѣзко остановилъ Самынина докладчикъ.—Прошу меня не перебивать!

— Я указываю на невѣрность фактической стороны доклада! отвѣтилъ ему Самынинъ.

— Позвольте же мнѣ продолжать! тономъ, въ которомъ слышалось сильное раздраженіе, попросилъ Самынина Акуловъ: — «.... и просила, читалъ онъ далѣе:—изыскать средства къ покрытію текущихъ расходовъ уѣзднаго земства, ибо уже въ истекшемъ отчетномъ году, управа, не имѣя въ наличности спеціальныхъ уѣздныхъ земскихъ сметныхъ суммъ, неоднократно была поставлена въ безъисходное положеніе, выйти изъ котораго могла только путемъ самовольныхъ позаимствованій изъ губернскихъ сметныхъ суммъ, присланныхъ губернскою земскою управою. Уѣздное собраніе, хотя и нашло такой образъ дѣйствій управы неправильнымъ, но признало, что поступить иначе было нельзя. Позаимствованія эти частію были пополнены изъ первыхъ же поступленій уѣздныхъ земскихъ суммъ, а частію и доселѣ считаются долгомъ уѣзднаго земства губернскому, независимо отъ суммы въ десять тысячъ руб., выданной губернскимъ земствомъ

Digitized by Google

уѣздному въ краткосрочную ссуду, и до настоящаго времени еще не погашенную. Несомнѣнно, что подобный способъ веденія земскаго хозяйства, при прогрессивно увеличивающейся за крестьянами недоимкѣ, продолжаться долѣе не могъ. Управа отказывала уѣзду во многихъ полезныхъ предпріятіяхъ, уже утвержденныхъ собраніемъ. Въ виду полнаго истощенія земской кассы, она ограничивалась удовлетвореніемъ только самыхъ необходимыхъ уѣздныхъ потребностей. Если настоящее плачевное положеніе уѣзднаго бюджета продлится, то управа вынуждена будетъ пріостановиться въ самыхъ насущныхъ своихъ расходахъ и нетолько задерживать на нѣсколько мѣсяцевъ, какъ это было до сихъ поръ, но и вовсе отказывать служащимъ по земству въ выдачѣ жалованья. (Движеніе между участковыми мировыми судьями.)

«Земская управа, исполняя возложенное на нее собраніемъ порученіе «всесторонне разслѣдовать причины этихъ недоимокъ», вошло въ обширную переписку съ губернскою и уѣздною администраціею по интересующему насъ вопросу и, кромѣ того, циркулярнымъ предписаніемъ обратилась ко всѣмъ волостнымъ правленіямъ уѣзда съ требованіемъ подробно объяснить причины, почему именно крестьяне нашего уѣзда не платятъ, или не хотятъ платить земскія подати. («Нечѣмъ»! крикнулъ кто-то изъ самынинской партіи). Отъ тридцати волостей послѣ неоднократныхъ напоминаній, требуемыя свѣдѣнія были получены, двѣ же волости, находящіяся въ участкѣ гласнаго, мирового судьи Самынина, старшины которыхъ сами состоятъ гласными собранія отъ крестьянъ, не прислали своихъ донесеній и до настоящаго времени. (Сильное движеніе между гласными отъ крестьянъ. Двое старшинъ встаютъ, очевидно, чтобы дать объясненія. Энергическій жестъ Самынина заставляетъ ихъ успокоиться и сѣсть). Конечно, это послѣднее обстоятельство не могло уже задерживать управу ни въ составленіи общихъ выводовъ, ни въ созывѣ чрезвычайнаго уѣзднаго собранія. Такимъ образомъ земская управа получила драгоцѣнный матеріалъ, разработка котораго дала ей возможность выяснить причины столь быстраго накопленія земской недоимки. Надлежитъ замѣтить, что хроническая недоимка за крестьянами въ размѣрѣ около тридцати тысячъ руб., постоянно увеличивающаяся начисленіемъ пени, тянется уже болѣе десяти лѣтъ. Причины же недоимки, почти въ 60,000 руб., накопившейся въ два послѣдніе года, надлежитъ искать, по объясненію г. исправника и свѣдѣніямъ управы, основаннымъ на донесеніяхъ волостныхъ правленій, съ одной стороны, въ общемъ обѣднѣніи крестьянъ, вслѣдствіи лежащихъ на нихъ непосильныхъ выкупныхъ платежей, а съ другой—въ общемъ экономи-

Digitized by Google

ческомъ положеніи уѣзда, населеніе котораго, не будучи въ состояніи прокармливать себя, вслѣдствіе неплодородія почвы и упадка сельскаго хозяйства, постоянно уходило въ посторонніе заработки на фабрики, а такъ какъ число рабочихъ на многихъ изъ фабрикъ въ послѣдніе два года значительно сокращено, то большая часть ушедшихъ въ заработки, вернулась домой бѣднѣе, чѣмъ ушла. Такимъ образомъ, число ртовъ въ уѣздѣ за послѣдніе два года увеличилось (смѣхъ въ публикѣ), а заработокъ уменьшился, что̀, разумѣется, не могло не отозваться на земскомъ бюджетѣ почти полнымъ прекращеніемъ платежа крестьянами земскихъ повинностей.

«Войдя въ переписку по вышеозначенному вопросу съ г. исправникомъ, управа просила его принять понудительныя мѣры ко взысканію съ крестьянъ земскихъ повинностей. Г. исправникъ обѣщалъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры. Равнымъ образомъ и г. губернаторъ сообщилъ управѣ, что имъ строжайше предписано принять энергическія мѣры къ скорѣйшему взысканію съ крестьянъ земскихъ податей. (Гласные отъ крестьянъ тяжело вздыхаютъ). Какъ бы то ни было, но, очевидно, что эти мѣры, если только онѣ были приняты, оказались совершенно безуспѣшными, ибо недоимка за крестьянами не уменьшается, а все болѣе и болѣе возростаетъ.

«Несмотря, однако, на то, что въ кассѣ земской управи денегъ нѣтъ, на земствѣ нашемъ лежатъ извѣстные обязательные расходы, выполнить которые земство можетъ не иначе, какъ получивъ временную денежную помощь. Губернская управа, куда, передъ составленіемъ этого доклада, уѣздная управа обращалась съ запросомъ о томъ, «возможно-ли уѣздному земству надѣяться вновь получить ссуду на покрытіе обязательныхъ расходовъ земства изъ свободныхъ наличныхъ средствъ губернской управы», отвѣтила, что она, въ виду неуплаты уѣздною управою прежней ссуды, стѣсняется въ выдачѣ новой, тѣмъ болѣе, что и наличныхъ свободныхъ средствъ въ распоряженіи губернской управы въ настоящее время вовсе не имѣется. Такимъ образомъ, уѣздная управа имѣетъ честь доложить земскому собранію, что нашему земству осталось единственное средство для покрытія обязательныхъ земскихъ повинностей и расходовъ, а именно прибѣгнуть къ частному займу. («Ого»! въ партіи Самынина). По этому предмету управа уже вошла въ переговоры съ нѣкоторыми изъ Z-скихъ купцовъ, которые согласились дать земству подъ заемное письмо управы и съ предварительнаго разрѣшенія собранія десять тысячъ рублей, срокомъ на два года изъ двѣнадцати процентовъ годовыхъ.

Digitized by Google

«Къ вышеизложенному управа считаетъ долгомъ присовокупить, что печальное экономическое положеніе уѣзда, вызванное между прочимъ непомѣрно высокими выкупными платежами, давно уже требовало раціональнаго улучшенія. И улучшеніе это, надо надѣяться, не замедлитъ наступить. Въ непродолжительномъ будущемъ, выкупные платежи съ уѣзда будутъ сбавлены и управа осмѣливается, въ свою очередь, выразить полную надежду на болѣе свѣтлое будущее ея хозяйства. Желательно было бы, чтобы земское собраніе постановленіемъ своимъ ходатайствовало объ уменьшеніи выкупныхъ платежей съ уѣзда на десять, а не на пять тысячъ рублей, какъ это проэктировано въ губернскомъ земскомъ собраніи. Несомнѣнно, что тогда на таковую же сумму увеличилось бы и поступленіе съ крестьянъ лежащихъ на нихъ податей въ земскую кассу.

«Въ заключеніе, управа считаетъ необходимымъ объяснить земскому собранію, что земскимъ учрежденіямъ не принадлежитъ, по закону, право взысканія недоимокъ земскихъ сборовъ. («Экая новость»! «И безъ того знаемъ»! слышится отъ кого-то изъ гласныхъ). Земство имѣетъ право только получать ихъ, въ случаѣ добровольнаго ихъ взноса, и то не непосредственно, а при участіи мѣстныхъ казначействъ, принимающихъ и хранящихъ въ своихъ кладовыхъ земскія деньги. Всѣ мѣры, которыя можетъ употребить земская управа для взысканія своихъ податей и недоимокъ, заключаются въ обращеніи къ мѣстному исправнику, а также и къ становымъ приставамъ «съ покорнѣйшею просьбою» понудить крестьянъ къ платежу или принять законныя къ тому мѣры. Изъ представляемой при семъ обширной переписки видно, что управа не пожалѣла своихъ трудовъ и неоднократно просила даже г. губернатора о понужденіи мѣстной администраціи къ скорѣйшему взысканію текущихъ сборовъ и недоимокъ прежнихъ лѣтъ. А такъ какъ всѣ старанія управы оставались до сихъ поръ тщетными, то земская управа, видя, что дальнѣйшія попытки ея въ этомъ отношеніи будутъ безплодною тратою бумаги и чернилъ, покорнѣйше проситъ собраніе выработать инструкцію, какъ поступать въ подобномъ случаѣ на будущее время, или же, по крайней мѣрѣ, указать на такіе способы къ возмѣщенію крестьянской недоимки, какіе, по мнѣнію собранія, ему благоугодно будетъ принять».

Съ этими словами Акуловъ грузно опустился въ свое кресло.

— Это все? спросилъ Самынинъ

— Все! Это—докладъ управы! поспѣшилъ Акуловъ отвѣтить.

— Знаю, что докладъ! И управа не краснѣетъ за него? снова спросилъ, обращаясь къ сидѣвшему рядкомъ у стола составу упра-

Digitized by Google

вы Самынинъ.—Впрочемъ, я вѣдь и забылъ, что юридическимъ лицамъ румянца не полагается! поправился онъ.—Ну, а вы, господинъ предсѣдатель управы, Миронъ Иванычъ! А вы, господа, члены управы! Вамъ не стыдно?

— Да вѣдь то все вѣрно-съ! Какъ въ натурѣ! попробовалъ было отвѣтить одинъ изъ членовъ, двоюродный братъ предсѣдателя управы. Остальные два во все засѣданіе собранія въ пренія не вмѣшивались. Прежде членовъ управы было два, но на послѣднихъ выборахъ Акуловцы, для привлеченія на свою сторону голосовъ, провели черезъ собраніе предложеніе о назначеніи трехъ членовъ управы съ тѣмъ, чтобы двое изъ нихъ были непремѣнно изъ гласныхъ отъ крестьянъ. Чтобы не отягощать и безъ того пустую земскую кассу лишнимъ бременемъ, оба эти члена дѣлили жалованье на третьяго члена пополамъ. На прошлыхъ выборахъ акуловцы чуть ли не всѣхъ гласныхъ отъ крестьянъ мазали по губамъ обѣщаніями «посадить» въ члены управы. Сѣли на эти должности, какъ и надо было ожидать, два мѣстныхъ кулака, Щукинъ и Скороходовъ, владѣльцы нѣсколькихъ десятковъ трактировъ и кабаковъ въ уѣздѣ. По цензу они принадлежали къ крупнымъ землевладѣльцамъ, но всегда избирались въ гласные отъ крестьянъ. На обязанности одного была дорожная часть, и онъ прекрасно исполнялъ эту обязанность, если судить по тому, какъ усовершенствовалъ онъ проселочную дорогу на протяженіи восемнадцати верстъ отъ своего имѣнія до города. На обязанности другого лежалъ надзоръ за больницами. Вѣроятно, для того, чтобы уѣздная больница была всегда у него передъ глазами, онъ помѣстилъ ее въ своей усадьбѣ, сдавши земству на десять лѣтъ долго пустовавшій флигель, по тысячѣ рублей въ годъ.

Самынинъ встаетъ. Шумъ, вызванный окончаніемъ доклада, моментально стихаетъ. Всѣ ждутъ отъ Самынина громовой рѣчи. Большинство его «запросовъ», или «поправокъ» къ биллямъ управы всегда носили практическую подкладку, а рѣчи часто бывали очень остроумными.

Его предупреждаетъ гласный отъ города, купецъ Калашниковъ, сторонникъ акуловской партіи. Онъ встаетъ и заявляетъ:

— По моему, господа, долго и разсуждать тутъ нечего! Надо благодарить управу за ея труды и сдѣлать заемъ, благо нашлись добрые люди, которые даютъ намъ деньги, а на счетъ сбавки само собою ходатайствовать...

— Это — «по вашему»! перебиваетъ его Самынинъ. — А по нашему, собраніе должно сдѣлать еще кой-что другое и, разу-

Digitized by Google

мѣется, отблагодарить управу. Непремѣнно отблагодарить! — Нѣкоторые изъ гласныхъ встаютъ, чтобы принести управѣ благодарность, но Самынинъ, замѣчая это, говоритъ, смѣясь: «рано, рано, господа! еще успѣемъ»! и затѣмъ продолжаетъ: — Одинъ изъ членовъ управы сейчасъ выразился, что докладъ составленъ «какъ въ натурѣ», то есть изображаетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ нашего уѣзда. Я съ этимъ не согласенъ. Докладъ, пожалуй, вѣрно изображаетъ положеніе дѣлъ уѣзда, какъ оно значится на бумагѣ, а каково оно въ натурѣ, это мы сейчасъ увидимъ! Мы выслушали докладъ управы, на составленіе котораго управа употребила битыхъ пять мѣсяцевъ. И что же она намъ приподнесла? Сводъ донесеній волостныхъ правленій! А знаетъ ли она, какъ эти донесенія составлялись? Знаетъ ли она, что всѣ эти донесенія написаны подъ диктовку исправника и что, прежде отсылки въ управу, они предъявлялись ему для просмотра? Господинъ Квартастовъ, изволите видѣть, донесъ уже губернатору о причинахъ накопленія земской недоимки и ему желательно видѣть «единогласіе» и со стороны старшинъ. Странное желаніе! Квартастовъ имѣетъ полное право доносить своему начальству, что ему угодно, но донесенія его не могутъ и не должны стѣснять земство въ изысканіяхъ «дѣйствительныхъ» причинъ обѣднѣнія уѣзда. И не на донесеніяхъ волостныхъ правленій нужно управѣ основывать свой докладъ, не въ кабинетѣ сочинять его, а познакомиться съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ, объѣхать уѣздъ, разспросить старшинъ, старостъ, крестьянъ, просить гласныхъ оказать содѣйствіе... Никто изъ насъ, надѣюсь, не отказался бы помочь управѣ въ такомъ серьёзномъ дѣлѣ!

— Что же вы до сихъ поръ молчали, если дѣйствительныя причины обѣднѣнія уѣзда вамъ такъ хорошо извѣстны! накинулся на Самынина Акуловъ.

— Я молчалъ, потому что не желалъ соваться туда, гдѣ меня не спрашиваютъ, отвѣтилъ ему Самынинъ:—а также и потому еще, чтобы имѣть возможность, познакомясь съ плодами пятимѣсячныхъ трудовъ управы, высказаться здѣсь, въ собраніи. Еслибы управа поступила такъ, какъ я сказалъ, на труды ея потребовалось бы гораздо менѣе пяти мѣсяцевъ. Въ докладѣ управы сказано, что двое старшинъ моего участка не доставили своихъ донесеній. Да, они не доставили ихъ, потому что я имъ не велѣлъ. (Всеобщее изумленіе). А не велѣлъ я имъ потому, что не хотѣлъ, чтобы они лгали, чтобы они писали то, что угодно господину Квартастову, а не то, что желали написать они и что разъяснило бы собранію истинныя причины накопленія недоимки въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ. О недоимкѣ въ трид-

Digitized by Google

цать тысячъ рублей, числящейся за крестьянами болѣе десяти лѣтъ, я не говорю. Земству давно бы слѣдовало съ нею покончить, поставить на ней крестъ. Осталась она намъ отъ памятнаго голоднаго 1867 года... Пора бы примѣнить къ ней законъ о давности! («Правда, правда!» «Конечно слѣдуетъ!» вторятъ своему лидеру самыничцы. Гласные отъ крестьянъ, за исключеніемъ обоихъ членовъ управы, встаютъ и кланяются.—«Ужь какъ бы мужички-то были за это благодарны!» густымъ басомъ заявляетъ одинъ изъ нихъ, волостной старшина самыничскаго участка). Меня болѣе интересуетъ недоимка почти въ 60,000 р., накопившаяся въ эти два года. Узнала ли управа истинныя причины накопленія этой недоимки? Въ своемъ водянистомъ докладѣ она познакомила насъ съ тѣмъ, что мы знаемъ уже полтора года. Намъ указываютъ на тяжесть выкупныхъ платежей и на то обстоятельство, что большая часть крестьянъ нашего уѣзда оставались въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ безъ заработка. Я безусловно согласенъ съ г. Акуловымъ, что выкупные платежи велики. Да вѣдь и прежде они были велики, а между тѣмъ крестьяне платили и ихъ, и земскія повинности. Даже цѣлый рядъ неурожайныхъ годовъ не оказываетъ замѣтнаго вліянія на увеличеніе этой недоимки. Я согласенъ и съ тѣмъ, что часть крестьянъ, ушедшихъ на заработки, не найдя мѣста на фабрикахъ, вернулась домой бѣднѣе, чѣмъ ушла: многихъ пригнали по этапу. (Смѣхъ въ публикѣ). Прибавлю даже, что многіе изъ крестьянъ совсѣмъ и не брали паспортовъ, не пошли на работы, получивши отъ своихъ сродичей, или односельцевъ извѣстія, что на фабрикахъ мѣстъ нѣтъ. Разработывая «всесторонне» вопросъ о причинахъ этой странной, нежданной-негаданной недоимки, управа упустила изъ виду тотъ крупный фактъ, что въ два послѣднихъ года въ нашемъ уѣздѣ было сведено болѣе 1,500 десятинъ лѣсу и что одна разработка этого лѣса должна доставить крестьянамъ, по самому умѣренному разсчету, болѣе ста тысячъ рублей, а возка дровъ и вообще лѣсныхъ матеріаловъ изъ рощей къ станціямъ желѣзной дороги дала крестьянамъ нашего уѣзда возможность заработать въ эти два года никакъ не менѣе двухсотъ пятидесяти тысячъ рублей. Итого крестьяне заработали въ два года, только отъ однихъ лѣсопромышленниковъ, никакъ не менѣе трехсотъ пятидесяти тысячъ! Вѣдь это цифра весьма почтенная, на которую управѣ не мѣшало обратить вниманіе при «всестороннемъ» разслѣдованіи причинъ накопленія за крестьянами нашего уѣзда недоимки... Но управа сдѣлала промахъ еще крупнѣе, упустивъ изъ виду тотъ фактъ, что въ два послѣднихъ года урожай въ нашемъ уѣздѣ былъ гораздо выше сред-

Digitized by Google

няго, а въ прошломъ году былъ даже отличный урожай. Спросите-ка у гласныхъ отъ крестьянъ, если это только вамъ самимъ неизвѣстно, купили ли въ эти два года крестьяне нашего уѣзда хотя пудъ ржи? А въ прежніе годы имъ не хватало своего хлѣба до Рождества. Удивительное дѣло! Я двадцать пять лѣтъ живу въ Z-скомъ уѣздѣ и мнѣ еще впервые приходится констатировать, что крестьяне нашего уѣзда два года подъ рядъ не покупали въ городѣ хлѣба...

Самынинъ остановился, чтобы перевести духъ. Внятно, толково и горячо излагалъ онъ обвинительную рѣчь противъ управы. Всѣ понимали, что это говоритъ человѣкъ, убѣжденный въ правотѣ своихъ словъ.

— И старики-то такого счастья не запомнятъ! сказалъ волголоса, пользуясь минутнымъ молчаніемъ, одинъ изъ волостныхъ старшинъ.

— Что правильно, то правильно! Хлѣбная торговля въ городѣ страсть какъ за эти два года упала! замѣтилъ гласный отъ города, купецъ Полубариновъ, хлѣбный торговецъ.

Партія акуловцевъ ни гу-гу.

— Ну, вотъ видите! началъ снова Самынинъ:—вотъ что значитъ основывать свои выводы на донесеніяхъ волостныхъ правленій, писанныхъ волостными писарями подъ диктовку исправника! Управа пропустила мимо рукъ такой крупный, важный фактъ, какъ урожай въ теченіи этихъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, а это обстоятельство прямо заставляетъ насъ усомниться въ правильности ея выводовъ. И въ самомъ дѣлѣ. По сметѣ раскладки податей и повинностей крестьяне нашего уѣзда платятъ земству въ годъ тридцать двѣ тысячи рублей. Если въ два года недоимка за крестьянами возросла почти на шестьдесятъ тысячъ, это значитъ, что крестьяне не платили почти ничего. Въ неурожайные годы крестьяне изъ кожи выбивались вонъ и платили и непосильныя выкупныя и наши земскія повинности. Платили и платили! Извѣстно вѣдь, что ихъ личныя потребности сведены до минимума...

— Вы забываете, что тогда крестьяне имѣли посторонніе заработки! вскочивши съ своего мѣста, раздраженно вскрикиваетъ Акуловъ.

— Я доказалъ, что крестьяне имѣли ихъ и въ эти два послѣднихъ урожайныхъ года, когда они совсѣмъ почти забыли о существованіи земской управы! отвѣчаетъ ему хладнокровно Самынинъ. — Тутъ что-нибудь да не такъ! Очевидно, что кромѣ увеличенія числа ртовъ, какъ выразилась земская управа, существуютъ какія-то особенныя причины, препятствующія кре-

Digitized by Google

стьянскимъ рублямъ идти въ земскую кассу. Управа, получая еженедѣльно изъ казначейства вѣдомости о поступленіи земскихъ сборовъ и видя пустыя графы поступленій, должна была бы еще два года тому назадъ обратить на это вниманіе...

— И было обращено! кричитъ Акуловъ.

— Знаемъ, какъ оно было обращено. Поболтать на земскомъ собраніи не значитъ еще «обратить вниманіе»! продолжаетъ Самынинъ.—Еслибы управа серьёзно отнеслась къ своимъ обязанностямъ, еслибы она занялась дѣйствительно «всестороннимъ» разслѣдованіемъ причинъ наростанія земской недоимки этихъ двухъ лѣтъ, я увѣренъ, что недоимки этой давно бы не было. Очень можетъ быть, что управа прекрасно знаетъ эти причины и теперь, да не хочетъ подѣлиться съ нами своимъ знаніемъ! Куда же въ самомъ дѣлѣ дѣваются эти тридцать тысячъ ежегодно непроизводительно для земства гибнущихъ крестьянскихъ рублей? Вѣдь куда-нибудь да должны они идти! Живутъ крестьяне не лучше, чѣмъ прежде, значитъ на себя не тратятъ! Пропиваютъ ихъ что ли? И то нѣтъ, потому что пьютъ наши крестьяне не больше, чѣмъ прежде пили. Въ своемъ участкѣ я, по крайней мѣрѣ, особеннаго увеличенія пьянства не замѣтилъ. Члены управы отъ крестьянъ, владѣющіе чуть ли не всѣми кабаками и трактирами въ уѣздѣ, пусть поправятъ меня, если я ошибаюсь! Больше что ли вы продавали водки въ вашихъ заведеніяхъ за эти два года? Вы молчите! Такъ куда же дѣваются эти мужицкіе тридцать тысячъ рублей, которыхъ ежегодно недостаетъ въ земской кассѣ? спрашиваю я управу, чуть не кричитъ Самынинъ.—Если только цифры не лгутъ, то я докажу вамъ, какъ дважды-два четыре, куда идутъ эти «земскія» деньги. Прежде всего я невольно наталкиваюсь на такое совпаденіе обстоятельствъ: Квартастовъ вотъ уже два года состоитъ нашимъ исправникомъ. Два года, какъ земскія недоимки у насъ ростутъ и ростутъ. Нѣтъ ли тутъ какой-либо «зависимости»? И дѣйствительно. Недоимки стали расти послѣ прибытія къ намъ г. Квартастова. Если какая-нибудь «зависимость» здѣсь существуетъ, то г. Квартастовъ — причина, а недоимки — ея слѣдствіе. Не забудьте, что съ уничтоженіемъ мировыхъ посредниковъ, на уѣздныхъ исправниковъ возложена обязанность наблюдать за поступленіемъ съ крестьянъ податей и сборовъ, какъ государственныхъ, такъ и земскихъ, причемъ имъ предоставлена власть карать неисправныхъ сборщиковъ и принимать принудительныя мѣры. Вспомнимъ, какъ поступалъ въ этомъ случаѣ прежній исправникъ, г. Праотцевъ. Контроль надъ взносомъ податей производился имъ на мѣстѣ. Праотцовъ получалъ отъ земства

Digitized by Google

тысячу рублей на разъѣзды и ежемѣсячно объѣзжалъ уѣздъ, вызывалъ въ волостныя правленія сельскихъ старостъ и тамъ просматривалъ ихъ разсчеты съ казначействомъ. Г. Квартастовъ пріѣхалъ къ намъ два года тому назадъ, и для того, чтобы облегчить себѣ этотъ трудъ, вскорѣ по вступленіи на должность, установилъ, чтобы всѣ волостные старшины, сборщики податей и сельскіе старосты являлись къ нему въ городъ разъ въ недѣлю. Назначены дни, сдѣлано росписаніе, когда кому съ книгами сборовъ, квитанціями казначейства и вѣдомостями недоимокъ являться... Въ нашемъ уѣздѣ тридцать двѣ волости и четыреста четырнадцать сельскихъ обществъ. Ежедневно являются къ г. Квартастову среднимъ числомъ по пяти старшинъ и шестидесяти девяти старостъ! Старшины здѣсь! Спросите у нихъ, правду ли я говорю! Отвѣчайте! Помните, что вы здѣсь гласные, а не подчиненные...

Старшины встаютъ и подтверждаютъ, что «все это — правда, только очень ужь для кресьянъ затруднительно».

— Заболѣешь, такъ безпремѣнно рапортъ пиши, что и какъ, и почему въ свой срокъ явиться не могъ, не то—взыски! прибавляетъ густымъ басомъ старшина, одинъ изъ недоставившихъ въ управу донесенія о причинахъ земской недоимки.

— А старосты? спрашиваетъ у него Самынинъ, очевидно, съ цѣлію познакомить собраніе съ заведенными исправникомъ порядками.

— И старосты, если больны, тоже—рапортъ! Только у нихъ такъ ужь заведено, что либо женка, либо сынъ, либо братъ съ книгами къ господину исправнику, вмѣсто старосты, является, свой чередъ наблюдаетъ.

— Да кто же старостѣ рапортъ, напишетъ, если онъ неграматный? задаетъ вопросъ одинъ изъ гласныхъ.

— Такъ ужь заведено, что прежде чѣмъ въ городъ ѣхать, старосты свечера въ волость сбираются. Ну, волостной писарь все имъ тамъ справитъ, книги просмотритъ, вѣдомости напишетъ, а кто боленъ, тому рапортъ. Тогда замѣсто старосты ужь кто-нибудь изъ родни при рапортѣ въ городъ ѣдетъ. Всякій свой день соблюдаетъ. На кругъ выходитъ по пяти волостей въ день. Волость волости не ровна! Четыре волости поменьше противъ двухъ большихъ отвѣчаютъ! Всякій свой день и блюдетъ!

— Какъ же это г. Квартастовъ успѣваетъ провѣрять книги и вѣдомости семидесяти человѣкъ ежедневно? любопытствуетъ одинъ изъ самынинцевъ.

— Очень просто. Одинъ, можно сказать, мигъ! Сейчасъ въ вѣдомости значится, къ примѣру, сколько за моимъ обществомъ

Digitized by Google

состоитъ недоимки, и былъ мнѣ приказъ на прошлой недѣлѣ оправдать ну, хоть тридцать, сорокъ рублей, сколько отъ господина исправника назначенія выйдетъ, ужь я и долженъ квитанцію въ рукахъ держать. Оправдалъ—хорошо! ступай домой! Не оправдалъ—высидишь сутки въ холодной... Дѣло — не дѣло, а чтобы каждую недѣлю являться! Явиться мы всѣ должны, кому въ какой день назначено, а провѣрка идетъ по выкличкѣ.

— А если кто не явится?

— Этого нельзя! Оченно ужь мужички скучаютъ, что каждую недѣлю въ городъ да въ городъ. И оченно для нихъ ужь эта ѣзда затруднительна! объясняетъ старшина-гласный.—Оттого и земскія недоимки пошли! Изъ нашей волости почти всѣ просили насъ постараться, заявить объ этомъ собранію. И изъ другихъ волостей тоже. Неизвѣстно, гдѣ мы и живемъ: не то въ городѣ, не то въ уѣздѣ... Кто ближній, тому еще легче, а дальные, которые изъ-за тридцати пяти, или сорока верстъ, такъ имъ три дня идетъ на дорогу. Такъ и живутъ: половину дома, половину въ дорогѣ, да въ городѣ. И къ тому же расходъ общества несутъ очень большой...

— Позвольте ужь мнѣ!.. перебиваетъ Самынинъ старшину и, обращаясь къ собранію, продолжаетъ:—Я требую, чтобъ заявленіе гласныхъ отъ крестьянъ было цѣликомъ занесено въ журналъ сегодняшняго засѣданія! Требую также, чтобъ и содержаніе моей рѣчи было, по возможности, полнѣе изложено въ этомъ же журналѣ. Надѣюсь, что г. секретарь собранія не затруднится исполнить мою просьбу.—Г. Квартастовъ учредилъ еженедѣльное путешествіе въ городъ волостного и сельскаго начальства. Во что обходится уѣзду это путешествіе, мы сейчасъ увидимъ. Старшины и старосты при своихъ разъѣздахъ по дѣламъ службы пользуются подводами отъ сельскихъ обывателей. Это еженедѣльное отбываніе подводной повинности натурою, въ особенности въ рабочую пору, показалось крестьянамъ столь убыточнымъ, что они, вскорѣ по учрежденіи этихъ обязательныхъ путешествій, перевели ее на денежную и волостные старшины на харчи и подводу себѣ и писарю стали получать: въ ближайшихъ къ городу волостяхъ по два рубля на поѣздку изъ мірскихъ суммъ, а въ отдаленныхъ по три; сельскіе старосты на харчи и подводу стали получать: въ ближайшихъ обществахъ по рублю на поѣздку а въ отдаленныхъ по два. Вотъ теперь и сочтите во что обходятся эти поѣздки старшинъ и старостъ уѣзду! Надо замѣтить, что сборщиковъ податей я въ счетъ не принимаю: ихъ въ нашемъ уѣздѣ не много заведено. Пятнадцать ближайшихъ къ городу волостей расходуютъ еженедѣльно на поѣздку старшинъ

Digitized by Google

30 руб., а семнадцать отдаленныхъ—51 руб., итого 81 руб. въ недѣлю, а въ годъ 4,212 руб. По такому же расчету, сто девяносто пять ближайшихъ къ городу сельскихъ обществъ, и двѣсти девятнадцать остальныхъ еженедѣльно расходуютъ на явку своихъ старостъ къ г. Квартастову 633 руб., а въ годъ 32,916 р., что вмѣстѣ съ расходомъ волостныхъ старшинъ, составляетъ 37,128 руб. («Ого-го-го!»). Вотъ восколько обходятся уѣзду эти еженедѣльныя поѣздки старостъ и старшинъ къ г. Квартастову! Мы удивляемся, что нашъ уѣздъ бѣднѣетъ, что такъ быстро возросла почти шестидесяти-тысячная недоимка за крестьянами въ какихъ-нибудь два года! Вотъ вамъ одна, по крайней мѣрѣ, изъ самыхъ существенныхъ причинъ ея возникновенія. Вотъ куда уходятъ крестьянскія денежки! Крестьяне обязаны платить нашему земству по сметѣ раскладки около тридцати двухъ тысячъ въ годъ. И что же! Оказывается, что для еженедѣльныхъ поѣздокъ своего сельскаго и волостного начальства они тратятъ въ годъ гораздо больше, чѣмъ сколько съ нихъ земству причитается получить! Если управа, находясь въ городѣ, не знала объ этихъ еженедѣльныхъ поѣздкахъ старшинъ и старостъ сюда, въ городъ...

— Какъ не знала! Чего тутъ не знать! Ужь это почти два года ведется! замѣчаетъ гласный отъ города, Полубариновъ, всегда живущій въ Z—скѣ.

— Я говорю, что если управа не знала объ этихъ поѣздкахъ, продолжаетъ Самынинъ, давая значительнымъ повышеніемъ голоса понять, что ему непріятно, что его перебиваютъ: — то это значитъ, что она не въ состояніи выполнить всѣхъ лежащихъ на ней, какъ оберегательницѣ имущественныхъ интересовъ цѣлаго уѣзда, обязанностей! Если же она знала, а я глубоко убѣжденъ въ томъ, что она хорошо о нихъ знала, то я всецѣло возлагаю на управу отвѣтственность за бездѣйствіе власти, за то, что управа небрежнымъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ способствовала къ накопленію земской недоимки и разоренію крестьянъ, главныхъ земскихъ плательщиковъ. На этомъ основаніи я требую, во-первыхъ, преданія управы суду за бездѣйствіе власти. Вотъ это и будетъ изъявленіемъ ей нашей благодарности, о которой такъ поспѣшилъ позаботиться гласный отъ города Калпашниковъ...

Самынинъ на минуту пріостанавливается и обводитъ гласныхъ глазами, какъ бы любуясь эффектомъ своего предложенія. На гласныхъ и въ особенности на публику рѣчь его произвела огромное впечатлѣніе.—«Вотъ такъ битва!»—«И голова-жь!» слышится шепотомъ между обывателями.

Digitized by Google

Акуловъ ловко пользуется этимъ перерывомъ и заявляетъ:

— Г. Самынинъ, вѣроятно, забылъ, что земство—учрежденіе хозяйственное. Земству не предоставлено права вмѣшиваться въ дѣйствія исправника и вообще административныхъ властей.

— Даже и въ томъ случаѣ, если эти дѣйствія ежегодно причиняютъ уѣзду, а слѣдовательно, и земству до 40,000 руб. убытку? спрашиваетъ насмѣшливо Самынинъ. — Полноте, Миронъ Иванычъ!

— Возвращаю вамъ вашъ упрекъ обратно! Вы заявили намъ сегодня, что потому только не помогли управѣ въ ея изслѣдованіяхъ причинъ земской недоимки, что *не хотѣли* соваться туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ. Управа же, при всемъ ея желаніи поправить положеніе уѣзда, насколько оно разстроено неправильными и убыточными для земства дѣйствіями г. Квартастова, *не могла* ничего сдѣлать, потому что не могла по закону вмѣшиваться въ его служебныя дѣла: управа—органъ исполнительный. Очень сожалѣю, что г. Самынинъ, прежде чѣмъ предлагать собранію предавать управу суду, не познакомился, съ «положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ»! Тогда бы онъ такого предложенія навѣрное не сдѣлалъ! Повторяю, что управа не можетъ вмѣшиваться въ дѣйствія исправника и указывать ему, какъ онъ долженъ поступать. Это значило бы прямо наткнуться на «не ваше дѣло!..» Странное, право, дѣло! Требовать преданія управы суду за такія дѣйствія, которыя вовсе не входятъ въ кругъ ея обязанностей!

Самынинъ нѣсколько смутился. Вѣроятно, онъ и въ самомъ дѣлѣ не заглянулъ въ земское положеніе и, соскочивши съ почвы фактовъ, сдѣлалъ крупный промахъ. Кажется, что онъ понялъ, что затѣянная имъ «компанія» противъ управы на этотъ разъ будетъ проиграна.

— Во всякомъ случаѣ управа, оберегая интересы земства должна была поднять вопросъ объ убыточныхъ для уѣзда дѣйствіяхъ исправника и жаловаться губернатору! пробуетъ возражать онъ Акулову, далеко уже не такимъ зычнымъ голосомъ и не прежнимъ тономъ человѣка, глубоко убѣжденнаго въ правотѣ защищаемаго имъ дѣла, какимъ онъ только-что громилъ управу. («Чуточку посдалъ!»—«Помягчѣлъ!» тотчасъ же замѣтили въ публикѣ). Что же дѣлала управа? Она молчала, потворствовала, смотрѣла сквозь пальцы, какъ тысячи крестьянскихъ рублей тратились здѣсь, въ городѣ, старостами и старшинами по трактирамъ и постоялымъ дворамъ! Допустите на минутку, что всѣ исправники поступаютъ такъ же, какъ нашъ! Сколько убытку при-

Digitized by Google

чинять они крестьянамъ, русскому земству! Вѣдь тутъ милліонами пахнетъ, милліонами!....

— Поймите же вы, что управа ничего не могла сдѣлать! кричатъ ему изъ акуловской партіи.

— Должна была обратить вниманіе! Жаловаться должна! Къ губернатору писать! кричатъ молчавшіе до сихъ поръ самынинцы, выступая на подмогу своему лидеру.

— Да вѣдь нельзя же вмѣшиваться въ чужія дѣла! Она не могла вмѣшиваться! Не имѣетъ права! кричатъ акуловцы, вскакивая съ своихъ мѣстъ.

Обѣ партіи стараются перекричать одна другую. Въ собраніи поднимается страшный шумъ. Кричатъ всѣ, и въ общемъ гамѣ трудно что-нибудь разобрать, кромѣ «могла!» и «должна!» Слышенъ только густой басъ волостного старшины самынинскаго участка: «Мужички очень скучаютъ! расходы огроматные! очень затруднительно для кресьянъ!»

Предводитель звонитъ и понемногу возстановляетъ относительное спокойствіе. Гласные, продолжая спорить вполголоса, разсаживаются по мѣстамъ уже не въ томъ порядкѣ, какъ сидѣли прежде, а какъ попало. Самынинъ кажется очень взволнованнымъ.

— Вы кончили? спрашиваетъ у него предсѣдатель.

— Нѣтъ еще! Я буду продолжать, отвѣчаетъ тотъ и, вставая, доканчиваетъ свою рѣчь. Мало-по-малу, онъ приходитъ въ себя и голосъ его снова громко звучитъ по полной вниманія залѣ.— Господа! Вы не забудьте, что мы, земство, платимъ Квартастову для разъѣздовъ по уѣзду, по дѣламъ службы, 1,000 р. въ годъ. Крестьяне, часть земства и, притомъ большая, крупная его часть, тоже участвуетъ въ этомъ платежѣ. За что же мы, земство, спрашиваю я васъ, платимъ господину Квартастову 1,000 р.? За то, что онъ сидитъ дома? Вѣдь это не секретъ, что онъ лошадей не держитъ и я не запомню, чтобы онъ когда-нибудь былъ въ вашей мѣстности. Въ уѣздъ онъ не ѣздитъ. Да и къ чему это ему дѣлать, если онъ такъ хорошо устроился у себя дома, въ городѣ, сберегая выдаваемую ему отъ земства тысячу рублей цѣликомъ въ своемъ карманѣ. Я говорю: крестьяне, какъ часть земства, участвуютъ въ расходѣ на разъѣзды г. исправника по уѣзду. И что же оказывается? Для того, чтобы эта тысяча осталась въ карманѣ у г. Квартастова, тѣ же крестьяне платятъ своему сельскому и волостному начальству почти сорокъ тысячъ рублей на еженедѣльные разъѣзды къ сиднемъ-сидящему въ городѣ г. Квартастову. Если г. Квартастовъ предпочитаетъ сидѣть на мѣстѣ, то не зачѣмъ выдавать ему 1,000 руб. на разъѣзды! Хуже всего то, что эти 40,000 рублей ежегодно тратились и

Digitized by Google

тратятся для уѣзда и земства совершенно непроизводительно. Поэтому я предлагаю: въ виду того, что у исправника лошадей нѣтъ и самъ онъ въ уѣздъ по дѣламъ службы не ѣздитъ, отказать ему въ выдачѣ тысячи рублей на разъѣзды...

— Нельзя-съ! перебиваетъ его Акуловъ.—Отказаться отъ обязательныхъ расходовъ намъ нельзя! Мы не имѣемъ права требовать отъ Квартастова отчета, куда онъ дѣваетъ выдаваемую ему земствомъ тысячу рублей. Это—законъ. Къ тому же я долженъ доложить собранію, что г. Квартастовъ прислалъ надняхъ въ управу бумагу, въ которой требуетъ, чтобы земство прибавило ему на разъѣзды еще двѣсти рублей, но управа постѣснилась представить докладъ объ этомъ на благоусмотрѣніе собранія, въ виду печальнаго положенія земской кассы!

— Какъ! Онъ требуетъ прибавки!.. Ну, послушайте, господа! Вѣдь это больше, чѣмъ дерзко! Получать тысячу рублей въ годъ разъѣздныхъ, никуда не ѣздить, не имѣть лошадей, причинять земству своимъ сидѣньемъ дома сорока-тысячный убытокъ, напортить земству въ два года шестьдесятъ тысячъ недоимки и въ тоже время просить прибавки! Всему есть свои границы, а здѣсь, кромѣ безграничной наглости, я ничего не вижу!.. Объясните собранію, чѣмъ, по крайней мѣрѣ, мотивировано его требованіе?

— Можно прочитать его подлинную бумагу, предлагаетъ Акуловъ и добавляетъ:—онъ пишетъ, что сѣно, по случаю неурожая, очень вздорожало, такъ...

— Что-жь, онъ самъ что ли будетъ его ѣсть? спрашиваетъ Самынинъ при громкомъ хохотѣ гласныхъ и публики.—Вѣдь у него лошадей нѣтъ и въ уѣздъ онъ не ѣздитъ!

— Это ужь не наше дѣло! возражаетъ Акуловъ.—Въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ...

— Какъ это такъ: «не наше дѣло!» горячится Самынинъ.—Не понимаю! Мы платимъ ему на разъѣзды, а онъ нетолько нашей недоимки не собираетъ, но даже причиняетъ уѣзду убытки... Я его двухъ разъ въ уѣздѣ не видалъ... Получаетъ 1,000 руб. разъѣздныхъ и никуда не ѣздитъ...

— Опять-таки повторяю, что это не наше дѣло! стоитъ на своемъ Акуловъ.—Хоть пѣшкомъ ходи!

— Да вѣдь и этого нѣтъ! Очевидная несообразность: платить 1,000 рублей разъѣздныхъ человѣку, сиднемъ-сидящему на мѣстѣ. Мнѣ кажется страннымъ одно обстоятельство: отчего управа, имѣя всегда передъ собою пустой денежный ящикъ, никогда, однако, не отказывала Квартастову въ выдачѣ разъѣздныхъ! Я думаю, онъ всегда первымъ пріѣзжалъ каждый мѣсяцъ за получ-

Digitized by Google

кой, раньше слѣдователей и становыхъ! А вѣдь отговорка-то какая была законная! «Благодаря,» дескать, такимъ-то и такимъ-то вашимъ распоряженіямъ, земство сидитъ безъ денегъ!» Однимъ словомъ, управа должна была дать совѣтъ исправнику исправиться... Постараемся же исправить все это теперь же! Квартастовъ проситъ 200 рублей прибавки! Нельзя ли дать ему 200 рублей, только не прибавки, а всего-на-всего на разъѣзды, а тысячу-то приберечь для земства. У насъ будетъ восемьсотъ рублей экономіи!

— Сбавлять нельзя! возражаетъ Акуловъ. — Переводъ натуральной повинности на денежную дѣлается съ обоюднаго согласія заинтересованныхъ лицъ. Прочти ст. 1917 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

— Въ такомъ случаѣ я предлагаю собранію отказать Квартастову вовсе въ выдачѣ разъѣздныхъ на руки и исполнять эту повинность натурою. Собраніе поручитъ управѣ сдать съ торговъ подрядъ на содержаніе стоичныхъ лошадей для исправника! Это избавитъ его отъ заботъ о сѣнѣ, а такъ какъ всѣ знаютъ, что онъ ѣздить не любитъ, то, вѣроятно, съ насъ не дорого и возьмутъ, и мы все-таки будемъ имѣть экономію... Затѣмъ, господа, я предлагаю еще одну, надѣюсь, уже вполнѣ законную мѣру: занести въ журналъ собранія всѣ наши пренія и о дѣйствіяхъ исправника, столь убыточныхъ для уѣзда и земства, представить отъ имени собранія на усмотрѣніе губернатора.

Самынинъ кончилъ и сѣлъ.

Рѣчь его, несмотря на возраженія Акулова, имѣла огромный успѣхъ. Съ фактической стороны она была безукоризненна и не вызывала опроверженій. Впечатлѣніе ея было настолько велико, что когда онъ усѣлся на свое кресло, нѣсколько минутъ въ залѣ стояла полная тишина. Ее прервалъ гласный отъ города Полубариновъ.

— Ишь вѣдь деньжищъ-то сколько! громкимъ шопотомъ проговорилъ онъ.—Тыщу рублей!.. И куда ему?

— Копить! отвѣтилъ вполголоса Самынинъ и засмѣялся.

— Да на что ему, одинокому человѣку, копить-то! Кабы семья была!

— А рояль-то купилъ, какъ мѣсто получалъ! Развѣ не знаете? Израсходовался, а теперь и наверстываетъ!

Всѣ засмѣялись. Многіе изъ гласныхъ встали. Всталъ и предводитель, сказавши, что «не мѣшаетъ маленькую передышечку сдѣлать, господа!»—Гласные разбились на группы. Между ними и въ публикѣ только и разговору, что о Квартастовѣ. Исторія о покупкѣ рояля передавалась на разные лады. О Квартастовѣ

Digitized by Google

разсказывали массу анекдотовъ. Будучи человѣкомъ весьма ограниченныхъ способностей и получивши образованіе не дальше третьяго класса уѣзднаго училища, онъ, какъ это часто можно встрѣтить у ограниченныхъ людей, имѣлъ о себѣ чрезвычайно высокое мнѣніе. Разъ уѣхалъ онъ въ Москву на три дня въ отпускъ. Въ его отсутствіе въ уѣздѣ выпалъ градъ и выбилъ десятинъ пятьдесятъ крестьянскаго посѣва. Когда становой приставъ, въ участкѣ котораго это случилось, доложилъ ему о «несчастіи», онъ вышелъ изъ себя и распекъ станового на всѣ корки: «На три дня нельзя куда-нибудь отлучиться изъ уѣзда, чтобы у васъ не обошлось безъ проказъ!»

По возобновленіи засѣданія, предводитель предложилъ собранію, что такъ какъ на собраніи затронуто много весьма важныхъ вопросовъ, то не лучше ли будетъ, во избѣжаніе скороспѣлыхъ рѣшеній, отложить засѣданіе до завтра, передавши всѣ эти вопросы на разсмотрѣніе редакціонной комиссіи, которой и поручить изготовить къ завтрашнему дню обстоятельный докладъ.

На томъ и порѣшили. Самынинъ предложилъ пополнить составъ редакціонной комиссіи двумя старшинами изъ его участка, какъ гласными отъ крестьянъ, близко знакомыми съ положеніемъ уѣзда и могущими поэтому оказать помощь комиссіи въ ея занятіяхъ. Ему не возражали. Акуловъ, «для равновѣсія мнѣній», предложилъ и изъ своей партіи двухъ. Согласились и на это. «Чѣмъ больше, тѣмъ лучше!»

На слѣдующій день публики набралось въ собраніе еще больше, чѣмъ наканунѣ. По городу прошелъ слухъ, что «земскую управу будутъ за недоимки судить; что и исправнику за его мытарства тоже что-нибудь будетъ, потому что вчера очень ужь насѣлъ на него гласный мировой Самынинъ; что вчера судили-судили, да ни на чемъ не кончили: поздно стало!»

Засѣданіе не открывалось долго. Гласные «не всѣ въ сборѣ». Самынинцы были въ большой агитаціи. Оказалось, что волостные старшины, гласные отъ крестьянъ, примкнувшіе къ ихъ партіи, были еще «вчера свечера вытребованы къ исправнику «по дѣламъ службы» и ночью уѣхали въ свои волости».—Обоихъ старшинъ, не доставившихъ въ управу донесеній о причинахъ недоимки, исправникъ за какую-то провинность по службѣ засадилъ подъ арестъ, одного на сутки, а басистаго, твердившаго вчера, что «у крестьянъ расходы огроматные»—на три дня.—«Никто изъ нихъ поэтому не могъ быть на вечернихъ засѣданіяхъ редакціонной комиссіи. Партія самынинцевъ была теперь въ меньшинствѣ.—«Самъ Самынинъ—разсказывали въ публикѣ—

Digitized by Google

поѣхалъ къ Квартастову просить, чтобы тотъ выпустилъ арестованныхъ, хоть на время собранія; отсидѣть они успѣютъ и послѣ».—«Едва ли, впрочемъ, Квартастовъ согласится. Очень онъ ужь золъ на Самынина: все узналъ, что тотъ вчера про него на собраніи набрехалъ и сильно разгнѣвался. Вчера здѣсь, въ публикѣ, Санчковъ сидѣлъ—замѣтили? Вотъ что недавно къ намъ въ городъ пріѣхалъ, да все по трактирамъ, да кабакамъ шляется, прошенія мужикамъ пишетъ, лечитъ ихъ какими-то пластырями изъ купоросу, чаи и водочку съ ними распиваетъ. Вѣдь онъ при исправникѣ въ шпіонахъ состоитъ! Каждое утро съ докладомъ!»

Наконецъ, явился Самынинъ съ басистымъ старшиною. Послѣдній былъ безъ знака.

— Ну, что? Какъ? А другой? пристали къ Самынину съ вопросами гласные его партіи.

— Одного вотъ выручилъ! съ досадой отвѣчалъ тотъ.— На честное слово выпустилъ, чтобы сейчасъ, какъ кончится собраніе, опять досиживать. И смѣшно, и безобразно глупо! Чистая торговля у насъ была. Сперва говоритъ: «Совершенно не могу!» Указываю ему, что вѣдь все это кладетъ неблаговидную тѣнь на его дѣйствія. Ему все равно. «Служба-съ! Я, говоритъ, пользуюсь своими правами и не вмѣшиваюсь въ ваши земскія дѣла, прошу и въ мои не вмѣшиваться!» Каковъ? А? Я говорю: «Да поймите же вы, что у насъ созвано чрезвычайное собраніе по такому важному вопросу и вдругъ оно не состоится именно потому, что вы нарочно взяли да четверыхъ старшинъ въ уѣздъ «по дѣламъ службы» угнали, а двухъ подъ арестъ посадили! Развѣ это не вмѣшательство! Это, говорю, нетолько вмѣшательство, а полная помѣха! Вѣдь гласные-то многіе разъѣхались: боятся, какъ бы половодье ихъ въ городѣ не захватило». Подумалъ, подумалъ. «Кажется, говоритъ, что еще никто не уѣхалъ, мнѣ бы сказали! А сколькихъ, говоритъ, у васъ не хватаетъ?»— Двухъ, говорю, до законнаго числа и не хватаетъ.—«Ну, говоритъ, одного я вамъ отпущу, который на сутки посаженъ!»— Какъ, говорю, одного, когда намъ двухъ надо!—«А двухъ сразу отпустить не могу! Берите любого!» Ну, я вотъ этого и взялъ. рощаюсь, а онъ съ нравоученіемъ ко мнѣ: «Что это вы, говоритъ, итацію производите, возбуждаете народъ противъ законныхъ астей, рѣчи возмутительныя произносите!»—По какому, спрашиваю, поводу вы это мнѣ говорите?—«А что-жь, говоритъ, вчера въ земскомъ собраніи дѣлали, а?» — Это, спрашиваю, насчетъ моего заявленія о причинѣ недоимки и убыткахъ, торые вы причиняете уѣзду и земству, такъ вѣдь прошу не

Digitized by Google

забыть, что я земскій гласный и тоже принималъ присягу? — «Это-то я, говоритъ, хорошо знаю, что вы—гласный, только забываете, что на властей роптать не слѣдуетъ, а повиноваться и покоряться имъ надлежитъ! Неужели вы, говоритъ, заставите меня къ моимъ подчиненнымъ, волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ, разъѣзжать! Какъ же могутъ они имѣть уваженіе къ власти, если я [illegible] стану являться, а не они ко мнѣ! Удивляюсь, говоритъ, что предсѣдатель васъ не остановилъ, или хотя бы публику-то изъ собранія удалилъ! А то публично и такія рѣчи!..» Каковъ? А? Я ему и говорю: «А какже, говорю, сенаторы-то, не чета вамъ, ѣздятъ на ревизію губерній и управъ, нисколько не профанируя власти, а напротивъ того, всюду водворяя законъ и справедливость!.. — «То, говоритъ, сенаторы: пріѣдутъ, да уѣдутъ: и все тутъ. А тутъ постоянная ѣзда-съ! Вѣчная ѣзда-съ!» — Конечно, говорю, на мѣстѣ сидѣть и разъѣздныя получать много спокойнѣе!.. На томъ и разстались. Иди же, братецъ, роспишись, что явился! обратился онъ къ старшинѣ и прибавилъ: — Ничего, что арестантъ! ничего! Терпи казакъ, атаманомъ будешь! Старайся только вотъ на этихъ выборахъ въ гласные опять проскочить, а тамъ уже мы тебѣ мѣстечко найдемъ! Господа! я первый буду его рекомендовать на мѣсто тѣхъ двухъ безгласныхъ членовъ управы, которые у насъ теперь... Этотъ, по крайней мѣрѣ, дѣло понимаетъ, а тѣ вѣдь чисто—акуловская мебель...

— А я ужь думаю, что лучше отъ своей должности отказаться! отвѣчалъ старшина, улыбаясь: — очень ужь много надъ нашимъ братомъ начальства посажено, не знаешь, кого и слушать! Окромя всего прочаго, слѣдователей тамъ, становыхъ, господъ мировыхъ судей, земская управа—разъ, исправникъ—два! Если они въ согласіи—такъ еще жить можно, а какъ вотъ, напримѣръ, распря пойдетъ, такъ ужь тутъ, знай, только поворачивайся! Одному угодишь — другой обижается: взыски! Этому угодишь — тотъ претензію имѣетъ: опять взыски! Богъ съ ней совсѣмъ и со службой-то.

По открытіи собранія, секретарь прочелъ журналъ вчерашняго засѣданія, довольно вѣрно излагавшій всѣ дебаты вчерашняго дня, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ дѣло касалось вопроса о преданіи управы суду. Вчера, какъ извѣстно, въ собраніи не состоялось по этому вопросу никакого постановленія. Въ журналѣ же было сказано, что «предсѣдатель управы, отвѣчая на предложеніе гласнаго Самынина о преданіи управы суду за бездѣйствіе власти, далъ собранію подробное объясненіе, въ которомъ, ссылаясь на 1823 ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ,

Digitized by Google

доказывалъ, что управа, какъ исполнительный только органъ земства, не могла вмѣшиваться въ дѣла, подлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ мѣстъ и лицъ, и что жалоба губернскому начальству на неправильныя дѣйствія Z—скаго исправника Квартастова, причинившія уѣзду и земству убытки и способствовавшія накопленію земской недоимки за крестьянами, можетъ быть принесена отъ имени собранія. Собраніе, принявъ эти объясненія г. Акулова во вниманіе, перешло къ очереднымъ дѣламъ».

Самынинъ возражалъ, но уже не настаивалъ на преданіи управы суду. За отсутствіемъ волостныхъ старшинъ, его партія была въ очевидномъ меньшинствѣ и требовать закрытой баллотировки этого вопроса значило идти на вѣрный провалъ. Самынинъ ограничился тѣмъ, что потребовалъ, чтобы въ журналъ засѣданія было внесено его особое мнѣніе о томъ, что такъ какъ по 1818 ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ земству предоставлено право доставлять высшему правительству свѣдѣнія и заключенія по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, а также и ходатайство по симъ предметамъ, то нетолько собраніе, но и управа, которая, по мнѣнію Самынина, есть ни что иное, какъ постоянный комитетъ собранія, имѣетъ полное право доводить до свѣдѣнія высшаго начальства объ убыточныхъ для уѣзда распоряженіяхъ мѣстныхъ административныхъ властей, что вовсе не составляетъ вмѣшательства въ административныя сферы. Возникъ споръ о томъ, какъ понимать обязанности земской управы. Поспорили и пришли къ тому заключенію, что «во всякомъ случаѣ мнѣніе и ходатайство земскаго собранія всегда будетъ имѣть больше вѣса, чѣмъ мнѣніе и ходатайство управы».

Докладъ ревизіонной комиссіи былъ кратокъ, но выразителенъ. Комиссія доводила до свѣдѣнія собранія, что «денежныя книги управы ведены правильно, расходныя статьи имѣютъ оправдательные документы и никакихъ упущеній или неправильностей не замѣчено. На лицо въ денежномъ ящикѣ управы состоитъ уѣздныхъ суммъ 98 р. 76 к. с., а въ недоимкѣ за крестьянами числится 87,211 р. 42 к.»—и только.

— Ва-ажно! замѣтилъ Полубариновъ.—Приходъ съ расходомъ вѣренъ, а въ остаткѣ нѣтъ ничего!

И разсмѣшилъ публику.

Докладъ редакціонной комиссіи занялъ болѣе времени и былъ предметомъ большихъ преній. Комиссія предлагала собранію всю недоимку прежнихъ лѣтъ, въ количествѣ 29,845 р. 35 к., со счетовъ сложить и принять всѣ зависящія отъ земствъ законныя

Digitized by Google

мѣры ко взысканію недоимки двухъ послѣднихъ лѣтъ. И въ этомъ докладѣ о преданіи управы суду не говорилось ни слова. Комиссія выражала только «глубочайшее сожалѣніе, что управа своевременно не обратила вниманія на причины внезапнаго накопленія земскихъ недоимокъ за крестьянами и слишкомъ поверхностно отнеслась къ порученію собранія. Комиссія дѣлала управѣ легкій выговоръ, не вызвавшій, однако, за собою выхода ея въ отставку. Комиссія безусловно соглашалась съ мнѣніемъ члена ея, гласнаго Самынина, заявившаго, что на дѣйствія Z — скаго исправника Квартастова, причинившаго земству и уѣзду столько убытковъ и послужившія одною изъ главныхъ причинъ накопленія за крестьянами земской недоимки, должна быть принесена отъ имени собранія жалоба г. начальнику губерніи. Кромѣ того, по мнѣнію гласнаго Самынина, г. Квартастовъ долженъ отвѣтствовать предъ своимъ начальствомъ еще и за завѣдомо несогласныя съ обстоятельствами дѣла донесенія оному о причинахъ накопленія за крестьянами Z—скаго уѣзда въ означенный періодъ времени столь незначительной недоимки, ибо г. Квартастову болѣе, чѣмъ кому либо другому изъ словесныхъ объясненій волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ извѣстно было, что главною причиною обѣднѣнія крестьянъ были значительные расходы на установленныя исправникомъ еженедѣльныя явки къ нему въ городъ всѣхъ старшинъ и старостъ уѣзда. По полученіи отъ волостныхъ старшинъ такихъ заявленій, г. Квартастовъ нетолько не сократилъ число явокъ, но даже, подъ угрозою административныхъ взысканій, воспретилъ волостнымъ старшинамъ упоминать объ этихъ явкахъ, какъ о причинахъ накопленія недоимокъ за крестьянами, въ затребованныхъ земскою управою отъ волостныхъ правленій донесеніяхъ, употребивъ при этомъ всю тяжесть административнаго гнета на то, чтобы волостныя правленія излагали въ своихъ донесеніяхъ такія свѣдѣнія, которыя не соотвѣтствовали бы истинному положенію дѣлъ, а совпадали съ тѣми объясненіями, которыя по означенному предмету давалъ онъ своему начальству. Такія дѣянія г. Квартастова имѣютъ всѣ характерные признаки подлога по службѣ.

Долго спорили гласные: «не рѣзко ли все это будетъ», а гласный отъ города Калпашниковъ, такъ-таки прямо и заявилъ, что онъ «лучше уйдетъ изъ собранія, чѣмъ будетъ баллотировать этотъ вопросъ, потому что собраніе очень круто загибать стало! не вышло бы чего худаго! съ исправникомъ шутки плохія!»

Собраніе находилось въ нерѣшимости принять, или отвергнуть эту часть доклада редакціонной комиссіи.

Digitized by Google

— У насъ въ собраніи есть одинъ гласный—арестантъ! Онъ хорошо знакомъ съ этимъ дѣломъ и желаетъ что-то сказать. Выслушаемъ его, господа! предлагаетъ Самынинъ, указывая на «своего» старшину.—Правильно все это изложено въ докладѣ?

— Дозвольте слово сказать! проситъ тотъ, вставая. — Все совершенная даже правда! Мы еще прежде, когда первый годъ исправниковой службы и нашей ѣзды кончился, а у насъ волостной сходъ подошелъ, стали на сходѣ считать, да и видимъ, что никакъ эта ѣзда въ тысячу рублей волости вскочила! А тутъ выборные всѣ въ одинъ голосъ: мужички очень скучаютъ, что расходу много! И чего, молъ, ты каждую недѣлю въ городъ ѣздишь, чего ты тамъ не видалъ! Не хотятъ платить! Пѣшкомъ что ли ходить?.. Слышали и въ другой волости тоже самое. И у всѣхъ тоже! Тутъ въ земство нечего платить, потому господинъ исправникъ говоритъ: первымъ долгомъ ты мнѣ казенныя очисти, а земскія послѣ! Ну, на земскія-то и не хватаетъ, потому ѣзда эта одолѣла! Вотъ мы, старшины, и говорили промежду себя, что нужно будетъ просить у господина исправника милости. Являемся къ нему: такъ и такъ, говоримъ, пришли милости просить. Мужички очень обижаются, что расходы большіе, думаютъ, что мы это для себя зря въ городъ каждую недѣлю ѣздимъ! — «Дураки они!..» Нельзя ли, просимъ сколько-нибудь льготы! Хотя на половинку бы!.. А онъ и пошелъ и пошелъ! И такіе-то вы, и сякіе-то вы! И бунтовщики то вы! «Чтобъ ко мнѣ съ такими дѣлами не являться!» А тутъ вскорѣ отъ управы пошли запросы, отъ чего, да отъ чего такія недоимки за крестьянами? Мы думаемъ: вотъ отъ чего. А онъ намъ сейчасъ черезъ урядниковъ приказъ, чтобъ прежде чѣмъ писать — къ нему явиться. Когда мы явились—другой приказъ: на счетъ ѣзды ничего, чтобы не писать, про все другое можно, а про ѣзду нельзя. «Пишите, говоритъ, что фабрики прикрыты, народу много дома осталось, работъ нѣтъ и бѣдность большая! Я да еще вотъ двое товарищей опять къ нему: такъ и такъ, нельзя ли сколько-нибудь милости: по нашему разсчету весь земскій капиталъ въ эту недоимку уходитъ; сколько управа не доймета, столько у насъ по волости въ расходѣ. — А, говоритъ, вы меня учить пришли! Засадилъ насъ на трое сутокъ подъ арестъ. А остальные и идти забоялись и написали, какъ ему было угодно. А я вотъ уже по наукѣ Ивана Валерьяныча—указалъ онъ на Самынина—подумалъ, подумалъ, да и не написалъ ничего. Чѣмъ неправду писать, лучше ничего не писать! Все душѣ легче!»

Послѣ этой «рѣчи», собраніе принимаетъ докладъ редакціонной комиссіи по этому вопросу безъ измѣненій. Докладъ о

Digitized by Google

ходатайствѣ объ увеличеніи сбавки выкупныхъ тоже прошелъ единогласно.

— Ничего вы съ нимъ не сдѣлаете! заявляетъ одинъ изъ акуловцевъ, крупный землевладѣлецъ, часто бывавшій въ губернскомъ городѣ.—Квартастовъ на хорошемъ счету у губернатора, и никакія ваши жалобы не подѣйствуютъ. Мнѣ вѣдь это все равно! Подавайте или не подавайте! Только едва ли. Съѣздитъ въ Губернскъ, заѣдетъ къ правителю дѣлъ, настроитъ свою рояль—и вся недолга!

— Будь, что будетъ! отвѣтилъ ему Самынинъ.

Касательно «займа у частныхъ лицъ денегъ для удовлетворенія текущихъ потребностей земства», собраніе поручало управѣ войти въ соглашеніе съ извѣстными ей лицами и занять 10,000 р. на два года за умѣренные по возможности проценты.

Въ разъѣздныхъ исправнику отказано. Земская управа заведетъ для него «стоичныхъ».

Губернское начальство оставило жалобу земства безъ отвѣта, несмотря на то, что всѣ журналы чрезвычайнаго собранія были пропущены «безъ протеста», слѣдовательно, возымѣли силу.

Въ настоящее время обѣ партіи ведутъ избирательную борьбу и, кажется, что акуловцы опять «побѣдятъ».

Волостные старшины и сельскіе старосты исправно отбываютъ свои еженедѣльные визиты въ городъ. Говорятъ, что конфиденціально Квартастову предписано сократить число «явокъ» хотя бы на половину, однако, это предписаніе не приводится имъ въ исполненіе.

Земская касса все еще пуста.

В. Кротковъ.

1863 г.

Digitized by Google

ОТРѢЗАНЫЙ ЛОМОТЬ.

I.

8 ноября 1878 года. Только что пропѣли пѣтухи и замолкли. Село Украинское, раскинувшееся по высокому берегу судоходной рѣки, мирно спитъ, одѣтое снѣжною пеленою. Ночной сторожъ медленно расхаживаетъ по улицѣ и скучаетъ. Безлюдье полное. Лишь въ нѣкоторыхъ избахъ свѣтится огонь, замѣтно движеніе.

— Собираются ужь, зѣваетъ сторожъ, крестя ротъ.—И то сказать, не близко до Стараго Усада-то: вѣрныхъ тридцать пять будетъ, а дорога не очень...

Изъ воротъ большого крытаго тесомъ, почти новаго дома, глядѣвшаго на улицу тремя освѣщенными окнами, кто-то вывелъ пару лошадей и повелъ къ колодцу, около котораго стояла на козлахъ обледенѣлая колода.

— Ѳедоръ лошадей ужь поить повелъ, скоро поѣдутъ Аржановы-то, соображаетъ сторожъ.—Реву-то у нихъ, поди, сколько!

Въ большой избѣ Семена Аржанова, дѣйствительно, реву было достаточно. Плакала Настасья, жена Семена, утирая морщинистое желтое лицо концомъ крашенинnаго передника, плакала ея невѣстка, Алена, вздрагивая плечами. Настасья провожала сына, Алена мужа. Самъ Семенъ изрѣдка шмыгалъ рукавомъ по лицу и покряхтывалъ. Другая невѣстка связывала на лавкѣ узелъ; она не плакала, но глаза глядѣли сумрачно и строго, на лбу прорѣзалась морщина, губы крѣпко сжались. Мужъ, ея вошедшій около лошадей, поминутно ввертывался въ избу и громко, протяжно вздыхалъ. Спокойнѣй всѣхъ держалъ себя виновникъ этого горя, старшій сынъ Семена, Митрофанъ. Онъ сидѣлъ на переднемъ углу, облокотившись обѣими руками на столъ и продержавъ ими голову, и задумчиво глядѣлъ на дешевую немилосердно коптившую лампу. Иногда лишь, когда плачъ усили-

Digitized by Google

вался, онъ лѣниво поднималъ полузакрытые голубые глаза, лѣниво взглядывалъ на мать и жену и опять принимался глядѣть на лампу. Тонкія губы его подергивались кислой усмѣшкой. Повидимому, ему проводы уже сильно надоѣли.

Въ десятый разъ, кажется, вошелъ Ѳедоръ.

— Ну, батюшка, лошади готовы. Овса сколько положить?

— Положь три мѣры, можетъ, долго пробудемъ... Да не разсыпь въ потьмахъ-то, распорядился Семенъ. — Собирайся, Митроша...

Митрофанъ лѣниво поднялся съ лавки и взялся за полушубокъ. Бабы заплакали еще сильнѣе и засуетились вокругъ Митрофана, подавая то то, то другое. Семенъ одѣлся и сѣлъ. Всѣ тоже сѣли, посидѣли нѣсколько секундъ, встали и начали молиться Богу.

— Молись, старуха, Ей, Владычицѣ! указалъ Семенъ на потемнѣвшій образъ, передъ которымъ теплилась лампада. — На нее одну, кормилицу, надежда... Нѣтъ ни льготы, ни изъяну...

Голосъ его дрогнулъ и онъ махнулъ рукой, какъ бы желая отогнать минуту невольной слабости. Настасья и Алена заголосили, какъ по мертвомъ, и полѣзли прощаться. Митрофанъ покорно стоялъ, опустивъ руки и разставивъ ноги, и только порой нетерпѣливо подергивалъ плечами.

Заскрипѣли ворота, и подъ санями мягко зашумѣлъ пушистый, выпавшій наканунѣ снѣгъ.

Не у однихъ Аржановыхъ плакали, конечно, въ это раннее утро—всѣмъ жалко разставаться съ родными, но здѣсь провожали главнаго работника, кѣмъ семья только и дышала, на кого возлагала свои надежды.

Съ двѣнадцати лѣтъ ужь Митрофанъ началъ управляться почти за мужика, а въ 15 былъ полнымъ работникомъ. Любо было посмотрѣть на него въ полѣ: все въ рукахъ у него горѣло, все спорилось. Даже зимой онъ работалъ не меньше, чѣмъ лѣтомъ. Только уберутся въ полѣ, свяжутъ послѣдній снопъ — онъ уже идетъ на сосѣдній желѣзодѣлательный заводъ. И на заводѣ Митрофанъ считался однимъ изъ лучшихъ рабочихъ. Начавъ въ 15 лѣтъ съ кочегара, онъ 18 лѣтъ былъ ужь подмастерьемъ, прокатывалъ желѣзо. Послѣдній годъ и работать ему приходилось мало: его сдѣлали чѣмъ-то вродѣ надзирателя надъ другими рабочими. Станетъ иной передавать горячее желѣзо изъ вала въ валъ клещами, прикипитъ желѣзо къ клещамъ, не успѣетъ рабочій выпустить ихъ изъ рукъ—и втянетъ его въ валъ, завертитъ либо руку, либо ногу. Случается, что и всего, вмѣсто полосы, между валами протащитъ. Въ такихъ-то случаяхъ былъ

Digitized by Google

незамѣнимъ Митрофанъ: сейчасъ же подскочитъ и оторветъ рабочаго вмѣстѣ съ клещами отъ желѣза. Не даромъ всѣ на заводѣ называли его орломъ за силу и ловкость. Товарищи въ Митрофанѣ души не чаяли за удальство. Въ дѣтствѣ еще онъ отличался во всѣхъ играхъ, а въ бытность на заводѣ никто не могъ удачнѣе его стащить пуда два желѣза или полпуда стали. Грѣхомъ это, разумѣется, никто изъ его товарищей не считалъ. Другіе попадались, а онъ уходилъ между рукъ. Передъ Пасхой этого года счастье, впрочемъ, измѣнило ему: онъ попался съ мѣдью, цѣлые подшипники отодралъ. Его поймали съ поличнымъ. Управляющій, считавшій Митрофана образцовымъ рабочимъ, съ укоризной покачалъ головой, запретилъ ему являться на заводъ и передалъ дѣло мировому судьѣ. Мировой судья вызвалъ Митрофана и троихъ украинцевъ, попавшихся вмѣстѣ съ нимъ, въ половинѣ мая.

Часа три прождали они на крыльцѣ деревяннаго, выкрашеннаго дикой краской домика. Часовъ въ 12 смазливая горничная отперла камеру. Вызванные вошли въ нее и усѣлись на скамейку. Поодаль отъ нихъ сѣлъ только что пріѣхавшій постоянный повѣренный завода, Евгеній Николаичъ Ансеровъ. Вызванные искоса поглядывали на него. Повѣреннаго завода проворовавшіеся рабочіе боялись больше, чѣмъ самого мирового. — «Мировой что! Что Евгеній Николаичъ скажетъ, такъ и рѣшитъ», говорили они.

Ансеровъ сидѣлъ на скамейкѣ, небрежно развалясь и сложивъ на колѣняхъ вытянутыхъ ногъ большія бѣлыя руки.

— А ты ужь насъ полегче, Евгеній Николаичъ, пошутилъ Митрофанъ.

Ансеровъ повернулъ къ нему голову; большой, нависшій лобъ нахмурился, сѣрые, холодные, съ стальнымъ блескомъ глаза презрительно прижмурились. Онъ покрутилъ длинные бѣлокурые усы, захватилъ въ горсть и сунулъ въ ротъ бѣлокурую же козлиную бороду, но промолчалъ и отвернулся.

А было время, когда Ансерова всѣ считали мужицкимъ адвокатомъ, когда съ нимъ боялись знакомиться, когда онъ слылъ самымъ опаснымъ человѣкомъ въ уѣздѣ, когда всѣ «дѣльцы» боялись его злого языка, стального безжалостнаго взгляда сѣрыхъ глазъ, неумолимой логики его рѣчей, которыми онъ громилъ всѣхъ міроѣдскихъ дѣлъ мастеровъ за жалкіе мужицкіе рубли. Но путемъ долгихъ размышленій онъ пришелъ къ убѣжденію, что даже богато одаренный человѣкъ ничего не добьется, не имѣя въ своихъ рукахъ или власти, или денегъ. Власти добиться Ансеровъ не могъ, ибо былъ поповичъ, выключенный за

Digitized by Google

строптивость характера изъ четвертаго класса семинаріи; деньги же сами плыли въ руки. Сколько дѣлъ было у однихъ винокуренныхъ заводчиковъ и купцовъ-помѣщиковъ! Кстати же у одного заводчика подвернулось вполнѣ законное дѣло. Въ голодный годъ одно общество сдало этому купцу за безцѣнокъ на 12 лѣтъ кабакъ, обязавшись не открывать другого. Послѣ голоднаго года наступилъ урожайный, и неблагодарные крестьяне нашли, что арендная цѣна слишкомъ низка. Ходоки отправились къ купцу и попросили прибавки, чтобы «ни намъ, ни тебѣ не было обидно». Купецъ, конечно, отказался. Черезъ мѣсяцъ въ селѣ появился «ренсковый погребъ». Купецъ началъ судьбище. Черезъ годъ дѣло дошло до палаты, и за него взялся Ансеровъ. На его обязанности лежало доказать за 1,000 рублей, что кабакъ и ренсковый погребъ одно и то же. Насмѣшкой судьбы можно объяснить то обстоятельство, что именно Ансеровъ посовѣтовалъ крестьянамъ открыть ренсковый погребъ и обойти условіе. Молоденькій повѣренный крестьянъ казался Ансерову ничтожнымъ противникомъ, но успѣлъ доказать, что крестьяне обязались не открывать именно кабака, а не чего-либо другого. Строго-логичная рѣчь Ансерова не подѣйствовала на судей. Онъ разсердился, покраснѣлъ, что случалось съ нимъ крайне рѣдко.

— Закономъ нельзя шутить, сказалъ онъ въ своемъ послѣднемъ словѣ, взволнованно опускаясь на скамейку.

Палата отказала ему въ искѣ, но фраза «закономъ нельзя шутить» легла въ основаніе всей его послѣдующей дѣятельности. Онъ весь ушелъ въ форму, поддерживалъ самыя варварскія притязанія, если они основывались на какомъ-нибудь подобіи закона, несмотря на то, кѣмъ эти притязанія предъявляются и къ кому; и не было въ околодкѣ другого повѣреннаго, такъ успѣшно отстаивавшаго «законныя» права на мужика всѣхъ мѣстныхъ цивилизаторовъ. Со времени перваго дѣла, въ которомъ онъ выступилъ противъ крестьянъ, прошло три года; онъ пошелъ въ гору, занялъ отличную квартиру, выписалъ мебель изъ столицы, завелъ собственный экипажъ, держитъ повара. Все-таки Ансеровъ считаетъ себя такимъ же, какимъ былъ раньше, и, выслушивая упреки друзей въ отступничествѣ, презрительно пожимаетъ плечами. Не забывайте, что, кромѣ простой совѣсти, есть *юридическая*, а *юридически* онъ всегда правъ, что доказываютъ рѣшенія судебныхъ мѣстъ. Да и потомъ, развѣ не для народа заработываетъ онъ деньги, хотя и смотритъ на него не попрежнему? Развѣ его богатство не создало уже ему болѣе высокаго положенія, не расширило его дѣйствій?

Стороны прождали еще съ полчаса: мировой ѣздилъ смотрѣть

Digitized by Google

на посѣвъ льна и усталъ. Наконецъ, за рѣшеткой показался невысокій, толстенькій, румяный старичокъ, остриженный подъ гребенку, съ длинными сѣдыми усами, и надѣлъ цѣпь.

— Митрофанъ Аржановъ!

Митрофанъ выступилъ впередъ.

— Сколько лѣтъ?

— 20.

— Нынѣшній годъ на призывѣ будешь?

— На призывѣ.

— Не хочется въ солдаты идти? подмигнулъ лукаво судья.

Митрофанъ замялся и улыбнулся.

— Знамо. Кому же охота?

— Ступай домой. Знаю я эти кражи передъ призывомъ, обротился судья къ Ансерову.

Ансеровъ поморщился, но ничего не возразилъ. Митрофанъ, не вѣря своимъ ушамъ, поклонился судьѣ и поспѣшно повернулся къ двери.

— Погоди, вмѣстѣ пойдемъ, остановилъ его одинъ изъ товарищей.

Митрофанъ поколебался и сѣлъ на скамейку. Изъ остальныхъ троихъ одного судья оправдалъ, а двоихъ засадилъ, каждаго на три мѣсяца.

— Да вы не сейчасъ, голубчики, сядете, говорилъ судья:— нѣ-ѣтъ, теперь вамъ все равно дѣлать нечего—а вы извольте 5 іюля явиться въ городъ. И будете знать впередъ, какъ желѣзо таскать! Такъ-то! Счастливъ твой Богъ, обратился онъ къ Митрофану:—что на призывѣ, а то тебѣ бы побольше посидѣть пришлось. Засѣданіе закрыто!

Повезло, значитъ, и здѣсь Митрофану.

Въ семьѣ отецъ только считался главою: на самомъ же дѣлѣ все дѣлалось такъ, какъ захочетъ Митрофанъ. За нимъ ухаживали, его баловали, снисходительно смотрѣли на его шалости, когда онъ былъ парнемъ. А шалилъ онъ изрядно: первымъ озорникомъ по селу считался. Одна орлянка чего стоила, изъ-за нея одной сколько грѣха было. Разъ его Пронька Крутовъ чуть было топоромъ даже не срубилъ.

Получили украинскіе парни разсчетъ на заводѣ передъ Пасхой, отошли отъ завода съ полверсты—и давай метать. Другіе скоро отстали и ушли домой, а Пронька раззадорился: хотѣлось ему проигранный полтинникъ воротить. Кончилось тѣмъ, что онъ проигралъ весь заработокъ, цѣлыхъ шесть рублей. А ему не слѣдовало и шести копеекъ проигрывать: ни кола, ни двора, отецъ десять лѣтъ тому назадъ умеръ, на рукахъ мать, да двое

Digitized by Google

братишекъ. Поблѣднѣлъ онъ весь, сердечный, когда метнулъ на послѣдній гривенникъ.

— Плата! крикнулъ спокойно Митрофанъ и поднялъ съ земли два послѣдніе пятака Проньки.

Пронька не выдержалъ и заплакалъ.

— Отдай, Митрофанъ, Христа ради, хоть трешницу! дома разтовѣться нечѣмъ!

Митрофанъ засмѣялся и положилъ деньги въ карманъ.

— Развѣ ты не зналъ, что̀ дѣлалъ?

Взвалилъ на плечи котомку и пошелъ.

Пронька поплелся за нимъ и всю дорогу плакалъ и просилъ хоть рублевку. Митрофанъ только смѣялся и прибавлялъ шагу. Спустились въ овражекъ—сейчасъ за оврагомъ и дома. Вдругъ Пронька схватилъ одною рукою Митрофана за грудь, а другой выхватилъ изъ-за кушака топоръ (онъ на заводѣ рубилъ дрова).

— Не хочешь добромъ отдать—силой отыму! Давай! крикнулъ онъ надтреснутымъ голосомъ. Глаза горѣли, самъ весь трясся, а на щекахъ еще слезы не высохли.

Митрофанъ принужденно улыбнулся и отдалъ деньги. Пронька схватилъ, поклонился Митрофану въ ноги и безъ оглядки кинулся домой.

Другой сынъ Семена, Ѳедоръ, которому стукнуло 18 лѣтъ—черезъ это Митрофанъ и лишился льготы—пошелъ не въ брата. Совсѣмъ не удался онъ: низенькій, корявый, рябой, кривой на одинъ глазъ—въ зыбкѣ еще его оспа склевала. Парень, впрочемъ, тихій, работящій. Только не спорилось у него, силенки что-ли не хватало или просто такимъ, какъ говорятъ, «незадачнымъ» уродился. Люди, бывало, косятъ, какъ «люди», а у него лугъ—какъ будто баба овечьими ножницами выстригла, лѣстницей. И во всемъ такъ. Семенъ училъ его, поколачивалъ иногда, но ничего не добился: не было въ работѣ Ѳедора проку, не было спорины. Самъ Семенъ черезъ-чуръ много работалъ, когда дѣти были малы, и надорвался. Чуть за что возьмется — одышка. Не удивительно поэтому, что всѣ Аржановы плакали особенно горько, провожая Митрофана въ Старый Усадъ, гдѣ помѣщался призывной участокъ.

Аржановы пріѣхали туда часовъ въ 8. Около правленья толпились ужь сотни народа. Сотни саней стояли на площади съ поднятыми вверхъ оглоблями. Заиндевѣвшія лошади усердно жевали сѣно, потряхивая головами. Тучи голубей летали и торопливо бѣгали между возами и по возамъ. У трактира была давка. Немногочисленная прислуга не успѣвала разносить чай, доливать

Digitized by Google

кубъ. Кабакъ былъ еще закрытъ по распоряженію исправника, но и около него толпился народъ. Въ самомъ правленьи тоже шла суматоха. Старшины, старосты, писаря, три урядника шныряли взадъ и впередъ, переговариваясь тревожно и вполголоса. Въ 9 часовъ пріѣхало на двухъ тройкахъ «присутствіе», ночевавшее у сосѣдняго помѣщика. Начали вынимать жеребій. Митрофанъ, весь красный отъ волненія, размашисто покрестился, засучилъ по локоть правую руку, поднялъ ее вверхъ съ растопыренными пальцами, чтобы показать, что у него нѣтъ подложнаго билета, и быстро запустилъ въ «колесо» — квадратный ящикъ съ круглымъ окошкомъ наверху. Нѣсколько мгновеній онъ пошевелилъ пальцами билетики и, наконецъ, захватилъ одинъ. Рука дрожала у него, когда онъ подалъ билетъ, какъ будто это была пудовая гиря, а не бумажная трубочка.

— 64-й! прочиталъ громко предсѣдатель.

Митрофанъ немного поблѣднѣлъ. Вихремъ пронеслись воспоминанія о прожитомъ. Сердце замерло.

Вынувшіе жеребій выходили въ переднюю и раздѣвались, оставаясь въ однѣхъ рубахахъ. Въ отворенную, во избѣжаніе духоты, дверь врывались потоки холоднаго воздуха, на полу стояли лужи, натекшія съ обтаявшихъ сапогъ и лаптей. Бабы стояли передъ раздѣтыми родными и тихо причитали. Раздѣтые ежились и дрогли, дробно топоча ногами. Иногда къ кому-нибудь изъ нихъ бочкомъ пробиралась, несмотря на окрики урядника, приставленнаго слѣдить за порядкомъ, мать или жена и торопливо вынимала изъ подъ фартука бутылку. Начали выкликать для освидѣтельствованія. Часа черезъ два кликнули: «Митрофанъ Аржановъ»! Митрофанъ твердыми шагами вошелъ въ присутствіе.

— Принять! закричалъ воинскій начальникъ. — Эдакихъ молодцовъ не брать, такъ и брать некого!

И точно, на Митрофана можно было залюбоваться. Высокаго роста, широкоплечій, стройный, съ румянцемъ во всю щеку, съ русыми кудрями и темными усиками, онъ выглядѣлъ древнерусскимъ красавцемъ, какіе снятся любителямъ старины.

— Все-таки осмотрѣть надо, замѣтилъ докторъ, черненькій тощій человѣкъ, съ козьей бородкой и въ очкахъ.

— Никакого изъяна нѣтъ, заявилъ Митрофанъ: — хоть и не смотрите—всѣмъ здоровъ.

Его, однако, поставили подъ мѣру.

— 9 1/2 вершковъ! выкрикнулъ рѣзко солдатъ, стоявшій у мѣрки.

Digitized by Google

Поздно вечеромъ пріѣхали Аржановы домой. Настасья и Алена весь вечеръ мерзли у воротъ и такъ и кинулись къ санямъ.

— Ну, старуха, не умолили! прошепталъ Семенъ, отворяя ворота.

Настасья упала почти замертво.

Новобранцевъ распустили по домамъ до Николы. Недѣли за двѣ до этого рокового дня, Митрофанъ началъ гулять, по обычаю.

На Николу утромъ, изъ Украинскаго тронулось съ десятокъ саней съ новобранцами. По селу всѣ шли пѣшкомъ. У околицы распрощались. Митрофанъ крѣпился, цѣлуясь съ отцомъ и матерью, но когда красавица Алена обвилась руками около его шеи и замерла, не выдержалъ, заплакалъ и онъ, и долго плакалъ, давъ волю слезамъ. Всего ему стало жалко: и отца, и мать, и Алену, съ которой прожилъ только годъ и на которую не успѣлъ еще наглядѣться вдоволь, и брата, и поля, и скотину. Помчались сани въ городъ, а у него долго еще стояли въ глазахъ слезы, и часто оборачивался онъ къ селу, далеко видному со стороны города. Верстахъ въ десяти Аржановы догнали бабу съ узелкомъ.

— Никакъ Милюкова Аграфена? удивился Семенъ. — Такъ и есть: куда это ты, Аграфена? окликнулъ онъ бабу, придерживая лошадей.

— Въ городъ, Семенъ Харитонычъ. Не подвезете ли—у васъ пара, отвѣтила баба, кланяясь:—куплю ужь косушку.

— Что же, садись. Зачѣмъ это ты въ эку даль собралась?

— Къ Никанору хочу, въ Петровскій.

— Ой, далеко собралась, замѣтилъ Семенъ.

— Далеко... Доберусь, какъ ни то! вздохнула Аграфена, усаживаясь въ сани и зарывая ноги въ сѣно.—Больно жить безъ Никанора скучно, улыбнулась она лукаво, бойко взглядывая карими глазами.

На Рождество новобранцевъ отправили къ мѣстамъ назначенія. Митрофана повезли въ Питеръ.

Аржановы долго не могли оправиться отъ горя. Семенъ запилъ, чего за нимъ раньше не водилось. Даже цѣловальникъ уговаривалъ его не пить.

— Что это ты, Семенъ? долго ли себя потерять? говорилъ онъ, подавая ему косушку или полштофъ.

Семенъ сидѣлъ на лавкѣ, заложивъ руки между колѣнъ и, тихо покачиваясь, твердилъ: «пропащій я человѣкъ, пропащій».

Выйдя изъ кабака, онъ непремѣнно дѣлалъ крюкъ и заходилъ въ проулокъ, гдѣ жили Пачкаловы. Передъ ихъ домомъ онъ

Digitized by Google

останавливался, становился въ вызывающую позу и начиналъ браниться.

— Такіе вы, распостылые! Четыре брата лодыря—ни одинъ къ царю на службу не пошелъ! А у меня моего кормильца взяли!

Сначала кто-нибудь изъ Пачкаловыхъ приподнималъ окно и начиналъ его усовѣщивать.

— Развѣ мы сами не пошли? Жеребій не вышелъ.

— Жеребій! кричалъ еще сильнѣй Семенъ.—Жеребій слѣпой—ничего не видитъ! Развѣ это порядокъ: четыре сына дома остаются, а изъ двоихъ одного берутъ?

Пачкаловы перестали перекоряться. Семенъ все бранился. Наконецъ, тѣ пожаловались уряднику. Урядникъ сдѣлалъ Семену внушеніе.

— Ахъ, ты! какъ ты смѣешь законы осуждать? Развѣ это твое дѣло?

Семенъ восчувствовалъ и смолкъ.

II.

Партію новобранцевъ, въ которой былъ Митрофанъ, провезли 100 верстъ на лошадяхъ и посадили въ вагонъ вмѣстѣ съ другой партіей, изъ другого города. Душно было въ вагонѣ до невозможности. Офицеръ входилъ туда не иначе, какъ зажавъ носъ—до того воздухъ былъ насыщенъ испареніями отъ платья и тѣла. Большинство новобранцевъ сидѣло въ рубахахъ и безъ сапогъ. Всѣхъ томила скука, жажда и неизвѣстность будущаго. На станціи вагонъ отпирали, и всѣ, сломя голову, бросались пить, не дожидаясь, когда партіонный унтеръ велитъ принести ушатъ. Многіе, выскакивая босикомъ на снѣгъ, простудились и заболѣли. Митрофанъ не заболѣлъ, но сильно похудѣлъ и поблѣднѣлъ въ нѣсколько дней ѣзды до Петербурга. Петербургъ его пугалъ; съ этимъ словомъ у него связывалось что-то смутно-грозное. Унтеръ, распекая новобранца, всегда присовокуплялъ: «вотъ погоди! въ Питерѣ выбьютъ изъ тебя дурь-то! Тамъ тебя научатъ, какъ калачи ѣсть»! И всѣ боялись страшнаго города, гдѣ выбиваютъ дурь.

На вокзалѣ Николаевской дороги партіи провѣрили и развели по казармамъ. Митрофанъ машинально шагалъ по тротуарамъ, дивуясь на все, начиная съ огромныхъ домовъ, уходящихъ, какъ ему казалось, въ облака, и кончая легковыми извощиками, которыхъ не водилось въ его родномъ городѣ. Нигдѣ не виднѣлась одная солома, на которой могъ бы отдохнуть его измученный

Digitized by Google

глазъ; даже деревянные дома попадались очень рѣдко: куда ни взгляни—все камень. Камень подъ ногами, камень по сторонамъ.

— Видно и люди-то здѣсь каменные, подумалъ съ тоской и страхомъ Митрофанъ.

Его зачислили въ Московскій полкъ. Усатый фельдфебель, съ смуглымъ, рябымъ лицомъ, служившій второй срокъ, привелъ его въ большущую, не особенно свѣтлую комнату, всю установленную желѣзными койками, и показалъ на одну изъ коекъ.

— Клади, пока, здѣсь узелъ. Это будетъ твоя койка. Рыжиковъ!

Коекъ черезъ десять поднялся тонкій, молодой еще солдатъ, съ блѣднымъ лицомъ, рыжеватыми усами, щеголевато одѣтый, и подошелъ къ фельдфебелю.

— Это твой дядька будетъ. Слушайся его во всемъ. Выбивай изъ него, Рыжиковъ, деревенскую дурь—видишь, какой розина!

Митрофанъ, дѣйствительно, полураскрывшій ротъ, поспѣшилъ сжать губы и покраснѣлъ. Рыжиковъ презрительно посмотрѣлъ на него.

— Опусти руки по швамъ!

Митрофанъ поспѣшно вытянулся, какъ умѣлъ. Рыжиковъ покачалъ головой, фыркнулъ и отошелъ.

Дядька оказался очень придирчивымъ человѣкомъ, и не мало тычковъ влетѣло Митрофану, пока его не надоумили старые солдаты.

— Аль дерется Рыжиковъ-то? спросилъ его однажды солдатъ, прозванный, за миролюбивый характеръ, «телкомъ».

— Дерется, чуть прошепталъ Митрофанъ.

— Ты его не угощаешь развѣ?

— Нѣтъ.

— То-то и есть! А ты угости его, своди въ гостинницу, залей глотку-то.

Дождавшись ближайшаго воскресенья, Митрофанъ выпоролъ изъ рубашки зашитую туда Аленой пятишницу, сунулъ въ карманъ и подошелъ къ Рыжикову. Рыжиковъ лежалъ брюхомъ вверхъ на койкѣ и читалъ пѣсенникъ.

— Скучно что-то, началъ Митрофанъ робко.

— Къ погодѣ! Поросята вонъ постоянно къ погодѣ скучатъ, проворчалъ Рыжиковъ, не отрывая глазъ отъ книги.

— Не пойдете ли, Алексѣй Митричъ, въ гостинницу куда-нибудь? предложилъ Митрофанъ, проглотивъ насмѣшку.

Рыжиковъ заложилъ листъ пальцемъ и пытливо посмотрѣлъ на него.

— А деньги есть? спросилъ онъ насмѣшливо.

Digitized by Google

— Есть, Алексѣй Митричъ.

Рыжиковъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— Покажи, сколько?

Митрофанъ показалъ синенькую.

— Въ какую гостинницу хочешь идти? спросилъ Рыжиковъ болѣе мягко.

— Я не знаю, Алексѣй Митричъ, куда вы...

— Ну, идемъ въ «Кронштадтъ», предложилъ Рыжиковъ повеселѣвшимъ голосомъ.

Пять воскресеній подъ рядъ дядька и племянъ ходили въ «Кронштадтъ». Рыжиковъ послѣ перваго же угощенія отмякъ, и вмѣсто грубой брани и тычковъ, началъ журить Митрофана ласково, почти дружески. Къ шестому воскресенью у Митрофана не осталось ни копейки. Онъ сидѣлъ на койкѣ грустный и задумчивый. Рыжиковъ искоса посматривалъ на него.

— Аржановъ! позвалъ онъ нетерпѣливо.

Митрофанъ съ крайне неловкимъ чувствомъ подошелъ къ Рыжикову. Рыжиковъ молча посмотрѣлъ на него.

— Сегодня развѣ не пойдемъ? спросилъ онъ небрежно.

— Деньги всѣ, Алексѣй Митричъ, сознался Митрофанъ.

— Деньги всѣ! передразнилъ Рыжиковъ.—Домой бы написалъ! Эхъ, тюря!

— Завтра напишу...

— Завтра! Когда ты ихъ получишь? Черезъ мѣсяцъ! А до тѣхъ поръ что станешь дѣлать? Хочется, небось, въ «Кронштадтъ»-то?

— Хочется, признался Митрофанъ. Ему, на самомъ дѣлѣ, очень понравилась трактирная обстановка, несвязный говоръ, табачный дымъ, музыка, звонъ посуды.

— То-то и есть! покачалъ укоризненно головой Рыжиковъ.— Ну, идемъ, нынѣ я угощу, поднялся онъ съ койки.

Митрофанъ замялся.

— Совѣстно чего-то, Алексѣй Митричъ.

— Чего «совѣстно»? Иди—«хлѣбъ соль заемное дѣло».

На другой день Митрофанъ собственноручно (онъ ходилъ двѣ зимы въ училище) нацарапалъ письмо домой. Въ этомъ письмѣ, полномъ поклоновъ роднымъ и знакомымъ, увѣщаній женѣ, чтобы она «баловствомъ не занималась, а жила честно, благородно», начилось, что «въ Петербургѣ все дорого: въ баню сходить—убль; а безъ бани нельзя, потому начальство чистоты требуетъ». канчивалось письмо такъ: «и еще прошу васъ, батюшка, и съ, матушка, и васъ, милый братецъ (передъ этимъ онъ просилъ «родительскаго благословленія, навѣки нерушимаго», «по

Digitized by Google

гропъ моей жизни»), пришлите мнѣ хоть рублей пять денегъ поскорѣе, потому нашему брату на чужой сторонѣ безъ денегъ совсѣмъ невозможно».

Семенъ не могъ скоро собраться съ деньгами и выслалъ ихъ только къ Пасхѣ. Все это время Митрофанъ угощалъ Рыжикова на деньги, вырученныя подъ закладъ полушубка. Рыжиковъ таскалъ Митрофана по всей столицѣ, въ которой жилъ ужь пять лѣтъ, и показывалъ всѣ уголки, куда можетъ проникнуть солдатъ, и Митрофанъ быстро оцивилизовался. Получивъ деньги къ Пасхѣ, онъ первымъ дѣломъ купилъ пачку петровскихъ папиросъ. Даже Рыжиковъ радостно удивился.

— Однако, братъ, какъ ты скоро! похвалилъ онъ, беря длинными тонкими пальцами папиросу изъ радушно предложенной пачки.

— А ты думалъ какъ? похвастался самодовольно Митрофанъ, затягиваясь папиросой.—Куда на радостяхъ-то махнемъ? *Туда* что ли?

— Нѣтъ, *тамъ* что-то не тово... на Бассейную развѣ? предложилъ Рыжиковъ нерѣшительно.

— Ну, идемъ туда! Была не была!

Послѣ Пасхи отношенія ихъ стали чисто дружескими. Митрофанъ чрезвычайно быстро усвоилъ всю премудрость, которую по штату полагается знать солдату, и фельдфебель доложилъ ротному командиру, что Аржанову дядька больше не нуженъ.

Потянуло весною. Въ садахъ зазеленѣли деревья. Митрофанъ невольно загрустилъ по дому, по зеленымъ полямъ, по пашнѣ. Городъ давилъ его своей каменной громадой безъ зелени, безъ простора.

— Домой бы, братъ, теперь! не удержался однажды Митрофанъ, лежа на койкѣ и поглядывая въ окно: изъ окна виднѣлся клочокъ синяго неба; длинная вереница черныхъ точекъ двигалась по этому клочку къ сѣверу — высоко, высоко летѣли журавли.

— Сѣрыхъ щей захотѣлось? усмѣхнулся иронично Рыжиковъ.

— Жена вѣдь тамъ у меня! красавица! продолжалъ мечтать вслухъ Митрофанъ.

— Въ лаптяхъ? въ сарафанѣ? Носъ-то, поди, рукавомъ утираетъ? спросилъ Рыжиковъ такъ же насмѣшливо.—То ли дѣло на Бассейной! Помнишь?

Рыжиковъ зажмурилъ глаза.

Митрофанъ покраснѣлъ и отвернулся. Онъ уже стыдился того, что жена у него «необразованная мужичка», и въ то же время

Digitized by Google

негодовалъ на себя за этотъ стыдъ. Рыжиковъ всталъ и началъ одѣваться.

— Куда ты?

— Куму недавно нашелъ... Въ гости звала, отвѣтилъ небрежно Рыжиковъ.

— Кума? удивился Митрофанъ.

— Ну, да, кума! Чего глаза-то выпучилъ? идемъ, коли хочешь.

Митрофанъ согласился. Рыжиковъ привелъ его въ чистую свѣтлую кухню большого дома.

— Здравствуйте, кумушка! улыбнулся онъ нарядной, толстой и довольно красивой кухаркѣ. Племяша своего привелъ: «скучился, говоритъ, въ казармѣ».

— Здравствуйте, куманекъ, улыбнулась и та, отирая запачканныя сажей руки о передникъ. — Садитесь, будьте гостемъ, обратилась она къ Митрофану:—кофейку сейчасъ приготовлю.

Пріятели просидѣли у кумы почти до повѣрки. Она угощала ихъ кофе, пивомъ, хохотала надъ двусмысленными комплиментами Рыжикова, раза два ободрительно хлопнула по плечу Митрофана.

— Ну, что, спросилъ Рыжиковъ:—каково?

Митрофанъ не отвѣтилъ. Больше онъ не заговаривалъ о домѣ и сердился, когда Рыжиковъ спрашивалъ, чѣмъ Алена носъ утираетъ.

Денегъ онъ просилъ каждый мѣсяцъ подъ различными предлогами: то вещь казенную у него украли, то велятъ купить что-нибудь на свой счетъ. На словахъ Митрофанъ врядъ ли рѣшился бы лгать, но за 2,000 верстъ это очень легко. Семенъ иногда присылалъ, иногда писалъ, что взять негдѣ. Первое время Митрофанъ не обижался на отказъ; но потомъ сталъ выговаривать.

— Или я, батюшка, вамъ мало работалъ? Не пропадать же мнѣ на чужой сторонѣ. Если денегъ нѣтъ, то хоть лошадь продайте! Куда вамъ три-то? Я приду, новую купимъ, написалъ онъ черезъ годъ.

Отецъ отвѣтилъ на это письмо къ Рождеству. Лошадь продать онъ отказался, но прислалъ три рубля. Алена продала *свою* ройниковую холстину и прислала еще пять. Митрофанъ умилился передъ поступкомъ Алены.

— Вотъ, братъ, у меня жена какая! даромъ что рукавомъ гирается, похвастался онъ.

— Всѣ онѣ такъ, усмѣхнулся Рыжиковъ:—замасливаетъ—«я-де тебя люблю!» А сама, поди, давнымъ-давно съ кѣмъ-нибудь свялась.

Digitized by Google

— Ну, ужь и связалась! возразилъ Митрофанъ съ неудовольствіемъ.

— А ты думалъ, какъ? Самъ-то монахомъ что-ль живешь? И на ней нечего взыскивать—дѣло молодое.

— Тоже! Сравнялъ! То нашъ братъ, то ихъ сестра! Да ежели я что̀ услышу! Вотъ Митька Ѳоминъ придетъ, спрошу. Ежели что... Ну, тогда...

— Какой еще Митька?

— Товарищъ мой... Пишетъ отецъ, что тоже въ гвардію опредѣлили.

Послѣ Новаго года, въ воскресенье, явился къ Митрофану въ казармы Митрій въ мундирѣ Измайловскаго полка. Пріятели расцѣловались. Митрій вынулъ изъ-подъ полы шинели узелокъ.

— Гостинца тебѣ Алена Васильевна прислала, улыбнулся онъ широкой улыбкой.

Митрофанъ торопливо схватилъ узелокъ и сунулъ подъ подушку. Рыжиковъ, однако, замѣтилъ.

— Аржановъ! что̀ ты это подъ подушку спряталъ? спросилъ онъ, улыбаясь.

Митрофанъ смутился.

— Небось, жена изъ деревни гостинчика прислала? продолжалъ приставать Рыжиковъ.

— Да-а, процѣдилъ сквозь зубы Митрофанъ, и сейчасъ же началъ разспрашивать Митрія о деревнѣ.

Рыжиковъ подсѣлъ къ нимъ и, насмѣшливо улыбаясь, уставился на Митрія. Митрій, не замѣчая этого, счастливо улыбался, передавая деревенскія новости.

— Ну, супруга моя какъ поживаетъ? спросилъ небрежно Митрофанъ. Голосъ у него дрогнулъ. Рыжиковъ перевелъ свой насмѣшливый взглядъ на него.

— Жена, братъ, твоя хорошо живетъ, не другимъ солдаткамъ чета; дурного никто не скажетъ. Урядникъ сталъ-было это къ ней подмащиваться...

У Митрофана лицо поблѣднѣло и руки, лежавшія на колѣняхъ, дрогнули.

— Только видимъ—ничего. Онъ это около нея вьется, и такъ, и сякъ, а она хоть бы слово! А разъ прямо то есть ему въ рожу плюнула! ей-Богу! прямо-таки въ усы. Съ тѣхъ поръ и не лѣзетъ.

Митрофанъ съ торжествомъ взглянулъ на Рыжикова. Тотъ, попрежнему, насмѣшливо улыбался, теребя усы.

— А Аграфена Милюкова все въ городѣ живетъ, припомнилъ Митрій.—Сказалась въ Петровскій—Никаноръ тамъ при пушкахъ

Digitized by Google

служитъ—взяла паспортъ. А сама въ городѣ, въ куфаркахъ. Ѣздилъ къ ней свекоръ-то. «Побойся, говоритъ, Бога, Аграфена! али мы тебя обижали чѣмъ? Поѣзжай опять къ намъ». И слышать не хочетъ!—«Наплевала, говоритъ, я вамъ на лапти-то да на сѣрыя щи! Я здѣсь барыней живу, чай да кофей пью, ей-Богу! такъ-таки и сказала!

— Вотъ это такъ баба! одобрилъ Рыжиковъ.—Умная, смотри! Кому же, кромѣ дурака, придетъ охота изъ города въ деревню идти?

Митрій покраснѣлъ, смѣшался и заерзалъ по табурету. — До темной ночи проговорилъ Митрій объ Украинскомъ, счастливый встрѣчей съ землякомъ и старымъ товарищемъ. На Митрофана тоже повѣяло роднымъ, деревенскимъ. Сердце сладостно ныло у него весь этотъ вечеръ, воспоминанія невольно приходили на память, и онъ улыбался тихой, хорошей улыбкой. Утромъ онъ всталъ съ смутнымъ сознаніемъ вчерашнихъ ощущеній, а вечеромъ опять былъ достойнымъ племянникомъ Рыжикова.

Къ масляницѣ Рыжикова отпустили въ безсрочный отпускъ.

— Куда теперь? домой? спрашивалъ его Митрофанъ.

— Какъ бы не такъ! Чего я тамъ не видалъ? Здѣсь на мѣсто поступлю. Кума сказывала, что къ нимъ въ домѣ младшаго дворника нужно. Домъ небольшой—поступлю на первый случай, а тамъ куда-нибудь въ швейцары проберусь: больно имъ житье хорошее...

— А жена-то какъ-же?

Рыжиковъ слегка вздохнулъ и махнулъ рукой.

— Жена, братъ, у меня бросовая—прямо сказать—потаскушка! Ну, ее! Безъ нея за первый сортъ проживемъ. Идемъ, выпьемъ на прощанье, на мѣсто поступлю ежели—скажу... Заходи когда ни то...

Пріятели пошли въ «Веселую долину» и выпили. Рыжиковъ, вышивая, строилъ планы, а Митрофанъ грустно кивалъ на его восклицанія головою. Онъ чувствовалъ себя осиротѣвшимъ.

Рыжиковъ, дѣйствительно, поступилъ туда, куда разсчитывалъ. Митрофанъ частенько хаживалъ къ нему, когда не на что было идти въ трактиръ. Въ дворницкой они не засиживались, а шли къ кумѣ въ кухню. Въ одно изъ такихъ посѣщеній Митрофанъ засталъ у кумы другую кухарку—молодую, худощавую женщину, съ жиденькой черной косой и впалой грудью; одѣта она была, разумѣется, по-городскому. Звали ее Анисьей Петровной. Кума перезнакомила гостей. Гости напились, по обыкновенію, кофе, поиграли въ «свои козыри» и «короли». Митрофанъ все время сидѣлъ около новой знакомой и любезничалъ, подражая

Digitized by Google

Рыжикову. По тому, какъ Анисья Петровна хохотала и закрывала лицо картами, видно было, что любезности Митрофана ей не противны. Рыжиковъ и «кума» лукаво посмѣивались. Вечеромъ Митрофанъ проводилъ Анисью Петровну до дому.

— Заходите когда, Митрофанъ Семенычъ, пригласила она его, пожимая руку.—Третій этажъ, квартира господъ Тройкиныхъ... Я скажу хозяйкѣ, что вы братъ мой двоюродный, улыбнулась Анисья Петровна лукаво.

Митрофану это предложеніе очень польстило: шутка—дѣло! обзавелся *своею* «сестрою»!

— Съ нашимъ удовольствіемъ-съ! щелкнулъ онъ довольно ловко каблуками.

Послѣ ужина Анисья Петровна имѣла съ хозяйкой почтительный разговоръ.

— Двоюроднаго брата нашла... Можно будетъ ему сюда ходить? говорила она, убирая со стола.

Рыжеватая, худенькая, востроносая барыня поморщилась.

— Солдатъ? спросила она, вытянувъ презрительно губы.

— Никакъ нѣтъ-съ! Гвардеецъ, барыня, московскій, отвѣтила не безъ гордости Анисья Петровна.

— Смирный?

— Не знаю-съ... Да вы не извольте безпокоиться:—если что, такъ я и сама выпровожу.

— Пусть ходитъ, разрѣшила барыня, зная, что иначе Анисья Петровна попроситъ разсчетъ, а ей приходилось платить за три мѣсяца.

За кофейникомъ у Анисьи Петровны Митрофанъ еще больше отвыкъ отъ деревни. Письма онъ сталъ писать гораздо рѣже, получивъ изъ дому нѣсколько писемъ безъ деиегъ, но съ чрезвычайнымъ количествомъ жалобъ на неурожай, на падежъ, на дешевую цѣну скота. Осенью Митрофана произвели въ ефрейторы и дали «племяша», какъ хорошему солдату. Въ «племяши», ему попался смирный, безотвѣтный бѣлоруссъ, старавшійся всѣми силами угодить строгому дядькѣ. Онъ былъ для Митрофана чѣмъ-то вродѣ деньщика. На мелкіе расходы деньгами ссужала Анисья Петровна, встрѣтившая его послѣ лагернаго сбора съ удвоенною нѣжностью. Увидя его въ первый разъ въ галунахъ (это было послѣ третьяго лагернаго сбора), она до того расчувствовалась, что дала ему заразъ красненькую «на новые галуны».

Не долго, однако, походилъ въ галунахъ Митрофанъ. Великимъ постомъ онъ въ одно изъ воскресеній слишкомъ долго засидѣлся у Анисьи Петровны и выскочилъ на улицу, не застег-

Digitized by Google

нувъ ни мундира, ни шинели. Улица была глухая, извощикъ попался нескоро. Сѣвъ на извощика, Митрофанъ замѣтилъ, что дулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ, и плотно закутался въ шинель. На бѣду извощикъ еле тащился, и Митрофанъ сильно продрогъ, пока доѣхалъ до казармы. На другой день онъ не могъ встать. На третій его отправили въ лазаретъ и на дощечкѣ надъ койкой написали: «pneumonia crouposa». Докторъ дня три покачивалъ головою, но на четвертый улыбнулся. Черезъ три недѣли Митрофанъ, блѣдный, истощенный, вышелъ изъ лазарета. Въ докторскомъ свидѣтельствѣ значилось, что онъ не можетъ больше служить, и въ концѣ мая Митрофанъ очутился безсрочно-отпускнымъ. Докторъ велѣлъ ему ѣхать въ деревню. Сердобольная Анисья Петровна (она очень часто навѣщала Митрофана въ лазаретѣ и горько плакала) тряхнула своими сбереженіями, пораженная впалыми щеками и кашлемъ своего возлюбленнаго, и купила ему очень приличное платье (Митрофанъ не хотѣлъ ѣхать въ деревню въ шинели). Въ боковой карманъ пиджака она положила новенькій порт-моне съ новенькой же четвертной бумажкой.—Горючими слезами заливалась Анисья Петровна, провожая Митрофана въ деревню. Митрофанъ клялся ей въ вѣчной вѣрности и обѣщалъ пріѣхать въ Питеръ, какъ только поправится.

Домой онъ не писалъ ни о болѣзни, ни о пріѣздѣ.

III.

Говорятъ, что сердце вѣщунъ. Можетъ быть, это и правда, но въ Украинскомъ никто и не подозрѣвалъ возможности скораго прихода Митрофана. Даже сердце Алены ничего не говорило, а оно-ли ужь не было чутко ко всему, что касалось Митрофана!

Много вытерпѣла за четыре года солдатства Алена. Когда Митрофана «угнали» въ городъ, какъ будто порвалась нитка, связывавшая ее съ семьею мужа. Она почувствовала себя чужою, почувствовала Настасью свекровью, Семена свекромъ. Старики были не особенно расположены къ Аленѣ. Алена была изъ бѣднаго дома, женился на ней Митрофанъ почти противъ воли родителей и ревниво оберегалъ ее. При сынѣ Настасья не смѣла сдѣлать Аленѣ самаго простого замѣчанія: Митрофанъ тотчасъ хмурился и начиналъ упрекать мать въ томъ, что она со свѣту хочетъ сжить Алену. Настасья подозрѣвала, что Алена разстраиваетъ ее съ сыномъ, и косо смотрѣла на невѣстку. Пер-

Digitized by Google

все время послѣ ухода Митрофана, Алена чувствовала себя невыразимо несчастной. Каждое слово свекрови или даже Катерины больно отдавалось въ ея сердцѣ. Въ самыхъ невинныхъ шуткахъ она видѣла желаніе уязвить ее, посмѣяться надъ нею, и, понятно, ей отъ этого было не легче. Говорила она очень мало; смѣяться совсѣмъ отвыкла.

Мало-по-малу, однако, обжилась. Старики, тронутые ея безотвѣтностью, стали относиться къ ней мягче.

Новая бѣда подоспѣла: Митрофанъ часто сталъ просить денегъ. Семенъ, которому и безъ того приходилось плохо, ворчалъ по цѣлымъ недѣлямъ, получивъ отъ сына письмо. Алена по цѣлымъ же недѣлямъ плакала, слушая его воркотню. Послѣднее время, когда Митрофанъ совсѣмъ пересталъ писать, Настасья донимала ее вѣчными жалобами на неблагодарность дѣтей, догадками на счетъ того, что Митрофанъ, смотри, связался съ какой-нибудь. Алена уже нѣсколько разъ подумывала сама идти въ Питеръ и убѣдиться на мѣстѣ, на сколько вѣрны догадки свекрови. Иногда Настасья, напротивъ, предполагала, что Митрофанъ боленъ, умеръ даже—и плакала, плакала безъ конца. Алена вторила ей. Но не однѣ эти бѣды обрушились на голову Алены.

Путемъ долгаго опыта въ народѣ сложился взглядъ на солдатку, какъ на отпѣтую. Загуляетъ дѣвка или мужняя жена, или вдова—міръ отвернется отъ нихъ. Солдатка стоитъ въ особыхъ условіяхъ:—ей и Богъ велѣлъ «гулять», для нея гульба нормальное состояніе.

Солдаты вмѣсто 25, 15 лѣтъ стали служить 6—8, но взглядъ на солдатокъ еще не измѣнился. Нѣтъ ни одной солдатки, про которую не говорили бы, что она гуляла, и всѣ этому вѣрятъ, и никто, кромѣ мужа развѣ, съ нея не взыскиваетъ. Парни особенно консервативны на этотъ счетъ и такъ и льнутъ къ солдаткамъ. Холостая интеллигенція держится такихъ же взглядовъ.

Алена рѣдко выходила изъ дому, но совсѣмъ отрѣшиться отъ улицы, понятно, не могла. Въ первое лѣто во время полотья познакомилась она съ поповымъ работникомъ, «страннимъ»: на смежныхъ полосахъ просо пололи. Парень былъ веселый, симпатичный. Алена, слушая его прибаутки, улыбнулась даже.

Полоса лежала при самой дорогѣ. Кое-кто ѣхалъ въ это время мимо, слышалъ оживленную бесѣду сосѣдей. Дня черезъ два, Настасья встрѣтила свою старую тетку Ѳеклу.

— Что у тебя Алена-то погуливать будто начала? напусти-

Digitized by Google

лась та на Настасью.—Смотри, не скажетъ тебѣ Митроша спасибо-то!

— Что ты! что ты! удивилась Настасья:—съ кѣмъ?

— Съ поповымъ работникомъ, слышь...

— Ахъ, мать Пресвятая Богородица! Да когда они снюхались?

— Кто ихъ знаетъ! Просо, слышь, вмѣстѣ пололи..

Настасья не замедлила дать выговоръ Аленѣ.

— Что это ты, Алена Васильевна, про мужа-то скоро позабыла? а? То-то бабья память коротка!

Алена перепугалась.

— А что?

— Поповъ-то работникъ, видно, лучше?

Алена поняла и заплакала.

— Только разъ, единый разъ и говорила съ нимъ, когда просо пололи.

— То-то, разъ единый! Ты смотри: придетъ Митроша! Слыхала, что пишетъ? чтобы «честно, благородно». Шкуру спуститъ, ежели что... Знаю я его карахтеръ-то!

Встрѣтившись въ слѣдующій разъ съ поповымъ работникомъ, Алена не поклонилась ему и поскорѣе отошла, чѣмъ очень огорчила бѣднаго парня. Осенью Алена раза два была на посидѣлкахъ. Послѣ каждыхъ посидѣлокъ по селу разносились слухи, что Алена гуляетъ съ такимъ-то парнемъ. Катерина пробовала было ее защищать.

— Побойся Бога, матушка! говорила она Настасьѣ:—гдѣ же она гуляетъ?

— Ты лучше молчи! обрывала ее раздраженная Настасья:—даромъ, что-ли, Терешка-то около нея вертѣлся весь вечеръ?

— Терешка около всѣхъ вертится, любую дѣвку спроси.

— Дѣвки особь статья: съ дѣвки много не возьмешь—берегутъ себя... А солдатка дѣло другое: чего ей беречь! Ты ее только помани—и готова.

Крѣпилась Алена, крѣпилась, потомъ перестала выходить совсѣмъ по вечерамъ на улицу, когда ее не на шутку сталъ преслѣдовать безцеремонный урядникъ. Озлобилась она въ ту пору на всѣхъ парней, а особенно на интеллигенцію: чуяла, вѣроятно, что плевкомъ въ усы уряднику не покончены еще съ ней счеты.

Великимъ постомъ, ужь передъ приходомъ Митрофана стряслось надъ Аленой два горя. Однажды утромъ изъ правленія пришелъ сторожъ и объявилъ, что писарь привезъ изъ города Аленѣ письмо. Алена наскоро принарядилась и пошла къ писарю на квартиру. Было воскресенье, и писарь заспался. Алена

Digitized by Google

съ четверть часа дожидалась его въ темной передней. Наконецъ, изъ спальни послышался громкій зѣвокъ и почтительный шепотъ сторожа.

— Алена! крикнулъ писарь, зѣвнувъ.

— Что? отозвалась Алена.

Сторожъ вышелъ.

— Письмо тебѣ есть.

— Я за нимъ и пришла, Андрей Никитичъ. Ужь дай, пожалуйста, скорѣй: давно больно письма-то не было!

— Иди сюда!

Алена замялась. Писарь недавно только пріѣхалъ, не успѣлъ еще зарекомендовать себя ничѣмъ дурнымъ, но Алена инстинктивно чуяла недоброе.

— Нѣтъ, ты ужь вынеси, пожалуйста, самъ...

— Да что ты боишься? Иди, говорятъ!

— Ноги-то у меня грязныя... наслѣдишь, отговаривалась Алена.

— Ничего! Иди, а то не отдамъ.

Алена не трогалась, однако, съ мѣста. Писарь, поворчавъ, вышелъ. Алена, хоть и не получила воспитанія въ институтѣ, все-таки вспыхнула при видѣ его костюма, и писарь, потягиваясь и почесываясь, подступилъ къ ней.

— Гдѣ же письмо-то? спросила Алена, потупивъ глаза.

— Да тамъ! Иди, отдамъ.

Писарь схватилъ ее за рукавъ и потащилъ. Алена ухватилась за косякъ двери.

— Не балуй, Андрей Никитичъ! крикнула она не своимъ голосомъ на весь домъ.

Писарь сконфузился и зажалъ ей рукой ротъ.

— Ну, чего ты? Я пошутилъ—сейчасъ вынесу.

Онъ кинулся въ спальню и вынесъ письмо, кутаясь въ наскоро наброшенное пальто.

— Аленѣ Мухановой... Это ты и есть?

— Нѣтъ—я Алена Аржанова...

— Такъ это кому же?

— А это Ѳедора Кузьмича снохѣ.

— Ну, такъ я, значитъ, перепуталъ... А я думалъ тебѣ!

Убитая, растерявшаяся Алена вышла на улицу. Писарь съ минуту посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Вотъ тебѣ и солдатка! свиснулъ онъ, когда она завернула за уголъ.—А говорятъ еще, что всѣ онѣ *такія*! Чего же это Петька (урядникъ) болталъ? «Насилу, говоритъ, отвязался отъ

Digitized by Google

нея—до того надоѣла!» Писарь глубокомысленно покачалъ головой и заподозрилъ урядника во лжи.

Дома Алена вынесла еще сцену.

— Занѣмъ это, Алена, тебя писарь тревожилъ? спросила ее Настасья, бывшая у обѣдни.

— Письмо, говорилъ, есть, отвѣтила Алена, не смотря на свекровь и краснѣя.

— Гдѣ же оно? Настасья подозрительно взглянула на Алену.

— Да никакого письма нѣту; перепуталъ онъ—Аленѣ Мухановой есть, покраснѣла Алена еще больше.

— Смотри, Мухановой! Придетъ Митроша-то!

Алена вдругъ залилась слезами.

— Да поди спроси, матушка, сама, коли не вѣришь!

— И спрошу! Думаешь, не спрошу? Связываться-то только съ тобой для праздника не хочется, прибавила Настасья, помолчавъ.

Въ окно постучали.

— Нищій, поди! проворчала Настасья, отодвигая окно.

Оказалось, что подъ окномъ стояла матушка.

— Бабыньки! приходите завтра, коли время будетъ, на супрядку, пригласила она сладенькимъ голоскомъ.

— Придемъ, матушка, придемъ, поспѣшила отвѣтить за всѣхъ Настасья.

Оказалось, однако, что именно въ понедѣльникъ нужно было молотить! Нескоро эдакова яснаго морознаго дня дождешься, и на супрядку пошла только Настасья, да и то съ большой неохотой. Аккуратный батюшка, вносившій въ памятную книжку всѣ недоплаты прихожанъ, занесъ на одну изъ ея страницъ и проступокъ Аржановыхъ бабъ.

На шестой недѣлѣ Алена вздумала говѣть. Во время исповѣди и стрясся надъ нею казусъ. Батюшка былъ сердитъ: многіе вмѣсто установленныхъ трехъ копеекъ давали двѣ, даже одну. Только пошла Алена исповѣдываться, какъ батюшка закричалъ:

— Не ходи! ступай домой! Ты развратница! недостойна!

Алена готова была провалиться сквозь землю и съ часъ времени проплакала, пока не пришелъ церковный сторожъ.

— Батюшка на тебя, Алена, серчаетъ: всѣ-де исповѣдывались, а ея нѣтъ.

Алена посовѣтовалась съ Настасьей и пошла.

— А на супрядку звали, не пришла? встрѣтилъ ее батюшка, но тотчасъ же махнулъ рукой и началъ исповѣдывать.

Тяжко согрѣшила какая-то дѣвка или солдатка въ Украин-

Digitized by Google

скомъ: въ овражкѣ стаялъ снѣжокъ, и свиньи вырыли маленькій, хорошо сохранившійся трупикъ. Началось слѣдствіе. Трудная задача слѣдователя упрощалась тѣмъ, что событіе произошло въ селѣ. Пріѣхалъ врачъ, становой. Рѣшили осмотрѣть сначала всѣхъ солдатокъ, а потомъ дѣвокъ. И вотъ стукнулъ подожокъ десятника подъ окномъ Семена.

— Алена дома?

— Дома, отозвалась Алена, дрогнувшимъ голосомъ.

— Иди въ мірскую, становой велѣлъ.

Перепуганная Алена собралась и поплелась къ мірской избѣ. Въ избѣ было уже около десятка солдатокъ. Начальство сидѣло въ чуланчикѣ. На минутку вывернулся оттуда урядникъ.

— Дяденька, зачѣмъ это насъ согнали? Аль другихъ мужей хотятъ дать? полюбопытствовала одна солдатка.

Урядникъ щипнулъ ее и подмигнулъ.

— Пощупать васъ хотятъ, кивнулъ онъ на чуланъ.

— Развѣ мы куры? засмѣялась солдатка.

У Алены подкосились ноги и она вся похолодѣла.

— Съ Алены съ первой начнутъ, попугалъ урядникъ.

— Ну, и диковина! удивилась бойкая солдатка, видавшая виды.

— Алена Муханова! крикнулъ становой.

Бойкая солдатка поблѣднѣла и вошла въ чуланъ. Черезъ пять минутъ она вышла оттуда, красная и дрожащая.

— Пусто! усмѣхнулась она криво, видимо, бодрясь.

Второй вызвали Алену Аржанову. Она какъ будто очумѣла и не шла. Урядникъ повелъ ее за руку. Слѣдователи съ торжествующимъ видомъ переглянулись. Алена закрыла лицо руками и стала у печки. Докторъ подошелъ къ ней. Дрожь пробѣжала по всему тѣлу Алены. Она зашаталась и упала безъ чувствъ на полъ.

— Нервы! пожалъ докторъ съ усмѣшкой плечами.

Черезъ нѣсколько минутъ Алена опомнилась и сѣла на полу.

— Ступай! крикнулъ на нее разочарованный становой.

Въ сѣняхъ Алена опять упала.

Съ недѣлю послѣ этого, на улицахъ совсѣмъ не видно было ни дѣвокъ, ни солдатокъ.

И съ какимъ же нетерпѣніемъ ждала Алена своего ненаглядаго Митрошу!

Digitized by Google

IV.

На Петровъ день Митрофанъ пріѣхалъ домой.

Уже дорогой онъ значительно поправился, но все еще былъ слабъ. Сердце невольно забилось у него при видѣ родимой околицы, родимыхъ избъ, крытыхъ взъерошенной соломой. Было раннее ясное утро. Въ воздухѣ чувствовалась еще ночная прохлада, но солнце золотило ужь куполъ церкви, крыши, столбы пыли, стоявшіе на улицѣ послѣ только сейчасъ прогоннаго стада. Проспавшія бабы въ однѣхъ рубахахъ, съ растрепанными косами, выбивавшимися изъ-подъ волосника, бѣжали съ хворостинами за тощими коровенками и овцами, и кричали на всю улицу. Иныя останавливались и взглядывали на Митрофана, важно сидѣвшаго въ тарантасѣ (отъ станціи до города онъ дошелъ пѣшкомъ, въ шинели, но въ городѣ нанялъ пару и переодѣлся въ статское платье), но не признавали и бѣжали дальше, чихая отъ пыли, застлавшей всю улицу. Вотъ родная изба. Почернѣла нѣсколько за четыре почти года. Митрофанъ показалъ ямщику, куда подъѣхать. У воротъ стоялъ Семенъ и изъ-подъ руки глядѣлъ на сына, не узнавая.

— Батюшка, здравствуй! окликнулъ его взволнованно Митрофанъ, вылѣзая изъ тарантаса.

— Митрошенька! всплеснулъ Семенъ руками и упалъ сыну на грудь.—Голубчикъ!

— Полно, батюшка, полно! Нехорошо на улицѣ-то... Иди въ избу, уговаривалъ Митрофанъ отца, освобождаясь изъ его объятій.

Семенъ выхватилъ изъ тарантаса котомку сына и побѣжалъ въ избу, не отирая слезъ. Онъ сильно постарѣлъ, сгорбился; морщинистое лицо еще больше съежилось.

Въ избѣ Митрофанъ произвелъ переполохъ чрезвычайный. Мать выронила изъ рукъ горшокъ, Алена бросила сковородникъ. Нѣсколько минуть только и были восклицанія.

— Да какъ въ пору! какъ въ пору! радовался отецъ: — къ самому, то есть жнитву поспѣлъ!

— Плохой я теперь жнецъ, батюшка! отозвался Митрофанъ, опускаясь на лавку.

Тутъ только въ него всѣ всмотрѣлись и снова перепугались.

— По болѣзни въ безсрочный отпустили, пояснилъ Митрофанъ.

Бабы опять заплакали, но уже отъ горя. Митрофанъ сурово остановилъ ихъ.

Digitized by Google

— Что вы, будто по покойнику, воете? Поправлюсь — затѣмъ и домой пріѣхалъ. Докторъ велѣлъ.

Больно кольнули эти слова и мать, и Алену.

— Безъ этого-то, стало быть, не пріѣхалъ бы? упрекнула нѣжно мать.

Митрофанъ спохватился и началъ разспрашивать про дѣла. Дѣла шли плохо: третью лошадь продали за недоимки, засѣяли только душевую землю.

Жена Ѳедора, Катерина, хлопотала, между тѣмъ, около нечищенаго зеленаго самовара, который Ѳедоръ притащилъ отъ сосѣдей. Черезъ четверть часа явился самъ Ѳедоръ и притащилъ изъ кабака штофъ водки, чаю и сахару. Катерина накрыла столъ скатертью и разставила плохо вымытыя чашки изъ простой тарелочной глины. Митрофанъ взглянулъ на эти приготовленія и невольно вздохнулъ по Питеру, по Анисьѣ Петровнѣ, у которой кофейникъ блестѣлъ, какъ зеркало, а на посудѣ не было ни пятнышка.

Мало-по-малу изба наполнилась родственниками и знакомыми— всѣмъ хотѣлось взглянуть на гвардейца. Въ угоду имъ Митрофанъ переодѣлся изъ пиджака и жилета въ полную форму. Красная грудь мундира привела всѣхъ въ восхищеніе. Бабы тыкали даже въ сукно пальцами, щупали блестящія пуговицы и галуны. На разспросы Митрофанъ отвѣчалъ, однако, крайне неохотно: онъ видимо тяготился старыми друзьями, чѣмъ очень многихъ обидѣлъ. Особенно обидѣлся на него пьяненькій староста, пришедшій послѣ обѣдни. Остановившись посреди избы, староста подперъ бока и въ невольномъ восхищеніи воскликнулъ:

— Ахъ, ты...

— Не тыкайся: меня царь-батюшка пуговицами истыкалъ, возразилъ Митрофанъ очень холодно.

Староста смутился.

— Да вѣдь это я любя, такой ты, сякой! началъ онъ сконфуженно оправдываться.

— Своего брата такъ угощай, а я унтеръ-офицеръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, отозвался Митрофанъ и отвернулся.

Отецъ и мать смущенно поникли головами: имъ было совѣстно за сына.

— Ишь какой баринъ! нарядился, какъ кочетъ, да и думаетъ, что лучше его нѣту! вознегодовалъ староста.

Настасья подошла къ нему и дернула за рукавъ.

— А ты ужь не осуди, Макарычъ! Не до того ему—нездоровъ больно: видишь, кости да кожа, говорила она тихо. — Выпей лучше для такой радости.

Digitized by Google

Староста выпилъ стаканчикъ, но не успокоился.

— Ишь зазнался! Я-де ундеръ! Гмъ! видали мы почище, вопчалъ онъ дорогой.—Запылится красная грудь-то за сохою! А то: «кто я»!

Другіе также думали, что Митрофанъ сталъ слишкомъ гордымъ, побывавъ въ Питерѣ. Алену Митрофанъ огорчилъ сильнѣе всѣхъ.

— Что это ты, Алена, меня все «Митроша», да «Митроша»! Я ужь не мальчикъ. Въ Питерѣ всѣ Митрофанъ Семенычемъ звали... Потомъ, «ты»... Въ Питерѣ всѣмъ «вы» говорятъ, особливо жены мужьямъ, выговаривалъ онъ ей, когда они остались одни въ чуланѣ.

— Знамо, гдѣ ужь мнѣ до питерскихъ! Тамъ все, поди, какія красавицы да ученыя! обидѣлась Алена.

Замѣчанія Митрофана не пропали, однако, даромъ.

Къ утру другого дня все небольшое село успѣло переглядѣть Митрофана, и жизнь пошла своимъ чередомъ. На другой же день всѣ семейные Митрофана уѣхали на покосъ. Даже Алену не оставили дома: некогда миловаться, когда сѣно не убрано, а того и гляди рожь подоспѣетъ. Митрофанъ невыносимо скучалъ весь длинный день, шляясь безъ дѣла по селу. По улицамъ только кое-гдѣ ребятишки возились въ холодкѣ, да куры, разинувъ клювъ, купались въ пыли у амбаровъ. Заглянулъ было онъ въ кабакъ, но и въ кабакѣ никого не было.

Съ поля всѣ пріѣхали потные, пыльные. Митрофанъ, взявшій въ Питерѣ привычку умываться послѣдовательно мыломъ трехъ сортовъ, невольно поморщился, когда къ нему подсѣла Алена въ одной пропотѣвшей рубахѣ, и сравнилъ ее съ Анисьей Петровной: та тѣломъ до Алены не вышла, за то обращенье знаетъ— настоящая барыня! Иной разъ такъ чѣмъ-то шибнетъ въ носъ отъ платка, что твоя малина!

— Что ты не умылась, Алена? спросилъ онъ жену съ легенькимъ упрекомъ.

— Есть тутъ когда умываться! не барыня — живетъ и такъ возразила весело Алена и отерла рукавомъ потъ, струившійся по лицу.

«Рукавомъ носъ утираетъ», мелькнуло въ головѣ у Митрофана, и онъ опять поморщился.

Цѣлую недѣлю маялся Митрофанъ въ одиночествѣ. Заявлялся было онъ къ мѣстной интеллигенціи, но его приняли крайне сухо: вѣдь онъ былъ сынъ того Семена, который ходитъ въ лаптяхъ. Митрофанъ страшно озлился и рѣшилъ, что въ деревнѣ ему не житье, что здѣсь онъ ни то, ни се.

*

Digitized by Google

На другой день послѣ Казанской, онъ поѣхалъ въ поле жать—до того его одолѣла скука.

— Надѣньте, Митрофанъ Семенычъ, вотъ это, подала ему Алена полубумажную, самотканую рубаху:—а то запылится пинжакъ-то.

— Вотъ еще! возразилъ Митрофанъ съ неудовольствіемъ: — мужикъ я, что ли?

Дорогой онъ, однако, раскаялся.

— Куда барина-то, Семенъ, везешь? спрашивали догонявшіе сосѣди.

— Да вотъ пособить хочетъ, пожать немножко...

— Такъ, такъ... Не трогъ, кости-то разомнетъ. А мы думали, что въ гости куда... Ишь какой онъ у тебя нарядный: въ пинжакѣ!

Семена это задѣвало за живое, но онъ добродушно покрикивалъ въ отвѣтъ:

— Вотъ ужо погляди, какъ станетъ катать, даромъ, что въ пинжакѣ!

Митрофанъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, краснѣлъ и хмурилъ брови. Совсѣмъ ужъ у загона имъ встрѣтился помощникъ писаря изъ военныхъ писарей, принявшій Митрофана лучше остальныхъ.

— Митрофанъ Семенычу наше нижайшее! крикнулъ онъ насмѣшливо, какъ показалось Митрофану, кланяясь.— Жать, что ли, поѣхали? То-то, здѣсь не Питеръ!

Митрофанъ радъ былъ провалиться сквозь землю. Онъ стиснулъ зубы и отвернулся.

Въ полѣ онъ снялъ пиджакъ, бережно уложилъ его въ телегу и взялся за серпъ, но, нажавъ сноповъ пять, бросилъ серпъ и ушелъ пѣшкомъ домой: отвыкъ. Голову солнцемъ раскалило, руки отекли, спина отнялась. Теперь ему казалось, что лучше ужъ сидѣть безъ дѣла и скучать, чѣмъ убиваться надъ крестьянской работой.

Подходя къ селу, Митрофанъ замѣтилъ, что впереди его идетъ какая-то женщина, одѣтая по-городскому: въ розовое ситцевое платье съ оборкой, полусапожки съ высокими каблуками; черный съ голубой каймой зонтикъ колыхался надъ ея ничѣмъ не покрытой головой. Митрофанъ догналъ ее и заглянулъ въ лицо. Лицо показалось ему знакомымъ.

«Никакъ Аграфена Милюкова?» подумалъ онъ.

Пройдя шаговъ десять, онъ обернулся и еще разъ осмотрѣлъ незнакомку съ ногъ до головы. Результаты осмотра были очень благопріятны: платье плотно охватывало стройный станъ; лицо

Digitized by Google

правильное, чистое, слегка набѣленое; поверхъ темныхъ, гладко причесанныхъ волосъ—пунцовая лента.

— Аграфена Петровна, кажется? спросилъ Митрофанъ, вѣжливо приподнявъ фуражку и улыбаясь.

— Да-съ. А вы не Митрофанъ ли Семенычъ будете?

— Онъ самый!

Они пожали другъ другу руки и пошли рядомъ.

— Давно вы изъ города-съ? спросилъ Митрофанъ, любуясь ея городской фигурой и черными плутовскими глазами.

— Ахъ, я не въ городѣ была, въ губерніи... Только вчера пріѣхала.

— То-то я про васъ не слыхалъ. По мужу изволили скучиться?

Облако пробѣжало по оживленному лицу Аграфены.

— Нѣтъ-съ; супругъ по мнѣ скучились, паспорта не велѣли выдавать, засмѣялась она.

— Та-акъ-съ, протянулъ Митрофанъ.—Долго проживете?

Аграфена пожала плечами.

— Когда Никаноръ Ильичъ отпустятъ, безъ паспорта не уѣдешь!

— Да-съ, безъ паспорта нельзя, согласился Митрофанъ.

— А вы давно здѣсь?

— Другая недѣля! вздохнулъ онъ.

— Скучно кажется послѣ Питера-то? Я слышала, вы въ гвардіи служили, всякія, можно сказать, удовольствія имѣли.

— Да, скучно-таки, согласился Митрофанъ.

— Необразованіе вездѣ, продолжала Аграфена.—Вчера сѣли ужинать — квасъ съ рѣдечкой, да лещика ржаваго гдѣ-то откопали! А я въ губерніи въ богатомъ домѣ жила, безъ щиколата изъ-за стола не выходила ни одного дня, хвасталась она.

Они дошли до села.

— Не пожалуете ли на чашку чаю? предложила Аграфена.

Митрофанъ согласился. Аграфена живо поставила маленькій, привезенный изъ «губерніи» самоваръ и достала изъ сундука банку варенья. Собесѣдники очень весело провели время до вечера, щеголяя другъ передъ другомъ изысканной тонкостью обращенія.

— Завтра приходите, если время будетъ, предложила Аграфена, прощаясь съ гостемъ.

— Съ нашимъ удовольствіемъ-съ... Вы въ поле не пойдете?

— Чего я тамъ забыла? разсмѣялась она. — Будетъ съ него, что изъ-за него принуждена въ деревнѣ киснуть! Вы тоже не пойдете?

Digitized by Google

— Тоже-съ... Работа тяжелая, мужицкая, отвѣтилъ Митрофанъ.—Я вотъ поправлюсь, да въ Петербургъ опять махну.

— А меня возьмете? прищурилась кокетливо Аграфена.

— Еще бы, если поѣдете, осклабился Митрофанъ.

На другой день, онъ пошелъ къ Милюковымъ, проводивъ своихъ въ поле. На третій, она завернула къ нему и тоже просидѣла цѣлый день.

— Извините, что такой самоваръ подаю, улыбнулся Митрофанъ, ставя самоваръ на столъ. — Супруга моя въ эти дѣла не входитъ, не то, что вы...

Аграфена скромно потупилась.

Жизнь въ селѣ стала для нихъ сноснѣе. Аграфена съ особенной жадностью слушала разсказы Митрофана про Петербургъ, про житье петербургской прислуги.

— Я думаю, сказала она разъ, задумчиво: — хорошая женщина можетъ тамъ даже какой ни на есть капиталъ составить...

— Это такъ точно-съ, подтвердилъ Митрофанъ:—тамъ и нашему брату оченно даже хорошо.

— Туда бы поѣхать! проговорила Аграфена въ раздумьѣ.

— И прекрасно! Вмѣстѣ и поѣдемъ. Я тамъ мѣстечко, можетъ быть, охлопочу для васъ.

— А когда вы поѣдете? спросила она недовѣрчиво. — Долго что-то собираетесь! Мы вотъ три недѣли съ вами знакомы, вы всякій день говорите, что скоро поѣдете.

— Поѣду-съ, не безпокойтесь, возразилъ Митрофанъ.

— Чего же вы тутъ живете?

— Да нельзя же-съ; отецъ, мать, жена... хозяйство тоже нельзя бросить.

— А я такъ думаю, что ничего вы здѣсь не выживете, не житье вамъ здѣсь: вы человѣкъ образованный.

На Успенье Митрофанъ ошеломилъ стараго Семена.

— Батюшка! сказалъ онъ за обѣдомъ, потупясь въ столъ:— я отдѣлиться хочу.

Семенъ выронилъ изъ рукъ ложку и съ минуту въ какомъ-то оцѣпенѣніи глядѣлъ на сына.

— Какой ужь я теперь работникъ? Только связа одна со мной. Отдѣли меня! продолжалъ упрашивать Митрофанъ, краснѣя.

Семенъ съ сокрушеніемъ покачалъ головой.

— Непорядки, сынокъ, непорядки! Только на тебя и надежды было, упрекнулъ онъ, вздохнувъ.

Больше никто ни слова не сказалъ за столомъ. Послѣ обѣда Семенъ одѣлся и пошелъ къ церковному старостѣ, крестному

Digitized by Google

отцу Митрофана. Староста только пообѣдалъ и, взявъ подушку, хотѣлъ отправиться на сѣновалъ, когда вошелъ Семенъ.

— Митроша у меня дѣлиться хочетъ, убито проговорилъ Семенъ, опускаясь на лавку и позабывъ даже помолиться.

— Что это ему вздумалось? Обидѣли вы его, что ли?

— Како обидѣли! оживился Семенъ. — Больше, чѣмъ за роднымъ отцомъ ухаживали все лѣто! Нѣтъ, такъ что-то...

— Не Алена ли? догадывался староста.

Семенъ отрицательно покачалъ головой.

— Ишь, дѣло какое! потужилъ староста, поглаживая длинную черную бороду.

— Поговори ты съ нимъ, кумъ, Христа ради! Можетъ, послушаетъ тебя.

— Да я-то что? Отца не хочетъ слушать ежели...

— Нѣтъ, все-таки поговори: вѣдь ты ему не чужой.

— Ладно, ладно, согласился староста:—ужо приду, поговорю.

Семенъ поблагодарилъ его и побрелъ домой. Дома онъ копался на дворѣ, избѣгая Митрофана, до самаго прихода Савелья. Савелій, одѣтый въ праздничный кафтанъ, перетянутый краснымъ кушакомъ, усѣлся на лавкѣ, крякнулъ нѣсколько разъ, погладилъ бороду и заговорилъ, не глядя на Митрофана.

— Слышно, дѣлиться, Митроша, хочешь?

— Да, отвѣтилъ довольно грубо Митрофанъ: его разсердило чужое вмѣшательство; кромѣ того, послѣ обѣда онъ завернулъ въ кабакъ.

— Обидѣли, что ли, тебя чѣмъ?

— Ничѣмъ не обидѣли, отвѣчалъ Митрофанъ угрюмо.

— Зачѣмъ же ты ихъ обижать хочешь?

— Не хочу вмѣстѣ жить — да и шабашъ! отрѣзалъ Митрофанъ, обращаясь больше къ отцу.

Отецъ понурилъ голову.

— Ну, ладно, ладно: твое дѣло... Только нехорошо будто такъ дѣлать: мало ли на тебя отецъ въ солдатахъ потратился? упрекнулъ Савелій.

— А я, крестный батюшка, мало на него работалъ? крикнулъ горячо Митрофанъ.—Что же мнѣ весь вѣкъ, что-ль, на чужихъ людей работать? У Ѳедора вонъ ужь двое дѣтей, слава Тебѣ, Господи! Батракъ, что ли, я имъ дался?

Отецъ еще ниже понурился. Савелій повздыхалъ и ушелъ.

— Что же, батюшка: отдѣлишь, что ли? спросилъ сердито Митрофанъ.

— Отдѣлю, сынокъ... Охъ, отдѣлю! произнесъ Семенъ, не поднимая головы.

Digitized by Google

У Митрофана камень съ души свалился. Онъ всталъ и, напѣвая «Стрѣлочка», пошелъ въ кабакъ. Аграфена, сидѣвшая подъ окномъ, окликнула его:

— Митрофанъ Семенычъ! Скоро въ Петербургъ?

— Теперь скоро! отозвался Митрофанъ весело.

Никаноръ, мужъ Аграфены, обросшій уже бородой и превратившійся опять въ настоящаго пахаря, покачалъ головою.

— И чего онъ тамъ забылъ? Чего дома не сидится? И земля у нихъ есть, и скотинка—жилъ бы, да жилъ!

— Съ вами, мужланами, не всякому жить пріятно, оборвала его Аграфена.

V.

Въ ближайшее воскресенье былъ раздѣлъ. Семенъ не рѣшился бы на такой тяжелый шагъ такъ скоро, да Катерина помогла. На другой день послѣ Успенья, собравъ свекру завтракать, она молча постояла нѣсколько минутъ, собираясь съ духомъ, и потомъ рѣшилась заговорить.

— Митрофанъ Семенычъ, батюшка, на насъ съ Ѳедей обижается, что на насъ работаетъ... Такъ ты отдѣли насъ, батюшка, чтобы грѣха не было...

Семенъ положилъ ложку на столъ и посмотрѣлъ на Катерину.

— Аль и вы съ мужемъ на стариковъ работать соскучились? спросилъ онъ съ горечью.

— Нѣтъ, батюшка! Мы изъ-за Митрофана Семеныча, что онъ насъ попрекаетъ...

— Ну, ладно; я его отдѣлю, а вы оставайтесь... Не рука онъ намъ: все по-питерски хочетъ, добавилъ Семенъ какъ бы про себя, вздыхая.

— Стариковъ позвать, что ли, сынокъ? спросилъ Семенъ Митрофана послѣ обѣда.

— Зачѣмъ еще? возразилъ Митрофанъ съ неудовольствіемъ.

— Такія дѣла-то на міру будто лучше дѣлать... Какъ бы не не обдѣлить кого.

— Міру что за дѣло? Мы нажили, мы и дѣлимъ. Все наше, мірского ничего нѣтъ... Дѣли, какъ знаешь.

— Ладно, ладно... Только потомъ не жалься, что отецъ обидѣлъ.

Митрофанъ съ досадой пожалъ плечами. Одонье хлѣба далъ Семенъ Митрофану, лошадь, корову, пятокъ овецъ, кой-что изъ хозяйства.

Digitized by Google

— Избы, сынокъ, не дамъ—не взыщи, Христа ради! Не накопилъ старый песъ на другую-то избу! улыбнулся Семенъ горько, кланяясь сыну.

Митрофанъ сумрачно молчалъ. Его тяготила процедура раздѣла.

— Скорѣй бы, скорѣй! шепталъ онъ тоскливо. Это не мѣшало ему, однако, попросить то того, то другого.

Алена сидѣла за перегородкой съ Настасьей и плакала. Она не предвидѣла ничего хорошаго отъ этого раздѣла.

Въ тотъ же день отдѣленные перебрались въ избу одной келейницы, которая собралась на богомолье и уступила келью до Покрова. Митрофанъ былъ очень доволенъ, что развязался, наконецъ, съ семьею.

— Какъ же мы теперь, Митрофанъ Семенычъ, жить будемъ? Хлѣбца у насъ не засѣянно, спрашивала его тоскливо Алена, чувствовавшая себя совсѣмъ безпомощной.

— Я землей заниматься не стану—работа тяжелая, грязная; лучше торговлей заняться, отвѣчалъ небрежно Митрофанъ.

На другой же день онъ продалъ овецъ и купилъ самоваръ. Аграфена почти поселилась у нихъ: приходила съ утра и уходила только вечеромъ. Часто Никаноръ самъ приходилъ за нею.

— Что же вы, Аграфена Петровна, домой не идете? Пообѣдать собрать некому, выговаривалъ онъ ей ласково.

— Вотъ еще! фыркала презрительно Аграфена.—Что я вамъ, за кухарка далась! Матушка соберетъ, а то и у самого руки-то, поди, не отсохли: вытащишь горшокъ-то!—И продолжала сидѣть.

Алена пробовала было протестовать противъ частыхъ посѣщеній Аграфены.

— Что это, Митрофанъ Семенычъ, она каждый день ходитъ и днюетъ, и ночуетъ? Не хорошо вѣдь такъ-то, замѣтила она разъ робко.

— Молчи, дура! обрѣзалъ ее Митрофанъ. — Много ты, деревенщина, понимаешь! Къ кому же ей и ходить, какъ не къ намъ? гдѣ ей еще компанія есть? Смотри! ежели слово грубое ей скажешь...

Митрофанъ погрозилъ кулакомъ. Алена заплакала и вышла въ сѣни. Разъ она увидѣла слѣдующую картину: Аграфена сидѣла у Митрофана на колѣняхъ, а Митрофанъ осыпалъ ее поцѣлуями и что-то шепталъ на ухо. Аграфена, красная, какъ маковъ цвѣтъ, отрицательно качала головой. Алена поспѣшила незамѣтно выбраться изъ сѣней и ничего не сказала, только стала еще чаще плакать.

За овцами послѣдовала корова, потомъ лошадь. Митрофанъ

Digitized by Google

всѣмъ говорилъ, что собираетъ деньги для торговли. Аграфена сдѣлалась почти хозяйкой въ домѣ келейницы и помыкала Аленой, какъ работницей. Митрофанъ переставалъ даже за самоваръ сажать Алену съ собою. Алена терпѣла и молчала, надѣясь покорностью перевернуть сердце мужа. Приближался Покровъ. Митрофанъ все болѣе и болѣе тяготился своимъ положеніемъ и рѣшился разомъ покончить съ деревней.

— Не купите ли у меня одонье? предложилъ онъ однажды цѣловальнику, съ которымъ игралъ въ шашки на сѣткѣ.

Цѣловальникъ сдѣлалъ ходъ, погладилъ курчавую русую бородку и прищурилъ сѣрые масляные глазки.

— Сколько возьмете?

— Сто. Хлѣбъ нынѣ дорогой, отвѣтилъ небрежно Митрофанъ, двигая шашку.

Цѣловальникъ сдѣлалъ еще ходъ.

— Шестьдесятъ дамъ—небольшое одонье-то.

— Нѣтъ, шестидесяти намъ не надо. Другого найдемъ.

— Сдѣлайте ваше одолженіе-съ!

Вошелъ Никаноръ. Сумрачно взглянувъ на Митрофана, онъ бросилъ на стойку гривенникъ. Цѣловальникъ нетерпѣливо подобралъ деньги и подалъ косушку.

— Что? Аль опять съ женой разстроился? спросилъ онъ насмѣшливо.

Никаноръ залпомъ выпилъ стаканъ и закусилъ густо-посоленой корочкой.

— Да, братъ, много грѣха съ нею! заговорилъ онъ медленно и тихо.—Все паспортъ требуетъ, жить со мной не хочетъ.

— Что же? Наплюй на нее. Экое сокровище! посовѣтовалъ равнодушно цѣловальникъ.

Никаноръ угрюмо посмотрѣлъ на цѣловальника и молча допилъ косушку.

— Маленькое вѣдь одонье-то, возобновилъ цѣловальникъ переговоры.—Возьмите, такъ и быть, 75.

— Нѣтъ-съ—меньше 100 не давайте, возразилъ Митрофанъ.

Никаноръ надѣлъ шапку, которую все время держалъ подъ мышкой, и ушелъ домой. Съ невеселыми думами подходилъ онъ къ своей новенькой избѣ. Жалко было ему себя, жалко Алены.

«И что это за притча? Поживетъ человѣкъ въ городѣ — совсѣмъ другимъ станетъ, думалъ онъ.—Митрофанъ хоть въ Питерѣ жилъ, а моя Груша всего-на-всего въ губерніи, а тоже претитъ ей деревня. Человѣкомъ, что ли... Я шесть лѣтъ служилъ—соху и во снѣ видѣлъ.

Digitized by Google

Аграфена связывала посерединѣ избы узелъ. Никаноръ молча посмотрѣлъ на нее нѣсколько минутъ.

— Куда это вы, Аграфена Петровна, собираетесь? спросилъ онъ тихо.

— Уйду, куда глаза глядятъ, отозвалась та, не поднимая головы.

— Зачѣмъ же это, Аграфена Петровна?

— Опостылѣлъ ты мнѣ хуже горькой рѣдьки... Не могу я съ тобой жить, хоть ты что хочешь... Говорю: добромъ, дай паспортъ!

Никаноръ промолчалъ и понурился. Аграфена связала узелъ.

— Ну, прощайте, Никаноръ Ильичъ! кивнула она головой съ усмѣшкой.

Никаноръ съ мольбой протянулъ къ ней руки, но онѣ тотчасъ же безсильно опустились подъ холодно-враждебнымъ взглядомъ.

— Распусти еще нюни-то, усмѣхнулась Аграфена и пошла къ двери.

— Не ходи! Не пущу! загородилъ ей Никаноръ дорогу съ отчаянной рѣшимостью въ голосѣ и взглядѣ.

— А этого хочешь? спросила Аграфена и проворно разбила окно.—Хочешь, другое разобью, да караулъ крикну? подскочила она къ окну на улицу.

Никаноръ бросился на кровать и судорожно скомкалъ подушку. Аграфена подняла съ пола узелъ, который бросила, и, не взглянувъ на мужа, пошла прямо къ Митрофану. Митрофанъ сидѣлъ одинъ и считалъ деньги, соображая, хватитъ ли ему до Питера.

— Пустите, Митрофанъ Семенычъ, на квартиру пока? попросила она съ конвульсивной усмѣшкой.—Развязалась со своимъ-то.

Митрофанъ вмѣсто отвѣта притянулъ ее къ себѣ и поцѣловалъ.

— Завтра о паспортѣ буду хлопотать, говорила угрюмо Аграфена, смотря черезъ голову Митрофана въ огородъ, гдѣ возилась Алена.

На другой день Митрофанъ опять пошелъ къ цѣловальнику съ предложеніемъ купить одонье за 75. Цѣловальникъ неохотно, повидимому, согласился.

— Только я впередъ посмотрю, не сгнило ли оно, оговорился онъ.

— Ступайте посмотрите: крайнее къ рѣчкѣ.

Цѣловальникъ накинулъ сверхъ красной рубашки казинетовый пиджакъ и пошелъ. Митрофанъ засѣлъ играть въ шашки съ другимъ недавно пришедшимъ солдатомъ, который также не могъ еще свыкнуться съ деревней, и сразу загородилъ ему всѣ оды.

Digitized by Google

— Что, братъ? Мы по-питерски! смѣялся Митрофанъ.

Дверь отворилась и вбѣжалъ Курицынъ Петька—шабола-мужикъ, прославившійся на всю волость своими выходками на базарѣ. Однажды онъ взлѣзъ на телегу и поднялъ на палкѣ шапку. Весь базаръ всколыхнулся и загудѣлъ: шапка, поднятая на палкѣ, означаетъ оповѣщенье о днѣ поднятія гдѣ-нибудь колокола, объ освященіи церкви—вообще о какомъ-нибудь церковномъ торжествѣ, на которыя крестьяне ходятъ очень охотно, не смущаясь дальностью разстоянія.

— Православные! крикнулъ во всѣ легкія Петька.

Народъ надвинулся на него и смолкъ.

— Православные! сказать ли вамъ? кричалъ Петька.

— Говори, говори! загудѣла толпа нетерпѣливо.

— Я кашу лучше щей люблю! понизилъ Петька голосъ.

Сначала всѣ стояли въ недоумѣніи, потомъ часть народа покатилась со смѣху, другіе, отплевываясь и бранясь, начали расходиться по своимъ мѣстамъ; наиболѣе сердитые кинулись за Петькой, но онъ, хохоча во все горло, вьюномъ извивался между возами, прыгая черезъ оглобли.

— Умора, братцы! вскричалъ Петька, бросая на сѣтку шапку.—У старосты сейчасъ былъ. Что тамъ Аграфена Милюкова выдѣлывала! Страсть! Только и твердитъ: «дайте паспортъ! Не хочу я съ нимъ жить—либо себя изведу, либо надъ нимъ что сдѣлаю.»—А Никаноръ, дуракъ, вмѣсто того, чтобы ее за косы, альбо еще что, стоитъ, чуть не плачетъ. Ахъ ты оказія! Вижу—совсѣмъ баба отъ рукъ отбилась. Отозвалъ это я Никанора въ сторонку. «Дай, молъ, ей, Никанорушка, паспортъ. Чортъ съ ней, прости Господи! Что эдакъ-то мучиться?» — «И то, говоритъ, Петя, дамъ. Богъ съ ней! насильно милъ не будешь!»— А самъ плачетъ.—«Вѣдь *я*, говоритъ, ее больше себя люблю!»— Ей-Богу! Ну, не дуракъ ли? А она все кричитъ: «дайте паспортъ! какъ вы смѣете меня задерживать силомъ! Я у исправника въ куфаркахъ жила!» Да каблучками это на старосту затопаетъ, затопаетъ! чисто коза на волка! — «Ну, говоритъ староста:—на тебѣ записку, ступай въ правленье и выправляй паспортъ, коли онъ тебѣ такъ ужь требуется.» — Она это сейчасъ Никанору въ ноги! Потомъ вскочила это, выбросила трешницу на вино, да изъ избы-то вприпрыжку съ запиской-то!—Сколько смѣху было, право!

Митрофанъ доигралъ и взялся за шапку, еле сдерживая радостное волненіе. Петька многозначительно посмотрѣлъ ему вслѣдъ и мигнулъ другому солдату. Въ дверяхъ Митрофанъ столкнулся съ цѣловальникомъ и остался опять въ кабакѣ.

Digitized by Google

— Ай-да, Митрофанъ Семеновичъ! началъ цѣловальникъ язвительно.—Ай-да унтеръ-офицеръ лебъ-гвардіи Московскаго полка!

— Что? встревожился Митрофанъ.

— Такъ. У тебя фельдфебелемъ что ли Алена-то?

— А что?

— Да то! Пришелъ на одонье посмотрѣть, а она на меня съ палкой! Каково? И отецъ твой тутъ же, и Ѳедька съ женой. Такъ и не подпустили къ одонью. Ай-да гвардеецъ.

— Съ бабой, братъ, что гвардеецъ, что армеецъ — все равно не справишься, замѣтилъ Курицынъ.

Митрофанъ однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ кабака и кинулся на гумно. Алена была тамъ и, заливаясь слезами, о чемъ-то оживленно бесѣдовала съ Катериной.

— Въ Питеръ его все подбиваетъ, говорила Алена сквозь слезы.—Сколько разъ про это у нихъ разговоръ былъ...

Однимъ ударомъ сбилъ Митрофанъ Алену на землю и началъ топтать ногами. Катерина взвизгнула и побѣжала въ избу. Прибѣжали Семенъ и Ѳедоръ. Митрофанъ, блѣдный, съ плотно сжатыми губами, продолжалъ свою работу. Алена даже не стонала.

— Перестань, разбойникъ! замахнулся Семенъ на сына палкой.

Митрофанъ бросилъ бить и, не оборачиваясь, зашагалъ къ себѣ. Алену подняли и перенесли въ избу.

— Эка, что надѣлалъ, что надѣлалъ! сѣтовала Настасья, хлопоча около невѣстки.—Не надо бы ей сказывать, что ли...

— Никаноръ сказалъ, вмѣшалась Катерина:—въ кабакѣ вишь слышалъ вчера. Жалко ему ее стало.

Митрофанъ засталъ у себя Аграфену.

— Паспортъ! паспортъ! запрыгала она по чистой избѣ, махая сложеннымъ вчетверо листомъ.—Сейчасъ изъ правленья пришла.

— Ну, и я съ своей развязался, проворчалъ Митрофанъ угрюмо.

Вечеромъ онъ опять пошелъ къ цѣловальнику.

— Купите за 60, предложилъ онъ: — деньги нужны.

— Нѣтъ, братъ, Митрофанъ Семенычъ: — не совѣтуютъ мнѣ это одонье покупать. Вы-то, говорятъ, съ Аграфеной въ Питеръ ѣдете, а тутъ жена въ одонье вступится, судъ пойдетъ. А извѣстное дѣло: «судъ да дѣло—собака съѣла!».

Митрофанъ стиснулъ зубы и ушелъ.

На другой день правленскій ямщикъ, отправлявшійся въ городъ за писаремъ, подъѣхалъ къ кельѣ бобылки. Аграфена вынесла свой узелъ, сундучокъ и котомку Митрофана. Минутъ черезъ пять вышелъ Митрофанъ. Аграфена вертѣлась около тарантаса, перетряхивая сѣно и укладывая вещи. Митрофанъ сурово глядѣлъ вдоль по улицѣ. Звякнулъ колокольчикъ, и таран-

Digitized by Google

,асъ покатилъ по улицѣ. Церковный староста выглянулъ на звонъ колокольчика изъ окошка и внимательно посмотрѣлъ вслѣдъ Митрофану.

— Не живутъ у насъ солдаты! вздохнулъ онъ: — армейскіе еще туда-сюда: помаются да привыкнутъ, хоть и не то ужь, что прежде... А какъ гвардейскій, питерскій, такъ и шабашъ. Вонъ Митрій Ѳомичъ жену къ себѣ требуетъ — тоже, видно, домой идти не хочетъ.

Противъ отцовскаго дома Митрофанъ велѣлъ остановить лошадей, занесъ-было ногу на подножку, нѣсколько секундъ поколебался и махнулъ рукой. Лошади тронулись. Ни мать, ни отецъ не выглянули изъ окошка на уѣзжавшаго сына. Моросилъ мелкій осенній дождь. Мокрыя галки рядами сидѣли по крышамъ, изрѣдка жалобно галкая. Лошади хлопали по грязи некованными копытами. Аграфена плотнѣй закуталась въ большой платокъ. У околицы имъ попался Курицынъ Петька.

— Мало гостили: не насмотрѣлись мы на васъ! крикнулъ онъ: — напредки жалуйте! И поклонился насмѣшливо въ-поясъ.

Митрофанъ крупно, по-солдатски, выбранился и погрозилъ кулакомъ.

И. Борскій.

Digitized by Google

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА ВЪ ПИРИНЕЯХЪ.

Статья третья и послѣдняя.

IV.

На всемъ протяженіи того времени, въ теченіе котораго мы слѣдили за судьбами пиринейской общины, эта послѣдняя представлялась намъ какъ нѣчто замкнутое, вполнѣ осѣдлое, владѣвшее территоріей, лично и исключительно ей принадлежавшей и болѣе или менѣе точно ограниченной. Такою отчасти она была и въ дѣйствительности, какъ о томъ свидѣтельствуетъ большая часть наиболѣе раннихъ средневѣковыхъ документовъ. Но вопросъ въ томъ, всегда ли она была такою? Были ли тѣ формы ея, какія мы нашли господствующими въ Пиринеяхъ въ средніе вѣка и болѣе позднее время, исконными, первобытными формами? Были ли порядки, установившіеся въ ней, ея замкнутость, сѣдлость, присвоеніе пахати и луговъ въ исключительную собственность родовъ и т. п., явленіемъ, имѣвшимъ мѣсто съ незапамятныхъ временъ, или болѣе позднимъ, результатомъ разложенія иныхъ, болѣе раннихъ архаическихъ формъ общиннаго владѣнія? Отвѣту на эти вопросы посвящается настоящая статья, и этотъ отвѣтъ дастъ возможность выяснить отчасти тѣ причины, которыя вызвали существованіе въ пиринейской общинѣ двухъ видовъ владѣнія: родового и чисто общиннаго.

Мы видѣли уже, что нѣкоторыя измѣненія въ способахъ и порядкахъ пользованія земельными угодьями, напримѣръ, переходъ отъ совмѣстнаго къ передѣльному пользованію пастбищами, совершился въ нѣкоторыхъ долинахъ въ сравнительно позднее время. Ясно, слѣдовательно, что пиринейская община не была чѣмъ-то неподвижнымъ и неизмѣннымъ, что она претерпѣвала въ теченіе вѣковъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій. И дѣйствительно, цѣлая сумма фактовъ, извѣстныхъ намъ, подтверждаетъ это. Исторія пиринейской общины богата данными, являю-

Digitized by Google

щимися несомнѣннымъ переживаніемъ иныхъ, болѣе архаическихъ формъ общины, и показывающими, что въ болѣе раннія времена измѣненія, которымъ подверглась эта община, были, повидимому, еще болѣе значительными.

Всматриваясь ближе въ общественныя и экономическія отношенія, существовавшія въ пиринейскихъ долинахъ, мы постоянно встрѣчаемся съ фактами и явленіями, носящими вполнѣ ясный отпечатокъ пастушескихъ, кочевыхъ нравовъ. И чѣмъ далѣе отодвигаемся мы назадъ, въ прошедшее, тѣмъ явственнѣе проявляются слѣды пастушескаго быта. Учрежденія долинъ, ихъ законы и обычаи, строй и характеръ общиннаго владѣнія, нѣкоторыя сохранившіяся формы совмѣстнаго, артельнаго пользованія, даже обрядовая сторона жизни, все это въ значительной мѣрѣ напоминаетъ собою порядки и строй, нравы и обычаи пастушескихъ народовъ. Скотоводство, какъ было показано уже, составляло всегда одно изъ главныхъ, можно сказать, преобладающихъ занятій населенія долинъ. То былъ нерѣдко единственный источникъ пропитанія жителей. Имъ опредѣлялись и порядки пользованія землею. Повсюду почти, въ Руссильонѣ, также какъ въ Аррагонѣ и Каталоніи, быки составляли долгое время главное богатство жителей. Во время войны, они служили для перевозки тяжестей и орудій, и ихъ брали обыкновенно путемъ реквизаціи, но всякій разъ по особому постановленію кортесовъ. То была одна изъ формъ обложенія, рядомъ съ которою существовали другія, основанныя на томъ же началѣ, на фактѣ владѣнія скотомъ. Единицею для опредѣленія размѣра обложенія прямыми налогами служило здѣсь количество земли, которое пара быковъ могла обработать въ теченіе одного дня (bovage). Этого мало. Въ болѣе раннія времена, еще въ началѣ среднихъ вѣковъ скотъ и особенно свиньи служили обыденнымъ и преобладающимъ орудіемъ обмѣна. Даже тогда, когда монетная система вытѣснила собою скотъ, какъ орудіе мѣны, сохранялась въ видѣ переживанія старая система обмѣна. На монетахъ Морлà (Morlaas), Бигорра, Фуа и др. всегда изображалась корова. Тоже и на нѣкоторыхъ гербахъ, напримѣръ, на гербѣ Беарна. Скотомъ и продуктами скотоводства: сырами, масломъ и т. п., уплачивались часто повинности. Если жители долины желали выказать кому-либо признательность за оказанныя услуги, ему давали въ видѣ ежегодной ренты или временно все то количество масла, какое получала долина въ теченіе одной недѣли. Такъ было сдѣлано, напримѣръ, долиною Аспъ по отношенію къ капитулу комменжа. Даже судебныя пени уплачивались изъ того же источника и опредѣлялись имъ. За убійство виновный под-

Digitized by Google

вергался штрафу, именно отдачѣ трехъ коровъ изъ своего стада. Въ договоръ между долинами Баретусъ и Ронкаль, возобновлявшійся постоянно въ теченіе долгаго времени, до конца XVIII в., вносилась всегда статья, обязывавшая жителей первой изъ названныхъ долинъ отдавать въ пользу жителей второй долины три молодыхъ коровы «безъ малѣйшаго пятна». Плата производилась ежегодно «на четвертой день послѣ дня семи св. братьевъ и въ присутствіи свидѣтелей». [1] То было вознагражденіемъ за убійство нѣсколькихъ ронкальцевъ, убійство, нѣкогда учиненное жителями долины Баретусъ. Въ семейныя отношенія проникало тоже начало. Если житель Наварры желалъ развестись съ женой, достаточно было для него дать семьѣ жены быка, чтобы разводъ совершился. Въ Каталоніи и Бигоррѣ свидѣтелемъ на судѣ имѣлъ право быть лишь тотъ, кто владѣлъ двумя быками и однимъ осломъ. Въ долинѣ Баретусъ существовалъ обычай, въ силу котораго представители общинъ (jurats) обязаны были въ случаѣ предъявленія иска къ кому-либо изъ жителей долины дать суду девять заложниковъ. Заложники брались изъ числа лицъ, владѣвшихъ непремѣнно двумя волами и однимъ осломъ или равноцѣннымъ по количеству мелкимъ скотомъ.

Если мы обратимся къ законамъ, обычному праву или фуеросамъ долинъ, мы встрѣтимся съ тѣмъ же явленіемъ. Преобладающій предметъ опредѣленій закона—скотъ. На него обращено главное вниманіе. Мало того, что всегда и весьма тщательно опредѣлялись права на пастбища, на сборъ жолудей и т. п., скотъ былъ поставленъ подъ особое покровительство закона и обычая. Обычное право опредѣляло до мелочей размѣръ штрафовъ и наказанія за похищеніе скота, за порчу или умерщвленіе его и т. д. Въ договорахъ между долинами (cartas de paz) болѣе половины всѣхъ статей относились къ тому же предмету: охранѣ скота. Всѣ столкновенія, возникавшія между долинами, всѣ часто кровопролитныя войны между ними, были всегда почти слѣдствіемъ споровъ за пастбища или изъ-за отнятаго или захваченнаго скота. Мирные трактаты и платежъ пеней, платежъ, наложенный долиною побѣдительницею на побѣжденную долину, сопровождались символическими знаками, указывавшими на переживаніе ранняго строя жизни. Послѣ возвращенія захваченнаго или похищеннаго скота долины обмѣнивались пастушескими жезлами. Даже нравы феодальныхъ владѣльцевъ сохранили еще и въ XIV в. слѣды переживанія пастушескаго быта. Когда король французскій, Карлъ VI, явился въ Беарнъ, феодальные

[1] Договоръ (transaction) обѣихъ долинъ 1375 г. (возобновленный), arch. des Basses-Pyrenées, E. 2186.

Digitized by Google

владѣльцы, съ графомъ Фуа во главѣ, предстали передъ нимъ переодѣтые въ костюмъ пастуховъ съ цѣлыми стадами барановъ и быковъ, украшенныхъ серебряными ошейниками и колокольчиками. Понятно, что среди населенія долинъ слѣды эти были еще болѣе замѣтны. Достаточно указать на сообщеніе Pagés'a [1] о нравахъ и обычаяхъ жителей округа St. Girons, чтобы убѣдиться въ этомъ. Здѣсь еще до недавняго времени выходъ изъ селеній пастуховъ сопровождался церемоніями и молитвами, напоминающими кочевые нравы. «Едва снѣга начинаютъ таять, какъ наши пастухи собираются вмѣстѣ на разсвѣтѣ, отправляются на вершину сосѣдней самой высокой скалы, разсаживаются кружкомъ и молча выжидаютъ появленія первыхъ лучей солнца. При появленіи его старшина читаетъ молитву, которую хоромъ повторяютъ за нимъ пастухи; затѣмъ всѣ они дѣлятся на группы, каждая избираетъ своего старшину, обыкновенно старшаго по лѣтамъ, каждая занимаетъ свое пастбище и строитъ хижины (cabanes), лѣтнія помѣщенія въ горахъ. Черезъ извѣстные промежутки времени старшины сходятся вмѣстѣ и приносятъ клятву въ томъ, что всѣ они и каждый въ отдѣльности будутъ показывать дорогу заблудившимся путникамъ, оказывать имъ покровительство, открывать передъ ними двери хижинъ, кормить и обогрѣвать ихъ, отдавать имъ одежду въ случаѣ нужды, хоронить погибшихъ въ горахъ отъ обваловъ, почитать горные источники и всячески заботиться о стадахъ».

Съ другой стороны, на переживаніе раннихъ, архаическихъ формъ пастушескаго строя указываетъ и рядъ фактовъ, характеризующихъ и самые способы пользованія пастбищами. Изъ нихъ видно, что осѣданіе населенія было, по всей вѣроятности, явленіемъ относительно поздняго происхожденія, что кочевыя населенія были еще не такъ давно преобладающими среди населенія Пиринеевъ, что, наконецъ, совмѣстность пользованія землями была гораздо болѣе обширною, чѣмъ въ средніе вѣка и особенно въ болѣе позднее время. Мы видѣли уже, что въ болѣе раннія времена преобладающимъ способомъ пользованія общинными землями было въ каждой долинѣ безпередѣльное, общее пользованіе, въ которомъ участвовали всѣ главы семей. Но то было пользованіе, такъ сказать, замкнутое, ограниченное извѣстною территоріею данной долины—волости. Рядомъ съ нимъ, однако, существовали и остатки иного рода пользованія, тоже совмѣстнаго, но за то имѣвшаго болѣе широкіе размѣры. Въ раннее время среднихъ вѣковъ случаи пользованія землями нетолько

[1] Pagés, Voyage au mont Vallier, въ первомъ томѣ Mémoires de l'Academie des Sciences de Toulouse.

Digitized by Google

собственно волостными, но и землями другихъ долинъ и цѣлыхъ территорій были весьма нерѣдки, какъ нерѣдки были случаи отсутствія какихъ-либо знаковъ, рѣзко разграничивавшихъ территорію одной долины отъ территоріи другой. Часто цѣлая группа волостей-долинъ участвовала совмѣстно въ пользованіи однѣми и тѣми же пастбищными землями. Въ обычномъ правѣ Беарна, редактированномъ въ XVI в., сохранился весьма ясный намекъ на этотъ счетъ, хотя здѣсь право пользованія превратилось уже въ простой сервитутъ. Кутюмъ дозволялъ каждой общинѣ, находившейся въ Беарнѣ, посылать свой скотъ на земли и поля сосѣднихъ приходовъ до третьей колокольни включительно (titr. 50, art. 5). Тоже повторяется и въ нѣкоторыхъ другихъ кутюмахъ, напримѣръ, кутюмѣ Нижней Наварры. Еще болѣе ясное указаніе находимъ мы, какъ въ практикѣ нѣкоторыхъ долинъ, такъ и въ хартіяхъ, утверждавшихъ за извѣстными долинами и общинами права выпаса на земляхъ другихъ долинъ. Такъ, группа долинъ, съ общиною Ах во главѣ, имѣла право пасти скотъ почти на всемъ пространствѣ Сердани [1]. Общины St. Savin и Cauteretz пользовались взаимно пастбищами, принадлежавшими и каждой изъ нихъ отдѣльно [2]. Рядъ хартій, данныхъ городу Валенціи, разрѣшаетъ жителямъ пасти скотъ на всемъ пространствѣ королевства Валенціи [3] и т. д. Даже болѣе того. Исторія общинъ въ Пиринеяхъ представляетъ намъ цѣлую серію случаевъ, гдѣ не двѣ-три долины, а цѣлая группа ихъ совмѣстно владѣла и пользовалась пастбищами. Еще въ XVI в. горы и лѣса Aralàr въ Наваррѣ составляли предметъ общиннаго совмѣстнаго пользованія съ одной стороны четырехъ долинъ (Araiz, Araquil, Burunda и Ergoyena), а съ другой—волостей-общинъ, uniones, Гвипускоа (именно: Villafranca и Amezqueta, въ составъ которыхъ входило до 15 общинъ) [4]. Размежеваніе этой земли между общинами въ отдѣльное пользованіе совершилось лишь въ XVII в., но сила обычая и привычекъ была настолько велика, что на практикѣ установленныя грани постоянно нарушались, возникали споры и столкновенія изъ-за пастбищъ, такъ какъ каждая долина, прежняя соучастница въ совмѣстномъ пользованіи, продолжала считать себя имѣющею право перекочевывать со стадами съ мѣста на мѣсто. Политическія границы, устанавливаемыя между Франціей и Испаніей, не оказывали ни малѣйшаго дѣйствія на жителей

[1] Декларація 1735 г., arch. des B. P., B. 5946.
[2] Декларація 1730 г., ib., B. 5940.
[3] Branchat. tratado de los derechos de real patrimonio, Valencia, 1784, I, 208, и др.
[4] Ianguas, II, 421.

*

Digitized by Google

долинъ, и переходъ стадъ изъ одного государства въ другое совершался почти постоянно. Уже въ XVII в. пришлось назначить комиссію изъ представителей обоихъ государствъ для опредѣленія взаимныхъ правъ на пастбища Aldules жителей Baygorry (Нижн. Наварры), долинъ Derro, Bastan, Carlos и Ронсевальской, опредѣлить грани и возвести межевые знаки, хотя комиссія, послѣ долгихъ изслѣдованій, вынуждена была сохранить для нѣкоторыхъ пастбищъ совмѣстное пользованіе и предоставить право всѣмъ долинамъ нетолько посылать скотъ и строить хижины на этихъ пастбищахъ, но и пасти свиней и брать топливо въ лѣсахъ [1]. А то былъ не единственный случай. Споры между долинами изъ-за права перекочевки и пастбища были чуть не ежедневнымъ событіемъ въ Пиринеяхъ, и всегда возникали они изъза притязаній на совмѣстное пользованіе и права свободной перекочевки. Такъ, жители Аррагона считали пастбища, лежавшія на сѣверныхъ, болѣе богатыхъ растительностью склонахъ Пиринеевъ, какъ на общинное владѣніе ихъ съ жителями Бигорра, и постоянно являлись съ своими стадами на пастбищахъ Гаварни и Котерецъ, что вызывало рядъ столкновеній между ними и мѣстнымъ населеніемъ. Тоже имѣло мѣсто и между пограничными долинами, такими, какъ Оссо, Аспъ, Баретусъ и др. съ одной стороны, и Тена, Хакка и др. съ другой, хотя безпрерывныя и часто кровавыя столкновенія уже въ весьма раннее время, въ XII и XIII вв., привели къ установленію точныхъ границъ между землями всѣхъ этихъ долинъ и къ выработкѣ цѣлаго кодекса наказаній за нарушеніе границъ, за вторженіе съ стадами въ чужую территорію и т. д.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не болѣе, какъ съ обломками стараго, архаическаго строя, съ слабыми остатками, лишь въ слабой степени характеризующими его. Но исторія долинъ сохранила свидѣтельство о порядкахъ пользованія пастбищами, вполнѣ почти кочеваго характера. Бордосскія ланды были въ средніе вѣка именно тою мѣстностью, гдѣ примѣненіе старинныхъ способовъ пользованія сохранилось особенно сильно. Съ незапамятныхъ временъ составляли они мѣсто, куда перекочевывали съ стадами жители цѣлой массы долинъ. Долина Оссо съ сосѣдними съ нею долинами Аспъ, Баретусъ и др., каждую зиму высылали свой скотъ въ ланды, строили тамъ хижины и весною возвращались обратно въ горы. Тѣмъ же правомъ пастьбы въ ландахъ пользовались наравнѣ съ французскими долинами и

[1] Léonard, histoire des traités de paix: accord entre les deux rois par leurs Vaugelas et le marquis de Laguna pour raison des différens des bas et haut Navarre. 25 sept. 1614 г.

Digitized by Google

нѣкоторыя изъ испанскихъ долинъ. Изъ одного документа 1348 г. видно, что долины Ронкаль и Салазаръ (въ Наваррѣ) имѣли право участія въ ландахъ бордосскихъ и въ тоже время и въ королевскихъ наваррскихъ bardenas [1]. Имъ предоставлялось право воздвигать 37 cabanas въ ландахъ и четыре въ bardenas. Только позже, къ концу среднихъ вѣковъ, долины, соучастницы въ общемъ пользованіи ландами, вынуждены были уплачивать за право выпаса извѣстную сумму. Въ болѣе раннее время, право это было свободнымъ и неограниченнымъ, и всѣ долины совмѣстно пользовались имъ совершенно такъ же, какъ и на своихъ собственныхъ земляхъ. Оттого-то долина Оссо не одинъ разъ, во время многочисленныхъ процессовъ своихъ то съ правительствомъ, то съ разными общинами и городомъ По за право собственности на территорію Pontlong, предъявляла притязанія на право владѣнія и бордосскими ландами. Какъ основаніе для подобнаго притязанія она приводила всегда фактъ пользованія съ незапамятныхъ временъ этими ландами. Совершенно почти параллельное явленіе представляла собою область Эстремадуры въ Испаніи. Ея земли, подобно бордоскимъ ландамъ, служили предметомъ пользованія весьма многихъ сѣверныхъ долинъ, принадлежавшихъ въ средніе вѣка къ числу trashumantes, т. е. имѣвшихъ право перегонять свой скотъ изъ одной провинціи королевства въ другую. Это право, какъ извѣстно, повело къ образованію цѣлаго ряда пастушескихъ ассоціацій, такъ называемыхъ mestas, возникновеніе которыхъ относятъ къ времени, предшествующему XII в., но которое было остаткомъ архаическихъ формъ жизни. То были ассоціаціи, впослѣдствіи въ XIII—XIV вв. объединенныя въ одну, чисто пастушескаго типа, представлявшія изъ себя вѣчно кочующее съ мѣста на мѣсто населеніе и организованныя на началахъ совмѣстнаго общиннаго пользованія пастбищами и лѣсами. Лица, входившія въ составъ mesta, имѣли право свободнаго прогона скота во всѣхъ частяхъ королевства, и въ силу изстариннаго обычая, даже земли частныхъ собственниковъ были подчинены этому сервитуту. Всѣ пустопорожнія земли, земли, принадлежавшія общинамъ, равно и пахатныя земли послѣ снятія жатвы считались какъ бы общимъ владѣніемъ ассоціаціи, имѣвшей свое самостоятельное, независимое управленіе, основанное на чисто демократическихъ началахъ. Во главѣ ея стоялъ совѣтъ, избираемый всѣми членами месты или «братьями», имѣвшими каждый лишь одинъ голосъ, каково бы ни было при этомъ количество владѣемаго имъ скота. Совѣту принадлежало верховное

[1] Ianguas, II, 172.

Digitized by Google

управленіе всѣми дѣлами ассоціаціи, назначеніе агентовъ и чиновниковъ и на его же обязанности лежала защита интересовъ месты. Онъ долженъ былъ блюсти за тѣмъ, чтобы не возводились огорожи на поляхъ и земляхъ, подлежавшихъ выпасу, чтобы общинныя земли отдѣльныхъ общинъ не сдѣлались предметомъ частной собственности. Отъ него же исходили постановленія о порядкахъ пользованія пастбищами, порядкахъ рубки лѣса, необходимаго для топлива, постройки cabanas, сооруженія мостовъ и т. д. Въ раннее время, до образованія одной ассоціаціи и слитія всѣхъ отдѣльныхъ mestas въ одну mesta, всѣ эти права и обязанности составляли принадлежность всѣхъ членовъ въ совокупности, и всѣ дѣла рѣшались на общемъ собраніи всей ассоціаціи [1].

Мы могли бы значительно увеличить число примѣровъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, но и тѣхъ, которые перечислены выше, вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что формы общиннаго землевладѣнія, какъ онѣ существовали въ Пиринеяхъ въ средніе вѣка, были не инымъ чѣмъ, какъ видоизмѣненіемъ другихъ, болѣе раннихъ формъ. Онѣ сохранились, правда, въ видѣ обломковъ на ряду съ новыми формами, но ихъ живучесть, тотъ фактъ, что онѣ долгое время не уступали вполнѣ мѣсто новымъ порядкамъ, указываетъ на ихъ преобладаніе въ болѣе раннія времена. Что такъ было и въ дѣйствительности, косвеннымъ подтвержденіемъ служитъ исторія пиринейской общины, исторія тѣхъ измѣненій, которымъ подвергалась она. Въ теченіе всего времени, начиная съ среднихъ вѣковъ и кончая XVIII в., мы присутствуемъ при процессѣ послѣдовательнаго и все рѣзче и рѣзче проявляющагося разъединенія, разчлененія и обособленія сначала отдѣльныхъ долинъ другъ отъ друга, а затѣмъ, внутри долины, отдѣльныхъ общинъ, входившихъ въ составъ долины, при процессѣ раздѣла общинныхъ земель прежде всего между долинами путемъ размежеванія общинной территоріи, находившейся въ общинномъ пользованіи цѣлой группы долинъ, а впослѣдствіи, внутри долины, между составлявшими ее общинами. Параллельно, какъ мы видѣли, шло исчезновеніе начала общности и совмѣстности пользованія общинными угодьями, съуженіе его размѣровъ, замѣна его то сепаратнымъ пользованіемъ каждою отдѣльною общиною, то пользованіемъ, основаннымъ на передѣлѣ, болѣе или менѣе правильномъ, земель. Очевидно, слѣ-

[1] Подробности относительно mesta, см. у Campomanes, memorial ajustado del expediente que trata el hourado consejo de la mesta, Madrid 1783, и у Gounon-Loubens, Essais sur l'administration de la Castille, Paris 1860, главу XI.

Digitized by Google

довательно, что чѣмъ болѣе приближаемся мы къ раннему времени, тѣмъ все рѣзче проявляется характеръ совмѣстности пользованія общинными землями, тѣмъ обширнѣе становится и кругъ лицъ, совмѣстно пользующихся ими, и самая территорія пользованія.

Отсюда и изъ приведенныхъ выше данныхъ можно возстановить до нѣкоторой степени и вѣроятный характеръ тѣхъ болѣе раннихъ формъ общиннаго владѣнія, изъ которыхъ выработались уже извѣстныя намъ формы пиринейской общины. Повидимому, такою раннею формою пиринейской общины была община полукочеваго, пастушескаго типа, община, охватывавшая собою цѣлую группу долинъ, лишь позднѣе выдѣлившихся изъ нея въ видѣ самостоятельныхъ и обособленныхъ общинъ-долинъ; наконецъ, община, поземельные порядки которой были основаны на началахъ полной совмѣстности и нераздѣльности пользованія всѣми земельными угодьями и на всемъ пространствѣ общинной территоріи.

Какъ и когда совершился переходъ отъ этой ранней формы общины, представляющейся пока лишь въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, къ общинѣ новаго типа—къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ. Исторія не даетъ намъ на это отвѣта. За весь почти періодъ времени, начиная съ полнаго подчиненія пиринейскаго полуострова римскому владычеству и кончая паденіемъ вестготскаго государства, мы лишены сколько-нибудь ясныхъ указаній относительно судьбы пиринейской общины. Лишь изъ небольшого числа отрывочныхъ данныхъ можно предположить, что общинные порядки владѣнія не исчезли и въ это время. По крайней мѣрѣ, какъ то можно заключить изъ ранняго текста вестготскаго кодекса и изъ хартій IX в., въ которыхъ прямо указывается на существованіе общинной поземельной собственности [1], они существовали на Пиринейскомъ полуостровѣ въ эпоху вестготовъ и непосредственно послѣ мавританскаго завоеванія. Но отсутствіе данныхъ для указаннаго періода, въ теченіе котораго, повидимому, и совершился переходъ къ новымъ формамъ общины, пополняется до нѣкоторой степени тѣмъ, что намъ извѣстно о времени, предшествовавшемъ и отчасти современномъ римскому завоеванію. Рядъ свидѣтельствъ классическихъ писателей, остав-

[1] Нерѣдко въ хартіи, заключавшія въ себѣ дареніе земли какому-нибудь лицу, включалась оговорка относительно правъ населенія на другія, не пожалованныя части земли. См. въ Marca hispanica, № 214, 198 и др. Ср. постановленія каталонскихъ usatges, art 72. Относительно вестготскаго кодекса см. замѣчаніе Paul Viollet въ его статьѣ объ общинѣ въ Bibliothèque de l'école de Chartes, 1872 г., т. XXXIII.

Digitized by Google

ленныя ими описанія нравовъ и обычаевъ нѣкоторыхъ изъ племенъ, населявшихъ сѣверныя и сѣверозападныя части Пиринеевъ, даютъ намъ нѣкоторую возможность, несмотря на неполноту и отрывочность ихъ, опредѣлить характеръ формъ общиннаго землевладѣнія, какъ оно существовало у предковъ позднѣйшаго населенія долинъ. И что всего важнѣе и интереснѣе для насъ, это то, что данныя эти проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на тѣ обломки болѣе ранняго строя, которые я характеризовалъ выше, объясняютъ ихъ.

То, что прежде всего бросается въ глаза при чтеніи писателей, описывавшихъ Иберійскій полуостровъ, это—чисто племенной характеръ строя, господствовавшаго въ пиринейскихъ и припиринейскихъ мѣстностяхъ. Все пространство земли, занимаемое Пиринеями и ихъ отрогами, было заселено въ римскую эпоху цѣлою массою племенъ, часто независимыхъ другъ отъ друга, носившихъ каждое особое названіе, иногда образовывавшихъ союзы и конфедераціи другъ съ другомъ. Болѣе сотни племенъ, часто весьма незначительныхъ, насчитываютъ здѣсь Страбонъ и другіе писатели; племенъ, различныхъ по происхожденію (кельтовъ, иберовъ, галловъ и т. д.), но сходныхъ въ значительной степени по образу жизни и нравамъ, стоявшихъ на одной почти ступени развитія, жившихъ въ одинаковыхъ условіяхъ и климата, и почвы. Населяя преимущественно гористыя и лѣсныя мѣстности, они отличались всѣми тѣми качествами, которыя свойственны горцамъ и которыя не исчезли и въ болѣе позднее время: страстью къ войнѣ и набѣгамъ, духомъ независимости, любовью къ свободѣ, наклонностію къ кочевой жизни, сильно развитымъ гостепріимствомъ. Ихъ образъ жизни, пища, одежда, какъ они описаны Страбономъ, Діодоромъ Сицилійскимъ и др., живо напоминаютъ намъ нѣкоторыя изъ племенъ Кавказа, до того являются они сходными у тѣхъ и у другихъ. Мясо козъ, свиней и быковъ, медъ, добываемый въ лѣсахъ, хлѣбъ изъ дубовыхъ жолудей, иногда изъ ячменя — главнаго предмета посѣва [1], ячменное пиво и изрѣдка вино—таковы были предметы потребленія большей части племенъ, предметы, ясно характеризующіе формы быта и занятій этихъ племенъ. Скотоводство, въ особенности разведеніе свиней (окороки керетановъ (нын. Cerdagne) и кантабровъ славились въ римскую эпоху) составляло главное, преобладающее занятіе жителей, и еще долгое время, послѣ покоренія римлянами, нѣкоторыя племена, напримѣръ, вакцеи, про-

[1] Посѣвъ ячменя былъ и въ средніе вѣка главнымъ и преобладающимъ въ сѣверо-западныхъ частяхъ Испаніи, какъ то видно изъ перечисленія платежей общинъ—богетрій (см. Libro becerro XIV в.)

Digitized by Google

должали вести номадный образъ жизни (late vagantes). Воины и пастухи по преимуществу, и вакцеи, и другія племена, жившія по обѣ стороны Пиринеевъ, только въ слабой степени занимались земледѣліемъ, при чемъ трудъ обработки земли у нѣкоторыхъ племенъ возлагался на женщинъ. «Мужчины скорѣе воины, чѣмъ земледѣльцы, говоритъ Страбонъ объ одномъ изъ племенъ; въ настоящее время, покинувши оружіе, они вынуждены обработывать поля». Но далеко не у всѣхъ племенъ это послѣднее имѣло мѣсто. Даже и теперь еще во многихъ мѣстностяхъ Гаскони, Беарна и у басковъ женщины работаютъ на полѣ, ходятъ за плугомъ, между тѣмъ, какъ мужчины прядутъ на станкѣ. Каждое племя, иногда каждая небольшая вѣтвь его занимала извѣстную территорію, обнимавшую собою цѣлый рядъ долинъ, и всѣ пастбища, лѣса и земли, входившія въ составъ ея, были предметомъ общаго, нераздѣльнаго пользованія всего племени. Внѣ общинной собственности не существовало никакой иной, частной собственности. Такъ у племени вакцеевъ земля, по словамъ Діодора Сицилійскаго, считалась предметомъ исключительно одного общаго, нераздѣльнаго владѣнія и пользованія. Ежегодно племя опредѣляло, какія земли должны подлежать обработкѣ. Продукты обработки дѣлились между всѣми членами племени. Лицо, скрывшее часть урожая, подвергалось самому строгому и тяжелому наказанію. Существовали у племени и общественные склады хлѣба, подземные хлѣбные магазины, остатки, которыхъ сохранились и въ наше время. У племени басковъ подобнаго рода порядки удержались, по словамъ баскскаго историка [1], и долгое время спустя послѣ римскаго завоеванія. Родовая земельная собственность возникла у нихъ сравнительно поздно. Въ болѣе раннія времена вся пахатная земля находилась въ общемъ пользованіи. Въ опредѣленное время всѣ члены общины выходили въ поле на работу, которая велась сообща, артельно. Для надзора за полями и работами избирались надсмотрщики, обязанные отдавать отчетъ сходу о состояніи посѣвовъ и работъ. Лица, работавшія лѣниво, получали отъ схода выговоры, даже подвергались штрафамъ и лишались права распоряженія имуществомъ. Это начало общности имущества, совмѣстности пользованія было, повидимому, сильно укоренено у нѣкоторыхъ племенъ. На это указываетъ существованіе у нихъ общественныхъ пиршествъ и обѣдовъ, черта-характеризующая раннія архаическія формы общежитія. Такъ, у горцевъ сѣверо-западныхъ частей Пиринеевъ вино распивали всегда въ обществѣ, въ собраніи родственни-

[1] Zamacola, historia de las naciones bascas, 1818, глава o fueros y reglamentos antiguos de los bascos, эпоха третья, глава 3.

Digitized by Google

ковъ. Общественныя пиршества были, какъ кажется, весьма часты. «Ѣдятъ они, сидя на скамьяхъ, устроенныхъ вдоль стѣнъ, садятся по достоинству, пища обносится кругомъ» (Страбонъ). «На пиршкахъ подъ звуки флейты и трубы танцуютъ, причемъ подскакиваютъ и присѣдаютъ» (ib.).

Этими данными характеризуется отчасти общественный строй ранняго времени. Мы видимъ, что въ ту эпоху община была основана на племенныхъ началахъ. Все племя, либо вѣтвь его, владѣло и пользовалось сообща и нераздѣльно племенной территоріей сравнительно значительныхъ размѣровъ, обнимавшей какъ тѣ мѣстности, которыя позже сдѣлались предметомъ пользованія отдѣльныхъ долинъ, такъ и тѣ, которыя еще долго спустя, въ средніе вѣка, продолжали находиться въ общемъ пользованіи нѣсколькихъ долинъ, или служили предметомъ споровъ между ними. Способы пользованія были почти исключительно совмѣстными, часто артельными, и тамъ, гдѣ устанавливалась земледѣльческая дѣятельность, пахать составляла предметъ общаго владѣнія, и только продукты ея дѣлились между членами племени. Если у нѣкоторыхъ племенъ, напримѣръ, у кантабровъ, и можно предположить существованіе чего-то въ родѣ земельной родовой собственности (какъ-то, основываясь на свидѣтельствахъ классическихъ писателей, думаетъ Cordier и др.), то по всей вѣроятности, это было не болѣе, какъ временнымъ владѣніемъ, а вовсе не собственностью въ строгомъ смыслѣ этого слова. Тѣ данныя, которыя намъ извѣстны о другихъ племенахъ, находящихся на одной ступени развитія съ племенами Пиринейскаго полуострова, даютъ намъ нѣкоторое право думать такъ, и сравненіе ихъ съ данными о пиринейскихъ племенахъ помогаетъ намъ выяснить характеръ ранней формы пиринейской общины. У нѣкоторыхъ горныхъ племенъ Кавказа мы и теперь находимъ строй общины, вполнѣ сходный съ только что описаннымъ. Такъ, намъ извѣстно, что племени кабардинцевъ совершенно чуждо понятіе о поземельной собственности. Какъ и у племенъ пиринейскихъ и даже у населенія долинъ болѣе поздняго времени, и у кабардинцевъ лѣса и пастбища считаются общественными, принадлежащими всему кабардинскому народу безраздѣльно. Каждый кабардинецъ имѣетъ право свободнаго пользованія лѣсомъ, можетъ рубить въ немъ деревья, какъ для строенія, такъ и для топлива, не вправѣ лишь онъ вывозить срубленное для продажи, безъ внесенія опредѣленной суммы племени. Правило, которое, какъ мы видѣли, было выработано и въ пиринейскихъ долинахъ въ средніе вѣка. Пользованіе пастбищами—общее и свободное на всей племенной кабардинской территоріи. Здѣсь пасутъ они сво-

Digitized by Google

ихъ лошадей и овецъ, разведеніе которыхъ составляетъ ихъ главное занятіе. Ихъ пища—почти таже, какъ и у племенъ пиринейскихъ. Это—мясо, медъ, хлѣбъ изъ проса, мехсымъ (напитокъ, выдѣлываемый изъ проса), вино. Что касается пахатной земли, то пользованіе ею не носитъ характера совмѣстности, но за то производится путемъ займа, гдѣ кто хочетъ, и притомъ въ формѣ временнаго владѣнія, дотолѣ пока извѣстная семья обработываетъ его. Неопредѣленность владѣнія вызываетъ здѣсь постоянные споры и столкновенія [1]. У большей части кочевыхъ и полуосѣдлыхъ племенъ мы встрѣчаемся съ подобными же явленіями. У племени криковъ звукъ роговъ служилъ знакомъ начатія полевыхъ работъ, которыя производились артельно. Часть жатвы шла въ пользу всей общины, для удовлетворенія нуждающихся и какъ бы въ формѣ запаса, остальное дѣлилось между артелью. Каждый могъ брать изъ общихъ запасовъ столько, сколько ему было необходимо [2]. Совершенно сходные порядки мы находимъ въ Африкѣ у іолофовъ, въ Фернандѣ По [3] и въ Сіерра-Леонѣ [4], на островѣ Целебесѣ и т. д. Въ древней Индіи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ законы Ману и Страбонъ, существовала таже система обработки земли, система, чисто архаическаго типа. Ее производили цѣлые роды совокупно, и къ концу года весь собранный хлѣбъ дѣлили между собою [5]. Еще большее сходство съ порядками общинными у пиринейскихъ племенъ представляютъ собою порядки пользованія, существовавшія въ Уэльсѣ. И это сходство тѣмъ важнѣе, что строй и характеръ жизни въ Уэльсѣ былъ совершенно одинаковъ съ строемъ жизни и нравами пиринейскихъ племенъ. Даже послѣ норманнскаго завоеванія жители Уэльса были гораздо болѣе пастушескимъ, чѣмъ земледѣльческимъ народомъ. Занятіе скотоводствомъ составляло, какъ въ Пиринеяхъ, главное и преобладающее занятіе жителей. Какъ и въ Пиринеяхъ, и въ Уэльсѣ населеніе лѣтомъ перекочевывало въ горы, зимою сходило въ долины. Большая часть земель, по словамъ Гиральда Камбрейскаго (XII в.), были подъ пастбищемъ, небольшая и незначительная часть шла подъ пахать. Все населеніе страны было сгруппировано въ цѣлую сумму племенъ, изъ которыхъ каждое имѣло, какъ и племена пиринейскія, своего вождя, главу и свою территорію. Каждое племя состояло изъ свободныхъ уэльсцевъ, состоявшихъ въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ, и права на

[1] Кабарда, Журн. министр. внутр. дѣлъ, 1860, XI, смѣсь, стр. 4.
[2] Waitz, Anthropologie, III, 129.
[3] Ib., II, 84.
[4] Winterbottom, account of S. Leone, I, 52.
[5] Страбонъ, XV, 66.; Ковалевскій, общ. землевл., 92.

Digitized by Google

землю каждаго члена племени опредѣлялись его родствомъ съ племенемъ. Въ силу родства и родовой связи, каждый членъ племени имѣлъ право участія въ общемъ пользованіи пастбищами и лѣсами въ племенной территоріи. Земельной собственности вовсе не существовало. Пахать, какъ и другія угодья составляли предметъ общаго пользованія, и самая обработка пахати производилась сообща, артельно. Каждый членъ племени, въ ряду другихъ правъ, пользовался правомъ cuvar, т. е. совмѣстной оранки, и это право его было узаконено обычаемъ. Составлялась артель, въ которую каждый доставлялъ всѣ необходимыя орудія и средства для оранки, всѣ участвовали совмѣстно въ работѣ, и послѣ снятія жатвы дѣлили между собою продукты, сообразно внесенному каждымъ орудію труда и количеству доставленныхъ возовъ. Кооперативное начало нераздѣльности пользованія составляло основную черту всего общиннаго строя. Если у какого либо изъ племенъ, стоящихъ на одномъ уровнѣ развитія, мы не встрѣчаемъ артельной обработки цѣлымъ племенемъ, а лишь родовую, то за то постоянно наталкиваемся на систему временнаго, неопредѣленнаго пользованія пахатью, имѣющаго право родовой собственности. Въ Новой Зеландіи, напримѣръ, какъ и у кабардинцевъ, племенная территорія разсматривалась какъ общее владѣніе всего племени. Каждый членъ племени имѣлъ право пользоваться ею, въ какомъ угодно мѣстѣ. Семья, занявшая подъ обработку извѣстный клочекъ земля, пользовалась имъ дотолѣ, пока продолжала пахать его. Однажды земля оставалась безъ обработки, она становилась вполнѣ свободною [1]. Мы видѣли, что тоже существовало у бразильскихъ индѣйцевъ. Эта система пользованія—одна изъ самыхъ распространенныхъ и наиболѣе раннихъ. Ею руководились и руководятся весьма многія племена, въ особенности значительно разросшіяся и распавшіяся на отдѣльно живущіе роды, какъ кочевые, такъ и осѣдлые. «Земля — ничья, говорятъ крестьяне ленскаго округа:—а божья, да мірская», и ею пользуются въ такомъ размѣрѣ, какъ хотятъ, и если ее не обрабатываютъ, или пересталъ кто либо обработывать, то всякій другой членъ общины можетъ безпрепятственно пахать и засѣвать ее [2]. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы видимъ уже зарожденіе чего-то новаго: право другого на оставленную землю въ малыхъ общинахъ возникаетъ лишь тогда, когда наслѣдники лица, начавшаго обработку, выходятъ изъ общины и перестаютъ пахать землю. Это обстоятельство приводитъ насъ къ необходимости раз-

[1] Hochstetter, Neu-Zeeland, 487.

[2] Щаповъ, Сельская община въ кудинско-ленскомъ краѣ, Записки спб. отд. геогр. общ., VI, № 3.

Digitized by Google

смотрѣть племенной строй пиринейскихъ народовъ со стороны внутренней ихъ организаціи.

Свидѣтельства Страбона и др. писателей являются къ намъ на помощь и въ этомъ отношеніи, и даютъ указанія на факты существованія у пиринейскихъ племенъ родовыхъ отношеній совершенно того же типа, какой былъ господствующимъ въ пиринейскихъ долинахъ въ средніе вѣка. Правда, указанія эти косвенныя, а не прямыя, но дѣло въ томъ, что они касаются такихъ проявленій этого быта, которыя были существеннѣйшими его аттрибутами. Это, во-первыхъ, обычай, носившій названіе couvade и состоявшій въ томъ, что женщина послѣ рожденія ребенка оставляетъ постель и мужъ ея занимаетъ ея мѣсто — дѣлаетъ couvade—и принимаетъ поздравленія. Распространенность этого обычая была еще въ средніе вѣка весьма значительна, и даже до настоящаго времени онъ сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Беарна, въ французской Наваррѣ, въ Бискайѣ и вообще у басковъ [1]. Для тѣхъ, кто знакомъ съ изслѣдованіями Моргана, Жиро Тѣлона и др., достаточно назвать подобный обычай, чтобы образъ того родового строя и тѣхъ родовыхъ отношеній, спутникомъ которыхъ онъ является, представился вполнѣ ясно. А у Страбона мы читаемъ объ иберахъ слѣдующее: «Сами женщины обработываютъ землю, а послѣ родовъ укладываютъ въ постель вмѣсто себя своихъ мужей и ухаживаютъ за ними» (III, 4, 17).

Это—не единственное указаніе. Рядомъ мы находимъ другое, вполнѣ соотвѣтствующее даннымъ о тѣхъ родовыхъ отношеніяхъ, которыя господствовали въ средніе вѣка и составляли главнѣйшую гарантію сохраненія рода. Я говорю о томъ безразличіи въ наслѣдованіи по мужской и женской линіи, все равно, которое, какъ мы видѣли, было преобладающимъ на всемъ протяженіи Пиринеевъ и только позже, въ восточныхъ частяхъ Пиринеевъ, какъ, напримѣръ, въ Андоррѣ, измѣнилось въ предпочтеніе къ мужчинамъ, но безъ исключенія отъ права главенства и женщинъ. Тотъ же писатель, свидѣтельство котораго приведено выше, указываетъ на фактъ наслѣдованія и въ женской линіи, какъ на обыденное явленіе у горцевъ. «У кантабровъ, говоритъ онъ: — существуетъ обычай, по которому мужчины приносятъ приданое своимъ женамъ, и дочери объявляются наслѣдницами и женятъ своихъ братьевъ» (III, 4, 18). Мѣсто это не нуждается въ комментаріяхъ. Читая его, какъ будто видишь предъ собою постановленія обычнаго права долины Барежъ, гдѣ родовой строй, какъ мы видѣли, удержался всецѣло до XVIII в.

[1] Cordier, l'organisation de la famille chez les basques, Revue hist. du droit français, 1868, IV, 354.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, къ суммѣ чертъ, характеризующихъ раннюю форму пиринейской общины, присоединилась и еще одна черта, существованіе которой легко было предположить à priori. Какъ у всѣхъ племенъ, подобныхъ пиринейскимъ племенамъ и находившихся на болѣе или менѣе близкой ступени развитія, родъ, родовое начало составляли основу племени. Племя являлось и здѣсь, какъ и повсюду, либо какъ группа родовъ, либо какъ разросшійся родъ, либо какъ выдѣленный новый родъ, и самое существованіе массы мелкихъ подраздѣленій, на которыя распадались пиринейскія племена, указываетъ, повидимому, на послѣднее. Отсюда общинное владѣніе было въ Пиринеяхъ такъ же, какъ и у жителей Уэльса, у ирландцевъ, индусовъ и др. народовъ, владѣніемъ племенно родовымъ, съ тѣмъ характернымъ признакомъ его, въ силу котораго вся территорія, заселенная племенемъ, составляла во всей своей совокупности предметъ общаго пользованія, выражавшагося въ архаической формѣ кооперація, артели.

Изъ этого-то общиннаго строя и выработалась постепенно и та средневѣковая и болѣе поздняя пиринейская община, которую я охарактеризовалъ въ предыдущей статьѣ. Цѣлый рядъ фактовъ, приведенныхъ мною въ настоящей статьѣ, сходство, существующее между обломками какихъ-то раннихъ формъ общины, сохранившимися и въ средніе вѣка, и тѣми формами пользованія, которыя были присущи пиринейскимъ племенамъ къ римскій періодъ, тождественность многихъ формъ быта и общественнаго строя въ римскій и средневѣковой періоды, не оставляютъ сомнѣнія насчетъ генерической связи между ранней и позднѣйшей формой пиринейской общины. Въ основѣ обѣихъ лежало родовое начало, измѣнилось лишь отношеніе рода къ землѣ, племенное начало смѣнилось болѣе искуственнымъ политическимъ союзомъ, выработавшимся въ форму самостоятельной долины, группы общинъ, и съузились какъ предѣлы территоріи пользованія вообще, такъ и размѣры примѣненія начала совмѣстности и нераздѣльности пользованія. Пастбища и лѣса почти до конца среднихъ вѣковъ оставались въ нераздѣльномъ владѣніи, какъ и въ прежнее время. Но за то возникла новая форма пользованія: родовое пользованіе пахатью и дворовыми мѣстами, превратившимися въ родовую собственность, въ постоянное владѣніе рода. Вмѣстѣ съ тѣмъ почти совершенно исчезъ и кочевой характеръ общины; она превратилась въ осѣдлую, хотя и сохранила прежній пастушескій характеръ.

Мы пришли теперь къ вопросу, который поставленъ въ предыдущей статьѣ, къ вопросу о томъ, чѣмъ объяснить совмѣще-

Digitized by Google

ніе въ пиринейской общинѣ двухъ такихъ противоположныхъ началъ, какъ начало полной общинности, общиннаго пользованія въ отношеніи къ однимъ землямъ, и начало исключительной родовой собственности по отношенію къ другимъ? Намъ остается разсмотрѣть его, чтобы вполнѣ закончить характеристику общиннаго владѣнія въ Пиринеяхъ.

Прямыхъ данныхъ для объясненія этого факта, какъ замѣчено выше, нѣтъ, и приходится обратиться къ немногимъ косвеннымъ указаніямъ и къ сравненію формъ общинныхъ пиринейскихъ съ такими же формами у другихъ народовъ, какъ къ единственному источнику въ данномъ случаѣ. Я ограничусь здѣсь лишь самыми общими замѣчаніями, такъ какъ болѣе подробное разъясненіе перехода общинныхъ формъ изъ одной въ другую найдетъ мѣсто въ спеціальномъ изслѣдованіи, которое я приготовляю къ печати.

Способы пользованія пахатью и въ частности три формы его, чаще всего встрѣчающіяся и характеризующія собою раннія ступени развитія общины, имѣютъ для нашей цѣли существеннѣйшее значеніе, къ нимъ мы и обратимся теперь. Это, во-первыхъ, форма совмѣстнаго, такъ сказать, артельнаго пользованія пахатью, форма наиболѣе древняя. Пахатная земля составляетъ здѣсь предметъ и общаго пользованія, и общей обработки цѣлой племенной группы. У весьма многихъ народовъ обработка эта производится женщинами, и передѣлу подвергаются лишь одни продукты, если только не существуетъ общаго пользованія и этими послѣдними. Второю и гораздо болѣе распространенною, чѣмъ первая, формою пользованія является та форма, при которой пахать обрабатывается не всѣми сообща, а каждымъ родомъ или группою родичей, позже семьею, отдѣльно, при сохраненіи совмѣстнаго пользованія остальными угодьями. Отличительная черта этой формы пользованія—его исключительно временный характеръ. Землю захватываютъ подъ пахать путемъ заимки, обрабатываютъ ее, пока нужно и возможно, иногда нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, но однажды обработка окончена, участокъ оставляется впустѣ. Понятія о правѣ собственности на занятую землю не существуетъ; родовая группа, пользующаяся ею, присвоиваетъ себѣ лишь продукты, полученные отъ ея обработки. «Землею, говоритъ одинъ путешественникъ о племени фантіевъ [1]:—владѣютъ только потому, что ее обрабатываютъ. Земля, находящаяся подлѣ деревни, разсматривается, какъ нѣчто принадлежащее всѣмъ, но тотъ, кто раньше другихъ рас-

[1] Cruickshank, ein 18-jähriger Aufenthalt auf der Goldküste Africa's, стр. 286.

Digitized by Google

чистилъ лѣсную почву и обсѣменилъ ее, считается ея владѣльцемъ». Выше указаны были случаи подобнаго пользованія у кабардинцевъ, ново-зеландцевъ и т. д. Тоже встрѣчается и у ряда другихъ народовъ и племенъ, какъ американскихъ, такъ и африканскихъ. Оставленная впустѣ земля обращается въ общую всѣмъ землю и можетъ быть занята свободно любою группою, принадлежащею къ племени. Но занятая однажды, она не можетъ попасть во владѣніе другой группы, пока продолжается обработка. Этому противится обычай, весьма рано вырабатываемый племенемъ. Онъ ограждаетъ право владѣнія, опредѣляетъ большіе или меньшіе сроки, лишь по истеченіи которыхъ и послѣ оставленія пахати впустѣ, право владѣнія считается исчезнувшимъ. Съ другой стороны, тотъ же обычай указываетъ и размѣръ вознагражденія, въ видѣ части урожая, въ тѣхъ случаяхъ, когда одна группа захватываетъ землю, обработываемую другой группой. Громадное количество свободной земли и сравнительно незначительное количество населенія, въ связи съ кочевымъ или полуосѣдлымъ образомъ жизни племенъ, практикующихъ этотъ способъ пользованія, вполнѣ объясняютъ распространенность и живучесть этой формы, сохраняющейся иногда въ видѣ переживанія и на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія. Наконецъ, третьею формою пользованія пахатью, формою, подвергающеюся въ теченіе своего историческаго развитія цѣлому ряду измѣненій, является та форма ея, въ основѣ которой также лежитъ занимка такого количества земли, какое необходимо для данной группы родичей или, позже, для семьи, или на какое эта группа имѣетъ право по большей или меньшей близости своей къ дѣйствительному или фиктивному родоначальнику, но занимка не временная только, а часто постоянная. Земля передается по наслѣдству, превращается въ родовое достояніе, можетъ быть даже—на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія—переуступаема, продаваема и т. п. Правда, занятіе ея другими группами все еще возможно или вслѣдствіе существованія у даннаго племени системы передѣла и обмѣна земель, или потому, что земля осталась впустѣ, благодаря тому, что родъ вымеръ или перешелъ на другое мѣсто; но пока родъ сидитъ на землѣ, она, эта земля, собственность рода. Понятіе о владѣніи замѣняется здѣсь понятіемъ, приближающимся къ понятію о собственности, хотя пахать продолжаетъ считаться либо общеплеменною, либо общинною, подчинена общиннымъ сервитутамъ, не можетъ быть навсегда выгороженною, подлежитъ предпочтительному праву выкупа либо родового, либо общиннаго. Неравномѣрность владѣнія составляетъ и здѣсь, какъ и въ предшествующей формѣ, отличительную черту пользованія. Мы

Digitized by Google

встрѣчаемъ эту форму, съ бо́льшими или меньшими уклоненіями и особенностями, у значительной части осѣдлыхъ народовъ, у индусовъ, ирландцевъ, кабиловъ, въ Сибири, Малороссіи и т. д. Какъ одинъ изъ весьма характерныхъ примѣровъ этой формы пользованія, хотя и нѣсколько болѣе поздней формаціи, привожу описаніе кудинско-ленской общины, сдѣланное Щаповымъ. «Такъ какъ земли въ ленскомъ краѣ необъятное множество, то крестьяне обыкновенно захватываютъ и распахиваютъ столько пашни, сколько могутъ и хотятъ. Этой распаханной землей они и владѣютъ пожизненно, передаютъ ее своимъ дѣтямъ, могутъ продавать или отдавать въ кортомъ на разные сроки... Если наслѣдники не живутъ въ общинѣ, гдѣ жилъ ихъ отецъ, не пашутъ отцовскихъ пустошей, то ихъ можетъ безпрепятственно пахать и засѣвать всякій другой, лишь бы онъ принадлежалъ къ той же общинѣ, къ которой принадлежитъ земля». Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ общиной территоріальной. Но въ общемъ порядки пользованія пахатью были одинаковы и тамъ, гдѣ въ основѣ осѣдлой общины лежали исключительно родовыя начала, какъ и у тѣхъ народовъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ родовыя формы смѣшивались и перепутывались съ зарождающимися формами территоріальной, сельской общины.

Въ Пиринеяхъ мы находимъ существованіе всѣхъ трехъ формъ, и до нѣкоторой степени даже можно сказать, что здѣсь они исторически смѣняли другъ друга, оставляя, впрочемъ, весьма рѣзкіе слѣды въ каждой изъ послѣдующихъ фазъ развитія въ способахъ пользованія пахатью. И это является тѣмъ болѣе понятнымъ, что разсмотрѣнныя выше формы представляютъ собою у многихъ народовъ и во многихъ мѣстностяхъ не иное что, какъ рядъ послѣдовательныхъ фазъ развитія. «Необходимость совокупныхъ усилій въ борьбѣ съ природою, замѣчаетъ г. Ковалевскій, и съ его выводами нельзя отчасти не согласиться:—ведетъ къ аппропріаціи, какъ движимой, такъ, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ осѣданія племенъ, и недвижимой собственности, не частными лицами или семьями, а цѣлыми группами индивидуумовъ, разнаго пола, ведущими хозяйство сообща. Происходящій въ средѣ этихъ стадныхъ соединеній медленный... процессъ дифференціаціи ведетъ одновременно къ выдѣленію родовыхъ союзовъ и къ возникновенію общинно-родовой собственности... Съ окончательнымъ занятіемъ тѣмъ или другимъ родомъ опредѣленнаго пространства и постепеннымъ воспріятіемъ имъ въ свой составъ чуждыхъ ему лицъ, родовой характеръ землевладѣльческой общины уступаетъ мало-по-малу мѣсто сельскому. Общность интересовъ, порождаемая сосѣдствомъ, продолжаетъ...

Digitized by Google

связывать между собою семьи, нѣкогда соединенныя родствомъ; родствомъ, основаннымъ на признаніи дѣйствительнаго или мнимаго факта происхожденія всѣхъ и каждой изъ нераздѣльныхъ семей рода отъ одного и того же общаго всѣмъ имъ родоначальника. Несдерживаемыя болѣе воедино узами крови, нераздѣльныя семьи приходятъ постепенно къ сознанію разногласія между интересами каждаго изъ нихъ и интересами всѣхъ. Неудивительно, поэтому, если веденіе хозяйства сообща рано или поздно уступаетъ мѣсто веденію его въ отдѣльности каждымъ семействомъ. Одновременно и соотвѣтственно этой перемѣнѣ въ бытовыхъ условіяхъ семействъ... происходитъ и другая. Общинная земля дѣлится на извѣстное число надѣловъ», которые «далеко не являются равными другъ другу».

Вѣрныя въ общемъ, эти замѣчанія требуютъ нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій, если только мы начинаемъ слѣдить съ большею подробностью за процессомъ перехода изъ одного фазиса общины въ другой. Принимая за исходный пунктъ развитія общность и артельность пользованія и слѣдя за измѣненіемъ его, мы не можемъ не видѣть, что выработка родовыхъ отношеній, ихъ упроченіе, въ связи съ размноженіемъ рода и происходящимъ отсюда раздѣленіемъ и распаденіемъ его на части, ведетъ въ началѣ къ образованію отдѣльныхъ группъ, присвоивающихъ мало-помалу опредѣленную территорію, хотя все еще ведущихъ дѣло хозяйства сообща. Дальнѣйшее распаденіе рода на отдѣльныя группы, при сохраненіи кочеваго или полу-кочеваго быта, при болѣе или менѣе частыхъ передвиженіяхъ съ одного мѣста на другое даже въ предѣлахъ присвоенной территоріи, приводитъ мало помалу къ выдѣленію хозяйствъ и къ занятію каждою отдѣльною группою извѣстной земли подъ пахать, но понятно временно, пока длится обработка, пока группа сидитъ на извѣстномъ мѣстѣ. Съ переходомъ естественнымъ, а чаще всего вынужденнымъ къ осѣдлости и съ новымъ умноженіемъ населенія, осадившіеся роды вынуждены, при уменьшеніи количества свободной земли и большемъ развитіи земледѣльческихъ работъ, производить обработку въ опредѣленныхъ мѣстахъ, мало-по-малу, путемъ постоянной обработки земли наслѣдниками, превращаютъ прежде лишь временно занимаемую землю въ родовое постоянное владѣніе, и только тамъ, гдѣ существуютъ пустоши, гдѣ земли свободной много, продолжается рядомъ и прежняя система временнаго захвата земли подъ пахать, если еще въ добавокъ не устанавливается и система передѣловъ и обмѣна земли между родами. То, что имѣло мѣсто въ Уэльсѣ и въ Ирландіи, не говоря о массѣ другихъ случаевъ, иллюстрируетъ отчасти эту послѣдователь-

Digitized by Google

ность перехода формъ. Если свободный человѣкъ, членъ племени и глава рода, умиралъ—хозяйство не прекращалось. Оно велось сообща, сохранялось въ цѣлости въ теченіи трехъ поколѣній, и потомки извѣстны были подъ именемъ наслѣдниковъ такого-то и такого-то. Они носили названіе «gweli gordd», а земля, находившаяся въ ихъ владѣніи, «tir givelyawg», т. е. родовая земля, родовая собственность. Только послѣ трехъ поколѣній, а въ болѣе раннее время, повидимому, 6, 7 и болѣе поколѣній, родъ распадался на части, и лишь въ случаѣ пресѣченія какого-либо рода или вѣтви его, родовая земля возвращалась въ общину или къ старѣйшинѣ и раздѣлялась между всѣми родами одного происхожденія. Въ Ирландіи, въ силу подобныхъ причинъ, каждое отдѣльное хозяйство, входившее въ соединенную прежде семью, пріобрѣтало, говоритъ Мэнъ: — болѣе твердыя права на свой поземельный участокъ по мѣрѣ того, какъ увеличивался періодъ времени, отдѣлявшій семью отъ общаго предка. Еще болѣе рѣзкое проявленіе описаннаго порядка встрѣчается у кавказскихъ горцевъ, гдѣ постепенное осѣданіе и разчлененіе рода привели у нѣкоторыхъ племенъ къ замѣнѣ временнаго родоваго владѣнія пахатною землею (какъ у кабардинцевъ) къ болѣе или менѣе постоянному въ одномъ родѣ (какъ отчасти у черкесовъ), хотя съ сильными остатками прежней системы, въ видѣ подсѣчнаго хозяйства.

Рядомъ съ этими измѣненіями въ пользованіи пахатью, переходомъ ея изъ временнаго въ постоянное владѣніе, шли измѣненія и другого рода, результатомъ которыхъ являлось зарожденіе территоріальной общины. Эта послѣдняя была обязана своимъ происхожденіемъ цѣлой суммѣ разнообразныхъ причинъ, не вездѣ и повсюду дѣйствовавшихъ одинаково, не вездѣ приводившихъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ. Смѣшеніе и перепутываніе племенъ, насильственное уничтоженіе родовыхъ связей вслѣдствіе завоеваній и истребленія племенъ, передвиженіе и разселеніе отпрысковъ рода, перекрещиваніе ихъ съ отпрысками другихъ родовъ, приселеніе къ роду чужеземцевъ, все это и рядъ другихъ явленій приводили къ постепенному разложенію старыхъ родовыхъ союзовъ, къ ослабленію сознанія родовой, кровной связи, и затѣмъ уже, вслѣдствіе необходимости совокупныхъ усилій для борьбы съ врагами, къ выработкѣ новыхъ союзовъ, уже, вслѣдствіе полнаго осѣданія, основанныхъ на территоріальномъ началѣ, на сожительствѣ въ одной мѣстности. При этомъ нерѣдко, и особенно въ раннее время, все еще сохранявшіяся отчасти воспоминанія о родовой связи съ обособившимися территоріально и часто отдаленными родами создавало то, что терри-

Digitized by Google

торіальный союзъ перепутывался съ стариннымъ родовымъ, и, какъ послѣдствіе этого, являлось совмѣстное пользованіе общинными угодьями или притязанія на него со стороны родовъ двухъ и бо́льшаго числа территоріальныхъ общинъ. Тамъ же, гдѣ происходило приселеніе чужеродцевъ, сохранившихъ личную свободу или исключенныхъ изъ рода, образовывались иногда, какъ, напримѣръ, въ Уэльсѣ, общины особаго типа, съ правильнымъ раздѣломъ земель (aillts и taeogs). Но такого рода случаи встрѣчаются рѣдко; чаще всего преобладаетъ порядокъ, описанный выше. Типическими образчиками этого порядка являются порядки, существовавшіе, по словамъ Эльфистона, въ Кабулѣ [1] у славянскихъ задругъ, какъ они описаны Богишичемъ, и въ особенности на Кавказѣ, у черкесовъ. У послѣднихъ уже существуетъ территоріальная организація въ общины, и въ тоже время большое вліяніе имѣютъ родовыя связи, родъ. «Сведенныя въ одну общину, самыя разношерстныя части отдѣльныхъ родовъ стоятъ особнякомъ, не имѣютъ между собою тѣхъ солидарныхъ связей, какія вообще завязываются и существуютъ въ вполнѣ организованной общинѣ. Солидарныя отношенія въ черкесской общинѣ существовали только между такими ея частями, которыя по крови принадлежали къ одному родовому союзу. Части этого рода, разбитыя между нѣсколькими общинами, тѣмъ не менѣе далеко не потеряли бытовыхъ связей, далеко не исчезло между ними сознаніе объ ихъ родовомъ единствѣ». [2] Кромѣ того, какъ и у всѣхъ горныхъ народовъ, перешедшихъ къ осѣдлости, и у черкесовъ разсѣданіе отдѣльныхъ родовъ или вѣтвей происходило путемъ образованія отдѣльныхъ хуторовъ или даже дворовъ, образовывавшихъ семейную нераздѣльную общину. Нѣсколько такихъ хуторовъ или семейныхъ общинъ, нѣкогда перекочевавшихъ съ мѣста на мѣсто, образовали селенія или аулы, въ свою очередь, соединившіеся въ территоріальную общину-долину, обладающую, какъ и каждое отдѣльное селеніе (аулъ или куодже) своими общинными пастбищами [3]. Входя въ составъ такой территоріальной общины, каждый родъ, если онъ вполнѣ осаживался на мѣстѣ, удерживалъ за собою и права родовыя на пахатную землю.

Разсмотрѣнный лишь въ самыхъ общихъ чертахъ процессъ измѣненій, которымъ подвергались способы пользованія пахатью,

---

[1] Elphistone, account of the kingdom of Kaboul, II. III и сл.

[2] Леонтовичъ, адаты кавказскихъ горцевъ, I, 404—5.

[3] Хуторная система имѣла мѣсто у шапсуговъ, кабардинцевъ, абазеховъ и др. См. ib., стр. 304, 314, 326 и др., Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, IV, 2. Тоже замѣчено и относительно жителей гористыхъ мѣстъ Германіи Инамою Стернегомъ.

Digitized by Google

можно до нѣкоторой степени, хотя далеко не вполнѣ, вслѣдствіе отсутствія многихъ данныхъ, прослѣдить и на исторіи пиринейской общины. Исходнымъ пунктомъ является и здѣсь, какъ то было показано выше, племенная община, кочевая или полу-кочевая; община, въ основѣ которой лежали родовое начало и полная совмѣстность и общность труда. Это—основа послѣдующихъ формъ общиннаго пользованія, переживанія котораго мы встрѣчаемъ весьма долгое время въ Пиринеяхъ и въ видѣ артельной рубки лѣса и порослей, и въ видѣ общности орудій труда, охоты и проч. [1] Но уже въ ту эпоху, къ которой относятся сообщенія о пиринейскихъ племенахъ, приведенныя выше, видно, что разчлененіе раннихъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ и созданіе ряда мелкихъ подраздѣленій племени достигло значительныхъ размѣровъ. Та гигантская, продолжительная и крайне упорная борьба, которую пришлось вести сѣвернымъ и сѣверо-западнымъ племенамъ, кантабрамъ, васконамъ и др., сначала съ римлянами, а затѣмъ съ различными германскими народами, послѣдовательно вторгавшимися въ Пиринейскій полуостровъ, понятно, могла лишь ускорить процессъ этого разложенія. Во время этой борьбы племенъ за независимость были уничтожены почти цѣлыя племена, насильственно разорваны племенныя связи, а разбитые и разрозненные остатки уцѣлѣвшихъ племенъ вынуждены были искать убѣжища въ горахъ, въ недоступныхъ и лѣсистыхъ долинахъ Пиринеевъ. Но и поселившіеся тамъ отпрыски племенъ далеко не были въ безопасности, и, какъ то показываетъ исторія, нерѣдко вынуждены были отодвигаться въ глубь Пиринеевъ, благодаря неустанной борьбѣ съ завоевателями. Съ другой стороны, происходила въ теченіе вѣковъ и смѣна самыхъ завоевателей, и побѣжденные новыми пришельцами вчерашніе побѣдители, въ свою очередь, устремлялись туда же, куда вытѣснили они и раннія племена. Въ Пиринеяхъ происходило сильное смѣшеніе племенъ, оставившее свои слѣды въ языкѣ, названіяхъ мѣстностей и т. д. Разбитые и разрозненные остатки старинныхъ племенъ, привыкшихъ вести полу-кочевой образъ жизни, продолжали, повидимому, держаться его и въ новыхъ мѣстахъ поселенія, да и самыя условія внѣшнія вынуж-

[1] Какъ подтвержденіе сказаннаго, приведу примѣръ долины Campan. Здѣсь ловля дичи силками производилась артельно, и охотники, образовавшіе въ XV в. и ранѣе ассоціацію, дѣлили поровну добычу. Ассоціація эта, какъ и вообще всѣ отношенія въ Пиринеяхъ, была проникнута родовымъ началомъ. Постановленіе общины 1418 года требовало, чтобы силки держали лишь тѣ семьи, предки которыхъ имѣли силки и занимались охотою (имена семей перечислены въ актѣ); всѣмъ остальнымъ жителямъ ловля силками строго была воспрещена. Laspalle, archives de Bagnères de Bigorre, repertoire, стр. 150.

Digitized by Google

дали имъ къ тому. Занятіе войною и грабежами продолжало, какъ и прежде, быть преобладающимъ занятіемъ большей части мущинъ, возлагавшихъ работы земледѣльческія на женщинъ: набѣги горцевъ въ долины и низменности, набѣги, совершаемые горцами западныхъ отроговъ въ бордоскія ланды и другія сосѣдвія мѣстности съ цѣлями грабежа и пріобрѣтенія пастбищъ, были почти обыденнымъ явленіемъ. Въ VI вѣкѣ они привели къ укрѣпленію власти горцевъ въ мѣстностяхъ, куда въ средніе вѣка долины высылали на зиму свой скотъ. Сколько—нибудь прочное осѣданіе было, въ виду этихъ обстоятельствъ, въ виду нерѣдко возобновляемыхъ попытокъ усмиренія горцевъ со стороны то вестготовъ, то франковъ, почти немыслимо. Роды вынуждены были переходить съ мѣста на мѣсто, переселяться съ своими стадами изъ одной мѣстности въ другую, а это должно было оказывать не малое вліяніе на сохраненіе старинныхъ привычекъ, стариннаго образа жизни. Свидѣтельство одного португальскаго епископа XII в., посѣтившаго западные отроги Пиринеевъ, о крайней грубости и дикости нравовъ жителей западныхъ долинъ, ясно доказываетъ это [1].

Что разселеніе происходило здѣсь родами и притомъ и чаще всего каждымъ отдѣльно, можно видѣть изъ того, какъ была организована бо́льшая часть поселеній въ Пиринеяхъ даже въ болѣе позднее время. Въ юго-западныхъ долинахъ, какъ Пиринеевъ, такъ и отроговъ ихъ, въ нынѣшнихъ провинціяхъ Бискайѣ, Алавѣ и др., господствовало въ началѣ среднихъ вѣковъ и раньше чисто хуторное хозяйство. Семья жила въ echotza, бревенчатой хижинѣ, стоявшей отдѣльно и окруженной пахатною землею. Образованіе поселковъ здѣсь—явленіе болѣе поздняго времени, и еще и теперь, говоритъ Caballero, Бискайя и Гвипу́скоа могутъ быть названы «федераціей сельскихъ семей», такъ какъ сельское населеніе живетъ въ отдѣльныхъ caserias (дворъ, хуторокъ), «разсѣянныхъ по всей странѣ» [2]. А это—почти общее явленіе въ долинахъ, особенно въ раннее время. Такъ было, напримѣръ, въ землѣ Donnezan, тоже существуетъ и теперь еще въ нѣкоторыхъ долинахъ Комменжа. Большая часть поселковъ (hameaux), изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и слагались долины, заключали въ себѣ чаще всего отъ трехъ до десяти дворовъ, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, да и то въ болѣе крупныхъ общинахъ, число дворовъ доходило до 40 и болѣе. Вновь образовавшіяся поселенія часто имѣли по 1 и по 2 двора [3]. Въ сред-

[1] R. Ferrer, Vascongados, 103.

[2] Caballero, poblucion rural, 27, 28.

[3] Въ долинѣ Cabo было 16 поселковъ въ XVII в. Изъ нихъ въ 7 было по одному двору, въ 2—по два двора. Capbreu de Castelbo, f. 95.

Digitized by Google

ніе вѣка численность дворовъ была также мало значительною. Каждый такой дворъ, жилье, представлялъ изъ себя независимое цѣлое и носилъ спеціальное названіе casale, cazal. Названіе это и въ средніе вѣка и позже означало собою нетолько дворъ, какъ мѣсто, гдѣ устроено жилье, но въ тоже время и пахать, и лугъ, прилегавшіе къ двору, и виноградники, и сады и т. д., т. е. всю совокупность родового владѣнія. Въ кутюмахъ нерѣдко словомъ casales означались вообще частныя земли, а слово casau употреблялось для обозначенія количества земли, на которомъ высѣвались 4 мѣрки или мѣшокъ зернового хлѣба [1]. Даже болѣе того. Этимъ словомъ означался и самый родъ, жившій въ данномъ дворѣ. Еще и теперь въ нѣкоторыхъ долинахъ, если кто-либо желаетъ похвалить семью, то говоритъ: «Какая славная и многочисленная casade». Всѣ лица, жившія въ casale, были членами одного нераздѣльнаго рода и casale являлся чѣмъ-то въ родѣ славянской задруги, семейной нераздѣльной общины. Такимъ былъ онъ, какъ показано въ предъидущей статьѣ, въ средніе вѣка, такимъ же онъ остался еще и теперь кое-гдѣ въ Пиринеяхъ. Въ Андоррѣ, напримѣръ, члены рода лишь въ рѣдкихъ случаяхъ оставляютъ свой родъ. «Напротивъ того, они крѣпко привязаны къ нему, вносятъ свое достояніе въ достояніе общеродовое, дѣятельно работаютъ въ его пользу, въ пользу рода, который они считаютъ своимъ, и относятся съ почтеніемъ къ тому, кого обычай поставилъ главою рода. Глава этотъ, будетъ ли онъ дядя, братъ или племянникъ, все равно, всегда является въ глазахъ родичей представителемъ предковъ, представителемъ рода» [2]. Въ раннее время среднихъ вѣковъ родовой характеръ общины сказывается еще съ большею ясностью и въ хартіяхъ нерѣдко видны ясные слѣды его. Въ одной дарственной записи больбонскому монастырю 1180 г. мы читаемъ, что нѣкто даетъ монастырю землю и дѣлаетъ это, какъ онъ самъ заявляетъ, «съ согласія людей, т. е. Бернарда и братьевъ его, Стефана и братьевъ его» [3]. Позже, въ 1207 году, къ нимъ прибавлено слово socii, т. е. однообщественники [4]. Но такой же и даже болѣе рѣзко выраженный родовой характеръ носили подворныя хуторныя поселенія болѣе ранняго времени—косвеннымъ доказательствомъ тому служитъ фактъ, отличающій собою существованіе сильно развитого родового строя. Я говорю о родовой, кровной мести. Мы рѣдко встрѣчаемся съ нею въ средніе вѣка

[1] Lagrère, Le droit dans les Pyrénées, 168 и сл.
[2] Vidal, Andorre, 39.
[3] Cartulaire de Bolbone. рук. париж. нац. библ. Collection Doat, vol. 83, f. 10—11.
[4] Ib, f. 42—43.

Digitized by Google

и болѣе позднее время. Повсюду почти въ Пиринеяхъ ея проявленіе было ограничено и дѣйствіе ея замѣнилось дѣйствіемъ суда и пенями. Но что она существовала и часто практиковалась въ раннее время и въ началѣ среднихъ вѣковъ—свидѣтельствомъ тому служатъ хартіи и привилегіи болѣе ранняго времени, гдѣ о ней говорится нерѣдко и гдѣ стараются замѣнить ея дѣйствіе иными мѣрами. Но въ одной хартіи XIII в., данной жителямъ общины, находившейся въ долинѣ Sabartes, мы читаемъ слѣдующее: «Если кто убьетъ кого-либо изъ жителей, то да не будетъ онъ настолько смѣлъ, чтобы войти послѣ этого въ деревню; пусть прежде онъ заплатитъ родственникамъ или друзьямъ убитаго, чтобы потомъ, въ случаѣ онъ сдѣлалъ бы это, «родственники или друзья начали все таки мстить ему, онъ не былъ обязанъ платить сеньору» [1].

До тѣхъ поръ, пока не установилась осѣдлая жизнь и роды не заняли опредѣленныхъ мѣстъ, пока потребности, вызываемыя занятіемъ скотоводствомъ и внѣшнею небезопасностью жизни, принуждали населеніе переходить съ мѣста на мѣсто, перекочевывать со стадами, на манеръ черкесовъ, пока, наконецъ, земледѣліе не получило достаточно прочнаго развитія, врядъ ли могло установиться правильное и постоянное владѣніе землею, обрабатываемою родомъ. Оно могло носить лишь характеръ временнаго занятія, и такой оно, какъ извѣстно, и носило въ Пиринеяхъ долгое время. Рядъ постановленій обычнаго права, встрѣчаемый нами еще въ XI вѣкѣ, является несомнѣннымъ доказательствомъ существованія лишь временнаго занятія земель подъ пахать и косвеннымъ указаніемъ его преобладанія въ раннее время. Только когда роды осѣлись, выработалось и понятіе о правѣ собственности на родовую землю и это повело къ созданію новыхъ обычаевъ, ставшихъ въ полное противорѣчіе съ другими ранними обычаями. Земли, занятыя осѣвшими родами, не были подчинены постановленіямъ обычнаго права, опредѣлявшимъ права временнаго занятія земли. Эти послѣднія, разъ прекращалась ихъ обработка, возвращались въ общину—земли родовыя въ подобномъ случаѣ не могли быть отымаемы отъ рода: онѣ составляли неотъемлемую его собственность. Въ случаѣ продажи или вообще отчужденія ихъ, родъ сохранялъ за собою право ихъ выкупа, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ землѣ Суль, право этотъ родъ не терялъ въ теченіи 41 года [2]. Предпочтительное право выкупа принадлежало прежде всего роду, и только послѣ прекращанія его—общинѣ. Во многихъ долинахъ владѣніе ро-

[1] Garrigou, Pays de Foix, 210—213.

[2] Coutume de Soie, titre XIX art. 1.

Digitized by Google

довою землею тянулось въ теченіи ряда поколѣній, напримѣръ, въ Андоррѣ, гдѣ и теперь существуютъ семьи, земли которыхъ въ теченіи ряда вѣковъ не подвергались ни раздѣламъ, ни уменьшенію. А между тѣмъ, намъ извѣстно, что и эти земли разсматривались, какъ земли общинныя, подлежащія общиннымъ сервитутамъ. При преобладавшемъ въ Пиринеяхъ хуторномъ хозяйствѣ, объясненіе происхожденія такого рода земель, т. е. вообще родовой собственности, можетъ быть отыскано лишь въ одномъ фактѣ осѣданія рода. До того, владѣніе землею было владѣніемъ временнымъ. И это тѣмъ болѣе, что постановленія болѣе поздняя о пахати, временно занимаемой, относились въ большей части случаевъ къ мѣстностямъ обще-владѣемымъ нѣсколькими долинами, къ землямъ, гдѣ не установилась правильная осѣдлость, а затѣмъ уже послѣ полнаго осѣданія лишь къ тѣмъ землямъ внутри долины, которыя служили пастбищемъ. Это послѣднее правило было установленіемъ уже территоріальной общины, въ интересахъ которой было ограничивать распашку пастбищъ, являвшихся предметами существенной необходимости при преобладаніи занятія скотоводствомъ. Замѣчательно то, что образованіе родовой собственности въ каждой данной общинѣ было дѣломъ такъ сказать единовременнымъ и закончилось въ каждой общинѣ весма разно. Намъ извѣстно уже, что право на дворы было ограниченнымъ правомъ. Въ каждой общинѣ существовало опредѣленное количество дворовъ, носившихъ названіе старинныхъ дворовъ. Добавленіе новыхъ дворовъ не было дозволяемо. Новые дворы образовывались всегда путемъ выдѣленія части изъ стараго двора, casale. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ нѣсколькими родами, основателями общины, которые осѣли навсегда въ извѣстномъ мѣстѣ, захватили опредѣленное количество земли, и по мѣрѣ того, какъ рядъ поколѣній провладѣлъ ею, превратили ее въ родовую собственность. Болѣе выработавшіяся понятія о родовой собственности на движимое имущество были перенесены съ осѣданіемъ и на землю. Съ другой стороны, вліяніе римскаго права, римскихъ поселенцевъ, вестготскаго права и т. п. создало и болѣе прочное понятіе о собственности вообще. Образованіе территоріальной общины, по всѣмъ видимостямъ, положило нѣкоторые предѣлы дальнѣйшему развитію этого процесса аппропріаціи, въ видахъ огражденія пастбищъ, и отчасти отсюда и возникъ тотъ фактъ, что въ каждой общинѣ насчитывалось лишь сравнительно небольшое количество лицъ, владѣвшихъ землею, пахатью. Роль территоріальной общины въ этомъ отношеніи была, несомнѣнно, весьма важною. Въ видахъ огражденія пастбищъ, она и примѣнила на практикѣ обычаи,

Digitized by Google

созданные нѣкогда при кочевомъ образѣ жизни, создала изъ нихъ рядъ постановленій обычнаго права, воспрещавшія аппропріацію земли безъ постоянной ея обработки.

Полное отсутствіе данныхъ не даетъ намъ, къ сожалѣнію, возможности прослѣдить другую сторону разсматриваемаго процесса измѣненій въ общинномъ пиринейскомъ владѣніи, именно: процесса перехода отъ чисто родовой къ территоріальной общинѣ. Въ началѣ среднихъ вѣковъ территоріальная община является уже почти вполнѣ сформировавшеюся. Названія: сосѣдъ, сосѣдка, besi, besie, и однообщественники, socii, получаютъ право гражданства. Роль рода, несмотря на сохраненіе его, значительно съужена: она значительна въ сферѣ родовой собственности, въ области территоріальныхъ общинныхъ земель, но и только. Параллельное сосуществованіе территоріальной общины и общины родовой уже мало замѣтно. Отвѣтственность возлагается въ Пиринеяхъ въ средніе вѣка на территоріальную общину. Круговая порука является порукою территоріальною, а не родовою въ широкомъ смыслѣ слова. Образованіе зачаточныхъ формъ государства, подчиненіе пиринейскихъ долинъ власти феодальныхъ сеньоровъ, графовъ и потомъ королей не остались безъ сильнаго вліянія на установленіе территоріальной поруки и отвѣтственности. И это тѣмъ болѣе, что уже тогда процессъ замѣны родовой связи территоріальною достигъ значительнаго развитія. Единственный фактъ, фактъ переживанія старыхъ порядковъ въ видѣ соучастія нѣсколькихъ долинъ въ общей землѣ, принадлежавшей всѣмъ имъ, только въ слабой степени намекаетъ на то, что соучастіе это было результатомъ сознанія родовой связи, сильно уже ослабѣвшей. Въ средніе вѣка она смѣнялась сознаніемъ территоріальной связи, болѣе слабой, что и приводило къ спорамъ и столкновеніямъ между долинами, а затѣмъ вызвало и размежеваніе общей земли между ними. Мы можемъ, слѣдовательно, только предполагать, что и въ Пиринеяхъ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ и у другихъ народовъ, созданію территоріальной связи предшествовала связь родовая, что процессъ измѣненій и здѣсь былъ тотъ же, какъ и у другихъ народовъ, напримѣръ, у кавказскихъ горцевъ. То обстоятельство, что нѣкоторыя стороны этого процесса имѣли мѣсто и въ Пиринеяхъ, что родовое начало существовало здѣсь въ значительно сильной степени въ раннее время, что заселеніе происходило родами, придаетъ нѣкоторую вѣроятность этому предположенію.

И. Лучицкій.

Digitized by Google

ЛЕГКАЯ НАЖИВА [1].

Все благопріятствовало бѣгству Михаилы Лунина, когда въ сообществѣ съ Пашей, онъ бросилъ свою родную Яму, гдѣ ему житья не стало. Вышли они изъ деревни почти безъ денегъ, съ какими-то копейками, которыхъ не могло хватить даже до того города, куда они стремились. Предстояло побираться ради Христа—единственный и излюбленный способъ пропитанія отправляющихся на заработки мужиковъ. Но для этого Михайло былъ слишкомъ молодъ, и не въ его характерѣ было просить и вызывать къ себѣ жалость. Тѣмъ не менѣе онъ вѣрилъ въ свое счастье и теперь всѣми помыслами устремился къ городу.

На первый разъ случай его выручилъ.

Въ одномъ селѣ, стоявшемъ на пути въ городъ, Михайлѣ съ Пашей пришлось заночевать. Едва они поѣли, какъ въ избу вошелъ сотскій этого села и привязался: кто, откуда, по какимъ причинамъ? Михайло сперва грубо пробурчалъ подъ носъ, видя, что сотскій присталъ просто отъ бездѣлья. Но сотскій пришелъ въ азартъ и велѣлъ сейчасъ же казать ему виды. Къ несчастью, вида у Михайлы не было; онъ его надѣялся получить въ городѣ. А пока молча осматривалъ сельскаго начальника, размышляя про себя, что̀ лучше, поднести-ли ему косушку, на которую тотъ очевидно напрашивался, или дать хорошаго леща по уху, что собственно Михайлѣ больше нравилось? Но пришедшій въ неистовство сотскій не далъ времени рѣшить эту задачу и повлекъ

[1] Этотъ разсказъ составляетъ продолженіе «Молодежи въ Ямѣ». (См. «Отеч. Зап.», № 11).

Digitized by Google

обоихъ путешественниковъ въ волость. Изъ всего этого произошла польза.

Такъ какъ старшины въ «присутствіи» не оказалось, то сотскій представилъ пойманныхъ писарю, со словами «какіе-то люди»... Послѣ минутнаго допроса писарь послалъ сотскаго къ чорту. А вслѣдъ за нѣсколькими дальнѣйшими вопросами, обращенными къ парню и дѣвкѣ, оказалось, что послѣдняя желаетъ найти мѣсто кухарки, которая именно и требовалась писарю. Черезъ короткое время дѣло сладилось. Паша сперва колебалась, жалко ей было разставаться такъ скоро съ Михайлой; но послѣдній съ какою-то поспѣшностью подалъ ей совѣтъ принять предложеніе писаря, послѣ чего Паша безпрекословно повиновалась.

Михайлѣ также вдругъ нашлось дѣло — переколоть сажени двѣ писарскихъ дровъ, съ платой по гривеннику за сажень, при чемъ писарь увѣрялъ, что это даже очень дорого. Михайло и на это согласился, но тутъ же далъ себѣ клятву, что такими пустыми дѣлами онъ займется въ послѣдній разъ и то только потому, что до города у него не хватаетъ денегъ на хлѣбъ. Онъ свои таланты цѣнилъ неизмѣримо дороже, съ какимъ-то фанатизмомъ вѣря, что теперь, бросивъ свое глухое хозяйство, онъ дойдетъ до всего.

Съ Пашей онъ на другое утро простился безъ малѣйшаго сожалѣнія; она заплакала, провожая его, а онъ стоялъ безчувственнымъ. О покинутыхъ домашнихъ въ Ямѣ онъ давно забылъ. Теперь забылъ онъ и Пашу, положительно не зная, что ей сказать. Она ему казалась даже обузой, безъ нея въ городѣ онъ скорѣе могъ сколотить капиталъ — единственная мысль, занимавшая его во все время, пока онъ прощался съ дѣвушкой.

Выйдя, наконецъ, изъ села онъ былъ охваченъ восторгомъ. Ему нужно было простора, свободы, и очутившись одинъ, со всѣми развязанный, онъ почувствовалъ необыкновенное волненіе. Вопреки своей угрюмости, онъ весело подпрыгнулъ, когда увидалъ себя на полѣ, подъ открытымъ яснымъ небомъ, по дорогѣ въ городъ. Онъ какъ будто освободился отъ каторги. На Яму онъ смотрѣлъ, какъ на каторгу; тамъ онъ дѣлалъ то, отъ чего не видалъ никакой пользы, пахалъ землю, которая иногда не давала и мякины, ухаживалъ за домомъ, который въ общей сложности не стоилъ ни копейки, жилъ съ людьми, которые очумѣли отъ нищеты и вообще подчинялся чужой, какой-то неизвѣстной пользѣ, а не своей. Каторга и есть! Главное, Михайло не по-

Digitized by Google

нималъ, зачѣмъ, когда другіе подыхаютъ, и ему надо подохнуть, не понималъ этой общности несчастій, этого единства бѣды! Потому онъ такъ и ненавидѣлъ Яму, что не имѣлъ желанія подохнуть, а между тѣмъ Яма непремѣнно требовала этого отъ него.

Теперь эта каторжная деревня осталась позади. Михайло рѣшилъ на сто верстъ не подходить къ Ямѣ, боясь, какъ бы его опять не стали неволить къ смерти. Онъ шелъ быстро, желая поскорѣе удалиться отъ знакомыхъ мѣстъ.

Онъ шелъ разбогатѣть. Одна эта мечта волновала его. «Разживусь», думалъ онъ и ускорялъ шагъ. «Поставлю домъ», соображалъ онъ и устремлялся впередъ. Онъ всего наживетъ, заведетъ себѣ новую одежду, будетъ ходить въ «пальтѣ» табачнаго цвѣта, а женѣ сошьетъ зеленое платье, и будетъ жить... Соображалъ онъ все это и бѣжалъ впередъ, просто летѣлъ, причемъ лоскутья его одежды развѣвались, какъ перья. Къ вечеру усталость брала свое. Ноги его ныли, хотѣлось ѣсть, спать, ни о чемъ не думая. Тогда на него нападало сомнѣніе. Созданная въ пространствѣ жизнь вдругъ пропадала, вмѣсто нея являлась дѣйствительность, т. е. разбитыя ноги, желаніе отдохнуть и нѣсколько копеекъ въ штанахъ.

Но на утро, когда силы возстановлялись, солнце свѣтило, и дорога была открыта, Михайло доводилъ себя понемногу снова до прежняго взволнованнаго состоянія и летѣлъ впередъ, какъ птица.

На третій день онъ былъ уже въ городѣ.

Какъ всякій деревенскій парень, впервые попавшій въ чудное мѣсто, называемое губернскимъ городомъ, ничего о послѣднемъ не знаетъ, такъ точно и Михайло ничего не понималъ, куда ему двинуться, гдѣ переночевать и за что прежде всего взяться. Впрочемъ, Михайло велъ себя самоувѣренно и не унывалъ. Остатокъ дня, въ который онъ появился въ городъ, онъ прослонялся по улицамъ и площадямъ и нисколько не растерялся. Шатаясь по одной пустынной площади, онъ замѣтилъ нѣсколько телегъ, около которыхъ были привязаны кони, а подъ телеги укладывались спать мужики, и рѣшилъ, что здѣсь ему можно будетъ отдохнуть. Послѣ чего онъ выбралъ сухое мѣсто, положилъ шапку въ голову и проспалъ, какъ убитый, до утра. Словомъ, первый свой дебютъ онъ продѣлалъ безъ всякаго смущенія, не страдая еще отъ вопроса, что ему теперь дѣлать.

Этотъ вопросъ испугалъ его только на слѣдующее утро, когда, едва продравъ глаза отъ толчка въ бокъ, онъ увидѣлъ пе-

Digitized by Google

редъ собой городового и понялъ, что послѣдній гонитъ его съ мѣста.

— Ишь, гдѣ нашелъ мѣсто дрыхнуть! Чисто охальники! Напьются и лежатъ гдѣ угодно... Пошелъ вонъ!

У Михайлы не было даже времени отгрызнуться, какъ это онъ сдѣлалъ бы при другихъ обстоятельствахъ. Онъ сейчасъ всталъ и пошелъ. А куда—этого онъ съ просонья не могъ сообразить. Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣваться дикому парню, явившемуся въ сравнительно толкучее мѣсто буквально на босую ногу, съ голыми руками, безъ знанія ремесла, безъ знакомыхъ и безъ всякой опредѣленной цѣли, съ однимъ лишь смутнымъ желаніемъ получить кусокъ и съ еще болѣе смутной жаждой какъ-нибудь «разжиться»! Пришлось опять слоняться по улицамъ и площадямъ. Въ одномъ мѣстѣ Михайло увидалъ десятка два чернорабочихъ, копавшихся, подобно муравьямъ, въ какомъ-то громадномъ домѣ, закоптѣломъ и полуразрушенномъ. Какъ ни былъ нелюдимъ Михайло, но спросилъ одного рабочаго, что тутъ дѣлаютъ? Тотъ охотно ему объяснилъ, что домъ недавно сгорѣлъ, такъ вотъ теперь хозяинъ думаетъ поставить на его мѣсто новый, для чего и приказалъ разобрать кирпичи, отдѣливъ годные отъ негодныхъ. «А что касательно платы, такъ онъ кладетъ по пятнадцати копеекъ на носъ, хочешь бери, а не хочешь—твоя воля. А ты также пришелъ на работу? спросилъ словоохотливый мужичокъ, кончая объясненіе.

На утвердительный отвѣтъ Михайлы, рабочій съ величайшей готовностью указалъ, гдѣ живетъ хозяинъ. Михайло пошелъ и нанялся.

Это было для него разочарованіе. И такая на него злость напала, что онъ какъ попало швырялъ кирпичи, смотря недоброжелательно на своихъ неожиданныхъ товарищей. Онъ вообще не любилъ толпы, а здѣсь ему просто словомъ не хотѣлось обмолвиться. Онъ пришелъ въ городъ для себя, по своимъ дѣламъ и желалъ знать только себя; прочіе люди ему не нужны были; отъ нихъ, отъ прочихъ людей, онъ думалъ только нажиться. Онъ не желалъ мѣшаться въ какую бы то ни было артель; ему думалось, напротивъ, что товарищи только помѣшаютъ его дѣламъ.

И вдругъ ему волей-неволей пришлось влѣзть въ толпу и подчиняться ей безъ всякаго возраженія. Когда люди носили кирпичи—и онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ ними ту же работу работать. Тѣ шли ѣсть хлѣбъ съ водой—и онъ вмѣстѣ съ ними долженъ ѣсть. Всѣ отправлялись вечеромъ на задній дворъ на

Digitized by Google

солому—и онъ принужденъ былъ зарываться въ солому до слѣдующаго утра, когда снова повторялось тоже самое. Всѣмъ приходилось на носъ по пятнадцати копеекъ, и онъ заработывалъ эти несчастныя пятнадцать копеекъ. А прежде ему почему-то думалось, что онъ будетъ работать одинъ. Теперь, когда онъ въ этомъ разубѣдился, ему осталось только сердиться, что̀ онъ и дѣлалъ. Ненавидѣлъ онъ здѣсь все: и кирпичи, и пятнадцать копеекъ, и хлѣбъ, и солому, и всѣхъ товарищей.

Мало того, черезъ нѣсколько дней Михайло узналъ, что попалъ онъ не въ артель даже, а въ какой то сбродъ лоскутниковъ, которые жили со дня на день и радовались, получая по пятнадцати копеекъ.

Изъ этого города часто писали въ газетѣ, что въ немъ происходитъ періодическое наводненіе голоднымъ деревенскимъ людомъ, отъ котораго въ иныя времена отбою нѣтъ городскимъ жителямъ. По зимамъ скоплялось несмѣтное множество народа, жаждущаго заработковъ, и городское начальство просто терялось, недоумѣвая, куда его дѣвать. Постоялыхъ дворовъ часто не хватало, да у большинства странныхъ пришельцевъ и платить за ночлегъ было нечѣмъ. Устроенъ былъ даровой ночлежный пріютъ, но и за всѣмъ тѣмъ оставалась масса людей безъ пристанища. Нерѣдко, по зимамъ, городъ долженъ былъ выдавать такимъ по двѣ копейки на ночлегъ.

Въ остальныя времена года главныя силы этой арміи ретировались назадъ, въ глубь деревень, разумѣется, только до слѣдующей зимы, когда, поѣвъ весь урожай, странные полки снова двигались на городъ. Но все-таки въ городѣ круглый годъ стоялъ значительный отрядъ арміи, состоящій преимущественно изъ окончательно оголтѣлыхъ крестьянъ, для которыхъ явиться въ деревню значило все равно, что попасть въ засаду къ непріятелю и умереть. Къ нимъ присоединялась нѣкоторая часть мѣстныхъ обывателей и другихъ горькихъ мучениковъ.

Городскіе жители весь отрядъ въ совокупности называли «босоногой ротой», намекая этимъ названіемъ на ничтожное распространеніе среди этихъ людей необходимой одежды. Иногда просто называли «гуси лапчатые», что̀, впрочемъ, болѣе относилось къ нравственности босоногихъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ вели себя неспокойно, вѣчно подвергаясь подозрѣнію въ кражахъ, въ буйствѣ, въ нахальномъ попрошайничествѣ и въ другихъ проступкахъ. Но большинство держало себя смирно, почти забито. Не было людей, болѣе готовыхъ на всякую работу за какое угодно вознагражденіе.

Digitized by Google

Не задолго до прихода въ городъ Михайлы, въ началѣ весны, произошелъ такой случай. Затерло льдомъ барку съ хлѣбомъ. Судно уже трещало. Ледъ громадными глыбами напиралъ съ боковъ, спереди, сзади, сверху и снизу. Плывшій сверху рѣки новый ледъ громоздился на старый, ломался около судна, падалъ на его палубу, давилъ борты. Достаточно было полчаса, чтобы отъ баржи не осталось слѣда. Взволнованный судохозяинъ кликнулъ босоногихъ. Послѣдніе мигомъ слетѣлись на зовъ, кто съ багромъ, кто съ коломъ или съ жердью, а большая часть съ голыми руками. Мигомъ баржа была облѣплена людомъ. Ледъ въ самое короткое время былъ уничтоженъ, оттолкнутъ, искрошенъ. Босоногіе буквально не щадили живота, хотя заранѣе знали, что больше «пятнадцати копеекъ на носъ» никто не получитъ. Одинъ изъ нихъ совсѣмъ утонулъ среди разгара работы, нѣсколько человѣкъ выкупалось и получило смертельныя простуды, но баржа была освобождена и босоногіе получили по пятнадцати копеекъ и по стакану водки. Жизнь ихъ цѣнилась копейками; работа обращалась въ убійство. Но когда и такой работы не находилось, многіе надѣвали кошели и обивали пороги.

Михайло былъ сильно раздраженъ близостью къ такимъ отрепаннымъ людямъ. Въ свою очередь, послѣдніе платили ему тѣми же чувствами, смотря на него, какъ на чужого, какимъ онъ и былъ по справедливости. Только съ однимъ онъ обмѣнивался разговорами, да и то помимо своей воли. Это былъ тотъ самый рабочій, по имени Сёма, который въ первый день указалъ, гдѣ живетъ хозяинъ разрушаемаго дома. Прозвища у него, повидимому, не было; по крайней мѣрѣ, всѣ его звали Сёмой, хотя это выходило странно, потому что Сёма былъ уже довольно пожилой человѣкъ.

Всегда онъ выглядѣлъ спокойно; работалъ безропотно и съ большимъ чувствомъ; хлѣбъ ѣлъ радостно и также съ чувствомъ, громко благодаря Бога до и послѣ незамысловатой ѣды. Настроеніе его всегда было легкое, казалось, на душѣ его всегда было тихо и свѣтло. Ни съ кѣмъ онъ не ругался, самыя ругательства выходили у него ласкательными. Михайло невольно переставалъ дичиться и питать злобу, когда работалъ подлѣ этого легкаго мужичка; не въ силахъ онъ былъ сказать грубость, когда Сёма обращался къ нему съ какими-нибудь словами. А обращался Сёма безпрестанно, видимо скучая отъ безмолвія; если не съ кѣмъ ему было перекинуться словомъ, онъ разговаривалъ съ кирпичами. Достаточно было Михайлѣ коротко отвѣтить, чтобы вызвать у Сёмы цѣлую рѣчь. Грубое, но все же юношеское сердце Михайлы не могло устоять противъ этой душевной легкости.

Digitized by Google

Сёма былъ услужливъ. Въ первый же день онъ предложилъ Михайлѣ постель. То есть удобный уголъ, набитый соломой и закрытый со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ. Всѣ рабочіе въ повалку спали на заднемъ дворѣ купца, и Сёма тамъ же почивалъ, выбравъ только удобный уголокъ. Но, завладѣвъ имъ, онъ совѣстился безраздѣльно обладать такимъ благополучіемъ и пригласилъ спать съ собой Лунина.

Но помимо душевной легкости, Михайло потому еще сталъ снисходительно относиться къ Сёмѣ, что онъ былъ положительно интересенъ. Онъ прошелъ Русь, кажется, вдоль и поперекъ. То и дѣло въ разговорѣ онъ вставлялъ такія выраженія: «Когда я былъ въ Крыму, о ту пору вотъ какой произошелъ случай»... Или скажетъ: «Жилъ я, прямо тебѣ сказать, на Кавказѣ въ ту пору»... Михайло сначала поражался этими заявленіями Сёмы и съ удивленіемъ переспрашивалъ:

— Да развѣ ты былъ на Кавказѣ?

— А то какже. Мы тамъ, въ эфтомъ Кавказѣ, почитай, съ полгода жили, отвѣчалъ Сёма, самъ нисколько не удивляясь своей перелетной жизни.

Ближе познакомившись съ нимъ, Михайло пересталъ восклицать; онъ убѣдился, что Сёма вездѣ побывалъ, даже въ такихъ мѣстахъ, которыя Лунину по имени были неизвѣстны.

Михайло съ живѣйшимъ любопытствомъ слушалъ разсказы про неизвѣстныя страны.

Происходило это въ послѣднее время жизни Сёминой, какъ самъ же онъ разсказывалъ, очень просто. По Руси ходятъ тысячи жаждущихъ работы, разворенныхъ у себя дома и ищущихъ пищи на сторонѣ. Ходятъ эти толпы всюду, откуда только пахнетъ заработкомъ, ходятъ чутьемъ, на авось, безъ географіи, по слуху. Пронесется темный слухъ, что въ такой-то сторонѣ хорошій урожай, и тысячныя толпы двигаются туда, побираясь дорогой именемъ Христа, но упорно и безостановочно направляясь къ сказанной палестинѣ, какъ пилигримы ходили въ Іерусалимъ. Но въ этой сторонѣ часто оказывалась такая же недостача, какъ и въ той, откуда они начали странствіе. «Наврали», говорятъ имъ мѣстные обыватели палестины. И толпы проваливаютъ еще на тысячу верстъ въ другую палестину, гдѣ, по слухамъ, заработокъ есть, проваливаютъ потому только, что имъ «наврали». «И шагаютъ они въ синюю даль»...

Такимъ же способомъ и Сёма шагалъ. Онъ былъ преимущественно человѣкъ толпы. Только въ толпѣ, въ кучѣ, онъ чувствовалъ себя спокойно. Когда толпа двигалась, и онъ двигался,

Digitized by Google

а если толпа останавливалась, и онъ останавливался. Онъ дѣлалъ, жилъ, ходилъ, работалъ, какъ люди. Еслибы эта ощупью двигающаяся толпа полѣзла въ огонь или въ воду, то и Сёма полѣзъ бы и не задумался бы сгорѣть или утонуть. Собственной жизни у него не было. Онъ только тогда и сознавалъ, что существуетъ, когда затирался въ кучу, съ которой у него было одно сердце, одни нервы, одна голова. Ему всецѣло принадлежало только туловище. И вотъ когда, по какой-либо несчастной случайности, онъ лишался сообщества и оставался туловищемъ безъ сердца, мозга и нервовъ, то пропадалъ пропадомъ. Онъ терялся, не зная, какъ съ собой поступать. Поэтому въ одиночествѣ съ нимъ всегда совершались чрезвычайныя происшествія. То онъ въ помойную яму упадетъ, то его посадятъ, по неизвѣстной ему причинѣ, въ чижовку, откуда выталкиваютъ также безъ объясненія причинъ. Разъ онъ такъ потерялся, что залѣзъ, не зная самъ какъ, въ острогъ. Это вышло страшно нелѣпо. Онъ схватилъ пару калачей у торговки и былъ пойманъ. Рѣшительно нельзя сказать, что у него былъ злой умыселъ стащить калачи; *онъ самъ не зналъ, какъ это случилось.* Дѣло, однако, было названо «грабежемъ съ насиліемъ», потому что взялъ калачи онъ днемъ, при стеченіи базарной публики, а когда торговка кинулась отнимать у него свою собственность, онъ ожесточенно, до послѣдней крайности отбивался. Зачѣмъ онъ все это продѣлалъ и было ли у него намѣреніе попасть въ острогъ, какъ это дѣлаютъ многіе, чтобы имѣть теплое мѣсто и кусокъ— онъ тоже не зналъ и не могъ объяснить слѣдователю. Впрочемъ, просидѣлъ онъ не долго. Слѣдователь, на первомъ же допросѣ, послѣ нелѣпаго разсказа Сёмы, задумчиво посмотрѣлъ на лицо сидящаго передъ нимъ разбойника и отдалъ приказъ выпроводить немедленно его изъ острога.

Такъ Сёма и ходилъ съ толпой. Такъ онъ попалъ въ Крымъ, идя за людьми, которые прослышали, что тамъ хорошіе заработки, но въ Крыму въ это время была филоксера, гессенская муха и проч., такъ что толпа двинулась обратнымъ путемъ, питаясь по дорогѣ подаяніемъ, а вмѣстѣ со всѣми, тѣмъ же способомъ шелъ и Сёма, не видѣвшій въ этомъ ничего необыкновеннаго. Что касается Сибири и Кавказа, то Сёма побывалъ въ нихъ въ качествѣ переселенца. Переселялся онъ два раза. Въ Сибири (собственно въ Оренбургѣ) онъ потерялъ лошадь, которая сдохла, на Кавказѣ же потерялъ двоихъ дѣтей, которыя умерли отъ диссентеріи. Вотъ и все.

Одинъ разъ, въ свободную минуту, Михайло подробно раз-

Digitized by Google

спросилъ Сёму о видѣнныхъ имъ странахъ, а такъ же о томъ, какъ тамъ живется.

— Что-то я запамятовалъ... былъ ты въ Москвѣ? спросилъ Лунинъ.

— Въ Москвѣ я бывалъ, отвѣчалъ Сёма.

— Что же тамъ, какъ жить?

— Въ Москвѣ ничего... Тамъ, милый мой, рупь за день получишь. Въ Москвѣ большія деньги.

Сёма говорилъ серьёзно.

— Отчего же ты тамъ не остался?

— Да такъ... не вышло дѣло... бѣда чистая вышла!

— Какая бѣда?

— Да такъ ужь... одно слово, не способно стало...

Сёма готовъ былъ замолчать. Дѣло въ томъ, что именно въ Москвѣ попалъ въ помойную яму, едва не утонувъ въ ней. Онъ тогда жилъ тамъ одиноко и, понятно, не любилъ разсказывать о тогдашней страшной жизни.

— Ну, а въ Сибири какъ? интересовался Михайло.

— Въ Сибири, разсказываютъ, ладно; хлѣбъ, слышь, тамъ ни почемъ, сколько хочешь, дѣвать некуда; очень хорошо!

— Да ты самъ въ Сибири-то былъ?

— Мы до Сибири не доѣхали, съ Оленбурха вернулись...

— Зачѣмъ же вернулись? удивился Михайло.

— Кто его знаетъ... видишь ли, какъ оно вышло. Пріѣзжаемъ мы въ Оленбурхъ — сейчасъ начальство. Спрашиваетъ: «Есть документъ у васъ, ребята?» — Документъ у насъ вотъ. Напримѣръ, подаемъ. «Это, говоритъ, не тотъ документъ».—Ну, а мы почемъ знаемъ, тотъ или не тотъ! — «А куда вы идете?» говоритъ начальство.—Идемъ мы, говоримъ, на новыя мѣста.—«Дураки вы глупые, вѣдь новыхъ мѣстъ мало ли, такъ въ которое же вы идете, въ какую губернію?» спрашиваетъ. А мы не знаемъ, въ какую губернію... Вотъ оно дѣло какое! Стояли, стояли мы у города, хлопотали, хлопотали—все ничего; рѣшенія намъ нѣту. Въ ту пору пала у меня лошадь, и у другихъ ребятъ лошади стали падать. Чума, вишь, ходила въ городѣ. Думали, думали мы, да и попёрли назадъ.

— Дураки вы и вышли! какъ же можно безъ документа и не знамши, куда? Сами виноваты, сердито замѣтилъ Михайло.

— Это вѣрно. Ну, да и начальство строго... Быть бы намъ теперь на новыхъ мѣстахъ, анъ оно вотъ... возразилъ Сёма задумчиво.

Дѣйствительно, нельзя разобрать, кто причина здѣсь. Вѣрно

*

Digitized by Google

то, что «переселенцы», съ Сёмой включительно, не имѣли всѣхъ бумагъ отъ своей волости и деревни, и за то поплатились.

— На Кавказѣ-то, кажется, тоже былъ ты? спросилъ Михайло снова.

— Какже, были. Съ полгода, чай, мы тамъ существовали.

— Что же хорошаго тамъ?

— На Кавказѣ? На Кавказѣ очень хорошо, безъ запинки отвѣтилъ Сёма.

— Такъ что же ты тамъ не жилъ? ужь со злобой сказалъ Михайло.—Доѣхали ли хоть до мѣста-то?

— Чуть-чуть не доѣхали. А потому, милый, не доѣхали, что хворь на насъ напала.

— Какъ хворь?

— Да такъ, хворь. Предсмертно намъ было...

Сёма началъ волноваться.

— Я думаю, можно бы обождать. Хворь прошла бы, съ недоумѣніемъ возразилъ Михайло.

— Нельзя! Невозможно! Мёрли! взволнованно произнесъ Сёма.

— Какая же причина? спросилъ Михайло, также волнуясь.

— Богъ его знаетъ... Я думаю, все дѣло пошло отъ фрухты, не отъ чего больше. Оно видишь ли какъ... Стояли мы станомъ. Ждали все, покуда насъ отведутъ на новыя мѣста. Пищи всякой въ Кавказѣ въ волю. Скота, хлѣба, особливо фрухты страсть сколько! Такъ вотъ оно изъ-за фрухты этой и вышелъ намъ капутъ. Фрухта дешевая. Бывало, на двѣ копейки полонъ подолъ насыпаютъ. Ну, мы и навались. Сейчасъ у насъ рѣзь въ животѣ, поносъ! Извѣстно, люди тощіе были, такъ брюхо-то и не беретъ. Стали у насъ малые ребята помирать; которые и мужики попадали. Глядѣли, глядѣли мы, и страхъ взялъ насъ. Вышло тутъ несогласіе, раздоръ: одни желали назадъ, другіе въ городѣ совѣтывали перемѣшкать, а третьи тянули на новыя мѣста. У меня въ ту пору всѣ трое ребятъ скончались. Да что ребята! самъ я черезъ великую силу отдохъ. А какъ отдохъ — Господи благослови, взялъ жену, да и давай Богъ ноги!.. Ну, его съ Кавказомъ...

Михайло слушалъ эту чудесную эпопею съ нескрываемымъ изумленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, куда бы только ни показывался Сёма, всюду его подкарауливала бѣда. А мѣста хорошія. Вездѣ оказывалось ладно, очень хорошо! Между тѣмъ, на всякомъ мѣстѣ Сему, лишь только онъ показывалъ туда носъ, немедленно окружали моръ, чума, смерть и другіе трагическіе элементы, столь же разнообразные, сколько было мѣстъ, куда онъ попадалъ.

Digitized by Google

Самыя блага обращались для него въ бичъ. Гдѣ же ему могло быть хорошо?

— Здѣсь-то тоже маешься? сочувственно спросилъ Михайло.

— Нѣтъ! зачѣмъ маяться? Въ этомъ мѣстѣ у меня легкая жизнь. Жена здѣсь же въ городѣ промышляетъ насчетъ мытья половъ и прочаго такого... Мнѣ легко. Безъ куска не остаюсь.

Сёма говорилъ резонно, съ убѣжденіемъ.

— По пятнадцати копеекъ въ день?

— По пятнадцати. Бываетъ больше и меньше, разное случается.

— И доволенъ ты?

— Чего же мнѣ еще, какого рожна? Сытъ, обутъ, одѣтъ и слава Богу. Я живу легко.

Михайло видѣлъ, что Сёма говоритъ отъ глубины души: ему, очевидно, было легко. Стоило взглянуть на него, когда ночью онъ свертывался въ клубокъ и, зарывшись въ солому, спалъ блаженнымъ сномъ и улыбался во снѣ, или когда онъ работалъ, словно играя въ кирпичики, чтобы убѣдиться, что на душѣ этого пожилого ребенка, по истинѣ, было свѣтло и радостно. Сёма былъ одинъ изъ тѣхъ «малыхъ», которыхъ самъ Христосъ велѣлъ не обижать; и жаль, что вся его чудесная жизнь прошла въ обидахъ.

Михайло, во все время этого знакомства, относился къ Сёмѣ мягко. Жесткія слова просто застывали на его губахъ въ сношеніяхъ съ Сёмой. Но послѣдній, помимо воли, возбудилъ въ душѣ молодого Лунина страшную тревогу. Неужели и ему предстоитъ такое же жалкое, собачье существованіе? И онъ, можетъ быть, также кончитъ легкою жизнью со дня на день, жизнью, оцѣниваемой копейками? Нѣтъ, не затѣмъ онъ ушелъ изъ Ямы. Ужь и тамъ копейки вызывали въ немъ озлобленіе; а здѣсь, въ городѣ, каждодневно по вечерамъ получая по пятнадцати копеекъ, онъ съ остервенѣніемъ засовывалъ ихъ въ карманъ, и по лицу его блуждала презрительная улыбка.

Михайло рѣшилъ, что Сёма потому всю жизнь испытывалъ неудачи, что «самъ дуракъ». Съ этой мыслью онъ задумалъ, какъ можно скорѣе бросить мелкую работу, которая послѣ знакомства съ Сёмой стала ему особенно ненавистна. Но съ этого времени Михайло уже не переставалъ тревожиться. Вѣра его въ себя значительно поубавилась. Сёма и пятіалтынный совершили въ немъ переворотъ. Онъ сталъ замѣчать, что не одинъ Сёма велъ собачью жизнь. Бѣдность была кругомъ. Даже пятіалтынныхъ не на всѣхъ хватало. Большая часть его товарищей были

Digitized by Google

круглые голяки, колотившіеся Богъ знаетъ какъ, и всѣ они изъ деревень. Правда, онъ питалъ къ нимъ презрѣніе, но жизнь ихъ глубоко смущала его. Отъ этого въ немъ явилось какое-то судорожное желаніе вырваться изъ среды лохмотниковъ какими бы то ни было средствами и во что бы то ни стало.

Проснулся разъ Сёма по утру и, не успѣвъ хорошенько оглядѣться, хотѣлъ разбудить своего товарища, какъ это онъ дѣлалъ каждый день, но руки его встрѣтили пространство. Тогда только онъ замѣтилъ, что соломенная постель Михайлы давно простыла. Скучно ему стало. Весь этотъ день онъ провелъ молчаливо и не разговаривалъ даже съ кирпичами. Онъ какъ будто что-то потерялъ. Что былъ для него Михайло? Онъ привязался къ нему, какъ привязывался ко всѣмъ, съ которыми случайно сталкивался, онъ не могъ жить безъ привязанности, но, находя товарища, онъ сейчасъ же и терялъ его. И никогда въ рукахъ у него не осталось чего-нибудь прочнаго. Домъ былъ—пропалъ, дѣти были — померли. Повидимому, сама судьба предназначила ему бездомную жизнь. Точно также и конецъ его придетъ: пропадетъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ, или помретъ по дорогѣ на «новыя мѣста», или въ ночлежномъ пріютѣ. Заплативъ двѣ копейки, ляжетъ, икнетъ и исчезнетъ.

Тѣмъ временемъ, Михайло снова слонялся по городу и искалъ счастья. Но подъ руки ему ничего не попадалось. Отъ этого онъ еще злѣе сталъ. Пятнадцати копеекъ въ день онъ лишился, но вмѣсто ихъ ровно ничего не могъ найти. День онъ слонялся, посматривая на встрѣчающихся людей изъ-подлобья, а ночь проводилъ въ ночлежномъ домѣ, гдѣ его ѣли насѣкомыя.

Крайность опять вынудила его обратиться къ артели. Онъ не много плотничалъ, а потому обошелъ всѣхъ плотниковъ, встрѣченныхъ имъ въ городѣ. Всѣ отказывали. Только одна артель согласилась взять его въ свою среду, но поставленныя ею условія показались ему чрезвычайно суровыми. Плотники согласились его кормить въ продолженіи года, который онъ долженъ былъ честно употребить на выучку ремесла; денегъ ему за это время не должно идти ни копейки.

— Главное, старайся. Доходи до всего. Не жалѣй себя, говорили ему поочередно плотники, обсуждая его пріемъ.

— Что есть мочи старайся, тогда науку нашу узнаешь... Ты что волкомъ глядишь?

— Буду стараться, какъ можно... отвѣчалъ Михайло, едва сдерживаясь, чтобы не сказать какой-нибудь грубости.

— И не лайся. Будешь лаяться, прогонимъ, сказалъ одинъ

Digitized by Google

изъ плотниковъ, какъ бы предугадывая характеръ молодого парня.

— Живи въ послушаніи. Мы тебя будемъ учить наукѣ, а ты слушай ушами. Иной разъ и по загорбку ненарокомъ ткнешь, всяко бываетъ!—а ты не лайся. Оно эдакъ въ теченіи времени тебѣ же лучше.

Михайло вздохнулъ и молча согласился съ условіями, но въ душѣ рѣшилъ, что загорбкамъ не бывать. Онъ не изъ тѣхъ, кому даютъ по загорбку, онъ гораздо больше самъ любитъ дать, кому ежели слѣдуетъ, по шеѣ. Что касается паспорта, отсутствіе котораго уже сильно отзывалось на немъ, то плотники сказали, что это ничего. Впрочемъ, самъ Михайло былъ увѣренъ, что скоро онъ получитъ изъ деревни паспортъ, да, можетъ быть, онъ и теперь уже пришелъ на имя одного земляка, живущаго въ городѣ, да только отыскать послѣдняго ему недосугъ было. Михайло уныло понурилъ голову, сознавая, что онъ, соглашаясь на тяжкія условія, надѣваетъ на себя недоуздокъ и спутываетъ себя по рукамъ и ногамъ.

Дѣйствительно, скоро все его стало возмущать въ этомъ новомъ положеніи. Сперва церемоніалъ жизни плотниковъ смѣшилъ его. Никто не смѣлъ дѣлать того, чего не дѣлали другіе и наоборотъ: за что принимались всѣ, обязанъ былъ дѣлать и каждый. Утромъ одинъ начнетъ умываться, и всѣ остальные вразъ умываются. Когда вслѣдъ за тѣмъ одинъ брался за топоръ, чтобы работать, и предварительно плевалъ на ладонь, то и всѣ хватали топоры, плюнувъ въ руку.

Михайлѣ это надоѣло. Другое нѣчто еще болѣе было противно ему. Плотники, дѣйствительно, не жалѣли себя въ работѣ, какъ учили и его. Жизнь ихъ была въ работѣ, монотонной, тяжелой и мало выгодной, и ради этой работы они жертвовали собой, вкладывая въ свое ремесло всѣ помыслы и силы, такъ что ремесло сдѣлалось ихъ жизненной цѣлью. Для Михайлы это было не понутру, противъ шерсти. Для него нужна была выгода. Онъ не видѣлъ ни малѣйшаго смысла въ тесаньи изо дня въ день, въ смѣшныхъ церемоніяхъ и во всей скучной жизни плотниковъ.

Работа артели никогда не прекращалась. Какъ узналъ Михайло, плотники никогда не оставались безъ дѣла. Поэтому доля каждаго была заранѣе извѣстна. Она была не велика. Этой суммы каждому хватало на хлѣбъ и на прочія неминуемыя потребности и никто не разсчитывалъ на что-нибудь необыкновенное. Кормились—больше ничего. И это продолжалось изо дня въ день, каждый годъ, всю жизнь. Вотъ что раздражало Михайлу.

Digitized by Google

Ему предстояло вѣки вѣчные работать изъ-за хлѣба, но когда онъ сообразилъ, что и до этой цѣли ему совершенно даромъ придется жить, то его совсѣмъ взорвало. Въ немъ снова проснулась жадность, энергія и необыкновенные планы.

Никому не сказавъ, безъ слова прощанія, онъ удралъ однажды ночью изъ артели. Прожилъ въ ней онъ не болѣе мѣсяца.

Но энергія его была особенная. Онъ желалъ сразу нажиться. Это «сразу» было сокровеннѣйшею его чертою, какъ и всего его деревенскаго поколѣнія. Безпорядочное время надѣлило его безпорядочными порывами. Онъ стремился не то что завоевать счастье, а, такъ сказать, схапать. Онъ могъ для этого выказать сразу непомѣрную энергію, хотя бы подъ условіемъ пасть отъ истощенія, но чтобы только добиться немедленно желаемаго. На медленный, хотя и вѣрный трудъ, онъ не былъ способенъ. Безпорядочная жизнь, начавшаяся еще въ Ямѣ, стала единственно понятной для него. Исковерканные, разорванные еще деревней нервы его, работали порывисто и дико, какъ клавиши поломаннаго инструмента.

Опять, послѣ ухода отъ плотниковъ, онъ сталъ безъ дѣла шататься по городу. Подвертывались кое-какія работишки. Въ одномъ домѣ ему поручили дрова переколоть, въ другомъ мѣстѣ онъ чистилъ дворъ, иногда нанимался поденщикомъ по передѣлкѣ уличной мостовой. Этимъ онъ пока пробавлялся, проводя гдѣ день, гдѣ ночь, и питался то хлѣбомъ, то требухой, взятой изъ «обжорнаго ряда». Это жалкое скитаніе, конечно, неудовлетворяло его, но и не надоѣло, потому что онъ распоряжался собой, какъ хотѣлъ.

А между тѣмъ, въ головѣ его развивались разные необыкновенные планы, гдѣ все дѣлалось «сразу». Эти планы были несомнѣнно дутые. Вдругъ его осѣняла мысль, что онъ можетъ на улицѣ найти деньги. Это было бы хорошо. Съ этой мыслью, шагая по улицѣ, онъ сосредоточенно смотрѣлъ подъ ноги, ежеминутно ожидая, что вотъ онъ сейчасъ запримѣтитъ толстый бумажникъ. Онъ составлялъ планъ, какъ ему въ этомъ разѣ поступить. Поднять—но какъ? Главное не показать виду. Надо незамѣтно нагнуться—и въ карманъ. Потомъ продолжать путь, какъ ни въ чемъ не бывало.

Иногда мысли его были совсѣмъ не дѣйствительныя, какія-то смутныя, какъ сонъ, приснившійся ночью, но забытый утромъ. Что-то видѣлось, а что—хоть убей, ничего не припомнишь. Михайлѣ казалось, что съ нимъ случится что-то неожиданное, моментально привалитъ какое-то огромное счастье. Что именно

Digitized by Google

случится и что̀ привалитъ—онъ не могъ дать себѣ отчета, но все-таки безпрестанно ожидалъ.

Не разъ ему приходилось вспомнить о паспортѣ, въ особенности, когда на него смотрѣли подозрительно, но онъ какъ-то все откладывалъ это дѣло. Наконецъ, въ свободную минуту, онъ рѣшилъ сходить къ тому земляку, на имя котораго отецъ обѣщалъ выслать видъ.

Надо было исходить весь городъ, чтобы отыскать слѣдъ земляка, потому что Михайло не зналъ точно—ни гдѣ тотъ живетъ, ни чѣмъ занимается. Извѣстно ему только было, что Васька Луковъ, какъ звали почтеннаго урожденца Ямы, гдѣ-то «состоитъ при скотѣ». Такимъ образомъ онъ обошелъ всѣ скотопригонные дворы, пока не наткнулся лицомъ къ лицу на самого искомаго человѣка. Михайло потому такъ долго избѣгалъ встрѣчи съ Васькой Луковымъ, что, во-первыхъ, послѣдній былъ изъ Ямы, во-вторыхъ, самъ по себѣ, онъ внушалъ Лунину презрительнѣйшія чувства, какъ горькій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Несчастнѣе его и въ Ямѣ, кажется, не было. Михайло помнилъ его такимъ трепаннымъ мужиченкомъ, который даже жалости къ себѣ ни въ комъ не возбуждалъ: до такой степени онъ не умѣлъ обороняться.

Но теперь, лицомъ къ лицу столкнувшись съ нимъ, онъ наивно ахнулъ, словно передъ его глазами совершилось чудо. Противъ него стоялъ здоровый мущина, очень тонко одѣтый. На головѣ кожанная фуражка; на ногахъ большіе и свѣтлые сапоги; пальто; шелковая съ крапинками жилетка; красная рубашка. Лицо было умыто, руки чистыя. Онъ выглядѣлъ подрядчикомъ, или однимъ изъ тѣхъ недавно расплодившихся людей, которые не занимаются никакимъ ремесломъ, а командуютъ. Михайло совсѣмъ спутался, позабылъ зачѣмъ пришелъ, и не зналъ, что сказать такому блистательному человѣку. Луковъ ослѣпилъ его, какъ солнце.

— При скотѣ состоишь? только и могъ вымолвить на первыхъ порахъ Михайло.

— Надзирателемъ у гуртовщиковъ, важно возразилъ Луковъ.

Михайло кое-какъ пролепеталъ о паспортѣ. Оказалось, что паспортъ давно пришелъ и лежалъ безъ всякаго употребленія у Лукова въ домѣ, отведенномъ ему хозяевами; туда онъ и повелъ Михайлу. Михайло взялъ паспортъ, письмо и пошелъ прочь, забывъ проститься съ великолѣпнымъ землякомъ. Онъ былъ смущенъ, а брошенный взглядъ на свои лохмотья вызвалъ въ нихъ такую досаду, что ему и свѣтъ сдѣлался не милъ.

Digitized by Google

— Ты что же бѣжишь? Заходи, какъ случится... тоже вѣдь землякъ... сказалъ ему въ догонку Луковъ.

— Зайду... пробурчалъ Михайло.

— На разживу пришелъ?

— Н-да, нехотя отвѣтилъ Михайло.

— Напалъ на мѣсто?

Михайло отъ этого вопроса готовъ былъ сгорѣть со стыда, но отвѣтилъ правду.

— Забѣгай провѣдать, еще разъ закричалъ Луковъ въ догонку Михайлѣ, который почти бѣжалъ, чтобы скрыть свои лохмотья отъ взоровъ земляка.

Внутри его поднялось какое-то рычанье. Видъ Лукова напомнилъ ему его нищенство и неумѣнье на что нибудь напасть. Онъ даже думалъ: вотъ даже Васька успѣлъ достигнуть, а я еще не достигъ. Потомъ на нѣкоторое время забывъ себя, онъ сталъ припоминать видѣнное явленіе и представлялъ себѣ до мельчайшихъ подробностей наружность и слова настоящаго и жизнь прошедшаго Васьки, какимъ онъ былъ въ Ямѣ. Очевидно, Васька теперешній живетъ сыто, въ довольствѣ и уваженіи. Тогда въ Ямѣ онъ былъ худой, а нынче вонъ какъ поправился. Въ Ямѣ у него была противная привычка быстро моргать глазами, а нынче онъ смотритъ прямо. Видно, его больше уже не колотятъ. Лукова въ деревнѣ не то что колотили, а обижали. Разъ его обобралъ кабатчикъ до-чиста, до штановъ включительно, да его же обвинилъ въ воровствѣ какой-то пустой вещи, въ родѣ сѣдёлки или кнута, и когда Луковъ обратился съ жалобой въ волость, его же и отстегали тамъ. Стегали его по просьбѣ схода, стегали по настоянію мѣстнаго попа и стегали изъ-за жены. Кто только попроситъ его отстегать—его и отстегаютъ. Ничего преступнаго онъ не дѣлалъ, а всѣ какъ будто сговорились его наказывать. Батюшка потребовалъ наказывать его за то, что будто онъ, Луковъ, при его проходѣ дерзко заржалъ. Несмотря на видимую натяжку въ этомъ обвиненіи, Лукова наказали. Сходъ наказалъ его въ другой разъ за «неуваженіе», хотя другіе на чемъ свѣтъ ругали всю деревню, и никому въ голову не приходило наказывать ихъ. Что касается жены, то уже никто по настоящему не долженъ бы слушать ее, потому что, жалуясь на буйство мужа, она нисколько не уступала ему въ дракахъ, которыя завязывались между ними. Разъ послѣ такого семейнаго несчастья Василій пришелъ въ волостной судъ жаловаться на жену, которая положительно проломила ему голову скалкой, но судъ почему-то послушалъ не его, а явившуюся къ допросу жену, и постегалъ его.

Digitized by Google

Бываютъ же такіе несчастливцы! Всѣ какъ будто наперерывъ обижаютъ такого человѣка, пользуясь его неумѣлостью платить око за око, и всѣ считаютъ его виноватымъ. Что ни случится, вспоминаютъ прежде всего этого человѣка. «Онъ! кому же больше, безпремѣнно его рукъ дѣло!!» говорятъ, прячась за спину одного козла отпущенія. Отъ этого въ обществѣ развивается фальшь, сваливаніе всѣхъ своихъ язвъ на одного жалкаго и ничтожнѣйшаго своего члена, котораго и выпираютъ отовсюду.

Такъ случилось и съ Луковымъ. Прежде всего жена его совсѣмъ-таки выперла изъ дому. Кое-какой домишко былъ же у него заведенъ, но она оттерла его отъ всего. А чуть онъ возмущался, она грозила жалобой въ судъ. Деревня также его выперла, при дѣлежѣ общественнаго достоянія — луговъ, пашни вина — Василью Лукову выпадалъ на долю какой-нибудь обглоданный кусокъ, который ему не давали, а бросали, какъ бросаютъ дворнягѣ кость. Между тѣмъ не проходило недѣли, чтобы на него не взваливали какого-нибудь тяжкаго обвиненія: укралъ лошадь, увезъ сѣно изъ-поля, грозилъ подпалить деревню. Всѣ предполагали въ немъ неизсякаемый источникъ злобы.

Выпертый, такимъ образомъ, изъ семьи и изъ деревни, Луковъ очутился даже не на улицѣ, а прямо въ полѣ. Поэтому, онъ счелъ нужнымъ убраться совсѣмъ изъ Ямы, гдѣ ему не оказалось мѣста. Однажды, вытащивъ у жены изъ сундука кое-какое имущество, онъ заложилъ его въ кабакѣ и съ полученными отъ этой операціи деньгами отправился искать счастья.

Въ городѣ ему посчастливилось. Это вышло случайно. Такимъ людямъ въ смутное, безпорядочное время достается подачка очень часто. Когда всѣ хапаютъ, и такому что-нибудь удается зацѣпить, именно потому, что процессъ жизни выходитъ изъ границъ логики. Самый послѣдній паршивецъ въ такія времена можетъ выглядѣть орломъ. Съ Луковымъ это и произошло въ городѣ. Лишенный отъ природы способности разбирать, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ, онъ быстро разжился, конечно, сравнительно съ прежнимъ. Природное его ничтожество оказалось его великимъ счастіемъ. Скототорговецъ одинъ взялъ его затѣмъ сперва, чтобы онъ утаивалъ отъ полиціи пригоняемый чумной скотъ, а потомъ сдѣлалъ его надсмотрщикомъ надъ скотнымъ дворомъ, гдѣ и засталъ его Михайло. Самъ Луковъ, себѣ предоставленный, былъ никуда негоденъ, а употребляемый другими, вышелъ хорошъ.

Михайло сталъ похаживать къ нему, уже не скрывая своего удивленія къ такому чудесному обогащенію: ему завидно было.

Digitized by Google

— Поправился ты ничего... сказалъ однажды Михайло, когда сидѣлъ у Лукова, угощавшаго его пивомъ.

— Что еще это за поправка! По моему желанію, развѣ это поправка? возразилъ Луковъ.

— Чего же тебѣ еще? Деньги водятся вѣдь?

— Деньги у меня есть; да мало по моему желанію... Мнѣ и тыщи мало!

— Куда тебѣ! Что ты!

— Это вѣрно, что некуда, а такъ... Всякому больше хочется.

Луковъ, говоря это, самодовольно улыбался. Глупѣйшее хвастовство всего болѣе нравилось ему.

— Жадный какой ты! изумленно прошепталъ Лунинъ.

— Совсѣмъ даже напротивъ, жадности во мнѣ ничего нѣтъ. Ты спроси хоть кого: куда Василій Василичъ Луковъ дѣваетъ деньги? Пущаетъ на вѣтеръ — вотъ что тебѣ скажутъ. Мнѣ пятьдесятъ, шестьдесятъ упаковать—что? Ничего! Попадутъ въ руки, я ихъ пущу. Оно и лестно. Я люблю, чтобы весело. А деньги мнѣ идутъ легко.

— Деньги-то? удивился Михайло.

— А то чего же. Пятьдесятъ, сто цѣлковыхъ мнѣ нипочемъ. Я тыщами желаю ворочать. Тогда можно и назадъ въ деревню.

— А можешь тыщу нажить? съ дрожью въ голосѣ спросилъ Михайло.

— Отчего же, можно. Только теперь не хочу я путаться... ну, ихъ! загадочно отвѣтилъ Луковъ.

— А въ деревню-то зачѣмъ тогда?

— Въ деревнѣ лучше. Въ деревнѣ, промежду бѣдноты, да ежели съ капиталомъ, очень свободно. Большую силу въ деревнѣ можно получить, ежели съ тыщами.

Михайло это пропустилъ мимо ушей. Его главнымъ образомъ поразила увѣренность Лукова брать, сколько угодно, въ карманъ денегъ. Тайно Михайло этого человѣка презиралъ. Несмотря на внѣшнюю поправку, Луковъ остался въ существѣ такимъ же, какимъ былъ прежде — сонливымъ и тупымъ. Легкомысліе, совершенно дурацкое, было у него безгранично. Какъ прежде онъ безропотно покорялся всякимъ обидамъ, такъ теперь вѣрилъ, что онъ все можетъ. Но Михайло видѣлъ внѣшность, фактъ, что относительно денегъ Луковъ не вретъ, и удивлялся, разжигая свою жадность.

— Какъ же ты можешь получить эстолько капиталу? спросилъ онъ.

— Разно. Вотъ и теперь деньги сами лѣзутъ въ руки, а я не желаю... сказалъ Луковъ.

Digitized by Google

— Сами лѣзутъ?

— Только бери! Сдѣлай милость!

— Вотъ мнѣ бы... началъ было Михайло, но Луковъ его перебилъ.

— Есть тутъ человѣкъ одинъ, т. е. мясникъ, такъ онъ предлагаетъ.

— Капиталъ? спросилъ задыхаясь Михайло.

— Большія деньги. А я—не желаю.

Луковъ выразилъ на своемъ лицѣ тупое удовольствіе.

— Ты хоть бы мнѣ предоставилъ. Видишь, безъ мѣста я хожу, сказалъ взволнованно Михайло.

— Надо подумать. Это можно. Самому мнѣ не хочется путаться, а тебѣ... ничего. Дѣло выгодное. Я получу, и тебѣ съ сотни перепадетъ, я такъ смекаю.

— Съ сотни!

— А то изъ-за чего бы и мараться! самодовольно замѣтилъ Луковъ.

Это свиданіе рѣшило участь Михайлы. Къ этому дню онъ уже совсѣмъ обносился и отчаялся. Даже въ ночлежномъ домѣ ему нечѣмъ было платить. За «выгодное дѣльце» онъ ухватился всѣми силами. Луковъ назначилъ день, когда ему придти, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его, весь проникшись неизвѣстнымъ ему предпріятіемъ. Передъ его глазами мелькала «сотня», ни о чемъ другомъ онъ не разсуждалъ.

Въ какомъ-то туманѣ онъ провелъ тотъ замѣчательный день, когда устроилось дѣло. Онъ не разсуждалъ. Онъ ничего не понималъ, что вокругъ него творится и вообще смутно потомъ припоминалъ совершившееся мошенничество... Луковъ свелъ его къ какому-то дѣйствительно мяснику. Это былъ жирный человѣкъ, съ лицомъ, похожимъ на говядину и съ взглядомъ откормленнаго вола. Когда они поговорили о разныхъ пустякахъ, дѣло зашло о скотѣ. Содержатель мясной лавки просилъ у Лукова сто головъ скота предоставить ему, но Луковъ заломилъ слишкомъ большую цѣну. Торговались. При этомъ Луковъ постоянно указывалъ на Михайлу, какъ на ловкаго малаго, который сколько угодно предоставитъ... Какъ впослѣдствіи понялъ Михайло, Луковъ этимъ способомъ хотѣлъ выгородить себя, сваливъ все на него, но эта хитрость была также глупа, какъ и все, что Луковъ дѣлалъ. Но въ этотъ день Михайло радъ былъ, что и онъ участвуетъ. Какой скотъ, откуда — онъ этого не понималъ, предполагая, что Луковъ все хорошо знаетъ. Словно въ туманѣ, онъ согласился удовлетворить мясника, который поста-

Digitized by Google

вилъ ему слѣдующія условія: онъ долженъ доставлять въ лавку скотъ и получать по пятнадцати рублей за штуку. Послѣ этого мясникъ долго отсчитывалъ задатокъ, выговоренный Луковымъ, но, сосчитавъ деньги, выдалъ ихъ Михайлѣ. Денегъ было пятьсотъ рублей. Всѣ были взволнованы, въ особенности Михайло.

— Смотри, ребята, чтобы вѣрно было... сказалъ мясникъ.

Вскорѣ послѣ этого Михайло и Луковъ оставили лавочку. Луковъ взялъ отъ Михайлы четыреста рублей, а ему оставилъ сотню. Все это произошло такъ просто, какъ будто въ волшебной сказкѣ: получили и пошли. Даже и Михайлу это смутило.

— Да откуда же я возьму скота? воскликнулъ онъ дорогой.

— А ты свое получилъ? спросилъ Луковъ съ дурацкой улыбкой.

— Получилъ...

— Положилъ въ карманъ?

— Положилъ...

— Чего же тебѣ еще! А что касаемое скота, такъ представлю я тебѣ головъ пять, отведешь ихъ, пока будетъ съ него.

Этимъ объясненіе кончилось. Луковъ, поспѣшилъ оставить Михайлу, который сперва не зналъ, какъ ему держаться.

Прошло съ недѣлю. Туманъ вокругъ головы Михайлы сдѣлался еще гуще. За это время онъ сходилъ къ Лукову, который поручилъ ему представить пять штукъ рогатаго скота къ Ивану Мартынову и представилъ. Онъ понималъ при этомъ, что дѣло неладно, но не могъ сообразить, въ чемъ суть.

— Что мало? спросилъ у него Мартыновъ.

— Не было больше, отвѣчалъ Михайло наобумъ.

— Когда же еще доставишь? Ты, братъ, свое дѣло веди аккуратнѣй, чтобы безъ товару я не оставался... Гдѣ хочешь бери, а мнѣ предоставляй...

— Буду стараться, возразилъ Михайло, не понимая своихъ словъ.

За объясненіемъ онъ опять обратился къ Лукову, на скотный дворъ. Но Луковъ уже сдѣлался самъ собой: выглядѣлъ сонливымъ, легкомысленнымъ дуракомъ. На вопросъ Михайлы, когда ему еще придти за новымъ скотомъ для Мартынова, онъ отвѣчалъ: «да чего ты пристадъ! Плюнь ты на него... Самъ придетъ, коли нужно будетъ. Ну, его!»

— Какъ бы чего за это не было... задумчиво проговорилъ Михайло.

— Не смѣетъ! Какой шутъ ему велѣлъ путаться въ эдакое дѣло? Самъ пеняй на себя... Мое дѣло теперь сторона, не безпокой ты больше меня.

Digitized by Google

Михайло ушелъ, успокоившись, вѣрнѣе, совершенно забывъ о скотѣ, о Мартыновѣ, обо всемъ этомъ темномъ дѣлѣ. Онъ нѣсколько дней наслаждался ощущеніемъ внезапнаго богатства. Первымъ дѣломъ онъ завелъ себѣ одежду. Но потомъ не зналъ, что дальше дѣлать съ деньгами. Нанялъ квартиру, заплатилъ впередъ хозяину деньги, но все-таки денегъ осталось много. Онъ побывалъ на радостяхъ въ нѣсколькихъ развеселыхъ заведеніяхъ и готовъ былъ, кажется, совсѣмъ развеселиться... Но его тутъ арестовали. Мартыновъ «посмѣлъ». Пришелъ городовой и приказалъ Михайлѣ идти въ участокъ. Напрасно онъ кричалъ — «за что, это не я, а Луковъ», городовой былъ неумолимъ и тащилъ его въ участокъ. Въ участкѣ его назвали мошенникомъ, упомянувъ о выманенныхъ имъ совокупно съ Луковымъ деньгахъ у Ивана Мартынова, подъ предлогомъ продажи рогатаго скота. Михайло обомлѣлъ, сразу все сообразивъ. Онъ не отрицалъ ничего, совершенно отдавшись на волю судьбы.

Черезъ день онъ уже былъ въ тюрьмѣ. Слѣдствіе тянулось нѣсколько мѣсяцевъ. Михойло велъ себя глупо. Онъ то старался выпутаться и вралъ, то упадалъ духомъ и молчалъ. Впрочемъ, слѣдователь не слишкомъ приставалъ къ нему, мало интересуясь деревенскимъ парнемъ изъ какой то Ямы, потому что въ концѣ слѣдствія дѣло раздулось въ скандальнѣйшій процессъ. Неизвѣстный деревенскій парень изъ неизвѣстной Ямы сдѣлался предлогомъ къ открытію множества дѣлъ, такъ что самъ онъ, вмѣстѣ съ Луковымъ, совершенно потерялся, никѣмъ незамѣченный.

Когда начался судъ, то передъ глазами публики прошло тысячное повтореніе одного и того же позорнаго зрѣлища... Обвиняемыхъ было только двое: Михайло и Луковъ. Жаловался на нихъ, какъ потерпѣвшая сторона, только одинъ человѣкъ — Иванъ Мартыновъ. Обвиняли ихъ въ томъ, что, преднамѣренно сговорившись между собой, они отправились къ Ивану Мартынову, торговавшему мясомъ и условились съ симъ послѣднимъ о доставкѣ въ его мясную лавку, разновременно сто штукъ рогатаго скота по пятнадцати руб. за голову, но когда Мартыновъ выдалъ задатокъ въ количествѣ пятисотъ руб., то они скрылись, доставивъ ему лишь пять головъ, причемъ, по изслѣдованіи, оказалось, что доставленный скотъ былъ зараженъ чумою. Вотъ и все дѣло. Никто бы и не подумалъ имъ интересоваться въ этомъ простомъ видѣ, но поражало то обстоятельство, что всѣ эти три лица обнаруживали необычайное легкомысліе, очевидно, ослѣпленные возможностью скорой наживы и, повидимому, совершенно лишенные способности разсуждать о послѣдствіяхъ. Михайло

Digitized by Google

безъ всякаго разсужденія положилъ въ карманъ «сотню»; Луковъ съ такимъ же легкомысліемъ, не скрывъ даже слѣдовъ, положилъ въ карманъ «четыреста», а мясникъ Мартыновъ, съ еще большимъ безсмысліемъ, выпустилъ изъ кармана «пятьсотъ», одураченный представленіемъ головъ скота, который онъ воображалъ получить даромъ. Первые двое ни минуты не задумались надъ мыслію объ острогѣ, послѣдній не сомнѣвался въ обогащеніи. У всѣхъ троихъ, очевидно, было одно неудержимое, слѣпое побужденіе—«взять», «получить». Эта черта оказалось у нихъ общая съ остальными дѣйствующими лицами процесса, явившимися въ качествѣ свидѣтелей, или совершенно постороннихъ.

Въ этихъ «свидѣтеляхъ» и заключался весь скандальный интересъ. Публика съ изумленіемъ видѣла, что ничтожное дѣло о мошенничествѣ расплывается въ ширь, захватывая повидимому совершенно непричастныхъ дѣлу лицъ. На мѣсто ничтожныхъ Михайлы Лунина и Василья Лукова постепенно появлялись городскіе мясники, какіе-то четыре купца, три ветеринара, полиція. Такъ накопилось много дряни въ обществѣ, что достаточно было ничтожнаго случая, чтобы она потекла... Обыкновенно во всѣхъ новѣйшихъ дѣлахъ этого рода всего больше одно удивляетъ: не знаешь, кто жаднѣе и подлѣе, обвиняемые или свидѣтели. На судѣ выяснилось, что всѣ промышленники скотомъ сбываютъ чумной скотъ въ лавки. Это разболталъ Луковъ, разболталъ откровенно, съ обычной сонливостью и тупоуміемъ. Началось съ того, что его спросили, зачѣмъ онъ доставилъ Мартынову полу-дохлый скотъ? Онъ отвѣчалъ: — у Мартынова завсегда мясо дохлое. — А у другихъ мясниковъ? спросили его.— И у другихъ, отвѣчалъ онъ... Потомъ онъ съ длиннѣйшими подробностями разсказалъ обо всѣхъ мясникахъ въ городѣ. Вышло гадко, ужасно.—А что же скототорговцы смотрятъ? спросили Лукова.—И скототорговцы своей пользы не упущаютъ.—Снова подробности. Дѣло коснулось ветеринаровъ.—Что же смотрятъ ветеринары? спросили Лукова.—Ихъ благодарятъ... отвѣчалъ онъ и развилъ эту мысль. — А полиція? — Въ этомъ разѣ съ полиціей жить хорошо, сказалъ Луковъ, и распространился подробно, причемъ передъ глазами публики моментально прошло нѣсколько невѣроятно наглыхъ лицъ.

Граница между обвиняемыми и свидѣтелями окончательно терялась. Ихъ связывало кровное родство. Разница была лишь въ положеніи: одни попались, а другіе нѣтъ. Но какъ обвиняемые, такъ и свидѣтели одинаково изумляли тупой, безрасчетной жадностью, не разсуждающею дальше настоящей минуты.

Digitized by Google

Еслибы судъ захотѣлъ, передъ глазами публики прошла бы еще масса хищнаго народа, и всѣ они связаны были родствомъ. У всѣхъ отпала охота правильно работать, правильно жить и наживаться; даже взяточниковъ нѣтъ больше. Взятка была въ родѣ какъ бы постояннаго налога, между тѣмъ нынѣшніе обвиняемые и свидѣтели дѣлаютъ дѣла «сразу», думая только о текущей минутѣ. Всѣ они какъ будто живутъ временною жизнью, среди временной стоянки. Причемъ всякій какъ будто разсуждаетъ, подобно Лукову:—свое получилъ?—Получилъ!—Положилъ въ карманъ?—Положилъ!—Больше чего же тебѣ?

Изъ за этого ряда свидѣтелей подсудимыхъ Лукова и Михайла не было видно. Никто не интересовался, чѣмъ кончится ихъ дѣло. Луковъ показался всѣмъ жалкимъ, что и было и вѣрно, ибо онъ снова сдѣлался тѣмъ же несчастливцемъ, котораго вынесли изъ деревни. Когда процессъ приблизился къ концу, онъ съежился, какъ пойманная кошка, а когда присяжнымъ вручили вопросы, онъ заплакалъ, какъ-то по-бабьи всхлипывая.

Совершенно иначе держался Михайло. Во все время суда онъ сидѣлъ съ широко раскрытыми глазами, какъ человѣкъ, который ничего не понимаетъ. Онъ не болталъ, подобно Лукову, и не плакалъ. На него, кажется, просто напало безчувствіе. Въ душѣ его зіяла положительная пустота. Когда его спросили, зачѣмъ онъ присвоилъ деньги Мартынова, то онъ отвѣчалъ:

— Денегъ у меня не было.

— Но развѣ ты не зналъ, что чужія деньги берешь?

Молчаніе.

— Зачѣмъ ты ушелъ изъ деревни?

— Ничего у меня не было тамъ...

— А зачѣмъ въ городъ пришелъ?

— Чтобы денегъ получить.

Деньги—съ начала до конца.

На предложеніе сказать что-нибудь въ свое оправданіе, онъ повторилъ, что «ничего не имѣетъ въ своей жизни, оттого и получилъ съ Мартынова»...

И замолчалъ.

Лукова осудили, но Михайло былъ оправданъ. Присяжные сжалились надъ нимъ. Ихъ поразили его слова, что «онъ, ничего не имѣетъ въ своей жизни». Они увидали передъ собою голаго человѣка. Но Михайло былъ голъ и внутри. Правда, совѣсть, руководящія чувства и мысли, ничего онъ не взялъ изъ деревни, гдѣ живутъ же чѣмъ-нибудь люди... У него, вмѣсто всего, были деньги. Въ нихъ заключалось для него все—цѣль, причина, побужденіе жить. Для того онъ и пришелъ въ городъ.

Digitized by Google

Это чувство жизненной пустоты владѣло имъ во все время процесса; оно же нахлынуло на него и тогда, когда послѣ суда его выпустили изъ тюрьмы на улицу. Онъ остановился посреди городской улицы и пощупалъ свой карманъ. Въ немъ, разумѣется, не было ни гроша. Осязательно убѣдившись въ томъ, онъ сразу упалъ духомъ; потому что на самомъ дѣлѣ, вмѣсто души, у него висѣлъ карманъ, и этотъ карманъ теперь былъ пустъ.

Каронинъ.

Digitized by Google

ГОРНЫЙ РУЧЕЙ.

Тамъ, гдѣ бѣлѣетъ нетающій снѣгъ,
Гдѣ только мыслью блуждалъ человѣкъ,
Гдѣ и орелъ никогда не садился,
Въ горной вершинѣ ручей зародился.
Въ узкомъ ущельи его колыбель,
Камни его устилаютъ постель,
Робко, струею прозрачно-холодной,
Онъ изъ скалы вытекаетъ безплодной.
Солнечнымъ, вешнимъ лучомъ залиты
Въ грозномъ величьи своей красоты,
Стали за нимъ и сомкнули вершины
Въ льдисто-блестящихъ вѣнцахъ исполины.
Вышелъ взглянуть онъ украдкой на свѣтъ,
Видитъ—конца свѣту Божьему нѣтъ!
Челюсти высунувъ, голыя скалы
Смотрятъ, какъ въ бездну несутся обвалы;
Ниже—землею одѣлась скала,
Лѣсомъ колючимъ и мхомъ поросла;
Дальше—подъемы легки и отлоги,
Змѣями вьются кривыя дороги,
Ниже и ниже—рѣдѣютъ лѣса,
Лугъ зеленѣетъ и блещетъ коса,
Тянутся нивы широко, далеко,
Рѣки бѣгутъ по долинѣ глубокой,
Камни, песокъ увлекая съ собой...
Что-то ихъ манитъ въ дали голубой,
Что-то лежитъ безконечною далью,
Блещетъ лазурью, граненою сталью,

Digitized by Google

Точно горитъ въ переливахъ живыхъ,
Въ звѣздахъ алмазныхъ, въ лучахъ золотыхъ,
Движется что-то на вольномъ просторѣ,
Дышетъ. сверкаетъ, кипитъ... Это—море!

Въ тихомъ пріютѣ ложбины своей
Моремъ и небомъ плѣнился ручей.
Буйно въ немъ жизнь молодая взыграла,
Тѣсно и душно въ горахъ ему стало!
Вотъ—онъ задумалъ бѣжать съ своихъ горъ
Въ чудную даль, на широкій просторъ.
Весело струйки его закипѣли,
Вырвался онъ изъ родной колыбели,
Тамъ, на раздольѣ, преградъ ему нѣтъ,
Тамъ ему—жизнь и свобода, и свѣтъ,
Все туда манитъ его обольщеньемъ...
Ринулся внизъ онъ, кипя нетерпѣньемъ!
Съ каждой минутой быстрѣй и быстрѣй
Мчится онъ къ цѣли далекой своей.
Вотъ, окружая его понемногу,
Скалы ему заступили дорогу!
Вздулся отъ гнѣва и, злобой могучъ,
Мигомъ, съ разбѣга всползая на кручь,
Падаетъ внизъ онъ крутымъ водопадомъ,
Въ пропасть, едва уловимую взглядомъ;
Пѣнится весело, брызги летятъ;
Радуги, съ ними играя, дрожатъ...
Но ужъ ему не до игръ и потѣхи:
Груды земли передъ нимъ поднялись,
Сосны и ели корнями сплелись...
Тщетно! онъ путь себѣ новый откроетъ;
Рыхлую землю онъ точитъ и роетъ,
Скрылся отъ глазъ и, незримой струей,
Молча, проворно бѣжитъ подъ землей.
Выглянулъ снова и, снова свободный,
Весело брызжетъ, кипучій, холодный,
Весело въ лугъ онъ зеленый спѣшитъ,
Близко за нимъ уже море шумитъ...
Луга едва миновавъ половину,
Видитъ: предъ нимъ взгромоздили плотину!
Долго ли—черезъ? и думать о чемъ?
Жизнь и отвага кипятъ еще въ немъ.
Съ крѣпкой плотины, какъ съ края утеса,

Digitized by Google

Шумно онъ падаетъ, вертитъ колеса,
Тяжкіе камни крутитъ жернововъ —
Дальше несется въ раздолье луговъ;
Дальше и дальше—и къ цѣли желанной,
Бодрый, домчался, въ борьбѣ непрестанной.

Море—сердито: бѣлѣя вдали,
Какъ привидѣнья, бѣгутъ корабли,
Волны, какъ скалы, вздымаются круто,
Нѣтъ имъ, тревожнымъ, ни дна, ни пріюта!
Тучи сомкнулись, громами полны,
Громы сливаются съ плескомъ волны;
Встали изъ пропастей чуда морскія,
Стоны изъ безднъ вылетаютъ глухіе,
Мечется вѣтеръ туда и сюда,
Ужасъ повсюду и мракъ, и бѣда!
Вотъ, о морскую волну разбиваясь,
Прядая снова, изъ силъ выбиваясь,
Морю сердитому шепчетъ ручей:
«Слиться спѣшилъ я съ пучиной твоей,
«Всѣ на пути одолѣлъ я преграды,
«Ждалъ въ тебѣ свѣта, любви и отрады,
«Жажду свободы въ душѣ я носилъ...
«Въ горы теперь воротиться нѣтъ силъ!
«Страшны, о море, твои непогоды,
«Горьки твои безпріютныя воды!»
Море пустынное хмуро, чернò,
Съ ревомъ глухимъ отвѣчаетъ оно:
«Я—сокрушительно-грозная сила,
«Вѣчно готовая смерть и могила,
«Я—ненадежный пришельцу оплотъ,
«Счàстливъ, кто ввѣкъ не вкусилъ моихъ водъ!
«Въ вѣчной тревогѣ, кипя и бушуя,
«Жажды твоей утолить не могу я.
«Тщетно я мира, покоя прошу,
«Міръ обтекая, исхода ищу,
«Бьюся о берегъ холодной волною...
«Много вѣковъ пронеслось надо мною,
«Много я видѣло горя и бѣдъ —
«Въ лонѣ моемъ упованія нѣтъ!
«Сколько я слышало воплей напрасныхъ,
«Стоновъ предсмертныхъ, проклятій ужасныхъ,
«Сколько въ пучину мою пролилòсь

Digitized by Google

«Горечи, міру невидимыхъ слезъ!
«Вотъ отчего горьки такъ мои воды:
«Въ нихъ ли, безумный, искалъ ты свободы?
«Въ нихъ ли найдешь ты желанную цѣль,
«Бросивъ родную свою колыбель?
«Тотъ провидѣнью еще не молился,
«Кто, въ непогодь надо мной не носился...
«Все безотвѣтно въ моей глубинѣ,
«Все—безконечная тайна во мнѣ!

А. Яхонтовъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

(*Окончаніе*).

V.

Было раннее мартовское утро, когда я проснулся, чтобы идти на «собраніе» ленкоранскихъ баптистовъ. Наканунѣ я познакомился съ однимъ изъ нихъ, извощикомъ, привезшимъ меня изъ глубины ленкоранскихъ вѣковыхъ лѣсовъ, въ городъ Ленкорань, и получилъ отъ него приглашеніе придти къ нимъ на форштадтъ, на «моленіе». Устроивъ меня на ночлегъ въ комнатѣ, отдававшейся въ наймы какимъ-то таможеннымъ сторожемъ, новый пріятель мой поѣхалъ домой, чтобы разпречь лошадей и, покончивъ съ этимъ дѣломъ, вновь возвратился ко мнѣ «побесѣдовать», при чемъ сдѣлалъ мнѣ подарокъ: подарилъ евангеліе, и собраніе стиховъ, которые поются на баптистскихъ моленіяхъ. Долго, до поздней ночи бесѣдовали мы съ этимъ новымъ знакомцемъ, и, наконецъ, разстались. На прощанье онъ еще разъ повторилъ приглашеніе посѣтить ихъ.

Неуютная комната, кровать изъ досокъ, кое-какъ покрытая тоненькимъ ковромъ, а главное, непрерывный «грохотъ» разсердившагося моря, грохотъ, напоминавшій непрерывный поѣздъ массы гремящихъ телегъ по гремящей булыжной мостовой, вѣтеръ и дождь, хлеставшіе въ камышевый щитъ, которымъ на ночь было съ улицы заставлено окно; все это хотя и не дало возможности отдохнуть послѣ тряской и неудобной дороги, но за то помогло не проспать урочнаго часа, назначеннаго для моленія, и въ семь часовъ утра я уже выходилъ изъ дому.

«Помутилося синее море»! Сѣрыя безконечныя волны, сѣрый туманъ, сливавшійся съ волнами и съ сѣрыми дождевыми тучами, которыми было затянуто небо, вѣтеръ и дождь совершенно

Digitized by Google

преобразили живописный и веселый видъ Ленкорани: вся она, обыкновенно такая веселая, съ своими бѣленькими малороссійскаго типа домиками, пріютившимися подъ высокими зелеными тополями, теперь точно прижалась къ землѣ, придавленная этимъ тяжелымъ небомъ, и мокрая отъ дождя, и испуганная этими несмѣтными рядами сѣрыхъ, сердитыхъ волнъ, набѣгающихъ на низменный берегъ, на которомъ она расположена. На улицѣ было пустынно, мокро, но не грязно; улицы вымощены отличнымъ морскимъ желѣзистымъ пескомъ, чорнымъ цвѣтомъ своимъ напоминающимъ дороги на желѣзныхъ заводахъ. Пройдя по городу двѣ весьма недлинныхъ улицы, я очутился за городомъ; дорога шла по берегу моря, и иногда была до того размыта волнами, что приходилось спускаться къ самой водѣ, и, выждавъ пока отхлынетъ только-что разбившаяся о берегъ морская волна, торопливо перебѣгать по мокрому и крѣпкому песку на другую сторону промоины, видя какъ другая волна уже несется съ моря на смѣну первой и вотъ-вотъ «схватитъ за ногу».

Въ полуверстѣ отъ города начинается татарскій базаръ, рядъ лавчонокъ, висящихъ на самомъ обрывѣ берега, а за базаромъ идетъ и молоканскій форштадтъ, улица, обставленная домиками и избами такого же типа, какъ и въ Ленкорани. Правая сторона этой улицы также виситъ надъ моремъ, и рано или поздно непремѣнно упадетъ въ воду; у моего знакомца-извощика уже свалился въ море сарай, и, разговаривая съ нимъ объ этомъ случаѣ и о предстоящемъ форштадту плачевномъ будущемъ, я услышалъ давно знакомыя мнѣ россійскія слова: «Что будешь дѣлать! *Подавали бумагу*... а отвѣта вотъ все что-то не слыхать!» Много я впослѣдствіи услыхалъ и здѣсь, далеко отъ коренной Россіи, на самомъ почти конечномъ предѣлѣ ея съ юга, чисто коренныхъ россійскихъ мнѣній и словъ, и подивился ихъ неистребимости и неизмѣнности, несмотря ни на климаты, ни на разстоянія. Между прочимъ, войдя въ избу моего знакомца-извощика, я сразу встрѣтился съ портретомъ генерала Скобелева и съ лубочной картинкой, изображавшей нашего русскаго гиганта-мужика, стоящаго въ какой-то какъ бы плясовой позѣ, причемъ ногами онъ раскидывалъ турецкія войска, а руками турецкія крѣпости. Но тутъ же я увидѣлъ и кое-что новое. Мой знакомецъ сидѣлъ чинно и опрятно и за опрятнымъ столомъ, и читалъ евангеліе; образовъ я не замѣтилъ въ комнатѣ, но уголъ, гдѣ они должны быть, завѣшенъ ситцевой занавѣской; за этой занавѣской лежатъ книги, бумаги и стоитъ чернильница съ перомъ. Кухонной, стряпущей печи, какъ обыкновенно бываетъ въ русскихъ избахъ, здѣсь не было; очевидно, грязная половина не соединялась съ чистой.

Digitized by Google

Опрятность и порядокъ соединялись непривычно для меня съ какой-то молчаливостью жителей: входили женщины, вошли дѣвушки-сестры, заглянулъ другой братъ извощика, и все какъ будто не по нашему: не то ужь слишкомъ деликатно, не то какъ-то ужь очень отдѣльно другъ отъ друга смотрѣли они.

Скоро пришлось увидѣть и совсѣмъ новое. Извощикъ — руководитель мой—повелъ меня въ домъ собраній. Домъ этотъ былъ почти напротивъ; въ отворенныя ворота его входили мужчины и женщины (костюмъ полу-городской, полу-деревенскій), дѣти и старики. Въ сѣняхъ, какъ обыкновенной крестьянской избы, также были дѣвушки и парни; лица у нихъ не постныя, но и не скоромныя, хотя и молодыя, но какія-то молчаливыя, если можно такъ выразиться. Изъ сѣней вошли мы въ комнату, большую и свѣтлую; вся она была уставлена поперегъ скамейками, на которыхъ уже сидѣли сектанты и сектантки, въ углу стоялъ обыкновенный деревянный небольшой столъ, на которомъ лежали евангеліе вѣнскаго изданія и экземпляръ книги стиховъ, такого же самого изданія, какъ тотъ, который я получилъ въ подарокъ вчера. Въ той же комнатѣ у самой двери, головой къ столу, на деревянной кровати, лежалъ больной крестьянинъ — хозяинъ избы. Мой знакомый крестьянинъ-баптистъ усадилъ меня за столъ, за которымъ обыкновенно помѣщается учитель и другіе знатоки и толкователи писанія; главнаго учителя еще не было и поэтому въ комнатѣ царствовало молчаніе; кое-гдѣ слышался вздохъ; сосѣди мои, толкователи и знатоки пѣнія, были все простой народъ—и старые и молодые. Весь форштадтъ населенъ собственно не крестьянами, а скорѣе мастеровымъ народомъ—столяры, кузнецы, извощики, плотники, штукатуры, работающіе на ленкоранскихъ жителей. Сообразные этимъ профессіямъ были и костюмы, и фигуры моихъ сосѣдей и другихъ посѣтителей собранія; были тутъ люди и въ «пиньжакахъ», и въ сибиркахъ, чуйкахъ, и даже въ тулупахъ, а одинъ изъ стариковъ, сидѣвшихъ въ переднемъ углу, напоминалъ даже нашего россійскаго дьячка чистой крови. Разговорившись (шопотомъ) съ моимъ сосѣдомъ о больномъ, я узналъ отъ него, что это хозяинъ, что вотъ уже два мѣсяца какъ онъ не можетъ встать съ постели, такъ какъ переломилъ ногу. «—Такъ и хруститъ... а, впрочемъ, махонькія кости выходятъ.» «— Кто же лечитъ его?» «—Да сами... *прикладываемъ!*» Отвѣтъ этотъ также напомнилъ мнѣ глубину Россіи, гдѣ слово «прикладываемъ», въ соединеніи съ словомъ «тряпка», нерѣдко исчерпываетъ врачебную помощь милліонамъ народа. Но за этимъ россійскимъ и знакомымъ пришло и незнакомое.

Digitized by Google

Вошелъ, наконецъ, учитель. Онъ былъ рабочій столяръ, и по виду очень бѣденъ; на худомъ его тѣлѣ, надѣтъ былъ старый, престарый сюртукъ, очевидно, съ чужого плеча, который къ тому же по случаю дождливой погоды былъ совершенно мокръ. Это былъ человѣкъ совсѣмъ молодой, съ строгимъ, нѣсколько постнымъ лицомъ. Войдя въ комнату, онъ, никому не кланяясь, остановился въ какой-то глубокой задумчивости, скрестивъ вытянутыя впередъ кисти рукъ (ладонями внизъ) и такъ, благоговѣйно помолчалъ нѣсколько секундъ. Затѣмъ онъ поклонился всѣмъ, и сѣлъ за столомъ рядомъ со старцемъ, напоминавшемъ дьячка. Почти у всѣхъ присутствовавшихъ очутились въ рукахъ книжки стиховъ, а такъ какъ я свою книжку—подарокъ забылъ дома, то сосѣдъ мой пододвинулся ко мнѣ и почти держалъ передъ моими глазами свой развернутый экземпляръ. Экземпляръ его былъ однако не тотъ, который подарилъ мнѣ извощикъ. Когда началось пѣніе, я сталъ замѣчать, что учитель, окончившій пѣніе ранѣе, чѣмъ текстъ оканчивался въ экземплярѣ моего сосѣда, иногда не допѣвалъ по два и по три куплета, иногда пѣлъ стихъ вовсе не тотъ, который былъ въ экземплярѣ у сосѣда. Впослѣдствіи оказалось, что у сосѣда былъ старый экземпляръ, а у остальныхъ присутствовавшихъ, въ томъ числѣ и у учителя, новый, напечатанный въ Тифлисѣ съ дозволенія цензуры, благодаря которой, вѣроятно, и произошли измѣненія въ текстѣ.

Общее пѣніе началось тотчасъ же по приходѣ учителя; раскрывъ книгу стиховъ, онъ произнесъ первый стихъ пѣсни, и вслѣдъ за нимъ тотъ же стихъ повторили нараспѣвъ всѣ, кто зналъ мотивъ, и всѣ присутствовавшіе за столомъ. Тоже самое повторилось и со вторымъ стихомъ, и т. д. Такое пѣніе продолжалось съ полчаса. Пѣніе это не такъ оригинально, какъ пѣніе чистыхъ молоканъ; тамъ слышатся звуки живой пѣсни, пѣсни малороссійскаго кобзаря; иногда мелькнетъ что-то даже ухарское—«Эхъ да ни одна...» или: «Эй, ду-уби-инушка...» словомъ, въ этомъ пѣніи слышно много живыхъ, прямо съ улицы взятыхъ, звуковъ. Пѣніе баптистовъ не такъ характерно; оно какъ-то сухо, иногда визгливо, а иногда дьячковски-церковно. Женщины такъ же участвуютъ въ пѣніи.

Когда былъ пропѣтъ первый стихъ, нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе. Кто входилъ и, поклонившись, тихонько отыскивалъ себѣ свободное мѣстечко, кто уходилъ. Наконецъ, учитель взялъ евангеліе и поднялся. Началось поученіе. Я потомъ слышалъ такія поученія и въ другихъ мѣстахъ и въ другихъ сектахъ, и всѣ они похожи другъ на друга, такъ, что то поуче-

Digitized by Google

ніе, которое я приведу ниже, можно считать самымъ обыкновеннымъ, нормальнымъ, для обыкновенной крестьянской сектантской общины. Я не слыхалъ записныхъ ораторовъ (къ святой на форштадтѣ ждали изъ Тифлиса двухъ знаменитыхъ проповѣдниковъ, на пріѣздъ которыхъ было собрано вообще со всѣхъ живущихъ въ окрестностяхъ баптистовъ до 600 р.), но все, что я слышалъ въ этомъ родѣ, очень похоже одно на другое: полуграматность, плохой языкъ, неумѣніе тонко и искусно придумать фразу и т. д. Въ Баку я слышалъ такого проповѣдника, котораго рѣшительно не было возможности понять, что̀ такое бормоталъ онъ; постоянно онъ переиначалъ слова такъ, что вмѣсто, напримѣръ, «И дѣйствительно»... (онъ часто употреблялъ выраженія проповѣдей православныхъ священниковъ) онъ множество разъ произнесъ—«И дѣвстительно!» Впрочемъ, этотъ послѣдній ораторъ никоимъ образомъ не можетъ быть образчикомъ вообще типа учителя, наставника. Это богатый купецъ капиталистъ, который ужь знаетъ вкусъ и въ новыхъ антихристовыхъ временахъ. Обыкновенный наставникъ, большею частію искренно желающій выяснить передъ слушателями глубину писанія, говорящій передъ обществомъ «не изъ корысти»—онъ ничего не получаетъ — говоритъ такъ, какъ говорилъ бы всякій человѣкъ простого званія, не имѣвшій возможности учиться, какъ слѣдуетъ. Баптистскій учитель былъ именно такой искренній и простой человѣкъ. Вчера еще онъ съ ремешкомъ на головѣ работалъ рамы для господина мирового или исправника, ночью читалъ и приготовлялъ проповѣди, а сегодня вотъ проповѣдуетъ. Это было и ново, и поучительно. Раскрывъ евангеліе, онъ, повременамъ затрудняясь, прочиталъ притчу о пахарѣ, который пошелъ искать заблудшую овцу, оставивъ цѣлое стадо. Прочитавъ это, учитель положилъ евангеліе на столъ и сказалъ:

— Вотъ, братіе мои, что пишется... Что-жь это означаетъ? Это надо очень прилежно обдумать, чтобы понимать... Это надо понимать, братіе мои, съ самыхъ первобытныхъ вѣковъ отъ начала самаго сотворенія міра. И ежели мы вспомнимъ, то увидимъ, что сотворилъ насъ Господь Богъ Саваоѳъ, слѣдовательно, Богъ Отецъ. Вотъ откуда идетъ начало этому дѣлу. И какъ же Господь Богъ, Богъ-Отецъ сотворилъ насъ? Онъ сотворилъ насъ въ самомъ лучшемъ видѣ! Подумайте, братіе, сколь много любилъ онъ человѣка, что уготовалъ ему рай? Онъ, Богъ, Вседержитель, Отецъ, пріуготовилъ намъ землю, небо и воду... Пріуготовилъ онъ намъ плоды и звѣрей, и животныхъ, и травы, и всякія птицы и рыбы. Все, однимъ словомъ; нѣтъ того, что бы милость Божія поскупилась для человѣка. И когда все до безконечности

Digitized by Google

было приготовлено, только тогда и сотворилъ Богъ человѣка. Когда все уже было готово, только живи, не безпокойся! Но увы! Это еще не вполнѣ обозначаетъ милосердіе Отца нашего, Творца! Мало того, онъ еще, по своей добротѣ, создалъ человѣка по образу своему и подобію... Понимаемъ ли мы, друзья мои, коль велика милость Божія? Да, братіе, ничего болѣе для человѣка и въ мысляхъ представить невозможно! Все, все для него было! Живи, плодись, множься, тебѣ все дано! И гдѣ-жь онъ жилъ? Онъ въ великолѣпнѣйшемъ саду, въ неизрѣченномъ раю пребывалъ, чего ему еще отъ Бога желать? И что-жь онъ, вмѣсто того, чтобъ благодарить, и съ кротостію славить Бога, что-жь онъ, спрошу я васъ, друзья мои, сдѣлалъ?»

Ораторъ на мгновеніе умолкъ; необходимо сказать, что съ самаго начала его рѣчи, начали то тамъ, то самъ въ публикѣ слышаться вздохи; вздыхали глубоко и часто, и это показалось мнѣ не вполнѣ натуральнымъ. Одна толстая и здоровая женщина, лѣтъ пятидесяти, вздыхала какъ-то ужь совсѣмъ непріятно: «О-охъ, Боже мой, Боже мой, Боже мой!..» «Охъ-охъ-хо-хо!» воніяла она сильнымъ, но совершенно спокойнымъ голосомъ. Нѣсколько молодыхъ людей, особенно молодыхъ дѣвицъ совершенно не принимали участія въ этихъ вздохахъ; но какъ разъ противъ меня, за столомъ на лавкѣ, сидѣлъ какой-то мастеровой, дюжій, широкоплечій, съ добродушнымъ лицомъ человѣкъ, въ пиджакѣ изъ верблюжьяго сукна; широкое, веснушчатое лицо его, съ добродушными сѣрыми глазами, было положительно удручено искреннѣйшимъ вниманіемъ къ каждому слову оратора; огромный ребенокъ этотъ, видимо, глубоко тосковалъ о томъ далекомъ времени, когда человѣкъ жилъ въ прекрасномъ саду, о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыми надѣлилъ его творецъ, и вздохи его тихіе и глубокіе, были въ высшей степени трогательны. Когда ораторъ сказалъ: «Что-жь, спрошу я васъ, сдѣлалъ человѣкъ?» верблюжій пиджакъ утеръ огромнымъ мозолистымъ пальцемъ слезу и горько вздохнулъ...

— И что-жь сдѣлалъ человѣкъ? продолжалъ ораторъ. — Онъ все превратилъ въ безчинство и беззаконіе! Все нарушилъ, ничего не послушался! Его природа—вотъ врагъ нашъ!—природа его совратила съ истиннаго пути. Онъ не хотѣлъ жить честно, и Господь наказалъ его... Онъ выгналъ его вонъ изъ рая, лишилъ всего, и вотъ теперича, даже и по сейчасъ, мы ни днемъ, ни ночью не видимъ покою, а видимъ одно мученіе. Нѣтъ у насъ пристанища на бѣломъ свѣтѣ! что Господь давалъ даромъ, теперь мы съ кровью рвемъ другъ у дружки (Охъ-охъ-охъ! послышалось въ разныхъ концахъ). Диви бы богатые изъ зависти,

Digitized by Google

что у одного больше, а у другого меньше добра — грызлись, а и бѣдные-то норовятъ другъ на дружку наступить (вздохи становились все чаще и чаще). Что мы теперь? Всю жизнь бьемся, какъ оглашенные, всю жизнь безъ передышки страдаемъ, а минуты нѣту спокою, и все только и дѣлаемъ, что другъ дружку обижаемъ... Вотъ, братія, какъ Господь покаралъ насъ! Да вѣдь это такъ и должно: нѣшто можно было простить ему, Отцу-то! Вѣдь онъ Отецъ былъ нашъ, онъ намъ хотѣлъ какъ лучше сдѣлать, а мы какъ отблагодарили? Это хоть бы взять и нашего брата, ежели я, положимъ, отецъ, и люблю я своего сына, и стараюсь для него, а онъ мнѣ за мѣсто этого, взялъ да и сдѣлалъ какъ невозможно хуже — и что же! я его взялъ да и простилъ? похвалилъ? Нѣтъ, братіе, такъ нельзя, это будетъ баловство! И вотъ по этому случаю Богъ-Отецъ насъ никакъ не могъ простить, онъ долженъ былъ насъ наказать строго, чтобъ мы почувствовали, и онъ насъ наказалъ, и до того, что намъ бы всѣмъ пропасть надо было, потому что мы достойны погибели...

Верблюжій пиджакъ всѣмъ своимъ лицомъ, даже всѣмъ своимъ огромнымъ тѣломъ изнывавшій отъ глубокой душевной тоски, не выдержалъ и, почти всхлипывая, опустился съ лавки колѣнями на полъ, а руки локтями поставилъ на край стола и закрылъ лицо ладонями. Изъ-за этихъ широкихъ ручищъ поминутно стали слышаться всхлипыванія, и мокрыя бѣлокурыя, спутанныя волосы тряслись на колебавшейся отъ этихъ всхлипываній головѣ.

— Достойны полной погибели! Иначе, братіе мои, намъ бы и быть невозможно, но Господь милосердъ неизрѣченно. Самому ему нельзя было насъ выручить, и вотъ онъ послалъ сына... И вотъ Богъ-то Сынъ и есть тотъ пастырь, что я читалъ... Вотъ какъ надо это понимать! Поди сюда! Я тебя не обижу! Я знаю, что ты вся во грѣхахъ, что ты заблудилась, запуталась въ терніяхъ, пропадешь зря! выходи! не бойся! я тебя спасу... ты мнѣ дорога... вѣдь тебя Богъ создалъ... Поди сюда!..

Верблюжій пиджакъ рыдалъ: слезы хлестали у него между пальцевъ, и съ носа бѣжали крупными каплями; въ публикѣ слышались безпрестанныя всхлипыванія. Вздохи, казавшіеся мнѣ прежде оффиціальными, теперь были совершенно искренни, учитель говорилъ съ большимъ чувствомъ, особливо слова, обращенныя къ заблудшей овцѣ.

По окончаніи этой рѣчи, учитель сѣлъ, видимо, взволнованный, и сталъ отирать мокрый лобъ рваннымъ платкомъ. Молчаніе царствовало минутъ пять, верблюжій пиджакъ сѣлъ опять на лавку;

Digitized by Google

лицо его было совершенно мокрое; онъ сморкался и утиралъ глаза, но слезы такъ и лили. Въ теченіи этихъ пяти минутъ, взволнованная публика едва-едва успокоилась; были, впрочемъ, и лица совершенно невзволнованныя, преимущественно изъ дѣвицъ...

Наконецъ, всѣ успокоились.

— Вотъ что братіе! сказалъ учитель, совершенно «другимъ», дѣловымъ голосомъ.—Позвольте васъ спросить, сколько мнѣ еще разъ говорить вамъ о фатерѣ?

Слушатели молчали. Нѣкоторые почему-то вздохнули опять тѣмъ же оффиціальнымъ вздохомъ.

— Человѣкъ второй мѣсяцъ лежитъ боленъ, не встаетъ съ постели (учитель указалъ на больного хозяина), вѣдь надо же понимать, что мы его безпокоимъ!

Общество безмолвствовало.

— Хорошо ли будетъ, какъ лавки-то наши на улицу повыкидаютъ? Я бы и самъ пріискалъ помѣщеніе, да вѣдь мнѣ тоже пить-ѣсть надо, я рабочій человѣкъ... Кажется, можно кому-нибудь бы заняться, часокъ удѣлить?

Долгонько-таки учитель пробиралъ своихъ братьевъ за ихъ равнодушіе къ общему дѣлу и пробиралъ строго, не церемонясь присутствіемъ посторонняго человѣка. Вторженіе въ духовную бесѣду чисто дѣлового разговора мнѣ также показалось новымъ и хорошимъ, а въ послѣдствіи мнѣ пришлось узнать, что такія вторженія въ духовную бесѣду дѣловыхъ разговоровъ происходятъ почти на каждомъ собраніи, и всякій разъ касаются какого-нибудь общественнаго дѣла, о которомъ, во имя ученія надобно напомнить мірянамъ, а иногда даже и пробрать ихъ...

Дальнѣйшее моленіе продолжалось такъ; когда всѣ успокоились послѣ впечатлѣнія проповѣди, и когда окончился дѣловой разговоръ, учитель помолчалъ немного и опять открылъ книгу пѣсенъ. Началось пѣніе новаго стиха такимъ же порядкомъ и манеромъ, какъ сказано выше. По окончаніи стиха, началось моленіе: всѣ стали на колѣни, и учитель сталъ говорить, прося у Бога помощи для всей братіи, въ томъ, чтобъ онъ помогъ каждому быть лучше, очистилъ бы душу каждаго отъ зла, и т. д. Въ концѣ-концовъ, также стоя на колѣняхъ, учитель проситъ Бога о дарованіи здравія и долгоденствія Государю Императору. На этомъ и кончилось моленіе, продолжавшееся часа два.

Мой пріятель, извощикъ, проводилъ меня до дому, и какъ дорогой, такъ и за чаемъ, въ моей комнатѣ шли у насъ разговоры объ особенностяхъ и порядкахъ баптистской секты. На каждый мой вопросъ о семейныхъ отношеніяхъ, объ отношеніяхъ

Digitized by Google

бѣдныхъ и богатыхъ, и т. д. собесѣдникъ мой давалъ самые «пріятные» отвѣты. Онъ видимо *желалъ* говорить со мной только *хорошо*, честно-благородно; бѣднымъ они помогаютъ, кто сколько можетъ, для чего и прибита къ стѣнѣ кружка. Я спросилъ его:«—Отчего же сегодня въ эту кружку никто ничего не положилъ»? «—Ну, разно бываетъ... а то кладемъ... какъ же? Нельзя, это должно... кладемъ! Это у насъ есть, заботимся!» Заботятся ли они и другъ о другѣ, подсобляя въ несчастіи?— «Подсобляемъ, какъ же... это ужь нельзя безъ этого?» И. т. д. Все у нихъ выходило хорошо, и все могло-бы быть тутъ же значительно умалено фактами живой дѣйствительности по отношенію къ практическому осуществленію хорошихъ желаній, хорошихъ мыслей; но, несмотря на эту возможность умалить значеніе хорошихъ словъ — именно обиліе хорошихъ желаній, именно стремленіе, «чтобы все было поаккуратнѣе, почище», какъ выразился мой собесѣдникъ, именно желаніе, чтобы вопросы о бѣдныхъ и богатыхъ, о правыхъ и виновныхъ, о слабыхъ и сильныхъ, чтобы всѣ эти вопросы были справедливо рѣшены, рѣшены «по хорошему», именно такъ, какъ говорилъ мнѣ (только—говорилъ) мой собесѣдникъ—вотъ это-то и было мнѣ очень ново. Ново то, что всѣ эти вопросы сидятъ въ умахъ этихъ людей, составляютъ ихъ заботу, что эти вопросы поставлены открыто передъ общественнымъ вниманіемъ всѣхъ старыхъ и малыхъ, до послѣдняго ребенка. Ненадо было быть особенно внимательнымъ, чтобы видѣть, какъ мало эти хорошія желанія—установить совѣстливыя взаимныя отношенія—осуществлены на практикѣ, но стремленіе осуществить ихъ, положенное въ основаніе нравственнаго воспитанія, хорошо, и не забывается послѣ всѣхъ шероховатостей, остающихся въ вашихъ впечатлѣніяхъ отъ знакомства съ сектантскимъ міромъ.

Шероховатости эти, заставляющія васъ много разъ сказать себѣ:—«и у насъ въ деревняхъ тоже самое творится, къ несчастію!» гораздо болѣе бросаются вамъ въ глаза здѣсь, чѣмъ въ нашихъ безкнижныхъ деревняхъ, и фактовъ, которые убѣждаютъ васъ, какъ мало «на дѣлѣ» осуществлено хорошихъ стремленій, даже и искать не надобно: они на каждомъ шагу. Напримѣръ. Переночевавъ на одномъ постояломъ дворѣ, принадлежащемъ крестьянину изъ секты «общихъ», и перемѣнивъ лошадей, рано утромъ ѣдемъ мы по темной еще пустынной Муганьской степи. Извощикъ нашъ, работникъ хозяина постоялаго двора, нѣтъ-нѣтъ да и пріостановитъ лошадей, «—Что съ тобой?»—«Да животъ все схватываетъ... отвѣчаетъ извощикъ... а дорога ишь какая. Какъ толконетъ на ямѣ или канавѣ, такъ

Digitized by Google

и схватитъ...» Объяснивъ причину остановокъ, извощикъ помолчалъ и сказалъ:

— Не кормитъ, песъ этакой, какъ должно! Донялъ квасомъ, хоть что хошь!

— Кто не кормитъ?

— Да хозяинъ-то!.. Такой жидоморъ. Рыбы ишь по нонѣшнимъ «правамъ» укопить невозможно, такъ вотъ и за обѣдомъ и за ужиномъ только и есть—квасъ да хлѣбъ... Раздуло всего на чисто!

А съ этимъ хозяиномъ цѣлый вечеръ мы вели самые «хорошіе разговоры». Говорили, напримѣръ, о баптистахъ и онъ отлично раскритиковалъ ихъ ученіе на основаніи евангелія, доказывая, что спастись можно именно *добрыми дѣлами*, а не вѣрою только, какъ утверждаютъ господа баптисты. Когда же я показалъ ему баптистскую книжечку стиховъ, подаренную мнѣ извощикомъ, такъ онъ только повертѣлъ ее въ рукахъ и презрительнѣйшимъ тономъ произнесъ:

— Знаемъ мы эту ихнюю болтовню. Это все у нихъ взято изъ аглицкаго пуза! (ужь извините за выраженіе).

А теперь вонъ оказывается—«не кормитъ», хотя принадлежитъ къ сектѣ, утверждающей, что спасеніе только въ добрыхъ дѣлахъ.

Разговорившись съ возницей, мы узнали вещи и еще того хуже:

— Снохачъ! сказалъ возница про хозяина.

— Будто бы?

— Ужь это вѣрно! Видѣли жену сына-то?

— Какъ же видѣли. Это та баба, которая самоваръ подавала?

— Ну, вотъ она самая, ну, такъ это дѣти у нея не сыновы—а евойныя!.. Извѣстный снохачъ! Его-то жена ужь старуха, внизу живетъ... А сынъ-то его хочетъ теперича оставить, хочетъ наново креститься...

Еще болѣе тяжолое несоотвѣтствіе хорошаго слова съ дѣломъ пришлось видѣть мнѣ среди такой удивительной секты, какъ «общіе». Секта эта дѣйствительно удивительная. Щаповъ, въ своихъ очеркахъ «Умственныхъ направленій русскаго раскола», называетъ эту секту «рабочимъ согласіемъ». Возникнуло оно въ 20-хъ годахъ въ Саратовской губерніи, благодаря иниціативѣ Михаила Акинфіевича Попова. «Каждая слобода, согласно этому ученію, есть особая община; каждая партія или каждый домъ, составляютъ какъ бы домашнюю церковь; домá для жительства

Digitized by Google

каждой партіи строятся міромъ единомышленниковъ одной слободы. *Имѣнія движимыя и недвижимыя* и доходы съ нихъ принадлежатъ братскому общему союзу, по изравненіи каждаго, не разбирая кто гдѣ, въ какой деревнѣ находится. *Личной же собственности ни движимой, ни недвижимой ни у кого нѣтъ.* Домá, скотъ, земледѣльческія орудія, телеги, все домашнее хозяйство, земля, сады, огородъ, мельницы, пчельники, словомъ, все сельское хозяйство, принадлежитъ цѣлой слободѣ и доходы со всего этого составляютъ общую сумму общины. У «общихъ» въ каждой слободѣ одна общая денежная касса; изъ этой общей кассы, также и изъ общаго имущества отпускаются части, въ партіи, т. е. отдѣльные дома по числу душъ, и общему для «души» уравненію. Такъ распредѣляется скотъ, всѣ хозяйственныя принадлежности, даже одежда и обувь». Затѣмъ, въ каждой партіи или домѣ выбирается домашній распорядитель, сохраняющій все мужское платье и обувь партіи, и распорядительница: она обязана смотрѣть, чтобы пища была хорошо сварена и раздавать хлѣбъ и пищу, также уравнивая ихъ; она же завѣдуетъ всѣмъ бѣльемъ дома, холстомъ, нарядами, женскими сарафанами, платками, занавѣсками и т. д. Слободы управляются также выборными— членомъ, судьею, главнымъ учителемъ и наблюдателемъ общины, жертвенникомъ, распорядителемъ, свидѣтелемъ, молитвенникомъ, словесникомъ, тайникомъ, мысленникомъ. Всѣ работы полевыя, и домашнія производятся общими трудами по наряду общинныхъ членовъ и домашнихъ распорядителей. Въ каждой слободѣ учреждены училища, содержимыя на общественный счетъ, въ которые родители обязаны отдавать своихъ дѣтей. Всѣмъ работникамъ общины ученіе проповѣдуетъ братство, символомъ котораго служитъ общее лобызаніе— *соборное* на общихъ соборныхъ сходахъ всей слободы, *домашнее* между членами каждой партіи и *единотѣльное* при посѣщеніи другъ друга. Бракъ не почитается таинствомъ и совершается по одному взаимному согласію и по засвидѣтельствованію предъ народомъ».

Мнѣ пришлось быть въ той самой деревнѣ, которую основалъ самъ М. А. Поповъ. Сосланный съ своими единомышленниками на Кавказъ, Поповъ поселился здѣсь, близь Ленкорани, основавъ поселеніе Николаевку, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ на практикѣ примѣнилъ свое ученіе. Я видѣлъ стариковъ, знавшихъ этого Попова лично, которые «дѣйствительно» пережели періодъ самыхъ подлинныхъ комунистическихъ порядковъ, общественныхъ работъ, общественныхъ столовыхъ, общественнаго имущества; тотъ самый хозяинъ постоялаго двора, о которомъ говорено выше, разсказывалъ, что онъ, бывало, получалъ деньги на

Digitized by Google

покупку сапогъ, рубахи изъ общественной кассы; на работу шелъ по указанію и распоряженію общиннаго совѣта и т. д.— «Ну, потомъ, прибавилъ онъ:—надоѣло, признаться, работать на другихъ. Иной меньше тебя втрое сработаетъ, иной и совсѣмъ лѣнь-лѣнью, ну, какъ-то будто бы и обидно стало...» Не мало повредило этому опыту и многое другое. Такъ, напримѣръ, мѣстность, гдѣ Попову пришлось поселиться, оказалась не весьма благопріятной; рѣчка, протекающая чрезъ Николаевку, вытекаетъ изъ мѣстности, переполненной массою всевозможныхъ минеральныхъ ключей, преимущественно сѣрныхъ, и поэтому вода въ рѣчкѣ плоха, плоха она и въ колодцахъ. Женщины жалуются на эту воду и климатъ (страшные лѣтніе жары), и приписываютъ имъ большую смертность дѣтей. Все-таки, не взирая на эти неблагопріятныя условія, Поповъ энергически развивалъ на практикѣ свое ученіе, но скоро былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ вновь основалъ такое же общинное поселеніе. Вмѣстѣ съ Поповымъ были сосланы семьи главныхъ его сотрудниковъ, а другая часть рабочихъ-общенниковъ, которые не были признаны столь же виновными, какъ Поповъ, была отдана въ солдаты. Въ Николаевкѣ остались почти только женщины, да дѣти, и лѣтъ десять николаевскія женщины переживали какой-то темный періодъ «безмужія». Впослѣдствіи, послѣ множества ходатайствъ, мужьямъ-солдатамъ дозволено было жить въ Ленкорани, и отъ времени до времени они могли видаться съ семьями. 1873 г., по ходатайству намѣстника кавказскаго, Поповъ возвратился изъ Сибири, нѣкоторое время жилъ въ Николаевкѣ, гдѣ скоро и умеръ. Изъ Сибири за нимъ пришло сюда нѣсколько новыхъ единомышленниковъ, изъ которыхъ иные состояли съ Поповымъ въ родствѣ, женившись на его дочеряхъ; другіе женились въ Сибири на мѣстныхъ женщинахъ, дѣти которыхъ носятъ особенности сибирскаго типа, весьма отличнаго отъ типа великоруса. Съ возвращеніемъ Попова, и эти «сибиряки» такъ же стали перебираться сюда, по доброй волѣ, поближе къ источнику ученія, и къ мѣсту жительства учителя.

Въ настоящее время Николаевка довольно большая деревня, далеко ненапоминающая того фаланстера, который, какъ кажется, грезился основателю ея. Есть здѣсь и богатые дома, есть и бѣдные, есть и лачуги. «Равненія» въ средствахъ жизни и достаткѣ ужь нѣтъ. Нѣтъ ни общественныхъ столовыхъ, ни общественныхъ работъ: всякій работаетъ на себя, по силамъ, какія есть въ его семействѣ. Всѣ двѣнадцать «чиновъ» общинной администраціи, установленные Поповымъ, существуютъ и теперь, но нѣкоторые изъ нихъ ужь не имѣютъ ни значенія, ни резона: учи-

Digitized by Google

тель, судья, распорядитель, сосредоточены теперь въ одномъ лицѣ, преемникѣ Попова и его ученикѣ, Иванѣ Антоновичѣ С—нѣ; за прекращеніемъ общественныхъ работъ, общественныхъ расходовъ, стали ненужны и такія общественныя должности, какъ напримѣръ, «видѣтель», лицо, на обязанности котораго въ прежнее время лежало наблюденіе за тѣмъ, чтобы всякій исполнялъ то, что ему назначено распорядителемъ. Должность эта есть и теперь, но дѣла ей нѣтъ, за исключеніемъ «непорядковъ», касающихся частной жизни общинниковъ. Изъ старыхъ общественныхъ порядковъ остался общественный судъ, и обязательная для каждаго жертва десятой части урожая въ пользу нуждающихся: общественный амбаръ, изъ котораго выдаются ссуды хлѣбомъ—и выдаются безъ возврата—дѣйствительно, существуетъ. Общественная касса сократилась до размѣровъ добровольныхъ приношеній, собираемыхъ во время молитвенныхъ сборищъ, «кто сколько можетъ»—и чинъ «жертвенника», завѣдующаго этими приношеніями и общественнымъ амбаромъ, имѣетъ нѣкоторый резонъ для существованія. Но за то «мысленникъ» и «тайникъ», и сейчасъ весьма много значатъ въ жизни общихъ». Желаніе жить «поаккуратнѣй, почище», какъ выразился баптистъ-извощикъ, лежащее въ основѣ всѣхъ сектантскихъ ученій, осуществляется въ сектѣ общихъ, между прочимъ, стремленіемъ не держать на душѣ грѣха, дурной и пагубной мысли. Чтобъ отдѣлаться отъ дурного желанія, отъ какой-нибудь чорной мысли, надобно ее сейчасъ же открыть, разсказать, надобно покаяться въ ней, и тогда она оставитъ человѣка сама собой. Такъ вотъ «тайникъ» выслушиваетъ такіе мрачные замыслы, которые слишкомъ тягостно дѣлать извѣстными всему обществу; тайникъ не говоритъ никому о мрачной мысли, забравшейся кому-нибудь въ голову, но ему-то непремѣнно надо открыть эту мысль. Мысленнику точно также повѣряютъ дурныя и злобныя мысли и желанія, и какъ тайникъ, такъ и мысленникъ обязаны принять участіе въ дурномъ душевномъ состояніи кающагося, разсѣять его, разъяснить, облегчить, и непремѣнно простить. «Простить» человѣка въ концѣ концовъ—это также основной принципъ ученія Попова, идущій рядомъ съ обязанностію всякаго непремѣнно «каяться» въ своихъ дурныхъ поступкахъ, даже, какъ видите, дурныхъ мысляхъ. Покаяніе, или другими словами, полная откровенность—обязательны для общинниковъ. Каяться должно первому близкому человѣку, потомъ тайнику, мысленнику, наконецъ, всему обществу, міру. И всѣ должны разобрать, разслѣдовать, устыдить когда нужно, и въ концѣ-концовъ—простить.

Одна старушка разсказала мнѣ недавній случай обществен-

Digitized by Google

наго суда надъ однимъ мужчиной и одной женщиной, вступившихъ въ такія отношенія, о которыхъ «видѣтель» долженъ былъ доложить общественному суду. Оба виноватые разсказали при всѣхъ все, до мельчайшихъ подробностей; поступки ихъ были публично обсуждены, разсмотрѣны во всѣхъ отношеніяхъ и въ концѣ-концовъ, достаточно пристыженные грѣшники были также публично прощены и общинниками и «чинами».

— Да вѣдь что, батюшка, сказала старуха:—вѣдь подумаешь-подумаешь, а вѣдь ужь больше-то этого и не придумаешь, какъ прощай всѣхъ и за все!

Между прочимъ, эта же старушка и разсмѣшила меня. Разговоръ шелъ о томъ, что надо постоянно облегчать, очищать душу откровенностію съ ближнимъ; чтобы на душѣ не застаивалось ни одно дурное ощущеніе, и чтобы это ощущеніе не портило душевной ясности, надо сейчасъ же покаяться кому-нибудь.

— А мужчина, спросилъ я:—можетъ каяться женщинѣ?

— Ну, ужь чего бабѣ каяться! Каяться, такъ ужь, знамо, мужику надо.

Кромѣ обязательнаго покаянія, по части личной чистоты, личной опрятности и сдержанности, «общіе» налагаютъ на себя много другихъ обязательствъ, которыя несутъ на себѣ, дѣйствительно, съ изумительнымъ терпѣніемъ и твердостью духа. Въ этомъ отношеніи, на первомъ мѣстѣ стоитъ обузданіе плоти. Пища, обязательная для каждаго изъ общихъ, должна быть самая скромная и самая умѣренная; ничего мало-мальски возбуждающаго—чеснокъ, лукъ—они не употребляютъ; ничего жирнаго они не ѣдятъ; всѣ большія жирныя рыбы Каспійскаго моря, которыя у нихъ подъ бокомъ, не употребляются въ ихъ пищу. Словомъ, ѣда ихъ самая постная и скромная. Вина они не пьютъ, (развѣ тайкомъ); никакихъ пѣсенъ, плясокъ, хороводовъ, ничего этого нѣтъ; даже на свадьбахъ поютъ только духовныя пѣсни. Этотъ постный, сухой образъ жизни иногда бываетъ тягостенъ даже и для посторонняго наблюдателя: ни звука, ни смѣха—все молчаливо, сухо, постно, сдержанно.

Такимъ образомъ, изъ ученія Попова болѣе всего удержалось между общими только то, что касается личной чистоты, личной опрятности, личнаго благообразія. Но то, что въ этомъ ученіи касалось общественной опрятности, и общественныхъ обязанностей общинниковъ другъ къ другу удержалось только въ самой слабой степени. Удержалась жертва на общую пользу десятой части урожая, удержалось какое-то подобіе общественной кассы и только. Теперь каждый дворъ живетъ особнякомъ, работаетъ на себя. Въ этомъ отношеніи нынѣшній глава секты И. А. С. самъ подаетъ примѣръ.

Digitized by Google

Онъ отдѣльно отъ общества снимаетъ рыбную ватагу, и стало быть богатѣетъ въ одиночку; вообще И. А. постоянно разочаровывалъ меня въ моихъ предположеніяхъ, основанныхъ на знакомствѣ съ общими, по статьѣ Щапова. По пріѣздѣ въ Николаевку, я былъ пораженъ такой особенностью во внѣшнемъ видѣ селенія: никакихъ заборовъ между дворами не существуетъ. Есть заборъ по улицѣ, но загородей, отдѣляющихъ дворы сосѣдей нѣтъ; куры, овцы, буйволы свободно переходятъ изъ одного двора въ другой. Мнѣ подумалось, не остатокъ ли это отъ старой, имущественной равноправности, проповѣдовавшейся Поповымъ?

— Это, вы думаете, по ученію? сказалъ И. А., когда я спросилъ его объ этомъ.—Это лѣнь, вотъ что это такое! Который хорошій хозяинъ, такъ тотъ загородится, будьте покойны! Вонъ у меня, посмотрите, какая загородь, со всѣхъ сторонъ обнесено!

И точно; И. А. прочно огородилъ свое жилище. Собаки у него страшныя-престрашныя и злыя-презлыя. Когда мы шли къ нему въ гости, такъ насъ взялся проводить одинъ изъ «общихъ», котораго собаки знали—«а то розорвутъ»!

Этотъ-же И. А. однажды нетолько разочаровалъ меня, но, по истинѣ, даже «потрясъ» нѣкоторыми своими сужденіями. Разговаривали мы о покаяніи и прощеніи. И. А. сказалъ, что общественный судъ «общихъ» прощаетъ до трехъ разъ одного и того же преступника, а потомъ отвергаетъ его товарищество и исключаетъ изъ общества—иди куда хочешь. Такъ было въ старину, а теперь такъ измѣнились времена, что, по словамъ И. А., стали появляться въ средѣ «общихъ» такіе люди, для которыхъ и трехъ судовъ стало мало; его простятъ три раза, а онъ сейчасъ за тоже: пьетъ, ругается, воруетъ...

— Что-жь вы дѣлаете въ такомъ случаѣ?

Надо сказать правду, что когда я задалъ И. А. этотъ вопросъ онъ крѣпко вздохнулъ, прежде нежели отвѣтилъ.

— Предаемъ властямъ! Что станешь дѣлать?

— То есть, кому же?

— Да начальству, старостѣ казенному...

И еще разъ глубоко-глубоко вздохнулъ и прибавилъ:

— Да что! Ему бы надобно наказать его, высѣчь, а онъ пускаетъ!

Признаюсь, истинно какъ громомъ разбилъ меня И. А. этими словами, отъ которыхъ я и на родинѣ рѣшительно не зналъ куда дѣваться. Много лѣтъ подъ рядъ, въ самыхъ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось бывать, только и слышишь по части серьёзныхъ мнѣній разныхъ свѣдущихъ людей, стремящихся «искоренить зло», что ежели бы драть, какъ

Digitized by Google

слѣдуетъ, такъ все бы и было хорошо, а горе въ томъ, что вотъ дерутъ-то какъ-то уныло, меланхолически, а несерьёзно. И вдругъ эта-же самая фраза, это несносное изрѣченіе догнало меня здѣсь, чуть не на концѣ русскаго свѣта!.. Господи Боже!..

— Сладу нѣту! продолжалъ И. А. — непокорство... папиросочки... трубочки... и т. д.

Все слово въ слово то самое, что я милліоны разъ слышалъ на Руси!

Словомъ, повторяю, даже и безъ особенныхъ стараній подмѣчать темныя стороны сектантства, онѣ сами бросаются въ глаза. «Все это есть и у насъ, безъ всякихъ постовъ, гимновъ и чиновъ»! Есть и люди наживы, и трубочки съ табакомъ и такое же нежеланіе работать на другого—все есть! Но при всемъ этомъ столь явномъ сходствѣ темныхъ сторонъ нашей безкнижной и этой книжной деревни, онѣ очень и очень не похожи другъ на друга, и поровнять ихъ невозможно. У насъ, въ безкнижной деревнѣ, много есть точь-въ-точь такихъ же неправдъ, какъ и въ книжной деревнѣ, но разница заключается въ томъ, что въ книжной деревнѣ темнымъ явленіямъ жизни всенародно противопоставляются и проповѣдуются самыя строгія нравственныя требованія. Это дурное и темное дѣлается, *но этого не должно быть*. Должно быть вотъ такъ-то и такъ, и если происходитъ иначе, если мы не можемъ обойдтись безъ худого, то въ сущности это неправда, это нехорошо, этого не должно быть. У «общихъ», напримѣръ, съ ранняго школьнаго дѣтства, при обязательности обученія, дѣтямъ внушается «Уставъ упованія общаго ученія», затрогивающій самыя серьёзнѣйшія общественныя и частныя отношенія, требующій въ этихъ отношеніяхъ самой высшей справедливости. Словомъ, въ основаніи всего союза людей кладутся и проповѣдуются открыто самыя широкія требованія. *Какъ должно быть*—здѣсь извѣстно всѣмъ, и если И. А. арендуетъ отдѣльно отъ общества ватагу, то послѣдній мальчикъ знаетъ, что этого *не должно быть*, что *не должно* богатѣть на счетъ другихъ, что *нельзя* бросать бѣдныхъ и неимущихъ на произволъ судьбы. Всего этого достигнуть трудно, человѣкъ плохъ, слабъ, своекорыстенъ, но онъ *долженъ быть* лучшимъ. Такимъ образомъ, при тѣхъ же самыхъ явленіяхъ, какъ у насъ, здѣсь есть въ душѣ и въ сознаніи каждаго нравственный идеалъ; онъ плохо осуществляется, это правда, но онъ долженъ бы быть осуществленъ. И въ каждомъ нашемъ крестьянинѣ, какъ во всякомъ человѣкѣ, несомнѣнно есть «Богъ», совѣсть и нашъ крестьянинъ подлое называетъ подлымъ, но здѣсь эти проявленія совѣсти сдѣланы предметомъ *всеобщаго* вниманія, «главнымъ дѣломъ», лежащимъ въ основѣ воспитанія, главною

Digitized by Google

цѣлію, къ которой *надо* стремиться. Въ ученіи общихъ, какъ видно изъ приведеннаго выше изложенія, проповѣдуются самыя идеальныя человѣческія отношенія, проповѣдуются и отцами, и матерями, и наставниками, судьями и т. д. Трудно достигнуть такого идеальнаго совершенства, и оно плохо достигается на дѣлѣ; но чего именно надо достигать, къ какой цѣли стремиться, что хорошо и что худо—это извѣстно всѣмъ и каждому, это поддерживается, если хотите, всѣмъ «начальствомъ» секты.

У насъ есть всѣ темныя явленія, какія встрѣчали мы и въ сектантскихъ деревняхъ, но наши идеальныя стремленія, наши представленія о справедливомъ и несправедливомъ не имѣютъ и милліонной доли того общественнаго значенія и той общественной поддержки, какая лежитъ въ основѣ сектантства. «Какъ должно быть»?—нигдѣ, ни въ церкви, ни въ школѣ, не поставлено такъ широко и не разработывается такъ открыто и настойчиво, какъ разработывается въ сектантской школѣ, въ сектантской семьѣ, въ сектантскомъ собраніи. Вотъ почему въ нашихъ безкнижныхъ деревняхъ могутъ встрѣчаться поразительнѣйшія колебанія общественной и частной совѣсти, колебанія, отъ которыхъ иной разъ просто морозъ подираетъ по кожѣ. Не такъ давно, напримѣръ, въ газетахъ было разсказано слѣдующее: во Владимірской губерніи до самого послѣдняго времени сохранились еще самыя образцовыя формы общиннаго землевладѣнія. Есть цѣлыя нераздѣльныя волости, включающія по двѣнадцати деревень, причемъ въ общемъ пользованіи находится и земля, и луга, и выгоны и лѣса. Разсказывая исторію одной такой общины-волости, корреспондентъ рисуетъ картину, по истинѣ, прелестную. Такъ называемые пессимисты должны посрамиться отъ ея созерцанія. Земля въ этой волости (Константиновской) передѣлялась по душамъ, по мѣрѣ прироста населенія, причемъ границы обозначались камнями, которые при передѣлахъ передвигались съ одного мѣста на другое; сироты распредѣлялись между имущими, излишекъ населенія въ одной мѣстности, мірскимъ согласіемъ, передвигали въ такія мѣста, гдѣ было въ немъ недостатокъ и т. д. Словомъ, картина самыхъ удивительныхъ проявленій народной правды и справедливаго народнаго ума. Такъ живетъ эта волость долгіе годы. Настаетъ 19 февраля, пріѣзжаютъ чиновники и размежевываютъ деревни, несмотря на всеобщее нежеланіе. Луга константиновцамъ, однако же, удалось оставить нераздѣльными. Но и по раздѣленіи земли, всѣ девять деревень постоянно стремятся къ слитію воедино, постоянно заявляютъ объ этомъ на сходахъ, въ виду того, что въ нѣкоторыхъ изъ 9 деревень стало тѣсно, прибыло много народу, а въ другихъ убыло. Приготовлялись уже

Digitized by Google

сдѣлать общій, на старинный образецъ, передѣлъ, передвижку— какъ случилось одно, совершенно неожиданное обстоятельство: въ деревнѣ Константиновкѣ (отъ которой и волость носитъ тоже названіе) появилась холера, и изъ 300 душъ унесла въ могилу 150 человѣкъ. Едва 150 человѣкъ были зарыты, какъ оказалось, что у константиновцевъ *само собою* образовались вдвое бо́льшіе противъ прежняго душевые надѣлы. До холеры было по 4 десятины, а послѣ холеры—вдругъ оказалось по 8... И что-жъ? константиновцы тотчасъ же отказались отъ всеобщаго передѣла и стали пользоваться своими 8 десятинами, свалившимися съ неба, предоставляя сосѣдямъ, жаловавшимся на тѣсноту, ждать новаго Божьяго наказанія, чтобы увеличить свои надѣлы.

Я боюсь сказать, но мнѣ кажется, что здѣсь ни въ первой половинѣ этой исторіи, ни во второй, не было для поступковъ дѣйствующихъ лицъ опредѣленнаго, нравственнаго убѣжденія въ томъ, *какъ должно*, а было одно *какъ пришлось*. А пришлось, говоря по совѣсти, какъ видите, очень скверно. Люди требовали передѣла, потому что народилось много народу; можетъ, именно отъ этого, и отъ недостатка въ питаніи и произошла въ Константиновкѣ холера, и вотъ этотъ-то печальный опытъ не мѣшаетъ отказываться отъ еще вчера нужнаго передѣла, хладнокровно подвергать сосѣдей, товарищей той же тѣснотѣ и той же, быть можетъ, эпидеміи. Право, это не «по сусѣдски»! и не по совѣсти.

Здѣсь не по сусѣдски и не по совѣсти поступлено константиновцами, потому что въ ихъ идиллическую жизнь вторглось постороннее вліяніе въ видѣ размежеванія, и познакомило ихъ съ удовольствіями отдѣльнаго владѣнія. Вышло нехорошо. Слѣдовательно, еслибы вліяніе, хотя бы даже и постороннее, явилось сюда съ требованіями другого рода, съ поддержкою, положимъ, началъ общиннаго владѣнія, то и поступки константиновцевъ могли бы быть другіе. И дѣйствительно, всякій разъ, когда власть или вообще лица и учрежденія рѣшаются поддерживать и ободрять въ народѣ справедливыя побужденія совѣсти, эти побужденія начинаютъ обнаруживаться въ самыхъ, повидимому, заскорузлыхъ и омертвѣлыхъ сердцахъ. Въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ одной изъ волостей долгое время свирѣпствовалъ и грабилъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, старшина, и міръ долгое время, хотя и ропталъ на него, однакожь, своими мірскими сходами, приговорами потакалъ этому дѣятелю. Однажды міръ этотъ, видя, что старшина растратилъ мірскія деньги, выбралъ въ учетчики крестьянина, почти отъ старшины независѣвшаго и самостоятельнаго. Крестьянинъ этотъ былъ богатъ, имѣлъ 100 дес. собственной земли и ему нечего было бояться старшины. Онъ

Digitized by Google

взялся за учетъ, раскрылъ всѣ плутни, словомъ, сдѣлалъ дѣло по совѣсти. Но старшина, какъ сказано въ отчетѣ о разбирательствѣ дѣла, *приказалъ* сходу составить приговоръ о ссылкѣ этого счетчика въ Сибирь, по какимъ-то совершенно нелѣпымъ мотивамъ. Приговоръ составили, а послѣ него посадили въ холодную все семейство счетчика. Въ холодной онъ просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока жалоба его ходила въ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ. Въ теченіи этихъ мѣсяцевъ у него былъ вырубленъ лѣсъ, разломанъ амбаръ и растащенъ хлѣбъ, а домъ сожженъ. Человѣкъ вышелъ почти нищимъ. Другое дѣло того же человѣка, сдѣланное при содѣйствіи мірянъ, состоитъ въ томъ, что, желая завладѣть всѣмъ имуществомъ одного крестьянина, онъ позвалъ одного изъ односельчанъ этого же мужика, заставилъ его дать вексель отъ имени того мужика, чьимъ имуществомъ онъ хотѣлъ завладѣть, повезъ этого мужика въ городъ, гдѣ тотъ у нотаріуса подтвердилъ, что онъ именно есть то самое лицо, за которое выдаетъ себя, это же подтвердилъ и извощикъ, молодой мальчикъ, юноша, который участвовалъ во всѣхъ плутняхъ и гадостяхъ старшины. Дѣло, наконецъ, дошло до суда. На предварительномъ слѣдствіи всѣ показывали въ пользу старшины. Но вотъ начался судъ и всѣ эти плуты и лже-свидѣтели почувствовали, что судъ касается ихъ совѣсти, *въ самомъ дѣлѣ* добирается до правды, до стыда, вдругъ наперерывъ другъ передъ другомъ выложили правду злодѣйства старшины, какъ на ладони. «Теперь ужь я тебѣ не поддамся!» говорилъ на судѣ, обращаясь къ старшинѣ, юнецъ-кучеръ. Даже волостной писарь, который, въ сущности, былъ указателемъ для старшины въ кляузничествѣ и умѣньи обойти законъ, и тотъ выболталъ все, и даже прибавилъ, махнувъ рукой: «Что творилось, такъ это сохрани Царица небесная!» Всѣ почувствовали, что судъ тянетъ за струну совѣсти и она заиграла.

Еще интереснѣе другой эпизодъ, о которомъ я уже упоминалъ въ одной моей статейкѣ и который я разскажу здѣсь вкратцѣ. Нѣсколько солдатъ изъ полка, стоящаго въ Харьковѣ, шли съ унтеръ-офицеромъ во главѣ по какому-то служебному дѣлу; дорогой они подгуляли и перессорились; рядовые побили даже унтеръ-офицера. Началось дѣло. Но самъ унтеръ-офицеръ, не желая губить своихъ товарищей и пріятелей, просилъ ихъ показывать на судѣ, что этого ничего не было и самъ показывалъ то же, то есть, что его не били и все это выдумано имъ такъ, зря. Пришлось принимать присягу, они приняли и ихъ оправдали. Но въ войскахъ, какъ извѣстно, существуютъ нѣкоторыя особенныя требованія относительно военной *чести*, *при-*

Digitized by Google

сяги, требованія справедливыя, а потому рѣшительно для всѣхъ важныя. И вотъ эти самые солдаты, которые, будучи мужиками, подъ вліяніемъ и давленіемъ какого нибудь гнуснаго волостного старшины, составили бы, въ пьяномъ видѣ, какіе-нибудь возмутительные приговоры, здѣсь, въ войскѣ, подъ вліяніемъ особеннаго значенія, какое имѣетъ для солдата присяга и честь, будучи оправданы, не вынесли сознанія, что оправданіе досталось имъ цѣной ложной присяги. Дня черезъ два, они явились къ начальнику и объявили въ чемъ они виновны. «Просто даже невозможно было *терпѣть*!» сказалъ одинъ изъ нихъ, т. е. невозможно было перенести собственнаго обмана...

Давно, давно пора поддержать русскій народъ въ этихъ стремленіяхъ совѣсти, давно пора увѣрить его, что онъ *долженъ* проявлять ихъ смѣло и безбоязненно. И вотъ, когда сравнишь, какъ поставлены требованія относительно того, какъ должно жить «по хорошему» въ нашей некнижной деревнѣ и деревнѣ сектантской, то разница между ними окажется огромная. Тамъ съ дѣтства, со школы къ человѣку предъявляются самыя строгія и широкія требованія относительно необходимости самаго безукоризненнаго житія, рисуются самыя справедливѣйшія отношенія, и затѣмъ сама жизнь на его глазахъ стремится, по возможности, все это осуществить; школа не разорвана съ жизнью; жизнь не разорвана съ администраціей и церковью. Церковь, моленный домъ — это одновременно и судъ по всевозможнымъ дѣламъ, и проповѣди здѣсь перерываются для разговора о житейскихъ уличныхъ дѣлахъ, а уличныя дѣла вторгаются въ проповѣди. Изъ такой школы можетъ выйти много хорошаго. Кулаки-міроѣды выходятъ не изъ этихъ школъ, а вопреки имъ. Нынѣшнее поколѣніе сектантскихъ учителей—люди старые, видѣвшіе крѣпостное право, солдатчину, палку, кулакъ-«скуловоротъ». Молодое поколѣніе, ничего этого незнавшее, быть можетъ, не остановится на томъ, до чего доработались ихъ отцы.

До малаго доработались эти старики, но и то, что они сдѣлали и что мнѣ пришлось мелькомъ увидѣть, навсегда оставило во мнѣ самыя свѣтлыя воспоминанія!.. На этихъ воспоминаніяхъ я и оканчиваю мои замѣтки.

Г. Успенскій.

Digitized by Google

ПОШЕХОНСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Вечеръ пятый.

ПОШЕХОНСКОЕ «ДѢЛО».

Будучи отъ рожденія пошехонскимъ гражданиномъ, я съ удовольствіемъ дѣлаю періодическія экскурсіи въ эту страну. Сколько лѣтъ я на свѣтѣ живу, столько же времени и знаю ее. Зналъ ее крѣпостною, зналъ и реформенною, знаю и теперь, готовою возродиться вновь, или, какъ нынѣче принято говорить, отъ мечтаній перейти къ дѣлу. Замечтались, видите, пошехонцы, закружились у нихъ буйныя головы — натурально, пора и за дѣло молодцовъ засадить. Принимайтесь, господа пошехонцы, принимайтесь! а дальше видно будетъ, какъ съ вами поступить.

Все мнѣ въ этой странѣ родственно и достолюбезно. Дороги мнѣ и зыбучія ея пески, и болота, и хвойные лѣса (увы! нынѣ значительно порѣдѣвшіе); но въ особенности милъ населяющій ее людъ, простодушный, смирный, слегка унылый, или, лучше сказать, какъ бы задумавшійся надъ разрѣшеніемъ какой-то непосильной задачи. Всегда онъ былъ такимъ, во всѣхъ положеніяхъ; всегда шелъ безотговорочно и впередъ и назадъ, принимая къ свѣдѣнію и руководству всевозможные уроки и задачи, и въ то же время какъ бы говоря себѣ: а посмотримъ, какая-то изъ этого новаго хлѣба лебеда выйдетъ? Слышалась ли въ этомъ вопросѣ робкая иронія, или онъ былъ только невольнымъ выраженіемъ всполошившагося инстинкта самосохраненія—я не берусь объяснить. Но могу сказать достовѣрно, что когда водворялись новые порядки и создавались новыя положенія, то они всегда находили пошехонца готовымъ приспособиться къ приноси-

Digitized by Google

мой ими новой лебедѣ съ тою же повадливостью, съ какою онъ искони приспособлялся къ лебедѣ всѣхъ временъ...

Случались, конечно, между пошехонцами и недоразумѣнія (приспособляются-приспособляются, да вдругъ и станутъ въ тупикъ), или, какъ встарину выражались, «бунты», но никто до сихъ поръ въ этихъ «бунтахъ» разобраться не могъ. Что такое ихъ порождаетъ, экономическія ли причины, политическія ли, или религіозныя—ни одинъ компетентный изслѣдователь пошехонской народности на этотъ вопросъ ясно не отвѣтилъ. Хотя же господа исправники и утверждаютъ, что всѣ бунты происходятъ отъ зачинщиковъ, но, по моему мнѣнію, такое объясненіе черезчуръ уже просто, а потому и неимовѣрно. По этому, я съ своей стороны предлагаю такую догадку: пошехонецъ бунтуетъ, когда у него шкура болитъ; но когда онъ, при посредствѣ вразумленій, убѣждается, что стоитъ только перетерпѣть, и шкура отболитъ сама собою, тогда онъ бунтовать перестаетъ.

Бывали минуты, когда пошехонская страна приводила меня въ недоумѣніе; но такой минуты, когда бы сердце мое перестало болѣть по ней, я рѣшительно не запомню. Бѣдная эта страна, ее надо любить. Ничто такъ естественно не вызываетъ любви, какъ бѣдность, угнетенность, скорбь и злосчастіе вообще. Любовь, сама по себѣ, есть чувство радостнее и свѣтлое, но, въ большинствѣ примѣненій, въ нее громаднымъ элементомъ входитъ жалѣніе. Оно дѣлаетъ любовь дѣятельной и внушаетъ ей подвиги высокаго самоотверженія; оно напояетъ человѣческую жизнь отравой, и въ тоже время заставляетъ человѣка стремиться къ этой отравѣ, жаждать ее, видѣтъ въ ней завѣтнѣйшую цѣль лучшихъ помысловъ души. Даже совсѣмъ дряблыя и закоченѣвшія сердца — и тѣ находятъ въ глубинахъ своихъ искру, которая нетолько побуждаетъ ихъ устремляться навстрѣчу злосчастію, но и ихъ самихъ согрѣваетъ и растворяетъ. Бѣдные! бѣдные! бѣдные! — одна эта мысль переполняетъ все существо, переполняетъ до краевъ, не давая мѣста ни другой мысли, ни другому чувству. Эта робкая боль, сказывающаяся всюду, эти подавленные стоны, волной переливающіеся изъ края въ край— могутъ замучить. Они призываютъ къ суду человѣческой совѣсти тѣни прошлаго; побуждаютъ ее разбираться въ томъ, что казалось позабытымъ, канувшимъ въ вѣчность; заставляютъ чего-то искать, какихъ-то лучей, на которыхъ можно было бы успокоиться... Искать, искать... и не находить. Не потому не находить, чтобы все прошлое было сплошнымъ темнымъ пятномъ, а потому, что нѣтъ того солнца, котораго лучи не потускнѣли бы въ глубинахъ безразсвѣтной ночи, называемой человѣческимъ

Digitized by Google

злосчастіемъ. Спрашивается: при такихъ неусыпающихъ мученіяхъ совѣсти, естественно ли, чтобы мысль переносилась на почву иныхъ (хотя бы высшихъ и міровыхъ) вопросовъ, а не сознавала себя безповоротно прикованною къ тѣмъ непосредственнымъ отравамъ, которыя и свидѣтельства прошлаго и перспективы будущаго—все окутываютъ непроницаемымъ флёромъ.

. . . . . .

Мы переживаемъ время суровыхъ, но безплодныхъ поученій. Всѣ какъ будто проснулись отъ пьянаго сна и впервые встрѣтились лицомъ къ лицу съ какою-то безнадежною, почти фантастическою дѣйствительностью. Отсюда—всеобщее изумленіе, поголовный страхъ. Именно только изумленіе и страхъ, потому что бросившійся въ глаза хаосъ не вызвалъ въ насъ рѣшимости разобраться въ немъ, не указалъ на необходимость отдѣлить слѣдствія отъ причинъ, согласовать накопившіяся жизненныя противорѣчія и установить отправные пункты для будущаго жизнестроительства, а только пробудилъ какое-то спутанное чувство, которое и овладѣло умами съ неудержимою силой.

Спутанное чувство и формулу нашло для себя спутанную. «Прочь мечтанія! прочь волшебные сны! прочь фразы! пора, наконецъ, за дѣло взяться!»—вотъ эта формула. Какія мечтанія, какіе сны, какія фразы—неизвѣстно. Почему эти мечтанія, сны и фразы оказались безплодными, потому ли, что они сами въ себѣ не заключали зерна жизни, или потому, что это зерно было погублено сложившимися условіями—тоже неизвѣстно. И наконецъ, въ чемъ заключается дѣло, за которое пора взяться—и объ этомъ никто не говоритъ.

Однимъ словомъ, всѣ жалуются и вопіютъ, что «фраза» заѣла насъ, всѣ настаиваютъ на ея истребленіи, и всѣ, на ея мѣсто, предлагаютъ... такую же фразу! И въ довершеніе, фразу со всѣмъ не новую, а засиженную, истрепанную, почти истлѣвшую подъ наслоеніями пыли и плѣсени. Фразу, которую въ любомъ архивѣ, на любой полкѣ можно прочесть въ безконечномъ разнообразіи редакцій...

Тѣмъ не менѣе, мысль о необходимости перехода отъ мечтаній къ «дѣлу», повидимому, оказалась настолько по плечу нашей «отрезвившейся» современности, что сомнѣваться въ предстоящей ей блестящей будущности нѣтъ возможности.

Во всѣхъ трактирахъ и харчевняхъ разомъ раздалось такое множество трезвенныхъ голосовъ, что въ общей сумятицѣ трудно различить, гдѣ кончается простое пустословіе, и гдѣ начинается подсиживаніе. Всѣ требуютъ «дѣла», говорятъ о «дѣлѣ», поучаютъ, убѣждаютъ, негодуютъ на тэму о «дѣлѣ». Публицисты

Digitized by Google

едва поспѣваютъ формулировать внезапно народившіяся требованія, пожеланія и аспираціи. Но въ концѣ концовъ, все-таки поспѣваютъ. Одинъ восклицаетъ: «прочь дурныя фантасмагоріи, этотъ гнилой плодъ дурныхъ страстей! прочь несбыточныя и неосуществимыя ожиданія! да проглянетъ лучъ свѣта въ темную ночь мечтаній! да восторжествуетъ здравый смыслъ»! Другой, положа руку на сердце, излагаетъ: «Эпоха мечтаній, повидимому, миновалась—и слава Богу! Злоба дня изнѣнила характеръ свой, и изъ области блестящихъ, но туманныхъ порываній вывела общество въ область простого, но яснаго и всѣмъ доступнаго дѣла. Будемъ же вѣрны этой вновь народившейся потребности общества, и, вмѣстѣ со всѣми, желающими отечеству процвѣтанія, воскликнемъ: да исчезнутъ мечтанія! да здравствуетъ суровое, но плодотворное дѣло»! Третій наивно подхватываетъ: «а что, въ самомъ дѣлѣ! не попробовать ли намъ обратиться къ дѣлу? Авось либо»... и т. д.

И затѣмъ, наговорившись до сыта, и публицисты, и устные представители общественнаго задора, какъ бы обращаясь къ невидимому оппоненту, едиными устами возглашаютъ: къ чему привели насъ мечтанія?—ни къ чему!! И вся окрестность вторитъ имъ: ни къ чему! И долы, и горы, и поля, и луга—все, какъ одинъ, вопіетъ: ни къ чему! ни къ чему! ни къ чему!

Но, какъ уже замѣчено выше, ни въ трактирахъ, ни въ публицистикѣ никто до сихъ поръ не обмолвился, въ чемъ же должно заключаться «дѣло», котораго вождѣлѣютъ всѣ сердца; никто не назвалъ его по имени. Воображенію представляется нѣчто въ родѣ пирога, который, покуда, стоитъ въ духовомъ шкафу и поспѣваетъ. Когда онъ зарумянится, его вынутъ и подадутъ: кушайте!

Такіе внезапные всполохи человѣческой мысли въ особенности любопытны въ психологическомъ отношеніи. Иной разъ думается, что слово сказалось не понимаючи—анъ оно сказано нетолько «понимаючи», но и съ намѣреніемъ полсидѣть; въ другой разъ—наоборотъ. Думаешь-думаешь, стараешься разобрать, и все выходитъ: понимаючи — непонимаючи, непонимаючи — понимаючи. Самое лучшее въ такихъ случаяхъ—уйти отъ грѣха. Потому что, если вокругъ всѣ скопомъ кричатъ: довольно мечтаній! довольно!—то тутъ и самый скромный человѣкъ невольно скажетъ себѣ: а что, въ самомъ дѣлѣ... авось...

— Объ «дѣлѣ» надо сказать такъ: какое дѣло и въ какое время! говорилъ мнѣ на дняхъ отставной безшабашный совѣтникъ Рогуля.—И дѣла надо требовать съ осторожностью. Иное дѣло, на взглядъ, совсѣмъ плёвое, а смотришь, исподволь оно

Digitized by Google

округляться начинаетъ. Округляется, да округляется, и вдругъ—вонъ оно куда пошло!

. . . . . .

Повторяю, однакожъ: представленіе о «дѣлѣ» нетолько не новость въ исторіи нашей цивилизаціи, но, напротивъ, составляетъ существеннѣйшую часть всего ея содержанія.

По крайней мѣрѣ, такъ искони было у насъ въ Пошехоньѣ. Благодаря отсутствію мечтаній, Пошехонская страна поражала своей несокрушимостью; благодаря тому, что въ ней никогда не замѣчалось недостатка въ «дѣлѣ»—она удивляла изобиліемъ.

О несокрушимости пошехонской я говорить не буду, потому что считаю себя въ этомъ вопросѣ некомпетентнымъ; но о такъ называемомъ пошехонскомъ изобиліи побесѣдую съ охотою.

Многіе и до сихъ поръ повѣствуютъ, что было время, когда пошехонская страна кипѣла млекомъ и медомъ. «Арсеній Иванычъ, говорятъ они: — при ста душахъ самъ-четырнадцать за столъ каждый день садился — а какъ жилъ!» Или: «У Анны Мосѣвны всего одна ревизская душа была, да и та бездѣтная, а жила же!» И сдѣлавши эти посылки, считаютъ себя вполнѣ правыми.

Что касается до меня, то хотя я остаюсь при особомъ мнѣніи на счетъ подлинности и размѣровъ пошехонскаго изобилія, но долженъ все-таки признать, что лѣтъ тридцать тому назадъ жилось здѣсь какъ будто ходчѣе. Дѣйствительно, что-то такое было въ родѣ полной чаши, напоминавшей объ изобиліи. Но когда я спрашиваю себя, на чью собственно долю выпадало это изобиліе? — то, по совѣсти, вынужденъ сознаться, что оно выпадало только на долю потомковъ лейбкампанцевъ, истопниковъ и прочихъ дружинниковъ, и что подлинные Пошехонцы участвовали въ немъ только воздыханіями. Какимъ же образомъ это привилегированное изобиліе достигалось тѣми, на долю которыхъ оно выпадало?—на этотъ вопросъ все Пошехонье, навѣрное, въ одинъ голосъ отвѣтитъ: дѣломъ. Ибо старые дружинники не только понимали, въ чемъ состоитъ «дѣло», но и умѣли раздѣлить его на двѣ части. Сами взяли въ руки жезлъ, а аборигенамъ предоставили проливать поть и слезы. И дѣло нетолько шло какъ по маслу, но и творило подлинныя чудеса. Изъ конца въ конецъ кипѣла Пошехонская земля слезами и потомъ, какъ рѣка въ полую воду, и, благодаря этому кипѣнію, пески превращались въ плодородныя нивы, болота—въ луга, а Анна Мосевна могла благодушествовать при одной ревизской душѣ. И такъ ловко пользовались дружинники этимъ своеобразнымъ изобиліемъ,

Digitized by Google

что и впрямь казалось, что ему конца-краю нѣтъ. Ужели же это было мечтаніе, а не «дѣло?»

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, потомки лейбкампанцевъ начали задумываться. Крѣпостное право еще было въ самомъ разгарѣ, но въ самой совѣсти счастливыхъ дружинниковъ произошло раздвоеніе. Ряды посѣдѣлыхъ въ бояхъ истопниковъ постепенно рѣдѣли и пополнялись молодыми дружинниками, которые не имѣли ни прежней цѣльности міросозерцанія, ни прежней вѣры въ крѣпостное право и его творческія силы. Это были люди колеблющіеся, не чуждые зачатковъ пробуждающейся совѣсти, но больше всего чистоплотные. Чуть-чуть въ то время «мечтанія» не заполонили «дѣла». Но Богъ спасъ. Новые дружинники слишкомъ много любили досугъ, лакомства и комфортъ жизни, чтобы отказаться отъ «дѣла», которое ихъ доставляло. Натворивъ тьму тьмущую всякаго рода несообразностей, то умывая руки и доказывая свою непричастность къ крѣпостному строю, то цѣпляясь за него, они, послѣ цѣлаго ряда безсильныхъ и лживыхъ потугъ, пришли къ убѣжденію, что ихъ личное участіе въ Пошехонскихъ судьбахъ можетъ только поколебать установившуюся традицію объ изобиліи пошехонской страны. И убѣдившись въ этомъ, въ одно прекрасное утро, какъ тати, исчезли изъ насиженныхъ предками гнѣздъ, предоставивъ довѣреннымъ Финагеичамъ и Прохорычамъ продолжать исконное трезвенное Пошехонское «дѣло», а плоды его высылать имъ по мѣсту жительства. И Финагеичи не положили охулки на руку. Это было самое горькое время для пошехонцевъ-аборигеновъ, ибо они были обязаны дѣлать «дѣло» противъ прежняго вдвое: разъ—во имя интересовъ дружинника, и два — во имя интересовъ его замѣстителя. Ужели же и это было мечтаніе, а не «дѣло»?

Наконецъ, когда пошехонецъ окончательно весь выпотѣлъ, надорвался и отощалъ—наступило «время всѣхъ освящающее». Изъ человѣка кабальнаго пошехонецъ вдругъ шагнулъ въ «меньшіе братья». Противъ этой клички онъ точно такъ же не прекословилъ, какъ не прекословилъ и противъ другихъ безчисленныхъ кличекъ, съ незапамятныхъ временъ на него сыпавшихся. И только тогда, когда увидѣлъ себя замурованнымъ въ «надѣлѣ», какъ будто задумался. И опять, не то иронически, не то машинально, спросилъ себя: посмотримъ, какая изъ этого выйдетъ лебеда?

Снова «мечтанія» едва не заполонили «дѣла». Но мечтанія странныя, чисто пошехонскія. А именно: чаяли жито лопатами загребать, а по какому случаю — неизвѣстно. Разумѣется, случи-

Digitized by Google

лось нѣчто совсѣмъ неожиданное: не пришлось нетолько за лопаты браться, но и на пригоршню жита не хватило.

Житницы дружинниковъ запустѣли, житницы «меньшихъ братьевъ» не наполнились. Какимъ образомъ произошло явленіе столь изумительное, доказывавшее, что досугъ, вмѣсто изобилія, приводитъ за собой скудость—объ этомъ покуда не велѣно сказывать. Но достовѣрно, что оно совершилось у всѣхъ на глазахъ и удивило даже самихъ ничему не удивляющихся пошехонцевъ. Земля была все таже, и пошехонецъ на ней—все тотъ же, простодушный, во всякое время готовый источать потъ; но плоды земные словно сговорились: перестали лезть изъ земли да и шабашъ. Надо всѣмъ царилъ какой-то загадочный вопросъ, который, повидимому, связывалъ руки, мѣшалъ воздѣлывать, сѣять, жать.

Разрѣшеніе загадки, впрочемъ, не заставило себя ждать, и осуществилось въ лицѣ Деруновыхъ, Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Эти шустрые люди отлично поняли, что «меньшій братъ» засовался, и что прежде всего его слѣдуетъ «остепенить». Или, говоря другими словами, необходимо дать пошехонскому поту такое примѣненіе, благодаря которому онъ лился бы столь же изобильно, какъ при крѣпостномъ правѣ, и въ тоже время назывался бы «вольнымъ» пошехонскимъ потомъ. Но замѣчательно, что, предпринимая осуществленіе этой задачи, Колупаевы не принесли съ собой ничего, что могло бы хотя отчасти оправдать ихъ претензіи: ни усовершенствованій, ни знаній, ни новыхъ пріемовъ, а озаботились только объ одномъ: чтобы аборигенъ какъ можно аккуратнѣе уперся лбомъ въ стѣну. Вотъ это-то именно они и называли «дѣломъ». И не скрывали этого, но шли въ походъ, восклицая, подобно нынѣшнемъ трезвеннымъ людямъ: прочь мечтанія! прочь фразы! Да здравствуетъ «дѣло»!

И все, какъ нарочно, сложилось такъ, чтобъ увѣнчать ихъ предпріятіе успѣхомъ. И кунленные за грошъ занадѣльные обрѣзки, и надѣлы, устроенные на манеръ западнѣй, и распивочная продажа вина—все устроилось на потребу потомку древнихъ гужеѣдовъ и на пагубу поильцу-кормильцу пошехонской земли. Въ скоромъ времени, меньшій братъ увидѣлъ себя до татой степени изловленнымъ, что мысль о непрерывности даней, составлявшая основной элементъ его крѣпостного существованія, вновь предстала передъ нимъ, какъ единственный выходъ, приличествующій его злосчастію. И предстала тѣмъ съ большею ясностью и неизбѣжностью, что самый процессъ принесенія даней уже именовался вольнымъ, а не принудительнымъ. Очевидно,

Digitized by Google

что и это было совсѣмъ не мечтаніе, но «дѣло», горшее изъ всѣхъ «дѣлъ».

Тѣмъ не менѣе, представленіе объ изобиліи пошехонской страны, однажды поколебленное, уже не возстановилось. До такой степени не возстановилось, что нынѣ многіе начинаютъ сомнѣваться, дѣйствительно ли оно когда-нибудь существовало, и не смѣшивали ли его съ изобиліемъ пошехонской мужицкой спины. Сама земля явилась съ нѣмымъ протестомъ противъ насилій, которымъ подвергала ее Колупаевская невѣжественная орда. Съ каждымъ годомъ нѣдра ея поступаются скуднѣе и скуднѣе, хотя кабальный пошехонецъ безъ устали продѣлываетъ, за счетъ Колупаева, все тотъ же изнурительный процессъ, который продѣлывали его отцы и дѣды за счетъ счастливаго лейбкампанца... А Колупаевъ сидитъ, ничего не разумѣючи, за стойкой въ кабакѣ, да покрикиваетъ: довольно мечтаній! довольно фразъ! За дѣло!

Такимъ образомъ оказывается, что мысль о «дѣлѣ», которая такъ настойчиво волнуетъ современное русское общество, у насъ, въ Пошехоньѣ, нетолько не составляетъ новости, но искони служила единственнымъ основаніемъ, на которомъ созидалось и утверждалось наше пошехонское житіе. Такъ что, ежели и случались экскурсіи въ область мечтаній и фразъ, то экскурсіи эти занимали какъ разъ столько времени, сколько требовалось для того, чтобы переходъ отъ одной формы «дѣла» къ другой не казался черезчуръ рѣзкимъ.

Но что всего замѣчательнѣе, представленіе о «дѣлѣ», послѣ каждой такой экскурсіи, нетолько не смягчалось, но становилось все суровѣе и суровѣе. Ибо, по старинному обычаю пошехонскому, всякая новая форма «дѣла» требовала не простого подчиненія ей, но подчиненія, сопровождаемаго приличествующимъ остепененіемъ.

. . . . . .

Я помню, въ одну изъ такихъ эпохъ, когда кратковременная экскурсія въ область мечтаній и фразъ только-что завершилась, пришлось мнѣ быть въ «своемъ мѣстѣ» по «своему дѣлу».

Не буду говорить о томъ, сколько разъ и съ какою силою ёкало мое сердце при видѣ родного гнѣзда, какъ пахнуло на меня ароматами юности, какъ я внезапно почувствовалъ себя добрѣе, бодрѣе, свѣжѣе и т. д. Обо всемъ этомъ неоднократно и болѣе искусными руками было засвидѣтельствовано въ русской

Digitized by Google

литературѣ, и моя рука ни одного штриха въ этой картинѣ ни прибавить, ни убавить не можетъ. Начну прямо съ того, что въ «своемъ мѣстѣ» всякое дѣло дѣлается урывками, или, лучше сказать, занятіе дѣломъ беретъ извѣстную сумму минутъ, раздѣленныхъ между собою часами и сутками. Сегодня пришелъ Прохорычъ—онъ и согласенъ бы, да подумать надо; завтра пришелъ Финагеичъ—этотъ и согласенъ и несогласенъ, но во всякомъ случаѣ, ему надо къ зятю за сорокъ верстъ съѣздить, чтобы рѣшительный отвѣтъ дать; на послѣ-завтра ждали купца Кабальникова, а онъ совсѣмъ не явился: «ломается, старый пёсъ, очумѣлъ отъ денегъ». Эти часовые и суточные промежутки, посвящаемые исключительно праздной ходьбѣ взадъ и впередъ по комнатамъ, тянутся необыкновенно томительно.

Чтобъ скоротать время, можно бы сельскаго батюшку пригласить, но онъ гражданскаго разговора не понимаетъ, а о мужицкихъ дѣлахъ говорить брезгуетъ. Такъ, что ежели нѣтъ на столѣ закуски (батюшка, для продолженія времени, въ каждый кусокъ не меньше двухъ разъ вилкой тычетъ, какъ будто сразу захватить не можетъ), то обѣ стороны чувствуютъ себя стѣснительно.

Поэтому, я очень обрадовался, узнавъ, что еще не всѣ бывшіе дружинники разбѣжались изъ своихъ гнѣздъ, и что во главѣ несбѣжавшихъ находится и старый мой знакомецъ Артемій Клубковъ.

Я зналъ Клубкова очень давно и въ весьма благопріятномъ, сравнительно, положеніи. Онъ служилъ при губернаторѣ чиновникомъ особыхъ порученій, но казенной службой не особенно отягощался (на него возлагали только такъ называемыя «щекотливыя» дѣла), а преимущественно возлежалъ на лонѣ у губернатора и выполнялъ порученія губернаторши. Сверхъ того, онъ былъ великій мастеръ по части всякаго рода увеселеній, такъ что ни одинъ клубный балъ, ни одинъ загородный пикникъ, ни одинъ благотворительный спектакль не обходились безъ того, чтобъ онъ не являлся главнымъ распорядителемъ. Наружность онъ имѣлъ довольно ординарную, но одѣвался чисто и зналъ, кому и чѣмъ услужить. И въ тоже время, умѣлъ пользоваться привилегіями, которыя доставляла ему роль распорядителя увеселеній, съ такою же ловкостью, съ какою пользуется своими привилегіями первый балетный сюжетъ, на обязанности котораго лежитъ держать на вѣсу баллерину въ то время, когда она всѣмъ корпусомъ изгибается, чтобы увидѣть свои собственныя пятки. Поэтому, между нимъ и губернскими дамочками установились какія-то особенныя, какъ бы служебныя отношенія,

Digitized by Google

въ силу которыхъ послѣднія не увлекались имъ, но и противодѣйствовать не дерзали.

— Клубковъ! вы мнѣ дадите роль въ «Отцѣ какихъ мало»?

— А какая будетъ за это награда?

— Ахъ, противный!

И вотъ, по манію Клубкова, безъ предварительныхъ ухаживаній и разговоровъ, дамочкинъ «семейный» союзъ разлетался въ прахъ...

Всѣмъ этимъ относительнымъ благополучіемъ Клубковъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ или, лучше сказать, своимъ натуральнымъ качествамъ. Образованіе онъ получилъ «домашнее», то есть, по достиженіи осьмнадцати лѣтъ, прямо съ отческой конюшни, перешелъ въ кавалерійскій полкъ юнкеромъ и тянулъ тамъ лямку до поручичьяго чина, послѣ чего опредѣлился къ штатскимъ дѣламъ. Въ матеріальномъ отношеніи онъ тоже былъ плохо обезпеченъ, потому что отецъ его, хотя и не былъ въ тѣсномъ смыслѣ слова мелкопомѣстнымъ (у него было 80 душъ крестьянъ при четырехстахъ десятинахъ земли), но дѣлиться съ сыномъ могъ лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Тѣмъ не менѣе, у Артемія всегда водилась вольная деньга, и хотя нѣкоторые приписывали это его привилегированному положенію при губернаторѣ, но это было только отчасти справедливо. Знатокъ по лошадиной части, онъ занимался барышничествомъ, и на этомъ дѣлѣ выгадывалъ въ свою пользу не одинъ лишній рублишко.

Отецъ Клубкова былъ однимъ изъ тѣхъ прозорливыхъ помѣхонцевъ, которые всегда предпочитали «дѣло» мечтаніямъ. Онъ отлично понималъ, что «дѣломъ» въ жизни дружинника можетъ быть названо только то, что доставляло матеріальный прибытокъ, а въ жизни кабальнаго человѣка—только трудъ. Все остальное называлось мечтаніемъ и могло только мѣшать «дѣлу». Исходя изъ этого разсужденія, онъ разсчиталъ, что трудъ крѣпостного крестьянина до извѣстной степени не изъятъ отъ мечтаній и что только трудъ крѣпостного дворовaго человѣка всецѣло принадлежитъ помѣщику. Поэтому, онъ, еще за долго до эманципаціи, устроилъ у себя при усадьбѣ фаланстеръ, въ который и заточилъ всѣхъ крестьянъ, а вслѣдъ затѣмъ записалъ ихъ въ ревизію подъ наименованіемъ дворовыхъ. Выдумка была выгодная и удалась вполнѣ. Во-первыхъ, и крестьянскія избы, и крестьянскіе животы — все пошло въ пользу Клубкова, а во-вторыхъ, вся рабочая сила имѣнія была у него теперь подъ рукой и урвать хотя минуту изъ принадлежащаго помѣщику времени не стало возможности. Правда, что съ этихъ поръ

Digitized by Google

клубковскіе крестьяне получили наименованіе каторжныхъ, но самого Клубкова большинство сосѣднихъ дружинниковъ звало «умницею» и «дѣлягой», и только очень немногіе называли злодѣемъ.

Такъ шло дѣло до упраздненія крѣпостного права. За это время Клубковъ успѣлъ довести свое хозяйство до возможно-цвѣтущаго состоянія, и въ моментъ освобожденія, когда прочіе его собратія отчасти лукавили, отчасти роптали, онъ съ самодовольствомъ видѣлъ, что лично для него крестьянскій вопросъ разрѣшился какъ бы самъ собою. Ни уставныхъ граматъ онъ не составлялъ, ни надѣловъ не отрѣзывалъ, а спокойно воспользвался предоставленнымъ ему правомъ на двухлѣтній трудъ «дворовыхъ» людей, и, по истеченіи льготнаго срока, распустилъ дворню и началъ жить по-новому.

Артемій въ это время еще служилъ и къ дѣяніямъ отца относился какъ-то загадочно. Въ большинствѣ случаевъ, онъ избѣгалъ говорить объ немъ, но, въ сущности, очевидно, понималъ, что отецъ его дѣлаетъ «дѣло». Быть можетъ, косвенно онъ даже содѣйствовалъ этому «дѣлу», такъ какъ даже въ то суровое время устройство открытой каторги было вещью не совсѣмъ обыкновенною и едва ли могло бы осуществиться безъ секретной поддержки. Затѣмъ, прошло три-четыре года по упраздненіи крѣпостного права—и Артемій Клубковъ вдругъ куда-то исчезъ. Говорили, что отецъ его умеръ и что сынъ отправился въ «свое мѣсто» дѣлать «дѣла». Прибавляли, что онъ женился, облекся въ полушубокъ и завелъ въ самомъ господскомъ домѣ постоялый дворъ, съ продажей распивочно и на выносъ (благо и вину объявили волю), и при немъ лавку съ крестьянскимъ товаромъ. Что онъ самолично присутствуетъ въ кабакѣ, а жену посадилъ въ лавку, что поля содержатся у него въ порядкѣ, какъ было при отцѣ, и что вообще онъ исключительно поглощенъ «дѣломъ», а мечтаніями нетолько не увлекается, но совершенно ихъ игнорируетъ.

Приблизительно, эти же свѣденія получилъ я о Клубковѣ и теперь. Распрашивая объ немъ старосту Андрея Иваныча, я узналъ, что Артемій положительно стряхнулъ съ себя вегхаго человѣка и весь предался продажѣ и куплѣ. Имѣніе свое онъ ловко округлилъ, скупая у сосѣднихъ владѣльцевъ земельные обрѣзки, которые прилегали къ его дачѣ. Благодаря этому, у него было теперь и лѣску довольно, и пустошныхъ покосцевъ вволю, а собственную землю онъ всю раздѣлалъ подъ пашню, которая приносила не убытокъ, а доходъ. Но главную прибыльную статью его бюджета составляло дробное ростовщичество,

Digitized by Google

которое онъ развелъ въ такихъ размѣрахъ, что чуть не всю округу запуталъ въ своихъ сѣтяхъ. Уму его всѣ удивлялись.

— Главная причина, говорилъ староста Андрей Иванычъ:— на настоящее дѣло напалъ и настоящимъ манеромъ его ведетъ. Нѣтъ нужды, что баринъ.

И затѣмъ, развивая свой тезисъ дальше, продолжалъ:

— Онъ всякую вещь сначала понюхаетъ, да на свѣтъ посмотритъ, а потомъ ужь и настоящее мѣсто ей опредѣлитъ. Дёготь ли, сало ли, яйцо, перо, мука—все онъ сейчасъ сообразитъ. И ежели что сказалъ—законъ. Сказалъ: рупь—рупь и бери; сказалъ: полтина — бери полтину. Вещь-то она, можетъ, два рубля стоитъ, а онъ ее за полтину себѣ приспособитъ. И одѣвается онъ по-русски, чтобы способнѣе было.

— Такъ это-то и есть настоящее «дѣло»?

— Оно самое. Ноньче ужь и господа моды-то бросили, за дѣло принялись. Только не всѣ умѣютъ, а онъ умѣетъ. Вонъ Григорій Александрычъ—не далеко ходить—и жадности, и ненависти, всего въ немъ довольно, а не умѣетъ, да и шабашъ.

— Да неужто Григорій Александрычъ еще живъ?

— Живъ, только ума въ немъ ни капли не осталось. Все мужичья воля взяла, одни скверныя слова оставила. Онъ бы давно, какъ комаръ, сгибъ, да Клубковъ его еще побаловываетъ; коё мучки, коё чайку-сахарцу пришлетъ—этимъ и живетъ.

— А богатъ Клубковъ?

— Денегъ у него прорва, только всѣ распущены. Весь капиталъ у него кругомъ да около, а онъ посередкѣ похаживаетъ. Вся наша округа его. Ничего у насъ нынѣче собственнаго нѣтъ. Все равно, какъ встарину, когда крѣпостные были: захочетъ господинъ — твое; не захочетъ — вези или веди на господскій дворъ!

— Однако, онъ васъ пристигъ-таки!

— Совсѣмъ окружилъ. Точно онъ каждаго въ грѣхѣ засталъ. Захочетъ—проститъ, захочетъ—выдастъ.

— И весело ему живется?

— Сначала, какъ пріѣхалъ въ усадьбу, очень сердился. Все за то, что мужика на волю выпустили. «Въ кандалы бы, говоритъ, его заковать надо, анъ, вмѣсто того, вонъ что сдѣлали!» Однако, годика черезъ два осмотрѣлся, сталъ хвалить. «И хорошо, говоритъ, что ихъ на всѣ четыре стороны пустили: они сами себѣ прочнѣе прежнихъ кандалы выкуютъ!»

— А семья у него велика?

— Жена да двое сыновъ—только и всего. Карахтеръ ему отъ родителя Клубковскій достался—только гдѣ покойному противъ

Digitized by Google

него! Старикъ все-таки хоть сколько нибудь жалѣнья имѣлъ. Людишки-то свои, крѣпостные, были, такъ ежели ихъ совсѣмъ-то покалѣчить—выгоды нѣтъ. А нынѣчи они—вольные. Одного покалѣчитъ — другой, замѣсто его, изъ земли выросъ. Гдѣ спина, тамъ и вина.

Свѣдѣнія эти на столько меня заинтересовали, что на другой день, въ девять часовъ утра, я былъ уже въ Береговскомъ (такъ называлась усадьба Клубкова).

Усадьба стояла особнякомъ, у самой большой дороги, обращаясь переднимъ фасадомъ къ тракту, а задами упираясь въ небольшое озеркò, которое представляло ей съ этой стороны какъ бы натуральную защиту. И вправо и влѣво, и впереди тянулись поля, и ни одного, даже тощаго, лѣска верстъ на пять. Усадьба была видна издалёка, какъ на ладони, да и изъ нея во всѣ стороны далеко видно было. Строеній имѣлось достаточно, и все прочныя, одно къ одному. Характеръ построекъ былъ купеческій средней руки, безъ претензій на красоту и даже на удобства, но за то съ соблюденіемъ всякаго рода охранительныхъ мѣръ. Главный жилой корпусъ представлялъ собой длинный бревенчатый срубъ, средину котораго занимала харчевня, а по бокамъ, съ одной стороны—лавка, съ другой—жилое помѣщеніе самихъ хозяевъ. Во всякое помѣщеніе вело особое крыльцо; оконъ по фасаду было много, но небольшія (для тепла) и снабженныя ставнями, которыя запирались желѣзными болтами. По бокамъ главнаго корпуса тянулись службы, которыя, со стороны поля, были обрыты канавами. Вообще, усадьба имѣла видъ четырехугольной цитадели, въ которую лихому человѣку проникнуть было очень трудно.

Когда я вошелъ, Клубковъ находился въ харчевнѣ одинъ и, наклонившись къ стойкѣ, дѣлалъ карандашемъ расчетъ. На немъ былъ надѣтъ новый полушубокъ, расшитый по груди въ строчку шелками (на дворѣ стоялъ октябрь въ началѣ), но волосы были причесаны по нѣмецки, борода обрита, и глаза вооружены тонкими стальными очками.

Увидѣвши меня, онъ не то, чтобы изумился, но какъ будто сейчасъ проснулся. И въ тоже время въ глазахъ его уже просвѣчивала досада. Очень вѣроятно, что онъ зналъ объ моемъ пріѣздѣ въ имѣніе, и даже расчитывалъ на возможность моего посѣщенія, но «дѣло» до такой степени овладѣло всѣми его помыслами, что всякій «посторонній» случай, какъ бы онъ ни былъ естественъ, неизбѣжно застигалъ его врасплохъ.

— А вы меня застали, такъ сказать, среди самой процедуры моего дѣла! привѣтствовалъ онъ меня, но съ такимъ отсутствіемъ

Digitized by Google

какого бы то ни было душевнаго движенія, какъ будто вчера только со мною разстался. Однакожь, протянулъ мнѣ обѣ руки и радушно поздоровался.

— Я, признаться, отвыкъ ужь отъ общества, продолжалъ онъ, слегка иронизируя: — да при такой обстановкѣ можетъ ли быть и рѣчь объ обществѣ... не правда-ли? а?

— Обстановку всякій выбираетъ себѣ по желанію, отвѣтилъ я, чтобъ сказать что-нибудь.

— Да, но «общество»... оно вѣдь обязываетъ. «Иль не па де нотръ сосьетѐ», какъ говаривали наши Р—скія дамочки... помните? Или, какъ нынѣче принято говорить: интеллигенція, правящіе классы... фу-ты важно!!

Говоря это, онъ уже не иронизировалъ, а сознательно себя взвинчивалъ, и вдругъ словно самъ себѣ на мозоль наступилъ.

— Ну, да вѣдь теперь—баста! произнесъ онъ почти зловѣще:— теперь, золотые-то сны миновали! Побаловались! Пошалили! аминь!

Однако, взглянулъ на меня и какъ будто опомнился, что покуда я еще ни въ чемъ передъ нимъ не провинился.

— А, впрочемъ, что жь это я вамъ... сказалъ онъ, стихая.—Ну, да вѣдь и накипѣло же у меня! Тутъ дѣла по горло, не знаешь какъ сладить, а кругомъ—празднословіе, праздномысліе, хвастовство!.. То расцвѣтаютъ, то увядаютъ... Какъ мы съ вами, однакожь, давно... помните? *Ничего* тогда было... жилось! Тогда и теперь—сравните!

— Но вамъ и теперь, повидимому...

— Ничего; я лично не жалуюсь, но вообще... Пойдемте, однако, я въ свою хижину васъ сведу, съ бабой своей познакомлю: она тоже въ полушубкѣ въ лавкѣ сидитъ... Антонъ! обратился онъ къ вошедшему батраку:—ты тутъ за меня посиди, а коли кто съ дѣломъ придетъ, говори: ужо! Пойдемте, пойдемте! Я васъ дворомъ проведу! посмотрите, какіе у меня тамъ порядки.

Дворъ былъ просторный, свѣтлый и начисто выметенный. Заборъ перегораживалъ его на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной помѣщались скотный и конный дворы, а въ другой, примыкавшей къ господскому жилью — помѣщеніе для рабочихъ и амбары. Въ глубинѣ двора стояло пять, шесть крестьянскихъ подводъ, съ которыхъ производилась ссыпка всякаго рода сѣмени.

— Мужички ленокъ обмолотили, сказалъ Клубковъ мягко: — сѣмячко отъ избытковъ везутъ... А мы—покупаемъ.

Говоря это, онъ захватилъ горстью сѣмя и началъ пересыпать его изъ одной горсти въ другую, причемъ ворошилъ по ладони пальцемъ, всматривался, подувалъ и т. д.

Digitized by Google

— Ленокъ чистенькій... ничего! обратился онъ ко мнѣ.—Безъ костеря. Только вотъ въ дѣлѣ будетъ ли споръ?

И для того, чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, слизнулъ нѣсколько сѣмячевъ языкомъ и пожевалъ.

— Ничего, и масла будетъ въ мѣру. Леное сѣмя—это, я вамъ скажу, такая вещь, что съ нимъ глаза да и глаза надо. Какъ разъ, подлецы, съ пескомъ подсунутъ!

Потомъ подошелъ къ другому возу: оказался овесъ.

— И овсецо обмолотили — тоже покупаемъ, сказалъ онъ, раскалывая зубомъ зерно пополамъ: — ничего овёсикъ! недурной! Зерно полненькое, сухое, только вотъ на счетъ чистоты...

Онять началось пересыпанье ихъ горсти въ горсть, съ подуваньемъ, разсматриваньемъ на свѣтѣ и проч. Нѣсколько разъ черпалъ онъ то въ томъ, то въ другомъ мѣшкѣ, доставая рукою до самого дна, и повторяя одну и туже процедуру. И вдругъ раздался грозный голосъ:

— Отставь!

— Артемій Иванычъ! родимый! откликнулся кто-то изъ глубины.

— Знаю я давно, что я Артемій Иванычъ. Отставь. До праздниковъ у него не принимать — ни зерна! А потомъ — увидимъ! сказалъ онъ батраку, занимавшемуся ссыпкой, и затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: — хочу добиться, чтобъ не считали меня дуракомъ курицыны сыны, не смѣли бы надувать. И добьюсь.

Такимъ же порядкомъ мы проинспектировали всѣ возы, пока не добрались до хозяйскаго крыльца. Въ комнатахъ насъ ждалъ самоваръ и неизбѣжная закуска; но жены Клубкова не было.

— И не придетъ, разсудилъ Клубковъ. — Про сосьетѣ вспомнила, и обробѣла. Человѣкъ, изволите видѣть, изъ самаго сосьетѣ пріѣхалъ, а она—въ полушубкѣ! Милости просимъ! чего прежде, водочки или чайку?

И, не дождавшись моего отвѣта, налилъ себѣ рюмку настойки, и проглотилъ.

— А знаете ли что, продолжалъ онъ наивно: — на первыхъ порахъ, вашъ визитъ... какъ бы вамъ сказать... ну, просто лишнимъ показался. Съ чего? что такое понадобилось? А теперь вотъ взглянулъ на васъ — такъ на меня и хлынуло прошлымъ! И пренріятно. Со мной это и до сихъ поръ, по временамъ, бываетъ. Сидишь это, молчишь да молчишь, да расчеты дѣлаешь... и вдругъ откуда ни возьмись:

Скинь-ка шапку, скинь-ка шапку,
Да пониже, да пониже, да пониже поклонись!

Digitized by Google

Помните, кадриль такая «на мотивы» была?... И все передъ тобой какъ въявь: и музыка, и горящія люстры, и дамочки... Глупо, но пріятно!

— Стало быть, и мой визитъ на васъ такое же впечатлѣніе сдѣлалъ?

— Да, именно въ этомъ пріятномъ смыслѣ. Старое вспомнилось. Но сколькихъ мы безобразій съ тѣхъ поръ были свидѣтелями! чего наслушались! насмотрѣлись!

— Не знаю. Развѣ что-нибудь особенное произошло?

— Помилуйте! Начать хоть бы съ «меньшаго брата»—неужто это не безобразіе?! А устность и гласность? а обличенія? а скорый и молостивый судъ? Наконецъ: интеллигенція, обезпеченность, самоуправленіе, легальность, правовой порядокъ, иллюзіи, золотыя мечты, надежды, упованія, перспективы... вонъ вѣдь сколько! И все это мы видѣли собственными глазами, слышали собственными ушами!!

— Такъ что жь такое! вѣдь не ослѣпли и не оглохли!

— Но за то нанюхались. Нѣтъ, это не такъ, господа! Пошлости-то надо оставить. Уши выше лба не растутъ. Хоть шиломъ шиты, а все-таки въ какомъ ни есть государствѣ живемъ. Да-съ, въ государствѣ-съ.

Онъ дѣлался кротокъ и начиналъ впадать въ учительный тонъ. И смотрѣлъ на меня ужь въ упоръ, какъ будто понялъ, гдѣ раки зимуютъ.

— Вамъ, можетъ быть, непріятенъ этотъ разговоръ? инсинуировалъ онъ ехидно.

— Помилуйте! да мнѣ-то что жь! наплевать—только и всего! смалодушничалъ я довольно развязно: — сегодня — гласность, завтра—безгласность, сегодня—перспективы, завтра — каменный мѣшокъ... сколько угодно! Помните, какъ въ какомъ-то водевилѣ поется:

Такъ и эдакъ, и вотъ эдакъ,
И вотъ эдакъ, и вотъ такъ!

Всячески хорошо. Не понимаю, вы то изъ чего безпокоитесь?

Однакожь, развязность моя не только плѣнила его, но даже заставила слегка нахмуриться.

— Ну, такъ давайте объ другомъ... сказалъ онъ послѣ короткой паузы. — Помните, какъ мы въ Р** жили — вѣдь хорошо тогда было... право!

Начали припоминать, но вспомнилось немногое. Прежде всего, изъ глубины прошлаго выплыла хорошенькая мадамъ Первагина, которая любила съ мужчинами «картинки» смотрѣть; потомъ — старый помѣщикъ, который былъ тѣмъ замѣчателенъ, что его

Digitized by Google

всѣ звали «бѣлымъ арапомъ»; потомъ—полиціймейстеръ, у котораго отъ умиленія расходились сзади фалды, когда онъ по начальству съ докладомъ являлся. Ничего особеннаго. Тѣмъ не менѣе, мы оба старались испытывать удовольствіе, и отъ времени до времени даже хохотали. Вспомнили кстати нѣсколько «щекотливыхъ» дѣлъ, и опять хохотали. Однако-жь, разговоръ оказался до такой степени скуднымъ, что какъ мы ни длили его, но все-таки въ непродолжительномъ времени стали въ тупикъ. Начали курить папиросы; курили-курили, хлопали другъ друга по колѣнкѣ, смотрѣли другъ другу въ глаза, обмѣнивались краткими восклицаніями... ни взадъ, ни впередъ, да и баста!

— А я съ тѣхъ поръ дѣломъ занялся, и вотъ, какъ видите! не выдержалъ онъ и опять зачастилъ на старую тэму:—да и всѣмъ вообще пора за дѣло! Пожуировали! побаловались! И будетъ.

— Какое же собственно дѣло васъ занимаетъ? полюбопытствовалъ я.

— Работаю. Съ утра до вечера у меня минуты праздной нѣтъ. Я люблю дѣло, а кто его любитъ, у того оно всегда найдется. Въ мужики пошелъ! полушубокъ надѣлъ, косоворотку! сапоги ворванью смазываю... Исправникъ даже доносъ на меня сгоряча написалъ; думалъ, что я мужиковствовать собрался. Ну, нѣтъ! это—аттàнде!

Онъ всталъ съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ, видимо сгарая нетерпѣніемъ высказаться.

— У меня нынче... началъ онъ, волнуясь:—у меня ужь полъуѣзда подъ пятой... Хочу — придавлю, хочу — вздохнуть дамъ. Сытость ихнюю я въ рукахъ держу... Видѣли на дворѣ амбары?—такъ вотъ тамъ ихняя сытость за тремя замкàми лежитъ...

— На что же она вамъ понадобилась?

— Чувствуютъ они ее преимущественно. Словà-то въ ушахъ не задерживаются, да и тѣлесныя поврежденія, и тѣ нынче не всегда надлежащее дѣйствіе оказываютъ... А вотъ ежели за желудокъ умѣючи взяться...

— Что такое вы говорите, Артемій Иванычъ! невольно вырвалось у меня при этомъ признаніи.

Онъ взглянулъ на меня изъ-подъ очковъ и усмѣхнулся.

— А вы изъ филантроповъ?

— Изъ филантроповъ, или не изъ филантроповъ, а все-таки... Послушать васъ, такъ можно подумать, что вы за что-то мстите!

— Я не мщу, а дѣло дѣлаю. Разжиться торговлей задумалъ. Покупаю—хочу купить дешево; продаю—хочу продать дорого.

Digitized by Google

Желаю имѣть барышъ. А ежели, вмѣсто барышей, буду терпѣть убытки, то сейчасъ же всю эту махину подбоку — и шабашъ! Понятно?

— Какъ не понимать. Адвокатъ не для того по судамъ изнуряется, чтобы клiентовъ не находить, докторъ не для того практикуетъ, чтобы къ нему не обращались за помощью и т. д. Но при чемъ же тутъ мужицкая сытость?

— А при томъ, что она побуждаетъ дѣло дѣлать. По моему, дѣло для всѣхъ обязательно. И всякій долженъ именно «свое» дѣло дѣлать, а не забираться въ чужія хоромы, не мечтать. Да, государь мой! покойный батюшка получше насъ съ вами зналъ, какъ за «нихъ» взяться! И они не мечтали при немъ, а дѣлали дѣло, трудились. А для мечтателей у него былъ—жезлъ-съ!

— Это батюшка вашъ, а вы...

— Знаю съ. Нѣтъ у меня жезла—это дѣйствительно. Но поэтому-то я и приспособляюсь. Жезла не имѣю, такъ въ родѣ того стараюсь найти. Посмотрите на «нихъ»! Ободраны! обглоданы! ни избы, ни телеги, ни сохи... срамъ!

— А вамъ жаль?

— Срамъ-съ!

— Да вѣдь этакъ, пожалуй, окажется, что вы, стыда ради, нетолько не посягаете на общую сытость, а добиваетесь ея?

— Я-то? я знаю, чего добиваюсь. Остепенить *ихъ* надо—вотъ что я говорю!

— Понимаю. Но мнѣ кажется, что въ этомъ смыслѣ и безъ того сдѣлано больше, чѣмъ надо. Вы сами сейчасъ сказали, что повсюду, куда ни обернись — ни кола, ни двора... Что же можетъ быть степеннѣе этого?

— Я не объ этомъ, а объ дѣлѣ... Мнѣ не колы и дворы ихъ нужны—это они ужь какъ знаютъ—а дѣло!

Онъ видимо желалъ высказать свою мысль до конца, но въ тоже время нѣчто его останавливало. Не совѣсть, а какая-то не совсѣмъ еще исчезнувшая боязнь сболтнуть что-нибудь лишнее. Въ итогѣ оказывались недомолвки и противорѣчія, которыя глубоко его раздражали.

— Но неужто «они» не работаютъ, а только празднуютъ? удивился я.

— Празднуютъ-съ.

— Допустимъ. Предположите, однако-жь, что мужикъ пересталъ праздновать и всецѣло отдался «дѣлу» — должна же къ чему-нибудь эта метаморфоза его привести? Ну, напримѣръ, хоть къ относительному довольству?.. Думаете ли вы, что тогда такъ же легко будетъ завладѣть его сытостью, какъ теперь?

Digitized by Google

— А куда же онъ денется, позвольте спросить? откуда онъ довольство-то возьметъ?

— Очень просто: будетъ работать для себя и у себя.

— Это въ западняхъ-то въ ихнихъ?

Онъ залился такимъ добродушнымъ смѣхомъ, что я и самъ догадался, что высказалъ нѣчто рискованное.

— Нѣтъ, это не такъ, продолжалъ онъ:—не то вы совсѣмъ говорите. Никогда онъ отъ меня не уйдетъ и ни отъ кого, минуя меня, ничего не получитъ. Я не защищаю людей своего сословія. Слишкомъ многіе изъ нихъ, въ трудную минуту, выказали себя предателями, и почти всѣ безъ исключенія—малодушными и непредусмотрительными. Но среди общей паники, среди общаго бѣгства, сама собою устроилась одна комбинація, которой предстоитъ громадное будущее въ смыслѣ остепененія. Эта комбинація—надѣльныя западни. И хотя теперь уже видно, что ея плодами воспользуются совсѣмъ не тѣ, которые ее придумали, но во всякомъ случаѣ нѣкто воспользуется.

— Или, говоря другими словами: съ одной стороны, вы требуете непрестаннаго труда, а съ другой—радуетесь условіямъ, которыя дѣлаютъ примѣненіе труда почти безнадежнымъ... Что-жь, это тоже своего рода комбинація!

— Для труда всегда примѣненіе найдется. Вездѣ-съ. Не только свѣту въ окошкѣ, что крестьянскій надѣлъ. Куда ни оберитесь—вездѣ открытое поприще для труда. Я самъ лично не одной сотнѣ людей могу хлѣба дать. А надѣлъ только запутываетъ. И это когда-нибудь для всѣхъ будетъ ясно.

— Когда-то еще будетъ!

— Ничего, мы и подождемъ. Мы умѣемъ ждать. А въ ожиданіи будемъ остепенять «ихъ» на собственный страхъ. И не боимся-съ. Мнѣ и ножомъ, и ружьемъ, и краснымъ пѣтухомъ грозили, а я и сію минуту цѣлехонекъ. Сначала грозились, потомъ бояться стали, а нынѣче ужь и довѣріемъ осчастливливаютъ. Погодите немножко—чего добраго, и полюбятъ...

. . . . . .

Ничего другого я добиться отъ него не могъ. Впрочемъ, мысль его была совсѣмъ ясна, хотя онъ и опасался формулировать ее совершенно опредѣлительно. Вѣроятно, теперь, когда толки о «дѣлѣ» становятся все болѣе и болѣе настойчивыми, онъ высказываетъ свои пожеланія уже на чистоту. Какъ бы то ни было, но идеалъ «дѣла», осуществленія котораго онъ домогался, представлялся ему снабженнымъ всѣми атрибутами крѣпостного права. Около этой упраздненной формулы кутились всѣ

Digitized by Google

его помыслы, и никакой иной комбинаціи онъ нетолько придумать, но и случайно представить себѣ не былъ въ состояніи. Но такъ какъ крѣпостное право было вооружено жезломъ, а у него жезла не было, то онъ и подыскивалъ замѣняющее средство. И нашелъ его въ формѣ непосредственнаго дѣйствія на человѣческую сытость...

Онъ не разсчиталъ двухъ вещей: во-первыхъ, что жезлъ, въ большинствѣ случаевъ, только ранилъ, а придуманное имъ замѣняющее средство — калѣчитъ и погубляетъ, и во-вторыхъ, что разъ жезлъ выпалъ изъ рукъ за негодностью, гораздо выгоднѣе совсѣмъ объ немъ позабыть, нежели изнывать надъ пріисканіемъ замѣняющихъ средствъ одинаковаго съ нимъ воспитательнаго пòшиба.

Однимъ словомъ, онъ вопіялъ о «дѣлѣ», и въ тоже время убивалъ силу, на обязанности которой лежало созданіе этого дѣла. И, въ добавокъ, на это убиваніе употреблялъ средство, которое точно такъ же ежеминутно могло выпасть у него изъ рукъ, какъ нѣкогда выпалъ изъ рукъ «жезлъ»... Съ самаго того дня, въ который онъ сѣлъ на хозяйство, не было ни одной минуты, когда бы онъ не мечталъ объ дѣлѣ, не говорилъ себѣ: вотъ-вотъ сейчасъ оно придетъ... Но проходили годы, и «дѣло» нетолько не являлось на призывъ, но съ каждымъ годомъ, съ каждымъ часомъ все дальше и дальше уходило въ глубь. Однако-жь, и это не вразумляло его, а только злило, и онъ продолжалъ ждать, продолжалъ говорить: вотъ сейчасъ...

Ждетъ онъ и поднѣсь. Что окрыляетъ его надежды? что̀ заставляетъ его, несмотря на вразумленія дѣйствительности, упорно смотрѣть въ одну и ту же фантастическую точку?—отвѣтить на эти вопросы не трудно. По крайней мѣрѣ, для меня вполнѣ несомнѣнно, что значительную роль въ этомъ упорствѣ играетъ голая злость.

Злость, злость и злость... Неизъяснимая, непреодолимая, съ одинаковой яростью гложущая и самого злеца и предметъ его озлобленія. Словно одна изъ казней египетскихъ, отъ которой нѣкуда бѣжать. Вотъ единственный ясный мотивъ, который лежитъ въ основаніи толковъ о «дѣлѣ». Онъ одинъ даетъ этимъ толкамъ жизненность, одинъ сообщаетъ имъ какое-то подобіе убѣжденія и даже страстности, и помогаетъ уловлять прозелитовъ въ средѣ, на обумъ изрекающей самые неожиданные приговоры и не признающей себя отвѣтственною за нихъ.

Digitized by Google

Клубкова я долженъ, однако-жъ, до извѣстной степени выгородить: онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ назвать по имени объектъ своихъ вожделѣній. Это объектъ несостоятельный, опороченный опытомъ и въ самомъ существѣ своемъ безнравственный; но Клубковъ все-таки знаетъ его. Въ большинствѣ случаевъ, и этого знанія нѣтъ. Вы видите массу сорвавшихся съ цѣпи людей, которые и на улицахъ, и въ публичныхъ домахъ, и печатно, и устно твердятъ объ «дѣлѣ», и которые, въ сущности, заражены лишь безъимяннымъ бѣшенствомъ. И никакого отвѣта на вопросъ объ дѣлѣ эти люди дать не могутъ, кромѣ одного: или повторяй на вѣру ихъ загадочное бормотанье, или слѣдуй, по приглашенью, въ участокъ...

Что-то тутъ есть ненормальное, почти страшное. Посылая проклятія пустопорожней фразѣ, мы по горло окунаемся въ пучину другой, не менѣе пустопорожней фразы, но фразы посконной, неуклюжей, юродствующей. Я не поклонникъ фразы, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она представляетъ собой образецъ чеканки и округленности; но въ тоже время я не могу не сравнивать. Въ прежней фразѣ, отъ которой мы отрекаемся, все-таки слышалось нѣчто человѣческое, неясное, недосказанное, но не идущее вразрѣзъ человѣческой природѣ. Прежняя фраза не давала разрѣшеній, не указывала ни цѣлей, ни путей для достиженія ихъ; но она не возмущала, не отравляла, не засоряла мозговъ. Нынѣшняя посконная фраза, прежде всего, противна человѣческому естеству. Надо перестать быть человѣкомъ, чтобъ формулировать ее, не краснѣя. Отъ этого-то такъ часто слышится, рядомъ съ нею, напоминаніе объ участкѣ.

Въ этомъ смыслѣ, староста Андрей Иванычъ былъ совершенно правъ, говоря, что у Григорія Иваныча (который съ неменьшимъ нетерпѣніемъ, какъ и Клубковъ, чего-то ждалъ, но только не зналъ, какъ провести время въ ожиданіи) ничего не осталось, кромѣ «скверныхъ словъ». Проѣзжая отъ Клубкова домой, я и къ нему заѣхалъ. Старикъ до того уже опустился, что даже о крѣпостномъ правѣ позабылъ. Никакихъ идеаловъ онъ не лелѣялъ, никакихъ осуществленій не домогался, а только проклиналъ и ругался замѣчательно-скверными словами. И всѣ ругательства неизмѣнно заканчивалъ словами: а вотъ погодите! ужо опять всѣхъ за дѣло засадятъ!

Это было до того утомительно и однообразно, что я даже и въ споръ не вступалъ, а только, ради шутки, сказалъ:

— А помните ли, какъ въ старые годы пошехонцы счастія искали, да въ трехъ соснахъ заблудились? Какъ бы и теперь

Digitized by Google

того же не случилось. Поищутъ-поищутъ «дѣла», а кончатъ все-таки тѣмъ, что въ трехъ соснахъ заблудятся.

И представьте мое удивленіе: онъ нетолько не возразилъ мнѣ, но даже вполнѣ меня одобрилъ.

— Именно такъ! воскликнулъ онъ, по-дѣтски хлопая въ ладоши:—браво! въ трехъ соснахъ... это вѣрно! Именно, именно такъ и будетъ!

Очевидно, что онъ перепуталъ, и радовался совсѣмъ не тому. Но что касается до меня лично, то признаюсь откровенно, что только надежда на эту счастливую случайность и утѣшаетъ меня.

Годы уходятъ, а общественная мысль нетолько не просвѣтляется сознательнымъ отношеніемъ къ предстоящимъ жизненнымъ задачамъ, но все больше и больше запутывается въ массѣ безплодныхъ околичностей. И, что всего хуже, всецѣло проникается угрюмостью, нетерпимостью, человѣконенавистничествомъ. Фраза, съ какою-то удручающею правильностью, смѣняется фразою, и притомъ въ такой качественной постепенности, которая, въ виду фразы новоявленной, заставляетъ съ сожалѣніемъ вспоминать о фразѣ предыдущей, только что признанной несостоятельною.

Неизбѣжность господства фразы надъ жизнью (мы даже изъ вопроса о безплодности фразы и необходимости «дѣла» ухитрились устроить «фразу») представляется до такой степени естественною, что большинство уже смотритъ на это явленіе, какъ на законъ, не допускающій ни споровъ, ни возраженій, а требующій лишь безусловнаго подчиненія. Это предѣлъ, дальше котораго паденіе мыслительнаго уровня общества идти не можетъ. Начинается нелѣпое одностороннее торжество, въ которомъ пустомысліе изрекаетъ обязательные афоризмы, сопровождаемые, со стороны наивныхъ, безпорядочными трубными звуками, а со стороны ловкихъ людей—всѣми атрибутами нескрываемаго озлобленія. Какъ акклиматизироваться среди этой безсмысленной безстыжей оргіи? гдѣ найти силу, чтобы положить ей конецъ, или хотя умѣрить ея наглость? Увы! личныя усилія разбиваются такъ легко, что даже самое восторженное самообольщеніе остановится передъ ничтожностью предстоящихъ результатовъ; а затѣмъ, ни откуда—ни помощи, ни ободренія! Все кругомъ уже взято въ плѣнъ привычкою, все отжило, не живши, завяло, не испытавши цвѣтенія. Привычка съ изумительною быстротою

Digitized by Google

овладѣла всѣми помыслами и всѣхъ выручила изъ затрудненія. Привычка спасла сердца отъ негодованія, освободила совѣсть отъ упрековъ и во всѣ человѣческія отношенія ввела проказу равнодушія. Равнодушіе—это своего рода благо, за которое цѣпляются, въ которомъ видятъ спасеніе. Ибо оно одно даетъ силу жить, не истекая кровью и не сознавая всей глубины переживаемаго злосчастія.

Благо равнодушнымъ! благо тѣмъ, которые въ сердечной вялости находятъ для себя миръ и успокоеніе! Личное ихъ благополучіе нетолько не подлежитъ спору, но можетъ считаться вполнѣ обезпеченнымъ. А ничего другого имъ и не нужно. Но пусть же они знаютъ, что равнодушіе въ данномъ случаѣ обезпечиваетъ нетолько ихъ личное спокойствіе, но и безсрочное торжество лгуновъ-человѣконенавистниковъ. И, сверхъ того, оно на цѣлую среду, на цѣлую эпоху кладетъ печать безсилія, предательства и трусости.

Но какъ ни громадно сонмище равнодушныхъ, населяющихъ вселенную, я ни въ какомъ случаѣ не могу причислить къ нему моего друга Крамольникова. Напротивъ того, современные толки о непригодности мечтаній и необходимости «дѣла» до такой степени угнетаютъ его, что онъ даже не всегда соблюдаетъ надлежащую мѣру благоразумія въ выраженіи своихъ мнѣній объ этомъ предметѣ.

На дняхъ, сижу я утромъ въ трактирѣ «Ерши», и благодушествую. Передо мной—большой подовый пирогъ, за нимъ—графинчикъ очищенной, съ боку—двусмысленной формы сосудъ, наполненный жижей. Помочу въ рюмкѣ усы—и закушу пирогомъ, потомъ, опять помочу усы—и опять закушу, а въ промежуткахъ обдумываю: не спросить ли ветчинки? Словомъ сказать, сижу и занимаюсь «дѣломъ». И никто меня не трогаетъ. И я никого не трогаю, и меня никто не трогаетъ. Какъ вдругъ, откуда ни возьмись—Крамольниковъ!

Крамольниковъ—мой давній пріятель; но встрѣчаться съ нимъ въ публичныхъ мѣстахъ—сущее наказаніе. Къ сожалѣнію, онъ ужасно любитъ кочующую жизнь, и съ утра до вечера всюду заглядываетъ. И всякій разъ, какъ онъ меня застигаетъ внѣ предѣловъ моей квартиры, мнѣ начинаетъ казаться, что было бы лучше, еслибъ онъ мимо прошелъ. Ибо я хотя и не принадлежу къ числу безусловно-равнодушныхъ, но мѣру благоразумія знаю. А Крамольниковъ не знаетъ ее; а потому, когда встрѣчаешься съ

Digitized by Google

нимъ при благородныхъ свидѣтеляхъ, то невольно приходитъ на мысль: ну, ужь сегодня, навѣрное, участка не миновать!

Такъ было и теперь. Едва появился онъ на порогѣ, первая мысль, которая осѣнила меня, была такова: вотъ-вотъ, онъ сейчасъ «ляпнетъ»!

— Насыщаетесь? обратился онъ ко мнѣ, опускаясь на стулъ за тѣмъ же столомъ, за которымъ я завтракалъ.

— Ѣмъ.

— Буду ѣсть и я. Человѣкъ! копченаго сига! А сколько я, батюшка, срамословія сегодня наслушался! удивительно, какъ только сквозь землю не провалился!

При этихъ словахъ, сердце такъ и захолонуло во мнѣ. Ну, непремѣнно сейчасъ «ляпнетъ»!

— Сдѣлалъ шагъ—куча! другой—двѣ кучи! въ сторону кинулся—три кучи! Маневрировалъ-маневрировалъ—проходу нѣтъ! Наконецъ, вижу: «Ерши»! Шмыгнулъ въ подъѣздъ, и вотъ онъ я!

— Удивляюсь, Крамольниковъ, какъ у васъ все это образно... И какъ это вы успѣваете! еще двѣнадцати часовъ нѣтъ, а вы ужь и наслушались и нанюхались!

— То-то, батюшка, что нынче ужь натощакъ срамословятъ. Не поѣвши хлѣба божьяго, такъ и прутъ. И все съ захлебываньемъ, съ пѣной у рта, съ сжатыми кулаками, точно на супостата въ походъ собрались, и ужь заранѣе тризну по немъ правятъ!

— «Ляпнетъ»! опять стукнуло у меня въ головѣ.

— Все какого-то «дѣла», представьте себѣ, требуютъ. «Довольно мечтаній! кричатъ:—не нужно фразъ! дѣло подайте намъ! дѣло!» А нѣкоторые даже прибавляютъ: «настоящее».

— А вы?

— А я говорю: рожна вамъ нужно—вотъ что!

— Но почему же? По моему «дѣло», ежели оно...

— Знаю, что дѣло «ежели оно...» Да они вѣдь совсѣмъ не объ томъ. Рожна они требуютъ, воистину только рожна! а «дѣло» тутъ одинъ подвохъ.

— И опять-таки, вы черезчуръ образно выражаетесь. Рожонъ, подвохъ—образно, но не убѣдительно!

— Постойте. Взгляните въ окошко—что вы видите? Вонъ мущина въ кожаномъ фартукѣ сапоги тачаетъ—развѣ это не дѣло? Вонъ двое мущинъ, зеркало на головахъ по улицѣ несутъ—развѣ это не дѣло? Сейчасъ я въ банкирскую контору заходилъ; сидитъ мѣняло, и словно ученый скворецъ твердитъ: купить-продать, продать-купить—развѣ это не дѣло? Чиновники отношенія, ра-

Digitized by Google

порты, предписанія пишутъ—надѣюсь, что это тоже дѣло! Объ чемъ же «они» скулятъ? чего требуютъ? кого хотятъ подсидѣть?

— А вотъ этого самаго и требуютъ. Чтобы всѣ своимъ дѣломъ заняты были.

— Но гдѣ же, наконецъ, тѣ люди, которые не были бы какимъ-нибудь дѣломъ заняты?

— Какимъ-нибудь... А надобно, чтобы «своимъ»... Не какимъ-нибудь, а именно своимъ собственнымъ.

— Да вѣдь всякое дѣло есть въ то же время и свое собственное...

— Ну, нѣтъ, этого не скажите! Вотъ вы, напримѣръ...

— А я—сига копченаго ѣмъ! неужто же это мечтаніе? Копченый сигъ и мечтаніе!.. пощадите! Но ежели и есть тутъ мечтаніе, то, во всякомъ случаѣ, не о такихъ «больныхъ фантазіяхъ» идетъ рѣчь, когда посылаются проклятія фразамъ и золотымъ снамъ! Напротивъ того, ежели я, вмѣсто одного, двухъ сиговъ съѣмъ, то нетолько не назовутъ меня мечтателемъ, но даже въ заслугу мнѣ этотъ подвигъ вмѣнятъ.

— Но вотъ вы разговариваете...

— Разговариваю—потому что словесность имѣю. И пользуюсь ею, то есть дѣло дѣлаю.

— Да въ добавокъ еще критикуете...

— А критикую, потому что одаренъ способностью мыслить. Не самъ себя я одарилъ, а природа. Я же только пользуюсь этимъ даромъ, то есть опять-таки дѣло дѣлаю.

— То-то, что...

— И это знаю. Чего же, стало быть, въ данномъ случаѣ домогаются?—Очевидно, домогаются того, чтобы всѣ шили саноги, всѣ носили на головѣ тяжести, всѣ твердили: купить-продать, продать-купить. Вотъ это—«дѣло»; а говорить, критиковать, мыслить—мечтаніе! Вѣдь этого домогаются? такъ?

— Но вѣдь это отчасти и правда! потому что еслибъ всѣ занялись, напримѣръ, шитьемъ сапоговъ...

— Было бы прекрасно?—допустимъ. Но въ такомъ случаѣ, сами-то печальники «дѣла» зачѣмъ же не мычатъ, а разговариваютъ? зачѣмъ они мыслятъ? Потому что вѣдь даже къ тѣмъ поскуднымъ заключеніямъ, которыя они предъявляютъ, нельзя придти иначе, какъ при посредствѣ процесса мышленія!

— Крамольниковъ! я съ вами согласенъ... разумѣется, не вполнѣ... Но согласитесь, это такой разговоръ въ «Ершахъ», когда кругомъ...

— Что такое «кругомъ»? Вездѣ надо говорить, государь мой! вездѣ-съ! Вотъ отлично! всякій бездѣльникъ будетъ и на улицѣ,

Digitized by Google

и въ любой газетинѣ во всеуслышаніе всеобщую каторгу проповѣдывать (себя-то онъ изъ каторги, конечно, исключитъ!), а мы, для которыхъ это блаженство уготовывается, мы будемъ молчать?.. А впрочемъ, позвольте! могу я изъ вашего графинчика одну капельку для себя налить? совершенно неожиданно перервалъ онъ начатую діатрибу.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе!

— Такъ вотъ я и говорю: всѣ эти вопли о вредѣ мечтаній и пользѣ «дѣла»—подвохъ, и, кромѣ подвоха, ничего въ нихъ нѣтъ. Встрѣтилъ я давича Положилова; онъ тоже:—оставить надо мечтанія! за дѣло приняться пора!.. Сапнья! Слушалъ я слушалъ, да и ляпнулъ:—а знаете ли вы, говорю, что самый опасный мечтатель—вы-то и есть!

— Это почему?

— Да развѣ это не самое грубое, не самое противоестественное мечтаніе: человѣка, одареннаго даромъ слова — заставить молчать? человѣка, одареннаго способностью мыслить—заставить не мыслить?

— Не то, чтобы совсѣмъ не мыслить, но мыслить здраво и благопотребно, поправилъ я.

— А притомъ и благовременно. Вотъ это-то и есть мечтаніе. Можетъ ли Положиловъ указать мѣру здравости, благопотребности и благовременности? Въ состояніи ли онъ преподать къ руководству хотя краткій списокъ здравыхъ, благопотребныхъ и благовременныхъ мыслей? Можетъ ли онъ поручиться, что тутъ же, рядомъ съ нимъ, не объявится другой Положиловъ, который его благопотребность ему же въ непотребство вмѣнитъ, и въ замѣнъ того, преподастъ къ руководству своего собственнаго издѣлія чушь? Неужели эта регламентація благопотребности—не безумнѣйшее изъ всѣхъ мечтаній? И притомъ такое, на которомъ нельзя остановиться, чтобъ не пройти сквозь цѣлую серію такихъ же безумныхъ мечтаній? Безуміе настойчиво, государь мой! оно не просто заявляетъ о себѣ, не не задумывается и надъ насиліемъ въ видахъ своего подтвержденія. Сегодня, оно безуміе, на вѣтеръ лающее, а завтра—безуміе, заставляющее выслушивать свой лай и принимать его къ руководству... Могу я еще одну капельку изъ графинчика вашего позаимствоваться? Я не то, чтобы жаждалъ, а такъ...

— Ахъ, сдѣлайте милость!

— Продолжаю. Подвохъ въ этомъ случаѣ въ томъ состоитъ, что понятіямъ самымъ обыденнымъ и общепризнаннымъ, при помощи подтасовки, сообщается загадочный смыслъ. Никто никогда не отрицалъ, что и пахарь, и носильщикъ, и сапожникъ заняты

Digitized by Google

не мечтаніемъ, а дѣломъ. Этого рода «дѣло» для всѣхъ видимое, осязательное и до такой степени присущее всѣмъ формамъ человѣческаго общежитія, что никогда еще міръ не оскудѣвалъ имъ и не оскудѣвалъ никогда. Стало быть, указывать на него, какъ на какой-то новоявленный идеалъ, по меньшей мѣрѣ, безполезно. Да не объ немъ, очевидно, и рѣчь. Параллельно съ этимъ осязательнымъ дѣломъ, обезпечивающимъ матерьяльное существованіе общества, идетъ другое дѣло, которое обезпечиваетъ его духовное существованіе. Вотъ на этомъ-то пунктѣ и разыгрывается тотъ изумительный турниръ, который, смотря по вѣяніямъ времени, иногда сохраняетъ характеръ состязанія, но чаще прямо принимаетъ формы приказательнаго чревовѣщанія. Въ періоды состязаній, вопросъ ставится такъ: одни видятъ высшую задачу человѣческой дѣятельности въ содѣйствіи къ разрѣшенію вопросовъ всесторонняго человѣческаго развитія, и эту задачу называютъ «дѣломъ»; другіе, напротивъ, не признавая неизбѣжности человѣческаго развитія, ту же самую задачу называютъ мечтаніемъ, фразой. Въ періоды чревовѣщаній, ряды защитниковъ высшихъ задачъ постепенно рѣдѣютъ и, наконецъ, совсѣмъ умолкаютъ; напротивъ того, чревовѣщатели смѣло выступаютъ впередъ, и, не встрѣчая ни откуда препятствія, открываютъ односторонній бой, наполняя при этомъ веси и грады всяческимъ сквернословіемъ и проклятіями. «Прочь мечтанія! за дѣло пора! за дѣло!» раздается по всей линіи. Но какое же это «дѣло», къ которому такъ страстно несутся всѣ сердца? А вотъ какое: упраздненіе человѣческой мысли, доведеніе человѣческой рѣчи до степени бормотанія—только и всего. То есть, устраненіе тѣхъ именно качествъ, которыя человѣка дѣлаютъ человѣкомъ. А затѣмъ, разсудите ужъ сами, кому въ данномъ случаѣ болѣе приличествуетъ кличка «мечтателей». Тѣмъ ли, которые, несмотря на мракъ, окутывающій будущее, все-таки не теряютъ изъ вида законовъ человѣческаго совершенствованія, или тѣмъ, которые осуждаютъ людей на то, чтобъ сидѣть упершись лбомъ въ стѣну и въ безмолвіи ожидать, пока она на нихъ повалится?

. . . . . .

Очень возможно, что Крамольниковъ и дальше разглагольствовалъ бы на туже тэму, но въ эту минуту, очень кстати, въ комнату вошло новое лицо, въ которомъ я съ удовольствіемъ узналъ безшабашнаго совѣтника Дыбу. Оказалось, что и Крамольниковъ старый знакомый Дыбы, который былъ его начальникомъ въ ту пору, когда они оба служили въ департаментѣ Преуспѣяній и Перспективъ.

Digitized by Google

— А! господинъ фрондёръ! привѣтствовалъ его Дыба: — все еще по части преуспѣяній состязаться изволите?

Вмѣсто отвѣта, Крамольниковъ вновь разсказалъ исторію слышанныхъ имъ въ это утро сквернословій, и—что̀ меня крайне изумило—не только не огорчилъ Дыбу своимъ разсказомъ, но даже удостоился отъ него поощренія.

— Дѣйствительно, сказалъ Дыба:—смѣха достойно! Толкуютъ объ дѣлѣ, а какое оно и на какой предметъ—объяснить не могутъ. Вотъ мы...

Онъ слегка застыдился, крякнулъ и проглотилъ, для бодрости, рюмку водки.

— А, впрочемъ, съ другой стороны, продолжалъ онъ, уже не краснѣя:—и дѣло, и не дѣло—все это и возможно, и достижимо, и даже... легко преборимо... Только вотъ людей нѣтъ—это такъ! Это, я вамъ доложу...

Н. Щедринъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НѢКОТОРЫЯ ОСОБЕННОСТИ

НАШИХЪ ПОЗЕМЕЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ.

Количественная сторона аграрнаго вопроса въ Россіи, благодаря цѣлому ряду изслѣдованій послѣдняго времени, болѣе или менѣе выяснена. Извѣстныя работы центральнаго статистическаго комитета («Статистика поземельной собственности» и др.), а еще болѣе изслѣдованія разныхъ земскихъ статистическихъ бюро уяснили для значительной и притомъ наиболѣе населенной части Россіи распредѣленіе поземельной собственности между различными разрядами собственниковъ и между отдѣльными членами каждаго разряда, а также количественныя отношенія того или другого вида поземельной собственности къ численности населенія. Благодаря этимъ работамъ и изслѣдованіямъ, намъ извѣстны поземельныя нужды населенія и самые размѣры этихъ нуждъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, этими изслѣдованіями собраны данныя для опредѣленія пути, котораго должно держаться для удовлетворенія означенныхъ нуждъ населенія. Несомнѣнно, конечно, что въ этомъ направленіи предстоитъ сдѣлать еще очень многое, какъ потому, что даже въ области, подвергшейся изслѣдованіямъ, доселѣ обслѣдована только часть общаго района, такъ и въ особенности потому, что ко многимъ областямъ Россіи поземельно-статистическія работы еще не примѣнялись. Тѣмъ не менѣе, крайне важно то обстоятельство, что самый трудный періодъ поземельно-статистическихъ работъ, начальный, уже пройденъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать и того, что произведенными работами уже собраны весьма цѣнныя данныя, которыя могутъ опредѣлить надлежащее направленіе нашей поземельной политики, если только, конечно, мы пожелаемъ воспользоваться этими данными.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится другая сторона во-

Digitized by Google

проса, сторона, если можно такъ выразиться, *качественная*. Мы разумѣемъ здѣсь всю совокупность недостатковъ нашего поземельнаго быта, которые обусловливаются отсутствіемъ законодательнаго признанія поземельно-правовыхъ нормъ, выработанныхъ исторически русскою жизнью, и общею запутанностью поземельныхъ отношеній. Этой стороны дѣла почти совершенно не касаются всѣ производившіяся доселѣ изслѣдованія по поземельному вопросу. А между тѣмъ, наше землевладѣніе обставлено не малымъ количествомъ стѣсненій, и вопросъ о регулированіи нашего поземельнаго строя является вопросомъ, который заслуживаетъ давно быть поставленнымъ на очередь. Большую пользу какъ для опредѣленія размѣровъ этого вопроса, такъ и для правильной постановки и удовлетворительнаго рѣшенія его, могли бы принести работы земскихъ статистиковъ, еслибы они не ограничивались одною количественною его стороною, а обращали также вниманіе на существующую путаницу поземельныхъ отношеній и занялись изученіемъ всего разнообразія существующихъ поземельно-правовыхъ нормъ. Съ цѣлью показать важность работъ послѣдняго рода, главнымъ образомъ и пишется настоящая статья. Само собою разумѣется, что въ статьѣ вопросъ быть можетъ очерченъ далеко не во всей его полнотѣ, а лишь въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ сдѣлать это позволяетъ собранный нами матеріалъ.

I.

Самымъ главнымъ недостаткомъ нашего законодательства является, безъ сомнѣнія, его несоотвѣтствіе тѣмъ правовымъ понятіямъ, которыя выработала себѣ народная масса тернистымъ путемъ исторической жизни. Это разногласіе закона и народныхъ правовыхъ понятій, созданныхъ жизнью, особенно рѣзко въ области отношеній, подлежащихъ вѣдѣнію гражданскихъ законовъ. Особенно ощутительно отсутствіе въ нашихъ гражданскихъ законахъ нормированія цѣлаго цикла такихъ имущественныхъ отношеній, которыя существуютъ въ народной жизни цѣлые вѣка и вошли въ плоть и кровь народа.

Наши законы не дѣлаютъ никакого различія между поземельной собственностью и всякимъ другимъ видомъ собственности. Какъ всякая движимость, такъ равно и земля, признаются въ законѣ одинаково объектомъ безусловнаго права собственности. Нашъ законъ признаетъ только такой видъ отношеній собственника къ объекту собственности, при которыхъ собственникъ (кто бы онъ ни былъ—лицо или общество) имѣетъ право поступать съ принадлежащею ему собственностью какъ ему угодно: можетъ подарить, заложить, продать на какихъ ему угодно условіяхъ, можетъ испортить принадлежащее ему имущество, уменьшить его цѣнность и т. д. Ограниченное право собственности,

Digitized by Google

при которомъ свобода распоряженій собственника была бы поставлена въ извѣстныя границы, почти совершенно не признается нашими законами. Едва ли не единственнымъ замѣтнымъ исключеніемъ изъ такого положенія вещей является признанное закономъ существованіе въ Западномъ краѣ *сервитутовъ*, при которыхъ свобода собственника въ распоряженіи имѣніемъ ограничивается обязательствомъ отводить выгонъ на своихъ поляхъ для скота всѣхъ окрестныхъ жителей, допускать въѣздъ крестьянъ въ лѣса и т. п. Правда, въ послѣдніе два вѣка неоднократно дѣлались попытки ввести въ наши законы понятія и о другихъ видахъ ограниченнаго права собственности. Таковы, напримѣръ, учрежденія майората и минората. Но эти попытки касались лишь частныхъ явленій и совсѣмъ не привились къ русской жизни, такъ какъ формы, въ которыя выливались эти попытки, совсѣмъ не гармонировали съ общимъ строемъ народной жизни. Въ послѣдній же періодъ нашей исторіи замѣчается сильное стремленіе изгнать изъ нашихъ законовъ всякое представленіе объ ограниченномъ правѣ собственности. Такъ, издавна земля, на которой жили бывшіе государственные крестьяне, считалась собственностью государства, хотя дѣйствительными, потомственными владѣльцами ея были крестьяне. Раздѣленіе права собственности на землю между крестьянами и государствомъ выражалось въ томъ, что крестьяне, свободно распоряжаясь землею, не имѣли, однако, права ни продать, ни заложить ее, какъ собственность государства. Такое раздѣленіе права собственности гарантировало *вѣчную* принадлежность крестьянамъ земли, которая не могла быть отчуждаема ни по собственному ихъ желанію, ни по взысканію по долговымъ обязательствамъ. Между тѣмъ, «Положеніемъ» 1864 г. о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, эти послѣдніе превращены въ безусловныхъ собственниковъ отграниченной имъ въ надѣлъ земли, и, такимъ образомъ, теперь земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ могутъ быть отчуждаемы какъ по добровольнымъ сдѣлкамъ, такъ и за долги, и этимъ путемъ уже начался процессъ обезземеленія крестьянъ.

Народно-правовыя понятія кладутъ рѣзкую границу между собственностью движимою и недвижимою, и поскольку часто по отношенію къ первому виду собственности за собственникомъ признается безусловное право свободнаго распоряженія, постольку право на второй видъ собственности является ограниченнымъ. Послѣднее особенно должно быть сказано относительно поземельной собственности. Мы только-что упоминали о формѣ землевладѣнія, исторически сложившейся у государственныхъ крестьянъ и уничтоженной «Положеніемъ» 1864 г. Но и въ настоящее время въ народной жизни встрѣчаются такія формы поземельныхъ отношеній, при которыхъ право собственника распоряжаться своею собственностью является ограниченнымъ цѣлымъ рядомъ условій. Какъ на примѣръ такихъ отношеній можно указать на *чиншевое право*.

Digitized by Google

Обращаясь затѣмъ къ другой сторонѣ дѣла, къ вопросу о субъектѣ, въ которомъ реализируется право собственности, мы и здѣсь найдемъ тоже разногласіе народно-правовыхъ понятій и законодательныхъ нормъ. Собственно говоря, въ нашемъ законѣ подробно и обстоятельно развито и разработано лишь понятіе о частной собственности. Право собственности, принадлежащее товариществамъ и общинамъ, допускается закономъ, но регулируется имъ весьма слабо, особенно общинное владѣніе. *Ни о какой другой формѣ права собственности въ нашемъ законѣ не упоминается.* Между тѣмъ, народная жизнь, преимущественно въ сферѣ поземельныхъ отношеній, создала такія формы владѣнія, которыя не могутъ быть причислены ни къ частному, ни къ товарищескому, ни къ общинному. Таковы *семейная* и *родовая* собственность и смѣшанная форма, при которой право собственности раздѣляется между отдѣльными лицами и общиною. Семейная собственность существуетъ повсюду въ деревняхъ; образчикомъ родовой собственности можетъ служить землевладѣніе у *резешей* (особый видъ крестьянъ въ Бессарабской губерніи), а примѣромъ смѣшанной формы является такъ называемое *четвертное* землевладѣніе.

Благодаря отсутствію въ законѣ гарантій для семейной, родовой и другихъ, болѣе сложныхъ формъ владѣнія, существованіе послѣднихъ крайне непрочно и можетъ быть пошатнуто и даже совсѣмъ уничтожено всякимъ желающимъ. Къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ подобное положеніе вещей, мы увидимъ сейчасъ, при подробномъ разсмотрѣніи судебъ *чиншеваго, резешскаго и четвертнаго землевладѣнія.*

II.

Чиншевое право развилось исключительно въ Западномъ краѣ Россіи, благодаря мѣстнымъ особенностямъ быта. При чиншевомъ владѣніи право собственности распредѣляется между первоначальнымъ собственникомъ земли и сидящимъ на ней чиншевикомъ. Собственникъ, сохраняя номинально право собственности на землю, въ дѣйствительности сохранялъ лишь право на полученіе съ нея дохода и притомъ въ разъ навсегда опредѣленномъ размѣрѣ. Чиншевикъ, получая землю, обязывался ежегодно взносить собственнику плату, разъ навсегда опредѣленную, увеличить которую собственникъ могъ только съ согласія чиншевика; эта плата и называлась *чиншемъ*. До тѣхъ поръ, пока чиншевикъ аккуратно уплачивалъ чиншъ, онъ не могъ быть удаленъ съ земли и распоряжался тѣмъ или другимъ употребленіемъ ея вполнѣ самостоятельно. Мало того, онъ передавалъ землю въ наслѣдство своимъ дѣтямъ и другимъ наслѣдникамъ, причемъ могъ дѣлить ее между нѣсколькими наслѣдниками; онъ могъ даже подарить или продать землю. При

Digitized by Google

отчужденіи соблюдалось только одно условіе, чтобы новый чиншевикъ бралъ на себя обязательство взносить прежній чиншъ первоначальному собственнику. Такова сущность чиншеваго права.

Чиншевое право вовсе не представляетъ собою чего-либо небывалаго въ исторіи человѣчества, развившагося исключительно на почвѣ Западнаго края. Напротивъ, еще римскимъ правомъ признавались отношенія, совершенно тождественныя съ отношеніями чиншевика къ номинальному собственнику. Въ средніе вѣка чиншевое право признавалось во всѣхъ странахъ Западной Европы, причемъ подъ дѣйствіе его подходили даже дома въ городахъ. И въ настоящее время въ Западной Европѣ встрѣчаются поземельные обычаи, представляющіе собою ничто иное, какъ остатки чиншеваго права. Таковы Beklemregt въ голландской провинціи Гронингенъ, mauvais grè въ Ганау и провинціи Льежъ (тоже въ Голландіи), droit de marché въ одномъ округѣ департамента Соммы (во Франціи), «ульстерскій обычай» въ ирландской провинціи Ульстеръ и «афораменто» въ Португаліи. Beklemregt очень похоже на наше чиншевое право и состоитъ въ томъ, что фермеръ имѣетъ право занимать ферму за плату, размѣры которой землевладѣлецъ не имѣетъ права увеличивать. Фермеръ имѣетъ право продать свой Beklemregt, можетъ оставить его по завѣщанію, можетъ брать подъ залогъ его деньги, можетъ даже сдавать его въ аренду, но совершать всѣ эти дѣйствія надъ своимъ Beklemregt'омъ онъ можетъ только надъ *цѣлымъ* и не имѣетъ права дѣлить его на части. Droit de marché, mauvais grè и ульстерскій обычай состоятъ въ томъ, что всякій разъ, когда происходитъ смѣна арендаторовъ фермы, новый арендаторъ обязанъ уплатить старому вознагражденіе за произведенныя послѣднимъ улучшенія на фермѣ. Португальскій «афораменто» совершенно тожественъ съ Beklemregt'омъ. Обычай этотъ закрѣпленъ Civil Code'омъ 1867 года, и при этомъ получилъ дальнѣйшее развитіе: такъ, по закону, въ случаѣ неплатежа ренты, землевладѣлецъ можетъ требовать взысканія ея какъ обыкновеннаго долга, но не имѣетъ никакого права на возвращеніе себѣ имѣнія, даже еслибъ это право было выговорено въ особой сдѣлкѣ съ фермеромъ.

Развитіе чиншеваго права въ Западномъ краѣ обусловлено особенностями сложившагося здѣсь строя жизни, и нельзя не признать, что возникновеніе этого права было наиболѣе разумнымъ и наиболѣе справедливымъ выходомъ изъ неудачно сложившагося соціальнаго положенія края. Польскіе, литовскіе и южно-русскіе паны захватили огромныя пространства земли въ Западной Россіи. При рѣдкомъ населеніи, земли эти, большею частью, представляли собою голые пустыри, не приносившіе никакого дохода ихъ владѣльцамъ. Желая, однако, извлечь выгоды изъ своихъ земель, владѣльцы старались всякими льготами привлекать населеніе въ свои имѣнія. Въ виду того, что населеніе

Digitized by Google

тогда было рѣдкое, а земли много, поселяне могли требовать очень выгодныхъ для себя условій, и землевладѣльцы принуждены были соглашаться на нихъ. Завѣтнымъ желаніемъ земледѣльцевъ было, конечно, пріобрѣтеніе обработываемыхъ ими земель въ собственность. Но въ Польшѣ и Литвѣ право пріобрѣтать земли въ потомственную и неограниченную собственность принадлежало исключительно коронѣ и высшему дворянству и только въ рѣдкихъ случаяхъ тѣмъ же правомъ могли пользоваться члены низшаго дворянства, шляхты. Вслѣдствіе этого создался компромиссъ, обезпечивавшій за земледѣльцами вѣчное пользованіе землей и многіе аттрибуты права собственности, а за землевладѣльцами полученіе опредѣленнаго, хотя и не могущаго быть увеличиваемымъ, дохода. Таковъ источникъ возникновенія чиншеваго права.

Собственно чинши бываютъ сельскіе и городскіе и мѣстечковые. О послѣднихъ мы будемъ говорить ниже, а теперь пока остановимся на первыхъ.

Положеніе сельскихъ чиншевиковъ нисколько не измѣнилось и съ присоединеніемъ Западнаго края къ Россіи, такъ какъ здѣсь были оставлены въ силѣ прежніе литовскіе законы. Только въ 1840 году Западный край былъ подчиненъ дѣйствію общихъ законовъ имперіи, и такъ какъ въ нашихъ законахъ не было никакихъ указаній на поземельное право, соотвѣтствующее чиншевому праву, то и начались черные дни для чиншевиковъ. Было положительно запрещено раздавать земли на чиншевомъ правѣ новымъ лицамъ, и послѣднія должны были разсматриваться какъ простые арендаторы. Это законоположеніе, совершенно противорѣчащее какъ привычкамъ и обычаямъ населенія, такъ и условіямъ края, осталось безъ исполненія. Масса некультивированныхъ земель Западнаго края могла найдти обработчиковъ только на чиншевомъ правѣ. Болотистыя или покрытыя негоднымъ лѣсомъ и кустарникомъ земли получали цѣнность только отъ приложеннаго къ нимъ труда, отъ произведенныхъ на нихъ улучшеній, и было вполнѣ справедливо, что доходы отъ этихъ улучшеній дѣлались собственностью лицъ, произведшихъ ихъ, а землевладѣльцамъ оставался только тотъ доходъ, который они могли получить при первоначальной отдачѣ въ аренду дикихъ земель. Такимъ образомъ, вопреки прямому запрещенію закона, чиншевое право продолжало развиваться и число чиншевиковъ продолжало расти. Чтобы показать, до какой степени населеніе Западнаго края свыклось съ чиншевымъ правомъ и насколько оказался безсильнымъ указъ 1840 года о нераспространеніи этого права на новыхъ лицъ, достаточно привести слѣдующія данныя по Волынской губерніи. Здѣсь къ 1876 году общее число чиншевиковъ равнялось 134,710 душъ обоего пола; изъ нихъ сдѣлались чиншевиками съ незапамятныхъ временъ 72,211, болѣе 100 лѣтъ тому назадъ—3,648, отъ

Digitized by Google

100 до 50 лѣтъ—16,432, отъ 50 до 25 лѣтъ — 12,114, отъ 25 до 10 лѣтъ—15,441 и менѣе 10 лѣтъ—14,844 человѣкъ [1].

Такимъ образомъ, и послѣ 1840 года значительное число лицъ вступало съ землевладѣльцами въ сдѣлки на основаніи чиншеваго права и становилось въ ряды чиншевиковъ. Между тѣмъ, благодаря тому обстоятельству, что законъ не признавалъ за этими новыми чиншевиками никакихъ правъ и разсматривалъ ихъ какъ простыхъ арендаторовъ, ихъ положеніе оказалось крайне печальнымъ. Землевладѣлецъ относился къ нимъ какъ къ чиншевикамъ лишь до той поры, пока чиншевики не осушали болотъ имѣнія, не расчищали лѣса, не превращали дикихъ земель въ прекрасные нивы и луга; а разъ это было сдѣлано, онъ предлагалъ чиншевикамъ или платить увеличенный чиншъ, сообразно съ увеличенною доходностью и цѣнностью имѣнія, или очистить земли. Чиншевики, будучи вполнѣ увѣренными въ своихъ правахъ, понятное дѣло, не изъявляли согласія подчиниться предъявляемымъ имъ требованіямъ. Тогда землевладѣлецъ обращался къ суду съ просьбою о возстановленіи его нарушеннаго права владѣнія, и судъ, обязанный на основаніи закона разсматривать всѣхъ чиншевиковъ, явившихся послѣ 1840 г., какъ простыхъ арендаторовъ, которыхъ каждый землевладѣлецъ можетъ удалить изъ своего имѣнія, когда ему угодно, если между ними не заключено никакихъ письменныхъ условій, выдавалъ землевладѣльцу исполнительные листы. Исполнительные листы приводились въ исполненіе обыкновенно силою, и чиншевики выгонялись съ воздѣланной ими земли.

Не лучше было положеніе тѣхъ чиншевиковъ, которые пріобрѣли чиншевое право до 1840 г. При подчиненіи Западнаго края дѣйствію общихъ законовъ имперіи, отношенія чиншевиковъ къ землевладѣльцамъ остались не опредѣленными законодательнымъ путемъ. Это дало поводъ къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ со стороны землевладѣльцевъ. При дѣйствіи закона, обычай, на которомъ единственно теперь основывались чиншевыя отношенія, не могъ быть обязателенъ, и должно было ожидать, что землевладѣльцы воспользуются особеннымъ положеніемъ чиншеваго владѣнія, созданнымъ умолчаніемъ о немъ закона, и будутъ стремиться къ уничтоженію чиншевыхъ отношеній. Такъ это и случилось. До 1861 г., впрочемъ, случаи лишенія стародавнихъ чиншевиковъ права на землю были сравнительно рѣдки; но когда въ 1861 г. произошло освобожденіе крестьянъ и затѣмъ былъ изданъ цѣлый рядъ спеціальныхъ законоположеній объ устройствѣ быта различныхъ группъ крестьянства, а чиншевики были совершенно забыты и относительно ихъ не было принято никакихъ законодательныхъ мѣръ, землевладѣльцы принялись самымъ энергическимъ образомъ изгонять

[1] Кіевлянинъ, 1876 г. № 147.

Digitized by Google

чиншевиковъ изъ своихъ имѣній или, оставляя ихъ на мѣстѣ, лишать земли и переводить въ разрядъ простыхъ арендаторовъ.

Чтобы представить наглядно, съ какою неосновательностью и произвольностью производилось это «очищеніе имѣній», а также характеризовать самые способы «очищенія», я передамъ здѣсь вкратцѣ исторію чиншевиковъ мѣстечка Колки.

Существованіе мѣстечка Колки (Волынской губерніи) восходитъ до 1500 года; въ 1569 г. Колки считались вотчиной польскихъ королей, а въ 1598 году польскій король Сигизмундъ III даровалъ мѣстечку привилегію, съ переименованіемъ его жителей въ мѣщанъ и предоставленіемъ имъ права имѣть самостоятельный судъ на основаніи магдебургскаго права. Затѣмъ мѣстечко было зачислено въ ординацію кн. Радзивила и колковцы сдѣлались чиншевиками этого магната. Землею они распоряжались вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства со стороны помѣщика, и всѣ ихъ отношенія къ послѣднему ограничивались уплатою незначительнаго чинша. Затѣмъ имѣніе Колки перешло къ кн. Витгенштейну, но прежнія отношенія чиншевиковъ къ землевладѣльцу отъ того не измѣнились. Такое положеніе вещей продолжалось до 1849 г., когда имѣніе перешло покупкою къ дворянину Кожуховскому. Послѣдній рѣшился возвысить плату, вносимую чиншевиками землевладѣльцу, и съ этою цѣлью составилъ новый инвентарь для имѣнія. Чиншевики, однако, будучи вполнѣ увѣрены въ своихъ правахъ, согласиться на возвышеніе чинша отказались. Послѣ десятилѣтнихъ безуспѣшныхъ стараній покорить чиншевиковъ своей волѣ, Кожуховскій вошелъ въ 1859 году въ Волынское губернское правленіе съ прошеніемъ, въ которомъ, изложивъ, что поселенные на его землѣ мѣщане нетолько уклоняются отъ несенія лежащихъ на нихъ повинностей (т. е. попросту, не желаютъ платить увеличенный чиншъ), «но сверхъ того, по своему буйному характеру, ослушиваются всѣмъ его распоряженіямъ, съ извѣстною ихъ безпечностью, и своимъ безнравственнымъ поведеніемъ даютъ худой примѣръ его крестьянамъ, каковые ихъ поступки и неповиновеніе законной вотчинной власти угрожаютъ современемъ совершеннымъ раззореніемъ его имѣнія, что неминуемо произойдетъ отъ дальнѣйшаго пребыванія означенныхъ мѣщанъ въ его имѣніи». Въ виду всего этого, Кожуховскій просилъ сдѣлать распоряженіе о выселеніи цѣлаго общества чиншевиковъ изъ его имѣнія.

Губернское правленіе передало это дѣло въ луцкій земскій судъ, который предписалъ мѣстному становому приставу, чтобы онъ заставилъ колковскихъ мѣщанъ или платить желательную для г. Кожуховскаго плату, или войдти въ особое соглашеніе съ землевладѣльцемъ относительно дальнѣйшаго жительства ихъ въ мѣстечкѣ; въ случаѣ же несогласія чиншевиковъ ни на уплату увеличеннаго чинша, ни на заключеніе новаго условія съ землевладѣльцемъ, имъ, по постановленію суда, предстояло выселеніе.

Digitized by Google

Припертые къ стѣнѣ, колковскіе мѣщане рѣшились уступить и вступили въ сдѣлку съ землевладѣльцемъ. Сдѣлка эта была представлена въ 1861 г. въ луцкій городовой магистратъ для явки, но постановленіе магистрата, принявшаго сдѣлку къ засвидѣтельствованію, было опротестовано уѣзднымъ стряпчимъ на томъ основаніи, что сдѣлка эта слишкомъ обременительна для мѣщанъ. Потомъ къ протесту присоединились и мѣщане. Вслѣдствіе этого луцкій земскій судъ не принялъ сдѣлку къ явкѣ и возвратилъ ее мѣщанамъ. Такимъ образомъ, соглашеніе между мѣщанами и землевладѣльцемъ не состоялось вплоть до 1872 года, когда г. Кожуховскій предъявилъ въ Волынской соединенной палатѣ къ колковскимъ мѣщанамъ искъ объ убыткахъ и % на сумму 67,039 руб. 70 коп., въ которомъ ему сенатомъ отказано уже въ 1877 году. Между тѣмъ, тремя годами ранѣе, въ 1874 г., до сената дошло начавшееся еще въ 1859 году дѣло о выселеніи колковскихъ мѣщанъ, и сенатъ, признавъ постановленіе луцкаго земскаго суда 1860 г. вошедшимъ въ окончательную законную силу, далъ 20-го марта 1874 г. указъ на имя Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора объ исполненіи означеннаго постановленія посредствомъ выселенія колковскихъ мѣщанъ, если они не войдутъ въ соглашеніе съ землевладѣльцемъ. Такого соглашенія не состоялось, и въ іюнѣ 1874 г. «половина 43 пѣхотнаго Охотскаго полка въ полной боевой аммуниціи двинулась въ Колки. Закипѣла работа, началась безпощадная ломка домовыхъ крышъ и кончилась бы съ послѣднимъ домомъ, еслибъ на мѣсто погрома не прибылъ командиръ полка, который, изъ чувства состраданія, велѣлъ прекратить дальнѣйшую операцію, и десятка 2—3 домовъ еще уцѣлѣли. Затѣмъ всѣхъ мѣщанъ выгнали изъ домовъ». «По изгнаніи изъ мѣстечка, мѣщане жили около Колокъ, просто подъ открытымъ небомъ, пока наступившіе холода глубокой осени не заставили ихъ бросить негостепріимныя мѣста и разсѣяться по разнымъ мѣстамъ» [1].

Разсѣянные по градамъ и весямъ, колковскіе чиншевики, однако, не успокоились, а избрали особыхъ довѣренныхъ для предъявленія иска къ г. Кожуховскому. Искъ этотъ былъ предъявленъ уже въ 1878 г. въ волынской соединенной палатѣ и касался признанія за колковскимъ обществомъ чиншеваго права на отнятую землю, какъ полевую, такъ и усадебную. Цѣна иска опредѣлена въ сто тысячъ рублей. Дѣло, по обыкновенію, затянулось и было передано въ 1881 г., по введеніи въ Юго-Западномъ краѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, въ луцкій окружной судъ, который, признавъ права колковскихъ мѣщанъ на землю, рѣшилъ возвратить имъ отобранныя у нихъ усадебныя мѣста, пахатныя земли и сѣнокосы и обязалъ помѣщика возвратить колковскому обществу бывшія въ его владѣніи, до изгнанія, постройки. Г. Кожуховскій переносилъ дѣл

[1] «Кіевлянинъ», 1881 г., № 62.

Digitized by Google

въ Кіевскую судебную палату, но послѣдняя утвердила приговоръ окружнаго суда.

Я остановился такъ долго на дѣлѣ мѣщанъ м. Колки именно въ виду его типичности. Тысячи дѣлъ шли именно тѣмъ самымъ путемъ, которымъ велось Колковское дѣло. Разница состоитъ только въ томъ, что немногія дѣла имѣли такой благопріятный для чиншевиковъ исходъ. Обыкновенно же, лишившись земли, чиншевики или поступали въ ряды бродячаго пролетаріата, или вступали въ соглашеніе съ помѣщиками и дѣлались обыкновенными съемщиками земли, вполнѣ зависимыми отъ землевладѣльцевъ. Типичны также въ колковскомъ дѣлѣ легкость, съ которою землевладѣлецъ достигъ желаемаго, и постоянныя колебанія власти. Такъ луцкій земскій судъ требуетъ отъ колковскихъ мѣщанъ, чтобы они заключили сдѣлку съ помѣщикомъ, а въ тоже время луцкій стряпчій опротестовываетъ эту сдѣлку. Въ 1874 г. сенатъ издаетъ указъ о выселеніи колковскихъ мѣщанъ, а въ 1877 г. отказываетъ г. Кожуховскому въ искѣ о взысканіи съ тѣхъ же колковскихъ мѣщанъ убытковъ, причиненныхъ самовольнымъ пользованіемъ землею. Такія колебанія и противорѣчія очевидно вполнѣ зависѣли отъ отсутствія въ законѣ опредѣленія правъ чиншевиковъ, и это неопредѣленное положеніе вещей весьма благопріятствовало изгнанію чиншевиковъ съ занимаемой ими земли.

Чтобы показать, какъ широко практиковалось лишеніе чиншевиковъ земли, мы приведемъ нѣкоторыя данныя. Въ Русанковской волости Уманскаго уѣзда, всѣ чиншевики лишены пахатныхъ земель и имъ оставлены только усадебныя мѣста. Въ селахъ Таращанскаго уѣзда—Плоскомъ, Войнаровкѣ, Ружкахъ, Жидовчикѣ, Александровкѣ, Шулякахъ, Багвѣ и т. д., у чиншевиковъ не осталось ни клочка пахатной земли. Между тѣмъ, напримѣръ, въ Плоскомъ, чиншевики издавна пользовались 1775 моргами полевой земли (всѣхъ чиншевиковъ здѣсь 741 душа); еще въ 1880 г. они имѣли 370 десятинъ; въ настоящее же время всѣ сидятъ безъ земли. Въ сел. Янышевкѣ (того же Таращанскаго уѣзда) 127 чиншевыхъ дворовъ (въ настоящее время состоящихъ изъ 614 душъ) нѣкогда владѣли 1,900 моргами земли, въ 1881 г. имѣли еще около 207 десятинъ, а въ настоящее время у нихъ нѣтъ ни клочка земли. Въ селѣ Войнаровкѣ чиншевики, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ душъ, владѣли 613 моргами, теперь безъ земли. И т. д. [1]

Такое печальное положеніе вещей не могло не обратить на себя общаго вниманія, и въ дѣйствіяхъ правительства по чиншевому вопросу, начиная со второй половины 70-хъ годовъ, мы замѣчаемъ желаніе остановить обезземеленіе милліонной [2] массы

[1] «Заря», 1881 г., № 100.

[2] Точныхъ цифръ относительно численности чиншевиковъ не имѣется; но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, число чиншевиковъ всѣхъ разрядовъ (собственно чиншевиковъ и «вольныхъ людей») можно опредѣлить въ 800,000—1,000,000, и въ настоящее время до половины этого числа обезземелены.

Digitized by Google

чиншевиковъ. Самою существенною изъ правительственныхъ мѣръ, принятыхъ съ указанною цѣлью, было, безъ сомнѣнія, законоположеніе отъ 28 іюля 1878 г., которымъ всѣ дѣла о чиншевомъ правѣ владѣнія исключались изъ компетенціи мировыхъ судей. Дѣло въ томъ, что по «Судебнымъ Уставамъ» всѣ иски о возстановленіи нарушеннаго владѣнія подлежатъ разбору мировыхъ судей. Пользуясь этою статьею закона, землевладѣльцы предъявляли въ мировыхъ судахъ иски къ своимъ чиншевикамъ и просили возстановить нарушенное послѣдними право владѣнія. Мировые судьи, опираясь на букву закона, видѣли въ нежеланіи чиншевиковъ платить увеличенный чиншъ или очищать имѣніе—прямое нарушеніе права владѣнія землевладѣльца и рѣшали дѣло въ пользу послѣдняго. Этимъ-то путемъ и произошло обезземеленіе массы чиншевиковъ. Между тѣмъ, статьи закона о возстановленіи нарушеннаго права владѣнія совершенно непримѣнимы къ чиншевикамъ, такъ-какъ чиншевики, владѣя и пользуясь землею, вовсе не нарушаютъ чьего либо права владѣнія, а только пользуются своимъ собственнымъ правомъ. И такъ-какъ въ спорахъ между землевладѣльцами и чиншевиками дѣло идетъ о правѣ собственности, то было совершенно правильно, хотя и нѣсколько поздновато, изъять чиншевыя дѣла изъ компетенціи мировыхъ судей. Дѣла эти переданы были въ вѣдѣніе палатъ уголовнаго и гражданскаго суда, причемъ опредѣлялось, чтобы рѣшенія палатъ по чиншевымъ дѣламъ, прежде обращенія ихъ къ исполненію, представлялись всѣ безъ исключенія на ревизію въ правительствующій сенатъ. Послѣдняя мѣра была принята съ цѣлію остановить ходъ чиншевыхъ дѣлъ впредь до изданія общаго закона о чиншевикахъ.

Къ сожалѣнію, ни въ законѣ 28-го іюля 1878 года, ни въ другихъ принимавшихся по чиншевому дѣлу мѣрахъ, мы не находимъ ни необходимой послѣдовательности, ни твердыхъ принциповъ, которыми опредѣлялось бы отношеніе власти къ чиншевому вопросу. Самая форма чиншевого владѣнія разсматривается не какъ нѣчто, заслуживающее законодательнаго закрѣпленія, а лишь какъ временное явленіе, которое такъ или иначе должно быть устранено. Поддержка чиншевому владѣнію является лишь временною поддержкою, и самыя мѣры по чиншевому вопросу носятъ названіе временныхъ и, дѣйствительно, имѣютъ лишь временное значеніе. При изданіи мѣропріятій по чиншевому вопросу имѣлось въ виду не рѣшеніе вопроса, а лишь оставленіе положенія вещей въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ указанныя мѣры застаютъ это положеніе. Неудивительно, поэтому, что принятыя мѣры по чиншевому вопросу часто остаются мертвою буквою и обходятся и легко, и безцеремонно. И, дѣйствительно, выше мы уже видѣли, что обезземеленіе чиншевиковъ продолжалось и послѣ 1880 и даже 1881 годовъ, т. е. послѣ изданія закона 28-го іюля 1878 года.

Необходимость радикальнаго разрѣшенія чиншеваго вопроса

Digitized by Google

сознана давно; но почему-то до сихъ поръ къ этому дѣлу не было приступлено. Только года $1^1/_2$ тому назадъ, образована при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особая комиссія для разсмотрѣнія вопроса о судьбѣ чиншевиковъ. Комиссія эта выработала проэктъ закона, регулирующаго отношенія чиншевиковъ и землевладѣльцевъ, и самый законопроэктъ, какъ сообщалось въ газетахъ, представленъ уже въ государственный совѣтъ. Къ сожалѣнію, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, въ основу законопроэкта положенъ ошибочный принципъ, по которому чиншевое владѣніе должно быть непремѣнно вычеркнуто изъ числа формъ землевладѣнія, существующихъ въ Россіи, и отношенія между чиншевиками и землевладѣльцами предполагается регулировать на совершенно иныхъ основаніяхъ. Вѣрить въ возможность такого рѣшенія чиншеваго вопроса заставляетъ насъ и недавній примѣръ рѣшенія вопроса о вольныхъ людяхъ Сѣверо-западнаго края, къ судьбамъ которыхъ мы и перейдемъ теперь.

Положеніе «вольныхъ людей» въ значительной мѣрѣ сходно и даже почти совершенно тожественно съ положеніемъ чиншевиковъ, такъ что, говоря о первыхъ, обыкновенно причисляютъ ихъ къ общей массѣ чиншевиковъ, хотя историческія судьбы тѣхъ и другихъ значительно разнятся.

Происхожденіе «вольныхъ людей» относится къ прошлому столѣтію. Родоначальниками «вольныхъ людей» были иностранцы, поселившіеся на помѣщичьихъ земляхъ Сѣверо-западнаго края. Селились эти иностранные выходцы на чиншевомъ правѣ; но мало-по-малу это право было утрачено ими, частію подъ давленіемъ помѣщичьяго произвола, а частію вслѣдствіе этнографическаго смѣшенія и слитія съ крѣпостнымъ населеніемъ. Такимъ путемъ вольные люди превратились въ крѣпостныхъ, и скоро самая память о существованіи какихъ-то «вольныхъ людей» могла исчезнуть навсегда, еслибы этому не воспрепятствовало одно маленькое обстоятельство. Дѣло въ томъ, что помѣщики обязаны были платить за крѣпостныхъ людей по 95 копеекъ подушной подати, а за вольныхъ людей—по 2 р. 9 коп. съ души, и потому превращеніе вольныхъ людей въ крѣпостныхъ приносило правительству финансовый ущербъ. Такимъ образомъ, когда въ началѣ настоящаго столѣтія помѣщики совсѣмъ перестали уплачивать подушную подать за «вольныхъ людей» и правительство изъ разсмотрѣнія ревизскихъ сказокъ замѣтило полное отсутствіе таковыхъ людей при помѣщичьихъ имѣніяхъ, оно сдѣлало распоряженіе о розысканіи исчезнувшаго сословія. Были учреждены для этой цѣли особыя ревизіонныя комиссіи. Однако, около 30 лѣтъ дѣятельность комиссій была совершенно безуспѣшна, частію потому, что не было никакой возможности узнать, кто изъ живущихъ въ данномъ имѣніи крестьянъ—крѣпостной человѣкъ, а кто вольный, а частію потому, что розысканіе вольныхъ людей было не въ интересахъ помѣщиковъ и послѣдніе умѣли останавливать рвеніе ревизіонныхъ комиссій. Однако, когда

Digitized by Google

императоръ Николай повелѣлъ, чтобъ вольные люди были немедленно розысканы, таковые, дѣйствительно, были немедленно розысканы. При этомъ въ категорію вольныхъ людей попали просто первые встрѣчные крестьяне, безъ всякихъ розысканій о томъ, были ли когда-нибудь предки этихъ крестьянъ вольными людьми, или нѣтъ. Реставрированное, такимъ образомъ, сословіе вольныхъ людей снова стало пользоваться землею на чиншевомъ правѣ. Въ 1847 году было издано особое положеніе о вольныхъ людяхъ, которое, предоставляя имъ разныя права и льготы, требовало, чтобы поземельныя отношенія между помѣщиками и вольными людьми были опредѣлены письменными договорами. Законъ этотъ остался, однако, безъ исполненія; онъ даже не былъ объявленъ вольнымъ людямъ. И помѣщики, пользуясь неопредѣленностью положенія вольныхъ людей, снова стали относиться къ нимъ, какъ къ крѣпостнымъ. Дѣло грозило пойдти по прежнему пути.

Но вотъ насталъ 1857 г., когда повсюду распространились слухи объ освобожденіи крестьянъ съ надѣломъ землею. Помѣщики сразу перемѣнили тактику—и вольные люди стали открываться десятками тысячъ. Дѣло дошло до того, что правительство вынуждено было въ 1863 г. прекратить дѣла о розысканіи вольныхъ людей. Тѣмъ не менѣе, въ Сѣверо-западномъ краѣ оказалась громадная цифра вольныхъ людей—до 100,000 *ревизскихъ душъ*.

Разсчетъ помѣщиковъ, въ послѣдніе четыре года нетолько всячески содѣйствовавшихъ розысканію вольныхъ людей, но и прямо требовавшихъ, чтобы были зачислены въ это сословіе цѣлыя массы крѣпостныхъ, былъ очень простъ. Они были вполнѣ увѣрены, что вольные люди не получатъ земельнаго надѣла, и потому находили для себя болѣе выгоднымъ превратить своихъ крѣпостныхъ, которыхъ у нихъ все равно отбирали, въ вольныхъ людей и, такимъ образомъ, сохранить за собою всю входящую въ составъ имѣній землю.

Разсчетъ этотъ вполнѣ оправдался: въ Положеніи 19-го февраля 1861 года о вольныхъ людяхъ, также какъ и о чиншевикахъ, не было сказано. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, помѣщики старались удалять изъ своихъ имѣній вольныхъ людей. Съ этою цѣлью они иногда платили имъ деньги, лишь бы только тѣ уходили; въ другихъ же случаяхъ просто выгоняли вольныхъ людей безъ всякихъ церемоній изъ имѣній. Такой образъ дѣйствій привлекъ вниманіе правительства, и, такъ-какъ послѣ польскаго возстанія 1863 г. правительство относилось подозрительно къ помѣщикамъ Сѣверо-западнаго края и видѣло въ гоненіи вольныхъ людей политическіе мотивы, то результатомъ этого явился законъ 25-го іюля 1864 года. Законъ этотъ, какъ и всякая мѣра, относящаяся къ экономической сферѣ и въ то же время принятая изъ политическихъ мотивовъ, выработанъ безъ предварительнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣла и но-

Digitized by Google

ситъ вообще всѣ признаки спѣшной работы. Закономъ 1864 года опредѣлялось, что помѣщики не могутъ выселять вольныхъ людей въ теченіи 12 лѣтъ. На это время вольные люди и помѣщики должны были заключить по соглашенію особые контракты, которыми опредѣлялись бы ихъ взаимныя отношенія; въ случаѣ, еслибы такого соглашенія не состоялось, то контрактъ замѣнялся обязательнымъ постановленіемъ мироваго посредника. Такимъ образомъ, законъ этотъ не признавалъ за вольными людьми постояннаго права на землю и гарантировалъ имъ только 12-ти лѣтнее пользованіе ею,что было несправедливо, такъ какъ разсматривать ли вольныхъ людей какъ чиншевиковъ, или какъ бывшихъ крѣпостныхъ, въ обоихъ случаяхъ они имѣли на землю право. Вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ 1864 г., будучи временною мѣрою, не давалъ никакого отвѣта на вопросы о томъ, какой порядокъ вещей наступитъ по окончаніи 12-ти-лѣтняго срока, а это, понятное дѣло, не могло дѣйствовать успокоительнымъ образомъ ни на ту, ни на другую изъ заинтересованныхъ сторонъ.

Ни помѣщики, ни вольные люди не изъявили согласія на заключеніе контрактовъ. Особенно серьёзныя были причины бояться контрактовъ у вольныхъ людей: подписать *срочный* контрактъ, разсуждали они, значило признать себя простымъ арендаторомъ и, стало быть, добровольно отказаться отъ своихъ правъ на землю.

Двѣнадцатилѣтній срокъ истекъ, а положеніе дѣлъ оставалось неопредѣленнымъ. 15-я статья закона 1864 года гласила, что вслѣдъ за изданіемъ закона будутъ изданы особыя правила о содѣйствіи правительства выкупу вольными людьми занимаемыхъ ими участковъ земли, но, къ сожалѣнію, никакихъ правилъ издано не было. Въ 1877 году, т. е. по окончаніи срочнаго 12-ти-лѣтняго періода, помѣщики снова съ усиленною энергіею принялись за выселеніе вольныхъ людей. Здѣсь примѣнялась таже система, какая практиковалась въ Юго-западномъ краѣ при «очищеніи» имѣній отъ чиншевиковъ. Предъявлялся искъ у мирового судьи о нарушенномъ владѣніи, получался исполнительный листъ и затѣмъ начиналось выселеніе. Исторія вообще очень грустная и съ обычными аксесуарами — ломаніемъ избъ, воинскою командою, плачемъ и стономъ и т. п. Этому безобразію былъ положенъ предѣлъ циркулярнымъ распоряженіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое разъяснило, что, по закону 1864 г., между помѣщиками и вольными людьми должны быть обязательно заключены контракты и что 12-ти-лѣтній срокъ начинается лишь со дня заключенія контракта. Такимъ образомъ, выселеніе вольныхъ людей было остановлено. Къ сожалѣнію, никто не позаботился объ участи тѣхъ вольныхъ людей, которые уже были выселены: они такъ и остались безземельными, бродячими пролетаріями. Вскорѣ былъ изданъ новый законъ, которымъ опредѣлялось, что споры между помѣщаками и воль-

Digitized by Google

ными людьми должны быть разрѣшаемы не мировыми судьями, а мировыми посредниками съ правомъ обжалованія. Но и этотъ законъ въ сущности нисколько не измѣнилъ положенія вещей, да и не могъ онъ внести чего-нибудь новаго въ положеніе дѣла, такъ-какъ касался лишь частнаго вопроса [1].

Вопросъ о вольныхъ людяхъ Сѣверо-западнаго края оставался открытымъ до конца 1881 года, когда для рѣшенія его была образована особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Готовцева, изъ крупныхъ землевладѣльцевъ Сѣверо-западнаго края: графовъ Тотлебена, Платера и Зубова и князей Огинскаго и Пузына. Выводы, къ которымъ пришла эта комиссія, были положены въ основу выработаннаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проэкта закона о вольныхъ людяхъ. Проэктъ этотъ прошедъ всѣ необходимыя инстанціи и сталъ закономъ. Опубликованъ онъ въ октябрѣ 1882 года.

Сущность новаго закона о вольныхъ людяхъ состоитъ въ слѣдующемъ. Вольнымъ людямъ предоставляется до 23-го апрѣля 1885 года или купить занимаемые ими участки въ собственность, или взять ихъ въ новую аренду на шесть лѣтъ. Если въ продолженіи льготнаго срока вольный человѣкъ не согласится ни на покупку занимаемаго имъ участка, ни на взятіе въ новую аренду, то онъ обязанъ въ теченіи слѣдующаго затѣмъ года, т. е. до 23-го апрѣля 1886 года, очистить участокъ, а въ случаѣ неисполненія сего, выселяется изъ участка полиціею, по первому требованію о томъ собственника участка (§ 1-й). Продажная цѣна назначается за десятину для Ковенской губерніи по уѣздамъ отъ 48 р. 75 к. до 71 р. 50 к., для Виленской—39 руб. и для Гродненской—32 р. 50 к. (§ 2-й). Арендная плата за десятину опредѣляется для Ковенской губерніи отъ 2 руб. 43½ коп. до 3 р. 57½ к., для Виленской—1 р. 25 к. и для Гродненской—1 р. 62½ к. (§ 3-й). При выкупѣ земли вольнымъ человѣкомъ правительство беретъ на себя уплату владѣльцу 85% продажныхъ цѣнъ, указанныхъ въ § 2-мъ; возвратъ этой ссуды разсрочивается вольному человѣку на 49 лѣтъ, причемъ онъ обязанъ вносить ежегодно 6% съ ссуды. Остальные 15% вольный человѣкъ обязанъ уплатить самъ, причемъ уплата можетъ быть разсрочена на шесть лѣтъ со взносомъ 5% на недоплаченную сумму (§ 4-й). Со времени разрѣшенія ссуды права вольнаго человѣка на пользованіе въ угодьяхъ и на земляхъ помѣщика (сервитуты) прекращаются; въ этомъ случаѣ съ продажной цѣны дѣлается скидка, размѣръ которой опредѣляется по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, а если таковое не состоится, то по постановленію мировыхъ посредниковъ и предводителей дворянства, причемъ въ послѣднемъ случаѣ

[1] «Русская Рѣчь», 1881 г., № 2; «Вольные люди въ Западномъ краѣ», «Русская Мысль», 1882 г., № 2; «Къ вопросу о вольныхъ людяхъ», *Георгіева*, «Недѣля», 1880—1882 гг., и др.

Digitized by Google

скидка не должна превышать 10% всей продажной цѣны (§ 7-й). Вольному человѣку, пожелавшему, вмѣсто выкупа, заключить шестилѣтній контрактъ, по окончаніи срока аренды, можетъ быть отказано землевладѣльцемъ въ дальнѣйшемъ держаніи земли на общемъ основаніи (§ 10-й). Въ случаѣ, если занимаемый нынѣ вольнымъ человѣкомъ участокъ причиняетъ «явный вредъ или стѣсненіе» хозяйству землевладѣльца, вольному человѣку можетъ быть отведена земля въ другой части имѣнія (§ 13-й). Всѣ эти правила не распространяются на имѣнія, въ которыхъ, за выдѣломъ участковъ вольнымъ людямъ, осталось бы у владѣльца менѣе 100 десятинъ удобной земли (§ 15-й). Наконецъ, въ особомъ пунктѣ закона предоставляется министру внутреннихъ дѣлъ выработать предположенія о примѣненіи настоящихъ правилъ и къ вольнымъ людямъ Юго-западнаго края.

Законъ этотъ страдаетъ неопредѣленностью воззрѣній на отношенія вольныхъ людей къ помѣщикамъ. Сами помѣщики, переводя своихъ крестьянъ въ разрядъ «вольныхъ людей», тѣмъ самымъ признавали, что они находятся въ *особыхъ* отношеніяхъ къ нимъ. А мы уже знаемъ, что вольные люди селились на помѣщичьихъ земляхъ на чиншевомъ правѣ. Такимъ образомъ, и настоящія отношенія вольныхъ людей къ помѣщикамъ должны были бы регулироваться чиншевымъ правомъ. Съ этой точки зрѣнія ясно, что вольные люди должны выкупать (если признано необходимымъ быть выкупу) не землю, право собственности на которую они *раздѣляютъ* съ землевладѣльцами, а лишь *чиншъ*, на полученіе котораго единственно и имѣютъ право землевладѣльцы. Но если оставить эту *формальную* точку зрѣнія и принять во вниманіе, что большинство нынѣшнихъ вольныхъ людей переведено въ этотъ разрядъ совершенно искуственно изъ бывшихъ крѣпостныхъ, то придется признать, что поземельное устройство ихъ должно быть произведено на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ оно совершилось и для бывшихъ крѣпостныхъ: вольные люди должны выкупить свои земли, но на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ производятъ выкупъ своихъ земель крестьяне, оставшіеся крѣпостными до 1861 года. Въ самомъ дѣлѣ, по своей ли винѣ вольные люди лишены были возможности начать выкупъ тотчасъ послѣ 1861 года, по цѣнамъ, существовавшимъ тогда? Мы знаемъ, что это произошло не по ихъ винѣ. Между тѣмъ, въ то время, какъ *средняя* стоимость выкупаемой бывшими крѣпостными земли не превышаетъ въ Ковенской губерніи 25 руб. за десятину, вольные люди должны платить здѣсь за десятину, какъ мы видѣли, отъ 48 р. 75 к. до 71 р. 50 к. За что же вольный человѣкъ долженъ, въ среднемъ, платить вдвое болѣе своего брата и сосѣда, котораго нѣкогда не перевели только въ одинъ съ нимъ разрядъ? За что также дается премія тому землевладѣльцу, который пытался избавиться совсѣмъ отъ надѣла своихъ крестьянъ?

Такимъ образомъ, новый законъ о вольныхъ людяхъ, не при-

Digitized by Google

знавая ихъ за чиншевиковъ, въ тоже время не видитъ въ нихъ и бывшихъ крѣпостныхъ, и вольные люди лишаются преимуществъ того и другого званія. И потому выкупъ вольными людьми своихъ участковъ производится на совсѣмъ особыхъ основаніяхъ, установленныхъ совершенно произвольно. Это одинаково должно быть сказано какъ относительно размѣровъ выкупной суммы, такъ и относительно прекращенія сервитутовъ и обязательной разверстки. Мы уже видили, что выкупные платежи вольныхъ людей должны болѣе нежели вдвое превышать таковые же платежи бывшихъ крѣпостныхъ. Прекращеніе сервитутовъ никакъ не можетъ быть оплачено скидкою съ выкупной суммы въ размѣрѣ менѣе 10% ея; существованіе сервитутовъ для крестьянскаго хозяйства въ Сѣверо-западномъ краѣ есть вопросъ жизни или смерти, и прекращеніе ихъ будетъ справедливо лишь въ случаѣ *равнозначащаго* вознагражденія, т. е. въ случаѣ дополнительнаго отвода имъ пастбищъ и лѣсовъ въ нужномъ для ихъ хозяйства количествѣ. Разверстка угодій помѣщичьихъ отъ крестьянскихъ—вещь очень трудная и рѣдко удающаяся. Она можетъ быть справедлива лишь только въ случаѣ добровольнаго согласія, которое всегда можетъ быть достигнуто, если болѣе заинтересованная сторона поступится нѣсколько своими выгодами и надлежащимъ образомъ вознаградитъ другую сторону. Совсѣмъ иначе должно стоять дѣло при обязательной разверсткѣ: здѣсь невольно приходится поступаться своими интересами сторонѣ, которая всего менѣе заинтересована въ производствѣ разверстки.

При появленіи закона о вольныхъ людяхъ, большинство газетъ, разбиравшихъ его, несмотря на различіе лагерей, пришло къ одному и тому же выводу, что «такъ-какъ экономическое положеніе вольныхъ людей крайне затруднительно, то слѣдуетъ опасаться, что большинство изъ нихъ просто будетъ лишено возможности воспользоваться своимъ правомъ», то есть правомъ выкупа участковъ.

Такое рѣшеніе вопроса о вольныхъ людяхъ является прецедентомъ рѣшенія общаго вопроса о чиншевикахъ. Интересно, поэтому, разсмотрѣть вопросъ о томъ, что выгоднѣе и справедливѣе — уничтоженіе чиншевой формы владѣнія землей или закрѣпленіе ея законодательнымъ путемъ.

Когда заходитъ рѣчь о чиншевикахъ, то и люди, признающіе права чиншевиковъ, и стремящіеся отвергнуть эти права, одинаково стоятъ за уничтоженіе чиншевыхъ отношеній. Разница состоитъ только въ томъ, что первые желаютъ, чтобы чиншевики были вознаграждены за лишеніе своихъ правъ тѣмъ или другимъ способомъ, а вторые отвергаютъ всякую мысль о вознагражденіи. Но ни у кого не возникаетъ и вопроса о томъ, чѣмъ именно обусловливается необходимость уничтоженія чиншеваго права? Что въ немъ ужаснаго, что потребность въ его

Digitized by Google

уничтоженіи является аксіомою, не требующею никакихъ доказательствъ?

Правда, въ послѣдніе 30—40 лѣтъ представители чиншеваго права не получали ничего отъ обладанія своимъ правомъ, кромѣ горя. Но происходило это не вслѣдствіе какихъ-либо особенно злостныхъ свойствъ самаго чиншеваго права, а, какъ мы видѣли, именно въ силу отсутствія признанія этого права закономъ и открывающейся отсюда возможности злоупотребленій. Разъ законъ гарантируетъ существованіе чиншеваго права и возстановитъ его въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно нарушено, бѣдствія чиншевиковъ исчезнутъ.

Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія общегосударственной пользы, мы не знаемъ почему институтъ чиншеваго права могъ бы не заслуживать законодательнаго признанія. У насъ есть громадная масса неудобныхъ земель, принадлежащихъ частнымъ собственникамъ и казнѣ, разработывать которыя считается убыточнымъ. Арендовать подобныя земли тоже не находится охотниковъ. И вотъ огромныя пространства лежатъ пустыми и пропадаютъ даромъ, служа нерѣдко источникомъ важнѣйшихъ общественныхъ бѣдствій (напримѣръ, болота, съ ихъ зловонными испареніями). Между тѣмъ на чиншевомъ правѣ, т. е. при раздѣленіи права собственности между землевладѣльцемъ и съемщикомъ, такія, теперь никуда негодныя, земли были бы, вѣроятно разобраны и разработаны. Примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить Волынская губернія, гдѣ послѣ 1861 года громадное количество болотъ было разобрано на чиншевомъ правѣ и превращено въ богатѣйшія нивы и луга Здѣсь образовалась даже особая поговорка, которую употребляютъ относительно никуда негодныхъ земель: «это такая земля, что хорошо отдать ее подъ нѣмцевъ», такъ какъ нѣмцы селились на чиншевомъ правѣ. Къ сожалѣнію, какъ мы видѣли выше, эти новые чиншевики были выгнаны съ занятыхъ ими земель послѣ того, какъ они сдѣлали ихъ обработанными. Понятное дѣло, что такой фактъ можетъ отбить надолго охоту брать невоздѣланныя земли, безъ обезпеченія права постояннаго пользованія ими.

Наконецъ, институтъ чиншеваго владѣнія можетъ имѣть еще болѣе широкое значеніе; онъ можетъ явиться наиболѣе спокойнымъ средствомъ для рѣшенія нѣкоторыхъ частностей великаго соціальнаго вопроса. Переходъ частныхъ земель въ чиншевыя можетъ служить ступенью для превращенія безземельныхъ пролетаріевъ, которыхъ у насъ теперь уже очень и очень много, въ собственниковъ-земледѣльцевъ. Государственные дѣятели даже такой страны крупнаго землевладѣнія, какъ Англія, сознали важное значеніе раздѣленія права собственности между разными лицами и его важную будущую роль, что и доказали цѣлымъ рядомъ мѣръ, примѣненныхъ пока къ Ирландіи, въ томъ числѣ, между про-чимъ, и распространеніемъ ульстерскаго обычая на всю Ирландію.

Digitized by Google

III.

Въ Западной Россіи до сихъ поръ существуетъ, какъ обломокъ средневѣковыхъ порядковъ, крайне оригинальное явленіе—городскія поселенія, принадлежащія на правѣ собственности частнымъ лицамъ. Въ одномъ Юго-западномъ краѣ въ такомъ положеніи находятся 8 городовъ (Бердичевъ, Липовецъ, Староконстантиновъ, Заславъ, Дубно, Ямполь, Ровно и Острогъ) и 322 мѣстечка (97 въ Кіевской губ., 118 въ Волынской и 107 въ Подольской). Не мало такихъ частновладѣльческихъ поселеній также въ Сѣверо-западномъ краѣ и въ Царствѣ-Польскомъ. Относительно послѣднихъ были приняты разновременно нѣкоторыя мѣры, благодаря которымъ существованіе ихъ обитателей сдѣлалось болѣе или менѣе сноснымъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся владѣльческіе города и мѣстечки Юго-западнаго края: они какъ бы совершенно забыты, и положеніе населенія ихъ крайне тяжелое.

Въ 8 владѣльческихъ городахъ Юго-западнаго края еще въ 1871 г. числилось 108,217 душъ. Въ настоящее время есть всѣ основанія считать, что населеніе это увеличилось, по меньшей мѣрѣ, въ полтора раза. Изъ общаго числа дворовъ только 18% принадлежало своимъ хозяевамъ на правѣ полной собственности, а остальные 82%—на чиншевомъ правѣ. По городамъ отношеніе чиншевыхъ дворовъ къ нечиншевымъ представляетъ слѣдующія цифры: въ Бердичевѣ чиншевые дворы составляютъ 99,6% общаго числа дворовъ, въ Острогѣ—99%, въ Дубно—96%, Староконстантиновѣ—78%, Заславѣ—77%, Ямполѣ—70%, Ровно—68% и Липовцѣ—60%. Въ мѣстечкахъ изъ 106,830 дворовъ 61,405 принадлежатъ своимъ хозяевамъ на правѣ полной собственности: это бывшіе крѣпостные, получавшіе при своемъ освобожденіи усадебный и полевой надѣлъ; остальные 45,425 дворовъ принадлежатъ чиншевикамъ. Такимъ образомъ, вопросъ о городскихъ и мѣстечковыхъ чиншахъ касается судьбы, по меньшей мѣрѣ, 400,000 человѣкъ.

Всѣ земли владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ считаются собственностью владѣльцевъ и только часть ихъ—или исключительно усадебная земля, или отчасти и выгонная—находится въ распоряженіи чиншевиковъ. Владѣльцамъ принадлежатъ нетолько пахатныя, выгонныя и усадебныя земли, но также улицы и площади.

Въ 8 владѣльческихъ городахъ на каждый дворъ, принадлежащій хозяину на правѣ полной собственности, приходится земли всякаго рода 1623 кв. саж., а на чиншевой дворъ—709 кв. саж.

Въ городахъ каждый чиншевой дворъ несетъ казенныхъ и общественныхъ повинностей 40 р. 87 к. и, кромѣ того, обязанъ платежами въ пользу владѣльца. Послѣдніе распадаются на чин-

Digitized by Google

шевые платежи и налоги sui generis. Какъ тѣ, такъ и другіе, въ разныхъ городахъ бываютъ различные и исчисляются по разнымъ основаніямъ.

Городскіе чинши бываютъ или вѣчные, или такъ-называемые «договорные». Вѣчный чиншъ представляетъ собою величину, разъ навсегда опредѣленную и платится всею общиною, подъ круговою порукою всѣхъ ея членовъ; раскладка чинша на отдѣльныхъ домохозяевъ производится уже самою общиною, обыкновенно каждые три года. Большинство населенія владѣльческихъ городовъ, однако, живетъ на «договорномъ» чиншѣ, опредѣляемомъ въ особомъ условіи съ каждымъ отдѣльнымъ домохозяиномъ; до тѣхъ поръ, пока участокъ находится во владѣніи первоначальнаго поселенца или его наслѣдниковъ, размѣры чинша остаются неизмѣнными; но при передачѣ имущества въ другія руки, владѣлецъ имѣетъ право выкупа строеній или увеличенія чинша, почему договорные чинши постепенно возвышаются. Чиншевые платежи съ десятины земли составляютъ отъ 3 р. 30 к. (въ Липовцѣ) до 24 р. 8 к. (въ Дубнѣ).

Кромѣ чиншевыхъ платежей, жители владѣльческихъ городовъ обложены въ пользу владѣльцевъ, какъ это ни странно, настоящими налогами, частью вполнѣ аналогичными съ государственными налогами, частію такими, подобныхъ которымъ не взыскивается ни въ одномъ государствѣ, кромѣ развѣ государствъ Африки. Налоги эти крайне разнообразны и многочисленны. Въ Бердичевѣ, напримѣръ, они представляютъ собою 28 наименованій. Налогами этими обложено буквально все, что только можетъ подлежать обложенію, и даже то, съ чего, казалось бы, никакъ нельзя взыскивать налоговъ. Положительно каждый видъ имущества жителей и каждое ихъ дѣйствіе обложены налогомъ. И такъ какъ эти налоги падаютъ преимущественно на предметы потребленія, то они ложатся нетолько на постоянныхъ жителей города, пользующихся владѣльческой землей, но и на каждаго посторонняго потребителя. Такимъ образомъ, владѣльцы городовъ фактически пользуются правомъ, которое вездѣ принадлежитъ исключительно государству, облагать налогами, въ предѣлахъ извѣстной территоріи, всѣхъ постоянно или временно пребывающихъ на ней.

Налоги эти возникли изъ тѣхъ безправія и неурядицы, которыя царили при польскомъ владычествѣ, когда сильный человѣкъ могъ дѣлать все, что ему угодно, а слабый не могъ нигдѣ найдти защиты и помощи. Пользуясь своею силою, польскіе и южнорусскіе магнаты забирали въ свои руки города и мѣстечки или отдавали подъ ихъ основаніе захваченныя въ свою собственность свободныя земли и присвоивали себѣ право неограниченнаго обложенія населенія налогами. Въ послѣдствіи, съ присоединеніемъ Западнаго края къ Россіи, налоги эти были утверждены рѣшеніями сената по возникавшимъ спорамъ между жителями и владѣльцами разныхъ городовъ, какъ основанные на

Digitized by Google

«добровольномъ» согласіи первоначальныхъ поселенцевъ; недовольнымъ сборами было предоставлено право выселенія изъ городовъ, а владѣльцамъ—право требовать высылки неплательщиковъ.

Для характеристики сборовъ, взимаемыхъ съ жителей владѣльческихъ городовъ въ пользу владѣльцевъ, укажемъ на сборы, существующіе въ Бердичевѣ. Здѣсь взимается въ пользу владѣльцевъ (графини Тышкевичъ, княгини Чарторійской и прусскихъ подданныхъ братьевъ Іенни)—съ убоя скота, съ продажи заграничнаго вина, свѣчей, дрожжей, дегтя и смолы, съ кирпичныхъ заводовъ, съ выдѣлки крупы на домашнихъ заводахъ для мелочной продажи, съ трактировъ, «лядовое» и «торговое», со всѣхъ привозимыхъ товаровъ, независимо отъ того, съ каждой лошади и вола, запряженныхъ подъ товары, а также съ продавца и покупщика при продажѣ товаровъ съ возовъ, со стекла, бондарской и гончарной посуды, гонта, угольевъ и со всѣхъ барышниковъ вообще, чѣмъ бы они ни промышляли. Въ другихъ городахъ существуютъ еще другіе виды сборовъ, напримѣръ «мостильный», «рогатковый», «копытковый», «каменный», «дышловой», «въѣздной», «полѣнный» и др. Владѣльцы берутъ сборы при возведеніи каждой новой постройки, при молотьбѣ хлѣба, при открытіи промышленнаго или торговаго заведенія и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ пользу владѣльца отправляется издѣльная повинность. Прежде существовали еще особые сборы натурою—зерномъ и живностью, замѣненные нынѣ денежными взносами. Кромѣ всего этого, владѣльцы имѣютъ права монополіи на торговлю спиртными напитками; бердичевское населеніе, напримѣръ, имѣетъ право покупать спиртные напитки только у владѣльцевъ или у тѣхъ лицъ, кому владѣльцы уступятъ свое право. На сторонѣ покупать позволяется только опредѣленное крайне малое количество напитковъ. Какъ велики доходы владѣльцевъ городовъ и какъ значительны платежи жителей, можно видѣть изъ того, что Бердичевъ приноситъ своимъ владѣльцамъ около 80,000 руб. въ годъ.

Положеніе жителей мѣстечекъ ничѣмъ не отличается отъ положенія обитателей владѣльческихъ городовъ, кромѣ того, что чиншевые платежи первыхъ за землю значительно выше. [1]

Такимъ образомъ, обитателямъ владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ, платящимъ значительные государственные и общественные налоги, приходится еще уплачивать въ пользу владѣльцевъ громадные сборы, которые ложатся страшною тяжестью на экономическое благосостояніе населенія, такъ какъ опутываютъ буквально всякое проявленіе его дѣятельности. Неудивительно, по этому, что во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ царитъ ужасная бѣдность, подобной которой нельзя встрѣтить ни въ ка-

[1] «Кіевскій Телеграфъ», 1875 г. № 49 и 50; «Кіевлянинъ» 1879 г. № 49; *Оршанскій*: «Евреи въ Россіи».

Digitized by Google

комъ другомъ уголкѣ Россіи и которую невозможно даже ясно представить себѣ, не видавъ ее собственными глазами.

Большинство городскихъ и мѣстечковыхъ чиншевиковъ составляютъ евреи: ихъ почти 80% населенія владѣльческихъ городовъ; въ мѣстечкахъ евреи составляютъ 44% всего населенія и тоже около 80% собственно мѣстечковыхъ чиншевиковъ. Вотъ какъ описываютъ очевидцы жизнь этихъ паріевъ: «Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ бѣдная часть еврейскаго населенія, улицы не шире 1½ саженей; на нихъ съ двухъ сторонъ выходятъ обваливающіеся домики, одинъ возлѣ другого, у кого безъ крыши, у кого безъ оконъ, у кого безъ цѣлой стѣны; на пространствѣ улицы передъ домомъ, десятки дѣтей, почти голыхъ, валяются въ грязи вмѣстѣ съ десятками свиней, съ особеннымъ неудовольствіемъ раздѣляющихъ это ложе съ людьми; между ними женщины, матери этихъ дѣтей, лежатъ вдоль и поперегъ улицы и спятъ подъ лучами солнечнаго зноя; на этихъ же улицахъ складъ всѣхъ нечистотъ изъ жилищъ». [1] Другой очевидецъ пишетъ: «Евреи и до сихъ поръ строятъ свои дома гдѣ попало— поперегъ дороги. При томъ около еврейскихъ домовъ нѣтъ не только огородовъ и надворныхъ строеній, а даже и заборовъ. Стоитъ голый домикъ, сбоку котораго иногда низенькимъ плетнемъ загорожено 1—2 аршина земли для козы — и больше ничего. Дома строятся здѣсь, какъ говорится, на живую нитку. Поставитъ еврей вертикально въ землю нѣсколько тоненькихъ столбиковъ, между ними положитъ поперечно коротенькія жердочки, обложитъ все это глиною—и домъ готовъ. Но крыша всегда черепичная, всегда массивная; такъ и ожидаешь: вотъ-вотъ обрушится и раздавитъ домъ. Если для внутренняго устройства дома средствъ не достанетъ, то еврей приспособитъ къ живому помѣщенію небольшую часть околоченнаго кое-какъ дома, обмажетъ эту часть глиною и покроетъ потолкомъ весьма невысоко отъ основанія, такъ что до черепичной крыши остается еще большое пространство. Такимъ образомъ, жилище еврея представляетъ какъ бы маленькую глиняную коробку, вдвинутую въ другую деревянную, несравненно большую, и надъ всѣмъ этимъ виситъ огромная красная черепичная крыша. Такихъ двойныхъ коробокъ здѣсь довольно много». [2] Это въ городахъ, а вотъ какъ описываетъ одинъ очевидецъ мѣстечки: «Кучка домовъ съ красными черепичными крышами, рѣзко выдѣляющаяся изъ остальной крестьянской части населенія, полное отсутствіе деревьевъ и всякой «природы», тѣсныя, грязныя улицы съ расхаживающими по нимъ козами, нерѣдко торчащія изъ обгорѣлыхъ развалинъ трубы (мѣстечко и пожары — нѣчто нераздѣлимое), кривые, хромые, покосившіеся, вообще покалѣченные дома, да раз-

[1] Корреспонденція «Московскихъ Вѣдомостей», «Современная Лѣтопись», 1869 г. № 38.

[2] «Биржевыя Вѣдомости», 1869 г. № 342.

Digitized by Google

гуливающіе въ своихъ характерныхъ костюмахъ — хотя иногда безъ кожанной обуви, но непремѣнно въ чулкахъ—евреи и еврейки — вотъ и все... Не безъ труда, путемъ отдѣльныхъ допросовъ и сличеній показаній, можно было вывести 96 рублей платежа за все мѣстечко. И это за какую-нибудь десятину или двѣ каменистаго берега каменистой рѣчки. Ни огорода, ни дерева, только одно право дышать мѣстнымъ воздухомъ, да еще какимъ воздухомъ». [1]

Не здѣсь ли, безъ клочка земли, безъ всякихъ средствъ къ жизни, евреи и пріучаются вести борьбу за существованіе «молоченіемъ ржи на обухѣ»? Не здѣсь ли, гдѣ каждая выдѣланная кострюля, каждый сшитый башмакъ подлежатъ оплатѣ и развивается та жажда наживы какими бы то ни было средствами, которая считается отличительною чертою еврейства. Не отсюда ли, изъ этого вѣчно голоднаго мірка, и выходятъ тѣ ужасные еврейскіе аппетиты, которые, разсѣваясь по всей южной Россіи, разворяютъ страну и вызываютъ противъ себя злобу и ненависть населенія, мстящаго имъ время отъ времени кровавыми расправами...

Ненормальное положеніе владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ давно обратило на себя вниманіе. Но до сихъ поръ радикальное рѣшеніе этого вопроса было оставляемо въ сторонѣ, а собственно въ Юго-западной Россіи онъ даже не былъ еще и поставленъ прямо.

Въ Царствѣ Польскомъ указомъ 7-го іюля 1866 г. уничтожены пропинаціонные питейные и шинковые сборы съ жителей владѣльческихъ городскихъ поселеній въ пользу владѣльцевъ, а также сборы «консумаціонные». Затѣмъ закономъ 29 октября 1866 г. упразднены вотчинныя отношенія жителей городовъ къ владѣльцамъ. Наконецъ, указомъ 1-го іюля 1869 г. повелѣно: тѣ изъ городскихъ поселеній Царства Польскаго, которыя не имѣютъ характера городовъ, преобразовать въ посады, т. е. сельскія поселенія, и распространить на нихъ общественное управленіе и вообще законы, дѣйствующіе въ этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, здѣсь осталось только регулировать поземельныя отношенія обывателей посадовъ къ владѣльцамъ.

Иначе стоитъ дѣло въ Юго-западномъ краѣ. Здѣсь, въ началѣ 1868 года, была учреждена особая комиссія для составленія проэкта устройства владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ. Комиссія эта пришла къ слѣдующимъ выводамъ: «Бытъ крестьянъ (Юго-западнаго края) вполнѣ упроченъ законами 19-го февраля 1861 года и 30-го іюля 1863 года. Остается масса еврейскаго населенія, живущаго въ мѣстечкахъ на основаніяхъ обычнаго права, почти безъ всякаго опредѣленія закономъ правъ по владѣнію недвижимымъ имуществомъ и отношеній къ владѣльцамъ и подъ дѣйствіемъ разнообразныхъ монополій, отчасти утверждаемыхъ закономъ, но большею частью су-

[1] «Кіевлянинъ», 1877 г., № 136.

Digitized by Google

ществующихъ по обычаю, вопреки закона, стѣсняющихъ торговлю и промыслы и ложащихся тяжестью на потребителяхъ сельскихъ продуктовъ. Но укрѣплять въ краѣ еврейское населеніе (говоритъ комиссія) мѣрами принудительнаго отчужденія въ его пользу поземельной собственности, съ содѣйствіемъ къ пріобрѣтенію ея отъ правительства, въ то время, когда необходимо удержать въ западныхъ губерніяхъ переходъ земель въ еврейскія руки, это не вызывается ни политическими, ни экономическими потребностями края». Поэтому, комиссія предполагала, относительно мѣстечекъ, которыя будутъ признаны въ качествѣ городскихъ поселеній, принять начало «упраздненія владѣльческихъ монополій и регулированія поземельныхъ отношеній владѣльцевъ къ жителямъ, оставляя за первыми право собственности на землю, а за вторыми право владѣнія въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ нынѣ» [1] Понятное дѣло, что при подобной постановкѣ вопроса дѣло не можетъ особенно подвинуться впередъ. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, положеніе владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ Юго-западнаго края остается такимъ же, какимъ оно было десятки или даже сотни лѣтъ назадъ.

Между тѣмъ, ненормальныя отношенія владѣльцевъ къ городамъ и мѣстечкамъ, лишающія эти поселенія всякой возможности развитія и экономическаго преуспѣянія, являются въ наше время такимъ анахронизмомъ, что даже владѣльцы чувствуютъ близкую возможность прекращенія этихъ отношеній и, желая предупредить законодательныя мѣры въ этомъ направленіи, стараются войти съ населеніемъ городовъ и мѣстечекъ въ такъ называемыя «добровольныя» соглашенія. Условія этихъ добровольныхъ соглашеній таковы, что если населеніе городовъ и мѣстечекъ приметъ ихъ и они получатъ законодательную силу, то положеніе владѣльческихъ поселеній нетолько не измѣнится къ лучшему, но эти поселенія надѣнутъ на себя еще болѣе тяжелое ярмо, чѣмъ то, которое несутъ они въ настоящее время. Для примѣра остановимся на проэктѣ соглашенія «о выкупѣ владѣльческихъ правъ и земель», которое предлагаютъ владѣльцы г. Бердичева населенію послѣдняго.

Проэктъ представляетъ собою брошюру въ восемь страницъ in octavo. По этому проэкту жителями Бердичева должны быть обязательно выкуплены всѣ земли, лежащія подъ домами, улицами, площадями и дорогами, а также выгонныя и пахатныя. (Лучшія и среднія полевыя земли владѣльцы заявляютъ готовность удержать за собою, «если того городъ пожелаетъ», худшія же и неудобныя земли обязательно должны быть выкуплены). Тому же обязательному выкупу подлежатъ 26 статей владѣльческихъ доходовъ (помимо земельныхъ чиншей), выкупъ которыхъ обязательно долженъ на соотвѣтствующую сумму увеличить выкупную цѣну каждаго сажня городской и каждой деся-

[1] «Кіевскій Телеграфъ», 1872 г., № 93.

Digitized by Google

тины полевой земли. При этомъ, хотя пространство, занятое прудами и рѣчками, вошло въ общую массу подлежащей выкупу земли, тѣмъ не менѣе доходъ съ мельницъ и прудовъ долженъ быть выкупленъ особо. Для опредѣленія стоимости выкупаемой земли, владѣльцы предлагаютъ три способа. По первому стоимость 3,600 десятинъ бердичевской земли опредѣляется въ 750,000 руб.; оцѣнку эту, однако, владѣльцы считаютъ «нераціональною». По второму способу стоимость земель опредѣляется въ 1,545,240 рублей, причемъ десятина 1-го разряда оцѣнена въ 24,000 рублей, а 7-го низшаго разряда, подъ прудами, болотами, улицами и площадями, въ 120 рублей. Этотъ способъ оцѣнки владѣльцы признаютъ вполнѣ раціональнымъ, но великодушно соглашаются на третью, названную ими «умѣренною», оцѣнку, по которой бердичевцамъ придется заплатить всего 800,000 руб. за землю, право собственности на которую они, какъ чиншевики, раздѣляютъ съ владѣльцами.

Намъ кажется, что вопросъ о прекращеніи существующей нынѣ зависимости владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ отъ частныхъ лицъ долженъ быть рѣшенъ законодательнымъ порядкомъ. И сдѣлать это вовсе не такъ трудно.

Общій вопросъ о прекращеніи ненормальныхъ отношеній владѣльческихъ поселеній къ владѣльцамъ распадается на два болѣе частныхъ вопроса: на вопросъ о нормированіи поземельныхъ отношеній населенія къ владѣльцамъ и вопросъ о разнаго рода сборахъ, собираемыхъ владѣльцами въ свою пользу.

Въ поземельномъ отношеніи городскіе и мѣстечковые чиншевики ничѣмъ не отличаются отъ сельскихъ чиншевиковъ, и къ нимъ должно быть примѣнено общее рѣшеніе чиншеваго вопроса. Выкупу здѣсь можетъ подлежать не земля, на которую чиншевики уже пріобрѣли право собственности, хотя и ограниченное, а лишь самый платимый чиншъ. При этомъ, въ виду того, что во владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ были слишкомъ часты случаи произвольнаго увеличенія чиншей, необходимо, прежде опредѣленія цифры выкупа, очистить чиншевые платежи отъ излишнихъ наростовъ и свести ихъ къ первоначальной нормѣ. Если же будетъ признано возможнымъ закрѣпить законодательнымъ порядкомъ существованіе чиншеваго владѣнія и гарантировать его отъ злоупотребленій и нарушеній—что было бы самымъ раціональнымъ рѣшеніемъ чиншеваго вопроса—не можетъ быть никакихъ препятствій примѣнить это рѣшеніе вопроса и къ городскому и мѣстечковому чиншевому владѣнію.

Что же касается разнообразныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ населенія владѣльцами и имѣющими характеръ и всѣ признаки *налоговъ*, то они должны быть безусловно уничтожены и притомъ безъ всякаго вознагражденія владѣльцамъ. Такъ именно этотъ вопросъ рѣшенъ въ предѣлахъ Царства Польскаго и такое рѣшеніе его является самымъ справедливымъ. Въ самомъ дѣлѣ, право взимать налоги составляетъ прерогативу государственной

Digitized by Google

власти. Если въ бывшей Польшѣ, при слабости государственной власти, эту прерогативу захватывали въ свою пользу частныя лица, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы подобный же порядокъ вещей долженъ сохраняться и съ переходомъ Западнаго края подъ власть русскаго правительства. Русская власть несетъ въ Западномъ краѣ всѣ обязанности государственной власти — должны же ей принадлежать и всѣ ея права. Передача прерогативъ власти въ частныя руки совершенно противна всему строю нашей жизни. Къ тому же, право владѣльцевъ собирать налоги съ населенія городовъ и мѣстечекъ сохраняется не въ силу передачи имъ этого права государственною властью, такъ какъ обитатель владѣльческихъ поселеній, рядомъ съ налогами въ пользу владѣльцевъ, платитъ и общіе государственные налоги. Уничтоженіе сборовъ въ пользу владѣльцевъ будетъ, поэтому, только *возстановленіемъ нарушенной справедливости, и владѣльцы должны довольствоваться тѣмъ, что они много лѣтъ получали громадные доходы совершенно неправильно.

IV.

Несмотря на отсутствіе въ нашемъ законѣ нормированія чиншевой формы землевладѣнія, она все же, какъ мы видѣли, не была совсѣмъ оставляема безъ вниманія государствомъ и для ослабленія и замедленія процесса ея исчезновенія были принимаемы нѣкоторыя законодательныя мѣры. Но въ Россіи есть такія формы землевладѣнія, относительно которыхъ замѣчается полное отсутствіе въ законѣ какихъ бы то ни было указаній. О самыхъ этихъ формахъ до послѣдняго времени не было ничего извѣстно, кромѣ имени, а относительно нѣкоторыхъ формъ землевладѣнія досель отвергается даже самое ихъ существованіе. Любопытнымъ образчикомъ такихъ таинственныхъ формъ землевладѣнія является такъ называемое *четвертное* землевладѣніе, болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о которомъ собраны только въ позапрошломъ и прошломъ годахъ земскими статистиками [1].

Четвертное землевладѣніе существуетъ въ губерніяхъ Курской, Рязанской и Тамбовской. Есть основаніе полагать, что эта форма землевладѣнія встрѣчается также въ губерніяхъ Орловской и Воронежской. Наконецъ, «четвертныя» земли находятся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Казанской губерніи.

Происхожденіе четвертнаго землевладѣнія относится къ поло-

[1] «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи», т. 2-й. Козловскій уѣздъ. 1881 г. Сборн. статист. свѣд. по Курской губ. Вып. 1-й. Курскій уѣздъ. 1883 г. Рефераты В. И. Орлова и К. М. Панкѣева, читанные въ статистическомъ отдѣленіи московскаго юридическаго общества. «Русскія Вѣдомости», 1881 г., № 295. Корр. изъ Обоянскаго уѣзда. «Земство» и «Русскій Курьеръ» за разные годы. И мн. др.

Digitized by Google

винѣ XVI столѣтія, когда московскіе государи, для защиты южной и юго-восточной границъ своего государства отъ постоянныхъ набѣговъ хищниковъ, стали заселять ихъ особаго рода поселенцами, которымъ давались разныя льготы и жаловалась земля съ тѣмъ, чтобы они несли на себѣ всѣ тягости пограничной службы, дѣлали разъѣзды по степямъ, наблюдали за движеніями кочевавшихъ здѣсь татаръ и другихъ хищниковъ и, по мѣрѣ возможности, отражали ихъ нападенія. На эту пограничную службу вызывались охочіе люди всѣхъ сословій, но преимущественно поступали члены тогдашняго низшаго дворянства, такъ называемыя *боярскія дѣти*. Въ предѣлахъ нынѣшней Тамбовской губерніи къ нимъ въ значительной мѣрѣ присоединились съ теченіемъ времени выходцы изъ Малороссіи, такъ называемые «черкасы». Изъ этихъ-то элементовъ впослѣдствіи, при Петрѣ I, образовалось особое сословіе «однодворцевъ», которые въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія переименованы въ государственные крестьяне и вполнѣ сравнены съ послѣдними. Дворянское происхожденіе бывшихъ «однодворцевъ» подтверждается цѣлымъ рядомъ документовъ, находимыхъ у нихъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что, напримѣръ, въ Курской губерніи нѣтъ почти ни одной дворянской фамиліи, которая не имѣла бы своихъ представителей въ лицѣ крестьянъ, и притомъ зачастую цѣлой деревни поголовно. Часто случается, что дворяне имѣютъ помѣстья въ той же деревнѣ, въ которой живутъ ихъ однофамильцы-крестьяне, до полюбовнаго размежеванія владѣли землею черезполосно съ этими однофамильцами, имѣли съ ними въ общемъ пользованіи лѣсъ, покосъ и другія угодья; послѣднее обстоятельство имѣетъ мѣсто и въ настоящее время во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда не состоялось полюбовнаго размежеванія между помѣщиками и крестьянами. Сами потомки однодворцевъ помнятъ о своемъ дворянскомъ происхожденіи и съ ироніею величаютъ себя «лапотными дворянами». До конца тридцатыхъ годовъ эти мужики-дворяне имѣли даже право владѣть крестьянами и дѣйствительно имѣли таковыхъ—и только при Киселевѣ крѣпостные этихъ «дворянъ» были отобраны въ казну.

Земли, пожалованныя этимъ служилымъ людямъ, и получили названіе «четвертныхъ». Терминъ этотъ произошелъ отъ слова «четверть», которымъ въ древней Руси обозначалась особая поземельная мѣра, равная $1^1/_2$ десятинамъ. Такъ какъ служилые люди, получавшіе «четвертныя» земли, принадлежали, какъ сказано выше, бо́льшею частью къ дворянскому сословію, то земля отводилась имъ *на правѣ личной собственности*, какъ вообще давались боярамъ помѣстья. Но, съ одной стороны, самое положеніе этихъ «дворянъ», какъ земледѣльцевъ, побуждало ихъ вводить во владѣніе и пользованіе своею землею многія стороны *общинныхъ порядковъ*, а съ другой – само правительство, въ цѣляхъ болѣе прочнаго закрѣпленія земли за служилыми людьми, принуждено было принять рядъ мѣръ, направленныхъ къ *ogra-*

Digitized by Google

ничению права отдѣльныхъ «четвертныхъ» владѣльцевъ *распоряжаться* землею по своему произволу. Изъ числа такихъ мѣръ особенно заслуживаютъ вниманія указъ верховнаго тайнаго совѣта 14-го августа 1727 года и мѣропріятія Екатерины II. Указомъ 1727 г. повелѣно было «впредь сего у однодворцевъ, которые по переписи въ поголовный окладъ положены и содержатъ ландмилицкіе полки, изъ дачи ихъ земель, которыми они владѣютъ, никому не покупать и никакимъ образомъ не крѣпить и не записывать». Но, несмотря на это прямое запрещеніе, много однодворческой земли было отчуждено въ руки лицъ разныхъ сословій, что̀ вызвало при Екатеринѣ II цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ. Однодворцы, продавшіе свои вотчины вопреки указу 1727 г., получили изъ государственныхъ земель новый надѣлъ въ размѣрѣ 60 дес. на дворъ, причемъ земли межевались не каждому однодворцу отдѣльно, а «*вообще цѣлой деревнѣ въ одну дачу*». Затѣмъ снова было запрещено однодворцамъ продавать кому бы то ни было свои земли, и только въ томъ случаѣ, когда у какого-либо двора оказывалось земли болѣе положенной пропорціи (60 дес.), излишекъ дозволялось продавать, по исключительно только однодворцамъ же. Въ случаѣ выхода замужъ въ другое село дѣвушки, наслѣдницы однодворческой земли, послѣдняя должна была оставаться въ распоряженіи общества, къ которому дѣвушка принадлежала до замужества. Точно также однодворецъ, который, женившись, переходилъ на жительство въ то селеніе, откуда взята жена, лишался своей земли и она должна была быть роздана оставшимся домохозяевамъ.

Такимъ образомъ, частію подъ вліяніемъ правительственныхъ распоряженій, частію подъ дѣйствіемъ условій земледѣльческаго труда, создалась существующая нынѣ форма «четвертнаго» землевладѣнія, представляющая собою нѣчто среднее между частною и общинною собственностью съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ чертъ родовой собственности.

«Четвертные» крестьяне владѣютъ землею подворно, причемъ размѣры принадлежащихъ каждому двору участковъ опредѣляются не составомъ семей и не количествомъ общихъ платежей, взимаемымъ на себя семьею, какъ это бываетъ при общинномъ владѣніи, а особыми правами, которыя передаются въ семьѣ изъ рода въ родъ наслѣдственно. Владѣніе землею переходитъ по наслѣдству, вслѣдствіе чего участки дробятся. Если въ семьѣ не остается лицъ мужескаго пола, то наслѣдство переходитъ къ дочерямъ; иногда послѣднимъ выдѣляется часть земли и при сыновьяхъ. За отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ, владѣніе переходитъ и къ дальнимъ родственникамъ. Если земля осталась по наслѣдству за женщиною, то ея дѣти наслѣдуютъ одинаково — и сыновья, и дочери; «жировыя», т. е. незаконнорожденныя дѣти наслѣдуютъ по матери наравнѣ съ законными. Земля считается принадлежащею цѣлому роду, а не отдѣльному лицу, что̀ видно изъ того, что собственникъ, умирая, не имѣетъ права завѣщать

Digitized by Google

землю, помимо родственниковъ, постороннему лицу: если такое завѣщаніе состоится, то оно не исполняется, а земля переходитъ прямо родственникамъ. Тоже родовое начало видно и въ томъ, что земля, поступившая въ приданное за дѣвушкою, всегда остается «женином» собственностью, мужъ не можетъ ни продать, ни заложить ее, и она, въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ, наслѣдуется по женской линіи. Если дѣвушка, наслѣдница «четвертной» земли, выходитъ замужъ за человѣка изъ другой деревни и послѣдній переходитъ жить на женину землю, то такой крестьянинъ домохозяиномъ не считается, потому, какой онъ домохозяинъ, когда онъ «замужъ вышелъ въ нашу деревню»—и всѣ права и обязанности домохозяина лежатъ на женѣ.

Рядомъ съ такими чертами частнаго и родоваго владѣнія, «четвертное» владѣніе, однако, представляетъ и существенныя общинныя черты. *Собственникомъ* четвертной земли, по обычному праву, считается не отдѣльное лицо и не семья; а цѣлая община, и только право *владѣнія* (вѣрнѣе *распоряженія*) принадлежитъ отдѣльнымъ семьямъ. Это обычно-правовое воззрѣніе четвертныхъ крестьянъ проявляется въ цѣломъ рядѣ совершенно конкретныхъ фактовъ. Прежде всего отмѣтимъ тотъ фактъ, что отдѣльнымъ семьямъ принадлежитъ собственно не право владѣть какимъ-либо *опредѣленнымъ участкомъ*, а право на владѣніе опредѣленною *частью*, *долею* общей дачи земли, принадлежащей обществу четвертныхъ крестьянъ. Участки, принадлежащіе отдѣльной семьѣ, постоянно *перемѣщаются* по мѣрѣ измѣненія условій жизни общины, и неизмѣнными остаются только *доли*, принадлежащія роду или семьѣ. Доли эти переходятъ по наслѣдству и могутъ раздробляться, но общая сумма долей, принадлежащихъ членамъ извѣстной фамиліи, всегда остается неизмѣнною и равняется той доли общиннаго надѣла, которою владѣлъ родоначальникъ фамиліи. Со всякимъ уменьшеніемъ надѣла всей общины соотвѣтственно уменьшается каждая доля и остается неизмѣннымъ только отношеніе долей другъ къ другу. Всякій разъ, когда община четвертныхъ крестьянъ лишается части своихъ земель (напримѣръ, когда эта часть бываетъ затоплена водою, отходитъ по суду къ сосѣднему владѣльцу, отчуждается подъ желѣзную дорогу и т. п.), это лишеніе падаетъ не на тѣхъ домохозяевъ, участки которыхъ лежатъ въ отчужденной части, а на всю общину, которая при всякомъ такомъ случаѣ производитъ передѣлъ своихъ земель, причемъ доли всѣхъ отдѣльныхъ домохозяевъ, сохраняя прежнее отношеніе между собою, равномѣрно уменьшаются. Деньги, получаемыя при принудительномъ отчужденіи земли, поступаютъ въ пользу не тѣхъ лицъ, участки которыхъ отчуждены, а всей общины. Иногда сама община продаетъ или отдаетъ въ аренду часть своихъ земель, и въ этомъ случаѣ она отбираетъ у отдѣльныхъ семей участки, лежащіе въ предѣлахъ отчуждаемой части, вырученныя

Digitized by Google

деньги распредѣляетъ между всѣми домохозяевами, а остающуюся землю передѣляетъ сообразно съ долями, на полученіе которыхъ имѣетъ право каждая семья. Особенно многочисленны были передѣлы земель въ средѣ четвертныхъ крестьянъ при такъ называемомъ полюбовномъ размежеваніи съ помѣщиками.

Далеко не вся четвертная земля находится въ подворномъ владѣніи. Выгонъ находится постоянно въ общинномъ пользованіи. Тоже можно сказать и относительно кустарниковъ. Лѣсъ и покосъ передѣляются обыкновенно ежегодно, и только пахатныя земли передѣляются лишь въ исключительныхъ, перечисленныхъ выше случаяхъ.

Самый процессъ передѣла пахатной земли въ значительной мѣрѣ напоминаетъ передѣлы, практикующіеся при чистомъ общинномъ владѣніи, хотя и представляетъ нѣкоторыя своеобразныя особенности. При этомъ нужно различать два случая—когда четвертное общество представляетъ собою одинъ родъ, т. е. все происходитъ отъ одного родоначальника, что̀ вовсе не рѣдкость, и когда въ обществѣ находится нѣсколько родовъ. Въ первомъ случаѣ, три клина, на которые дѣлится земля сообразно съ трехпольною системою хозяйства, или непосредственно дѣлятся между домохозяевами, если поля представляютъ однообразную по качеству площадь, или предварительно разбиваются на качественные участки (ярусы) и въ каждомъ изъ нихъ домохозяинъ получаетъ причитающуюся ему долю. При раздѣлѣ земель, конечно, не достигается никакой уравнительности, такъ какъ основаніемъ для распредѣленія земли берутся не потребности семей и не ихъ платежныя силы, какъ при чисто-общинномъ владѣніи, а права отдѣльныхъ семей на ту или другую, всегда неизмѣнную, долю общинной земли. Когда въ селѣ нѣсколько родовъ, то общественная земля дѣлится предварительно на «дѣды» или «дѣдины», число которыхъ соотвѣтствуетъ числу родоначальниковъ села, а затѣмъ дальнѣйшее распредѣленіе земли идетъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ первомъ случаѣ.

Уже изъ этихъ данныхъ видно, до какой степени четвертное землевладѣніе, по обычному праву, приближается къ общинному. Но нѣкоторые факты еще рѣзче показываютъ, что по обычно-правовымъ воззрѣніямъ крестьянъ четвертныя земли составляютъ собственность цѣлыхъ общинъ, а не отдѣльныхъ домохозяевъ или семей. Такъ, въ случаѣ выморочности семьи, принадлежащія ей доли поступаютъ въ распоряженіе общины. Община вмѣшивается въ распоряженіе землею отдѣльныхъ домохозяевъ и не только уничтожетъ силу духовныхъ завѣщаній, если они противорѣчатъ обычному праву (о чемъ мы упоминали выше), но и отбираетъ участки земли у нерадивыхъ владѣльцевъ и передаетъ ихъ наслѣдникамъ. Продавать землю по обычному праву владѣльцы участковъ могутъ только членамъ своей общины. Самыя основанія передѣла земель начинаютъ признаваться «четвертными» крестьянами несправедливыми и въ нѣкоторыхъ общи-

Digitized by Google

нахъ лѣсъ и даже покосы начинаютъ дѣлиться по «душамъ», по работникамъ или поровну между дворами. Наконецъ, въ многочисленныхъ случаяхъ четвертное землевладѣніе превратилось прямо въ общинное, и этотъ процессъ продолжается доселѣ.

Превращеніе четвертнаго землевладѣнія въ общинное началось очень давно. Во многихъ селахъ, гдѣ въ настоящее время бывшіе однодворцы владѣютъ землею на общинномъ правѣ, сами крестьяне могутъ опредѣлить время превращенія четвертнаго землевладѣнія въ общинное лишь словомъ «издавна». Насколько можно судить по собраннымъ даннымъ до *генеральнаго межеванія*, имѣвшаго мѣсто въ концѣ прошлаго столѣтія, всѣ бывшіе однодворцы владѣли землею на четвертномъ правѣ, а въ это время значительная часть четвертныхъ селъ перешла къ общинному владѣнію. Затѣмъ для многихъ селъ такой переходъ произошелъ въ двадцатыхъ годахъ, когда у нихъ было также особое межеваніе. Память объ этихъ переходахъ четвертнаго землевладѣнія въ общинное сохранилась во многихъ селахъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ въ настоящее время не осталось никакого слѣда прежнихъ поземельныхъ порядковъ. Въ памяти крестьянъ сохранилось еще то обстоятельство, что главною причиною совершившейся у нихъ перемѣны четвертнаго землевладѣнія на мірское было неудобство наслѣдственнаго порядка землевладѣнія, при которомъ подворные участки слишкомъ раздроблялись, такъ что становились уже недостаточными для прокормленія нѣкоторыхъ семействъ. Процессъ этотъ былъ особенно силенъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ въ настоящее время четвертное землевладѣніе въ его чистомъ видѣ встрѣчается крайне рѣдко. Въ Курской губерніи переходъ четвертнаго землевладѣнія въ общинное происходилъ гораздо слабѣе, и еще слабѣе — въ Рязанской. Въ Курской губерніи перемѣна четвертнаго землевладѣнія на мірское началось въ сороковыхъ годахъ, когда нѣкоторыя села по добровольному соглашенію перешли «на души», т. е. разверстали землю по ревизскимъ душамъ IX ревизіи, затѣмъ совершили новый передѣлъ послѣ X ревизіи и на этихъ основаніяхъ владѣютъ до настоящаго времени. Процессъ этотъ продолжался и въ послѣдующее время, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ заторможенъ сопротивленіемъ «широкодачниковъ», т. е. четвертныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ много земли и считающихъ невыгоднымъ для себя переходъ къ общинному владѣнію. «Выѣзжали уже на поле дѣлить землю по душамъ, но широкодачники помѣшали — чуть было смертоубійства не сдѣлали», заявляли крестьяне одного села Курскаго уѣзда земскимъ статистикамъ. Крестьяне другого села заявили, что они «два раза подавали прошеніе, чтобы дозволили передѣлить на души, да рѣшенія никакого не вышло». Въ одномъ мѣстѣ крестьяне составили приговоръ о передѣлѣ на души и выѣхали въ поле приводить его въ исполненіе, но «широкодачникъ» затѣялъ драку, въ которой убили одного крестьянина, что и помѣшало со-

Digitized by Google

вершенію передѣла. Въ другой деревнѣ «передѣлъ по приговору состоялся, владѣли по душамъ 4 года, но потомъ широкодачники дѣло назадъ повернули; обошлось это имъ больше 2,000 р.», и т. д. Несмотря, однако, на сопротивленіе широкодачниковъ и на поддержку, которую оказываетъ имъ администрація, вопросъ о переходѣ къ общинному владѣнію составляетъ злобу дня для четвертныхъ крестьянъ. По словамъ курскихъ статистиковъ, «всѣ домохозяева (четвертныхъ обществъ Курскаго уѣзда) раздѣляются на двѣ партіи—одна требуетъ разверстки земли по ревизскимъ или наличнымъ душамъ, другая требуетъ сохраненія наслѣдственныхъ правъ; на сторонѣ первой численность, но фактическая сила пока на сторонѣ второй; этой силы денегъ и подкупа, быть можетъ, хватитъ еще на нѣкоторое время, но въ концѣ концовъ курскіе однодворцы, несомнѣнно придутъ къ тому же, къ чему пришли тамбовскіе. Краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что четвертники понемногу начинаютъ нетолько осваиваться съ душевою разверсткою земли, но даже считаютъ ее наиболѣе справедливою — является, между прочимъ, установившійся обычай, всѣ земли, полученныя сравнительно въ послѣднее время, какъ-то — отчужденныя, распаханныя изъ-подъ выгона, подаренныя и т. п.—дѣлить обязательно по ревизскимъ душамъ. Примѣромъ такихъ деревень могутъ служить Переверзева, Гостомля и Кондратьева Спасской волости, въ которыхъ сохранилось наслѣдственное распредѣленіе по четвертямъ помѣстной земли и *душевая* разверстка присужденнаго лѣтъ 30 тому назадъ сенатомъ участка, хотя послѣдній могъ бы быть разверстанъ пропорціонально количеству четвертей».

Тамъ, гдѣ четвертное землевладѣніе уже превратилось въ общинное, случалось, что часть четвертныхъ владѣльцевъ выдѣлялась изъ среды своихъ товарищей и сохраняла прежніе земельные порядки. Отношенія этихъ могикановъ четвертнаго землевладѣнія къ «міру» слагаются на самыхъ разнообразныхъ основаніяхъ. Въ однихъ случаяхъ четвертные владѣльцы владѣютъ и пользуются землею совершенно самостоятельно, независимо отъ «міра», причемъ четвертныя земли или бываютъ отмежеваны въ особый, отдѣльный отъ мірской земли участокъ, или расположены черезполосно съ душевыми надѣлами. Въ другихъ случаяхъ четвертные владѣльцы, имѣя наслѣдственные участки четвертной земли, въ тоже время входятъ въ составъ мѣстныхъ общинъ и пользуются душевыми надѣлами мірской земли, наравнѣ съ прочими членами общины. Иногда, впрочемъ, случается, что четвертные владѣльцы получаютъ мірскую землю только въ одномъ или двухъ поляхъ, а въ остальныхъ поляхъ лежатъ ихъ четвертные участки, которые общиною изъ счета мірской земли исключаются и *обходятся* при передѣлахъ. Наконецъ, бываетъ такъ, что у четвертныхъ крестьянъ въ отдѣльномъ владѣніи находится только пахатная земля—владѣніе же лѣсомъ и покосами у нихъ общее съ остальными членами общины.

Digitized by Google

Приведенныя данныя достаточно характеризуютъ сущность четвертнаго землевладѣнія. Изъ нихъ ясно, что четвертное землевладѣніе близко подходитъ къ общинному и даже легко превращается въ него, но всего менѣе походитъ на безусловное частное владѣніе. *Право собственности* на четвертныя земли принадлежитъ во всякомъ случаѣ не отдѣльнымъ четвертнымъ владѣльцамъ, а общинамъ какъ по обычно правовымъ, выработавшимся исторически воззрѣніямъ самихъ четвертныхъ владѣльцевъ, такъ и потому, что земли, пожалованныя на помѣстномъ правѣ при основаніи поселеній служилыхъ людей, были ими большею частью распроданы, а отмежованныя въ замѣнъ ихъ при Екатеринѣ дачи отводились не отдѣльнымъ владѣльцамъ, а цѣлымъ обществамъ. Къ сожалѣнію, съ четвертнымъ землевладѣніемъ произошла таже исторія, которая происходитъ у насъ со всѣми обычно-правовыми формами имущественныхъ отношеній. Сущность четвертнаго землевладѣнія оставалась неизвѣстною до послѣднихъ лѣтъ, а тѣ, которые, по своему близкому положенію къ четвертнымъ крестьянамъ, могли знать, въ чемъ состоитъ эта форма поземельныхъ отношеній, считали для себя болѣе удобнымъ не доводить объ этомъ до общаго свѣдѣнія. Законъ совершенно игнорируетъ четвертное землевладѣніе. Вслѣдствіе такого положенія вещей по отношенію къ четвертному землевладѣнію возникло крайне печальное недоразумѣніе и всѣ тѣ административныя учрежденія, которыя могутъ имѣть то или другое вліяніе на поземельный бытъ четвертныхъ крестьянъ, стали относиться къ четвертному землевладѣнію, какъ къ основанному на правѣ безусловной частной собственности. Послѣдствія этого недоразумѣнія оказались и оказываются въ настоящее время крайне печальныя. Мы уже видѣли, что администрація препятствовала четвертнымъ владѣльцамъ перейдти къ общиннымъ поземельнымъ порядкамъ. Но еще печальнѣе то обстоятельство, что, благодаря отсутствію въ законѣ нормированія четвертнаго землевладѣнія и ошибочнымъ прадставленіямъ о немъ, господствующимъ среди членовъ администраціи, суда и нотаріата, началось и идетъ быстрыми шагами обезземеленіе четвертныхъ крестьянъ.

При составленіи владѣнныхъ записей на четвертныя земли (въ 1872 г.), были оставлены совершенно безъ вниманія обычноправовыя формы, въ которыя выливалось четвертное землевладѣніе, и самыя записи были составлены совершенно произвольно какъ въ отношеніи опредѣленія размѣра наслѣдственныхъ долей каждой семьи, такъ и въ томъ отношеніи, что четвертная земля зачислялась по владѣннымъ записямъ не за общиною, не за родомъ и не за дворомъ даже, а за однимъ изъ членовъ семьи, который и дѣлался безконтрольнымъ распорядителемъ семейнаго участка. Правда, сами четвертные владѣльцы игнорируютъ владѣнныя записи, и всякій разъ, когда имъ представляется надобность сдѣлать новое распредѣленіе земли, они придерживаются и до настоящаго времени своихъ старыхъ обычаевъ, а не дан-

Digitized by Google

ныхъ владѣнныхъ записей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для отдѣльныхъ четвертныхъ крестьянъ явилась возможность продавать находящіеся въ ихъ распоряженіи участки, а, главное, теперь стало возможнымъ—при господствѣ ошибочныхъ взглядовъ на четвертное землевладѣніе—продавать четвертные участки за долги ихъ хозяевъ. Владѣнная запись «стала представлять ипотечную книгу, съ точнымъ опредѣленіемъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя необходимы при совершеніи купчей крѣпости. Такъ, въ ней обозначенъ разрядъ крестьянъ—«государственные, владѣющіе землею на четвернома наслѣдственномъ правѣ», мѣстонахожденіе поземельной дачи и размѣръ владѣнія каждаго домохозяина въ отдѣльности; остается, слѣдовательно, представить подлинную владѣнную запись, или засвидѣтельствованную копію съ нея и продажа можетъ быть совершена. Дѣйствительно, въ этомъ и заключаются всѣ формальности въ настоящее время. Отъ крестьянина, продающаго весь свой участокъ, не требуется даже разрѣшенія общества, несмотря на то, что фактомъ пріобрѣтенія надѣльной земли покупщикъ признается равноправнымъ членомъ общества, вліяющимъ на рѣшенія сельскихъ сходовъ по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ связь съ поземельными порядками».

Распродажа четвертныхъ участковъ отчасти парализуется двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда продается часть участка, числящагося за домохозяиномъ по владѣнной записи, нотаріусы почему-то не совершаютъ купчей крѣпости безъ удостовѣренія, что общество не имѣетъ препятствій къ такой продажѣ, каковыя удостовѣренія общества четвертныхъ крестьянъ выдаютъ крайне рѣдко. Другое обстоятельство, останавливающее переходъ четвертныхъ земель въ чужія, не крестьянскія руки, состоитъ въ томъ, что участки четвертной земли разбросаны черезполосно другъ къ другу, а иногда лежатъ среди мірской земли: поэтому какъ самая покупка, такъ и эксплуатація четвертныхъ участковъ сопряжены съ различными серьёзными неудобствами. Однако, дѣльцы, скупающіе четвертные участки, съумѣли изобрѣсти обходъ для избѣжанія вредныхъ для нихъ послѣдствій указанныхъ обстоятельствъ. Способъ дѣйствій, къ которому прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ дѣльцы, избавляетъ ихъ и отъ необходимости соблюдать необходимыя при продажахъ довольно сложныя формальности. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что вмѣсто совершенія купчихъ крѣпостей покупщики стали прибѣгать къ пріобрѣтенію четвертныхъ участковъ съ публичныхъ торговъ. Такой порядокъ вызванъ, между прочимъ, и распространеннымъ среди скупщиковъ предположеніемъ, что правительство намѣрено признать недѣйствительными всѣ совершенныя до сего времени продажи, въ виду того, что земля принадлежитъ государству и продаваема быть не можетъ. «А ежели продажа утверждена судомъ, разсуждаютъ скупщики:—начальство нарушить не можетъ». Для достиженія такой «нерушимой» продажи скупщики даютъ продавцу часть услов-

Digitized by Google

ленной платы, отъ 30 до 50% и берутъ отъ послѣдняго вексель или заемное письмо заднимъ числомъ или на короткій срокъ, на сумму вдвое или втрое больше полученной. Затѣмъ долговое обязательство представляется ко взысканію, получается исполнительный листъ, и такъ какъ кредиторъ пользуется правомъ указывать имущество должника, то описывается купленный участокъ. Дѣло обыкновенно подстроивается такъ, чтобы на торги не явилось солидныхъ конкуррентовъ—и земля остается за кредиторомъ. Послѣднее въ настоящее время обезпечивается тѣмъ, что долговое обязательство пишется на сумму въ два-три раза превышающую стоимость земли, благодаря чему, торги начинаются съ несоразмѣрно высокой оцѣнки и торговаться на такую землю, понятное дѣло, охотниковъ не является.

Кромѣ описаннаго способа для пріобрѣтенія четвертныхъ земель есть еще другой, не менѣе распространенный; состоитъ онъ въ совершеніи закладной. «Закладная пишется на сумму, въ два раза превышающую дѣйствительную выдачу, причемъ вмѣсто процентовъ залогопринимателъ пріобрѣтаетъ право пользоваться землею на срокъ закладной, а срокъ этотъ въ большинствѣ случаевъ 9 и 12-ти лѣтній; закладная свидѣтельствуется въ волостномъ правленіи, а иногда даже у нотаріуса. По окончаніи срока, продавецъ, конечно, не имѣетъ ни охоты, ни возможности выкупать свою землю за двойную сумму, а потому закладная переписывается на новый срокъ». Способъ этотъ начинаетъ предпочитаться первому, такъ какъ не сопряженъ съ различными формальностями и не требуетъ затраты времени на хожденія къ мировому судьѣ, судебному приставу и т. п.

При всѣхъ этихъ сдѣлкахъ совершенно игнорируется то обстоятельство, что право собственности на четвертныя земли принадлежитъ, какъ выяснено выше, не отдѣльнымъ четвертникамъ, а цѣлому обществу, къ которому принадлежатъ четвертники. Вопреки этому положительному факту, четвертники разсматриваются какъ безусловные, неограниченные собственники своихъ участковъ, и всѣ сдѣлки по отчужденію этихъ участковъ свидѣтельствуются, закрѣпляются и разсматриваются какъ совершенныя лицами, имѣющими безусловное право собственности на отчуждаемую землю. Благодаря такой неправильной постановкѣ дѣла, громадное количество четвертныхъ земель перешло, преимущественно за долги, изъ рукъ крестьянъ земледѣльцевъ въ руки разнаго рода дѣльцовъ. Такъ изъ Обоянскаго уѣзда, Курской губерніи, сообщаютъ, что тамъ «много поскупили земель (четвертныхъ) у крестьянъ мѣстные кабатчики, гг. Р—нъ и П—въ, обладающіе въ уѣздѣ винными складами, отъ которыхъ, какъ вѣтви отъ центровъ, раскидываются имъ же принадлежащіе кабаки, охватывающіе цѣлою сѣтью многія села и деревни Обоянскаго уѣзда». Вообще здѣсь въ настоящее время идетъ въ самомъ широкомъ размѣрѣ скупка четвертныхъ земель. Покупателями являются преимущественно лица, держащія въ разныхъ

Digitized by Google

мѣстахъ уѣзда кабаки. Прикащики этихъ лицъ и сидѣльцы кабаковъ разузнаютъ обыкновенно предварительно, за кѣмъ изъ крестьянъ состоитъ недоимка и кто изъ нихъ не имѣетъ вводнаго листа на свою землю. Понятное дѣло, что среди крестьянъ находится не мало такихъ, которые и ввода не совершали (не «полированные» крестьяне не понимаютъ значенія «ввода во владѣніе»; къ тому же большинство четвертныхъ крестьянъ вовсе не считаетъ находящіеся въ ихъ распоряженіи участки своею *собственностью*), и недоимку имѣютъ. И вотъ начинается угощеніе и спаиваніе такихъ лицъ. Представляются имъ различные резоны; указывается на непрочность ихъ владѣнія, не обезпеченнаго вводомъ, и на преимущество получить деньги за такую землю и передать ее лицу, которое берется облагодѣтельствовать продавца. Указывается и на то что продать землю другому лицу, не представивъ удостовѣренія въ томъ, что на продавцѣ нѣтъ недоимокъ—нельзя. Между тѣмъ хозяинъ кабака берется устроить и это. Въ концѣ концовъ предлагается тотчасъ же и задатокъ, въ суммѣ 35—50 р. Получивъ такой задатокъ, крестьянинъ выдаетъ покупателю вексель въ 300—500 р. А затѣмъ дѣло идетъ вышеописаннымъ порядкомъ. Если этимъ способомъ окрутить мужика не удается, то его запутываютъ долгами — и результатъ для него получится тотъ же. Въ настоящее время, благодаря такому порядку вещей, въ селахъ Обоянскаго уѣзда страшно увеличилось число крестьянъ, лишенныхъ земли. Такой классъ лицъ все болѣе и болѣе начинаетъ тяготить ихъ односельцевъ и послѣдніе предвидятъ уже, что имъ придется такихъ безземельныхъ надѣлить землею изъ своихъ надѣловъ, лишь бы дать возможность этимъ безземельнымъ существовать собственнымъ трудомъ. И это былъ бы, конечно, лучшій исходъ дѣла, но едва ли онъ возможенъ, такъ какъ число безземельныхъ въ Обоянскомъ уѣздѣ съ каждымъ годомъ ростетъ—и конца этому не предвидится. Тоже явленіе наблюдается и въ Курскомъ уѣздѣ, гдѣ на четвертныхъ земляхъ образовался даже «особый классъ владѣльцевъ, именуемый на крестьянскомъ жаргонѣ «широкодачниками», «земляками», «міроѣдами», «глотками» и т. п.; это чаще всего мелкіе купцы изъ крестьянъ, городскіе мѣщане, бывшее и настоящее волостное начальство и тому подобный культурный людъ». Такія же свѣдѣнія о положеніи четвертныхъ земель получаются изъ Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, изъ Рязанской губерніи, и т. д.

Переходъ четвертныхъ земель въ руки разныхъ дѣльцовъ, кромѣ обезземеленія крестьянъ, приводитъ еще къ тому печальному послѣдствію, что въ сельскія общины вторгаются чуждые ей люди, съ правомъ вмѣшиваться въ самую серьёзную сторону деревенской жизни—въ порядки землевладѣнія и землепользованія. Стоя такъ сказать у самаго сердца общины, эти господа оказываютъ самое тлетворное вліяніе на весь складъ ея жизни, внося сюда понятія, противорѣчащія требованіямъ обыч-

Digitized by Google

наго права. «Подъ ихъ давленіемъ появляются духовныя завѣщанія, противорѣчащія обычному порядку наслѣдованія, дарственныя записи и купчія крѣпости, какъ способъ обойти этотъ обычный порядокъ судбища изъ-за выдѣленія дочерямъ и вдовамъ *законной* части наслѣдства, закладныя, настолько хитро составленныя, что при первомъ взглядѣ на нихъ становится очевиднымъ, что на самомъ дѣлѣ совершена продажа, заемныя письма съ отдачею земли въ пользованіе вмѣсто процентовъ и тому подобныя, невѣдомыя доселѣ крестьянамъ сдѣлки».

Таковы печальные результаты того обстоятельства, что намъ не была извѣстна до послѣдняго времени сущность четвертнаго землевладѣнія и никто не позаботился о томъ, чтобы эта форма землевладѣнія получила законодательную силу и была гарантирована отъ злоупотребленій и насилій.

Обоянское земство два раза обращалось съ ходатайствомъ о принятіи мѣръ противъ перехода четвертныхъ земель въ частныя руки. Нельзя не признать этого ходатайства очень симпатичнымъ (хотя земство разсматривало этотъ вопросъ въ значительной степени съ иной точки зрѣнія, чѣмъ та, которой держались мы въ настоящей главѣ); къ сожалѣнію, оба ходатайства земства остались безъ послѣдствій.

V.

Та же печальная исторія, которая происходитъ въ южной полосѣ центральной Россіи съ четвертными землями, постигла въ Бессарабіи *резешскія* земли.

Резеши (поселяне) составляютъ въ Бессарабіи особый классъ крестьянъ, которые никогда не были крѣпостными и земли которыхъ не числились государственными (какъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ), а всегда признавались ихъ частною собственностью. Приэтомъ принадлежащія резешамъ земли составляли всегда собственность резешскихъ *родовъ*, на что имѣются у нихъ очень древніе документы. Переходъ земель во владѣніе отдѣльныхъ семей закрѣпленъ особыми родословными росписями, которыя, впрочемъ, *формально-юридическаго* значенія не имѣютъ. Сообразно съ фактомъ принадлежности земли цѣлымъ родамъ, по мѣстному гражданскому праву, добровольная продажа земли постороннимъ лицамъ не дозволяется. Но въ тоже время въ полное противорѣчіе этому основному началу, практика допускаетъ самое широкое примѣненіе принудительной продажи резешскихъ земель съ публичныхъ торговъ, и тогда землю можетъ купить всякій. Благодаря этому, резешскіе роды и семьи лишаются очень часто своихъ наслѣдственныхъ земель, благодаря задолженности одного изъ своихъ членовъ. Чтобы этотъ процессъ былъ понятнѣе, скажемъ нѣсколько словъ вообще объ экономическомъ положеніи резешей.

Digitized by Google

Самыми важными сельскими продуктами Бессарабіи являются кукуруза и виноградъ, а за ними уже слѣдуютъ табакъ, пшеница и другіе хлѣба. Въ обычай поселянъ вошло запродавать впередъ урожаи своихъ посѣвовъ, кромѣ кукурузы и винограда. Кукуруза даетъ пищу для семьи поселянина впродолженіи круглаго года, виноградъ даетъ ему возможность уплатить всѣ лежащіе на немъ и его землѣ налоги и повинности и разсчитаться съ долгами, сдѣланными въ теченіи года на нужды семьи и своего хозяйства: вотъ почему поселяне изъ всѣхъ силъ стараются избѣгать преждевременной запродажи этихъ двухъ продуктовъ своего хозяйства. Но нужда заставляетъ ихъ часто нарушать это правило и они вынуждены бываютъ продавать вино *будущаго* урожая. Обыкновенно, нуждаясь въ теченіи года въ деньгахъ на уплату повинностей, покупку скота и другія надобности, крестьяне обращаются къ банкиру села, а банкирами, въ большинствѣ случаевъ, являются мелкіе чиновники, евреи-ростовщики и сельскіе кулаки. Мѣстный банкиръ, ссужая поселянину деньги, заключаетъ съ нимъ, въ большинствѣ случаевъ, нотаріальный договоръ, по которому поселянинъ, за занятыя деньги, обязанъ выдать ему непремѣнно къ 15-му сентября, т. е. ко времени начала сбора винограда, извѣстное количество ведеръ вина, и въ случаѣ невыдачи къ сроку, обязывается уплатить по 1 руб. и болѣе, но не менѣе, за каждое несданное ведро вина, между тѣмъ, какъ вино, по договору, продается копеекъ по десяти за ведро и даже менѣе. Заключая договоръ, банкиръ, которому силы продавца хорошо извѣстны, наровитъ обязать поселянина сдать ему такое количество вина, которое садъ не можетъ дать при среднемъ урожаѣ винограда, и съ этою цѣлью ссужаетъ деньгами поселянина, въ большинствѣ случаевъ, даже болѣе того, что онъ требуетъ.—Наступаетъ сборъ винограда. Наливъ вино въ бочки, поселянинъ везетъ его контрагенту, и, конечно, въ большинствѣ случаевъ, везетъ не все договоренное количество вина, но контрагентъ сначала не принимаетъ и требуетъ или всего договореннаго количества, или уплаты неустойки. Въ концѣ концевъ, дѣло оканчивается тѣмъ, что поселянинъ сдаетъ контрагенту все привезенное вино и обязывается, на словахъ, конечно, додать ему въ слѣдующемъ году двойное противъ недостающаго количество вина; въ обезпеченіе же доставки вина, оставляетъ ему тотъ же контрактъ, безъ всякой надписи на немъ въ полученіи контрагентомъ доставленнаго количества вина. На слѣдующій годъ начинается таже исторія и т. д., до полной уплаты. Совершенно иначе поступаютъ банкиры въ тѣхъ случаяхъ, когда урожай винограда обильный. Тогда они, зная, что поселянинъ сдастъ все договорное вино и потребуетъ выдачи ему контракта, подъ разными предлогами уклоняются получить вино до срока, что̀ сдѣлать очень удобно, потому что срокъ всегда назначается очень ранній, такъ что поселянинъ ни въ какомъ случаѣ не бываетъ въ состояніи пред-

Digitized by Google

ставить вино въ назначенный срокъ. Въ этомъ случаѣ, банкиръ не дожидается, когда поселянинъ окончательно запутается въ долгахъ, а прямо немедленно представляетъ контрактъ въ судъ съ требованіемъ неустойки. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ получаются одинаковые обычные результаты: имущество резеша описывается, назначается публичный торгъ, и затѣмъ, съ помощью подставныхъ покупателей, вмѣстѣ съ земельнымъ участкомъ переходитъ въ руки кулака.

Но бываютъ случаи, когда резеши всячески избѣгаютъ долговъ, и иногда, благодаря неимовѣрнымъ, героическимъ усиліямъ, это имъ удается. Обыкновенно это наиболѣе трудолюбивые и трезвые хозяева, и ихъ земельные участки и въ особенности виноградники обработаны несравненно лучше, чѣмъ у другихъ. Понятное дѣло, что у кулаковъ особенно разгорается аппетитъ на имущество такихъ хозяевъ—и они прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ особому фокусу: подъискивается въ семьѣ резеша гуляющій совершеннолѣтній членъ, котораго ростовщикъ охотно ссужаетъ деньгами, и затѣмъ за провинности этого гулящаго члена семьи имущество резеша, съ помощью дутаго публичнаго торга, переходитъ къ кулаку.

Понятно, что резешъ, у котораго имущество отобрано такимъ наглымъ способомъ, можетъ искать возстановленія своихъ имущественныхъ правъ судебнымъ порядкомъ. Но это крайне трудно и даже совершенно невозможно. Прежде всего возникаютъ вопросы: почему резешъ не протестовалъ противъ описи имущества? Почему онъ не протестовалъ при объявленіи о публичномъ торгѣ въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ»? Положимъ, что отвѣтить на эти вопросы очень легко: имущество резеша нарочно описывается въ его отсутствіе; онъ человѣкъ безграматный и понятія не имѣетъ о существованіи какихъ-то «Вѣдомостей». Но можетъ ли принять все это во вниманіе судъ? Сочтетъ ли онъ эти обстоятельства уважительными? Къ тому же, резешу прежде всего необходимо *документально* доказать суду свое право собственности на несправедливо пріобрѣтенный кулакомъ-ростовщикомъ участокъ земли. А сдѣлать это для резеша совершенно невозможно. Мы уже говорили, что резешская земля составляетъ собственность *родовъ;* поэтому въ резешскихъ имѣніяхъ бываетъ обыкновенно только одинъ документъ на всю вотчину, относящійся къ временамъ, давно минувшимъ. Между тѣмъ, такъ какъ судебная практика, въ виду отсутствія въ законахъ нормированія резешскаго родового землевладѣнія, не признаетъ резешскихъ земель родовыми, эти древніе документы совершенно игнорируются. Права же отдѣльнаго резеша на участокъ опредѣляются или безмолвнымъ признаніемъ этихъ правъ всѣми участниками во владѣніи, или частными родословными росписями, хранящимися у стариковъ, и не имѣющими, какъ я уже говорилъ выше, никакого юридическаго значенія.

Чтобы показать, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ идетъ обез-

Digitized by Google

земеленіе резешей, я приведу списокъ резешскихъ имуществъ, перешедшихъ въ теченіи *одного только года* въ руки кулака-ростовщика, въ одномъ изъ резешскихъ имѣній, лежащемъ въ непосредственномъ почти сосѣдствѣ съ Кишиневомъ. Списокъ этотъ въ свое время былъ опубликованъ въ газетахъ:

1) три десятины земли, домъ, особая кухня, погребъ и виноградный садъ въ 320 кустовъ куплены кредиторомъ на торгахъ за 108 рублей; 2) полторы десятины земли, домъ съ хозяйственными постройками, два виноградныхъ сада, одинъ съ 270, другой съ 400 кустами—за 60 рублей; 3) 13 десятинъ земли—за 109 рублей; 4) 2 десятины земли и два виноградныхъ сада, въ 200 и 100 кустовъ—за 45 рублей; 5) 6 десятинъ земли и виноградный садъ въ 100 кустовъ — за 46 рублей; 6) 7 десятинъ земли, виноградникъ въ 500 кустовъ и 50 фруктовыхъ деревьевъ за 110 рублей; 7) 6 десятинъ земли, хорошій домъ въ двухъ отдѣленіяхъ и три виноградныхъ сада, въ 150, 100 и 100 кустовъ винограда и 200 фруктовыхъ деревьевъ—за 115 рублей; 8) двѣ десятины земли, домъ и виноградный садъ въ 250 кустовъ—за 123 рубля; 9) 3 десятины земли, домъ и виноградникъ въ 200 кустовъ за 45 рублей; 10) 1½ дес. земли и 2 виноградника въ каждомъ по 200 кустовъ—за 45 рублей [1].

Такимъ образомъ, и здѣсь получились самыя печальныя послѣдствія отъ отсутствія въ законѣ гарантій для родовой формы владѣнія.

VI.

Способы пріобрѣтенія и отчужденія земель въ древней Руси и самыя формы, въ которыя выливались покупка и продажа ихъ, значительно разнились отъ существующихъ и практикующихся нынѣ. Такъ въ старину былъ очень распространенъ способъ покупки земли отдѣльнымъ лицомъ на счетъ и имя цѣлаго сельскаго общества или товарищества крестьянъ, причемъ въ документахъ, которыми закрѣплялась покупка, обозначалось, что земля куплена такимъ-то (довѣреннымъ общества) *съ товарищи*. Въ настоящее время такая форма покупки не практикуется, такъ какъ для купчихъ крѣпостей и другихъ документовъ, относящихся къ покупкѣ и продажѣ недвижимыхъ имуществъ, установлены совершенно другія, строго опредѣленныя формы. Между тѣмъ, есть много сельскихъ обществъ, у которыхъ документы на принадлежащую имъ землю имѣютъ именно вышеуказанную форму. И вотъ оказывается, что, благодаря отсутствію въ законѣ указаній на такую форму пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ, многимъ сельскимъ обществамъ предстоитъ опасность быть лишенными своей земли. Такая исторія, по крайней мѣрѣ, случилась недавно въ Уфимской губерніи.

[1] «Голосъ», 1879 г., № 288. «Молва», 1880 г., № 110.

Digitized by Google

Въ 1789 году, крещеные мордва и черемисы купили изъ дачи башкиръ Меркитлинской волости, Стерлитамакскаго уѣзда, Уфимской губерніи, 4,000 слишкомъ десятинъ земли и поселились на ней, назвавъ свое селеніе «Наумкино». Купчая крѣпость написана на Наума Карпова и Ермолая Петрова *«съ товарищи»*. По генеральному межеванію дачи, бывшему въ 1800 годахъ, означенный участокъ отмежеванъ за жителей селенія Наумкина, «поселенныхъ на собственной землѣ, купленной у башкиръ». По ревизскимъ сказкамъ, начиная съ V переписи, «наумкинцы» показывались собственниками означеннаго участка, и, наконецъ, по ихъ просьбѣ, они введены во владѣніе участкомъ уфимской гражданской палатой. Землею наумкинцы пользовались на общинномъ правѣ. Между тѣмъ, года 2½ тому назадъ, нѣкто Добринскій представилъ въ уфимскую палату довѣренность отъ внука Наума Карпова и просилъ палату о признаніи его довѣрителя законнымъ наслѣдникомъ послѣ дѣда. Палата это ходатайство удовлетворила. Вслѣдъ за этимъ, г. Добринскій возбудилъ новое ходатайство въ той же палатѣ о признаніи его довѣрителя лично собственникомъ на участокъ земли при деревнѣ Наумкиной, въ полномъ ея количествѣ, т. е. свыше 4,000 десятинъ, мотивируя это ходатайство, во-первыхъ, давностью спокойнаго и безспорнаго владѣнія участкомъ его довѣрителя, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что въ купчей значатся Наумъ Карповъ и Ермолай Петровъ, а «съ товарищи» означаетъ, по мнѣнію г. Добринскаго, что *они*, Карповъ и Петровъ, назвались *товарищами*, и такъ какъ наслѣдниковъ послѣ Ермолая Петрова въ настоящее время нѣтъ, то весь участокъ долженъ принадлежать внуку Наума Карпова. Характерно, что въ довѣренности, данной наслѣдникомъ г. Добринскому, послѣднему предоставлено «сселить самовольно поселившихся» и съ землей поступить по своему усмотрѣнію: продать, заложить и т. п.

Палата поручила стерлитамакской полиціи удостовѣриться, черезъ опросъ *указанныхъ въ прошеніи г. Добринскаго башкиръ* (!), «въ спокойномъ и безспорномъ владѣніи землей наслѣдника Наума Карпова». Понятное дѣло, что «безспорное» владѣніе *вполнѣ* подтвердилось. Палата постановила выдать наслѣднику Наума Карпова «данную» на весь означенный участокъ, но, предварительно выдачи «данной», запросила уфимское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, не состоитъ ли участокъ, о которомъ шло дѣло, въ башкирской дачѣ. Оказалось, что не состоитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что по документамъ крестьянскаго присутствія, казенной палаты, губернской чертежной и проч., этотъ участокъ составляетъ собственность *всего* общества д. Наумкиной. Уфимскій губернаторъ немедленно сообщилъ въ палату точныя и подробныя свѣденія о принадлежности этого участка наумкинцамъ. Замѣчательно, что все дѣло велось такъ ловко, что сами несчастные наумкинцы узнали о немъ лишь тогда, когда все было кончено и счастливому довѣренному

Digitized by Google

безграматнаго черемиса, потомка Наума Карпова, оставалось только получить данную.

Чѣмъ кончилась эта исторія—неизвѣстно. Однако, въ газетахъ въ концѣ прошлаго года промелькнуло извѣстіе, что уфимская палата все-таки рѣшила выдать данную наслѣднику Наума Карпова, находя, что администрація не по праву вмѣшалась «не въ свое дѣло» [1]. Если это такъ, то, навѣрное, это дѣло послужитъ завиднымъ примѣромъ для разнаго рода «дѣльцовъ» и крестьянскимъ обществамъ, сидящимъ на земляхъ по документамъ «съ товарищи», предстоитъ не мало опасностей...

На этомъ мы кончимъ перечисленіе случаевъ игнорированія существующихъ въ Россіи формъ землевладѣнія. Мы могли бы привести еще нѣсколько примѣровъ тѣхъ печальныхъ послѣдствій, которыя являются результатомъ этого игнорированія, но думаемъ, что достаточно и сказаннаго. И такъ какъ всѣ подобные факты стали извѣстны только въ послѣднее время, а нѣкоторые были даже «открыты» совершенно случайно, то можно считать несомнѣннымъ, что многія и очень многія изъ сложившихся среди русскаго народа поземельныхъ отношеній доселѣ остаются покрытыми мракомъ неизвѣстности и, благодаря этому, могутъ быть свободно уничтожаемы. Большую пользу могли бы, поэтому, принести изслѣдователи народной жизни, открывая и изучая такія оригинальныя формы землевладѣнія.

Я. Абрамовъ.

ВЛАДѢЛЬЧЕСКАЯ НЕДОИМКА НА ЮГѢ РОССІИ.

I.

Земская недоимка, ея ростъ и распредѣленіе.

Тяжелый финансовый кризисъ, переживаемый, между прочимъ, въ ряду другихъ и нашими южно-русскими земствами, поневолѣ обращаетъ на себя вниманіе и вызываетъ на далеко не веселыя размышленія. Вотъ уже сколько лѣтъ, какъ земская касса сдѣлалась чуть ли не синонимомъ пустоты, и то съ той, то съ другой стороны доносятся громкія жалобы на чувствительныя, немаловажныя финансовыя затрудненія. Въ одномъ мѣстѣ земство оказывается едва въ состояніи выполнить однѣ только лежащія на немъ обязательныя повинности, урѣзавъ при этомъ до

[1] «Русскій Курьеръ», 1882 г., № 273.

Digitized by Google

невозможности расходы по необязательнымъ и оставивъ на $^2/_3$ неудовлетворенными самыя насущныя, самыя настоятельныя свои нужды и потребности. Въ другомъ мѣстѣ, земство и не заикается уже даже о необязательныхъ потребностяхъ, не будучи въ состояніи собственными средствами выполнить даже однѣ обязательныя, почему оно вынуждено прибѣгнуть или къ позаимствованію изъ губернской земской кассы, что не всегда удается, или чаще всего—къ частному займу подъ вексель кого-нибудь изъ членовъ управы, за приличные, конечно, проценты. Въ третьемъ мѣстѣ служащіе въ земствѣ: писцы, учителя, врачи и т. д. по нѣскольку мѣсяцевъ, а иногда и по цѣлымъ годамъ, ждутъ не дождутся уплаты слѣдуемаго имъ жалованья; въ четвертомъ—народныя училища стоятъ безъ учебныхъ пособій, земскія аптеки—безъ медикаментовъ; въ пятомъ, наконецъ, земство открыто заявляетъ о своей полнѣйшей несостоятельности, какъ, напримѣръ, Кобелякское и нѣкоторыя другія. Между тѣмъ тутъ же, рядомъ съ едвали не совершеннымъ истощеніемъ земскихъ средствъ, наблюдается постепенное, неуклонно послѣдовательное возрастаніе земскихъ налоговъ. За время незначительнаго, сравнительно, 10—12 лѣтняго періода, норма земскаго обложенія возросла на 65%, а мѣстами даже болѣе, чѣмъ на 70%. Признать такой ростъ ненормальнымъ—едва ли представляется возможность, если принять во вниманіе, что онъ строго соотвѣтствуетъ не менѣе, если даже не болѣе, быстрому и значительному росту земскихъ потребностей, обусловленному, въ свою очередь, упадкомъ нашихъ производительныхъ силъ вообще и главнымъ образомъ—пониженіемъ продуктивности или урожайности почвы. Что послѣднее не парадоксъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда, я постараюсь показать на наглядныхъ примѣрахъ. Обратимся хотя бы къ двумъ такимъ крупнымъ слагаемымъ въ суммѣ спеціально-земской дѣятельности, какъ земская медицина и народное образованіе. Изъ года въ годъ наблюдаемое пониженіе производительности почвы, проще, рядъ хроническихъ неурожаевъ, естественно, обусловливаетъ собой увеличеніе заболѣваемости и смертности. Тифъ, дифтеритъ, скарлатина и т. п. «бичи Божьи», встрѣтивъ благопріятную почву въ экономически слабомъ и гигіенически плохо обставленномъ населеніи, получаютъ, такимъ образомъ, широкое поле для своей смертоносной дѣятельности и развиваются до необычайныхъ размѣровъ. Эта бѣда, какъ ни какъ, не можетъ не подѣйствовать на земство, которое, хотя и поздно, volens-nolens, видитъ себя *вынужденнымъ* взяться за сколько-нибудь сносную организацію земской медицины. Я говорю «видитъ себя *вынужденнымъ*», потому что земствъ, которыя сдѣлали бы это по доброй волѣ и собственной иниціативѣ *до* развитія эпидемій, благодаря данному контингенту земскихъ дѣятелей, слишкомъ мало, чтобы ихъ можно было принимать во вниманіе: громадное, подавляющее большинство нашихъ земствъ сколько-нибудь начало заботиться

Digitized by Google

о медицинѣ только въ послѣдніе 3—4 года—это фактъ общеизвѣстный. Затѣмъ, обращаясь къ народному образованію, необходимо указать на то, что только тѣмъ же пониженіемъ урожайности, слѣдовательно, упадкомъ крестьянскаго благосостоянія, объясняются столь учащающіеся въ послѣднее время отказы [1] крестьянъ цѣлыми волостями [2] отъ содержанія школъ, отказы тѣхъ же самыхъ крестьянъ, которые всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ и теперь, если только у нихъ есть какія-нибудь средства, требовали и требуютъ отъ земства одного только—не всегда охотно даваемаго—разрѣшенія на открытіе школы и назначенія учителя, принимая всѣ расходы, какъ по устройству, такъ и по содержанію школы, на себя. Такимъ образомъ, благодаря экономическому упадку, земство тамъ, гдѣ оно содержало прежде одного врача, увидѣло себя въ настоящее время вынужденнымъ содержать двухъ, гдѣ оно прежде ограничивалось по отношенію къ школѣ однимъ разрѣшеніемъ на открытіе или жалкой подачкой, теперь очутилось въ необходимости, если не желало упразднить народное образованіе, принять содержаніе школъ всецѣло на себя. Если прибавить сюда обусловленное тѣмъ же экономическимъ упадкомъ развитіе эпизоотій, указавшихъ на необходимость ветеринарныхъ врачей, о которыхъ прежде [3] едва ли не всѣ (да и теперь еще многія) земства не имѣли даже никакого представленія; если прибавить сюда невѣдомыя прежде земству громадныя затраты по удовлетворенію такой, недавно еще народившейся, потребности, какъ истребленіе жука и т. д., то едва ли потребуются еще какія-либо доказательства того, что ростъ земскихъ потребностей въ данный, переживаемый нами моментъ, прямо пропорціоналенъ экономическому упадку и вызывается именно послѣднимъ, а не экономическимъ, слѣдовательно, и всякимъ другимъ прогрессомъ, какъ это должно было бы быть при другихъ діаметрально противоположныхъ условіяхъ. На ряду съ потребностями возростаютъ, конечно, и расходы по ихъ удовлетворенію. Между тѣмъ кругъ предметовъ, подлежащихъ земскому обложенію, нетолько не расширился, но даже съузился, благодаря закону 21-го ноября 1866 года, ограничившему, какъ извѣстно, обложеніе торговли и промышленности. Правда, предпринятыя въ послѣднее время кое-гдѣ статистическія изслѣдованія открыли нѣсколько источниковъ дохода, ускользавшихъ до настоящаго времени отъ земскаго обложенія; но количество такихъ новооткрытыхъ источниковъ слишкомъ невелико, чтобы они могли играть какую-нибудь существенную роль въ земскомъ бюджетѣ. Естественно, что отсутствіе достаточнаго количества новыхъ

[1] См. напр., «Отчетъ Верхнеднѣпр. у. з. упр. за 1881» г. и др.

[2] Боголюбовская, Богодаровская и др.

[3] Почти до 1881 года, когда сильно заговорили объ обязательномъ страхованіи скота и когда губернскія собранія обязали уѣздныя земства содержать по 1—2 вет. врачу на уѣздъ и нѣсколько ветер. фельдшеровъ.

Digitized by Google

источниковъ приводитъ къ необходимости по возможности больше черпать изъ старыхъ, имѣющихся на лицо. Обложеніе, не имѣя возможности возростать экстенсивно, въ ширину, въ силу необходимости, становится все интенсивнѣе, ростетъ въ гору. Конечно, такое возростаніе, воспомоществуемое рядомъ соціально-экономическихъ условій, въ свою очередь, тяготѣетъ въ направленіи дальнѣйшаго экономическаго упадка, вслѣдъ за чѣмъ слѣдуетъ новое повышеніе налоговъ, и въ концѣ-концовъ, земство оказывается въ заколдованномъ кругу... Но вѣдь, какъ бы то ни было, до поры, по крайней мѣрѣ, до времени, принимая во вниманіе, что земская раскладка не есть нѣчто неподвижное, застывшее въ извѣстныхъ рамкахъ, а измѣняется соотвѣтственно суммѣ предполагаемыхъ расходовъ, можно было бы ожидать, что земская касса не будетъ знать дефицитовъ, что земство безъ особенныхъ затрудненій окажется въ состояніи удовлетворить, хотя бы только наиболѣе настоятельнымъ своимъ нуждамъ. И это бы дѣйствительно такъ было, еслибъ, прослѣживая возростаніе земскихъ налоговъ, мы не замѣтили, что тутъ же рядомъ идетъ такое же неуклонное возростаніе земскихъ недоимокъ. Эти недоимки приняли въ послѣднее время поразительные размѣры, и, что всего печальнѣе, проявляютъ рѣзко-опредѣленную тенденцію возростать безъ конца. Чтобы не быть голословнымъ, вотъ тому доказательства. Въ прекрасной книгѣ г. Холмскаго «Финансовые итоги» [1] и въ отчетѣ управы находимъ мы слѣдующія данныя о недоимкахъ по губернскому земскому сбору [2] за десятилѣтіе съ 1872 по 1881 годъ включительно.

Годы.	Недоимка по окладамъ: Прежн. лѣтъ до 1868 г.	Съ 1868 г.	Текущихъ лѣтъ.	Всего.	Раскладка.
1872.....	49,379	49,994	43,105	142,478	64,416
1873.....	46,943	39,063	36,473	123,479	64,416
1874.....	45,477	30,428	30,641	106,546	64.416
1875.....	43,518	21,983	46,576	111,977	80,520
1876.....	40,890	33,317	49,496	123,703	100.643
1877.....	41,112	38,582	62,873	142.567	100,643
1878.....	44,326	58,914	46,747	149,987	103,662
1879.....	41,520	70,733	38.727	150.980	112,764
1880.....	41,173	85,522	46,507	173,202	120,000
1881.....	37,014	109,460	61,480	*207.964*	135,578

Разсматривая каждый столбецъ отдѣльно, мы замѣтимъ слѣдующее. Недоимка по окладамъ прежнихъ лѣтъ до 1868 года, т. е. достаточно-таки старая, понижается довольно замѣтно, но

[1] «Финансовые итоги земства Черниговской губерніи». Черниговъ. 1882 г.

[2] За отсутствіемъ данныхъ, ограничиваюсь однимъ губернскимъ сборомъ, что однако ничуть не измѣняетъ сущности дѣла. Если недоимки по этому сбору, помимо неаккуратности плательщиковъ, имѣютъ еще своимъ началомъ захваты изъ него уѣздныхъ земствъ, то вѣдь эти захваты, въ свою очередь, являются прямымъ слѣдствіемъ недостаточнаго поступленія уѣздныхъ сборовъ.

Digitized by Google

и то только до 1877—1878 года, когда начинаетъ повышаться, и затѣмъ снова понижается, хотя далеко уже не такъ быстро. Недоимка по окладамъ съ 1868 года, равняясь въ 1869 году 19,637 руб., къ первому году взятаго нами десятилѣтія возрастаетъ до 49,994 руб., и, понизившись въ теченіи трехъ лѣтъ, 1873—1875, до 21,980 руб., разростается къ концу десятилѣтія въ громадную сумму — 109,460 р., т. е. по сравненію съ 1875 годомъ увеличилась въ *пять* разъ. И это вполнѣ естественно, принимая во вниманіе данныя о недоимкахъ по окладамъ текущихъ лѣтъ, иначе, сумму ежегоднаго недобора по каждому окладу въ отдѣльности. Если возростаніе этого недобора съ перваго взгляда почти и незамѣтно, за то оно сразу сдѣлается очевиднымъ, когда мы раздѣлимъ разсматриваемый нами періодъ на пятилѣтія и выведемъ среднюю цифру ежегоднаго возростанія для каждаго изъ нихъ отдѣльно. Тогда мы увидимъ, что средняя ежегодная цифра для періода 1872—1876 года равняется 41,258 руб., въ то время, какъ во второмъ пятилѣтіи, 1877 — 1881, она равна 51,226 руб. Слѣдовательно, недоимка по окладамъ текущихъ лѣтъ увеличивается ежегодно въ среднемъ на 4,8%. А разъ увеличиваются слагаемыя, то что же удивительнаго въ томъ, что увеличивается и общая сумма всѣхъ недоимокъ въ сложности? Почему же при такихъ условіяхъ 135,040 руб. — недоимкѣ 1868 года — не обратиться въ 1881 году въ 207,964 руб.? Въ томъ же, что возростаніе шло объ руку съ увеличеніемъ обложенія, легко убѣдиться при одномъ только даже бѣгломъ взглядѣ на рубрику раскладокъ. Конечно, мнѣ могутъ возразить, что примѣръ *одной* Черниговской губерніи еще ничего не доказываетъ.

Но вотъ данныя, относящіяся къ совершенно другой полосѣ, къ совершенно другой соціально экономической и бытовой обстановкѣ, а именно Таврической губерніи.

Digitized by Google

Уѣзды.	1877 года.		1878 года.		1879 года.		1880 года.		1881 года.		За пятилѣтіе.			Примѣчаніе.
	Раскладка.	Недоимка.	Раскладка.	Недоимка.	Раскладка.	Недоимка.	Раскладка.	Недоимка.	Раскладка.	Недоимка.	Раскладка.	Недоимка.	% отношеніе.	
	Рубли.		Рубли.		Рубли.		Рубли.		Рубли.		Рубли.			
Ялтинскій....	4,991,97		5,335,97	—	5,535,54	—	7,788,68	—	6,336,45	1,799,91	29,987,14	1,799,91	6	Вся раскладка въ недоимкѣ съ:
Мелитопольс.	25,873,75	—	28,511,88	—	31,998,90	—	45,538,94	—	36,964,62	16,011,87	168,887,59	16,011,87	9,5	
Бердянскій. .	19,924,18	—	21,882,96	—	24,725,76	—	35,499,18	1,405,75	*28,958,27*	*28,958,27*	130,990,35	30,364,02	23,25	1881 г.
Евпаторійскій	5,658,48	—	5,811,25	—	5,403,25	2,070,91	*13,403,21*	*13,403,21*	*10,811,65*	*10,811,65*	41,086,64	26,285,87	63,25	
Днѣпровскій.	19,534,49	—	21,428,41	—	24,761,68	22,026,99	*34,711,29*	*34,711,29*	*28,073,48*	*28,073,48*	128,509,35	84,811,76	66	1880
Симферопольс	8,712,09	—	9,553,62	3,399,15	*10,831,15*	*10,831,15*	*16,293,72*	*16,293,72*	*13,189,64*	*13,189,64*	58,579,83	43,713,66	74,5	
Перекопскій .	5,599,27	—	6,274,90	4,352,72	*7,995,79*	*7,995,79*	*11,468,29*	*11,468,29*	*9,190,10*	*9,190,10*	40,528,95	33,006,91	81,25	1871
Ѳеодосійскій .	14,437,61	11,928	*14,922,62*	*14,922,62*	*17,874,98*	*17,874,98*	*24,453,73*	*24,453,73*	*19,222,16*	*19,222,16*	90,910,14	88,400,53	98,25	1878 г.
Итого ..	104,730,44	11,928	113,719,62	22,678,99	129,126,25	60,779,92	189,156,73	101,735,73	152,746,37	127,256,53	689,479,96	324,394,03	45,5	

Digitized by Google

«*Триста двадцать четыре тысячи триста девяносто четыре руб.* текущаго недобора» — съ совершенно понятнымъ ужасомъ восклицаетъ въ своемъ докладѣ таврическая губернская земская управа, замѣчая, что эта сумма чуть ли не втрое превышаетъ цифру подобной же недоимки въ такомъ громадномъ земскомъ центрѣ, какъ Московская губернія. Совершенно понятно также, что иначе и быть не могло, при томъ условіи, что, напримѣръ, въ Ѳеодоссійскомъ уѣздѣ въ теченіи *пяти лѣтъ* остается въ недоимкѣ *цѣликомъ вся раскладка* (незначительный взносъ въ 1877 году — 2,509 руб. 61 коп. изъ 14,437 руб. едва ли можно принимать во вниманіе), что затѣмъ еще четыре уѣзда въ теченіи четырехъ лѣтъ не вносятъ въ губернскую кассу ни копейки... И вотъ 11,928 руб.—недоимка 1877 года—въ 1880 году обращается почти въ сто двѣ тысячи (54% годов. раскладки), а въ 1881 году—въ 127,000 руб. (83%)! Нужна ли еще болѣе яркая иллюстрація того, съ какимъ поразительнымъ постоянствомъ изъ года въ годъ возростаетъ земская недоимка? И возростаетъ она нетолько въ двухъ указанныхъ губерніяхъ, но, какъ это видно изъ отчетовъ, вездѣ и повсюду: и въ Екатеринославской, и въ Полтавской, и въ Херсонской и т. д., и т. д. Явленіе въ высшей степени знаменательное, имѣющее громадное значеніе для будущности нашихъ земскихъ учрежденій. Еще нѣсколько шаговъ по тому же пути, и намъ, пожалуй, придется быть очевидцами невѣроятнаго зрѣлища—всероссійскаго земскаго банкротства, первые предвѣстники котораго уже появились, какъ первыя ласточки, то тамъ, то здѣсь, то въ образѣ гласнаго заявленія о несостоятельности, то въ обращеніи къ частной благотворительности, какъ это сдѣлало—не припомнимъ когда—одно изъ земствъ Курской губерніи. Невольно нарождается вопросъ: гдѣ же причина такого печальнаго явленія? Рѣшить этотъ вопросъ не особенно трудно: стоитъ только присмотрѣться къ *распредѣленію* недоимки между двумя главными классами плательщиковъ: владѣльцами и сельскими обществами. Если признать за правило, что величина недоимки должна быть обратно пропорціальна платежной силѣ плательщика, то уже a priori, принимая во вниманіе установленный фактъ крестьянскаго обѣднѣнія, необходимо предположить, что наиболѣе неисправными плательщиками являются именно сельскія общества. Между тѣмъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, факты говорятъ о чемъ-то прямо противоположномъ. Въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, уже въ 1866 году мы наталкиваемся на слѣдующее явленіе. Въ то время, какъ на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ числится недоимки по земскимъ сборамъ 107 р. 9 к., на государственныхъ—0 р. 0 к., въ то же время владѣльческая недоимка достигаетъ громадной суммы въ 52,931 р. 1¾ к., причемъ владѣльческій окладъ относится къ крестьянскому почти

Digitized by Google

какъ 2 : 3 [1]. Проходитъ 15 лѣтъ, отношеніе окладовъ почти не измѣняется; недоимка значительно возростаетъ, но характеръ распредѣленія недоимки остается тотъ же самый и въ 1881 г.: на владѣльцахъ числится 74,560 р. 80 к., на сельскихъ обществахъ 23,999 руб. Въ Бахмутскомъ уѣздѣ въ 1880 году числилось недоимки: частновладѣльческой—35,316 р. 19 к., крестьянской—21,955 р. 98 к., а въ 1881 году: 1-й—30,900 р. 86 к., 2-й—13,828 р. 82 к. За пятилѣтіе 1877—1881 гг. недоимки по уѣздному и губернскому земскимъ сборамъ распредѣлились въ Екатеринославскомъ уѣздѣ между частными владѣльцами и сельскими обществами слѣдующимъ образомъ:

	влад. нед.	крест. нед.
1877 г. . . .	31,390 р. 39 к.	. . . 4,187 р. 70 коп.
1878 » . . .	33,053 » 36 »	. . . 3,623 » 66 »
1879 » . . .	16,147 » 43 »	. . . 991 » 14 »
1880 » . . .	24,104 » 70 »	. . . 2,590 » 99 »
1881 » . . .	27,886 » — »	. . . 1,408 » — »

Такимъ образомъ за время всего пятилѣтія владѣльческая недоимка то повышается, то понижается, но всегда въ нѣсколько разъ превышаетъ крестьянскую, причемъ накопляется главнымъ образомъ на земляхъ наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ, изъ которыхъ за нѣкоторыми числится недоимки по 1½ — 2 тысячи руб. и даже болѣе 6 тысячъ руб. Новомосковское земство, по словамъ «Екат. Лист.» (№ 55), «живетъ впроголодь, снѣдаемое постоянными недоимками, коихъ за *двумя-тремя* крупно-владѣльными экономіями завелось около 18,000 р.». Тоже самое явленіе наблюдается и въ Харьковской губерніи. Такъ въ Валковскомъ уѣздѣ къ 1-му январю 1882 частно-владѣльческая недоимка равнялась 21,142 руб. 47 к., крестьянская 19,115 руб. 15 коп. Въ Лебединскомъ уѣздѣ къ тому же времени числилось въ недоимкѣ уѣзднаго земскаго сбора за владѣльцами 20,882 р. 89 коп., за сельскими обществами 15,322 руб. 54 к. Въ Изюмскомъ уѣздѣ вся сумма недоимокъ превышаетъ 90 тысячъ руб., причемъ почти цѣликомъ лежитъ на крупномъ землевладѣніи. Однородное же явленіе наблюдается и въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. Такъ на прошлогоднемъ собраніи (27-го мая) мѣстная уѣздная земская управа заявила гласнымъ, что сильно затрудняется выполнять текущіе расходы по сметнымъ назначеніямъ, въ виду громадной недоимки, простирающейся до 50 тыс. руб. По справкамъ, наведеннымъ по этому поводу собраніемъ, оказалось, что всѣ недоимки числятся за крупными землевладѣльцами и за иными въ суммѣ отъ 500 до 3,000 руб. Въ прилукскомъ земскомъ собраніи послѣдняго созыва, по свидѣтельству «Земскаго Обзора» (№ 4, 1883 г.), выяснилось, что «изъ 121,725 р., слѣдовавшихъ къ поступленію по рас-

[1] «Протоколы втор. очередн. сессіи александр. уѣздн. земск. собр. 20-го—26-го сентября 1867 года». Екат. 1868 г., стр. 50, 172—173.

Digitized by Google

владѣ и недоимкамъ, поступило только 68,217 руб. или около 52%». При этомъ констатировано было собраніемъ, какъ «неоспоримый фактъ», что «неисправными плательщиками являются *крупные землевладѣльцы*, тогда какъ сельскія общества по преимуществу исправны». Таврическая губернская земская управа въ цитированномъ уже выше докладѣ (стр. 5) особенно указываетъ на то, что неисправность плательщиковъ отличается «тою характеристическою особенностью, что неисправные плательщики встрѣчаются большею частью въ средѣ не сельскихъ обществъ, а личныхъ землевладѣльцевъ». Такъ, напримѣръ, на одномъ имѣніи графа Мордвинова, въ Ялтинскомъ уѣздѣ, числится недоимки свыше 2,900 руб. Но это бы еще слава Богу, такъ какъ мѣстная «управа могла бы указать богатыхъ владѣльцевъ, *не уплатившихъ ни копейки въ кассу земства, начиная съ 1867 года, т. е. со дня введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій*». Въ Тираспольскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, по отчету управы за 1881 годъ, изъ всей суммы недоимокъ по уѣздному и губернскому земскимъ сборамъ въ 50,915 руб. на долю земледѣльцевъ падаетъ 40%, а на сельскія общества только 8%, т. е., въ *пять* разъ меньше (остальное на городахъ). Если мы сдѣлаемъ теперь скачекъ въ Сквирскій уѣздъ, то и здѣсь натолкнемся точь-въ-точь на тоже самое, что мы видѣли выше. Здѣсь, по свѣдѣніямъ «Зари» отъ 17-го іюня настоящаго года, числилось въ 1882 году недоимки на землевладѣльцахъ 4,790 руб. 64 к., а на крестьянахъ 30 руб. 36 к.; въ текущемъ году: на первыхъ—2,935 р. 30 к., на вторыхъ—78 руб. 7 к. Въ высшей степени интересны указанія на то, какъ распредѣлялись приведенные 4,790 руб. 64 к. между тѣми 32 частными землевладѣльцами, на которыхъ они числились:

на	13	влад.	1	500	дес.	числил.	недоим.	216	р. 5	к.
»	6	»	500—	1,000	»	»	»	544	» —	»
»	4	»	1,000—	2,000	»	»	»	625	» 85	»
»	9	»	2,000—	10,000	»	»	»	3,404	» 74	»

Или иначе, на *одного*, владѣющаго:

1—	500	д.	приход.	недоимки:	16 р. 61 к.
500—	1,000	»	»	»	90 » 66 »
1,000—	2,000	»	»	»	156 » 48 »
2,000—	10,000	»	»	»	378 » 30 »

Ясно, что, чѣмъ крупнѣе владѣлецъ, тѣмъ больше лежащая на немъ недоимка...

Вотъ что говорятъ факты. Нѣтъ спора, всѣ вышеприведенныя данныя далеко не полны и отрывочны, но это, мнѣ кажется, ни чуть не уменьшаетъ ихъ доказательности, если даже не наоборотъ. Относясь къ *разнымъ* періодамъ времени и *разнымъ* мѣстностямъ, подчасъ довольно рѣзко различающимся своими географическими, этнографическими, климатическими и, главное, общественно-экономическими и бытовыми условіями, эти данныя тѣмъ самымъ ясно указываютъ на то, что, *при самыхъ разно-*

Digitized by Google

образныхъ условіяхъ мѣста и времени, владѣльческая недоимка всегда и вездѣ превышаетъ крестьянскую и при этомъ отличается чрезвычайно характерной особенностью, проистекающей, какъ это будетъ выяснено ниже, изъ самой ея сущности и выражающейся въ неуклонномъ стремленіи *возрастать вмѣстѣ съ возрастаніемъ площади владѣнія.*

II.

Крестьянская недоимка.

Условія современнаго крестьянскаго хозяйства слишкомъ общеизвѣстны, чтобы нужно было здѣсь долго на нихъ останавливаться. Незначительность надѣла, осложненная отсутствіемъ выгона, а потому и недостаткомъ скота и удобренія, неблагопріятныя атмосферныя и климатическія условія, для улучшенія которыхъ пока еще ничего не сдѣлано, если не считать незначительныхъ оросительныхъ работъ, эпидеміи и эпизоотіи, кузька и саранча, наконецъ, масса натуральныхъ повинностей и разнообразныхъ платежей, не соотвѣтствующихъ ни уровню нашего экономическаго развитія вообще, ни въ частности платежной силѣ крестьянина—вотъ въ немногихъ словахъ та обстановка, при которой крестьянину приходится вести свое расползающееся по швамъ хозяйство. Являться при такихъ условіяхъ исправнымъ плательщикомъ въ высшей степени трудно. Это едва ли станетъ кто-либо отрицать, за исключеніемъ развѣ ретроградовъ, которые съ поразительною беззастѣнчивостью отрицаютъ бьющіе въ глаза факты и признаютъ существующимъ лишь то, что признавать таковымъ въ ихъ интересахъ. Что бы, однако, ни говорили эти господа, вышеприведенныя условія несомнѣнно существуютъ и даютъ въ результатѣ именно то, чего отъ нихъ только и можно было ожидать, т. е. недоимку всякаго рода и вида. Что касается, однако, спеціально земской недоимки, числящейся за сельскими обществами, то она имѣетъ еще свою особую спеціальную причину, получающую свое начало въ самыхъ условіяхъ взиманія. Такъ, въ 1881 году предсѣдатель глуховской уѣздной земской управы въ запискѣ, поданной имъ сенатору, ревизовавшему Кіевскую и Черниговскую губерніи, выразился, что «черезъ нѣсколько мѣсяцевъ земская управа должна будетъ прекратить свои платежи, и всѣ содержимыя земствомъ учрежденія подвергнутся трудному кризису». Дѣйствительно, время это скоро наступило и 18-го іюля того же года, «въ виду безденежья въ кассѣ управы и невозможности сдѣлать самые настоятельные платежи и выдать жалованье учителямъ, фельдшерамъ и другимъ лицамъ, управа рѣшилась *сдѣлать заемъ въ четыре тысячи рублей подъ частный вексель предсѣдателя управы*». Къ такой, далеко, понятно, невыгодной для земскаго кармана

Digitized by Google

финансовой операціи, управа вынуждена была прибѣгнуть, благодаря болѣе, чѣмъ 80-ти-тысячной недоимкѣ по уѣздному и губернскому земскимъ сборамъ. Причины накопленія такой громадной недоимки весьма просто выясняются цѣлымъ рядомъ однородныхъ документовъ, изъ которыхъ мы приводимъ здѣсь только наиболѣе характерные:

1) Предписаніе глуховскаго уѣзднаго исправника Ярославцкому и Марчихинабудинскому волостнымъ старшинамъ отъ 20-го ноября 1880 года: «Изъ свѣдѣній казначейства мною усматривается, что поступленіе земскихъ сборовъ гораздо успѣшнѣе (?) и взносы гораздо больше (?) казенныхъ сборовъ; поставляя объ этомъ въ извѣстность васъ, прошу при взысканіяхъ съ сельскихъ обществъ пополнять прежде всего окладные казенные сборы, а затѣмъ уже остальные».

Какъ хорошо «усматривалъ» исправникъ, можно заключить изъ того, что въ дѣйствительности существовало нѣчто прямо противуположное тому, что онъ «усмотрѣлъ»: въ то время, какъ недоимка по земскимъ сборамъ все увеличивалась, нетолько были взысканы безнедоимочно всѣ государственныя повинности, *но даже до 14 тысячъ рублей поступило впредь въ счетъ оклада слѣдующаго 1881 года.* Вызвано, слѣдовательно, предписаніе не тѣми мотивами, которые изложены въ немъ, а другими, о которыхъ будетъ упомянуто ниже.

2) Заявленіе въ управу сборщика Улановской волости, Семена Гончарова, поданное 16 января 1881 года: «30 декабря 1880 года мною, какъ сборщикомъ податей, были представлены въ глуховское уѣздное казначейство земскіе сборы за общество казенныхъ крестьянъ с. Ястребщины—113 руб. 23 к.; въ объявленіи, при которомъ представлялись деньги, было указано, что означенная сумма представляется для зачета въ сборы на губернскія и уѣздныя земскія повинности. Между тѣмъ, изъ полученной квитанціи отъ казначейства въ принятіи тѣхъ 113 руб. 23 коп. отъ 30 декабря 1880 г. за № 6385, прилагаемой при семъ, видно, *что деньги зачтены въ подати на 1881 годъ.* На вопросъ мой, что это значитъ . . . было сказано, чтобы я убирался изъ казначейства. Видя въ подобномъ самоуправствѣ уѣзднаго казначейства незаконное дѣйствіе, я, какъ сборщикъ податей . . . имѣю честь заявить о семъ глуховской земск. управѣ для законнаго распоряженія, а также покорнѣйше прошу пособить мнѣ сдѣлать расчетъ, дабы съ меня не были потребованы деньги эти вдвойнѣ, и принять мѣры къ тому, чтобы на будущее время сборщики не подвергались бы подобному произволу» и т. д.

3) Прошеніе сборщиковъ дер. Коренька, Балаганова и Ащаулова, поданное въ управу 8 февраля 1881 года: «22 декабря прошедшаго 1880 года нами были представлены въ казначейство деньги для зачисленія ихъ на земскія повинности за общество казаковъ д. Коренька—44 руб. 60 коп. и казен. крест.

Digitized by Google

69 руб. 49 коп., но по распоряженію г. казначея, какъ видно изъ выданной намъ квитанціи въ полученіи денегъ, *деньги эти зачислены въ подати за 1881 годъ*, въ виду чего мы имѣемъ честь покорнѣйше просить земск. управу принять участіе въ искорененіи этихъ безпорядковъ, такъ какъ они запутываютъ насъ въ счетахъ» и т. д.

Что лучше приведенныхъ здѣсь документовъ характеризуетъ отношеніе мѣстной администраціи къ земству и его нуждамъ? И такое отношеніе вполнѣ понятно. Отъ исправнаго поступленія земскихъ сборовъ мѣстной администраціи ни тепло, ни холодно, тогда какъ исправное поступленіе государственныхъ платежей влечетъ за собой для администраціи въ первомъ случаѣ награду, во второмъ—строгое предписаніе и «нагоняй». Естественно поэтому, что администрація ни чуть не считаетъ для себя обязательнымъ руководство ст. 90 устава о земск. повин. т. IV, которая ясно гласитъ, что взносы, дѣлаемые плательщиками, прежде всего идутъ на покрытіе земскихъ сборовъ (въ размѣрѣ 12% по полугодичному разсчету), а затѣмъ уже на государственныя подати. И это не мѣстное явленіе, наблюдаемое въ одномъ только Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, а общее, по крайней мѣрѣ, всему нашему югу. Прилукская уѣздная земская управа, «изслѣдуя на мѣстѣ, по волостямъ своего уѣзда», причины возростанія недоимокъ по земскимъ сборамъ и страховымъ платежамъ, пришла въ тому заключенію, что главной причиной является въ данномъ случаѣ взносъ сборщиками въ казначейство «въ число податей *всѣхъ* земскихъ сборовъ, не исключая и страховой преміи», и что виною этому въ свою очередь «тѣ строгія мѣры со стороны полиціи, которыя вынуждаютъ плательщиковъ и сборщиковъ крестьянскихъ обществъ всѣ деньги вносить въ казначейство только на пополненіе податей въ ущербъ другихъ сборовъ». Въ Переяславскомъ уѣздѣ въ 1879 году, по свидѣтельству управы, при обвиненіи урядниковъ въ растратѣ страховыхъ платежей оказалось, что «*страховые платежи поступили въ пополненіе даже выкупной операціи*»... «Причины накопленія недоимокъ за сельскими обществами ревизіонная комиссія, въ своемъ докладѣ (стр. 208) кобелякскому уѣздному земскому собранію XVII очеред. сессіи, видитъ въ неправильныхъ дѣйствіяхъ волостныхъ правленій, взыскивающихъ земскіе сборы. Эти неправильныя дѣйствія состоятъ въ томъ, что, получая отъ собственниковъ земель земскій сборъ, волостныя правленія вносятъ ихъ въ казначейство не въ земскій сборъ, а въ пополненіе недоимокъ по государственнымъ налогамъ за несостоятельныхъ однообщественниковъ по платежу всякихъ вообще повинностей. Изъ этого вытекаетъ само собою, что государственные сборы ежегодно пополняются на счетъ земскихъ сборовъ, недоборъ которыхъ долженъ рости изъ года въ годъ. Что это происходитъ именно такъ, а не иначе, можно видѣть изъ имѣющагося при дѣлахъ управы» и т. д. Тоже самое и въ большинствѣ осталь-

Digitized by Google

ныхъ уѣздовъ Полтавской губерніи, гдѣ, по словамъ губернской земской управы, «пока не очищены платежи въ казну (поземельный государственный налогъ, подати и выкупные платежи), на сборы другихъ наименованій, отъ частныхъ лицъ и *отъ сельскихъ обществъ преимущественно*, не поступаетъ ни копейки», и гдѣ полиція часто заставляетъ сборщиковъ вносить собранные ими земскіе и страховые сборы «въ пополненіе другихъ недоимокъ и даже за другихъ лицъ». Въ сосѣдней Харьковской губерніи, какъ это видно изъ доклада гласнаго А. А. Телятникова чрезвычайному губ. земск. собр., «неся отвѣтственность преимущественно за успѣшность сбора государственныхъ налоговъ, полиція часто собранные земскіе и страховые сборы *силою засчитываетъ въ казенные*, оставляя земство безъ денегъ, чѣмъ крайне вредитъ ходу земскихъ дѣлъ». И т. д., и т. д. Я очень долго не кончилъ бы, еслибы вздумалъ продолжать свои выписки даже изъ того ограниченнаго числа докладовъ и отчетовъ, какое имѣется у меня подъ руками. Сколько ни пересмотри докладовъ, сколько ни перечитай отчетовъ—вездѣ одно и тоже, однѣ и тѣ же жалобы, имѣющія своимъ источникомъ то печальное явленіе, что помимо недоимки, какъ слѣдствія истощенія платежной силы, на крестьянской шеѣ создается еще *искуственно* недоимка путемъ неправильныхъ зачетовъ и взысканій, производимыхъ исправниками, казначеями, становыми, или, наконецъ, самими же волостными правленіями. конечно, не по собственной волѣ, а подъ непосредственнымъ давленіемъ уѣздной власти, давленіемъ, которое имѣетъ такое широкое и свободное приложеніе, благодаря праву исправника подвергать дисциплинарному взысканію волостного старшину за медленное взысканіе податей въ частности, и данной постановкѣ крестьянскаго самоуправленія вообще. Принимая послѣ этого во вниманіе относительную незначительность земской недоимки, числящейся на крестьянахъ, даже при указанныхъ условіяхъ, можно съ увѣренностью предположить, что не существуй этихъ условій—не было бы и самой недоимки, или, еслибъ она и существовала, то въ такихъ незначительныхъ размѣрахъ, что (до поры, конечно, до времени) не могла бы играть никакой существенной роли въ процессѣ оскуденія земской казны. Но выше мы видѣли, что даже и при настоящихъ своихъ размѣрахъ она, какъ факторъ земскаго оскуденія, играетъ только второстепенную роль; на первомъ же планѣ стоитъ владѣльческая недоимка, къ которой мы теперь и обратимся.

III.

Владѣльческая недоимка.

Едва ли я ошибусь, если скажу даже a priori, что платежная сила помѣщичьяго хозяйства *во всякомъ случаѣ* гораздо выше

Digitized by Google

платежной силы крестьянскаго хозяйства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что собственнику 50—100 десятинъ и т. д. гораздо легче уплатить 8 — 13 копеечный земскій налогъ, чѣмъ владѣльцу 1,5—2 десятинъ, при отсутствіи выгона, скота, массѣ всякихъ другихъ лежащихъ на землѣ платежей и такой же массѣ натуральныхъ повинностей [1], отрывающихъ его отъ работы въ самую нужную пору. Какъ ни общеизвѣстна эта истина, я считаю, однако, не лишнимъ подтвердить ее лишній разъ наглядным примѣромъ. По свидѣтельству г. В. Греченко, давшаго въ I томѣ (ч. 2) «Сборника матеріаловъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ.», прекрасное описаніе с. Великой Павловки, крестьянинъ—вчерашній недоимщикъ, безъ толку «болтавшій» свой надѣлъ, получивъ возможность свободно пользоваться выгономъ, хотя бы и прибѣгая къ потравамъ, а отсюда — получивъ возможность расширить свое хозяйство, сразу обращается въ «образцоваго хозяина» и преисправнѣйшаго плательщика. Очевидно, что между площадью владѣнія и платежной силой существуетъ самая тѣсная причинная связь. Очевидно, платежная сила прямо пропорціональна площади владѣнія. Между тѣмъ, кому неизвѣстны громкія ламентаціи, идущія изъ частновладѣльческаго лагеря по поводу будто бы чрезвычайной убыточности хозяйства; кому не приходилось слышать, особенно у насъ, на югѣ, этихъ громкихъ жалобъ на чрезвычайную будто бы дороговизну рабочихъ рукъ, какъ главную причину этой убыточности?.. Не успѣетъ наступить лѣто, подойти рабочая пора, какъ со всѣхъ сторонъ раздается: «караулъ! грабятъ! хозяйства вести невозможно!» и т. д. Вслѣдъ затѣмъ начинаютъ сыпаться дождемъ проэкты и ходатайства объ огражденіи хозяевъ отъ «эксплуатаціи ихъ рабочихъ» [2], о «переселеніи на югъ» (харьковское земство), о «рабочихъ книжкахъ» и т. д. Конечно, по нынѣшнимъ временамъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ярые поборники «невмѣшательства», когда «вмѣ-

[1] Помимо дорожной, этапно-арестантской и подводной повинностей, сюда нужно еще отнести полицейскую службу (сотскіе, десятскіе), отопленіе школъ и ремонтъ ихъ, ночные обходы и многіе наряды для сельскихъ нуждъ.

[2] Въ существованіи этой эксплуатаціи, по крайней мѣрѣ, твердо убѣжденъ г. Гомилевскій, редакторъ «Записокъ Императорск. общ. сельск. хоз. южн. Россіи», выступившій (августъ, 1883, стр. 451—454) съ статьей «Къ рабочему вопросу въ Новороссіи», въ которой предлагается для огражденія интересовъ хозяевъ рядъ мѣръ, изъ которыхъ приводимъ наиболѣе характерныя: «2) рабочая плата можетъ быть выдана рабочему лишь только за исполненную работу; 4) землевладѣлецъ... не лишается права давать крестьянину деньги *на какихъ угодно условіяхъ*, но только отнюдь не подъ будущую работу»... Не дурно!.. Какъ же это, однако, г. Гомилевскій не знаетъ, что деньги и такъ не даютъ «подъ будущую работу», что работа эта идетъ не въ уплату денегъ (она производится своимъ чередомъ), а какъ °/₀ по займу? Процентъ же этотъ многознаменательное «на какихъ угодно условіяхъ» не возбраняетъ... А въ немъ-то и все зло, не для владѣльца, конечно, а именно для новоизобрѣтеннаго «эксплуататора-рабочаго»...

Digitized by Google

шательство» не въ ихъ интересахъ, сразу обращаются въ горячихъ протекціонеровъ, когда это для нихъ выгодно, но все-таки не мѣшаетъ оцѣнить по достоинству эти жалобы, руководствуясь хотя бы разсчетомъ, сдѣланнымъ г. Ефименко въ докладѣ «объ экономическомъ положеніи государственныхъ крестьянъ и бывшихъ дворовыхъ» Харьковскаго уѣзда. Согласно этому разсчету (стр. 95), въ теченіи послѣднихъ 16—18 лѣтъ *арендная плата за землю возвысилась на 133%, цѣна хлѣбныхъ продуктовъ—на 66%, а рабочая плата лишь на 54%.* Все громадное значеніе этихъ данныхъ, если они даже только приблизительно вѣрны, сдѣлается особенно яснымъ при разсмотрѣніи тѣхъ основаній, на которыхъ ведется въ настоящее время владѣльческое хозяйство. Какъ ни малочисленны, сравнительно, относящіяся сюда данныя, но эта малочисленность ничуть не мѣшаетъ имъ быть въ высшей степени многознаменательными.

Изъ отчета екатеринославской уѣздной земской управы за 1880 годъ мы узнаемъ, что изъ 348,359½ десятинъ частновладѣльческой земли арендуется одними только сельскими обществами по системѣ краткосрочной аренды (на одинъ посѣвъ) 110,716¼ д. (Вѣд. № 7). Въ этомъ же уѣздѣ мнѣ, между прочимъ, извѣстенъ помѣщикъ—владѣлецъ 20,000 десятинъ, обрабатывающій собственными средствами не болѣе 600 дес., причемъ болѣе 5,000 дес. идутъ ежегодно въ мелкую раздачу крестьянамъ. Въ этомъ далеко не единичномъ случаѣ собственная запашка составляетъ едва 12% крестьянской запашки на владѣльческой же землѣ. Во всей Екатеринославской губерніи въ общей сложности, какъ это видно изъ доклада центральнаго статистическаго комитета по вопросу о спеціальномъ пониженіи выкупныхъ платежей, одними только бывшими владѣльческими крестьянами арендуется 201,088 десятинъ владѣльческой земли. Изъ статистическаго обзора Херсонской губерніи за 1881 годъ мы узнаемъ, что въ этой губерніи изъ 2,436,000 дес. владѣльческой земли раздается въ аренду 878,185 десят., т. е. болѣе 36%. Въ Таврической губерніи, какъ и вообще въ Новороссіи, судя по свѣденіямъ департамента земледѣлія и сельской промышленности за весенній періодъ текущаго года, наблюдается значительное увеличеніе съема земли крестьянами. Сдача земли крестьянамъ производится въ широкихъ размѣрахъ, на разныхъ условіяхъ, преимущественно изъ части. «Такую сдачу, говоритъ департаментъ:—*помѣщики считаютъ выгоднѣе овцеводства*, а потому начали сокращать послѣднее». Въ Зѣньковскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, изъ числа 418 имѣній, о хозяйствѣ которыхъ собраны болѣе подробныя свѣденія, по словамъ цитированнаго уже нами «Сборника по хозяйств. статист.», насчитывается (стр. 49) всего 154 имѣнія, съплощадью владѣнія въ 23,382 десят., ведущихъ собственную запашку, и 264, съ площадью владѣнія въ 17,272 десят., въ которыхъ собственно экономическая запашка совсѣмъ не производится. Но и въ первыхъ, 154-хъ, большею частью крупныхъ,

Digitized by Google

имѣніяхъ далеко не вся распахиваемая земля обработывается самими же экономіями. И здѣсь, какъ и въ остальныхъ 264 имѣніяхъ, часть земли отдается въ 2 — 3-хъ-лѣтнюю аренду отдѣльнымъ лицамъ или товариществамъ, другая часть идетъ въ краткосрочную мелочную съемку, и только образовавшійся послѣ этого остатокъ обработывается средствами самой экономіи. При этомъ въ имѣніяхъ, ведущихъ собственную запашку, въ 2—3 лѣтнюю аренду идетъ 16,3% пахатной земли, остальные же 83,7% частью идутъ въ мелкую съемку, частью подъ собственно-экономическую запашку. Въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ таковой нѣтъ, въ арендѣ находится 61,6% пахатной земли. Вообще же наблюдается, что «въ крупныхъ имѣніяхъ (отъ 500 дес.), при отсутствіи владѣльческой запашки, отсутствуетъ и скопщина (изъ первыхъ рукъ) *и вся земля находится въ арендѣ*» (стр. 50). Но арендаторы, въ свою очередь, «большую часть или *даже всю арендную землю* раздаютъ по мелочамъ» (id.) тѣмъ же крестьянамъ съ копны или за плату; съемъ земли за обработокъ въ уѣздѣ не практикуется. Такимъ образомъ, отдача въ аренду (рѣдко превышающую 3-хъ-лѣтній срокъ) является процессомъ, повышающимъ мелкую крестьянскую арендную плату, понижающимъ долю крестьянина при скопщинѣ [1], но нисколько не измѣняющимъ самой системы владѣльческаго хозяйства. Особенно широкое приложеніе имѣетъ эта система въ шести уѣздахъ Черниговской губерніи: Новозыбковскомъ, Конотопскомъ, Черниговскомъ, Борзенскомъ и Нѣжинскомъ, о которыхъ пока собраны болѣе подробныя статистическія свѣденія. Въ указанныхъ уѣздахъ, какъ это видно изъ «Матеріаловъ для оцѣнки земельныхъ угодій», изъ 965 имѣній свыше 100 десятинъ сколько-нибудь значительныя запашки производятся владѣльцами только въ 118 имѣніяхъ, что̀ едва составляетъ 13% всѣхъ имѣній. Но и здѣсь въ большинствѣ случаевъ запашка производится не вольнонаемнымъ трудомъ, а за отработки, причемъ земля, не идущая подъ запашку, идетъ въ съемку. Затѣмъ, въ 271 имѣніи, около 27%, собственно владѣльческая запашка, производимая исключительно почти за отработки, очень незначительна, а на первомъ планѣ въ этихъ имѣніяхъ стоитъ раздача земли въ краткосрочную аренду крестьянамъ. Наконецъ, 576 имѣній (60%) совершенно не знаютъ владѣльческой запашки, такъ какъ вся земля цѣликомъ раздается крестьянамъ. Въ общемъ, изъ всей суммы запашекъ, производимыхъ на владѣльческихъ земляхъ, собственно экономическія составляютъ едва 20%, да и то на половину почти производятся онѣ не наемными рабочими, а за отработки, тѣми же крестьянами, которые арендуютъ остальные 80%. До чего доведена здѣсь эта система хозяйства, тому можетъ послужить яркой иллюстраціей примѣръ имѣнія г. Х. въ д. Залѣсѣевкѣ, приводимый г. В. Е. Варзеромъ въ его описа-

[1] Прямое слѣдствіе «посредничества».

Digitized by Google

ніи Новозыбковскаго уѣзда: «Въ имѣніи этомъ, говоритъ г. Варзеръ на 57 стр.: — нѣтъ ни построекъ, ни орудій, ни скота — только голое поле; владѣлецъ самъ не живетъ въ имѣніи, а пріѣзжаетъ лишь для раздачи полей и (наблюденія?) при уборкѣ. Помѣстившись въ страдную пору по-цыгански въ шатрѣ, онъ слѣдитъ за уборкой, получаетъ спадающую ему часть урожая и немедленно распродаетъ ее. Этимъ и кончается все дѣло». Дальше этого, конечно, трудно идти, такъ какъ въ данномъ случаѣ «система» доведена до совершенства, до идеала...

Тамъ же, гдѣ владѣлецъ, въ видѣ исключенія, вздумаетъ самъ произвести запашку, она производится за отработки. Отсюда прямо слѣдуетъ, что роль рабочей платы въ владѣльческомъ хозяйствѣ необходимо признать очень незначительной: землевладѣлецъ заинтересованъ въ землѣ не какъ предприниматель, а какъ рантьеръ. Разъ это такъ, вышеприведенный разсчетъ г. Ефименко получаетъ громадное значеніе. Возростаніе рабочей платы на какихъ-нибудь 54% едва ли могло оказать какое-либо существенное вліяніе на владѣльческое хозяйство, когда тутъ же рядомъ наблюдается возростаніе на 133% арендной платы, которой это хозяйство по преимуществу держится [1]. Если же мы теперь вспомнимъ, что maximum возростанія земскихъ платежей достигаетъ 70%, то сразу сдѣлается очевиднымъ, что если кто и проигралъ въ платежной силѣ по отношенію къ этимъ платежамъ, то именно съемщикъ-крестьянинъ, но никакъ не владѣлецъ, собственникъ земли, платежная сила котораго скорѣе увеличилась, ибо установлено, что данная система владѣльческаго хозяйства, хотя бы и въ высшей степени вредная для общегосударственной сельско-хозяйственной экономіи, даетъ тѣмъ не менѣе владѣльцу больше прибыли, чѣмъ еслибъ онъ производилъ собственную запашку. Слѣдовательно, при разсмотрѣніи вопроса о владѣльческой недоимкѣ по земскимъ сборамъ, не можетъ быть и рѣчи ни объ убыточности будто бы хозяйства, ни объ истощеніи его платежной силы, тѣмъ болѣе, что въ арендную плату входитъ необходимымъ элементомъ, помимо ренты и т. д., также и земскій налогъ, часто въ удвоенномъ или даже утроенномъ размѣрѣ. Въ такомъ случаѣ владѣлецъ является только

[1] Понятно, что, избравъ критеріумомъ рабочую плату, мы допускаемъ *равенство всѣхъ остальныхъ условій* въ крестьянскомъ и владѣльческомъ хозяйствѣ. На самомъ же дѣлѣ, этого равенства ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ не существуетъ. Нечего и говорить о томъ, что благопріятныхъ условій гораздо больше въ сферахъ владѣльческаго хозяйства; но и неблагопріятныя отзываются на немъ слабѣе. Такъ, несмотря на хронический неурожай, урожайность владѣльческой десятины, судя по свѣдѣніямъ департ. земледѣл. на 25% выше крестьянской. Эпизоотіи, суслики, вредныя насѣкомыя наносятъ владѣльческому хозяйству гораздо менѣе вреда, благодаря болѣе своевременному принятію мѣръ, что обусловливается, конечно, болѣе солидными, чѣмъ у крестьянъ, матеріальными средствами и нѣкоторыми побочными условіями.

Digitized by Google

посредникомъ между съемщикомъ-крестьяниномъ и земской кассой. Ему остается только взять деньги изъ рукъ крестьянина и передать ихъ земству, удержавъ при этомъ за посредничество извѣстную сумму. Но почему же, если такъ, владѣльцы предпочитаютъ ничего не взносить въ земскую кассу, почему, обладая въ нѣсколько разъ бо́льшей, чѣмъ крестьянинъ, платежной силой, они оказываются въ столько же разъ менѣе исправными плательщиками? А потому, что въ то время, какъ крестьянинъ, для котораго идеаломъ благосостоянія и до Петра и послѣ него являлось такое положеніе, при которомъ онъ могъ бы по возможности исправно, не испытывая особенныхъ затрудненій и нужды, уплачивать «его, государевы, прибыли и доходы», въ то время, какъ этотъ крестьянинъ располагаетъ свои потребности въ слѣдующемъ порядкѣ: платежи, хозяйственный инвентарь, желудокъ жены и дѣтей и собственное потребленіе, ограничивающееся подчасъ одной сивухой—землевладѣлецъ, который и до Петра, и послѣ него, только «кормился», располагаетъ свои потребности въ нѣсколько иномъ, частью діаметрально противоположномъ порядкѣ: собственное потребленіе, хозяйственныя нужды, банкъ и, наконецъ, госуд. и земскіе платежи. «...Неисправные плательщики, говоритъ Таврическая губернская земская управа:—встрѣчаются бо́льшею частью... въ средѣ личныхъ владѣльцевъ и не изъ-за обременительности налога, а *изъ-за недостаточнаго вниманія къ платежнымъ обязанностямъ*, изъ-за привычки, не производя взноса немедленно по врученіи окладного листа, ждать напоминаній или взысканій черезъ полицію». Къ этому же убѣжденію пришли чуть ли не всѣ наши южныя губернскія и уѣздныя земства, чѣмъ и объясняется возникновеніе тѣхъ десятковъ, пока еще не удовлетворенныхъ ходатайствъ, которыя имѣютъ своею цѣлью примѣненіе къ земскимъ недоимщикамъ правила, практикующагося въ области городского самоуправленія, т. е. устраненіе недоимщиковъ отъ земскаго дѣла. Эти ходатайства весьма ясно указываютъ еще и на то, что административный органъ, въ кругъ обязанностей котораго едва ли не спеціально входитъ взиманіе сборовъ и недоимокъ, а именно: мѣстная полиція оказывается стоящей далеко не на «высотѣ своей задачи». Мы видѣли уже, какъ относится мѣстная администрація къ земскимъ нуждамъ; но это бы еще полъ-бѣды. Гораздо важнѣе то, что полиція, всевластная по отношенію къ сельскимъ обществамъ, оказывается совершенно безсильной, разъ только ей приходится столкнуться съ частными владѣльцами. «Это можно доказать, говоритъ по этому поводу константиноградскій гласный г. Гриневичъ, въ своемъ мнѣніи по вопросу объ измѣненіяхъ въ устройств. мѣстн. по крестьян. дѣламъ учрежден.—тѣмъ простымъ сопоставленіемъ, что на полиціи лежитъ прямая обязанность взысканія поземельныхъ и другихъ сборовъ также и съ землевладѣльцевъ, между тѣмъ на землевладѣльцахъ, и особенно крупныхъ, всегда оказывается большая недоимка, сравнительно

Digitized by Google

противъ недоимокъ, остающихся за крестьянскими обществами». И происходитъ это отъ того, по словамъ г. Гриневича, что полиція, въ силу ли своего безсилія, въ силу ли какихъ-либо соображеній, ограничивается одной только непроизводительной перепиской съ владѣльцами, не принимая никакихъ понудительныхъ мѣръ и нисколько, понятно, не подвигая дѣла. Къ такому заключенію пришли всѣ земства, которымъ только пришлось столкнуться съ вопросомъ о владѣльческой недоимкѣ.

И безсиліе или бездѣятельность полиціи тѣмъ замѣтнѣе, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ крупнѣе землевладѣлецъ, слѣдовательно, чѣмъ выше его ступень въ уѣздной общественной лѣстницѣ. Вполнѣ понятно и не менѣе естественно, что ни къ графу Мордвинову, въ Ялтинскомъ уѣздѣ, ни къ остальнымъ крупнымъ владѣльцамъ того же уѣзда, «не уплатившимъ ни копейки въ кассу земства, начиная съ 1867 года», ни къ генералу Струкову, въ Екатеринославскомъ уѣздѣ—не явятся ни становой, ни урядникъ «выколачивать» недоимку путемъ публичной продажи имущества. Крупный владѣлецъ—сила; исправникъ же, становой и урядникъ—люди очень даже маленькіе, резонно предпочитающіе угодить силѣ, чѣмъ въ недобрую минуту попасть подъ ея всесокрушающую пяту... Вотъ почему, указывая въ I главѣ на то, что присущее владѣльческой недоимкѣ свойство возростать пропорціонально площади владѣнія получаетъ свое начало въ самой сущности этой недоимки, мы дѣлали это не голословно, а стоя на твердой почвѣ фактовъ. Вотъ почему также вполнѣ естественно, что, обсуждая вопросъ объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, земства единогласно высказались за изъятіе изъ вѣдѣнія полиціи взысканія земскихъ сборовъ и учрежденіе особаго института выборныхъ земскихъ сборщиковъ. Конечно, польза проэктируемыхъ «земскихъ баскаковъ» въ высшей степени сомнительна. Не трудно предвидѣть, что при сохраненіи въ неприкосновенности данной постановки земскаго дѣла, оригинальные «баскаки» окажутся даже больше полиціи на руку крупнымъ владѣльцамъ, которые, если сами и погнушаются, быть можетъ, новымъ источникомъ кругленькаго оклада, то, во всякомъ случаѣ, всегда и вездѣ съумѣютъ провести въ «баскаки» своихъ излюбленныхъ кандидатовъ...

IV.

Вліяніе владѣльческой недоимки на крестьянскій бытъ.

Допустимъ слѣдующій гипотетическій примѣръ. Предположимъ, что вся существенно необходимая для покрытія наиболѣе настоятельныхъ расходовъ сумма земскихъ сборовъ даннаго уѣзда

Digitized by Google

равняется 160,000 руб. Допустимъ также для бо́льшей простоты примѣра и въ виду вообще незначительности суммы, даваемой остальными предметами обложенія, что весь окладъ распредѣляется приблизительно въ среднемъ (для юга) отношеніи 9:7 только между крестьянскимъ и частнымъ землевладѣніемъ. Тогда первое должно будетъ внести въ земскую кассу 90,000 руб., а второе—70,000 руб. Однако, ни крестьяне, ни частные владѣльцы не выплатятъ сразу безнедоимочно всей суммы оклада. Первые взнесутъ 95% оклада, а вторые 40% [1], т. е. первые—85,500 руб., вторые—28,000 руб. Тогда за крестьянами останется въ недоборѣ 4,500 руб., за владѣльцами—42,000 руб. Весь недоборъ, слѣдовательно, будетъ равняться 46,500 руб. Естественно, что такая громадная недоимка поставитъ земство въ критическое положеніе и заставитъ его искать выхода во что бы то ни стало. Но выходъ есть только одинъ, къ которому земство и обратится, т. е. начнетъ, по обыкновенію, бомбардировать губернскую администрацію телеграммами и просьбами о понужденіи мѣстной полиціи къ болѣе энергичному взысканію земскихъ сборовъ. Телеграммы и просьбы произведутъ надлежащее дѣйствіе и въ результатѣ получатся «строжайшія предписанія», подъ вліяніемъ которыхъ полиція съ сугубымъ рвеніемъ возьмется за дѣло. Несомнѣнно, въ высшей степени интересно было бы рѣшить вопросъ о томъ, въ какую именно сторону направитъ полиція свою дѣятельность. Къ счастію, у меня подъ руками имѣется случай, въ которомъ путь полицейской энергіи обозначенъ такъ ярко, такъ рельефно, что ошибиться въ его направленіи едва ли возможно.

Въ «отчетѣ екатеринославской уѣздной земской управы за 1879 годъ», на стр. 17, управа, указывая на значительное уменьшеніе недоимки въ отчетномъ году, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, прямо заявляетъ, что этимъ «земство обязано тому сочувствію, съ какимъ г. начальникъ губерніи отнесся къ ходатайству уѣзднаго земскаго собранія (о понужденіи полиціи) и особой дѣятельности въ семъ отношеніи гг. уѣзднаго исправника и становыхъ приставовъ». Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ уменьшеніе недоимки всецѣло является прямымъ слѣдствіемъ полицейской энергіи, которая и дала слѣдующіе результаты. Къ 1-му января 1879 года числилось на частныхъ владѣльцахъ недоимки по уѣздному, губернскому и земскому сборамъ 33,053 руб., на сельскихъ обществахъ—3,623 руб. Въ теченіе отчетнаго года, благодаря «сочувствію г. начальника губерніи» и «особой дѣятельности» полиціи, владѣльческая недоимка уменьшилась на 16,905 руб., а крестьянская—на 2,632 руб. Въ переводѣ, такъ сказать, на языкъ процентныхъ отношеній, это будетъ значить, что владѣльческая недоимка относительно своихъ прежнихъ раз-

[1] Приблизительно средняя норма за пятилѣтіе (1877—1881) въ Екатеринославскомъ уѣздѣ.

Digitized by Google

мѣровъ уменьшилась на 51% въ то время, какъ крестьянская — на 72%, т. е. чуть ли не въ 1½ раза больше предыдущей. Очевидно, одно изъ двухъ: или одно и то же количество полицейской энергіи, направленное на владѣльцевъ и крестьянъ, оказалось въ послѣднемъ случаѣ въ 1½ раза плодотворнѣе, чѣмъ въ первомъ, или же самое количество энергіи, направленной на общества, было въ 1½ раза больше количества, направленнаго на частныхъ владѣльцевъ. Что послѣднее вѣроятнѣе, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, принимая во вниманіе, что платежная сила крестьянскаго хозяйства не въ 1½, а много болѣе разъ слабѣе платежной силы владѣльческаго хозяйства, что у крестьянина во много и много разъ менѣе предметовъ, на которые можно было бы обратить взысканіе, чѣмъ у владѣльца. Во всякомъ случаѣ, какъ бы то ни было, путь полицейской энергіи намѣченъ довольно ясно. Что случай этотъ не есть явленіе случайное, стоящее одиноко, а потому и не подлежащее обобщенію — это легко доказать. Въ I главѣ я привелъ таблицу недоимокъ въ томъ же уѣздѣ за пятилѣтіе съ 1877 по 1881 годъ включительно. Руководствуясь этой таблицей, не трудно составить таблицу колебаній недоимокъ (въ %), причемъ (+) будетъ означать возростаніе недоимки на сумму, выраженную въ процентномъ отношеніи разности двухъ послѣдовательныхъ во времени недоимокъ къ недоимкѣ предшествующаго года, (—) — пониженіе, а каждый предыдущій годъ, по отношенію къ своему послѣдующему, принимается за 100%.

ГОДЫ:	1877	1878	1879	1880	1881	1877—81
Владѣльческ. недоимка.	100%	+ 8%	—51%	+49%	+15%	+ 5%
Крестьянск. »	100%	—11%	—72%	+ 6%	—46%	—30%

Оказывается, что въ среднемъ ежегодно владѣльческая недоимка *возростаетъ* на 5%, тогда какъ крестьянская *понижается* на 30%. Уже однѣ эти цифры въ высшей степени краснорѣчивы, но для выясненія «особой дѣятельности гг. уѣзднаго исправника и становыхъ приставовъ» гораздо важнѣе ихъ каждое изъ слагаемыхъ въ отдѣльности, почему я и постарался, руководствуясь отчетами управы и журналами собраній, такъ сказать, проанализировать таблицу колебаній.

1878 годъ; полиція, никѣмъ не понукаемая, проявляетъ только обыденное усердіе, почему все идетъ, какъ и слѣдуетъ ожидать: владѣльческая недоимка, нисколько не боящаяся обыденнаго усердія, преспокойно возростаетъ на 8%, крестьянская же понижается на 11%. Въ 1879 году земцы начинаютъ роптать и въ собраніи, 16-го сентября, согласно предложенію гласнаго П. М. Миклашевскаго, постановляютъ: «Просить г. начальника губерніи и уѣзднаго исправника о скорѣйшемъ взысканіи недоимокъ уѣзднаго земскаго сбора, *начиная съ крупнѣйшихъ*». Просьба эта удовлетворяется, и начальникъ губерніи отъ 12-го ноября за № 4006 сообщаетъ управѣ, что имъ предписано исправнику «о принятіи самыхъ энергическихъ мѣръ ко взысканію недоимокъ

Digitized by Google

по *земскимъ сборамъ*», значитъ, *вообще*. И вотъ, какъ мы уже видѣли, подъ напоромъ «самыхъ энергическихъ мѣръ», вызванныхъ предписаніемъ, владѣльческая недоимка находитъ себя вынужденной, volens-nolens, сдѣлать уступку, и понижается на 51%, но тутъ же рядомъ крестьянская недоимка, хотя и не принадлежащая къ «крупнѣйшимъ», почему-то понижается не на 51%, а на 72%!?. Конечно, вполнѣ понятно, что «самыя энергическія мѣры», въ силу естественнаго тяготѣнія, устремились главнымъ образомъ на сельскія общества... Чего-нибудь другого трудно было бы ожидать. Не ожидали ничего другого и земцы, такъ какъ въ слѣдующемъ, 1880 году, они оказываются чрезвычайно довольны результатами взыскательной дѣятельности 1879 года, до того довольны, что 27-го сентября, въ *первое* же засѣданіе XV очередной сессіи, постановляютъ просить предстоящее очередное губернское земское собраніе «оставить безъ послѣдствій» ими же въ предыдущемъ году возбужденное ходатайство «о неучастіи частныхъ владѣльцевъ, за которыми числятся недоимки, въ земскихъ избирательныхъ съѣздахъ». Полиція, послѣ «особой дѣятельности», нѣсколько утомлена... Естественно, что владѣльческая недоимка входитъ въ свою обычную колею и сразу возростаетъ на 49%, т. е. почти настолько же (51%), насколько она прежде понизилась, и принимаетъ, слѣдовательно, свои прежніе размѣры. Въ то же время крестьянская недоимка, пользуясь, во-первыхъ, утомленіемъ полиціи, хотя и подогрѣваемой, если не вполнѣ довольными уѣздными земцами, то губернской управой, которая о неукоснительномъ взысканіи недоимокъ, «какъ и въ предыдущіе годы, съ препровожденіемъ подробныхъ реэстровъ о всѣхъ недоимкахъ, сообщала въ полицейскія управленія, затѣмъ непосредственно становымъ приставамъ... и, наконецъ, обращалась за содѣйствіемъ г. начальника губерніи» [1], во-вторыхъ, поддерживаемая результатами чрезвычайнаго напряженія платежныхъ силъ подъ вліяніемъ энергическихъ мѣръ въ 1879 году, и, въ-третьихъ, наконецъ, принимая во вниманіе, что 1880 годъ — знаменитый *жучковый* годъ — въ свою очередь, проявляетъ чрезвычайно робкое и боязливое стремленіе возрости очень скромно — всего на 6%, послѣ пониженія на 72%. Наступаетъ, наконецъ, 1881 годъ, послѣдній годъ разсматриваемаго пятилѣтія. Въ земскомъ собраніи, въ засѣданіи 7-го октября, поднимаются толки о недоимкѣ [2]. Раздаются голоса, требующіе «льготъ» для землевладѣльцевъ, т. е. отсрочки недоимки. Такое требованіе вполнѣ естественно вызываетъ протестъ со стороны гласныхъ—крестьянъ. «Налоги съ крестьянъ, говоритъ гласный Хрипко:—взыскиваются исправно; если оказываются несостоятель-

[1] «Отчетъ екатериносл. губернской земской управы за 1880 годъ», стр. 17.

[2] «Стенографическій отчетъ екатер. уѣзднаго земскаго собранія 1881 года», стр. 212—219.

Digitized by Google

ные плательщики, то налогъ пополняется круговой порукой. Почему же въ этомъ отношеніи дѣлать исключеніе для землевладѣльцевъ, какъ заявилъ объ этомъ г. П. Ф., чтобы отсрочить. Крестьянскому населенію никогда не дѣлается льготы, какой бы годъ ни былъ, урожайный или голодный; они всегда уплачиваютъ и съ нихъ требуютъ. Почему же такое исключеніе для землевладѣльцевъ»? «Недоимки съ крестьянъ, говоритъ другой гласный крестьянинъ, Мунтянъ: — всегда очищались и очищаются раньше землевладѣльческихъ. Дѣйствительно, есть землевладѣльцы, которые затрудняются уплатою налога, но мы видимъ, что тѣ землевладѣльцы, которые, повидимому, должны бы затрудняться уплатою налога, платятъ исправно; имѣющій 500—600 десятинъ всегда аккуратно платитъ, тѣ же, которые имѣютъ 5000 или 10,000, въ срокъ *никогда не платятъ*». Предсѣдатель управы дѣлаетъ попытку примирить сторонниковъ и противниковъ «льготъ», предлагая уполномочить управу ходатайствовать передъ начальникомъ губерніи о взысканіи недоимокъ, только «тогда, когда она увидитъ, что къ *концу года* поступленія будутъ слабы». Неугомонный Мунтянъ, однако, недоволенъ и такимъ предложеніемъ. «Когда съ крестьянъ взыскиваютъ, замѣчаетъ онъ:—то это дѣлается безъ всякаго ходатайства и я не знаю почему же здѣсь нужно ходатайствовать. Почему мы должны просить тамъ, гдѣ имѣемъ право требовать»?.. Отвѣтъ предсѣдателя управы, разоблачившій *наивность* г. Мунтяна, необыкновенно милъ: «*Совсѣмъ другое дѣло*, когда взыскиваютъ недоимки съ крестьянъ; тамъ исправникъ напишетъ старшинѣ бумагу, да старшина и самъ знаетъ, что если къ такому-то числу не будетъ представлена недоимка, то на основаніи такой-то статьи: «я тебя на два дня подъ арестъ посажу»! нечего дѣлать, старшина принимаетъ возможныя мѣры и недоимка взыскана, а если мы напоминаемъ исправнику (относительно землевладѣльцевъ), то онъ скажетъ: «я ѣздилъ, но *никто* не платитъ»... Въ концѣ концовъ собраніе все-таки увидѣло себя вынужденнымъ принять указанное выше предложеніе предсѣдателя управы, при чемъ срокъ выжиданія имѣлъ окончиться 1 декабря, когда управа и могла возбудить «ходатайство». 1-е декабря наступило, сборы не поступали, и ходатайство возъимѣло надлежащее дѣйствіе: владѣльческая недоимка *возросла* на 15%, т. е., по сравненію съ 1879 годомъ, на *64*%, а крестьянская *понизилась* на 46%... Слѣды ходатайства и путь взимательной энергіи намѣчены слишкомъ ясно, чтобы можно было ошибиться въ ихъ направленіи. Зная же его, мы можемъ возвратиться къ нашему гипотетическому примѣру.

Недоимка всего оклада вызываетъ земское «ходатайство», слѣдствіемъ котораго явится «особая дѣятельность г. исправника и гг. становыхъ приставовъ». 1879 и 1881 годы въ Екатеринославскомъ уѣздѣ даютъ намъ, такъ сказать, среднюю цифру этой «особой дѣятельности»: владѣльческая недоимка понижается

Digitized by Google

приблизительно на 18%, а крестьянская на 59%. Такимъ образомъ «особая дѣятельность» дастъ слѣдующій результатъ: прежде, до ея появленія, владѣльческая недоимка относилась къ крестьянской, какъ 4,4:1; теперь же, послѣ ея появленія на сцену, это отношеніе увеличилось почти вдвое и владѣльческая недоимка относится къ крестьянской уже, какъ 8,6:1!.. Еслибы все ограничилось однимъ кратнымъ увеличеніемъ отношенія, то это бы еще слава Богу. Но существуетъ еще оборотная сторона медали; въ мертвыхъ цифрахъ кроется иногда затаенный смыслъ, много говорящій уму и сердцу. При данномъ положеніи крестьянскаго хозяйства, при данныхъ условіяхъ взиманія, при массѣ частныхъ долговъ и разнообразныхъ платежей, при значительной высотѣ земскихъ налоговъ и не менѣе значительномъ пониженіи производительности почвы, при сильномъ возростаніи арендной платы за землю, при томъ, наконецъ, условіи, что уплата земскихъ сборовъ производится уже послѣ того, какъ взысканы, если не цѣликомъ, то бо́льшая часть государственныхъ и др. платежей, необходимо допустить, что, выплативъ сразу 95% всего лежащаго на нихъ оклада, крестьяне сдѣлаютъ это не отъ избытка, а на счетъ платежной силы своего хозяйства... Ясно, что уже эта уплата нанесла чувствительный ударъ хозяйству, и если еще быть можетъ не нарушила цѣлости этого хозяйства, то во всякомъ случаѣ самомалѣйшая дальнѣйшая уплата неизбѣжно поставитъ его въ затруднительное положеніе: слишкомъ оно слабо, слишкомъ неустойчиво. Но земству нѣтъ до этого дѣла; ему нужны деньги и оно «ходатайствуетъ». Уплати своевременно владѣльцы, этого ходатайства, быть можетъ, не было бы. Но на владѣльцахъ лежитъ сумма крупная, волей-неволей побуждающая ходатайствовать. Мы знаемъ уже, какіе результаты дастъ это ходатайство: владѣльческая недоимка уменьшится мало, крестьянская будетъ взыскана почти цѣликомъ, на счетъ хозяйственнаго инвентаря. И крестьянское хозяйство будетъ ослаблено не на сумму погашенія, а на сумму, быть можетъ, вдесятеро бо́льшую. Теряя, положимъ, проданную съ публичнаго торга лошадь, крестьянинъ теряетъ нетолько сумму, равную ея цѣнности, не 20—25 руб., а сумму неизмѣримо бо́льшую; онъ теряетъ, рабочую силу. Всякій излишне взысканный рубль — не рубль, а трудно поправимый ударъ, затрудняющій пути къ лучшему будущему цѣлому крестьянскому семейству, цѣлому селенію, государству, наконецъ. И въ этомъ, въ значительной мѣрѣ, отвѣтственна владѣльческая недоимка, по скольку, какъ мы видѣли, она создаетъ «крестьянское оскудѣніе». А создаетъ она его несомнѣнно...

Таковы тѣ выводы, къ которымъ приводитъ взятый мною примѣръ. Въ примѣрѣ этомъ взята произвольно только безразличная, ничего не рѣшающая исходная цифра 160,000 р., всѣ же вычисленія произведены на основаніи среднихъ цифръ, взятыхъ изъ

Digitized by Google

дѣйствительности, почему едвали я могу быть обвиненъ въ произвольности выводовъ... Что выводы согласуются съ дѣйствительностью—въ этомъ едва ли кто будетъ сомнѣваться, прочитавъ слѣдующую выдержку изъ цитированнаго уже нами доклада гласнаго А. А. Телятникова: «При взысканіи податей и недоимокъ *полиція, будучи безсильной предъ крупными землевладѣльцами, все свое стараніе обращаетъ на крестьянъ и тутъ уже не останавливается ни предъ какими средствами, распродастъ крестьянское имущество и въ концѣ разоряетъ крестьянъ*». Такова дѣйствительность въ Харьковской губерніи, приблизительно такова же она и на всемъ Югѣ...

Въ заключеніе позволю себѣ задать небезъинтересный вопросъ гг. земцамъ изъ неисправныхъ крупныхъ владѣльцевъ: не укажутъ ли они послѣ всего вышесказаннаго тѣ *нравственные* мотивы, которыми они руководствовались, отвергая въ одинъ голосъ предложенный правительствомъ всесословный налогъ на продовольствіе того самаго населенія, которое нуждается въ хлѣбѣ, помимо другихъ причинъ, въ сильной, весьма сильной степени также и вслѣдствіе владѣльческой недоимки?..

Гр. Шрейдеръ.

Харьковъ, сентября 1-го 1883 г.

Digitized by Google

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Окончаніе каникулъ. — Послѣдствія испанскаго происшествія. — Благоразуміе самыхъ рьяныхъ.—Патріотическая лига, эльзасцы и лотарингцы.—Кассаньякъ и прусская каска. — Улаженіе испанскаго затрудненія и перемѣна министерства въ Мадридѣ. — Вынужденная отставка военнаго министра. — Манифестъ и почетная шпага Тибодену.—Протестъ Реніэ и Клемансо.—Разрывъ между Гревио и крайней лѣвой.—Неосторожности президентскаго зятя.—Вильсонъ и обѣ Petites Frances. — Назначеніе Кампенона и Казиміра Перье. — Рѣчи Ферри въ Гаврѣ и Руанѣ.—Рѣчь Поля Бера въ Сентъ-Этьенѣ.—Нерѣшительность непримиримыхъ.

Ожиданія нѣмецкихъ галлофобовъ не оправдались и свистки 29-го сентября, направленные по адресу «короля-улана», не нашли желаемаго отклика. Отъ самыхъ рьяныхъ изъ французскихъ патріотовъ не ускользнулъ нѣмецкій починъ и подстрекательство и они поспѣшили подать примѣръ надлежащей, въ такихъ случаяхъ, сдержанности и молчанія. Глава патріотической лиги Деруледъ назвалъ манифестацію у станціи сѣверной желѣзной дороги «весьма прискорбной» и упрекнулъ въ своемъ «Drapeau» «парижское населеніе, обыкновенно отличающееся столь замѣчательнымъ политическимъ смысломъ и тактомъ», въ томъ, что оно, на этотъ разъ, поддалось необдуманному и безразсудному порыву. Въ виду подстерегающаго врага, Деруледъ умолялъ «не оправившуюся отъ глубокихъ ранъ націю быть осторожной и избѣгать ловушекъ». Намъ предстоитъ не наступательная, а оборонительная борьба, писалъ онъ: «будемъ сознавать свою силу, останемся вѣрными нашей надеждѣ и нашему долгу; будемъ все болѣе и болѣе ревниво охранять нашу независимость, но не будемъ давать повода Европѣ видѣть въ насъ оскорбителей и провокаторовъ». Эльзасо-лотарингцы, ежегодно праздноующіе день присоединенія Страсбурга къ Франціи, при Людовикѣ XIV, въ этомъ году запоздали со своимъ банкетомъ; сенаторъ Анри Мартенъ, который долженъ былъ предсѣдательствовать на немъ, воздержался отъ участія въ юбилеѣ. Мѣсто его заступилъ какой-то неизвѣстный, случайный предсѣдатель, произнесшій краткую рѣчь, въ которой ограничился простымъ

Digitized by Google

напоминаніемъ историческаго событія. Тосты были устранены и о реваншѣ—ни слова.

Несмотря на это, въ мелкой псевдопатріотической печати, которую, какъ я уже упоминалъ ранѣе, содержатъ роялисты, полемика не прекратилась. Поль де-Кассаньякъ, эксплуатируя внѣшнія затрудненія и столкновенія между елисейскимъ дворцомъ и кабинетомъ, забылся до того, что подписалъ своимъ именемъ въ «Pays» слѣдующія строки: «Вы спрашиваете у насъ, чѣмъ предпочитаемъ мы быть: подданными Вильгельма или свободными согражданами г. Греви? Но если быть подданнымъ Вильгельма значитъ быть подданнымъ великой имперіи, то быть согражданиномъ Греви—просто ничего не значитъ, и, откровенно говоря, этимъ нечего хвалиться!» Вслѣдствіе этой статьи, эльзасецъ, нашедшій убѣжище въ Седанѣ, нѣкто Іегеръ, прислалъ бонапартистскому депутату, отъ имени седанской молодежи, прусскую каску съ базейльскаго поля сраженія, причемъ приложена была и записка такого содержанія: «Здѣсь (то-есть въ Седанѣ) помнятъ какъ 1-го сентября 1870 г. вы курили сигару, такъ же храбро, какъ и вашъ господинъ и повелитель Наполеонъ III.»

Между тѣмъ, благодаря стараніямъ Греви, уладившаго дѣло съ королемъ Альфонсомъ, предотвращенъ былъ рѣзкій разрывъ, котораго слѣдовало тѣмъ болѣе опасаться, что большинство въ кабинетѣ Сагасты одобрило министра иностранныхъ дѣлъ, Лавега де-Армиго, совѣтовавшаго королю выѣхать изъ Парижа въ день въѣзда, вечеромъ же. Послѣ народныхъ манифестацій, по случаю возвращенія въ Испанію и въ Мадридъ освистаннаго государя, въ теченіи недѣли можно было опасаться, что потребуютъ дипломатическимъ путемъ болѣе или менѣе унизительныхъ вознагражденій. Во избѣжаніе этого, Ферри распорядился напечатаніемъ, во главѣ оффиціальныхъ извѣстій «Journal Officiel», разсказа о королевскомъ посѣщеніи, причемъ выражалось порицаніе скандалу при встрѣчѣ и замѣчалось, что это было дѣломъ невмѣняемой толпы. Нѣсколько дней спустя, пришлось напечатать въ неоффиціальномъ отдѣлѣ той же газеты три строчки, которыми утверждалась подлинность словъ, сказанныхъ президентомъ республики испанскому королю во время свиданія ихъ въ посольствѣ, согласно съ текстомъ, разосланнымъ въ парижскія и провинціальныя газеты оффиціознымъ агентствомъ Гавасъ.

Французское министерство сдѣлало даже болѣе: оно заставило подать въ отставку военнаго министра Тибодена, отсутствіе котораго, при встрѣчѣ короля Альфонса, было слишкомъ замѣчено и слишкомъ много комментировалось, какъ иностранною, такъ и туземною, какъ роялистскою, такъ и непримиримою печатью. Отставка была подана по требованію президента республики, уступившаго, хотя и не безъ труда, настояніямъ Жюля Ферри, который находилъ невозможнымъ дальнѣйшее

Digitized by Google

пребываніе въ кабинетѣ несогласнаго съ товарищами генерала Тибодена.

Дѣйствіе этой мѣры, повидимому, достигло вполнѣ своей цѣли. Кабинетъ Сагасты, державшійся за послѣднее время только благодаря столкновенію съ Франціей, принужденъ былъ разойтись немедленно послѣ того, какъ оно было улажено. Германофилъ Вега де-Армиго покинулъ портфель иностранныхъ дѣлъ; политика его преемника, Серрано Рюизъ Гомеца, въ новомъ кабинетѣ Позады Герреры основывается, съ одной стороны, на нейтралитетѣ Испаніи въ дѣлахъ центра и востока Европы, и съ другой—на поддержаніи наилучшихъ отношеній съ Франціей. Если это министерство окажется прочнымъ, герцогъ Фернанъ Нунецъ, покинувшій испанское посольство въ Парижѣ, вернется на прежній постъ, или же, если ему не удастся придти къ соглашенію съ преемникомъ Сагасты относительно внутренней политики, будетъ замѣненъ другимъ, дружественнымъ Франціи лицомъ.

Злая шутка нѣмецкаго правительства, хотя и ловко пущенная, кончилась самымъ плачевнымъ образомъ, такъ какъ послѣ крикливыхъ подстрекательствъ пришлось прибѣгнуть къ лживымъ извиненіямъ, путемъ «пресмыкающихся» органовъ печати. Если вѣрить этимъ газетамъ, исторія съ уланскимъ полкомъ совершена была въ полной невинности душевной. Ни князь Бисмаркъ, ни берлинскій дворъ не виноваты, почтивъ Альфонса XII званіемъ шефа уланскаго, а не гусарскаго полка. Дѣло въ томъ, что не оказалось свободнаго гусарскаго полка. И если нумеръ уланскаго оказался стоящимъ въ Страсбургѣ, а не въ Кенигсбергѣ, то единственно по той причинѣ, что цвѣтъ обшлаговъ страсбургскаго полка пришелся болѣе по вкусу испанскому королю.

Генералъ Тибоденъ, введенный въ министерство Дюклеркъ-Фалльера съ цѣлью удаленія орлеанскихъ принцевъ изъ дѣйствующей арміи, и сохраненный въ кабинетѣ Ферри изъ опасенія обвиненія въ отреченіи отъ этой мѣры, находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ крайней лѣвой, въ особенности съ Клемансо, съ которымъ часто видѣлся. Выйдя изъ кабинета, онъ ни въ качествѣ депутата, ни въ качествѣ сенатора не будетъ имѣть возможности объяснить свои дѣйствія передъ тою или другою палатою. На этомъ-то довольно справедливомъ основаніи, онъ отказался подать въ отставку въ совѣтѣ министровъ, собиравшемся 4-го октября. Но когда этой отставки, вечеромъ того же дня, потребовалъ отъ него президентъ совѣта, отъ имени президента республики, то министръ Тибоденъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ Жюлю Греви: «Несмотря на невозможность подвергнуть мои дѣйствія сужденію національнаго представительства, въ которую поставили меня политическіе противники мои, я не колеблясь подаю вамъ прошеніе о моей отставкѣ, съ тѣмъ же чувствомъ преданности къ вамъ лично и къ республикѣ, кото-

Digitized by Google

рымъ руководился въ тотъ день, когда счелъ долгомъ отвѣтить на призывъ къ моему патріотизму, принявъ портфель военнаго министерства».

Послѣ объявленія о выходѣ въ отставку Тибодена и о временномъ порученіи его поста адмиралу Пейрону, 8-го октября всѣ газеты крайней лѣвой, отъ «Intransigeant» и «Lanterne» до «Justice», «Rappel» и «Evénement», напечатали безъимянный манифестъ, въ которомъ вынужденная отставка военнаго министра называлась «оскорбленіемъ національнаго чувства и реваншемъ роялистской партіи», «узурпаціей правъ парламента и правъ страны». Манифестъ приглашалъ къ агитаціи избирательные комитеты цѣлой Франціи, въ видахъ противодѣйствія начавшимъ уже обнаруживаться проискамъ противъ свободы и орлеанистскому заговору, сообщниками котораго дѣлаются министры; онъ призывалъ поднять національное достоинство, «попираемое ногами правителей...» Созываются собранія для выраженія негодованія, пріискиваютъ законодательныя или сенатскія кандидатуры вышедшему въ отставку министру и его старшему секретарю; открывается національная подписка на почетную шпагу генералу Тибодену, который, однако, отъ нея отказывается; образуется большой «Союзъ постоянныхъ радикальныхъ комитетовъ», печатающій въ заголовкѣ газетъ цѣлую программу такого содержанія: «Избраніе національнаго учредительнаго собранія, отдѣленіе церкви отъ государства, судебная реформа, съ избирательнымъ принципомъ въ основѣ, преобразованіе налоговъ; упраздненіе монополій; отмѣна волонтаріата; обязательное военное образованіе для юношества, такъ какъ всѣ способные къ ношенію оружія граждане должны защищать отечество». Въ слѣдовавшемъ затѣмъ заявленіи снова объявлялось, что министерство Ферри есть «правительство униженія и соціальной эксплуатаціи, однимъ словомъ, орлеанизма, готоваго на насъ нагрянуть». Членовъ правительства называли «грабителями, достойными преемниками людей нравственнаго порядка, врагами родины, готовыми возбудить новую братоубійственную войну съ цѣлью водворить на развалинахъ Франціи и республики деспотическій образъ правленія, долженствующій обогатить ихъ».

Все это было бы крайне важно, еслибы подписи, приложенныя къ документу, не были фальшивы. Но, какъ объяснили нѣсколько дней спустя, это была только корректура прокламаціи, заготовленной малоизвѣстными сотрудниками «République radicale» (Лэзана) Сенкюбромъ, Эженомъ Феніу, Леономъ Ритэ изъ «Femme Libre», а также лекторшей г-жею Маріей Деремъ. Сенаторъ де-Реніэ и другіе напечатали опроверженія, не желая дозволять злоупотребленія своими подписями комитетамъ, о существованіи которыхъ и не подозрѣвали. Клемансо объявилъ въ своей «Justice», что онъ не принималъ никакого участія въ этой смѣшной выходкѣ. Старикъ Греппо, столь извѣстный тѣмъ, что въ 1848 г. былъ единственнымъ человѣкомъ, открыто ставшимъ

Digitized by Google

на сторону Прудона по поводу пресловутаго предложенія его о преобразованіи собственности, а нынѣ депутатъ 12-го парижскаго округа, отказался идти отдавать отчетъ въ своемъ полномочіи передъ комитетомъ непримиримыхъ, заявляя въ обратившемъ на себя всеобщее вниманіе письмѣ слѣдующее: «Я не раздѣляю политики, имѣющей своимъ девизомъ «все или ничего»... Опытъ показалъ мнѣ, что сторонники этой политики какъ нельзя лучше подготовили всѣ реакціи. Я желаю прогресса безъ остановокъ и отступленій, желаю хорошихъ законовъ, величія и благоденствія Франціи. Я буду всегда слѣдовать за тѣми и помогать тѣмъ, кто идетъ къ этой цѣли, и прежде чѣмъ судить о дѣлахъ какого-нибудь министерства, желаю его выслушать».

Между тѣмъ, президентъ совѣта министровъ, а также министръ общественныхъ работъ съ своимъ младшимъ статсъ-секретаремъ, и младшій статсъ-секретарь министерства колоній (недавно учрежденнаго при морскомъ министерствѣ), Феликсъ Форъ, предприняли между 13-мъ и 15-мъ октября большую экскурсію въ Нижне-Сенскій департаментъ. Поводомъ къ поѣздкѣ было предъявленіе съ мѣсяцъ тому назадъ двухъ противоположныхъ проэктовъ отъ соперничествующихъ городовъ: Гавра и Руана. Первый требуетъ доведенія до максимума развитія торговаго значенія величайшаго торговаго порта на сѣверо-востокѣ; второй требуетъ, чтобы Сена сдѣлана была судоходной для крупныхъ судовъ вплоть до самой древней нормандской столицы.

Услышавъ при въѣздѣ въ Руанъ виваты Тибодену, Жюль Ферри нашелъ нужнымъ объявить войну непримиримымъ на банкетѣ въ «Hôtel de Ville». Предложивъ тостъ за практическую и благоразумную Нормандію, за республику здраваго смысла, прямоты, труда и прогресса, онъ напомнилъ о «великихъ демократическихъ реформахъ, предпринятыхъ въ особенности въ области народнаго образованія, и напалъ на тѣхъ, которые имъ препятствуютъ безразсудными требованіями, и наносятъ скорбленія тѣмъ, кто подготовляетъ будущее, не проявляя излишняго нетерпѣнія въ настоящемъ». «Это неправда!» прервалъ министра журналистъ и сотрудникъ «Intransigeant», Базиръ, отправившійся наблюдать за министерскою экскурсіей. Но восклицаніе это было мгновенно заглушено рукоплесканіями министру со стороны оффиціальныхъ гостей. Президентъ совѣта воспользовался этимъ и заговорилъ о важности совершенныхъ реформъ. «И кто все это сдѣлалъ? спросилъ онъ у своихъ благосклонныхъ слушателей.—Развѣ мы обязаны всѣмъ этимъ непримиримымъ? Нѣтъ, это дѣло людей благоразумныхъ, умѣренныхъ республиканцевъ!.. Господа непримиримые способны только ставить вопросы—и это они не всегда успѣшно дѣлаютъ—но разрѣшаются эти вопросы умѣренными, то есть нами!» Затѣмъ, такъ какъ слушатели продолжали выражать одобреніе, министръ перешелъ къ «довѣрію, съ которымъ ожидаетъ «завтрашней битвы». «Да! воскликнулъ онъ:—намъ предстоитъ битва; мы пойдемъ впередъ безъ горечи

Digitized by Google

и гнѣва; мы выше этого разлива оскорбленій и клеветы, которыя, увы! съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе входятъ въ политическіе нравы нашей страны... Мы пойдемъ въ бой съ чистою совѣстью и гордостью людей, сознающихъ, что если и сдѣлано кое-что, то еще многое остается сдѣлать; и насъ поддержитъ содѣйствіе людей, подобныхъ здѣсь присутствующимъ!»

Въ Гаврѣ, на банкетѣ, это объявленіе войны *непримиримости* было повторено и развито. Прежде всего Ферри установилъ, что министерство его, въ то время, какъ оно составлялось, никогда не имѣло намѣренія образовать замкнутое большинство; что, напротивъ, онъ оставилъ его открытымъ, призывая всѣхъ, кто полагалъ, что республика, подобно всѣмъ прочимъ формамъ правленія, нуждается въ правительствѣ

«Мы никому не запирали дверей, сказалъ онъ. — Но есть люди, которые съ первыхъ же дней заперли эту дверь... Во время парламентскихъ каникулъ, пропасть, раздѣлявшая открытое республиканское большинство, вождями котораго мы имѣемъ честь быть, и тѣхъ, кто отдѣлился отъ него, чтобы вести борьбу путемъ раздоровъ, оскорбленій и клеветы, пропасть эта становилась все болѣе и болѣе глубокою...»

Изъ недавняго частнаго возобновленія департаментскихъ совѣтовъ, обнаружилось безсиліе непримиримаго меньшинства. Но во время частныхъ законодательныхъ выборовъ непримиримые имѣли успѣхъ, «внушившій опасенія людямъ, озабоченнымъ будущностью республики». «Со стороны монархизма, объяснилъ министръ-президентъ: — опасности не существуетъ; онъ погребенъ безвозвратно и на его могилѣ не расцвѣтетъ новой жизни».

Но со стороны непримиримыхъ опасность уже возникла: «Мы должны смотрѣть ей въ лицо, чтобы имѣть возможность противопоставить единственную преграду, единственное цѣлебное средство: болѣе и болѣе тѣсный союзъ республиканскихъ силъ, способныхъ образовать правительство».

Ферри нѣсколько разъ повторялъ, что не слѣдуетъ принимать за реакцію то, что онъ зоветъ правительствомъ, что онъ не намѣренъ оставаться на одномъ мѣстѣ, что «мысль о власти не исключаетъ мысли о прогрессѣ», но что онъ считаетъ «порядокъ существеннѣйшимъ условіемъ прогресса, который есть нечто иное, какъ мирное проявленіе соціальнаго роста».

Подражая знаменитому ораторскому пріему Гизо (Vous sentez-vous corrompus?—слова эти также обращались къ нормандцамъ), Ферри обратился къ гаврцамъ съ вопросомъ: «Чувствуете ли вы себя подъ монархическимъ режимомъ? Чувствуете ли вы надъ собою диктатуру?» Гаврцы рукоплескали и министръ принялся осмѣивать непримиримыхъ, этихъ безразсудныхъ людей, ненавидящихъ всякую устойчивость, какъ врага, не желающихъ никакого правительства, пренебрегающихъ кредитомъ Франціи внутри и уваженіемъ къ ней извнѣ, предлагающихъ нерѣдко

Digitized by Google

наивнымъ и обманутымъ избирателямъ «оглавленіе политическаго лексикона XX или XXI столѣтія», вмѣсто программы.

Изложивъ затѣмъ все сдѣланное его министерствомъ для насажденія великой школьной реформы, для судебнаго преобразованія и практическаго улучшенія судьбы наиболѣе многочисленнаго и бѣднѣйшаго класса населенія, а также для возстановленія живыхъ экономическихъ силъ страны посредствомъ соглашенія съ желѣзнодорожными обществами, министръ кончилъ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Знамена развернуты и невозможно болѣе ошибаться въ ихъ цвѣтѣ. Теперь приходится выбирать между правительственной политикою въ томъ видѣ, какъ она ведется при содѣйствіи палатъ и правительства, и другою—политикою непримиримости.

Необходимо, чтобы всѣ, кто заботится о будущности страны, приняли рѣшеніе и сдѣлали выборъ. Никакой средней мѣры не имѣется въ виду.

Только-что приведенное заключеніе рѣчи направлено главнымъ образомъ противъ Фрейсине, который безмолвно стоитъ въ глубинѣ политической сцены; противъ Вильсона, случайно заблудившагося на этой сценѣ и спутавшаго дѣйствіе на генеральныхъ репетиціяхъ.

Отъ Греви добились, что неудобный Вильсонъ уже не будетъ открыто руководить издаваемою въ Турѣ нескромною газетою «Petite France». Онъ передалъ это руководство—формально разумѣется—старшему редактору, но вознаградилъ себя за такое ограниченіе, содѣйствуя основанію въ Дижонѣ новаго органа по тому же плану, подъ заглавіемъ «Petite France de l'Est».

На это Ферри отвѣчалъ врученіемъ портфеля военнаго министра одному изъ членовъ гамбеттовскаго кабинета, наиболѣе антипатичному въ сферахъ елисейскихъ, а именно генералу Кампенону. Сверхъ того, онъ назначилъ ему гражданскимъ младшимъ статсъ-секретаремъ Казиміра Перье, молодого депутата, которому предстояло быть докладчикомъ военнаго бюджета въ нынѣшнемъ году. Я сообщалъ, въ свое время, что Казиміръ Перье сложилъ съ себя депутатское полномочіе, вслѣдствіе того, что не нашелъ возможнымъ подать голосъ противъ удаленія орлеанскихъ принцевъ изъ арміи, такъ какъ, съ одной стороны, это было бы противно его республиканскимъ убѣжденіямъ, а съ другой — потому что его семейство связано съ орлеанами самыми тѣсными узами. Назначеніемъ Перье министерство дало новую пищу полемикѣ непримиримыхъ, напоминая именемъ Казиміра Перье ненавистнаго министра Луи Филиппа, реагировавшаго противъ революціи 1830 г. Замѣчу кстати, что самый ловкій пріемъ непримиримыхъ для возбужденія городского населенія заключается въ томъ, что они преднамѣренно смѣшиваютъ ферризмъ и вообще оппортюнизмъ съ буржуазною реакціей и плохо замаскированнымъ орлеанизмомъ. Такое обвиненіе не можетъ назваться лишеннымъ основанія, если принять въ сообра-

Digitized by Google

женіе элементы, на которые опирается Ферри. Что̀ въ самомъ дѣлѣ такое эти «благоразумные», въ общей массѣ? Это, безъ сомнѣнія, люди, которымъ есть что оберегать, которымъ легко умѣрять свой ровно бьющійся пульсъ, пульсъ обезпеченныхъ людей. Если въ средѣ этихъ людей и существуютъ искренніе республиканцы, люди высокообразованные и неподкупные, то безъ сомнѣнія это меньшинство, маленькое меньшинство. Что касается большинства, то что гарантируетъ его отъ орлеанизма?.. Въ такомъ именно смыслѣ я и нахожу, что обвиненіе въ орлеанизмѣ не лишено основанія. Что касается обвиненія отдѣльныхъ лицъ, хотя бы того же Ферри въ томъ, что они «продались» орлеанскимъ принцамъ, что они принимаютъ участіе въ «орлеанистскомъ заговорѣ», то такія обвиненія мы предоставляемъ формулировать тѣмъ, кто не смущается отсутствіемъ положительныхъ фактовъ.

Фрейсинетизмъ или вильсонизмъ, не могущій открыто выступать на завтрашній бой съ непримиримыми, и расчитавшій, что если группа республиканскаго союза останется цѣликомъ министерскою, то ни завтра, ни, быть можетъ, и чрезъ три мѣсяца, невозможно будетъ опрокинуть въ свою пользу кабинетъ Ферри, естественнымъ образомъ, направляетъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы посѣять расколъ въ правительственномъ большинствѣ. Балагуръ Пессаръ, несмотря на то, что сдѣлался министерскимъ изъ ненависти нетолько къ непримиримымъ, но и къ радикализму, указалъ въ своемъ «National» на неточности при напечатаніи рѣчей Ферри въ Гаврѣ и Руанѣ, которыя, замѣчу мимоходомъ, ожидали своего воспроизведенія въ «Оффиціальной Газетѣ» цѣлыхъ десять дней.

По примѣру Гамбетты, сотрудникъ его Поль Беръ продпринималъ экскурсіи преимущественно въ «страны красныхъ». Въ Ліонѣ онъ объяснялъ, какимъ образомъ слѣдуетъ добиваться отдѣленія церкви отъ государства, при помощи упраздненія конгрегацій и строгаго соблюденія конкордата, между тѣмъ какъ обязательное и свѣтское образованіе подготовляетъ умы къ полному освобожденію. Въ Сентъ-Этьенѣ онъ говорилъ предъ аудиторіей, состоявшей, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ. «Я потерялъ всякое терпѣніе, говорилъ Поль Беръ:—мнѣ наскучило слышать, какъ бывшіе подпрефекты временъ имперіи называютъ меня орлеанистомъ, а люди, писавшіе объ епископскомъ чинѣ и сочинявшіе гимны въ честь Богоматери, величаютъ меня клерикаломъ!» Нападая на непримиримыхъ въ лицѣ ихъ главы, Рошфора, ораторъ нашелъ у него полное отсутствіе метода и поступковъ, нашелъ «лишь безцѣльное и безпорядочное, вкривь и вкось низложеніе всякихъ министерствъ... Ихъ (непримиримыхъ) не извиняетъ даже пресловутое *otes toi que je m'y mette*, потому что они не смѣютъ и не могутъ взять власть въ свои руки; они сильны однимъ отрицаніемъ и помощью враговъ республики, которымъ протягиваютъ руки, чтобы вырвать власть у республиканскихъ министровъ...

Digitized by Google

Они объявляютъ претензію на изобрѣтеніе пересмотра конституціи и въ тоже время низложили министерство Гамбетты, которое его предлагало; они основали и поддерживали министерство Фрейсинэ, которое въ пересмотрѣ отказывало и грозятъ министерству Ферри, которое его обѣщаетъ!.. Въ органахъ своей печати они предъ лицемъ внимательно слѣдящей Европы изливаютъ ругательства на правительство республики, и когда читаешь одинъ изъ этихъ органовъ, не посмотрѣвъ на заголовокъ, то можешь подумать, что это епархіальныя вѣдомости... Они дѣлаютъ видъ, что дрожатъ при малѣйшемъ движеніи косички китайскаго маркиза Тзэнга и наносятъ оскорбленіе главѣ дружественной державы, рискуя, такимъ образомъ, компрометировать наши внѣшнія сношенія и отдалить осуществленіе той надежды, о которой мы должны думать постоянно, не говоря о ней никогда». Слова эти были покрыты горячими рукоплесканіями. «Рукоплещите, друзья, сказалъ ораторъ: — это слова Гамбетты!» Съ большимъ достоинствомъ и логикою, сознался онъ, что послѣ великой борьбы 1877 г. и побѣды надъ монархистами, всего болѣе недоставало во время выборовъ и вообще въ политикѣ «искренности въ словѣ и мужества въ поступкахъ»... Далѣе онъ упрекалъ людей честныхъ въ томъ, что они идутъ за непримиримыми на «аукціонъ нелѣпости», обѣщая публикѣ все, чего она ни пожелаетъ, не заботясь о томъ, осуществимо оно или нѣтъ. «Франція всего болѣе нуждается въ устойчивости, въ правительственной непрерывности... сказалъ онъ въ заключеніе своей рѣчи. — Посмотрите какую силу придаютъ они нашимъ страшнѣйшимъ врагамъ, внѣшнему (вы меня поняли)... и внутреннему, то есть католической церкви... Граждане! народу слѣдуетъ говорить истину, всю истину, только истину. Необходимо оградить этого современнаго властелина отъ жесточайшихъ враговъ его: льстецовъ и ласкателей! Мы, демократы, должны ненавидѣть демагоговъ тою же ненавистью, какою честный и религіозный Паскаль ненавидѣлъ іезуитовъ!»

Этотъ остроумный комментарій къ рѣчамъ министра Ферри произвелъ сильное впечатлѣніе и въ средѣ непримиримыхъ, которые остерегутся нападать, такъ какъ министерство готово обороняться.

II.

Возобновленіе сессіи палатъ — Мирное открытіе чрезвычайной сессіи. — Установленіе очереднаго порядка въ обѣихъ палатахъ. — Проэкты нападенія радикальной лѣвой. — Эволюція Легилье и возобновленіе состава бюро республиканскаго союза. — Преданіе суду министерства, предложенное бонапартистами. — Министерское изложеніе тонкинскихъ дѣлъ. — Объясненіе Тони Ревильона въ Шароннѣ. — Слишкомъ живописныя повѣствованія Пьера Лоти. — Обнародованіе документовъ въ «Standard» и «Temps». — Запросъ Гранэ 30—31 октября. — Рѣчи оппозиціи: Гранэ, Перенъ, Клемансо. — Отвѣты министровъ: Шальмель-Лакура, Ферри, генерала Кампенона. — Предложеніе всеобщаго мира. — Принятіе очереднаго порядка, съ заявленіемъ довѣрія. — Побѣда министерства.

Къ великому удивленію всѣхъ тѣхъ, кто трагически относился къ каникулярной полемикѣ, парламентъ собрался, 23-го октября,

Digitized by Google

на чрезвычайную сессію, такъ мирно и спокойно, какъ никогда. Ни души—у Люксембургскаго дворца; человѣкъ пятьдесятъ любопытныхъ—у Бурбонскаго, куда по проливному дождю, подъ дождевыми зонтиками тянулись депутаты. Между тѣмъ, еще за день предъ тѣмъ, пресловутый актеръ Лисбоннъ, вернувшійся изъ Нумеи, чтобы принять на себя управленіе театромъ «Les Bouffes du Nord», призывалъ въ Батиньольской salle Lewis все парижское населеніе направиться къ зданію законодательнаго корпуса и бросить въ Сену все злодѣйское большинство. Въ коридорахъ палаты депутатовъ также не замѣчалось ни малѣйшаго волненія. Только у одного изъ оконъ залы des Pas Perdus обращала на себя вниманіе небольшая группа, состоявшая изъ нѣсколькихъ депутатовъ радикальной и крайней лѣвыхъ. Внезапно появляется недалеко отъ нихъ самъ Жюль Ферри, улыбающійся и раскланивающійся даже съ Клемансо. «Какъ, г. президентъ совѣта, вы такъ любезны, послѣ того, какъ столь жестоко обошлись со мною въ рѣчахъ вашихъ, въ Гаврѣ и Руанѣ!»—«Но, отвѣчалъ министръ: — я намекалъ не на васъ; и не на васъ, г. Ривьеръ», сказалъ онъ, раскланиваясь съ собесѣдниками «крайняго» государственнаго человѣка.—«И такъ, значитъ, мы друзья?» заключилъ Клемансо. «Всѣ друзья!» отвѣчалъ Ферри, направляясь къ залѣ засѣданій. Нѣсколько журналистовъ навострили уши, а Рошфоръ замѣтилъ: «Первый министръ, безъ сомнѣнія, докажетъ, что его объявленіе войны относится только къ Луизѣ Мишель и ко мнѣ!»

По прочтеніи президентомъ Бриссономъ декрета о созваніи палатъ, и объявленіи засѣданія открытымъ, произведена была механическая операція бросанья жребія для выбора бюро. Затѣмъ палата приглашена была установить порядокъ своихъ засѣданій и Вальдекъ Руссо появился на трибунѣ и потребовалъ, чтобы, въ ожиданіи бюджета, приступлено было къ муниципальному закону, обсужденіе котораго должно быть окончено ко времени возобновленія состава общинныхъ совѣтовъ, въ началѣ будущаго года. Предложеніе принято было безъ преній. Поставленъ былъ также на ближайшую очередь дополнительный законъ, имѣющій цѣлью отнять у церквей монополію изготовленія похоронныхъ принадлежностей. Сверхъ того, рѣшено было окончить разсмотрѣніе проэктовъ обществъ взаимнаго вспомоществованія, страхованія рабочихъ противъ несчастныхъ случаевъ, пенсіонныхъ кассъ для рабочихъ, оздоровленія помѣщеній бѣдныхъ классовъ. Тишина и миръ были нарушены на минуту только неукротимымъ легитимистомъ Бодри д'Ассономъ, требовавшимъ ежедневныхъ засѣданій, безъ перерыва, за исключеніемъ воскресенья, такъ какъ онъ не желаетъ лишать товарищей возможности соблюдать религіозныя обязанности. Сверхъ того, онъ требовалъ, чтобы одинъ день въ недѣлю предназначенъ былъ для внесенія запросовъ! Посмѣялись... и никто не внесъ требованія о запросахъ.

Засѣданіе продолжалось не болѣе трехъ четвертей часа. Въ

Digitized by Google

сенатѣ оно длилось 25 минутъ. Съ большимъ сочувствіемъ отнеслись сенаторы къ появленію на президентскомъ креслѣ Ле-Ройе, которому болѣзнь помѣшала принимать участіе въ занятіяхъ всей предыдущей сессіи. Министръ общественныхъ работъ окончилъ изложеніе пресловутыхъ конвенцій съ желѣзнодорожными компаніями; министръ земледѣлія, отъ имени коллеги своего, министра внутреннихъ дѣлъ, представилъ проэктъ закона о свободѣ ассоціацій (исключая конгрегацій), исходящій изъ гамбеттовскаго министерства и призванный замѣнить извѣстное предложеніе Дюфора-Жюль Симона, погребенное прошлою весною. Нерасположеніе сената къ какому бы то ни было министерскому кризису обнаружилось назначеніемъ въ комиссію желѣзнодорожныхъ конвенцій исключительно лицъ благопріятныхъ министерству, въ числѣ которыхъ не пожелали засѣдать ни Фрейсинэ, ни Леонъ Сэ, а также въ стремленіи къ предварительному соглашенію съ правительствомъ относительно назначенія болѣе или менѣе отдаленнаго срока для разсмотрѣнія предложенія о частномъ пересмотрѣ конституціи, починъ котораго взялъ на себя республиканскій союзъ.

Радикальная лѣвая палаты депутатовъ долго готовилась къ походу противъ кабинета Ферри. Одинъ изъ ея членовъ, Арманъ Ривьеръ, депутатъ отъ города Тура, напомнилъ въ «Phare de la Loire» (однимъ изъ редакторовъ котораго онъ состоитъ) о программѣ, выработанной этою группою въ 1882 г. и публичное принятіе которой было отложенно во время составленія министерства Дюклерка. Онъ противопоставилъ гаврской и руанской рѣчи министра-президента слѣдующее мѣсто названной программы, въ составленіи которой принималъ участіе бывшій младшій статсъ-секретарь министерства финансовъ, Лабюзъ. «Радикальная лѣвая готова поддерживать всѣ министерства, которые искренно и честно, по мѣрѣ силъ своихъ, будутъ работать надъ либеральной и прогрессивною организаціей демократіи. Депутатъ отъ департамента Сены и Уазы, Ремуавилль, поспѣшилъ поддержать починъ Ривьера и написалъ открытое письмо президенту группы, Гатино, съ тѣмъ, чтобы онъ созвалъ собраніе, на которомъ окончательная программа была бы противопоставлена «холодно обдуманному министромъ объявленію войны всѣмъ тѣмъ, кто не пожелаетъ раболѣпно согнуть предъ ними спину». Гатино телеграфировалъ, также открыто, слѣдующее: «Группа приглашена на собраніе 24-го октября въ 3 часа... Вполнѣ одобряю выраженныя вами мысли; но, быть можетъ, необходимо браться за наиболѣе спѣшное дѣло. Жюль Ферри объявляетъ намъ войну; это манёвръ, имѣющій цѣлью избавиться отъ нашихъ тисковъ по поводу его внѣшней политики. Не будемъ терять изъ вида цѣли. Будемъ энергически исполнять долгъ нашъ».

Съ другой стороны, совершалась эволюція, которая, повидимому, должна была доставить вліятельныхъ сторонниковъ радикальной лѣвой, въ ущербъ республиканскому союзу. Бывшій ди-

Digitized by Google

ректоръ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, инженеръ Легиль, назначенный на этотъ постъ благодаря вліянію Гамбетты и сдѣлавшійся потомъ депутатомъ, а потомъ и младшимъ статсъ-секретаремъ въ министерствѣ общественныхъ работъ, объявилъ на двухъ собраніяхъ энскихъ избирателей, что онъ рѣшительно разрываетъ съ «посмертнымъ гамбеттизмомъ» и выдѣляется изъ фракціи, проникнутой духомъ авторитаризма и орлеанизма». Въ самый день возобновленія сессіи палатъ, этотъ любитель свободы и республики принялъ на себя руководство газеты «Presse», основанной Эмилемъ Жарарденомъ въ 1836 г. и хотя не переставшей выходить, но почти погребенной подъ развалинами филлинаровскаго «европейскаго общества». Въ передовой статьѣ 24-го октября, новый редакторъ разразился громовою статью противъ «республиканскаго союза», «убитаго нравственно смертью Гамбетты», и большинство котораго, «лишенное руля и компаса», пытаясь слѣдовать указаніямъ учителя, только отрекается отъ него во всѣхъ «капитальныхъ вопросахъ». Меньшинство, оставшееся вѣрнымъ демократическимъ воззрѣніямъ трибуна, должно, слѣдовательно, покинуть эту отнынѣ искуственную группировку и идти въ ногу съ Франціей, которая «радикальна».

На это республиканскій союзъ отвѣчалъ назначеніемъ новаго предсѣдателя на мѣсто Ранка, полномочіе котораго приходило къ концу. На собраніе, созванное съ этой цѣлью, явилось 124 члена, которыми и выбранъ былъ Поль Беръ для того, чтобы, какъ выражался въ «Petite République» бывшій президентъ Ранкъ, «продолжать составлять въ палатѣ большинство, правительственное и прогрессивное, въ одно и то же время, большинство, «лѣвымъ крыломъ» котораго будетъ оставаться республиканскій союзъ». Отпаденіе Легилье осталось незамѣченнымъ.

Между тѣмъ, радикальная и крайняя лѣвая, пропустившія день открытія парламента, не взявъ на себя никакого почина, подвергли себя осмѣянію въ министерскихъ органахъ, а осуществленію угрозъ, наполнявшихъ собою каникулярные манифесты непримиримыхъ, взяли на себя бонапартисты.

25 го октября Бриссонъ получилъ и безъ шума передалъ одной изъ подлежащихъ комиссій (то-есть въ самый долгій ящикъ) предложеніе о немедленномъ преданіи суду министровъ въ виду того, что, въ отсутствіи палатъ, они явно нарушали конституцію и подвергли опасности національную оборону.

Раздраженная насмѣшками министерскихъ газетъ еще болѣе, чѣмъ попыткою бонапартистовъ эксплуатировать ея «популярныя» предложенія, крайняя лѣвая, немного противъ желанія Клемансо, рѣшилась приступить къ нападенію на министерство, начавъ съ тонкинокитайскаго вопроса. 25-го, бывшій директоръ канцеляріи оппортунистскаго министра Констана, Гранэ, взошелъ на трибуну и въ крайне запутанныхъ выраженіяхъ спросилъ, намѣревается ли правительство, въ непродолжительномъ времени, вновь потребовать

Digitized by Google

кредитовъ и такимъ образомъ доставить себѣ случай пролить свѣтъ на событія крайней Азіи? На это Ферри отвѣчалъ съ ироніей, что онъ «изумленъ контрастомъ между вчерашнимъ пыломъ и сегодняшнею умѣренностью»; что правительство еще не обсуждало вопроса о новыхъ кредитахъ, но что, какъ можно было замѣтить въ день открытія сессіи, «уже поданъ знакъ къ почти немедленному обсужденію», такъ какъ роздано *Exposé* министра иносъ странныхъ дѣлъ о положеніи дѣлъ въ Тонкинѣ и переговорахъ съ Китаемъ. Затѣмъ Гранэ и его товарищамъ не оставалось ничего иного, какъ предъявить запросъ, но они внесли его только 29-го, въ самомъ концѣ засѣданія, и обсужденіе его было назначено на слѣдующій же день.

«Изложеніе дѣлъ въ Тонкинѣ и Китаѣ», редактированное Шальмель-Лакуромъ, заключаетъ разсказъ о военныхъ событіяхъ, отъ возобновленія военныхъ дѣйствій, прерванныхъ катастрофою съ несчастнымъ командиромъ Ривьеромъ, до блестящаго взятія фортовъ Гюэ и подписанія трактата, котораго добились отъ аннамскаго короля. Изложеніе устанавливаетъ, что экспедиціонный корпусъ, за послѣдніе 5 мѣсяцевъ, вполнѣ удовлетворялъ требованіямъ положенія, и что если встрѣченное сопротивленіе превышало ожиданія, то, безъ сомнѣнія, его подавятъ окончательно посланныя и имѣющія прибыть въ скоромъ времени на мѣсто подкрѣпленія.

Если въ Exposé не находимъ самаго текста заключеннаго съ Гюэ договора, то это потому, что его только-что получили. «Статьи договора многочисленны и касаются различныхъ предметовъ; правительство тщательно изучаетъ его, чтобы рѣшить, можетъ ли онъ быть представленъ парламенту въ настоящемъ своемъ видѣ или же будетъ полезно потребовать предварительно нѣкоторыхъ измѣненій».

Переговоры, начатые въ Шанхаѣ уполномоченнымъ Трику и возобновленные въ Парижѣ между маркизомъ Тэнгомъ и французскимъ кабинетомъ, переданы во всей подробности. Въ первый разъ приведенъ былъ почти подлинный текстъ требованій китайскаго посланника, отъ 18-го августа, изъ котораго видно, что еслибы Франція очистила Тонкинъ, Небесная Имперія вмѣшалась бы непосредственно въ дѣла мнимаго вассальнаго королевства аннамскаго въ смыслѣ очищенія его отъ разбойничьихъ шаекъ и открыла бы иностранному судоходству и торговлѣ Красную Рѣку до Шанхая.

Въ своемъ меморандумѣ отъ 15-го сентября министръ иностранныхъ дѣлъ формулировалъ два контръ-предложенія; первое, касавшееся отмежеванія нейтральнаго района, второе, требовавшее открытія для иностранной торговли города Мангао, въ Юнаннѣ, на Красной Рѣкѣ, на одинаковыхъ условіяхъ съ тѣми портами и городами Китайской Имперіи, куда эта торговля допускается.

Въ этомъ и было безусловно отказано маркизомъ Тэнгомъ,

Digitized by Google

высказывавшимъ болѣе и болѣе отрицательныя претензіи относительно правъ, пріобрѣтенныхъ Франціей договорами съ Аннамомъ, отстаивавшимъ за Китаемъ право оккупаціи всего сѣвера мнимо-вассальнаго королевства и снова потребовавшимъ очищенія Тонкина французами.

За недѣлю до открытія парламента, за двѣ до прибытія подкрѣпленій экспедиціонному корпусу и при увѣренности, что подъемъ китайскихъ требованій зависитъ отъ иностранныхъ подстрекательствъ, министерству приходилось держать себя именно такъ, какъ то обозначено въ концѣ «Изложенія» Шальмель-Лакура:

«Съ самаго перваго дня мы объяснили, что если намъ невозможно вести съ Китаемъ переговоры объ аннамскихъ дѣлахъ, мы, тѣмъ не менѣе, расположены вступить въ переговоры обо всемъ, касающемся сосѣдства обѣихъ странъ, и даже выработать сдѣлку относительно границы, могущую доставить всякаго рода обезпеченія.

«Намѣренія наши не измѣнились. Но нельзя сказать того же о пекинскомъ дворѣ, если судить по предложеніямъ, послѣдовательно заявленнымъ его представителями. Тѣмъ не менѣе, мы остаемся расположенными продолжать съ нимъ переговоры въ наиболѣе дружественномъ духѣ, надѣясь, что совершившіяся событія внушатъ ему болѣе правильное сознаніе положенія дѣлъ, *въ особенности же, когда онъ убѣдится, что умѣренная, но рѣшительная политика правительства республики не перестала пользоваться одобреніемъ палатъ, а слѣдовательно, и страны*».

Послѣдняя фраза мгновенно отняла у крайней лѣвой желаніе эксплуатировать тонкинскія дѣла, чтобы попытаться открыть министерскій кризисъ. Крайняя лѣвая рѣшила не доводить своего нападенія до конца, изъ страха прослыть союзницею китайцевъ и ихъ подстрекателей и такимъ образомъ усилить торжество министерства Ферри, потерявъ собственную популярность.

Отдавая отчетъ въ своемъ полномочіи избирателямъ второго отдѣла 20-го округа, преемникъ Гамбетты, Тони Ревильонъ, говорилъ 25-го вечеромъ въ Elysée Charonne:

«Мы сдѣлаемъ запросъ правительству. По нашему мнѣнію, мы не можемъ оставить Тонкина. Очищеніе его было бы безчестнымъ для республики, подобнымъ тому, какое испытала имперія въ Мексикѣ. Но мы желаемъ, чтобы вернулись къ трактату 1874 г., а именно: къ занятію береговъ и свободному судоходству по Красной Рѣкѣ. Мы будемъ противиться продолженію борьбы въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она начата.

«Остается узнать, не превышенъ ли кредитъ, вотированный палатою передъ ея закрытіемъ. Должны же показать намъ цифры. И если министерство нарушило конституцію, мы предадимъ его суду. Палата, можетъ быть, и не вотируетъ этого, но, по крайней мѣрѣ, страна будетъ имѣть возможность осудить по

Digitized by Google

достоинству оппортунистскую политику». (Продолжительныя рукоплесканія и кое-гдѣ смѣхъ).

Не мало содѣйствовалъ осторожности при запросѣ о тонкинскихъ дѣлахъ, даже со стороны искреннихъ патріотовъ, находящихъ, что дѣла эти начаты и ведены были неудачно, инцидентъ, вызванный, впрочемъ, довольно безобиднымъ образомъ газетою «Фигаро». Въ ней печатались письма, подписанныя псевдонимомъ Пьеръ Лоти и дававшія весьма живописные очерки взятія фортовъ Гюэ. Нѣмецкіе и англійскіе галлофобы придрались къ случаю и заговорили о небываломъ звѣрствѣ французовъ, стрѣлявшихъ по аннамскимъ бѣглецамъ. При этомъ наши зарейнскіе сосѣди забыли, что явились сами далеко не идеальными типами гуманности въ 1870—71 г., а заламаншскіе также не помнятъ, повидимому, индійскихъ усмиреній, съ привязываніемъ плѣнныхъ къ дулу пушекъ.

Авторъ «писемъ», Віо, находится на службѣ при тонкинской эскадрѣ. Вслѣдствіе скандала, возбужденнаго этими письмами, морской министръ немедленно отозвалъ его и нарядилъ слѣдствіе, которое и рѣшитъ, дѣйствительно ли онъ опозорилъ французскій флотъ, къ которому самъ принадлежитъ. Вице-адмиралъ Пейронъ, напомнилъ новымъ циркуляромъ о постановленіяхъ 1853 и 1871 годовъ, запрещающихъ всякому офицеру, чиновнику или агенту морского вѣдомства и вѣдомства колоній, печатать что бы то ни было за подписью, безъ нея, или подъ псевдонимомъ, не получивъ на то предварительнаго разрѣшенія министра, просить о которомъ слѣдуетъ іерархическимъ путемъ, съ представленіемъ подлежащей печати статьи.

Пользуясь какъ нельзя лучше совѣтами тѣхъ, кто награждаетъ Небесную Имперію скорострѣльными ружьями устарѣвшаго образца и даже офицерами-инструкторами, маркизъ Тзэнгъ не замедлилъ указать «европейскому общественному мнѣнію на пробѣлы во французскомъ Exposé. Онъ немедленно приступилъ къ печатанію въ «Standard» всѣхъ депешъ, которыми обмѣнялся съ Франціей. Маневръ не удался, однако же, такъ какъ министерство иностранныхъ дѣлъ также немедленно препроводило въ «Temps» всѣ не бывшіе напечатанными документы, которые и появились 28 и 29, разрушивъ эффектъ, ожидавшійся китайскою дипломатіей и французскою оппозиціей.

Изъ этихъ документовъ видно еще яснѣе, чѣмъ изъ министерскаго изложенія, что, подчинившись временно трактату 1874 г., которымъ Аннамъ объявилъ себя свободнымъ, по отношенію ко всѣмъ иностраннымъ правительствамъ, и поставилъ себя подъ протекторатъ Франціи, Китай предпринялъ, начиная съ 1880 г., цѣлый рядъ требованій, основанныхъ на притязаніяхъ верховной власти. Противъ этихъ требованій послѣдовательно возставали всѣ министры иностранныхъ дѣлъ, смѣнявшіеся на Quai d'Orsay: Фрейсинэ и Бартелеми Сент-Илеръ, Шальмель-Лакуръ и Гамбетта. Всѣ эти министры, въ депешахъ 1880, 1882 и 1883 года

Digitized by Google

напоминали пекинскому правительству, что трактатъ 1874 года былъ ему сообщенъ 27-го мая 1875 г., и что оно утвердило его 15-го іюня того же года, сообщивъ при этомъ, что юнанскому губернатору предписано, чтобы онъ строго преслѣдовалъ тѣ шайки, которыя пытались бы проникнуть въ Аннамъ. Распоряженіе это осталось безъ послѣдствій. Черные Флаги скоплялись все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ количествѣ, но китайцы, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же послать войска, продолжали вести мирные переговоры, завершившіеся трактатомъ Бурэ, послѣ неудачи котораго китайское правительство находило все болѣе и болѣе возраженій на предложенія о нейтральной полосѣ, такъ что, наконецъ, дошло до отрицанія первоначальнаго договора 1874 г., а слѣдовательно, и до отрицанія правъ Франціи на Тонкинъ.

Еще наканунѣ запроса ожидали, что ему будетъ положенъ конецъ чѣмъ-то въ родѣ очереднаго порядка, обсужденнаго въ радикальной лѣвой и заключающаго выраженіе «желанія палаты получить, въ ближайшемъ времени, болѣе полныя сообщенія, чѣмъ тѣ, которыя даетъ Желтая Книга». Флоке предлагалъ даже подготовить комиссію, которая возьметъ на себя выслушать то, чего министры не могли бы сказать съ трибуны палаты и затѣмъ скромно выразитъ палатѣ свое мнѣніе объ образѣ дѣйствій правительства. Дѣйствительно, генералъ Буэ пріѣхалъ изъ Тонкина и въ то же время опубликовано рѣшеніе 18-го сентября, которымъ комиссаръ республики Гармодъ далъ приказъ генералу явиться къ французскому правительству, «въ виду неотложной необходимости ознакомить его съ военными нуждами» и передать на словахъ о наиболѣе практическихъ средствахъ обезпеченія дѣйствія протектората, въ томъ видѣ, какъ онъ опредѣляется министерскими инструкціями и заключенною 25-го августа 1883 г. въ Гоэ конвенціей.

Съ самаго начала засѣданія 30-го октября, Гранэ развилъ запросъ свой въ такомъ тонѣ, который сразу не понравился центрамъ и не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на колеблющихся въ средѣ большинства. Къ тому же, правые очень затрудняли его своими рукоплесканіями въ тѣхъ мѣстахъ рѣчи, гдѣ онъ преувеличивалъ неудачи французскаго оружія, вслѣдствіе слабости экспедиціоннаго корпуса, и выражалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы отправленныя подкрѣпленія могли явиться во́-время, для рѣшительнаго удара. Онъ обвинялъ правительство, съ одной стороны, въ томъ, что оно обманую парламентъ относительно важности предпринятой экспедиціи, а съ другой—что оно само ошиблось, относительно послѣдствій враждебныхъ дѣйствій съ той минуты, когда выступалъ на сцену Китай. Онъ указывалъ какъ на непростительное безразсудство на отказъ въ принятіи трактата съ Небесной Имперіей, выработаннаго Бурэ, трактата, которымъ все могло быть улажено и вернуться къ которому уже невозможно. «Дипломатическая почва, прибавилъ запросчикъ:—ускользнула изъ подъ вашихъ ногъ... Вы принуждены признать

Digitized by Google

возможность столкновенія съ Китайскою имперіей, и по мнѣнію офицеровъ вашихъ, не 4,000, а 10,000, 20,000 солдатъ придется послать туда»! Рѣчь закончилась напоминаніемъ о Мексикѣ и Седанѣ, а также и о томъ, что Франція можетъ снова очутиться въ томъ же положеніи, или принуждена будетъ отослать на крайній востокъ солдатъ, необходимыхъ для того, чтобы «заткнуть Альпійскую брешь». Повторяя слова Гамбетты, онъ умолялъ товарищей въ минуту голосованія «прислушиваться къ тому, что говорится по ту сторону Рейна».

Министръ иностранныхъ дѣлъ Шальмель-Лакуръ, самымъ академическимъ слогомъ объяснилъ переговоры съ Китаемъ, и доказалъ между прочимъ, что пресловутая договорная сдѣлка Бурэ ограничивалась обмѣномъ противорѣчивыхъ депешъ, и, не приведя ни къ чему формальному, послужила только къ доставленію китайской дипломатіи предлога требовать признанія верховной власти Китая надъ Аннамомъ и даже присоединенія Тонкина.

Съ большимъ остроуміемъ осмѣивалъ онъ претензіи Небесной Имперіи, поощряемыя надеждою на «парламентское событіе», которое обезоружило бы французскую дипломатію. Отвергая наименованіе «привлюченій», которое оппозиція имѣетъ привычку присвоивать всѣмъ внѣшнимъ предпріятіямъ, министръ воскликнулъ: «Слѣпая боязнь приключеній можетъ убить насъ. Она можетъ вести лишь къ абсолютному покою, а иногда, къ непростительному малодушію». Между тѣмъ, какъ демократическая лѣвая и республиканскій союзъ покрывали рукоплесканіями ропотъ крайней лѣвой и правыхъ, министръ старался доказать, что переговоры съ Китаемъ «не порваны, а прерваны на время», что правительство всегда готово разсмотрѣть всякую сдѣлку, не противорѣчащую интересамъ и чести Франціи»; что, впрочемъ, въ случаѣ возникновенія усложненій, Франція, «обладающая значительнымъ флотомъ въ китайскихъ моряхъ, уже и въ настоящее время имѣетъ силу смотрѣть имъ въ лицо. Въ заключеніе, Шальмель-Лакуръ объявилъ, что «въ столкновеніи съ Китаемъ, французское правительство является представителемъ интересовъ всѣхъ цивилизованныхъ націй, состоящихъ въ сношеніяхъ съ Серединною Имперіей и имѣетъ самое серьёзное и вѣское основаніе утверждать, что всѣ, кого не ослѣпляетъ духъ соперничества, заинтересованы въ успѣхахъ Франціи... Представителямъ же націи приходится заявить не о томъ, довѣряютъ ли они министрамъ, но о томъ, довѣряютъ ли они самимъ себѣ».

Жоржъ Перенъ, который, не поддаваясь увлеченію, вызванному смертью Ривьера и его героическихъ товарищей, принадлежалъ къ меньшинству, отказавшему въ іюлѣ текущаго года въ кредитѣ на тонкинскую экспедицію, потребовалъ, чтобы министерство отвѣчало прямо: «находимся ли мы, да или нѣтъ, наканунѣ войны съ Китаемъ»? Никто не захочетъ дѣлать шага назадъ, сказалъ Перенъ:—но если война должна явиться неми-

Digitized by Google

нуемымъ слѣдствіемъ накопленныхъ ошибокъ, то палата, принявъ мужественныя рѣшенія, съумѣетъ возложить отвѣтственность на кого слѣдуетъ: «Дѣло велось плохо и, въ виду негодованія въ значительной части общества, есть основаніе рѣшить, что тѣ, кто ошиблись сами и обманули парламентъ, должны передать въ другія руки руководство экспедиціей».

Въ началѣ засѣданія 31-го октября — такъ какъ никто изъ ораторовъ не записался — слѣдовало бы немедленно приступить къ голосованію, еслибы самъ глава крайней лѣвой не рѣшился прижать къ стѣнѣ министра-президента. Но Ферри, хотя и не обладаетъ ораторскими качествами Гамбетты, и не владѣетъ ни его прекраснымъ голосомъ, ни выразительными и величественными жестами, однако, выработалъ въ себѣ *разъяснителя* и ядовитаго полемиста. Онъ свободно говоритъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ, не смущаясь никакими перерывами, хотя и раздражаясь ими. Въ первой части своихъ весьма подробныхъ разъясненій, онъ утверждалъ, что пользовался только правами, ввѣренными ему парламентомъ, и отвѣчалъ насмѣшкою на упрекъ въ несозваніи палатъ, такъ какъ такая мѣра могла бы только взволновать страну, безъ всякой пользы. Онъ требовалъ для правительства весьма значительной доли почина и отвѣтственности, на что крайняя лѣвая отвѣчала шумомъ и замѣчаніями о деспотизмѣ, а республиканскій союзъ и демократическая лѣвая — громкими рукоплесканіями. Во второй части своей рѣчи, министръ доказывалъ, что сношенія съ Пекиномъ не прерваны, о чемъ свидѣтельствуетъ присутствіе тамъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ и продолженіе дипломатическихъ сношеній съ Тзэнгомъ, и что, слѣдуя вѣковому обычаю своему, Небесная Имперія, по всей вѣроятности, примирится съ совершившимся фактомъ, когда, по прибытіи подкрѣпленій, французскія войска очистятъ отъ Черныхъ Флаговъ и займутъ дельту Красной Рѣки. Оппозиція, видимо, смутилась, когда Ферри прочелъ депешу отъ 29-го октября, въ которой возвращающійся во Францію посланникъ Трику извѣщаетъ, что вице-король Ли-Хунгъ-Чангъ сильно встревоженъ и выражаетъ громкое неодобреніе Тзэнгу. Напомнивъ, что при Луи-Филиппѣ, въ теченіи десяти лѣтъ, тогдашняя крайняя лѣвая ратовала за очищеніе французами Алжира, Ферри, въ общихъ выраженіяхъ, говорилъ о необходимости созданія въ будущемъ колоніальнаго могущества Франціи, путемъ твердости, терпѣнія и хладнокровія. «Лучшее средство избѣгать войнъ, сказалъ онъ въ заключеніе: — это — не бояться ихъ».

Клемансо довольно ядовито и очень пространно отвѣчалъ министру. Его поддерживали аплодисментами правые и съ полдюжины республиканцевъ. Громкій зѣвокъ раздался въ залѣ въ то время, какъ ораторъ, говоря противъ колоніальной политики, ссылался на принципы великой французской революціи. Герцогъ Лувиль Мальфё воспользовался этимъ, чтобы попытаться оживить дремавшую палату, и, показавъ кулакъ по направленію къ

Digitized by Google

министерству, громко воскликнулъ: «всѣ вы негодяи»! Нѣсколько торжественно и довольно хрипло, президентъ палаты объявилъ, что «слова только что произнесенныя не относятся ни къ кому изъ здѣсь присутствующихъ»! Подобно товарищу своему Гранэ, Клемансо посвятилъ конецъ своей рѣчи Мексикѣ и Седану, сравнивая себя съ Тьеромъ и Жюлемъ Фавромъ, тщетно предупреждавшимъ имперію, и прозванными: одинъ адвокатомъ Хуареса, а другой—пруссакомъ.

Военный министръ Кампенонъ явился на трибунѣ, чтобы опровергнуть мнимое ослабленіе безопасности Алжира, вслѣдствіе отправки подкрѣпленій въ Тонкинъ; онъ отрицалъ также и необходимость какого бы то ни было передвиженія войскъ на материкѣ, для замѣны выбывшихъ изъ африканской колоніи. Наконецъ, подобно трубному звуку, раздались въ палатѣ слѣдующія слова: «Когда знамя Франціи, знамя республики, развѣвается гдѣ бы то ни было, то, подъ страхомъ безусловнаго паденія, подъ страхомъ утраты всякаго значенія въ мірѣ, каждый изъ насъ отъ перваго до послѣдняго, долженъ, во что бы то ни стало, поддерживать, уважать и почитать его»!

Послѣ горячаго, но невнимательно выслушаннаго возраженія неутомимаго Клемансо, Фредерикъ Пасси напрасно пытался заглушить крики, требовавшіе закрытія засѣданія, для развитія слѣдующаго предложенія: «Палата, равно заботясь какъ объ интересахъ, такъ и о чести страны, выражаетъ желаніе, чтобы подлежащіе разсмотрѣнію вопросы между Китайскою имперіей и Французскою республикою предоставлены были заботамъ дружественной державы посредничеству». Отъ имени части правой, единственный изъ парижскихъ депутатовъ, принадлежащій къ бонапартистамъ, Калла, поддерживалъ проэктъ, требовавшій образованія изъ среды палаты комиссіи изъ 22 членовъ для обсужденія дипломатическаго и военнаго положенія Тонкина. Предложеніе это было, однакожъ, погребено подъ гнетомъ всеобщаго молчанія.

Авторъ запроса, Гранэ, составилъ «очередной порядокъ съ выраженіемъ порицанія», констатирующій, что министерство не выполнило обязательствъ, принятыхъ имъ предъ парламентомъ, и сожалѣющій, что сдѣланныя ошибки не даютъ ему надлежащаго авторитета для того, чтобы съ пользою дѣйствовать и вести переговоры». Но Гатино окончательно подрѣзалъ крайнюю лѣвую, потребовавъ отъ имени радикальной лѣвой простого перехода къ очереднымъ дѣламъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ преимущество. Онъ былъ также отвергнутъ 328 голосами, и 185 голосовъ его поддерживавшихъ на половину принадлежали къ правымъ.

Наконецъ, одобренный правительствомъ и редактированный президентами республиканскаго союза и демократической лѣвой Полемъ Беромъ и Лубэ, очередной порядокъ прошелъ большинствомъ 325 голосовъ, исключительно республиканскихъ, противъ 155, наполовину принадлежащихъ роялистамъ и имперіалистамъ

Digitized by Google

съ одной стороны, всей крайней лѣвой и части радикальной лѣвой—съ другой. Очередной порядокъ Поль Бера-Лубэ былъ, можно сказать торжествомъ министерства Ферри, «мѣры котораго, принятыя въ виду охраненія интересовъ, правъ и чести Франціи, въ Тонкинѣ, одобряются палатою, довѣряющею твердости и благоразумію его, для приведенія въ исполненіе существующихъ трактатовъ. (Заключеннаго въ Гюэ 1883 г. и прежняго 1874). Ожидаютъ отставки Шальмель-Лакура, по причинѣ болѣзни, и Геррисона, котораго замѣнитъ въ министерствѣ торговли—Тираръ, имѣющій передать портфѣль финансовъ Леону Сэ, котораго желаетъ финансовый міръ. Ферри передастъ министерство народнаго просвѣщенія Полю Беру, а самъ возьметъ портфѣль министерства иностранныхъ дѣлъ въ своемъ, сильно укрѣпившемся кабинетѣ.

III.

Театръ, музыка, литература. — «La famille d'Armelles», Жана Морраса, въ Одеонѣ.—«Les Mauvois», Дельпи, въ Театрѣ французской комедіи.—«L'Affaire de Viroflay» Менделя и Гирша, въ Клюни.—«Les Affolés» Верона и Гондине въ Водевилѣ.—«La Camarade» Жиля и Мельяка въ «Пале-Ройялѣ».—Опять Сарра Бернаръ.—Потоцкіе и Браницкіе въ кафешантанѣ.—Большая и малая Опера.—Новый теноръ.—Оперетка съ текстомъ Эркмана и Шатріана.—Викторъ Гюго и его Archipel de la Manche.—Новое изданіе Племянника Рамо.—Новый романъ изъ Парижской жизни.

Въ ожиданіи возобновленія «Формозы» Вакери, въ «Одеонѣ» даютъ драму Жана Морраса «*La famille d'Armelles*».

Д'Армель вдовецъ, но никто не знаетъ какимъ образомъ онъ овдовѣлъ. Сынъ его, Октавъ не помнитъ матери. Этотъ сынъ недавно женился и уже обманутъ женою. Ирена—такъ зовутъ ее—собирается бѣжать съ красивымъ офицеромъ Гонтраномъ де-Морвалемъ. Отецъ обманутаго мужа первый замѣчаетъ измѣну. Онъ напрасно вызываетъ любовника, напрасно пытается остановить увлеченную безумною страстью молодую женщину. Между тѣмъ мужъ узнаетъ о своемъ несчастіи и является готовый исполнить совѣтъ Александра Дюма-сына: «Убей ее!» Схвативъ топоръ, онъ бросается навстрѣчу къ невѣрной, которая должна войти въ одну изъ дверей. Отецъ становится между своимъ сыномъ и его женою; онъ говоритъ сыну, что тоже самое случилось с его матерью, которую онъ убилъ. Ужасъ и горе отца постепенно овладѣваютъ умомъ и сердцемъ сына. Топоръ выпадаетъ у него изъ рукъ и прелюбодѣяніе остается ненаказаннымъ. «Что же остается мнѣ теперь»? восклицаетъ мужъ, отказавшійся отъ возмездія. Маленькая Марта (его дочь) бросается ему въ объятія и занавѣсъ опускается.

Несмотря на многіе недостатки, въ драмѣ есть мѣста, обли

Digitized by Google

чающія безспорное драматическое дарованіе. Это первое произведеніе Морраса. Ему уже 50 лѣтъ. Написана эта вещь давно и авторъ нерѣдко декламировалъ отдѣльныя сцены предъ избранною публикою, а также и въ пресловутыхъ пивныхъ и кофейняхъ Монмартрскаго и Рошшуарскаго и другихъ бульваровъ. Во время парижской коммуны, Моррасъ занималъ какую-то, правда, не важную должность, отдѣлался затѣмъ тюремнымъ заключеніемъ, избѣжавъ ссылки; за послѣднее время, онъ ораторствовалъ на сходкахъ, гдѣ производилъ впечатлѣніе звучнымъ голосомъ, громкими фразами, энергичными жестами. Это, впрочемъ, человѣкъ, въ сущности, благоразумный и не интриганъ. Отъ депутатства и представительства въ муниципальномъ совѣтѣ онъ получилъ отвращеніе, посмотрѣвъ вблизи на избирателей... Можно пожелать, чтобы и театръ не внушилъ ему подобнаго же чувства...

Въ этомъ отношеніи нечего бояться за Альбера Дельпи. Онъ не брезгуетъ ничѣмъ; хроникёрствуетъ одновременно и въ Фигаро и въ республиканскихъ газетахъ, хотѣлъ проникнуть даже въ «Débats». Начавъ проводить въ «Fils de Coralie» свой тэзисъ о наказаніи незаконной любви рукою дѣтей, явившихся ея плодомъ, Дельпи продолжаетъ это дѣло и въ новой пьесѣ «Les Mauvroix».

Довольно неправдоподобенъ этотъ маркизъ де Мокруа, который, покинувъ свою законную супругу съ сыномъ Анри, живетъ съ любовницею, выдаваемою имъ за жену, и имѣетъ незаконнорожденнаго сына Люсьена, носящаго, однакоже, его имя. Братья, не знающіе другъ друга, встрѣчаются случайно въ Эвіанѣ (въ Швейцаріи), въ тамошнемъ казино. Люсьенъ получаетъ депешу и въ ту минуту, какъ ему передаетъ ее слуга гостинницы, законный сынъ рѣзко отрицаетъ за кѣмъ бы то ни было право носить ему одному принадлежащее имя. Справедливое требованіе Анри тѣмъ тяжелѣе для Люсьена, что подтверждается его матерью Еленою и является препятствіемъ къ браку его съ дочерью депутата Жерара, которая любитъ молодого человѣка, несмотря на его нелегальное происхожденіе. Между тѣмъ легальный Анри самъ влюбляется въ Жермену, которую замѣтилъ на берегу Женевскаго озера и ради которой онъ и предпринялъ роковую экскурсію на французскій берегъ. Отецъ вмѣшивается въ дѣло, но ему не удалось бы помѣшать кровавой схваткѣ братьевъ, еслибы не псевдо-маркиза де Мокруа, бросающаяся къ ногамъ законнаго сына, чтобы спасти жизнь своего Люсьена. Послѣдній довершаетъ жертву матери, отказываясь отъ всего: отъ невѣсты и отъ имени, которое считалъ своимъ. Разумѣется, Анри восхищенъ и изумленъ такимъ поведеніемъ; онъ поднимаетъ незаконнорожденнаго и возвышаетъ его на степень пріемнаго брата, путемъ нотаріальнаго акта, болѣе легко утверждаемаго въ Театрѣ Французской Комедіи, чѣмъ въ гражданскомъ судѣ. Незаконная жена скромно исчезаетъ, а настоящая маркиза де-Мокруа пользуется

Digitized by Google

своими правами только для того, чтобы исправить ихъ нарушеніе. Люсьенъ женится на Жерменѣ, а Анри, по всей вѣроятности, не замедлитъ получить награду за свою братскую добродѣтель.

Содержаніе, безъ сомнѣнія, подаетъ много поводовъ къ неодобрительной критикѣ, но многія сцены прекрасны, какъ напримѣръ, столкновеніе братьевъ и встрѣча растроганныхъ матерей. Среди множества банальностей, встрѣчаются и живыя слова. Характеры, хотя и не всегда правдоподобны, но возвышенны и симпатичны.

Исполненіе — прекрасное. Сильвенъ съ большимъ достоинствомъ исполняетъ роль маркиза. Его двухъ женъ играютъ съ большою респектэбельностію актрисы: Бруаза и Дудлей. Вормсъ превосходно передаетъ пылкаго законнаго сына, а новый актёръ Ле-Баржи — нѣжнаго и кроткаго незаконнаго. Рейхенбергъ — прекрасная Жермена, а Коклень-младшій употребляетъ всѣ усилія, чтобы не представить въ смѣшномъ видѣ депутата Жерара.

«*L'Affaire de Virofflay*», Менделя и Гастона Гирша, на сценѣ театра Клюни, заставляетъ публику неумолкаемо смѣяться всѣ три дѣйствія этого фарса.

Сюжетъ выхваченъ изъ современной жизни. Отставленный отъ должности, вслѣдствіе недавняго «*очищенія*» судебнаго вѣдомства, судья Гранбюзье удаляется въ деревню, но чѣмъ же ему тамъ заниматься, какъ не судить сосѣдей, сидя въ своей комнатѣ. Онъ создаетъ цѣлое уголовное дѣло и намѣревается приподнести его преемнику своему въ ассизномъ судѣ, который, вѣроятно, глупецъ и ничего не понимаетъ, между тѣмъ, какъ министръ юстиціи, конечно, поспѣшитъ исправить ошибку... его смѣщенія. Однако, оказывается, что у Ронтеновъ только, повидимому, совершаются трагедіи, а на самомъ дѣлѣ происходятъ старыя комедіи съ обманутымъ мужемъ и компрометированной молодою дѣвушкою. Актёры Месмакеръ и Вавассёръ создаютъ дѣйствительно живые типы: отставленнаго судьи и отставного капитана — обманутаго мужа. Быстро воспламеняющуюся жену прекрасно играетъ Берта Легранъ, а невинную, подвергающуюся опасности дѣвушку—актриса Жильбертъ.

Въ «Пале Ройялѣ», Жилль и Мельякъ поставили пятиактную шутку «*La Camarade*», гдѣ крупная соль перваго изъ названныхъ авторовъ и утонченная пряность второго смѣшиваются въ чисто-парижскомъ соусѣ. Содержаніе незамысловато: «Товарка» — жена, отвѣчающая на порывы страсти мужа смѣхомъ наивнаго ребёнка. Мужъ направляетъ эти порывы въ сомнительное общество дѣвицы Сидоніи. Жена случайно открываетъ похожденія мужа, пылаетъ ревностью, переодѣвается въ японскій костюмъ, чтобы проникнуть въ маскарадъ «полу-свѣта», куда является въ ту минуту, какъ Сидонія измѣняетъ своему «*gros chéri*» для какого-то «*petit père*». Мужъ въ отчаяніи, но жена, вмѣсто обыч-

Digitized by Google

ныхъ гримасъ, дѣлаетъ ему глазки; слѣдуетъ поцѣлуй и супружеское счастіе расцвѣтаетъ у согрѣтаго очага.

Болѣе претенціозны и менѣе забавны «*Les Affolés*» Верона и Гондинэ, на сценѣ «Водевилля». Сюжетъ напоминаетъ бальзаковскаго «Mercadet». Поводомъ послужилъ «крахъ» 1882 года.

Въ роскошномъ помѣщеніи на Chaussée d'Antin, мы знакомимся съ бывшимъ гусарскимъ офицеромъ и кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона, Лереномъ. Оставшись вдовцомъ, съ дочерью-невѣстою, онъ женился на красавицѣ и, сверхъ того, богатой американкѣ, Эвѣ. Предпріимчивый дѣлецъ Робильонъ уговариваетъ его поступить въ административный совѣтъ франко-сербскаго общества на акціяхъ. Акціи поднимаются до невѣроятныхъ цѣнъ; цѣлый міръ неожиданно разбогатѣвшихъ волнуется вокругъ Лерена, Робильона и К°. Сложныя обстоятельства заставляютъ супруговъ Леренъ желать покинуть на время шумную парижскую жизнь. Куда же ѣхать? Да, чортъ возьми, конечно, въ Сербію, полюбоваться на рудники Робильона! Ну, нѣтъ! кричитъ Робильонъ, ужъ лучше во всемъ сознаться... Оказывается, что быстро повышающіяся акціи ни на чемъ не основаны. Все предпріятіе—дутое. Негодующій Леренъ открыто заявляетъ объ этомъ и при восторженномъ содѣйствіи вѣтряной, но честной Эвы, употребляетъ все ея состояніе на то, чтобы скупать акціи, чтобы никто не пострадалъ отъ безстыднаго мошенничества, первою жертвою котораго былъ онъ самъ. Не лишена величія сцена, въ которой Эва бросаетъ всѣ свои драгоцѣнности и облекается въ «готовое платье» въ 39 франковъ (ниже этой цѣны, согласитесь, спуститься уже трудно).

Интересно было бы снова встрѣтиться съ этою рѣдкою героинею въ слѣдующемъ дѣйствіи, напримѣръ, предъ скромнымъ очагомъ, или за швейною машиною, изготовляющею бѣлье для первенца дочери своего мужа Фабіэнны, вышедшей замужъ за Геронвилля, котораго она сама чуть было не полюбила. Но въ четвертомъ и послѣднемъ дѣйствіи видимъ совсѣмъ не то. На биржѣ никто не повѣрилъ, чтобы изъ-за одной честности можно было выкупать фиктивныя цѣнности; акціи понизились съ 3,000 до 300 франковъ. Ловкіе кулиссьеры ихъ выкупаютъ, спорятъ изъза нихъ, заставляютъ ихъ еще и еще повышаться, такъ что Леренъ снова становится милліонеромъ помимо своей воли и принужденъ войдти въ сдѣлку съ сербскимъ правительствомъ, которое ничего лучшаго не желаетъ, какъ превратить выдуманные Робильономъ фиктивные рудники въ дѣйствительные.

Лего, несмотря на убійственный американскій акцентъ, которымъ заставляютъ ее говорить авторы пьесы, очень хороша въ сильныхъ мѣстахъ своей слишкомъ подчеркнутой роли. Пьеръ Бертонъ хорошъ мѣстами въ трудной роли Лерена. Парадъ превосходенъ, какъ и всегда, въ роли ganache'a. Дюпюи съ изумительною рельефностью играетъ генерала Парсеваля — роль неблагодарную и лишнюю.

Digitized by Google

По поводу дебютовъ актёра Дамала на сценѣ театра «Гимназіи», въ «Roman parisien», въ печати появились весьма нелестныя для его супруги вещи. Послѣ обмѣна писемъ между Сарою Бернаръ и Бессономъ, изъ «Evénement», Бернаръ-сынъ объявилъ, что «проучитъ» всякаго, кто сталъ бы отнынѣ заниматься дѣлами его матери. Бессонъ отвѣчалъ, что терпѣливо ждетъ этого юношу, уже являвшагося въ «Gaulois», старшій редакторъ котораго отпустилъ его секундатовъ со словами: «Какъ драться съ маленькимъ Морисомъ... Но я могъ бы быть его отцомъ!» Это находятъ необыкновенно смѣшнымъ. Молодой человѣкъ направился къ Александру Гешпу, въ редакцію «Voltaire», гдѣ назвали его мать—«Sarah Bohême». Гешпъ замѣтилъ, что молодому человѣку всего приличнѣе было бы оставаться въ тѣни. «Если же онъ захотѣлъ бы изъ нея выйдти по отношенію ко мнѣ, то нечего и говорить, что я надолго отобью у него охоту къ неумѣстному героизму».

Сынъ убѣдился этими доводами, но мать не нашла возможнымъ терпѣть долѣе, не доставивъ публичныхъ объясненій по поводу ссоры своей съ Дамала. Она обвиняетъ его въ томъ, что онъ вовлекъ ее въ расходы покупкою экипажей и дирекціей театровъ, которые разорили ее. Похваставшись, что заплатила ноустойку по первому ангажементу своего мужа въ «Gymnase» тотчасъ послѣ своей ссоры съ нимъ и даже экипировала «бѣднаго волонтёра, не поступившаго на службу», она выводитъ изъ своего дѣла слѣдующую удивительную мораль: «Можно, конечно, забавляться изслѣдованіемъ, дѣйствительно ли я вышла замужъ. Но я, съ своей стороны, могу подтвердить вамъ, что чисто по-королевски заплатила за эту шалость, и что замужемъ я или не замужемъ—меня ужъ больше на этомъ не поймаютъ!»

Пройду молчаніемъ скучный и непристойный 5-ти-актный водевиль «Autour du mariage», который держится, благодаря, главнымъ образомъ, выставкѣ декольтированныхъ до невозможности плечъ въ 2-мъ дѣйствіи. Авторы—Жипъ (Gyp) и Гекторъ Кремьё. Gyp—это псевдонимъ графини (и настоящей) Мирабо-Марсель, которая писала въ скабрёзной газеткѣ «Vie parisienne» и, наконецъ, вздумала собрать въ одно цѣлое всѣ поставленныя туда непристойности и нелѣпицы.

Много шума надѣлалъ дебютъ въ одномъ изъ парижскихъ Café Concerts, а именно въ «La Scala», нѣкоей Пиньятелли, княгини Церкіара. Кафешантану этому нуженъ былъ скандалъ для привлеченія публики и его добились путемъ приглашенія пѣвицы (притомъ недорогой) и въ тоже время дамы самаго «большого свѣта». Еще за двѣ недѣли до появленія на сценѣ, княгиня начала рекламировать о себѣ въ печати. Она напечатала въ порнографической газетѣ «Gil Blas» письмо такого содержанія: «Глубоко уязвленная и справедливо оскорбленная отношеніемъ ко мнѣ зятя моего, графа Николая Потоцкаго, имѣю

Digitized by Google

честь заявить вамъ о дебютѣ моемъ, имѣющемъ быть 15-го октября въ Café concert «La Scala», причемъ обращаюсь къ вашему великодушному покровительству, прося поощренія при началѣ поприща, выступить на которое принудили меня преслѣдованія и дурное обращеніе моихъ родныхъ». Нѣсколько дней спустя, корреспондентъ «Morning News», посѣтивъ сестру графини Потоцкой, повѣдалъ всему міру о тридцатилѣтнемъ возрастѣ ея, черныхъ, выразительныхъ глазахъ, нищетѣ, въ которой она находится, «съ брилліантами въ ушахъ и на шеѣ», въ меблированной квартирѣ улицы Шалгрэнъ. Она обвиняла графа Потоцкаго въ прекращеніи пенсіи въ 1,000 фр. въ мѣсяцъ, которую она получала ранѣе, въ намѣреніи отнять у нея дѣтей; обвиняла сестру свою въ томъ, что она отворачивается при встрѣчѣ съ нею. «Я обращалась къ Гуно, но великій музыкантъ погруженъ въ религіозныя идеи, повѣствовала княгиня:—обратилась къ одному радикальному депутату, но онъ испугался моего княжескаго титула!» Куда же послѣ этого направиться, какъ не въ кафешантанъ «La Scala»? Однако, такіе доводы не показались достаточно убѣдительными высшему свѣту. Потоцкіе наняли ложу аванъ-сцены и помѣстили туда своихъ лакеевъ, одѣтыхъ въ черные фраки. Двоюродные братцы Потоцкихъ, Браницкіе, подоспѣвшіе въ послѣднюю минуту, пустили въ ходъ кулаки. Вмѣшалась полиція, и городскіе сержанты быстро сообразили, что лакеи не на своемъ мѣстѣ въ дорогой ложѣ, доступной только господамъ. Лакеи протестовали, показывая билетъ. Графъ Потоцкій напрасно ждалъ въ полночь отчета о томъ, какъ «провалили» его belle-soeur. На слѣдующій день онъ долженъ былъ отправиться въ полицію, гдѣ переночевалъ весь его штатъ.

Однако, злополучная дебютантка все-таки была освистана. Это дѣло взяли на себя Браницкіе. Въ ту минуту, какъ она пыталась пѣть: «Ты знаешь ли край?», они бросали ей мѣдныя деньги, а когда второй нумеръ заставилъ себя долго ждать, они поощряли публичныхъ женщинъ разныхъ категорій кричать на мотивъ Lampions: «Свѣтская женщина, свѣтская женщина!» Дебютантка не появлялась и волненіе, начавшее принимать характеръ кулачнаго боя, прекращено было потушеніемъ газа. «Народъ» въ партерѣ и райкѣ началъ уже становиться на сторону княгини; еще немного и съ «дворянчиками» поступили бы болѣе или менѣе строго. Два или три вечера дебютантка «была нездорова», какъ значилось на афишѣ. Потоцкіе и ихъ кузены вернулись къ своимъ привычкамъ, не приводящимъ ихъ никогда на Страсбургскій бульваръ. «Свѣтская женщина», которую хотѣлъ проучить «свѣтъ», довольно посредственно распѣваетъ свои обязательные два нумера, а невзыскательная буржуазная публика кварталовъ Сен-Дени и Сен-Мартенъ не безъ удовольствія смотритъ на роскошныя плечи и брилліанты пѣвицы, размышляя о торжествѣ демократіи.

Digitized by Google

Такъ какъ Роттъ не открылъ большого народнаго лирическаго театра, то антрепренёръ лѣтнихъ оперныхъ спектаклей въ Шато д'О, Лагренэ, оставилъ за собою залу на весь годъ. Онъ наслѣдуетъ послѣ Ротта муниципальную субсидію и титулъ Народной оперы. Сезонъ начался «Травіатой» Верди и «Роланомъ Ронсево» Мермэ.

Въ большой оперѣ тенору Эскалэ, изъ здѣшней консерваторіи, былъ сдѣланъ такой блестящій пріемъ въ Вильгельмѣ Теллѣ, что на другой же день директоръ удвоилъ его 6,000 фр. жалованья. Это немного по нынѣшнимъ временамъ, когда баритоны получаютъ отъ 60 до 100,000 франковъ. Впрочемъ, оставляя въ сторонѣ денежныя дѣла, замѣчу, что молодому тенору далеко еще и до Капуля, нетолько до Дюпрэ. У него хорошія манеры и пріятная манера пѣть, однимъ словомъ, это дамскій пѣвецъ, на манеръ того, какъ бываютъ дамскіе актеры «aux manières distinguées» и дамскіе врачи...

Комическая опера даетъ «Лакмэ», успѣхъ которой не ослабѣваетъ, «Плоэрмельскій праздникъ», «Карменъ».

Въ «Renaissance» даютъ одноактную оперу «Le Fou Chopine», съ текстомъ Эркмана и Шатріана и музыкою Селленика. Впрочемъ, на этотъ разъ почтенные авторы совершенно напрасно измѣнили прозѣ для куплетовъ безъ риѳмъ.

Викторъ Гюго, послѣ продолжительнаго отдыха на берегахъ Женевскаго озера, возвратился недавно въ Парижъ для наблюденія за репетиціями своего «Кромвелля», сильно сокращеннаго и нѣсколько передѣланнаго для сцены. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, онъ пойдетъ въ Одеонѣ. А пока маститый поэтъ выпустилъ томикъ прелестной прозы. Это—«Archipel de la Manche», помѣщавшійся въ видѣ отдѣльныхъ статей, въ Rappel'ѣ. Ламаншскій архипелагъ—это острова Гернсей, Джерсей, Ориньи, Серкъ и купы островковъ отъ Ла-Гора до Бургоу, гдѣ Викторъ Гюго проводилъ долгіе годы своего изгнанія во время имперіи. Это было написано въ 1866 г. и должно было служить предисловіемъ къ «Труженикамъ моря». По яркости и глубинѣ историческихъ картинъ, а также по правдивому и горячему изображенію природы, «Archipel de La Manche» надолго останется образцовымъ произведеніемъ, а въ стилистическомъ отношеніи будетъ типомъ того прогресса, который совершенъ главою романтической школы во французскомъ языкѣ. Конечно, романтизмъ износился, относительно идей, которыми волновалъ ири своемъ появленіи и, если воскрешая средніе вѣка, онъ избавилъ насъ отъ грековъ и римлянъ, то во въ свою очередь принужденъ былъ отречься отъ феодальнаго спиритуализма, чтобы послѣдовать за ростущими волнами демократіи. Не много останется отъ философіи Виктора Гюго, но цѣлая масса останется отъ переворота, произведеннаго имъ въ языкѣ.

«Библіотека роскошныхъ изданій» Кантена обогатилась великолѣпнымъ изданіемъ «Neveu de Rameau». Текстъ Дидро свѣ-

Digitized by Google

ренъ съ рукописью, находящеюся въ петербургской публичной библіотекѣ. Въ книгѣ изложены прекрасныя примѣчанія Бамбера и портретъ племянника Рамо. Заключая свое письмо, упомяну о новомъ романѣ изъ парижской жизни «La Maison Latale» Тіодьера, который, быть можетъ, представитъ нѣкоторый интересъ для русской публики. Въ немъ до сорока наиболѣе характерныхъ типовъ, отъ іезуита до артиста, отъ палача до проститутки. Лучшимъ качествомъ этого тома въ 350 страницъ можетъ быть названо то, что онъ читается безъ скуки, несмотря на монотонное и слишкомъ рутинное заключеніе: и добро и зло одинаково приводятъ къ смерти, въ различныхъ ея видахъ. Другое хорошее качество заключается въ томъ, что изъ біографическихъ подробностей каждой героической или отвратительной личности вытекаетъ та практическая мораль, что если часто приходится страдать за добрыя дѣла, то безъ сомнѣнія дорого платятъ, въ концѣ-концовъ, и за содѣянное зло; наконецъ, что если человѣчество не Богъ знаетъ чего стоитъ, все же есть за что и служить ему. Плохо живется на свѣтѣ, но ничто не въ силахъ помѣшать чистосердечнымъ людямъ приносить себя въ жертву человѣчности.

Кто знаетъ, размышляетъ авторъ въ одномъ мѣстѣ своей книги, быть можетъ, обитатели нашей планеты, которой въ свою очередь придется когда-нибудь сдѣлаться жертвою стихійной катастрофы, поработаютъ для другихъ міровъ, и брошенныя ими сѣмена процвѣтутъ для цѣлой вселенной!

Людовикъ.

Парижъ, 1-го ноября 1883 г.

Digitized by Google

ВОПРОСЫ ОБЩИННАГО БЫТА.

Общинный бытъ сталъ въ недавнее время предметомъ изслѣдованій и изученія, по крайней мѣрѣ, въ той же мѣрѣ, какъ и другія стороны нашего аграрнаго строя. Результаты этого изученія, впрочемъ, далеко не такъ закончены и безспорны, какъ итоги изслѣдованіямъ чисто экономической стороны народнаго быта. Оно и понятно; для этихъ сторонъ мы имѣли готовую науку, которая дала намъ и полную программу изслѣдованія, и немедленно освѣщала и разъясняла каждый шагъ, каждое наблюденіе, каждый добытый изслѣдованіемъ результатъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи мы находимся относительно общины: западная наука ее долгое время не знала и знать не хотѣла и, приступая къ изслѣдованію, надлежало выработать и программу, и порядокъ, а какъ это сдѣлать, когда предметъ изслѣдованія мало извѣстенъ и трудно рѣшить, что важно и что ничтожно, что главное и что второстепенное, даже что можно увидѣть и чего нельзя встрѣтить? Приходилось двигаться въ потьмахъ и вначалѣ имѣть дѣло съ случайностями. Естественно, что поэтому и до сихъ поръ вопросы общиннаго быта не вполнѣ выяснены и многое еще требуетъ тщательнаго изученія.

Въ 1875—76 гг. вышли два тома капитальнаго труда профессора Посникова «Общинное Землевладѣніе». Авторъ задался главнымъ образомъ цѣлью сличить общинную форму владѣнія землею съ частною по тѣмъ сторонамъ сельско-хозяйственнаго дѣла, по которымъ противники общиннаго быта указывали на невыгодность и вредъ общины. Непрочность владѣнія обрабатываемымъ участкомъ, чрезполосица владѣнія и т. п. стали предметомъ изслѣдованія профессора Посникова, который блистательно доказалъ что всѣ эти невыгоды, якобы присущія общинному владѣнію, встрѣчаются, и при томъ зачастую, въ еще болѣе рѣзкой формѣ, и при частномъ владѣніи и всегда въ несравненно болѣе рѣзкой формѣ, въ случаѣ господства фермерской системы. Совершенно къ тѣмъ же заключеніямъ пришелъ и князь Васильчиковъ. Послѣ изданія трудовъ профессора Посникова и князя Васильчикова, только невѣжество или недобросовѣстность способны оспаривать общинное землевладѣніе на основаніи избитыхъ возраженій о преимуществахъ частнаго владѣнія для интересовъ сельскаго-хозяйства. Даже Леруа-Больё, не очень благосклонно

Digitized by Google

относящійся къ нашей общинѣ, призналъ, что многія существенныя возраженія противъ общины удачно устранены нашими изслѣдователями [1]. Но эти работы представили преимущественно отрицательную сторону дѣла; было доказано, что хваленыя преимущества частнаго владѣнія, даже въ лучшей ея формѣ, мелкой крестьянской собственности, ничто иное, какъ миражъ, существующій лишь въ воображеніи противниковъ общины. Съ другой стороны, изъ преимуществъ общиннаго быта всѣ видѣли только одно, правда, само по себѣ очень серьёзное, но какъ теперь уже ясно, не единственное, именно всѣ защитники общины указывали на нее только, какъ на гарантію противъ развитія пролетаріата. Всякій земледѣлецъ — членъ поземельной общины и, въ качествѣ такового, имѣетъ право на пай въ общественной землѣ. Этого пая онъ не потеряетъ ни вслѣдствіе несчастій, порочности или недуговъ его родителей, ни вслѣдствіе случайностей, которыя могутъ и его постигнуть въ жизни. Его родители могли потерять хозяйство и пойти въ батраки, но сынъ всегда можетъ вернуться къ землѣ и возстановить хозяйство; разныя несчастныя случайности могутъ разворить его собственное хозяйство, могутъ заставить его самого временно отказаться отъ земледѣлія, но, при добромъ желаніи, трудѣ и настойчивости, крестьянинъ можетъ снова возстановить свое немногосложное хозяйство и возвратиться къ земледѣлію. Словомъ, при всякихъ случайностяхъ, *крестьянинъ сохраняетъ право на землю* и этого права не лишится никогда, покуда онъ крестьянинъ. Въ этомъ всеобщемъ поголовномъ *правѣ на землю* и видѣли еще недавно главное существенное отличіе и преимущество общиннаго быта, основную особенность русскаго аграрнаго строя. Нельзя не признать всего значенія за этою юридическою стороною общиннаго строя, но было бы несправедливо видѣть въ ней существенную особенность этого строя, которая собою опредѣляла бы всѣ остальныя. Напротивъ, сама она есть только выводъ изъ духа общиннаго быта, выводъ, бросающійся въ глаза, во-первыхъ, потому, что только онъ и освященъ закономъ изъ порядковъ общиннаго строя и слѣдовательно наиболѣе извѣстенъ, и, во-вторыхъ, въ виду его значенія, какъ противудія возникновенію пролетаріата. Нѣкоторыя частныя изслѣдованія общины, какъ напримѣръ, Саратовской общины г. Трироговымъ, Сольвычегодской г. Щербиною, наблюденія г. Златовратскаго—въ очеркахъ «Деревенскіе Будни», матеріялы, собранные московскими земскими статистиками и многіе другіе пролили наконецъ довольно яркій свѣтъ на внутреннюю сущность общиннаго нашего быта и на тѣ новыя теченія, которыя обнаруживаются внутри этого особаго, такъ сказать, *внѣ-историческаго* міра русской мужицкой жизни.

Я назвалъ этотъ міръ «внѣ-историческимъ» и не нахожу дру-

[1] Revue des deux Mondes, 1879, 1 Mars, 92.

Digitized by Google

гого термина, который могъ бы лучше оттѣнить его особенность. Въ самомъ дѣлѣ, длинная человѣческая исторія есть собственно безконечное повѣствованіе о насиліяхъ, съ теченіемъ времени обращавшихся въ право, освященное давностью. Идея справедливости конечно никогда совершенно не покидала исторію, всегда стремилась ограничить насиліе и никогда не дозволяла насилію переступить извѣстные предѣлы, которые съ теченіемъ времени все съуживались и съуживались, пока наконецъ въ настоящее время идеи справедливости не успѣли совершенно вытѣснить, по крайней мѣрѣ, грубую физическую силу изъ сферы индивидуальныхъ отношеній. Насиліе, въ свое время нѣсколько обузданное справедливостью, освященное давностью и въ настоящее время охраняемое отъ новаго насилія восторжествовавшею идеею законности — такова сущность современнаго юридическаго быта, таково происхожденіе всей системы *правъ*, регулирующихъ жизнь и человѣческія отношенія въ самыхъ передовыхъ странахъ земного шара. Исторія создала эту систему пріобрѣтенныхъ правъ; порожденныя первоначально насиліемъ и освященныя лишь давностью, эти права не всегда конечно согласуются съ идеею справедливости, не всегда воздаютъ каждому по достоинству. Быть можетъ, самою выдающеюся чертою нашего общиннаго быта является отрицаніе внутри общины, въ отношеніяхъ общинниковъ между собою, этихъ результатовъ исторіи. Община игнорируетъ исторію; она не знаетъ и не справляется съ внѣшнимъ законнымъ правомъ, и руководствуется исключительно идеею высшей справедливости. Средніе вѣка говорили la force prime le droit, т. е., новое насиліе уничтожаетъ прежнее, за давностью обратившееся въ право; новое время уже не признаетъ этой формулы, но держится другой, именно le droit prime la justice и, если къ чему либо стремится, такъ только лишь къ тому, чтобы развитіе страны направить, не нарушая правъ, къ постепенному возможно большему согласованію права съ справедливостью. Но община, внутри себя, никогда не признавала и доселѣ не признаетъ ни одного изъ выработанныхъ исторіей формулъ; она не признаетъ ни средневѣковую формулу la force prime le droit, ни новую le droit prime la justice; напротивъ, ея практика прочно установила, что la justice prime le droit и что нѣтъ права внѣ справедливости. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ, обнаруженныхъ разными изслѣдованіями.

Извѣстно, что наша податная система основана на обложеніи ревизской души, т. е. на взиманіи подати съ каждаго мужчины, записаннаго въ ревизію. Сообразно съ этой системою подлежатъ обложенію умершіе послѣ ревизіи и неподлежатъ обложенію родившіеся послѣ этого; женщины тоже исключаются изъ обложенія; имущественная состоятельность не принимается вовсе въ разсчетъ и бѣдные, даже нищіе облагаются наравнѣ съ богатыми. Таково внѣшнее право: бѣдный батракъ, не имѣю-

Digitized by Google

ній никакого хозяйства, но потерявшій со дня ревизіи отца и родныхъ братьевъ, быть можетъ, обязанный изъ наемной платы кормить старуху мать, можетъ оказаться обложеннымъ четырьмя или тремя окладами, а богатый домохозяинъ съ нѣсколькими дѣвками работницами и подростками-сыновьями можетъ нести всего одинъ. Это несправедливо, но это по праву, a le droit prime la justice—общепризнанное правило новаго общества. И дѣйствительно, тамъ, гдѣ разложеніе общины уже вполнѣ закончилось, напримѣръ, въ обществахъ малороссійскихъ казаковъ Полтавской и Черниговской губерніи, тамъ право торжествуетъ и порою одинокій бѣднякъ несетъ три оклада, а богатый и семейный хозяинъ—одинъ. Но иначе застаемъ мы положеніе дѣла въ общинахъ, хотя формальное *право* вездѣ одно и тоже. *Міръ* игнорируетъ это право и разверстываетъ налоги по тягламъ, по степени рабочей состоятельности плательщика, причемъ самымъ тщательнымъ образомъ взвѣшивается все; женщины-работницы, прибылые послѣ ревизіи полурабочіе, скотъ, хозяйственная состоятельность, даже семейное положеніе—все вводится въ разсчетъ и несправедливѣйшая въ мірѣ подушная система разверстывается съ идеальною справедливостью. Несправедливость принадлежитъ внѣшнему праву, справедливость—общинѣ, міру, громадѣ.

Другой примѣръ. Какъ совершается дѣлежъ общинной земли? Внѣшнее право и тутъ приняло за единицу земельнаго надѣленія ревизскую душу, слѣдовательно, и здѣсь, держась буквы этого права, дѣлежъ долженъ былъ бы производиться по ревизскимъ душамъ, но община-міръ и тутъ игнорируетъ право и руководствуется справедливостью, принимая разверстку земли между членами своими, сообразуясь съ ихъ потребностями и средствами. Наши общины весьма неодинаково надѣлены землею и весьма неодинаково обложены платежами за землю (выкупными и оброчными). Поэтому, хотя вообще маломѣрность надѣла и чрезмѣрность обложенія и представляется явленіемъ господствующимъ, но встрѣчаются такъ же общины, достаточно, даже обильно надѣленныя, и такъ же необремененныя чрезмѣрными платежами. Эта несправедливость въ распредѣленіи тяготъ и преимуществъ между общинами не зависитъ отъ дѣятельности общинъ и представляетъ то внѣшнее историческое право, которому остается только подчиняться. Но какъ община распредѣляетъ внутри себя тяготы и преимущества—это дѣло общины, ея внутренней жизни. Итакъ: земельныя общины могутъ быть обильно надѣленныя и недостаточно надѣленныя, чрезмѣрно обложенныя и не слишкомъ обремененныя платежами; во всѣхъ этихъ случаяхъ земля пріобрѣтаетъ не одинаковое значеніе для крестьянина, и замѣчательно, что міръ принимаетъ во вниманіе малѣйшіе нюансы этого значенія и соотвѣтственно измѣняетъ основаніе земельной разверстки. Когда земли изобильно, міръ разверстываетъ ее *по тягламъ* т. е. соотвѣтственно рабочимъ силамъ хозяйствъ;

Digitized by Google

вся земля общественная разбивается на равные паи и затѣмъ опредѣляется, сколько паевъ падаетъ на каждое хозяйство. Какъ выше сказано, при этомъ принимаются во вниманіе всѣ элементы хозяйства, работники, работницы, рабочій скотъ, семейность, и. т. д. Такимъ образомъ, рабочая единица, способность воздѣлать больше или меньше земли опредѣляетъ разверстку земли въ томъ случаѣ, когда земли изобильно и недостатка въ ней не чувствуется. Какъ же поступаетъ община, когда чувствуется этотъ недостатокъ? Тутъ могутъ быть два случая: земля обложена платежами свыше ея потенціальной доходности и земля приноситъ дохода больше, нежели лежитъ на ней платежей. Въ первомъ случаѣ земля надѣла—бремя, во-второмъ—поддержка хозяйству; и вотъ, сообразно этому, мы видимъ и общины принимаютъ два различныя начала для разверстки въ обоихъ случаяхъ. Въ первомъ случаѣ, разверстывается земля тоже по тяглямъ; чѣмъ сильнѣе хозяйство, тѣмъ больше земли на него наваливается, а съ землею тѣмъ больше и чрезмѣрныхъ платежей, которые приходится покрывать постороннею работою или арендою земли. Во второмъ случаѣ, напротивъ, надѣлъ служитъ опорою хозяйства и міръ находитъ несправедливымъ давать эти опоры больше тому, кто и безъ того сильнѣе; разверстка производится въ такомъ случаѣ *по душамъ*, конечно, не ревизскимъ, а наличнымъ, т. е. по числу ртовъ. Число рукъ принимается во вниманіе при разверсткѣ земли, обремененной платежами; число ртовъ руководитъ разверсткою земли, когда она приноситъ чистый доходъ. Неси тяготы сообразно своимъ средствамъ, получай пропитаніе сообразно своимъ потребностямъ—такова та формула высшей справедливости, которая практикуется нашею общиною и посредствомъ которой она стремится исправить историческое право. Нетолько система разверстки, но и время передѣловъ, о чемъ такъ много исписано бумаги, оказывается въ прямой зависимости отъ того же стремленія общины ввести въ свои внутреннія отношенія, по возможности, больше справедливости; передѣлы бываютъ тѣмъ чаще, чѣмъ обремененнѣе надѣлъ платежами. Относительная рабочая сила хозяйства постоянно мѣняется; въ одной семьѣ работникъ умеръ, въ другой женился и привелъ работницу; тамъ пала скотина, здѣсь прикуплена или выросла. Въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣлъ обремененъ сильно платежами, тамъ естественно желаніе возможно частыхъ передѣловъ съ цѣлью возможно справедливаго разверстанія тяготы между общинниками соотвѣтственно ихъ состоятельности. Тамъ же, гдѣ земля выноситъ платежи, тамъ передѣлы рѣже.

Приведенный мною порядокъ верстанія платежами и землею показываетъ, съ какою чуткостью относится община ко всякому требованію справедливости, какъ тщательно распредѣляются общиною тягости соотвѣтственно силамъ и средствамъ своихъ членовъ и какъ внимательно относится она къ потребностямъ своихъ членовъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она въ состоя-

Digitized by Google

ніи распредѣлять не однѣ тягости, а и доходы. Къ сожалѣнію, это дѣйствительно до исключительности рѣдкіе случаи; за то литература имѣетъ не мало примѣровъ, какъ община верстается несчастіями. Такъ напримѣръ, приводятъ случаи, когда одна община далекаго сѣвера, долгое время поддерживавшаяся заработками на сосѣднемъ заводѣ, вдругъ потеряла половину этихъ заработковъ вслѣдствіе сокращенія дѣятельности завода. Какъ же поступили крестьяне? Несмотря на то, что крушеніе скудныхъ средствъ крестьянскихъ было ужасно, лозунгъ sauve qui peut не былъ произнесенъ, общее бѣдствіе было встрѣчено и общимъ равномѣрнымъ распредѣленіемъ его между членами общины. Внѣ общины часть крестьянъ получила бы заработокъ, а другая окончательно раззорилась бы, но никто изъ членовъ не рѣшился забѣжать на заводъ и взять работу. Работа была взята міромъ и міръ разверсталъ ее между членами; заработки сократились, но у всѣхъ равномѣрно. «Община тонетъ, замѣчаетъ г. Ядринцевъ, у котораго я заимствую этотъ примѣръ:—но тонетъ вся». Это великое чувство справедливости и солидарности, къ сожалѣнію, почти исключительно и можетъ проявиться въ разверстаніи несчастій, тяготъ, бѣдствій. Надолго ли въ состояніи оно устоять въ борьбѣ съ этими тяготами?

Авторъ статьи «Коренная нужда на Сѣверѣ», приводитъ съ своей стороны примѣръ того, какъ шенкурскіе крестьяне гадали верстаться ужъ не несчастіями и тягостями, но выгодами и преимуществами. Ихъ гаданіямъ не суждено было сбыться по причинамъ, отъ нихъ независящимъ, но интересно уже и то, какъ они рѣшили было воспользоваться ожидаемыми выгодами. Дѣло идетъ объ удѣльныхъ крестьянахъ, которые должны были по закону получить значительныя прирѣзки къ своимъ прежнимъ землямъ, а на дѣлѣ не получили даже всей прежней земли. «Крестьяне знали одно, сообщаетъ нашъ авторъ, что по всей Россіи въ надѣлъ бывшимъ крѣпостнымъ и государственнымъ крестьянамъ идутъ всѣ земли, которыми они владѣли до освобожденія и что имъ сверхъ того еще велѣно нарѣзать никакъ не менѣе семи десятинъ на душу, а потому они были вполнѣ увѣрены, что получатъ въ надѣлъ нетолько всѣ земли и лѣса, которыми владѣли, но еще болѣе того, и что платежи ихъ уменьшатся. Они приготовились устроить свое хозяйство на широкую ногу. Такъ, напримѣръ, въ огромной Великоколаевской волости болѣе ста деревень согласились имѣть землю

ую. Въ однѣхъ частяхъ этой волости преобладали луга, въ

гихъ—лѣса; они порѣшили между собою, что луговыя селе-

допустятъ лѣсныя къ своимъ лугамъ, а лѣсныя въ замѣнъ

го допустятъ луговыя къ своимъ лѣсамъ и, такимъ образомъ, каждый крестьянинъ будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи въ достаточномъ количествѣ всѣ угодья». Этимъ предположеніямъ не суждено было сбыться, крестьяне не получили слѣдовавшей имъ по закону земли и пришлось имъ верстаться не выгодами, а тягостями, не преимуществами, а недостатками. Тѣмъ не ме-

Digitized by Google

нѣе состоявшіеся приговоры сотни селеній—фактъ, обрисовывающій то обстоятельство, что крестьянскія общины верстаются по справедливости нетолько внутри себя, но стремятся перенести тѣ же начала и на отношенія между общинами.

Я полагаю, что приведенныхъ мною примѣровъ того, какъ общины разверстываютъ между членами платежи, землю, самые заработки и какъ склонны онѣ между собою верстаться угодьями и пр., вполнѣ достаточно для подтвержденія и выясненія мысли, высказанной въ началѣ этой статьи, статьи, что основною особенностью общиннаго быта является игнорированіе внутри общины историческаго права и господство права естественнаго, справедливости. La justice prime le droit—девизъ нашей общины. Эта особенность, при полномъ ея выраженіи, ведетъ къ наисправедливѣйшему распредѣленію между членами общинъ несчастій, бѣдствій, тягостей, выгодъ, преимуществъ и пр., въ томъ числѣ и земли. Справедливое распредѣленіе земли составляетъ только одну изъ сторонъ этого быта, который стремится также справедливо распредѣлить платежи, убытки, заработки, промыслы. Эта-то существенная особенность общиннаго быта, покуда она осуществляется и господствуетъ, и представляется дѣйствительною, вѣрною гарантіей противъ развитія пролетаріата и пауперизма, противъ возникновенія западно-европейскихъ соціальныхъ нестроеній, такъ глубоко потрясающихъ пышную цивилизацію западнаго міра и такъ болѣзненно отзывающихся даже въ нашихъ предѣлахъ. Само право на землю безъ этой общей общинной солидарности, безъ этого идеально справедливаго верстанія тяготами и выгодами—легко можетъ остаться мертвою буквою и пролетаріатъ можетъ плодиться хотя бы посредствомъ выкупа общиною этого права у своихъ членовъ, отбившихся отъ земледѣлія. Теперь же община этого права у своего члена не выкупаетъ, а просто отбираетъ земли у бросившихъ земледѣліе членовъ и разверстываетъ землю между хозяйствами, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ за первымъ право въ любую минуту взять надѣлъ со всѣми его тяготами. Эти тяготы въ настоящее время и составляютъ главнаго и весьма опаснаго врага общиннаго быта, главнаго и единственнаго распространителя у насъ пролетаріата. Обремененные непосильными платежами, крестьяне бросаютъ земли, выходятъ изъ родной общины и зачисляются въ города безземельными мѣщанами, плодя пролетаріевъ. Но этотъ внѣшній процессъ, всѣми замѣчаемый и являющійся прямымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ экономическаго положенія крестьянъ и аграрныхъ нестроеній, этотъ процессъ медленнаго роста пролетаріата составляетъ не единственное и не самое важное слѣдствіе этихъ нестроеній; медленное подтачиваніе общины, медленное разложеніе общиннаго склада и общинно-нравственнаго міросозерцанія представляется несомнѣнно гораздо болѣе важнымъ и можетъ повлечь рано или поздно полное паденіе общиннаго быта, а съ нимъ и всѣхъ на-

Digitized by Google

стей западно-европейской жизни. Этотъ процессъ разложенія общины подъ вліяніемъ чрезмѣрныхъ тягостей, ее обременяющихъ, сказывается двумя теченіями, тѣсно связанными и взаимно зависимыми. Первое, наиболѣе распространенное и до сихъ поръ главное теченіе выражается въ развитіи кулачества и міроѣдства. Община въ бо́льшей части случаевъ перестала быть гарантіей отъ бѣдствія и несчастія, которое можетъ постигнуть индивидуальное хозяйство; напротивъ, почти всюду, обремененная выше мѣры, она заботится только о равномъ и справедливомъ распредѣленіи бѣдствія и несчастія, о томъ, чтобы на долю сильнаго пала сообразно его силѣ, и бо́льшая доля этого несчастія и чтобы съ плечъ слабаго, въ соотвѣтствіи съ его слабостью, была снята часть тяготы. Это справедливо, но это невыгодно сильному. Когда община версталась и тяготами, и выгодами, и несчастіями, и преимуществами, и зорко глядѣла за справедливымъ распредѣленіемъ всего этого между членами, сильные хозяева охотно брали лишнюю тяготу, въ надеждѣ обезпечить себя въ общинѣ отъ несчастій и крушеній, но теперь, когда община разверстываетъ только тяготы, бѣдствія, да убытки? Очевидно, теперь сильному хозяину стала совсѣмъ невыгодна община; ему и безъ того не легко справиться съ тяготами, обременяющими его *по праву*, а здѣсь приходится еще принимать добавочныя *ради справедливости* и принимать не въ видѣ исключенія, не иногда, а всегда, постоянно, *и больше ничего*. При этихъ условіяхъ не очень-то легко выдерживать общинную солидарность, которая является солидарностью однихъ несчастій и никогда выгодъ. Такимъ образомъ, экономическія условія, въ которыя поставлена русская крестьянская община, фатально толкаютъ болѣе сильныхъ хозяевъ выдѣляться изъ общинной солидарности и отрицать вѣками выработанную въ общинѣ формулу справедливости и нравственности. Это не значитъ, чтобы сильный хозяинъ выходилъ изъ общины, но только, что онъ отрекается отъ духа солидарности и справедливости, которыми долженъ проникнуться истинный членъ міра. Такой отрекшійся отъ традиціи членъ уже не считаетъ недозволеннымъ отбить у сочлена заработокъ или землю, или же, снявъ землю за безцѣнокъ, передать ее сочлену въ тридорога или, воспользовавшись затрудненіями сочлена, закабалить его неоплатными процентами за ничтожную ссуду и пр. Словомъ, идея солидарности и общинной справедливости откинута и хозяинъ быстро дѣлается изъ единицы мірской силы въ единицу мірского разоренія, является кулакъ, міроѣдъ. Кулаки и міроѣды существовали всегда, но то были исключительно безнравственныя личности и во времена силы міра они могли орудовать только надъ плохими членами общины, лѣнивыми, нерадивыми, пьяными. Теперь же нетолько всякій хорошій мужикъ не можетъ избѣгнуть сѣтей кулака, но зачастую весь міръ запутывается въ паутинѣ такого міроѣда. Такимъ образомъ, кула-

Digitized by Google

чество и его распространеніе, его громадное значеніе и господство есть всецѣло продуктъ экономическаго положенія общины и признакъ ея разложенія. Сильнымъ, болѣе состоятельнымъ хозяевамъ невыгодна становится общинная солидарность и они спѣшатъ отречься отъ нея и основать свое новое благосостояніе на началахъ борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Кулачество—явленіе слишкомъ общеизвѣстное, чтобы нужно было его объяснять и подтверждать примѣрами.

Другое теченіе, въ которомъ выражается разложеніе общины подъ гнетомъ экономическихъ тяготъ, является уже не въ видѣ выдѣленія изъ общины отдѣльныхъ ея членовъ, отрекающихся отъ общиннаго духа и традицій, но въ видѣ шатанія самихъ этихъ традицій. Фактовъ въ этомъ направленіи въ изслѣдованіяхъ общины накоплено очень мало; будемъ надѣяться, что это потому, что ихъ еще мало въ дѣйствительности, но важно, что они все-таки есть. Приведу два примѣра, которые оба заимствую изъ дневника наблюденій г. Златовратскаго. Двѣ общины владѣютъ общимъ сѣнокосомъ; у одной это главное сѣнокосное мѣсто и лежитъ оно подъ самымъ селомъ, т. е. весьма важно какъ выпасъ, послѣ снятія сѣна; для другой же общины, отдаленной отъ этого луга, онъ имѣетъ второстепенное значеніе, какъ потому, что ея доля невелика, такъ и по отдаленности мѣста, имѣнію другихъ луговъ и проч. Въ виду такого положенія дѣлъ, естественно. что первая ближняя община старается 1) убрать этотъ лугъ во-время, до Петрова дня, и 2) свезти оттуда сѣно поскорѣе, чтобы лугъ обратить подъ пастбище. Что же дѣлаетъ дальняя община? Она усматриваетъ въ своемъ совладѣніи орудіе для прижимки; она убираетъ свою долю послѣ жатвы, т. е. лишаетъ ближнюю общину пастбища, да вдобавокъ заставляетъ ее зорко наблюдать, чтобы голодная скотина не вскочила на зеленѣющій лугъ, иначе пеня за потраву. Дѣлается это съ цѣлью вынудить ближнюю общину снять въ аренду весь лугъ и, конечно, по цѣнѣ выше нормальной. Такимъ образомъ, этотъ примѣръ показываетъ, что принципъ междуобщинной солидарности и справедливости пошатнулся; мы видѣли выше, какъ сто деревень Великониколаевской волости Шенкурскаго уѣзда руководствовавались совершенно другими соображеніями и ни одна деревня не пожелала воспользоваться богатствомъ—лугами или лѣсомъ—для эксплуатаціи сосѣдей, и порѣшили верстаться по справедливости. Конечно, обобщать фактъ, приводимый г. Златовратскимъ, было бы слишкомъ поспѣшно, но достаточно ясно, что онъ возникъ въ недавнее время и подъ прямымъ вліяніемъ чрезмѣрныхъ тягостей. Дальняя община рѣшилась вымогать у ближней лишній цѣлковый, чтобы заплатать свои прорѣхи, нужда ее гнала на эту несправедливость. Старики можетъ быть и покачивали головами, да слушать ихъ традиціонныхъ наставленій некогда, если становой приступаетъ къ описи имущества.

Другой фактъ, приводимый г. Златовратскимъ, тоже очень

Digitized by Google

ные запольные участки, пустошки, словомъ, лоскутья земли, для разверстки неудобные; такіе участки сдаются за деньги. Г. Златовратскій описываетъ сходки міра, на которыхъ сдавались эти участки. До того года, который наблюдалъ г. Златовратскій, эти клочки раздавались міромъ по очень дешевой цѣнѣ малосильнымъ хозяйствамъ, преимущественно вдовамъ, солдаткамъ, словомъ, посредствомъ этихъ участковъ община старалась дать хотя какое-нибудь пособіе своимъ малосильнымъ членамъ. Но уже существовала партія, не желавшая такого пособія; она восторжествовала на сходкѣ, описываемой г. Златовратскимъ; міръ, послѣ долгой борьбы съ защитниками традицій, порѣшилъ сдавать участки съ торговъ. Цѣна, конечно, повысилась, мірская касса выиграла, но традиціонное представленіе о мірской справедливости—проиграло.

Такими-то путями экономическая нужда дѣйствуетъ на общину и подготовляетъ ея разложеніе. Съ одной стороны, совершенно немощные и разоренные покидаютъ общину, отказываются отъ земли съ ея тяготами, и постепенно образуютъ кадры нарождающагося русскаго пролетаріата, съ другой стороны, наиболѣе сильные и состоятельные силою вещей приходятъ къ убѣжденію въ разворительности для нихъ старыхъ общинныхъ традицій солидарности и справедливости, отрекаются отъ общиннаго духа и въ индивидуализмѣ и эксплуатаціи общины видятъ свое спасеніе. Съ двухъ сторонъ такимъ образомъ распатывается общинный бытъ и его традиціи, изводится его душа; непосредственное вліяніе мірской нужды и ея же вліяніе черезъ посредство кулачества съ двухъ сторонъ подрываютъ основы общиннаго быта и производятъ тѣ первыя, покуда еще робкія и нерѣшительныя шатанія мірской нравственности, на которыя выше указано. Изъ этого очерка явствуетъ, что главною причиною, подтачивающею у насъ общину, является слабое экономическое положеніе общинъ, поставленныхъ въ невозможность успѣшнаго хозяйства при маломѣрности надѣла и чрезмѣрности платежей. Ясно, поэтому, что съ другой стороны главнымъ средствомъ устранить, остановить или ослабить эти антиобщинные процессы должно само собою представляться поднятіе уровня экономическаго благосостоянія крестьянъ.

Конечно, вторженіе городскихъ воззрѣній, воспитанныхъ на почвѣ западно-европейскаго индивидуализма, знающаго только *право* и добросовѣстно смѣшивающаго его съ *справедливостью*, это вліяніе города и западной Европы — тоже является факторомъ, содѣйствующимъ разложенію общины, но это содѣйствіе, повидимому, дѣйствительно пріобрѣтаетъ значеніе лишь подъ прямымъ гнетомъ условій, независимо и самостоятельно толкающихъ общину къ разложенію. Хотя нельзя сказать съ увѣренностью, что *это* вліяніе города не имѣло бы мѣста безъ другихъ, собственно деревенскихъ условій, тѣмъ не менѣе позволительно считать,

Digitized by Google

что общинный строй въ самомъ себѣ носитъ такую силу и прочность, что не русскому городу одолѣть русскую деревню, лишь бы эту деревню не одолѣли раньше города, хотя и для города, другія невзгоды. Живучесть и внутренная сила общиннаго строя, даже при тѣхъ по истинѣ невозможныхъ условіяхъ, подъ которыми онъ вынужденъ жить въ настоящее время, достаточно доказывается тѣми фактами, которые были сгруппированы выше. Ряды другихъ фактовъ доказываютъ тоже, еще съ большею убѣдительностью. Съ одной стороны, легкое распространеніе общиннаго быта въ средѣ племенъ, его уже позабывшихъ и пришедшихъ въ близкое соприкосновеніе съ русскимъ народомъ, явленіе, на которомъ ниже мы остановимся дольше, а съ другой стороны случаи обращенія частной собственности въ общинную — могутъ служить доводомъ того предпочтенія, которое всякій земледѣлецъ окажетъ общинному строю, лишь бы община не была задавлена невозможными тягостями. Г. Щербина съ своемъ изслѣдованіи о Сольвычегодской общинѣ приводитъ факты, когда мелкіе землевладѣльцы отдавали свою землю сосѣдней общинѣ подъ условіемъ вступленія въ общину полноправными членами. Съ другой стороны, въ литературѣ извѣстны случаи, когда безземельные земледѣльцы, располагавшіе средствами для пріобрѣтенія земли, предпочитали уплачивать крестьянской общинѣ значительныя вступныя суммы, чтобы войти въ поземельную общину. Выгоды и преимущества общиннаго строя при нормальныхъ условіяхъ и приверженность этой формѣ общежитія массы русскаго народа представляютъ вмѣстѣ взятыя достаточный противувѣсъ растлѣвающему вліянію городской культуры, лишь бы наконецъ наступили для общины эти нормальныя условія. Итакъ, первый вопросъ общиннаго быта, *вопросъ о противодѣйствіи вліяніямъ, разлагающимъ общину*, повидимому, сводится къ улучшенію условій экономическаго быта крестьянъ и поэтому вполнѣ совпадаетъ съ программою мѣръ, литературою намѣченныхъ.

Но если программа *охраненія общины* отъ разлагающихъ вліяній есть въ сущности программа поднятія благосостоянія крестьянъ и ничего болѣе, то не въ этомъ ли тоже заключается и программа дальнѣйшаго развитія и прогрессированія общиннаго строя? Что не развивается въ то время, какъ вокругъ все развивается, что не растетъ, когда вокругъ все растетъ, то отстаетъ и падаетъ. Поэтому, и община, отстоявъ свое право на существованіе, развитіе и ростъ, должно этимъ правомъ воспользоваться вполнѣ, подъ страхомъ быть вытѣсненною другими явленіями, должна нетолько существовать, но и развиваться и расти. Въ этомъ задача. Нашъ общинный строй можетъ расти и развиваться двояко: во-первыхъ, распространяться количественно, прививаясь къ мѣстностямъ и населеніямъ, его не знающимъ въ настоящее время, и во-вторыхъ, внутренно развиваясь, качественно улучшаясь, распространяясь на новыя сферы народной

Digitized by Google

жизни. Разсмотримъ въ общихъ чертахъ оба эти теченія, конечно, оставаясь постоянно въ предѣлахъ задачъ и мѣръ, вѣроятныхъ и возможныхъ по условіямъ мѣста и времени. Эти условія и эти возможности мы постоянно имѣемъ въ виду и съ этой же точки зрѣнія читатель долженъ смотрѣть на этотъ очеркъ.

Мы знаемъ, что въ Россіи вся западная, заднѣпровская половина не имѣетъ поземельной общины и знаетъ только форму подворнаго крестьянскаго владѣнія, да и на В. отъ Днѣпра милліоны малороссіянъ поземельной общины не имѣютъ. Однодворцы Великороссіи, значительная часть нѣмцевъ-колонистовъ, башкиры и др. болѣе или менѣе многочисленныя группы тоже владѣютъ землею на правахъ частной, а не общинной собственности. Такимъ образомъ, десятки милліоновъ земледѣльческаго населенія Россіи уже потеряли общинное владѣніе, частью же даже такъ давно, что и позабыли о немъ. Нѣмцы-колонисты, быть можетъ, туземцы Балтійскаго поморья, относятся къ послѣдней категоріи; поляки, часть бѣлоруссовъ, малороссовъ и молдаванъ потеряли общинное владѣніе въ болѣе или менѣе недавнее время. Тѣмъ не менѣе, между всѣми этими племенами проявляется стремленіе возвратиться или усвоить себѣ общинную форму владѣнія. Такъ малороссіяне Новороссіи, Кубанской области, губерній Воронежской и Курской, Семирѣчья, напримѣръ, очень быстро усвоили общинное владѣніе, введенное у нихъ законодательствомъ и въ настоящее время практикуютъ его съ такимъ же успѣхомъ, какъ и великороссіяне, никогда его не терявшіе. Бѣлоруссы Могилевской и части Витебской губ., которымъ законъ возстановилъ общину, разрушенную польскими панами, тоже приняли ее безъ малѣйшихъ затрудненій и быстро усвоили ея практику. Не отстали отъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ также молдаване Херсонской губерніи, получившіе землю на общинномъ правѣ. Это показываетъ, какъ легко возрождается община въ населеніи славянскомъ или полуславянскомъ и какъ живы еще традиціи общиннаго быта. Они такъ живы, что даже тамъ, гдѣ законъ призналъ другой порядокъ аграрныхъ отношеній и сталъ такимъ образомъ поперекъ дороги возрожденію общины, народъ славянскій пытается возвратиться къ своей излюбленной формѣ владѣнія, воплощающей въ себѣ его исконные идеалы справедливости. Особенно настойчиво стремленіе малорусскаго племени, лучше польскаго сохранившаго свою славянскую физіономію. Община и въ Польшѣ, и въ Малороссіи разрушена польскимъ панствомъ, всецѣло принявшимъ германскую культуру, но Малороссія всегда боролась съ панствомъ, и потому сохранила традиціи славянской общинной жизни. Въ Полтавской, Черниговской, Волынской, Бессарабской губерніи сразу сказывается стремленіе общинъ къ нереходу отъ подворнаго владѣнія къ общинному [1]. Въ высшей степени достопримѣчатель-

[1] Случаи перехода отъ подворнаго владѣнія къ общинному въ губ. Волынской и Бессарабской приведены у кн. Васильчикова; въ губ. Черниговской—у

Digitized by Google

но, что эти переходы, кромѣ Бессарабіи, нигдѣ не могутъ быть объяснены примѣромъ. Въ Волынской губерніи, напримѣръ, надо скакать сотни и даже тысячи верстъ до общины, а между тѣмъ, волынцы знаютъ эту форму и добровольно принимаютъ ее! Все это показываетъ, какъ недалеко ушла еще наша Украина отъ общиннаго быта и какъ легко ему вполнѣ возродиться при благопріятныхъ условіяхъ. Къ сожалѣнію, малорусская деревенская община очень мало обслѣдована, но и того, что мы знаемъ объ ней, достаточно, чтобы понять, что духъ общины еще, повидимому, не отлетѣлъ отъ малорусской деревни и для малорусской громады такъ же, какъ и для великорусскаго міра la justice prime le droit; да и самое пониманіе справедливости у обоихъ поколѣній русскаго народа одинаковое. Въ этомъ сущность вопроса: малорусская община существуетъ, хотя земля и не находится въ общинномъ владѣніи. Паны могли разрушить поземельную связь деревенскаго люда, но не могли уничтожить связь духовную, идеаловъ справедливости и солидарности. Теперь надъ этимъ трудится развивающійся капитализмъ, но то случайное обстоятельство, что главнымъ эксплуататоромъ громады является существо постороннее — еврей нѣсколько лишаетъ капитализмъ того пагубнаго вліянія, которое имѣетъ онъ въ Великой Руси, гдѣ кулакъ выходитъ изъ среды той же общины. Какъ, однако, повидимому, ни крѣпокъ духъ деревенской малорусской общины, но разрушеніе поземельной связи, этого главнаго орудія въ рукахъ общины для справедливаго распредѣленія тяготы и преимущества, должно постепенно выѣтривать и старыя общинныя традиціи. Въ самой Малороссіи можно найти тому достаточно примѣровъ. Поэтому надо спѣшить съ мѣрами для возрожденія поземельной общины въ Малороссіи. Посмотримъ теперь обстоятельнѣе на поземельныя отношенія въ подворной Малороссіи, т. е. въ Украинѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и постараемся опредѣлить элементы, содѣйствующіе и противудѣйствующіе возрожденію общины.

Останавливаясь на особенностяхъ аграрнаго строя Малороссіи, мы прежде всего должны раздѣлить ее на двѣ части. Въ лѣвобережной Украинѣ условія крестьянскаго землевладѣнія нѣсколько иныя, нежели въ правобережной. Крестьяне лѣвобережной Украины, хотя и получили надѣлы неравномѣрные (тяглые и пѣшіе) и на правѣ подворнаго владѣнія, но получили надѣлы всѣ или почти всѣ, такъ какъ здѣсь была примѣнена система душевого надѣленія. Благодаря этому, въ лѣвобережной Украинѣ число безземельныхъ крестьянъ не больше, чѣмъ въ Великороссіи. Совсѣмъ другое видимъ мы въ Украинѣ правобережной. Здѣсь, во-первыхъ, крестьяне получили надѣлъ не на душу, а удержали то, что было въ ихъ дѣйствительномъ пользованіи до

земскихъ статистиковъ этой губерніи; въ Полтавской—сообщалось, помнится, въ газетахъ въ 1878—79 года.

Digitized by Google

реформы. Въ основу надѣленія землею былъ положенъ другой принципъ ихъ. Отсюда значительный % крестьянъ, владѣющихъ одною лишь усадьбою и совершенно лишенныхъ полевого надѣла, т. е. въ сущности безземельныхъ. Все это дѣлаетъ % безземельныхъ земледѣльцевъ въ правобережной Украинѣ весьма значительнымъ, но за то получившіе полевые надѣлы обезпечены лучше, земли больше, платежы меньше, нежели въ лѣвобережной Украинѣ. Вдобавокъ, существованіе сервитутовъ тоже кладетъ существенное различіе между двумя сторонами Днѣпра. Эти различія имѣютъ довольно существенное значеніе и для вопроса, насъ занимающаго въ настоящей статьѣ. Поэтому, разсмотримъ обѣ половины Малороссіи отдѣльно.

Подворное пользованіе землею на правѣ личной, а не общинной собственности составляетъ основное и самое главное отличіе всей Украины и лѣвобережной въ томъ числѣ. Но было бы ошибочно смѣшивать подворное владѣніе Малой Руси съ частною поземельною собственностью Западной Европы. Въ Малороссіи мы встрѣчаемъ двѣ формы подворнаго владѣнія, такъ называемое *отрубное* владѣніе и *общемѣстное*. Первое вполнѣ соотвѣтствуетъ частной поземельной собственности; на этомъ *отрубномъ правѣ* владѣютъ землею крупные собственники, а такъ же крестьяне и казаки, купившіе хотя бы и мелкіе участки, у землевладѣльцевъ. Исконная же казачья земля, а равно крестьянскіе надѣлы владѣются на *правѣ общемѣстномъ*, практически занимающемъ середину между частнымъ и общественнымъ. По закону надѣлы составляютъ такую же частную собственность, какъ и покупные участки, но покамѣсть внѣшнее историческое право, выразившееся въ законодательствѣ, и народная практика расходятся, и общемѣстное владѣніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма близко общинному праву, частью признавая его силу и вполнѣ извращая понятіе о частной собственности. Дѣло въ томъ, что крестьяне получили свои надѣлы не отдѣльно каждый въ опредѣленныхъ межахъ, но цѣлыми обществами, которыя должны были сами раздѣлить землю между домохозяевами. Какъ же распорядилась въ этомъ случаѣ громада украинской деревни? Крестьяне, получая надѣлы, раздѣлили ихъ не на отдѣльные округленные участки такъ, чтобы каждый хозяинъ могъ на своемъ надѣлѣ вести самостоятельно свое хозяйство, а разбивъ всю полевую землю цѣлой деревни на четыре (или три) смѣны, соотвѣтственно принятой системѣ полеводства, отвели каждому хозяину соотвѣтственную долю въ каждой смѣнѣ. Такимъ образомъ, каждый хозяинъ имѣетъ по меньшей мѣрѣ пять отдѣльныхъ участковъ (усадебный и четыре полевыхъ, если нѣтъ лѣса). Эти участки эксплуатируются ихъ владѣльцемъ обязательно, не иначе, какъ того желаетъ и принимаетъ вся община. Вмѣстѣ со всѣми остальными общественниками крестьянинъ засѣваетъ одну смѣну озимью, другую—яриною, третью—косить, четвертую запускаетъ подъ толоку. Дѣло въ томъ, что общество сохранило за собою пра-

Digitized by Google

во выпаса скота на толокѣ, атавѣ, стернѣ. Вслѣдствіе этого право распоряженія своимъ участкомъ доведено до минимума и не больше, нежели при общинномъ владѣніи. Возьмемъ для примѣра гипотетическаго домохозаина, владѣющаго, какъ покуда и и всѣ остальные громодяне, по небольшому участку въ каждой изъ четырехъ смѣнъ, которые (участки въ смѣнахъ) назовемъ А. В. С. и Д. Можетъ ли нашъ домохозяинъ распорядиться своими участками самостоятельно и сдѣлать на нихъ что-либо другое, нежели остальные домохозяева? Смѣна А. толокуетъ, и какъ таковая служитъ общественнымъ выгономъ до половины іюня, когда ее начинаютъ распахивать подъ озимь, а скотъ перегоняютъ на атаву; очевидно, что участокъ нашего домохозяина, лежащій въ этой смѣнѣ, тоже долженъ толоковать; на немъ ходитъ и пасется скотъ съ начала мая по вторую половину іюня. Смѣна В.— подъ озимью, можетъ ли нашъ домохозяинъ участокъ В. засѣять яриною? Конечно, нѣтъ, ярина собирается позднѣе озими, а озимая смѣна немедля послѣ сбора служитъ выпасомъ; разумѣется, ранняя ярина, собираемая сейчасъ послѣ озими, покуда поля заняты еще снопами, еще можетъ быть засѣваема и въ озимомъ полѣ, но поздняя, напримѣръ, маисъ или просо, ни въ какомъ случаѣ. Точно такъ же, когда вся смѣна С. подъ яриною, какой-нибудь участокъ въ ней не можетъ быть засѣянъ озимью; озимый хлѣбъ сѣется въ августѣ и сентябрѣ, а именно въ это время смѣна, оставленная для ярового посѣва, служитъ общественнымъ выгономъ. Наконецъ, смѣна Д. служитъ сѣнокосомъ, можно ли участокъ въ ней распахать подъ хлѣбъ? Конечно, нѣтъ. Раннею весною до мая (до вешняго Николы) и съ конца іюня, по снятіи сѣна, сѣнокосная смѣна служитъ выгономъ. Такимъ образомъ, каждый домохозяинъ въ своемъ хозяйствѣ строго подчиняется интересамъ общины и въ теченіе опредѣленныхъ сроковъ въ году предоставляетъ свои участки въ общинное пользованіе. Въ эти сроки онъ признаетъ права общины на свои участки и сообразуется въ своихъ сельско-хозяйственныхъ дѣйствіяхъ съ коллективною волею громады. Такъ, когда малоземеліе принуждаетъ обращать сѣнокосную смѣну подъ пашню, рѣшаетъ этотъ вопросъ громада, и рѣшаетъ его для всей общины. Когда, какъ нерѣдко въ Бессарабіи и Подольской губерніи, крестьяне убѣждаются въ преимуществѣ многопольной системы съ введеніемъ въ сѣвооборотъ посѣва маиса, то и это рѣшается всею громадою, которая и устанавливаетъ сообща новый сѣвооборотъ, вмѣсто трехсмѣннаго, и этотъ новый сѣвооборотъ становится такъ же общеобязательнымъ для всѣхъ дворовъ. Словомъ, общесмѣнное владѣніе оставляетъ собственнику надѣла очень мало свободы въ распоряженіи своею землею, всецѣло подчиняя его волѣ громады. Очевидно, такое подворное владѣніе не совсѣмъ похоже на мелкую поземельную собственность, напримѣръ, французскаго крестьянина, который на своемъ участкѣ такой же помѣщикъ, какъ и сосѣдній владѣлецъ тысячи гектаровъ. Нельзя поэтому не отличать самымъ рѣ-

Digitized by Google

шительнымъ образомъ мелкихъ *отрубныхъ* участковъ, владѣемыхъ на правѣ личной собственности безъ всякихъ ограниченій, и такихъ же *общесмѣнныхъ* участковъ, право владѣнія которыхъ занимаетъ среднее мѣсто между полною частною собственностью западной Европы и общиннымъ владѣніемъ Россіи. Покуда, какъ крестьяне лѣвобережной Украины, всѣ или почти всѣ члены общины имѣютъ надѣлы, и самые надѣлы не особенно неравномѣрны, до тѣхъ поръ такое общесмѣнное подворное владѣніе практически мало отличается отъ общиннаго и переходъ отъ перваго ко второму, почти не измѣняя status quo интересовъ и поземельныхъ взаимноотношеній членовъ общины, былъ бы для послѣднихъ почти незамѣтенъ. Громада заботилась бы о правильномъ, справедливомъ распредѣленіи земли, но если земля и при подворномъ владѣніи распредѣлена довольно равномѣрно, то громадѣ не пришлось бы нарушать чьихъ-либо интересовъ въ настоящемъ и всю свою заботу пришлось бы обратить лишь на поддержаніе этой равномѣрности въ будущемъ, при помощи своевременныхъ передѣловъ. Передѣлы были бы главнымъ нововведеніемъ для общины, и потеря права продажи участка — главнымъ и чуть ли не единственнымъ новымъ ограниченіемъ права распоряжаться участкомъ. Словомъ, въ *настоящемъ*, при равномѣрномъ надѣлѣ, интересы громаднаго большинства крестьянъ не терпятъ никакихъ существенныхъ измѣненій, нетолько нарушеній, отъ перехода къ общинному владѣнію землею, а между тѣмъ это владѣніе несомнѣнно болѣе соотвѣтствуетъ идеаламъ малорусскаго народа, міросозерцаніе котораго еще вполнѣ принадлежитъ эпохѣ общиннаго быта, такъ какъ идея законнаго права еще вполнѣ подавляется идеею права естественнаго, справедливости, которая всегда будетъ сталкиваться съ естественнымъ, неизбѣжнымъ ходомъ дѣлъ при владѣніи подворномъ и которая полное свое выраженіе можетъ найти только въ общинѣ. И такъ, міросозерцаніе народа благопріятствуетъ возрожденію общиннаго владѣнія въ Малороссіи; общесмѣнная форма подворнаго владѣнія дѣлаетъ, въ случаѣ равномѣрности надѣловъ, переходъ къ общинному владѣнію практически незамѣтнымъ; наконецъ, интересы отдѣльныхъ членовъ общины, въ томъ же случаѣ равномѣрности надѣловъ, нисколько не нарушаются введеніемъ общиннаго владѣнія. Если же идеалы всѣхъ заинтересованныхъ благопріятствуютъ, интересы не страдаютъ, а обычаи не противорѣчатъ введенію общиннаго владѣнія, то что же мѣшаетъ его болѣе быстрому возрожденію въ Малороссіи? Прежде всего—пробѣлъ въ законодательствѣ, который санкціонируетъ переходъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному, но вовсе игнорируетъ случай обратный, во-вторыхъ, рутина въ случаѣ равномѣрности надѣловъ и, въ-третьихъ, частные интересы въ случаѣ надѣленія неравномѣрнаго. Остановимся на каждомъ изъ этихъ препятствій возрожденію общины въ Малороссіи.

Digitized by Google

Что касается закона, то пробѣлъ въ законодательствѣ такъ очевиденъ, что не стоитъ много настаивать на необходимости его пополнить. Приговоръ общины о переходѣ отъ подворнаго владѣнія къ общинному долженъ имѣть такую же законную силу, какъ и обратный приговоръ. Отдѣльнымъ членамъ общества можетъ быть предоставлено не вступать въ поземельную общину, въ каковомъ случаѣ ихъ надѣлы должны быть отмежевываемы въ округленныя отрубныя владѣнія, чтобы не мѣшать общинѣ въ свободномъ распоряженіи и справедливомъ разверстаніи общинной земли. Изданіе подобнаго закона крайне необходимо и вызывается самою жизнью, которая постоянно даетъ примѣры фактическаго перехода къ общинному владѣнію отъ подворнаго, но эти переходы не легализированы. При существующемъ аграрномъ правѣ эта легализація возможна лишь путемъ купчихъ крѣпостей на имя общины для каждаго подворнаго участка отдѣльно, т. е. путемъ, столь же неудобнымъ и дорогимъ, сколько необычнымъ и потому практически почти невозможнымъ. Если для перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному не требуется, чтобы на каждый надѣлъ община выдала двору купчую, то зачѣмъ требуется это въ обратномъ случаѣ. Законно составленный приговоръ долженъ быть достаточенъ и въ этомъ случаѣ; законъ долженъ только оградить права и интересы частныхъ лицъ предоставленіемъ отдѣльнымъ хозяевамъ не присоединяться къ приговору, а права и интересы общины—обязательнымъ вымежевываніемъ участковъ неприсоединившихся хозяевъ.

Вторымъ препятствіемъ возрожденію общины я назвалъ рутину, т. е. по просту инерцію населенія, давно лишеннаго иниціативы. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ вызвать эту иниціативу въ томъ случаѣ, когда надѣлы болѣе или менѣе равномѣрны и, слѣдовательно, дѣйствительность не становится въ прямое противорѣчіе съ народнымъ понятіемъ о правдѣ и справедливости? Когда неравномѣрность владѣнія, неизбѣжно создаваемая съ теченіемъ времени подворнымъ владѣніемъ, скажется довольно ясно, интересы богатыхъ уже станутъ въ противорѣчіе съ переходомъ къ общинному владѣнію. Оставляя послѣдній случай покуда въ сторонѣ, мы видимъ, что для пробужденія къ переходу отъ подворнаго къ общинному владѣнію необходимо, сверхъ законной санкціи и теоретическаго соотвѣтствія съ народнымъ представленіемъ о правѣ, и другіе внѣшніе возбудители, а именно прямое покровительство закона такимъ переходамъ, въ видѣ, напримѣръ, льготъ общинамъ, принявшимъ вмѣсто подворнаго общинное владѣніе. Эти льготы могли бы состоять въ облегченіи платежей, въ разрѣшеніи *только* такимъ общинамъ или преимущественно имъ ссудъ на покупку земель, на улучшеніе хозяйства и проч., въ предоставленіи общинамъ надѣловъ выселяющихся членовъ и т. д. Наконецъ, для общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, которыхъ въ Малороссіи сравнительно немного и которые получили надѣлы всѣ и вполнѣ равномѣрно, переходъ къ общинному

Digitized by Google

владѣнію могъ бы состояться законодательнымъ актомъ, по которому отдѣльнымъ обществамъ могло бы быть предоставлено отказываться отъ нововведенія.

Кромѣ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, надѣлы остальнаго земледѣльческаго населенія неравномѣрны даже внутри одной и той же общины. Такъ, въ средѣ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ существуютъ двѣ категоріи крестьянъ, именно съ надѣлами пѣшими и тяглыми, причемъ послѣдніе вдвое больше первыхъ. Еще рѣзче неравномѣрность владѣнія бывшихъ малороссійскихъ казаковъ, въ средѣ которыхъ около $^2/_3$ едва сохранили усадьбы, вовсе лишившись полевой земли, а $^1/_3$ сосредоточила въ своихъ рукахъ всю землю. Конечно, здѣсь вопросъ осложняется и приходится считаться съ интересами многоземельныхъ дворовъ. Въ виду этого, прежде всего надлежитъ озаботиться, чтобы дворы, особенно многоземельные, на переходъ которыхъ къ общинному владѣнію невозможно разсчитывать, были немедленно и обязательно вымежеваны изъ общесмѣннаго владѣнія. По нынѣ дѣйствующему въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ праву, дворы, имѣющіе болѣе 50 десятинъ, имѣютъ право требовать вымежеванія и обращенія въ отрубное владѣніе. Можно бы было, во-первыхъ, понизить норму такого участка, а во-вторыхъ, вымежеваніе въ отрубное владѣніе великомѣрныхъ участковъ обратить въ обязательное правило. Этимъ путемъ прежде всего устранился бы изъ среды громады элементъ, нарочито враждебный общинному владѣнію, а съ другой стороны, нѣсколько возстановилась бы равномѣрность участковъ общесмѣннаго владѣнія [1]. Но и затѣмъ, какъ въ крестьянскихъ, такъ особенно въ казачьихъ селеніяхъ, неравномѣрность владѣнія препятствовала бы движенію къ возрожденію общины. Для устраненія или, по крайней мѣрѣ, ослабленія этого должно быть предоставлено общинамъ въ приговорахъ о переходѣ къ общинному владѣнію: 1) утверждать за отдѣльными хозяевами пожизненное право на опредѣленный пай въ общинной землѣ, 2) вознаграждать деньгами хозяевъ съ большими надѣлами, если эти надѣлы поступаютъ въ безусловное распоряженіе общины.

Если къ этому прибавить, что новые дополнительные надѣлы изъ государственныхъ земель и ссуды для пріобрѣтенія земли должны даваться исключительно обществамъ и на общинномъ правѣ, то, при соотвѣтствіи общиннаго владѣнія съ исконными идеалами народа въ Малороссіи, возрожденіе общины можетъ

[1] Не должно забывать, что вымежеваніе великомѣрныхъ участковъ въ отрубныя владѣнія, съ другой стороны, будетъ для общины невыгодно, такъ какъ она лишается права пастьбы на толокѣ, атавѣ и стернѣ вымежеваннаго участка. Для заднѣпровской половины это право выпаса законъ цѣнитъ такъ высоко, что дозволяетъ вымежеваніе въ отрубныя владѣнія лишь съ условіемъ выкупа у общины права выпаса (пастбищный сервитутъ). Полагаемъ, что было бы справедливо признать этотъ принципъ и на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Digitized by Google

совершиться довольно быстро и успѣшно, она сдѣлается скоро и здѣсь господствующею формою. Искаженіе, внесенное въ славянскую культуру вліяніемъ германизма, дѣйствовавшаго въ Малороссіи черезъ посредство польскаго панства, это искаженіе такимъ путемъ можетъ быть легко устранено и одно изъ существенныхъ отличій нашей цивилизаціи, возстановится для блага народа и преуспѣянія государства. Но все сказанное относится собственно къ Украйнѣ лѣвобережной; взглянемъ теперь, удовлетворяютъ ли эти мѣры Украйну правобережную, гдѣ пагубное вліяніе германизма сказалось гораздо сильнѣе. Слѣдующія существенныя черты отличаютъ аграрный бытъ правобережныхъ украинцевъ отъ лѣвобережныхъ: 1) Крестьянское сословіе не получило душевого надѣла, а лишь удержало и частью возвратило то, чѣмъ пользовалось до реформы. Масса сельскаго населенія, обезземеленная панами и сохранившая лишь усадьбы, такъ называемые огородники, кутники, бобыли, такъ и осталась безъ полевой земли съ одними усадьбами. Сильное развитіе помѣстнаго хозяйства въ этомъ краѣ уже издавна содѣйствовало переводу значительнаго числа крестьянъ изъ хлѣбопашцевъ съ собственнымъ хозяйствомъ въ простыхъ батраковъ, всѣ рабочіе дни занятыхъ на господскихъ поляхъ. Такіе же переводы, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, практиковались и во всѣхъ остальныхъ частяхъ имперіи, но тамъ при освобожденіи крестьянъ они не были приняты во вниманіе и крестьяне получили надѣлъ по числу душъ. Иначе сложилось дѣло въ Западномъ краѣ. Обезземеленные распоряженіями помѣщиковъ и остались большею частью безъ земли, надѣла не получили. Возвращены частью земли лишь недавно обезземеленнымъ. 2) Тотъ же принципъ охраненія аграрнаго status quo ante, положенный въ основу крестьянскаго надѣленія, повелъ и къ другой особенности. Подворное владѣніе, введенное польскими помѣщиками, съ его неизбѣжными случайностями обѣднѣнія однихъ и обогащенія другихъ въ связи съ воздѣйствіемъ панскаго произвола, награждавшаго однихъ и каравшаго другихъ, должно было создать и дѣйствительно создало крайне неравномѣрное пользованіе землею. Одни дворы располагали крупными участками, другіе—нищенскими. Реформа утвердила эту неравномѣрность. Вслѣдствіе этого, аграрныя отношенія крестьянъ правобережной Украйны гораздо болѣе напоминаютъ общества малороссійскихъ казаковъ, нежели крестьянъ лѣвобережной Украйны. Масса безземельныхъ членовъ, сохранившихъ одну усадьбу, и большое разнообразіе въ размѣрѣ надѣловъ — таковы черты, сближающія аграрный бытъ крестьянъ Западнаго края и бывшихъ казаковъ Малороссіи. 3) Сохраненіе аграрнаго status quo ante создало въ правобережной Украйнѣ и третье отличіе, именно сервитуты.

Если мы остановимся на этихъ особенностяхъ аграрнаго строя правобережной Украины, то увидимъ, что первыя двѣ являются лишь болѣе развитою фазою аграрнаго быта лѣвобережной Укра-

Digitized by Google

требуютъ никакихъ новыхъ мѣропріятій. То, что проэктировано выше для одной части Малороссіи, очевидно, всецѣло годится и для другой, хотя здѣсь мы не вправѣ ожидать столь же успѣшныхъ результатовъ. Нѣсколько облегчить движеніе можетъ вопросъ о сервитутахъ. Сервитуты, очевидно, представляютъ достояніе общественное. Разбирая вопросъ о сервитутахъ, мы видѣли, что въ интересахъ крестьянскихъ хозяйствъ не долженъ быть допускаемъ денежный выкупъ сервитутовъ, а лишь обмѣнъ на соотвѣтственный участокъ земли. Теперь мы можемъ прибавить, что такъ какъ сервитутъ есть собственность всей общины, то и земля, отводимая ему въ обмѣнъ, должна отводиться на правѣ общинномъ.

Все, сказанное на этихъ страницахъ относительно Малороссіи, вполнѣ примѣнимо къ Бѣлоруссіи и Бессарабіи, такъ какъ племена бѣлорусское и молдавское выказываютъ, повидимому, такую же наклонность къ общинному быту, какъ и малорусское. О польскомъ племени мы не имѣемъ въ этомъ направленіи свѣдѣній, но несомнѣнно, что въ Польшѣ существуетъ препятствіе, котораго нѣтъ въ Малой и Бѣлой Россіи, именно значительная часть крестьянскихъ участковъ размежевана и разверстана, т. е. упразднена общесмѣнность, участки сведены въ одну общую межу и образуютъ отрубныя владѣнія. При отрубныхъ мелкихъ участкахъ возвратъ къ общинной формѣ владѣнія требуетъ уже довольно значительной хозяйственной ломки и нарушаетъ установившіеся обычаи, тогда какъ при общесмѣнномъ владѣніи вопросъ сводится къ отвлеченнымъ правамъ, причемъ община все время сохраняетъ еще весьма существенныя права распоряженія и пользованія землею. Впрочемъ, и въ Польшѣ общесмѣнное владѣніе еще не совсѣмъ вывелось, да и отрубное большею частью такъ маломѣрно и насажено такъ недавно, что считать его непреодолимымъ препятствіемъ, быть можетъ, было бы слишкомъ поспѣшно. Гораздо интереснѣе и важнѣе было бы прослѣдить, насколько польская гмина сохранила тѣ традиціи общиннаго быта, безъ которыхъ само возстановленіе общиннаго поземельнаго владѣнія оказалось бы формальнымъ, явилось бы мертвою формою безъ содержанія. Это содержаніе, мы знаемъ уже, заключается въ господствѣ внутри общины идеи права естественнаго и въ стремленіи общины сообразоваться съ этимъ правомъ при распредѣленіи между своими членами благъ и тягостей. Главнымъ орудіемъ для такого справедливаго распредѣленія въ рукахъ великорусскаго міра и малорусской громады (въ Новороссіи, на Кубани, въ Слободской Украйнѣ) служитъ общинная земля; польская гмина этого орудія не имѣетъ, какъ не имѣетъ его и малорусская громада въ Украйнѣ, но распредѣленіе податной тягости находится въ рукахъ гмины и было бы въ высшей степени важно знать, какъ она употребляетъ это оружіе въ интересахъ справедливости. Въ Малороссіи

Digitized by Google

мы находимъ общины, преимущественно казачьи, которыя уже отбились отъ естественнаго права при разверстаніи податей и строго придерживаются права законнаго, взимая налоги съ ревизской души и игнорируя всѣ остальные предметы обложенія; но при этомъ все-таки еще большинство малорусскихъ общинъ, повидимому, не вполнѣ вступило на этотъ путь внѣшняго права, стараясь слѣдовать, по возможности, своимъ исконнымъ идеаламъ правды и справедливости. Какъ обстоитъ это дѣло въ Польшѣ? Народные идеалы сказываются еще весьма сильно въ отправленіи народнаго правосудія; и объ этой сторонѣ жизни польской гмины мы ничего не знаемъ. При такомъ положеніи вопроса, было бы слишкомъ поспѣшно рѣшать его въ положительную или отрицательную сторону. Но съ другой стороны, я не вижу причины, по которой можно было бы возражать противъ приложенія и къ Польшѣ мѣръ, вышеуказанныхъ для Малороссіи и Бѣлоруссіи. Разрѣшеніе перехода къ общинному владѣнію и покровительство этому движенію быть можетъ было бы способно возвратить и Польшу въ лоно культуры, существенныя черты которой были потеряны и извращены подъ коалиціоннымъ вліяніемъ германизма и аристократическаго строя. Не надо забывать, что повсемѣстное и весьма сильное развитіе сервитутовъ въ Польшѣ способно сразу создать довольно значительный фондъ общинныхъ земель.

Въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ дѣйствовала на крестьянскій бытъ германская культура непосредственно и во всеоружіи грубой физической силы—мы нетолько не находимъ поземельной общины, но и сама внѣшняя форма ея, деревня, уже упразднена. Общесмѣннаго владѣнія здѣсь не существуетъ, а повсюду отрубное, въ видѣ закругленныхъ, отмежеванныхъ участковъ, на которые вынесены и крестьянскія усадьбы. Такимъ образомъ, вмѣсто села, мы застаемъ здѣсь рядъ отдѣльно стоящихъ фермъ и хуторовъ, на которые распалась прежняя деревня. При такихъ порядкахъ, при значительной неравномѣрности фермерскихъ участковъ и при большомъ процентѣ вовсе безземельныхъ, приписанныхъ въ административномъ отношеніи къ обществу, распространеніе поземельной общины крайне сомнительно. Мы имѣемъ, правда, примѣры, когда переселившіеся эсты добровольно принимали общинное владѣніе, быстро усвоивая его преимущества, но въ этихъ случаяхъ: 1) эсты были увлечены примѣромъ русскихъ крестьянъ, и 2) на новыхъ мѣстахъ поселенія они были надѣлены всѣ равномѣрно, т. е. ничьи интересы не противорѣчили общинному владѣнію. При этихъ условіяхъ даже нѣмецкія колоніи переходили къ общинному владѣнію.

Такимъ образомъ, изъ обзора быта поселеній, пользующихся въ настоящее время подворнымъ владѣніемъ, оказывается, что громадное большинство этого населенія, именно: вся южно-русская и вся западно-русская отрасль нашей народности и теперь сохранила наклонность къ общинному владѣнію, спорадически

Digitized by Google

вопреки легальнымъ препятствіямъ и, слѣдовательно, при малѣйшемъ поощреніи легко и скоро должно возвратиться къ началамъ общественнаго владѣнія. Тоже находимъ мы и въ Бессарабіи среди малорусскихъ и молдавскихъ крестьянъ. Больше препятствій встрѣчается въ Польшѣ и еще больше въ Эсто-латышскомъ краѣ; но было бы поспѣшно, при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ объ аграрномъ бытѣ этихъ мѣстъ, окончательно отчаяваться въ успѣхѣ распространенія общинной формы. Что касается сущности мѣръ для облегченія этого движенія, то, судя по условіямъ Малороссіи, болѣе извѣстнымъ намъ, онѣ сводятся къ легализированію движенія, огражденію при этомъ частныхъ и общинныхъ интересовъ и правъ, и льготъ для обществъ, одобрившихъ общинное владѣніе вмѣсто подворнаго. Впредь до болѣе детальнаго и обстоятельнаго знакомства съ нуждами общинъ подворной Россіи, эта программа, по моему мнѣнію, исчерпываетъ вопросъ о количественномъ прогрессѣ общиннаго владѣнія, о его распространеніи и расширеніи на все, по возможности, земледѣльческое населеніе имперіи. Переходимъ теперь къ вопросу о внутреннемъ ростѣ и развитіи нашей общины, о ея качественномъ прогрессѣ.

Если мы сравнимъ практику общиннаго быта въ вопросѣ распредѣленія между сочленами тяготъ и преимуществъ между общинами, то прежде всего увидимъ, какъ справедливость и равномѣрность, господствующая внутри общины, замѣняется въ отношеніяхъ междуобщинныхъ неравномѣрностью, составляющею необходимое свойство всякаго внѣшняго права. Мы видѣли, что сами общины склонны до нѣкоторой степени устранять эти необходимыя шероховатости внѣшняго права, которое никогда не можетъ услѣдить за всякою индивидуальною и мѣстною особенностью, не говоря даже о вліяніяхъ различныхъ историческихъ наслоеній. На это стремленіе самихъ общинъ внести начало справедливости и права естественнаго въ отношенія междуобщинныя необходимо прежде всего обратить вниманіе и открыть общинамъ легальный путь для осуществленія своихъ стремленій. Главные предметы, распредѣленіемъ которыхъ заняты общины и которые главнымъ образомъ вліяютъ на благосостояніе земледѣльческаго населенія, это—земля и платежи. И то и другое распредѣлено между общинами крайне неравномѣрно, причемъ общимъ правиломъ является, что чѣмъ община малоземельнѣе, тѣмъ выше обложеніе. Совокупность мѣръ вышерекомендованныхъ способна, мнѣ кажется, открыть нашему общинному строю дорогу къ развитію и росту, внѣшнему и внутреннему. Всякая попытка измѣнить распредѣленіе платежей законодательнымъ путемъ должна неизбѣжно потерпѣть фіаско, создавъ вмѣсто однѣхъ несправедливостей и неравномѣрностей другія; всего предвидѣть и предусмотрѣть никакое законодательство не въ состояніи и только сами общины могутъ достичь въ этомъ дѣлѣ почти идеальной справедливости. Я по-

Digitized by Google

лагаю поэтому, что наилучшею мѣрою было бы огульное обложеніе цѣлой группы общинъ, напримѣръ, всего уѣзда, предоставивъ далѣе самимъ общинамъ разверстать платежи между собою. Взвѣсить относительную состоятельность и благосостояніе такихъ крупныхъ единицъ, какъ уѣздъ, не трудно нетолько въ губернскомъ городѣ, но даже въ столицѣ; поэтому въ этомъ распредѣленіи можно ожидать довольно правильной и справедливой разверстки платежей. Нарочито же для того выбранные общинами представители должны бы были на съѣздѣ при земской управѣ разверстать платежи между отдѣльными крестьянскими обществами. Такой актъ избавилъ бы насъ отъ ненавистной подушности и демаскировалъ бы истинный порядокъ обложенія, такъ какъ всѣ наши подати въ сущности сводятся къ обложенію крестьянскихъ хозяйствъ. Эти хозяйства получали бы окладной листъ на цѣлый уѣздъ и затѣмъ сами верстались бы между собою на основаніи сравнительной состоятельности. Такая реформа несомнѣнно была бы серьёзнымъ шагомъ впередъ, а казна вдобавокъ выиграла бы на сокращеніи штатовъ казенныхъ палатъ, нынѣ спеціально занимающихся составленіемъ тысячъ окладовъ для каждой общины отдѣльно и для каждаго наименованія сбора особо. Внося равномѣрность въ разверсткѣ податей, равномѣрность, къ которой тщетно, хотя и весьма старательно, стремится правительство и, сокращая расходы взиманія, т. е. будучи полезною мѣрою въ отношеніяхъ экономическомъ и фискальномъ, эта реформа была бы вмѣстѣ съ тѣмъ очень важнымъ шагомъ по пути развитія общины. Параллельно съ этою мѣрою должна была бы дѣйствовать въ томъ же направленіи и другая мѣра, именно сдача казенныхъ лѣсосѣкъ на срубъ крестьянскимъ обществамъ за опредѣленный казенный налогъ и съ предоставленіемъ самимъ общинамъ разверстывать между собою ежегодно отводимые лѣсосѣки и платежи за нихъ. Точно также, будучи въ высшей степени важною въ экономическомъ и фискальномъ отношеніяхъ, она служитъ внутреннему росту и развитію общиннаго строя. Наконецъ, необходимо закономъ разрѣшить поземельнымъ общинамъ сливаться въ одну. Мы видѣли выше, какъ сто деревень одной волости пожелали образовать одну общину, въ виду удобствъ такого объединенія и неудобства и несправедливости разобщеннаго владѣнія. Зачастую эти неудобства выступаютъ еще рѣзче, напримѣръ, въ случаяхъ, когда одна и та же деревня раздѣлена на нѣсколько поземельныхъ общинъ только благодаря тому, что принадлежала разнымъ владѣльцамъ. Разрѣшеніе свободнаго сліянія поземельныхъ общинъ вызоветъ процессъ, который, подъ вліяніемъ всѣхъ остальныхъ мѣръ, обсуждаемыхъ нами, долженъ постепенно выравнивать поземельныя отношенія и справедливо разверстывать угодья.

Пашни, луга, лѣса, спеціальныя угодья, платежи за земли, подати, мірскіе расходы, натуральныя повинности — вотъ предметы, распредѣленіемъ которыхъ занимаются всѣ общи-

Digitized by Google

ны Россіи; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ этому надо прибавить рыбныя ловли и мѣста для охоты, какъ промысла. Словомъ, кругъ дѣятельности общины исчерпывается потребностями и нуждами чисто земледѣльческаго быта и жертвами, которыя отъ крестьянина требуетъ государство. Но жизнь развивается и отъ періода чисто-земледѣльческаго переходитъ въ періодъ промышленно-земледѣльческій. Выработанныя вѣками традиціи общиннаго быта вполнѣ пригодны для идеально-справедливой разверстки потребностей земледѣльца и для равномѣрнаго распредѣленія тягостей соотвѣтственно земледѣльческой силѣ членовъ общины. *Тягло* есть единица земледѣльческой состоятельности, не знающая другихъ источниковъ этой состоятельности. Способна ли наша община признать эти новые источники и можетъ ли она усвоить ихъ въ кругъ своей компетентности такъ, чтобы и они служили все той же цѣли, развитію общаго благосостоянія на началахъ полной справедливости и солидарности? Я не вижу основанія, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Выше я уже приводилъ примѣръ, какъ крестьяне одной сѣверной общины верстались заработками на сосѣднемъ заводѣ. Очевидно, народъ считаетъ село, общину, міръ достаточно компетентнымъ и въ этой новой сферѣ фабрично-заводскихъ заработковъ. Общинѣ, о которой идетъ рѣчь, пришлось разверстать убытки, но это не возраженіе и, конечно, тѣ кто сохраняетъ справедливость, несмотря на убытки, еще болѣе окажутся способными ее выдержать, когда улыбнется счастье. Когда оно, наконецъ, улыбнется русскому крестьянину — это другой вопросъ, но не безполезно кинуть бѣглый взглядъ на путь, предстоящій нашей общинѣ въ этомъ случаѣ.

Г. Щербина въ своемъ изслѣдованіи Сольвычегодской общины, сообщаетъ, что на сѣверѣ всѣ мельницы строятся и содержатся самими общинами, которыя взимаютъ съ своихъ членовъ копейки по 3 отъ мѣшка, тогда какъ, напримѣръ, въ Малороссіи, гдѣ мельницы содержатся частными лицами, взимается *не меньше* десятой мѣры, т. е. при помолѣ пшеницы 40—50 к., ржи — 25—30 к. отъ мѣшка. Общественныя мельницы, хотя и не повсемѣстно, встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Великороссіи и вездѣ приводятъ къ удешевленію помола въ пять и даже въ десять разъ. Происходитъ это отъ того, что община не думаетъ извлекать изъ своего промысловаго заведенія прибыли, а заботится единственно, чтобы платою за помолъ могъ содержаться старикъ, посаженный обществомъ какъ мельникъ. Такимъ образомъ, *прибыль отъ промысловаго заведенія распредѣляется между производителями сырья*. Очевидно, русская община признаетъ правильнымъ именно такое распредѣленіе. Кромѣ мельницъ, общины иногда строятъ общественныя шеретовки (для приготовленія крупы) и маслобойни. Этимъ вполнѣ выясняется направленіе, которому могло бы слѣдовать усвоеніе общиною промышленности въ кругъ своей дѣятельности, именно — обработка сы-

Digitized by Google

рыхъ продуктовъ, производимыхъ общиною на собственной землѣ, въ промышленныхъ заведеніяхъ, построенныхъ общиною, причемъ община вовсе не явилась бы предпринимателемъ, скупающимъ сырье за собственный счетъ и выражающееся прибылями, а лишь собственникомъ учрежденія, которому каждый сочленъ можетъ отдать свое сырье для обработки и, уплативъ лишь издержки производства, получить обработанный продуктъ, такъ что прибыль всецѣло остается въ рукахъ производителя сырья. Вслѣдъ за мельницами, шеретовками и маслобойнями могли бы бы возникнуть на этихъ же началахъ заводы винокуренные, льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій, свеклосахарные, вообще обрабатывающіе сырье, производимое общинами. Конечно, промышленность бумажныхъ и шелковыхъ издѣлій и вообще занимающаяся обработкою привознаго сырья по самому существу своему не можетъ привиться въ нашей общинѣ, но это экзотическое растеніе и въ формѣ производства капиталистическаго держится исключительно покровительствомъ. Вообще, можно ожидать, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ наша земледѣльческая община легко можетъ включить въ кругъ своей компетентности и обработку производимаго ею сырья. Въ этомъ вижу я ту перспективу внутренняго развитія и роста общиннаго быта, о которомъ говорилъ выше. Полагаю, что это возможно (конечно, лишь въ случаѣ, если экономическія условія общины улучшатся) и что иниціатива просвѣщенныхъ земскихъ дѣятелей была бы въ этомъ отношеніи и умѣстна, и полезна вмѣстѣ съ организаціею помощи общинамъ для такого рода промышленныхъ устройствъ.

Этимъ я и оканчиваю этотъ бѣглый обзоръ внутреннихъ вопросовъ общиннаго быта. Чтобы съ нѣкоторою обстоятельностью исчерпать предметъ, затронутый въ этой статьѣ, необходимо быть можетъ исписать томы и я конечно не претендую на исчерпаніе предмета. Я полагалъ только, что община такъ тѣсно связана съ экономическою жизнью русскаго народа, что, занимаясь изслѣдованіемъ послѣдней, невозможно игнорировать особенности общиннаго строя. Я ихъ коснулся въ общихъ чертахъ и постарался намѣтить главные вопросы, вызываемые общиннымъ бытомъ. Эти вопросы: во-первыхъ, охраненіе общины отъ разложенія подъ гнетомъ нужды и созданнаго этимъ гнетомъ кулачества; во-вторыхъ, возрожденіе общины въ Малороссіи, Бѣлоруссіи и Польшѣ; въ-третьихъ, введеніе въ междуобщинныя отношенія принциповъ справедливой равномѣрности, регулирующей жизнь внутри общины; и въ-четвертыхъ, нужды и потребности общинной жизни, вызываемыя переходомъ нашей страны изъ періода чисто земледѣльческаго въ промышленно-земледѣльческій.

У насъ немало писалось и говорилось о сохраненіи общины, разумѣя подъ этимъ одно лишь голое дозволеніе ей существовать, вопреки всѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ. Пора подумать, однако, и о томъ, что одно такое формальное дозволеніе не обѣ-

Digitized by Google

щаетъ еще сохраненія общины. Сторонникамъ общиннаго быта, у насъ къ счастью не малочисленнымъ, пора заняться болѣе широкимъ вопросомъ объ охраненіи общины отъ антинародной обстановки, вторгающейся въ нашъ бытъ, а такъ же о развитіи общиннаго быта. Напомнить объ этой сторонѣ задачи и намѣтить входящіе сюда вопросы, не претендуя на ихъ рѣшеніе, такова была моя цѣль, когда я брался за перо и садился писать этотъ бѣглый и конечно весьма неполный очеркъ «Вопросовъ русскаго общиннаго быта».

С. Южаковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Пѣсни жизни, стихотворенія *Омулевскаго* (И. В. Ѳедорова) С.-Петербургъ. 1883.

Въ послѣднее время замѣчается большое оживленіе въ нашей поэтической литературѣ: стихотворные сборники выходятъ почти непрерывно одинъ за другимъ. Значитъ ли это, что въ обществѣ поднялся вкусъ къ поэзіи, или это явленіе просто случайное, рѣшать не беремся, но фактъ на лицо: въ сравнительно небольшое время вышли въ свѣтъ стихотворенія гг. Фета, Случевскаго, князя Цертелева, Пальмина, Якунина и, наконецъ, Омулевскаго, посыпавшіяся на читающую публику, словно падающія звѣзды въ августовскую ночь. Сборникъ г-на Омулевскаго является едва ли не наиболѣе симпатичнымъ изъ всѣхъ. Стихотворенія его составляютъ довольно объемистый томъ (500 стр.), снабженный эпиграфомъ: «идите въ міръ и послужите міру». Одинъ ужь этотъ эпиграфъ показываетъ, что г. Омулевскій не принадлежитъ къ школѣ, исповѣдующей принципъ искуства для искуства и до сихъ поръ имѣющей у насъ своихъ представителей. При ближайшемъ знакомствѣ съ его произведеніями, становится яснымъ, что онъ и не можетъ къ ней принадлежать: талантъ его не обладаетъ необходимыми для этого данными. Г. Омулевскій далеко не «художникъ»: онъ не даетъ въ своихъ произведеніяхъ ни законченныхъ, строго-выдержанныхъ типовъ, ни яркихъ образовъ и картинъ, ни баюкающей мелодіи, очень часто прикрывающей у нашихъ художниковъ нищету содержанія. Поэзіи, въ строгомъ смыслѣ этого слова, въ стихахъ г. Омулевскаго немного; но за то въ нихъ есть та теплота, правда и жизненность, которая, какъ нѣкогда выразился Тургеневъ, говоря

Digitized by Google

о стихахъ Добролюбова, не хуже поэзіи. Не чуждъ таланту г. Омулевскаго и юморъ, юморъ подъ часъ горькій и напоминающій нѣсколько юморъ Некрасова и Сырокомли.

Сборникъ распадается на два отдѣла: первый заключаетъ въ себѣ произведенія оригинальныя, второй—переводныя.

Главный недостатокъ оригинальныхъ произведеній г. Омулевскаго заключается въ томъ, что въ нихъ оригинальнаго-то мало. И мотивы и образы стихотвореній далеко не новы: тѣ же совѣты молодому поколѣнію бодро идти впередъ, тѣ же скорбныя думы вслухъ «у гроба почившаго труженика», горькія сѣтованія на жизнь, стремленія и призывы къ свободѣ, къ труду и знанію, сравненіе души поэта съ моремъ, таящимъ въ своей глубинѣ чудные перлы.. Но все это выражено тепло, задушевно, просто, безъ нестерпимаго наставническаго апломба и эстетическихъ кривляній. Взглядъ на жизнь г. Омулевскаго—горькій, но не доходящій до безпросвѣтнаго, мертвящаго отчаянія. Тамъ, гдѣ-то далеко, за ночью горя и борьбы, ему видится, даже въ самыя тяжелыя минуты жизни—свѣтъ незакатнаго, грядущаго дня. «Еще далека та страна», говоритъ онъ, обращаясь къ молодому поколѣнію,

«Гдѣ протекаютъ рѣки медомъ;
Не вдругъ познается она
Идущимъ издали народомъ;
Не вамъ дано въ ней отдохнуть,
Кончая подвигъ жизни бранной,
Но хорошо окончить путь
Въ виду земли обѣтованной!..

Эта теплая вѣра въ обѣтованный край даетъ поэту и силу, и отвагу для борьбы, даетъ ему энергію даже изъ-за тюремной двери восклицать: «да здравствуетъ свобода!»

«И слышалъ сторожъ мой, какъ изъ подъ свода
Я восклицалъ: «да здравствуетъ свобода»! (монологи, II).

Свободѣ и прославленію ея въ сборникѣ г. Омулевскаго вообще отведено почтенное мѣсто. Не дурны тамъ также пьесы, озаглавленныя авторомъ «Деревенскія пѣсни». Онѣ запечатлѣны чисто народнымъ юморомъ и мѣткостью.

Что же касается до поэмъ г. Омулевскаго, то онѣ значительно ниже его лирическихъ пьесъ и по замыслу, и по выполненію.

Въ книжкѣ есть еще отдѣлъ стихотвореній, посвященныхъ поэтомъ его родинѣ, Сибири, но и они по большей части неудачны. Въ талантѣ г. Омулевскаго нѣтъ описательнаго элемента. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній, лирическаго характера, выдаются своей простотой и прочувствованностью. Вотъ, напримѣръ, одно изъ такихъ стихотвореній.

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой,
То посѣти, между прочимъ,
Край мой далекій...

Digitized by Google

Тамъ, *сквозь* снѣга и морозы
Носятся мощные звуки;
Встрѣтишь людей тамъ, что терпятъ
Муки за муки...

Нѣтъ тамъ пустыхъ истукановъ,
Вздоховъ изнѣженной груди...
Тамъ только люди, да цѣпи,
Цѣпи да люди!..

Это теплое отношеніе поэта къ людямъ, «что терпятъ муки за муки», является одной изъ наиболѣе симпатичныхъ сторонъ его дарованія. Есть не дурныя вещицы и въ отдѣлѣ юмористическомъ, хотя въ немъ много и шаблоннаго. Какъ на лучшее, укажемъ на пьесы: «Передъ трупомъ» и «Случай».

Переводный отдѣлъ сборника представляетъ меньшій интересъ, чѣмъ оригинальный. За изъятіемъ двухъ-трехъ пьесъ изъ Виктора Гюго и Мицкевича, переводы всѣ—изъ Сырокомли. Въ большинствѣ случаевъ достоинствамъ подлинника приходится искупать грѣхи перевода. Бойкій, веселый и легкій до виртуозности стихъ Сырокомли совершенно не дался г. Омулевскому: стихъ его перевода выходитъ или скученъ и прозаиченъ, какъ напримѣръ, въ поэмѣ «Стелла Форнарина», или отличается той дѣланной и натянутой веселостью и простотой, которыя хуже всякой напыщенности. Неужели, напримѣръ, это народная рѣчь:

Охъ, не сладокъ хлѣбъ солдатскій,
А какъ вспомнишь, на рѣсницы
Валятъ слезы по дурацки,
Точно ложку съѣлъ горчицы.
Знамо, юность—или тоже
Какъ у васъ теперь, такая?
Сохрани, помилуй Боже!

Припоминая прекрасный переводъ того же стихотворенія, сдѣланный покойнымъ Меемъ, станетъ ясно, насколько переводъ г. Омулевскаго слабѣе. Или, что, напримѣръ, знаменуетъ слѣдующій припѣвъ къ стихотворенію «Сладость мечтаній».

«Взѣзъ на грушку, рвалъ петрушку,
Ахъ, какъ вкусенъ лукъ!

Если это какой-нибудь полонизмъ, его слѣдовало пояснить. Лучше другихъ переведены пьесы: «Рыцарь на стражѣ», «Обывательская надгробная» и «Молчаніе поэта».

Вопросъ о происхожденіи человѣка съ точки зрѣнія біологіи и этики, *Н. Г. Дебольскаго*, Спб. 1883.

Эта небольшая брошюра составляетъ оттискъ статьи изъ журнала «Педагогическій Сборникъ», и имя автора не значится на оберткѣ брошюры; мы его нашли въ концѣ ея, въ видѣ подписи. По внутреннему же содержанію брошюра представляетъ любопытную «игру ума»; тѣмъ болѣе любопытную, что этотъ умъ разыгрывается постепенно, на глазахъ читателя.

Мы имѣемъ сначала дѣло съ критикой теоріи Дарвина. Не

Digitized by Google

все въ этой критикѣ обладаетъ тою степенью доказательности, какую оно имѣетъ въ глазахъ самого автора, но во всякомъ случаѣ критика держится строго научныхъ пріемовъ, ведется съ добросовѣстнымъ уваженіемъ къ заслугамъ Дарвина и содержитъ въ себѣ нѣсколько не новыхъ, но цѣнныхъ указаній. Самое существенное изъ нихъ сводится къ тому, что подборъ можетъ подхватить и упрочить только такое измѣненіе въ организаціи даннаго вида, которое уже имѣется на лицо, а слѣдовательно, теорія подбора совершенно не въ силахъ объяснить расхожденіе видовыхъ признаковъ: она логически приложима только тамъ, гдѣ расхожденіе признаковъ уже появилось, опредѣляемое не подборомъ, а чѣмъ-то другимъ. Тоже самое надо сказать и о факторѣ употребленія или неупотребленія органовъ. «Не существующее нельзя и употреблять», справедливо замѣчаетъ г. Дебольскій; для того, чтобы органъ можно было употреблять, нужно, чтобы онъ уже раньше былъ на лицо и притомъ въ достаточно развитомъ, пригодномъ для употребленія состояніи. Нѣсколько иначе стоитъ дѣло съ вліяніемъ *не*употребленія. Имъ дѣйствительно объясняются многія важныя измѣненія организаціи, но измѣненія исключительно регрессивнаго характера: неупотребленіе можетъ только упростить организацію, и хотя подобныя упрощенія происходятъ въ природѣ очень часто, но мы видимъ, что въ общемъ одолѣваетъ прогрессирующее, усложняющее теченіе, съ точки зрѣнія дарвинизма совершенно необъяснимое. Дарвинъ указалъ еще на одинъ факторъ измѣнчивости, именно на соотношеніе частей, въ силу котораго измѣненіе одной какой-либо части организма отражается на другихъ частяхъ и на цѣломъ. Но законъ этого соотношенія частей намъ неизвѣстенъ, и можно только сказать, что оно обусловливается внутреннею пластическою силою организма, каковой силѣ въ теоріи Дарвина нѣтъ мѣста.

Критика общихъ положеній дарвинизма есть для г. Дебольскаго только преддверіе къ оцѣнкѣ частнаго вопроса о происхожденіи человѣка. И здѣсь опять нашъ авторъ старается держаться научной почвы. Степенно и обстоятельно, хотя и кратко, указываетъ онъ на трудности вопроса, до сихъ поръ теоріей Дарвина не разрѣшенныя. Но вслѣдъ затѣмъ его умъ начинаетъ разыгрываться. Во-первыхъ, дарвинизмъ у него выростаетъ въ трансформизмъ вообще, что, конечно, невѣрно. Теорія Дарвина представляетъ *только одну* изъ формулъ трансформизма, и еслибы нашему автору удалось даже совершенно разрушить спеціальное зданіе дарвинизма, такъ что отъ него не осталось бы камня на камнѣ, то это не могло бы нисколько повредить болѣе общей идеѣ трансформизма, то есть измѣнчивости и перехода видовъ. Мыслимы пути этого перехода, совершенно отличные отъ лежащихъ въ основаніи теоріи Дарвина, и нетолько мыслимы, потому что существуютъ уже попытки указанія такихъ путей. Изъ нихъ г. Дебольскій отмѣчаетъ только предложенную Келликеромъ те-

Digitized by Google

оріи «зародышеваго измѣненія» или «разнороднаго, гетероиннаго размноженія», которая допускаетъ скачкообразное (sprungweise) измѣненіе органическихъ формъ. Г. Дебольскій умалчиваетъ о «законѣ развитія» Негели, получившемъ недавно такую блестящую опору къ книгѣ Эдмона Перье «Les colonies animales». Онъ, правда, цитируетъ Негели, но по совершенно другому поводу, и именно какъ критика теоріи Дарвина; а такъ какъ для нашего автора трансформизмъ есть дарвинизмъ, то мнѣнія Негели получаютъ совсѣмъ не вѣрное освѣщеніе. Какъ бы то ни было, но г. Дебольскій приходитъ къ заключенію, что ни трансформизмъ, ни гетероинизмъ не даютъ удовлетворительнаго объясненія происхожденію видовъ. Дается оно только его, г. Дебольскаго, теоріей *преформизма*, предобразованія. Суть этой теоріи состоитъ въ слѣдующемъ. Первоначально живое вещество было лишено всякой организаціи, но въ немъ были предобразованы всѣ существующія и исчезнувшія органическія формы. Совершенно такъ же, какъ въ зародышѣ, напримѣръ, собаки предобразована собака. Пластическая энергія, заключенная въ живомъ веществѣ, первоначально соединялась съ безграничною измѣнчивостью; но съ теченіемъ времени въ однѣхъ частяхъ или отрывкахъ органической массы стали брать перевѣсъ одни пластическія стремленія, въ другихъ—другія; эта упроченность опредѣленныхъ стремленій создала постоянные виды съ весьма малою уже склонностью къ измѣнчивости; такимъ образомъ, видъ и разновидность или порода далеко не одно и тоже: порода дана тѣмъ слабымъ остаткомъ измѣнчивости, который еще сохранился въ постоянныхъ видахъ, «видъ же произошелъ *отдѣльно* отъ всякаго другого вида, путемъ особаго предобразованія живого вещества».

Не будемъ говорить о томъ, насколько эта теорія нова и оригинальна, не будемъ передавать и подробностей ея. Отмѣтимъ только слѣдующее. Г. Дебольскій справедливо замѣчаетъ, что теорія Дарвина не въ силахъ объяснить несомнѣнный фактъ повышенія, усложненія организмовъ въ общемъ ходѣ органической жизни на землѣ. Это затрудненіе, говоритъ г. Дебольскій, разрѣшается теоріей предобразованія «просто и удобопонятно». А именно: «Въ первоначальномъ живомъ веществѣ заключалось стремленіе произвести все разнообразіе нынѣ существующихъ формъ. Такъ какъ для произведенія низшихъ формъ требовалось и менѣе продолжительная внутренняя работа спеціализаціи и менѣе особыхъ мѣстныхъ внѣшнихъ условій, то совершенно понятно, что *общій* ходъ развитія былъ отъ низшаго къ высшему, и лишь въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ этотъ порядокъ могъ претерпѣвать нарушеніе. Должно было пройти, напримѣръ, не мало времени прежде, чѣмъ оказалось возможнымъ осуществить стремленіе къ произведенію даже низшихъ позвоночныхъ; и громадный промежутокъ времени отдаляетъ появленіе этихъ низшихъ позвоночныхъ отъ появленія вѣнца всего органическаго развитія—человѣка». Внѣ этой гипотезы, г. Дебольскій видитъ

Digitized by Google

объясненіе постепеннаго усложненія организмовъ только «въ признаніи нѣкоторой *цѣли*, управляющей ходомъ органическаго развитія». Но это «телеологическое воззрѣніе» нашъ авторъ отказывается признать правильнымъ, потому что оно «несогласно съ духомъ научнаго естествознанія, которое должно объяснять явленія исключительно изъ механическихъ свойствъ вещества».

Изъ этого видно, что хотя умъ г. Дебольскаго уже достаточно разыгрался, однако, все-таки нѣсколько сдерживается нѣкоторыми требованіями научнаго изслѣдованія. Но на слѣдующей страницѣ умъ эмансипируется и отъ этихъ узъ, и передъ нами игра ума въ полномъ ходу.

По отношенію къ человѣку выводъ изъ теоріи преформизма ясенъ: «человѣкъ никогда не былъ животнымъ; онъ возникъ дѣйствіемъ общихъ законовъ органическаго міра, но изъ особаго, спеціально до него относившагося предобразованія живого вещества». Другими словами: въ одинъ прекрасный день явился на землѣ готовый человѣкъ просто изъ вещества. Это «просто и удобопонятно», по мнѣнію г. Дебольскаго. Авторъ сознается, что это объясненіе «не даетъ положительныхъ указаній на то, гдѣ и когда появился человѣкъ, какъ онъ разселился по поверхности земли, какимъ образомъ произошло его раздѣленіе на породы». Словомъ, преформизмъ не разъясняетъ всего того, неразъясненность чего дарвинизмомъ нашъ авторъ ставитъ послѣднему въ тяжкій грѣхъ. Но онъ все-таки очень радъ своему выводу. Радъ до такой степени, что пишетъ: «Спеціальное естествовѣдѣніе устраняетъ всякое телеологическое объясненіе явленій; оно находитъ имъ основаніе единственно въ механическихъ свойствахъ вещества. Но такъ какъ самыя эти свойства не служатъ первичною причиною, а послѣднюю философія находитъ въ творческомъ разумѣ, то механизмъ явленій самъ оказывается лишь орудіемъ разумныхъ міровыхъ цѣлей». Ну, а разъ разумныя цѣли природы пущены въ ходъ, игрѣ ума не представляется уже никакихъ препятствій. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что брошюра г. Дебольскаго представляетъ лишь одинъ изъ многочисленныхъ образчиковъ того балансированія между теологіей и наукой, которое всегда оканчивается полнымъ фіаско.

Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губерніи. Т. I. Одесскій уѣздъ. Составлено статистическимъ отдѣленіемъ при Херсонской Губернской Земской Управѣ. Херсонъ. 1883 г.

Подъ такимъ заглавіемъ только что вышелъ первый томъ статистическаго описанія Херсонской губерніи, предпринятаго, по примѣру многихъ другихъ земствъ, и херсонскимъ. Изслѣдователи русскаго народнаго быта и русской экономической жизни тѣмъ съ бо́льшимъ интересомъ встрѣтятъ это новое изданіе, что земская статистика донынѣ задѣвала лишь самыя окраины (конечно, далеко не типическія) нашихъ черноземныхъ степей (напримѣръ, Борисоглѣбскій уѣздъ Тамбовской губ., нѣкоторыя во-

Digitized by Google

лости Саратовскаго уѣзда); съ предлежащимъ же томомъ изслѣдователь вступаетъ въ самую глубь черноземной степи, въ самые типическіе ея углы. Но чѣмъ съ большимъ интересомъ приступаетъ читатель къ книгѣ, изданной нынѣ Херсонскимъ земствомъ, тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ знакомится онъ съ ея содержаніемъ. Не скажемъ, чтобы содержаніе это было вздорно или неинтересно, отнюдь нѣтъ. Всякій, кто добросовѣстно ознакомится съ толстымъ томомъ «Матеріаловъ», оцѣнитъ и массу труда, затраченнаго его составителями, и массу цѣннаго и поучительнаго матеріала, заключающагося въ книгѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ книга эта не даетъ отвѣтовъ на вопросы, на которые мы привыкли встрѣчать отвѣты въ земскихъ работахъ. «Матеріалы» слишкомъ узко примѣнены къ цѣлямъ оцѣнки земель и по части экономической статистики не хотятъ, повидимому, давать ничего больше. Они безмѣрно больше интересуются географіей и топографіей края, чѣмъ, напримѣръ, формами хозяйства. Направленіе балокъ и овраговъ, даже самыхъ мелкихъ, обращаетъ гораздо больше вниманія изслѣдователей, нежели, напримѣръ, распространеніе живущихъ вдоль этихъ овраговъ такъ называемыхъ десятинщиковъ (мелкихъ фермеровъ). Составъ населенія по національностямъ интересуетъ изслѣдователей сильнѣе, нежели рабочій составъ населенія, или формы и системы найма рабочихъ, осѣдлыхъ и пришлыхъ (столь многочисленныхъ лѣтомъ въ краѣ). Мы не хотимъ сказать, чтобы географія и топографія края, національный составъ его населенія, или даже сѣть его балокъ и овраговъ не представляли интереса и не заслуживали изученія. Все это очень интересно само по себѣ, но для экономической статистики края имѣетъ значеніе второстепенное, а первостепенное имѣютъ, конечно, формы землевладѣнія, формы и системы хозяйствъ, арендныя отношенія, фермерство, арендная и заработная плата, распространеніе тѣхъ или иныхъ формъ хозяйничанія, забатрачиванія, найма, и пр. На эти вопросы земская статистика обыкновенно даетъ прежде всего отвѣты, а затѣмъ, если были средства и возможность, дополняетъ свѣдѣніями въ родѣ тѣхъ, о коихъ упомянуто выше и кои занимаютъ добрую половину Херсонскаго изданія. Благодаря указанному обстоятельству, это изданіе, несмотря на массу затраченнаго на него труда и несмотря на издержки, конечно, не меньшія, чѣмъ въ другихъ земствахъ, не въ состояніи выдержать сравненія съ большинствомъ земскихъ изданій. Быть можетъ намъ возразятъ, что большинство земствъ прямо и задавалось цѣлью составить экономическую статистику губерніи, тогда какъ Херсонское поставило задачею исключительно оцѣнку, кадастръ земельныхъ имуществъ. Но мы объ этомъ-то и говоримъ. Зачѣмъ ставить такія узкія задачи, когда онѣ обойдутся и дорого (сравнительно съ пользою) и плохо достигнутъ даже ближайшей своей цѣли, ибо какой же кадастръ возможенъ безъ хорошей экономической статистики? Наконецъ, нельзя не вспомнить и того, что и со-

Digitized by Google

ставители вѣдь нашли же возможнымъ дѣлать экскурсіи вдоль всѣхъ балокъ уѣзда или сосчитать населеніе по національностямъ (для земской оцѣнки обстоятельство, кажется, не первостепенное), но не нашли удобнымъ дать счетъ рабочаго состава населенія или распространенія мелкаго фермерства (явленія, совершенно неизвѣстнаго въ описанныхъ доселѣ земскихъ губерніяхъ), или итоговъ крестьянской аренды пашень, сѣнокосовъ и пастбищъ. Ужь если дѣлать экскурсію изъ узкой сферы оцѣнки земель, указанной земствомъ, то не ближе ли было бы обратить больше вниманія на перечисленныя явленія?

А между тѣмъ гг. составители очевидно располагали матеріалами для этого. Такъ въ одномъ мѣстѣ они сообщаютъ мимоходомъ, что 70% всей пашни и луговъ въ уѣздѣ снимается крестьянами и десятинщиками по мелочамъ. Значитъ у нихъ есть итоги этихъ съемокъ. Въ другомъ мѣстѣ говорится о числѣ дворовъ въ уѣздѣ, они приводятъ число дворовъ десятинщиковъ—4640 и чиншевиковъ (?!)—336, всего безземельныхъ земледѣльческихъ дворовъ, состоящихъ на чужой землѣ=4,976 изъ общаго числа 22,432 сельскихъ дворовъ, т. е. около 23%! Вы видите, какія интересныя свѣдѣнія находятся въ рукахъ Херсонскаго статистическаго отдѣленія. Двѣ маленькія таблички на основаніи этихъ свѣдѣній—о съемкѣ земли крестьянами по селамъ и о съемкѣ земли и числѣ дворовъ десятинщиковъ по имѣніямъ, или хотя бы по волостямъ—заняли бы гораздо меньше мѣста, нежели описаніе всѣхъ овраговъ, или всѣхъ проселочныхъ дорогъ, или всѣхъ прилиманныхъ солонцеватыхъ низинъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ, гдѣ мимоходомъ сообщенное свѣдѣніе бросаетъ яркій и поучительный свѣтъ на экономическій бытъ края, читатели видятъ, что за всѣмъ тѣмъ изданіе Херсонскаго земства весьма интересно и можетъ служить важнымъ подспорьемъ при изученіи обширной родины нашей. Нѣкоторыя данныя, какъ объ урожайности, о съемочныхъ цѣнахъ земли, о продажныхъ цѣнахъ, о распредѣленіи землевладѣнія, о сѣвооборотѣ и переложной системѣ и пр., и пр. являются передъ вами въ видѣ систематическомъ и обработанномъ. О другихъ явленіяхъ экономической жизни, не менѣе важныя свѣдѣнія, къ сожалѣнію, весьма не полны, отрывочны. На это обстоятельство мы и обращаемъ вниманіе руководителей дѣла. Имъ предстоитъ еще описаніе пяти уѣздовъ и желательно было бы, чтобы эти описанія, не лишенныя достоинствъ перваго тома, были по возможности чужды его недостатковъ.

Не своевременно ли было бы подумать объ объединеніи и согласованіи программъ статистическихъ земскихъ работъ? И не полезно ли было бы съ этою цѣлью организовать съѣзды статистиковъ и экономистовъ, на подобіе того, какъ собираются съѣзды врачей, естествоиспытателей, лѣсоводовъ, сельскихъ хозяевъ, горнозаводчиковъ и т. д?

Digitized by Google

Родъ князей Зацѣпиныхъ. Историческій романъ. Сочиненіе *А. Шардина.* Томы I и II. Спб. 1883.

Въ длинномъ ряду нашихъ историческихъ романистовъ г. Шардинъ занялъ свое особое мѣсто. Обстоятельность самаго завзятаго буквоѣда-историка онъ счастливо соединяетъ съ просвѣщенностью воззрѣній и изяществомъ языка самаго что ни на есть передового современнаго публициста, благодаря чему его романы пріобрѣтаютъ очень оригинальный колоритъ. Г. Шардинъ не скажетъ, напримѣръ, «кучеръ», а скажетъ «возчикъ» и въ особомъ примѣчаніи досконально объяснитъ, что онъ это дѣлаетъ не даромъ, не спроста, а потому, что «названіе кучера, хотя и употреблялось въ 1740 г., но было далеко не во всеобщемъ употребленіи. Употребленіе слова лакей, заимствованное отъ французовъ, отъ le laquais или la queue (хвостъ), какъ выдумали парижанки называть сопровождающихъ себя людей, въ Россіи распространилось только съ послѣдней четверти прошлаго вѣка. Всего прежде въ Россіи вошло въ употребленіе слово форейторъ; кажется ихъ начали такъ называть съ введеніемъ крытыхъ большихъ колымагъ, стало быть еще при царяхъ Рюриковичахъ, прежде лихолѣтья; во всякомъ случаѣ, не позже перваго самозванца» (I, 1). Какая поразительная обстоятельность! Въ другомъ мѣстѣ ученый авторъ вступаетъ въ жаркую полемику съ покойнымъ профессоромъ Соловьевымъ по важному вопросу о томъ, былъ ли Шубинъ, фаворитъ Елизаветы, прапорщикомъ Семеновскаго или Преображенскаго полка. Но съ другой стороны, г. Шардину, какъ сказано, далеко не чуждъ и міръ современныхъ понятій, которыми онъ проникнутъ до того, что даже его персонажи выражаются какъ бы тирадами изъ самыхъ глубокомысленныхъ статей «Недѣли». Приведемъ образчики. «Общественное положеніе человѣка обусловливаетъ его дѣйствія, которыми опредѣляются потомъ и его свойства. Человѣкъ, положеніе котораго и его значеніе въ обществѣ опредѣляется исключительно количествомъ принадлежащаго ему капитала, не можетъ не стремиться наживать капиталъ всѣми способами, хотя бы эти способы шли прямо въ разрѣзъ его человѣчности. Правильность общественнаго устройства заключается въ томъ равновѣсіи, которое требованіями одного элемента общественности уничтожало бы недостатки другого, т. е. чтобы родъ не допускалъ капитала давить трудъ; капиталъ, съ своей стороны, помогалъ бы труду стоять въ соотвѣтственномъ значеніи противъ рода, не допуская ни его презрѣнія, ни его благодѣяній, а только единственно правильное вознагражденіе; а трудъ, чтобы ограничивалъ ихъ обоихъ и устранялъ возможность фавора. Но эта задача равносильна знаменитой задачѣ сфинкса; надъ нею сотни вѣковъ бьются всѣ законодатели, экономисты и философы всѣхъ странъ въ мірѣ» (I, 272). Самъ г. Гайдебуровъ не отказался бы подписаться подъ этими краснорѣчивыми строками. А вотъ какъ то же лицо—екатерининскій вельможа—прекрасно философствуетъ:

Digitized by Google

«Жизнь и смерть дѣло условное. Обѣ онѣ идутъ одна съ другой подъ руку, и не узнаешь, гдѣ является одна и возникаетъ другая. Все родится, чтобы умереть, а умираетъ, чтобы дать разцвѣсть жизни. Пастухъ, закалывающій ягненка, чтобы не умереть съ голоду, разумѣется, не думаетъ, что онъ совершаетъ убійство, какъ не подумаетъ о томъ медвѣдь, когда ему достанется съѣсть пастуха. Одно, что неизмѣнно, это время» (II, 120). Этотъ отрывокъ могъ бы явиться украшеніемъ любой философской статьи, хотя бы, напримѣръ, г. Юзова. Такъ вотъ каковъ г. Шардинъ: онъ не романы только пишетъ, онъ историческія открытія дѣлаетъ. Кто бы могъ подумать, что екатерининскіе вельможи выражались такъ возвышенно, когда даже въ позднѣйшія времена Аракчеевъ, по свидѣтельству «Русской Старины», писалъ: «поеду впарышъ».

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Наша république des lettres устроена странно вообще, а съ точки зрѣнія движенія народонаселенія въ особенности: намъ такъ часто приходится хоронить и такъ рѣдко крестить. Старые таланты кончаютъ свое земное странствованіе, новые являются на бѣлый свѣтъ туго, спотыкаются, не доразвиваются, и право, иной разъ думается, что даже матери рожаютъ нынѣ талантливыхъ людей съ болѣе сильными болями, чѣмъ то требуется законами природы. Все на свѣтѣ имѣетъ свои причины. Есть онѣ и у этого печальнаго положенія русской беллетристики, но я ихъ искать теперь не буду. Я только отмѣчаю фактъ, давно уже отмѣченный, всѣмъ видимый, и затѣмъ дѣлаю изъ него практическій выводъ. Мнѣ кажется именно, что наша беллетристическая скудость обязываетъ критику относиться даже къ скромнымъ дарованіямъ гораздо бережнѣе, чѣмъ она это дѣлала до сихъ поръ. Я не то хочу сказать, чтобы критика должна была нѣжничать съ этими второстепенными и третьестепенными талантами, и тѣмъ паче льстить имъ, на томъ основаніи, что на безрыбьи и ракъ рыба. Нѣтъ, такое отношеніе было бы гораздо хуже простого умолчанія, и не этимъ путемъ устраняется безрыбье. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы надо было небрежно относиться, напримѣръ, къ г. Эртелю—я объ немъ собираюсь говорить—только потому, что онъ не Тургеневъ или Достоевскій. Тургеневъ и Достоевскій сами по себѣ, а г. Эртель самъ по себѣ. Всѣмъ найдется мѣсто, лишь бы только и читатели, и сами писатели знали, кто какое мѣсто за-

Digitized by Google

нимаетъ и кому какое мѣсто приличествуетъ. «Таланты отъ Бога», какъ извѣстно, но въ ихъ судьбѣ есть нѣчто и «отъ рукъ человѣческихъ». Упорный трудъ надъ собой вовсе не такъ чуждъ таланту, какъ обыкновенно думаютъ, а одинъ изъ колоссовъ таланта сказалъ даже, что геній есть терпѣніе. Если въ этомъ мнѣніи есть преувеличеніе, если неизбѣжны вѣчные труженики, которые, однако, никогда мастерами не будутъ, если существуютъ наоборотъ счастливые лѣнтяи, которымъ многое дается совсѣмъ даромъ, то все-таки несомнѣнно то общее правило, что талантъ требуетъ ухода и контроля. Безъ нихъ онъ легко можетъ или удариться въ сторону, ему совершенно не свойственную, или не доразвиться, не дать того, что онъ можетъ дать, или напротивъ того, изнемочь въ потугахъ обнять необъятное, рѣшать задачи, для него непосильныя. Но понятно, что контролировать себя безъ всякой посторонней помощи можетъ только талантъ, такъ или иначе уже окрѣпшій, опредѣлившій для себя размѣръ своихъ силъ и характеръ имѣющихся у него въ распоряженіи красокъ. А между тѣмъ тутъ-то и только тутъ критика обыкновенно и начинаетъ заниматься имъ самымъ усерднымъ образомъ, комментируя каждое его произведеніе, ломая копья за и противъ каждаго созданнаго имъ образа. Это, конечно, очень натурально, потому что произведенія такого писателя, достигшаго предѣла доступнаго ему самосознанія, получаютъ особенный интересъ и особенную цѣну, какъ художественныя отраженія извѣстныхъ теченій жизни, и даже просто какъ христоматическіе факты, если можно такъ выразиться. Какъ бы однако ни было полезно, а для самой критики, кромѣ этого, и пріятно заниматься анализомъ продуктовъ сформировавшагося и первостепеннаго таланта, это не снимаетъ съ нея обязанностей по отношенію къ второстепеннымъ и третьестепеннымъ явленіямъ въ области беллетристики. Во-первыхъ, ихъ относительная слабость не мѣшаетъ имъ захватывать темы, представляющія глубокій жизненный интересъ. Во-вторыхъ, авторы этихъ произведеній натурально нуждаются въ голосѣ критики, который долженъ помочь имъ взвѣсить свои силы, чтобы они не сбивались съ пути, не останавливались съ излишнею робостью передъ задачами посильными и не брались за задачи непосильныя. И это будетъ вовсе не личною услугою тому или другому беллетристу, потому что писатель, сознавшій свои сильныя и слабыя стороны, представляетъ всегда чистый выигрышъ для литературы и общества. Дѣло, разумѣется, не въ поученіяхъ какихъ-нибудь, а въ томъ просто, чтобы писатель слышалъ свободныя и участливыя—жесткія или мягкія по формѣ, это все равно — сужденія о своихъ работахъ. Безъ всякаго сомнѣнія, есть не мало писателей, надъ которыми смѣло можно поставить крестъ и которые не имѣютъ ни малѣйшаго права претендовать на участливое вниманіе къ себѣ. Г. Эртель, конечно, не изъ ихъ числа...

Digitized by Google

Г. Эртель очень плодовитъ. Передо мной лежатъ два тома его «Записокъ степняка», въ которые вошли цѣлыхъ двадцать разсказовъ или очерковъ, написанныхъ въ сравнительно короткое время, а единовременно съ ихъ отдѣльнымъ изданіемъ появилась въ «Вѣстникѣ Европы» его большая повѣсть «Волхонская барышня» (№№ 6—8). Г. Эртель человѣкъ несомнѣнно талантливый. Г. Эртель интересуется въ своихъ произведеніяхъ такими вещами, которыя дѣйствительно заслуживаютъ интереса, его занимаютъ по истинѣ «больныя мѣста» и по истинѣ «проклятые вопросы». Наконецъ, въ его очеркахъ и въ его повѣсти разбросаны даже съ нѣкоторымъ излишествомъ слѣды разнообразной начитанности. Словомъ, г. Эртель, повидимому, работаетъ въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. А между тѣмъ какая странность: «Записки степняка» печатались отдѣльными очерками въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Дѣлѣ», если не ошибаюсь, въ «Русской Мысли» — въ журналахъ распространенныхъ, но я не помню, чтобы критики ими тогда занимались. Теперь же, единовременное появленіе «Волхонской барышни» и «Записокъ степняка» въ отдѣльномъ изданіи вызвало цѣлый рядъ рецензій, весьма неблагопріятныхъ для нашего молодого автора. Г. Эртель, кажется, рѣшительно никому не угодилъ. Да утѣшится онъ мыслью Дидро, что книга, которая никому не понравилась, можетъ быть гораздо лучше той, которая понравилась всѣмъ. Не угодилъ г. Эртель и вашему журналу, какъ видно изъ коротенькой рецензіи, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ, и какъ будетъ видно изъ нижеслѣдующаго. Но мнѣ кажется, что въ отзывахъ о г. Эртелѣ, которые мнѣ удалось видѣть въ журналахъ и газетахъ, нѣтъ того, чего онъ вправѣ ожидать въ виду своего несомнѣннаго, хотя и не крупнаго таланта, и своей старательности, а именно—участливаго вниманія. Поступить съ г. Эртелемъ круто очень не трудно, но я не вижу въ этомъ ни надобности, ни справедливости. Затѣмъ вы, надѣюсь, не взыщете, если въ настоящемъ письмѣ встрѣтите что-нибудь такое, что было уже высказано въ другихъ журналахъ или газетахъ. Всѣхъ отзывовъ о «Запискахъ степняка» и «Волхонской барышнѣ» я не читалъ, но знаю, что нѣкоторыя черты творчества г. Эртеля такъ очевидны, что относительно ихъ не можетъ быть разногласія.

Начнемъ съ «Записокъ степняка».

Есть двѣ формы разсказа: описательная и повѣствовательная. Образчикомъ первой формы можетъ служить, напримѣръ, «Рудинъ» или «Отцы и дѣти» (благо теперь Тургеневъ у всѣхъ на языкѣ); образчикомъ второй—«Записки охотника» или «Первая любовь». Разница тутъ такая же, какъ между исторіей и мемуарами. Въ описательной формѣ авторское *я* не выступаетъ наружу, разсказъ развертывается самъ собой, и читатель приглашается слѣдить единовременно за всѣми дѣйствующими лицами, во всѣхъ подробностяхъ ихъ чувствъ, мыслей и дѣйствій. Въ

Digitized by Google

повѣствовательной формѣ разсказъ ведется отъ имени автора или другого опредѣленнаго лица, очевидца разсказываемыхъ событій; и понятно, что, вообще говоря, эта форма гораздо легче для художника, именно потому, что онъ тутъ играетъ роль очевидца и слѣдовательно не обязывается передавать читателю то, чего человѣкъ очами видѣть не можетъ; онъ только предъявляетъ свои личныя наблюденія, впечатлѣнія и ощущенія. Однако, эта повѣствовательная форма можетъ стать и неизмѣримо труднѣе, если лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, само по себѣ, представляетъ какой-нибудь интересъ съ точки зрѣнія художника. Въ «Запискахъ охотника», напримѣръ, *я* разсказчика само по себѣ ни мало не интересно, а интереснѣе Хорь, Калинычъ, Чертопхановъ, Недопюскинъ и т. д. Въ «Первой любви» художественная задача уже гораздо сложнѣе: читатель заинтересованъ нетолько образами и судьбой княжны Зинаиды и ея поклонниковъ, но и особенными ощущеніями самого разсказчика. Здѣсь очевидецъ, мальчикъ, испытывающій «первую любовь» и сталкивающійся на этой дорогѣ съ своимъ отцомъ, самъ по себѣ составляетъ художественную задачу. Въ лермонтовскомъ «Героѣ нашего времени», въ высоко-талантливой повѣсти Крестовскаго-псевдонима «Первая борьба», въ «Благополучномъ россіянинѣ» покойнаго Кущевскаго, эта двойственность художественной задачи становится еще очевиднѣе и самая задача еще труднѣе: на созданіе разсказчика Печорина потрачено гораздо больше художественной силы, чѣмъ на созданіе княжны Мери или Грушницкаго, и для читателя, и для критики Печоринъ гораздо интереснѣе послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ усложняется и задача критики.

Для сужденія о княжнѣ Зинаидѣ и ея поклонникахъ въ «Первой любви», о княжнѣ Мери и Грушницкомъ, драгунскомъ капитанѣ, Вѣрѣ, докторѣ Вернерѣ въ «Героѣ нашего времени» мы имѣемъ матеріалъ завѣдомо односторонній. Эти образы стоятъ передъ нами, освѣщенные подъ угломъ зрѣнія влюбленнаго мальчика и такой особенной натуры, какъ Печоринъ. Поэтому надо прежде всего выяснить это особенное, необычное *я* разсказчика и сдѣлать въ остальномъ соотвѣтственныя поправки.

«Записки степняка» написаны въ повѣствовательной формѣ. Спрашивается, что же это за степнякъ такой? Представляетъ ли его *я* какую-нибудь художественную претензію, независимую отъ самыхъ разсказовъ, или же «записки» представляютъ въ настоящемъ случаѣ пустую форму, безхитростный пріемъ, въ родѣ «Записокъ охотника» Тургенева?

Судя по предисловію, озаглавленному «Мое знакомство съ Батуринымъ», нѣкоторая художественная претензія въ «степнякѣ» дѣйствительно вложена. Позвольте мнѣ привести изъ этого предисловія довольно большую выдержку.

«Батуринъ былъ близкій мнѣ человѣкъ... Передъ смертью онъ писалъ мнѣ и просилъ меня издать его записки. И, странное

Digitized by Google

дѣло, человѣкъ въ высшей степени скромный, онъ просилъ при отдѣльномъ изданіи помѣстить его біографію. Вотъ ужь задачато неблагодарная... «Я, говоритъ, хочу, чтобы видѣли, почему отъ добрыхъ восклицаній во вкусѣ Левитова я перешелъ къ пессимизму «Идилліи» и «Аддіо» и почему вообще я разметалъ свои силы и дошелъ до Ментоны. Все это вы помните». Странная и, повторяю, неблагодарная задача. Внѣшніе факты изъ жизни Батурина таковы: происходилъ изъ дворянъ; ценза не имѣлъ; хозяйничалъ плохо (мужики его ужасно надували); курса въ университетѣ не кончилъ; женатъ не былъ... любилъ деревню и до конца дней своихъ бредилъ степью... Вообще нужно сказать, человѣкъ онъ былъ глубоко почвенный и къ землѣ своей пришитъ былъ крѣпко. Это съ одной стороны. Но съ другой, эта земля мучила и терзала его неусыпно. Онъ всегда съ завистью говорилъ о 40-хъ и 60-хъ годахъ.—«Счастливые люди жили въ тѣ годы!»—часто восклицалъ онъ, обыкновенно вздыхая при этомъ.—Чѣмъ же они счастливы то, Николай Васильевичъ?—спрошу, бывало, я.—«А тѣмъ счастливы, скажетъ, вѣра въ нихъ была, цѣльность была, врага они ясно видѣли, идеалы свои ощупывали руками... А теперь что! мы теперь точно мужикъ: стащили съ него барина, онъ и не знаетъ кто его за горло душитъ. Ясность отношеній исчезла, суматоха какая-то всюду, путаница, абракадабра...» И напрасно я напоминалъ ему идеалы, ясные, какъ кристалъ; онъ съ тихою печалью улыбался.—«Да, они ясны, говорилъ онъ.—Но это ясность теоріи, ясность вычисленій ариѳметическихъ. Они ясны до той поры, пока жизнь не затуманитъ и не загрязнитъ ихъ. Вотъ погодите, насмотритесь, можетъ быть. Все захватитъ своими нечистыми руками эта проклятая, эта изолгавшаяся жизнь и, въ концѣ-концовъ, получатся пятна, не болѣе»... И онъ въ унынiи поникалъ головой. Иногда же злился, обзывалъ меня Маниловымъ и уподоблялъ идеалы тульскимъ самоварамъ, что до тѣхъ поръ и блестятъ, пока новы, а чуть попадутъ въ руки кухарки, и конецъ ихъ блистанію. Вообще онъ легко поддавался желчи. Но временами на него находила бодрость, и тогда страстное нетерпѣніе загоралось въ немъ. Онъ ѣздилъ по сосѣдямъ, знакомился съ новыми людьми, говорилъ, проповѣдовалъ, строилъ проэкты различныхъ мѣропріятій... А спустя немного, снова сидѣлъ кислый и больной. И такъ во всю жизнь. Мнѣ кажется, особенно угнетала его пустота, какъ бы искуственно воздвигнутая вокругъ него: куда бы онъ ни сунулся, вездѣ встрѣчались запоры и преграды. Я говорю о цензѣ. Но, конечно, и не одно это угнетало; необходимо еще упомянуть о нервахъ, не дававшихъ ему покоя».

Затѣмъ половину всей «біографіи» степняка Батурина занимаетъ любовный эпизодъ, разсказанный его собственными словами. Дѣло было и очень просто, и очень странно. Первое (и послѣднее) свиданіе степняка съ избранницей его сердца происходило въ іюльскую лунную ночь. Свиданіе шло сначала какъ и всѣ

Digitized by Google

прочія свиданія, но вдругъ за кустомъ раздался шорохъ и потомъ разговоръ. «Мы замерли. Но я не выпускалъ изъ объятій милую дѣвушку и по возможности старался казаться твердымъ». За кустомъ, оказалось, присѣли отдохнуть и покалякать два конокрада, возвращавшіеся съ промысла. Калякали они несообразно долго для людей, только что укравшихъ лошадь и потому долженствующихъ помышлять о скорѣйшемъ бѣгствѣ. А влюбленные все это время стояли обнявшись. Но вотъ конокрады ушли. Дѣвушка заговорила въ томъ смыслѣ, что она очень боялась, а на вопросъ степняка, чего же она боялась, отвѣтила такъ: «Услышатъ... папа узнаетъ... Скандалъ... Мало ли чего!» «Ну вотъ-то и конецъ моему роману, саркастически усмѣхаясь, добавилъ Батуринъ.—Руки мои внезапно какъ плети скользнули по ея гибкому стану и въ безсиліи опустились. Во рту появилась какая-то сухая и непріязненная горечь. А тутъ какъ на грѣхъ мѣсячный лучъ коварно легъ на ея губы и выраженіе страсти немилосердно растянуло ихъ. И что же мнѣ показалось—бываетъ же глупъ человѣкъ—мнѣ показалось: какая-то огромная птица бьется на моей груди... И, страшно сказать, все существо мое переполнилось непобѣдимымъ отвращеніемъ».

Наконецъ, еще одна черта: умирая, степнякъ «обвелъ окружающихъ тоскливымъ взглядомъ и спросилъ упорно: «Да когда же мы переведемся на Руси?» Что онъ этимъ хотѣлъ сказать, не знаю, прибавляетъ г. Эртель.

Соображая всѣ эти біографическія черты, надо будетъ, кажется, сказать, что г. Эртель довольно плохо исполнилъ завѣщаніе своего пріятеля. Изъ составленной имъ біографіи рѣшительно не видать того, что хотѣлъ уяснить современникамъ степнякъ, не видать именно, «почему отъ добрыхъ восклицаній онъ перешелъ къ пессимизму». Видно, что человѣку не везло въ жизни, но въ неудачахъ его нѣтъ ничего такого, что выдѣляло бы его изъ сотенъ и тысячъ другихъ неудачниковъ и хоть сколько-нибудь опредѣляло его индивидуальность. Предсмертнымъ вопросомъ степняка, долженствующимъ выражать нѣчто характерное и глубокое, вы даже просто поражены, какъ совершенною неожиданностью. Рѣчь шла о «суматохѣ, путаницѣ, абракадабрѣ», господствующихъ въ нашемъ отечествѣ, о «проклятой, изолгавшейся жизни», и естественно было бы ожидать, что степнякъ, болѣвшій, по словамъ г. Эртеля, этими болями, скажетъ передъ смертью: «да когда же переведется эта путаница на Руси?» А онъ вдругъ: когда же *мы* переведемся! Это нѣсколько напоминаетъ анекдотъ о томъ смѣшномъ человѣкѣ, который, разсказывая про свое восхожденіе на Казбекъ, говорилъ: такъ Казбекъ (онъ показывалъ на аршинъ отъ полу), а такъ я (онъ поднималъ руку сколько могъ выше головы). Какіе это такіе мы? Очевидно, мы имѣемъ дѣло, по замыслу автора, съ какимъ-то достопримѣчательнымъ типомъ, но не менѣе очевидно, что всякій читатель вправѣ подумать: «что онъ (г. Эртель) хотѣлъ этимъ

Digitized by Google

сказать, не знаю»... Давайте, впрочемъ, пересмотримъ показанія г. Эртеля и самого степняка.

Степнякъ имѣлъ чрезвычайно неровный характеръ и безпричинно, покрайней мѣрѣ, безъ такой причины, которую можно было бы уловить и указать, переходилъ отъ унылаго настроенія къ возбужденному и обратно; но въ общемъ состояніе его духа измѣнялось все-таки въ одномъ опредѣленномъ направленіи, отъ добрыхъ восклицаній къ пессимизму. Г Эртель объясняетъ это тѣмъ, что у него не было ценза, а были разстроенные нервы (собственно только эти два пункта и ясны). Степнякъ, съ своей стороны, прибавляетъ свое любовное разочарованіе. Надо, однако признаться, что отсутствіе ценза и присутствіе разстроенныхъ нервовъ еще не ахти какая достопримѣчательность, такъ что довольно даже мудрено построить на такихъ двухъ устояхъ типъ пессимиста. Очевидно, значеніе этихъ двухъ источниковъ огорченій степняка преувеличено г. Эртелемъ. Но и самъ степнякъ склоненъ преувеличивать свои бѣды. Въ самомъ дѣлѣ, онъ вспоминаетъ о своемъ любовномъ эпизодѣ съ такимъ «сарказмомъ», съ такою мрачностью, которые приличествуютъ развѣ какому-нибудь баловню судьбы, никогда настоящаго горя не видавшему и потому принимающему за горе сущіе пустяки. Дѣвица испугалась «папа» и «скандала»... Помилуйте, да объ чемъ же тутъ разговаривать? а тѣмъ паче объ чемъ «саркастически» вспоминать? Такая дѣвица нетолько не та гага avis, не та фантастическая «огромная птица», какою она представлялась степняку, а явленіе, столь же обыкновенное, какъ и человѣкъ, не имѣющій ценза. Понятно, что въ ту минуту степняку могло быть больно, но совершенно ни съ чѣмъ несообразно такъ пространно и саркастически размазывать этотъ пустяковый эпизодъ по прошествіи многихъ лѣтъ. Степняку, напротивъ, слѣдовало бы радоваться, что дѣло разъяснилось на первомъ же свиданіи, что онъ не успѣлъ потратить на дѣвицу много силъ и не повелъ ее къ алтарю, въ чемъ очевидно имѣлъ бы потомъ всѣ резоны жестоко каяться.

Если мы выйдемъ изъ предѣловъ біографіи степняка, составленной г. Эртелемъ, и перейдемъ къ самымъ «запискамъ», то увидимъ прежде всего, что никакого перехода «отъ добрыхъ восклицаній къ пессимизму» тутъ нѣтъ. Въ первомъ же очеркѣ («Подъ шумъ вьюги») и на первыхъ же его строкахъ мы встрѣчаемся съ необыкновенно мрачнымъ настроеніемъ: «Тоска одолѣвала меня... Пошли бродить думы, воспоминанія... все горькія, невеселыя, подстать къ погодѣ... Напрасно я разыскивалъ въ этихъ думахъ, въ этихъ воспоминаніяхъ яркаго, свѣтлаго луча, напрасно напрягалъ память, вызывая его, этотъ лучъ, эту ободряющую полосу свѣта... Все была сплошная, одуряющая тьма... Рядъ фактовъ, одинъ другого безотраднѣе» и т. д. Наоборотъ, въ послѣднемъ очеркѣ «Аддіо!», рекомендуемомъ самимъ степнякомъ, какъ нѣчто особливо пессимистическое, мѣстами вкраплены такія «добрыя восклицанія» и въ такомъ количествѣ, что

Digitized by Google

даже удивительно. Затѣмъ, во всѣхъ «запискахъ» фигура степняка оказывается выдержанною и съ біографіей согласною въ томъ отношеніи, что онъ, во-первыхъ, постоянно, безъ всякаго видимаго резона переходитъ отъ уныніи къ возбужденію и, во-вторыхъ, нестерпимо назойливо носится съ своими личными ощущеніями, предъявляя ихъ и тогда, когда они нисколько не любопытны, и тамъ, гдѣ они совсѣмъ къ дѣлу не идутъ. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ очеркъ «Аддіо», гдѣ авторъ, по крайней мѣрѣ, разъ пятнадцать мѣняетъ свое настроеніе (а въ очеркѣ и двухъ печатныхъ листовъ нѣтъ) рѣшительно ни съ того, ни съ сего, но всякій разъ назойливо предлагая читателю проникаться этими калейдоскопическими измѣненіями. Вотъ, напримѣръ, на страницѣ 272 читаемъ: «И неодолимая печаль охватила меня. Я чувствовалъ, какъ сердце мое расширялось въ какой-то тяжелой и мучительной истомѣ, и тоскливая фальшь закрадывалась въ душу». Это на 272 страницѣ, а на 273 й: «И когда я сошелъ съ кургана, печаль покинула меня. Я забылъ боли и скорби, которыми жилъ доселѣ». А на 274-й опять: «И солнечный лучъ, игравшій на бѣлой стѣнѣ, снова показался мнѣ лучемъ умирающимъ, и неодолимая печаль обняла мою душу». Но это только до слѣдующей, 275-й страницы, потому что тутъ «дыханіе мое радостно стѣснилось; мнѣ показалось даже, что небо внезапно просвѣтлѣло и посвѣтлѣли комнаты, переполненныя сумракомъ»... Фу ты, Господи, какой неосновательный человѣкъ! или не столько неосновательный, сколько неустанно прислушивающійся къ шуму въ собственныхъ ушахъ. Всякому случается болѣе или менѣе мѣнять настроеніе духа—то будто взгрустнется, а то повеселѣе станетъ. Но никому, кромѣ надоѣдливаго степняка, не придетъ въ голову подмѣчать эти едва уловимые оттѣнки, раздувать ихъ въ нѣчто достопримѣчательное и доводить объ каждомъ изъ нихъ до свѣденія публики. Только такой, по истинѣ, несносный человѣкъ можетъ такъ приставать къ читателю: солнце сіяло уже, когда я всталъ; всталъ я съ лѣвой ноги, но потомъ переступилъ на правую; а солнце все лило свои живительные, ласкающіе лучи; потомъ я постоялъ немножко на обѣихъ ногахъ съ разу... Помилосердуйте, господинъ степнякъ! вѣдь до всего этого рѣшительно никому нѣтъ дѣла... Но очеркъ «Аддіо», по крайней мѣрѣ, такъ ужь и отведенъ, прямо и откровенно, подъ личныя ощущенія автора. А вотъ не угодно ли прослушать, напримѣръ, разсказъ про «Офицершу». Офицерша эта—сельская учительница. Нѣкоторые намеки на нее читатель получаетъ уже въ первомъ томѣ «Записокъ степняка», именно въ разсказѣ «Отъ одного парня», и намеки эти такого рода, что читатель непремѣнно долженъ заинтересоваться личностью офицерши. И вотъ, наконецъ, во второмъ томѣ интересъ этотъ получаетъ удовлетвореніе. Пріѣзжаетъ къ автору мужикъ изъ того самаго села, гдѣ учительствуетъ офицерша, и проситъ пріѣхать къ нимъ, потому что съ офицер-

Digitized by Google

шей что-то неладное сдѣлалось: не то больна, не то «замудрила». Авторъ обѣщалъ пріѣхать. «Но, говоритъ онъ, прежде, чѣмъ разсказать о поѣздкѣ моей въ Березовку, нужно, я думаю, сообщить вамъ о томъ, какъ состоялось мое знакомство съ офицершей. *Слушайте же.* Былъ мартъ. Солнце стояло высоко и сильно приг(ѣвало. На поляхъ показались проталины» и т. д. Вы пропускаете нѣсколько строкъ и ищите, гдѣ же про офицершу-то? Авторъ начинаетъ новый абзацъ: «Странное это время, читатель! все обновляется, все готовится къ жизни, а между тѣмъ, какая-то тихая печаль непрестанно и томительно преслѣдуетъ васъ» и т. д. Вы опять пропускаете полстраницы, потому что заинтересованы офицершей, а о «печали» господина степняка и безъ того много наслышаны. Авторъ начинаетъ и еще абзацъ: «Такъ вотъ, когда солнце свѣтило ужь особенно ярко и тепло, и особенно грустно мнѣ было на моемъ хуторѣ, вокругъ котораго звенѣли многочисленные ручейки, и гибкія ракиты колебались тихо и размѣренно, я проѣхалъ въ березовскую школу». Слава Богу! наконецъ то. Разсказавъ про свой первый визитъ къ офицершѣ, авторъ переходитъ ко второй своей поѣздкѣ въ Березовку, по приглашенію мужика, привезшаго извѣстіе, что съ офицершей неладно. Начинаетъ онъ такъ: «День былъ тихій и ясный. Золотистое солнце переполняло сверканіемъ прозрачный воздухъ» и т. д. А продолжаетъ такъ: «Славное время этотъ погожій сентябрь! Дышется такъ вольно и такъ умиротворяются нервы глубокой тишиной безжизненнаго поля». Но пока господинъ степнякъ умиротворялъ свои нервы и размышлялъ о печаляхъ марта и прелестяхъ сентября, офицерша-то отравилась... Это не мѣшаетъ, впрочемъ, господину степняку, сидя въ концѣ разсказа на могилѣ офицерши, отмѣчать впечатлѣнія, полученныя имъ отъ окружающаго пейзажа. «День былъ сырой и пасмурный. Безконечныя вереницы свинцовыхъ тучъ низко ползли надъ пустынными полями» и т. д.

Мнѣ кажется, что со степнякомъ можно покончить. Мнѣ кажется ясно, что художественная претензія, вложенная г. Эртелемъ въ эту фигуру, такъ претензіей и осталась. Такому несносному человѣку, постоянно занятому предъявленіемъ своихъ личныхъ ощущеній, хотя кругомъ совершаются дѣла чрезвычайной важности, можно было бы посвятить одинъ очеркъ, и притомъ юмористическій, но отнюдь не слѣдовало держать его маленькое, хотя и поднимающееся на носки *я* постоянно на глазахъ читателя, да еще покушаться при этомъ на читательское сочувствіе. Еслибы въ «Запискахъ степняка» ничего, кромѣ степняка, не было, такъ *я*, разумѣется, не сталъ бы утруждать ими ваше вниманіе. Но около степняка, дѣйствительно, совершаются дѣла чрезвычайной важности и онъ сообщаетъ объ этихъ дѣлахъ кое что очень любопытное. Въ виду этого, въ виду дѣйствительно серьёзныхъ задачъ г. Эртеля, я и думаю, что критика должна отнестись къ его таланту съ гораздо болѣе участ-

Digitized by Google

ливымъ вниманіемъ, чѣмъ она это дѣлала до сихъ поръ. Повторяю, участливое вниманіе вовсе не требуетъ комплиментовъ или лести.

Вотъ уже много лѣтъ идутъ у насъ въ журналистикѣ усиленные толки о народѣ. Казалось бы, разговоры столь обильные должны оправдать пословицу: du choc des opinions jaillit la vérité—заблужденія должны бы отпасть, а истина восторжествовать. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ. Что бы вы ни считали истиной съ одной стороны и заблужденіемъ съ другой, но наличность пререканій и противорѣчій свидѣтельствуетъ, что до истины, можетъ быть, никто не добрался, а заблужденія-то ужь навѣрно есть. Я думаю, что для этой безплодности столь многословныхъ и продолжительныхъ разговоровъ есть очень простое объясненіе въ ихъ многословности и продолжительности. Слова, слова и слова, обреченныя оставаться словами, безъ прямого отраженія въ жизни, нетолько не уясняютъ какихъ-нибудь недоразумѣній, а, напротивъ, накапливаясь въ чрезмѣрномъ количествѣ, порождаютъ безпорядочную толкотню понятій и вящую путаницу; путаница эта усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что такія обреченныя слова дѣлаютъ обыкновенно не настоящія слова, а полуслова и намеки. Какъ бы то ни было, но многолѣтнія разсужденія нашей журналистики о народѣ привели только къ тому, что нѣкоторые изъ ея представителей несутъ совершенный вздоръ съ невѣроятнымъ апломбомъ. Прекраснымъ образчикомъ такого вздора съ амплломбомъ могла бы служить вышедшая въ прошломъ году книжка г. Юзова «Основы народничества». Но трактовать объ ней было бы скучно и долго, а меня ждетъ г. Эртель. Желающимъ ознакомиться съ произведеніемъ г. Юзова рекомендую журналъ «Дѣло», который счелъ нужнымъ дважды подвергнуть его подробному и обстоятельному разбору. У меня есть подъ руками болѣе удобный (по краткости) образчикъ вздора съ апломбомъ. Вотъ что писала недавно газета «Недѣля» о вашемъ журналѣ:

«Въ воззрѣніяхъ журнала есть одинъ коренной недостатокъ, который особенно претитъ въ органѣ, прозванномъ довольно мѣтко «мужиковствующимъ». Этотъ недостатокъ—игнорированіе народной мысли и народныхъ желаній. Дѣйствительно, «Отечественныя Записки» только «мужиковствуютъ», т. е. очень старательно изучаютъ мужика; но онѣ пытаются ставить всѣ общественные вопросы съ точки зрѣнія собственныхъ «научныхъ» взглядовъ на нужды мужика. При этомъ онѣ совершенно забываютъ, что у мужика есть свой умъ и свое сердце и что ему, быть можетъ, захочется жить не такъ, какъ велитъ наука «Отечественныхъ Записокъ». Не то, чтобы онѣ оспаривали право мужика жить по своей волѣ и по своему разуму; нѣтъ, онѣ просто игнорируютъ существованіе мужицкой мысли и воли, какъ бы ясно онѣ не высказывались. Такъ же поступаютъ онѣ и въ еврейскомъ вопросѣ».

Digitized by Google

«Новое Время», изъ котораго я заимствую эту выписку (самой статьи «Недѣли» я не читалъ), рекомендуетъ ее съ своей стороны такъ: «Недѣля» отмѣчаетъ фальшивое отношеніе «Отечественныхъ Записокъ» къ народу». Между тѣмъ, всматриваясь въ приведенныя строки съ полнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, вы должны придти къ тому заключенію, что «Недѣля» до того заболталась, что не умѣетъ отличить бѣлое отъ чернаго. Возможны разныя точки зрѣнія на текущіе общественные вопросы. Ихъ можно обсуждать съ точки зрѣнія государственнаго могущества, порядка и благочинія, національнаго богатства, національной славы и т. д., и, между прочимъ, и съ точки зрѣнія интересовъ народа. Для человѣка, стоящаго на этой послѣдней точкѣ зрѣнія, инкриминація «Недѣли» есть наилучшая похвала. Если вы «очень старательно изучаете мужика» и затѣмъ «пытаетесь ставить всѣ общественные вопросы съ точки зрѣнія собственныхъ «научныхъ» (эти сатирическія лапки, обнимающія «науку», прелестны!) взглядовъ на нужды мужика», то вы дѣлаете самое настоящее дѣло. Мало того, иначе и нельзя относиться хоть бы къ тому же еврейскому вопросу; иначе и «Недѣля» не можетъ ставить и рѣшать его. Я не читалъ статей «Недѣли» по еврейскому вопросу, но совершенно увѣренъ, что почтенная газета не рекомендуетъ бить жидовъ, а между тѣмъ, «умъ и сердце» мужика побуждаютъ его при извѣстныхъ условіяхъ жида бить. Также и въ прочихъ разныхъ вопросахъ. «Умъ мужика» твердо стоитъ на томъ, что земля на трехъ китахъ держится, но еслибы «Недѣля» требовала введенія этого принципа въ систему народнаго просвѣщенія, презирая «научные» на этотъ счетъ взгляды, то, оставаясь въ согласіи съ умомъ мужика, она дѣйствовала бы отнюдь не въ его интересахъ. Само собою разумѣется, что взгляды на интересы и нужды народа могутъ быть очень разнообразны, а слѣдовательно между ними есть вѣрные и невѣрные. Таковыми они могутъ быть теоретически и практически, то есть сами по себѣ или въ примѣненіи къ данной комбинаціи обстоятельствъ, въ которой тяготѣніе самого народа, конечно, играетъ очень важную роль. Но въ концѣ-концовъ, формула правильнаго отношенія къ текущимъ общественнымъ вопросамъ есть именно та самая, которая «Недѣлѣ» «претитъ».

Простите за эту краткую экскурсію въ область полемики, по нынѣшнему времени чрезвычайно неблагодарную и скучную. Я привелъ диссертацію «Недѣли» только какъ образчикъ тѣхъ пустяковыхъ словоизверженій, которыхъ не предотвратили всѣ наши многолѣтнія разсужденія о народѣ. Практически эти словоизверженія не имѣютъ ровно никакого значенія, потому что, когда дѣло дойдетъ до практики, «Недѣля», подобно всѣмъ прочимъ смертнымъ, выставитъ, какъ и теперь, вѣроятно, выставляетъ при случаѣ, свой собственный взглядъ; будетъ ли онъ «научный» или ненаучный, вѣрный или невѣрный—это другой вопросъ.

Digitized by Google

Можно и должно измѣнить свой взглядъ, если будетъ доказана его неправильность, но постыдно отрекаться отъ него потому, что другіе—кто бы они ни были—думаютъ иначе. Если, однако, эти другіе близко заинтересованы въ дѣлѣ, о которомъ вы составили свое мнѣніе, если ихъ судьба лежитъ въ самомъ фундаментѣ вашего строя мысли, то понятно, что ихъ «умъ и сердце» должны быть «старательно изучаемы». Это и дѣлается въ извѣстной части литературы. Въ одномъ изъ разсказовъ г. Эртеля одна бабенка негодуетъ, что мужикъ заполонилъ литературу. Это отчасти справедливо и имѣетъ, конечно, свои причины. Одна изъ нихъ чисто отрицательная, а именно: есть въ русской жизни другія явленія высокой важности, которыми, однако, литература заниматься не можетъ, въ силу внѣшнихъ условій. Затѣмъ, значеніе мужика въ нашемъ отечествѣ такъ велико, что, «заполоняя» имъ себя, литература до извѣстной степени только отражаетъ отношенія и пропорціи самой жизни. Наконецъ, мужикъ со всѣмъ, что̀ около него совершается, представляетъ нынѣ и просто въ высшей степени любопытный предметъ наблюденія и изслѣдованія. Съ реформой 1861 г. «порвалась цѣпь великая, порвалась—раскачалася, однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику»; начался новый историческій періодъ. Въ такіе моменты жизнь никогда не развивается съ разу гладко и ровно. Всегда она болѣе или менѣе долго какъ будто потопчется на мѣстѣ, дѣлая шагъ впередъ, два назадъ, опять впередъ, въ одну, въ другую сторону, одолѣвается сомнѣніями, колебаніями, тревогами, иногда слишкомъ острыми, надеждами, иногда слишкомъ розовыми; и уже потомъ, долго спустя, беретъ верхъ то или другое опредѣленное направленіе, по которому жизнь и течетъ по инерціи, неуклонно, пока опять не наступитъ моментъ перелома. Понятно, что моменты перелома, при всей своей неопредѣленности и тревожности, при всей той боли, которую они иногда доставляютъ участнику жизни, представляютъ особенный, исключительно высокій интересъ для художниковъ. (Не для однихъ художниковъ, разумѣется, но я теперь только ихъ имѣю въ виду). Жизнь еще не успокоилась въ одномъ, опредѣленномъ руслѣ; одинъ какой-нибудь токъ еще не поглотилъ остальныхъ; слѣды старины, то совсѣмъ расколотые новымъ клиномъ исторіи, то сохранившіеся полностью, удачныя и неудачныя пробы новизны, цѣлая коллекція типовъ, вызванныхъ борьбою издыхающаго стараго съ нарождающимся новымъ, самыя тревоги, сомнѣнія, надежды современниковъ—все это въ цѣломъ представляетъ настоящій кладъ для художника. Если же онъ настоящій художникъ, а не простой фотографическій аппаратъ, не свидѣтель, а участникъ жизни, то онъ и самъ захватывается этими тревогами и надеждами, которыя заставляютъ его съ особенною чуткостью всматриваться въ явленія жизни и дорожить каждой черточкой ихъ. Такимъ образомъ, та небольшая группа нашихъ беллетристовъ, которая наполняетъ журналистику «мужикомъ», помимо

Digitized by Google

всего прочаго, оправдывается и чисто художественными соображеніями: ее тянетъ къ мужику вѣрный художественный инстинктъ. Къ этой группѣ принадлежитъ и г. Эртель.

Задача, какъ и манера г. Эртеля, довольно полно выражается въ очеркѣ «Отъ одного корня», на которомъ мы и остановимся немного. Въ очеркѣ нѣтъ никакихъ событій. Это просто портреты двухъ мужиковъ. Василій Миронычъ мужикъ богатый, степенный, умный, обстоятельный, даже «справедливый», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, плутоватый и твердо помнящій, что своя рубашка всего ближе къ тѣлу. Отъ крестьянства онъ не отбивается только потому, что «конечно, уже мое дѣло не молодое, сохи не бросишь, съизмалѣтства съ ей... а что самое подходящее дѣло по нонѣшнимъ временамъ—торговое дѣло». О граматности онъ разсуждаетъ такъ: «Граматы я не обученъ... я памятливъ, Бога гнѣвить нечего, только все-таки сподручнѣй бы... Особливо съ маслобойкой, дѣло мелкое: кому фунтъ, кому полтора... Какъ тутъ запомнить! А въ эфтой мелочи, въ фунтахъ-то, самый барышъ и есть... Аль опять разсчетъ... Возьмемъ хоть свинью, безъ разсчета съ ей никакъ невозможно... За много ли куплена, сколько проѣла, почемъ пудъ легла, какъ тутъ безъ граматы-то сведешь? ...Вотъ теперь сынишку въ выучку отдалъ...»

Мужикъ Трофимъ, односелецъ Василія Мироныча, разсуждаетъ иначе: «Возьмемъ теперь хоть грамату... Коли ежели съ совѣстью, ну, такъ! окромя спасенья ничего... Ну, а съ другой стороны—самое распропащее дѣло... Ты такъ разсуди — писарь! Что онъ можетъ? Онъ те и въ острогѣ сгноитъ и въ Сибирь сгонитъ... По нонѣшнимъ временамъ мужику безъ граматы никакъ невозможно... Ну, только и душу загубить ужь такъ-то легко, такъ-то легко, а ахъ!.. Вотъ, не въ осужденіе сказать, Василій Миронычъ своево сынишку обучаетъ... Куда онъ его прочитъ? Прямо, значитъ, міръ распорушивать, кулачить... ишь, граматному-то опо способнѣе на міръ-то плевать!» Трофимъ вообще мужикъ особенный. Онъ хранитель «дѣдовскихъ» преданій. «Въ давнія времена березовцы, благодаря особымъ, исключительно экономическимъ условіямъ, выработали въ себѣ, пожалуй, что изъ ряду вонъ выходящіе общинные инстинкты, «дружность», стойкость, сочувствіе къ своему брату — мірскому человѣку. Лѣтъ за десять передъ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, условія, благопріятствующія развитію этихъ общинныхъ, мірскихъ инстинктовъ, круто измѣнились. Міръ пошелъ въ разбродъ, началъ разлагаться. Березовцевъ сосѣди ужь перестали звать «дружными», «мірскими людьми». Нѣкоторыя событія, совершавшіяся во время самаго освобожденія, вызвали-было эту «дружность» опять на свѣтъ Божій, но не на долго». Такъ вотъ Трофимъ-то и есть почитатель и хранитель преданій былой «дружности». Въ качествѣ такового, онъ занималъ нѣсколько двойственное положеніе. Съ одной стороны, его дѣйствительно уважали, какъ уважали и носимыя имъ преданія, но преданія

Digitized by Google

эти вмѣстѣ съ тѣмъ представлялись чѣмъ-то «по нынѣшнимъ временамъ» невозможнымъ, а потому практически Трофимъ значеніемъ не пользовался, а Василій Миронычъ даже называлъ его «блажнымъ». Въ заключеніе, г. Эртель размышляетъ: «Вѣдь вотъ отъ одного корня, изъ одной стороны, изъ одной среды, изъ одной деревни даже, при одинаковыхъ условіяхъ росли, одинаковыя напасти испытывали... И вышло какое-то недоразумѣніе. Съ одной стороны: «главное дѣло—свинья», съ другой—«міръ»... За кѣмъ побѣда, за кого будущее?»

Этимъ послѣднимъ вопросомъ исчерпывается вся задача «Записокъ степняка». Деревенская жизнь представляется г. Эртелю ареною борьбы стараго съ новымъ, причемъ старое пользуется очевидными его симпатіями. Тамъ ему рисуется «въ человѣцѣхъ благоволеніе», миръ и «міръ», а новая струя шумно несетъ сюда разлагающія, себялюбивыя начала: развратъ, трактирную цивилизацію, нищету, всяческія бѣды, всяческое обираніе мужика въ экономическомъ и нравственномъ смыслѣ. Именно въ этомъ, въ самыхъ «Запискахъ степняка», а не въ его біографіи, какъ думаетъ г. Эртель, заключается объясненіе его пессимизма, разрѣшающагося въ очеркѣ «Аддіо» такой тирадой:

«О, безпощадный духъ времени, духъ—Сфинксъ, пожирающій мудрецовъ! Зачѣмъ же ты съ такою непрестанною жеманностью куешь новыхъ враговъ всякимъ основамъ и устоямъ, и, безжалостно устраняя наивные идеалы старины, необозримую пустоту воздвигаешь имъ на смѣну? Теперь съ мучительною ясностью вижу я, какъ подъ бременемъ непрерывныхъ испытаній, ниспосланныхъ тобою, изнемогла моя бѣдная родина и въ истомѣ безсилія омертвѣла. Безнаказанно терзаетъ ее грозная семья болѣзней, предводительствуемыхъ голодомъ, и могущественный кабакъ изъ конца въ конецъ раскинулъ свои сѣти. Сама природа какъ бы превратилась и посылаетъ бѣды. Красный пѣтухъ распространяетъ крылья свои и отъ Бѣлаго моря до Нѣмана озаряетъ небо зловѣщимъ заревомъ... И ко всему этому безъ конца свирѣпствуетъ подлость! О, какая безшабашная, какая безпримѣрная подлость!.. Стыдъ устраненъ. Понятія о чести сотворены (?) излишними. Культъ брюха провозглашенъ господствующимъ и ему въявь совершаются отвратительныя жертвы. Повальный грабежъ и холопство, возведенное въ доблесть, рука объ руку съ печатью, изборожденною прелестями гражданственныхъ сообщеній, развиваются на свободѣ, подобно ядовитымъ гадамъ, и, подъ сѣнью всеобщей неурядицы, наглѣютъ до размѣровъ грандіозныхъ... Я вижу, какъ на тучной почвѣ всякихъ недоразумѣній смутно и съ поспѣшностью слагаются типы съ клювомъ хищной птицы, съ прожорливымъ желудкомъ удава, съ цѣпкими, жадно распростертыми руками. Иные изъ нихъ дики и первобытны, и по своей исконности соотвѣтствуютъ идеаламъ «Домостроя»; иные же нацѣпили европейскія одежды и во всеоружіи познаній европейскихъ вышли и стали подъ большую до-

Digitized by Google

рогу, по которой, крѣпкія и изнемогая, хмѣльной и младенствующій плетется народъ русскій».

Многое въ этой страстной лирикѣ, къ сожалѣнію, оправдывается дѣйствительностью и подтверждается какъ другими наблюдателями народной жизни, такъ и голыми фактами газетныхъ сообщеній. Только тупые доктринеры отрицаютъ все это, съ яснымъ лбомъ утверждая, что «самобытный судакъ» свободно плаваетъ въ россійскихъ водахъ и находится въ полномъ здоровьи. Что же касается г. Эртеля, то онъ хорошо понимаетъ нѣкоторыя стороны плаванія самобытнаго судака и, конечно, иначе, какъ съ благодарностью, нельзя относиться къ нему за то, что онъ останавливаетъ вниманіе своихъ читателей на дѣйствительно важныхъ вопросахъ народной жизни. Но, во-первыхъ, онъ хорошо понимаетъ *нѣкоторыя* стороны, а, во-вторыхъ... Во-вторыхъ, я сказалъ бы, что онъ слишкомъ хорошо ихъ понимаетъ, еслибы не боялся ввести вашихъ читателей въ соблазнъ этимъ парадоксальнымъ выраженіемъ. Дѣло въ томъ, что картины жизни проходили передъ г. Эртелемъ «подъ густою сѣткой принциповъ», какъ выражается самъ онъ, характеризуя героя повѣсти «Волхонская барышня», Илью Петровича Тутолмина. Принципы сами по себѣ, конечно, нетолько не вредятъ художественному творчеству, а, напротивъ, оказываютъ существенную помощь. Но принципы, съ другой стороны, не должны также представлять изъ себя токарный станокъ, на которомъ художникъ механически вытачиваетъ свои образы и картины. А г. Эртель именно къ такому токарному творчеству склоненъ. Иллюстрируя вышеприведенную свою лирику, онъ даетъ цѣлую коллекцію фигуръ, долженствующихъ быть типами, и которыя, однако, геометрически правильны, слишкомъ инструментованы, если можно такъ выразиться, чтобы быть чѣмъ-нибудь, кромѣ тщательно выточенныхъ деревянныхъ фигуръ. Напримѣръ, г. Эртелю нужно нарисовать хищника, «нацѣпившаго европейскія одежды и, во всеоружіи познаній европейскихъ, вышедшаго» на грабежъ. Задача чрезвычайно благодарная. И вотъ г. Эртель вытачиваетъ на своемъ станкѣ «иностранца Липатку». Липатка этотъ, или иначе Липатъ Праскеичъ Чумаковъ, сынъ купца-землевладѣльца, совершенно необразованнаго и вообще настоящаго мужика по всему своему обиходу. Братъ Липатки, совсѣмъ еще молодой парень, что называется русская широкая натура, гоняется за дѣвками, ѣздитъ на бѣшеной тройкѣ и проч. Но самъ Липатка не таковъ. Онъ съѣздилъ за-границу и вернулся оттуда «иностранцемъ». Суть-то вся въ томъ, что онъ вывезъ оттуда теорію, за которою, впрочемъ, въ Европу ѣздить не стоило, потому что ее и дома можно найти. Культура необходима для Россіи... водворена эта культура можетъ быть лишь тогда, когда современный крестьянскій строй упразднится... нужно въ эту массу всяческаго невѣжества и стародавнѣйшей рутины вбить желѣзный клинъ, который массу эту могъ бы рас-

Digitized by Google

колоть сверху до низу... этотъ клинъ—фабричное производство». Таковы главнѣйшіе пункты Липаткиной теоріи. Теорія эта происхожденія дѣйствительно иностраннаго (какъ и всѣ прежнія наши теоріи, не исключая и славянофильской), но г. Эртелю захотѣлось подчеркнуть это «иностранство» всѣми средствами своего токарнаго станка. Вслѣдствіе этого Липатка и одѣвается, какъ иностранецъ, и ѣстъ, и пьетъ, и говоритъ, какъ иностранецъ. Одѣвается онъ, напримѣръ, не просто въ европейскій, общепринятый костюмъ, какой носятъ всѣ такъ-называемые культурные русскіе люди. Нѣтъ, это было бы недостаточно иностранно. Правда, дома Липатка ходитъ именно такъ, только развѣ уже черезчуръ щеголевато для практическаго человѣка: батистовая рубашка, лаковые полусапожки, «англійскіе» духи. Но, отправляясь взглянуть какъ работаетъ молотилка, онъ надѣваетъ уже спеціальный, утрированно-иностранный костюмъ «нѣмецкаго машиниста». Угощаетъ Липатка гостей завтракомъ, такъ и тутъ «стеклянные колпаки надъ блюдами, пикантныя приправы, острые маринады и затѣйливые консервы съ англійскими ярлыками придавали столу иностранное обличье». Доброе лицо Липатки «носило заграничный отпечатокъ» и притомъ опять-таки не просто заграничный, а какъ бы эссенцію всего заграничнаго, потому что въ лицѣ этомъ соединялись «англійское высокомѣріе, французская бородка и нѣмецкій стеклянный взглядъ». Благодаря такой необыкновенно старательной работѣ автора и выходитъ, въ концѣ концовъ, аккуратно выточенная деревянная фигурка съ ярлыкомъ, на которомъ четко написано: «иностранецъ Липатка». А потому и всѣ добрыя намѣренія автора представить намъ Липатку какою-то грозною силою разлетаются прахомъ. Эта неудача особенно ярко выступаетъ въ заключительномъ эпизодѣ очерка «Иностранецъ Липатка и помѣщикъ Гудѣлкинъ».

Помѣщикъ Гудѣлкинъ, человѣкъ придурковатый (тоже аккуратно выточенный), въ восторгѣ отъ Липатки, и именно отъ этого «иностранства», долженствующаго внести въ наше отечество спокойствіе, довольство, порядокъ, красоту. Онъ хочетъ строить въ товариществѣ Липатки фабрику. Вмѣстѣ съ авторомъ Гудѣлкинъ проводитъ у Липатки день, восхищаясь его заграничными рѣчами, и наконецъ, отправляются они спать. Но ночью подслушиваютъ длинную бесѣду Липатки съ пьянымъ отцомъ, длинную и оскорбительную, потому что отецъ и сынъ Чумаковы разсуждаютъ, между прочимъ, объ томъ, какъ хорошенько объегорить дурака «Гудѣлку». Ну, и спрашивается, что же это за грозная сила этотъ иностранецъ Липатка, если даже дѣйствительно дурака Гудѣлкина не съумѣлъ объегорить и не могъ найти для такой интимной бесѣды комнаты подальше? Впрочемъ, тутъ, конечно, не точеный Липатка виноватъ, а самъ токарь. Надо замѣтить, что у г. Эртеля подслушиваніе играетъ болѣе или менѣе важную роль въ очень многихъ очеркахъ. Уже въ біогра-

Digitized by Google

фіи степняка этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ избранницей своего сердца, подслушиваютъ бесѣду двухъ конокрадовъ. Въ «Липягахъ» авторъ подслушиваетъ интимный разговоръ Любы съ Карамышевымъ, а потомъ ея же бесѣду съ Лебедкинымъ. Въ «Визгуновской экономіи» онъ подслушиваетъ тоже очень интимный разговоръ Пармена съ Ульяной. И т. д., и т. д. Вотъ и съ кознями Липатки онъ рѣшилъ покончить тѣмъ же простымъ способомъ. Оно, конечно, бываетъ, что людямъ удается иногда подслушивать чрезвычайно любопытныя для нихъ вещи, но съ г. Эртелемъ это ужь что-то слишкомъ часто случается, и учащенность эта не мало способствуетъ непріятной искуственности его образовъ и картинъ.

Любопытно, что фигуры и сцены, брошенныя вскользь, выходятъ у нашего автора гораздо жизненнѣе и правдивѣе тѣхъ, надъ которыми онъ старательно работаетъ. Напримѣръ, въ очеркѣ «Аддіо» онъ совершенно поглощенъ личными ощущеніями степняка и потому остальнымъ ему некогда пристально заниматься. И тутъ найдутся прекрасныя картинки изъ дѣтскихъ воспоминаній степняка и очень удачный образъ отставного солдатика жандарма, который, распространяя въ пьяномъ видѣ слухи о передѣлѣ, въ тоже время грозно спрашиваетъ: «А съ какой съ такой стати вы, господинъ, съ нами, мужиками, водку пьете?.. Потому мы примѣчаемъ, ежели бунтъ... Мы имѣемъ предписаніе». Или «Теперича какимъ же такимъ манеромъ вы, господинъ, оспариваете насупротивъ газетъ и насупротивъ указа, напримѣръ», а указъ-то этотъ насчетъ «прирѣзки»...

Еслибы поэтому г. Эртель поменьше обтачивалъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, поменьше подслушивалъ, да поменьше терзалъ читателя описаніями природы и пейзажами, столь сильно вліяющими на настроеніе духа степняка, словомъ, еслибы онъ не былъ такъ искуственъ, то можно думать, что его очерки были бы даже очень и очень недурны.

Но спрашивается, какъ же г. Эртель смотритъ на возможность выхода изъ такого сумбура, который производитъ въ деревнѣ неулегшаяся борьба стараго съ новымъ? Самолично онъ никакого выхода не знаетъ, потому что отъѣздъ степняка въ Европу («Аддіо») есть именно только отъѣздъ, а не выходъ. Что же касается самой деревни или, пожалуй, всего нашего отечества, то тутъ г. Эртель останавливается въ вопросительномъ положеніи, какъ мы уже видѣли. Съ одной стороны: «главное дѣло—свинья», съ другой—«міръ». За кѣмъ побѣда, за кого будущее»? Г. Эртель видитъ торжество свиньи, боится, что она и еще пуще будетъ торжествовать, но все-таки остается при своемъ вопросительномъ знакѣ. Мнѣ кажется, что дѣло и проще, и вмѣстѣ сложнѣе, чѣмъ оно представляется автору...

Позвольте вернуться къ Василію Миронычу, который настаиваетъ на «свиньѣ», и къ Трофиму, который возлюбилъ «міръ». Хотя авторъ обнаружилъ на этотъ разъ достаточно такта, чтобы

Digitized by Google

не сдѣлать изъ Василія Мироныча злодѣя, но всѣ симпатіи его на сторонѣ Трофима, этого хранителя «дѣдовскихъ» преданій. Авторъ очевидно желалъ бы, чтобы восторжествовалъ онъ, а не Василій Миронычъ. Между тѣмъ, въ числѣ излюбленныхъ мыслей Трофима находится, напримѣръ, такая: крестьяне, это «хрестьяне», христіане, и получили они это свое названіе отъ имени Христа, и какъ Христосъ претерпѣлъ, такъ и «хрестьяне» должны терпѣть, чего вовсе не полагается купцамъ, помѣщикамъ, чиновникамъ, ибо они не христіане. Есть трогательность въ этомъ наивномъ опредѣленіи и пониманіи, но наивность эта такъ очевидна, что, конечно, ей нельзя предсказать въ будущемъ торжества; нельзя, да и нежелательно вовсе, съ чѣмъ, я думаю, и г. Эртель согласится. Слѣдовательно, въ той «сторонѣ», которую свято охраняетъ Трофимъ, даже тамъ, гдѣ она трогательна и самоотверженна, отнюдь не все заслуживаетъ сочувствія или содѣйствія. Дѣло, значитъ, сложнѣе, чѣмъ дилемма—«свинья» или «міръ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ суммировать всю изображенную г. Эртелемъ неурядицу и найти если не практическій путь исхода изъ нея, то по крайней мѣрѣ теоретическую формулу ея причинъ совсѣмъ уже не такъ трудно. Ее нашла несчастная, недалекая офицерша, окончившая, какъ выше упомянуто, дни свои самоубійствомъ. Въ своей предсмертной исповѣди она пишетъ: «Стало мнѣ замѣтно по деревнямъ, что большое есть желаніе у мужичковъ ребятъ учить. И такое даже желаніе, что готовы на всякія жертвы. И я это замѣчала и была очень рада. Я такъ думала: прискучила имъ темнота. И думала, что хорошо это. И какъ стала учить сама, сдѣлалась совсѣмъ довольная. Но только вмѣсто того я несчастная. И на несчастье-то мое натолкнуло меня вотъ что. Приноситъ мнѣ Василь-Миронычевъ сынишка листокъ и говоритъ:—Ну-ка прочти!—и улыбается. А онъ ужъ твердо пишетъ.—Что это?—«Батѣ росписку написалъ; Егоровъ Ѳома ржи взаймы взялъ, такъ насчетъ ржи». Прочла я... И что же вы думаете? И неустойка тамъ, и штрафъ, и проценты... Ужасъ что такое!» Оказывается, что у сынишки Василья Мироныча есть еще книга, въ которой онъ аккуратно и съ знаніемъ дѣла ведетъ счетъ приходамъ и расходамъ насчетъ свиней, муки и прочаго. Офицерша пришла въ раздумье. «И стало мнѣ замѣтно, продолжаетъ она:—что ежели граматный, онъ не иначе, какъ промышляетъ или находитъ должность. И вотъ еще что: кто понятливѣе, тотъ самый и есть опасный человѣкъ. А почему это такъ выходитъ, я не замѣчала. Только я вотъ что думала: «ну, если я обучу и вмѣсто того разведу кулаковъ. И если кулаки будутъ знать ариѳметику и всякіе разсчеты, то неужели это будетъ лучше?» Эта печальная мысль до того заѣла офицершу, что она, несчастная и въ личной жизни, наконецъ, не выдержала и отравилась.

Ядовитый вопросъ, подкосившій бѣдную офицершу, не новъ и не спеціально только къ мужицкой сферѣ приложимъ. Давно

Digitized by Google

извѣстно, что знаніе, какъ и всякое оружіе, можетъ служить добру и злу, смотря по тому, въ чьихъ оно рукахъ находится и какое употребленіе изъ него дѣлается. Офицерша для себя лично могла бы найти утѣшеніе въ томъ, что ей приходится учить и такихъ ребятъ, отцы которыхъ не занимаются операціями Василія Мироныча и которые, слѣдовательно, могутъ воспользоваться «ариѳметикой и всякими разсчетами» только съ оборонительными цѣлями противъ того же, можетъ быть, Василія Мироныча. Притомъ же она могла бы вѣдь нетолько «ариѳметикѣ и всякимъ расчетамъ» учить, а также и нравственное вліяніе имѣть. Такъ что въ концѣ-концовъ отравиться она, пожалуй, слишкомъ поторопилась, но въ ея скорбномъ выводѣ есть во всякомъ случаѣ доля правды, и ея еще больше въ слѣдующихъ словахъ офицерши: «И какъ же мнѣ не учить, когда вмѣсто того такіе у нихъ помыслы, и ежели *граматному человѣку одинъ выходитъ просторъ—грабить*».

Дорогого стоитъ это слово немудрой офицерши, и еслибы г. Эртель вслушался въ него съ такимъ же предупредительнымъ вниманіемъ, съ какимъ онъ ловитъ каждое душевное движеніе своего степняка, то онъ можетъ быть не отправилъ бы его въ Ментону, истерзавъ предварительно безысходными сомнѣніями и припадками отчаянія. О, разумѣется, мало утѣшительнаго въ томъ, что грабежу и только ему предоставленъ просторъ. Но бываютъ такія удачныя слова, которыя, вкратцѣ выражая длинный рядъ скорбныхъ и возмутительныхъ фактовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ ихъ общую ближайшую причину и тѣмъ самымъ способны зажечь огонекъ утѣшенія въ мрачно настроенномъ сердцѣ. Таково именно офицершино слово. Вслушавшись въ ея формулу бѣды, степнякъ могъ бы размыслить такъ: если *въ этомъ* дѣло, такъ бѣда-то вѣдь можетъ быть только наносная, можетъ быть живъ Богъ, жива душа народа моего, и нѣтъ такого историческаго закона, который фатально обрекалъ бы насъ быть съѣденными всеядною свиньей. Не то чтобы, значитъ, въ корень изолгалась наша жизнь и до дна, насквозь испоганились души человѣческія; не одни плевелы ростутъ на нивѣ и бѣда только въ томъ, что условія минуты предоставляютъ просторъ грабежу и не даютъ простора добру и свѣту. Семъ-ка я въ Ментону-то не поѣду, а попробую, по мѣрѣ моихъ силъ, поспособствовать измѣненію условій минуты. Дѣло трудное, конечно, а я человѣкъ слабый, и можетъ быть мнѣ очень тяжело придется, да вѣдь есть изъ-за чего и биться, а я до сихъ поръ только и дѣлалъ, что вздыхалъ, брюзжалъ, да развѣ еще наблюдалъ; да и наблюдалъ-то не очень внимательно, потому что больше къ шуму въ собственныхъ ушахъ прислушивался...

Я бы охотно и съ признательностью кончилъ офицершиными словами, но мнѣ предстоитъ еще бесѣдовать о «Волхонской барышнѣ». Я буду, впрочемъ, кратокъ. Во-первыхъ, потому, что

Digitized by Google

иначе письмо мое непомѣрно разрослось бы, а во-вторыхъ, потому, что «Волхонская барышня» длиннаго разговора и не стоитъ.

Герой, Илья Петровичъ Тутолминъ, по профессіи писатель, по образу мыслей демократъ, очень напоминаетъ степняка: та же нерезонная измѣнчивость настроенія духа, то же пониманіе жизни въ видѣ дилеммы «свинья или міръ», причемъ всѣ симпатіи Тутолмина лежатъ позади, въ старинѣ. Пріѣзжая въ деревню, въ гости къ управляющему имѣніемъ богатаго помѣщика Волхонскаго, Тутолминъ яростно протестуетъ противъ всякихъ новшествъ. Онъ, радикалъ по убѣжденіямъ, оказывается крайнимъ консерваторомъ по обстоятельствамъ времени и мѣста. Почитатель народнаго творчества, онъ возмущенъ тѣми новыми и совершенно безсмысленными пѣснями, которыя распространила въ народѣ трактирная цивилизація. Всего ожидающій отъ экономической самостоятельности мужика, онъ злится на своего пріятеля управляющаго, который заводитъ паровые плуги и молотилки, и радуется, когда мужики осмѣиваютъ эти могучіе рычаги «капиталистическаго производства». Положеніе, разумѣется, въ высшей степени любопытное, и большой художникъ, взявшись за эту тэму, могъ бы совершенно овладѣть интересомъ читателя. Но у г. Эртеля ничего не вышло, хотя онъ постарался придать своей повѣсти внѣшнюю занимательность и любовной интригой, и множествомъ и разнообразіемъ дѣйствующихъ лицъ: тутъ и мужики есть, и утонченнѣйшіе, изнеможеннѣйшіе аристократы, и сановники, чего хочешь, того просишь. О какихъ-нибудь живыхъ типахъ тутъ не можетъ быть и разговора; отдѣльныя искорки жизни совершенно тонутъ въ той непомѣрной искусственности, съ которою г. Эртель обработываетъ свою тэму въ общемъ и въ подробностяхъ. Благодаря этому, даже самые трагическіе моменты «Волхонской барышни» способны вызвать смѣхъ, а юморъ автора наводитъ на грустныя мысли, по крайней мѣрѣ, объ немъ, авторѣ. Я приведу только два-три образчика.

Своими рѣчами Тутолминъ зажигаетъ въ «Волхонской барышнѣ», Варѣ, нѣкоторый огонь. Сперва Варя думаетъ, что это любовный жаръ, но потомъ убѣждается, что она вовсе не любитъ Тутолмина и объявляетъ ему это. Тутолминъ глубоко огорченъ. Варя утѣшаетъ его. Она говоритъ, что не любитъ его, не можетъ быть его женой, но не знаетъ человѣка лучше его и была бы счастлива, еслибы онъ ей указалъ дѣло, «за которое она могла бы умереть». Тутолминъ мрачно возражаетъ:

«— Мое дѣло жизни требуетъ, а не смерти. Самой что нина есть прозаической жизни... Безъ барабановъ... Глупо дѣлали и прежде, что барабанили. Христосъ безъ барабановъ побѣдилъ міръ...

«— Но онъ умеръ на крестѣ, живо произнесла Варя.

«— Не слѣдовало».

Признаюсь, я не могъ удержаться отъ хохота, дойдя до этой краткой и рѣшительной критики, хотя Варя, не замѣчая всего

Digitized by Google

комизма этого «не слѣдовало», продолжаетъ разговоръ въ возвышенномъ тонѣ...

Къ вящей бѣдѣ повѣсти, г. Эртель вздумалъ ввести въ нее аристократическихъ дѣйствующихъ лицъ, а объ аристократахъ онъ, повидимому, такого мнѣнія, что если ихъ нарядить въ бархатныя жакетки, заставить не совсѣмъ у мѣста говорить французскія слова, въ родѣ «mon ami», «après nous le déluge» и «façon de parler», да еще вложить въ ихъ уста разговоры объ искуствѣ (непремѣнно объ искуствѣ), такъ это и будутъ настоящіе аристократы. Я не хочу смѣяться надъ г. Эртелемъ и не стану приводить смѣшныхъ вещей, проистекающихъ изъ такого представленія объ аристократахъ. Но, чтобы оттѣнить искуственность писательской манеры г. Эртеля, позволю себѣ познакомить васъ съ музыкальнымъ произведеніемъ родственника Волхонскихъ, графа Облѣнищева.

Этотъ графъ Облѣнищевъ, человѣкъ еще молодой, аристократъ несомнѣнный. Бархатныя жакетки онъ носитъ даже «невиданнаго покроя», аристократическія слова, въ родѣ mon ami, употребляетъ весьма часто, говоритъ объ искуствѣ постоянно и въ добавокъ такъ изнѣженъ, такъ изнѣженъ, что даже ни на что не похоже. Любилъ онъ когда-то нѣкую Жени и потому создалъ музыкальную пьесу, подъ названіемъ «Жизнь Жени». Онъ ее самъ играетъ своей кузинѣ Варѣ. Начало пьесы должно изображать слѣдующее: «Ни одной тревожной думы на душѣ. Небо сине. Въ сердцѣ горитъ любовь. Соловьиная пѣсня навѣваетъ радужныя грёзы». Потомъ «соловей замолкъ». Музыка переноситъ насъ на Волгу. «День жаркій и душный. Раскаленный воздухъ неподвиженъ» и т. д. Слышатся звуки «Дубинушки», потомъ «разбойничьей пѣсни». Затѣмъ марсельеза. Послѣ марсельезы «надрывающій напѣвъ русской свадебной пѣсни» и «тріо изъ «Жизни за царя». Потомъ «торопливый темпъ опереточнаго вальсика нахально закрутился въ воздухѣ. Иногда грозный гулъ, подобный отдаленному волненію безчисленной толпы, пытался бороться съ этимъ темпомъ, пытался потопить пошленькіе его звуки въ своемъ внушительномъ рокотѣ... Но вальсикъ вырывался, какъ изступленный, дерзко и нагло заглушалъ этотъ рокотъ своею подленькой игривостью, и мало-по-малу рокотъ утихалъ, дробился, поспѣшалъ съ неуклюжею готовностью за расторопными звуками вальсика»...

Можетъ быть все это выходило и очень хорошо и трогательно въ исполненіи графа Облѣнищева, но, знакомясь съ содержаніемъ «Жизни Жени», вы невольно вспоминаете, что нѣчто въ этомъ родѣ вы уже гдѣ-то читали. Именно что-то о музыкальной пьесѣ, въ которой величавые и грозные звуки марсельезы безуспѣшно борятся съ какими-то подленькими, но нахальными звуками... Ба! да это у Достоевскаго въ «Бѣсахъ», талантливый мерзавецъ Лямшинъ играетъ въ салонѣ Лембке пьесу собственнаго сочиненія, подъ названіемъ «Франко-прусская вой-

Digitized by Google

на». Такъ, тамъ. Пьеса начинается грозными, вызывающими звуками марсельезы, къ которымъ присоединяются потомъ подленькіе (и слова-то именно эти у Достоевскаго) звуки вальса «Mein lieber Augustchen», постепенно заглушая и конфузя марсельезу... Но обратите вниманіе, какая разница. Достоевскому, настоящему мастеру, хотя и склонному къ вычурности, для изображенія цѣлой франко-прусской войны оказалось достаточнымъ двухъ мотивовъ—марсельезы и Augustchen, и если вы перечтете «Бѣсовъ», то увидите какое впечатлѣніе производила эти эпизодическая вещица. Г.-же Эртель, для изображенія «Жизни Жени», потрясаетъ небо и землю, зоветъ соловьевъ, ѣдетъ на Волгу, ухватываетъ нѣчто изъ «Жизни за Царя»—и все-таки изъ этого ничего не выходитъ.

Я искренно желаю г. Эртелю быть проще, гораздо проще...

Посторонній.

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Учрежденная 6-го ноября 1881 г., такъ называемая Каханов-ская комиссія кончила первый періодъ своихъ занятій и выработала проэктъ реформы мѣстнаго управленія. Правда, что проэктъ этотъ выработанъ пока лишь въ общихъ чертахъ, которыя подлежатъ еще дальнѣйшему просмотру и обсужденію, какъ самой комиссіи, такъ и тѣхъ учрежденій и лицъ, на разсмотрѣніе которыхъ проэктъ поступитъ; но, во всякомъ случаѣ, такая быстрота законодательной работы у насъ положительно необычна и представляетъ явленіе въ высшей степени отрадное. Комиссія, съ такою огромною задачею и столь обширною сферою вопросовъ, смѣло могла бы существовать цѣлыя десятки лѣтъ, подобно податной и другимъ нашимъ комиссіямъ, печатая только отъ времени до времени въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ по томику своихъ трудовъ, а то даже и совсѣмъ никакъ не заявляя о своемъ существованіи. Если мы примемъ во вниманіе, что комиссія не сейчасъ же, по своемъ учрежденіи, приступила къ занятіямъ, что ей пришлось сноситься и списываться съ разными лицами и учрежденіями, а также пришлось самой вырабатывать себѣ программу занятій и представлять ее на утвержденіе въ комитетъ министровъ, что комитетъ министровъ утвердилъ эту программу лишь въ концѣ апрѣля 1882 г., когда обыкновенно начинаются вакаціи и когда многихъ смертныхъ веревками не удержишь въ Петербургѣ, то увидимъ, что занятія комиссіи, дѣй-

Digitized by Google

ствительно, шли быстро. Продолжались они, приблизительно, около года, т. е. съ сентября 82 г. по октябрь 83 г. Съ такою быстротою занятій могутъ быть сопоставлены развѣ только занятія Бутковской комиссіи по выработкѣ проэкта судебной реформы, шедшія параллельно съ работою бывшаго министра юстиціи Замятнина, человѣка увлеченнаго реформой, человѣка, одушевленнаго прогрессивными стремленіями и дѣятельно хлопотавшаго о скорѣйшемъ прекращеніи старой судебной волокиты и крючкотворства и о введеніи новаго суда. Степенные чиновники говорятъ, что занятія каханов ской комиссіи шли черезъ чуръ спѣшно, даже какъ бы форсированно, что, будто бы, не могло не отразиться на самомъ характерѣ и качествѣ ея работъ и что, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто и находилось въ связи съ весьма распространеннымъ слухомъ о преждевременномъ прекращеніи занятій комиссіи. Слухи эти настойчиво держались всю нынѣшнюю весну и лѣто. Мы не знаемъ, насколько спѣшность комиссіи была дѣйствительно велика и насколько это дѣйствительно отразилось на проэктѣ; но думаемъ, что цѣлаго года времени было совершенно достаточно и для очень обстоятельной разработки предмета, тѣмъ болѣе, что недостатки мѣстнаго управленія обнаружились вовсе не сразу, а постепенно, въ теченіи многихъ лѣтъ, и комиссія имѣла въ рукахъ указанія мѣстной администраціи, земствъ и печати. Относительно реформы низшаго управленія и устройства низшей земской единицы (всесословной или безсословной волости, прихода и т. п.), комиссія имѣла мнѣнія присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и земскихъ собраній, которыя въ 1881 году имѣли спеціальныя засѣданія по этому поводу, а также и мнѣнія губернаторовъ. Недостатки существующаго мѣстнаго управленія выяснились съ разныхъ сторонъ, выяснились достаточно опредѣленно, и если нельзя того же сказать относительно единства мнѣній о наиболѣе цѣлесообразномъ направленіи предстоящей реформы, такъ какъ желанія, въ особенности относительно деталей и преобладанія въ мѣстномъ управленіи тѣхъ или иныхъ элементовъ, часто расходились, то за то была широко очерчена возможность различныхъ направленій, и комиссіи оставалось лишь выбирать мнѣніе большинства или меньшинства, имѣя въ виду направленіе наиболѣе примиряющее противоположные интересы. Основныя положенія судебной реформы тоже были выработаны спѣшно, съ небольшимъ въ два года, однако, недостатковъ въ нихъ оказалось не особенно много. Работы редакціонныхъ комиссій по освобожденію крестьянъ тоже тянулись не десятки лѣтъ, и если въ Положеніи 19-го февраля оказались потомъ пробѣлы, то ужь отнюдь не вслѣдствіе быстроты работъ, а скорѣе, наоборотъ, вслѣдствіе реакціонныхъ вліяній, которыя имѣли время замаскировать и провести тотъ или иной компромиссъ, шедшій въ разрѣзъ съ духомъ реформы. Подъ благовиднымъ предлогомъ можно сидѣть хоть сто лѣтъ, какъ и сидятъ у насъ члены разныхъ другихъ комиссій: «дѣло, молъ,

Digitized by Google

не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ». Комиссіямъ, въ родѣ кахановской, говоримъ мы, приходится рѣшать вопросъ по бо́льшей части не вновь, а тогда, когда онъ уже достаточно созрѣлъ и когда сама жизнь подсказываетъ его рѣшеніе. Медлить въ такихъ случаяхъ бываетъ, по меньшей мѣрѣ, неполезно, и кто хочетъ что-нибудь сдѣлать въ жизни, тотъ долженъ хорошо понимать это и долженъ придерживаться другой поговорки, а именно: «что можно сдѣлать сегодня, того никогда не слѣдуетъ откладывать до завтра». А у насъ, въ дѣлѣ различныхъ преобразованій, имѣть это въ виду болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо. Покойный сенаторъ Соловьевъ, одинъ изъ сподвижниковъ покойнаго государя въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, говоритъ, что не распорядись министръ внутреннихъ дѣлъ, С. С. Ланской, напечатать и изготовить въ одну ночь извѣстный циркуляръ губернаторамъ по крестьянской реформѣ, то быть можетъ старой партіи удалось бы надолго задержать реформу. [1] «Такъ было дѣло и съ судебною реформою, говоритъ біографъ Замятнина. И до и послѣ утвержденія судебныхъ уставовъ, партія, враждебная реформамъ, дѣлала все возможное, чтобы исказить и затормозить ее. Нужно было торопиться. Это хорошо понимали горячіе сторонники судебной реформы, предсѣдатель государственнаго совѣта кн. П. П. Гагаринъ и министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ. Судебные уставы въ день же утвержденія были препровождены при замѣчательномъ указѣ въ правительствующій сенатъ для обнародованія» (id, стр. 68). Еслибы вопросъ еще не былъ достаточно настоятеленъ, или былъ недостаточно выясненъ, или, наконецъ, могъ возбуждать сомнѣніе относительно правильности и популярности извѣстнаго его рѣшенія, а самое рѣшеніе не могло быть провѣрено, исправлено и согласовано съ потребностями, взглядами и желаніями населенія, то другое дѣло. Тогда можно было бы и, пожалуй, даже слѣдовало бы еще посидѣть надъ нимъ, (надъ другими проэктами, въ родѣ проэкта объ урядникахъ, мы не сидимъ); но когда все такъ ясно, когда требованія жизни относительно сокращенія бюрократическаго всевластія и расширенія самоуправленія такъ опредѣленны, то сидѣть годы и просиживать казенныя кресла, кажется, совсѣмъ не за чѣмъ. Будетъ выходить одно времяпрепровожденіе, времяпрепровожденіе, можетъ быть, и не скучное для засѣдающихъ въ комиссіяхъ, но въ высшей степени томительное и безплодное для страны. Но относительно кахановской комиссіи нельзя сказать, чтобы она и очень спѣшила или мало работала (что́ она выработала, это, разумѣется, другой вопросъ), по крайней мѣрѣ, съ сентября 1882 г., когда всѣ предварительныя занятія ея были окончены и начались засѣданія, по май текущаго года, она имѣла 78 засѣданій, въ теченіи которыхъ можно было очень многое сдѣ-

[1] «Страница изъ исторіи судебной реформы. Д. Н. Замятнинъ». Г. Джаншіевъ Москва, 1883 г.

Digitized by Google

лать. Правда, что работала комиссія не въ полномъ своемъ составѣ, а въ видѣ особаго «совѣщанія», изъ нѣсколькихъ членовъ, выдѣленныхъ изъ ея среды, согласно особому постановленію; но это обстоятельство не особенно существенно, потому что въ совѣщаніи принимало участіе не мало людей, и людей выдающихся въ нашихъ бюрократическихъ сферахъ, а выработанный проэктъ, сверхъ новаго его разсмотрѣнія, которое по сообщеніямъ газетъ, должно было происходить въ октябрѣ, будетъ еще разсматриваться въ полномъ, усиленномъ составѣ комиссіи, что имѣетъ быть «въ концѣ настоящаго или будущаго года». («Моск. Вѣд.» № 279, 1883 г.). Въ засѣданіяхъ совѣщанія, кромѣ М. С. Каханова, участвовали: М. Е. Ковалевскій, П. П. Семеновъ, С. А. Мордвиновъ, А. А. Половцевъ, Ѳ. А. Барыковъ, И. Н. Дурново, И. Е. Андреевскій, Н. А. Вагановъ и Г. П. Галаганъ («Нов. Вр.» № 2723). Выработанный проэктъ представляетъ пока лишь общій планъ реформы, безъ детальной разработки тѣхъ или иныхъ ея частностей и подробностей, и состоитъ изъ семи отдѣловъ: а) о сельскомъ обществѣ и поземельной общинѣ; б) о волости; в) о городѣ; г) о полиціи; д) объ уѣздномъ управленіи съ земствомъ; е) о губернскомъ управленіи и ж) о надзорѣ и отвѣтственности («Моск. Вѣд.» № 279), т. е. о надзорѣ за проэктируемыми установленіями, объ отчетности ихъ и общемъ порядкѣ привлеченія къ отвѣтственности должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія («Новое Время», № 2723). Перечисленные отдѣлы представляютъ до 550 отдѣльныхъ положеній, къ которымъ въ теченіи настоящаго лѣта были составлены объяснительныя записки, разсмотрѣніемъ которыхъ и начала недавно вновь свою дѣятельность комиссія, приготовляя ихъ къ внесенію въ общее свое засѣданіе, въ которое должны быть приглашены мѣстные дѣятели—«свѣдущіе люди». Такъ, по крайней мѣрѣ, было предположено при учрежденіи комиссіи, о чемъ и упоминалось въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» въ концѣ 1881 и началѣ 1882 года. Но это еще не все: послѣ того, какъ основныя положенія реформы получатъ санкцію комиссіи въ ея полномъ составѣ, они будутъ, по слухамъ, подлежать еще дальнѣйшей разработкѣ въ отдѣльныхъ подкомиссіяхъ (id.). Затѣмъ, по всей вѣроятности, потребуется новое разсмотрѣніе работъ подкомиссій для объединенія и согласованія ихъ, и т. д. Словомъ, проэкту предстоитъ пройти еще много инстанцій, прежде чѣмъ установится окончательная его редакція, въ которой онъ поступитъ на утвержденіе и получитъ силу закона. Тѣмъ болѣе, значитъ, нѣтъ основаній медлить, и комиссія поступаетъ очень хорошо, что не откладываетъ дѣла въ долгій ящикъ. Жизнь не ждетъ и требуетъ отвѣта на свои запросы. Вотъ что говоритъ по этому газета «Русь»:

«Наше внутреннее положеніе нисколько не удовлетворительно. Народное благосостояніе день ото дня понижается въ своемъ уровнѣ; сельское населеніе нищаетъ; сельскій бытовой строй разлагается, благодаря бо́льшею частью

Digitized by Google

именно недальновиднымъ распоряженіямъ, не согласующимся съ требованіями и складомъ народной жизни. Крестьяне жалуются на избытокъ начальствъ и на отсутствіе живой, дѣйствительной власти; прежнія формы народнаго правосудія ослаблены, искажены внесенною въ нихъ сверху регламентаціею, и настало безсудье, гнетущее и деморализующее самый народъ; землевладѣльцы, съ своей стороны, ропщутъ, и не безъ основанія, на невозможность вести какое-либо хозяйство при постоянномъ произвольномъ нарушеніи условій найма со стороны рабочихъ, при отсутствіи въ населеніи, невольно привыкшемъ къ безсудью, всякаго уваженія къ договорамъ и сдѣлкамъ. Полиція—словно высаженная изъ колеи, какъ бы не имѣющая другой заботы, какъ взысканіе податей и выколачиваніе недоимокъ; бездорожье, недостатокъ правильныхъ сельскихъ почтовыхъ сообщеній, безпомощность народа въ отношеніи врачебномъ—при возрастающихъ повальныхъ болѣзняхъ и т. д.», а «органическая неудовлетворительность нашего земскаго и городского самоуправленія стала въ послѣднее время еще неудовлетворительнѣе, и, сказать по правдѣ, не совсѣмъ по своей винѣ» (№ 24, 1883 г.).

Это «не совсѣмъ по своей винѣ» г. Аксаковъ подчеркиваетъ слѣдующимъ образомъ. «Мы никогда не были, говоритъ онъ:—усердными сторонниками нашихъ городскихъ думъ и земскихъ учрежденій въ ихъ настоящемъ видѣ», «но такъ или иначе они существуютъ и дѣйствуютъ уже около 20 лѣтъ, и при всѣхъ своихъ недостаткахъ... все же кое-что создали и устроили; вообще это единственный пока, каковъ бы онъ ни былъ, общественный органъ внутренняго земскаго и городского управленія: никакого другого, ни общественнаго, ни казеннаго, теперь вѣдь вовсе не имѣется. Но даже и возможная для этого органа дѣятельность находится въ настоящее время въ какомъ-то нравственномъ угнетеніи, парализующемъ ревность земскихъ и городскихъ дѣятелей, даже подчасъ безсознательно для нихъ самихъ. Наши городскія и земскія учрежденія находятся у высшей петербургской администраціи словно на положеніи *пасынковъ*, къ тому же *нелюбыхъ*». Затѣмъ, указывая на то, что тѣмъ съ болѣе напряженнымъ ожиданіемъ устремляются теперь взоры всей Россіи къ Петербургу, «къ работамъ пресловутой комиссіи», г. Аксаковъ высказываетъ, что «самое это ожиданіе, съ своей стороны, задерживаетъ въ нѣкоторой степени теченіе жизни, подрывая увѣренность въ прочности существующаго порядка».

Упованій на кахановскую комиссію, дѣйствительно, возлагается (а вѣрнѣе—возлагалось) много, но, вслѣдствіе ли долгихъ ожиданій и неизвѣстности о ходѣ ея работъ или вслѣдствіе какихъ другихъ причинъ, ожиданія эти за послѣднее время какъ-то притупились и прониклись какою-то болѣзненною истомою и недовѣріемъ: «можетъ быть, что-нибудь и будетъ сдѣлано, а, можетъ быть, и ничего не будетъ сдѣлано». А иногда и просто спрашиваютъ: «А что, ничего не слышно о кахановской комиссіи — существуетъ она или нѣтъ?» Въ этомъ, какъ намъ кажется, прежде всего грѣшна сама комиссія, до сихъ поръ придерживавшаяся почему-то канцелярской тайны и почти ничего не сообщавшая о ходѣ своихъ за-

Digitized by Google

нятій. Публика и печать до сихъ поръ довольствовались только кое-какими отрывочными слухами, которые, подъ видомъ «достовѣрныхъ», проникали отъ времени до времени въ газеты; но на сколько слухи эти были дѣйствительно достовѣрны—сказать, разумѣется, никто не могъ. Они возникали и черезъ нѣкоторое время опровергались; снова возникали и снова опровергались, или сопровождались поправками, разъясненіями и дополненіями, относительно достовѣрности которыхъ опять-таки было неизвѣстно. Говорятъ, что въ настоящее время объяснительныя записки къ проэкту частью уже напечатаны и что въ непродолжительномъ будущемъ, вѣроятно, послѣдуетъ «оглашеніе основныхъ положеній реформы». Но опять-таки это только слухъ, сообщая который, «Новое Время» сопровождаетъ его словомъ *вѣроятно* и точно не говоритъ, когда именно послѣдуетъ это оглашеніе—одновременно ли съ внесеніемъ объяснительныхъ записокъ въ усиленное собраніе комиссіи или уже послѣ того, какъ онѣ тамъ побываютъ и подвергнутся обсужденію, т. е. когда всякія замѣчанія со стороны будетъ принять уже гораздо труднѣе, если только принять ихъ будетъ еще возможно. Почему комиссія, съ такою огромною задачею и столь независимо поставленная, придерживается канцелярской тайны — сказать, разумѣется, трудно. Если она просто не желаетъ показывать только своихъ подготовительныхъ, такъ сказать, черновыхъ работъ, чтобы не плодить преждевременныхъ толковъ и излишняго любопытства, то обнародовать всѣ черновыя работы нѣтъ и надобности никакой. Достаточно знать объ общемъ направленіи работъ, о постановкѣ и возникновеніи различныхъ вопросовъ, чтобы имѣть возможность высказаться и такимъ образомъ содѣйствовать правильному рѣшенію этихъ вопросовъ. Если она не довѣряетъ компетентности наличной печати, полагая, что она ничего путнаго сказать не можетъ, что, можетъ быть, до извѣстной степени и вѣрно, въ виду преобладающаго теперь состава печати и обезличенности печати другой, то, можетъ быть, кто-нибудь изъ общества, заинтересовавшись работами комиссіи, пожелалъ бы откликнуться и представить хоть въ рукописномъ видѣ свои соображенія; а сомнѣваться въ томъ, что у насъ есть люди знающіе, образованные и проникнутые добрыми желаніями, конечно, невозможно. Если комиссія испытываетъ колебанія и затрудненія при рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ, то тѣмъ болѣе должны имѣть для нея значеніе каждый лишній голосъ, каждая новая точка зрѣнія, каждое особое мнѣніе. Самыя же колебанія и затрудненія никоимъ образомъ компрометировать ее не могутъ, въ особенности, когда не будетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что она одушевлена лучшими намѣреніями, не игнорируетъ знанія и руководится справедливостью, сознавая всю важность выпавшей на ея долю задачи. Не въ укоръ вовсе комиссіи, а исключительно въ видахъ наиболѣе успѣшнаго разрѣшенія ею сложныхъ вопросовъ, мы по-

Digitized by Google

зволяемъ себѣ высказать, что печать и страна слишкомъ мало знаютъ объ ея дѣятельности, что при разработкѣ положенія 19-го февраля, земской и судебной реформы была допущена бо̀льшая гласность и общество было болѣе знакомо съ тѣмъ, что дѣлалось въ комиссіяхъ и комитетахъ. Комиссія имѣетъ, разумѣется, полную возможность исправить это и такимъ образомъ гарантировать себя отъ нареканій въ будущемъ. Понятіе о комиссіяхъ стало у насъ синонимомъ понятія о «зеленомъ сукнѣ» стараго времени, такъ что, когда говорятъ, что дѣло передано въ комиссію, то многіе такъ ужь и понимаютъ, что оно положено подъ зеленое сукно, т. е. въ долгій ящикъ, гдѣ ему предстоитъ пребывать и мариноваться многіе годы. Кахановская комиссія избѣжала этого грѣха, но теперь ей предстоитъ исправить и другую слабую сторону, относительно «канцелярской тайны». Если нѣкоторые о̀ргапы печати и напоминаютъ иногда любознательныхъ дѣвицъ, руководящихся только любопытствомъ и желаніемъ посудачить о новостяхъ дня, то этого никоимъ образомъ нельзя сказать о всей печати. Есть нѣчто другое, высшее, что руководитъ въ такихъ случаяхъ печатью. Наконецъ, за печатью всегда стоитъ общество и народъ, для которыхъ и производятся реформы. Сколько бы такимъ образомъ могло устраняться недоумѣній, недоразумѣній, напрасныхъ тревогъ, невѣрныхъ и ложныхъ слуховъ и самой томительной темноты, въ которой блуждаетъ общественная мысль, теряя энергію и впадая въ апатію.

Слуховъ все равно никакими способами не прекратишь. Если перестанутъ сообщать ихъ газеты, они будутъ расходиться устно, какъ этому уже и бывали неоднократно примѣры, и будутъ принимать еще болѣе фантастическія формы и размѣры. У насъ вѣдь рѣшительно всему вѣратъ. Таковы ужь условія самой жизни, порождающія легковѣріе русскаго человѣка. Такъ, напримѣръ, недавно появился въ газетахъ слухъ («Новое Время» его сообщило), что министерство внутреннихъ дѣлъ внесло въ комиссію контръ-проэктъ, идущій въ разрѣзъ и совершенно уничтожающій проэктъ комиссіи, то всѣ соболѣзновали, что дѣятельности комиссіи положенъ такимъ образомъ предѣлъ и что всѣ ея труды были, такъ сказать, напрасными трудами, причемъ совершенно, повидимому, забывалось, что министерскій проэктъ никоимъ образомъ не могъ имѣть для комиссіи такого рѣшающаго значенія, ибо комиссія есть учрежденіе совершенно самостоятельное и независимое отъ министерствъ, что она можетъ отнестись къ проэкту министерства съ особеннымъ вниманіемъ, какъ къ проэкту одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, какъ къ проэкту учрежденія, кромѣ того, ближе всего соприкасающагося съ предстоящей реформой и могущаго дать весьма цѣнныя указанія, но можетъ и не соглашаться съ нимъ. Слухъ этотъ оказался невѣрнымъ и черезъ нѣсколько дней былъ поясненъ въ такомъ смыслѣ: что никакого контръ-проэкта министерство не вносило, а представило только соображенія, по которымъ было

Digitized by Google

бы желательно, чтобы проэктъ комиссіи и предстоящая реформа не производили слишкомъ коренной ломки въ существующихъ учрежденіяхъ и порядкахъ мѣстнаго управленія. Хотя это было уже нѣчто иное, но сущность дѣла и тутъ всѣми сводилась къ тому же, т. е. что дѣятельность комиссіи такимъ образомъ парализуется, что комиссія какъ бы упраздняется и т. д. Опять начинали читать отходную надъ комиссіей и опять при этомъ забывали, что указываемые предѣлы могли быть только дезиратами министерства, которыя могли измѣнить характеръ и направленіе работъ комиссіи только въ томъ случаѣ, еслибы она признала ихъ убѣдительность, но которыя сокращать ея программу и полномочія не могли. Тѣмъ болѣе не могло быть рѣчи объ упраздненіи комиссіи, пока она не кончила своихъ занятій. Но у насъ, говорю я, рѣшительно всему вѣрятъ, и это придаетъ гласности, которая устраняла бы возникновеніе невѣрныхъ слуховъ, тѣмъ большую важность.

Въ настоящее время, несмотря на соблюденіе канцелярской тайны, свѣденій о работахъ каховской комиссіи накопилось уже не мало. Всѣ они проникали въ печать подъ видомъ «достовѣрныхъ», или, если оказывались недостовѣрными, то исправлялись по «достовѣрнымъ» источникамъ и оффиціально не опровергались. Спрашивается, какъ относиться къ нимъ? Если вы будете относиться къ нимъ, какъ къ свѣдѣніямъ достовѣрнымъ, то легко можете очутиться въ непріятномъ положеніи человѣка разбирающаго и оцѣнивающаго то, что въ дѣйствительности не существуетъ; если же будете смотрѣть на нихъ обратно и станете ждать, какъ ждали, напримѣръ, мы, появленія свѣдѣній вполнѣ достовѣрныхъ, то легко можете прождать очень долго и ничего не дождаться. А между тѣмъ, вамъ говорятъ, что скоро начнутся засѣданія комиссіи, и можетъ быть, вопросъ именно такъ и будетъ рѣшаться, какъ сообщалось въ газетахъ. Въ такомъ положеніи остается одно — говорить на всякій случай, или ничего не говорить отъ себя и только сообщать читателю, тоже на всякій случай, какъ, по слухамъ, стоитъ дѣло. Такимъ образомъ мы и поступимъ, сообщая въ общихъ чертахъ о выработанныхъ комиссіею предположеніяхъ относительно устройства мѣстнаго управленія.

Прежде всего создается «всесословное селеніе», въ которое войдутъ «всѣ крестьяне данной деревни, съ ихъ надѣльными и благопріобрѣтенными землями, если послѣднія не черезчуръ удалены; всѣ поселки, если они имѣютъ менѣе 25 дворовъ и потому не могутъ составить самостоятельное селеніе, и всѣ землевладѣльцы окрестностей деревни, когда размѣръ ихъ владѣній не допускаетъ признанія ихъ самостоятельнымъ селеніемъ или если они, не взирая на свою величину, сами пожелаютъ войдти въ составъ «селенія»; наконецъ, членами селенія признаются и тѣ лица, которыя хотя не владѣютъ недвижимой собственностью, но имѣютъ въ селеніи прочную осѣдлость» («Нов. Вр.», № 2723). Органовъ управленія для селеній два: староста и сходъ. Ста-

Digitized by Google

роста избирается на два года, безразлично изъ любого сословія, но «по возможности изъ числа граматныхъ». Ему предоставляется довольно обширная власть: онъ собираетъ подати, приводитъ въ исполненіе рѣшенія сходовъ, управляетъ (?) всѣми имѣніями и капиталами селеній и является низшею инстанціею для волостнаго начальства. Онъ имѣетъ право подвергать за маловажные проступки всѣхъ лицъ, безъ различія сословій, штрафу до двухъ рублей, а въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, и исполнять свои требованія на счетъ ослушавшихся. Въ виду трудности и сложности обязанностей старосты, въ обширныхъ селеніяхъ допускается выборъ одного или нѣсколькихъ ему помощниковъ. Затѣмъ, принимая во вниманіе, что, съ одной стороны, не всѣ члены селенія могутъ принять на себя столь сложную должность, а съ другой—что не всякій и согласится принять ее добровольно, комиссія предоставляетъ право отказа отъ нея «тѣмъ членамъ селенія, которыя живутъ въ отлучкѣ или по роду своихъ занятій не могутъ безъ крайняго убытка для себя вѣдать селеніемъ» (?). Содержатели питейныхъ заведеній и другія лица, *спеціальность* которыхъ можетъ профанировать общественную службу, въ старосты не избираются. Остальные же члены селенія должны принимать общественную службу по выбору обязательно. Что касается до сельскаго схода, то таковой составляется изъ всѣхъ достигшихъ 25-лѣтняго возраста, не опороченныхъ по суду и проживающихъ не менѣе двухъ лѣтъ въ селеніи лицъ, изъ всѣхъ домохозяевъ, долгосрочныхъ арендаторовъ, торговцевъ и т. д. Въ небольшихъ селеніяхъ въ сходѣ участвуютъ всѣ члены ихъ, а въ большихъ—«представители извѣстнаго числа (?) лицъ или подворныхъ хозяйствъ». Предсѣдательствуетъ на сходѣ спеціально выбранное лицо, каковымъ можетъ быть и староста. Судебныхъ функцій сходу не предоставлено. Сфера его ограничивается вопросами хозяйственными, финансовыми и административными. Крестьянская сельская община въ вопросахъ хозяйственныхъ, относящихся къ общему владѣнію и пользованію землею, стоитъ особнякомъ отъ вновь проэктированнаго «всесословнаго селенія» (все равно владѣетъ ли она землею на общинномъ правѣ или подворно, но на основаніи одной и той же уставной граматы), и пользуется въ этихъ дѣлахъ правами юридическаго лица. По гражданскимъ дѣламъ крестьяне сохраняютъ право имѣть свой сельскій судъ въ той формѣ, которую предпочтутъ (?), причемъ подчиненіе этому суду для членовъ селенія изъ другихъ сословій необязательно. Постановленія этого суда приводятся въ исполненіе также, какъ и приговоры сельскаго схода, старостою.

Всесословная волость не пользуется правами юридическаго лица. У нея нѣтъ собственности; имѣющіеся же на лицо волостные капиталы и земли должны быть раздѣлены между сельскими обществами. Управляетъ волостью «волостель», избираемый земствомъ «изъ числа лицъ всѣхъ сословій, имѣющихъ не менѣе

Digitized by Google

25 лѣтъ отъ роду, принадлежащихъ къ числу осѣдлыхъ жителей губерніи и владѣющихъ дипломомъ средняго учебнаго заведенія». Съ другими должностями по мѣстному управленію должность «волостеля» несовмѣстима. Списокъ кандидатовъ на эту должность публикуется заранѣе, «причемъ жители имѣютъ право рекомендацій и всякихъ заявленій по поводу этихъ списковъ» (?). Избраніе волостеля и нѣсколькихъ кандидатовъ къ нему препровождается на утвержденіе въ губернію. Волостель и его помощники — чиновники государства; они получаютъ чины и имѣютъ право на пенсію. «Волостель—исполнительный членъ земства и полиціи, контролеръ и прокуроръ (?) надъ сельскими обществами, входящими въ составъ волости». Особенно горячему спору подвергся, говорятъ, въ комиссіи вопросъ о волостномъ судѣ, причемъ большинство высказалось за необходимость его и проэктировало слѣдующее: чтобы каждое селеніе, сообразно съ своей величиной, избирало въ составъ его изъ лицъ всѣхъ сословій отъ 1 до 3 членовъ, съ жалованіемъ «по усмотрѣнію», причемъ судъ этотъ былъ бы обязателенъ только для однихъ крестьянъ, а остальныя сословія судились бы въ немъ только «по желанію» (?). Волостель и сельскіе старосты должны быть приставами этого суда. Территорія волости опредѣляется уѣздною властью по соглашенію съ губернскою.

Проэктируемыя измѣненія въ полиціи направлены преимущественно къ снятію съ нея не свойственныхъ ей обязанностей, какъ-то: взысканія податей и наблюденія за частью санитарной, строительной и т. п. Все это имѣетъ перейти къ спеціальнымъ органамъ, дѣятельность же полиціи сосредоточится главнымъ образомъ на охраненіи порядка и безопасности. Несмотря на такое уменьшеніе обязанностей, значительнаго уменьшенія личнаго состава полиціи, повидимому, не предвидится. Упраздняются только полицейскія управленія и должности засѣдателей и помощниковъ исправниковъ. Должность урядниковъ также предполагается упразднить, но взамѣнъ ихъ проэктируется создать «сотскихъ», которые будутъ назначаться отъ правительства и будутъ получать казенное жалованье. Наблюдательный составъ корпуса жандармовъ предполагается преобразовать въ «команды полицейскихъ жандармовъ», т. е. въ подвижную полицейскую силу. Для опредѣленія способовъ дѣйствія и предѣловъ власти полиціи предполагается выработать нѣчто въ родѣ «устава полицейскаго производства».

Относительно измѣненій въ уѣздѣ предполагается, не касаясь его территоріальныхъ границъ, сдѣлать слѣдующее: «все настоящее обиліе уѣздныхъ канцелярій вмѣстить лишь въ двухъ учрежденіяхъ—въ присутствіи уѣзднаго управленія и уѣздной земской управѣ». Существенныхъ перемѣнъ въ земскомъ положеніи и устройствѣ пока не проэктировано, но «повидимому, предполагается устраненіе противоположности, нынѣ существующей между правительственными и земскими установленіями, и объединеніе

Digitized by Google

ихъ, какъ органовъ единой привительственной власти» (?). а «согласно такой постановкѣ вопроса, земство въ будущемъ подлежитъ сравненію въ правахъ, обязанности и отвѣтственности съ другими органами уѣзднаго управленія» (?). Предполагаются еще нѣкоторыя измѣненія въ цензѣ, порядкѣ выборовъ, а равно и въ порядкѣ опредѣленія числа гласныхъ, что можетъ дать въ будущемъ «увеличеніе числа гласныхъ, новое ихъ распредѣленіе по группамъ и повышеніе ценза образовательнаго и заслугъ на счетъ имущественнаго». Далѣе предполагается, для установленія однородности въ дѣйствіяхъ и для принятія нѣсколькими уѣздными земствами какихъ либо общихъ, «вызываемыхъ мѣстными условіями», мѣръ, допускать съѣзды земскихъ представителей, какъ уѣздныхъ и губернскихъ, такъ и нѣсколькихъ смежныхъ губерній. Съѣзды эти предполагается, впрочемъ, составлять изъ особыхъ, «нарочно выбранныхъ для того», гласныхъ. На уѣздныхъ съѣздахъ предсѣдательствовать будутъ предсѣдатели уѣздныхъ присутствій, а на губернскихъ губернаторы, права которыхъ, какъ увидимъ ниже, расширяются. На предсѣдателя уѣзднаго присутствія предполагается возложить и предсѣдательство на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, гдѣ до сихъ поръ предсѣдательствовали предводители дворянства. Присутствіе уѣзднаго управленія является учрежденіемъ совершенно новымъ. «Въ основѣ оно состоитъ изъ трехъ лицъ — особаго предсѣдателя, утверждаемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ изъ числа трехъ кандидатовъ, выбранныхъ для сей цѣли уѣзднымъ земствомъ; для таковой должности требуется имущественный цензъ гласнаго, 30 лѣтъ отъ роду, среднее образованіе и неслуженіе ни правительству, ни земству; предводители дворянства, однако, могутъ быть назначаемы предсѣдателями уѣзднаго присутствія». По должности, предсѣдатель присутствія будетъ считаться въ V классѣ и жалованье будетъ получать отъ казны. Затѣмъ, постоянными членами присутствія будутъ — предсѣдатель земской управы и исправникъ. Затѣмъ, «по дѣламъ, касающимся спеціальности», могутъ входить въ составъ присутствія, на правахъ членовъ, уѣздный врачъ, финансовый чиновникъ, предсѣдатель мирового съѣзда, прокуроръ, уѣздный почтмейстеръ (онъ же завѣдующій телеграфомъ), инспекторъ народныхъ училищъ, лѣсничій или чиновникъ государственныхъ имуществъ, техникъ вѣдомства путей сообщенія, уѣздный землемѣръ, члены земской управы, городскіе головы и т. д. «Уѣздное присутствіе вѣдаетъ въ уѣздѣ всѣмъ, контролируя низшія власти, обязательныя постановленія городовъ и земствъ, разныя пререканія, всѣ ходатайства думъ и земствъ, почты и т. д., являясь какъ бы высшей и заключительной инстанціей для всѣхъ административныхъ, финансовыхъ, экономическихъ и санитарныхъ вопросовъ, поднятыхъ и разрѣшенныхъ кѣмъ-либо въ уѣздѣ». Такимъ образомъ, въ лицѣ уѣзднаго присутствія, создается надъ земствомъ и городомъ новая власть, которая, если правъ ихъ прямо и не

Digitized by Google

стѣсняетъ, то и не расширяетъ. Предполагается лишить земства права гарантировать желѣзныя дороги, которымъ, впрочемъ, они, безъ особаго разрѣшенія правительства, и не пользовались, и которое имѣло слишкомъ мало случаевъ въ практикѣ.

Городское управленіе сохраняетъ существующее устройство, но относительно городскихъ выборовъ проэктируются измѣненія, а именно: предполагается допустить въ число избирателей, кромѣ владѣльцевъ недвижимаго имущества, еще содержателей торговыхъ и промышленныхъ заведеній и нанимающихъ за извѣстную плату годовыя квартиры, если они предварительно прожили въ городѣ не менѣе двухъ лѣтъ. Избиратели дѣлятся на три разряда, съ равнымъ числомъ гласныхъ отъ каждаго: 1) владѣльцы недвижимыхъ имуществъ, 2) купцы и содержатели торговыхъ заведеній, и 3) квартиронаниматели. Посѣщеніе думскихъ засѣданій проэктъ признаетъ обязательнымъ для гласныхъ и разрѣшаетъ городскому управленію штрафовать неявляющихся безъ достаточно уважительныхъ причинъ. Штрафы могутъ удвоиваться въ тѣхъ случаяхъ, когда неприбытіе гласныхъ послужило препятствіемъ къ открытію засѣданія или когда преждевременный уходъ ихъ разстроилъ начавшееся обсужденіе вопроса. Предметы вѣдомства городовъ остаются прежніе, «но проэктъ допускаетъ за правительствомъ право экзекуціи, т. е. въ случаѣ не исполненія городомъ возложенныхъ на него обязанностей коронная власть можетъ произвести это исполненіе на счетъ городскихъ суммъ. Ограничено также право ходатайствъ города; всѣ таковыя проходятъ черезъ уѣздныя и губернскія присутствія, которыя цензируютъ ихъ. Если ходатайство касается дѣйствительно мѣстныхъ нуждъ—оно отсылается къ подлежащей центральной власти; если затрогиваетъ общій государственный вопросъ—оставляется безъ движенія. Обязательныя постановленія думъ проходятъ тѣже инстанціи, какъ и ходатайства, утверждаются или возвращаются обратно съ поясненіемъ причинъ ихъ негодности». Затѣмъ признается настоятельно необходимымъ лучше установить признаки города, т. е. количество жителей, размѣръ торговли, бюджета и проч., чтобы устранить весьма не рѣдкія несообразности, когда чуть не деревня считается городомъ, а поселенія съ десятками тысячъ жителей и милліонной торговлей считаются селами.

Въ губернскомъ управленіи, во главѣ всего стоитъ губернаторъ. Опредѣляется онъ Высочайшимъ указомъ по представленію комитета министровъ изъ числа кандидатовъ, «рекомендованныхъ» министромъ внутреннихъ дѣлъ. Не входя въ дѣла различныхъ губернскихъ управленій, губернаторъ можетъ ревизовать всѣ гражданскія учрежденія губерніи (кромѣ судебныхъ и контрольныхъ), требовать отъ нихъ свѣденія, доносить о нихъ подлежащимъ министерствамъ и возбуждать «противъ всѣхъ членовъ этихъ управленій дисциплинарное или судебное преслѣдованіе». Надъ самимъ же губернаторомъ судья — только сенатъ.

Digitized by Google

Къ наградамъ губернаторы представляются комитетомъ министровъ. Нынѣшнія губернскія учрежденія (губернское правленіе, присутствія по крестьянскимъ и по воинскимъ дѣламъ, комитеты распорядительный, статистическій, общественнаго здравія, оспенный и губернскій училищный совѣтъ) замѣняются однимъ учрежденіемъ—присутствіемъ губернскаго управленія, которое будетъ связывать и объединять слѣдующія восемь отдѣльныхъ управленій: финансовое, государственныхъ имуществъ, почтъ и телеграфовъ, народнаго просвѣщенія (собственно народныхъ училищъ), путей сообщенія, врачебную инспекцію, губернское инженерное управленіе и тюремную инспекцію. Полицію же большинство комиссіи предполагаетъ не выдѣлять въ видѣ отдѣльнаго органа, и подчинить непосредственно губернатору. Губернское присутствіе состоитъ изъ губернатора, въ качествѣ предсѣдателя, и слѣдующихъ постоянныхъ членовъ: губернскаго предводителя дворянства, начальника финансоваго управленія въ губерніи, прокурора окружного суда, предсѣдателя губ. зем. управы, вицегубернатора и еще одного лица, спеціально для этого избираемаго губернскимъ земскимъ собраніемъ. Начальники вышеперечисленныхъ отдѣльныхъ управленій входятъ въ губернское присутствіе въ качествѣ временныхъ членовъ лишь при разсмотрѣніи вопросовъ, касающихся ихъ спеціальности и «для составленія годового отчета». При разсмотрѣніи дѣлъ, касающихся города, въ присутствіе входитъ на правахъ члена городской голова, а по дѣламъ училищнаго совѣта — директоръ народныхъ школъ и депутатъ отъ духовнаго вѣдомства. Дѣла въ присутствіи рѣшаются коллегіально, но губернаторъ имѣетъ право протеста и наложенія на рѣшенія своего veto, возводя дѣло на усмотрѣніе сената (id).

Намъ остается сказать еще о проэктируемомъ порядкѣ надзора за мѣстнымъ управленіемъ, о разсмотрѣніи пререканій и привлеченіи къ отвѣтственности. Надзоръ за мѣстнымъ управленіемъ устанавливается общій, по всѣмъ дѣламъ управленія, и особый, по отдѣльнымъ его отраслямъ. Общій надзоръ принадлежитъ: 1) волостелю (за дѣятельностью сельскихъ должностныхъ лицъ, сельскими кредитными учрежденіями волости и за всѣми частными обществами и союзами, въ установленныхъ закономъ предѣлахъ); 2) присутствію уѣзднаго управленія (за дѣятельностью волостелей, городскихъ и земскихъ исполнительныхъ органовъ, а также и органовъ, подчиненныхъ отдѣльнымъ уѣзднымъ установленіямъ, съ *высшимъ* наблюденіемъ за сельскимъ управленіемъ, сельскими кредитными учрежденіями и частными обществами и союзами); 3) присутствію губернскаго управленія (за дѣятельностью всѣхъ органовъ общественнаго и уѣзднаго управленія, уѣздныхъ присутствій и органовъ, подчиненныхъ отдѣльнымъ губ. установленіямъ), и 4) губернатору (за дѣятельностью всѣхъ должностныхъ лицъ и установленій общественныхъ и входящихъ въ составъ уѣздн. и губернск. управленія). Осо-

Digitized by Google

бый надзоръ по отдѣльнымъ отраслямъ управленія принадлежитъ: по сельскому управленію волостелю; по городскимъ и земскимъ установленіямъ—думамъ и земскимъ собраніямъ, а по коронныхъ—ихъ непосредственному начальству и по спеціальнымъ отраслямъ особымъ должностнымъ лицамъ — уѣздному врачу, инспектору народныхъ училищъ, технику, тюремному инспектору и т. д. Независимо отъ административнаго надзора, сохраняется существующій нынѣ надзоръ контрольныхъ палатъ. Право ревизіи предоставляется: «а) волостелю, по отношенію къ сельскимъ должностнымъ лицамъ и сельскимъ кредитнымъ учрежденіямъ, б) присутствію уѣзднаго управленія, по отношенію къ сельскимъ должностнымъ лицамъ, волостелямъ и органамъ, подчиненнымъ отдѣльнымъ установленіямъ (въ томъ числѣ и земскимъ), а также по отношенію къ частнымъ обществамъ и союзамъ, въ особо опредѣленныхъ закономъ предѣлахъ, в) присутствію губернскаго управленія, по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія органамъ общественнаго и уѣзднаго управленія, присутствіямъ уѣзднаго управленія и органамъ, подчиненнымъ отдѣльнымъ губернскимъ установленіямъ, и г) губернатору по отношенію ко всѣмъ должностнымъ лицамъ и установленіямъ общественнымъ и входящимъ въ составъ уѣзднаго и губернскаго управленій» («Новое Время», № 2,758-й). Независимо отъ этого, присутствіе губ. управленія можетъ представлять по принадлежности о необходимости ревизіи высшихъ губернскихъ установленій, а губернаторъ, сверхъ того, и «относительно установленій, кои не входятъ въ составъ губернскаго управленія». Уѣздное и губернское присутствія или возлагаютъ производство ревизіи на одного изъ своихъ членовъ, или же предлагаютъ должностнымъ лицамъ и установленіямъ произвести ревизію надъ подвѣдомственными имъ должностными лицами и установленіями. Результаты ревизій должны представляться на разсмотрѣніе присутствія (уѣзднаго или губернскаго, по принадлежности), которое и постановляетъ свое рѣшеніе. Губернаторъ производитъ ревизію лично, при помощи состоящихъ при немъ чиновъ; а въ случаѣ необходимости, при производствѣ ревизіи внѣ губернскихъ городовъ, можетъ поручать производство такой вице-губернатору. Независимо отъ ревизіи органовъ, имѣющихъ общій надзоръ за управленіемъ, каждый отдѣльный органъ управленія имѣетъ право ревизовать подчиненныхъ ему должностныхъ лицъ и установленія.

Относительно порядка отчетности, комиссія проектируетъ слѣдующее: губернаторы, кромѣ общаго отчета по губерніи, обязаны ежегодно представлять Государю Императору краткіе всеподданнѣйшіе рапорты о состояніи губерніи, «съ доведеніемъ до Высочайшаго свѣденія всѣхъ вопросовъ и дѣлъ, которые заслуживаютъ Высочайшаго вниманія». («Новости», № 192). Составленіе общихъ отчетовъ по губернскому и уѣздному управленіямъ не должно лишать высшіе органы права требовать отъ

Digitized by Google

подчиненных имъ органовъ спеціальныхъ отчетовъ по предметамъ ихъ вѣдомства. Относительно неправильности или незаконности дѣйствій должностныхъ лицъ (общественныхъ, земскихъ и коронныхъ) и управленій предоставляется жаловаться по инстанціямъ: на сельскихъ старостъ и десятскихъ—волостелю, на волостеля — присутствію уѣзднаго управленія и т. д. до губернатора включительно. По дѣламъ земскаго управленія на волостелей подаются жалобы въ уѣздную земскую управу; жалобы и заявленія на преступленія, подлежащія уголовному преслѣдованію, могутъ быть подаваемы и чинамъ прокурорскаго надзора; а просьбы о вознагражденіи за вредъ или убытки въ судебныя установленія. Жалобы на должностныхъ лицъ по начальству рѣшаются этимъ послѣднимъ, рѣшенія эти считаются окончательными и не подлежатъ уже обжалованію въ присутствія уѣзднаго или губернскаго управленія. — По дѣламъ мѣстнаго управленія въ уѣздѣ жалоба можетъ быть подаваема, «какъ тому должностному лицу, на которое приносится» (?), такъ и тому установленію или лицу, разсмотрѣнію котораго она подлежитъ по закону. Жалобы на неправильныя и незаконныя дѣйствія городскихъ избирательныхъ собраній и земскихъ избирательныхъ съѣздовъ «подаются въ присутствіе уѣзднаго управленія, которое, въ случаѣ справедливости такихъ жалобъ, имѣетъ право отмѣнить неправильные или незаконные выборы и назначить новые» (ib). На обязательныя постановленія думъ и земскихъ собраній жаловаться нужно въ I департаментъ сената, если такія постановленія незаконны по существу или порядку изданія. Кромѣ-того, частнымъ лицамъ «предоставляется ходатайствовать передъ думами и земскими собраніями объ отмѣнѣ такихъ обязательныхъ постановленій, которыя, хотя и законны, но неудобны для исполненія». На отказъ думъ и земскихъ собраній въ удовлетвореніи подобныхъ ходатайствъ приносятся жалобы въ присутствіе губернскаго управленія. По остальнымъ дѣламъ, соотвѣтственно существующему порядку, на постановленія думъ и земскихъ собраній жалобъ, вообще, не допускается, и потерпѣвшимъ, въ случаѣ нарушенія чьихъ либо гражданскихъ правъ, предоставляется право судебнаго иска. Всѣ дѣла по пререканіямъ между различными органами управленія разсматриваются въ присутствіяхъ уѣзднаго или губернскаго управленій, «по принадлежности, въ особо опредѣленномъ для сихъ дѣлъ составѣ присутствій». Служебная отвѣтственность должностныхъ лицъ мѣстныхъ установленій устанавливается двоякая: а) въ порядкѣ дисциплинарномъ и б) въ порядкѣ судебномъ. Порядокъ возбужденія служебной отвѣтственности «долженъ быть одинаковый для всѣхъ должностныхъ лицъ мѣстныхъ установленій, какъ назначаемыхъ отъ правительства, такъ и выборныхъ, съ допущеніемъ необходимыхъ отъ общаго порядка изъятій для должностей полицейскихъ, въ виду усиленія ихъ инстанціонной зависимости (?) и для должностей общественныхъ и земскихъ, въ ви-

Digitized by Google

ду особенностей выборной службы. Вѣдѣніе дѣлъ о дисциплинарной отвѣтственности и право наложенія взысканій предоставляется: а) начальствующимъ лицамъ, б) коллегіальнымъ учрежденіямъ; 1-му департаменту правительствующаго сената и присутствіямъ губернскаго и уѣзднаго управленій» (id).

Таковъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, въ общихъ чертахъ проэктъ реформы мѣстнаго управленія. Конечно, это общія черты только, которыя могутъ нѣсколько разъ измѣниться, исправиться и дополниться, и по которымъ трудно судить объ окончательной формѣ проэкта. Не трудно видѣть, что на проэктѣ имѣются слѣды переживаемой нами минуты. Какъ въ дѣйствительности, такъ и въ проэктѣ проходятъ двѣ струи, двѣ жизни: одна общественная, съ мѣстными вопросами и нуждами, стремящаяся къ расширенію своей независимости, а другая—бюрократическая, совершенно отъ нея и ея интересовъ обособленная и желающая только управлять ею. Повидимому, было желаніе поставить эти струи въ такое взаимное положеніе, чтобы онѣ не стѣсняли другъ друга и текли для общей пользы параллельно, но этого не вышло и бюрократическій элементъ получилъ въ проэктѣ несомнѣнное преобладаніе. Мы видимъ «волостеля», который прежде всего—чиновникъ. Хотя онъ и избирается, но избирается уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, т. е. не тѣми выборщиками, среди которыхъ ему придется жить, а людьми не столь близко имъ заинтересованными. Онъ можетъ быть лицомъ совершенно неизвѣстнымъ мѣстнымъ жителямъ, такъ какъ могъ проживать въ совершенно другомъ уѣздѣ; онъ можетъ быть лицомъ совершенно другого общественнаго положенія, такъ какъ для должности его установленъ цензъ, которому въ большинствѣ случаевъ крестьянство удовлетворить не можетъ; онъ, наконецъ, утверждается на должность административнымъ порядкомъ, а исполненіе имъ, сверхъ всего прочаго, полицейскихъ функцій сдѣлаетъ его неотличимымъ отъ теперешняго станового. И это, дѣйствительно, будетъ настоящій становой изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, съ тою развѣ только не въ пользу его разницею, что у него будетъ, вѣроятно, гораздо больше побужденій вмѣшиваться въ хозяйственную и другія интимныя стороны народной жизни. Затѣмъ, мы видимъ присутствіе уѣзднаго управленія, состоящее изъ исправника и предсѣдателя земской управы, въ качествѣ членовъ, и особаго предсѣдателя присутствія, который, хотя и избирается земствомъ, но утверждается администраціей, считается на службѣ и получаетъ казенное жалованье. Новое учрежденіе получаетъ такимъ образомъ совсѣмъ бюрократическій характеръ, а ему, между тѣмъ, дано надъ земствами положительное преобладаніе. Присутствіе губернскаго управленія имѣетъ также бюрократическій характеръ и еще болѣе обширную компетенцію, сравнительно съ земствомъ и городомъ. Предсѣдательствуемое губернаторомъ, оно можетъ вмѣшиваться рѣшительно въ каждый шагъ земской жизни и, разумѣется, будетъ приходить съ земствомъ въ

Digitized by Google

весьма частыя столкновенія. Поводовъ для этого будетъ, конечно, совершенно достаточно въ неясности и запутанности ихъ взаимныхъ отношеній, при ревизіяхъ, разсмотрѣніи жалобъ, контролѣ, и т. д. Словомъ, въ проэктѣ видно стремленіе къ поднятію авторитета мѣстной бюрократіи, къ увеличенію и расширенію ея самостоятельности на счетъ земскихъ элементовъ. Тѣ же предположенныя для оживленія мѣстной жизни нововведенія, которыя выразились въ проэктѣ въ видѣ всесословнаго селенія и преобразованія волостного устройства, мало утѣшатъ общество, и притомъ утѣшатъ исключительно на счетъ стѣсненія крестьянскаго самоуправленія и крестьянской независимости. Вотъ, что говоритъ по этому поводу газета, съ которою мы такъ рѣдко соглашаемся, но устами которой по крестьянскому вопросу, кажется, говоритъ иногда кто-то совсѣмъ другой.

«Село и волость, говоритъ Новое Время», далеко не одно и то же, какъ во народонаселенію, такъ и въ государственномъ значеніи. Въ волости всегда и вездѣ найдутся дѣйствительно всѣ сословія, а въ селѣ очень часто представителями всесословности явятся единичный баринъ, а еще чаще по нынѣшнимъ временамъ, единичный купецъ. Такимъ образомъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ селахъ всесословность будетъ фикціей, прикрывающей дѣйствительное пріобщеніе къ крестьянской жизни одного или двухъ воиновъ противъ сельскаго схода, общины и мужицкаго благополучія. Вѣдь даже теперь, когда эти воины еще не имѣютъ никакихъ законныхъ правъ на вмѣшательство въ сельскую жизнь, мы знаемъ,' читали и печатали не мало случаевъ отдачи крестьянами ихъ собственной земли въ аренду пришлецу, у котораго они же сами нанимаютъ ее ежегодно за тройную плату, случаевъ, гдѣ помѣщикъ взялъ на откупъ всѣ кабаки уѣзда и т. п. Ясное дѣло, что подобная кабала въ всесословности села получитъ прочный и узаконенный фундаментъ.

Высказывая затѣмъ, что «всесословная волость является въ милліонъ разъ предпочтительнѣе и логичнѣе всякаго села», газета указываетъ на опасность, которая грозитъ крестьянскому самоуправленію и крестьянскому мірскому строю отъ столкновенія на такомъ небольшомъ пространствѣ, какъ всесословное село, лицъ различныхъ взглядовъ и интересовъ, лицъ заинтересованныхъ въ экономической борьбѣ—нанимателей и рабочихъ, купцовъ и покупателей, людей, живущихъ міромъ, и людей, потерявшихъ «способность вѣрить управленію безалабернымъ сходомъ, мнѣніемъ стариковъ и всему, на чемъ держится деревенскій міръ».

И «на сторонѣ неминуемой борьбы противъ міра будутъ всегда сравнительная высота образованія, матеріальное богатство, короткость отношеній къ высшей мѣстной власти и прочіе атрибуты силы. Борьба будетъ очевидно не равной и опасной для «міра». Со всѣми этими соображеніями трудно не согласиться, хотя мы и сомнѣваемся, чтобы волость, устроенная такъ, какъ предполагали ее устроить когда-то гр. Орловъ-Давыдовъ и кн. Лобановъ-Ростовскій или такъ, какъ предполагается устроить теперь всесословное село, имѣла передъ послѣднимъ столь огромныя преимущества. Разумѣется, волость нѣсколько болѣе гарантируетъ крестьянина отъ ломки его жизни, чѣмъ село, гдѣ это мо-

Digitized by Google

жетъ совершиться очень просто, благо еще не отжили совсѣмъ традиціи крѣпостного права. Проэктъ, какъ мы видѣли, предоставляетъ крупнымъ землевладѣльцамъ на выборъ присоединяться къ селу или нѣтъ, а въ случаѣ присоединенія даетъ право отказаться отъ непріятныхъ общественныхъ должностей, напримѣръ, старосты, каковымъ, однако, онъ легко можетъ сдѣлать своего экономическаго старосту или приказчика. Но вѣдь тоже самое, въ большей или меньшей степени, можетъ быть и въ волости. И это такъ и предлагалось и откровенно высказывалось ея сторонниками, когда они ставили вопросъ о ней въ 1875 году. Тутъ дѣло не столько въ опасности соприкосновенія людей различныхъ культуръ и интересовъ, которые и безъ того теперь соприкасаются, сколько въ крестьянской юридической и экономической безпомощности, въ отсутствіи людей, соприкасающихся съ ними не на почвѣ наживы, преданныхъ ихъ интересамъ и способныхъ за нихъ постоять, и въ стремленіи, создавая всесословную единицу, поставить и безъ того привилегированную сторону не въ равное съ крестьяниномъ, а въ привилегированное положеніе. Почему одинъ членъ всесословной волости или села можетъ отказываться отъ общественныхъ должностей, а другой нѣтъ, почему одинъ освобождается отъ суда, а другой нѣтъ, почему одинъ спервоначала предназначается въ волостные головы и волостели, а другой, можетъ быть, при большемъ умѣ, практической опытности и даже, пожалуй, знаніи, никогда таковыми не сдѣлается, и не сдѣлается только потому, что не имѣетъ ценза? «Новое Время» говоритъ: «Проэктъ о всесословности селъ основывается лишь на одной, повидимому, фактической и вѣской потребности создать для крестьянъ особый видъ мировыхъ посредниковъ въ лицѣ мѣстныхъ представителей всѣхъ сословій». (№ 2,764). О возстановленіи института мировыхъ посредниковъ у насъ очень много говорилось, необходимость этого доказывалась самымъ убѣдительнымъ образомъ; но замѣчательно, что при этомъ никогда не говорилось о такомъ возстановленіи этого института, чтобы посредники выбирались исключительно крестьянами, когда роль ихъ могла бы быть не безполезной. Всегда говорилось, что посредники необходимы прежде всего для крестьянъ, а на повѣрку оказывалось, что это нужно было только для управленія крестьянствомъ, для деревенской дисциплины, а иногда и прямо для возстановленія патримоніальной власти.

«Вѣстникъ Европы» также высказывается въ пользу волости и сожалѣетъ о проэктированныхъ въ ней измѣненіяхъ. «Общій выводъ нашъ таковъ, говоритъ онъ:—лучше даже современная, сословная волость, чѣмъ волость безсословная, обреченная на одно исполненіе административныхъ и земскихъ приказовъ; лучше сохраненіе status quo, чѣмъ реформа, угрожающая подчиненіемъ крестьянства извнѣ навязанной «властной рукѣ», а, слѣ-

Digitized by Google

довательно, и обостреніемъ безъ того еще сильнаго сословнаго антагонизма». (№ XI, 1883 г.)

По всей вѣроятности, выскажутся въ такомъ же смыслѣ о проэктѣ комиссіи и другіе органы печати (за исключеніемъ, конечно, малочисленныхъ вѣчныхъ исключеній), откуда, однако, не желательно было бы вовсе выводить, подобно «Вѣстнику Европы», что лучше остаться при status quo. Лучше предать проэктъ комиссіи гласности и подвергнуть его спокойному обсужденію, какъ дѣло настоятельной и очень большой государственной важности. Отъ этого не откажется, конечно, и «Вѣстникъ Европы». Въ этомъ смыслѣ высказываются и «Русскія Вѣдомости», и «Новое Время», и даже «Русь».

Указывая на то, что въ комиссіи «повидимому, предполагалось приглашеніе чего-то подобнаго собранію свѣдущихъ людей», «Новое Время» говоритъ, что такой способъ обсужденія государственныхъ мѣропріятій и народныхъ потребностей не вполнѣ удовлетворителенъ, что и подтвердилось на питейномъ и переселенческомъ вопросахъ. Люди, «случайно намѣченные въ обществѣ... безспорно могли бы внести въ комиссію болѣе или менѣе полезныя указанія относительно той мѣстности, съ которою они тѣсно связаны своими интересами и относительно этихъ интересовъ. Но указанія эти были бы только частичныя, полезныя для одной мѣстности и для однихъ интересовъ, и Богъ знаетъ еще, оказались ли бы они годными для цѣлаго, для всей Россіи» (№ 2730). Припоминая затѣмъ, что, приступая къ освобожденію крестьянъ, «законодательство признало невозможнымъ обойтись безъ содѣйствія мѣстныхъ силъ», газета говоритъ, что «выработанный каховской комиссіей общій планъ административныхъ преобразованій было бы цѣлесообразно и необходимо передать на обсужденіе мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, въ составѣ ли земскихъ собраній, гдѣ они существуютъ, или же въ какомъ-либо другомъ составѣ, предназначенномъ именно для этой спеціальной цѣли». А «Русь» ставитъ вопросъ еще прямѣе. Говоря, что «петербургская канцелярія мало внушаетъ довѣрія русской области» и что хотя недовѣріе въ данномъ случаѣ, можетъ быть, и не вполнѣ основательно, но тѣмъ не менѣе имѣется въ обществѣ; газета также высказывается противъ «свѣдущихъ людей», подъ видомъ которыхъ легко могутъ оказаться люди, къ которымъ «титулъ этотъ никогда не прилагался». По мнѣнію Руси, «вопросы, постановленные вышеупомянутой комиссіи, по самой природѣ своей, таковы, что требуютъ самаго широкаго, всесторонняго разсмотрѣнія», для чего недостаточно призывать въ Петербургъ «какихъ-нибудь свѣдущихъ людей, недостаточно даже и передачи работъ комиссіи на разсмотрѣніе земскихъ управъ и собраній... а необходимо было бы собрать по уѣздамъ и губерніямъ особыя комиссіи, и непремѣнно съ участіемъ крестьянъ, однимъ словомъ, употребить тотъ же самый способъ обсужденія и разработки вопроса, какой былъ приложенъ... рус-

Digitized by Google

скимъ правительствомъ къ разрѣшенію вопроса объ освобожденіи 20 мил. крестьянъ отъ крѣпостной зависимости» (№ 21, 83 г.). Очень пламенно высказывается также на эти тэмы, въ томъ же № «Руси», и г. Е. Марковъ. Видя въ созданіи «всесловнаго селенія» посягательство на общину, на крестьянскій бытъ, онъ говоритъ: что благоразуміе и осторожность требуютъ, «чтобы замыслы общественнаго переустройства были бы, по крайней мѣрѣ, видны и вѣдомы всякому, чтобы они испробовали прикосновеніе широкаго вольнаго воздуха и подвергались освѣщенію не однѣхъ кабинетныхъ лампъ, но и Божьяго краснаго солнышка».

Когда столько людей, столь противоположныхъ воззрѣній, сходятся во взглядѣ на какой-нибудь предметъ, то, кажется, взглядъ этотъ можно считать болѣе или менѣе правильнымъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОДИНЪ ИЗЪ НОВЫХЪ НАШИХЪ ОПТИМИСТОВЪ.

Л. В. Ходскій. Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію. Москва. 1882 г.).

I.

Реформа 19-го февраля имѣла цѣлью создать независимость и благосостояніе сельскаго населенія путемъ обезпеченія его поземельнымъ надѣломъ. Прошла четверть вѣка со дня освобожденія крестьянъ, и жизнь показала, что эта цѣль не вполнѣ достигнута. Одинъ тотъ фактъ, что заграничные рынки питаются нерѣдко тѣмъ хлѣбомъ, который долженъ идти на продовольствіе населенія, хорошо показываетъ, что великая цѣль все еще остается цѣлью.

А между тѣмъ, народъ освобожденъ съ землей. Казалось бы, что наша родина навсегда обезпечена отъ пролетаріата во всѣхъ его видахъ; а между тѣмъ сами оптимисты считаютъ его уже сотнями тысячъ! [1] Гдѣ же причина подобнаго явленія?

Изученіе «Положенія» 19-го февраля показало, что оно слагалось далеко не подъ вліяніемъ однѣхъ освободительныхъ идей. Въ самомъ дѣлѣ, земля давалась крестьянству за деньги—оказалось, что во всей сѣверной нечерноземной полосѣ Россіи выкупная цѣнность земли далеко превышала дѣйствительную ея цѣнность; первая оказалась настолько выше послѣдней, что помѣщики отказались отъ дополнительнаго платежа и произвели надѣленіе крестьянъ тотчасъ послѣ обнародованія «Положенія». Стало быть здѣсь земля обошлась слишкомъ дорого и высокіе выкупные платежи не могли остаться безъ вліянія на бытъ кресть-

[1] Кн. А. Васильчиковъ и А. Яковлевъ. Мелкій земельный кредитъ въ Россіи, стр. 15.

Digitized by Google

янства. Въ черноземной полосѣ выкупъ былъ болѣе согласованъ съ дѣйствительною стоимостью земли. Но здѣсь оказалась другая бѣда: въ значительномъ числѣ случаевъ размѣръ надѣла не могъ обезпечить земледѣльца; оказалось далѣе до 600,000 крестьянъ, поземельный надѣлъ которыхъ колеблется около одной десятины на ревизскую душу.

Говорить ли о томъ, что выкупъ зависѣлъ отъ землевладѣльцевъ, что при уменьшенныхъ надѣлахъ первыя десятины надѣла оцѣнивались выше, чѣмъ тѣ, которыя оставались у помѣщика, результатомъ чего явилась ежегодная переплата крестьянъ болѣе 2 милліоновъ рублей только въ 14 губерніяхъ? [1]

И вотъ среди восторженныхъ гимновъ и въ самомъ началѣ реформы раздалось нѣсколько холодныхъ и сомнѣвающихся голосовъ; но до нихъ ли тогда было?!

Прошло 20 лѣтъ. Восторги начали охладѣвать. Приглядѣлись ближе къ «Положенію» 19-го февраля и въ законченности реформы начали сомнѣваться и оптимисты. Кн. Васильчиковъ одинъ изъ первыхъ началъ пропагандировать мелкій поземельный кредитъ, какъ продолженіе и корректификацію самой «выкупной операціи» [2]. Стали говорить, что нищета земледѣльцевъ дѣлаетъ ихъ экономически зависимыми. Существованіе на рабочемъ рынкѣ свободнаго отъ собственности владѣльца рабочихъ рукъ есть, какъ извѣстно, необходимое условіе дешевизны труда. На этомъ созидается и капиталистическая промышленность и капиталистическое земледѣліе. Кн. Васильчиковъ полагалъ, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не повыситъ заработной платы. Этимъ онъ хотѣлъ примирить землевладѣльцевъ съ идеей мелкаго поземельнаго кредита. Легко понять, что подобная задача совершенно неразрѣшима, если надѣленіе землей идетъ успѣшно, и что она разрѣшима лишь въ томъ случаѣ, когда число вновь надѣленныхъ земледѣльцевъ далеко меньше прироста земледѣльческаго населенія.

Къ несчастію, соціальные вопросы—это гордіевы узлы въ человѣческихъ отношеніяхъ. Не задѣвая *сильно* интересовъ одной части населенія, нельзя *серьёзно* служить интересамъ другой. Для государственныхъ людей, которымъ почти всегда приходится такъ или иначе нарушать частные интересы—для нихъ всегда важно знать, во имя чего дѣлаются эти нарушенія: нравственная санкція подобныхъ насилій въ ихъ справедливости и общественной пользѣ. Для такихъ людей, какъ кн. Васильчиковъ, мало значенія имѣли вопросы: справедливы ли интересы, согласно ли ихъ существованіе съ общественной пользой. Если эти интересы имѣютъ въ странѣ сильныхъ представителей, то надо ихъ примирить

[1] Л. В. Ходскій. Поземельный кредитъ въ Россіи и отношеніе его къ крестьянскому землевладѣнію.

[2] Кн. Васильчиковъ и А. Яковлевъ, l. c. p. 33.

Digitized by Google

такъ или иначе съ интересами противоположными. И примиреніе это предполагается всегда возможнымъ.

Г. Ходскій принадлежитъ къ тому же разряду оптимистовъ, какъ и кн. Васильчиковъ.

Г. Ходскій—искренній и честный поборникъ освобожденія народа отъ экономической зависимости. Читая его книгу, нельзя въ этомъ сомнѣваться ни одну минуту—бо́льшая часть его труда посвящена изысканію мѣръ для расширенія крестьянскаго землевладѣнія, для закрѣпленія за землевладѣльцемъ орудія его труда. Сочувствуя вполнѣ основной цѣли автора—освобожденію народа отъ экономической зависимости, раздѣляя почти всѣ отрицательные взгляды автора на «Положеніе» 19-го февраля, мы относимся скептически къ тому слащавому оптимизму, которымъ пропитана книга отъ начала до конца.

Въ статьѣ о поземельномъ кредитѣ («Отеч. Зап.» 1883, III, IV и V) мы стремились доказать, что наши землевладѣльцы менѣе всего заботились объ улучшеніи своихъ земель. Г. Ходскій вполнѣ подтверждаетъ это своимъ краткимъ очеркомъ дореформеннаго поземельнаго кредита. Оказывается, что сначала въ указахъ писалось просто: такъ какъ многіе промотались, то слѣдуетъ имъ помочь кредитомъ изъ государственнаго казначейства. Потомъ указы начали поминать и объ раціональномъ земледѣліи, но тѣмъ не менѣе, нѣтъ указа, начиная съ Елизаветы и кончая Николаемъ I, въ которомъ не говорилось бы о мотовствѣ дворянства, какъ о причинѣ новыхъ займовъ. Кромѣ того, такіе землевладѣльцы никогда не были исправными плательщиками поземельныхъ долговъ, какъ теперь они плохіе плательщики земскихъ налоговъ.

Подобно кн. Васильчикову, г. Ходскій находитъ, что «интересы крупнаго землевладѣнія столь же дороги для государства, какъ и мелкаго» [1]. Онъ предлагаетъ [2] проэктъ кредитнаго товарищества для краткосрочнаго кредита, которое дало бы возможность кредитоваться изъ 7%, вмѣсто теперешнихъ 10% и больше. Подобно тому, какъ кн. Васильчиковъ старался разсѣять опасенія землевладѣльцевъ, что заработная плата повысится отъ успѣха мелкаго поземельнаго кредита, такъ и г. Ходскій полагаетъ, что «видѣть въ содѣйствіи къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія стремленіе къ обезземеленію дворянскаго сословія можетъ только крайняя подозрительность и боязнь всего, что носитъ на себѣ слѣдъ новаго, прогрессивнаго» [3]. Примиреніе заключается въ слѣдующемъ: «Мы знаемъ, что при господствѣ потребительныхъ ипотечныхъ займовъ въ средѣ землевладѣльче-

[1] L. B. Ходскій, l. c. p. 119.

[2] Ibidem, p. 129—134. Въ настоящее время этотъ вопросъ рѣшенъ «исторически»: государственному банку разрѣшено учитывать соло-векселя землевладѣльцевъ.

[3] Ibidem, p. 277.

*

Digitized by Google

скаго класса переходъ весьма многихъ имѣній въ другія, болѣе крѣпкія руки—явленіе нетолько существующее, но до извѣстной степени неизбѣжное. Весь вопросъ только въ томъ, въ чьи руки перейдутъ при этомъ помѣщичьи земли... Еслибы теперь, благодаря содѣйствію крестьянамъ, путемъ кредита или инымъ способомъ, крупный покупатель-посредникъ былъ бы устраненъ, а его выгоды распредѣлились бы между продавцомъ имѣнія и покупателями крестьянами, то въ барышахъ, безъ сомнѣнія, были бы обѣ стороны. Иначе говоря, содѣйствіе крестьянамъ въ пріобрѣтеніи земель нетолько не представляетъ опасности для теперешнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, но можетъ послужить къ ихъ же собственной пользѣ» [1]. Но чѣмъ дешевле будетъ земледѣльческій кредитъ, чѣмъ онъ лучше организованъ, чѣмъ выше арендныя цѣны и чѣмъ болѣе землевладѣльцевъ будетъ переходить отъ безумнаго мотовства къ разсудительному ничегонедѣланію, тѣмъ менѣе шансовъ, чтобъ ихъ земли появлялись на рынкѣ. Всякія мѣры, упрочивающія связь между землевладѣльцемъ и землей, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣрами, задерживающими развитіе мобилизаціи земли именно въ томъ направленіи, въ какомъ это желательно г. Ходскому, который въ случаѣ похожъ на Пенелопу. Надо отдать ему, впрочемъ, справедливость: всякое улучшеніе положенія землевладѣльцевъ онъ проэктируетъ отнюдь не на государственныя и не на земскія средства; онъ надѣется на самодѣятельность рантьеровъ.

Поземельные долги обезпечиваются и погашаются, по мнѣнію г. Ходскаго, рентой, т. е. той частью поземельнаго дохода, которая остается за вычетомъ прибыли и заработной платы, или, иначе говоря, той частью дохода, которая получается безъ труда. Съ другой стороны, по мѣрѣ возростанія населенія, рента постоянно ростетъ [2]. Отсюда слѣдуетъ, что всякій долгъ можетъ быть погашенъ безъ всякаго труда должника, лишь бы только онъ не былъ мотомъ.

Эти два свойства земли—давать даровой и все возростающій доходъ—будутъ всегда сильнымъ тормазомъ для перехода земель въ руки земледѣльцевъ путемъ покупки.

II.

Обратимся теперь къ тѣмъ мѣрамъ, которыя предлагаетъ г. Ходскій для упроченія крестьянскаго благосостоянія.

Какъ извѣстно, выкупленныя крестьянскія земли находятся подъ запрещеніемъ [3]: онѣ не могутъ быть ни продаваемы, ни закладываемы, не могутъ служить обезпеченіемъ по обязатель-

[1] Ibidem, p. 277—278.
[2] Ibidem, p. 22—23.
[3] Положеніе о выкупѣ, стр. 159—171.

Digitized by Google

ствамъ съ казною или частными лицами. Казалось бы, что крестьянскимъ землямъ нѣтъ никакой возможности обращаться на рынкѣ, однако, такой фактъ существуетъ—надѣленныя земли могутъ скупаться и сосредоточиваться въ немногихъ рукахъ на точномъ основаніи Положенія о выкупѣ. Ст. 165 и 170 Положенія о выкупѣ даютъ право каждому крестьянину, по уплатѣ выкупной ссуды, выдѣлить изъ общинныхъ земель участокъ и распорядиться имъ по своему усмотрѣнію. «Въ симбирскомъ земствѣ, говоритъ г. Ходскій:—въ сессію 1881 г. былъ возбужденъ вопросъ о 165 ст. Положенія о выкупѣ, въ виду того, что въ губерніи, вслѣдствіе высокой рыночной цѣны на землю сравнительно съ выкупной оцѣнкой, дѣлаются все чаще и чаще случаи спекулятивнаго выкупа общинныхъ надѣловъ, причемъ послѣдніе мало-по-малу становятся собственностью кулаковъ, кабатчиковъ и міроѣдовъ» [1]. Что подобныхъ фактовъ еще немного, г. Ходскій объясняетъ съ одной стороны тѣмъ, что на это еще не было обращено вниманія мѣстными органами администраціи и земства, съ другой стороны тѣмъ, что сами крестьяне не знакомы со всѣми юридическими тонкостями «Положенія». «Но намъ кажется, что не далеко то время, когда капиталисты-предприниматели, ободренные кредитомъ для покупки земли, заговорятъ уже просто о кредитѣ подъ залогъ надѣльной земли» [2].

Установивши фактъ начинающейся скупки крестьянскихъ надѣловъ и указавши тѣ статьи Положенія 19-го февраля, которыя способствуютъ этому явленію, г. Ходскій думаетъ предовратить это движеніе лишеніемъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ важнѣйшаго аттрибута права собственности, права распоряженія ею, но мы думаемъ, что предлагаемая мѣра далеко не достигнетъ преслѣдуемой авторомъ цѣли.

Сущность предлагаемой реформы заключается въ слѣдующемъ: сдѣлать крестьянъ вѣчными владѣльцами надѣльныхъ земель, лишивъ ихъ права распоряженія этими землями и предоставивъ имъ право на обратное полученіе выкупа въ томъ случаѣ, когда они пожелаютъ перемѣнить родъ занятій. Право распоряженія надѣльными землями будетъ принадлежать государству; право вѣчнаго владѣнія и пользованія будетъ принадлежать крестьянамъ.

По Положенію 19-го февраля крестьяне, сдѣлавшись полными собственниками, по окончаніи выкупа, могутъ распоряжаться своими землями какъ имъ угодно: продать, заложить или подарить. Первые два акта и будутъ, по мнѣнію г. Ходскаго, источникомъ сосредоточенія поземельной собственности. Предлагаемая имъ мѣра отнимаетъ право продажи и залога, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожитъ и результатъ этихъ актовъ.

Но если крестьяне не будутъ продавать самую землю, то бу-

[1] Л. В. Ходскій, l. c. p. 182.
[2] Ibidem, p. 183.

Digitized by Google

дутъ продавать право вѣчнаго пользованія ею. Аграрные обычаи Ирландіи вполнѣ доказываютъ возможность такого явленія. Мы говоримъ о знаменитомъ Ульстерскомъ обычаѣ.

«За уступку аренды новому содержателю, независимо отъ согласія владѣльца, полагалась еще особая сдѣлка съ прежнимъ оброчникомъ, называемая good will, добровольное соглашеніе. Она состояла въ особой приплатѣ, отступной суммѣ, которая выплачивалась старому должнику единовременно, но иногда доходила до раззорительныхъ цѣнъ; средняя обыкновенно уплачиваемая плата была около 10 L. за акръ (что равняется 200 р. за десятину), но часто, при большомъ числѣ желающихъ, она возвышалась вдвое и втрое; были примѣры, что за аренду, дающую чистаго дохода 7 L., приплачивали отступныхъ денегъ (good will) 100 L. Порядки эти особенно распространены были въ сѣверной части Ирландіи, въ графствѣ Ulster, гдѣ по давности пріобрѣли такое уваженіе, что соблюдались строго какъ оброчными крестьянами, такъ и помѣщиками; они, дѣйствительно, способствовали установленію нѣкоторыхъ правильныхъ отношеній между сельскими обывателями, получили, можно сказать, право гражданства въ этой области и подъ именемъ tenant right или Ульстерскаго обычая, сдѣлались популярными во всей Англіи. Обычай этотъ установился въ Ульстерѣ еще во времена Іакова I, когда провинція эта заселялась шотландскими землевладѣльцами; въ настоящее время онъ распространился и въ другихъ областяхъ Ирландіи и вездѣ оказалъ нѣкоторую пользу сельскому хозяйству. По этому праву (tenant right, право арендатора) фермеры живутъ на помѣщичьихъ земляхъ безъ всякаго письменнаго договора съ владѣльцами, но, тѣмъ не менѣе, имѣютъ увѣренность, что не будутъ согнаны съ занимаемыхъ ими земель безъ приличнаго вознагражденія и что сумма этого вознагражденія опредѣляется ими совершенно свободно по соглашенію съ новыми фермерами, въѣзжающими въ усадьбу. Собственно по праву (de jure) фермеръ можетъ быть смѣненъ во всякое время, новый фермеръ допускается также не иначе, какъ съ согласія владѣльца, арендная плата можетъ быть ежегодно измѣнена и возвышена, но сдѣлка между выѣзжающими и въѣзжающими фермерами предоставляется во всякомъ случаѣ ихъ вольному соглашенію, и многолѣтній обычай освятилъ это право всенароднымъ уваженіемъ. Смерть фермера не прекращаетъ его права на аренду: семьѣ предоставляется назначить кого-либо изъ дѣтей прямымъ наслѣдникомъ, всѣ прочія получаютъ выдѣлъ изъ той суммы денегъ, которую отецъ далъ при въѣздѣ и которая хранится неприкосновенно, какъ желѣзный инвентарь хозяйства» [1].

Что такое этотъ обычай съ юридической точки зрѣнія? Очевидно, что арендаторъ обладаетъ правомъ вѣчнаго пользованія и

[1] Книг. А. Васильчиковъ, «Землевладѣніе и земледѣліе» и проч. т. I, страница 127, 128.

Digitized by Google

владѣнія, которое онъ и продаетъ входящему фермеру; лендлордъ имѣетъ вліяніе только въ томъ отношеніи, что требуется его согласіе на владѣніе аренды новымъ фермеромъ, но цѣна за право владѣнія опредѣляется свободнымъ соглашеніемъ между фермерами.

Но еще болѣе широкія права по отношенію къ владѣнію землей имѣютъ наши бывшіе государственные крестьяне. Ихъ надѣльная земля принадлежитъ государству, которому они платятъ оброкъ; государство, предоставивъ имъ вѣчное пользованіе и владѣніе надѣльными землями, сверхъ этого, нашло возможнымъ дать имъ нѣкоторыя права и по распоряженію надѣлами, а именно [1]: «по прошествіи трехъ лѣтъ со времени выдачи владѣнныхъ записей какъ общества, такъ и хозяева подворныхъ участковъ, могутъ отчуждать земли своего надѣла дозволенными въ законахъ способами, нетолько односельцамъ, но и постороннимъ лицамъ, съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ условій: 1) На пріобрѣтеніе сихъ земель совершаются крѣпостные акты обыкновеннымъ установленымъ для совершенія таковыхъ актовъ порядкомъ; 2) общество можетъ продавать участки земли, находящіеся въ общинномъ владѣніи не иначе, какъ по засвидѣтельствованному мировымъ посредникомъ приговору двухъ третей членовъ общества, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Вырученныя за проданныя земли деньги обращаются въ казну и вмѣстѣ съ тѣмъ окладъ оброчной подати уменьшается въ размѣрѣ пяти копеекъ на каждый рубль поступившей въ казну продажной суммы; 3) при отчужденіи подворныхъ участковъ, состоящихъ въ личномъ владѣніи ихъ хозяевъ, обязанность уплачивать причитающуюся съ участка оброчную подать переходитъ на новаго пріобрѣтателя; 4) при раздробленіи сихъ участковъ посредствомъ продажи, даренія, перехода по наслѣдству и по другимъ случаямъ, опредѣляется на основаніи имѣющихъ быть изданными для сего правилъ, какая часть оброчной подати причитается на каждую долю участка». Внимательно разсматривая эту статью, нельзя не придти къ слѣдующимъ выводамъ: 1) государство не стѣсняетъ крестьянъ въ отчужденіи права пользованія надѣлами ни въ какомъ случаѣ, ни по отношенію къ цѣнѣ этого права, ни въ отношеніи лицъ, къ которымъ оно можетъ перейти; 2) государство дало возможность своимъ вѣчнымъ владѣльцамъ поземельныхъ надѣловъ извлечь громадную пользу изъ права вѣчнаго пользованія и владѣнія; весьма недалеко то время, когда сельское общество, продавъ небольшой участокъ своихъ земель, выручитъ такую сумму, проценты съ которой будутъ равны всей оброчной подати; по смыслу цитированной выше статьи этимъ актомъ продажи части своего надѣла общество невсегда избавляется отъ платежа оброчной подати; 3) несмотря на то, что земля принадлежитъ госу-

[1] Правила о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ въ 36 губерніяхъ.

Digitized by Google

дарству, ничто не мѣшаетъ поземельнымъ участкамъ сосредоточиваться въ немногихъ рукахъ.

Приведенныя нами соображенія, какъ намъ кажется, съ достаточной ясностью показываютъ, что объявленіе выкупаемыхъ крестьянскихъ земель государственною собственностью не отвратитъ того зла, противъ котораго борется г. Ходскій—сосредоточенія поземельной собственности. Этотъ процессъ будетъ происходить въ формѣ скупки права вѣчнаго пользованія надѣльной землей. Авторъ чувствовалъ, что одно уничтоженіе права крестьянъ на распоряженіе своими надѣлами не предовратитъ концентраціи земли въ однѣхъ рукахъ: «какъ ни велико, говоритъ онъ [1]:—значеніе поземельной собственности для крестьянскаго населенія, среди послѣдняго всегда найдутся лица, которыя по тѣмъ, или инымъ причинамъ пожелаютъ оставить земледѣліе или перейти въ другую мѣстность. Согласно началу государственной собственности на землю, въ такихъ случаяхъ они могутъ отказаться отъ своего надѣла, но не иначе, какъ въ пользу государства, которое наравнѣ со всѣми выморочными землями передаетъ такую отказную землю другимъ нуждающимся. Практически подобная передача весьма естественно совершалась бы при посредствѣ сельскаго общества при подворномъ владѣніи, или же прямо въ общинную массу при общинномъ землевладѣніи. Но, спрашивается, справедливо ли будетъ въ подобномъ случаѣ нарушить право собственности крестьянина на результаты его многолѣтняго труда, на тѣ сбереженія, которыя онъ вносилъ въ государственную казну въ формѣ выкупныхъ платежей? Конечно, нѣтъ. Вотъ почему, рядомъ съ правомъ государства на отказную землю, должна существовать и его обязанность возвратить капитальную сумму выкупной ссуды, съ переводомъ обязательства погашать ее, на новаго владѣльца отказного участка. Такимъ образомъ крестьянскій земельный кредитъ будетъ служить посредникомъ перехода крестьянской земли изъ однѣхъ рукъ въ другія, крестьянскія же. *Что же касается перехода крестьянскихъ земель, пріобрѣтенныхъ при содѣйствіи государства, въ руки не земледѣльцевъ, то этотъ переходъ не слѣдуетъ допускать самымъ рѣшительнымъ образомъ*».

Подчеркнутыя нами слова представляютъ въ книгѣ г. Ходскаго единственный намекъ на то [2], что должны быть еще какія-то мѣропріятія, задерживающія переходъ и сосредоточеніе земель въ немногихъ рукахъ неземледѣльцевъ, помимо голаго признанія верховныхъ правъ на землю государства. Очевидно, что сущность этой новой мѣры должна заключаться въ ограниченіи права пріобрѣтенія, въ опредѣленіи размѣровъ поземельной собственности, которую позволялось бы имѣть всякому и сверхъ которой нельзя

[1] Л. В. Ходскій l. c. p. 194—195.

[2] Впрочемъ, на стр. 293 есть одно замѣчаніе въ томъ же смыслѣ, столь же краткое, какъ и приведенное здѣсь.

Digitized by Google

было бы пріобрѣтать. Государство, получивъ въ свое распоряженіе «отказной» участокъ, передаетъ его тому, кто нуждается въ землѣ; тотъ, кто имѣетъ обезпечивающій надѣлъ, не получаетъ такого «отказного» участка изъ рукъ государства.

Мы думаемъ, что преслѣдуемая авторомъ цѣль всего скорѣе достигнется именно этимъ путемъ, т. е. ограниченіемъ права пріобрѣтенія. Могутъ возразить, что такое вмѣшательство государства въ частныя сдѣлки, какъ опредѣленіе maximum'a поземельной собственности, есть одно изъ величайшихъ правонарушеній. Въ глазахъ юриста такое вмѣшательство, дѣйствительно, преступно, но государство, имѣющее своей задачей нѣчто большее, можетъ вмѣшаться въ такія сдѣлки во имя общественной пользы.

Актъ 19 февраля признаетъ надѣльную землю собственностью помѣщиковъ и тѣмъ не менѣе устанавливаетъ право крестьянъ на вѣчное владѣніе ею за опредѣленные государствомъ въ пользу помѣщиковъ оброки. Мало того, этотъ актъ устанавливаетъ принудительную покупку земли крестьянами, такъ какъ крестьяне были обязаны выкупать землю по требованію помѣщика. Аграрный законъ въ Ирландіи, устанавливающій также право арендаторовъ на вѣчное пользованіе землями лендлордовъ за платежи, опредѣляемые не «свободнымъ» соглашеніемъ между землевладѣльцемъ и фермеромъ, а особымъ учрежденіемъ, есть также нарушеніе права собственности, совершаемое во имя общей пользы. Наконецъ, реформа, предлагаемая г. Ходскимъ, представляетъ чуть ли не самое большее нарушеніе права частной собственности: лишеніе крестьянъ права на распоряженіе *выкупными землями*—вѣдь, это верхъ насилія въ глазахъ юриста; и еще большимъ насиліемъ это представляется, когда оправданіемъ ему служитъ то обстоятельство, что государство содѣйствовало бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ выкупить ихъ надѣлы [1]; вѣдь на этомъ же основаніи поземельные банки, весьма нерѣдко содѣйствующіе пріобрѣтенію земли, могутъ предъявить какія-нибудь претензіи даже по уплатѣ имъ долговъ, сдѣланныхъ ради пріобрѣтенія земли.

Мы думаемъ, что ограниченіе права пріобрѣтенія гораздо скорѣе достигнетъ цѣли, чѣмъ ограниченіе права продажи.

Обратимся теперь къ другой сторонѣ вопроса.

Г. Ходскій думаетъ искоренить своею мѣрою нетолько сосредоточеніе земли въ рукахъ немногихъ богатыхъ людей, но и возможную въ настоящее время спекуляцію на надѣльныя земли. Спекуляція эта заключается въ томъ, что кулаки, пользуясь ст. 165 [2] «По-

---

[1] Л. В. Ходскій, l. c. passim.

[2] Для бо́льшей ясности мы приводимъ эту статью цѣликомъ: «До уплаты выкупной ссуды, выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, пріобрѣтенной обществомъ, допускается не иначе, какъ съ согласія общества. Но если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ уѣздное казначейство вспричитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается

Digitized by Google

ложенія о выкупѣ» даютъ возможность бѣднымъ односельчанамъ выкупить свой надѣлъ и получить право выдѣлить его изъ общинныхъ земель, а затѣмъ уже продать имъ. Разумѣется, это можетъ совершаться только тамъ, гдѣ рыночная цѣна на землю выше выкупной оцѣнки, такъ какъ въ этомъ случаѣ покупатель дѣлаетъ приплату продавцу сверхъ выкупного взноса. Эту-то спекуляцію г. Ходскій и хочетъ уничтожить лишеніемъ права крестьянъ на распоряженіе надѣльными землями. Но мы считаемъ себя въ правѣ сомнѣваться въ этомъ.

Тамъ, гдѣ рыночная цѣна переросла выкупную оцѣнку, продавецъ земли находится въ привилегированномъ положеніи; очень рѣдки будутъ случаи оставленія земли при условіи одного возврата выкупной суммы. Спекуляція эта никогда не прекратится, такъ какъ иниціатива здѣсь идетъ съ богатѣйшей стороны; ничто не помѣшаетъ продавцу и покупателю сторговаться на такой суммѣ, которая выше выкупной оцѣнки и ниже рыночныхъ цѣнъ; въ этомъ случаѣ сдѣлка выгодна для обоихъ участниковъ въ ней и законъ будетъ безсиленъ въ преслѣдованіи ея. Между тѣмъ, на видъ дѣло совершится на тѣхъ условіяхъ, которыя г. Ходскій считаетъ препятствующими спекуляціи. Выходящій съ земли крестьянинъ только въ томъ случаѣ очиститъ мѣсто для желающаго вступить въ общество, если послѣдній приплатитъ ему достаточную сумму. Но, помимо того, что закону почти невозможно будетъ преслѣдовать такія сдѣлки, онѣ не всегда будутъ и преступны. Двѣ причины могутъ санкціонировать въ глазахъ населенія такое нарушеніе закона: во-первыхъ, сдѣланныя выходящимъ крестьяниномъ улучшенія, а, во-вторыхъ, потеря такой важной привилегіи, какъ вѣчное пользованіе и владѣніе землей.

Если законодательство само не опредѣлитъ размѣровъ вознагражденія за тѣ улучшенія, которыя могутъ быть сдѣланы на оставленной землѣ, то, очевидно, оно совершитъ несправедливость надъ уходящимъ крестьяниномъ и подаритъ плоды его труда тому, кто займетъ его мѣсто. Это обстоятельство заставитъ всѣхъ смотрѣть снисходительно на приплаты, не исключая и исполнителей закона; а приплаты эти, не будучи регулированы закономъ, будутъ, въ свою очередь, опредѣляться спросомъ и предложеніемъ, будутъ платить даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда никакихъ улучшеній не было произведено.

Что касается до права вѣчнаго пользованія и владѣнія, то оно не минуетъ обратиться въ привилегію; цѣна на земли воз-

---

выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности, къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого общества, а впредь до выдѣла, крестьянинъ продолжаетъ пользоваться пріобрѣтенною имъ частью земли въ составѣ мірского надѣла, безъ взноса выкупныхъ платежей». Ст. 166 гласитъ: «Участки, пріобрѣтенные не всѣмъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами, составляютъ личную собственность каждаго и переходятъ по наслѣдству, согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ».

Digitized by Google

ростетъ, и постояннымъ арендаторамъ не будетъ никакой надобности мѣнять бо́льшій капиталъ на меньшій. Всякій будетъ понимать, что, уходя съ земли, онъ лишается важнаго обезпеченія, пріобрѣсти которое вновь будетъ трудно. А это приведетъ къ одному изъ двухъ: или приплаты эти сдѣлаются обычнымъ явленіемъ, на которое сквозь пальцы будетъ смотрѣть само законодательство, или, въ случаѣ суровости преслѣдованія такихъ приплатъ, случаи выхода изъ сословія земледѣльцевъ будутъ очень рѣдки и возможность сдѣлаться земледѣльцемъ будетъ цѣниться очень высоко.

Соображенія г. Ходскаго только въ одномъ случаѣ будутъ имѣть значеніе — именно, когда владѣлецъ надѣла самъ пожелаетъ перемѣнить родъ занятій; а этого можно ожидать, не говоря о какихъ-нибудь случайностяхъ, только тогда, когда рыночная цѣна земли или ниже выкупной, или равна ей. Очевидно, что въ первомъ случаѣ государство будетъ терпѣть убытокъ, такъ какъ, выдавъ уходящему земледѣльцу выкупную ссуду (на что онъ имѣетъ безусловное право), оно найдетъ покупателя только за низшую цѣну. Такіе случаи будутъ очень часты. Гораздо менѣе можно ожидать ухода съ земли въ случаѣ равенства выкупной ссуды съ рыночной цѣной земли, такъ какъ положеніе мелкаго землевладѣльца-работника гораздо независимѣе положенія мелкаго капиталиста.

Подтвержденіе нашему взгляду на дѣло мы находимъ въ ходѣ выкупной операціи. Выкупъ земли былъ поставленъ въ зависимость отъ воли помѣщика; поэтому въ сѣверной нечерноземной полосѣ помѣщики тотчасъ же заставили крестьянъ выкупить надѣльныя земли, такъ какъ правительственная оцѣнка земли была выше ея дѣйствительной стоимости. Въ черноземной же полосѣ выкупная операція совершалась очень медленно; въ очень многихъ случаяхъ помѣщики предпочли «подарить» своимъ бывшимъ крѣпостнымъ четверть надѣла, или убѣдить ихъ тѣми и другими способами принять низшій надѣлъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ правительственная оцѣнка земли здѣсь находилась въ бо́льшемъ соотвѣтствіи съ ея дѣйствительной стоимостью.

Съ другой стороны, хотя выкупъ и былъ поставленъ въ зависимость отъ доброй воли помѣщиковъ, они сами, во-первыхъ, слишкомъ нуждались въ деньгахъ, какъ для продолженія прежняго привольнаго житья, такъ и для продолженія хозяйства, основаннаго уже на свободномъ трудѣ, а, во-вторыхъ, временно-обязанныя отношенія были слишкомъ тяжелы для обѣихъ сторонъ; все это побуждало помѣщиковъ рано или поздно приступить къ выкупу. Будь надежда, что бывшіе крѣпостные будутъ такъ же покорны, какъ и въ доброе старое время, не нуждайся помѣщикъ въ деньгахъ—и выкупъ земли совершился бы только въ тѣхъ случаяхъ, когда выкупные платежи были выше поземельной ренты и возвращеніе трехъ четвертей надѣла, съ пред-

Digitized by Google

оставленіемъ въ даръ одной его четверти, не обѣщало даже и въ далекомъ будущемъ никакихъ выгодъ для помѣщиковъ [1].

Такъ какъ мы разсуждаемъ о принципахъ, то должны предположить крестьянина, обезпеченнаго надѣломъ и не обремененнаго платежами. Спрашивается теперь, какая сила можетъ заставить такого крестьянина покинуть свой надѣлъ, получивъ въ замѣнъ его выкупную ссуду? Очевидно, что это можетъ совершиться только въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ существовать приплаты сверхъ выкупной стоимости.

Разсмотримъ теперь проэктируемую г. Ходскимъ мѣру съ другой точки зрѣнія. Его формула такова: отнять право полной собственности на землю, оставивъ это право на выкупной взносъ. Первую часть этого положенія авторъ основываетъ на различныхъ основаніяхъ: то онъ считаетъ возможнымъ это сдѣлать потому, что государство способствовало выкупу крестьянскихъ земель, то на томъ основаніи, что наше крестьянство не прониклось еще строгими принципами римскаго права собственности. Намъ кажется, что было бы гораздо проще, естественнѣе и справедливѣе смотрѣть на эту мѣру съ точки зрѣнія общей государственной пользы. За государствомъ всегда признавалось право экспропріировать частныхъ собственниковъ ради общественныхъ цѣлей; разумѣется, оно должно было при этомъ вознаграждать ихъ соотвѣтственно тѣмъ потерямъ, которыя они несли вслѣдствіе этой экспропріаціи.

Другая сторона формулы автора основывается на священномъ правѣ собственности: безспорно, что внесенный выкупъ есть частная собственность крестьянъ, такъ какъ есть плодъ ихъ труда; поэтому, думаетъ авторъ, если лишить ихъ права на распоряженіе надѣльными землями, то невозможно лишить ихъ права на возвратъ выкупа въ случаѣ оставленія земли.

Актъ 19-го февраля 1861 г. хотѣлъ создать крестьянъ-собственниковъ; черезъ 49 лѣтъ крестьяне будутъ въ правѣ распорядиться землею по своему усмотрѣнію: продать, подарить, или заложить. По окончаніи выкупной операціи, крестьянство будетъ обладать такою громадною собственностью, подъ залогъ которой оно можетъ выручить три четверти ея стоимости, т. е. почти удвоить свои средства обогащенія. Вѣдь одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ собственника надъ пролетаріемъ именно въ томъ и заключается, что онъ имѣетъ кредитъ, несмотря ни на какія личныя качества, между тѣмъ, какъ пролетарій, если можетъ имѣть кредитъ, то только благодаря высокимъ личнымъ качествамъ. По смыслу закона 19-го февраля, крестьяне могутъ обладать по окончаніи выкупа оборотнымъ капиталомъ, по крайней мѣрѣ, въ три четверти стоимости ихъ надѣловъ, который они могутъ достать путемъ залога своихъ земель. Г. Ходскій, не отнимая у крестьянъ права на выкупную сумму въ случаѣ от-

[1] Статистика поземельной собственности и пр., вып. II, стр. XXIX.

Digitized by Google

каза отъ земли, ничего не говоритъ о томъ, что дѣлается съ этой привилегіей ихъ, какъ собственниковъ. По его проэкту, крестьяне, лишаясь права на распоряженіе надѣльной землей, лишаются въ то же время и права залога. При чемъ же, спрашивается, остается тутъ «священное право» собственности на продукты своего труда? Еслибы не существовало выкупа, крестьяне употребляли бы эти плоды на расширеніе и улучшеніе земледѣлія, на развитіе промышленности, на образованіе своихъ дѣтей и улучшеніе своего быта. Законъ 19-го февраля, взявъ у крестьянъ эти деньги, отдалъ имъ въ то же время землю, при помощи залога которой они могутъ сдѣлать тотъ же оборотъ, хотя и съ новыми затратами. Этой возможности расширить свои обороты, которую крестьяне имѣютъ, какъ полные собственники, они лишатся, по проэкту г. Ходскаго. Мы видимъ въ этой сторонѣ предлагаемой авторомъ мѣры не одно только нарушеніе права собственности на продукты своего труда. Какъ ни смѣшны попытки «Руси» разрѣшить крестьянскій вопросъ виллевскими туками, какъ ни велики пространства земель, еще нетронутыхъ земледѣльческой культурой, однако, не за горами и то время, когда хозяйственный переворотъ въ земледѣліи станетъ злобой дня. Рано или поздно, но крестьянство должно будетъ измѣнить систему хозяйства. Даже та экстенсивная система хозяйства, которую пропагандируетъ г. Энгельгардтъ, требуетъ нѣкоторыхъ капиталовъ. А потому возможность имѣть капиталы для земледѣльческихъ улучшеній очень важна. Важнымъ потому окажется право залога земель именно съ этой цѣлью. Но если, по проэкту г. Ходскаго, это право будетъ отнято у выкупившихся крестьянъ, то это послужитъ тормазомъ для развитія земледѣлія въ то время, когда для него потребуются капиталы. Чтобы быть послѣдовательнымъ, авторъ долженъ былъ бы включить въ число обязанностей государства нетолько возвращеніе выкупной суммы въ случаѣ отказа крестьянъ отъ земли, но и организацію государственнаго кредита въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ это могла бы сдѣлать для крестьянъ частная предпріимчивость подъ залогъ надѣльныхъ земель. Авторъ, повидимому, имѣлъ это въ виду, когда въ число государственныхъ мѣръ «для содѣйствія крестьянамъ въ освобожденіи ихъ отъ экономической зависимости» [1] помѣстилъ и земледѣльческій кредитъ. Но эта мѣра стоитъ у него безъ всякой связи съ разсужденіями о коренномъ вопросѣ—лишеніи крестьянъ права на распоряженіе ихъ надѣлами. Поэтому мы считаемъ себя вправѣ думать, что г. Ходскій пропустилъ эту поправку.

Г. Ходскій думаетъ, что возвращеніе выкупной ссуды [2] остав-

---

[1] Экономическіе принципы крестьянской реформы и ихъ возможное развитіе. «Русская Мысль», 1881 г., VII, стр. 36.

[2] Л. В. Ходскій, l. c. p. 195. Довольно странно, что авторъ предлагаетъ возвращать только выкупную ссуду, а не выкупную стоимость. Чтобы быть

Digitized by Google

ляющему надѣлъ крестьянину разрѣшаетъ противорѣчіе между правомъ собственности на продукты своего труда и его проэктомъ лишенія права распоряженія надѣльными землями. Такъ какъ г. Ходскій признаетъ, что рента можетъ быть частною собственностью, то мы видимъ здѣсь новое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ цѣны удвоятся сравнительно съ выкупной оцѣнкой. Можно быть увѣреннымъ, что ни одинъ крестьянинъ не согласится на возвратъ выкупной цѣны, если только его не заставитъ печальная необходимость. Представимъ себѣ такой случай, что въ семьѣ вымираютъ работники-мужчины, а остаются однѣ женщины, не могущія вести сельское хозяйство. Необходимость заставитъ ихъ согласиться на возвратъ выкупной суммы. Кто отъ этого выиграетъ? Конечно, новый владѣлецъ. Рядомъ съ отказнымъ участкомъ лежитъ частная земля, которая продается, положимъ, по 200 рублей за десятину, а онъ пріобрѣтаетъ отказную по 100 р. Какой принципъ можетъ оправдать подобный подарокъ новому владѣльцу? Почему г. Ходскій полагаетъ, что уходящая по необходимости семья воспользовалась бы несправедливо ростомъ ренты, а входящій крестьянинъ справедливо воспользуется этимъ подаркомъ?

Кромѣ того, при господствѣ частной ренты при покупкѣ земли покупается именно рента. Рента возрастаетъ не отъ владѣльца, а отъ общественныхъ условій, отъ прироста населенія и отъ ограниченности земли. Поэтому авторъ долженъ былъ бы приложить это разсужденіе ко всѣмъ землямъ — тогда бы признали его послѣдовательнымъ. Развѣ это справедливо, что частные владѣльцы при продажѣ своихъ земель вполнѣ воспользуются приростомъ ренты, а крестьяне должны этого лишиться на томъ единственномъ основаніи, что государство нѣкогда помогло имъ выкупиться. Вѣдь и государство помогло крестьянамъ выкупиться не деньгами — выкупъ производится на собственныя средства крестьянъ — а только своимъ авторитетомъ. Если авторъ признаетъ ренту частной собственностью, то онъ создаетъ привилегію въ пользу тѣхъ лицъ, которые будутъ пріобрѣтать отказные участки. Эта привилегія будетъ тѣмъ болѣе несправедлива, что она будетъ практиковаться надъ тѣми крестьянскими семьями, которыя должны будутъ уходить не добровольно, а въ силу несчастнаго стеченія обстоятельствъ, непозволяющихъ семьѣ заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Ибо кто же, въ самомъ дѣлѣ, рѣшится добровольно бросить землю за половинную цѣну? Тѣмъ болѣе, что и приростъ ренты достанется не обществу, а частному лицу; такъ что,

послѣдовательнымъ г. Ходскій долженъ признать право на возвратъ крестьянамъ дополнительныхъ платежей. Впрочемъ, вѣроятно это со стороны автора простой недосмотръ. Но вотъ вопросъ – съ кого взыскивать эти дополнительные платежи?

Digitized by Google

еслибы крестьянинъ и призналъ несправедливымъ пользоваться приростомъ ренты, такъ какъ она возростаетъ независимо отъ его усилій, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онъ — да и всякій здравомыслящій человѣкъ—призналъ справедливымъ, чтобы этотъ приростъ попадалъ другому частному лицу.

Исходъ изъ этого противорѣчія мы видимъ только въ одномъ—въ признаніи ренты государственной собственностью и въ распространеніи этого принципа на всѣ земли безъ изъятія.

Всѣ противорѣчія, о которыхъ мы говорили, получаются отъ того, что г. Ходскій хочетъ лишить крестьянъ права собственности на то, на что они имѣютъ его по акту 19-февраля. Еслибы государство не брало выкупа съ крестьянъ, то, дѣйствительно, оно могло бы считать себя собственникомъ земли безъ особенныхъ обязательствъ, тогда оно, дѣйствительно, могло бы воспретить всѣ акты, основанные на важнѣйшемъ аттрибутѣ права собственности—правѣ распоряженія. Какъ верховный собственникъ земли, государство могло бы смотрѣть на крестьянство, какъ на своихъ арендаторовъ, обезпеченныхъ въ *правѣ* на надѣлъ, но не на извѣстный его размѣръ. Въ такомъ случаѣ государство могло бы пригласить потѣсниться прежнихъ арендаторовъ въ пользу новыхъ, переведя только на нихъ соотвѣтствующую часть арендной платы и вознаградивъ старыхъ владѣльцевъ за произведенныя улучшенія. Тогда земля, дѣйствительно, могла бы быть изъята изъ обращенія, но не потому, чтобы было запрещено продавать, а потому, что не кому было бы ее покупать. Коренное противорѣчіе, въ которое впадаетъ авторъ, заключается въ томъ, что онъ признаетъ выкупъ, и въ тоже время хочетъ ограничить право собственности въ самомъ существенномъ его аттрибутѣ, между тѣмъ какъ Положеніе 19-го февраля считаетъ крестьянъ по окончаніи выкупа полными собственниками.

Итакъ авторъ предполагаетъ присвоеніе государствомъ права на распоряженіе надѣлами и возвратъ выкупа, въ случаѣ отказа крестьянъ отъ земли; а мы говоримъ: 1) что преслѣдуемая авторомъ цѣль достигнется только тогда, когда будетъ ограничено такъ или иначе право пріобрѣтенія и что безъ этой послѣдней мѣры присвоеніе государствомъ права на распоряженіе надѣлами не уничтожитъ сосредоточенія надѣловъ въ рукахъ богатѣйшей части нашего крестьянства; 2) что спекуляція надѣлами ни въ какомъ случаѣ неуничтожима, кромѣ одного, когда государство признаетъ за каждымъ гражданиномъ права на поземельный надѣлъ, и 3) что лишеніе крестьянства права на распоряженіе выкупленными надѣлами только въ томъ случаѣ можетъ считаться согласнымъ съ началами справедливости, когда государство организуетъ для земледѣльцевъ поземельный кредитъ въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ это могла бы сдѣлать частная предпріимчивость; въ противномъ случаѣ, надлежитъ немедленно возвратить крестьянамъ выкупъ.

Digitized by Google

Намъ кажется, что авторъ придалъ слишкомъ безусловное значеніе принципу собственности государства на землю. Какъ ни важно поддержаніе и утвержденіе этой идеи во взглядахъ современнаго общества, гораздо болѣе имѣетъ значенія для преслѣдуемой авторомъ цѣли тотъ принципъ, которымъ само государство будетъ руководствоваться по отношенію къ землѣ. Наша исторія полна примѣрами, какъ изъ принципа государственной собственности на землю рождались крѣпостныя вотчины. Еще не очень давно прежнее наше министерство государственныхъ имуществъ старалось ограничивать участіе крестьянъ въ арендованіи казенныхъ земель. Раздача уфимскихъ земель также подтверждаетъ нашу мысль, что голый принципъ государственной собственности на землю далеко не разрѣшаетъ всѣхъ бѣдствій и недоразумѣній. Необходимо поэтому, чтобы само государство руководилось демократическими взглядами на землю, только тогда оно ревниво будетъ охранять мелкое землевладѣніе и употребитъ все свое могущество на его поддержку. Авторъ, изъемля крестьянскія отказныя земли изъ крестьянскаго распоряженія, почти нисколько не останавливается на томъ вопросѣ, кому же будутъ отдаваться эти земли? Чѣмъ мы будемъ руководствоваться въ распредѣленіи этихъ земель? Тотъ принципъ, который могъ бы привести дѣйствительно къ удержанію поземельной собственности въ рукахъ трудящагося класса, заключается въ томъ, что никто не можетъ пріобрѣтать земли сверхъ тѣхъ размѣровъ, которые онъ можетъ обработать. Но и этотъ принципъ былъ бы недостаточенъ, по нашему мнѣнію, для того, чтобы уничтожить спекуляцію на землю. До тѣхъ поръ пока земля будетъ циркулировать на рынкѣ, всегда будетъ на нее спекуляція, какъ и на всякій товаръ, и только въ признаніи за каждымъ гражданиномъ права на поземельный надѣлъ заключается уничтоженіе этой спекуляціи.

III.

Благодаря множеству статистическихъ изслѣдованій, земскихъ и правительственныхъ, въ настоящее время можно считать вполнѣ установленнымъ слѣдующій фактъ: бывшіе государственные крестьяне въ громадномъ большинствѣ случаевъ получили такіе поземельные надѣлы, которые вполнѣ обезпечивали ихъ необходимыя потребности; съ другой стороны, платежи, которыми они обязаны въ пользу государства, умѣренны и болѣе или менѣе согласованы съ доходностью ихъ надѣловъ. Какъ ни велики преимущества бывшихъ казенныхъ крестьянъ предъ бывшими крѣпостными, какъ въ надѣленіи землей, такъ и въ обложеніи ея, однако, мы видѣли [1], что положеніе 24-го ноября 1866 г. лишило ихъ весьма

[1] «Отеч. Зап.», № IV, «По поводу вопроса о мелкомъ поземельномъ кредитѣ».

Digitized by Google

существенныхъ правъ, а именно правъ на прирѣзки земель и на переселенія съ правительственной помощью. Казалось бы по этому, что для упроченія поземельнаго быта бывшихъ казенныхъ крестьянъ всего важнѣе было бы возстановленіе тѣхъ статей «устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ», которыя касаются надѣленія и переселенія крестьянъ. Г. Ходскій, проходя мимо этого факта, предлагаетъ мѣру, неимѣющую ничего общаго съ возстановленіемъ тѣхъ правъ казенныхъ крестьянъ, которыми они пользовались до 1866 г.

Первое, на что онъ обратилъ вниманіе, заключается въ томъ, что процессъ централизаціи и обезземеленія можетъ происходить и въ ихъ средѣ. Выше мы уже приводили тѣ статьи, на основаніи которыхъ земли могутъ скупаться въ однѣ руки, а продавцы сильно спекулировать, несмотря на то, что земли эти составляютъ государственную собственность. Второе обстоятельство, обратившее на себя вниманіе автора въ «Положеніи 1866 г.» заключается въ томъ, что будто бы выкупъ оброчной подати обставленъ болѣе легкими условіями для богатыхъ крестьянъ, чѣмъ для бѣдныхъ.

Убѣдившись при изученіи «Положенія о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ», что сосредоточеніе поземельныхъ надѣловъ и спекуляціи на нихъ могутъ происходить почти [1] также легко въ средѣ бывшихъ казенныхъ, какъ и въ средѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, авторъ долженъ бы убѣдиться, что принципъ государственной собственности на земли только въ томъ случаѣ окажетъ противодѣйствіе этимъ явленіямъ, когда государство собственникъ прямо опредѣлитъ, кто имѣетъ право покупать отказныя земли. Вмѣсто того, чтобы развить принципъ государственной собственности въ указанномъ смыслѣ, авторъ проэктируетъ новую мѣру, которая способна всякаго повергнуть въ недоумѣніе.

Мы видѣли выше какія затрудненія вытекали изъ предложенія г. Ходскаго объявить выкупленныя надѣльныя земли бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ собственностью государства, сохранивъ за крестьянами право вѣчнаго владѣнія и пользованія надѣлами и право на обратное полученіе выкупа въ случаѣ оставленія надѣльной земли. Государственные крестьяне, какъ невносившіе выкупныхъ платежей, должны находиться въ лучшемъ положеніи, чѣмъ бывшіе крѣпостные. Но г. Ходскій и для нихъ хочетъ создать это затрудненіе: онъ предлагаетъ выкупъ оброчной подати.

---

[1] Мы употребили слово «почти» потому, что выдѣлъ участка въ подворное владѣніе въ средѣ бывшихъ казенныхъ крестьянъ можетъ произойдти не иначе, какъ по приговору двухъ третей голосовъ сельскаго схода; между тѣмъ какъ по статьѣ 165 и 166 «Положенія о выкупѣ» у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ выдѣлъ участковъ можетъ происходить по иниціативѣ отдѣльныхъ членовъ общества, лишь бы они выкупили окончательно свои надѣлы.

Digitized by Google

Слѣдующія причины побуждаютъ его предложить эту мѣру: 1) такъ какъ оброчная подать не велика, то незначительность ея «не можетъ не представлять соблазна для тѣхъ лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ изысканіе новыхъ источниковъ доходовъ. Такимъ образомъ, впослѣдствіи положеніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ сдѣлается хуже бывшихъ помѣщичьихъ». Послѣ выкупа оброчной подати крестьяне, по мнѣнію автора, не могутъ уже быть обременены податями; 2) выкупъ оброчной подати внесетъ единство въ будущій аграрный строй земледѣльческой Россіи; 3) сдѣлаетъ всѣхъ крестьянъ, надѣленныхъ землею, крестьянами собственниками въ полномъ смыслѣ, то есть обезпеченными вѣчнымъ владѣніемъ и пользованіемъ землею безъ всякихъ спеціальныхъ за это платежей; 4) земля же можетъ дать громадныя средства для широкаго развитія государственныхъ мѣръ къ освобожденію крестьянъ отъ экономической зависимости, т. е. къ увѣнчанію величественнаго зданія, которому положено прочное основаніе великою реформою 19-го февраля [1].

Авторъ находитъ, что прибавленіе къ 36.000.000 р. оброчной подати 7.200.000 руб. выкупа не обременитъ бывшихъ казенныхъ крестьянъ, хотя это составитъ около 2 р. на работника.

Вполнѣ раздѣляя общепринятое мнѣніе, что поземельные платежи этого разряда крестьянъ необременительны и согласованы съ доходностью надѣльныхъ земель, и соглашаясь съ авторомъ, что это обстоятельство можетъ послужить поводомъ для введенія новыхъ платежей, мы думаемъ, что отъ этой бѣды не спастись выкупомъ оброчной подати. Достаточно самыхъ небольшихъ умственныхъ усилій, чтобы понять, что обремененіе платежами той или другой части населенія есть вопросъ политическій.

Не говоря уже о томъ, что никакой выкупъ не гарантируетъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ отъ новыхъ обложеній, только подъ другими названіями, мы расходимся съ авторомъ въ принципѣ. Оброчная подать есть налогъ, налогъ государственный, имѣющій притомъ, въ отличіе отъ прочихъ налоговъ, характеръ подоходности. Спрашивается теперь возможенъ ли выкупъ налога? Авторъ приравниваетъ оброчную подать къ оброкамъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; но развѣ выкупъ оброковъ есть мѣра справедливая? Само законодательство, проведшее въ жизнь эту мѣру, придало ей форму выкупа земли, съ чѣмъ согласенъ и самъ г. Ходскій [2]. Если оброчная подать есть такой несправедливый налогъ, какъ оброки крѣпостныхъ, то его надо отмѣнить; вѣдь государство не крѣпостникъ; если въ 1861 г. оно видѣло предъ собой людей, которымъ оно

---

[1] Ibidem, 205.

[2] Мы говоримъ, конечно, о выкупѣ въ сѣверной нечерноземной полосѣ, гдѣ дѣйствительно, выкупъ земли имѣетъ характеръ выкупа оброковъ.

Digitized by Google

нашло возможнымъ уступить, выкупая во многихъ случаяхъ трудъ, а не землю, то теперь въ этомъ нѣтъ надобности.

Но мы не считаемъ оброчную подать за остатокъ крѣпостного права; мы смотримъ на нее, какъ на налогъ, и притомъ самый раціональный, такъ какъ онъ согласованъ до извѣстной степени съ производительностью надѣловъ. Считая оброчную подать за налогъ, мы не можемъ допустить и ея выкупа. Что значитъ выкупить налогъ? Это значитъ навсегда освободиться отъ его уплаты; но налогъ не есть величина постоянная, онъ мѣняется (или, по крайней мѣрѣ, долженъ мѣняться), сообразно средствамъ гражданъ и цѣлямъ, достиженіе которыхъ государство считаетъ необходимымъ. Если налогъ выкупленъ, то значитъ выкупившійся не можетъ быть обложенъ, слѣдовательно, увеличеніе налоговъ въ соотвѣтствующей степени должно обременить невыкупившихся плательщиковъ. Если г. Ходскій находитъ возможнымъ выкупъ этого налога потому, что онъ есть спеціальный платежъ за пользованіе землей, то мы опять-таки можемъ возразить на это, что и этотъ платежъ долженъ подвергаться колебаніямъ; еслибы даже мы прировняли этотъ налогъ къ естественной рентѣ, которая, какъ мы доказывали [1], обладаетъ характеромъ неизмѣнности, то и въ этомъ случаѣ нельзя допустить выкупа ренты, такъ какъ естественная рента неизмѣнна только въ продуктѣ, а не въ денежномъ ея выраженіи. Поэтому-то мы отвергаемъ выкупъ оброчной подати даже въ томъ случаѣ, еслибы можно было доказать, что она очень близка къ естественной рентѣ.

Вторая и третья причины, побуждающія автора настаивать на выкупѣ оброчной подати, намъ кажутся совершенно непонятными. Почему единство аграрнаго строя представляетъ такую прелесть, что ради нея надо заводить новую выкупную операцію? Вѣдь единственная причина только одна—былъ выкупъ у помѣщиковъ, надо его сдѣлать и у государства, какъ будто это одно и тоже. Кому отъ этого единства будетъ лучше? И почему единство аграрнаго строя лучше разнообразія его? Почему отсутствіе спеціальныхъ платежей желательно, хотя бы они были и справедливы, и необременительны, и согласованы съ началами здравой финансовой политики? Все это вопросы, на которые мы не находимъ отвѣта въ книгѣ г. Ходскаго.

Обратимся теперь къ четвертой причинѣ, по которой авторъ находитъ желательнымъ выкупъ оброчной подати—пріобрѣтенію капиталовъ для расширенія выкупной операціи. Капитализируя 36.000,000 оброчной подати изъ 5%, получимъ внушительную цифру въ 720,000.000 руб.; на эти деньги можно, дѣйствительно, купить значительную часть частныхъ земель. Но выкупная операція для земель бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ велась безъ всякаго капитала; правительство ведетъ ее на средства самихъ

[1] «Отеч. Зап» 1883 г. № 5, «По поводу вопроса о мелкомъ поземельномъ кредитѣ».

Digitized by Google

выкупающихся крестьянъ; мало того, что происходитъ выкупъ земель правительство получаетъ еще прибыль отъ этой операціи въ размѣрѣ отъ 2-хъ до 2½ милліоновъ рублей въ годъ. Такъ или иначе, но для этой операціи правительству не нужны такіе громадные капиталы. Такимъ образомъ громадная сумма въ 720,000,000 руб. должна искать себѣ другого употребленія.

Словомъ — всѣ соображенія г. Ходскаго относительно выкупа оброчной подати намъ кажутся совершенно несостоятельными. Авторъ думаетъ, что если казеннымъ крестьянамъ хорошенько растолковать, что небольшая прибавка къ оброчной подати избавитъ ихъ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ отъ всякихъ платежей за землю, то они охотно согласятся на такую надбавку. Если и согласятся, то не выиграютъ ничего. Уплачивая ежегодно 6%, крестьяне чрезъ 37 лѣтъ освобождаются отъ платежа оброчной подати; если же они платили только одну подать, то по истеченіи этого періода на каждые 5 руб. подати они имѣли бы 100 руб. капитала.

Но всего страннѣе въ разсужденіяхъ автора то, что его планъ выкупа оброчной подати совершенно излишенъ: бывшіе государственные крестьяне, если найдутъ нужнымъ, могутъ выкупить свои платежи и теперь, выкупить на условіяхъ гораздо болѣе выгодныхъ, чѣмъ тѣ, которыя предлагаетъ г. Ходскій. Выше мы цитировали ст. 4, д. «Правилъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ 36 губерніяхъ», на основаніи которой *сельскія общества* путемъ продажи нѣкоторыхъ своихъ угодій могутъ избавиться отъ платежа всей оброчной подати, если только имъ удастся сдѣлать выгодную продажу. Статья 13 тѣхъ же правилъ гласитъ слѣдующее: «*сельскимъ обществамъ* и владѣльцамъ подворныхъ участковъ земель, обложенныхъ государственною оброчною податью, предоставляется освобождаться отъ платежа *всей*, *или части* сей подати, посредствомъ взноса въ губернское или уѣздное казначейство государственными процентными бумагами такого капитала, проценты съ коего равнялись бы той суммѣ оброчной подати, отъ коей общество или владѣлецъ участка желаютъ освободить свои земли. *Вносимый процентными бумагами капиталъ долженъ составлять не менѣе ста рублей по нарицательной цѣнѣ бумагъ*». Ст. 14 гласитъ слѣдующее: «земли, которыя посредствомъ взноса въ казну соотвѣтствующаго капитала, на основаніи предъидущей (13) статьи, будутъ освобождены отъ всей причитавшейся на нихъ оброчной подати, а равно участки земли, проданные *сельскими обществами* съ обращеніемъ въ казну вырученной за нихъ суммы, на основаніи ст. 4 настоящихъ правилъ, составляя полную собственность ихъ владѣльцевъ, *исключаются изъ числа земель, подлежащихъ платежу государственной оброчной подати*». Вникая въ смыслъ приведенныхъ статей, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) выкупъ оброчной подати не стѣсненъ никакими постоянными платежами; въ то время, какъ по проэкту г. Ходскаго сельское

Digitized by Google

общество должно ежегодно вносить опредѣленный выкупной платежъ, несмотря ни на какія стѣсненныя обстоятельства. «Правила о поземельномъ устройствѣ и проч.» предоставляютъ желанію обществъ какъ время, такъ и количество взносовъ, ограничивъ ихъ только minimum'омъ въ 100 руб. Очевидно, что такой порядокъ выкупа для крестьянъ лучше, чѣмъ предлагаемый г. Ходскимъ. 2) Сельскія общества поставлены, вопреки мнѣнію автора, въ болѣе выгодныя условія, чѣмъ владѣльцы подворныхъ участковъ, такъ какъ сельское общество почти всегда можетъ набрать 100 руб. и потому погашать свой долгъ непрерывно; владѣльцамъ подворныхъ участковъ, разумѣется, сдѣлать это труднѣе. 3) По смыслу приведенныхъ статей, выкупъ оброчной подати нетолько избавляетъ отъ платежа ея, но въ тоже время даетъ право собственности на освобождаемыя отъ оброчной подати земли. Мы уже выше старались разъяснить, какое важное значеніе имѣетъ полное право собственности—оно даетъ въ руки землевладѣльца оборотный капиталъ, почти равный $^3/_4$ рыночной стоимости земли; правда, это право имѣетъ и тѣ опасныя послѣдствія, противъ которыхъ борется г. Ходскій, т. е. сосредоточеніе надѣловъ въ рукахъ не земледѣльцевъ и спекуляцію продавцовъ земель; но его мѣры, не достигая своихъ цѣлей, лишаютъ земледѣльцевъ и права залога своихъ земель.

Всѣ эти соображенія достаточно показываютъ, сколь безцѣльны усилія г. Ходскаго создать новую выкупную операцію. А главное — и операція эта никому не нужна: крестьянамъ потому, что они должны затратить громадные капиталы; государству потому, что, получивъ 720,000,000 руб. и уменьшивъ на эту цифру свой долгъ, оно избавится отъ платежа 36,000,000%, но въ то же время и само потеряетъ 36,000,000 оброчной подати; наконецъ, если кому-нибудь и нужно будетъ выкупить оброкъ, тотъ можетъ легко это сдѣлать при существующихъ условіяхъ.

IV.

Мы уже имѣли случай высказать [1] наши взгляды на новое правительственное учрежденіе—крестьянскій поземельный банкъ. Послѣ устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ — широкаго, гуманнаго и справедливаго закона въ поземельномъ отношеніи; послѣ громадной выкупной операціи, обладающей вполнѣ демократическимъ характеромъ, несмотря на капитальные ея недостатки, крестьянскій банкъ не можетъ не показаться маленькою мѣрою, какъ по своей организаціи, такъ и по денежнымъ средствамъ. Мы не будемъ здѣсь вдаваться вновь въ критику этого учрежденія: ни литература, ни «Правила дѣйствій кре-

[1] «Отечественныя Записки», 1883 г. III. По поводу вопроса о мелкомъ поземельномъ кредитѣ.

Digitized by Google

стьянскаго банка и его отдѣленій» нисколько не поколебали тѣхъ взглядовъ, которые мы высказали по поводу «Положенія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ».

Не можемъ, однако, не остановиться на мнѣніи г. Головачова [1] относительно совпаденія банковой ссуды съ продажной цѣной. Мы старались доказать, что ссуда только въ рѣдкихъ случаяхъ будетъ достигать 75% продажной стоимости, въ обыкновенныхъ же случаяхъ будетъ колебаться около 60%. Г. Головачовъ полагаетъ, что ссуды будутъ равны продажнымъ цѣнамъ; онъ основываетъ это мнѣніе на томъ обстоятельствѣ, что обыкновенный процентъ капитализаціи при продажѣ земель колеблется отъ 7% до 10% дохода, между тѣмъ, какъ банкъ будетъ капитализировать доходъ изъ 5½%. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ по двумъ причинамъ: 1) на основаніи ст. 3, 6, 13, 40, 42, 44, 46, 47 и 48 «Правилъ дѣйствія крестьянскаго банка и его отдѣленій», утвержденныхъ 6-го мая 1883 г., мы думаемъ, что исчисляемый банкомъ доходъ будетъ ниже дохода прежняго владѣльца, и хотя бы даже послѣдній капитализировалъ свой доходъ изъ 10%, а банкъ свою цифру дохода изъ 5%, то оцѣнка можетъ совпадать съ продажной цѣной. Положимъ, напримѣръ, что продавецъ получалъ 1,000 руб. дохода; капитализируя изъ 10%, онъ продаетъ за 10,000 руб.; банкъ оцѣнитъ доходъ въ 500 руб., а капитальную цѣнность участка опять-таки въ 10,000 руб. и выдастъ 75% этой суммы. Слѣдовательно, еслибы банковый процессъ капитализаціи былъ и оченъ низокъ, то для осуществленія предположенія г. Головачова необходимо, чтобы исчисленіе дохода банкомъ совпадало съ доходомъ владѣльца. 2) Ст. 52 тѣхъ же «Правилъ» говоритъ только, что процентъ капитализаціи долженъ быть не ниже 5½%. «При выборѣ процента капитализаціи принимается во вниманіе господствующій въ данной мѣстности % доходности земель»; а это значитъ, что если владѣлецъ капитализируетъ свой доходъ изъ 8%, то и банкъ имѣетъ полное основаніе поступить также.

Г. Ходскій также не считалъ банкъ удовлетворяющимъ «намѣченной земствомъ и литературой задачѣ — содѣйствія расширенію крестьянскаго землевладѣнія». Однако, критика г. Ходскаго исполнена слишкомъ неосновательныхъ надеждъ, которыя мы попытаемся разсѣять.

Прежде всего странно, что г. Ходскій считаетъ крестьянскій банкъ дѣломъ новымъ. Въ устахъ другого это было бы понятнымъ промахомъ; но въ устахъ г. Ходскаго, посвятившаго не мало страницъ доказательству, что выкупная операція есть видъ поземельнаго кредита, такое противорѣчіе чрезвычайно удивительно. Человѣкъ, который предлагаетъ грандіозную мѣру для расширенія крестьянскаго землевладѣнія — взять у государственныхъ крестьянъ 720.000,000 выкупа оброч-

[1] «Новости», № 69.

Digitized by Google

ной подати, находитъ важнымъ дѣло, на которое ассигновано только 5 милліоновъ рублей ежегодно.

Вполнѣ демократъ въ своихъ взглядахъ на крестьянское дѣло. г. Ходскій съ сладкой надеждой разсуждаетъ о дѣлѣ, имѣющемъ помогать въ пріобрѣтеніи земли и экономически сильнѣйшему. Едва ли есть у крестьянскаго банка хоть одна сторона, которая могла бы выдержать сравненіе съ выкупной операціей: выкупъ земли при помощи крестьянскаго банка дороже ($7^1/_2\%$ съ погашеніемъ въ $34^1/_2$ г., а по «Положенію о выкупѣ» — 6% съ погашеніемъ въ 37 лѣтъ) даетъ менѣе льготъ и требуетъ гораздо больше собственныхъ средствъ, чѣмъ «Положеніе», которое иногда не требуетъ никакихъ дополнительныхъ платежей. Мы указывали на «правила о поземельномъ устройствѣ бывшихъ вольныхъ людей западнаго края», составленныя въ духѣ положенія о выкупѣ и утвержденныя всего двѣ недѣли спустя послѣ утвержденія «Положенія о банкѣ». Сравнивая эти правила, стоящія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше «Положенія о выкупѣ», съ «Положеніемъ о банкѣ», нельзя не убѣдиться, что оба эти акта преслѣдуютъ различныя цѣли.

Еслибы «Положеніе о крестьянскомъ банкѣ» было первымъ актомъ на пути аграрнаго устройства Россіи, то были бы понятны тѣ «ошибки», которыя въ немъ находятся; было бы понятно то сочувствіе, которымъ его встрѣтили въ литературѣ г. Ходскій и г. Головачовъ; были бы понятны и тѣ надежды на дальнѣйшее развитіе крестьянскаго банка.

Мы закончимъ наши замѣчанія на книгу г. Ходскаго, резюмируя тѣ выводы, къ которымъ пришли.

1) Переходъ и сосредоточеніе общинныхъ земель въ рукахъ частныхъ лицъ возможно предотвратить лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ ограничено право пріобрѣтенія такими размѣрами участковъ, которые могутъ быть обработаны отдѣльною семьею. Поэтому, лишеніе крестьянъ права распоряженія выкупленными землями, создавая множество затрудненій, не достигнетъ той цѣли, къ которой стремится г. Ходскій.

2) Спекуляція землею ни въ какомъ случаѣ—даже при ограниченіи права пріобрѣтенія — не можетъ быть уничтожена до тѣхъ поръ, пока земля будетъ предметомъ купли-продажи. Спекуляція можетъ быть уничтожена только обращеніемъ въ государственную собственность той части поземельнаго дохода, которая есть результатъ природныхъ и соціальныхъ условій, части— независящей отъ личныхъ усилій земледѣльцевъ. При этомъ должно быть признано за каждымъ гражданиномъ право на поземельный надѣлъ съ обязанностью вознаграждать за сдѣланныя улучшенія владѣльцевъ тѣхъ земель, которыя будутъ экспропріироваться въ его пользу.

3) Выкупъ оброчной подати бывшихъ государственныхъ крестьянъ—мѣра совершенно безцѣльная, рѣшительно ни для кого не нужная—ни для крестьянъ, ни для государства. Гораздо по-

Digitized by Google

лезнѣе будетъ для казенныхъ крестьянъ возстановленіе тѣхъ правъ, которыми они пользовались до положенія 1866 г. по уставу о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ [1].

4) Крестьянскій банкъ есть учрежденіе, имѣющее мало общаго съ духомъ крестьянской реформы; будетъ мало помогать въ пріобрѣтеніи земли массѣ обѣднѣвшаго крестьянства и гораздо болѣе будетъ содѣйствовать уже существующему движенію скупки земель экономически сильнѣйшими личностями изъ среды крестьянства.

Н. О. Лобачевскій.

ФИЛОСОФСКАЯ ИПОХОНДРІЯ.

П. Милославскій. Основанія философіи какъ спеціальной науки. Томъ I. Казань, 1883.

Lunga promessa coll'atender corto.
Dante. Inferno. XXVII, 110.

Г. Милославскій принадлежитъ къ той особой группѣ писателей по философіи, интересы которой намъ совершенно чужды и произведенія которыхъ мы читаемъ не ради ихъ самихъ. Происходитъ это оттого, что ни талантъ, ни эрудиція — буде они оказались бы у писателей этой категоріи — никогда не могутъ привести ихъ къ чему-либо новому, а всегда и всенеизбѣжно даютъ въ результатѣ то, что такъ же хорошо было уже извѣстно намъ, какъ и имъ самимъ. Одна же оригинальность формы или своеобразность изложенія—еслибы онѣ встрѣтились у писателей этой группы—не могутъ еще сами по себѣ придавать произведеніямъ ихъ такую цѣнность, чтобы изъ-за нея стоило измѣнять давно установившійся обычай: не останавливаться надъ ними. По крайней мѣрѣ, намъ, за цѣлый рядъ лѣтъ, не приходилось встрѣчать ничего, что въ состояніи было бы повліять на измѣненіе такого обычая. Намъ могутъ возразить, пожалуй, что обычай не хорошъ потому, что, побуждая проходить мимо цѣлой группы литературныхъ произведеній извѣстнаго рода, онъ заставляетъ упустить случай для полемики съ присущей этого рода произведеніямъ тенденціей обскурантизма; но на это замѣчаніе можно возразить, что съ одной стороны—противъ тенденціи этой

[1] «Отеч. Зап.», № IV, По поводу вопроса о мелкомъ поземельномъ кредитѣ.

Digitized by Google

новаго ничего ужъ сказать нельзя, и что кто и послѣ высказаннаго противъ нея ранѣе—все же-таки поддается ей, для того законъ логики не писанъ, а съ другой стороны, тенденція обскурантовъ, вообще говоря, проводится всегда такъ прямолинейно и опирается на такую скудость мысли и знанія, что и бороться-то въ концѣ-концовъ оказывается не съ чѣмъ. Остается затѣмъ единственный случай, а именно, когда оказывается, что данное сочиненіе не прямолинейно и не отличается скудостью подкладки; въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, приходится дѣлать исключеніе. И мы и не отказывались дѣлать его; если же случилось это всего одинъ разъ втеченіе десяти слишкомъ лѣтъ, то, по нашему убѣжденію, вина въ томъ не наша. Исключеніе, о которомъ мы говоримъ, сдѣлано было нами четыре года тому назадъ именно для автора сочиненія, о которомъ мы намѣрены теперь говорить, когда онъ выпустилъ въ свѣтъ свою первую книгу: «Типы современной философской мысли въ Германіи». Въ противоположность писателямъ этой же категоріи, г. Милославскій обнаружилъ въ своемъ трудѣ столько ловкой изворотливости и такъ сравнительно много необычной начитанности, что мы рѣшились остановить на немъ—вопреки обычаю—наше вниманіе. Въ лицѣ г. Милославскаго мы усмотрѣли тогда нарожденіе того новаго типа обскурантовъ, который, соединяя нѣкоторый талантъ съ извѣстною дозою эрудиціи, выдвигаетъ совершенно новый пріемъ спутыванія умовъ, изощряется въ изобрѣтеніи преградъ очень еще слабымъ у насъ просвѣтительнымъ вѣяніямъ совершенно на новый ладъ. Мы и сочли тогда долгомъ указать на это особаго рода новшество. Отдавъ полную справедливость способностямъ и знаніямъ автора, мы указывали на его философскую теорію, какъ на «заранѣе отпѣтую» и «лишенную просвѣтительнаго поученія». Полемика наша, хотя и совершенно опредѣленная, была мягкая, такъ какъ трудъ, о которомъ мы отдавали отчетъ, былъ первымъ трудомъ г. Милославскаго, и мы не рѣшались утверждать, что онъ, извращая основныя положенія научной философіи, относится къ нимъ недобросовѣстно или не способенъ доразумѣть ихъ. Въ его кривотолкѣ мы видѣли заблужденіе, которое могло быть временнымъ для самого автора; проявленія же развитія новаго чрезъ его посредство объявившагося у насъ типа—если такое развитіе не перешло бы въ вырожденіе—мы могли ожидать не необходимо въ его же лицѣ. Къ сожалѣнію, новое его сочиненіе «Основы философіи, какъ спеціальной науки» убѣждаетъ насъ, что надежда на выходъ автора на добрый путь была лишь плодомъ нашихъ собственныхъ мечтаній, нисколько не оправдывавшихся дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Новый трудъ г. Милославскаго вполнѣ убѣждаетъ насъ, что мы имѣемъ передъ собою неисправимаго обскуранта, находящагося при томъ же въ несомнѣнно патологическомъ состояніи. Симптомы этого состоянія, о которыхъ мы и будемъ сейчасъ говорить, указываютъ на присутствіе особеннаго,

Digitized by Google

быть можетъ и не часто встрѣчающагося вида ипохондріи, который, какъ мы думаемъ, можно назвать философской ипохондріей. Ипохондрія, какъ извѣстно, есть такое психопатическое умонастроеніе, которое приписываетъ организму психопата болѣзни, въ дѣйствительности не существующія. Г. Милославскій, выдавая свою философію за научную или за спеціальную науку, отождествляетъ свою умственную организацію съ организаціей этой философіи или науки, и въ тоже время приписываетъ этой организаціи болѣзненныя свойства, которыя ей на самомъ дѣлѣ не присущи. Ипохондрическое состояніе его духа обнаруживается такимъ образомъ совершенно явственно, а намъ ставится задача изслѣдовать это состояніе и описать его. Намъ предстоитъ кромѣ того показать, что научная философія, свободная отъ тѣхъ недуговъ, которыя приписываются ей ипохондрическимъ настроеніемъ г. Милославскаго, можетъ вполнѣ стать надежнымъ руководителемъ всѣхъ ищущихъ свѣта и истины, и совсѣмъ не способна заводить въ тѣ дебри и трущобы, куда насильно тянетъ ихъ мрачный ипохондрикъ, смѣшивающій обѣтованную землю истины съ трясинами традиціонныхъ переживаній. Самъ г. Милославскій представляется намъ безнадежнымъ, но мы разсчитываемъ предотвратить вліяніе его настроенія на другихъ. Удастся ли намъ это, мы, конечно, не знаемъ, но, по крайней мѣрѣ, мы по возможности о томъ постараемся.

Ипохондрія, какъ извѣстно, заключается, впрочемъ, не исключительно въ представленіи несуществующихъ болѣзней; она, какъ и всякое психопатологическое состояніе, осложняется еще разными побочными иллюзіями и галлюцинаціями, ставящими ее очень часто, какъ то замѣчено изслѣдователями, какъ бы на границѣ активной и пассивной меланхоліи. Мы поступимъ, какъ намъ думается, совершенно цѣлесообразно, если начнемъ съ разсмотрѣнія такого рода второстепенныхъ лже-представленій, а затѣмъ уже примемся и за специфическія явленія ипохондріи.

На второй же страницѣ предисловія, г. Милославскій считаетъ нужнымъ упомянуть о русскихъ рецензіяхъ на его предшествовавшій трудъ «Типы современной философской мысли въ Германіи» и ведетъ рѣчь такъ, что даетъ понять читателю, конечно, такому, который позабылъ объ этихъ рецензіяхъ или вовсе не читалъ ихъ, что рецензіи эти будто бы только и выставили на видъ однимъ одинъ недостатокъ этого труда, именно неточность и неопредѣленность употребленныхъ въ немъ философскихъ терминовъ. Еслибы было такъ, то русскія рецензіи не далеко ушли бы отъ той иностранной, которую намъ довелось читать, и которая только размазала богатую тэму автора, но ни до чего существеннаго не доискалась и никакихъ концовъ не свела. Относительно же русскихъ рецензій, почтенный авторъ обрѣтается въ совершеннѣйшей иллюзіи и потому очень кстати будетъ напомнить ему основные тезисы одной изъ нихъ.

Г. Милославскому ставилось прежде всего на видъ то обстоя-

Digitized by Google

тельство, что, характеризуя философскіе типы современной Германіи, онъ не замѣтилъ нѣкоего весьма солиднаго слона, а именно цѣлой ново-критической или научно-философской школы, и такимъ образомъ втихомолку обошелъ массу трудностей, съ которыми ему пришлось бы считаться. Затѣмъ г. Милославскому указывалась та путаница, которая являлась въ его изложеніи, вслѣдствіе безпрестаннаго перемѣшиванія двухъ предметовъ (а не двухъ терминовъ): метафизики и научной философіи; онъ изображалъ упадокъ одной и возростаніе другой такъ безпорядочно, что только-что торжествовавшее черезъ нѣсколько страницъ представлялось низвергающимся, и въ концѣ-концовъ получалась какая-то муть понятій, совершенно не вразумительная. Далѣе, автору указывалось упущеніе изъ виду нѣкоторыхъ основныхъ положеній философской критики—различенія мышленія и знанія, знанія и пониманія, и еще ставилось ему въ вину полное извращеніе смысла основной идеи научной философіи; ему пояснялось, что научная философія, не отрицая самое себя, не можетъ считать задачею своей обоснованіе и укрѣпленіе понятій, образованныхъ вопреки ея методу и даже не безъ вліянія враждебнаго отношенія къ нему. Еще далѣе обращено было вниманіе на стремленіе автора подчинить научную философію предвзятымъ тезисамъ, все достоинство коихъ заключалось въ томъ, что они, по увѣренію автора, были установлены мыслителями «чистыми сердцемъ», но ненаучность которой была совершенно очевидна, и, наконецъ, выводилась наружу шаткость и неопредѣленность смысла, соединеннаго авторомъ съ понятіемъ абсолюта.

Это ли все можетъ назваться недоумѣніемъ и упрекомъ по поводу недостаточной опредѣленности терминовъ, предоставляемъ судить всякому.

Сравнивая только-что приведенное заявленіе предисловія книги г. Милославскаго съ нѣсколько неожиданнымъ появленіемъ въ текстѣ сочиненія именъ многихъ представителей научно-философскаго направленія и названій ихъ произведеній, можно сказать, пестрящихъ страницы книги, нельзя не придти къ заключенію, что авторъ не давалъ себѣ опредѣленнаго отчета въ значеніи появленія всего этого въ его сочиненіи. На самомъ дѣлѣ никакая научная философія ему не нужна, и онъ очень хорошо поступилъ бы, еслибы оставилъ ее въ покоѣ. За то нельзя не заявить до какой степени все, перешедшее изъ области научной философіи въ опеку г. Милославскаго, призрачно, иллюзорно: авторы, книги, принципы — все это проходитъ подобно тѣнямъ какой-нибудь феэріи, не оставляя никакого слѣды, не оказывая никакого вліянія на неуклонное слѣдованіе автора къ заранѣе намѣченной цѣли. Упорство его живо напоминаетъ мальчика извѣстной сказки, который, порѣшивъ разъ, что ему слѣдуетъ быть, воетъ въ хороводѣ, на свадьбѣ, на крестинахъ... Для г. Милославскаго, благодаря такой своеобразности его по-

Digitized by Google

ложенія, плодотворнѣйшія положенія научной философіи пропадаютъ совершенно втунѣ. Такъ, напримѣръ, различеніе знанія и пониманія для него не даетъ никакого результата, не спасаетъ его ни отъ одной изъ безднъ митафизики. Отдѣлавшись какимъ-нибудь замѣчаніемъ (стр. 276), читая которое, только пожимаетъ плечами всякій знакомый съ дѣломъ, г. Милославскій съ изумительною легкостью и развязностью приступаетъ затѣмъ къ той работѣ, которая собственно и составляетъ всю суть его манеры,— къ приспособленію и прилаживанію тезисовъ научной философіи къ своей излюбленной теоріи. Результаты этого кунстштюка получаются, впрочемъ, крайне сомнительные, и новая научная философія почтеннаго автора все же таки является тою ипохондрическою философіею, которая все печалуется всякаго рода недугами. Остановимся прежде всего на весьма важномъ, глубоко-органическомъ недугѣ усугубленнаго пониманія, именуемаго «постиженіемъ». Постиженіе это имѣетъ значеніе до такой степени руководящее, что оно именно и ведетъ къ первенствующему ипохондрическому недугу — алканію абсолюта. Въ погонѣ за постиженіемъ автору ужь мало сведенія явленія къ его причинѣ и нѣтъ заботы о необходимости реальнаго существованія этой причины, необходимости замкнутія вопроса въ области возможнаго опыта; нѣтъ, теперь онъ забываетъ уже, что въ «настоящей» научной философіи пониманіе останавливается на извѣстной границѣ и мирится съ необходимостью одного только познанія (безъ сведенія къ причинѣ) извѣстныхъ предѣльныхъ явленій науки, и задается уже требованіемъ понять всѣ явленія безъ исключенія въ ихъ общемъ единствѣ, т. е. *постигнуть* ихъ, свести ихъ къ единой общей причинѣ, хотя бы и грансцендентной... Тутъ-то г. Милославскій и попадаетъ въ бездну своего абсолюта!

А между тѣмъ, послушайте только, какою сиреною поетъ онъ, заводя рѣчь о метафизикѣ. Прочтите хоть ту главу, которая спеціально посвящена метафизикѣ (стр. 130—143) и вамъ навѣрно покажется, что вы присутствуете при отпѣваніи этого пережитого міросозерцанія. Не торопитесь, однако, дѣлать заключенія: автору остается еще 300 страницъ для того, чтобы спутать все это и продѣлать все возможное для завлеченія васъ въ темнѣйшія дебри темнаго метафизическаго царства. Отъ пониманія у него одинъ скачокъ къ постиженію, а затѣмъ вы уже и въ объятіяхъ абсолюта... А между тѣмъ, вы только и слышите, какъ авторъ клянется Кантомъ, Ог. Контомъ, Гельмгольцемъ, Беномъ... Кѣмъ онъ только не клянется, чье имя не призываетъ всуе? И выходитъ, что его философія и есть-де самая настоящая критическая, самоновѣйшая и патентованная научная философія... Это ли еще не ипохондрія?

Вглядимся ближе въ эти удивительныя превращенія. Послѣ того, какъ почтенный авторъ натѣшился мыслью, что отнынѣ «научная философія», подобно золотой рыбкѣ, поступитъ къ нему на посылки; послѣ того какъ онъ перебралъ цѣлую массу научно-

Digitized by Google

философскихъ знаменитостей и съ легкостью свѣтскаго щеголя, сбивающаго хлыстикомъ цвѣты, растущіе по дорожкѣ, по которой онъ совершаетъ свою прогулку, онъ посбивалъ все ихъ значеніе и весь ихъ престижъ; послѣ того, какъ онъ, какъ дважды два—четыре, доказалъ, что всѣ эти знаменитости или служатъ ему, или говорятъ нелѣпости, послѣ всего этого и оказывается, что «конечнымъ идеаломъ нетолько философіи, но и всякой науки является познаніе абсолютнаго»...

«Абсолютное, поясняетъ авторъ:—предстоитъ философу такъ же, какъ предъ физикомъ предносится идеалъ субстрата всѣхъ физическихъ явленій, познаніе котораго было бы равносильно полному, законченному познанію всѣхъ физическихъ явленій. Но, какъ физикъ по своему пути идетъ не отъ постиженія субстрата къ познанію явленій, а, напротивъ, отъ познанія явленій къ постиженію субстрата, такъ теперь спеціалистъ философъ долженъ идти по своему пути не отъ абсолютнаго къ явленіямъ, а отъ явленій къ абсолютному. Тотъ и другой, какъ и всякій ученый, безъ всякаго сомнѣнія, могутъ ограничивать свое дѣло безъ замѣтнаго ущерба для науки однимъ изученіемъ и познаніемъ явленій; только въ высшей степени вѣроятно, что никогда не согласятся всѣ мыслящіе люди на такое ограниченіе. Стремленіе къ абсолютному обусловливается природнымъ стремленіемъ человѣка къ высшимъ идеаламъ существованія и знанія сравнительно съ тѣмъ, что̀ есть или что̀ извѣстно въ любое данное время, къ лучшей и счастливой жизни и дѣятельности, къ лучшей, изящной и прекрасной обстановкѣ, къ лучшему наибольшему и самому достовѣрному знанію. Такое положеніе и значеніе абсолютнаго въ философіи не представляетъ ничего предвзятаго относительно предѣловъ человѣческаго знанія, не зависитъ ни отъ одной изъ существующихъ философскихъ теорій познанія и бытія, а прямо опредѣляется дѣйствительнымъ и объемомъ наличнаго человѣческаго познанія, въ которомъ философія имѣетъ, или должна занять свое мѣсто (?)» (стр. 425—6).

Посмотримъ же, въ самомъ ли дѣлѣ таковы стремленія науки и тѣсно связанной съ нею научной философіи, какъ-то представляется съ точки зрѣнія, занятой г. Милославскимъ. Онъ несомнѣнно читалъ кое-что, но, къ сожалѣнію, все же таки не дочиталъ того, что дочитать было ему нужно. Идея пословицы «коль взялся за гужъ...» не казалась ему обязательною. Попробуемъ же мы дочитать за него до конца литературу даннаго вопроса и, быть можетъ, намъ удастся такимъ образомъ ударить по двумъ мухамъ за разъ: по мухѣ эрудиціи, которая окажется совсѣмъ не такою толстою, какъ она представляется съ перваго взгляда, и затѣмъ, по мухѣ собственно научно-философской, которая и по цвѣту, и очертанію, и по роду производимаго ею жужжанія окажется совсѣмъ не похожею на ту, которую г. Милославскій пытается выдать за самую подлинную, за самую настоящую.

Г. Милославскій, понадергавъ клочковъ изъ тѣхъ писателей, на отсутствіе которыхъ ему указывалось четыре года тому назадъ, и «обработавъ» клочки эти по своему, придаетъ себѣ видъ «покорившаго подъ ноги всякаго врага и супостата», но мы сейчасъ убѣдимся, что это вовсе не тріумфаторство, а галюцинація. Мы покажемъ, на основаніи данныхъ, которыхъ не знаетъ или не хочетъ знать г. Милославскій, что его философское благо-

Digitized by Google

измышленіе (на благоизмышленія теперь у насъ мода) нѣсколько неторопилось явиться на свѣтъ божій, такъ какъ мѣсто, на которое оно претендуетъ, занято, и занято не благоизмышленіемъ какимъ нибудь, а дѣйствительной, «заправской» научной философіей, представляющей такого рода рѣшеніе вопросовъ и установленіе положеній, которыя нашимъ философомъ или извращены или эскамотированы. Ознакомясь съ основаніями этой подлинной научной философіи, читатель увидитъ ясно, что приподносимое ему изобрѣтеніе г. Милославскаго есть только грубая поддѣлка, расчитанная на слишкомъ ужь большую простоту имѣвшихся въ виду прозелитовъ.

Стремленіе къ абсолютному, познаніе абсолютнаго, все это — слова, смыслъ коихъ остается теменъ, если значенію понятія абсолюта не дается никакого истолкованія. Еслибы мы и допустили даже, что «there lies hidden a fundamental verity», то все же отдѣлаться одними словами тутъ нельзя; нужна критика, нужно изслѣдованіе, которое вывело бы насъ изъ тумана. Объ этомъ говорилось г. Милославскому и ранѣе, но все не въ прокъ, и теперь у него опять, какъ и прежде, слова замѣняютъ дѣло. Worte sind gut, aber Hühner legen Eier. Что изъ того, что книга г. Милославскаго испестрилась именами научно-философскихъ знаменитостей? Тутъ надо было давать все или ничего. О самой полной и обстоятельной статьѣ по вопросу объ абсолютѣ г. Милославскій счелъ нужнымъ почему-то не сказать ничего. О ней по этой причинѣ мы и поведемъ теперь рѣчь.

Уже Ст. Милль, въ IV главѣ своего «Examination of Sir William Hamilton's Philosophy», показалъ многосмысленность, соединенную съ терминомъ «Absolute». Файнгеръ (Vierteljahrsschrift f. wiss. Philos. II Iahrgang) повелъ критику Милля далѣе и указалъ на нѣкоторыя различенія, опущенныя у англійскаго изслѣдователя. Опираясь на помощь Файнгера, мы и попытаемся разрѣшить теперь тотъ предварительный вопросъ, обойдя который г. Милославскій лишилъ свои поиски абсолюта всякаго смысла [1].

«Абсолютъ» прежде всего имѣетъ значеніе имени существительнаго, произведеннаго отъ прилагательнаго «абсолютный» (absolutus—отрѣшенный)—прилагательное, которое не имѣетъ ровно никакого значенія, если не опредѣляется какъ то нѣчто, что отрѣшено, такъ и то, отъ чего это нѣчто должно быть отрѣшено. Очевидно, что и отрѣшаемое, и то, отъ чего оно отрѣшается, можетъ быть весьма многоразлично, а потому и не удивительно, что слово это употребляется въ столь разнообразныхъ смыслахъ нетолько въ житейскомъ говорѣ, но и въ наукѣ. Затѣмъ, абсолютъ значитъ также совершенный, и Милль вѣрно замѣчаетъ, что и въ этомъ случаѣ непремѣнно требуется опредѣлить, въ

[1] Читателю, интересующемуся вопросомъ, можно указать еще: *М. Троицкаго* «Наука о духѣ» 1882, Т. I, гл. VI., *J. Sully*. Pessimism. 1877. p. 438, и *Malcolm Guthrie*. On Mr. Spencer's unification of knowledge. 1882, p. 108.

Digitized by Google

чемъ состоитъ совершенство того, кому или чему оно приписывается. Что касается перваго значенія термина «абсолютъ», то отрѣшеніе, вообще говоря, можетъ касаться отношеній (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова), связующихъ вещи между собою, причемъ значеніе термина измѣняется сообразно значенію этихъ отношеній. Когда что-либо разсматривается, какъ абсолютъ, то разсматривается оно какъ отрѣшенное отъ условій, ограниченій и какихъ бы то ни было отношеній зависимости и сравненія, короче сказать, отъ всякихъ отношеній вообще. Въ такомъ случаѣ «нѣчто» разсматривается не въ связи съ другими вещами, но безотносительно, какъ вещь въ себѣ (an sich und für sich). Въ этомъ же смыслѣ абсолютными т. е. отрѣшенными отъ условій, безусловными, называются всѣ тѣ положенія, которыя, будучи несависимы отъ другихъ, ясны сами по себѣ; таковы, напримѣръ, аксіомы, тогда какъ всѣ другія положенія считаются, въ силу зависимаго характера отъ положеній абсолютныхъ, относительными. Разсматривая эту зависимость какъ условность, считаютъ независимое положеніе свободнымъ отъ условій, безусловнымъ. Такимъ образомъ то, что представляется нашему познанію простымъ, получаетъ значеніе и названіе простого и въ объективномъ смыслѣ, или, иначе говоря, получаетъ значеніе и названіе абсолютнаго. Очевидно, однакоже, что такого рода обозначеніе *само по себѣ очень относительно*: для математика, аксіомы и опредѣленія—абсолютны, т. е. безусловны, какъ первыя положенія, независящія отъ другихъ, но держащія въ зависимости всѣ другія. Въ извѣстныхъ метафизическихъ системахъ, однакоже, разыскиваются такія высшія положенія, изъ которыхъ относительно-абсолютныя положенія математики могутъ быть выведены. Посмотримъ въ какомъ смыслѣ употребляется въ наукахъ терминъ, соотвѣтствующій понятію противуположности относительнаго, т. е. условности, подчиненности всякаго рода отношеніямъ, ограниченіямъ, сравненіямъ, словомъ, соотвѣтствующій не понятію «вещи въ себѣ», а вещи, разсматриваемой въ ея отношеніяхъ къ другимъ. Это противуположеніе понятій само по себѣ такъ полезно и даже необходимо, что находитъ примѣненіе во всѣхъ наукахъ. Называютъ, напримѣръ, абсолютнымъ пространство, въ томъ случаѣ, когда его мысленно отрѣшаютъ отъ всего, съ чѣмъ оно вѣчно было и будетъ связано—отъ матеріи; говорятъ о безусловномъ движеніи, представляя себѣ движеніе перемѣняющей мѣсто точки отрѣшеннымъ отъ другой точки, по отношенію къ которой впрочемъ только и мыслимо для насъ движеніе вообще; употребляютъ терминъ «абсолютное измѣненіе», разсматривая процессъ измѣненій, какъ происходящій «въ себѣ», т. е. безотносительно къ чему-либо постоянному, служащему какъ бы основой измѣненій. «Абсолютная геометрія» есть такая система положеній, которая имѣетъ общее, независимое отъ ограниченія тремя измѣреніями значеніе въ пространствѣ. Различаютъ абсолютныя и относительныя величины, высо-

Digitized by Google

ты и т. д., въ грамматикѣ отличаютъ абсолютныя и относительныя предложенія, абсолютныя и относительныя мѣстоимѣнія, глаголы и т. д.

Мы видимъ изъ всего этого, что предикатъ «абсолютный» прилагается иногда къ такимъ вещамъ, кои дѣйствительно объективны, независимы и самостоятельны, иногда же къ такимъ, кои мыслятъ только независимо, коихъ реальная независимость, однако же, не можетъ быть утверждаема. Въ русскомъ языкѣ, по нашему мнѣнію, указанное различіе можетъ быть выражено двумя различными терминами, которые вполнѣ отчетливо могли бы сопоставлять оба рода отрѣшенности отъ условій; во-первыхъ, терминъ «безусловный» долженъ относиться къ вещамъ, дѣйствительно независимымъ отъ условій, и терминъ «обезусловленный» долженъ по смыслу своему означать то же, что мысленно выведенный изъ-подъ условій, предположительно освобожденный отъ подгнетности условіямъ. Таковы первыя два значенія многосмысленнаго термина «абсолютный».

Къ несчастію, слово «абсолютный» имѣетъ еще и другой смыслъ, не заключающій въ себѣ ничего общаго съ только-что разсмотрѣнными его значеніями. «Абсолютный» значитъ тоже законченный, совершенный; въ этомъ смыслѣ говорятъ объ абсолютномъ и относительномъ добрѣ и т. д., причемъ «абсолютное» равнозначно совершенству, завершенности, законченности; «относительное» — несовершенству, незавершенности, незаконченности.

Неразличеніе этихъ двухъ значеній влечетъ за собою массу недоразумѣній и ошибокъ. Очевидно, что выраженія: «абсолютное движеніе» и «абсолютный покой» образованы изъ неодинаковыхъ значеній термина «абсолютный». Въ первомъ примѣрѣ «абсолютный» значитъ «отрѣшенный», во второмъ—«совершенный». Такія выраженія, какъ абсолютная цѣнность, абсолютное положеніе, абсолютное начало, должны быть различены отъ тѣхъ выраженій, гдѣ терминъ «абсолютный» имѣетъ другой смыслъ, какъ-то: абсолютная достовѣрность, абсолютная необходимость, абсолютно точная мѣра времени и т. д. Понятно, что могутъ существовать переходныя степени отъ одного значенія этого термина къ другому и что поэтому во всѣхъ языкахъ терминъ «абсолютный» въ обычномъ говорѣ отличается неопредѣленностью и шаткостью; *метафизики—если они стремятся къ освобожденію отъ узъ обыденной рѣчи—должны бы обращать серьёзное вниманіе на это обстоятельство, стараться какъ можно рѣже пользоваться такимъ неудобнымъ терминомъ и во всякомъ случаѣ строго слѣдить за его дѣйствительнымъ значеніемъ въ каждомъ данномъ случаѣ, никогда не оставляя его безъ достодолжнаго объясненія.*

Усвоивъ себѣ эти основныя положенія критики понятія абсолюта въ его общемъ значеніи, не трудно установить тѣ различныя значенія, которыя можетъ получить это понятіе въ зависи-

Digitized by Google

мости отъ точки зрѣнія той области знанія, въ которую оно будетъ перенесено. Такъ съ точки зрѣнія научной философіи абсолютомъ является міръ какъ цѣлое, для спеціальной науки—тотъ послѣдній, крайній элементъ, который не можетъ быть сведенъ ни на какой другой, каковы: клѣтка—для физіологіи, атомъ—для физики, теорема параллельной линіи—для математики. Затѣмъ, для теоріи познанія абсолютомъ можетъ считаться норменъ, вещь въ себѣ, разсматриваемая объективно и противуполагаемая феномену (явленію); для метафизики абсолютъ соотвѣтствуетъ понятію объективно-первой, субъективно-конечной причины, существованіе которой предполагается внѣ опыта и принимается какъ трансцендентное міровое начало; наконецъ, въ области мистики абсолютъ есть понятіе человѣкоподобнаго совершенства, расширеніе свойствъ человѣка до безконечности или до высочайшей (какая только мыслима) степени, иначе говоря, некритическое понятіе, выработанное — выражаясь языкомъ сладкогласной части творенія г. Милославскаго—«донаучнымъ и внѣнаучнымъ мышленіемъ» и давно уже сведенное философской критикой къ нулю.

Если послѣ всего сказаннаго мы обратимся къ г. Милославскому и спросимъ его, въ какомъ смыслѣ и какомъ значеніи говоритъ онъ объ абсолютѣ, то ему только и останется чистосердечно признать, что этого онъ и самъ не знаетъ. Его игра съ этимъ понятіемъ напоминаетъ игру ножами извѣстныхъ китайскихъ акробатовъ: игра эта продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ ножей не вонзится прямо въ сердце неосмотрительнаго фокусника и не положитъ разъ навсегда конецъ его нелѣпой забавѣ. Уже изъ приведенной выше цитаты мы могли видѣть, что г. Милословскій безконечно далекъ отъ тѣхъ различеній, безъ которыхъ, очевидно, и шага дѣлать не должно, говоря о поискахъ за абсолютомъ. Онъ мѣшаетъ въ одну кучу и «самое достовѣрное знаніе, и счастливую жизнь, и высшіе идеалы существованія, и прекрасную обстановку жизни» — словомъ, все, что только можетъ быть внушено хотѣніями и вожделѣніями, всегда столь несоизмѣримыми съ исканіями истины, съ суровыми требованіями самоотреченія строгой науки; онъ наивно ссылается на «природное стремленіе», какъ бы не зная, что именно природное стремленіе и создаетъ всѣ фикціи «внѣ-научнаго и донаучнаго мышленія», и что заслуга критики и заключается въ опредѣленіи границъ, до которыхъ можетъ доходить удовлетвореніе этого для обыденнаго мышленія законополагающаго «природнаго стремленія». Обращаясь къ другимъ во множествѣ разсыпаннымъ въ книгѣ г. Милославскаго заявленіямъ по этому же предмету, мы получаемъ возможность окончательно убѣдиться, что подъ флагомъ научной философіи передъ глазами нашими проводится какой-то философскій ералашъ, разсчитанный на сбытъ въ невѣсть какихъ трущобахъ. Неизвѣстно чья чистосердечная простота имѣется въ виду, когда авторъ считаетъ

Digitized by Google

нужнымъ иронически кивать въ сторону «безбрежнаго и бездоннаго идеализма» (стр. 123), или когда онъ указываетъ на проникновеніе въ философію ошибокъ донаучной и внѣнаучной мысли (стр. 124), или когда онъ провозглашаетъ, что «въ научно-философскомъ изслѣдованіи»... «надлежитъ идти не отъ конечныхъ философскихъ предположеній, а отъ общенаучныхъ, болѣе или менѣе твердо установленныхъ положеній» (стр. 333), или заявляетъ, что «недостаточность научнаго развитія философіи и ея неопредѣленность какъ разъ соразмѣрна съ тѣмъ, что въ ней и до сихъ поръ мысль стоитъ на понятіяхъ, вещахъ и субстанціяхъ, а явленія, подлежащія ея спеціальному изученію, остаются нетолько безъ изслѣдованія, а даже безъ признанія ихъ реальности, жизненной цѣнности и доступности для научнаго изслѣдованія» (стр. 212) и т. д., и т. д. Кого ослѣпитъ все это, когда тутъ же рядомъ авторъ ставитъ старыя метафизическія задачи, «издревле входившія въ содержаніе философіи» (стр. 424), и указываетъ на рѣшеніе этихъ задачъ, какъ на цѣль «научнаго изслѣдованія»; когда онъ будто бы наивно находитъ, что «при надлежащемъ употребленіи научнаго метода получаются достаточныя средства къ изученію предметовъ, отстоящихъ отъ насъ дальше, чѣмъ химическіе элементы солнца и планетъ отъ рабочаго стола ученаго, производящаго спектральный анализъ» (стр. 424). Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ эти туманныя области и напомнимъ ему только, что еще Кантъ сдѣлалъ то предостереженіе, которое тутъ подходитъ какъ нельзя кстати. По мнѣнію отца философіи и критики, важное и необходимое доказательство мудрости и проницательности заключается ужь въ томъ, чтобы знать о чемъ разумно можно спрашивать.

Мы указали на то противорѣчіе, которое проходитъ черезъ всю книгу г. Милославскаго и которымъ самъ онъ думаетъ пользоваться какъ средствомъ для обоснованія особой спеціальной науки—философіи; мы обнаружили вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ концѣ-концовъ на мѣсто такой «науки» намъ подсовывается плохенькая метафизика съ неудачно скрытою мистическою тенденціею. Прежде указанное нами ипохондрическое настроеніе автора осталось, конечно, не безъ вліянія на эту тенденцію, оно и произвело слабую придуманность вопроса о значеніи и роли метафизики въ ходѣ умственнаго развитія европейскаго Запада, недостаточно полное и точное опредѣленіе характера метафизическаго типа философіи и, наконецъ, отсталость автора въ новѣйшей литературѣ философіи вообще и научной философіи въ особенности. Все это побуждаетъ насъ попытаться еще разъ договорить то, что не досказано самимъ авторомъ и такимъ образомъ внести въ постановку вопроса о метафизикѣ тѣ элементы, безъ которыхъ нельзя подняться на удовлетворительное его разрѣшеніе.

Съ тѣхъ, поръ какъ на умы нашего интеллигентнаго общества легло вліяніе философіи Ог. Конта, у насъ стало общеприн-

Digitized by Google

нятымъ разумѣть подъ матафизикой ложную или, точнѣе, не научную философію. Къ сожалѣнію, у Ог. Конта опредѣленіе метафизики представляется нѣсколько шаткимъ, такъ какъ у него не установлено достаточно твердо, въ чемъ заключается ложь метафизической философіи: въ томъ ли, что она ставитъ себѣ ложныя цѣли, или въ томъ, что избираетъ ложные пути для достиженія цѣлей истинныхъ. Здѣсь не кстати было бы критиковать систему Ог. Конта, это сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ— скажемъ только, что, несмотря на ошибки, имъ сдѣланныя, за нимъ остается и несомнѣнная заслуга высоко просвѣтительнаго вліянія. И если правъ Маріонъ [1], что Локкъ характеризовалъ метафизику во многихъ отношеніяхъ удачнѣе Конта, то за Контомъ остается первенство въ такой общей постановкѣ вопроса объ истинной и ложной философіи, послѣ котораго возвратъ къ пережитому сталъ возможенъ лишь для «мистиковъ въ душѣ» и неисправимыхъ ипохондриковъ. Не останавливаясь надъ мыслителями, которые въ эпоху между Локкомъ и Ог. Контомъ, а затѣмъ и въ настоящее время способствовали выясненію идеи научной философіи и противупоставленію ея матафизикѣ, мы остановимся только надъ тѣмъ, что сдѣлано въ этомъ смыслѣ двумя писателями нашихъ дней, именно: недочитаннымъ г. Милославскимъ Алоизомъ Рилемъ и вовсе неизвѣстнымъ ему Эрнстомъ Лаасомъ [2].

Заслуга послѣдняго заключается въ томъ, что онъ свелъ все пестрящее исторію философіи разнообразіе и разнорѣчіе къ двумъ типамъ, характеристикѣ коихъ онъ и посвятилъ свою обширную и до сихъ поръ еще не оконченную монографію. Установленіемъ этихъ типовъ Лаасъ разсчитываетъ положить предѣлъ пустому буквоѣдству ученыхъ въ области исторіи философіи и заявляетъ надежду, что богатыя историческія изысканія дадутъ наконецъ плодъ, такъ что получится руководящее основаніе для всякаго жаждущаго свѣта въ этой важной области знанія. Корни типовъ, усматриваемыхъ Лаасомъ, лежатъ въ философскихъ сочиненіяхъ Платона, и именно въ міроразумѣніи Сократа, т. е. собственно самого Платона, и противника его Протагора. Отдавая полную справедливость личнымъ достоинствамъ и генію Платона, Лаасъ имѣетъ въ виду показать, что «выспренность, геніальность и благородство души никакъ не могутъ считаться вѣрными признаками истины, что они, напротивъ того, чаще ослѣпляли людей, а не освѣщали имъ путь, чаще

---

[1] *Henri Marion.* J. Locke, sa vie et son oeuvre d'après des documents nouveaux. 1878 p. 133.

[2] Ueber wissenschaftliche und nichtwissenschaftliche Philosophie. Eine akademische Antrittsrede. Von D-r Alois Riehl. 1883. Idealismus und positivismus. Eine kritische Auseinandersetzung. Von Ernst Laas. I B. 1879. II B. 1882. (Третій томъ еще не вышелъ).

*

Digitized by Google

лишали ихъ трезваго взгляда, чѣмъ укрѣпляли умственно» [1]. Что же касается собственно *платоновскихъ* принциповъ и *платоновскаго* метода, то сомнительная сторона ихъ обнаруживала себя уже не разъ; ученіе Платона тѣмъ опаснѣе, чѣмъ привлекательнѣе его изложеніе, чѣмъ обаятельнѣе является оно для ума, чѣмъ сильнѣе подкрѣпляетъ оно естественную склонность къ духовному опьяненію. Такою является истинно просвѣтительная цѣль и истинно, высокая задача монографіи Лааса монографіи, которою мы теперь можемъ впрочемъ воспользоваться лишь въ весьма малой мѣрѣ, такъ какъ боимся сдѣлать статью нашу чрезмѣрно длинною.

Не вдаваясь въ разборъ правильности выбора Протагора въ родоначальники научной философіи и отсылая читателя, интересующагося вопросомъ къ самому Лаасу [2], мы остановимся только на характеристикѣ ложной, анти-научной или платонизирующей философіи, какъ она представлена въ только что упомянутой монографіи.

Характеризуя платоновскій типъ философіи, Лаасъ останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ его чертахъ, которыми типъ этотъ особенно ярко отличается отъ типа ему противоположнаго. Съ этой точки зрѣнія, платонизмъ разлагается на слѣдующія основныя положенія:

Наука, взятая сравнительно съ развитымъ, переработаннымъ и извѣстнымъ образомъ измѣненнымъ воспріятіемъ или опытомъ, есть нѣчто специфически иное, высшее, чистѣйшее, духовно-просвѣтленное.

Способный къ наукѣ человѣкъ специфически отличается отъ животнаго; онъ обладаетъ нѣкоею высшею способностью, которая не есть результатъ пассивныхъ состояній, не есть нѣчто обусловленное тѣлесно или объяснимое посредствомъ воспріятій, но самопобудительно-дѣятельный, приближающій человѣка къ богамъ духъ или разумъ.

Содержаніе этой высшей человѣческой способности не можетъ быть дано никакимъ воспріятіемъ, такъ какъ обладаніе имъ предшествуетъ всякому опыту; оно заключается въ первобытныхъ, въ природу нашего духа заложенныхъ познаніяхъ: интеллектуальныхъ понятіяхъ, идеалѣ, свидѣтельствующихъ о домировой жизни души и сверхчувственномъ бытіи.

Всякое познаніе есть въ сущности припоминаніе или воспроизведеніе того, что при самомъ рожденіи обрѣтается уже въ

---

[1] Не пропустимъ здѣсь и замѣчанія *поэта* Джемса Томсона о томъ, что значеніе метафизическихъ системъ заключается въ значеніи тѣхъ великихъ мыслей и благородныхъ чувствъ, кои въ нихъ воплощены, и которымъ такого рода воплощеніе приносить не пользу, а вредъ. *J. Tomson.* On the worth of metaphysical systems. (Въ сборникѣ: Essays and Phantasies. 1881) p. 299.

[2] Ср. *W. Halbfass.* Die Berichte des Platon und Aristoteles über Protagoras. (Jahrbuch für classische Philologie, XIII B).

Digitized by Google

душѣ, какъ его скрытое достояніе, и что при извѣстномъ напряженіи можетъ быть найдено. Необходимо только, чтобы душа умѣла возвыситься надъ чувственностью, могла бы очиститься и освободиться отъ нея, дѣйствуя сама по себѣ, могла бы чистою мыслью охватывать чистые объекты.

Тѣло и совершающееся при посредствѣ его воспріятіе ставятъ препятствія познанію истины, разстраиваютъ его, вводятъ его въ заблужденіе и оскверняютъ. Истинная философія есть та, въ которой мысли остаются «чистыми», въ которой идеи достигаются идеями и черезъ идеи. Математика можетъ поэтому быть прекрасной пропедевтикой для философа: она отвлекаетъ мысль отъ чувственности и игры измѣнчивости, она возвышаетъ душу до пользованія чистымъ мышленіемъ и устремляетъ ее къ истинѣ; чувственныя вещи могутъ служить для нея лишь возбужденіемъ къ размышленію, поскольку они указываютъ на противорѣчія, разрѣшаемыя мышленіемъ.

Таковы основныя черты платонизма. Стоитъ только осмотрѣться кругомъ, чтобы убѣдиться до какой степени широко и глубоко было и останется его вліяніе на умы. Нѣкоторые изъ его догматовъ проницаютъ все наше мышленіе и нашъ языкъ; они образуютъ какъ бы подпочву обыденнаго міровоззрѣнія и нѣкоторыхъ важнѣйшихъ учрежденій. Сравнивая въ этомъ отношеніи платоновскій типъ съ типомъ ему противуположнымъ, мы можемъ замѣтить, до какой степени громадно различіе между ними по отношенію интенсивности и охвата ихъ вліянія. Въ наше время даже еще замѣтно, что платоновскій типъ пережилъ нѣкогда періодъ полной побѣды. И однакоже у платонизма есть хоть одна сторона, по отношенію къ которой онъ долженъ быть поставленъ ниже своего соперника: платонизму не выпало на долю установить и развить свои основоположные тезисы послѣдовательно, органически и научно, такъ чтобы въ наше время типъ этого могъ бы представиться въ болѣе роскошномъ и богатомъ ростѣ, чѣмъ первоначально. Участь его была совершенно иная: послѣ того, какъ нѣкоторыя стороны его, перерождаясь въ аскетическія и экстатическія проявленія, возымѣли частью тлетворное, частью безобразное вліяніе на умы, другія были до такой степени очищены и съужены критикой, что въ настоящее время все, могущее въ платоновскомъ типѣ получить научное значеніе, производитъ своею туманностью и расплывчатостью весьма скудное впечатлѣніе сравнительно съ картиной, представленной типомъ противоположнымъ. Бо́льшая часть платониковъ держатся лишь той или другой изъ сторонъ общей совокупности платоновскаго ученія и рѣдко встрѣчается такой, который могъ бы возстановить всего Платона или двинуть доктрину его къ новому фазису развитія. Поэтому-то платонизирующая философія издавна обнаружила склонность удаляться отъ научныхъ преній въ полу-мракъ мистическихъ вѣрованій, которыя, переходя въ легенды и миѳы, какъ и у Платона, весьма

Digitized by Google

затрудняютъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, гдѣ оканчиваются образы и игра фантазіи и вмѣсто нихъ начинается серьёзная мысль и истина. Если же обратиться къ тѣмъ только представителямъ платонизма, которые по праву могутъ считаться философами, то хотя мы и встрѣтимъ въ нихъ основныя черты платоновскаго характера, но черты эти являются въ связи съ разнообразными измѣненіями и вѣяніями, съ приспособленіями ко времени, обстоятельствамъ и индивидуальностямъ, съ многоразличными уступками противоположной точкѣ зрѣнія, что эта внѣшняя сторона дѣла производитъ такое впечатлѣніе и возбуждаетъ такое предположеніе будто постоянный импульсъ и тенденція, шедшіе отъ Платона, хотя и обладали большою духовною силою, но фактически и логически не безъ затрудненія отстаивали свои положенія противъ критики. Вникая въ мотивы, руководившіе ученіемъ при противупоставленіи его воззрѣніямъ противуположнымъ, мы въ состояніи будемъ разглядѣть, скрываетъ ли оно въ себѣ здоровое научное зерно, или же силы его коренятся не въ объективныхъ фактахъ и оправдываемыхъ критикою задачахъ, а *въ субъективныхъ и даже фантастическихъ хотѣніяхъ*..

Такъ какъ такая геніальная и поэтическая личность, какъ Платонъ, по вліянію своему на укладъ философскаго типа, называемаго нами его именемъ, имѣетъ громадное значеніе, то и становится въ высшей степени важнымъ вникнуть въ тѣ причины, которыя побуждали Платона противуборствовать воззрѣніямъ Протагора и заботиться о созданіи такого ученія, которое имѣло бы самостоятельную силу и необоримость. Одно изъ главныхъ затрудненій, которыя, какъ ему казалось, Протагору преодолѣть не удалось, заключалось въ обманчивости чувствъ, служившихъ орудіями воспріятія. Послѣдствія этой обманчивости онъ разсматривалъ какъ пагубныя для достоинства науки и считалъ необходимымъ подчинить ихъ какому нибудь высшему неизмѣнчивому принципу; затѣмъ, онъ отвергалъ воспріятіе, какъ достаточное обоснованіе познанія, потому что предполагалъ существованіе соотвѣтствующихъ понятіямъ реальностей, которыя не могутъ быть восприняты, и далѣе онъ утверждалъ, что такъ какъ наука имѣетъ своимъ предметомъ истину, истина же высказывается не въ страдательныхъ состояніяхъ воспріятія, а въ сужденіяхъ — продуктахъ чисто духовно возникшихъ категорій, то въ силу этой недостаточности сенсуалистическая теорія Протагора должна быть необходимо отвергнута. Наконецъ, воспріятіе, по его убѣжденію, не могло представить достаточно прочной, объективной гарантіи истины, а потому онъ и искалъ ей устойчивое объективное обоснованіе. Такимъ обоснованіемъ могла быть, по его воззрѣнію, идея блага, сама въ себѣ покоющаяся, не нуждаясь въ дальнѣйшемъ обоснованіи, абсолютная. Утверждая на ней нетолько познаніе, но и бытіе, Платонъ думалъ положить предѣлъ всему произвольному, противорѣчивому и измѣн-

Digitized by Google

чивому и разсчитывалъ на возможность окончательнаго и прочнаго установленія науки.

Въ концѣ-концовъ, основная черта платоновскаго типа въ философіи выразилась въ стремленіи приблизить всѣ науки къ типу математики, обосновать ихъ на незыблемости абсолюта, подчинить ихъ такимъ руководящимъ законамъ, корни коихъ не уходили бы въ чувственность, а крѣпко держались бы въ чисто-духовномъ началѣ разума, самоопредѣляющагося и самобытнаго, и, наконецъ, поставить ихъ въ связь съ надземнымъ міромъ сверхчувственныхъ сущностей и такимъ образомъ возвести къ недоступной измѣнчивости — трансцендентности.

Математизированіе, раціонализированіе, спиритуализированіе и вообще сублимированіе познанія платоновской точкою зрѣнія прямымъ путемъ ведетъ къ возможности дать общей совокупности знанія видъ полноты, законченности и цѣльности, которой опытное знаніе нетолько не имѣетъ даже и черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ Платона, но и не предвидитъ его даже и въ далекомъ будущемъ. Полнота же эта и законченность придаютъ метафизической философіи ту форму, которую принято называть «системою» и которая для метафизиковъ и составляетъ вѣнецъ ихъ вожделѣній и вѣчный поводъ торжества надъ неполнотою и несовершенствами положительнаго знанія.

Эта сторона метафизической философіи и остановила въ послѣднее время вниманіе Риля. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ текущемъ году во Фрейбургѣ, онъ, сопоставивъ положительныя науки съ философіею, обращаетъ вниманіе на то несоотвѣтственно-высокое значеніе, которое придаетъ называющая себя философіей метафизика [1] систематической формѣ. Систематическое познаніе признаетъ она единственно-истиннымъ познаніемъ, единственно полнымъ. Она порицаетъ не безъ нѣкотораго оттѣнка презрѣнія положительныя науки за то, что онѣ лишь постепенно и съ напряженіемъ въ состояніи вырабатывать отдѣльныя, разрозненныя познанія. По отношенію къ себѣ самой она заявляетъ притязаніе постичь всю совокупность существующаго и происходящаго и вывести необходимость этого существованія и происхожденія изъ немногихъ или—если возможно—изъ одного основного положенія. Она приписываетъ себѣ глубочайшее и основательнѣйшее проникновеніе въ самую «сущность» вещей и мечтаетъ при его посредствѣ достичь пониманія внутренней связи явленій, разгадки смысла и значенія всего сущаго. Фактически, метафизика могла набросать свой идеалъ системы лишь въ самыхъ общихъ чертахъ; дать же этимъ очертаніямъ реальное содержаніе она никогда не могла. Усилія ея въ этомъ направленіи или

[1] Риль употребляетъ здѣсь терминъ философія, но, сопоставляя другія мысли его рѣчи, можно убѣдиться, что смыслъ этого термина у Риля именно тотъ, который мы придаемъ термину метафизики. Впрочемъ, и Риль употребляетъ иногда этотъ послѣдній терминъ.

Digitized by Google

оканчивались полнѣйшею неудачею, или не шли далѣе однихъ только заявленій. Разсматривая затѣмъ антинаучный характеръ результатовъ стремленія къ законченности, къ системѣ, Рэль показываетъ, что родиной и самого предмета и его названія была Греція, *что метафизика есть наука греческаго періода развитія знанія, или, иначе говоря, метафизика есть греческая наука.*

Если мы попытаемся еще далѣе прослѣдить за генезисомъ метафизики и остановимъ наше вниманіе на психологическихъ корняхъ ея, то значеніе ея, какъ переживанія, пріобрѣтетъ для насъ еще бо́льшую степень очевидности.

Уже съ тѣхъ поръ какъ теорія развитія получила широкое примѣненіе къ различнымъ отраслямъ знанія, иначе говоря, съ тѣхъ поръ, какъ она пріобрѣла философское значеніе, можно было анализировать нѣкоторыя ея приложенія и, не рискуя впасть въ ошибку, утверждать нѣкоторыя положенія, окончательное подтвержденіе которыхъ становилось затѣмъ лишь вопросомъ времени. Такъ, по вопросу, нынѣ насъ занимающему, можно было утверждать, что чѣмъ первобытнѣе форма мышленія, тѣмъ болѣе точекъ соприкосновенія имѣетъ она съ тѣмъ элементарнымъ характеромъ умственной дѣятельности, который можетъ быть наблюдаемъ и изучаемъ въ царствѣ животныхъ. Новѣйшія наблюденія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ вѣрности такого предрѣшенія, и мы можемъ указать на спеціальныя изслѣдованія, которыя служатъ именно къ его утвержденію. Изслѣдованія эти ведутся втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ едва-ли извѣстнымъ у насъ итальянскимъ ученымъ Тито Виньоли, сочиненія котораго переведены на англійскій и нѣмецкій языки и входятъ въ составъ извѣстной международной научной библіотеки [1].

Виньоли справедливо говоритъ, что для открытія закона, опредѣляющаго характеръ отношеній примитивной психической дѣятельности къ явленіямъ воспринимаемой среды, необходимо было обратить особенное вниманіе на внутреннія условія субъекта и расширить сферу наблюденій. Въ этихъ видахъ самъ онъ втеченіе многихъ лѣтъ дѣлалъ наблюденія надъ животными, которыхъ спеціально для этой цѣли держалъ, и въ помѣщеніяхъ коихъ устраивалъ различныя сообразныя съ своими видами приспособленія. Эти наблюденія убѣдили его, что животныя, въ силу ихъ психо-физіологической организаціи, относятся ко всѣмъ окружающимъ ихъ предметамъ не иначе, какъ къ существамъ имъ подобнымъ, что они не иначе воспринимаютъ окружающія ихъ явленія, какъ ассимилированными ихъ собственной природѣ. Процессъ этотъ Виньоли называетъ процессомъ «энтификаціи» природы и находитъ его у человѣка тѣмъ болѣе въ чистомъ

[1] Della legge fondamentale dell' intelligenza nel regno animale. Paggio di psicologia comparata per Tito Vignoli. 1877. Mito e Scienza. Saggio per lo stesso. 1879.

Digitized by Google

видѣ, чѣмъ человѣкъ первобытнѣе. Энтификація природы является такимъ образомъ главнымъ мотивомъ миѳотворчества и даетъ основную окраску характеру умственнаго развитія этого періода.

Не входя въ разсмотрѣніе того, въ какой мѣрѣ строго-научный методъ Виньоли подвергается при примѣненіи къ нѣкоторымъ частнымъ отдѣламъ его тэмы метафизическимъ вліяніямъ, какъ то замѣчаетъ извѣстный антропологъ Монтегаца [1], мы отмѣтимъ только, что та основная идея, на которой собственно мы теперь и останавливаемся, не оспаривается Мантегацою и находитъ подтвержденіе въ наблюденіяхъ такого глубокаго мыслителя, какъ Мишель Гюйо, высказавшагося о вопросѣ совершенно независимо отъ Виньоли, да едвали и знавшаго о его наблюденіяхъ [2]. Для насъ все это крайне важно, такъ какъ отъ миѳотворчества до метафизики не далеко. Еще Ог. Контъ высказалъ, что метафизическій фазисъ умственной дѣятельности, по основѣ своей, есть только простое общее измѣненіе миѳологическаго фазиса, такъ какъ отвлеченныя силы метафизики суть настоящія сущности (entités). Такимъ образомъ метафизическое творчество можетъ быть разсматриваемо какъ прямое продолженіе творчества миѳовъ, и оба эти существенно одинаковыя творчества могутъ разсматриваться какъ общій всему животному царству процессъ энтификаціи.

Если мы противопоставимъ процессу энтификаціи исключительно человѣку присущій и прямо противоположный ему процессъ дезинтификаціи, составляющій основную характеристическую черту науки, то намъ нельзя будетъ не быть пораженными тою ироніею исторіи, которая обнаружится при такомъ освѣщеніи судебъ философіи. Вся нынѣ столь прославляемая метафизическая выспренность, все это блистающее въ ней раціонализированіе и спиритуализированіе знанія окажется призракомъ — призракомъ, заклинаемымъ разгадкою идеи энтификаціи. Въ самомъ дѣлѣ, не будь ея, нельзя бы было мыслить идеи какъ сущности—энтифицировать ихъ, не могло бы существовать фантазіи о ихъ припоминаніи—этомъ зачаточномъ аргіогі, и еще менѣе возможно было мечтать о той законченности и полнотѣ, которыя, ускользая, подобно миражу, въ процессѣ познаванія (дезинтификаціи), неотъемлемы отъ реальныхъ сущностей. Теперь же раскрывается передъ нами и тайна системы—въ дѣйствительности тайна энтификаціи, угаданная Виньоли и окончательно положившая на всѣ метафизическія богатства неизгладимую печать далеко уходящаго въ глубь временъ «переживанья».

Придя къ такому результату по отношенію къ характеристикѣ метафизики вообще, мы пріобрѣли точку зрѣнія нетолько для правильнаго взгляда на всякую новую метафизическую теорію, откуда бы она ни появилась, но получили еще возможность завер-

---

[1] Archivio per l'antropologia e la etnologia. X vol., fascicolo 1 p. 144,
[2] L'origine des réligions (Revue philosophique, t. VIII, p. 572).

Digitized by Google

шить характеристику разсматриваемой нами теперь русской, или точнѣе, казанской метафизики, констатированіемъ ея блѣдности и полинялости. Кокетничающая съ наукою и въ тоже время уходящая всѣмъ существомъ своимъ въ глубь самаго темнаго переживанья, метафизика эта является до послѣдней степени лицемѣрной, ничтожной и никому ни для какой потребы не годной. При видѣ такой метафизики всякій, не убившій еще въ себѣ трезваго взгляда на задачи философіи и науки, навѣрно скажетъ вслѣдъ за Локкомъ, что это «пустая трата труда, которая съ успѣхомъ могла бы быть замѣнена возвращеніемъ къ дѣтскимъ играмъ въ куклы. Да и зачѣмъ было въ самомъ дѣлѣ бросать куколъ для того, чтобы играть съ пустыми, безсодержательными идеями, истинными куклами нашего воображенія и нашей фантазіи, которыя, какъ бы мы ихъ искусно ни наряжали, все же таки и послѣ соревнѣтной возни съ ними, останутся безполезными и безжизненными игрушками» [1].

Если читатель убѣдился, что философія г. Милославскаго есть философія метафизическая, то ему едва-ли интересно будетъ войти въ ближайшее разсмотрѣніе ея содержанія и переглядывать одно за другимъ тѣ частные «Verschlimmbesserungen» въ философіи, которые предлагаетъ авторъ. По этой причинѣ мы постараемся довести наши послѣднія замѣчанія до возможной сжатости и поспѣшимъ окончить эту и то уже слишкомъ длинную статью.

Г. Милославскій пересматриваетъ различныя воззрѣнія на содержаніе философіи и, не утруждая себя полнотою подбора этихъ воззрѣній, выставляетъ какъ «seiner Weissheit letzter Schluss», то мнѣніе, что философія есть спеціальная наука, изучающая явленія знанія. Такой взглядъ — какъ то и очевидно всякому — рискуетъ совершить довольно крутой поворотъ къ догматизму, если въ него не будетъ внесена поправка относительно различія знанія и пониманія, знанія и мышленія; но внесеніе такой поправки было бы равносильно такой перестройки всего сочиненія, послѣ которой въ немъ не осталось бы камня на камнѣ. Но и это не все: не мѣшало бы подумать еще и о томъ, не превращаетъ ли философію такое опредѣленіе въ пресловутую «сборную команду человѣческаго знанія», какъ выразился когда-то «извѣстный» позитивистъ. И въ самомъ дѣлѣ: мышленіе изучается психологіей, познаніе — гносеологіей или теоріей познанія, ходъ развитія познанія — исторіей науки и философіи и т. д. И сколько бы мы не тянули за волосы всѣ эти вопросы въ одно мѣсто, характеръ ихъ оттого не измѣнится, такъ-же какъ и методъ изученія. Такимъ образомъ, благоизмышленіе г. Милославскаго представляется напраснымъ трудомъ и съ этой стороны. Перейдемъ къ частностямъ, и здѣсь опять мы

[1] Цит. у Маріона, стр. 94.

Digitized by Google

увидимъ тотъ-же результатъ: вопросъ «концептивныхъ ощущеній» (стр. 249—292) есть вопросъ психологическій, и при требованіи *научнаго* его разрѣшенія, долженъ быть изслѣдуемъ въ связи съ его анатомо-физіологическими основаніями — условіе, вольное или невольное несоблюденіе котораго должно бы не дозволять и прикасаться даже къ вопросу; затѣмъ, вопросъ о субстанціи есть вопросъ теоріи познанія, теоріи, которая можетъ стать наўчною только тогда, когда основою своею получитъ опытную психологію; если этого не сдѣлано, то вопросъ останется при метафизическомъ пустомысліи, какъ и прежде. Нельзя умолчать еще при этомъ, что принятіе авторомъ къ свѣдѣнію сочиненія Авенаріуса (Philosophie als Denken der Welt) и статьи Паульсена (Ueber den Begriff der Substantialität) [1] весьма бы тутъ не помѣшало. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что болѣе полныя литературныя справки много бы помогли автору, а частью и избавили бы его отъ совершенно безполезнаго размазыванія; такъ напримѣръ, все его разсужденіе на стр. 18 и слѣд. изчезло бы или видоизмѣнилось, еслибы онъ ознакомился съ книгою Лааса «Kant's Analogien der Erfahrung», такъ же какъ разсужденіе стр. 349 и слѣд. значительно бы преобразилось подъ вліяніемъ знакомства съ сочиненіями Мейнерта, Штрикера, Экснера, Мунка, Сёлли, Серджи и др. Пробѣлы въ литературѣ намъ тѣмъ болѣе удивительны, что мы и представить себѣ не можемъ такого автора, котораго г. Милославскій но изловчился бы заставить себѣ послужить. Ужь если онъ съумѣлъ «приспособить» даже «Abbot'a» изъ журнала «Mind», то можно думать, что всякій другой не представитъ ему никакихъ затрудненій: философскій тезисъ его легко превращается въ змія и безъ напряженія пожираетъ «супротивныхъ».

Удивительное впечатлѣніе должна производить книга г. Милославскаго на тѣхъ «чистыхъ сердцемъ» примитивныхъ людей, которые, при несомнѣнно присущей имъ жаждѣ знанія, преисполнены безпредѣльнымъ благоговѣніемъ къ учености, отождествляемой ими съ мудростью и не различаемой отъ мудрености; которые трепещутъ при видѣ цитатъ и ссылокъ на сколько-нибудь разнообразную и разноязычную литературу, и которые въ то же время сами еще не очень вкусили отъ премудрости книжныя, мало искусились въ познаніи иноземныхъ языковъ и неумѣренно склонны вѣрить авторитетамъ и поражаться выспренностью и возвышенностью ихъ поученія... Такіе люди, находя въ увѣсистомъ томѣ г. Милославскаго все, что соотвѣтствуетъ ихъ идеалу провозвѣстника истины, должны восторгаться, наслаждаться, млѣть... «Нашъ-то, думаютъ они: — каковъ»! И благо имъ!

---

[1] Vierteljahrsschrift f. wiss. Philosophie. I Jahrgang.

Digitized by Google

Мы покушаемся надѣяться, однако же, что намъ удалось разсѣять миражъ хоть у тѣхъ, которые могутъ впадать въ экстазъ не по природѣ своей, а лишь подъ вліяніемъ временныхъ и случайныхъ обстоятельствъ. Освободясь отъ гнета такихъ обстоятельствъ, они могутъ ясно и отчетливо видѣть всю несостоятельность сочиненія г. Милославскаго: недодуманность его основного положенія, натянутость его благоизмышленій, скудость эрудиціи, ипохондрическое настроеніе. На выдающуюся, руководящую роль послѣдняго, мы совѣтуемъ имъ обратить особенное вниманіе. Настроеніе это, овладѣвъ духомъ автора, заставляетъ его навязывать научной философіи тѣ немощи, которыхъ у нея нѣтъ, и призывать на помощь силы, которыя она давно отвергла. Въ ней корень той порчи, которая проникаетъ все сочиненіе г. Милославскаго насквозь и извращаетъ даже тѣ добрыя зерна, которыя въ немъ попадаются.

Признавая присутствіе такихъ добрыхъ зеренъ, кое-гдѣ разбросанныхъ въ сочиненіи, мы тѣмъ самымъ подтверждаемъ еще разъ правильность нашей общей характеристики его. «Ипохондрикъ, говоритъ извѣстный психіатръ г. П. Ковалевскій:—каждый день мѣняетъ новыхъ медиковъ. Забираетъ у нихъ рецепты. Покупаетъ лекарства и лечится у нѣсколькихъ медиковъ заразъ. *Это ему не мѣшаетъ лечиться у знахарки*, читать медицинскія книги и лечиться самому... Его комната переполнена всевозможными стклянками, банками и коробочками, со всевозможными и невозможными лекарствами... Запахъ комнаты ипохондрика представляетъ нѣчто среднее между аптекою и клозетомъ» [1]. Изъ этого видно, что и у ипохондрика можно найти и дѣльный рецептъ и цѣлительный медикаментъ, но извѣстно, что никто за ними къ нему не обращается.

«Всякому автору предстоитъ выборъ: писать кратко или пространно—выборъ двухъ золъ. Если онъ станетъ писать пространно, публика не будетъ читать его; если же онъ будетъ кратокъ, ему нельзя будетъ избѣжать недоразумѣній» [2]. Просимъ поэтому читателей простить насъ, если мы что не дописали или переписали.

А. Т—й.

---

[1] *П. И. Ковалевскій.* Курсъ частной психіатріи. Вып. I, стр. 60.
[2] Natural Religion by the author of «Ecce Homo» p. VIII.

Digitized by Google

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Внутренняя политика.—Выходъ въ отставку Шальмель-Лакура.—Ферри—министръ иностранныхъ дѣлъ и Фальеръ—народнаго просвѣщенія.—Возможныя перемѣны въ составѣ министерства; Гериссонъ и Рувье, Тираръ и Леонъ Сэ.—Утвержденіе сенатомъ закона о желѣзнодорожныхъ конвенціяхъ и обнародованіе этого закона. — Вмѣшательство Фрейсинэ, Толена, Бюффе. — Окончаніе обсужденія муниципальнаго закона для департаментовъ. — Предложеніе Поля Бера и еще шагъ къ отдѣленію церкви отъ государства. — Исключительное положеніе Парижа; отвергнутыя предложенія Сигизмунда Лакруа и Анатолія де Ла-Ферри. Новый сенскій префектъ и проэктъ о полиціи. — Несовмѣстимость отправленія нѣкоторыхъ должностей съ депутатскимъ полномочіемъ. — Законы о нездоровыхъ квартирахъ и обществахъ взаимнаго вспомоществованія.

Передавъ уже въ третій разъ портфѣль иностранныхъ дѣлъ министру президенту, Шальмель-Лакуръ, немедленно по прибытіи въ Канъ 17-го ноября, рѣшился подать прошеніе объ отставкѣ президенту республики. Въ письмѣ своемъ, онъ указываетъ на разстроенное здоровье, какъ на единственную причину, заставляющую его удалиться, «не переставъ быть въ полномъ согласіи съ товарищами по кабинету». Греви отвѣчалъ, выражая сожалѣніе, по поводу потери такого заслуженаго сотрудника. Бывшій редакторъ «République française», въ первыя времена ея существованія, болѣе чѣмъ кто-либо посвященъ былъ въ воззрѣнія Гамбетты на внѣшнюю политику, но не оправдалъ возлагавшихся на него ожиданій. Образованный, можно даже сказать, ученый человѣкъ въ дѣлѣ всемірной политики, горячій патріотъ и искренній республиканецъ, Шальмель не оказался вполнѣ пригоднымъ для поста министра иностранныхъ дѣлъ, какъ не оказался и удовлетворительнымъ посланникомъ, когда Гамбетта назначилъ его въ Лондонъ. Онъ не богатъ, не женатъ, не свѣтскій человѣкъ, а для дипломата это никуда негодится, и это болѣе всего повредило представителю республики въ глазахъ королевы и индійской императрицы, между тѣмъ, какъ нѣсколько суровое прямодушіе, изящество и даръ слова какъ нельзя болѣе располагали въ его пользу такихъ либеральныхъ государственныхъ людей,

Digitized by Google

какъ Гладстонъ и Грэнвилль. Никто лучше его не могъ написать превосходнаго циркуляра и поддержать серьёзнаго и остроумнаго разговора, за то, по отношенію къ дипломатическому корпусу, онъ не обладалъ необходимымъ престижемъ, а болѣзнь, искони безпокоившая его, не позволяла проявлять непрестанное и дѣятельное личное руководство тѣми крайне-сложными дѣлами, которыми ему приходилось завѣдывать. Теперь онъ, по всей вѣроятности, удалился безвозвратно отъ кормила, но остается сенаторомъ и писателемъ, что дастъ ему возможность оказать еще не мало услугъ своей странѣ.

Жюль Ферри присоединилъ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ къ предсѣдательству въ совѣтѣ министровъ. Онъ впрочемъ и не могъ дѣйствовать иначе, такъ какъ принялъ на себя всю отвѣтственность въ тонкинскомъ вопросѣ, достигшемъ убѣдительнаго момента. Въ самый день выхода своего изъ управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, онъ издалъ два циркуляра (къ ректорамъ академій и школьнымъ учителямъ), въ которыхъ подтвердилъ принципы, положенные имъ въ основу народнаго образованія.

Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Дюклерка, Фальеръ, человѣкъ, который если и не внесетъ ничего новаго, то, по крайней мѣрѣ, постарается не уклоняться отъ направленія, даннаго народному образованію его предшественникомъ. Изъ кабинета онъ долженъ былъ выйти по причинѣ болѣзни и послѣ того, какъ въ бытность его президентомъ совѣта, сенатъ отвергнулъ законопроэктъ противъ орлеанскихъ принцевъ, принятый въ смягченномъ видѣ палатою депутатовъ. Онъ совершенно оправился отъ своей болѣзни, молодъ и весьма трудолюбивъ. Полагаютъ, что онъ можетъ содѣйствовать въ значительной степени, укрѣпленію кабинета. Фальеръ былъ единственнымъ депутатомъ той части группы «Демократическаго Союза», которая примыкаетъ и нерѣдко сливается съ «Республиканскимъ Союзомъ», единственнымъ депутатомъ, принятіе которымъ портфеля народнаго просвѣщенія могло не слишкомъ огорчить эту послѣднюю группу.

Продолжаютъ предсказывать удаленіе Тирара и Гериссона, но не ранѣе, какъ послѣ прочтенія бюджета 1884 года. Гериссона упрекаютъ за недостатокъ практическихъ знаній въ подвѣдомственной ему отрасли управленія: онъ, бывшій адвокатъ кассаціоннаго суда и государственнаго совѣта, и торговыя дѣла извѣстны ему лишь какъ «avocat consultant». Однако, онъ все-что все-таки сдѣлалъ, какъ это самъ объяснялъ на данномъ въ честь его банкетѣ въ Hôtel Continental французскими экспонентами на Амстердамской выставкѣ. Онъ основалъ прекрасный еженедѣльный справочный листокъ «Moniteur officiel du commerce», положилъ начало учрежденію Торговыхъ Музеевъ, разсѣянныхъ по всѣмъ важнымъ центрамъ, и содѣйствовалъ организаціи синди-

Digitized by Google

кальныхъ палатъ, какъ связующаго пункта для французовъ, живущихъ за-границею. Тѣмъ не менѣе, въ кабинетѣ находятъ его недостаточно спеціалистомъ и прочатъ на его мѣсто Рувье, главнаго докладчика по государственной смѣтѣ. Точно также и Тираръ, какъ продолжаютъ увѣрять, не сохранитъ портфёля министра финансовъ, котораго такъ давно уже требуютъ для Леона Сэ финансовые тузы, этимъ путемъ желающіе примириться съ публикою...

Основаніемъ примиренія служило принятіе конвенцій съ шестью главными желѣзнодорожными компаніями. Сенатъ, съ своей стороны, не пожелалъ этому препятствовать. Съ самаго начала общихъ преній, 15-го ноября, на трибунѣ появился Фрейсинэ, для того, чтобы поддержать это полу-отреченіе отъ его пресловутаго плана общественныхъ работъ, который осуществленъ былъ слишкомъ поспѣшно и не соображаясь съ неимѣющимися въ наличности средствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Фрейсинэ подтвердилъ, что, несмотря на временныя затрудненія, положеніе финансовъ не должно внушать серьёзныхъ опасеній и, при нѣкоторомъ благоразуміи, не замедлитъ вернуться къ цвѣтущему состоянію 1878 и 1881 года. Бюффе счелъ долгомъ опровергнуть эти розовыя надежды человѣка, содѣйствовавшаго запутыванію національныхъ финансовъ. Тираръ и въ особенности Райналь возражали ораторамъ правой, стараясь разбить ихъ пессимистическіе доводы; впрочемъ, ораторовъ правой было немного, такъ какъ вліятельные люди старыхъ режимовъ прямо заинтересованы въ монополіи крупныхъ компаній. Изъ сенаторовъ лѣвой, почти одинъ только бывшій рабочій-граверъ, Толэнъ, возсталъ противъ консолидированныхъ и продолжительныхъ монополій и еще разъ доказалъ, что была возможность не бросаться въ коварныя объятія Haute Banque. Но онъ не доказалъ, что и въ настоящую минуту конвенціи могли быть отвергнуты. Первая конвенція (вѣтвь Парижъ-Ліонъ-Средиземное море) была утверждена 235 голосами противъ 15. Такимъ же приблизительно большинствомъ утверждены были и остальные пять договоровъ: 20-го ноября всѣ они могли уже быть обнародованы въ качествѣ государственнаго закона.

Изъ другого затрудненія, грозившаго превратиться въ довольно опасное, министерство выпуталось, благодаря палатѣ, вотировавшей 432 голосами противъ 64 совокупность новаго муниципальнаго закона, отстранивъ всѣ спеціальные вопросы, касающіеся собственно Парижа. Легкимъ претерпѣніемъ явилось въ самомъ концѣ преній лишь пущенное безъ предварительнаго соглашенія предложеніе Поля Бера. Дѣло шло объ отмѣнѣ всѣхъ постановленій, законовъ, декретовъ, рѣшеній, по которымъ опредѣлялось владѣніе католическимъ духовенствомъ недвижимою собственностью внѣ предѣловъ, обозначенныхъ конкордатомъ. Продажа или аренда этой муниципальной собственности дала бы возможность пополнить кассу лицеевъ и школъ, существованіе которыхъ сдѣла-

Digitized by Google

лось необходимостью со времени закона 28-го марта 1882 г. объ обязательности образованія. Поэтому предложеніе было принято къ свѣдѣнію 315 голосами противъ 135. Муниципальная комиссія, гдѣ предсѣдательствуетъ Марсеръ, указала на затрудненія практическаго примѣненія и поддерживала предложеніе Фердинанда Дрейфуса и Антонена Дюбоста, которое, неменѣе первоначальнаго текста, вызвало горячій протестъ со стороны анжерскаго епископа. 398 голосами противъ 81 рѣшено было, что «муниципальные совѣты будутъ имѣть право отчуждать вполнѣ или частію недвижимыя имущества, присвоенныя внѣ предѣловъ предписаній конкордата духовенству, духовнымъ обществамъ или инымъ духовнымъ учрежденіямъ».— Въ этомъ справедливо усматриваютъ шагъ впередъ по пути къ отдѣленію вѣдомства мэра отъ вѣдомства кюрэ. Къ этому слѣдуетъ прибавить и постановленіе объ уничтоженіи монополіи похоронъ, которая до сихъ поръ предоставлялась церковнымъ мастерскимъ. Постановленіе это было вотировано 346 голосами противъ 102, 12-го ноября, вопреки протестамъ монсиньора Фреппеля, повторявшаго знаменитую фразу Мирабо: «Клянусь не повиноваться вашему закону»! — 22-го числа, во время обсужденія церковнаго бюджета, повторился ежегодный споръ о полномъ отдѣленіи церкви отъ государства. Флокэ, Лакруа и Клемансо попрежнему стояли за это отдѣленіе; министръ президентъ выразилъ готовность основательно заняться этимъ вопросомъ, какъ только досугъ позволитъ это парламенту, то есть въ началѣ очередной сессіи 1884 года. Поль Беръ поспѣшилъ поддержать министра, когда пришлось возражать на предложенія Жюля Роша, относительно низведенія жалованья духовенству до цифры 1802 года. Онъ повторилъ, что отдѣленіе церкви отъ государства есть цѣль и, что къ этой цѣли нужно стремиться съ возможною быстротою, но и съ необходимымъ благоразуміемъ, требуемымъ въ виду недостаточнаго просвѣщенія всѣхъ слоевъ населенія и возможности для духовенства воспользоваться собственною свободою въ ущербъ національнымъ вольностямъ. Однимъ словомъ, онъ высказалъ, что коль скоро конкордатъ продолжаетъ существовать, необходимо сохранить за признанными вѣроисповѣданіями и содержаніе, требуемое правительствомъ и даруемое бюджетною комиссіей, оставляя во всей силѣ прошлогоднее рѣшеніе о лишеніи жалованья тѣхъ духовныхъ, которые нарушаютъ обязанности свои по отношенію къ республикѣ, на службѣ которой состоятъ. Затѣмъ, 357-ю голосами противъ 148 первая статья церковнаго бюджета была принята палатою.

Возвращаясь къ муниципальному закону, заключающему много частныхъ улучшеній, имѣющихъ цѣлью ускорить административное воспитаніе мелкихъ сельскихъ общинъ, мы не можемъ пройти молчаніемъ преній, имъ вызванныхъ.

Преемникъ Гамбетты въ Бельвиллѣ, натурализованный полякъ

Digitized by Google

Сигизмундъ Лакруа представилъ, въ видѣ смягченнаго предложенія, пресловутый, такъ называемый, автономистскій планъ, выказавъ, на этотъ разъ, необычайную умѣренность и такую же строгую послѣдовательность, какою отличается Клемансо. Ему возражалъ позитивистъ Дюбостъ (авторъ «Politique de Danton») отъ имени комиссіи. Принятіе къ свѣдѣнію было отвергнуто 385 голосами противъ 104. Бывшій редакторъ «Siècle», Анатоль де-ла-Форжъ, развилъ предложеніе о примѣненіи 73-й статьи общаго закона и къ столицѣ, то есть о предоставленіи Парижу права выбирать себѣ мэра, подобно тому, какъ выбираетъ его мелкая община. Вальдек-Руссо самолично взялъ на себя трудъ опровергать его извѣстнымъ аргументомъ, что Парижъ принадлежитъ цѣлой Франціи, его общинные интересы неразрывно связаны съ общими интересами страны и дозволять Парижу управлять собою на подобіе того, какъ управляется какое-нибудь село, значило бы посягать на національное единство. Шарль Флокэ (бывшій сенскій префектъ) горячо отстаивалъ парижскую мэрію. Сверхъ того, одинъ изъ самыхъ близкихъ Гамбеттѣ людей, Стюллеръ, въ свою очередь, заявилъ, что при надлежащемъ регулированіи власти столичнаго мэра, весьма возможно выказать довѣріе парижскому населенію, ни въ чемъ не компрометируя національнаго единства и не вступая въ союзъ съ тѣми, кто намѣревается сдѣлать изъ парижской коммуны государство въ государствѣ. Вслѣдствіе крайне энергическихъ настояній молодого министра внутреннихъ дѣлъ, не смущавшагося, повидимому, тѣмъ, что ему приходится бороться съ друзьями, предложеніе де-ла-Форжа было отклонено 277 голосами противъ 201. Но министерство не посмѣло воспользоваться своею побѣдою, чтобы попытаться заставить принять измѣненіе способа избранія парижскаго муниципальнаго совѣта. Проэктъ дѣленія на секціи для назначенія совѣтниковъ, ведущій свое начало отъ покойнаго Герольда, сенскаго президента, еще разъ былъ отложенъ. Въ будущемъ январѣ, по прежнему будетъ производиться возобновленіе состава совѣта по кварталамъ и съ каждымъ разомъ оно будетъ все болѣе и болѣе автономистскимъ и анти-правительственнымъ. На сколько же оно будетъ компетентнымъ въ дѣлѣ громадныхъ и сложныхъ потребностей и интересовъ города Парижа, это уже другой вопросъ. Поистинѣ непонятно, почему упорствуютъ въ изъятіи столицы изъ общаго права. Казалось бы, чего проще сдѣлать Парижъ департаментомъ, а округа его общинами; рано или поздно оно такъ и будетъ, потому что это единственное средство не оставлять Парижъ внѣ общаго права, что справедливо оскорбляетъ парижанъ, а съ другой стороны, положитъ предѣлъ требованіямъ революціонной коммуны, посредствомъ установленія дѣйствительной департаментской и общинной свободы. А пока, бывшій ронскій префектъ Устри, быстро изнемогшій въ борьбѣ съ муниципальнымъ совѣтомъ, замѣненъ былъ префектомъ департамента

Digitized by Google

Устья Роны, Пубелемъ, которому также, по всей вѣроятности, не посчастливится. Во избѣжаніе непрерывныхъ столкновеній совѣтниковъ съ префектомъ полиціи, сохранили Камескаса и представили палатамъ проэктъ закона, по которому функціи полицейской префектуры, должны быть раздѣлены на два отдѣла: на гигіеническій, административно-надзирательный, связанный съ сенскою префектурою, и другой, собственно полицейскій (исправительной, уголовной и политической полиціи), имѣющій быть присоединеннымъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Вопросъ о несовмѣстимости должностей съ парламентскою дѣятельностью давно стоитъ на очереди у французской демократіи. Несовмѣстимость депутатскаго полномочія, со всѣми оплачиваемыми государствомъ должностями, была освящена общимъ закономъ о выборахъ всеобщею подачею голосовъ. Но этого не было сдѣлано по отношенію къ сенаторамъ, извѣстное число которыхъ, кромѣ скромной цифры 9,000 франковъ сенаторскаго содержанія, получаютъ значительныя суммы отъ занятія высшихъ военныхъ, судебныхъ и иныхъ должностей. Между тѣмъ, какъ палата обсуждала радикальное предложеніе по этому поводу, исходившее отъ бывшаго изгнанника Рокъ де-Фаллоля, министръ юстиціи, Мартенъ Фенье, внесъ проэктъ, значительно смягчившій какъ предложеніе, такъ и заключенія, къ которымъ уже пришла комиссія. Крайняя лѣвая, при поддержкѣ правой и даже нѣкоторыхъ министерскихъ республиканцевъ, успѣла помѣшать тому, чтобы разсмотрѣніе проэкта снова было отложено до будущаго года. Рѣшено было прервать пренія о бюджетѣ и посвятить засѣданіе 24-го числа вопросу о несовмѣстимости должностей. Боясь отклоненія правительственнаго проэкта и принятія предложенія Рока де-Фаллоля, докладчикомъ котораго былъ самъ авторъ, депутатъ Лельевръ, принадлежащій одновременно къ двумъ группамъ, къ республиканскому союзу и въ радикальной лѣвой, поспѣшилъ внести контръ-проэктъ, могущій послужить почвою примиренія для республиканскаго большинства. Весьма запутанными преніями былъ прежде всего устраненъ вопросъ о совмѣстимости должностей вообще, то есть для всѣхъ, кромѣ сенаторовъ и депутатовъ. Затѣмъ, по признаніи неотложности, были приняты съ небольшими измѣненіями статьи контръ-проэкта Лельевра, имѣющаго много шансовъ на утвержденіе и въ сенатѣ, такъ какъ тамъ подготовляется совершенно подобный, и къ тому же при ратификаціи конвенцій съ желѣзнодорожными обществами прошла и слѣдующая статья: «Каждый депутатъ или сенаторъ, который, во время дѣйствія полномочія своего, приметъ должность администратора въ желѣзнодорожномъ обществѣ, тѣмъ самымъ будетъ считаться вышедшимъ въ отставку и подлежащимъ переизбранію». Законъ же, принятый въ палатѣ, признаетъ, въ принципѣ, что «отправленіе общественныхъ должностей, оплачиваемыхъ государственною казною или такихъ, на которыя назначаетъ правительство, несовмѣстимо съ званіемъ сенатора

Digitized by Google

или депутата». Слѣдовательно, каждое выбранное должностное лицо должно быть замѣщено, если въ теченіи 8 дней, слѣдующихъ за провѣркою полномочія, оно не заявитъ о своемъ отказѣ отъ сенаторскаго и депутатскаго полномочія; священнослужители, епископы, кюрэ и пасторы, не подавшіе въ отставку въ означенный срокъ, будутъ объявлены лишившимися своего полномочія. Исключеніе составляютъ только министры или младшіе статсъ-секретари, профессора и посланники, которые при этомъ должны изъ двухъ [illegible] получать одинъ, а именно высшій. Занимающимъ [illegible] несовмѣстимыя должности депутатамъ и сенаторамъ дается двухмѣсячный срокъ для выбора которой нибудь изъ нихъ. Статьи 7-я и 8-я положатъ на будущее время предѣлъ нѣкоторымъ скандаламъ, свойственнымъ злоупотребленію вліяніями, часто [illegible]ируемыми во всѣхъ парламентахъ. Всякій сенаторъ и депутатъ, принявшій мѣсто въ какомъ либо обществѣ или предпріятіи, получающемъ субсидію отъ правительства или занимающемся поставками на него, долженъ почитаться отказавшимся отъ своего полномочія и для полученія его долженъ явиться вновь предъ избирателями. Всякій депутатъ или сенаторъ, завѣдомо входящій въ составъ правленій промышленныхъ, торговыхъ и финансовыхъ предпріятій, обращающихся къ общественному кредиту посредствомъ выпуска движимыхъ цѣнностей, будетъ объявленъ лишившимся полномочія тѣмъ обществомъ, въ составъ котораго входитъ.

Кромѣ этого «очистительнаго закона» палата приняла еще другой, а именно: законъ о нездоровыхъ помѣщеніяхъ; она окончила также законъ, могущій, по улучшеніи нѣкоторыхъ частей его сенатомъ, послужить къ значительному развитію обществъ взаимнаго вспомоществованія, пенсіонныхъ и другихъ, въ видахъ возможнаго обезпеченія на случай несчастій, болѣзни и старости, посредствомъ капитализаціи мелкихъ взносовъ.

II.

Монархическія дѣла.—Внѣшняя политика.—Вопросъ о принцахъ и устраненіе этого вопроса изъ парламента.—Покушеніе на жизнь президента совѣта.—Бездѣйствіе принцевъ и ироническое отношеніе къ нимъ правительства.—Роялистская брошюрка.—Неудача, постигшая реформистскій комитетъ Герве.—Письмо принца Виктора.—Характерныя избирательныя неудачи Вельша и Порталиса.—Обмѣнъ привѣтствій между президентомъ республики и новымъ испанскимъ посланникомъ, во время путешествія кронпринца.—Патріотическое письмо Эмиля Оливье.—Требованіе новаго ассигнованія для тонкинской экспедиціи.—Комиссія Рибо.—Отсрочка правительственныхъ разъясненій.

Ноябрь мѣсяцъ прошелъ, а вопросъ о принцахъ, который такъ шумно обѣщали поднять въ началѣ сессіи, по поводу выхода въ отставку генерала Тибодена, не вызвалъ новой бури на трибунѣ палаты депутатовъ. Самая агитація въ пользу бывшаго военнаго

Digitized by Google

министра довольно скоро улеглась, а подписка на почетную шпагу прекратилась. Вмѣсто кандидатуры Тибодена была выставлена кандидатура его секретаря, молодого капитана Можана, котораго новый военный министръ Кампенонъ посылалъ въ Африку и который, негодуя на такого рода изгнаніе, вышелъ изъ военной службы. Однако Можанъ не имѣлъ успѣха: избиратели предпочли ему Галтье, бывшаго дубскаго префекта, противопоставленнаго экономисту Леруа Болье, принадлежащему къ лѣвому центру и поддерживаемому реакціонерами. Этимъ и закончилась агитація въ пользу Тибодена и противъ Ферри.

Агитація принимала, однако, такой острый характеръ, что одинъ, очень молодой человѣкъ, пекарь Кюрвенъ изъ Лилля, явился въ Парижъ со спеціальною цѣлью убить министра-президента. 16-го числа онъ пытался проникнуть въ квартиру Ферри, при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Ферри не было дома. Молодой человѣкъ подрался съ приставами, даже грозилъ имъ револьверомъ и былъ отведенъ въ сосѣдній полицейскій постъ, причемъ кричалъ: «да здравствуетъ соціальная республика! Да здравствуетъ коммуна!» Онъ нисколько не скрывалъ своего намѣренія убить главу правительства. Слѣдствіе показало, что Кюрвенъ дѣйствовалъ вполнѣ изолированно. Печать, даже въ лицѣ самыхъ крайнихъ органовъ, высказалась противъ покушенія и доказывала, что анархическіе комитеты не имѣютъ ничего общаго съ этою выходкою. Заговора никакого не существуетъ, Кюрвенъ ограничился однимъ покушеніемъ, и правосудіе находится въ большомъ затрудненіи, къ какой категоріи причислить поступокъ Кюрвена, чтобы путемъ ассизнаго суда дать предостереженіе тѣмъ юношамъ, которые слишкомъ увлекаются громкими фразами ораторовъ на публичныхъ собраніяхъ.

Бывшій президентъ радикальной лѣвой, Гатино, не внесъ своего предложенія о возстановленіи закона 11-го апрѣля 1832 г. о Бурбонахъ старшей вѣтви противъ Орлеановъ. Наслѣдники Шамбора этимъ не воспользовались. Они нашли достаточною угрозу, формулированную министромъ Вальдекомъ-Руссо въ рѣчи по случаю открытія статуи Лафайета. Министръ обѣщалъ немедленный декретъ о высылкѣ изъ Франціи, въ случаѣ заявленія какихъ-либо претензій на корону, «осколки которой подѣлилъ между собою французскій народъ». Съ своей стороны и правительство продолжаетъ выказывать непоколебимое терпѣніе, съ явно ироническимъ оттѣнкомъ. Оно отказалось видѣть претендентскій поступокъ въ неловко редактированномъ письмѣ секретаря графа Парижскаго, Огюста Бушэ. Оно справедливо полагаетъ, что ничего не теряетъ и много выигрываетъ, прислушиваясь къ тому обсужденію шансовъ реставраціи, которое ведется династическими газетами различныхъ оттѣнковъ. Замѣтимъ кстати, что даже по мнѣнію этого рода печати реставрація крайне затруднительна.

Въ недавно появившейся брошюрѣ: «Le roi de tous», объясняется, что, «не покидая и не забывая монархическаго прин-

Digitized by Google

ипа, высшимъ и законнымъ представителемъ котораго онъ является во Франціи», графъ Парижскій можетъ и долженъ ждать, ничего не предпринимая, ничего не говоря, ждать, «чтобы Франція сама искала спасенія въ возвращеніи къ монархическому принципу». На это отвѣчали старые легитимисты, сгруппированные вокругъ «Gazette de France». Они выразили все свое презрѣніе и объявили, что не намѣрены биться за тѣхъ, кто не смѣетъ водрузить знамени съ бѣлыми лиліями. Одинъ изъ главныхъ представителей распущенныхъ роялистскихъ комитетовъ, Жозефъ де-Буръ, прекращая содержаніе редактора своей газеты «Nouvelles de Toulouse», заявляетъ, что, по его личному убѣжденію, законными наслѣдниками французскаго престола являются потомки герцога Анжуйскаго, слѣдовательно, престолъ этотъ долженъ принадлежать Донъ-Карлосу Испанскому. Въ парижскомъ «Gaulois» послѣдній секретарь Генриха V, «Морисъ д'Андинье, писалъ 24-го октября, что «никакого заявленія вѣрности онъ не присылалъ изъ Горица графу Парижскому, что это газетная ошибка. «Какъ легитимистъ, замѣчаетъ онъ въ концѣ своего письма:—я имѣю право видѣть въ графѣ Парижскомъ лишь главу Орлеанской вѣтви!» Бывшій сенаторъ Бельказтель открылъ новую серію протестовъ, порицая «противную національному духу теорію о правахъ на французскій престолъ потомковъ герцога Анжуйскаго, нынѣ входящихъ въ составъ испанской и итальянской національностей». Нантская газета «L'Espérance du peuple» подтвердила, что Андинье и дю-Буръ единственные люди изъ всѣхъ приближенныхъ графа Шамбора, которые пожелали сдѣлаться карлистами и отказываются отъ покорности волѣ провидѣнія, превратившей ихъ въ филиппистовъ. Вслѣдъ за тѣмъ старая легитимистская газета перепечатала заявленіе, присланное изъ Фрошдорфа 6-го сентября и въ которомъ графы де-Блакасъ, де-Ренкуръ, Ренэ де-Монти, де-Шавинье и де-Дамасъ Готсфоръ «признаютъ права графа Парижскаго на наслѣдованіе графу Шамбору и безусловно отрицаютъ существованіе документовъ, противныхъ этимъ правамъ». Однако и «Espérance» и «Gazette» и бо́льшая часть чисто легитимистскихъ органовъ, готовыхъ признать права графа Парижскаго, не перестаютъ требовать отъ него «королевскаго слова». «Государь, повторяетъ въ волненіи «Фигаро» устами Сенъ-Жюста:—не говори ничего! потому что если ты заговоришь, мы перестанемъ понимать другъ друга!».

Филиппъ Орлеанскій, повидимому, внимаетъ такому мудрому совѣту, но велитъ печатать, что допускаетъ въ свое уединеніе даже тѣхъ, кто всѣхъ враждебнѣе относился къ его дѣду и, что онъ работаетъ (въ безмолвіи) надъ упраздненіемъ революціи 1850 года. Онъ уже сблизился съ генераломъ Шареттомъ, а теперь мирится съ журналистомъ, который ранѣе всѣхъ объявилъ его невозможнымъ преемникомъ Генриха V, съ Эженомъ Вельо, редакторомъ ультрамонтанскаго «Univers». Злые

Digitized by Google

языки по этому поводу выразили предположеніе, что Вельо перекрасилъ бѣлую воду своей кропильницы въ трехцвѣтную, и орлеанистскій престижъ нисколько не поднялся отъ завербованія подъ знамена Филиппа раззорившагося администратора «Union générale» и другихъ потерпѣвшихъ крушеніе набожныхъ обществъ.

Наиболѣе «политическій» изъ сторонниковъ новаго роялизма, редакторъ-издатель «Soleil», Эдуардъ Гервэ, рѣшился замѣнить распущенные легитимистскіе комитеты сліяніемъ роялистскихъ по орлеанистскому плану, къ осуществленію котораго онъ приступилъ еще до смерти графа Парижскаго, 28-го мая. Комитетъ имѣетъ своимъ центромъ домъ № 8 на rue des Pyramides, въ Парижѣ. Въ заголовкѣ своей газеты, Гервэ торжественно напомнилъ о существованіи упомянутаго комитета, названнаго *реформистскимъ*, и поставилъ на очередь обсужденіе двухъ вопросовъ: объ избирательной реформѣ и о пересмотрѣ конституціи, надъ чѣмъ не замедлила посмѣяться «Gazette de France», заявивъ Гервэ и его вдохновителямъ и покровителямъ, что «всеобщая подача голосовъ стоитъ ниже монархическаго принципа», что признавать законность демократическаго вторженія значитъ отрицать этотъ принципъ, и что подлежитъ подготовленію лишь одна реформа, а именно возстановленіе престола, во что бы то ни стало. Съ другой стороны, «Pays», посмѣиваясь надъ планомъ «бунта въ овчарнѣ», какъ назвала эта газета проэктъ Гервэ, обращается къ нему устами Кассаньяка, который напечаталъ письмо, совѣтуя, прежде всякихъ иныхъ реформъ, позаботиться о преобразованіи самихъ принцевъ, «и вашихъ и нашихъ». «Не находите ли вы, что принцы болѣе нуждаются въ преобразованіи, чѣмъ избирательный законъ и конституція?» ядовито замѣчаетъ онъ.

У бонапартистовъ, враждебныхъ принцу Наполеону, всякую надежду отняло письмо принца Виктора. Этотъ молодой человѣкъ только что окончилъ такъ называемый годовой волонтеріатъ во французской арміи, и достигъ гражданскаго совершеннолѣтія. Давно уже возникла мысль о банкетѣ по этому случаю въ средѣ адвокатовъ бонапартистовъ. Юный принцъ рѣшительно отказался отъ этой чести въ письмѣ, напечатанномъ 26-го, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ слѣдующую, какъ нельзя болѣе ясную фразу: «Въ настоящую минуту мнѣ не предстоитъ выполненія какой бы то ни было политической роли; но я во всякомъ случаѣ желаю высказать вамъ, что меня весьма огорчило бы, еслибы мое имя послужило предлогомъ къ созданію антагонизма между моимъ отцомъ и мною, что равно чуждо и моему сердцу и моему долгу».

Воздержаніе Бонапартовъ, точно также какъ воздержаніе Орлеановъ объясняется непопулярностью, встрѣчаемою повсюду и тѣми, и другими. Такъ, напримѣръ, всѣ силы монархистовъ сгруппировались вокругъ Вельша для назначенія его сенаторомъ

Digitized by Google

въ департ. Мёрты и Мозели, но, несмотря на это, на долю пресловутаго администратора, очистившаго Нанси при видѣ пяти улановъ, выпало не болѣе 237 бюллетеней; республиканскій же соперникъ его, прошелъ 424 голосами. Въ Энскомъ департ. Эдуардъ Портелисъ, сдѣлавшійся редакторомъ вліятельной газеты «Le Petit Lyonnais», напрасно искалъ поддержки даже у депутатовъ крайней лѣвой, чтобы расположить къ себѣ крестьянъ Беллейскаго округа. Воспоминаній о прежнихъ сношеніяхъ его съ принцемъ Наполеономъ, въ тѣ времена, когда онъ боролся противъ правительства Тьера, въ «Vérité» и «Avenir National», оказалось достаточно для того, чтобы провалить его, и въ то время, какъ онъ получилъ 4,500 голосовъ, мѣстный республиканецъ, Жинье, выбранъ былъ депутатомъ 12,600 голосами.

Итакъ, развѣ только національная катастрофа была бы въ состояніи оживить надежды принцевъ, и вотъ почему бонапартисты и роялисты спѣшатъ воспользоваться внѣшними затрудненіями съ цинизмомъ, который только усиливаетъ непопулярность дѣла, которому они служатъ.

Представленіе вѣрительныхъ грамотъ президенту республики новымъ испанскимъ посланникомъ 24-го ноября окончательно изгладило воспоминаніе о свисткахъ близъ Сѣверной станціи. Маршалъ Серрано и Жюль Греви обмѣнялись двумя фразами, которыя вызвали горячее сочувствіе по сю и по ту сторону Пиринеевъ. Посланникъ сказалъ, что «глубоко убѣжденъ въ обоюдной выгодѣ сохраненія дружественныхъ сношеній, связывающихъ обѣ стороны въ теченіи долгихъ лѣтъ, и увѣренъ, что чѣмъ болѣе Испанія и Франція будутъ выражать другъ другу сочувствія и уваженія, тѣмъ успѣшнѣе будутъ развиваться эти дружескія сношенія». Президентъ республики отвѣчалъ: «Единство происхожденія и тождественность національнаго интереса дѣлаютъ изъ Франціи и Испаніи двухъ сестеръ, которыя должны быть связаны вѣчными узами. Будучи сосѣдками, но не питая никакихъ завоевательныхъ стремленій по отношенію другъ къ другу, имъ остается проявлять соревнованіе лишь въ мирной области производства и обмѣна, а такое соревнованіе порождаетъ взаимное уваженіе и дружескія сношенія».

Эта дипломатическая церемонія происходила весьма кстати именно въ ту минуту, какъ всеобщее вниманіе обращено было на поѣздку германскаго наслѣднаго принца въ Испанію. Безъ сомнѣнія было бы слишкомъ оптимистично ничего не предполагать въ осмотрѣ испанской арміи гостемъ почетнаго улана. Но можно надѣяться, что весьма непрочный Альфонсъ XII, по всей вѣроятности, нетолько не пріобрѣтетъ, при помощи сдѣлки съ Бисмаркомъ, какихъ-либо земель, напримѣръ, французскаго Руссильона, части Португаліи, или англійскаго Гибралтара, но, напротивъ, потеряетъ и самую свою корону. Принужденный высадиться въ Валенціи, изъ опасенія быть освистаннымъ въ Барцелонѣ и принятый какъ нельзя болѣе холодно мадридскимъ

Digitized by Google

населеніемъ, германскій кронпринцъ можетъ завѣрить князя Бисмарка, что его анти-французская политика не найдетъ въ Испаніи такихъ послушныхъ орудій, какія нашлись для нея въ Италіи.

Всѣми забытый наполеоновскій министръ Эмиль Оливье напечаталъ недавно письмо, обратившее на себя всеобщее вниманіе, и дѣйствительно замѣчательное. Черныя точки на горизонтѣ заставили «Figaro» вспомнить о прошломъ, именно о томъ зловѣщемъ министерствѣ, которое объявило войну Пруссіи въ 1870 г., во время котораго Оливье воскликнулъ: «Finis Franciae!» Въ письмѣ своемъ онъ напоминаетъ, что Пруссія цѣлымъ рядомъ провокацій заставила Францію объявить войну и во время французской революціи, и во время обѣихъ имперій; онъ высказываетъ предположеніе, что Германія можетъ, послѣ того какъ уже была остановлена однажды Россіей и Англіей въ 1875 г., бросить вызовъ и нынѣшней республикѣ. Упоминая о книгѣ, которую онъ уже давно подготовляетъ къ печати и въ которой говорится о министерской дѣятельности его въ 1870 г., Оливье обѣщаетъ доказать, что роковая война объявлена была, несмотря на его оппозицію, и утверждаетъ, что «еслибы солдаты первой половины этой войны имѣли начальниками тѣхъ, кто командовалъ во второй ея половинѣ, или еслибы начальники второй половины имѣли солдатъ первой, то пруссаки нетолько не взяли бы Парижа, но вернулись бы въ къ берегамъ Шпре. Онъ увѣряетъ, что никогда не произносилъ и не имѣлъ въ мысляхъ пресловутой фразы, приписанной ему клеветою. «Менѣе чѣмъ когда-либо, прибавляетъ онъ: — я вѣрю въ гибель Франціи... Несмотря на бѣдствія, она продолжаетъ стоять во главѣ народовъ, продолжаетъ оставаться благородной, великой, интеллектуальной, либеральной. Нѣтъ, она не погибнетъ, потому что съ нею погибла бы самая цивилизація». Въ концѣ письма онъ подаетъ соотечественникамъ слѣдующій благой совѣтъ: «Будемъ непоколебимо-миролюбивыми, но изъ этого не слѣдуетъ, что надо быть трусами, или впадать въ отчаяніе. Іена заставила забыть о Росбахѣ. Есть небольшое селеніе въ долинахъ Шампаньи, и оно дастъ свое имя побѣдѣ, которая заставитъ забыть о Седанѣ. Но не слѣдуетъ опережать часъ, назначенный провидѣніемъ. Будемъ ждать его. Христосъ простилъ Магдалину, потому что она много возлюбила».

Быть можетъ и французскіе патріоты должны, если не простить «легкое сердце», потому что оно тоже много вознобило, то, по крайней мѣрѣ, признать въ нынѣ высказываемой Оливье глубокой вѣрѣ въ родину нѣкоторое смягчающее обстоятельство.

8-го ноября внесено было въ палату требованіе дополнительнаго ассигнованія въ размѣрѣ 9 милліоновъ на тонкинскую экспедицію. Въ изложеніи мотивовъ приведена была слѣдующая выдержка изъ инструкцій, переданныхъ генеральному комиссару Гармо: «Единственная часть Тонкина, которую мы намѣреваемся

Digitized by Google

занять, есть Шонгъ-Койская дельта; мы не предполагаемъ идти далѣе Бакъ-Нинга и Гунгхока, на Свѣтлой рѣкѣ, исключая, впрочемъ, нѣкоторыхъ береговыхъ пунктовъ, занятіе которыхъ можетъ оказаться необходимымъ».

Далѣе объяснялось, что затрудненія превзошли ожиданія, что пришлось отправить подкрѣпленія первому экспедиціонному корпусу, и что послѣ блестящаго взятія аннамской столицы Гюэ остается овладѣть двумя пунктами, защищающими сѣверную сторону дельты. Общая сложность сухопутныхъ военныхъ силъ Франціи въ Тонкинѣ, по словамъ этого exposé, простирается до 8,650 человѣкъ. Морскія силы въ китайскихъ водахъ состоятъ изъ 32 судовъ съ 4,500 человѣкъ экипажа, на содержаніе которыхъ необходимо прибавить къ 5,300,000 фр., ассигнованныхъ закономъ 28-го мая, еще 9 милліоновъ.

13-го ноября 240 голосами противъ 224 было отвергнуто предложеніе кохинхинскаго депутата Бланкзюбэ о передачѣ требованія новаго кредита на разсмотрѣніе большой комиссіи, составленной изъ двойного противъ обыкновеннаго числа членовъ. 15-го, бюро выбрали, какъ и всегда, своихъ 15 комиссаровъ. Любопытнымъ эпизодомъ этого выбора было заявленіе Поля Бера, который нашелъ, что «очередной порядокъ, въ настоящую минуту, ведетъ далѣе, чѣмъ онъ предполагалъ». Рибо критиковалъ способъ, которымъ велось дѣло и сожалѣлъ, что не возобновили переговоровъ, которые не слѣдовало бы прерывать; онъ высказался въ пользу даже болѣе значительнаго ассигнованія, чѣмъ то, которое требовалось, чтобы имѣть возможность однимъ энергичнымъ ударомъ положить конецъ экспедиціи, которая, если затянется, можетъ навлечь большія затрудненія. Выбранный 9-мъ бюро, Рибо назначенъ былъ президентомъ комиссіи, а Годефруа Кавеньякъ — секретаремъ. Отъ 16 го до 26 го на многочисленныхъ и долгихъ засѣданіяхъ, державшихся въ возможной тайнѣ, выслушаны были министры и тщательно изучены документы, доставленные безъ ограниченій. Отчетъ генерала Буэ, какъ извѣстно, отозваннаго во Францію, удовлетворилъ комиссію, но она пожелала выслушать и бывшаго посланника при пекинскомъ дворѣ, Бурэ, непринятая сдѣлка котораго подала поводъ къ столькимъ ложнымъ слухамъ и обвиненіямъ.

Между тѣмъ, маркизъ Тзэнгъ продолжалъ давать аудіенціи, не отказывая въ нихъ даже «Intransigeant», а изъ англійскихъ и американскихъ газетъ узнавали о возрастающемъ воинственномъ настроеніи Китая. Въ нотѣ или меморандумѣ китайскаго посланника, сообщенной различнымъ державамъ, оказалась угрожающая фраза, не находящаяся въ текстѣ, врученномъ французскому правительству. То, что казалось темнымъ въ этой фразѣ, разъяснено императорскимъ декретомъ вице-королю нанкинскому, напечатаннымъ въ «Standard», и въ которомъ говорится, что Бакъ-Нингъ представляетъ собою одинъ изъ портовъ

Digitized by Google

Небесной Имперіи, и что если французы осмѣлятся подойти къ этому городу, Китай немедленно пошлетъ къ нимъ навстрѣчу большую армію. Въ телеграммѣ, сообщенной въ «New-Iork Herald», цитадель Гаи-Дзуонгъ, занятая 150 французскими солдатами, и маленькая кононерка «Carabine» подверглись нападенію и спаслись только благодаря тому, что подоспѣла на помощь кононерка «Lynx». Нападеніе было отражено, но кто были нападающіе? «Черные Флаги», или же авангардъ «великой арміи», которую сулитъ намъ Китай? Быть можетъ, китайцы держатся опасной для европейцевъ тактики, завѣщанной имъ англійскимъ полковникомъ Гордономъ, усмирявшимъ мятежъ тайпунговъ? Не имѣется ли въ рядахъ ихъ европейскихъ офицеровъ, ищущихъ приключеній или отправленныхъ съ военными миссіями, а съ другой стороны, не заинтересованы ли въ бомбардировкѣ французами китайскихъ портовъ (необходимой для успѣшнаго дѣйствія въ Тонкинѣ) тѣ державы, у которыхъ всего болѣе торговыхъ сношеній съ крайнею Азіею, то есть Англія, Америка, Германія?

Эти и многіе другіе вопросы волновали тѣмъ болѣе, что съ 17-го числа не получалось никакихъ извѣстій объ операціяхъ адмирала Курбэ. Дѣловой міръ встревожился, и на биржѣ замѣчались значительныя пониженія. Въ самой средѣ тонкинской комиссіи, Ривьеръ (депутатъ радикальной лѣвой) и де Дувиль Мальерѣ стали даже требовать немедленнаго прекращенія тонкинской экспедиціи. Клемансо взошелъ на трибуну 29-го, чтобы объявить, что правительство отказало ему въ запросѣ. Ферри отвѣчалъ, что необходимо подождать докладъ Леона Рено о кредитѣ и раздачи Желтой Книги, которая уже оканчивается печатаніемъ. Обѣщавъ депутатамъ самыя обстоятельныя и откровенныя разъясненія, Ферри старался успокоить ихъ по поводу отсутствія телеграфныхъ извѣстій, также и переговоровъ, которые не должны считаться прерванными, несмотря на китайскій меморандумъ. Рибо старался оправдать комиссію, на которую Клемансо возложилъ отвѣтственность за войну съ Китаемъ со всѣми ея бѣдственными послѣдствіями, въ силу ея молчанія и выжидающаго способа дѣйствій.

Большинствомъ 308 голосовъ противъ 195, рѣшено было отложить обсужденіе запроса до доклада Рено. Еще наканунѣ депутаты были сильно смущены слухами о томъ, что французскія войска окружены въ дельтѣ Красной Рѣки и могутъ подвергнуться участи англо-египетской арміи. Ихъ успокоили увѣренія министра, утверждавшаго, что адмиралъ Курбэ не покидалъ своихъ позицій, въ ожиданіи подкрѣпленій, и что ведутся переговоры, имѣющіе цѣлью миролюбивую сдѣлку съ Китаемъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ державъ, и въ особенности Англіи.

Сильное впечатлѣніе произвели заключительныя слова Ферри:

«Если парламентскій режимъ налагаетъ на правительство обязательство сообщать, по первому требованію члена палаты, да-

Digitized by Google

ломатическіе документы текущихъ переговоровъ, то парламентскому режиму придется отказаться отъ всякой дипломатіи и отъ какой бы то ни было внѣшней политики».

Дѣйствительно, этотъ режимъ при демократіи, вооруженной всеобщею подачею голосовъ, еще болѣе, чѣмъ при конституціонной монархіи, питаетъ антипатію къ дальнѣйшимъ экспедиціямъ, къ внѣшней политикѣ, руководимой правителями, безъ согласія народовъ, но именно потому-то и отличается такой режимъ миролюбіемъ, и если онъ дѣлаетъ наступленіе почти невозможнымъ, за то обезпечиваетъ за обороною непроницаемую прочность.

III.

Разныя извѣстія.—Театры.—Открытіе памятника Александру Дюма.—Поэтъ Экаръ и его «Lamartine» въ залѣ французской академіи. — Возобновленіе Скрибовской комедіи «Bertrand et Raton» въ театрѣ «Французской Комедіи».—«Северо Торелли» Франсуа Коппе на сценѣ «Одеона».—Итальянская опера.—Новая оперетка въ «Folies dramatiques»: «François les bas-bleus». — Прощальный спектакль m-lle Фаргейль. — Возвращеніе Терезы и ея превращеніе.

Въ воскресенье 6-го ноября, не безъ нѣкоторой торжественности, открытъ былъ памятникъ Александру Дюма, за паркомъ Монсо, въ самомъ центрѣ новаго квартала Мальзербъ. Статуя Дюма—послѣднее произведеніе оригинальнаго рисовальщика, сдѣлавшагося затѣмъ живописцемъ и, наконецъ, скульпторомъ Густава Дорэ. Въ день открытія памятника, Дюма сынъ не забылъ отправиться съ вѣнкомъ на Монмартрское кладбище, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ похоронили Дорэ. Если памятникъ знаменитаго романиста не можетъ назваться граціознымъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ сюжету. Каждый узнаетъ неисчерпаемаго разсказчика, бодро приступающаго къ тысяча первому тому, оставшемуся неоконченнымъ по случаю смерти.

У его ногъ зачитываются его книгами: студентъ, рабочій и молодая женщина. Сзади, на цоколѣ, мускетеръ д'Артаньянъ стоитъ на часахъ у своего незабвеннаго творца. Дюма исчезъ изъ литературнаго міра во время войны 1870—1871 года и смерть его прошла незамѣченною. Только въ 1880 году открыта была подписка на его памятникъ, но шла она вяло, и еслибы не даровой трудъ скульптора, собранныхъ денегъ оказалось бы слишкомъ мало. На торжество открытія правительство прислало управляющаго министерствомъ изящныхъ искуствъ Кемпфена. Было произнесено нѣсколько рѣчей; Камиль Дусэ говорилъ отъ общества драматическихъ писателей, бывшій директоръ оперы Галупье—отъ драматическихъ и даже лирическихъ артистовъ; Эдмонъ Абу—отъ романистовъ; Кларети—отъ хроникёровъ, Лёвенъ — отъ многочисленныхъ сотрудниковъ, изъ которыхъ бо́льшая часть обогатилась и пріоб-

Digitized by Google

рѣла славу, благодаря знаменитому литературному предпринимателю. Само собою разумѣется, что все, что̀ говорилось, не выходило изъ рамокъ панегирики, и никто не вдался въ разсужденіе о томъ, почему, при такомъ громадномъ дарованіи, Дюма не занялъ ни при жизни, ни для потомства, мѣста, равнаго тому, которое завоевали себѣ въ области романа и драмы его сверстники, Бальзакъ и Викторъ Гюго.

Торжество въ честь Дюма началось пѣніемъ жирондистскаго гимна: «Mourir pour la patrie» (онъ поется въ извѣстномъ романѣ «Chevalier de Maison Rouge»; при звукахъ его народъ строилъ баррикады въ 1848 г.) и окончилось не входившею въ программу рѣчью рабочаго, который пожелалъ почтить отъ имени своего класса истиннаго творца романа-фельетона и народнаго театра. Эта рѣчь по искренности чувства имѣла болѣе успѣха, чѣмъ всѣ остальныя вылощенныя и не довольно хорошо произнесенныя ораторскія упражненія.

На многихъ парижскихъ театрахъ давались въ предшествовавшую и послѣдующую за открытіемъ памятника недѣлю пьесы Дюма. «Gaîté» поставилъ въ одинъ и тотъ же спектакль отрывки изъ «*La Tour de Nesle*», «*Monte-Christo*» и «*Henri III*». «Одеонъ» возобновилъ «*Charles VII chez ses grands vassaux*». Въ «Porte Saint-Martin» Сарра Бернаръ прочитала стансы Ришпена о великомъ романистѣ. Наконецъ, «Театръ Французской Комедіи» воспользовался случаемъ, чтобы дать «Mademoiselle de Belle-Isle», съ Жанною Брэндо, перешедшей изъ театра «Гимназіи». Сверхъ того, Делонэ прочиталъ приличное случаю стихотвореніе Жана Экара.

Экаръ — авторъ весьма хорошаго перевода шекспировскаго «Отелло» и прелестной провансальской идилліи «Міэтта и Норэ». На его долю выпала недавно честь прочитать на годичномъ публичномъ собраніи французской академіи удостоившееся признанія этой разборчивой цѣнительницы поэтическое произведеніе «Lamartine», присланное на конкурсъ. Кромѣ того, отличены были еще три сочиненія на ту же тэму: Леона Барракo, Маріэля Барро и Раймунда де-Борелли. «Безсмертные» пожелали спасти отъ забвенія величайшаго поэта нашего вѣка, послѣ Виктора Гюго и Альфреда Мюссэ. Статуя Ламартина, по всей вѣроятности, украситъ собою одну изъ новыхъ парижскихъ площадей, но еще ранѣе будетъ оказана эта честь автору «Человѣческой Комедіи», такъ какъ подписка на его памятникъ открыта была ранѣе, чѣмъ академія начала воскрешать Ламартина.

Скрибу никто, конечно, не собирается ставить статуи, но «Театръ Французской Комедіи» нашелъ возможнымъ поставить его, написанную еще въ 1833 году, комедію «Bertrand et Raton». По слогу и идеямъ, эта вещь сильно устарѣла, но въ ней столько движенія, что до сихъ поръ она смотрится не безъ удовольствія. Къ тому же она превосходно исполняется г-жами Полиной Гранжэ, Бартэ и Лойдъ, и гг. Тирономъ и Баррэ.

Digitized by Google

«Одеонъ», послѣ ста представленій «Формозы» Вакери, и въ ожиданіи перваго представленія «Кромвелля» Виктора Гюго, далъ «*Severa Torelli*» поэта Франсуа Коппэ. На сценѣ того же театра, въ 1869 году, поставленъ былъ его «Le Passant», въ которомъ дебютировала въ первый разъ Сарра Бернаръ и такъ хороша была Агаръ. Съ тѣхъ поръ онъ написалъ цѣлый рядъ пьесъ: «*Fais ce que dois*» (патріотическая одноактная вещь), «*Le Rendez-Vous*», «*Le Petit Marquis*», «*Le Trésor*» и, два года тому назадъ, первую большую пьесу «*Madame de Maintenon*», не имѣвшую, впрочемъ, полнаго успѣха. На этотъ разъ успѣхъ былъ большой, даже, можно сказать, преувеличенный. «Severo Torelli» уступаетъ по концепціи пьесѣ Викторьена Сарду «La Haine», но по формамъ давно уже не появлялось ничего настолько законченнаго, исключая, впрочемъ, «Формозу».

Дѣйствіе происходитъ въ Пизѣ, въ концѣ XV-го столѣтія. Уже двадцать лѣтъ, какъ флорентійская синьорія допускаетъ притѣсненіе этого города кондотьера Барнабо Спинолою. Патріоты, побѣжденные тираномъ, частію умерли, частію исчезли или принуждены молчать, подобно вождю своему, помилованному Торелли. Но ненависть къ притѣснителю не умерла въ сердцахъ дѣтей, и Севэро Торелли дѣлается самымъ пламеннымъ изъ новыхъ заговорщиковъ. Минута удобна для мщенія. Король французскій Карлъ VIII только-что призванъ въ Италію герцогомъ Миланскимъ и папою. На порогѣ храма они заставляютъ монаха держать св. Дары и клянутся ими спасти родину. Честь нанесенія перваго удара тирану выпадаетъ на долю Северо Торелли, который съ гордостью идетъ объявить согражданамъ, что будетъ ихъ мстителемъ и освободителемъ Пизы.

Но, къ удивленія своему, онъ замѣчаетъ, что какъ только заходитъ рѣчь объ убійствѣ Спинолы, его собственная мать блѣднѣетъ. Она отводитъ его въ сторону и говоритъ:

... Нѣтъ, никогда! О только не это! Это слишкомъ... Торелли не былъ твоимъ отцомъ... О, это признаніе тяжелѣе смерти... Отецъ твой Спинола, пизанскій правитель.

— Онъ!

— Побѣди отвращеніе, ненависть, презрѣніе. Ты не знаешь всего, ты не понялъ. Ужасъ заставляетъ нѣмѣть языкъ мой... Помнишь... то помилованіе... необъяснимое... Тебя ждалъ эшафотъ... Ты, одинъ ты избѣжалъ гибели... О, ты ломаешь себѣ руки! Ты понялъ меня, да, не такъ ли?»

Но онъ остается непоколебимымъ. Признаніе матери воспламеняетъ его еще болѣе. Лучше быть отцеубійцей, чѣмъ клятвопреступникомъ и вѣроломцемъ. Онъ убьетъ отца. Плодъ насилія отомститъ однимъ ударомъ и за опозоренную мать, и за униженную родину!

Уже слышится глухой ропотъ мятежа. На стѣнахъ городскихъ зданій читаютъ афиши съ угрозами смертью Спинолѣ. Губернаторъ объявляетъ, что казнитъ десять человѣкъ, если авторъ прокла-

Digitized by Google

маціи не назоветъ себя. Северо пользуется этимъ случаемъ пожертвовать собою, не становясь ни отцеубійцей, ни вѣроломцемъ. Но тиранъ прощаетъ его, восклицая:

— Я спасаю тебя... Не спрашивай, почему... Мнѣ стоитъ сказать одно слово — и ты, и всѣ твои, ты понимаешь, отецъ твой, этотъ образецъ гражданина, мать, которую ты любишь, еще болѣе... Одно слово—и я васъ обезчещу.

Северо остается связаннымъ клятвою, и товарищи напоминаютъ ему о томъ. Онъ выполнитъ ее, а пока весенняя ночь опьяняетъ его своимъ дыханіемъ. Женщины открываютъ ему свои объятія. Одна изъ нихъ особенно привлекаетъ его; онъ приподнимаетъ покрывало и узнаетъ въ красавицѣ Порцію, любовницу Спиноль. О, несправедливость судьбы, и здѣсь ему грозитъ преступленіе!

4 е дѣйствіе объясняетъ намъ, какимъ образомъ Спинола долженъ отправиться въ соборъ для молитвы и какъ проникаетъ туда Северо, вооруженный кинжаломъ, на рукояткѣ котораго изображенъ Брутъ, убійца Цезаря.

Северо начинаетъ съ того, что умоляетъ отца избавить его отъ отцеубійства, вручивъ ему ключи цитадели, и предлагаетъ ему бѣжать. Спинола не соглашается. Северо поднимаетъ кинжалъ. Но другое лезвіе пронзаетъ грудь губернатора, и вмѣстѣ съ нимъ падаетъ лишающая себя жизни мать Торелли. Умирая, она заявляетъ послѣднюю свою волю сыну: «Молчаніе!»

Всѣ сильныя сцены, которыхъ много, какъ видно изъ этого блѣднаго очерка, проведены прекрасно. Альберъ Ламберъ (сынъ актера Ламбера) и Рафаель Дюфло великолѣпны въ роляхъ Северо и Спинолы. Братъ Мунэ-Сюлли, Поль Мунэ играетъ Торелли-отца, а г-жа Тиссандье—мать. Даже небольшая роль куртизанки Порціи вышла граціозной, благодаря Барэти. Нечего и говорить, что директоръ Руна не поскупился на декораціи и костюмы.

Возродившаяся въ Парижѣ итальянская опера нашла себѣ пріютъ въ бывшемъ театрѣ «Des Nations». Этотъ театръ носилъ ранѣе названіе «Théatre lirique», былъ сожженъ во время коммуны и перестроенъ парижскимъ муниципалитетомъ съ большею роскошью и удобствомъ. Предприниматели Морель (пѣвецъ), Корти и К° открыли итальянскіе спектакли торжественнымъ даровымъ представленіемъ, съ особыми приглашеніями. Президентъ республики и царь поэтовъ Викторъ Гюго почли долгомъ явиться. Давали «Simon Boccanegra» Верди, такъ какъ это единственная опера этого композитора, оставшаяся неизвѣстною парижанамъ. «Boccanegra» принадлежитъ къ менѣе удачнымъ произведеніямъ шумнаго маэстро. Въ Италіи, гдѣ опера поставлена была въ первый разъ еще въ 1856 г., ей пришлось потерпѣть даже полное фіаско, послѣ чего она была урѣзана и нѣсколько передѣлана. Однако, успѣха и теперь не было, да и вообще не ожидаютъ успѣха для новыхъ «итальянцевъ». Уже одно то, что они доступны исключительно той публикѣ, которая

Digitized by Google

пріѣзжаетъ въ собственныхъ экипажахъ, съуживаетъ ихъ сферу. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще и то, что публика эта требуетъ, чтобы ей давали постоянно новое и удивительное, а такихъ чудесъ не предвидится въ большомъ изобиліи. «Boccanegra» никто, кажется, не стремится «слушать вторично». Что касается исполненія, то новыя «звѣзды» артистическаго небосклона не заставили забыть старыхъ, померкшихъ, но о которыхъ продолжаютъ вздыхать старые меломаны. Или, можетъ быть, новые цѣнители утратили способность восторгаться?..

Отъ серьёзной оперы позвольте обратиться къ опереткѣ, тѣмъ болѣе, что появилась новинка, о которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Это «*François les bas bleus*». Живая, граціозная музыка, изящество шутливаго элемента, положительно, ставятъ эту вещицу на одинъ уровень съ «Дочерью мадамъ Анго» и «Дочерью тамбуръ-мажора». «Франсуа синіе чулки» во многомъ напоминаетъ эти излюбленныя оперетки. Сверхъ того, сюжетъ имѣетъ патріотически революціонный оттѣнокъ, который, не задѣвая публику ложъ, въ высшей степени льститъ самолюбію партера и райка. Поль Мёрисъ, поэтъ-драматургъ, которому поручается ставить пьесы учителя и друга его Виктора Гюго, лѣтъ 15—20 тому назадъ написалъ вещь, носящую тоже заглавіе. Его Франсуа является легендарнымъ героемъ одной старинной пѣсни. Онъ живетъ въ XVII мъ столѣтіи. Это солдатъ, въ которомъ сливаются героическій и комическій элементы и который запутываетъ и распутываетъ самыя трагическія любовныя и политическія событія своего времени. Новый Франсуа — правнукъ прежняго. Мы видимъ его въ 1789 г. Онъ écrivain public, то есть публичный писецъ и поэтъ, влюбленный въ пѣвицу изъ carrau des Halles, которая не можетъ не носить типическаго имени Fanchon. Нѣкій маркизъ де Понкорнэ поручаетъ ему исправить нѣсколько роялистскихъ куплетовъ, произведенныхъ на свѣтъ его неопытною музою; онъ передѣлываетъ ихъ въ сатиру и поетъ, вслѣдствіе чего народъ несетъ его съ торжествомъ, а начальство сажаетъ въ полицію. Въ довершеніе несчастія Понкорнэ узнаетъ въ Фаншонѣ свою дочь, похищенную у него ребёнкомъ, и беретъ ее къ себѣ въ роскошный отель, гдѣ она дѣлается недоступною для Франсуа синіе чулки. Къ счастію, берутъ Бастилію; побѣдители водворяютъ Франсуа въ Hôtel de Ville'ѣ, и весь старый міръ перевернутъ вверхъ дномъ. Бывшій маркизъ принужденъ возить по улицамъ бочёнокъ съ какимъ-то простонароднымъ напиткомъ, но въ немъ узнаютъ аристократа, и его постигла бы смерть на ближайшемъ фонарѣ, еслибы не подоспѣлъ во-время Франсуа: «Къ чему же вы арестуете моего тестя?» говоритъ онъ врагамъ аристократовъ. Понкорнэ не возражаетъ, и Фаншонъ выходитъ замужъ за бывшаго писца, уже офицера національной гвардіи, а можетъ быть скоро и генерала въ республиканской арміи. Главная роль исполняется баритономъ Бувэ (baryton doux), успѣхъ котораго на малень-

Digitized by Google

кихъ сценахъ можетъ считаться обезпеченнымъ. Жанна Андрэ съ неподражаемою тонкостью передаетъ роль Фаншоны. Старый Монружъ очень хорошъ въ роли Понкорнэ.

На сценѣ театра «Vaudeville» съ большимъ блескомъ отпраздновали прощальный спектакль m-lle Фаргейль, которая покидаетъ сцену. Парижъ выразилъ все свое сочувствіе даровитой артисткѣ, создавшей тамъ много ролей: въ «Filles de marbre», «Mariage d'Olympe», «Rédemption», «Les Diables noirs», «Les Lionnes pauvres», «Dalila», «Patrie», «Miss Milton» и друг. Бенефиціантка выступила съ большимъ успѣхомъ въ «Brebis de Panurge». Всѣ выдвигающіеся артисты пожелали принять участіе въ этомъ спектаклѣ. Кокеленъ-старшій игралъ въ одномъ дѣйствіи «Свадьбы Фигаро»; Делонэ прочелъ «La Vie aux champs» Виктора Гюго, а Сарра Бернаръ—сцену сонамбулизма изъ Макбета. Оба Кокелена читали монологи, Форъ, Талазанъ, Ванъ Занэтъ, Фидесъ Девріэсъ и Жюдикъ — пѣли. Гранье вмѣстѣ съ неподражаемыми комиками Добрэ, Леансомъ, Сципіономъ и др. явились въ «Soirée de Choufleuri», гдѣ въ числѣ гостей замѣчали многихъ извѣстныхъ артистовъ и артистокъ.

Заключая свой отчетъ о театрѣ, скажу два слово о знаменитой Терезѣ, которая, проведя нѣсколько лѣтъ вдали отъ сцены, на собственной дачѣ въ Анверѣ, сдѣлалась недавно директрисою Альказара и вмѣстѣ съ тѣмъ его premier sujet. Начавъ, какъ извѣстно, пѣснями гривуазнаго содержанія, эта живучая пѣвица неподражаемо исполняетъ теперь патріотическія народныя пѣсни и умѣетъ съ большимъ тактомъ и вкусомъ выбирать свой репертуаръ. Просто, съ неподдѣльнымъ чувствомъ поетъ она «Le bon gite» Деруледа, музыка для котораго заказана ею капельмейстеру «Альказара» Гюставу Михіэльсу и публика плачетъ каждый разъ, когда дѣло доходитъ до куплета:

Ah, bonne hôtesse, ah, chère vieille,
Pourquoi nous tant gâter, pourquoi?
Et la bonne vieille de dire
Moitié larme, moitié sourire:
«J'ai mon gars soldat comme toi!»[1]

Пѣвица намѣрена включить въ своей репертуаръ пѣсни сборника Дарье, столь извѣстныя въ 1848 году, пѣсни Дюпона и, наконецъ, Беранжэ.

Людовикъ.

Парижъ 1-го декабря 1883 г.

---

[1] О добрая хозяйка, милая старушка, скажи за что ты такъ насъ балуешь? И добрая старушка, улыбаясь сквозь слезы: «Ахъ! у меня, у самой, сынъ такой же молодчикъ, какъ ты — въ солдатахъ.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. Карѣевъ. *Основные вопросы философіи исторіи* Критика историософическихъ идей и опытъ научной теоріи историческаго прогресса. Въ двухъ томахъ. М. 1883.

Читая обширный, хотя еще и не оконченный трактатъ г. Карѣева, мы имѣли много причинъ радоваться.

Ученые по профессіи относятся къ журналистикѣ съ большимъ пренебреженіемъ. Нетолько настоящіе и бывшіе, но и будущіе профессора, трактуя какой-нибудь предметъ, или совсѣмъ умалчиваютъ о томъ, что говорилось по этому предмету въ журналистикѣ, или отзываются въ общихъ чертахъ и презрительно, что, дескать, журналистика объ этомъ много разглагольствовала, но изъ Вивлеема ничего путнаго ожидать нельзя. Въ то же время русскій ученый всегда готовъ сослаться на какую-нибудь иностранную брошюру и даже щегольнуть своимъ знакомствомъ съ ней, хотя сплошь и рядомъ такая брошюра и по своему характеру, и по своему объему, и по общественному положенію автора вполнѣ соотвѣтствуетъ русской журнальной статьѣ. Г. Карѣевъ не имѣетъ этихъ смѣшныхъ педантократическихъ замашекъ. И намъ было, конечно, очень пріятно видѣть рѣдкое зрѣлище: диссертацію на ученую степень (если не ошибаемся), удостоивающую своимъ вниманіемъ насъ, скромныхъ журналистовъ. Оказывается при этомъ, что по нѣкоторымъ вопросамъ, входящимъ въ программу труда г. Карѣева, ему приходится цитировать (изъ русскихъ) почти исключительно журналистовъ. И здѣсь новый поводъ для нашей радости. Не тому мы, конечно, радовались, что ученые по профессіи оставили намъ столько невоздѣланнаго поля, а тому, что по мѣрѣ нашихъ силъ мы это предоставленное намъ поле воздѣлали. Наконецъ, пріятно намъ было въ частности и то, что по двумъ вопросамъ высокой важности мнѣнія г. Карѣева въ общемъ совершенно совпадаютъ съ мнѣніями, много разъ высказанными на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ». Это суть вопросы о субъективномъ методѣ въ соціологіи и объ органической теоріи общества.

Объ этой части книги г. Карѣева мы говорить не будемъ, кромѣ того, что вполнѣ присоединяемся къ взглядамъ автора. Вѣрнѣе даже будетъ сказать, что онъ присоединяется къ на-

Digitized by Google

нимъ взглядамъ, ибо, какъ и по его цитатамъ видно, «Отечественныя Записки» неоднократно и давно уже высказались въ томъ смыслѣ, что объективный методъ въ соціологіи не достаточенъ и что «органисты» нетолько не ставятъ соціологію на твердую научную почву, а напротивъ, плодятъ противонаучные взгляды и недоразумѣнія.

Какъ бы, однако, ни было велико удовольствіе, доставленное намъ нѣкоторыми сторонами труда г. Карѣева, мы отнюдь не можемъ признать его во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ. Мы имѣемъ нѣчто и противъ его формы, и противъ его сущности. Начать съ того, что при изложеніи, вообще живомъ и ясномъ, г. Карѣевъ обременяетъ его многими ненужностями. Таковы его терминологическія нововведенія. Уже въ заглавіи книги мы встрѣчаемся съ неуклюжимъ терминомъ «историософическія идеи». Историософія, это собственно теорія историческаго знанія или совокупность правилъ, которыми долженъ руководствоваться историкъ, изучая и излагая свой предметъ. Но никакихъ такихъ особенныхъ, спеціально для историка и въ отличіе отъ всякаго другого человѣка науки обязательныхъ правилъ нѣтъ, а потому и терминъ этотъ совершенно лишній. Любопытно, что г. Карѣевъ вводитъ его для того, «чтобы не разрывать съ традиціей». А традиція состоитъ въ слѣдующемъ. Терминъ этотъ, «кажется», былъ впервые употребленъ въ Италіи, а затѣмъ къ нему пристрастились преимущественно польскіе писатели. Г. Карѣевъ сообщаетъ далѣе: «Терминъ этотъ, однако, не привился въ западныхъ литературахъ, и мы не нашли его даже въ большихъ энциклопедическихъ словаряхъ Эрша и Грубера, Брокгауза и друг. За то польскія энциклопедіи въ большинствѣ случаевъ толкуютъ этотъ терминъ, *хотя и въ разныхъ смыслахъ*». Такова традиція!.. Столь же ненужнымъ представляется предлагаемый г. Карѣевымъ терминъ «номологическія науки», а этотъ послѣдній терминъ дѣйствительно уже имѣетъ свою традицію, и возраженія г. Карѣева противъ употребленія его у Конта совсѣмъ неосновательны. Вообще г. Карѣевъ необыкновенно пристрастенъ къ рубрикамъ, классификаціямъ, распредѣленіямъ и перераспредѣленіямъ всякаго рода вещей по клѣткамъ, съ особыми этикетами и заголовками. Мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у него такую мысль. Одинъ русскій писатель считаетъ соціологію наукою описательною. Г. Карѣевъ отрицаетъ это, и конечно, онъ совершенно правъ. Но при этомъ онъ прибавляетъ: «Если исторія, вмѣсто того, чтобы описывать явленія, станетъ искать законы, а соціологія, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать законы, станетъ описывать, повторится только крыловская басня *Котъ и щука*» (143). Намъ кажется, что въ томъ крайнемъ случаѣ, который представляется воображенію г. Карѣева, никакого повторенія крыловской басни не произойдетъ, а просто исторія превратится въ соціологію, а соціологія въ исто-

Digitized by Google

рію. Имя вѣдь не мѣняетъ вещи, хотя, конечно, желательно, чтобы всякая вещь называлась своимъ, а не чужимъ именемъ.

Въ связи съ этимъ недостаткомъ книги, состоящемъ въ изобиліи терминовъ, рубрикъ и подрубрикъ, находится другой недостатокъ, тоже пожалуй состоящій въ изобиліи. Вся первая глава, озаглавленная «Понятіе философіи исторіи» и занимающая *семь* печатныхъ листовъ, представляетъ обширный критико-библіографическій обзоръ сочиненій по философіи исторіи. Но г. Карѣеву и семи листовъ мало. Онъ замѣчаетъ, что въ этомъ обзорѣ онъ воспользовался только «частью матеріала», собраннаго имъ для особаго сочиненія «Очеркъ развитія исторіософіи и философіи исторіи». Чѣмъ же, однако, наполнены эти семь листовъ? Вотъ, напримѣръ, нѣкоторый нѣмецъ Лазо, написавшій, слишкомъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, «Новую попытку основанной на правдѣ фактовъ философіи исторіи». Изложенію этой «новой» (въ 1856 году) попытки г. Карѣевъ посвящаетъ двѣ страницы, читая которыя, мы узнаемъ, что «почти ни одно рѣшеніе его (Лазо) не можетъ быть принято наукой» и что Лазо «подъ своей философіей исторіи разумѣетъ какое-то эмпирическое философствованіе надъ исторіей безъ научныхъ метода и раціональной системы общихъ идей». Подобныхъ никчемныхъ нѣмцевъ, французовъ и англичанъ г. Карѣевъ собралъ очень много. Но этого мало. Во второй главѣ, носящей заглавіе «Историческіе законы», мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же никчемнымъ Лазо (стр. 149—150). Оно, конечно, полнота библіографіи дѣло хорошее, хотя бы потому, что при ней читатель получаетъ возможность «знать, чего не слѣдуетъ читать». Но г. Карѣевъ могъ бы, если ужь это нужно, просто перечислить разныхъ Лазо, Шильднеровъ, Гратри, завѣдомо сумасшедшихъ Вронскихъ и проч., и проч., не отягощая своей и безъ того объемистой и дорогой книги изложеніемъ, по крайней мѣрѣ, того, что онъ самъ считаетъ ненаучнымъ и вообще нестоющимъ. Тогда бы можетъ быть въ какой-нибудь изъ его главъ и рубрикъ нашлось бы мѣсто для Луи-Блана, первый томъ «Исторіи революціи» котораго представляетъ настоящую и несомнѣнно интересную попытку философско-историческаго построенія, и имя котораго ни разу не поминается въ трудѣ г. Карѣева; для русскихъ славянофиловъ, которые упоминаются вскользь и, кажется, всего одинъ разъ, а въ частности для фальшивой, но очень поучительной и интересной философіи исторіи Н. Данилевскаго, изложенной въ книгѣ «Европа и Россія», и проч.

Переходя къ содержанію труда г. Карѣева, мы найдемъ въ немъ слѣдующія главныя мысли. Законовъ исторіи нѣтъ, потому что исторія имѣетъ дѣло съ неповторяющимися явленіями; тѣ положенія, которыя по недоразумѣнію часто называются историческими законами, суть на самомъ дѣлѣ законы соотвѣтственныхъ «номологическихъ» или, по просту, абстрактныхъ наукъ—психологіи и соціологіи. Для уясненія этой очень вѣрной мысли

Digitized by Google

автора, мы приведемъ слѣдующее его частное соображеніе: «Мы можемъ вмѣстѣ съ Аристотелемъ утверждать, что олигархія непремѣнно въ концѣ концовъ приводитъ къ тиранніи, мы можемъ даже признать это за законъ соціологіи, но мы не имѣемъ никакого права выдавать за законъ исторіи необходимость образованія подобной олигархіи въ каждомъ государствѣ въ опредѣленный моментъ развитія его внутренней организаціи: это будетъ уже зависѣть отъ хода исторіи отдѣльныхъ государствъ, который обусловленъ въ каждомъ данномъ случаѣ весьма различнымъ образомъ». Но если такимъ образомъ частные, такъ называемые, историческіе законы суть собственно законы психологіи и соціологіи, то что сказать о тѣхъ общихъ формулахъ исторической законности, какія даны, напримѣръ, Гегелемъ или Контомъ и пытаются обнять весь историческій процессъ въ цѣломъ? Г. Карѣевъ очень много говоритъ объ этомъ предметѣ, жестоко кара Конта и Гегеля за «конструированіе» исторіи. Но изъ всего этого многоглаголанія (да проститъ намъ почтенный авторъ) результаты получаются довольно скудные и притомъ совершенно неожиданные. Неожиданно уже то, что въ самомъ концѣ сочиненія, въ послѣдней главѣ второго тома мы встрѣчаемъ слѣдующія строки: «Мы противъ какого бы то ни было закона, который объяснялъ бы *всю* исторію человѣчества, мы ищемъ только единый законъ прогресса, который нуждается, кромѣ того, самъ въ дедуктивномъ обоснованіи и въ провѣркѣ на частныхъ случаяхъ прогресса. Оставляя подробную разработку этого предмета до третьей части «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи», мы здѣсь ограничимся только немногимъ. «Замѣтьте, что это говорится въ концѣ двухъ толстыхъ томовъ, гдѣ многія страницы посвящены тому самому предмету, подробная разработка котораго ждетъ насъ въ третьемъ томѣ... Суть мнѣнія г. Карѣева состоитъ въ томъ, что дѣйствительная исторія во всей ея полнотѣ не подлежитъ формулированію въ какой-нибудь законъ. Но въ этой пестротѣ есть извѣстное теченіе прогресса, законъ котораго и представляетъ единственно возможное искомое для философіи исторіи. Это понимаетъ г. Карѣевъ, но не понимали прежніе «историософы», изъ которыхъ нашего автора особенно занимаютъ Контъ, и Гегель. Надо, однако, сказать, что этотъ упрекъ по отношенію къ Конту (если разумѣть его «Систему положительной философіи») совсѣмъ несправедливъ. Конта скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что, слѣдя за послѣдовательною смѣною міросозерцаній, онъ слишкомъ съузилъ теченіе историческаго процесса. Что касается Гегеля, то можетъ быть всего удивительнѣе въ трудѣ г. Карѣева тѣ страницы, гдѣ онъ совершенно внезапно, какъ обухомъ по головѣ, ударяетъ читателя заявленіемъ, что законъ Гегеля, его знаменитая тріада, совершенно вѣренъ, только Гегель примѣнялъ его къ дѣйствительному ходу исторіи, а надо его примѣнять «къ формулѣ прогресса». Для уразумѣнія

Digitized by Google

всего этого придется должно быть и въ самомъ дѣлѣ подождать третьяго тома «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи».

Теорія денежнаго обращенія. Цѣна и цѣнность *Н. Н. Коссовскаго.* Харьковъ. 1883 г.

Не очень далеко то время, когда съ университетской каѳедры не было слышно почти ничего, кромѣ доктринерскаго повторенія поверхностнаго ученія французскихъ эклектиковъ, въ родѣ Сэя, Бастіа и др., съ ихъ самодовольною вѣрою въ «экономическія гармоніи» современной жизни. Эта школа, нынѣ справедливо окрещенная именемъ *вульгарной* экономіи, наивно смѣшивалась нашими «учеными» экономистами съ школою *классическою*, съ ученіемъ Смита, Рикардо, Милля. Эти учителя и основатели экономической науки оказались якобы защитниками такихъ началъ и доктринъ, которыя прямо несовмѣстны съ ихъ ученіемъ и которыя могли быть стасованы въ одну колоду лишь лицемѣріемъ или недомыслiемъ. Не мало было того и другого въ трудахъ вульгарной экономической школы за-границею, но у насъ эта школа, завоевавъ каѳедры, конечно, не лицемѣрила (не имѣла къ тому ни малѣйшаго повода) и если страдала чѣмъ-либо, такъ недомыслiемъ, да слѣпою вѣрою въ авторитеты, въ родѣ Ж. Б. Сэя. Тѣмъ съ большимъ высокомѣріемъ третировала она голоса не университетскихъ экономистовъ, не признававшихъ непогрѣшимости Сэя съ К° и осмѣлившихся нетолько непосредственно ознакомиться съ ученіями классиковъ, но и съ доктринами критической школы.

Какъ близко отъ насъ это доброе старое время Горловыхъ, Вольскихъ и пр., и какъ далеко отодвинулись мы отъ него! Критика незыблемыхъ авторитетовъ этихъ наивныхъ ученыхъ уже не кажется больше ересью. Изъ журналистики она вышла на университетскую каѳедру. Болѣе того, критика собственно вульгарной школы уже даже прекратилась, ибо нигдѣ ни въ литературѣ, ни въ университетѣ—это уже не вопросъ. Съ нею, съ этою предустановленною гармоніей всѣхъ интересовъ, съ идиллiею свободной конкурренціи, воздающей всякому по заслугамъ его, съ мальтузіанствомъ, оправдывающимъ самое вопіющее распредѣленіе благъ земныхъ, со всѣми этими и многими другими софизмами вульгарной школы—счеты сведены. Волна критики поднялась выше и сами классики уже призваны къ суду ея нетолько на страницахъ всегда дерзкой журналистики, но и на каѳедрѣ, а съ другой стороны—критическая школа уже не третируется на каѳедрѣ свысока, какъ проявленіе только невѣжества и злонамѣренности. Каѳедра принуждена была сознаться, что каковы бы ни были ея намѣренія, а невѣжества у главныхъ представителей критической школы нѣтъ. Прудонъ, Родбертусъ, Марксъ—конечно, не невѣжды. Серьёзный экономистъ не можетъ и не долженъ игнорировать изслѣдованіе этой школы, строющей свои доктрины непосредственно на фундаментѣ, заложенномъ англійскими классиками, преимущественно Смитомъ и Рикардо. Нельзя не пора-

Digitized by Google

доваться этому серьёзному повороту нашей университетской науки и тому, что та бездна, которая еще недавно раздѣляла университетскую каѳедру отъ литературы, все болѣе и болѣе закрывается.

На эти мысли навела насъ, между прочимъ, книга, заглавіе которой выше выписано. Повидимому, это дисертація на магистерскую степень начинающаго ученаго. Смотря на нее съ этой точки зрѣнія, нельзя не отнестись къ ней сочувственно, потому что книга обнаруживаетъ серьёзное знакомство съ научною литературою, умѣніе разобраться въ массѣ матерьяла и противорѣчивыхъ воззрѣній, и здравую, часто самостоятельную критику ученій и доктринъ, составляющихъ предметъ изученія. Если къ этому прибавить, что довольно многосторонняя эрудиція автора не помѣшала ему найти аріаднину нить въ лабиринтѣ экономическихъ противорѣчій, нить, которую неизмѣнно держитъ въ рукахъ г. Коссовскій, отличаясь на всемъ протяженіи изложенія выдержанностью основной идеи, согласованной съ послѣдними выводами науки, то читатели поймутъ, почему мы съ сочувствіемъ отмѣчаемъ новую научную силу, впервые выступающую съ этою работою. Таковы достоинства книги, если ее разсматривать, какъ матерьялъ для оцѣнки того, чего вправѣ мы ожидать отъ г. Коссовскаго, какъ начинающаго ученаго. Но книга, конечно, можетъ быть разсматриваема и съ другой точки зрѣнія, безотносительно, какъ сочиненіе, предъявляющее содержаніе, долженствующее что-либо *внести* въ обиходъ науки и литературы. Что же представляетъ въ этомъ отношеніи дисертація г. Коссовскаго?

Изложеніе такого основного вопроса экономической науки, какъ вопросъ объ образованіи цѣнности и цѣны, представляетъ для изслѣдователя прежде всего то удобство, что нѣтъ ни одного сколько-нибудь крупнаго экономиста, который бы не высказался категорически и не выдвинулъ для подкрѣпленія своихъ воззрѣній весь арсеналъ своихъ логическихъ и научныхъ средствъ. Вопросъ поэтому въ его главныхъ основаніяхъ выясненъ вполнѣ и только детали возбуждаютъ разногласіе среди серьёзныхъ мыслителей. Смитъ, Рикардо, Милль, Прудонъ, Лассаль, Марксъ, Родбертусъ—разногласятъ только въ деталяхъ, но за то эти детальныя разногласія, въ связи съ ожесточенною критикою другихъ школъ (вульгарной, исторической, катедер-соціалистской), дѣйствительно могутъ спутать начинающаго мыслителя. Г. Коссовскій въ существенномъ избѣгнулъ этой опасности и книга его представляетъ на какихъ-нибудь ста страницахъ весьма толковый и ясный конспектъ ученія объ образованіи цѣнности. Трудъ, затраченный въ производство товара, какъ мѣрило цѣнности, и законъ спроса и предложенія, какъ явленій хотя и нарушающихъ временно точное трудовое мѣрило, но въ среднемъ не способныхъ надолго и значительно отклонить цѣнность отъ этого мѣрила—таково резюме сущности усвоенной г. Коссов-

Digitized by Google

скимъ (вслѣдъ за всѣми вышеисчисленными экономистами) доктрины. Но г. Коссовскій не удовольствовался критическимъ сводомъ воззрѣній и яснымъ ихъ изложеніемъ. Онъ попытался примирить нѣкоторыя детальныя разнорѣчія корифеевъ науки и примирить ихъ на почвѣ соціологическихъ обобщеній. Нельзя сказать, чтобы эта попытка была удачна. Споръ о роли закона трудового мѣрила цѣнности и закона спроса и предложенія разрѣшается г. Коссовскимъ, какъ ему кажется, весьма просто. Законъ трудового мѣрила—это законъ соціальной динамики, законъ спроса и предложенія—соціальной статики. Въ такомъ случаѣ не о чемъ будто бы спорить и оба закона находятъ принадлежащее имъ мѣсто въ наукѣ о жизни. Какъ г. Коссовскій додумался до такого заключенія видно на стр. 34 и слѣд., гдѣ онъ цитируетъ Конта и Милля, чтобы выяснить различіе между соціальною статикою и соціальною динамикою. Но дѣло въ томъ, что эти мыслители давали свои опредѣленія совершенно апріорически, списывая ихъ съ опредѣленій въ механикѣ, да тогда иначе и нельзя было поступать. Никакой соціологіи не было и обобщать существенные признаки ея отдѣловъ было невозможно за несуществованіемъ самихъ отдѣловъ. Теперь мы можемъ уже нѣсколько сознательнѣе относиться къ вопросу. Теперь, собственно говоря, толки о соціальной статикѣ и динамикѣ умолкли больше всего по непригодности этихъ терминовъ, имѣющихъ слишкомъ опредѣленное значеніе въ механикѣ, наукѣ о явленіяхъ, слишкомъ не сходныхъ съ явленіями общественными. Несомнѣнно, однако, различеніе между двумя отдѣлами обществознанія, обозначенными Контомъ и Миллемъ статикою и динамикою, существуетъ, а слѣдовательно, за неимѣніемъ другихъ терминовъ, можно, пожалуй, употреблять и эти, но въ чемъ же это различеніе? Прежде всего, какъ и въ біологіи, можно различать изученіе отправленій въ обществѣ (физіологія) отъ изученія формъ общественныхъ (морфологія, анатомія). Мы дѣйствительно говоримъ о *формахъ* правленія, о *формахъ* производства, землевладѣнія и т. д., и говоримъ вполнѣ правильно, но если изученіе формъ отдѣлять въ особый отдѣлъ соціальной статики, то ни законъ трудового мѣрила цѣнности, ни законъ спроса и предложенія, какъ процессы и отправленія, а не формы и организаціи, не могутъ быть законами статики, а лишь динамики. Однако, не таково обыкновенное различеніе между названіями статики и динамики общественной. Обыкновенно эти два названія придаются двумъ отдѣламъ, отличающимся гораздо существеннѣе. Какъ въ біологіи изученіе формъ и отправленій организма составляетъ одинъ отдѣлъ, а изученіе развитія, эволюціи и смѣны организмовъ, ихъ формъ и отправленій (органическій прогрессъ)—другой, такъ и въ соціологіи нельзя не различать изученія формъ и отправленій общества отъ изслѣдованія историческихъ судебъ человѣчества, отъ изученія соціальнаго прогресса, выражающагося въ развитіи и смѣнѣ общественныхъ

Digitized by Google

формъ и отправленій. Соціальная статика въ такомъ случаѣ будетъ наукою о формахъ и отправленіяхъ общества (какъ физіологія и анатомія о формахъ и отправленіяхъ человѣческаго организма), а соціальная динамика о развитіи, послѣдовательности и смѣнѣ формъ и отправленій. При этомъ пониманіи и законъ трудового мѣрила цѣнности, и законъ спроса и предложенія будутъ законами статическими, да и вся политическая экономія есть лишь отдѣлъ соціальной статики. Съ точки зрѣнія соціальной динамики эти два процесса экономической жизни различаются только въ томъ отношеніи, что законъ трудового мѣрила цѣнности долженъ былъ въ исторіи человѣчества сказаться раньше закона спроса и предложенія и долженъ пережить этотъ законъ, неразрывно связанный съ господствомъ экономическаго индивидуализма и капитализма. Быть можетъ, именно это и разумѣлъ г. Коссовскій, называя одинъ законъ—динамическимъ, а другой—статическимъ, но помимо того, что объ этой идеѣ г. Коссовскаго можно только догадываться (стр. 60), подобное употребленіе терминовъ слишкомъ произвольно и вполнѣ не согласуется съ сущностью терминологіи. Наконецъ, еслибы и признать за авторомъ право подобной произвольной терминологіи, то различіе между динамическимъ и статическимъ закономъ цѣнности, сведенное къ большей долговѣчности и постоянству перваго, ничего не уясняетъ *въ настоящемъ*, ничего не примиряетъ. Вѣдь въ настоящемъ все-таки функціонируютъ оба закона одновременно и параллельно. Значитъ все-таки надлежитъ выяснить ихъ взаимное отношеніе. Или г. Коссовскій хочетъ сказать, что *динамическій* законъ (какъ онъ называетъ) не есть законъ настоящаго экономическаго строя, а лишь неизбѣжное историческое предвидѣніе? Можно и такъ понять нѣкоторыя мѣста г. Коссовскаго, хотя въ другихъ онъ слишкомъ явно примыкаетъ къ теоріи Рикардо и др., недвусмысленно признающихъ трудовое мѣрило закономъ настоящаго. Указавъ на эту ложную терминологію, внесенную г. Коссовскимъ въ свое изложеніе теоріи цѣнности, мы должны прибавить, что это единственная сторона этого отдѣла, вносящая неясность и сбивчивость въ довольно стройное и логическое изложеніе доктрины. Какъ толковый и съ знаніемъ и пониманіемъ дѣла составленный конспектъ, эти сто страничекъ диссертаціи, посвященныя теоріи цѣнности, представляютъ сами по себѣ заслугу автора передъ русскою публикою. Изъ нихъ она ознакомится и съ сущностью вопроса, и съ литературою предмета, еслибы пожелала изучить вопросъ.

Отдѣлъ о цѣнности не составляетъ однако главнаго предмета изслѣдованія г. Коссовскаго. Онъ является какъ бы введеніемъ къ теоріи денежнаго обращенія, представляющей объектъ сочиненія. «Я никогда не упускалъ изъ виду, что денежное обращеніе есть не болѣе, какъ процессъ образованія цѣны, а цѣна, въ свою очередь, не болѣе, какъ modus цѣнности» (стр. 1). Исходя изъ этого положенія, г. Коссовскій и предпослалъ сочи-

Digitized by Google

нению обширное введеніе о цѣнности, о которомъ мы выше и говорили. Въ вышедшей книжкѣ изслѣдованіе не доведено до конца и заключаетъ пока отдѣлы о деньгахъ (вообще) и о кредитѣ. О бумажныхъ деньгахъ г. Коссовскій обѣщаетъ говорить въ слѣдующемъ выпускѣ и тамъ же, вѣроятно, сведетъ отдѣльныя изслѣдованія въ объединенную доктрину.

Въ виду этого, преждевременно было бы нынѣ подробнѣе говорить о вышедшихъ уже отдѣлахъ изслѣдованія. Авторъ еще не далъ своего заключенія, не можетъ дать его и рецензентъ. Замѣтимъ теперь только, что въ отдѣлѣ о деньгахъ г. Коссовскому не пришлось высказать ничего новаго и его заслуга сводится, какъ и въ отдѣлѣ о цѣнности, къ толковому изложенію и здравой критикѣ, постоянно выдержанной въ одномъ направленіи. Быть можетъ, слѣдовало бы упрекнуть автора (въ отдѣлѣ о деньгахъ) за излишнюю категоричность нѣкоторыхъ сужденій, отзывающихся какъ будто доктринерствомъ. Интереснѣе отдѣлъ о кредитѣ. Придерживаясь того же руководящаго воззрѣнія и тѣхъ-же компетентныхъ писателей, авторъ вноситъ нерѣдко и собственныя соображенія, болѣе или менѣе остроумныя, болѣе или менѣе плодотворныя. Не лишены значенія соображенія о возможной роли кредита въ дѣлѣ преобразованія современнаго экономическаго строя. Не со всѣми воззрѣніями можно согласиться безусловно (категоричность сужденій, не всегда достаточно обоснованныхъ, и здѣсь зачастую кажется нѣсколько преувеличенною), но всѣ читаются съ интересомъ. Мы не входимъ въ обсужденіе по существу, по объясненной уже причинѣ незаконченности изслѣдованія, и желаемъ скорѣйшаго продолженія труда, начатаго, во всякомъ случаѣ, не неудачно.

Очерки первобытной экономической культуры. Сочиненіе *Н. И. Зиберя*. Москва. 1883 г.

Русская публика достаточно знакома съ авторомъ этой книги. Ученый экономистъ и добросовѣстный писатель, онъ давно уже оцѣненъ по достоинству и намъ нѣтъ надобности рекомендовать книгу, которая, конечно, и такъ обратитъ вниманіе каждаго интересующагося ея предметомъ. А предметъ ея дѣйствительно въ высшей степени интересенъ, какъ для освѣщенія многихъ сторонъ экономической жизни даже цивилизованныхъ народовъ, такъ и для уразумѣнія сложнаго процесса медленнаго и запутаннаго историческаго прогресса человѣчества, его экономическихъ судебъ въ прошедшемъ, бросающихъ свѣтъ и на его судьбы въ настоящемъ и будущемъ. Первобытная экономическая культура нынѣ цивилизованныхъ арійскихъ племенъ, на основаніи дошедшихъ до насъ преданій, памятниковъ законодательства, религіи и литературы, историческихъ свидѣтельствъ, сохранившихся обычаевъ и сложнаго сличенія дифференцированныхъ формъ экономической жизни на болѣе высокихъ ступеняхъ, лучше извѣстныхъ, эта первобытная экономическая культура, уже вымершая и погребенная подъ грудами развалинъ тысячелѣтнихъ

Digitized by Google

цивилизацій, въ послѣднее время подверглась новой и талантливой разработкѣ со стороны многихъ ученыхъ, успѣвшихъ прійти къ весьма важнымъ, интереснымъ и частью новымъ выводамъ. Но эта работа историковъ, лингвистовъ и археологовъ не была доселѣ поддержана съ другой стороны столь же всесторонней и систематическою работою антропологовъ и этнологовъ, изучающихъ первобытный бытъ человѣчества, какъ онъ до послѣдняго времени сохранился у низшихъ неисторическихъ расъ внѣ Европы. Первобытная культура, религіозная, политическая, семейная и проч. подвергалась всегда этой двойной разработкѣ, изъ сличенія которой получались въ высшей степени важные и поучительные выводы. Результаты, добытые историками, филологами и археологами, относительно первобытнаго языка, религіи, семьи и политической организаціи историческихъ расъ сличались, провѣрялись и получали новое подтвержденіе и освѣщеніе въ работахъ антропологовъ о расахъ неисторическихъ, еще нынѣ не вышедшихъ изъ первобытныхъ формъ быта и, наоборотъ, судьбы первобытной доисторической культуры объясняли значеніе и цѣну разныхъ спорадическихъ необычныхъ фактовъ изъ первобытной внѣ исторической культуры. Только этимъ путемъ, въ связи съ работою абстрактной мысли такихъ первоклассныхъ умовъ, какъ Контъ, Спенсеръ и др., постепенно прояснились наши идеи объ условіяхъ первобытнаго существованія человѣчества, его міровоззрѣніи, его семьѣ, его морали, его политической организаціи. Экономическая сторона первобытной культуры, однако, разработывалась гораздо односторонніе. Весьма долго въ этомъ отношеніи обращалось вниманіе почти исключительно на то, что̀ мы привыкли именовать «матеріальнымъ прогрессомъ», какъ-то: прогрессъ производительности труда, вслѣдствіе перехода отъ охоты къ пастушеству, земледѣлію, ремесламъ, вслѣдствіе изобрѣтеній и усовершенствованій (добываніе огня, изобрѣтеніе орудій, жилище, одежда, пища и проч.). Собственно же организація труда, формы производства и потребленія, обмѣнъ, сотрудничество простое и сложное, экономическіе классы, значеніе политической власти въ дѣлахъ экономическихъ, первобытные политико-экономическіе институты (имущество, собственность, гостепріимство, дареніе и т. д.), все это систематически вовсе не входило въ изслѣдованіе антропологовъ и лишь съ недавняго времени вошло въ изслѣдованія историковъ. Выводы послѣднихъ, какъ уже упомянуто, очень важны и интересны, но имъ недоставало параллельнаго изслѣдованія неисторическихъ народовъ. Этотъ пробѣлъ во всемірной научной литературѣ и рѣшился пополнить г. Зиберъ. Въ попыткѣ г. Зибера мы можемъ привѣтствовать нетолько счастливое намѣреніе, но и выполненіе, которое, несмотря на нѣкоторые существенные недостатки, представляетъ весьма важный вкладъ въ литературу, весьма цѣнное собраніе матеріала, сгруппированнаго, проверитикованнаго и освѣщеннаго связною идеею, проникающею все сочиненіе.

Digitized by Google

Господство въ первобытныхъ экономическихъ отношеніяхъ общинныхъ формъ производства и потребленія, при простомъ сотрудничествѣ, при почти полномъ отсутствіи дифференцировки на общественно-экономическіе классы, при совмѣщеніи въ первобытной общественной организаціи функцій политическихъ и хозяйственныхъ—таковы общераспространенныя черты первобытной экономической культуры, открытыя Меномъ и другими изслѣдователями доисторическаго быта арійскихъ народовъ; таковыми же ихъ находитъ и г. Зиберъ, послѣ тщательнаго разбора богатаго матеріала, имъ собраннаго относительно расъ неисторическихъ. Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробное изложеніе работы г. Зибера, но нельзя не указать на всю важность его изслѣдованія для уясненія нашихъ прошедшихъ судебъ, а слѣдовательно и нашего настоящаго. Многое, что оставалось недостаточно выясненнымъ и не вполнѣ доказаннымъ, а иногда даже непонятнымъ въ работахъ историковъ, можетъ получить и новое подтвержденіе и лучшее освѣщеніе послѣ сличенія съ работою г. Зибера. Авторъ, однако, самъ совершенно не дѣлаетъ подобныхъ сличеній и тѣмъ значительно понижаетъ цѣнность своего капитальнаго труда.

Къ сожалѣнію, это отсутствіе систематическаго сравненія съ древними учрежденіями историческихъ народовъ далеко не единственный крупный недостатокъ сочиненія г. Зибера. Этотъ недостатокъ, собственно говоря, ни мало не наноситъ ущерба непосредственной задачѣ сочиненія: нарисовать картину первобытнаго экономическаго быта неисторическихъ расъ. Желательно, чтобы авторъ шелъ дальше, но если онъ останавливается и на этомъ, и то заслуга, и то вкладъ. Но останавливаясь на этомъ, авторъ, повидимому, совсѣмъ не пожелалъ точно уяснить и выдѣлить понятіе о томъ, что̀ такое первобытная экономическая культура? и гдѣ начинаются послѣдующія историческія ступени? Такъ г. Зиберъ, обслѣдуя какое-либо экономическое явленіе и сводя массу разнородныхъ фактовъ и примѣровъ, не стѣсняется ни мало общимъ состояніемъ цивилизаціи, откуда черпаетъ факты. Примѣры изъ экономической жизни современнаго Китая и Японіи, древняго Египта временъ фараоновъ, древнихъ Перу и Мексики временъ инковъ и ацтековъ и т. д. чередуются у него съ примѣрами изъ жизни готентотовъ, папуасовъ, карибовъ, чукчей и проч. Если нельзя не признать послѣднихъ стоящими на ступени первобытной культуры, то кто же согласится съ г. Зиберомъ о первобытной культурѣ китайской, японской или египетской!! Конечно, можно и у развитыхъ народовъ искать формъ древнихъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, пережившихъ свою эпоху и сохранившихся въ эпохахъ послѣдующихъ, но это уже другой вопросъ, который авторъ нашъ, нагромождая всевозможные факты, не поднимаетъ и который требуетъ предварительнаго установленія *типа* первобытной культуры. Это безпорядочное смѣшеніе эпохъ и разныхъ фактовъ экономическаго развитія не-

Digitized by Google

только въ высшей степени сбиваетъ читателя, но не можетъ не отразиться и на доказательности выводовъ. Набрать изъ разныхъ эпохъ и мѣстъ сходныхъ примѣровъ далеко еще не значитъ установить типъ первобытной культуры, уже потому, что среди этихъ эпохъ и мѣстъ весьма много совсѣмъ не первобытныхъ.

Совершенное неразличеніе разныхъ фазисовъ культуры проводится г. Зиберомъ чрезвычайно послѣдовательно. Изслѣдуя первобытную экономическую культуру, онъ, повидимому, не хочетъ считаться и съ фазами внутри ея. Конечно, онъ не можетъ не отличать быть охотничій, пастушескій и земледѣльческій, но разработываетъ отличія этихъ фазъ, имъ присущія особенности и условія—весьма мало, а ихъ послѣдовательность, смѣна и взаимное отношеніе совсѣмъ не интересуютъ его и даже представляются ему, повидимому, крайне не ясно. Отъ этого происходитъ то, что подъ общее имя первобытной экономической культуры онъ подводитъ и быть дикихъ племенъ Океаніи и Австраліи, и быть патріархальный (уже значительно отличающійся отъ дикаго) монголовъ или арабовъ, и быть варварскаго государства древнихъ восточныхъ деспотій, и цивилизованный бытъ Египта или Японіи. Въ отдѣльности для нѣкоторыхъ экономическихъ явленій авторъ иногда и задается прослѣдить ихъ развитіе во времени, но это дѣлается безъ связи съ цѣлымъ всей культурной эпохи и безъ яснаго разграниченія разныхъ типовъ быта.

Мы остановились на этой сторонѣ книги г. Зибера, такъ какъ считаемъ указанный недостатокъ весьма существеннымъ и значительно портящимъ этотъ капитальный и почтенный трудъ. Мы проходимъ мимо другихъ болѣе мелкихъ, хотя и не малочисленныхъ промаховъ сочиненія: промаховъ, впрочемъ, неизбѣжныхъ въ работѣ, впервые касающейся почти необработаннаго предмета. Не можемъ, однако, не указать еще на одно чисто внѣшнее обстоятельство, чрезвычайно затрудняющее чтеніе; именно на слогъ и языкъ автора, который часто бываетъ просто неудопонятенъ, скорѣе походя на какое-то неизвѣстное нарѣчіе, прибѣгающее, однако, къ русскимъ словамъ. Впрочемъ, не всегда даже къ русскимъ. Напримѣръ, что такое «каное» (стр. 73, 74, 137, 371, 372 и др.), постоянно употребляющееся вмѣсто слова «лодка»? что такое «Старая Планина» (стр. 89), употребляющееся вмѣсто «Балканскія горы»? Иногда авторъ выдумываетъ собственныя слова и нельзя сказать, чтобы удачно; такъ лѣсные палы г. Зиберъ называетъ «лѣсными выжигами», что̀ люди, знакомые съ русскимъ языкомъ, поймутъ, пожалуй, нѣсколько иначе; тестя и свекра, тещу и свекровь онъ повсюду называетъ «родителями по закону», что̀ является подстрочнымъ переводомъ съ англійскаго (father in law, mother in law). Жалко, что г. Зиберъ мало пользовался французскими источниками, а то мы, конечно, прочли бы у него о «прекрасномъ отцѣ» (beau-père) и «прелестной матери» (belle-mère). Вмѣсто «искренность»

Digitized by Google

г. Зиберъ изобрѣтаетъ «открытость» (стр. 172), вмѣсто «соединеніе труда»—«сложеніе труда» (стр. 6) и т. д., и т. д. Если даже лексиконъ россійскій такъ мало пощаженъ г. Зибермъ, то чего же могъ ожидать отъ него синтаксисъ? Впрочемъ, надо признать, что въ книгѣ г. Зибера синтаксисъ все же нѣсколько лучше блюдется, нежели въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ того же автора. Обращаемъ серьёзное вниманіе автора на эту порчу его языка, которая не замѣчалась въ его первыхъ трудахъ. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что книга во всякомъ случаѣ представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу литературу и заслуживаетъ полнаго вниманія серьёзной публики.

Жаждущіе свѣта. Повѣсти и разсказы. *М. И. Красова* (*Л. Е. Оболенскаго*). Первая серія. Спб. 1884.

Хотя мы и не выбрались еще изъ 1883 года, но повѣсти и разсказы г. Красова помѣчены уже 1884 годомъ. Очевидно, авторъ торопится жить и въ то же время хочетъ, чтобы книжка его была въ будущемъ году помоложе... И то и другое желаніе часто совпадаютъ. Сколько людей въ извѣстномъ, непріятномъ возрастѣ убавляютъ себѣ годикъ, другой. Но, можетъ быть, повѣсти и разсказы г. Красова такого свойства, что время для нихъ — ничто?.. Къ сожалѣнію, этого сказать нельзя. Какъ ни великолѣпно ихъ заглавіе («Жаждущіе свѣта!»), какъ они ни превыспренни и въ какія глубины морали ни проникаютъ—глубокаго и вообще говорящаго уму и чувству въ нихъ не особенно много. Не особенно много въ нихъ и новаго: хотя несомнѣнно закроены они «по модѣ», по «послѣднимъ фасонамъ» и бьютъ на современность, но все это какъ то дюжинно, фабрично, точно передъ вами брюки и пиджаки изъ гостиннаго двора. Какъ будто и есть у нихъ фасонъ и въ то же время какъ будто никакого нѣтъ фасона. Обусловливается это, по всей вѣроятности, помимо таланта и внутренняго содержанія автора, и самымъ характеромъ его творчества. М. И. Красовъ (Л. Е. Оболенскій) необыкновенно разнообразенъ и необыкновенно много пишетъ, настолько много, что порою даже кажется, что онъ не пишетъ, а извергаетъ свои произведенія, подобно малой огнедышащей сопкѣ. И что это за разнообразіе: и повѣсти, и разсказы, и драмы, и лирика, и естественно-научные и философскіе трактаты, и критическія и публицистическія статьи, и т. д. Положительно нѣтъ области знанія, нѣтъ рода литературы, въ которомъ не попробовалъ бы себя нашъ изумительный авторъ. Было не мало въ Европѣ и у насъ писателей плодовитыхъ, но такихъ плодовитыхъ и разнообразныхъ навѣрное нигдѣ не было. Американцы изобрѣли недавно какой-то универсальный инструментъ, которымъ можно рѣзать стекло, заколачивать гвозди, откупоривать бутылки и т. д., но и въ немъ, кажется, только восемь различныхъ употребленій, а тутъ гораздо больше. Конечно, какъ американскимъ инструментомъ ничего какъ слѣдуетъ не

Digitized by Google

сдѣлаешь и будешь имѣть его развѣ только для дороги или какого-нибудь подручнаго, домашняго употребленія, такъ и г. Красовъ ни въ одномъ направленіи не удовлетворяетъ васъ; но еслибы онъ не разбрасывался и сосредоточился на какомъ-нибудь одномъ родѣ литературы, ну, хоть на драмѣ, то, вѣроятно, имѣлъ бы большій успѣхъ.

Что касается до *первой серіи* разсказовъ и повѣстей г. Красова, то они, несмотря на разнообразіе лицъ и положеній, довольно, можно сказать, плохи. Это отчасти плохіе перепѣвы того, что раньше встрѣчалось въ литературѣ, у большихъ нашихъ писателей, а отчасти различные случаи жизни, записанные, расписанные и приснащенные къ морали и современности собственнымъ ижденіемъ автора. Фигурируютъ у г. Красова больше все артисты-художники, музыканты, литераторы и какія-то совсѣмъ загадочныя натуры, а изъ простыхъ смертныхъ студенты и рядомъ съ ними почему-то дѣвицы вольнаго поведенія. Оставимъ въ сторонѣ все артистическое и загадочное, и остановимся на простыхъ смертныхъ. Вотъ повѣсть «Первая любовь», повѣсть изъ студенческой жизни. Она — падшая женщина. Онъ, т. е. герой (хотя тоже неоднократно, подобно ей, падалъ и даже только-что передъ этимъ вытолкалъ любившую его дѣвушку) любитъ ее «первою любовью», читаетъ ей мораль и зоветъ ее въ какую-то неопредѣленную даль, къ честному труду, а прежде всего къ домашнему очагу и къ отдачѣ меблированныхъ комнатъ. Вся сфера студенческой жизни ограничивается въ повѣсти исключительно любовью. Происходило дѣло, впрочемъ, «давно, когда еще не было разныхъ женскихъ курсовъ» (91). Теперь, говоритъ авторъ: «студенты чаще всего женятся на студенткахъ и заводятъ настоящую семейную жизнь, а тѣ, которымъ это не удается по недостатку средствъ, часто по нѣсколько лѣтъ питаютъ платоническую страсть къ какой-нибудь одной дѣвушкѣ, гуляя вмѣстѣ, сходясь для чтенія и задушевныхъ разговоровъ, иногда даже поселяются рядомъ въ сосѣднихъ коморкахъ, чтобы быть ближе другъ къ другу, но продолжая оставаться въ извѣстныхъ границахъ близости, столь извѣстныхъ среди русскаго простонародія, особенно въ Малороссіи, гдѣ также подобное «коханье» продолжается иногда нѣсколько лѣтъ» (91). Прежде было не такъ. Прежде отношенія завязывались «въ первый же день знакомства». Дѣвушка въ первую же субботу оставалась у васъ и ходила къ полюбившемуся человѣку, пока онъ ее не бросалъ, чинила его бѣлье, заваривала чай, убирала хламъ и т. п. Иногда, замѣчая, что у возлюбленнаго нѣтъ денегъ, она потихоньку оставляла у него въ ящикѣ «какой-нибудь трудовой рублишко или фунтъ свѣчей, или четверку табаку», а онъ водилъ ее въ театръ, на «верхотурку», или дарилъ ей галстучекъ, перчатки и т. п. (id). Питалъ подобную же любовь къ одной дѣвушкѣ и герой повѣсти г. Красова, но, замѣтивъ дочку квартирной хозяйки, раздѣлался съ нею — выгналъ

Digitized by Google

ее, несмотря на ночную пору и ея горькія слезы. Разлюбилъ онъ ее сразу, и не разлюбить было трудно: проходя разъ къ хозяйкѣ черезъ чистенькую и уютную спальню ея дочери, онъ почувствовалъ *нѣкоторое благоговѣніе*. Быть можетъ, говоритъ авторъ, ведущій разсказъ отъ имени дѣйствующаго лица, «этому помогъ тонкій запахъ духовъ, но мнѣ грезилось, что атмосфера пронитана чѣмъ-то весеннимъ, чистымъ, дѣвичьимъ»... (98). Такимъ образомъ началась любовь. Маша стала сохнуть. Но герой ошибся. Маша оказалась тоже уже падшею. (Большаго паденія со стороны женщины авторъ, повидимому, и представить себѣ не можетъ). Послѣдовало объясненіе, улики и раскаяніе.

«Маша быстро бросилась впередъ меня къ двери и, упавъ передо мной на колѣни, загородила выходъ. Что это было за лицо! Какъ ужасны были ея движенія, когда она хватала меня за полы, за руки, цѣловала ихъ, цѣловала даже мои ноги, буквально обливаясь слезами и ползая по полу. Казалось, грудь ея порвется отъ рыданій. Глаза совсѣмъ были безумные и все старались смотрѣть мнѣ въ глаза, угадать, прощу ли я. Въ то же время она не переставала бормотать самыя безсвязныя слова.

«— Убей меня! убей! я знаю, какая я!.. Убей, я не стою жизни! Я не могу жить. Только прости! Прости! О, прости, прости!»

Наконецъ, герой тронулся этими мольбами. Передъ его глазами «было настоящее возрожденіе души, ея полное просвѣтлѣніе, чудное обновленіе человѣческаго существа, искреннее, глубокое!»

«Было уже за полночь, говоритъ онъ. — Я долженъ былъ уходить, но мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ выразить ей, запечатлѣть въ ея памяти, какъ я уважаю ее теперь, какъ я благоговѣю передъ ея рѣшимостью, передъ ея обновленіемъ. Мнѣ нужно было показать, что она покаяніемъ сожгла навсегда свое прошлое, сожгла даже воспоминаніе о немъ во мнѣ и во всѣхъ. Мнѣ нужно было показать ей, какъ теперь къ ней можетъ относиться любимый человѣкъ, какъ теперь ее можно любить. Это все пробѣжало быстро въ умѣ моемъ: не то, чтобы я придумывалъ, нѣтъ, это случилось невольно, и только теперь я понимаю, какая мысль заключалась въ моемъ тогдашнемъ, повидимому, совсѣмъ глупомъ желаніи. А желаніе состояло въ томъ, чтобы она, оставивъ меня въ гостинной, вошла въ свою спальню, раздѣлась и легла спать, какъ всегда, а потомъ позвала бы меня проститься. Она совсѣмъ не удивилась этой просьбѣ, точно поняла въ чемъ дѣло, поняла, что я этимъ хочу выразить что-то особенное. Она безъ возраженій ушла за перегородку и скоро позвала меня. Еще заплаканное лицо сверкало какой-то восторженной радостью на снѣжной бѣлизнѣ подушекъ. Свѣтлые шелковистые волосы разбились кругомъ этого счастливаго, разцвѣтшаго лица; глаза искрились тихой, благоговѣйной любовью. Я вошелъ торжественно, торжественно поцѣловалъ ея губы, ея еще мокрыя глаза, ея нѣжныя руки, охватившія мнѣ шею, обнялъ ее и, прошептавъ: «до завтра!» тихо вышелъ, унося въ сердцѣ такое высокое чувство, какого ужь никогда не зналъ послѣ» (112).

Высокое чувство это было, однако, не особенно продолжительно, потому что герой и Маша сейчасъ же перебрались на свою квартиру и не дальше, какъ на 117 страницѣ, мы читаемъ уже описаніе слѣдующей семейной сцены:

«Ясный зимній день уже давно смотрѣлъ въ окна нашей новой квартиры,

Digitized by Google

а молодые хозяева еще не думали вставать, нѣжась на своей импровизированной постели, состоящей изъ дивана съ приставленными къ нему стульями, съ шубой въ головахъ вмѣсто подушки, съ пледомъ вмѣсто одѣяла: этихъ принадлежностей семейной жизни еще не было заведено. Итакъ, я сталъ семьяниномъ»...

А на 120 стр. мы узнаемъ, что герой «три дня не ходилъ въ университетъ, отдавшись весь блаженству медоваго мѣсяца». Медовый этотъ мѣсяцъ, однако, скоро прошелъ и семейное счастье продолжалось не долго—нужда разогнала влюбленныхъ. Маша начала было сама стирать бѣлье и стряпать, но это не помогало. Герой предполагалъ промышлять отдачею меблированныхъ комнатъ товарищамъ-студентамъ, но вывѣсилъ въ университетѣ такое качевское объявленіе, что къ нему никто не пошелъ. Пришлось голодать, мерзнуть; начались упреки прошлымъ и такіе толчки, что бѣдная Маша садилась отъ нихъ «со стономъ на кровать» (126). Однажды, когда приходилось буквально замерзнуть, Маша, подобно тому, какъ въ стихотвореніи Некрасова: «ѣду ли ночью по улицѣ темной», чтобы отогрѣть возлюбленнаго, притащила «черезъ весь Петербургъ» вязанку дровъ и, опустившись на колѣни и рыдая, призналась, что дрова эти достались ей дорого... Тогда онъ увидѣлъ передъ собою уже не Машу, а «что то погибшее, несчастное» и черезъ два дня бросилъ ее и уѣхалъ изъ Петербурга. Рыдала она, провожая его, «какъ безумная», два раза писала ему, но на второе письмо онъ уже не отвѣчалъ, «увлеченный другимъ теченіемъ...» (131).

Относительно внѣшности разсказовъ г. Красова худого сказать нельзя. Чисто сдѣланы. Въ особенности хорошо описываются совмѣщеніе страсти и злобы (38) и женскія приманки вообще. Вотъ, напримѣръ, описаніе ножекъ: «А ножки! Какъ онѣ вчера на меня смотрѣли изъ подъ ея бѣлаго кисейнаго платья и точно кивали и говорили что-то своими лакированными носочками» (28). Вообще, по женской части авторъ, повидимому, большой знатокъ и любитель. Одна женщина смотритъ у него на жениха «чортъ знаетъ какъ хорошо», точно «проситъ, какъ лань, которую хотятъ убить: ради Бога, не убивайте меня» (25). Въ другомъ случаѣ влюбленному хочется взять женщину на руки, «какъ ребенка, и убѣжать съ ней куда-то, и утѣшить...» (37). Если вѣрить автору, то въ московской «кокоревкѣ», между постоялицами «бываютъ такія хорошенькія, что, смотря на нихъ, забываешь запахъ керосина и воображаешь, что нюхаешь фіалку» (34). Была тамъ, напримѣръ, одна Таничка, къ которой необыкновенно шло интересное положеніе, она походила на «кругленькое яблочко». Авторъ, впрочемъ, и вообще не согласенъ, чтобы такое положеніе могло портить женщину и категорически высказываетъ: «я, право, съ этимъ не согласенъ» (55). Вообще, описаніе приманокъ и разныхъ любовныхъ положеній по бо́льшей части преникантное. Вотъ только глаголъ *щипаться*, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчается, и встрѣчается иной разъ совсѣмъ ни къ селу ни къ городу. Услышитъ ли кто-нибудь изъ дѣйствующихъ

Digitized by Google

лицъ нѣжный, звенящій голосъ и его точно за сердце что-то щипнетъ (8); пожелаетъ ли жена художника похвалить картину мужа, она говоритъ не иначе: «очень хорошо! вотъ такъ за душу и щиплетъ» (60); а нѣкоторые герои, увидѣвши страшный сонъ, даже сами себя щиплютъ» (34). Для чего это они такъ дѣлаютъ—неизвѣстно.

О нѣкоторыхъ явленіяхъ такъ называемаго животнаго магнетизма (гипнотизма). Опытъ экспериментальной разработки автоматическаго письма и столоверченія. *Петра Спиро*, доцента Новор. Унив. Одесса. 1883 г.

Однимъ изъ характерныхъ явленій такъ называемаго медіумизма представляется невольное безсознательное писаніе господами, именующими себя медіумами. Такіе субъекты, поставленные въ извѣстныя условія, начинаютъ, черезъ извѣстный срокъ, двигать рукою (или руками), поставленною съ карандашемъ надъ бумагою, и двигаютъ ее не всегда сознательно, а весьма часто дѣйствительно непроизвольно, причемъ появляются написанныя ими слова и фразы. Эти непроизвольно написанныя фразы принимаются господами «вѣрующими» за внушенныя духами, которые-де и пишутъ чрезъ посредство медіумовъ. Это-то странное явленіе непроизвольнаго автоматическаго письма и подверглось научному обслѣдованію со стороны профессора физіологіи *Спиро*, а добытые результаты изложены въ книжкѣ, заглавіе которой выше выписано,

Прежде всего г. Спиро обстоятельно доказалъ, что всѣ люди—медіумы (или же никто—не медіумъ). Нѣсколько тысячъ опытовъ произведено изслѣдователемъ, коими и доказано, что за немногими исключеніями, объяснимыми съ точки зрѣнія г. Спиро, явленіе непроизвольнаго черченія, рисованія и письма наступаетъ при извѣстныхъ условіяхъ для всѣхъ здоровыхъ людей. Въ чемъ же заключается это явленіе? «Условія, при которыхъ появляются автоматическія движенія рукъ, сходны съ условіями наступленія столоверченія и состоятъ въ слѣдующемъ: Данный субъектъ садится и кладетъ руку на дискъ, поставленный на столъ или просто держитъ руку съ карандашемъ на столѣ. Способъ держанія карандаша не имѣетъ большого значенія. Выгодно держать карандашъ вертикально къ поверхности бумаги, подостланной подъ карандашемъ, не надавливая на бумагу и держать руку на вѣсу (не облокачивать ее объ столъ). При этомъ субъекту необходимо сосредоточить свое вниманіе исключительно на желаніи, чтобы руки двигались. Слѣдуетъ позаботиться, чтобы ничто не развлекало субъекта, чтобы впечатлѣнія изъ внѣшняго міра не являлись поводомъ къ неожиданнымъ сильнымъ возбужденіямъ органовъ чувствъ.—При такихъ условіяхъ черезъ болѣе или менѣе короткій промежутокъ времени рука, безъ прямого волевого импульса, можетъ начать двигаться» (стр. 6). Но что же это будетъ за движеніе? Этому вопросу г. Спиро посвя-

Digitized by Google

тилъ большую часть своего изслѣдованія. Если вниманіе подвергнутаго эксперименту ничѣмъ не занято, то вычерчиваются имъ обыкновенно разные криволинейныя фигурки довольно разнообразнаго вида. Если въ полѣ зрѣнія поставить какую-нибудь опредѣленную фигуру (напр. треугольникъ, квадратъ и пр.), то даже при отсутствіи сознательнаго вниманія къ этимъ фигурамъ, они вычерчиваются попеременно съ обычными криволинейными рисунками. Вычерчиваніе выставленныхъ предметовъ дѣлается еще опредѣленнѣе, если на нихъ обращено сознательное вниманіе. Тоже достигается, если фигуры только воображаются. Наконецъ, является писаніе словъ и фразъ, если мысль субъекта будетъ занята соотвѣтственнымъ размышленіемъ. Такимъ образомъ, связь между опредѣленными возбужденіями и движеніями руки установлена твердо. Непроизвольныя криволинейныя фигурки, вычерчиваемыя въ случаѣ, если вниманіе ничѣмъ не занято, тоже прекрасно объяснено. Изъ детальнаго и чрезвычайно внимательнаго анализа этихъ чертежей (приложенныхъ къ книгѣ) г. Спиро приходитъ къ заключенію, что это точное воспроизведеніе привычныхъ движеній рукъ при хожденіи, хватаніи, жестикуляціи и т. д.

Мы не послѣдуемъ, конечно, за г. Спиро дальше въ его анализѣ интереснаго явленія, гдѣ онъ его подвергаетъ весьма разнообразной обработкѣ, изслѣдуя ходъ развитія явленія, вліяніе обстановки опытовъ, значеніе постороннихъ возбужденій, слѣды явленія (особенно интересныя и очень поучительныя главы), отраженія индивидуальныхъ качествъ, вліянія расы, заразительности явленія, аналогіи съ нѣкоторыми явленіями животнаго міра и т. д. Читатель, однако, и изъ этого краткаго перечня разносторонніхъ изслѣдованій, собранныхъ въ разсматриваемой книжкѣ, видитъ, что законы явленія непроизвольнаго, автоматическаго письма подверглись весьма тщательной обработки. Законы проявленія можно сказать установлены весьма твердо. Полнаго объясненія имъ не дано еще изслѣдователемъ. Несомнѣнно, однако, доказано имъ, что объясненія этого слѣдуетъ искать никакъ не во вліяніяхъ какихъ-то духовъ, нишущихъ чрезъ посредство медіумовъ.

Кромѣ автоматическаго письма, и столоверченіе подверглось изученію г. Спиро, но въ меньшей степени. Аналогіи между обоими явленіями найдены имъ полныя и объясненіе оказывается одно и тоже. «Во время многихъ опытовъ, заключаетъ свою книжку г. Спиро:—мнѣ нерѣдко приходилось наблюдать переходъ непроизвольныхъ движеній въ общія судороги. Да и вообще, какъ читатели теперь видятъ, наши явленія представляютъ несомнѣнное сходство съ тѣми явленіями массовыхъ коллективныхъ подражаній движеніямъ, которыя наблюдаются во время нѣкоторыхъ заразительныхъ нервныхъ эпидемій (различнаго рода судорожныя движенія, средневѣковые плясы и проч.).—Съ другой стороны, я

Digitized by Google

наблюдалъ при этихъ опытахъ тоже и развитіе начала настоящаго гипнотическаго сна (летаргіи). *Автоматическое письмо* и родственныя ему явленія представляютъ различныя стадіи перваго періода того сложнаго состоянія, которое извѣстно подъ названіемъ гипноза. И условія, вызывающія эти явленія, въ сущности тѣ же. При сеансахъ животнаго магнетизма, повидимому, обнаруживаются временно, преходяще лишь такія явленія, которыя наблюдаются продолжительное время, стаціонарно въ людяхъ при различнаго рода заболѣваніяхъ нервной системы, или послѣ принятія нѣкоторыхъ ядовъ, наконецъ, послѣ продолжительныхъ занятій гипнотическими опытами. Условія вызывающія ихъ, сводятся, по моему мнѣнію, къ нарушенію равновѣсія тѣхъ условій, которыя необходимы для правильной нормальной функціи даннаго организма. При измѣненіи нормальной обстановки въ сторону однообразія, усиленія одного изъ условій нормальнаго существованія организма въ ущербъ другимъ, правильная функція организма становится невозможною, она дѣлается болѣзненною» (стр. 88). Авторъ (самъ врачъ) предостерегаетъ поэтому отъ опытовъ въ отсутствіи врача.

Мы, конечно, въ этой бѣглой замѣткѣ не дали даже конспекта труда г. Спиро. Мы хотѣли только обратить вниманіе на него въ виду его полной своевременности, когда супранатуральныя объясненія разныхъ нервно-болѣзненныхъ явленій осмѣлились возвысить свой голосъ даже на съѣздѣ естествоиспытателей (рѣчь профессора Бутлерова въ Одессѣ въ августѣ этого года). Какъ нельзя кстати поэтому является нынѣ изслѣдованіе г. Спиро, вырывающее изъ рукъ гг. спиритовъ и ихъ медіумовъ самое сильное орудіе ихъ, непроизвольное писаніе.

Афонасій Прокофьевичъ Щаповъ. (Жизнь и сочиненія). Сочиненіе профессора *Н. Я. Аристова*. Посмертное изданіе. Спб. 1883.

Біографія отдѣльной личности, какъ это уже давно кѣмъ-то замѣчено, можетъ имѣть интересъ не менѣе глубокій и поучительный, чѣмъ и исторія цѣлаго народа. Если подобная біографія по возможности будетъ правдива и безпристрастна и если предметомъ ея послужитъ жизнь человѣка хоть сколько-нибудь замѣчательнаго—она пріобрѣтаетъ значеніе въ одно и тоже время и психологическаго и историческаго матеріала. Біографія Щапова, составленная покойнымъ профессоромъ Аристовымъ, удовлетворяетъ обоимъ этимъ основнымъ условіямъ. По свидѣтельству г. Симанскаго («Вмѣсто предисловія»), Аристовъ трудился надъ этой своей работой «съ особенною любовью и усердіемъ». Въ формальномъ отношеніи біографія написана, дѣйствительно, образцово. Аристовъ не пренебрегъ ничѣмъ, не упустилъ ничего для того, чтобы придать своему труду фактическую полноту и содержательность, такъ что личность Щапова вырисовывается передъ читателемъ рѣзко и выпукло. Въ *этомъ* отношеніи произведеніе Аристова можно признать безукоризненнымъ. Съ другой стороны и предметъ, избранный Аристовымъ, вполнѣ заслуживалъ

*

Digitized by Google

такого особеннаго къ себѣ вниманія. Оригинальная и блестящая личность Щапова, равно какъ и его горькая и трагическая судьба, въ которой, что особенно важно, не было ничего случайнаго, имѣютъ глубокую поучительность. Щаповъ былъ въ полномъ смыслѣ слова дѣтищемъ своего времени и своего общества. Въ немъ все было хрупко—начиная съ его рѣдкаго ума и кончая его сумасшедшими загулами. Это былъ человѣкъ порыва, беззавѣтнаго увлеченія, страсти. Таково же было и современное общество, таковъ былъ общій характеръ и того достопамятнаго времени, извѣстнаго теперь подъ кличкою «шестидесятыхъ годовъ».

Біографъ Щапова не замѣчаетъ или не понимаетъ этого обстоятельства. Нужно замѣтить вообще, что отношенія Аристова къ Щапову довольно живо напоминаютъ ту смирную и добродѣтельную курицу басни, которая имѣла несчастіе высидѣть утенка. По мнѣнію Аристова, Щапова «погубила» политика, въ частности университетскіе студенты, требовавшіе отъ него лекцій въ «духѣ современнаго либерализма», да журналисты, завербовавшіе его въ свой лагерь. «Еслибы, говоритъ біографъ: — Щаповъ оставался въ духовной академіи, при прежнихъ основательныхъ умственныхъ работахъ, изъ него вышелъ бы современемъ одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ русскихъ людей. Новая сфера содѣйствовала въ немъ развитію интереса къ политикѣ, подталкивала на задорное вмѣшательство въ современныя преобразованія» (61). Не обинуясь, говоримъ, что въ этихъ упрекахъ и жалобахъ Аристовъ выражаетъ совершенное непониманіе личности и значенія Щапова, равно какъ и духа его времени. Въ томъ-то и дѣло, что Щаповъ, по своей умственной и еще того болѣе нравственной организаціи, былъ бойцомъ, хотя бы только въ сферѣ теоретической мысли; и въ томъ трагизмъ его судьбы, что ему полжизни пришлось потратить на научныя изысканія, рѣшительно неспособныя удовлетворить его въ нравственномъ смыслѣ. Въ «приложеніяхъ» къ біографіи, состоящихъ изъ разныхъ замѣтокъ и отрывковъ Щапова, есть «дума», озаглавленная «Гражданская грусть».

Страстнымъ лиризмомъ, могучимъ гуманнымъ чувствомъ проникнута эта дума, какъ читатель можетъ видѣть это хотя бы изъ слѣдующаго отрывка: «Грусть гражданская, грусть гражданская! И кто не чувствуетъ твоего благодатнаго, животрепещущаго вѣянья въ своемъ сердцѣ, если только въ комъ неугасимо свѣтится и горячо, пламенно теплится озаренная просвѣщеннымъ сознаніемъ, прочувствованная просвѣщеннымъ сердцемъ идея человѣчности, истины, свободы, идея любви, добра и красоты, въ комъ возбуждена этими общечеловѣческими идеями жажда мира, согласія, гармоніи и просвѣщенно-разумной естественности въ людскомъ соціальномъ общежитіи, въ чьемъ умѣ природа начертала способность и наука воспитала любовь къ самоуглубленію, къ думамъ, въ чьемъ сердцѣ природа положила избытокъ живого,

Digitized by Google

теплаго, симпатичнаго чувства, а просвѣщеніе и думы ума развили, воспитали способность все прочувствовать, все пострадать, пережить, переболѣть сердцемъ... Обращаясь къ собственному своему сердцу, не выскажешь всѣхъ думъ, всѣхъ чувствъ, не заглушишь гражданской грусти. Почти непрерывно проникая мысли, проникая сердце, она часто насъ напрягаетъ, давитъ, подмываетъ сердце, что вотъ такъ бы излилъ ее, или заглушилъ музыкой, пѣсней. Но не заглушишь, не изольешь. Нѣтъ музыки, нѣтъ пѣсни, а грусть—тоска еще тяжелѣе, еще безотраднѣе падаетъ на голову, на грудь... Къ чему ни присмотришься въ нашей общественной жизни, все возбуждаетъ гражданскую грусть. Вотъ видишь на Невскомъ проспектѣ артели рабочихъ мужиковъ...» (160). И такъ далѣе.

Слѣдуютъ иллюстраціи къ этой «грусти гражданской», въ искренности и силѣ которой нѣтъ повода сомнѣваться. Такой человѣкъ, разумѣется, не удовлетворится архивной исторической работой и плакаться тутъ біографу на студентовъ, на литераторовъ, наконецъ, на «политику» рѣшительно нѣтъ резона. Безъ «политики» такіе люди, какъ Щаповъ, жить не могутъ, потому что не могутъ жить безъ людей, не равнодушны къ чужимъ страданіямъ и слишкомъ живо чувствуютъ (а нетолько понимаютъ—понимать можно, ровно ничего не ощущая) несправедливости и неправды жизни. Такъ какъ трудъ Аристова—трудъ именно только біографическій, а не критическій, то читателю, незнакомому съ произведеніями Щапова, довольно трудно выяснить себѣ ученыя и публицистическія его заслуги. Но нравственная сторона этой замѣчательной личности выясняется біографіей отлично, даже какъ бы помимо воли самого біографа—простою группировкою фактовъ, которые сами за себя говорятъ. Щаповъ — типъ талантливаго русскаго самоучки и недоучки. Изъ своей бурсы, а затѣмъ академіи, Щаповъ вынесъ такія впечатлѣнія и воспоминанія, что вспослѣдствіи «исторически рыдалъ, проклиная бурсу и академію, которыя ничего полезнаго не сдѣлали для него» (38). Изуродованное образованіе, исковерканное развитіе, разстроенная физическая организація—вотъ тѣ дары, которыми надѣлила жизнь Щапока, какъ и многихъ другихъ даровитыхъ незадачниковъ. Щаповъ искалъ себѣ утѣшенія и забвенія — и находилъ его въ извѣстной цѣлительности всероссійскихъ скорбей — въ водкѣ. Аристовъ, останавливаясь на этомъ печальномъ фактѣ, по обыкновенію, путается въ своихъ объясненіяхъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Проще и вѣрнѣе объяснить развитіе пагубной страсти въ Щаповѣ наслѣдственной склонностью; къ этому заключенію приводитъ одинаковое несчастное расположеніе къ попойкамъ его старшаго брата» (38). Ничего «проще» такого объясненія, дѣйствительно, не придумаешь, хотя и трудно, конечно, установить наслѣдственность между *братьями*. Если Щаповъ просто страдалъ алкоголизмомъ, то это только его личное несчастіе, за ко-

Digitized by Google

торое общество не несетъ никакой отвѣтственности, какъ неотвѣтственно оно и за чахоточныхъ и за золотушныхъ. Но такъ ли это? Біографъ самъ знаетъ, что не такъ, и на слѣдующей же страницѣ устанавливаетъ рядъ причинъ уже не медицинскаго, а общественнаго характера, какъ оно и слѣдовало.

«Трезвый Щаповъ являлся всегда добрымъ и простымъ, скромнымъ и застѣнчивымъ, а пьяный никому не давалъ слова сказать и крестилъ всѣхъ дураками и невѣждами. Бурсацки-монашеское воспитаніе, невыносимое положеніе въ вѣчномъ приниженіи и тискахъ съ дѣтства заставляли искуственно обнаруживать во всей широтѣ собственное достоинство, а оно вырывалось бурно и въ уродливыхъ формахъ, когда человѣкъ былъ смѣлѣе и храбрѣе при ненормальномъ состояніи. Въ крайнемъ увлеченіи Аѳанасій Прокофьичъ не могъ владѣть собою, являлся страшно капризнымъ и несноснымъ, представлялся незнакомымъ лицамъ совершеннымъ дикаремъ или азіатомъ, опившимся бузы. Нетерпимый и вспыльчивый, онъ говорилъ съ злобой и ожесточеніемъ, билъ, рвалъ и коверкалъ окружающіе предметы, доходилъ до истерики — и только обильныя слезы дѣйствовали на него успокоительно. Въ высшей степени нервный и чувствительный, Щаповъ постоянно плакалъ при воспоминаніи о своей горькой минувшей судьбѣ, которая изуродовала его характеръ, какъ онъ думалъ, прекрасный отъ природы; онъ всегда плакалъ навзрыдъ, когда говорилъ о своихъ безграматныхъ сестрахъ, обвиняя въ этомъ недостаткѣ общество. Чаще всего плакалъ онъ о бѣдахъ и напастяхъ несправедливо забитаго и угнетеннаго крестьянства; страданія народа русскаго, заступникомъ котораго онъ былъ цѣлую жизнь, слишкомъ рѣзко напечатлѣлись въ его душѣ съ дѣтства, а въ зрѣлую пору совнали съ изученіемъ многочисленныхъ бѣдствій Россіи во всѣ вѣка. Дѣтскія мечты и юные идеалы носились всегда въ его воображеніи при научныхъ изслѣдованіяхъ и не отдѣлялись отъ правилъ житейскихъ; поэтому бѣдняку онъ готовъ былъ отдать послѣднюю рубашку и раздѣлить пополамъ послѣдній кусокъ хлѣба» (39).

Это дѣло совершенно иного рода и такое объясненіе можно принять, не оскорбляя памяти Щапова. Аристовъ указываетъ на очень вѣрную психологическую черту, толкающую людей, подобныхъ Щапову, къ искуственному возбужденію: это печальный, но понятный протестъ натуры самолюбивой и гордой, достоинство которой систематически принижалось, умалялось, пришибалось. Людямъ этого типа или, точнѣе, этой судьбы слишкомъ поздно достается признаніе, порою уже тогда, когда въ самомъ-то человѣкѣ замираетъ даже чувство самоуваженія. Отсюда новый источникъ страданій, отсюда горькое право сказать себѣ «и я бы могъ и у меня были силы недюжинныя»—право, ни на что не нужное, ни въ чемъ неутѣшающее. Болѣе несчастныхъ людей, чѣмъ наши интеллигентные неудачники, трудно, кажется, и предста-

Digitized by Google

вить себѣ. Невозможно безъ волненія и скорби читать разсказы о послѣднихъ дняхъ Щапова. Не задолго до кончины своей, онъ иногда приходилъ голодный къ знакомымъ и просилъ, чтобы накормили его; обыкновенной его домашней пищей былъ чай съ хлѣбомъ. Отсутствіе питанія ускорило развязку дѣла и сократило его злополучную жизнь; безъ добрыхъ людей и раньше онъ могъ бы умереть съ голода. «Такъ кончилъ человѣкъ, давшій блестящія доказательства рѣдкой умственной проницательности, которая, однакожь, оказалась намъ «не ко двору».

Н. О. Лиховскій. **Еврейскіе силуэты.** Повѣсти, очерки и разсказы. Спб. 1884.

Нельзя сказать, чтобы г. Лиховскій обладалъ большимъ талантомъ. Можно даже сказать, что онъ не обладаетъ ни самомалѣйшею крупицею таланта. Но это ничего не значитъ. Благородство и пылкость чувствъ, обнаруживаемыхъ авторомъ, заставляютъ забывать нетолько о его безталанности, но даже о его малограмотности, весьма, однакоже, замѣчательной. Гдѣ ужъ тутъ отмѣчать неправильно поставленныя «яти» и запятыя, когда, подъ вліяніемъ громовыхъ рѣчей автора, у васъ и сердце замираетъ и душа въ пятки уходитъ и «въ поджилкахъ трясеніе», какъ выражаются персонажи г. Лейкина. Цицеронъ не громилъ такъ Катилину, какъ, напримѣръ, герой г. Лиховскаго — геніальный поэтъ Готгеймеръ, громитъ петербургское свѣтское общество.

«Готгеймеръ вздрогнулъ, страшно поблѣднѣлъ и моментально преобразился до того, что онъ какъ бы сразу выросъ вдвое. Все вокругъ замерло. И среди этой леденящей тишины, которая продолжалась не больше минуты и которая всѣмъ показалась вѣчностью, явственно послышался тяжелый, подавленный вздохъ, а вслѣдъ за нимъ, какъ буря, ураганъ, изъ груди Готгеймера стали вырываться бѣшенные, хриплые, глухіе, какъ раскаты, грома, звуки. Лакей!.. кто лакей? я... я... я... Вы—лакеи, лакеи, рабы, холопы, вы лакеи тьмы кромѣшной, невѣжества! Подлые рабы своихъ пороковъ, своего позора! Ваша сила, могущество— это ваше позорное рабское клеймо! Вашъ мишурный блескъ— эта ваша лакейская ливрея! Слушайте, даже между рабами, лакеями вы занимаете самое послѣднее мѣсто; вы самые подлые, презрѣнные рабы и служите у самыхъ презрѣнныхъ господъ и исполняете самыя презрѣнныя, рабскія обязанности. Кто ваши господа? Кому вы служите? Кто повелѣваетъ вашимъ животомъ? Кто?.. — Бездушные стулья, ковры, зеркала, кареты, лошади — вотъ кому вы служите. Вотъ кому принадлежитъ вся ваша жизнь, помыслы, чувства. Холопская, блестящая ливрея, которую вы носите, отдаетъ запахомъ лакейской, вопіетъ о вашемъ позорѣ. И вамъ послѣ этого неприлично быть въ моемъ обществѣ! Вамъ, блюдолизамъ, неприлично быть въ моемъ обществѣ» (91).

Представьте себѣ, что Готгеймеръ, великій поэтъ Готгеймеръ, говоритъ все это, ворвавшись въ домъ, на вечеръ, куда его не

Digitized by Google

пускали, говорить ни съ того, ни съ сего. Какая величественная, а главное, правдоподобная картина! Приведеннаго отрывка, полагаемъ, достаточно, чтобы охарактеризовать и неподражаемый слогъ г. Лиховскаго, и его умѣнье рисовать положенія и его знаніе жизни.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Г. И. Успенскій надумалъ наконецъ издать собраніе своихъ сочиненій. Въ ту минуту, какъ я принимаюсь за это письмо, вышло уже два тома и предстоитъ еще два. Безъ сомнѣнія, это давно пора было сдѣлать, и настоящее изданіе доставитъ истинное удовольствіе, какъ многочисленнымъ читателямъ и почитателямъ г. Успенскаго, такъ и критикѣ, которой иначе приходилось бы рыться въ старыхъ журналахъ, чтобы составить себѣ сколько-нибудь цѣльное представленіе объ этомъ необыкновенно симпатичномъ писателѣ...

Я надѣюсь, вы разрѣшите мнѣ назвать такъ г. Успенскаго и вообще говорить объ немъ на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ», не стѣсняясь тѣмъ, что онъ вашъ сотрудникъ. Я уже отстаивалъ свое право въ этомъ отношеніи, говоря о г. В. В., и теперь прибавлю только слѣдующее соображеніе. Если плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется быть генераломъ, то и подавно плохъ журналъ, не надѣющійся собрать у себя все живое, искренное и талантливое, что только есть въ наличной литературѣ. Ну, и когда вамъ удастся привести въ исполненіе эту законную мечту каждаго журналиста, что же будетъ дѣлать ваша критика? заниматься исключительно мертвечиной, лицемѣрною ложью и бездарностью? Ахъ, этого добра такъ много, что возня съ нимъ всегда обезпечена, и нѣтъ надобности искуственно направлять на него свое вниманіе. И такъ надоѣло это добро своею многочасностью и многообразностью, что надо же когда-нибудь и отдохнуть на чемъ-нибудь свѣтломъ. А еслибы какіе-нибудь злобные и глупые люди и сказали что-нибудь по поводу моего искренно-сочувственнаго, но отнюдь не панегирическаго тона в отношеніи къ своему сотруднику, такъ было бы позорно боятьс не угодить злобѣ и глупости. Глупость на то и глупость, чтоб не понимать; злоба на то и злоба, чтобы рычать или визжат жужжать, смотря по характеру голоса носителя злобы.

Глупость и злоба не могли, разумѣется, обойти и г. Успе ского. Изъ разныхъ литературныхъ подворотень раздаются временамъ противъ него выходки, поражающія именно сво

Digitized by Google

озлобленностью и безсмысліемъ, но всѣ онѣ какъ-то разносятся въ пространствѣ, не оставляя послѣ себя ни пятна, ни какого другого слѣда на репутаціи объекта этихъ выходокъ. Начались эти выходки сравнительно недавно, и я вижу въ этомъ очень характерный симптомъ. Не знаю, обращали ли вы вниманіе на слѣдующій любопытный фактъ, очень часто повторяющійся въ исторіи литературы. Появляется талантливый писатель; талантъ его несомнѣненъ съ разу; собраты по литературѣ встрѣчаютъ его, повидимому, очень любезно; кто по-просту, а кто покровительственно и снисходительно говоритъ: «нашъ молодой талантливый», «нашъ подающій надежды» и т. д., и т. д. Писатель поднимается, его талантъ и вся его нравственная физіономія крѣпнетъ, крѣпнутъ и его внутреннія, духовныя связи съ читателями, по крайней мѣрѣ, съ извѣстной группой читателей. Но даже люди, совершенно противнаго образа мыслей, склоняясь передъ очевидностью факта, начинаютъ признавать за нимъ тѣ или другія достоинства. «Собраты» начинаютъ призадумываться. Одни съ искреннимъ удовольствіемъ слѣдятъ за этимъ ростомъ популярности, честно заработанной; другіе, тѣ, кому отпущенъ большой запасъ глупости и злобы, волнуются совсѣмъ недобрыми чувствами. Передъ самымъ ихъ носомъ, заслоняя ихъ собой, вырастаетъ уже не нашъ «молодой талантливый», «нашъ обѣщающій», а нѣчто, сильно выдающееся, оригинальное, далеко превышающее средній уровень литературы. Ничтожество не понимаетъ законности завоеваннаго этимъ писателемъ сочувствія; ничтожество злится. И вотъ, когда писатель приближается наконецъ къ тому, чтобы стать не мимолетнымъ, хотя и пріятнымъ явленіемъ, а фактомъ исторіи литературы, глупость и злоба выходятъ изъ себя, стараясь стянуть его съ высоты, на которую онъ поднялся. Но еще одинъ шагъ вверхъ, на высоту, и злоба и глупость, изнемогши въ неравной и смѣшной борьбѣ, умолкаютъ: онѣ *не смѣютъ* больше, онѣ умолкаютъ предъ «гласомъ народа—гласомъ божіимъ», и развѣ какіе-нибудь ужь совсѣмъ упорные чудаки повторяютъ собою того англичанина, который такъ и не призналъ Наполеона I-го императоромъ.

Г. Успенскій еще далеко не сдѣлалъ того шага, послѣ котораго глупость и злоба не смѣютъ, но онъ находится именно въ томъ положеніи, когда злоба и глупость, какъ мухи осенью, передъ концомъ, особенно кусливы. Въ добрый часъ! Это хорошій признакъ. Но это моментъ въ высшей степени критическій въ жизни писателя. Въ этомъ положеніи такъ легко лѣниво почить на лаврахъ и небрежно бросать читателю что попало, или, напротивъ того, нервно сжаться въ боязни отвѣтственности. *Для читателя*, впрочемъ, результаты обоихъ этихъ противоположныхъ настроеній автора могутъ быть одинаково невыгодны и даже совершенно тождественны въ своей невыгодности. Это можно видѣть на примѣрѣ г. Успенскаго, уже и теперь слишкомъ склоннаго къ боязливому невѣрію въ свои силы.

Digitized by Google

Въ предисловіяхъ къ обоимъ вышедшимъ теперь томамъ, г. Успенскій разсказываетъ исторію своихъ писаній. Она очень поучительна и многое объясняетъ какъ въ этихъ двухъ томахъ, такъ, если я не ошибаюсь, и во всей послѣдующей литературной дѣятельности этого писателя.

«Нравы Растеряевой улицы», занимающіе значительную часть перваго тома, начали печататься въ «Современникѣ» 1866 года. Но «Современникъ» былъ какъ разъ въ этомъ году закрытъ, и продолженіе «Нравовъ», приготовленное для этого журнала, авторъ перенесъ въ «Лучъ», сборникъ, изданный редакціей «Русскаго Слова». Дальше пусть разсказываетъ самъ авторъ: «При этомъ все, что имѣло «связь» съ очерками, напечатанными въ «Современникѣ», надо было уничтожить, обрѣзать, выкинуть, для того, чтобы «продолженіе» имѣло видъ работы отдѣльной и самостоятельной; вотъ почему дѣйствующія лица были переименованы въ другихъ, имъ «сдѣлана» другая обстановка, и самое названіе измѣнено. Затѣмъ дальнѣйшее продолженіе той же серіи разсказовъ печаталось въ журналѣ «Женскій Вѣстникъ», такъ какъ тогда (1866 г.) почти совершенно не было другихъ литературныхъ журналовъ. Судите поэтому, что̀ должна была претерпѣть «Растеряева улица» съ своими пьяницами, «сапожниками и мастеровщиной», появляясь въ журналѣ, посвященномъ *женскому* развитію, *женскому вопросу!* При всемъ моемъ глубокомъ желаніи, чтобы пьяницы мои вели себя въ дамскомъ обществѣ поприличнѣе, всѣ они до невозможности пахли водкой и сокрушали меня. Но что же было дѣлать? Я ихъ умылъ и пріодѣлъ, и они стали только хуже, а правды въ нихъ меньше. Наконецъ, очень много матеріала, приготовленнаго для «Растеряевой улицы», было разбросано въ видѣ очерковъ и сценокъ по всевозможнымъ газетамъ и листкамъ».

Примѣрно тоже самое читаемъ и въ предисловіи ко второму тому, относительно другого, широко задуманнаго, но разбитаго на клочки произведенія—«Раззоренія». Но это только внѣшняя сторона дѣла: «обстоятельства чисто личнаго характера» и неприглядныя случайности судьбы. Ими не ограничивается исторія писаній г. Успенскаго. Многіе «очерки и сценки» изъ числа тѣхъ дребезговъ, на которые разбились «Нравы Растеряевой улицы», не вошли въ настоящее изданіе. Авторъ ихъ отвергъ, презрѣлъ и вотъ на какомъ основаніи: «Все это было продуктомъ тогдашней литературной безпріютности. Сплоченныхъ литературныхъ кружковъ, къ которымъ могли бы пристать начинающіе писатели—ничего тогда на лицо не было. Все удручало васъ и дѣлало одинокимъ. А между тѣмъ общество, вступившее въ совершенно новый періодъ жизни, требовало отъ литературы—и имѣло на это право—многосложной и внимательной работы... Такимъ образомъ, какъ отсутствіе «школы», такъ и глубое внутреннее сознаніе, что «теперь» обновляющаяся жизнь требуетъ большихъ дарованій и задаетъ имъ огромныя задачи, дѣлали

Digitized by Google

то, что незначительная способность написать «разсказецъ» или «очеркъ» ослаблялась внутреннимъ сознаніемъ ненужности этого дѣла. «Все это не то!» думалось тогда, и вслѣдствіе этого, матеріалъ обработывался плохо, кой-какъ, появляясь въ видѣ «отрывковъ» безъ начала и конца».

Г. Успенскій сдѣлалъ все, что могъ, для приведенія въ болѣе или менѣе правильный порядокъ тѣхъ очерковъ, которыхъ онъ не отвергъ совсѣмъ, но ихъ отрывочность и безпорядочность остаются все-таки на лицо. И, несмотря на то, всякій, кто прочтетъ эти картинки «нравовъ провинціальной разночинной толпы», безспорно получитъ и много чисто художественнаго наслажденія, и много толчковъ для мысли, для «просіянія своего ума», какъ выражается Михаилъ Ивановичъ въ «Разореньи». Тѣмъ не менѣе, авторъ и теперь скорбитъ о неудовлетворительности своихъ очерковъ, и тогда скорбѣлъ, когда печаталъ ихъ впервые: «все это не то!» Самодовольное созерцаніе собственныхъ достоинствъ и непріятно для зрителя, и вредно для самаго созерцателя. Возмнивъ, такой созерцатель можетъ съ величайшимъ апломбомъ швырять съ обитаемыхъ имъ облаковъ всякую небрежно задуманную, кое-какъ сдѣланную вещь, въ полной увѣренности, что это настоящій перлъ. Но, какъ уже давно извѣстно, крайности сходятся, и мы сейчачъ видѣли, что Успенскій, съ своей неувѣренностью въ себѣ, съ своей нервной щекотливостію по отношенію къ своимъ писаніямъ, именно вслѣдствіе этого «обработывалъ кой-какъ» и давалъ «отрывки безъ начала и безъ конца». Внѣшніе результаты этихъ двухъ противоположныхъ настроеній писателя до такой степени сходны (разумѣется, при условіи равенства дарованія), что публика, третьи лица, такъ часто не умѣющія отличить «голоднаго отъ пьянаго», готовы смѣшивать и тѣ душевные процессы, которые приводятъ къ этимъ результатамъ. Несмотря на глубокую искренность, сквозящую въ каждомъ самомъ маленькомъ разсказѣ Успенскаго, еще недавно нашелся критикъ, наговорившій по его адресу задорно-смѣшныхъ словъ на тему о «самоослѣпленіи», «высокомѣріи» и т. п. Правда, эти задорно-смѣшныя или смѣшно-задорныя слова мотивировались не отрывочностью, незаконченностью и недодѣланностью писаній Успенскаго, но отъ этого они не становятся ни проницательнѣе, ни справедливѣе. Притомъ же, я думаю, что они все-таки находятся въ связи съ этою отрывочностью и недодѣланностью, ибо можетъ быть даже такіе непроницательные критики уразумѣли бы дѣло, еслибы Успенскій отдѣлался отъ манеры писанія, усвоенной имъ подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ неблагопріятныхъ условій.

До сихъ поръ онъ отъ нея не отдѣлался, и я боюсь, что никогда не отдѣлается, хотя и очень желалъ бы ошибиться. Такъ или иначе, но надо же себѣ объяснить, почему это такъ выходитъ, почему человѣкъ такого большого таланта и такой искренней вдумчивости не овладѣлъ законченностью формы. Казалось

Digitized by Google

бы, законченность эта совсѣмъ ужь пустое дѣло при наличности художественнаго дарованія. Посмотрите кругомъ и вы увидите, что люди, въ которыхъ есть только микроскопическія крупицы таланта, а иной разъ и тѣхъ нѣтъ, десятки разъ прекрасно справляются сначала съ первой главой первой части, потомъ пишутъ вторую главу и т. д., и наконецъ твердою рукою подписываютъ: конецъ такой-то и послѣдней части. Должно быть, это штука не хитрая. Не думаю, чтобы нашелся человѣкъ, отрицающій талантъ Успенскаго, но возьмемъ самаго въ этомъ отношеніи строгаго и придирчивого судью, какого вы только себѣ представить можете. Все-таки же онъ не уравняетъ его съ авторами безчисленныхъ вполнѣ законченныхъ романовъ и повѣстей, сотнями появляющихся въ литературѣ и тѣмъ же числомъ немедленно погружающихся въ море забвенія. И однако эти авторы могутъ написать законченное произведеніе, а Успенскій не можетъ. Любопытно вѣдь это.

Успенскій началъ писать очень рано, въ томъ почти юношескомъ возрастѣ, когда внѣшнія вліянія особенно сильно дѣйствуютъ на неокрѣпшую еще манеру писанія и надолго, а иной разъ и навсегда кладутъ на нее свою печать. Еслибы тѣ печальныя обстоятельства, о которыхъ разсказываетъ нашъ авторъ въ предисловіяхъ, постигли его позже, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его выхода на литературное поприще, мы по всей вѣроятности имѣли бы не такого Успенскаго, не до такой степени отрывочнаго и незаконченнаго. Я вовсе не думаю все сваливать на внѣшнія условія. Я говорю только, что они сыграли тутъ важную роль и до извѣстной степени просто *принудили* г. Успенскаго выработать пріемъ разбиванія нѣкотораго художественнаго цѣлаго въ дребезги. Сначала ему было вѣроятно очень трудно совершать эти операціи, но затѣмъ онѣ вошли въ привычку, которая укрѣплялась и другими «обстоятельствами, чисто личнаго характера». Время появленія Успенскаго въ литературѣ было вообще необыкновенно тяжелое. Съ него начался тотъ скорбный листъ русской литературы, который и до сихъ поръ не завершился ни окончательною смертью, ни окончательнымъ выздоровленіемъ. Правда, и до этого времени литературѣ случалось выносить многія и многія тяжести, не помѣшавшія однако образованію такъ-называемой «плеяды», группы блестящихъ талантовъ сороковыхъ годовъ, давшихъ длинный рядъ цѣльныхъ художественныхъ произведеній. Но какъ бы ни были мрачны тѣ времена въ цѣломъ, а позднѣе наступили времена, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе тяжкія. Литературные труженики сороковыхъ годовъ никакъ уже не страдали тѣмъ «одиночествомъ», на которое жалуется г. Успенскій. Это была цѣлая группа, тѣсно сплоченная общностью интересовъ, одинаковостью возраста, развитія, общественнаго положенія и т. д. Каждый изъ нихъ опирался на всѣхъ остальныхъ и въ живомъ общеніи съ ними находилъ поддержку въ трудныя минуты сом-

Digitized by Google

нѣній, колебаній, душевной немощи. Если на людяхъ и смерть красна, такъ жизнь, хотя бы и очень тяжелая, и подавно. Притомъ же тѣ блестящіе беллетристы, за немногими исключеніями, вовсе не были литературными тружениками, работниками въ настоящемъ смыслѣ слова. Тогда могъ серьёзно приниматься къ свѣденію и вѣроятно къ исполненію фантастическій по нынѣшнему времени совѣтъ Гоголя переписывать «сочиненіе» семь, восемь разъ съ значительными промежутками. Литературная профессія, строго говоря, почти не существовала; занимавшіеся литературой «господа», за нѣкоторыми исключеніями, имѣли достаточно досуга, чтобы, набросавъ свое произведеніе, поѣздить по Европѣ, послушать лекціи въ германскихъ университетахъ, искупаться въ волнахъ Гвадалквивира, а потомъ, съ новымъ запасомъ силъ и обновленными горизонтами, вернуться къ произведенію для окончательной его отдѣлки или предварительной передѣлки. Литература, какъ профессія, со всѣми розами и шипами профессіи, явилась позже, когда всколыхнувшаяся послѣ крымской войны Россія выдвинула изъ себя новыя, уже чисто литературныя силы. Вторгнулись эти новыя силы съ большимъ шумомъ, съ свѣтлыми надеждами, широкими замыслами и большою самоувѣренностью. Но не долго тянулся этотъ праздникъ, и къ тому времени, когда юноша Успенскій окончилъ свои «Нравы Растеряевой улицы», отъ праздника оставалось уже развѣ только похмѣлье, а тамъ и великій постъ приспѣлъ. Тяжесть, особенная, спеціальная тяжесть положенія состояла въ томъ, что были выдвинуты новыя силы, а точки приложенія для нихъ были убраны прочь; былъ накрытъ столъ, блестѣвшій бѣлизною скатерти и сверканіемъ новой посуды, былъ возбужденъ аппетитъ, а обѣдъ-то вдругъ куда-то совсѣмъ въ другое мѣсто унесли. Я знаю, что не о единомъ хлѣбѣ живетъ человѣкъ, и не о хлѣбѣ говорю. Однако, и хлѣбъ дѣло не послѣднее, если его надо зарабатывать и нѣтъ возможности не то что семь разъ переписать повѣсть, а даже иной разъ просто перечитать написанное, или же нѣтъ возможности пристроить задуманную вещь и приходится дѣлать тѣ вивисекціи, которыя производилъ надъ своими литературными чадами Успенскій. Притомъ же хлѣбъ въ самомъ прямомъ и жесткомъ смыслѣ этого страшнаго слова въ этомъ случаѣ тѣснымъ образомъ связывался съ духовнымъ хлѣбомъ, съ идеей. Хлѣбъ, заработанный литературнымъ служеніемъ обществу, былъ именно новой и заманчивой идеей. И не въ томъ только было дѣло, что тотъ или другой даровитый юноша голодалъ на литературномъ поприщѣ. Нѣтъ, въ немъ была разбужена духовная жажда и, казалось, все обѣщало удовлетвореніе этой жажды, а чаша-то, полная чаша, уже приставленная къ губамъ и дразнящая своей близостью, вдругъ и прошла мимо. Такое мучительное ощущеніе едва ли было знакомо писателямъ сороковыхъ годовъ, которые были для этого слишкомъ равномѣрно и безпросвѣтно отягощены. Напримѣръ, разсказываемый

Digitized by Google

Успенскимъ трагикомическій (я не могу назвать его просто комическимъ, объ этомъ скажу еще подробнѣе) эпизодъ съ «Женскимъ Вѣстникомъ» никакимъ образомъ не могъ имѣть мѣста въ сороковыхъ годахъ, потому что и самый «Женскій Вѣстникъ» былъ тогда немыслимъ. Спеціальный органъ «женскаго движенія» или «женскаго вопроса», какимъ былъ по задачѣ этотъ журналъ, самъ былъ продуктомъ и вмѣстѣ выраженіемъ пробужденія новыхъ силъ и розовыхъ надеждъ. Онъ не удовлетворялъ, правда, своему назначенію и былъ вообще плохъ, но это уже другое дѣло. Можетъ быть и плохъ-то онъ былъ потому, что явился, когда розовымъ мечтаніямъ «женскаго движенія» пришелъ конецъ. Но капризною волею судьбы, этотъ журналъ обращается вмѣстѣ съ тѣмъ въ единственное пристанище для начинающаго талантливаго юноши, который однако для входа въ это пристанище долженъ «умыть и пріодѣть» своихъ немытыхъ героевъ. Изъ всего этого выходитъ цѣлая сѣть недоразумѣній, неудобствъ, основной элементъ которой можетъ быть выраженъ въ трехъ-четырехъ словахъ: потребность разбужена, а средства для удовлетворенія ея сокращены или совсѣмъ удалены. На попытки приспособленія къ такому непереносному положенію вещей и ушла значительная часть дѣятельности Успенскаго въ ту молодую пору, когда его талантъ еще складывался, еще не отлился въ прочныя, неподатливыя формы.

Повторяю, я не хочу объяснять всю исторію развитія какого-нибудь писателя одними внѣшними условіями. Думаю, что необходимость разбивать широко задуманную вещь въ дребезги и потомъ искуственно придавать имъ внѣшній видъ законченности должна была самымъ рѣшительнымъ образомъ повліять на манеру писанія, но отнюдь не думаю, чтобы дѣло вполнѣ объяснялось такъ чисто механически. Тѣмъ болѣе, что сами эти вивисекціи не были простой механической операціей: самъ авторъ указываетъ на сопровождавшіе ее психическіе моменты — гнетущее чувство нравственнаго одиночества и неувѣренность въ своихъ силахъ. О, еслибы это была простая механика, такъ мнѣ не зачѣмъ было бы писать настоящее письмо, потому что тогда и Успенскій не былъ бы Успенскимъ. Спросъ на законченныя формы бэллетристики, то-есть на романъ, повѣсть, драму, такъ великъ (и это вполнѣ естественно), что могъ бы, пожалуй, съ теченіемъ времени съиграть такую же принудительную роль. А разъ это нетолько механика, нельзя и въ объясненіи ея довольствоваться механикой. Нужно нетолько отмѣтить внѣшнюю манеру письма, но и заглянуть въ душу писателя, насколько это возможно и прилично въ разговорѣ о живомъ человѣкѣ, то-есть насколько матеріалы для такого разговора даются самими произведеніями писателя, а не какими-нибудь біографическими данными...

Если вы скажете, что для подобнаго разговора было бы лучше дождаться послѣдующихъ томовъ сочиненій Успенскаго, то вы

Digitized by Google

будете, конечно, правы. Но я надѣюсь, что вы позволите мнѣ и еще разъ къ нему вернуться впослѣдствіи, а теперь мнѣ хотѣлось бы выяснить такія стороны физіономіи его, какъ писателя, которыя могутъ быть извлечены и изъ двухъ первыхъ томовъ.

Читая любую страницу въ этихъ двухъ томахъ, вы прежде всего замѣтите ея содержательность. Тутъ много недодѣланнаго, недоговореннаго, оборваннаго, но нѣтъ ничего лишняго; ни, напримѣръ, длинныхъ описаній природы или домашней обстановки, которыми беллетристы такъ часто разбавляютъ свои произведенія, какъ слишкомъ расчетливыя или бѣдныя хозяйки разбавляютъ чай кипяткомъ; ни непомѣрнаго размазыванія психологическихъ тонкостей, которыми иногда страдаютъ даже очень талантливые художники; ни множества вводныхъ и для хода разсказа совершенно излишнихъ лицъ, которыя толкутся на страницахъ иныхъ беллетристовъ совершенно неизвѣстно для чего. Разсказъ Успенскаго всегда сжатъ и даже черезчуръ сжатъ, мысли автора, когда онъ говоритъ отъ себя, опять-таки изложены скорѣе слишкомъ кратко, чѣмъ слишкомъ пространно. Это, если позволено будетъ кулинарное сравненіе, очень крѣпкій бульонъ, который можетъ приходиться по вкусу однимъ и не нравиться другимъ, но уже навѣрное не разбавленъ водой. Чтобы оцѣнить эту особенность Успенскаго, представьте себѣ, что на одну изъ тэмъ его разсказовъ взялись писать такіе, напримѣръ, беллетристы разнаго роста, какъ Достоевскій, г. Боборыкинъ и г. Эртель. Возьмите для этого мысленнаго опыта маленькій разсказъ «Про одну старуху». Это всего нѣсколько страницъ. Но г. Эртель растянулъ бы ихъ на два печатныхъ листа, потому что разъ пять вышелъ бы изъ конуры старухи на улицу для изображенія восходящаго и заходящаго солнца, голубого неба и неба, покрытаго свинцовыми тучами, начинающаго, продолжающагося и прекращающагося дождя и т. п. Г. Боборыкину потребовалось бы еще болѣе мѣста, потому что онъ съ точностью вымѣрялъ бы высоту, длину и ширину конуры, сгонялъ бы раза три старуху въ мелочную лавочку, причемъ читатель былъ бы поставленъ въ извѣстность и относительно размѣровъ лавочки, и относительно сорта купленнаго старухой фунта хлѣба; обратилъ бы вниманіе на брюнетку или блондинку, которая во всѣхъ смыслахъ проходитъ мимо старухи и т. д. Наконецъ, Достоевскій истерзалъ бы читателя количествомъ страницъ, посвященныхъ изображенію мученій старухи въ части, въ больницѣ, при встрѣчѣ съ измѣнницей Дурдилкой; да и ввелъ бы, кромѣ того, множество побочныхъ эпизодовъ. А у Успенскаго, повторяю, весь разсказъ занялъ нѣсколько страницъ. Я только констатирую фактъ, предоставляя пока сужденіе о немъ на полную волю читателя. Лично я держусь того мнѣнія, что художественная воздержность, состоящая въ сжатости, краткости, уклоненіи отъ всего сколько-

Digitized by Google

нибудь посторонняго, представляетъ сама-по-себѣ большое достоинство, но у Успенскаго заходитъ иногда слишкомъ далеко.

И, однако, вотъ самъ Успенскій нашелъ у себя кое-что лишнее. Просматривая вышедшіе два тома, я не находилъ въ нихъ то отдѣльной фразы или яркаго слова, которое хорошо помню, а то и цѣлой картинки. Такихъ пропусковъ не много, но они интересны. Пропущены главнымъ образомъ разныя «смѣшныя» вещи. Признаюсь, нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ было жалко, потому что онѣ не просто «смѣшны», а въ разныхъ смыслахъ очень удачны. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что самъ авторъ пожелалъ для отдѣльнаго изданія еще болѣе сжаться въ своемъ художественномъ аскетизмѣ. Я не буду пытаться реставрировать эти пропуски, но мы и безъ нихъ можемъ выяснить себѣ характеръ «смѣшного» въ г. Успенскомъ.

Я попрошу васъ перевернуть нѣсколько страницъ назадъ и перечитать вышеприведенный разсказъ объ томъ, какъ «Нравы Растеряевой улицы» урѣзывались и прикрашивались для «Женскаго Вѣстника». Читая эти строки, вы, вѣроятно, улыбнетесь и, во всякомъ случаѣ, усмотрите улыбку на лицѣ самого автора. Между тѣмъ, въ существѣ вещей вамъ предъявлена серьезнѣйшая, глубокая драма. Въ самомъ дѣлѣ, всякому свое дорого и не трудно себѣ представить, какія скорбныя чувства одолѣвали молодого писателя, когда онъ, подъ напоромъ разныхъ надвигавшихся на него житейскихъ случайностей, придѣлывалъ голову и хвостъ къ своему обрывку и умывалъ своихъ неумытыхъ героевъ. Онъ и теперь съ понятною горечью вспоминаетъ, что отъ этой операціи герои «стали только хуже, а правды въ нихъ меньше». Нашему брату, писателю, это драматическое положеніе автора, конечно, ближе и понятнѣе, чѣмъ читателю, но и онъ, надо думать, безъ особеннаго напряженія фантазіи, можетъ себѣ представить, чего стоитъ отцу калѣчить свое дѣтище въ видахъ жертвоприношенія какому-то нелѣпому идолу житейскихъ случайностей. И если объ себѣ самомъ, о своей собственной скорби писатель разсказываетъ съ улыбкой, такъ улыбка эта получитъ совсѣмъ особенное значеніе: она должна быть чѣмъ-то опредѣляющимъ, характернымъ вообще для внутреннихъ отношеній писателя.

Дѣйствительно. Возьмемъ для образчика разсказъ «Нужда нѣсенки поетъ» и остановимся на немъ немного подольше.

Къ автору является неизвѣстный человѣкъ и предъявляетъ бумагу, въ которой изложено слѣдующее: «Господинъ Ивановъ, пиро-и-гидро-техникъ, на короткое время прибывшій въ г. N., честь имѣетъ доложить высокопочтеннѣйшей публикѣ, что, имѣя искуство въ египетской, арабской, эѳіопской, индѣйской, халдейской и другихъ магіяхъ и состоящей изъ новыхъ фантастическихъ опытовъ и призраковъ тайной и натуральной увеселительной магіи, что, давая оныя представленія въ высокоблагородныхъ домахъ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ, съ аппаратами

Digitized by Google

и безъ аппаратовъ, попури изъ міра чудесъ, кабалистика и чревоувѣщаніе по весьма сходнымъ цѣнамъ; также индійское эскамотированіе, гирлянда розъ, невозможность въ дѣйствіи, обезглавленіе головы, носа и другихъ частей тѣла и проч., и проч., и проч.». Въ низу прибавлено: «льстя себя надеждою»... и красовалась подпись: «Пиро-и-гидро-техникъ Капитонъ Ивановъ».

Смѣшно, не правда ли? Смѣшны всѣ эти «чревоувѣщанія по сходнымъ цѣнамъ» и «обезглавленія головы, носа и другихъ частей тѣла»? Но подождите, дальше будетъ еще смѣшнѣе. Господинъ Ивановъ, пиро-и-гидро-техникъ, разсказываетъ автору разные эпизоды изъ своей жизни. Передавать ихъ всѣ было бы слишкомъ долго, но одинъ изъ нихъ я сообщу. Пришло дѣло такъ, что Капитону Иванову надо идти въ солдаты, нанять за себя «вольнаго» не на что, одинъ было попался, да надулъ. Капитону Иванову, столь искусному въ индійскомъ эскамотированіи и обезглавленіи носа, ужь и лобъ забрили. А дальше произошло вотъ что:

«Ревемъ мы съ бабой, какъ ребята малые: чисто-на-чисто пропадать приходится... И что-жь, вы думаете, вышло? На другой день къ вечеру, наканунѣ, значитъ, быть походу, стало мнѣ легче! Вѣдь вотъ чудо-то какое! Легче, легче и совсѣмъ повеселѣли! «Маша, говорю, семъ я къ господину откупщику схожу, фокусовъ сыграть, и можетъ быть, между прочимъ, Господь мнѣ поможетъ?» Дѣло было на масляницѣ; надѣваю я, для забавы, турецкое чалмо и этакой балахонъ: туркой наряжаюсь. Смотритъ на меня супруга и говоритъ: «Семъ, говоритъ, Иванычъ я и себѣ чалмо надѣну? Можетъ быть, говоритъ, господинъ откупщикъ сжалятся надъ нами, когда увидятъ, что мужъ и жена однимъ мастерствомъ живутъ; можетъ, онъ и не захочетъ, говоритъ, насъ разлучить?» — «Матушка моя, говорю, ты въ такомъ теперича положеніи (она въ то время въ этакомъ положеніи была-съ), ты, говорю, въ такомъ положеніи, для чего тебѣ натруждать себя?» — «Ну, говоритъ, за одно! Либо, говоритъ, жизнь, либо смерть!» Надѣваетъ она на себя чалмо турецкое, шаль (платокъ этакой ковровый-съ), шаль эту черезъ плечо, по-цыгански. Пошли!.. Идемъ, идемъ, да какъ заплачемъ оба, въ чалмахъ-то этихъ! Идутъ люди, глядятъ на насъ и говорятъ: «съ чего это два турка плачутъ?» Приходимъ къ откупщику. «Какъ объ васъ доложить?» — «Ивановъ, говорю, съ супругою». — «Принять». Входимъ мы въ залу, гости... Страсть гостей! Откупщика, Родивонъ Игнатьича, я зналъ и онъ меня тоже зналъ. «А, говоритъ, ну, дѣлай!» Начинаю я дѣлать фокусы, сердце такъ и стучитъ: завтра въ солдаты! Дѣлаю фокусы, господа смѣются, довольны. «А это кто же съ тобой?» Родивонъ-то Игнатьичъ говоритъ.—«А это-съ, говорю, жена моя, супруга». — «Что же, говоритъ, и она по этой части?» Я молчу. «Можете вы душенька?» (у жены спрашиваетъ).—«Могу-съ», говоритъ... (Вижу бѣ-

Digitized by Google

лая вся!) — «Такъ пройдитесь, говоритъ, «По улицѣ мостовой». Маша сейчасъ голову къ низу, руки надъ головой согнула и поплыла... Да вѣдь какъ-съ! Откуда что взялось!.. Барышня по фортопьянамъ ударила, а она-то плыветъ, извивается... Ахъ! замерло у меня сердце! Тутъ зачали господа трепать въ ладоши. «Пріятлично, кричатъ, превосходно! еще! еще!» А она и еще того лучше... Не удержался я, такъ у меня слезы-то полились, полились, капъ, капъ... Родивонъ Игнатьичъ кричитъ: «Это что? на масляницѣ-то? у меня въ домѣ?» Я въ ноги! Маша гдѣ плясала, тутъ на колѣни и повалилась. «Что, что? Какъ, какъ?» Разсказали ему: «Одна надежда на вашу милость!.. Завтра на войну... жена... дѣти». — «Не робѣй, говоритъ. Вотъ тебѣ... И выноситъ 200 серебромъ! Поминай на молитвѣ». Чуть я въ то время съ ума не сошелъ... Бѣжимъ мы по улицѣ, ровно угорѣлые. Люди идутъ: вотъ, говорятъ, турки набѣжали. Эко у насъ, ребята, турокъ развелось тьма-тьмущая. Это, говорятъ, плѣнные! (А это мы съ супругой весь городъ обѣгали!). Бѣжимъ, земли не слышимъ... Исторія было случилась на дорогѣ, въ другой разъ въ полицію бы потащилъ, а тутъ только шибче побѣгъ».

На вопросъ автора: въ чемъ состояла «исторія», пиро-и-гидротехникъ разсказалъ:

«Такъ-съ, свинство, необразованность... Бѣжимъ это мы съ женой, какъ я вамъ докладывалъ. Попадаются двое пьяныхъ, прямо противъ насъ уставились. Одинъ подходитъ ко мнѣ: «Въ какомъ вы, говоритъ, правѣ турецкія челны носить?» Я ему шуткой въ отвѣтъ: «А потому, говорю, какъ мы турецкаго нарѣчія».—«А въ какой вы, говоритъ, землѣ находитесь, въ православной или въ какой?»—«Мы, говорю, здѣсь плѣнные».—«А когда, говоритъ, вы наши плѣнные, то...» Да съ этимъ словами ка-а-акъ! вотъ въ эту самую кость! (Гость показалъ на собственный високъ). Мы съ женой во всю мочь! Ну, вотъ-съ и все!»

Дальнѣйшій разсказъ пиро-и-гидро-техника не менѣе интересенъ, но пусть читатель обратится за нимъ къ подлиннику, а съ меня достаточно и приведеннаго. Потому достаточно, что и въ этомъ отрывкѣ съ полною ясностью выражается наиболѣе характерный для Успенскаго пріемъ художественнаго творчества. Мнѣ не хочется употреблять избитое, истрепанное, многосмысленное и потому самому мало говорящее выраженіе «смѣхъ сквозь слезы». Но если эта избитая формула означаетъ способность и склонность съ улыбкою разсказать страшную драму и притомъ такъ, что глубина драмы отъ этого нетолько не утрачиваетъ своей силы, а, напротивъ, оттѣняется, то я не знаю во всей русской литературѣ никого, кто бы умѣлъ такъ смѣяться сквозь слезы, какъ Успенскій. Нечего и говорить, что это не безпредметное зубоскальство, довольствующееся смѣшными положеніями или даже смѣшными словами—ни одного просто смѣшнаго положенія вы у Успенскаго не найдете. Но это и не pès-

Digitized by Google

кіе удары сатирическаго бича, и не капризныя, кокетливо истерическія арабески изъ грусти и веселья, слезъ и смѣха, какія бываютъ у чисто художественныхъ натуръ типа Гейне. Это совсѣмъ особенное, оригинальное, лично Успенскому принадлежащее, сочетаніе комическаго и трагическаго.

Очеркъ «Тише воды, ниже травы», выбранный мною для образчика, принадлежитъ и по объему, и по замыслу автора къ наименѣе значительнымъ въ первомъ томѣ. Но по всѣмъ видимостямъ онъ имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе, то есть не представляетъ собою искуственнаго осколка, отторгнутаго разными случайностями отъ большого цѣлаго. Поэтому на немъ особенно удобно наблюдать характеръ художественнаго пріема автора. Вы видите рядъ комическихъ подробностей: пиро-и-гидро-техника съ «чревоувѣщаніями», «обезглавленіями головы и прочихъ частей тѣла», «индійскими эскамотированіями» и проч.; потомъ еще другія подобныя смѣшныя мелочи, которыя я, краткости ради, въ своемъ пересказѣ пропустилъ; потомъ «турецкое челмо» и проч. Но по мѣрѣ того, какъ эти комическія черты скопляются въ достаточномъ количествѣ, вы чувствуете, что вступаете въ кругъ вещей, совсѣмъ не смѣшныхъ и не мелкихъ. Вамъ становится жутко, вы ощущаете въ себѣ какой то сложный и все болѣе усложняющійся процессъ, достигающій своей предѣльной точки въ тотъ моментъ, когда Маша пускается въ плясъ. Въ салонѣ господина откупщика, передъ толпой полудикихъ гостей, беременная женщина, наряженная въ «турецкое челмо» и въ «шаль по-цыгански», пляскою «по улицѣ мостовой» принимаетъ участіе въ «индійскомъ эскамотированіи» для спасенія мужа отъ солдатчины... Необыкновенная сложность этого маленькаго событія особенно замѣчательна тѣмъ, что въ немъ трагическое положеніе соткано изъ комическихъ подробностей. Турецкое челмо очень смѣшно, возгласъ «пріотлично!», которымъ ободряли Машу откупщикъ и его гости, тоже смѣшонъ, но вѣдь вы не смѣялись, когда Маша плясала. Художникъ самъ продѣлалъ надъ вами нѣчто въ родѣ «опыта тайной натуральной магіи»: смѣшилъ, смѣшилъ и подъ конецъ изъ самыхъ этихъ смѣшковъ выстроилъ нѣчто такое, отъ чего вы чуть не заплакали.

Скажутъ, можетъ быть, что этотъ эффектъ могъ бы быть достигнутъ и другимъ путемъ; зачѣмъ собственно эти комическіе аксессуары трагическаго положенія? Но дѣло въ томъ, что вопросъ «зачѣмъ?» бываетъ часто относительно художественнаго творчества лишенъ всякаго смысла. Другой большой художникъ, съ инымъ складомъ творчества, съумѣлъ бы иначе поставить дѣло, довольствуясь, можетъ быть, однимъ трагическимъ элементомъ. Но у Успенскаго—и въ этомъ состоитъ характернѣйшая его, какъ художника, черта—всѣ эти «челмы» и «невозможности въ дѣйствіи» нетолько не излишни, а, напротивъ, не-

*

Digitized by Google

обходимы именно потому, что оттѣняютъ драматизмъ положенія. Нетолько изъ нихъ таинственнымъ, «магическимъ» путемъ сложилась драма, но, благодаря имъ, вы съ особенною ясностью видите пошлость и дикость той среды, которую призванъ развлекать пиро-и-гидро-техникъ Капитонъ Ивановъ. Чтобъ пронять ее, Капитонъ Ивановъ неизбѣжно долженъ былъ и самъ явиться въ шутовскомъ видѣ, и Маша должна была сдѣлать именно то, что она сдѣлала, и именно такъ, а не иначе. Передъ рѣшеніемъ явиться въ салонѣ откупщика, пиро-и-гидротехникъ исчерпалъ всѣ обыкновенные рессурсы: просьбы самыя трогательныя, хлопоты самыя энергическія. Ничего не вышло. Не вышло бы ничего и тогда, еслибы Маша проявила возвышеннѣйшій героизмъ безъ «челмы» и не въ составѣ «индійскаго эскамотированія». Авторъ ни однимъ словомъ не осудилъ откупщика и все его общество, онъ даже предоставилъ откупщику совершить благодѣяніе, но при небольшомъ сосредоточеніи вы можете поистинѣ въ ужасъ придти отъ броненосности и толстокожести жителей города N...

Для полной оцѣнки эпизода въ салонѣ откупщика, мнѣ бы хотѣлось припомнить что-нибудь параллельное у другихъ беллетристовъ. Но не могу ничего вспомнить, кромѣ эпизода изъ одной юношеской или даже мальчишеской повѣсти (безъ названія) Лермонтова. Тамъ красавица Ольга, пріемышъ нѣкотораго звѣрообразнаго помѣщика, по требованію его и пьяныхъ гостей, пляшетъ «русскую». Ольга красавица, пляшетъ съ изумительной граціей; одѣта она не въ челмо какое-нибудь и цыганскую шаль, а въ нарочито сшитый шелковый сарафанъ; дѣло происходитъ во времена пугачевщины, отдаленный грохотъ которой доносится и до Ольги; сама она исполнена неясныхъ, но возвышенныхъ чувствъ. Словомъ, ни одной комической черты въ разсказъ не введено; кругомъ все мрачно и страшно или возвышенно и прекрасно. И въ концѣ-концовъ никакого участія къ красавицѣ Ольгѣ и никакого раздумья о звѣрообразности тогдашней помѣщичьей среды не получается. Получается только то непріятное ощущеніе, которое всякая фальшь всегда вызываетъ въ маломальски чуткомъ человѣкѣ. Вы понимаете, что я не Успенскаго съ Лермонтовымъ сравниваю, да и не великая еще это была бы честь понимать мѣру вещей лучше, чѣмъ ее понималъ 15—16-лѣтній мальчикъ, хотя бы онъ и назывался Лермонтовымъ. Но даже мальчишескія произведенія такихъ колоссальныхъ талантовъ поучительны. Не говорю я также, что комическій элементъ обязательно нуженъ для полноты трагическаго впечатлѣнія (хотъ это можетъ быть до извѣстной степени справедливо). Я только пробую съ разныхъ сторонъ освѣтить художественные пріемы Успенскаго и проникнуть по возможности въ тайну того необыкновенно пріятнаго чувства, которое ощущаетъ читатель въ общеніи съ этимъ писателемъ. Я совершенно увѣренъ, что еслибы

Digitized by Google

Успенскій вздумалъ обставить свой эпизодъ съ Машей на тотъ манеръ, какъ обставленъ эпизодъ съ Ольгой у Лермонтова, то вышла бы вещь безобразная, фальшивая, «сочиненная» въ зазорномъ смыслѣ этого слова. Но онъ этого никогда не сдѣлаетъ и сдѣлать органически не можетъ, потому что всегда отдается влеченіямъ своего оригинально сложнаго таланта; другими словами, потому, что онъ всегда искренекъ. Это инструментъ, рѣшительно неспособный издавать фальшивыя ноты. Онъ можетъ написать вещь оборванную, неуклюжую, наконецъ, просто слабую, но не можетъ солгать. Сплошной напыщенный трагизмъ для него также же недоступенъ, какъ и противоположный полюсъ—безпредметное зубоскальство. Оттого ли онъ искренекъ и правдивъ, что талантъ его ужь такъ стихійно счастливо скомбинированъ, что позволяетъ ему видѣть вещи единовременно съ двухъ сторонъ—трагической и комической, или, напротивъ того, онъ въ искренности своей почерпаетъ смѣлость такъ всесторонне относиться къ вещамъ; разсуждать объ этомъ было бы все равно, что разсуждать объ томъ, курица ли снесла первое яйцо или, напротивъ, изъ яйца выросла первая курица. Это результатъ длиннаго и сложнаго процесса, результатъ, во всякомъ случаѣ, въ высокой степени цѣнный. Онъ былъ бы, однако, еще драгоцѣннѣе, еслибы не парализировался нѣкоторыми другими особенностями Успенскаго, объ которыхъ сейчасъ скажу. А теперь позвольте покончить съ пиро-и-гидро-техникомъ.

Доведя скопленіе комическихъ подробностей до того момента, когда изъ нихъ само собой сложилась высокая драма, авторъ спускаетъ читателя съ этой трагической высоты по той же лѣстницѣ, по которой ввелъ его туда. Супруги Ивановы вполнѣ счастливы тѣмъ, что ломались не даромъ. Оно и понятно. Дѣло нетолько въ томъ, что бѣда миновала. Пиро-и-гидро-техникъ долженъ питать, кромѣ того, острое, нѣжное чувство къ героической Машѣ, а сама она должна чувствовать нѣкоторую вполнѣ законную гордость. Счастье такъ велико, такъ полно и сложно, что супруги ужь не гонятся за тычкомъ. Какая-то пьяная скотина оборвала шуточную бесѣду о турецкихъ плѣнныхъ ударомъ «вотъ въ эту самую кость»; супруги ничего, только прытче домой побѣжали. И читатель, послѣ того напряженія скорбнаго чувства, которое онъ сейчасъ только испыталъ, готовъ раздѣлить это благодушное презрѣніе супруговъ Ивановыхъ, онъ тоже не гонится за тычкомъ и не чувствуетъ ни гнѣва, ни негодованія на пьяную скотину, хотя она занимаетъ свое очень опредѣленное мѣсто среди «жестокихъ нравовъ нашего города». Нетолько общепринятый кодексъ приличій, но и непосредственное нравственное чувство подсказываетъ, что лежачаго не бьютъ и плѣнныхъ не обижаютъ. А пьяная скотина говоритъ: «коли вы наши плѣнные», то вотъ вамъ «въ эту самую кость»! Мерзость великая, но въ данную минуту она въ такой степени тонетъ въ

Digitized by Google

счастливомъ возбужденіи супруговъ Ивановыхъ, что сами они ея почти не замѣчаютъ, а вы опять готовы улыбнуться, отнюдь, однако, не забывая, какъ не забываетъ Капитонъ Ивановъ, что это «свинство, необразованность».

Такова еще одна особенность Успенскаго. Онъ разсказываетъ подчасъ возмутительныя, ужасающія вещи, но почти никогда не возбуждаетъ въ читителѣ гнѣва или негодованія. Грустное раздумье—вотъ наиболѣе обыкновенный осадокъ, остающійся на душѣ читателя сочиненій Успенскаго. Достигается этотъ результатъ разными путями, но онъ почти всегда на лицо. И грусть эта опять-таки не безпредметная, а, напротивъ, съ совершенно опредѣленнымъ характеромъ. Иной читатель, можетъ быть, не совсѣмъ ясно сознаетъ, отчего это ему показали настоящій фейерверкъ комическихъ чертъ и черточекъ, а ему къ концу фейерверка стало грустно; разсказали ему ужасный случай возмутительнаго насилія, а онъ не гнѣвается и опять-таки груститъ. Но, нѣсколько вдумавшись, читатель пойметъ въ чемъ дѣло. Груститъ онъ объ томъ, что, какъ говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ Успенскаго (въ «Наблюденіяхъ лѣнтяя»), «выѣли, выѣли изъ васъ душу». Исторія человѣка съ выѣденной душой, человѣка обезличеннаго, «не имѣющаго своихъ словъ» и не смѣющаго ихъ имѣть, человѣка, до такой степени умственно и нравственно опустошеннаго, что онъ нетолько трепещетъ передъ зломъ и угрозой, а принимаетъ ихъ за истинный, самый подлинный и непререкаемый смыслъ жизни — такова любимая тэма Успенскаго. Я слишкомъ многое хотѣлъ бы сказать по этому поводу, чтобы теперь же, на основаніи двухъ только лежащихъ передо мною томовъ, пытаться обнять задачу во всемъ ея объемѣ, и потому буду кратокъ. Задача, дѣйствительно, огромная нетолько сама по себѣ, но и по тому сложному отношенію, въ которое становится къ ней Успенскій. Нечего и говорить, что это не плаксивое нытье, отъ котораго онъ застрахованъ своимъ юморомъ; въ обширной коллекціи опустошенныхъ, этотъ юморъ естественно находитъ богатую пищу. Но этого мало. Исторія опустошенныхъ людей была бы не полна, еслибы намъ не были показаны въ ихъ средѣ, хотя бы чрезвычайно рѣдкія и краткія, но тѣмъ болѣе важныя минуты «просіянія своего ума», минуты наполненія пустыхъ сосудовъ, минуты сознанія своихъ правъ на жизнь и пониманія безправія, ничтожества того, что выѣло изъ нихъ душу. Успенскій даетъ намъ эти поправки, предъявляя, напримѣръ, «Парамона юродиваго»—разсказъ, нетолько до краевъ переполненный задушевностью (обыкновенное качество Успенскаго), но и чрезвычайной художественной силы и законченности. Характерна еще въ этомъ отношеніи смерть Вани въ «Наблюденіяхъ Михаила Иваныча». Но не продолжительны эти минуты умиленія, восторга, рѣшимости, вообще подъема чувствъ, вызваннаго въ средѣ опустошенныхъ людей смертью Вани, появленіемъ Парамона юро-

Digitized by Google

диваго, крымской войной, новымъ судомъ и другими необыкновенны препятствіями. Вслѣдъ за тѣмъ они опять погружаются въ свою тину, тѣмъ самымъ натурально оставляя на душѣ читателя осадокъ грустнаго раздумья. Однако, кое-кто изъ всколыхнутыхъ изъ ряду вонъ выходящимъ событіемъ остается же на высотѣ, до которой его подняла необычная волна. И вотъ, передъ нами фигуры хроническихъ, такъ сказать, протестантовъ: отецъ въ «Наблюденіяхъ лѣнтяя», Михаилъ Ивановичъ въ «Разореньи». Они очень волнуются, сердятся, русаются, но ихъ чувства лишь въ слабой степени передаются читателю. Неудивительно, конечно, что онъ не можетъ раздѣлять маленькихъ надеждъ Михаила Иваныча, потому что онъ, читатель, тутъ же ставится въ возможность взглянуть на дѣло шире и усмотрѣть неосновательность надеждъ. Но достойно вниманія, что гнѣвъ и негодованіе протестантовъ точно также не отражаются полностью въ читателѣ, а преобразуются въ немъ въ то же грустное раздумье. Дѣло въ томъ, что маленькіе обидчики, тираны и насильники, непосредственно сидящіе надъ опустошенными людьми, сами оказываются опустошенными. Напримѣръ, пьяная скотина, ударившая «вотъ въ эту самую кость» пиро-и-гидро-техника, есть, можетъ быть, никто иной, какъ силачъ Ѳедотовъ (въ «Наблюденіяхъ лѣнтяя»), который, будучи въ сущности добрѣйшимъ человѣкомъ, отъ страшной внутренней пустоты занимается по ночамъ выворачиваніемъ фонарныхъ столбовъ, вымазываніемъ дегтемъ воротъ и прочими уличными безчинствами, лишенными всякаго смысла. Богоборцевъ (онъ же Толоконниковъ) въ «Нравахъ Растеряевой улицы», Андрей Семенычъ въ «Тише воды, ниже травы»—настоящіе тираны и мучители, но и у нихъ, на ряду съ тѣми опустошенными, которые ихъ трепещутъ, какія-то общія и большія обстоятельства «выѣли душу». Недаромъ именно съ этими словами отецъ «лѣнтяя» обращается къ самоувѣренному, ни мало, повидимому, не приниженному чиновнику и къ благополучному купцу. У Толоконникова и Андрея Семеныча тиранство есть даже не простой случайный спутникъ, а результатъ опустошительности. Это несчастнѣйшіе люди, опять же не имѣющіе «своихъ словъ» и набивающіе свою жизнь ни съ чѣмъ несообразными пустяками. Прибавьте къ этому нѣсколько мастерскихъ комическихъ штриховъ, и вы поймете, почему въ васъ нѣтъ гнѣва и негодованія и почему вы находитесь во власти грустнаго раздумья, по поводу тѣхъ общихъ и большихъ обстоятельствъ, которыя устроили все это такъ обидно для человѣческаго достоинства, для жизни...

Я боюсь, что нынѣшнее поколѣніе читателей, хорошо знакомое съ позднѣйшими произведеніями Успенскаго, очень мало знаетъ тѣ старые его очерки и разсказы, которые вошли въ два первые тома. Позвольте мнѣ поэтому рекапитулировать мои бѣглыя замѣчанія въ примѣненіи къ одному какому-нибудь изъ его произведеній.

Digitized by Google

Возьмемъ «Тише воды, ниже травы». Сюда вошли, какъ разсказываетъ авторъ, матеріалы, которые должны были составить вторую часть «Разворенья»; «Разворенье» въ свою очередь есть продолженіе «Нравовъ Растеряевой улицы». Мы можемъ здѣсь видѣть слѣды той вивисекціи, которую долженъ былъ совершать нашъ авторъ надъ своими произведеніями. Вырвавъ клокъ изъ «Нравовъ» и сдѣлавъ изъ него самостоятельное «Разворенье», авторъ и изъ этого «Разворенья» вырвалъ еще клокъ—«Тише воды, ниже травы». Этотъ клокъ авторъ называетъ «Дневникомъ», очевидно затрудняясь подвести его подъ общепринятыя формы очерка, разсказа, повѣсти, романа. Это дѣйствительно ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое, но и не дневникъ, это просто клокъ, вырванный изъ живого цѣлаго. Спѣшность и безпорядочность, съ которыми производилась убійственная или, пожалуй, самоубійственная операція, такъ велики, что даже теперь, въ отдѣльномъ, вновь просмотрѣнномъ изданіи, одно изъ дѣйствующихъ лицъ безразлично величается то Андреемъ Семенычемъ, то Семеномъ Андреичемъ [1]. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, что работа была легка. Напротивъ. Этотъ самый Андрей Семенычъ или Семеномъ Андреичъ, уѣздный учитель и пустопорожній маленькій тиранъ, есть, очевидно, повтореніе Богоборцева и Толоконникова, дѣйствующихъ въ двухъ разныхъ частяхъ «Нравовъ Растеряевой улицы» (что Богоборцевъ и Толоконниковъ одно и тоже лицо, это говоритъ самъ авторъ). Такимъ образомъ выходитъ вотъ что. Художникъ создалъ типъ пустопорожняго маленькаго тирана и намѣтилъ ему опредѣленное мѣсто въ очень большомъ и сложномъ, законченномъ произведеніи. Sa majesté le Hasard, со всею своею мощью, но и со всѣмъ своимъ безсмыслiемъ, такъ подогналъ обстоятельства, что художнику пришлось разбить это обширное произведеніе въ дребезги и въ дребезгахъ *три* раза возстановить созданный типъ, каждый разъ въ новой обстановкѣ, съ новыми отношеніями къ людямъ и съ сохраненіемъ только основной черты типа—маленькаго пустопорожняго тиранства. Еслибы рѣчь шла не объ Успенскомъ, то можно бы было подумать, что онъ повторяется. Но до этого положенія ему далеко и теперь, послѣ двухъ десятокъ лѣтъ литературной дѣятельности. А объ той порѣ, когда онъ писалъ «Тише воды, ниже травы» и гово-

[1] Вообще Успенскому не везетъ насчетъ аккуратности. Опечатокъ въ двухъ изданныхъ томахъ не то, чтобы черезчуръ много, но попадаются между ними удивительныя. На верху каждой лѣвой страницы напечатано общее заглавіе (напримѣръ, «Разворенье»), а на верху каждой правой—частное (напримѣръ «Тише воды, ниже травы»). Это очень удобно и придаетъ изданію щегольской видъ. Но вотъ въ частномъ заглавіи «Нужда пѣсенки поетъ» подлежащее отдѣляется отъ сказуемаго запятою (нужда, пѣсенки поетъ), и эта опечатка повторяется *семь* разъ, по числу занимаемыхъ разсказомъ страницъ.

Digitized by Google

рить нечего. Онъ стоялъ тогда почти только-что на порогѣ своей литературной карьеры и нетолько не повторялся, а напротивъ того, съ величайшею неразсчетливостью расшвыривалъ свои богатства. Образчикомъ этого швырянія можетъ служить именно «Тише воды, ниже травы». Въ этомъ «дневникѣ» напихано столько разнообразнѣйшихъ фигуръ и положеній, столько типовъ высокаго интереса, столько духъ захватывающихъ драмъ, что въ цѣломъ дневникъ отдаетъ даже чѣмъ-то въ родѣ слишкомъ уже питательнаго блюда, не скрашеннаго никакими приправами. Дюжинный, но набившій руку беллетристъ чуть не изъ каждой страницы дневника могъ бы смастерить разсказъ или повѣсть. Можно только удивляться, сколько этому человѣку отъ Бога отпущено и какъ онъ безбожно съ этимъ богатствомъ распоряжается, или какъ безбожно съ нимъ самимъ распоряжается судьба. Разсказать содержаніе «Тише воды, ниже травы» рѣшительно нельзя; до такой степени люди и событія толкаются въ этомъ дневникѣ. Я упомяну только объ одномъ эпизодѣ. Отставной солдатъ, безногій, возвращается на родину. Онъ видалъ на своемъ вѣку виды и, будучи чрезвычайно благодушенъ, съ нѣкоторымъ спокойствіемъ заранѣе предвидѣлъ, что жена его, много лѣтъ тому назадъ имъ оставленная, пожалуй, что уже и не жена ему теперь. Дѣйствительно, баба безъ него совсѣмъ израспутничалась и ко времени прихода мужа живетъ съ здоровеннымъ отпускнымъ солдатомъ Ермолаемъ. Кромѣ того, у нея есть дочь, неизвѣстно отъ кого прижитая; дѣвочка эта полоумная, въ чемъ въ значительной степени виновата мать, колотившая ее въ припадкахъ раскаянія и отвращенія къ своей распутной жизни. Съ возвращеніемъ мужа возникаетъ группа чрезвычайно сложныхъ отношеній. Полоумная дочь неизвѣстнаго отца, пьяная и больная жена, благодушный безногій мужъ и грубый любовникъ, нетолько не уступающій своего мѣста, но еще по какому-то удивительному праву требующій съ мужа постоянныхъ выпивокъ. Въ этихъ настояніяхъ любовникъ получаетъ поддержку со стороны жены, которая, хотя и чувствуетъ стыдъ и раскаяніе, но ужь до того погрязла, что на все рукой махнула. Вотъ какъ объ этомъ, между прочимъ, разсказываетъ солдатъ:

«Да что же, въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ тоже требуется свой покой, право, ей-Богу! «Ты, Ермолай, хошь бы подумалъ, говорю, вѣдь и ты, чай, будешь на судѣ-то?» «Посылай!» (то-есть за водкой). Только и словъ... И жена: «Пошли, Филиппушка, намъ, пропащимъ!» Ужь я посылалъ, посылалъ...»

Дѣло кончается тѣмъ, что жена, укравъ у мужа послѣдніе гроши, отправилась съ любовникомъ въ кабакъ, мужъ за ними, потомъ драка, потомъ жена задушилась, полоумная дочка попала сначала въ часть, а оттуда, въ качествѣ «блаженной», въ какую-то «обитель». Но не на эту внѣшнюю сто-

Digitized by Google

рону драмы обращалъ я ваше вниманіе, а на ту глубокую, внутреннюю, которая вся выразилась въ изумительныхъ словахъ: «пошли, Филиппушка, намъ, пропащимъ!» Забудьте пожалуйста хоть на минуту ходячіе приговоры и затвердѣлыя мнѣнія; забудьте, что Достоевскій есть «властитель думъ», каковое властительство практикуется у него проникновеніемъ въ глубокіе изгибы психологическихъ тонкостей; забудьте также, что Успенскій есть юмористъ, многія «смѣшныя» слова котораго играютъ роль ходячей разговорной монеты. И когда вы отрѣшитесь отъ этихъ предразсудковъ, то есть предъразсужденіемъ на вѣру принятыхъ положеній, то признаете, что у Достоевскаго, спеціалиста по части сложности и тонкости драматическихъ положеній, не много найдется драмъ столь глубокихъ, какъ это «пошли, Филиппушка, намъ, пропащимъ». О, конечно, разница между этими писателями огромная и я вовсе не думаю сравнивать то, что несоизмѣримо и сравненію не подлежатъ. Я только къ слову. Разница, между прочимъ, и въ томъ, что Достоевскій играетъ на вашихъ нервахъ, какъ на скрипкѣ, терзая ихъ безпощаднымъ мучительствамъ. А послѣ Успенскаго, котораго и въ этомъ случаѣ не оставляетъ его юморъ, вы ощущаете все то же грустное раздумье о силѣ общихъ и большихъ обстоятельствъ, опустошающихъ людское нутро...

Если юморъ не покидаетъ писателя даже у трупа несчастной пропойцы съ исцарапанной совѣстью и подбитымъ глазомъ, то это, повидимому, обнаруживаетъ большую смѣлость писателя. На самомъ дѣлѣ, однако, въ настоящемъ случаѣ нѣтъ никакой смѣлости, а есть только стихійное влеченіе своеобразнаго таланта. Недостатокъ смѣлости и самоувѣренности есть, напротивъ, одно изъ отличительныхъ свойствъ Успенскаго, которымъ (въ связи съ указанными выше причинами) объясняется и его обрывочность и та полупублицистическая манера, которую онъ усвоилъ въ новѣйшее время. Насчетъ обрывочности и незаконченности дѣла, я думаю, вполнѣ ясно. Успенскій самъ разсказывалъ, какъ онъ, въ сознаніи слабости своихъ силъ, обработывалъ матеріалы «кой-какъ». Теперь перейдемъ къ его публицистикѣ.

Съ какой стати высоко даровитый беллетристъ занимается публицистикой? Дѣло здѣсь не въ формальныхъ подраздѣленіяхъ литературы, не въ департаментахъ какихъ-нибудь или министерствахъ, съ присвоенными каждому изъ нихъ особыми мундирами, а въ экономіи и естественномъ литературномъ распредѣленіи силъ. Публицистикой можемъ заниматься и мы, лишенные творческой способности. Конечно, было бы очень хорошо, еслибы каждый публицистъ обладалъ и поэтической силой, которая была бы подспорнымъ средствомъ высокой важности, а каждый художникъ, я думаю, даже долженъ быть публицистомъ въ душѣ. Вообще, чѣмъ богаче и разносторонне внутренняя природа писателя и его средства воздѣйствія на общество, тѣмъ, разумѣется,

Digitized by Google

лучше. Пусть писатель будетъ одинаково богатъ и творческою силою, и силою логическаго анализа, пусть онъ даже предъявляетъ плоды той и другой силы на бумагѣ. Мильтонъ написалъ «Потерянный рай», но онъ же написалъ и «Защиту англійскаго народа»; въ нашей литературѣ авторъ романа «Кто виноватъ»? былъ публицистомъ, и т. д. Подобныхъ примѣровъ можно привести довольно много. Но когда читателю предлагается смѣшеніе публицистики съ беллетристикой въ тѣхъ пропорціяхъ, какія усвоилъ себѣ въ послѣднее время Успенскій, то читатель, можно навѣрное сказать, находится въ относительномъ проигрышѣ. Назначеніе логическаго анализа разрѣзать, расчленять живыя явленія; назначеніе поэтическаго творчества, напротивъ, воссоздавать ихъ именно въ ихъ живой цѣльности. Оба эти процесса могутъ имѣть мѣсто въ головѣ одного и того же богато одареннаго писателя, но въ исполненіи, на бумагѣ, въ одномъ и томъ же произведеніи, имъ очень трудно ужиться рядомъ, не нанося другъ другу ущерба. Послѣднія произведенія Успенскаго имѣютъ безспорно большую цѣну, что уже видно изъ того обилія разговоровъ, которые вызываетъ почти каждая его статья. Но нельзя все-таки не пожалѣть, что онъ не даетъ простора своей огромной художественной способности.

Я вовсе не думаю читать наставленія, да наставленіями тутъ ничего и не подѣлаешь. Когда писатель намѣренно употребляетъ тотъ или другой невыгодный для него самого и для читателя пріемъ, то, конечно, можно попытаться убѣдить его. Но въ данномъ случаѣ никакой намѣренности нѣтъ, разумѣется, просто такъ выходитъ, такъ пишется, полоса такая нашла. Но еслибы можно было добраться до подкладки этой полосы, подкладки, можетъ быть, неясной самому писателю, то мы имѣли бы, по крайней мѣрѣ, разъясненное явленіе, а это вовсе не мало. И мнѣ кажется, что подкладки этой надо искать въ неувѣренности въ своихъ силахъ и боязни отвѣтственности.

Но надо сперва уговориться въ значеніи словъ. Говоря о несмѣлости, неувѣренности, я не разумѣю трусости мысли или невѣрія въ тѣ или другіе принципы, въ то или другое исповѣдываемое писателемъ пониманіе добраго и злаго, полезнаго и вреднаго и т. д. Можно обладать чрезвычайно смѣлою мыслью и очень крѣпкою вѣрою и въ то же время быть вполнѣ неувѣреннымъ въ себѣ, въ своихъ силахъ, и бояться отвѣтственности даже именно въ виду огромности перспективъ, выдвигаемыхъ смѣлою мыслью. Словомъ, смѣлость мысли и смѣлость характера, это двѣ совсѣмъ разныя вещи, иногда счастливо совпадающія въ одномъ лицѣ, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ не совпадающія, что ведетъ къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Еслибы я не боялся уклоняться въ стороны, я могъ бы привести много исторіей засвидѣтельствованныхъ примѣровъ того, какъ проигрывало правое дѣло изъ-за такого расположенія умовъ и характеровъ.

Digitized by Google

Теперь позвольте мнѣ задать одинъ вопросъ, который вамъ покажется на первый взглядъ, можетъ быть, страннымъ. Какъ вы думаете, не требуютъ ли различныя формы поэтическаго творчества различныхъ степеней самоувѣренности въ художникѣ? Мнѣ кажется, вопросъ это не праздный, и отвѣчать на него можно. Ясно, что драматургъ, лирикъ, романистъ (при предположительномъ равенствѣ таланта и всѣхъ прочихъ условій) находятся въ этомъ отношеніи совсѣмъ въ различныхъ положеніяхъ. Драматургъ, повидимому, долженъ быть наиболѣе увѣренъ въ своихъ силахъ, потому что онъ не имѣетъ никакихъ побочныхъ средствъ для усиленія впечатлѣнія, производимаго его образами и картинами, для разъясненія и коментированія ихъ. Въ одной старинной нѣмецкой эпиграммѣ, разница между Шекспиромъ и Вольтеромъ опредѣляется такъ:

Voltaire und Schakspeare?—Der Eine
Ist, was der Andere scheint.
Meister Armet sagt: ich weine!
Und Schakspeare weint.

То есть: разница между Шекспиромъ и Вольтеромъ та, что одинъ есть то, чѣмъ другой только кажется; Вольтеръ говоритъ: я плачу! а Шекспиръ плачетъ. Дѣло идетъ о Вольтерѣ, какъ драматургѣ, конечно, не стоющемъ и четверти Шекспира, но здѣсь хорошо выражено безпомощное положеніе драматурга, невозможность для него опереться на помощь описанія. Лирикъ и романистъ могутъ сказать: она была прекрасна, добродѣтельна, умна и плакала. Драматургъ долженъ прямо живьемъ предъявить прекрасную, добродѣтельную, умную и плачущую, не называя ее добродѣтельною, умною и т. д. На это, повидимому, нужно больше силъ и больше увѣренности въ своихъ силахъ. Оно бы такъ и было въ дѣйствительности, еслибы драматурги писали исключительно для чтенія, но такъ какъ они пишутъ главнымъ образомъ для сцены, то отвѣтственность, принимаемая ими на себя, распредѣляется между ними, актерами, пожалуй, даже декораторами, режиссёрами и проч.

Я не диссертацію по эстетикѣ пишу, и потому вы позволите мнѣ не развивать далѣе мою мысль въ примѣненіи къ разнымъ формамъ беллетристики. Вы понимаете какъ вяжется эта мысль съ занимающимъ меня вопросомъ: Успенскій потому прибѣгаетъ къ публицистикѣ, что не вѣритъ въ силу своей изобразительной способности, ему нужна поддержка коментаріевъ, дополненій, разъясненій. Разумѣется, есть тому и другія причины, изъ которыхъ привычка къ безпорядочности отмѣчена выше. Но боязнь отвѣтственности все-таки играетъ тутъ огромную роль, въ особенности въ связи съ самыми коренными свойствами таланта Успенскаго.

Въ этихъ своихъ коренныхъ свойствахъ онъ и теперь тотъ же, какимъ мы его видѣли въ очеркѣ «Нужда пѣсенки поетъ»:

Digitized by Google

его и теперь безсознательная сила таланта тянетъ къ такой комбинаціи комическихъ подробностей, изъ которой вышла бы глубокая драма. Онъ и нынѣ занятъ тою же исторіей опустошенныхъ русскихъ людей, и, конечно, этой темы хватитъ на его вѣкъ, при его широкомъ отношеніи къ дѣлу, то есть при его вдумчивой внимательности нетолько къ разнымъ фазисамъ и формамъ опустошенія, но и къ тому, что̀ этому опустошенію предшествуетъ, и къ моментамъ «просіянія ума», и къ хроническому протесту. Дѣло въ томъ, однако, что всѣ эти сложныя явленія занимаютъ его теперь уже не въ средѣ «провинціальной разночинной толпы», а въ самомъ фундаментѣ русской жизни, въ народѣ. И вотъ эта-то фундаментальность среды, подлежащей художественной обработкѣ, эта огромность задачи и пугаетъ его, и, вмѣсто цѣльнаго художественнаго воспроизведенія, заставляетъ прибѣгать къ окольному пути публицистическихъ толкованій и коментаріевъ. Замѣтьте, что эта опасливость находится въ самой тѣсной связи съ оригинальнымъ характеромъ таланта Успенскаго. Еслибы онъ не обладалъ такимъ необходимымъ запасомъ юмора, такъ онъ можетъ быть былъ бы въ настоящемъ случаѣ самоувѣреннѣе. Но онъ не можетъ говорить иначе, какъ создавая драму изъ комическихъ деталей. Таково стихійное влеченіе его таланта, и въ этомъ его сила и та именно центральная точка, въ которой сходятся всѣ его симпатичныя стороны. Надѣлъ онъ на Машу «турецкое челмо» и вообще обрядилъ совсѣмъ «по смѣшному», а вышла героиня драмы, серьёзности которой челмо ни мало не повредило. Но, поступая такъ болѣе или менѣе спокойно съ пиро-и-гидро-техниками и вообще съ разночинной толпой, Успенскій боязливо останавливается передъ предметами, которые представляются ему (и несомнѣнно должны представляться) особенно большими и значительными. Такими почти неприкосновенными по своей значительности предметами представляются Успенскому, какъ можно судить по нѣкоторымъ отрывкамъ, нетолько народъ, но и нѣкоторыя острыя знаменательныя явленія въ жизни такъ называемаго общества. Онъ боится на нихъ посягнуть: что, какъ челмо какое-нибудь надѣнешь, да потомъ ничѣмъ и не загладишь этого юмористическаго посягательства?! И вотъ онъ подходитъ къ предмету не прямымъ, наиболѣе ему свойственнымъ путемъ, а окольной дорогой публицистики. Потому — страшно! Кто говоритъ! конечно, страшно, но кому много дано, съ того много и спросится. А Успенскому такъ много дано, что хоть бы онъ на самого себя челмо надѣлъ, такъ изъ подъ челма все-таки будутъ смотрѣть на читателя все тѣ же серьёзные, вдумчивые, глубоко человѣчные глаза...

Я кончилъ, говорятъ адвокаты.—Я не адвокатъ Успенскаго и потому говорю: я не кончилъ. Чувствую, что многое въ этомъ письмѣ можетъ показаться бездоказательнымъ и апріорнымъ, въ

Digitized by Google

особенности потому, что я былъ скупъ на иллюстраціи изъ сочиненій Успенскаго. Надѣюсь поправить дѣло впослѣдствіи, когда появятся всѣ сочиненія. Но, не будучи адвокатомъ, я все-таки хочу выразить полное свое согласіе съ однимъ изъ прокуроровъ, съ тѣмъ именно не проницательнымъ критикомъ, который наговорилъ задорно смѣшныхъ словъ о «высокомѣріи» и «самослѣпленіи» Успенскаго. Непроницательный критикъ сказалъ, однако, одну несомнѣнную истину: «надо указать мѣсто Успенскому». Да, надо. Это мѣсто въ переднемъ углу, гдѣ сидятъ почетнѣйшіе и желаннѣйшіе гости. Читающая публика давно ужь его тамъ помѣстила. Только вотъ онъ самъ упирается, да еще мы, критики, маленько запаздываемъ...

Посторонній.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ.

Вопросъ о пьянствѣ, о которомъ такъ много и долго говорено было въ литературѣ, снова становится предметомъ общественнаго вниманія. Опубликованы заключенія комиссій по питейному вопросу, въ которыхъ концентрируются различныя мнѣнія относительно количества и рода потребленія вина въ Россіи и относительно вліянія этого потребленія на экономическое положеніе и нравственность народа.

Воззрѣнія членовъ комиссіи по всѣмъ подробностямъ обширнаго и сложнаго вопроса можно почти отождествить съ воззрѣніями вообще русскаго общества по этому предмету. Члены комиссіи хотя и состояли изъ чиновниковъ, земцевъ и представителей городовъ, но всѣ они и по своему рожденію, воспитанію, условіямъ жизни представляютъ собою нѣчто однородное, принадлежатъ къ общему типу русскаго культурнаго человѣка. Это соображеніе имѣетъ большое значеніе при обсужденіи заключеній комиссій, потому что даетъ ключъ къ уразумѣнію основаній многихъ изъ этихъ заключеній. Мнѣнія общества, среди котораго мы живемъ, каждому изъ насъ хорошо извѣстны, и мы, такимъ образомъ, легко можемъ разбираться въ тѣхъ выводахъ, которые являются слѣдствіемъ обращающихся среди насъ понятій и представленій о нашей дѣйствительности.

Поэтому, приступая къ разсмотрѣнію заключеній комиссій по питейному вопросу, взглянемъ на ходячіе въ обществѣ взгляды относительно пьянства въ Россіи и отнесемся къ нимъ критически, чтобы выяснить, какіе изъ нихъ болѣе или менѣе безошибочны, какіе составляютъ послѣдствія заблужденій или односторонняго увлеченія. Сдѣлать это мы считаемъ крайне необходимымъ въ виду того, во-первыхъ, что научныя изслѣдованія послѣдняго времени по вопросамъ народной жизни указали, что наши представленія о томъ, что дѣлается въ деревнѣ, далеко расходятся съ дѣйствительностію, и, во-вторыхъ, что вся лите-

Digitized by Google

ратура собственно по вопросу о пьянствѣ, предшествовавшая появленію свода заключеній комиссій, вмѣщаетъ въ себѣ множество противорѣчивыхъ фактовъ, разнородныхъ мнѣній, что, конечно, должно было отозваться такъ или иначе на заключеніяхъ комиссій. Сдѣлавъ это, мы вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлимъ и ту точку зрѣнія, съ которой, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ приступать къ детальному разбору заключеній комиссій.

Рѣшенія множества вопросовъ русской жизни страдаютъ отъ неправильной ихъ постановки, что зависитъ отъ двухъ причинъ: отъ незнанія подробностей народной жизни, такъ еще мало изслѣдованной, и вслѣдствіе того, что зачастую, къ объясненію явленій деревенской жизни, мы подходимъ съ предвзятымъ мнѣніемъ. Подобное обращеніе съ дѣломъ иногда доводитъ до крайне извращенныхъ представленій о дѣйствительности. Зачастую выводы изъ этихъ представленій поражаютъ своею нелѣпостью, но, несмотря на это, нелѣпость ни кѣмъ не замѣчается и повторяется на всѣхъ перекресткахъ, какъ нѣчто такое, въ чемъ ничего будто бы нѣтъ страннаго. Такихъ странныхъ мнѣній въ вопросѣ о народномъ пьянствѣ въ особенности много. Не очистивъ отъ нихъ вопроса, рѣшительно нельзя приступить къ какимъ-либо сужденіямъ о немъ. Посмотримъ на главнѣйшія изъ нихъ.

Въ такой-то губерніи, пишутъ въ разныхъ газетахъ, «крестьяне выпили на 2 мил. р. водки, а количество недоимокъ за ними нетолько не убавилось, но увеличилось». Затѣмъ слѣдуетъ толкованіе этого факта, сводящееся на распущенность нравовъ, слабость характера, и проч. Однимъ словомъ здѣсь, прежде какихъ бы то ни было анализовъ факта, «недоимки не уплачены, а выпито на 2 мил. р.—стоитъ уже готовая гипотеза: объ исконной будто бы наклонности русскаго народа къ *неумѣренному* потребленію вина. Здѣсь, слѣдовательно, берется не просто фактъ потребленія вина, а *дурная сторона* дѣла: *неумѣренность* въ этомъ напиткѣ, и вслѣдствіе этого, всякій фактъ потребленія вина въ деревнѣ, связывается съ представленіемъ о неумѣренности и сопровождающихъ ее послѣдствій. Только съ этой точки зрѣнія фактъ и обсуждается; а о другихъ сторонахъ и рѣчи не заводится, какъ будто бы ихъ и не должно существовать. Однимъ словомъ, для деревни нѣтъ факта *потребленія вина*, а существуетъ только фактъ *пьянства*.

Между тѣмъ фактъ потребленія вина культурнымъ классомъ городского общества обсуждается уже съ другой точки зрѣнія. Водка и вино, выпиваемыя здѣсь за обѣдомъ, считаются ничѣмъ инымъ, какъ извѣстнаго рода пищею, разсматриваются одинаково съ мясомъ, рыбою, перцемъ, горчицею и другими веществами, входящими въ составъ кушаній. Затѣмъ, фактъ потребленія вина на публичныхъ обѣдахъ, на торжествахъ общественныхъ и семейныхъ разсматривается тоже съ такой точки зрѣнія, при которой нѣтъ мѣста тѣневымъ сторонамъ дѣла.

Digitized by Google

Но если тѣ же люди, по понятіямъ которыхъ обѣдъ въ честь какого-либо событія невозможенъ безъ заздравныхъ тостовъ, начинаютъ выражать свои сужденія по поводу престольнаго или иного праздника въ деревнѣ, такъ точка зрѣнія мгновенно измѣняется. Потребленіе уже признается роскошью, непозволительною крестьянству, безнравственностью, подлежащею искорененію.

Между тѣмъ, какіе выводы получились бы, еслибы дѣло о потребленіи вина крестьянствомъ разсматривалось съ тѣхъ же точекъ зрѣнія, съ которыхъ глядимъ мы на рюмку водки и стаканъ вина за нашимъ обѣдомъ и на бокалы шампанскаго, осушаемые въ торжественныхъ случаяхъ? Мы бы пришли тогда къ заключенію, что рюмка водки, выпитая за обѣдомъ рабочимъ человѣкомъ, только дополняетъ его обѣдъ, является составною частью его пищи, поддерживающею его силы, и, такимъ образомъ, 365 рюмокъ, выпитыхъ въ теченіи года, отнюдь не роскошь, а настоятельная необходимость. Такимъ образомъ, его расходъ около 1½ ведра въ годъ, т. е. 9 р. [1], есть расходъ столь же необходимый, какъ и расходъ на хлѣбъ, рыбу, мясо, овощи, квасъ.

Но эти 9 р. крестьянинъ расходуетъ на вино не ежедневно по рюмкамъ, а разъ шесть-семь въ году, по случаю праздниковъ—престольнаго и нѣкоторыхъ семейныхъ, потребляя каждый разъ 1/6 или 1/7 годового количества не одинъ самъ съ собою, а съ гостями-однодеревенцами и пріѣзжими изъ другихъ деревень. И этотъ видъ потребленія вина ставится деревнѣ въ порокъ, между тѣмъ какъ—попробуйте представить себѣ въ городѣ публичный обѣдъ по случаю какого-либо важнаго событія, семейный праздникъ, торжественный балъ въ палаццо—безъ нѣсколькихъ дюжинъ шампанскаго? Да это просто немыслимо, это скандалъ!

Но гдѣ же, спросимъ мы, въ городѣ ли или въ деревнѣ болѣе необходимъ праздникъ съ виномъ? Образованный ли и зажиточный горожанинъ, у котораго есть книги, живопись, музыка, театры и прочія развлеченія, нуждается въ возбужденіи своихъ нервовъ виномъ, или человѣкъ деревни, въ которой все сѣро, въ которой только работа, работа и работа, и больше ничего? Если въ городѣ *выпивка-кутежъ* нѣсколько разъ въ году законна и расходъ на нее есть настоятельная необходимость, то и въ деревнѣ этотъ расходъ представляется столь же безусловною необходимостью.

И такъ, еслибы каждый взрослый крестьянинъ-работникъ пилъ бы по рюмкѣ вина ежедневно, потребляя на это 1½ ведра въ годъ и, кромѣ того, покупалъ бы еще 3 ведра на угощеніе себя и гостей разъ шесть-семь въ году, то трата имъ денегъ на 4½ ведра въ годъ составляла бы столь же законный и необходимый расходъ, какъ расходъ на пищу, одежду, жилище.

Кажется, всѣ у насъ признали бы нелѣпостью, еслибы кто-

[1] Принимая цѣнность ведра въ распивочной продажѣ maximum въ 6 р.

Digitized by Google

либо заявилъ, что работника выгодно держать впроголодь; каждый знаетъ, что работа безъ пополненія траты организма невозможна; ни одному хозяину лошади не придетъ въ голову утверждать, что малокормленный конь можетъ бѣгать такъ же, какъ и сытый. Слѣдовательно, невозможно возразить и противъ того, что рюмка водки, какъ дополненіе скуднаго крестьянскаго обѣда, составляетъ будто бы нѣкоторое излишество. Еслибы крестьяне имѣли обычай пить по рюмкѣ водки ежедневно, то навѣрное законодательство, при исчисленіи налоговъ, постаралось бы согласовать съ этою потребностью и размѣръ налоговъ.

Идемъ далѣе: человѣкъ не скотъ; для того, чтобы онъ могъ долго жить и много работать, нужно, кромѣ достаточной пищи, еще нѣчто иное, именно возбужденія, выводящія его время отъ времени изъ обычной колеи жизни. Безъ этихъ возбужденій человѣкъ гаснетъ, работа не спорится, пища не идетъ въ прокъ. Образованные люди хорошо сознаютъ у себя этого рода потребности и не жалѣютъ средствъ на ихъ удовлетвореніе. Расходы образованнаго человѣка на книги, общественныя собранія, музыку, театры и при всемъ этомъ на *вино* далеко превышаютъ расходы на пищу. Въ дни общественнаго затишья въ городѣ настроеніе духа образованныхъ людей бываетъ ненормальное, придавленное; каждый чувствуетъ себя вялымъ; обычная работа идетъ туго; все, такъ сказать, недомогаетъ. Но открывается рядъ общественныхъ сборищъ, и вы видите тѣхъ же людей совершенно преображенными. Но зачѣмъ вотъ этотъ ученый профессоръ, говоря рѣчь о пользѣ науки и просвѣщенія, держитъ въ рукѣ бокалъ вина? Зачѣмъ на торжествѣ спуска корабля, на севастопольскомъ обѣдѣ, полковомъ праздникѣ, на открытіи филантропическаго общества и проч. мы слышимъ заздравные тосты? Почему, наконецъ, какое либо чисто религіозное торжество, напримѣръ, закладка храма, начинаясь звуками колокола, заключается послѣ богослуженія, за трапезою—звуками заздравной чаши? Пускай попробуютъ отвѣтить на эти вопросы культурные жители города. Пускай остановятся они подольше на этомъ обстоятельствѣ и подумаютъ на тэму: о запрещеніи вина во всѣхъ общественныхъ сборищахъ. А затѣмъ мы попросимъ ихъ вниманія къ вопросу—необходимо ли крестьянскія свадьбы, крестины, похороны, престольные праздники и вообще изъ ряда вонъ выходящія событія—праздновать безъ вина, безъ годового расхода на это богатымъ рублей 20—30, кто побѣднѣе на половину противъ того, а бѣднымъ и того меньше.

Итакъ, съ этимъ расходомъ приходится считаться, какъ съ расходомъ на пищу и другими необходимыми расходами.

Но, говорятъ, праздникъ въ деревнѣ сопровождается *безобразіями* опьянѣвшаго люда. Люди ссорятся, бранятся, дерутся, убиваются до смерти; безобразія длятся нѣсколько дней; останав-

Digitized by Google

ливаются работы; изъ соединенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ—является въ результатѣ: потеря времени, несвоевременность вспашки, бороньбы, посѣва, уборки хлѣба, какъ у себя, такъ и у помѣщиковъ, и затѣмъ другой рядъ послѣдствій, отзывающихся на матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи семьи — болѣзни, семейные раздоры, ссоры съ сосѣдями, кончающіяся местью, поджогами, убійствами и проч. Картина, нечего говорить, тяжелая. Но вѣрна ли она дѣйствительности? Этимъ вопросомъ слѣдовало бы задаться, потому что въ сильномъ противорѣчіи съ картиною стоятъ слѣдующіе всѣмъ извѣстные факты. Лѣто у насъ короче, чѣмъ въ другихъ странахъ; земли у насъ пашется громадное количество, сравнительно съ другими государствами; обрабатывается она у насъ плохими ручными орудіями, а не улучшенными и не машинами, какъ на Западѣ; отношеніе пространства земли къ населенію у насъ иное, чѣмъ тамъ. Но, несмотря на все это, у насъ ежегодно и крестьянскіе надѣлы и цѣлыя герцогства помѣщичьихъ владѣній—запаханы, боронованы, сжаты, хлѣбъ по дурнымъ дорогамъ свезенъ на гумна, озимые посѣвы кончены, навозъ во всей сѣверной и средней Россіи вывезенъ на поля; мало этого—на безлюдныя степи Южной и Юго-восточной Россіи успѣли сходить изъ-за тысячи верстъ крестьяне, поуправившіеся съ своими землями, и тамъ ихъ руками приготовлены десятки милліоновъ пудовъ хлѣба для отправки за-границу. Чья, въ самомъ дѣлѣ, работа кормитъ часть западныхъ народовъ и наше собственное городское и фабричное населеніе, наше дворянство, духовенство и двѣ громадныхъ арміи—военную и чиновническую. Кто же чинитъ дороги, строитъ мосты, гати, возитъ подводы, исполняетъ многочисленнѣйшія повинности государственныя, земскія, мірскія; кто пугаетъ саранчу, собираетъ кузьку, выливаетъ овражковъ и проч., и проч.

Еслибы въ дѣйствительности происходило все такъ, какъ изображено на вышенарисованной картинѣ, то вѣдь въ нѣсколько лѣтъ не осталось бы въ деревнѣ ни одного здороваго и неискалѣченнаго человѣка. Еслибы на каждомъ праздникѣ убивался подъ пьяную руку хотя одинъ человѣкъ, то уже въ одинъ годъ число убитыхъ возросло бы до изумительной цифры, равной числу деревень въ Россіи, помноженному на число праздниковъ въ году; еще большее число оказалось бы искалѣченныхъ; пожаровъ было бы столько, что буквально вся Россія покрылась бы пепелищами; телеги, сбруя, сохи, бороны, лопаты, рабочій скотъ, птица—все это въ громадномъ количествѣ становилось бы жертвою пламени. Громадныя пространства оставались бы необработанными, такъ какъ некому, некогда и нечѣмъ ихъ было бы воздѣлывать.

Ясное дѣло, что для картины собраны факты, происходившіе *разновременно и въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, а изобра-*

Digitized by Google

жены они на одномъ полотнѣ и отнесены, такимъ образомъ, къ одному мѣсту и времени.

Двумъ типамъ русскаго культурнаго общества такое живописное произведеніе оказалось весьма на руку: одному для доказательства, что мужикъ, получивъ волю, не умѣетъ ею пользоваться, другому, что этотъ дикарь нуждается въ просвѣщенной опекѣ. И вотъ, та и другая сторона повывѣшивали копіи съ этой картины на всѣхъ перекресткахъ; остальная часть городскаго населенія, съ издавна взирающая свысока на деревню, смотрѣла на картину, глумилась надъ диковинкой и льстилась такимъ наглядньшъ доказательствомъ своего превосходства надъ мужикомъ.

Поставленный невѣрно, искаженный предвзятыми гипотезами, неразработанный съ фактической стороны—вопросъ о потребленіи вина въ деревнѣ рѣшается крайне различно. Между тѣмъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, на сколько-нибудь оріентироваться въ немъ есть уже достаточно данныхъ. Изученіе Россіи въ статистическомъ, экономическомъ, медицинскомъ и этнографическомъ отношеніяхъ даетъ именно такіе факты, систематическая разработка которыхъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на дѣло, и оно представляется уже совсѣмъ инымъ, чѣмъ изображено на картинѣ.

Первое, что мы встрѣчаемъ въ означенныхъ изслѣдованіяхъ народнаго быта, это—фактъ, удостовѣренный почти повсюду медиками: въ деревняхъ нѣтъ или очень мало болѣзней, происходящихъ отъ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, которыя составляютъ у насъ принадлежность только городовъ.

Второе, что весьма рѣзко бросается въ глаза, это то, что изъ результатовъ разработки цифръ «Ежегодниковъ» Министерства Финансовъ за 15-ти лѣтній періодъ времени 1863—1877 г. оказалось, что самый большой процентъ потребленія вина падаетъ на губерніи Петербургскую и Московскую; затѣмъ идутъ промышленныя и торговыя мѣстности, какъ-то: подмосковныя промышленныя, части Тульской, Нижегородской, Орловской и мѣстности, въ которыхъ находятся такіе города, какъ Таганрогъ, Ростовъ и т. п. Самая меньшая цифра потребленія вина тамъ, гдѣ преобладаетъ собственно земледѣльческая дѣятельность; но цифра эта замѣтно повышается въ тѣхъ частяхъ этихъ мѣстностей, гдѣ проходятъ желѣзныя дороги, судоходныя рѣки, каналы, гдѣ кипитъ и двигается торговля.

Средняя цифра потребленія вина въ городахъ и деревняхъ оказывается соотвѣтствующею результатамъ медицинскихъ наблюденій и изслѣдованій. Такъ именно въ городахъ одно питейное заведеніе приходится на 120 мущинъ, а въ селеніяхъ на 254.

Городское населеніе составляетъ не болѣе 10% всего насе-

Digitized by Google

ленія государства; а питейныхъ заведеній въ городахъ 69% всего ихъ числа.

Средняя цифра потребленія вина во всей Россіи за означенный пятнадцати-лѣтній періодъ времени 53 мил. ведеръ вина.

Изъ этой цифры приходится [1]:

На 7 мил. гор. населенія	16 м.
На 55 мил. сельск.	37 м.
Такимъ образомъ приходится на каждаго жителя города отъ.	2 до 3 вед.
и на каждаго сельскаго жителя	0,6
если же считать одно мужское населеніе деревни, то	1,2

Разсмотрѣніе цифръ выданныхъ патентовъ приводитъ къ тому же заключенію, что *въ городахъ пьютъ вина больше, нежели въ селеніяхъ*. Такъ изъ общей цифры:

патентовъ для всей Россіи . .	139,308
на города приходится	28,960
» селенія	110,348

т. е. на города 20%, а въ нихъ живетъ лишь 10% всего населенія Россіи.

Выводы изъ цифръ «Ежегодниковъ» Мин. Фин. о количествѣ потребленія вина въ селеніяхъ находятъ подтвержденіе въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ на мѣстѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Такъ изъ цифръ потребленія вина въ Петербургѣ въ 1877 г. видно, что въ этомъ году въ Петербургѣ продано 2.244,000 вед. водки и 4.141,000 » пива

На каждаго жителя слѣдовательно

приходится	3 » водки
и	5 1/2 » пива

Затѣмъ изъ доклада Е. Н. Анучина Императорскому Русскому Географическому Обществу, въ декабрѣ 1882 г., оказывается, что у государственныхъ крестьянъ Бузулукскаго уѣзда на каждую семью и на каждаго человѣка, считая сплошь все населеніе мужское и женское, взрослое и малолѣтнее, приходится:

	На одну семью.	На 1 человѣка.
	В е д р а.	
Въ зажиточныхъ семьяхъ.	12,31	1,23
» среднихъ	4,74	0,68
» бѣдныхъ	1,46	0,30
Среднее .	6,17	0,74

Третья, что тоже рѣзко бросается въ глаза и на что, при обсужденіи вопроса о пьянствѣ, почти не обращалось вниманія,

[1] Этотъ разсчетъ сдѣланъ, принимая 400 ведеръ для одного питейнаго заведенія въ городахъ и селеніяхъ.

Digitized by Google

это то, что въ то время, когда масса деревенскаго населенія положительно не пьетъ ни капли вина, оно во 1-хъ, не переводится у волостного писаря и служилыхъ людей при волости; во 2-хъ, все, что купечествуетъ, кулашничаетъ, агентствуетъ въ деревнѣ, держитъ постоянно вино и подноситъ его заѣзжему и мѣстному начальству, городскимъ гостямъ, разнымъ нужнымъ людямъ и кутитъ съ ними; въ 3-хъ, все, что ютится въ деревнѣ, не принадлежа къ составу ея главнаго рабочаго населенія, какъ-то разные подонки городского населенія, ловящіе въ мутной водѣ рыбу, все это пьетъ вино и часто, и много; въ 4-хъ, гости, прибывшіе изъ городовъ на побывку, на отдыхъ, на свиданіе съ родными, приходятъ въ деревню именно на время праздниковъ, гдѣ и отводятъ душу; въ 5-хъ, есть кромѣ того въ деревнѣ одинъ, два человѣка изъ бывшихъ домохозяевъ, павшихъ подъ ударами судьбы и запившихъ горькую. Они *иногда* тоже постоянные потребители вина, въ то время, когда масса деревенскаго населенія не беретъ его въ ротъ.

Вотъ люди всѣхъ этихъ категорій зачастую и подставляютъ подъ глаза проѣзжему чрезъ деревню человѣку извѣстнаго рода картинки, изъ которыхъ потомъ онъ составляетъ одно, цѣлостное впечатлѣніе. Въ одной деревнѣ эту картинку дастъ волостная изба; при проѣздѣ черезъ другую, можно наткнуться на валяющагося пьянчугу изъ бывшихъ городскихъ мазуриковъ; въ третьей застать угощенныхъ мѣстнымъ кулакомъ нужныхъ ему людей; въ четвертой прибывшихъ на побывку изъ городовъ дворниковъ, кучеровъ, трактирныхъ половыхъ, ремесленниковъ, разносчиковъ и проч. Во время праздниковъ всѣ эти категоріи пьющихъ выступятъ еще ярче; къ нимъ примкнутъ ватаги помѣщичьихъ *наемныхъ* рабочихъ, батраковъ и слугъ. Сложившееся у культурнаго русскаго человѣка представленіе о безобразіяхъ, сопровождающихъ деревенскіе праздники—значительно обязано поведенію людей этихъ категорій. Численность людей этихъ категорій увеличивается, конечно, въ торговыхъ селахъ, въ деревняхъ, лежащихъ на пересѣченіи желѣзныхъ дорогъ и у пристаней, въ селеніяхъ, жители которыхъ работаютъ на фабрикахъ и, наконецъ, въ подгородныхъ деревняхъ. А эти-то именно селенія и мѣстности больше всего и попадаются на глаза путешественниковъ, туристовъ, чиновниковъ, ѣдущихъ по дѣламъ службы; въ сторону же отъ главныхъ путей сообщенія, въ захолустья у насъ обыкновенно весьма мало заглядываютъ. Вообще, попадающія въ газеты вѣсти о крестьянской жизни бо́льшею частію идутъ изъ торгово-промышленныхъ деревень.

Совокупность этихъ данныхъ говоритъ, что въ массѣ крестьянства нѣтъ того пьянства, которое нарисовалось въ воображеніи большинства культурнаго русскаго общества. Даже если принять, что оффиціальныя цифры, послужившія для опредѣленія количествъ потребляемаго вина ниже дѣйствительныхъ, такъ

Digitized by Google

какъ въ продажѣ находится и корчемное вино, то и тогда дѣло мало измѣняется. Положите, что корчемнаго вина выпивается столько же, сколько и некорчемнаго, и вы будете имѣть, что на каждаго мужчину въ деревнѣ приходится 2,4 ведра.

Приведенная выше цифра потребленія вина выведена огульно для всей Россіи; а между тѣмъ въ разныхъ городахъ и въ разныхъ мѣстностяхъ потребленіе вина неодинаковое. Выше было указано, что въ городахъ пьютъ больше, нежели въ въ деревняхъ. Это указаніе было сдѣлано на основаніи разсчетовъ, выведенныхъ изъ цифръ патентнаго сбора и числа питейныхъ заведеній въ разныхъ губерніяхъ. Если теперь возьмемъ цифры акциза въ «Ежегодникахъ», то и они даютъ тѣ же выводы. Изъ общаго питейнаго дохода—177 мил. рублей [1] на губерніи Петербургскую и Московскую приходится — на первую 8,685,756 руб., а на вторую 9,764,799 р. Такимъ образомъ на каждаго мужчину въ первой 9 р. 84 к, во второй 9 р. 26 к. Цифра акциза въ промышленныхъ и торговыхъ мѣстностяхъ 5 р. съ души, а въ Олонецкой, напримѣръ, губерніи только 1 р. 92 к. съ души, въ Самарской 1 р. 97 к., Оренбургской, Уфимской, Симбирской, Казанской, Новгородской, Вятской отъ 2 р. 14 к. до 2 р. 78 к.

Затѣмъ, взявъ самую деревню, имѣйте въ виду, что число ведеръ, потребляемыхъ массою населенія, не одинаково съ числомъ ведеръ, выпиваемыхъ аристократіей деревни и ютящимися въ ней и около нея проходимцами и разными несчастными людьми.

Подтвержденіе всѣмъ этимъ наведеніямъ мы находимъ въ упомянутомъ выше докладѣ г. Анучина Географическому обществу. Въ этомъ докладѣ мы встрѣчаемся съ цифрами уже *прямо на бумагу списанными съ показаній крестьянъ* въ каждой деревнѣ и соображенными съ другими мѣстными свѣдѣніями. Цифры эти удостовѣряютъ, что въ Бузулукскомъ, напримѣръ, уѣздѣ на все населеніе приходится 0,74 ведра, т. е. цифра, близко подходящая къ выведенной изъ «Ежегодниковъ» М. Ф.—огульно для всей Россіи. Затѣмъ изъ того же доклада видимъ, что въ богатой семьѣ на одного человѣка приходится 1,23 ведра, въ средней почти *полведра* (0,68), а въ бѣдной *одна треть* (0,30). Вся *семья* бѣднаго покупаетъ въ годъ только полтора ведра (1,46); семья средней зажиточности 4,74 ведра, а богатая 12,31 ведеръ. Но, приводя эту послѣднюю цифру, г. Анучинъ оговариваетъ ее слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Изъ этого однако же слѣдуетъ не то, *чтобы богатая семья пьянствовала*, но лишь то, что у нихъ потребленіе вина *равномѣрнѣе*».

Такимъ образомъ этотъ фактъ (наблюдавшійся г. Анучинымъ не въ одной деревнѣ, не мимоходомъ, а въ продолженіи *пяти-*

[1] По даннымъ 1873 г.

Digitized by Google

летнихъ изслѣдованій въ Самарской губерніи) прямо говоритъ за тѣ взгляды, которые мы высказали въ началѣ нашей рѣчи, именно за то, что еслибы крестьянинъ пилъ по рюмкѣ въ день, потребляя на это 1½ ведра въ годъ, и кромѣ того тратилъ не меньше этого въ праздники, то и тогда это не было бы пьянствомъ. Кромѣ того, г. Анучинъ отмѣчаетъ въ своемъ образцовомъ изслѣдованіи еще слѣдующій фактъ: количество вина, показанное для богатой семьи, *не все потребляется исключительно членами семьи*, такъ какъ: во-первыхъ, значительная его часть, именно 6,82 ведра, расходуется въ праздники, слѣдовательно, идетъ на гостей часто изъ лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, какъ-то: торговцевъ, управляющихъ, писарей, а также на гостей, пріѣзжающихъ изъ города и другихъ деревень; перепадаетъ часть изъ этого количества вина и на долю маложиточныхъ крестьянъ своей деревни; и, во-вторыхъ, часть изъ общаго количества вина, расходуемая при «помочахъ», выпивается приглашенными на «помочь» работниками. Вообще, при помочахъ и по поводу другихъ различныхъ случаевъ, расходуется зажиточными семьями 4,49 ведра; слѣдовательно, собственно на членовъ семьи въ теченіи года приходится *одно* ведро. Средняя семья расходуетъ на праздникахъ 3,29 ведра, по разнымъ случаямъ—1,45 ведра; въ осеннее время здѣсь уже не пьютъ дома. Бѣдная семья тратитъ въ праздники *одно* ведро, а по разнымъ случаямъ 0,46, слѣдовательно, въ бѣдной избѣ въ остальное время и въ заводѣ нѣтъ вина.

Вникнемъ въ эти данныя, которыхъ еще никто не давалъ изъ всѣхъ изслѣдователей и говоруновъ по питейному вопросу.

Средняя и богатая семьи расходуютъ покупаемое вино на угощеніе въ праздники торговцевъ, управляющихъ, писарей, гостей изъ другихъ деревень и изъ своихъ однодеревенцевъ, подносятъ его работникамъ, на помочахъ и проч. Раздѣлите же теперь, годовое количество *праздничнаго* вина на пять, на шесть, на семь частей, и каждую часть—на число наѣзжихъ и своихъ гостей, и затѣмъ рѣшайте: сколько при такомъ родѣ потребленія вина можетъ оказаться напившихся до самозабвенія?

Дѣлите затѣмъ количество вина, расходуемаго *на помочахъ и при другихъ случаяхъ*, на нѣсколько частей, minimum хоть на три, на четыре, и затѣмъ каждую изъ этихъ частей дѣлите на число работавшихъ на помочи, т. е. почти на все число работниковъ въ деревнѣ. Много ли должно оказаться пьяныхъ?

Кто же валяется по улицамъ деревни, дерется, безобразничаетъ, воруетъ, поджигаетъ, однимъ словомъ, даетъ наблюдателю тѣ позорные факты, изъ которыхъ составилась у нашего общества картина деревенскаго праздника, выше нами очерченная? Изъ всѣхъ данныхъ мѣстнаго, самаго кропотливаго изслѣдованія нѣтъ ни одной данной за правдивость картины и всѣ они прямо свидѣтельствуютъ за изложенныя выше указанія на то

Digitized by Google

кто въ деревнѣ мало пьетъ, кто много пьетъ, кто изъ пьяныхъ безобразничаетъ.

Далѣе, расходы на двѣнадцать ведеръ вина въ богатыхъ семьяхъ, на четыре и три четверти ведра въ среднихъ, можно ли *считать одною изъ главныхъ причинъ недоимокъ?* Самый краснорѣчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать слѣдующими фактами изъ доклада г. Анучина Географическому обществу. Богатый дворъ имѣетъ до 20 головъ рабочаго скота, около 6 коровъ, съ 10-ю головами приплода, до 40 овецъ съ 30 ягнятами и проч.; вообще цѣнность его инвентаря простирается до 3,000 руб. Средній дворъ имѣетъ до семи головъ крупнаго скота съ соотвѣтствующимъ приплодомъ, до 15-ти овецъ и проч.—цѣнность его инвентаря до 700 р. Богатая и средняя семья, конечно, покупаютъ вино не по шкаликамъ, а потому здѣсь цѣнность ведра нельзя довести до 6 р., какъ это дѣлаютъ нѣкоторые вычислители крестьянскихъ расходовъ; полагаемъ, что оно покупается ведрами не дороже обыкновенной его цѣны; такимъ образомъ относительно расхода на вино, въ богатой семьѣ 40—50 руб. и около 15-ти рублей въ средней, нельзя и помыслить, какъ о расходѣ, имѣющемъ значеніе въ дѣлѣ платежа недоимокъ; при чемъ не забудьте, что это расходъ на *единственное въ деревнѣ удовольствіе*, и частію *какъ бы на плату за работу* (при помочахъ) *и за услуги при разныхъ случаяхъ* (писарямъ и тѣмъ и другимъ необходимымъ иногда людямъ).

Что касается до полутора ведра, покупаемаго *бѣдною семьею*, то, при рѣшеніи вопроса, какое вліяніе имѣетъ этотъ расходъ на накопленіе недоимки, приходится взять въ соображеніе многое изъ того, что обыкновенно упускается изъ виду. Такъ, напримѣръ, нужно имѣть въ виду, что подати и повинности раскладываются въ селеніяхъ на землю и платитъ ихъ больше тотъ домохозяинъ, который при передѣлѣ угодій беретъ себѣ больше полосъ; обѣднѣвшій, не имѣя силъ вести большого хозяйства, сдаетъ обыкновенно весь надѣлъ, или оставляетъ у себя самую незначительную его часть; такимъ образомъ онъ или ничего не платитъ, или платитъ сравнительно съ другими очень мало; а поэтому за нимъ или вовсе не можетъ числиться недоимки или же будетъ считаться сравнительно весьма незначительная. Только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ почва надѣловъ крайне плоха, а налоги высоки, т. е. когда нѣтъ расчета держать землю, общество *принуждаетъ* брать надѣлы. Здѣсь оплата податей производится уже изъ заработковъ у зажиточныхъ крестьянъ и у помѣщиковъ, вообще изъ заработковъ на сторонѣ. Въ мѣстностяхъ съ болѣе плодородною землею, гдѣ держать надѣлы выгодно, никто не приневоливается владѣть ими; здѣсь, въ случаѣ совершеннаго раззоренія крестьянина, онъ безпрепятственно можетъ сдать свой надѣлъ въ болѣе сильныя руки; здѣсь все ищетъ земли, арендуетъ ее за дорогія цѣны. Такимъ образомъ, здѣсь на бѣдномъ уже не можетъ быть недоимки. Ни-

Digitized by Google

гдѣ изслѣдованія крестьянской жизни не входили въ такія экономическія, хозяйственныя, сельскія подробности, какъ при изслѣдованіяхъ по общинному землевладѣнію. Вотъ изъ этихъ-то изслѣдованій мы знаемъ, что почти вездѣ, гдѣ крестьянинъ не владѣетъ полевымъ надѣломъ, онъ не несетъ никакихъ налоговъ и повинностей и обложенъ только сборомъ за пастьбу коровы и за пользованіе водою изъ колодца, если онъ не участвовалъ въ его устройствѣ. Изъ этого же изслѣдованія мы знаемъ, что владѣніе надѣломъ имѣетъ въ деревнѣ одну такую сторону, которая намъ, людямъ городскимъ, неизвѣстна, немыслима, неприложима въ нашемъ быту. Такъ именно мы, владѣя своимъ имуществомъ, распоряжаемся имъ безконтрольно и можемъ сегодня, завтра пустить по вѣтру все, что имѣемъ; здѣсь никто намъ не указъ. Въ сельской же общинѣ наоборотъ: *взявшій надѣлъ—тотчасъ становится подъ общественную опеку*. Такъ, напримѣръ, во всей сѣверной и средней Россіи, гдѣ земля мало плодородна, хозяинъ обыкновенно обязывается унаваживать свой надѣлъ; если общество замѣчаетъ, что хозяйственное положеніе двора разстроивается, то тотчасъ же запрещаетъ домохозяину продавать свой скотъ, ограничиваетъ вообще его имущественныя распоряженія; дѣло иногда доходитъ до того, что онъ лишается права быть хозяйственнымъ главою двора и на его мѣсто ставится «большакомъ» въ семьѣ его братъ или сынъ. Зачастую эта опека простирается до *запрещенія покупать вино въ мѣстномъ кабакѣ*. Конечно, все это дѣлается въ такой деревнѣ, гдѣ надѣлы брать невыгодно, гдѣ люди приневоливаются къ владѣнію землею. Цѣль понятна: надобно не допустить дворъ до невозможности платить подати, отбывать повинности, и не поставить, такимъ образомъ, общество въ необходимость отвѣчать за разорившихся. Вся система передѣловъ коренныхъ, частныхъ, переверстокъ и другихъ тонкостей дѣла разверстанія земли—сводится здѣсь къ тому, чтобъ каждый владѣлъ землею на столько, на сколько велика хозяйственная сила его двора; чтобы земля никѣмъ не доводилась до такого положенія, при которомъ она, доставшись по передѣлу другому хозяину, не была бы въ тягость послѣднему; чтобы вообще, въ концѣ концовъ, было менѣе шансовъ разориться кому бы то ни было и сдѣлаться такимъ образомъ тягостью для цѣлой общины. Но вотъ, если какая-либо эпизоотія, или конокрадъ, или всесильный кулакъ, покровительствуемый писаремъ, лишили хозяина скота, если болѣзнь, смерть работника въ семьѣ и другія невзгоды разорили въ конецъ человѣка и надѣлъ съ него снятъ и отданъ другому, а разоренный перешелъ въ разрядъ безземельныхъ, то съ этого времени кончается и опека надъ нимъ общества; съ переходомъ въ безземельные крестьянинъ воленъ нести въ кабакъ все, что у него есть [1].

---

[1] Сборникъ матеріаловъ для изученія сел. позем. общины. Изд. императ орен. вольно-эконом. и русс. географ. обществъ. Т. I.

Digitized by Google

Мы могли бы привести еще больше обстоятельствъ, которыхъ не слѣдовало бы игнорировать при рѣшеніи вопроса: на сколько расходъ бѣднаго домохозяина (т. е. еще владѣющаго землею) на полтора ведра вина въ годъ вліяетъ на образованіе на немъ недоимки, но думаемъ, что достаточно и сказаннаго, чтобъ показать, *что это за вопросъ и какъ и съ чѣмъ нужно ознакомиться и сообразиться прежде его рѣшенія.* Добавимъ только, что вообще изученіе крестьянской жизни приводитъ къ заключенію, что недоимки въ земледѣльческихъ селеніяхъ образуются или вдругъ, главнымъ образомъ, во время неурожайныхъ годовъ, эпидемій, эпизоотій, или копятся постоянно годъ отъ году, вслѣдствіе различныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій. Потребленіе вина здѣсь не причемъ, потому что, какъ видѣли мы выше, масса богатыхъ, среднихъ и бѣдныхъ хозяевъ-землевладѣльцевъ пьетъ вообще немного, рѣдко и, въ противность общераспространенному мнѣнію, каждый разъ не до потери разума; что пока у крестьянина есть надѣлъ, общество стоитъ неусыпнымъ стражемъ надъ хозяйственною силою его двора и противодѣйствуетъ разстройству этой силы такими мѣрами, которыя непримѣнимы въ городскомъ быту.

Но кто же это пишетъ изъ деревень безчисленныя корреспонденціи о необходимости обузданія пьянства, устройства обществъ трезвости, введенія строгихъ мѣръ, осуществляемыхъ посредствомъ полиціи и ея органа волостного правленія, о праздничныхъ безобразіяхъ, о преступленіяхъ, порождаемыхъ пьянствомъ и проч., и проч. Какіе это жители деревень полны тѣхъ же иллюзій, какія нарисовало намъ наше воображеніе, вслѣдствіе нашихъ взглядовъ на деревню съ высоты птичьяго полета, соединенію на одну картину фактовъ разновременныхъ и разномѣстныхъ, и наконецъ, вслѣдствіе приложенія къ объясненію явленій крестьянской жизни такихъ, напримѣръ, предвзятыхъ мнѣній, которыя составились относительно мужика въ доброе старое время?

Одна категорія этихъ деревенскихъ корреспондентовъ—люди, хотя и скромные, но люди, глядящіе на все мужицкое особыми глазами; они очутились въ деревнѣ по большей части не по собственному желанію, а въ силу разныхъ обстоятельствъ. Скромность не мѣшаетъ гордости, а потому они, какъ, напримѣръ, разные управляющіе, учителя сельскихъ школъ, мѣстный причтъ, хотя и живутъ подлѣ избы и заходятъ въ избу, но душа ихъ никогда не единится съ жителями избы. Послѣдніе для нихъ люди чужіе, чуть-чуть не люди иной породы. Эти духовные аристократы болѣе горды, нежели всѣ мы, болѣе взыскательны, нежели становой и урядникъ; презрѣніе ихъ къ грубому неученому человѣку какое-то невольное, стихійное, а потому болѣе холодное, болѣе отдаляющее. Столкновенія съ грубой практикой жизни въ деревнѣ, отдающіяся за частую на

Digitized by Google

ихъ интересахъ, воспитываютъ въ нихъ что-то въ родѣ озлобленія противъ мужика. Такой типъ людей неспособенъ разглядѣть и надлежаще понять многое въ крестьянской жизни и склоненъ многое объяснить въ дурную сторону. И вотъ здѣсь дѣло кончается тѣмъ, что этотъ типъ людей не умѣетъ даже и говорить чистымъ русскимъ языкомъ, а объясняется на какомъ-то подъяческо-славянско-церковномъ говорѣ, чуждомъ и намъ, и крестьянину.

Этотъ типъ имѣетъ постоянное общеніе съ другимъ типомъ, тоже чуждымъ массѣ земледѣльцевъ, съ типомъ кулаковъ, міроѣдовъ, волостныхъ писарей и ихъ приспѣшниковъ. Половина людей изъ этого типа тоже поставляетъ часть корреспондентовъ въ газеты и свѣдущихъ людей, говорящихъ передъ различнаго рода администраціей и земскими людьми. Каждый шагъ жизни всѣхъ этихъ людей враждебенъ массѣ глухо враждующихъ противъ нихъ и открыто ропщущихъ крестьянъ-земледѣльцевъ. Часть ихъ ренегаты изъ крестьянъ. А у ренегата, какъ извѣстно, всѣ силы души направлены всегда на очерненіе его родного общества. Измышленія его по этой части изумительны. Стремленіе оправдать себя въ измѣнѣ, заглушить вопіющую совѣсть представленіемъ пороковъ своихъ соотчичей—здѣсь не сдержаны никакими указами. Способность превращать бѣлое въ чорное развертывается у ренегата до степени художественности. Немудрено, что корреспонденціи и рѣчи людей этого типа, хотя бы по вопросу о пьянствѣ крестьянъ, будутъ всегда производить сильное впечатлѣніе, какъ на нашу братью, городскихъ жителей, такъ и на всякаго чиновника и земца и на людей перваго типа деревенскихъ корреспондентовъ. Третій типъ корреспондентовъ: землевладѣльцы мелкіе и средніе, живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, заѣзжіе къ нимъ гости и вообще люди ихъ круга. Для обрисовки этого типа довольно двухъ словъ: это тоже, что всѣ *мы*, люди культурнаго русскаго общества, съ тою только разницею, что, живя на мѣстѣ, хозяйничая и ведя разныя дѣла, эти наши братья очень часто становятся судьями въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, т. е. людьми пристрастными. Ихъ взгляды на крестьянство и методъ сужденій не застрахованы ничѣмъ отъ ошибокъ, многое, кромѣ того, они видятъ не непосредственно, а черезъ очки первыхъ двухъ типовъ деревенскихъ корреспондентовъ, съ которыми они и находятся въ бо̀льшемъ общеніи, чѣмъ съ крестьянствомъ. Результатъ таковъ: необразованный землевладѣлецъ, и его гость, городской туристъ, наблюдатель, взглянувъ на распухшія лица вернувшихся въ помѣстье съ праздника наемныхъ батраковъ, заключаютъ, что вся деревня, вся масса земледѣльцевъ такъ же безобразно упивалась, какъ и эти *работники*. Дѣлить крестьянство на категоріи у насъ еще не умѣютъ ни въ столицѣ, ни въ уѣздномъ городѣ, ни въ помѣщичьемъ имѣніи, и все, сдѣланное которою-либо изъ категорій деревенскихъ жителей,

Digitized by Google

поймутъ какъ совершенное огульно всею деревнею. Сужденія наши управляются во многомъ предвзятыми мнѣніями, оставшимися отъ времени крѣпостного права, а рѣчи деревенской аристократіи и ренегатовъ противъ мужика, конечно, не могутъ оставаться безъ вліянія на нить сужденій. Указавъ на всѣ вышеизложенныя данныя относительно корреспонденцій изъ деревни, предоставляемъ судить читателямъ, насколько онѣ могутъ поддерживать наши иллюзіи о пьянствѣ русскаго народа.

Но еслибы народное пьянство и было неподлежащимъ сомнѣнію фактомъ, то и тогда мы вправѣ были бы сомнѣваться въ дѣйствительности однѣхъ только запретительныхъ мѣръ для сокращенія или регулированія виннаго потребленія, такъ какъ вопросъ о пьянствѣ имѣетъ несомнѣнную связь съ тѣмъ, какъ народу живется, съ экономическимъ положеніемъ страны, со степенью ея культуры и извѣстнымъ просторомъ для дѣятельности и умственнаго развитія. Возможность лучше жить и вѣрить въ будущее и расширеніе умственныхъ интересовъ будутъ и здѣсь все-таки лучшимъ средствомъ. Практически же вопросъ о пьянствѣ будетъ долго еще упираться въ вопросъ финансовый, въ невозможность, безъ пріисканія новыхъ источниковъ обложенія или соотвѣтственнаго сокращенія бюджета, отказаться отъ огромнаго налога на вино. Такимъ образомъ, то, что стало бы при настоящихъ условіяхъ дѣлаться одною рукою, тотчасъ же раздѣлывалось бы другою. Моралисты и финансисты будутъ долго находиться въ положеніи взаимнаго антагонизма, или же, какъ авгуры, будутъ только посмѣиваться себѣ въ бороду, первые, зная, что проповѣдуютъ на вѣтеръ, а вторые, слушая ихъ и соглашаясь съ ними и не имѣя ни малѣйшаго желанія практически осуществить ихъ доводы. Откупщики, въ родѣ г. Кокорева, будутъ распространяться о вредѣ пьянства и въ тоже время будутъ рекомендовать поощреніе помѣщичьяго винокуренія; а публицисты, въ родѣ публицистовъ «Москов. Вѣдомостей», будутъ имъ вторить и допекать министерство финансовъ необходимостью поддерживать искуственными мѣрами и субсидіями русскую промышленность, умалчивая при этомъ о справедливости прямыхъ и прогрессивныхъ налоговъ.

Одни и тѣ же лица будутъ говорить и о народномъ пьянствѣ, невѣжествѣ и грубости, и о необходимости гнать изъ деревни интеллигентнаго человѣка, совѣтуя препоручить все дѣло народнаго образованія духовенству, у котораго и безъ того много своего дѣла и которое народному образованію не всегда сочувствуетъ. Кто бы могъ подумать, напримѣръ, что со стороны духовенства возможно иногда прямое противодѣйствіе школѣ? А между тѣмъ газеты сообщаютъ иногда подобные факты. Такъ, напримѣръ, «Кіевлянинъ», органъ, который относительно духовенства «искренно

Digitized by Google

желалъ бы сообщать только добрыя вѣсти», сообщалъ недавно, что приходскій священникъ одного изъ уѣздовъ Кіевской губерніи «отговариваетъ крестьянъ отъ устройства училища», что дѣлаетъ это онъ «въ церкви въ выраженіяхъ болѣе, чѣмъ неприличныхъ, и старается запугать прихожанъ ложнымъ сообщеніемъ, что они будутъ разворены, если устроютъ школу, что должностныя лица, мировой посредникъ и инспекторъ народныхъ училищъ, обманываютъ крестьянъ своими обѣщаніями». Не всѣ пастыри духовные, разумѣется, таковы и не въ такой откровенной формѣ обыкновенно выражается несочувствіе школѣ, но для того, чтобы народное образованіе не двигалось впередъ совершенно достаточно и небрежнаго отношенія къ школѣ, взгляда на нее, какъ на предметъ роскоши, или, какъ на орудіе, долженствующее имѣть совсѣмъ особое назначеніе и служить совершенно стороннимъ цѣлямъ. Не разъ уже литература сопоставляла болѣе чѣмъ скромную цифру бюджета нашего министерства народнаго просвѣщенія съ бюджетомъ военнымъ и другихъ министерствъ, не разъ уже говорилось, что и изъ этой скромной цифры значительная часть идетъ на высшія и среднія учебныя заведенія и на содержаніе различныхъ учрежденій вѣдомства народнаго просвѣщенія, такъ что собственно на народную школу остается и еще того меньше; но всѣ эти сопоставленія и доводы приводили на практикѣ развѣ только къ тому, что дѣлалась къ бюджету министерства крошечная прибавка или же къ разговорамъ о сокращеніи расходовъ на высшее и среднее образованіе въ пользу низшаго, что, помимо нецѣлесообразности, также, разумѣется, не могло двинуть дѣла впередъ. Земская народная школа и начальныя городскія училища также мало преуспѣваютъ, съ одной стороны, все вслѣдствіе того же, т. е. недостаточнаго вниманія общества къ дѣлу народнаго образованія, а съ другой—и очень часто—вслѣдствіе недостатка средствъ и недостаточнаго простора для дѣятельности. Въ то время, когда происходитъ столько тревогъ и возбуждается столько сложныхъ и трудныхъ вопросовъ по поводу средняго и высшаго образованія, когда вырабатываются правила и педагогическіе пріемы для гимназій, идутъ толки о женскихъ медицинскихъ курсахъ, обсуждается проэктъ новаго университетскаго устава, и т. д., низшая народная школа остается въ тѣни, остается какъ бы заброшенною.

А между тѣмъ, и она полна вопросовъ, и вопросовъ самыхъ живыхъ и настоятельныхъ, вопросовъ чуть ли не всего нашего будущаго. Она, если можно такъ выразиться, не кричитъ о себѣ, чтобы разумѣли о ней. Вопросы ея маленькіе и примитивные. Въ то время, когда здѣсь идетъ рѣчь о педагогическихъ системахъ, о преемственности знанія, о способахъ воздѣйствія на нравственную природу учениковъ и т. п., тамъ разговариваютъ о дровахъ, о недостаточности топ-

Digitized by Google

лива и освѣщенія, объ отсутствіи помѣщенія, порядочныхъ учителей, учебныхъ пособій и, вообще, о вещахъ самыхъ элементарныхъ. Хотя къ этому примѣшиваются нерѣдко и другого рода вопросы, въ родѣ притѣсненія учителей волостными старшинами, писарями и урядниками, ссоры училищныхъ инспекторовъ съ кѣмъ-нибудь изъ земскихъ дѣятелей, вопроса о благонадежности учителей и т. п.; но и эти вопроса скоро забываются, устраняются домашними средствами и никогда почти не принимаютъ болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ. Не трудно, однако, видѣть, что народная школа заключаетъ въ себѣ вопросъ огромной государственной важности, что вопросъ этотъ все болѣе и болѣе назрѣваетъ и выдвигается жизнью на сцену: становится все болѣе и болѣе очевиднымъ, что народное образованіе нуждается въ широкой и правильной постановкѣ, въ пріисканіи необходимаго для этого большаго фонда (путемъ ли сокращенія другихъ расходовъ или отысканія новаго, спеціальнаго источника, подобно тому, какъ американцы нашли такой источникъ въ государственныхъ земляхъ) и въ дружной, единовременной работѣ надъ народною школою, въ работѣ, которая имѣетъ поглотить всю интеллигенцію, какъ мужскую, такъ и женскую, выходящую изъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, давая ей нетолько полезное поприще для дѣятельности, но и нравственное удовлетвореніе, которое приноситъ человѣку сознаніе приносимой обществу пользы. Подвига здѣсь для человѣка развитаго и честнаго—нѣтъ, конечно, но при такой постановкѣ дѣла, онъ можетъ быть полонъ самой чистой радости и надеждъ на будущее: онъ можетъ при благопріятныхъ условіяхъ надѣяться, что черезъ какіе-нибудь 10—20 лѣтъ дружной работы, страна сдѣлаетъ огромный шагъ впередъ и начнетъ новую жизнь; что число гимназій и высшихъ учебныхъ заведеній можетъ удесятериться, и что изъ нихъ могутъ выходить не чиновники только и дѣльцы различныхъ наименованій, занимающіеся объегориваніемъ народа, а люди полезнаго труда, возвращающіеся къ народу и помогающіе ему лучше устроить свою жизнь; что промышленность можетъ совершенно переорганизоваться и сдѣлать очень быстрые успѣхи и т. д., и т. д. Словомъ, отсюда открывается для многихъ цѣлая свѣтлая полоса надеждъ и мечтаній о будущемъ, мечтаній вовсе не несбыточныхъ, а осуществимыхъ, которыя осуществятся тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе и дружнѣе мы примемся за работу, чѣмъ скорѣе и глубже сознаемъ, что оставлять народъ во мракѣ нельзя, что это просто невыгодно для государства, чему въ исторіи античныхъ государствъ имѣется не мало примѣровъ, и чѣмъ скорѣе и искреннѣе начнемъ смотрѣть на служеніе свое народу, какъ на прямой свой долгъ и лучшее назначеніе на землѣ. Тогда, вѣроятно, и пьянства будетъ гораздо меньше, какъ въ народѣ, такъ и въ культурной средѣ, хотя вина, можетъ быть, будетъ

Digitized by Google

потребляться и больше. Европа, съ ея капиталистическимъ строемъ и крайностями нищеты, можетъ давать развѣ только слабый примѣръ этого. Можетъ быть, современемъ вино и совсѣмъ выйдетъ изъ употребленія, нетолько какъ средство забвенія горя и источникъ радостей (несомнѣнно низшихъ и искуственныхъ), но и какъ пища. Горя на землѣ должно быть все меньше и меньше, можетъ быть, когда-нибудь и совсѣмъ его не будетъ; высшія и естественныя радости могутъ вытѣснять радости низшія и искуственныя; а взамѣнъ вина, какъ пищи, можетъ быть, будетъ изобрѣтено какое-нибудь лучшее соотвѣтственное средство, но еслибы человѣческая изобрѣтательность и ничего въ этомъ направленіи не сдѣлала, то бѣды въ этомъ особой, конечно, нѣтъ. Это, впрочемъ, все вопросы будущаго и притомъ вопросы второстепенные, гадать надъ которыми, въ виду прямыхъ задачъ и цѣлей, не стоитъ. Народное образованіе и безъ того нужно, и не для этого главнымъ образомъ нужно; а сдѣлать для него можно очень многое, лишь бы только было желаніе. Мы хотимъ сообщить изъ дѣятельности по народному образованію одинъ отрадный фактъ, который тѣмъ рѣзче выдѣляется, чѣмъ окружающій его фонъ сѣрѣе. Мы говоримъ о петербургскихъ начальныхъ городскихъ училищахъ, которыя поставлены весьма недурно, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ педагогическомъ отношеніи. Такихъ начальныхъ школъ, конечно, въ остальной Россіи нѣтъ. Потому-то мы и хотимъ познакомить съ ними читателя.

Дѣятельность города по народному образованію началась собственно только съ 1877 года [1], когда въ августѣ мѣсяцѣ вновь образованная училищная комиссія приняла отъ министерства народнаго просвѣщенія 16 одноклассныхъ училищъ (14 женскихъ и 2 мужскихъ). Первыя пять лѣтъ дѣятельности думы новаго состава прошли для народнаго образованія почти безплодно «по независящимъ отъ Думы обстоятельствамъ». Заключались эти обстоятельства въ невозможности дѣйствовать самостоятельно. Вотъ какъ объясняется это въ докладѣ думской комиссіи: еще 20 лѣтъ тому назадъ, въ 1864 году, прежняя Общая Дума возбудила вопросъ о передачѣ ей народныхъ училищъ въ столицѣ не болѣе, какъ въ хозяйственное завѣдываніе, чтобы не ограничиваться только ролью казначея (дума вносила до 1873 г. 33 т. р. въ годъ въ кассу министерства нар. просв.). Затѣмъ, въ 1871—2 г., въ виду недостаточности 16 школъ на всю столицу, она ходатайствовала объ увеличеніи ихъ числа; но

[1] Фактическими данными объ училищахъ мы пользуемся изъ училищныхъ отчетовъ 1881—2 и 1882—3 годовъ, читанныхъ въ Думѣ, и изъ доклада комиссіи, составившей очеркъ перваго десятилѣтія с.-петербургскаго городскаго общественнаго управленія—«Десять лѣтъ с.-петербургскаго город. общ. упр. 1873—1883 г.».

Digitized by Google

только въ 1874 г., уже при думѣ новаго состава, было разрѣшено городскимъ обществамъ открывать городскія училища, причемъ, однако, постановлено было такое ограниченіе, что открытіе училищъ могло происходить только съ разрѣшенія инспектора казенныхъ народныхъ училищъ и съ согласія предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта. Отъ ограниченія этого петербургское городское управленіе было освобождено, благодаря городовому положенію, которое признаетъ Петербургъ уѣздною земскою единицею и даетъ ему право имѣть свой училищный совѣтъ, съ предсѣдателемъ, въ лицѣ городского головы, и съ участіемъ думы, выбирающей туда двухъ своихъ членовъ. Однако, объ утвержденіи такихъ правъ нужно было предварительно еще ходатайствовать, и въ этихъ хлопотахъ прошло не мало времени. Ходатайство объ учрежденіи городского училищнаго совѣта и о разрѣшеніи думѣ открыть новыхъ 32 народныхъ училища было представлено въ 1874 году. Тогда, въ 1875 г., прежде нежели послѣдовалъ отвѣтъ на это ходатайство, министерство народнаго просвѣщенія передало на обсужденіе думы вопросъ о введеніи въ Петербургѣ обязательнаго обученія. Дума нашла рѣшеніе этого вопроса, при тогдашнемъ наличномъ числѣ школъ, преждевременнымъ. Для введенія обязательнаго обученія, говоритъ комиссія, «какъ оказывается по вычисленіямъ послѣдняго времени, необходимо было бы для того вѣдомства, которое обязываетъ, предварительно обязаться самому открыть до 300 народныхъ училищъ» [1]. Вопросъ поэтому, въ видахъ теоретической разработки его на будущее время, былъ переданъ въ особую комиссію, а дума въ октябрѣ 1875 г. повторила свое ходатайство объ училищномъ совѣтѣ и о разрѣшеніи ей открыть 32 училища. Утвержденіе совѣта послѣдовало 28-го декабря 1876 года; въ іюлѣ 1877 года совѣтъ открылъ свои дѣйствія, а въ августѣ вновь образованная училищная комиссія приняла городскія училища отъ министерства. Три изъ этихъ училищъ «вовсе не имѣли помѣщеній, а изъ остальныхъ тринадцати только одно удовлетворяло гигіеническимъ и школьнымъ условіямъ» (id.); поэтому 12 училищъ пришлось сейчасъ же перевести въ новыя квартиры, снабдивъ ихъ новою школьною мебелью. Если припомнить, что среди училищъ были открытыя еще при императрицѣ Екатеринѣ II, то не трудно видѣть, что для начальнаго народнаго образованія въ Петербургѣ было сдѣлано не особенно много. Все это необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ того, что сдѣлано городомъ въ теченіи столь небольшого періода времени.

Въ теченіи первыхъ четырехъ лѣтъ (1877—80 гг.) число городскихъ училищъ возросло съ 16 до 88; въ 1881—2 гг. съ 88 до 128 и на 1883 г. было проэктировано къ открытію 25, а на

[1] «Десять лѣтъ с.-петерб. гор. общ. упр.» и т. д., стр. 47.

Digitized by Google

самомъ дѣлѣ открыто новыхъ 28 школъ, такъ что всего теперь 156 школъ. Кромѣ того, недавно постановлено открыть еще двѣ школы въ память Тургенева. Къ началу 1883 г. въ 128 училищахъ училось 3,759 мальчиковъ и 2,151 дѣвочка, всего 5,910 человѣкъ; а на годичномъ актѣ, происходившемъ 8 го сентября въ залѣ городской думы, въ присутствіи гласныхъ, учащихъ, родителей и публики, можно было видѣть болѣе 800 чел. дѣтей, окончившихъ въ этомъ году курсъ. Въ первый годъ своего существованія дума новаго состава израсходовала на школьное дѣло 52,000 р., въ 1881 г.—258 000 р., въ 1882 г.—325,000 р. и на 1883 г. было ассигновано 340,000 р. Это составляетъ, говоритъ комиссія, «болѣе 1/10 всего бюджета городскихъ расходовъ, которыми дума распоряжается самостоятельно». Но, несмотря на замѣтное увеличеніе числа школъ, читаемъ мы далѣе, число дѣтей, получающихъ отказы на пріемъ въ училища, нетолько, однако, *не уменьшается*, но какъ будто бы даже *возростаетъ*. Такое явленіе комиссія объясняетъ: «и вліяніемъ воинской повинности, и дешевизною городскихъ училищъ (2 рубля въ годъ), а также и лучшимъ ихъ устройствомъ, внѣшнимъ и внутреннимъ, сравнительно съ частными заведеніями подобнаго же рода»; но не подлежитъ также сомнѣнію, что здѣсь не остался безъ вліянія и «толчокъ, данный народному образованію массою новыхъ городскихъ училищъ, распространивъ во всѣхъ классахъ общества убѣжденіе въ необходимости обученія дѣтей» (id., ст. 48). Дума сознаетъ, что имѣющагося количества школъ мало для удовлетворенія всего петербургскаго «школьнаго голода», но считаетъ невозможнымъ въ настоящую минуту достигнуть сразу нормальнаго числа школъ «по недостатку средствъ». Въ прошломъ учебномъ году, за недостаткомъ мѣста, было отказано въ пріемѣ около 1,270 человѣкъ дѣтей; въ нынѣшнемъ — 1,007 (495 мальчикамъ и 512 дѣвочкамъ). Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ послѣднемъ отчетѣ училищной комиссіи: «Эта тысяча, получивъ отказъ въ пріемѣ по недостатку мѣста, вѣроятно, передала объ этомъ вѣсть другимъ бѣднякамъ, желающимъ учиться; вотъ и оказывается, что, можетъ быть, не одну тысячу дѣтей мы отогнали отъ дверей школы, потому что, какъ намъ уже извѣстно, по собраннымъ нами статистическимъ свѣденіямъ, въ Петербургѣ находится 13,824 дѣтей, отъ 7 до 12 лѣтъ, неграматныхъ и нигдѣ не учащихся; для нихъ нужно еще, по крайней мѣрѣ, 240 школъ. Слѣдственно, если присоединить къ этому числу 156 уже существующихъ у насъ училищъ, то окажется, что для удовлетворенія потребности неграматныхъ дѣтей Петербурга нужно всего около 400 начальныхъ училищъ» [1]. Нужно замѣтить, что въ петербургской

[1] «Краткій отчетъ о состояніи начальныхъ городскихъ училищъ въ 1882—1883 гг.», стр. 3.

Digitized by Google

думѣ вовсе не всѣ гласные являются безусловными сторонниками большихъ расходовъ на народное образованіе; нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, М. И. Михельсонъ (бывшій инспекторъ спб. учебнаго округа) рекомендуетъ постепенность въ открытіи новыхъ школъ и совѣтуетъ ограничиваться ежегодно меньшимъ ихъ числомъ (открывать, напримѣръ, вмѣсто 20 школъ 10 и т. п.); но большинство гласныхъ, къ чести думы, высказываются постоянно несогласно съ г. Михельсономъ и не отказываютъ въ ассигновкѣ суммъ на новыя школы. Эти суммы не всѣ, впрочемъ, идутъ собственно на народныя школы. Такъ, напримѣръ, изъ 340,000 1883 года на начальныя училища идетъ 250,000, а остальныя 90,000 расходуются на стипендіи и пособія различнымъ учебнымъ вѣдомствамъ: вносится, напримѣръ, 25,000 руб. ежегодно на содержаніе городскихъ пансіонеровъ въ ремесленномъ училищѣ цесаревича Николая, и т. п. Хотя для ремесленнаго образованія и очень немного пока еще сдѣлано, но вниманіе на него уже обращено. Такъ, въ 1880 г., въ память исполнившагося двадцатипятилѣтія прошлаго царствованія, дума постановила учредить городскія учебныя мастерскія. Пока открыты только двѣ такія мастерскія, съ повторительнымъ курсомъ начальныхъ городскихъ училищъ: женская, для обученія шитью бѣлья и рукодѣльямъ, и мужская, для обученія сапожному и портняжному мастерству. Въ каждой изъ нихъ помѣщается до 30 учащихся. Кромѣ того, дума содержитъ 30 городскихъ ученицъ въ профессіональной школѣ г-жи Коробовой для обученія дамскому шитью. На ремесленное образованіе въ 1883 г. было ассигновано 11,400 рублей.

Посмотримъ теперь на внутреннее устройство городскихъ училищъ. Помѣщаются училища въ наемныхъ квартирахъ. Тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ пришлось видѣть, достаточно обширны, свѣтлы, снабжены хорошею вентиляціей и содержатся очень чисто. Въ нихъ отъ 4 до 7 комнатъ, изъ которыхъ самыя большія отведены подъ классное помѣщеніе и рекреацію во время перемѣнъ; а въ остальныхъ помѣщаются учителя или учительницы. Среднимъ числомъ на каждое училище городъ ассигнуетъ: 600 р. на наемъ квартиры, 120 руб. на отопленіе, 120 руб. на наемъ прислуги, 100 руб. на учебныя принадлежности и библіотеку, 100 руб. на ремонтъ мебели, 50 р. на мелкія расходы (полотеръ, дворникъ и пр.) и 600 руб. на жалованье учителю [1]. Но есть квартиры и дороже 600 руб. За нѣкоторыя платится болѣе 1,000 р. Это смотря по мѣстности. Конечно, отъ нѣкоторыхъ училищъ можно было бы желать бо́льшаго: чтобы комнаты были болѣе высоки, а самыя училища помѣщались ниже, не въ са-

[1] «Вопросъ о нач. гор. училищахъ въ С.-Петерб. город. думѣ». Спб. 1882. стр. 5.

*

Digitized by Google

момъ верхнемъ этажѣ, чтобы ученики ходили въ училище не по черной, иногда очень дурно содержимой лѣстницѣ, а по парадной, и т. п., но это частности, встрѣчающіяся во всякомъ дѣлѣ и вполнѣ устранимыя. Училища снабжены простою, но опрятною и довольно удобною классною мебелью и разными учебными принадлежностями и пособіями. Гласные, дѣятельно занимающіеся школами, мечтаютъ о постройкѣ городомъ собственнаго зданія для центральнаго образцоваго городского училища въ такой мѣстности, гдѣ густота населенія дала бы возможность соединить отъ 150 до 200 учениковъ, или на окраинахъ города, гдѣ было бы не трудно пріобрѣсти или арендовать небольшой домъ, съ цѣлью вполнѣ приспособить его къ школьному дѣлу; но мысль объ этомъ пока встрѣчала препятствіе въ недостаткѣ средствъ. Дума предпочитала скорѣе удовлетворять «школьному голоду», увеличивая число школъ, хотя бы и въ наемныхъ квартирахъ, чѣмъ затрачивать большую сумму на одну школу. Нормальное число учащихся для каждой школы опредѣлено въ 40 человѣкъ, но на практикѣ, вслѣдствіе наплыва желающихся учиться, число это обыкновенно больше и доходитъ до 50, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, въ 4-мъ спасскомъ училищѣ для мальчиковъ даже до 75 человѣкъ. Спасское училище, по причинѣ дороговизны квартиры въ этой мѣстности, единственное для центральной части Невскаго проспекта, «а между тѣмъ учительница, по словамъ отчета, не въ состояніи была отказать просившимъ». Ей даже пришлось для этого «устроить занятія такъ, что сперва занималось одно младшее отдѣленіе, которое потомъ отпускалось домой и замѣнялось среднимъ и старшимъ отдѣленіями; при чемъ разумѣется, приходилось увеличивать и число учебныхъ часовъ». Тоже самое было и въ 3 рождественскомъ и 4 выборгскомъ мужскихъ училищахъ. Санитарный и врачебный надзоръ надъ дѣтьми организованъ подъ руководствомъ особой комиссіи, во главѣ которой стоитъ С. П. Боткинъ. Комиссія эта состояла въ прошломъ учебномъ году изъ 11 женщинъ врачей. При такомъ составѣ ея, получалась возможность посѣщать училища и осматривать дѣтей не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. Сверхъ того, врачи посѣщали больныхъ дѣтей на дому, снабжая ихъ, въ случаѣ надобности, лекарствами на городской счетъ. О каждомъ заболѣвшемъ ученикѣ учительницы немедленно же извѣщали своего ближайшаго училищнаго врача и степень заразительности болѣзни опредѣлялась немедленно же. Благодаря этимъ мѣрамъ, несмотря на сильное развитіе въ городѣ эпидемій (скарлатины и дефтерита) и на крайне неблагопріятныя условія, при которыхъ живетъ въ семействахъ большинство учениковъ, «ни въ одной изъ школъ не дано было возможности развиться этимъ страшнымъ болѣзнямъ». Больныхъ дифтеритомъ въ теченіи прошлаго учебнаго года было всего 107

Digitized by Google

и скарлатиною 93; ученье, за исключеніемъ 3 школъ (гдѣ занятія прекращались на 1 или 2 недѣли), не прерывалось, и усиленный надзоръ этотъ, вмѣстѣ съ лекарствами, стоилъ городу 50 к., даже «менѣе 50 к. въ годъ на каждаго учащагося». (Отчетъ стр. 7) За учебною частью до сихъ поръ надзирали два особыхъ инспектора, которыхъ городъ называетъ «экспертами по учебной части», съ жалованьемъ по 2,000 р. Должности эти занимали А. Я. Гердъ и І. И. Паульсонъ. Съ нынѣшняго же года къ нимъ присоединился еще третій экспертъ — г. Семеновъ. — Составъ учителей и учительницъ былъ въ прошломъ году слѣдующій: законоучителей 48, учителей 26, учительницъ 102, запасныхъ учительницъ 2, отдѣльныхъ учителей пѣнія 13 и учительницъ 3. Всѣ учащіе получили образованіе въ высшихъ педагогическихъ курсахъ, въ учительскихъ семинаріяхъ и учительскомъ институтѣ, въ гимназіяхъ и въ институтахъ педагогическомъ и технологическомъ. Желающихъ занять мѣсто учителей и учительницъ, благодаря тому, что они поставлены довольно независимо, очень много. Послѣдній отчетъ не упоминаетъ о числѣ имѣвшихся въ послѣднемъ учебномъ году кандидатовъ на вакансіи учащихъ, но въ 1881—2 году таковыхъ было 123 (мужчинъ 35 и женщинъ 88), при чемъ *всѣ они* имѣли *спеціальное педагогическое образованіе и практическую дѣятельность въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ*. Вслѣдствіе такого наплыва желающихъ, спеціальное педагогическое образованіе становится теперь даже на степень условія, чтобы быть записаннымъ въ число кандидатовъ; такъ напримѣръ, отъ женщинъ требуется окончаніе педагогическихъ курсовъ, и т. п. Если положеніе учащихъ не особенно блестяще въ матеріальномъ отношеніи [1], что, можетъ быть, и къ лучшему, такъ какъ на мѣста эти поступаютъ не искатели хорошихъ окладовъ, а люди, преданные дѣлу, то за то въ отношеніи предоставленной имъ независимости положенія (какъ въ отношеніи личномъ, такъ и учебномъ и хозяйственномъ) и того не чиновничьяго вовсе, а человѣческаго отношенія и вниманія къ нимъ со стороны училищной комиссіи и думы, очень хорошо. До сихъ поръ, по край-

[1] Петербургская дума возбудила и передала на разсмотрѣніе училищной комиссіи вопросъ о *прогрессивномъ* увеличеніи жалованья учащимъ. Комиссія предположила слѣдующее: каждому учащему, прослужившему въ училищѣ пять лѣтъ, прибавлять къ 600 руб. по 150 р. въ годъ; по истеченіи вторыхъ пяти лѣтъ прибавлять еще по 100 р. и третьихъ пяти лѣтъ тоже по 100 р. въ годъ, такъ, чтобы содержаніе учащаго, послѣ 15-ти лѣтъ его службы городу, достигало 950 р. Докладъ комиссіи по этому вопросу не получилъ еще окончательнаго рѣшенія думы. Очень было бы желательно, чтобы одновременно съ этимъ вопросомъ былъ разработанъ и вопросъ о пенсіяхъ для престарѣлыхъ и потерявшихъ на службѣ здоровье учителей и учительницъ.

Digitized by Google

ней мѣрѣ, не было ни подсматриваній за школами, ни внезапныхъ начальственныхъ налетовъ съ свирѣпымъ видомъ и выпученными глазами, ни заглядываній въ чужую душу, чтобы справиться тамъ на счотъ сокровенныхъ убѣжденій, и т. п. И чѣмъ дума будетъ крѣпче держаться этого пути, тѣмъ, разумѣется, будутъ лучше и отношенія между нею и учащими и тѣмъ лучше будетъ идти самое дѣло. А идетъ оно пока весьма не дурно. Намъ пришлось побывать въ нынѣшнемъ году въ нѣсколькихъ школахъ на экзаменахъ, и встрѣченные нами результаты положительно превзошли ожиданія. Дѣти отвѣчали свободно и бойко, а размѣромъ познаній и сообразительности нисколько не уступали, если только не превосходили дѣтей привилегированныхъ учебныхъ заведеній и тѣхъ, которыхъ мы обучаемъ дома, затрачивая на обученіе огромныя суммы. Я не пошелъ въ школы, помѣщающіяся въ центрѣ города, въ школы «образцовыя» и въ тѣ, про которыя много говорятъ, какъ, напримѣръ, въ школу г. Санъ-Галли (у г. Санъ-Галли все образцово, начиная съ рабочей колоніи, о которой всѣ пріѣзжающіе изъ Москвы могутъ читать огромную вывѣску, и кончая школою, одинъ внѣшній видъ которой уже говоритъ о великолѣпіи), а пошелъ нарочно въ школы среднія, даже захолустныя, на которыя меньше обращено вниманія и которыя существуютъ не для показа, и вывелъ заключеніе по нимъ. Но результаты хорошаго веденія дѣла выразились и на выпускныхъ испытаніяхъ, которыя въ первый разъ въ нынѣшнемъ году были произведены публично, въ залахъ городской думы, такъ что гг. гласные лично могли съ ними ознакомиться. На эти испытанія явилось 549 мальчиковъ изъ 48-ми училищъ и 240 дѣвочекъ изъ 28-ми училищъ и изъ нихъ выдержало экзаменъ 542 мальчика и 237 дѣвочекъ, т. е. 779 дѣтей изъ 789. А всего, съ городскими воскресными школами (гдѣ выдержали окончательный экзаменъ 20 лицъ мужского пола и три женскаго) выдержали испытанія изъ 812 экзаменовавшихся 802 лица, которымъ и были выданы свидѣтельства объ окончаніи курса. Результатъ положительно блестящій, и училищная комиссія имѣла полное право сказать въ отчетѣ, что «въ истекшемъ году дѣло велось такъ, какъ только могутъ вести его лица, горячо ему преданныя и обладающія спеціальною для этого подготовкою» (стр. 4 я). Спрашивается, чему же мы больше всего обязаны подобными результатами? Въ школу поступаютъ дѣти по большей части неграматными, поступаютъ преимущественно дѣти бѣдняковъ, которымъ некогда и не на что ихъ учить.

Отвѣчая на поставленный вопросъ, мы, не сомнѣваясь, скажемъ, что школа прежде всего и больше всего обязана своимъ успѣхомъ тому, что въ ней вольно дышется, какъ учащимъ, такъ и учащимся, что нѣтъ въ ней того мертвящаго канцеляризма

Digitized by Google

и рутины, которыя губятъ всякое живое дѣло, что основана она не на страхѣ и ежовыхъ рукавицахъ, а на возбужденіи въ учащихся любви къ дѣлу, что преслѣдуетъ она цѣли человѣческаго воспитанія, безъ всякой примѣси къ нимъ какихъ-нибудь сторонннихъ цѣлей, которыя сплошь и рядомъ встрѣчаются въ другихъ школахъ. Въ городскихъ школахъ не ставится отмѣтокъ, не возбуждается въ ученикахъ взаимной зависти, дѣтская личность не подавляется. Вы видите передъ собою не забитыхъ и блѣдныхъ отъ страха дѣтей, а лица спокойныя и веселыя; вы видите между учащими и учащимися взаимную симпатію. И замѣчательно при этомъ, что не слышно жалобъ на лѣнь, непочтеніе и прочіе школьные грѣхи, на которые столь часто жалуются педагоги. Заслужить симпатію учениковъ, хотя и очень трудно, но очень важно. Это, какъ намъ кажется, есть лучшее мѣрило для самого учащаго и лучшій залогъ успѣха дѣла.

Дѣятельность учителей и учительницъ, кромѣ обученія дѣтей, выражается еще въ ихъ собраніяхъ, гдѣ обсуждаются и разрабатываются различные вопросы, касающіеся учебнаго дѣла. Въ прошедшемъ году такихъ собраній было девять, а главными вопросами, подлежавшими обсужденію, были: о повѣрочныхъ испытаніяхъ, о болѣе правильной организаціи воскресныхъ школъ [1], о предметныхъ урокахъ, о школьной библіотекѣ, о воспитательномъ значеніи начальной школы и т. п. Такъ какъ начальныя городскія училища трехклассныя, то, въ виду трудности для учащихъ заниматься одновременно съ тремя разными отдѣленіями, въ прошломъ учебномъ году рѣшено было произвести

---

[1] Кромѣ начальныхъ училищъ въ Петербургѣ существуютъ еще городскія воскресныя школы, которыя идутъ, однако, не совсѣмъ удовлетворительно. «Число ихъ—читаемъ мы въ отчетѣ—не только не увеличивается, но даже и въ существующихъ 8 школахъ число учащихся уменьшается. Такъ въ прошломъ году учащихся было 345, въ настоящемъ 261, да и тѣ ходятъ въ школы неаккуратно» (5): Училищная коммисія не махнула, впрочемъ, на нихъ рукой и образовала для разсмотрѣнія вопросъ о нихъ особую комиссію. Въ комиссію эту вошли: учителя и учительницы воскресныхъ городскихъ школъ и нѣкоторые учителя министерства народн. просв., а въ работахъ ея приняли участіе нѣкоторые члены училищной комиссіи, одинъ изъ ея экспертовъ, инспекторъ народныхъ училищъ и педагоги—Н. Ѳ. Рашевскій, В. Я. Стоюнинъ и А. Н. Страннолюбскій. Комиссія эта признала полезнымъ учрежденіе воскресныхъ школъ трехъ типовъ: 1) для неграматныхъ совсѣмъ, для обученія ихъ граматѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (школы параллельныя младшему отдѣленію городскихъ училищъ); 2) для умѣющихъ читать и писать съ курсомъ начальныхъ школъ (средняго и старшаго отдѣленій) и 3) повторительная школа для окончившихъ курсъ начальныхъ училищъ. Можетъ быть, при такомъ устройствѣ воскресныхъ школъ, онѣ и пойдутъ успѣшнѣе; но всего вѣроятнѣе, что причина неуспѣха лежитъ не въ устройствѣ школъ, а въ невозможности 6 дней работать, а 7 учиться.

Digitized by Google

въ 103 училищахъ преобразованіе, а именно—преобразовать ихъ въ училища съ двумя отдѣленіями. Училища, попрежнему, останутся трехклассными и курсъ въ нихъ трехгодичнымъ, но отдѣленія въ нихъ будутъ чередоваться такимъ образомъ: младшее и старшее—одинъ годъ, младшее и среднее—другой, среднее и старшее—третій и т. д., а въ другихъ училищахъ въ иномъ порядкѣ послѣдовательности. Чтобы достигнуть болѣе согласной дѣятельности между учащими и облегчить имъ первый приступъ къ занятіямъ съ двумя отдѣленіями, г. І. И. Паульсонъ въ январѣ настоящаго года имѣлъ рядъ бесѣдъ «о методикѣ начальныхъ учебныхъ предметовъ и объ организаціи элементарной школы». Бесѣды эти происходили въ педагогическомъ музеѣ Соляного городка. Затѣмъ, такъ какъ въ обученіе, предлагаемое начальной школой, кромѣ закона Божія, граматы родного языка и ариѳметики, входятъ еще предметные уроки, цѣль которыхъ — передать дѣтямъ нѣкоторыя реальныя знанія и ознакомить ихъ съ окружающимъ ихъ міромъ, то другой экспертъ училищной комиссіи, А. Я. Гердъ, подробно изложилъ методику и программу предметныхъ уроковъ въ примѣненіи къ начальной школѣ и далъ въ присутствіи учащихъ «цѣлый рядъ образцовыхъ уроковъ, указавъ на всѣ самостоятельныя наблюденія, опыты и работы, которые слѣдуетъ вести въ школѣ въ связи съ такими уроками». Затѣмъ, на одномъ изъ собраній учителей и учительницъ былъ поднятъ вопросъ о библіотекѣ для дѣтей, обучающихся въ начальной школѣ. Каждому училищу, какъ сказано выше, Дума отпускаетъ ежегодно 100 р. на учебныя пособія. Но такъ какъ учебныя пособія выдаются безплатно только очень бѣднымъ ученикамъ, то бо́льшая часть этихъ денегъ, особенно въ школахъ старыхъ, уже успѣвшихъ обставиться всѣми необходимыми классными пособіями, шла на покупку книгъ для чтенія дѣтямъ въ свободное время, причемъ многіе изъ учащихъ затруднялись въ выборѣ книгъ и нерѣдко пріобрѣтали для училищныхъ библіотекъ изданія слишкомъ дорогія, недоступныя для дѣтскаго пониманія или по какимъ-либо другимъ причинамъ непригодныя къ употребленію. Въ виду этого, собраніе учащихъ признало полезнымъ образовать изъ своей среды особую комиссію, которая занялась бы просмотромъ существующихъ въ продажѣ дѣтскихъ изданій и составила бы списокъ книгъ, доступныхъ и полезныхъ для дѣтей начальной школы, а также постоянно слѣдила бы за вновь выходящими книгами. На первый разъ, въ результатѣ работъ этой комиссіи, выбиравшей пока книги только по рецензіямъ различныхъ педагогическихъ журналовъ, получился списокъ болѣе 200 названій книгъ. Списокъ этотъ, по распоряженію училищной комиссіи, напечатанъ. Затѣмъ, библіотечная комиссія приступитъ къ самостоятельному разбору всѣхъ означенныхъ сочиненій и будетъ по-

Digitized by Google

степенно пополнять списокъ вновь выходящими книгами, издавая «отъ времени до времени все болѣе и болѣе полные каталоги, съ рецензіями и необходимыми указаніями». Значеніе классныхъ библіотекъ чрезвычайно важно, въ виду развитія дѣтей и пріохоченія ихъ къ чтенію, чтобы они потомъ не забывали грамату, какъ это нерѣдко случается. Въ Америкѣ, гдѣ сдѣланы огромные успѣхи въ дѣлѣ народнаго образованія и гдѣ начальная школа такъ же, какъ и у насъ, трехклассная, это давно уже сознано. Тамъ чтенію книгъ отведено очень важное мѣсто и отдается чуть ли не половина всего класснаго времени. Чтеніе начинается одновременно съ обученіемъ грамотѣ. Въ первомъ классѣ для этого отводится десять часовъ въ недѣлю. Учителя и учительницы читаютъ разные интересные разсказы и отрывки изъ книгъ, заинтересовывая дѣтей и показывая имъ, для чего ихъ учатъ скучнымъ буквамъ и складамъ. Во второмъ классѣ на чтеніе отводится восемь часовъ въ недѣлю и въ третьемъ, когда ученики уже сами читаютъ вслухъ, семь часовъ. Такимъ образомъ въ дѣтяхъ образуется привычка къ чтенію, съ которою потомъ имъ уже трудно бываетъ разстаться. Словомъ, классныя библіотеки могутъ имѣть въ дѣлѣ народнаго образованія очень большую роль и устроить ихъ какъ слѣдуетъ очень полезно. Что касается до самихъ петербургскихъ учителей и учительницъ, то для нихъ существуетъ особая библіотека при училищной комиссіи, изъ которой въ теченіи прошлаго года пользовались 99 человѣкъ, причемъ имъ было выдано 2,567 книгъ.

Обращено было вниманіе въ засѣданіяхъ учителей и учительницъ и на воспитательную сторону школьнаго дѣла (въ этомъ направленіи было внесено три реферата)—сторону весьма важную. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что гг. учащимъ приходится имѣть дѣло съ дѣтьми очень испорченными, а между тѣмъ ихъ вліяніе на нихъ въ теченіе однихъ только учебныхъ часовъ можетъ быть лишь очень ограниченнымъ. Поэтому невольно являются вопросы и о детальной разработкѣ средствъ и пріемовъ воспитанія въ начальной школѣ, и объ «исправительной школѣ», вопросъ о которой тѣсно вяжется съ вопросомъ объ интернатахъ. А устройство нѣсколькихъ интернатовъ было бы весьма полезно и не для однѣхъ только исправительныхъ цѣлей, но и для цѣлей предупредительныхъ и просто для того, чтобы дать бѣднымъ дѣтямъ, которыхъ такъ много, возможность жить и учиться. До сихъ поръ дума только освобождала бѣдныхъ дѣтей отъ платы (что, конечно, существенно не могло ихъ облегчать, такъ какъ 2 р. въ годъ и для бѣднаго человѣка не особенно большая сумма) и отчасти помогала имъ платьемъ, обувью и т. п. Кромѣ того, на помощь ей пришло учрежденное въ 1881 г. особое «Общество для пособія бѣднымъ учащимся въ городскихъ училищахъ»;

Digitized by Google

но средства этого общества и помощь, оказываемая имъ, такъ незначительна, что вопросъ остается открытымъ. Имѣя къ началу 1882 г. 344 члена и 10,000 р. капитала, оно выдало въ этомъ году только на 896 р. пособій (не считая пожертвованныхъ, впрочемъ, вещей). Въ настоящемъ году училищная комиссія освободила отъ платы 455 дѣтей и снабдила ихъ пособіями на сумму 1178 р; а «Общество» выдало на одежду и обувь 267 учащимся 1758 р. Повидимому «Общество» думало уже въ указываемомъ направленіи; оно даже положило уже нѣкоторое основаніе устройству квартиръ для безпріютныхъ дѣтей, обучающихся въ начальной школѣ. На этотъ предметъ былъ собранъ капиталъ въ 5,400 р.; но такъ какъ на проценты съ такого капитала трудно было приступить къ устройству задуманнаго дѣла, то пока устроили только 4 мальчиковъ и 4 дѣвочекъ, трудъ воспитанія которыхъ приняли на себя безвозмездно учительницы В. Н. Кобыльская и Е. П. Рѣпина, къ которымъ ихъ помѣстили (отчетъ, стр. 6). Но всего этого, какъ понятно, очень мало. Чтобы дать нѣкоторое представленіе о томъ, въ какой нуждѣ находятся нѣкоторыя изъ дѣтей въ ихъ семьяхъ, мы позволимъ привести нѣсколько примѣровъ, которые имѣло передъ собою «Общество для пособія бѣднымъ дѣтямъ». Вотъ что писали въ «Общество» учительницы, ходатайствуя за учениковъ:

1) «Обращаюсь въ общество для пособія учащимся оказать помощь ученикамъ коломенскаго 5-го мужс. гор. училища, Николаю и Александру, такъ какъ родители ихъ находятся въ крайней бѣдности. Отецъ, дворянинъ, числится на службѣ, но жалованья не получаетъ, находится въ послѣднемъ градусѣ чахотки, вслѣдствіе чего заработывать содержаніе для семьи не можетъ. Содержитъ всю семью жена его, заработывая поденно шитьемъ, но работу имѣетъ не ежедневно. Семья состоитъ изъ пяти человѣкъ, включая сюда трехъ дѣтей, изъ которыхъ двое приняты на городской счотъ въ 5-е коломенское муж. гор. училище. Въ началѣ учебнаго года оба ученика ходили въ училище въ старыхъ башмакахъ своей матери, надѣвая ихъ по очереди, такъ что, когда приходилъ въ училище одинъ братъ, другой оставался дома; съ наступленіемъ же холодовъ, обувь оказалась настолько неудовлетворительною, что посѣщать училище дѣти не могли, такъ какъ пальцы ногъ торчали изъ башмаковъ и дѣти рисковали потерять здоровье. Сверхъ того, не имѣя теплой верхней одежды, оба ученика ходили въ училище въ холодныхъ короткихъ пальто».

2) 4-го петербургскаго мужского училища: «Отецъ учащагося лежитъ уже второй годъ, разбитый параличомъ; мать, кромѣ этого сына, осталась еще съ четырьмя дѣтьми на рукахъ, малъ-мала-меньше, вслѣдствіе чего не можетъ взяться ни за какую работу. Василій, (имя ученика), мальчикъ, восьми лѣтъ, получилъ мѣсто при выдачѣ билетовъ на мытнинской пароходной приста и заработываетъ 10 руб. въ мѣсяцъ и, кромѣ этихъ грошей, доставляемыхъ семьѣ восьмилѣтнимъ работникомъ, они ничего не имѣютъ. Ребенокъ нуждается во всемъ: и въ одеждѣ, и въ обуви, а главное—въ обученіи, которо онъ лишился вотъ уже четвертый мѣсяцъ. Учиться онъ желаетъ силь и

Digitized by Google

плачетъ, что отсталъ отъ товарищей; еслибъ можно было платить семьѣ хоть сколько-нибудь, чтобъ только его не эксплуатировали за эти два года, то это было бы всего лучше. Въ крайнемъ случьѣ, даже и теплая одежда, крѣпкая обувь и т. д. будетъ для него благодѣяніемъ».

Затѣмъ слѣдуетъ: «Александра — дочь солдата. Отецъ ея столяръ, содержалъ семью, изъ жены и четырехъ дѣтей, работою, потомъ сошелъ съума»; «отецъ одной изъ учащихся служитъ писаремъ въ синодѣ, но заработокъ его весь удерживается въ уплату прежде сдѣланнаго долга; семья ужасно бѣдствуетъ. Зайдя къ нимъ, я застала ужасную сцену: умирающаго ребенка и всю семью въ слезахъ, безъ копейки денегъ» и т. д., и т. д., Ясное дѣло, что десятирублевыми пособіями тутъ не особенно много сдѣлаешь.

Но возвратимся къ городскимъ училищамъ и укажемъ на одинъ существенный пробѣлъ въ самой ихъ постановкѣ. Пробѣлъ этотъ касается главнымъ образомъ дѣтей уже кончающихъ въ нихъ курсъ, которыя выпускаются на всѣ четыре стороны и образованіе которыхъ такимъ образомъ въ большинствѣ случаевъ кончается. Низшая школа не должна быть отрѣзана отъ другихъ, среднихъ и высшихъ, какъ общеобразовательныхъ, такъ и профессіальныхъ учебныхъ заведеній, и должна быть приведена съ ними въ такую связь, чтобы ученики, по крайней мѣрѣ, наиболѣе даровитые, могли продолжать ученіе. Такимъ образомъ гибнетъ очень много полезныхъ силъ; мало того, такимъ образомъ самое дѣло народнаго образованія становится на неправильный путь, послѣдствія котораго мы можемъ видѣть, напр., въ Германіи, гдѣ, несмотря на обязательное обученіе, дѣло народнаго образованія не даетъ желательныхъ результатовъ и гдѣ является на сцену вопросъ объ «одичаніи». Ограничивая начальное обученіе только граматностью, которая одна еще очень немного даетъ человѣку и скоро забывается, нѣмцы отдѣлили народную школу отъ другихъ школъ не не умышленно вовсе, а въ силу соображеній той же самой скучной внутренней политики, которая проповѣдуетъ аристократизмъ знанія и желаетъ держать массу въ невѣжествѣ. Полагаемъ, что подражать этой политикѣ намъ не слѣдуетъ. Не лучше ли будетъ привести нашу школу въ прямую связь съ средними и высшими учебными заведеніями, въ особенности земледѣльческими и техническими, и направлять затѣмъ выходящихъ оттуда и вооружившихся знаніемъ людей въ жизнь, на помощь народу.

Позволю себѣ, въ заключеніе, привести новѣйшія данныя объ успѣхахъ народнаго образованія въ Америкѣ, которыя «Новое Время» (№ 2798) заимствуетъ изъ отчета M. Loizillan министру народнаго просвѣщенія. «Общественныхъ школъ въ этой странѣ 188,918; ихъ посѣщаютъ 9.729,189 учениковъ, въ нихъ препо-

Digitized by Google

дают 280,812 лицъ, изъ которыхъ большая часть—учительницы. Кромѣ того—тамъ существуютъ 220 учительскихъ семинарій съ 25,736 воспитанниками; 2,162 высшихъ школъ съ 196,499 учениками; 744 факультета съ 64,720 студентами и 227 высшихъ женскихъ курсовъ съ 19,442 слушательницами. Всѣ Штаты съ суммѣ расходуютъ на народное образованіе въ однѣхъ элементарныхъ школахъ 81.795,929 долларовъ, т. е. около 180 мил. кредитныхъ рублей».

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА

«ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ»

1883 г.

(По общей нумерации тома CCLXIX).

Ноябрь № 11.

стран.

БОЛОТНЫЙ ЦВѢТОКЪ. Повѣсть. **Максима Бѣлинскаго**. . . 5

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ. Гл. LVI—LIX. **А. Скабичевскаго**. 45

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ. I. Скорбный путь. Очеркъ **Д. Верга**.—II. Въ трактирѣ «Добрыхъ Друзей». Очеркъ **его же**.—III. Его послѣдній день. Очеркъ **его же**.—IV. Донъ Карлино. Разсказъ **К. Де-Марки**. 83

МОЛОДЕЖЬ ВЪ ЯМѢ. Очеркъ. **Каронина**. 115

ВТОРАЯ ПРАВДА. Изъ сибирской жизни. Разсказъ. **Г.** . . 141

КРѢПОСТНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ. **Ек. Лѣтковой**. . . . 157

МЕДВѢДИ. Разсказъ. **Всеволода Гаршина**. 199

*** (*Стихотвореніе*). **Д. Мережковскаго**. 214

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ. **Глѣба Успенскаго**. . . . 115

*** (*Стихотвореніе*). **Д. Мережковскаго**. 229

ПОШЕХОНСКІЕ РАЗСКАЗЫ. **Н. Щедрина**. 231

ВЪ ВАШИНГТОНѢ. Романъ **шистрисъ Франсесъ Годжсонъ-Бурнеттъ**. (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 129—176).

Декабрь № 12.

БОЛОТНЫЙ ЦВѢТОКЪ. Повѣсть. (*Окончаніе*). **Максима Бѣлинскаго**. 257

Digitized by Google

СТРАН.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ БЬЕРНСОНА. 295
ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ. Гл. LX—LXII. А. Скабичевскаго. 317
ГЛАДКІЯ ВЗЯТКИ. (Замѣтки, очерки и наблюденія). В. Кроткова. 353
ОТРѢЗАННЫЙ ЛОМОТЬ. (Разсказъ). И. Борскаго. . . . 379
ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА ВЪ ПИРИНЕЯХЪ. (Статья третья и послѣдняя. И. Лучицкаго. 415
ЛЕГКАЯ НАЖИВА. (Разсказъ). Каронина. 443
ГОРНЫЙ РУЧЕЙ. (*Стихотвореніе*). А. Яхонтова. 467
ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ. (*Окончаніе*). Г. Успенскаго. 471
ПОШЕХОНСКІЕ РАЗСКАЗЫ. Н. Щедрина. 491
ВЪ ВАШИНГТОНѢ. Романъ мистрисъ Франсесъ Годжсонъ-Бурнеттъ. (Приложеніе въ концѣ книги. *Окончаніе*).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Ноябрь № 11.

НѢКОТОРЫЯ ОСОБЕННОСТИ НАШИХЪ ПОЗЕМЕЛЬНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ. Я. Абрамова. 1
ВЛАДѢЛЬЧЕСКАЯ НЕДОИМКА НА ЮГѢ РОССІИ. Гр. Шрейдера. 42
ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Окончаніе каникулъ.—Послѣдствія испанскаго происшествія.—Благоразуміе самыхъ рьяныхъ.—Патріотическая лига, эльзасцы и лотарингцы.—Кассаньякъ и прусская каска.—Улаженіе испанскаго затрудненія и перемѣна министерства въ Мадридѣ.—Вынужденная отставка военнаго министра.—Манифестъ и почетная шпага Тибодену.—Протестъ Ренэ и Клемансо.—Разрывъ между Греппо и крайней лѣвой. — Неосторожности президентскаго зятя. — Вильсонъ и объ Petites Frances. — Назначеніе Кампенона и Казиміра Перье.—Рѣчи Ферри въ Гаврѣ и Руанѣ.—Рѣчь Поля Бера въ Сент-Этьенѣ.—Нерѣшительность непримиримыхъ.—II. Возобновленіе сессіи палатъ. — Мирное открытіе чрезвычайной сессіи. — Установленіе очереднаго порядка въ обѣихъ палатахъ.—Проэкты нападенія радикальной лѣвой.—Эволюція Легилье и возобновленіе состава бюро республиканскаго союза.—Преданіе суду министерства, предло-

Digitized by Google

женное бонапартистами.—Министерское изложеніе тонкинскихъ дѣлъ.—Объясненіе Тони Ревильона въ Шароннѣ.—Слишкомъ живописныя повѣствованія Пьера Лоти. — Обнародованіе документовъ въ «Standard» и «Temps».—Запросъ Гранэ 30—31-го октября.—Рѣчи оппозиціи: Гранэ, Перенъ, Клемансо.—Отвѣты министровъ: Шальмель-Лакура, Ферри, генерала Кампенона.—Предложеніе всеобщаго мира.—Принятіе очереднаго порядка, съ заявленіемъ довѣрія.—Побѣда министерства.—III. Театръ, музка, литература.—«La famille d'Armell·s», Жана Морраса, въ Одеонѣ.—«Les Maucrois», Дельпи, въ Театрѣ французской комедіи.—«Les Affolés» Верона и Гондинэ въ Водевиллѣ.—«La Camarade» Жиля и Мельяка въ «Пале-Ройялѣ». — Опять Сарра Бернаръ.—Потоцкіе и Браницкіе въ кафешантанѣ.—Большая и малая Опера. — Новый теноръ.—Оперетка съ текстомъ Эркмана и Шатріана.—Викторъ Гюго и его Archipel de la Manche. — Новое изданіе Племянника Рамо. — Новый романъ изъ парижской жизни. **Людовика.** 67

ВОПРОСЫ ОБЩИННАГО БЫТА. **С. Южакова.** 94

НОВЫЯ КНИГИ. Пѣсни жизни. Омулевскаго. — Вопросъ о происхожденіи человѣка съ точки зрѣнія біологіи и этики. Н. Г. Дебольскаго. — Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губерніи. — Родъ князей Зацѣпиныхъ. А. Шардина. 119

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. **Посторонняго.** 128

О ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ. 149

Декабрь № 12.

ОДИНЪ ИЗЪ НОВЫХЪ НАШИХЪ ОПТИМИСТОВЪ. **Н. О. Лобачевскаго.** 169

ФИЛОСОФСКАЯ ИПОХОНДРІЯ. **А. Т—аго.** 192

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Внутренняя политика.—Выходъ въ отставку Шальмель-Лакура.—Ферри—министръ иностранныхъ дѣлъ и Фальеръ—народнаго просвѣщенія.—Возможныя перемѣны въ составѣ министерства; Гериссонъ и Рувье, Тираръ и Леонъ Сэ.—Утвержденіе сенатомъ закона о желѣзнодорожныхъ конвенціяхъ и обнародованіе этого закона.—Вмѣшательство Фрейсинэ, Толена, Бюффе.—Окончаніе обсужденія муниципальнаго закона для департаментовъ.—

Digitized by Google

Предложеніе Поля Бера и еще шагъ къ отдѣленію церкви отъ государства. — Исключительное положеніе Парижа; отвергнутыя предложенія Сигизмунда Лакруа и Анатоліи де-Ла-Ферри.—Новый сенскій префектъ и проэктъ о полиціи.—Несовмѣстимость отправленія нѣкоторыхъ должностей съ депутатскимъ полномочіемъ.—Законы о нездоровыхъ квартирахъ и обществахъ взаимнаго вспомоществованія.—II. Монархическія партіи.—Внѣшняя политика.—Вопросъ о принципахъ и устраненіе этого вопроса изъ парламента. — Покушеніе на жизнь президента совѣта. — Бездѣйствіе принцевъ и ироническое отношеніе къ нимъ правительства.—Роялистская брошюрка.—Неудача, постигшая реформистскій комитетъ Герве.—Письмо принца Виктора.—Характерныя избирательныя неудачи Вельша и Порталиса.—Обмѣнъ привѣтствій между президентомъ республики и новымъ испанскимъ посланникомъ во время путешествія коронпринца. — Патріотическое письмо Эмиля Олливье.—Требованіе новаго ассигнованія для тонкинской экспедиціи. — Комиссія Рибо. — Отсрочка правительственныхъ разъясненій.—III. Разныя извѣстія.—Театры.—Открытіе памятника Александру Дюма.—Возобновленіе Скрибовской комедіи «Bertrand et Raton» въ театрѣ «Французской Комедіи».—«Северо Торелли» Франсуа Коппэ на сценѣ «Одеона».—Итальянская опера. — Новая опера въ «François les bas-bleus».—Прощальный спектакль m-lle Фаргейль.—Возвращеніе Терезы и ея превращеніе. Людовика. . . . 213

НОВЫЯ КНИГИ. Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи. — Теорія денежнаго обращенія. Цѣна и цѣнность. Н. Н. Косовскаго. — Очерки первобытной экономической культуры. Н. И. Зибера. — Жаждущіе свѣта. М. И. Красова.—О нѣкоторыхъ явленіяхъ такъ называемаго животнаго магнетизма. Петра Спиро.—Афанасій Прокофьевичъ Щаповъ. Н. Я. Аристова.—Н. О. Лиховскій. Еврейскіе сулуэты. 233

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. Посторонняго. 256

ПО ПОВОДУ ВНУТРЕННИХЪ ВОПРОСОВЪ. 279

Digitized by Google